Русская старина

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

1912.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ,

ОСНОВАННОЕ 1-ГО ЯНВАРЯ 1870 г.

1912.

ЯНВАРЬ. — ФЕВРАЛЬ. — МАРТЪ.

СОРОКЪ ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СТО СОРОКЪ ДЕВЯТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. т-ва п. ф. «Электро-тип. Н. Я. Стойковой». Знаменская, 27.
1911.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XLIII-й. ЯНВАРЬ. 1912 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. **Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебнаго дѣятеля.** А. Ѳ. Кони. . . 3— 30

II. **Дневникъ статсъ-секретаря Григорія Ивановича Вилламова. 1807 г.** Сообщилъ Н. А. Вилламовъ. . . . . 31— 38

III. **Берлинскій Конгрессъ 1878 года.** (Дневникъ, веденный на мѣстѣ Д. Г. Анучинымъ). Сообщ. А. С. Анучина. . . . . 39— 58

IV. **Къ исторіи Отечественной войны 1812 года.** Послѣдняя попытка Наполеона начать мирные переговоры съ Императоромъ Александромъ во время занятія Москвы французскими войсками. К. Р. . 59— 61

V. **Дневникъ академика В. П. Безобразова.** 1886. Сообщ. М. В. Безобразова. . . . . 62— 67

VI. **Письма Г. Р. Державина къ Е. И. Горихвостовой.** П. П. Мордвинова. . . . . 68— 72

VII. **Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 г. г.** Е. А. Рагозиной. . . . 73— 86

VIII. **Николай Гавриловичъ Чернышевскій.** (Наброски по неизданнымъ матеріаламъ). А. А. Лебедева. 87— 95

IX. **Встрѣча съ И. А. Гончаровымъ.** В. Спасской. . . . . 96—104

X. **Встрѣчи и столкновенія.** (Л. Н. Толстой, С. П. Боткинъ, Н. Н. Пыпинъ). Р. И. Сементковскаго. 105—112

XI. **М. И. Драгомировъ, командующій войсками.** (Изъ отрывочныхъ воспоминаній). А. Е. К. . . . 113—121

XII. **Наполеонъ на островѣ св. Елены.** Сообщила В. Тимощукъ . . . . . 122—138

XIII. **Страницы изъ годовъ моей жизни.** Анатолія Егорова. . . . . 139—143

XIV. **Николай Михайловичъ Пржевальскій.** (Родился 31 марта 1839 г., умеръ 20 октября 1888 г.). П. Козлова. . . . . 144—159

XV. **Одиннадцать лѣтъ въ театрѣ.** (Изъ воспоминаній артистической жизни Ирины Ивановны Оннорé, бывшей пѣвицы Императорскаго Московскаго театра. И. Оннорé. . . . . 160—172

XVI. **Изъ замѣтокъ стараго ремонтера.** Н. А. Попова. . . . . 175—188

XVII. **Изъ архива кн. Л. А. Ухтомскаго.** Сообщ. А. В. Жиркевичъ. . . . . 191—205

XVIII. **Депутатъ отъ Россіи.** (Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой). Сообщено Е. С. М. 206—217

XIX. **Народныя пѣсни въ новооткрытыхъ записяхъ Пушкина.** (Къ 75-лѣтію кончины великаго поэта). И. Лернера. . . . . 218—229

XX. **Изъ записной книжки „Русской Старины“:**

а) **Элизодъ изъ жизни Вел. Кн. Константина Павловича.** Сообщ. Д. Атласъ. 173—174

б) **Письма и рескрипты Императора Павла I фельдмаршалу графу И. П. Салтыкову.** Сообщ. В. П. Федоровъ. . . . 189—190

XXI. **Библіографическій листокъ** (на оберткѣ).

Приложенія. Портреты: 1) **Николая Михайловича Пржевальскаго,** 2) **Ирины Ивановны Оннорѐ,** въ роли Вани, въ операх „Жизнь за Царя“, 3) Берлинскій Конгрессъ 1878 г., 4) Къ постройкѣ Храма-Памятника на полѣ сраженія подъ Лейпцигомъ.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1912 года.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. **пополудни.**
Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ **37—66.**

I-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го января 1912 года.

Библіотека "Руниверс"

Библіографическій листокъ.

„Нашествіе Наполеона“.—Отечественная война 1812 г. Вып. I и II.

Изданіе состоитъ изъ воспроизведенія картинъ извѣстныхъ художниковъ, по способу трехцвѣтной печати С. М. Прокудинъ-Горскаго, съ пояснительнымъ текстомъ при каждой картинкѣ, подъ редакціей П. Н. Божерянова.

Выборъ картинъ сдѣланъ съ большимъ знаніемъ и искусствомъ, картины исполнены изящно, и текстъ очень хорошъ. Въ двухъ, уже вышедшихъ, выпускахъ, находятся картины событій Отечественной войны, начиная съ знаменитаго отступленія Невѣровскаго подъ Краснымъ, и кончая картиной Верещагина „Наполеонъ въ зимнемъ одѣяніи“. Особенно удались картины В. В. Верещагина—„Наполеонъ на бородинскихъ высотахъ“,—Конецъ бородинскаго сраженія“,—„Передъ Москвой“,—„Ожиданіе депутаціи бояръ“,—„Зарево замоскворѣчья“,—„Сквозь пожаръ“,—А. Д. Кившенко: „Военный совѣтъ въ Филяхъ“ и др.

Картины возсоздаютъ такъ прекрасно великія событія 1812 года, что нельзя не пожелать этому изданію полнѣйшаго успѣха.

Библіографическій указатель сочиненій, журнальныхъ статей и замѣтокъ объ А. П. Ермоловѣ съ приложеніемъ перечня его портретовъ къ 50-лѣтію со дня его кончины. Составилъ Александръ Ермоловъ.

Этотъ, прекрасно составленный, указатель долженъ послужить матеріаломъ для неотложнаго составленія полной біографіи этого необыкновеннаго человѣка. Къ указателю приложены 6 портретовъ Ермолова и копіи съ 2 бюстовъ, а также очень интересная переписка Алексѣя Петровича съ издателями „Кавказцевъ“, касающаяся исторіи Кавказа и Отечественной войны.

И. М. Катаевъ. Къ вопросу о типѣ учебника русской исторіи для средней школы. М. 1911.

Совершенно неудовлетворительная постановка дѣла преподаванія исторіи въ нашихъ среднихъ школахъ весьма замѣтно сказывается какъ при прохожденіи курса высшихъ учебныхъ заведеній, такъ и въ дальнѣйшей жизни русскаго человѣка. Извѣстны отзывы многихъ профессоровъ (Виноградова, Виппера, Карѣева) по поводу плохой подготовки ихъ слушателей. Въ своемъ докладѣ, прочитанномъ на засѣданіи Историч. комиссіи при Учебн. отд. М. О. Р. Т. Зн. 26 марта 1910 г., вышедшемъ теперь, подъ указаннымъ заглавіемъ, отдѣльно, г. Катаевъ, послѣ краткаго разсмотрѣнія методическихъ пріемовъ преподаванія, опредѣляетъ желательный, по его мнѣнію, типъ учебнаго руководства. При этомъ авторъ не исходитъ изъ представленія объ идеальной средней школѣ, которая можетъ осуществиться когда-нибудь въ отдаленномъ будущемъ, а учитываетъ наличныя условія современнаго преподаванія, именно извѣстное количество времени, отводимое въ курсѣ для исторіи, раздѣленіе курса на два концентра, т. е. элементарный курсъ I и II кл. и т. наз. систематическій въ V—VII кл., необходимость подготовки къ экзамену и пр. По вопросамъ о выборѣ, распредѣленіи учебнаго матеріала и объ его изложеніи въ докладѣ высказано очень много цѣнныхъ соображеній; къ нимъ, а также и къ окончательнымъ выводамъ нельзя не присоединиться. Трудно лишь согласиться съ мнѣніемъ, что искусство не м. б. введено въ учебникъ, т. к. по его исторіи „нужно дать или много (обстоятельное и конкретное изложеніе развитія русской архитектуры, живописи и т. д., съ иллюстраціями), что заняло бы слишкомъ много мѣста въ учебникѣ и подняло бы стоимость книги, или лучше ничего не давать, т. к. блѣдныя и отрывочныя свѣдѣнія по этому вопросу не оставили бы никакого слѣда въ сознаніи учащагося“. Дѣло въ томъ, что исторія русской церкви, науки, письменности, литературы такъ или иначе проходятся въ нашей школѣ, что же касается искусства, то именно благодаря отсутствію въ извѣстные годы какого бы то ни было знакомства съ нимъ создаются въ русскомъ обществѣ такія смутныя понятія о художественныхъ цѣнностяхъ. А между тѣмъ тяготѣніе къ этой области культуры все растетъ; воспитательное же значеніе исторіи искусства само собою внѣ спора. Если не скоро суждено намъ дождаться особаго курса въ средней школѣ по этому предмету, то въ общемъ учебникѣ исторіи ему вполнѣ возможно удѣлить мѣсто не менѣе, чѣмъ другимъ духовнымъ проявленіямъ. И это не будетъ школьнымъ балластомъ. *В. Я.*

„Пиковая Дама“ А. С. Пушкина. Редакція Н. О. Лернера. Иллюстраціи Ал. Н. Бенуа. Изд. тов-ва Р. Голике и А. Вильборгъ. Спб. 1911.

Толстой восхищался прозой Пушкина, въ которой, писалъ онъ однажды П. Д. Голохвастову, „гармоническая правильность распредѣленія предметовъ доведена до совершенства“. Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ иныхъ, „Пиковая Дама“—одна изъ вершинъ русской литературы и одно изъ прекраснѣйшихъ произведеній Пушкина. Этой, хотя заключенной въ рамку анекдота, но потрясающей драмой страсти восхищался великій знатокъ человѣческаго сердца Достоевскій. Редакторъ во вступительной статьѣ подробно разсказалъ исторію „Пиковой Дамы“, давъ ея психологическій и историко-литературный анализъ и выяснивъ ея значеніе. Талантливый иллюстраторъ въ цѣломъ рядѣ „виньетокъ, концовокъ и крупныхъ акварельныхъ рисунковъ, художественно воспроизведенныхъ въ краскахъ, изобразилъ различные моменты повѣсти, при чемъ обнаружилъ не только мастерскую технику, но превосходное знаніе эпохи и глубокое проникновеніе тѣмъ отношеніемъ къ ней, которое управляло перомъ ея геніальнаго создателя. Пушкинъ впервые

Библиотека "Руниверс"

КЪ ПОСТРОЙКѢ ХРАМА-ПАМЯТНИКА

На полѣ сраженія подъ Лейпцигомъ.

Съ ВЫСОЧАЙШАГО соизволенія учрежденъ, состоящій подъ Августѣйшимъ почетнымъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Александровича, Комитетъ по сбору пожертвованій на сооруженіе храма-памятника надъ могилой 22 тысячъ русскихъ воиновъ, павшихъ въ бою подъ Лейпцигомъ 4—7 октября 1813 года.

Національный памятникъ на могилѣ германскихъ воиновъ почти заканчивается. Открытіе его послѣдуетъ въ столѣтній юбилей битвы въ 1913 г.

Долгъ русскихъ почтить память своихъ погибшихъ хотя бы скромнымъ по размѣрамъ, храмомъ. Но и для такого храма нужно около 200.000 рублей, а собрано въ настоящее время около 50 т. руб.

Для усиленія средствъ Комитета, Святѣйшій Синодъ по особому ходатайству опредѣленіемъ отъ 4-го іюля сего года разрѣшилъ произвести во всѣхъ церквахъ Имперіи сборъ пожертвованій въ будущемъ 1912 году, за литургіей въ первый воскресный день послѣ Св. Крещенія, т. е. 8 января. Объ означенномъ опредѣленіи сдѣлано соотвѣтственное увѣдомленіе по духовному вѣдомству.

Пожертвованія направлять въ С.-Петербургъ, Главное Управленіе Генеральнаго Штаба, Дворцовая площадь 10, Предсѣдателю Лейпцигскаго Комитета.

Денежныя поступленія принимаются также въ конторѣ редакціи „Русской Старины“. Петербургъ, Фонтанка, 18.

Библиотека "Руниверс"

ВЫШЕЛЪ ПЕРВЫЙ И ВТОРОЙ ВЫПУСКЪ
РОСКОШНАГО ХУДОЖЕСТВЕННАГО АЛЬБОМА
„НАШЕСТВІЕ НАПОЛЕОНА“
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 г.

Все изданіе состоитъ изъ репродукцій въ краскахъ свыше 40 картинъ извѣстныхъ художниковъ формата 11 на 7 дюймовъ безъ полей, воспроизведенныхъ по способу трехъ-цвѣтной печати художественными фотомеханическими мастерскими **С. М. Прокудина-Горского**, наклеенныхъ на темное паспарту, размѣромъ 12½ на 16½ дюймовъ, **съ пояснительнымъ текстомъ**, приложеннымъ къ каждой картинѣ отдѣльно, и общимъ очеркомъ событія подъ редакціей **члена учредителя военно-историческаго О-ва И. Н. Божерянова.** Подписка продолжается до 1-го декабря с. г. **Подписная цѣна** въ изящной папкѣ въ краскахъ 12 руб. По окончаніи подписки—15 руб, въ роскошной папкѣ на 3 руб. дороже. Допускается **разсрочка платежа:** при подпискѣ уплачивается 5 руб., а остальная сумма наложеннымъ платежомъ при полученіи альбома; почтовые расходы по пересылкѣ за счетъ покупателя.

Подробности въ циркулярахъ, высылаемыхъ по первому требованію безплатно.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ВЪ КОНТОРѢ ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ ФОТО-МЕХАНИЧЕСКИХЪ МАСТЕРСКИХЪ С. М. ПРОКУДИНЪ-ГОРСКАГО, С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Б. ПОДЪЯЧЕСКАЯ, 22, ОТД.

А ТАКЖЕ ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ РОССІИ И ФРАНЦІИ.

Библиотека "Руниверс"

Николай Михайловичъ
Пржевальскій.

Библиотека "Руниверс"

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА"
на 1912 годъ.

Вступая въ 1912 году въ сорокъ третій годъ своего существованія, **Русская Старина**", благодаря измѣнившимся условіямъ цензуры, извлекаетъ изъ своего архива цѣлый рядъ цѣнныхъ записокъ и даетъ мѣсто особенно интереснымъ воспоминаніямъ, а также исторически обработаннымъ матеріаламъ и подлиннымъ документамъ.

Имѣя въ виду современныя условія общественной жизни Россіи, редакція предпринимаетъ цѣлый рядъ мѣръ къ обновленію и расширенію журнала.

Сохраняя своихъ прежнихъ многочисленныхъ сотрудниковъ, редакція предполагаетъ напечатать въ 1912 году: Статьи и матеріалы о 1812 годѣ. **А. Ф. Кони.**—„Изъ воспоминаній и замѣтокъ судебнаго дѣятеля". „Житейскія встрѣчи". Воспоминанія **И. И. Янжула** о пережитомъ и видѣнномъ. **А. А. Мазона**—Матеріалы для біографіи и характеристики И. А. Гончарова. **В. М. Спасской.**—Воспоминанія о Гончаровѣ. **Н. А. Вилламовъ.**—Дневникъ статсъ-секретаря Григорія Ивановича Вилламова. **А. А. Лебедева.**—Г. Е. Благосвѣтловъ и Н. Г. Чернышевскій. **Бар. Ш.**—Изъ воспоминаній о Некрасовѣ. **Анучина.**—Берлинскій конгрессъ 1878 г. (авторъ пишетъ о кн. Горчаковѣ, гр. Шуваловѣ, гр. Милютинѣ, кн. Бисмаркѣ, кронпринцѣ Фридрихѣ, Дизраэли, гр. Андраши и др). **Е. Лермонтовой.**—Вопросъ о самодержавіи Царевны Софіи Алексѣевны.—По неизданнымъ документамъ. **Р. И. Сементковскаго.**—Встрѣчи и столкновенія съ Л. Н. Толстымъ, С. П. Боткинымъ, С. П. Бѣляевымъ, Е. А. Кожуховымъ, М. П. Соловьевымъ, А. К. Пыпинымъ, М. О. Вольфомъ, И. А. Гончаровымъ, Н. К. Шильдеромъ, И. К. Мердеромъ, И. Е. Андреевскимъ, А. Д. Градовскимъ, П. Г. Рѣдкинымъ, П. А. Гайдебуровымъ, К. В. Трубниковымъ, В. В. Стасовымъ, Ф. Ѳ. Павленковымъ, А. Ф. Марксомъ, П. И. Вейнбергомъ, А. М. Скабичевскимъ, В. П. Безобразовымъ, М. М. Шершевскимъ, Робертомъ Молемъ и др. **Н. А. Мурзанова.**—Къ біографіи декабристовъ: кн. С. А. Волконскаго, В. А. Давыдова и М. С. Лунина. **В. В. Шереметевскаго.**—Басурманская неволя. **М. В. Безобразовой.**—Дневникъ академика В. П. Безобразова. **П. К. Козлова.**—Николай Михайловичъ Пржевальскій. **А. И. Слезскинскаго.** — Тайный другъ Пушкина. **В. Н. Свѣтозарова.**—Развитіе легенды о смерти Царевича Дмитрія. **П. Л. Юдина.**—Къ дѣлу Мировича. Изъ астраханской жизни Суворова. **Е. Г. Вейденбаума.**—Присяга Ермолова Императору Николаю I-му. **И. П. Мордвинова.**—Письма Г. Р. Державина къ Е. И. Горихвостовой. **В. Д. Корсаковой.**—Князь Платонъ Степановичъ Мещерскій и письма къ нему Екатерины II, Павла I, Румянцева-Задунайскаго и др. **А. И. Сергѣева.**—Изъ быта духовенства. **Н. А. Лашкова.**—Посѣщеніе Спасо-Яковлевскаго монастыря Императрицей Маріей Ѳеодоровной и Императоромъ Александромъ I. **Е. А. Разгозиной.**—Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—78 гг., при чемъ авторъ, описывая жизнь Турціи и ея обитателей, касается гр. Игнатьева, Нелидова, Ону, Макѣева, кн. Церетели, Гобартъ-паши, сэра Эллиота, Зичи, гр. Корти, лорда Сольсбери, бар. Каличе, Кіамиль-паши, Османъ п., Керимъ, Намукъ, Сивфетъ, Мухтаръ-пашей и др. **Е. К. Андреевскій.**—М. И. Драгомировъ—командующій войсками округа и генералъ-губернаторъ. **А. Н. Смѣловскаго.**—К. С. Аксаковъ. **А. Ф. Петрушевскаго.**—Изъ моихъ воспоминаній. **А. Г. Воронова.**—Іоганъ Урсиніусъ. **И. И. Онноре.**—11 лѣтъ въ театрѣ. **М. Ф. Чулицкаго.**—Изъ старыхъ дѣлъ („Сонное видѣніе", „Преступная мысль" и „О сумасбродѣ Иванѣ Андреевѣ"). **М. М. Мариной.**—Лэди Портеръ. **П. А. Данилова.**—Сибирская дивизія въ походѣ противъ Японіи въ 1904 и 1905 гг. **Л. Н. Любимова.**—Изъ жизни инженера путей сообщенія. **В. Ф. Руднева.**—На крейсерѣ „Африка". **Н. А. Попова.**—Изъ замѣтокъ стараго ремонтера. **А. Синицына.**—Изъ воспоминаній стараго врача. **Е. В. Андріашевой.**—Воспоминанія стараго педагога. Воспоминанія **Веселовскаго, Леваковскаго, Виноградскаго, Скворцова** и др.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 руб. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 18.

Библиотека "Руниверс"

ПРИ ЖУРНАЛѢ
„РУССКАЯ СТАРИНА“
ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА
„Стенографическій Отчетъ Портъ-Артурскаго процесса”.

Русскому обществу, безусловно заинтересованному судебнымъ процессомъ о сдачѣ П.-Артура, приходится довольствоваться газетными отчетами о процессѣ, всегда неполными, а зачастую и искаженными, несмотря на присутствіе въ залѣ засѣданій стенографовъ, оффиціально допущенныхъ для записи.

Въ настоящее время намъ удалось пріобрѣсти всѣ стенограммы, и мы, идя навстрѣчу желаніямъ публики, рѣшили ихъ издать.

Изданіе будетъ исполнено болѣе чѣмъ въ ПЯТИ выпускахъ по подпискѣ и стоимость его на обыкновенной бумагѣ и безъ портретовъ съ выпуска 4 повышена—ШЕСТЬ рублей.

На веленевой бумагѣ и съ портретами подсудимыхъ, ихъ защитниковъ и выдающихся свидѣтелей—ДВѢНАДЦАТЬ рублей.

По выходѣ всѣхъ выпусковъ—стоимость ихъ будетъ увеличена.

Подписка принимается:

Въ СПБ. въ ред. журн. „Русская Старина“ (гдѣ помѣщается контора этого изданія)—Фонтанка, 18;

въ книжныхъ магазинахъ:

„Новаго Времени“, Невскій, 40;

„Т-ва М. О. Вольфъ“, Гостиный дв., 18, и Невскій, 13, и въ книжн. складѣ Березовскаго, Колокольная, № 14.

Въ Москвѣ: въ книжн. магаз. М. О. Вольфъ, Моховая ул. и Кузнецкій мостъ.

За точность записей поручились стенографы, фамиліи которыхъ будутъ напечатаны въ отчетѣ. За исправленіе техническихъ терминовъ, фамилій и названій мѣстностей—отвѣтственны защитники, которые, всѣ безъ исключенія, взяли на себя трудъ по провѣркѣ отчета.

Состоящимъ на государственной службѣ за поручительствомъ казначеевъ допускается разсрочка: 2 руб. при подпискѣ и по 1 рублю по полученіи каждаго выпуска.

Книжные магазины, принимающіе подписку на „Стенографическій отчетъ“, платятъ: вмѣсто 6 руб.—5 руб. и вмѣсто 12 руб.—11 руб.

Библиотека "Руниверс"

Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебнаго дѣятеля.

XVII.

Лица прокурорскаго надзора не входятъ, по закону, въ составъ управленія мѣстами заключенія, но имѣютъ, во всякое время, безпрепятственный входъ въ тюрьмы гражданскаго вѣдомства, наблюдаютъ за размѣщеніемъ подслѣдственныхъ арестантовъ, слѣдятъ за ходомъ ихъ дѣлъ, провѣряютъ законность постановленій о взятіи подъ стражу и имѣютъ право, на осн. 10 и 11 ст. Уст. Угол. Судопроизводства, освобождать лицъ, содержащихся безъ постановленія уполномоченнаго на то лица или не въ надлежащемъ мѣстѣ заключенія. Кромѣ того прокуроры (а въ мое время и всѣ товарищи прокурора въ Петербургѣ) состоятъ директорами общества попечительнаго о тюрьмахъ, и въ этомъ качествѣ имѣютъ надзоръ за соблюденіемъ смотрителями мѣстъ заключенія порядка въ отношеніи содержанія арестантовъ и управленія мѣстами заключенія, а также заботятся объ удовлетвореніи матеріальныхъ и нравственныхъ потребностей лицъ, лишенныхъ свободы.

Эта довольно широкая область дѣятельности въ мое время еще расширялась въ силу обычаевъ, сохранившихся отъ должности дореформеннаго губернскаго прокурора, основанныхъ на неотмѣненной инструкціи смотрителю, дававшей прокурору право активнаго вмѣшательства въ тюремные порядки. Но мѣстъ заключенія въ Петербургѣ сравнительно съ настоящимъ временемъ было мало. Не существовала въ своемъ современномъ видѣ тюрьма одиночная на Выборгской сторонѣ, получившая названіе „Крестовъ“,—а Домъ предва-

Библиотека "Руниверс"

рительнаго заключенія еще строился особой комиссіею, которая заботилась, между прочимъ, о томъ, чтобы по внѣшности своей это зданіе „не слишкомъ походило на тюрьму“ и заказывало для этого очень дорого стоющія рамы итальянскихъ оконъ, выходящихъ на Захарьевскую,—забывая въ то же время устроить въ воздвигаемомъ громадномъ зданіи квасоварню и прачешную... Между директорами тюремнаго комитета были люди, горячо отдавшіеся своей дѣятельности и приносившіе большую пользу своимъ зоркимъ и постояннымъ надзоромъ въ предотвращеніе отступленія отъ законнаго порядка и разныхъ произвольныхъ дѣйствій смотрителей, составъ которыхъ, за исключеніемъ женскаго персонала, бывалъ очень неудаченъ и неудовлетворителенъ. Такими выдающимися директорами, много потрудившимися для упорядоченія тюремнаго дѣла въ Петербургѣ и по устройству различныхъ благотворительно-воспитательныхъ заведеній для арестованныхъ и ихъ дѣтей, были—А. П. Пятковскій и въ особенности В. Н. Никитинъ. Первый—поклонникъ глубокаго гуманиста князя В. Ѳ. Одоевскаго, либералъ шестидесятыхъ годовъ и издатель сборника „Гражданскихъ мотивовъ“—тогда еще не обратился въ редактора убогаго „Наблюдателя“, преисполненнаго безсильнаго злобствованія на то, чему Пятковскій усердно служилъ въ годы своей молодости. Второй—оставилъ цѣнные бытовые очерки „Жизнь заключенныхъ“ и богатое по собраннымъ историческимъ матеріаламъ изслѣдованіе „Тюрьма и ссылка“. Тюремный комитетъ былъ, однако, составленъ, особливо въ началѣ семидесятыхъ годовъ, довольно неудачно. Въ него вошло нѣсколько пустыхъ крикуновъ, не понимавшихъ дѣла, и имъ не занимавшихся, но стремившихся, присосавшись къ оффиціальному учрежденію, выболтать себѣ разныя отличія. Эти „акробаты благотворительности“ плотною стѣною окружали предсѣдателя комитета, глуховатаго и упрямаго артиллерійскаго генерала, относившагося къ живому дѣлу съ канцелярской неподвижностью. Заявленія и указанія Пятковскаго и Никитина, почему-то пугавшія предсѣдателя, заглушались голосами „акробатовъ“ и оставлялись безъ вниманія большинствомъ комитета, а на письменныя сообщенія прокурора слѣдовалъ или уклончивый отвѣтъ или увѣдомленіе о „принятіи къ свѣдѣнію“. По переходѣ въ Петербургъ изъ Казани, я узналъ, что мои предшественники махнули рукой на комитетъ, въ виду его состава и направленія, и туда не ѣздили.

Поѣхавъ въ ближайшее засѣданіе, чтобы лично убѣдиться въ установившихся тамъ порядкахъ, я былъ встрѣченъ съ явнымъ недружелюбіемъ, какъ нежеланный гость, и когда попытался поддержать одно изъ заявленій Никитина о нарушеніи правилъ о продо-

Библиотека "Руниверс"

вольствіи, допускаемыхъ въ Литовскомъ замкѣ, то меня просто не стали слушать... На просьбу мою поставить на баллотировку вопросъ, возбуждаемый мною, предсѣдатель ничего не отвѣтилъ, а на повторенное требованіе отвѣтилъ съ раздраженіемъ: „какой вопросъ? какъ поставить?“ и т. д. и когда, наконецъ, послѣ долгихъ моихъ настояній и протестовъ противъ этого большинства—онъ былъ поставленъ, то, какъ говорятъ нѣмцы: man hat kurzen Prozess gemacht—и я былъ торжественно „проваленъ“ открытой подачею мнѣній, вѣроятно съ тѣмъ, чтобы мнѣ и „впредь было неповадно“... Но я рѣшилъ не уступать—и дождавшись конца засѣданія, заявилъ предсѣдателю, что всѣ мои товарищи прокурора вмѣстѣ съ тѣмъ и директора тюремнаго комитета (а у меня ихъ было 21), и что если въ слѣдующемъ засѣданіи я не встрѣчу бо̀льшаго вниманія къ заявленіямъ представителя прокурорскаго надзора столицы, то я предложу всѣмъ, подчиненнымъ мнѣ по должности товарищамъ-директорамъ являться въ засѣданія и буду имѣть въ своемъ распоряженіи подавляющее большинство. Эти слова имѣли довольно неожиданный успѣхъ и когда, вмѣсто меня, занятаго другимъ дѣломъ, къ слѣдующему засѣданію въ комитетъ прибылъ товарищъ прокурора В. И. Жуковскій, то предсѣдатель отнесся къ нему весьма предупредительно. Затѣмъ Жуковскій уже обыкновенно ѣздилъ въ комитетъ, такъ какъ завѣдывалъ, по моему порученію, надзоромъ за тюремною частью, чередуясь съ В. А. Желеховскимъ, и въ немъ Пятковскій и Никитинъ пріобрѣли надежнаго союзника.

Если мужской тюремный комитетъ оставлялъ желать многаго то нельзя сказать того же про дамскій. Во главѣ его стояла просвѣщенная дѣятельница, серьезно относившаяся къ принятому на себя званію и сопряженнымъ съ нимъ обязанностямъ—принцесса Евгенія Максимиліановнаго Ольденбургская. Вокругъ нея группировались лица, горячо преданныя дѣлу и вносившія въ него ту сердечную заботливость, отсутствіе которой такъ чувствовалось въ рутинномъ дѣлопроизводствѣ мужского комитета. Изъ сношеній своихъ съ директриссами, завѣдывавшими отдѣльными отраслями тюремно-благотворительнаго дѣла и постоянно возбуждавшими различные вопросы, свидѣтельствовавшіе о томъ, что онѣ близко принимаютъ къ сердцу не только матеріальныя нужды арестантокъ, но и необходимость поднятія ихъ нравственно, я вынесъ искреннее уваженіе къ большинству изъ нихъ.

Горячо, съ любовью и безкорыстіемъ работали онѣ въ той citta dolente, которую представляла тогдашняя тюрьма, со своимъ скуднымъ бюджетомъ и коренными недостатками въ обветшаломъ устройствѣ. Я съ умысломъ упоминаю о безкорыстіи, разумѣя

Библиотека "Руниверс"

подъ нимъ отсутствіе всякаго рода личныхъ видовъ или честолюбивыхъ поползновеній, отъ чего далеко не всѣ директора мужского комитета были свободны. Почти всѣ директриссы были женами людей, занимавшихъ выдающееся служебное положеніе—и среди нихъ я не помню ни одной, которая несла бы свои, подчасъ весьма тяжелыя, добровольно принятыя обязанности съ прозрачною цѣлью обратить на себя чье-либо вліятельное вниманіе или втереться въ недоступный для нея иначе общественный кругъ. Оглядываясь назадъ, я склоняюсь предъ симпатичными образами Тимашевой, завѣдывавшей женскими арестантскими помѣщеніями при полицейскихъ частяхъ, и Зубовой и Габерзангъ, работавшихъ въ Литовскомъ замкѣ,—но въ особенности мнѣ памятна свѣтлая дѣятельность Е. А. Гернгроссъ и княжны Маріи Михайловны Дондуковой-Корсаковой. Онѣ не завѣдывали никакой опредѣленной отраслью тюремнаго дѣла въ Петербургѣ, но если справедливо мнѣніе, что высокое назначеніе женщины въ жизни состоитъ въ томъ, чтобы иногда исцѣлять, часто облегчать и всегда утѣшать, то это назначеніе на моихъ глазахъ онѣ обѣ выполняли всецѣло и беззавѣтно. Блестящая свѣтская женщина, одна изъ тѣхъ, которымъ въ старину присвоивалось названіе „львицы“—Е. А. Гернгроссъ потеряла нѣжно любимаго шестнадцатилѣтняго сына, скончавшагося отъ miserere (заворота кишекъ). Говорили, что когда смерть юноши была по опредѣленію врачей неизбѣжна, но не наступала лишь потому, что онъ не прошелъ еще всю стадію невыносимыхъ не только для него, но и для близкихъ страданій, она сама сократила ихъ, давъ ему успокоительное... *навсегда* лекарство. Насколько это вѣрно, извѣстно было лишь ей и Господу, но что смерть сына заставила её пережить тяжкія душевныя муки—это несомнѣнно. Постарѣвшая сразу на много лѣтъ, она оставила навсегда свѣтъ и его суетныя радости, облекшись въ черное, и замкнувшись въ тѣсномъ кругу оставшихся членовъ семьи и немногихъ друзей. Но она не погрузилась въ „нѣмое бездѣйствіе печали“, а, переставъ во многихъ отношеніяхъ жить личной жизнью, стала жить для другихъ. Въ тюремномъ дѣлѣ она приняла на себя роль ходатая и заступницы за арестованныхъ, выхлопотавъ разрѣшеніе посѣщать и мѣста заключенія для мужчинъ. Благодаря ей многіе изъ нихъ имѣли живыя вѣсти очевидицы о своихъ семьяхъ и о близкихъ сердцу людяхъ или получали выпрошенную ею у начальства возможность видѣться съ послѣдними не чрезъ рѣшетку и не въ теченіе скупо отмѣреннаго времени. Изъ большой пачки ея писемъ ко мнѣ, какъ къ прокурору, постоянно слышится неустанная просьба содѣйствовать ей въ ея домогательствахъ о смягченіи тяжести разныхъ нравственныхъ

Библиотека "Руниверс"

осложненій, нерѣдко связанныхъ съ лишеніемъ свободы, часто напрасныхъ, а иногда и вовсе ненужныхъ.

Нужно ли говорить о княжнѣ Дондуковой-Корсаковой, посвятившей всю жизнь свою, уже совершенно нераздѣльно, съ полнымъ забвеніемъ о себѣ, съ дѣтской вѣрой въ добро и наивнымъ довѣріемъ ко всѣмъ людямъ вообще—заботѣ о „несчастныхъ“, утѣшенію ихъ горячимъ, убѣжденнымъ словомъ и облегченію ихъ неустрашимымъ ни предъ какими трудностями дѣломъ? Искренняя скорбь, вызванная недавнею кончиною этой, по-истинѣ святой, женщины, служитъ лучшимъ доказательствомъ того, чѣмъ она была неизмѣнно на протяженіи почти пятидесяти лѣтъ. Неутомимая, несмотря на лѣта и тяжкіе недуги, съ суровымъ, мужественнымъ лицомъ и кроткими глазами подъ прядями сѣдыхъ волосъ, оригинальная въ походкѣ и костюмѣ, „скучная“ по мнѣнію однихъ, „странная“ по мнѣнію другихъ, лично скромная до крайнихъ предѣловъ и въ то же время гордо увѣренная въ правотѣ своей дѣятельности—она заслуживаетъ подробной біографіи, быть можетъ, не менѣе, чѣмъ докторъ Гаазъ... Достаточно указать на то, что въ послѣдніе годы своей жизни, княжна Дондукова-Корсакова, зная цѣну и вліяніе на заключенныхъ слова участія и дѣла живого утѣшенія, рѣшилась посвятить остатокъ своихъ дней заботѣ о содержавшихся въ Шлиссельбургской крѣпости. Ей было поставлено условіемъ безотлучное пребываніе на жительствѣ въ крѣпости до самой смерти. Она съ радостью, безъ малѣйшихъ колебаній, несмотря на уговоры любившихъ ее и чтившихъ, принялась за осуществленіе своего намѣренія и лишь упраздненіе Шлиссельбургской тюрьмы помѣшало этому подвигу послѣднихъ дней этой носительницы „дѣятельной любви“ въ сердцѣ своемъ.

По неоднократному опыту зная, какъ иногда успокаиваетъ и примиряетъ „нарушителя закона“ съ создавшимся для него положеніемъ слово утѣшенія „по человѣчеству“, я высоко цѣнилъ дѣятельность Гернгроссъ и княжны Дондуковой — и нерѣдко заступался за нихъ предъ высшимъ тюремнымъ начальствомъ, которое раздражалось на ихъ „вмѣшательство“. Онѣ ослабляли тотъ недугъ озлобленія, который всегда гнѣздится въ мѣстахъ заключенія и овладѣваетъ людьми иногда при одной перспективѣ лишенія свободы. Въ послѣднемъ отношеніи мнѣ невольно вспоминается свиданіе съ присужденной въ 1875 году къ трехмѣсячному содержанію въ тюрьмѣ укрывательницей похищаемыхъ ея возлюбленнымъ купоновъ одного изъ большихъ кредитныхъ учрежденій, подлежавшихъ погашенію и предъявляемыхъ имъ по частямъ къ уплатѣ въ мѣняльныхъ лавкахъ. Дня чрезъ два послѣ того, какъ мой камерный товарищъ обратилъ приговоръ суда къ исполненію чрезъ полицію, ко мнѣ въ служебный кабинетъ

Библиотека "Руниверс"

влетѣла раскраснѣвшаяся дама среднихъ лѣтъ, въ модномъ, но небрежномъ костюмѣ, и сильно жестикулируя начала кричать, что *это* невозможно, что *этого* никогда не будетъ, такъ какъ она живая не дастся... На мои спокойные вопросы—кто она и что ей нужно?—она объяснила, что полиція требуетъ ея явки для препровожденія въ тюрьму и отобрала отъ нея въ этомъ подписку—и все это дѣлается по моему приказу, но что она ни за что не подчинится этому *душегубству*. Я понялъ, съ кѣмъ имѣю дѣло и спросилъ: „это я—душегубъ?“ —Да, вы! возопила она и стала горько плакать, судорожно всхлипывая. Я объяснилъ ей съ возможною мягкостью, что прокуроръ приводитъ въ исполненіе приговоръ суда и является лишь передаточной инстанціей. „Но помилуйте,—говорила она прерывающимся отъ слезъ голосомъ, вѣдь *онъ* мнѣ не чужой, какъ же я могла отказать спрятать, когда *онъ* просилъ?! вѣдь я невиновата, за что же меня сажать?—Это все, вѣроятно, вашъ защитникъ объяснилъ присяжнымъ, а теперь надо подчиниться ихъ рѣшенію“...—Да не могу я, не могу,—понимаете ли, не могу! Вѣдь у меня хорошіе знакомые есть,—даже генеральша одна, — какъ же я имъ на глаза покажусь послѣ тюрьмы?!—Если ваша генеральша добрая женщина и васъ любитъ, то не отвернется, зная ваши отношенія къ тому, кто васъ посадилъ, втянувъ въ свое преступленіе, на скамью подсудимыхъ, — а если отвернется, то не стоитъ объ этомъ и жалѣть,—да и у всѣхъ, кто захочетъ васъ осуждать, матеріаломъ для этого будетъ не то, что вы сидѣли въ тюрьмѣ, а то, что васъ привело въ тюрьму.—Да! это такъ, довѣрчиво взглянувъ на меня опухшими отъ слезъ глазами, сказала она, вы повѣрите ли—*она* еще когда только слѣдствіе началось начала мнѣ спину показывать...—Ну, вотъ видите!—подчинитесь скорѣй приговору и чрезъ годъ-другой все забудется. Я обращу на васъ вниманіе двухъ дамъ—онѣ тоже—одна генеральша, а другая княжна—и онѣ спины вамъ показывать не будутъ, а пожалѣютъ васъ и о *немъ* вамъ разскажутъ, что съ нимъ, и какъ...—„Не могу я, голубчикъ прокуроръ, — воскликнула она неожиданно, положивъ мнѣ руку на плечо,—право, не могу! голубчикъ!—А вы попробуйте, сядьте, это не такъ уже ужасно, да и неизбѣжно при томъ,—сказалъ я, въ свою очередь кладя ей ласково руку на плечо, — рѣшитесь-ка, знаете какъ принимаютъ непріятное лекарство,—горько, противно, а выпить все-таки надо... сядьте, голубушка! — Такъ вы думаете, надо сѣсть? — сказала она упавшимъ голосомъ, вытирая слезы — и потомъ рѣшительно прибавила — ну хорошо! только *для васъ*!—Для душегуба? — Да, для васъ...“ улыбнулась она и вышла, съ очевидной увѣренностью, что сдѣлала мнѣ большое одолженіе...

Библиотека "Руниверс"

Моя прикосновенность къ петербургскимъ мѣстамъ заключенія памятна мнѣ еще по нѣсколькимъ эпизодамъ. Въ половинѣ семидесятыхъ годовъ министръ юстиціи, графъ Паленъ, поручилъ мнѣ, согласно волѣ покойнаго Государя, ознакомить съ устройствомъ инастоящимъ состояніемъ тюремныхъ помѣщеній столицы Великаго Князя Сергѣя Александровича, въ то время стройнаго, нѣсколько застѣнчиваго юношу лѣтъ восемнадцати. Предпославъ обзору продолжительную и подробную бесѣду объ общихъ задачахъ тюрьмовѣдѣнія, о системахъ тюремнаго заключенія и о типахъ тюремъ въ Западной Европѣ и Америкѣ, я условился съ Великимъ Княземъ о дняхъ, когда онъ будетъ заѣзжать за мною, чтобы ѣхать на осмотръ, о которомъ я рѣшилъ никого не предупреждать. Мы выѣзжали отъ меня обыкновенно часовъ въ 10 утра и успѣли въ теченіе недѣли осмотрѣть всѣ разнообразныя тюремныя помѣщенія Петербурга, за исключеніемъ военной и военно-морской тюремъ. Оставивъ экипажъ гдѣ-нибудь за ближайшимъ угломъ, мы шли пѣшкомъ, и Великій Князь являлся въ эти помѣщенія какъ частный человѣкъ. Какъ нарочно, я посѣтилъ многія петербургскія тюрьмы незадолго предъ этимъ съ Достоевскимъ, а потомъ съ членами японскаго посольства, между которыми находился тогда, въ скромномъ еще званіи, будущій министръ иностранныхъ дѣлъ Токузиро-Нисси. Поэтому мой приходъ въ сопровожденіи молодого офицера не возбуждалъ никакихъ вопросовъ. Въ одномъ мѣстѣ, впрочемъ, моего спутника узнали. Это было въ Литовскомъ замкѣ, внутри двора котораго, противъ воротъ, была гауптвахта, и находился военный караулъ. Дежурный часовой призналъ Великаго Князя, ударилъ въ колоколъ, вся команда выбѣжала и выстроилась, и офицеръ, приложивъ руку къ чешуѣ каски, сталъ рапортовать Сергѣю Александровичу. Вся эта церемонія, а затѣмъ уже неизбѣжное представленіе тюремнаго персонала Великому Князю заняли минутъ десять или четверть часа, и, когда мы пошли по корридорамъ тюремнаго замка, предшествуемые на нѣкоторомъ разстояніи озабоченной суетой, то все оказалось въ образцовомъ порядкѣ, который увеличивался пропорціонально времени, проводимому нами въ зданіи насильственнаго гостепріимства. Въ отдаленныхъ камерахъ арестанты оказались въ новыхъ халатахъ, и пахло уксусомъ, налитымъ на горячія плитки. А когда я въ кухнѣ потребовалъ „пробу“, то она оказалась по вкусу и приготовленію несомнѣнно принесенною изъ бракоразводнаго трактира „Роза“, помѣщавшагося наискосокъ противъ замка и дававшаго въ своихъ номерахъ пріютъ мужьямъ, продѣлывавшимъ недостойную и грязную комедію, необходимую для полученія развода. Мы посѣтили библіотеку, въ которой я въ 1871 году, по переводѣ моемъ изъ Казани,

Библиотека "Руниверс"

нашелъ, между прочимъ, такую полезную и успокоительную для заключенныхъ книгу, какъ „Исторія знаменитыхъ побѣговъ изъ тюремъ“ (Les évasions célèbres, par—Bernard), изданную въ русскомъ переводѣ. Зашли мы и въ лазаретъ, гдѣ за годъ предъ тѣмъ я былъ свидѣтелемъ комической сцены. Одинъ врачъ, фамиліи котораго не помню, изобрѣтатель новаго способа переливанія человѣческой крови, просилъ разрѣшенія произвести такой опытъ надъ двумя арестантами, выразившими на то свое согласіе. Для присутствованія при этомъ опытѣ пріѣхали военный министръ Д. А. Милютинъ со своимъ высокимъ и стройнымъ адъютантомъ, въ красивой бѣлой фуражкѣ, присвоенной гвардейской тяжелой кавалеріи,—французскій военный агентъ Гальяръ и другія лица. Паціенты лежали на двухъ поставленныхъ рядомъ постеляхъ, между которыми былъ зачѣмъ-то помѣщенъ огромный тазъ съ водою. Докторъ просилъ присутствующихъ не говорить громко и не развлекать паціентовъ, предупредивъ, что всякій испугъ послѣднихъ можетъ повлечь за за собою гибельныя для послѣднихъ послѣдствія. Затѣмъ онъ вскрылъ у обоихъ вены на рукахъ и вставилъ въ нихъ трубочки, соединенныя гуттаперчевымъ каналомъ съ краномъ и съ какими-то сложными приспособленіями. И мы всѣ, при воцарившемся глубокомъ молчаніи, увидѣли, какъ кровь здоровеннаго краснощекаго парня, рѣшившагося подвергнуться опыту, стала явственно вздувать сосуды малокровнаго и истощеннаго арестанта, и какъ мало-по-малу оживился его взглядъ, а щеки стали покрываться легкимъ румянцемъ. Но вдругъ раздался трескъ, что-то задребезжало, зазвенѣло и тяжело рухнуло среди насъ. Паціенты вздрогнули и встревожились, а докторъ испуганнымъ и быстрымъ движеніемъ закрылъ кранъ и какіе-то клапаны. Опытъ не былъ доведенъ до конца. Оказалось, что спутникъ военнаго министра, изящный ротмистръ, не могъ перенести зрѣлища переливаемой крови и упалъ въ обморокъ на полъ, разбивъ при паденіи какіе-то кувшины, а бѣлая его фуражка плавно и медленно поплыла въ обширномъ тазу...

Въ другихъ мѣстахъ Великаго Князя не узнавали. Я могъ ему показать наши тюремныя помѣщенія во всей ихъ неприглядной дѣйствительности. Когда мы подошли къ зданію Коломенской части, гдѣ находилось тюремное помѣщеніе для малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ, приговоренныхъ на краткіе сроки и не нашедшихъ поэтому себѣ мѣста въ земледѣльческой колоніи за Охтой, то ни пристава, ни смотрителя не оказалось въ зданіи. Пришлось ихъ поджидать на крыльцѣ. Мимо насъ два городовыхъ провели мертвецки-пьянаго мужика и скрылись внутри двора. Я предложилъ Великому Князю пойти за ними, чтобы увидѣть, какъ у насъ иногда

Библиотека "Руниверс"

обращаются съ пьяными, и что такое представляютъ камеры для вытрезвленія. Отворивъ на дворѣ дверь въ отвратительную и вонючую комнату нижняго этажа, мы застали пьянаго лежащимъ на спинѣ и безсмысленно мычащимъ, а надъ нимъ наклонившимся одного изъ городовыхъ, который неистово теръ и дергалъ ему уши, что составляло, будто-бы, испытанное средство противъ безчувственнаго опьяненія. Другой городовой съ философскимъ спокойствіемъ стоялъ у низенькаго окна, заявивъ мнѣ, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ офицера: „А вамъ, господинъ, здѣсь быть не полагается". Вскорѣ явился приставъ, энергическій маіоръ. Онъ повелъ насъ въ камеры арестантовъ и въ школу, гдѣ былъ въ это время опытный и горячо преданный своему дѣлу учитель Песковскій. Соблюдая инкогнито Великаго Князя, я все время бесѣдовалъ съ приставомъ, предоставивъ Князю разговаривать съ Песковскимъ, при чемъ на нѣкоторые его вопросы, приставъ, чувствуя себя старшимъ въ чинѣ, отвѣчалъ довольно небрежно и свысока. Когда мы стали спускаться внизъ по довольно крутой лѣстницѣ, онъ сказалъ мнѣ, „господинъ прокуроръ, этотъ офицеръ, который съ вами,—и онъ кивнулъ головой на шедшаго сзади Великаго Князя, — желаетъ посмотрѣть мастерскія внизу: прикажете показать? — Да, господинъ приставъ, покажите, сказалъ я, —и знаете ли что: будьте немножко полюбезнѣй съ этимъ офицеромъ; онъ, конечно, чиномъ ниже васъ, но я сообщу вамъ по секрету, что это сынъ Государя Императора". Мой бѣдный маіоръ чуть не свалился кубаремъ съ лѣстницы.

Мы были въ домѣ предварительнаго заключенія, тогда только что открытомъ, — посѣтили, въ день отправленія этапной партіи, пересыльную тюрьму, въ старомъ прогнившемъ домѣ въ Демидовомъ переулкѣ, и присутствовали при тяжелыхъ сценахъ разставанія близкихъ съ уходящими, какъ говорилось въ тѣ годы „по Владиміркѣ". Когда этапная партія выстроилась, я пересмотрѣлъ статейные списки и показалъ ихъ Сергѣю Александровичу. Въ одной и той же партіи были убійцы, разбойники и фальшивые монетчики, а также высылаемые на родину за безписьменность. По разспросу нѣкоторыхъ изъ нихъ, оказалось, что причиной невысылки паспорта двумъ или тремъ, бывшимъ въ Петербургѣ при честномъ заработкѣ, было отсутствіе взятки, посланной волостному писарю. „Вотъ посмотрите,— сказалъ я Великому Князю,—что такое наша паспортная система. Нѣсколько лѣтъ назадъ въ Петербургѣ, подъ предсѣдательствомъ государственнаго секретаря Сольскаго засѣдала комиссія, выслушавшая заявленія представителей градоначальства, министерства финансовъ и прокуратуры, а также начальниковъ адреснаго стола и сыскной полиціи о ненужности ни съ какой точки зрѣнія паспор-

Библиотека "Руниверс"

товъ, объ ихъ вредной стѣснительности и дурномъ вліяніи на развитіе экономической жизни. Она проектировала уничтоженіе паспортовъ, но началась „междувѣдомственная переписка“, и весь вопросъ отложенъ въ долгій ящикъ. (увы! къ сожалѣнію, онъ и теперь, по прошествіи 40 лѣтъ послѣ окончанія трудовъ комиссіи—продолжаетъ лежать въ томъ же ящикѣ...). Взгляните, Ваше Высочество, на этихъ высылаемыхъ. Вѣдь это по всей вѣроятности вполнѣ честные люди,—во всякомъ случаѣ они производятъ такое впечатлѣніе,—и вотъ, вслѣдствіе невольнаго, быть можетъ, нарушенія „паспортной системы“, дающей столько поводовъ для разныхъ злоупотребленій, они обречены многіе дни провести въ компаніи настоящихъ злодѣевъ или порочныхъ людей и притти къ себѣ домой, разоренными, оторванными отъ честнаго труда и напитавшимися ядомъ насильственнаго и безнравственнаго сообщества“. При насъ партія двинулась въ путь на желѣзную дорогу, звеня цѣпями, сопровождаемая плачущими женщинами съ бѣдными дѣтьми на рукахъ—сѣрая движущаяся масса, подъ сѣрымъ петербургскимъ небомъ, торопливо влача свое несчастіе и позоръ средь сѣрыхъ домовъ столицы...

Чрезъ нѣсколько дней по окончаніи нашихъ поѣздокъ, министръ юстиціи озабоченно спросилъ меня, что именно я показывалъ моему высокому спутнику. Я разсказалъ. Оказалось, что нѣкоторыми высокопоставленными лицами придворнаго круга, освѣдомившимися у Сергѣя Александровича о тяжеломъ впечатлѣніи, произведеннымъ на него многимъ изъ видѣннаго, было выражено мнѣніе, что я поступилъ неправильно, упустивъ изъ виду, что надо щадить нервы Великаго Князя и не подвергать испытанію его молодую воспріимчивость. Я могъ только подивиться на такую ретроспективную программу моихъ дѣйствій въ качествѣ руководителя въ ознакомленіи съ тюрьмами въ ихъ дѣйствительномъ видѣ. Для полученія же пріятныхъ ощущеній при взглядѣ на эти учрежденія, я, шутя, предложилъ бы недовольнымъ мною обратиться въ дирекцію Императорскихъ театровъ, которая поставила бы послѣдній актъ оперы „Фаустъ“. Тамъ пребываніе несчастной Гретхенъ въ тюрьмѣ имѣетъ вокально-инструментальный характеръ и, въ концѣ концовъ, особливо послѣ апоѳеоза, тяжелаго впечатлѣнія оставить не можетъ... Чрезъ много лѣтъ, въ 1898 году, въ Москвѣ, Великій Князь, котораго я проспилъ какъ Московскаго генералъ-губернатора, содѣйствовать осуществленію мысли о постановкѣ памятника великому тюремному человѣколюбцу, „святому доктору“ Ѳедору Петровичу Гаазу, вспомнилъ нашъ объѣздъ петербургскихъ мѣстъ заключенія и сказалъ мнѣ: „я много видѣлъ тяжелыхъ картинъ на своемъ вѣку, но ничто не производило на меня такого подавляющаго дѣйствія, какъ то, что

Библиотека "Руниверс"

вы мнѣ показали тогда,—этого нельзя забыть!"—„Я радъ это слышать,—значитъ моя цѣль представить дѣйствительность, а не оффиціальную декорацію—была достигнута..."—„О да! и еще какъ!.."

Весьма важнымъ вопросомъ въ дѣятельности прокурорскаго надзора перваго десятилѣтія осуществленія судебной реформы, были взаимныя отношенія прокуратуры и высшей мѣстной администраціи. Судебныя установленія вошли клиномъ въ устарѣлый строй прежнихъ губернскихъ учрежденій, окаменѣлыхъ въ томъ положеніи, которое было начертано еще при Екатеринѣ II. Это былъ въ своемъ родѣ—употребляя выраженіе римскаго права — insula in flumine nata, при чемъ эта рѣка, этотъ flumen, стѣсненная въ своемъ теченіи образовавшимся островомъ и не измѣнившимися берегами, часто прекращала свое спокойное и лѣнивое теченіе и негодующе бурлила, стараясь, гдѣ возможно, затопить заставляющій ее оставлять привычное ложе островъ. Такому положенію вещей способствовала обычная несогласованность нашихъ законовъ, дававшая возможность на многія вещи въ явленіяхъ общественной жизни и на отношенія глядѣть съ совершенно противоположныхъ и въ то же время одинаково законныхъ съ формальной стороны точекъ зрѣнія. Отсюда обширное поле для всякаго рода недоразумѣній и столкновеній. Въ особенности это обнаружилось на первыхъ порахъ введенія судебной реформы въ губернскихъ городахъ. Губернаторъ, въ большинствѣ случаевъ, привыкалъ смотрѣть на себя не только какъ на высшаго представителя мѣстной административной власти, но и какъ на хозяина губерніи во всѣхъ отношеніяхъ, предъ которымъ подобострастно склонялось мѣстное общество, за исключеніемъ—да и то не всегда—губернскаго предводителя дворянства и архіерея. Онъ нерѣдко приходилъ въ гнѣвное недоумѣніе, когда подъ бокомъ у него выростала власть, мѣстные носители которой ни въ чемъ отъ него не зависѣли, и отъ которыхъ онъ могъ требовать и ожидать не повиновенія, а лишь вѣжливости и *внѣшняго* уваженія, такъ какъ *внутреннее* надо было еще заслужить. Были, конечно, и тутъ счастливыя исключенія, и мнѣ отрадно вспомнить здѣсь о ярославскомъ губернаторѣ адмиралѣ Унковскомъ, который словомъ и дѣломъ доказалъ свою преданность судебной реформѣ и, понимая ея значеніе, являлся прямодушнымъ ея защитникомъ въ своихъ всеподданнѣйшихъ отчетахъ Монарху. Не такъ поступало однако большинство сотоварищей почтеннаго адмирала по служебному положенію. Они не скупились на письменныя сообщенія въ Петербургъ о колебаніи авторитета власти со стороны чиновъ судебнаго вѣдомства, а въ личныхъ бесѣдахъ, ведомыхъ въ столицѣ, много-

Библиотека "Руниверс"

значительно подчеркивали каждую шероховатость, столь свойственную новому дѣлу, возводя какую-либо личную неловкость по отношенію къ себѣ изъ области анекдота въ область вопіющаго событія или наоборотъ облекая свое собственное служебное самодурство въ форму невиннаго и только забавнаго анекдота. Положеніе министерства юстиціи при этомъ было довольно затруднительнымъ. Люди, пользовавшіеся благами новаго суда, не имѣли поводовъ и возможности выразить, чѣмъ они ему обязаны, но голоса недовольныхъ очень быстро создали вокругъ судебнаго вѣдомства атмосферу скрытаго недоброжелательства и подозрительной недовѣрчивости. Между „потерпѣвшими отъ новаго суда“ однихъ возмущала испытанная на себѣ гласность производства,—другимъ трудно было переварить равноправность на дѣлѣ, а не на словахъ—только, третьихъ раздражало то, что „судейскіе“, еще недавно столь услужливые, въ лицѣ разнообразныхъ секретарей, допускавшіе брезгливо-фамильярное съ собою обращеніе—стали „что-то такое о себѣ воображать“ и все подводить подъ несносное иго „ихнихъ законовъ“ и т. д. Недовольны были чиновники разныхъ вѣдомствъ особыми правами и преимуществами судей и тѣмъ, что за такую же службу, какую несутъ и другіе, они получаютъ гораздо большее, за исключеніемъ лишь акцизныхъ чиновъ, вознагражденіе... Зависть, облеченная въ разныя формы, не хотѣла, а быть можетъ, и не могла понять, что между работою мыслящаго и способнаго чувствовать судьи и работою столоначальниковъ разныхъ ранговъ — была громадная разница въ нравственной тяжести и что составленіе „исходящихъ“ по приказанію начальника не могло идти въ сравненіе съ необходимыми сомнѣніями при рѣшеніи матеріальной или личной судьбы человѣка. Отсюда настойчивое исканіе случаевъ, когда можно было въ печати или въ докладахъ по начальству высказать огорченіе и негодованіе на судебное вѣдомство, отсюда та бухгалтерія особаго рода, по которой *въ пассивъ* новыхъ судовъ преувеличенно крупнымъ шрифтомъ вписывались малѣйшіе промахи и неизбѣжныя ошибки, а *въ активъ* ровно ничего не писалось, несмотря на блестящіе и невозможные при старомъ судебномъ строѣ примѣры истиннаго и нелицемѣрнаго правосудія. Все это, вмѣстѣ взятое, въ концѣ семидесятыхъ годовъ нашло себѣ неожиданнаго, хотя и по другимъ мотивамъ, союзника въ Катковѣ съ его страстнымъ походомъ противъ „судебной республики“.

Понятно, что министерство юстиціи старалось, чѣмъ могло, ослабить почти съ первыхъ же дней судебной реформы враждебный натискъ и жить въ мирѣ съ администраціей, насколько это было совмѣстимо съ задачами и достоинствомъ судебнаго вѣдомства, ко-

Библиотека "Руниверс"

торыя во время, мною вспоминаемое, понимались широко и согласно съ ихъ истиннымъ смысломъ. По характеру своей дѣятельности въ наибольшее дѣловое соприкосновеніе съ администраціей приходилъ прокурорскій надзоръ. По Судебнымъ Уставамъ прокурору по производству дознаній была подчинена полиція. Надзирая за нею при производствѣ слѣдствій и дознаній, онъ имѣлъ право подвергать ея чиновъ предостереженіямъ и замѣчаніямъ и могъ передавать ихъ дѣйствія на разсмотрѣніе суда; онъ предлагалъ губернскому правленію и полиціи объ исполненіи уголовныхъ приговоровъ; онъ имѣлъ право давать и не давать ходъ жалобамъ полиціи на приговоры мировыхъ судей; онъ облеченъ былъ особыми правами по дѣламъ казенныхъ управленій и по ряду дѣлъ, сопряженныхъ такъ или иначе съ прямой или косвенной дѣятельностью полиціи. Наконецъ, прокуроръ имѣлъ непосредственное отношеніе къ порядку, условіямъ и основаніямъ содержанія арестантовъ въ губернскихъ и полицейскихъ мѣстахъ заключенія. Все это содержало въ себѣ достаточно поводовъ для взаимнаго раздраженія служебнаго самолюбія и для разнаго рода столкновеній на почвѣ застарѣлой рутины, неисполненія долга, небрежности или опьянѣнія виномъ власти, бросившимся въ голову.

Судебная реформа въ Казанскомъ округѣ застала меня въ должности самарскаго губернскаго прокурора. Когда на предложеніе министра юстиціи графа Палена занять должность прокурора самарскаго окружного суда, я высказалъ желаніе быть назначеннымъ не въ Самару, а въ Казань, то графъ К. И. Паленъ, выражая свое на это согласіе, сказалъ мнѣ однако: „но вы знаете, вѣдь тамъ губернаторомъ Скарятинъ: ему новый судъ будетъ поперекъ горла, и вамъ съ нимъ будетъ очень трудно“. То же самое, но только въ болѣе энергическихъ выраженіяхъ мнѣ повторили разныя лица, освѣдомленныя о казанскихъ дѣлахъ. По дорогѣ къ моему новому мѣсту служенія, на пароходѣ и по желѣзной дорогѣ, я наслушался почти легендарныхъ разсказовъ о личности и дѣйствіяхъ казанскаго губернатора, который оказывался не только всевластнымъ распорядителемъ въ своей губерніи, но даже и нѣкоторой грозой для сосѣднихъ губернаторовъ, съ которыми никогда и ни въ чемъ не хотѣлъ признать себя солидарнымъ и надъ административными мѣропріятіями которыхъ на словахъ и на дѣлѣ всячески издѣвался. Когда я пріѣхалъ къ нему съ оффиціальнымъ визитомъ, меня встрѣтилъ высокій, нѣсколько сутуловатый, пожилой человѣкъ съ сѣдою, коротко остриженною головою, большими темными усами и молодыми горящими глазами подъ густыми бровями на энергическомъ и умномъ лицѣ. Послѣ нѣсколькихъ общихъ фразъ, вызы-

Библиотека "Руниверс"

ваемыхъ первымъ знакомствомъ, онъ сказалъ мнѣ съ недоброю улыбкой, что очень жалѣетъ, что наше знакомство будетъ такъ непродолжительно. „Почему непродолжительно? спросилъ я.—Да помилуйте! внезапно покраснѣвъ, воскликнулъ онъ. Развѣ я могу оставаться на службѣ при новыхъ судахъ? Когда я пріѣхалъ сюда много лѣтъ назадъ губернаторомъ, мнѣ на другой день нѣмецъ—полиціймейстеръ докладываетъ, что все въ городѣ благополучно, всего три *тѣль* найдено. Какія *три тѣль?* спрашиваю.—А убитыхъ, отвѣчаетъ нѣмецъ.—Какъ? говорю, три убитыхъ и это благополучно?—Да, говоритъ тотъ преспокойно—обыкновенно бываетъ больше.—Въ одинъ день?!—Да, въ одинъ день"... Вотъ, что я засталъ въ Казани! Я перемѣнилъ всю полицію, всѣхъ училъ самъ, ѣздилъ по ночамъ повѣрять посты и „натаскалъ" своихъ такъ, что у меня первая полиція въ Россіи. Они знаютъ, что я цѣню ихъ службу, но ужъ и спуску не дамъ. Я для нихъ какъ отецъ, но отецъ строгій. И вотъ теперь новые суды, и, говорятъ, прокуроръ имѣетъ право дѣлать предостереженіе моимъ чиновникамъ и даже въ судъ ихъ тащить. Значитъ, у нихъ два начальства? и я для господина прокурора трудился? Да они меня въ грошъ ставить не будутъ! какой же я послѣ этого начальникъ губерніи? Да при такомъ порядкѣ я не могу отвѣчать за спокойствіе края. Нѣтъ, ужъ лучше въ отставку! Пусть кто-нибудь другой приспособляется къ этимъ порядкамъ, а я ужъ старъ. Покорнѣйше благодарю!—говорилъ онъ, все болѣе и болѣе разгорячаясь и энергически хлопая рукою по ручкѣ кресла.—Я молчалъ. „Вы вѣдь имѣете право давать предостереженія?" спросилъ онъ меня, немного успокоясь, тономъ, въ которомъ звучала слабая надежда, что, быть можетъ, я его разувѣрю въ существованіи такого ужаснаго права.—Имѣю, сказалъ я.—„И будете давать?"—Буду, если къ этому представится надобность,—„Ну вотъ видите!—снова загорѣлся онъ,—какъ же намъ, мнѣ—старику и вамъ—извините меня—молодому человѣку, дѣлить власть надъ полиціей? Ужъ вы и оставайтесь, а я-съ уйду, не могу!" И по лицу его пробѣжала легкая судорога, а глаза затуманились.—Разъ я назначенъ, я останусь, сказалъ я ему твердо,—да и вамъ, ваше превосходительство, нѣтъ никакого основанія уходить. Сколько мнѣ извѣстно, никто не отрицаетъ образцоваго состоянія вашей полиціи и той строгости, съ которой вы относитесь къ исполненію ею своихъ обязанностей. Къ этимъ обязанностямъ относится и исполненіе требованій судебной власти по дознаніямъ и слѣдствіямъ. Несомнѣнно, что вы пожелаете, чтобы разумная исполнительность полиціи проявлялась въ ея дѣятельности и въ этомъ отношеніи. Я настолько увѣренъ въ этомъ, что въ случаѣ нарушеній чинами полиціи своихъ обязанностей, буду прежде

Библиотека "Руниверс"

всего сообщать объ этомъ вамъ, прося лишь увѣдомить меня о послѣдствіяхъ моего сообщенія. Вотъ если мои справедливыя обращенія къ вамъ не найдутъ себѣ удовлетворенія, и чины полиціи такимъ образомъ станутъ вмѣнять ни во что требованія судебныхъ властей, то я, конечно, буду вынужденъ прибѣгнуть къ осуществленію тѣхъ правъ, которыми меня вооружилъ законъ. Поэтому я не сомнѣваюсь, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ вами будутъ приняты мѣры, которыя, не колебля ни въ чемъ вашего авторитета, пріучатъ чиновъ полиціи къ искреннему и усердному содѣйствію судебнымъ чинамъ въ ихъ тяжеломъ и отвѣтственномъ дѣлѣ.—„Ахъ, это будетъ такъ?“ сказалъ, просвѣтлѣвъ, Скарятинъ: „вы значитъ будете писать о нарушеніи не имъ, а мнѣ, а я уже буду налагать взысканія? Ну, это дѣло другое: тутъ мы всегда можемъ столковаться: я вѣдь своимъ потачки давать не намѣренъ!“ На этомъ мы разстались. Полиція въ Казани дѣйствительно была образцовая, и въ средѣ ея былъ даже одинъ приставъ, отличавшійся выдающимися способностями по розыску слѣдовъ и доказательствъ преступленій, такъ что изъ него могъ бы выйти второй Путилинъ. Но все-таки раза два или три въ средѣ чиновъ уѣздной полиціи было допущено такое бездѣйствіе или медленность и нерадѣніе, что имѣлись на лицо побудительныя основанія къ сдѣланію предостереженія или замѣчанія. Каждый разъ я писалъ объ этомъ Скарятину съ указаніемъ, что прежде, чѣмъ сдѣлать предостереженіе или замѣчаніе, я сообщаю объ обнаруженномъ нарушеніи ему и почти немедленно получалъ отвѣтъ о наложеніи имъ на виновнаго такого дисциплинарнаго взысканія, которое далеко превосходило тѣ безобидныя увѣщанія, на которыя я былъ уполномоченъ закономъ.

Вообще надо замѣтить, что Скарятинъ, весьма ревниво относившійся къ своей власти и любившій наводить страхъ на своихъ подчиненныхъ, очень быстро призналъ въ существованіи независимаго отъ него судебнаго вѣдомства совершившійся фактъ и не только примирился съ нимъ, но и въ значительной степени ограничилъ свои самовластныя привычки, стараясь, гдѣ можно, показать, что онъ не только не противникъ, но даже другъ судебнаго вѣдомства. Онъ часто и съ большимъ интересомъ посѣщалъ судебныя засѣданія по уголовнымъ дѣламъ, не мало смущая своимъ присутствіемъ полицейскихъ чиновъ, являвшихся свидѣтелями;—въ виду нищенски скудныхъ средствъ, отпущенныхъ на внутреннее устройство суда, онъ, собиравшійся выйти по поводу открытія этого суда въ отставку, устроилъ—mirabile dictu—на свой счетъ мѣста для публики въ гражданскомъ отдѣленіи суда и обилъ его полъ сукномъ, чтобы заглушать шумъ шаговъ. Всякое законное требова-

Библиотека "Руниверс"

ніе прокурорскаго надзора встрѣчало съ его стороны полнѣйшее содѣйствіе. Этому въ значительной степени способствовало—какъ это ни покажется страннымъ—только что введенное въ Казани городовое положеніе 1874 года. По этому положенію протесты представителя административной власти въ городѣ и жалобы на опредѣленія думы поступали на разрѣшеніе особаго по городскимъ дѣламъ присутствія, состоящаго подъ предсѣдательствомъ губернатора или градоначальника, изъ вице-губернатора или помощника градоначальника, управляющаго казенной палатой, предсѣдателя уѣздной земской управы, предсѣдателя мирового съѣзда, городского головы и прокурора окружного суда. Введеніе лица судебнаго вѣдомства въ составъ этого присутствія было весьма мудрою мѣрой во многихъ отношеніяхъ и ставило этого представителя въ исключительное по своему значенію положеніе. Въ дѣйствительности три члена присутствія были „казенными“ людьми и обыкновенно были одного направленія; трое другихъ были людьми выборными и такъ сказать земскими—и лишь седьмой, юристъ по профессіи, по роду и свойству своей дѣятельности не принадлежалъ ни къ той, ни къ другой группѣ, но по отношенію къ толкованію закона обладалъ между ними наибольшей компетенціей. А законъ, особливо въ виду новизны дѣла и спорнаго смысла нѣкоторыхъ статей городового положенія, на первыхъ порахъ почти постоянно требовалъ толкованія и разъясненія. Не связанный общностью службы и интересовъ ни съ казенными, ни съ земскими людьми, почти всегда дѣлившимися на два лагеря, прокуроръ своимъ голосомъ давалъ перевѣсъ той или другой сторонѣ и въ сущности являлся зачастую рѣшителемъ вопроса. Отсюда понятно, сколь цѣннымъ представлялся его голосъ губернатору, когда дѣло шло объ опротестованіи послѣднимъ постановленія Думы или когда, наоборотъ, ему хотѣлось, чтобъ постановленіе это осталось въ своей силѣ.

По отношенію къ Скарятину существовала еще одна особенность. По городовому положенію не полагалось должности секретаря особаго присутствія, и эту обязанность приходилось бы поручить кому-нибудь изъ чиновниковъ губернаторской канцеляріи. Но при Скарятинѣ эта канцелярія была сведена почти на нѣтъ, и я въ теченіе всего своего пребыванія въ Казани даже никогда не слышалъ о томъ, *кто* правитель губернаторской канцеляріи. Правителя канцеляріи—обыкновенно столь вліятельнаго, а подчасъ и зловреднаго—у энергическаго казанскаго губернатора фактически не существовало. Нетерпѣливый и рѣшительный, послѣдній все дѣлалъ самъ, начиная съ распечатыванія почты, и безвѣстные чиновники исполняли его состоявшіяся безъ всякихъ докладовъ резолюціи. Въ этомъ была его большая и рѣдкая въ то время заслуга. Поэтому открытіе засѣ-

Библиотека "Руниверс"

даній новаго и пестраго по составу учрежденія застало его, такъ сказать, врасплохъ. Тогда я, живо интересуясь новымъ дѣломъ и правильной постановкой городского самоуправленія, предложилъ принять обязанности секретаря присутствія на себя, на что всѣ съ радостной готовностью согласились. Пришлось вести журналъ засѣданій и писать всѣ постановленія, изъ которыхъ многія представлялись, въ порядкѣ обжалованія въ Сенатъ. Питая къ Сенату суевѣрный страхъ, Скарятинъ очень дорожилъ этой моею дѣятельностью и готовъ былъ на всякія уступки при разногласіяхъ по преданію суду должностныхъ лицъ и по другимъ вопросамъ, въ которыхъ администрація соприкасалась съ судомъ. Онъ боялся, что я откажусь секретарствовать, на что я ему иногда намекалъ, и онъ останется въ новомъ для него дѣлѣ, какъ въ темномъ лѣсу. Къ сожалѣнію, послѣ моего отъѣзда изъ Казани, мѣстная прокуратура не оцѣнила значенія принятой мною на себя роли, да и вообще не умѣла удержать отвоеваннаго для судебнаго вѣдомства положенія и вліянія на губернатора. Скарятинъ почувствовалъ, что тѣ, кого онъ боялся, сами плохо вѣрятъ въ свою силу, а отъ добрыхъ отношеній съ ними никакой непосредственной пользы нѣтъ. Притихшія на время замашки сатрапа и плохо скрываемое презрительное недоброжелательство къ реформамъ Александра II проснулись въ немъ и развернулись столь широко, что черезъ нѣсколько лѣтъ, послѣ ревизіи сенатора Ковалевскаго, онъ былъ уволенъ въ отставку и не преданъ суду за возмутительныя насилія надъ правами и вѣрованіями мѣстнаго татарскаго населенія лишь вслѣдствіе излюбленной у насъ системы поддержки авторитета власти путемъ бездѣйствія закона.

Иначе велось дѣло въ петербургскомъ столичномъ городскомъ присутствіи подъ предсѣдательствомъ петербургскаго градоначальника Ѳедора Ѳедоровича Трепова. Будучи назначенъ на эту должность въ 1866 году, онъ нашелъ петербургскую полицію въ полномъ упадкѣ. Его ближайшіе предшественники играли роль начальства, но почти не заботились о правильной организаціи полицейскаго порядка въ столицѣ и о надзорѣ за нимъ, несмотря на то, что архаическое устройство стараго городского управленія дѣлало ихъ почти полновластными хозяевами въ городѣ. Одни изъ нихъ, какъ грубоватый Галаховъ, носились по улицѣ въ сопровожденіи верхового пожарнаго солдата и, надѣвъ пожарную каску, принимали личное участіе въ тушеніи пожаровъ, внося въ него оторопь и смуту; другіе, подобно графу Шувалову, относились высокомѣрно къ своимъ сослуживцамъ и брезгали носить полицейскій мундиръ. При этомъ ни одинъ изъ нихъ не былъ подготовленъ къ этой своей дѣятельности. Вслѣдствіе этого, петербургская полиція, въ

Библиотека "Руниверс"

лицѣ многихъ изъ своихъ чиновъ, дошла до крайнихъ предѣловъ распущенности и мздоимства, на что можно найти частыя указанія въ эзоповскомъ языкѣ и каррикатурахъ повременныхъ изданій, несмотря на строгость тогдашней цензуры. Для характеристики этихъ нравовъ я позволю себѣ прервать нить моихъ воспоминаній и привести факты, какъ говорится, „изъ другой оперы".

Въ концѣ сороковыхъ и началѣ пятидесятыхъ годовъ въ Петербургѣ жилъ талантливый художникъ Рудольфъ Жуковскій. Онъ изобразилъ между прочимъ рядъ петербургскихъ типовъ, снабдивъ свои рисунки остроумными подписями и издавъ ихъ подъ названіемъ—кажется—„Петербургъ подъ карандашомъ Жуковскаго". Онъ нарисовалъ также для „Пантеона и репертуара", журнала, издававшагося моимъ отцомъ, для разсылки подписчикамъ, въ видѣ приложенія, двѣ картины, изображавшія разъѣздъ изъ Александринскаго и Большого театровъ, составляющія нынѣ большую библіографическую рѣдкость. На одной изъ нихъ было изображено, какъ городовой тузитъ сбитенщика, замѣшкавшагося между экипажами, а на другой—городовой везъ въ саняхъ бушевавшаго пьянаго, а такъ называемый хожалый препровождалъ „на съѣзжую" на веревочкѣ подозрительнаго субъекта въ шинели. Цензура зачеркнула нѣкоторыя фигуры, и вмѣсто одной изъ нихъ появилось изображеніе редактора „Сѣверной Пчелы" Булгарина, ѣдущаго въ саняхъ съ какой-то дамой. Несмотря, однако, на это мой отецъ получилъ слѣдующее письмо отъ Жуковскаго, характеризующее взгляды тогдашняго главы петербургской полиціи и окружавшую его служебную среду.

М. Г. Ѳедоръ Алексѣевичъ! Призывалъ меня Оберъ... и такъ былъ недоволенъ, что чуть было не вышелъ изъ границъ приличія, онъ почти можно сказалъ ругалъ меня въ присутствіи гражданскаго губернатора, который повидимому для того явился, чтобы на меня поглядѣть. Нажилъ я себѣ друзей! Вотъ каково у насъ! Нельзя ничего рисовать. Это такое необычайное явленіе у насъ, что Обер... ужасается, „какъ можно (говоритъ онъ) чтобы на картинкѣ возили городовые пьяныхъ, развѣ это видано гдѣ-либо? Какъ можно представлять хожалыхъ, провожающихъ на веревочкѣ воришковъ? Вы въ русской службѣ и срамите русскихъ и т. д." Но развѣ я тому виноватъ, что почти ежедневно случается съ живыми въ здѣшнемъ мірѣ. Я привыкъ это видѣть такъ обыкновеннымъ, что безъ всякаго умысла и безъ страха за отвѣтственность нарисовалъ. Цензура дважды разсматривала оные и окончила позволеніемъ печатать, дабы по отпечатаніи 7 экземпляровъ было представлено въ цензурный комитетъ. Я чистъ какъ Христосъ предъ Пилатомъ, а полиція хочетъ меня проглотить; я боюсь за себя, ибо я человѣкъ малень-

Библиотека "Руниверс"

кій и вчера былъ похожъ на кролика въ крокодиловой пасти. Поперемѣнно высовывались одинъ изъ-за другого неопрятные, полуобритые чиновники, съ язвительною улыбкой, съ изумленіемъ смотрѣвшіе на меня. Спаси меня Господи видѣть ихъ когда-либо вторично! Если Вы можете—разувѣрьте Обер... что эта новость очень нравится публикѣ, и что въ числѣ ея и онъ тоже публика: что же ему сердиться?...

Вашъ слуга
Р. Жуковскій.

Въ противоположность своимъ предмѣстникамъ, Треповъ прошелъ въ должности варшавскаго генералъ-полиціймейстера большую практическую школу и явился въ Петербургъ съ запасомъ богатаго опыта. Онъ очистилъ составъ полиціи, переименовалъ и обставилъ ея чиновъ прилично въ матеріальномъ отношеніи, а во главѣ своей канцеляріи поставилъ просвѣщеннаго юриста С. Ф. Христіановича—человѣка „судебнаго“ въ душѣ и гуманнаго по сердцу, который въ свою очередь сумѣлъ поручить отдѣльныя части управленія градоначальника лично выбраннымъ имъ дѣятелямъ, чуждымъ прежней рутины. Подвижной, энергичный, дѣятельный, во все входящій, доступный и участливый къ нуждамъ обращавшихся къ нему лицъ, Треповъ вскорѣ стяжалъ себѣ между простымъ народомъ чрезвычайную популярность. Очень мало подходя подъ типъ поверхностныхъ военныхъ бюрократовъ, которыхъ, къ сожалѣнію, въ то время было немало,—обязанный своимъ положеніемъ не связямъ и происхожденію, онъ умѣлъ проявлять, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, значительную независимость характера. Эти его свойства, а также довѣріе къ нему Государя и широкія милости, ему оказанныя, дѣлали его бѣльмомъ на глазу многихъ представителей служебныхъ сферъ, гдѣ господствовала праздная оффиціальная болтовня и топтаніе на мѣстѣ. Вообще, несмотря на нѣкоторые свои недостатки, это былъ живой человѣкъ среди „поваленныхъ гробовъ“, какими являлось большинство тогдашнихъ сановныхъ администраторовъ. Для квіетизма тѣхъ изъ нихъ, кому было суждено приходить съ нимъ съ служебное соприкосновеніе, онъ былъ въ своей кипучей дѣятельности своего рода явнымъ укоромъ. Inde irae! Его не любили, боялись и злословили, распуская на его счетъ разныя ядовитыя легенды, въ которыхъ, несомнѣнно, было больше Dichtung чѣмъ Wahrheit. Нельзя, однако не замѣтить, что и тамъ, гдѣ Wahrheit была безусловно противъ него, какъ, напримѣръ, въ томъ его самовластномъ беззаконіи, которое привело въ концѣ концовъ къ извѣстному процессу Засуличъ, будущій безпристрастный историкъ долженъ будетъ возстановить правильную перспективу и

Библиотека "Руниверс"

поставить по меньшей мѣрѣ на одномъ ряду съ нимъ тѣхъ гораздо болѣе просвѣщенныхъ сановниковъ, къ которымъ онъ обращался за совѣтомъ, что ему въ данномъ случаѣ дѣлать, и которые или уклонились отъ возраженій, умывъ себѣ заранѣе руки въ томъ, что *имѣло* совершиться, или же, какъ онъ самъ настойчиво утверждалъ, укрѣпили его въ его злополучномъ намѣреніи.

За все время моей службы въ прокуратурѣ Треповъ относился къ судебному вѣдомству съ большимъ уваженіемъ и предупредительностью, настойчиво, а иногда и грозно требуя того же отъ своихъ подчиненныхъ. Я не могу припомнить какихъ-либо произвольныхъ дѣйствій съ его стороны по отношенію къ судебнымъ дѣламъ. При немъ было совершенно невозможно распоряженіе одного изъ его позднѣйшихъ преемниковъ, которому вино власти до такой степени ударило въ голову, что онъ, *находя*, что домовладѣлецъ Михайловъ, приговоренный мировымъ судьею къ штрафу въ двѣсти рублей съ замѣною арестомъ на два мѣсяца, можетъ воспользоваться шестинедѣльнымъ срокомъ для подачи отзыва и апелляціи, приказалъ привести этотъ приговоръ въ исполненіе въ административномъ порядкѣ, лишивъ такимъ образомъ подсудимаго принадлежавшаго ему по закону права обжалованія. Наоборотъ, въ двухъ случаяхъ, которые въ слѣдующее десятилѣтіе послѣ ухода Трепова изъ градоначальниковъ, могли бы окончиться трагически и кровопролитно, а именно при произведенныхъ студентами безпорядкахъ во дворѣ и около Технологическаго института въ 1874 году и при нападеніи рабочихъ Невскаго судостроительнаго завода на контору управленія съ ея полнымъ разгромомъ вслѣдствіе самовольнаго удержанія управляющимъ жалованья рабочимъ передъ Пасхой, ассигнованнаго распоряженіемъ правленія, Треповъ прежде всего обратился за содѣйствіемъ къ судебной власти и отдалъ себя въ полное ея распоряженіе, благодаря чему оба дѣла окончились вполнѣ законномѣрно и мирно. Я не могу также забыть той тревоги и справедливаго осужденія, съ которыми онъ относился къ раздуванію и безконечной длительности такъ называемаго Жихаревскаго политическаго дѣла, къ коему было привлечено съ лишенною основанія поспѣшностью и неразборчивостью въ цѣляхъ и средствахъ, около тысячи человѣкъ, изъ которыхъ были впослѣдствіи признаны виновными лишь 10%. По всѣмъ возникавшимъ на практикѣ вопросамъ, имѣвшимъ какое-либо отношеніе къ дѣятельности судебнаго вѣдомства, Треповъ не принималъ рѣшенія, не прославъ своего помощника генерала Козлова посовѣтоваться со мною, и былъ всегда благодаренъ за указаніе ему пути, согласнаго съ тѣмъ, что, по его любимому выраженію, „гласитъ законъ“. Я имѣю

Библиотека "Руниверс"

основаніе быть убѣжденнымъ, что если бы я занималъ еще должность прокурора въ іюлѣ 1877 года, Треповъ безъ труда согласился бы отказаться отъ своего, чреватаго послѣдствіями, намѣренія, приведшаго къ процессу Вѣры Засуличъ.

У меня сохранилось нѣсколько его записокъ о томъ или другомъ видѣ помощи разнымъ несчастливцамъ, записокъ, въ которыхъ одновременно сказывалось и его участіе къ человѣческому горю, и его враждебныя отношенія съ орѳографіей, подававшія поводъ его хулителямъ утверждать, будто бы онъ умѣетъ дѣлать въ словѣ, состоящемъ изъ трехъ буквъ, *четыре* ошибки (еще=ѣсчо). Среди ряда такихъ случаевъ мнѣ особенно памятно горячее участіе, принятое имъ въ бѣдной дѣвушкѣ, желавшей выйти замужъ за любимаго ею арестанта-студента, приговореннаго Сенатомъ къ ссылкѣ въ Сибирь. Высшая судебно-тюремная администрація, съ которою Треповъ былъ въ большихъ—и справедливыхъ съ его стороны—неладахъ, опираясь на разныя формальности, не разрѣшала этого брака въ Петербургѣ, а рекомендовала невѣстѣ ѣхать для этого въ городъ, гдѣ будетъ водворенъ ея женихъ, т. е. обрекала ее на долгій путь въ неопредѣленное заранѣе мѣсто, въ разлукѣ съ любимымъ человѣкомъ, въ тоскѣ и мукахъ неизвѣстности. Когда мнѣ удалось повліять на рѣшеніе вопроса въ противоположномъ смыслѣ, Треповъ выражалъ искреннюю радость и предложилъ достать новобрачной даровые билеты на желѣзную дорогу и пароходы.

Введеніе въ Петербургѣ городового положенія—на годъ позже, чѣмъ въ Казани—возлагало на градоначальника, въ качествѣ предсѣдателя особаго присутствія по городскимъ дѣламъ, новыя обязанности въ обновленномъ дѣлѣ городского самоуправленія. Поэтому, онъ очень цѣнилъ мое участіе въ особомъ присутствія, въ виду моего знакомства съ дѣятельностью такого учрежденія еще по Казани. Вслѣдствіе сложной и обширной работы, лежащей на прокурорѣ столичнаго окружнаго суда, о моемъ секретарствѣ въ особомъ присутствіи не могло быть и рѣчи, тѣмъ болѣе, что Треповъ выхлопоталъ назначеніе особаго секретаря для присутствія, человѣка весьма дѣльнаго и обстоятельнаго, г. Вырвича. Но я неуклонно посѣщалъ всѣ засѣданія и принималъ въ нихъ дѣятельное участіе, что обусловливалось не только интересомъ къ городскому самоуправленію, но и тѣмъ, что нашъ предсѣдатель смотрѣлъ на прокурора не какъ на простого члена присутствія, а какъ на юрисконсульта, обращаясь къ нему, немедленно послѣ доклада Вырвичемъ дѣла, съ предложеніемъ высказать свое заключеніе. Поэтому такое заключеніе приходилось подробно мотивировать, а для этого тщательно изучать и дѣла, и городовое положеніе, тогда еще представлявшее много вопросовъ,

Библиотека "Руниверс"

не разъясненныхъ и не истолкованныхъ Сенатомъ. Треповъ оказался весьма хорошимъ предсѣдателемъ,—велъ засѣданіе быстро и дѣловито, умѣло пресѣкая развитіе той болѣзни, которою страдаютъ у насъ многіе изъ членовъ коллегій и которую я назвалъ бы „недержаніемъ словъ“. Онъ ясно и вразумительно ставилъ вопросы и придавалъ разсмотрѣнію дѣла необходимый, но не всюду соблюдаемый характеръ серьезности. Такъ проработали мы вмѣстѣ первые четыре года городского самоуправленія Петербурга. Вопросы, доходившіе до присутствія за это время, имѣли важное значеніе и сами по себѣ, и по способу разрѣшенія ихъ въ Думѣ, который, будучи признанъ правильнымъ со стороны присутствія, обращался въ узаконенный обычай для всѣхъ дальнѣйшихъ подобныхъ же случаевъ.

Между такими вопросами особенно вспоминаются мнѣ — выкупъ городомъ водопроводовъ и устройство второй линіи конножелѣзныхъ дорогъ. По первому изъ нихъ, особому присутствію приходилось рѣшить, относится ли постановленіе городской Думы о выкупѣ вопроводовъ къ такимъ, для законности которыхъ необходимы двѣ трети голосовъ не менѣе половины *всего числа* гласныхъ (ст. 67 городоваго положенія 1874 года). Въ городской Думѣ такое постановленіе состоялось по простому большинству *наличныхъ* гласныхъ— и оно было опротестовано градоначальникомъ. Подробно разобравъ всѣ возраженія, могущія быть сдѣланными противъ голосованія, допущеннаго Думой, я высказался за законность ея дѣйствій—и Треповъ, не настаивая на своемъ протестѣ, согласился со мною. По второму дѣлу предстояло строго разграничить постановленіе Думой рѣшеній отъ ихъ исполненія, область дѣйствій Думы отъ области дѣйствій городской управы. Дума рѣшила не назначать торговъ на устройство второй сѣти столичной конки, а избрать изъ восьми коллективныхъ конкуррентовъ, въ собраніи своемъ, закрытой баллотировкой одного, которому и дать концессію. Противъ этого протестовалъ гласный В. И. Лихачевъ (будущій городской голова), указавшій, что по закону выборъ концессіонера долженъ принадлежать управѣ, а не Думѣ, и что избраніе въ такомъ многолюдномъ и не мотивирующемъ своихъ рѣшеній собраніи, какъ Дума, можетъ состояться подъ вліяніемъ постороннихъ соображеній. Въ подтвержденіе своихъ словъ онъ огласилъ три письменныхъ обязательства (промесса) отъ различныхъ конкуррентовъ, коими тѣ обязывались уплатить—въ случаѣ выдачи концессіи именно имъ—„Милостивому Государю“ или просто „предъявителю обязательства“ — одинъ — триста рублей чрезъ мѣсяцъ послѣ баллотировки, — другой — четыреста на другой день, а третій — шестьсотъ рублей на третій день... Къ протесту Лихачева присоединилось еще шесть гласныхъ, въ числѣ коихъ

Библиотека "Руниверс"

былъ и извѣстный общественный и государственный дѣятель А. П. Заблоцкій-Десятовскій. Но Дума не вняла протесту и большинствомъ 125 голосовъ противъ 48 отдала концессію Губонину и Башмакову. На такія дѣйствія Думы одною изъ группъ конкурентовъ—Рунцлеромъ и Безобразовымъ, получившими 86 голосовъ—была принесена жалоба въ особое присутствіе, остальные же конкурренты примирились съ постигшей ихъ неудачей, очевидно въ виду малаго количества голосовъ, поданныхъ въ ихъ пользу, колебавшагося отъ 9 до 33. Получивъ концессію, данную такимъ большинствомъ, Губонинъ и Башмаковъ съ чрезвычайной энергіей приступили къ заготовкѣ и поставкѣ необходимаго для осуществленія предпріятія матеріала, съ тѣмъ, чтобы въ самомъ непродолжительномъ времени имѣть возможность открыть движеніе по новымъ линіямъ.

Дня за два до слушанія жалобы въ особомъ присутствіи меня посѣтилъ градоначальникъ, чтобы переговорить по дѣлу второй конки и ознакомиться съ моимъ взглядомъ на дѣйствія Думы. Я сообщилъ ему, что признаю жалобу заслуживающею уваженія, такъ какъ Дума происвоила себѣ права и обязанности управы, на которой, по силѣ 72 ст. городового положенія, лежитъ приведеніе тѣмъ или другимъ способомъ, въ исполненіе рѣшеній Думы. Присвоивая себѣ исполнительныя дѣйствія и сливая въ одно постановку рѣшенія и осуществленіе его на практикѣ, Дума вышла изъ предѣловъ своей дѣятельности, точно намѣченной 55 ст. городового положенія. Масса гласныхъ, присутствующихъ въ засѣданіи Думы—едва ли можетъ, съ пользою, участвовать въ принятіи исполнительныхъ дѣйствій, требующихъ особаго навыка, опытности и спеціальнаго знакомства съ условіями предпринимаемаго дѣла. Выборъ концессіонера, безъ сомнѣнія, основанъ главнымъ образомъ на томъ довѣріи, которое онъ по своимъ знаніямъ, репутаціи, добросовѣстности и умѣнію внушаетъ избирателямъ въ виду принимаемой имъ на себя задачи. Но такая оцѣнка достоинствъ соискателя концессіи можетъ быть сдѣлана, конечно, съ большею осмотрительностью, съ меньшею поспѣшностью и при наличности подробныхъ матеріаловъ и данныхъ для сужденія—городскою управою, которая состоитъ изъ лицъ, близко знакомыхъ съ городскимъ хозяйствомъ, почтенныхъ довѣріемъ думы и отвѣтственныхъ за свои дѣйствія, если послѣдствіемъ ихъ будетъ ущербъ для матеріальныхъ интересовъ города. Въ избраніи концессіонеровъ управою должно участвовать небольшое число лицъ, изъ которыхъ каждый можетъ и даже долженъ мотивировать свое мнѣніе, дѣйствуя съ сознаніемъ не только своей нравственной, но и юридической отвѣтственности какъ предъ своими избирателями, такъ и предъ закономъ, согласно 156, 157 и 160 ст.

Библиотека "Руниверс"

городового положенія. Нѣтъ сомнѣнія, что эти условія должны вызывать болѣе осмотрительный и согласный съ интересами городского дѣла образъ дѣйствій со стороны ограниченнаго количества членовъ управы, чѣмъ предоставленная Думою возможность массѣ гласныхъ, не отвѣтственныхъ за свое рѣшеніе предъ какимъ-либо опредѣленнымъ собраніемъ, дѣйствовать въ спеціальномъ вопросѣ, въ качествѣ безличной, въ виду закрытой подачи голосовъ, силы.

Не отрицая юридической правильности моего взгляда—„вамъ и книги въ руки!“—мой посѣтитель,—для нетерпѣливой и дѣятельной натуры котораго на первомъ планѣ стояло скорѣйшее достиженіе практическаго результата, и предъ которымъ уже носился образъ новенькаго вагона новой конки, которая не нынче—завтра застучитъ по многолюднымъ улицамъ столицы, весело позванивая,—доказывалъ мнѣ, что судя по числу полученныхъ голосовъ концессія и управой будетъ отдана тѣмъ же лицамъ. Такимъ образомъ, все сводится лишь къ напрасной проволочкѣ времени въ дѣлѣ, имѣющемъ принести населенію Петербурга существенную пользу. Жалобщики не представляли, по мнѣнію его, серьезныхъ гарантій въ успѣхѣ постройки второй линіи, тогда какъ Губонинъ достаточно извѣстенъ своею добросовѣстностью, опытомъ и энергіей даже и въ крупномъ желѣзно-дорожномъ строительствѣ. Я не имѣлъ основаній спорить противъ практическихъ соображеній Треповa, но находя, что въ принципіальномъ вопросѣ дѣйствія петербургской Думы должны быть безусловно правильны и не возбуждать никакихъ возраженій, такъ какъ съ нея несомнѣнно берутъ примѣръ и многія, если не всѣ, городскія Думы губернскихъ городовъ, остался при своемъ мнѣніи о необходимости отмѣнить выборы концессіонера и постановленіе Думы. Поговоривъ о разныхъ другихъ дѣлахъ, мы вышли вмѣстѣ—и тутъ глазамъ моимъ представилось одно изъ чудесъ современной моему гостю полицейской стремительной исполнительности. Хозяинъ дома въ Басковомъ переулкѣ, въ которомъ помѣщалась моя скромная квартира, затѣялъ надстройку этажа и еще съ зимы почти совершенно заставилъ подъѣздъ штабелями кирпича, оставивши лишь узкій проходъ, въ которомъ трудно было двигаться вдвоемъ, не запачкавши верхняго платья. Протесты жильцовъ оставались безъ послѣдствій. Но вотъ пріѣхалъ Треповъ и, конечно, немедленно объ этомъ было дано знать участковому приставу, который еще за годъ передъ тѣмъ, извиняясь, что запоздалъ исполненіемъ моего дѣлового порученія, показывалъ мнѣ лаконическую телеграмму градоначальника, относившуюся къ знаменитому „дѣланію весны“: „убрать и сколоть снѣгъ и ледъ въ три дня. Повторять не стану. Взыскать съумѣю. Треповъ“. Градона-

Библиотека "Руниверс"

чальникъ пробылъ у меня около сорока минутъ, но, когда мы вышли, передъ подъѣздомъ не только не было штабелей кирпича, но даже мѣсто, гдѣ они находились, не носило никакихъ слѣдовъ ихъ пребыванія, и на немъ свободно стояла знакомая всему столичному населенію пролетка Ѳ. Ѳ. Трепова, запряженная парою лихихъ коней въ пристяжку. Я просто диву дался...

На другой или третій день я нашелъ повѣстку, приглашавшую меня въ засѣданіе присутствія на слѣдующій день не въ три, какъ это было обычно, а въ девять часовъ утра. Это былъ, какъ оказалось, первый изъ стратегическихъ пріемовъ, употребленныхъ предсѣдателемъ присутствія для того, чтобы „формалистика“ не побѣдила въ засѣданіи „насущныхъ потребностей населенія“. Дѣло въ томъ, что тогдашній городской голова, человѣкъ, достойный полнаго уваженія, пріѣзжая въ обычныя засѣданія, бывалъ уже утомленъ своими сложными и хлопотливыми обязанностями и, будучи слабаго здоровья, являлся крайне усталымъ и не всегда достаточно рѣчистымъ въ защитѣ постановленій Думы противъ письменныхъ протестовъ и горячей устной критики градоначальника. Но въ данномъ случаѣ желательно было, чтобы онъ умѣло и настойчиво оправдывалъ дѣйствія Думы, и онъ прибылъ въ засѣданіе свѣжій, бодрый и безъ малѣйшихъ признаковъ усталости. Градоначальникъ, приглашавшій насъ обыкновенно „быть запросто“, на этотъ разъ вышелъ къ намъ въ полной генералъ-адъютантской формѣ, въ лентѣ и звѣздахъ, и на мой недоумѣвающій вопросъ громогласно объявилъ, что въ одиннадцать часовъ долженъ ѣхать съ докладомъ къ Государю Императору. Вслѣдъ затѣмъ было открыто засѣданіе, въ которомъ онъ проявилъ себя тонкимъ психологомъ. Когда я, по его предложенію, повторилъ то, что за нѣсколько дней высказывалъ ему лично, онъ обратился съ упреками къ городскому головѣ. „Вотъ видите—сказалъ онъ ему—что ваша Дума дѣлаетъ? Зачѣмъ у васъ законовъ не соблюдаютъ?! слышите, что говоритъ прокуроръ? Я съ нимъ совершенно согласенъ. Онъ говоритъ „какъ законъ гласитъ“. Только что же теперь дѣлать? Вѣдь положеніе мое очень тяжелое. Я, какъ градоначальникъ, долженъ заботиться о дешевыхъ средствахъ передвиженія для бѣднаго населенія. Губонинъ уже и рельсы готовъ класть, и парки для вагоновъ нашелъ подходящіе, и людей подыскалъ, и подвижной составъ заказалъ, а тутъ на—поди! Все можетъ на смарку пойти! И когда еще войдетъ въ дѣйствіе вторая линія—Богъ вѣсть... Вотъ сегодня часа черезъ два меня на докладѣ навѣрно спросятъ: „ну что, какъ у тебя конно-желѣзныя дороги? Скоро ли пойдутъ? Что я отвѣчу?! Останется сказать: „не могу знать, когда пойдутъ, потому что городской голова законъ проморгалъ!—Ну что скажете?“

Библиотека "Руниверс"

Городской голова подробно развилъ соображенія Думы и окончилъ тѣмъ, что и при отмѣнѣ постановленія Думы городская управа все-таки предпочтетъ Губонина Рунцлеру и Безобразову. „Ну да, ну да", одобрительно сказалъ Треповъ. „Только одна проволочка времени выйдетъ. Право, лучше жалобу оставить безъ послѣдствій, и черезъ мѣсяцъ у насъ на Литейной зазвенятъ звонки вагоновъ!— Вы какъ думаете, Александръ Александровичъ?" Помощникъ градоначальника сказалъ, что полагаетъ оставить безъ послѣдствій. Мое мнѣніе и мнѣніе городского головы были уже извѣстны, а остальные три члена—управляющій казенной палатой, предсѣдатель губернской земской управы и предсѣдатель мирового съѣзда заявили, что согласны съ прокуроромъ. „Большинство за отмѣну!" сказалъ, робко взглядывая на предсѣдателя, Вырвичъ. „Ахъ, господа! заговорилъ вновь послѣдній:—какъ предсѣдатель присутствія, я, конечно, согласенъ съ прокуроромъ; такъ гласитъ законъ! Но вѣдь войдите въ мое положеніе! вѣдь мнѣ, какъ градоначальнику, дороги интересы населенія" и т. д. И онъ началъ подробно объяснять, какое подспорье этому населенію окажетъ конка, и какъ важно ее, какъ можно скорѣе, устроить. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока управляющій казенной палатой Касьяновъ, человѣкъ великаго добродушія, не заявилъ, что если положеніе его превосходительства, какъ градоначальника, обязаннаго пещись о нуждахъ города, будетъ такъ затруднительно въ случаѣ отмѣны постановленія Думы, то онъ готовъ отказаться отъ своего мнѣнія и согласенъ оставить жалобу безъ послѣдствій. „Теперь голоса поровну", заявилъ Вырвичъ.—„Отъ вашего голоса, обратился я къ Ѳ. Ѳ. Трепову, зависитъ окончательное рѣшеніе вопроса.—„Но въ какое положеніе вы, господа, меня ставите! Вѣдь я готовъ быть съ прокуроромъ дорогой душой, но только подумайте. что я скажу, когда меня сегодня спросятъ: „ну что, какъ у тебя конки?" Ну что я отвѣчу? Какъ объясню всю эту проволочку, отъ которой благодаря вамъ,—и онъ сурово посмотрѣлъ на городского голову—страдаетъ столица".— „Ваше превосходительство! воскликнулъ предсѣдатель мирового съѣзда отставной полковникъ Веригинъ, на котораго картина предстоящихъ сегодня же утромъ объясненій Трепова при докладѣ, очевидно, стала производить гипнотизирующее дѣйствіе: „Ваше превосходительство! я отказываюсь отъ своего мнѣнія!"—„А-а-а, протянулъ Треповъ, густо покраснѣвъ отъ удовольствія,—такъ значитъ большинство во всякомъ случаѣ за оставленіе безъ послѣдствій?"—„Да, сказалъ я: кромѣ меня и члена губернской управы (Лихонина) всѣ за оставленіе безъ послѣдствій". „Ну, позвольте закрыть засѣданіе—сказалъ онъ и, обращаясь ко мнѣ, спросилъ:

Библиотека "Руниверс"

вы, конечно, подадите особое мнѣніе?—Непремѣнно!—Пожалуйста, пришлите скорѣе, мы его внесемъ въ журналъ цѣликомъ, оно не должно пропасть. Вѣдь, какъ предсѣдатель городского присутствія, я вполнѣ согласенъ съ вами, когда вы объясняете, какъ законъ гласитъ, но какъ градоначальникъ не могу согласиться на эту безполезную затяжку, при которой они—и онъ кивнулъ въ сторону городского головы — снова что-нибудь напутаютъ...“ И торопливо простившись съ нами, онъ оставилъ залъ засѣданія. Жалобщики перенесли дѣло въ I департаментъ Сената, откуда, черезъ *одиннадцать мѣсяцевъ*, послѣдовалъ указъ объ оставленіи ихъ жалобы безъ послѣдствій на томъ основаніи, что при возникновеніи въ Думѣ сомнѣній, подлежитъ ли данное дѣло вѣдомству ея или управы, разрѣшеніе этого сомнѣнія принадлежитъ Думѣ.

Это дѣло было единственнымъ разногласіемъ моимъ по городскимъ дѣламъ съ популярнымъ градоначальникомъ. Перелистывая старыя служебныя бумаги, я нахожу у себя письмо его отъ 6 августа 1875 года по поводу „прискорбнаго извѣстія о незамѣнимой утратѣ“, состоящей въ оставленіи мною должности прокурора. „Никто, конечно, — пишетъ мнѣ между прочимъ градоначальникъ, — не имѣлъ столько случаевъ и возможности, какъ я, видѣть и цѣнить Ваше стремленіе привить законность къ дѣятельности всѣхъ органовъ столичныхъ властей какъ общественныхъ, такъ и административныхъ“.

Городскія дѣла оставили во мнѣ и еще одно далекое воспоминаніе. Когда я перешелъ въ Петербургъ прокуроромъ, до меня стали доходить слухи, что въ особомъ присутствіи по городскимъ дѣламъ Кронштадта не все обстоитъ благополучно вслѣдствіе самодурства военнаго губернатора вице-адмирала Казакевича, нелѣпаго тщеславія городского головы Коргуева и услужливаго попустительства товарища прокурора Ш—на, человѣка мало серьезнаго и несвѣдущаго. Разсказывали, что военный губернаторъ съ высоты своего административно-морского положенія обращается грубо и надменно съ городскимъ головою, презрительно относясь къ носимому послѣднимъ штурманскому званію и дѣлая его предметомъ посмѣянія въ публичныхъ — вопреки закону — засѣданіяхъ особаго присутствія; что въ свою очередь городской голова, одержимый маніей величія, устроилъ себѣ въ городской Думѣ нѣчто въ родѣ трона подъ балдахиномъ и постоянно закрываетъ двери засѣданій для публики въ такихъ случаяхъ, когда не имѣетъ на это ни права, ни основанія; наконецъ, что секретарь Думы и особаго присутствія, человѣкъ весьма нервный и впечатлительный, вмѣшивается въ пренія и затѣмъ отказывается скрѣплять журналы, съ изложенными въ которыхъ постановленіями онъ, секретарь, не согласенъ. Я рѣшилъ

Библиотека "Руниверс"

поѣхать посмотрѣть все это на мѣстѣ. То, что я увидѣлъ въ особомъ присутствіи, превзошло всякія ожиданія. Зала обширнаго помѣщенія была переполнена публикой, среди которой почему-то было много офицеровъ ластоваго экипажа. Эта публика смѣялась и громко выражала свое одобреніе разнымъ выходкамъ предсѣдателя противъ городского головы, съ которымъ военный губернаторъ говорилъ, повернувшись къ нему спиной и презрительно пожимая плечами. На секретаря, который постоянно вмѣшивался въ разсужденія, вскакивая съ мѣста, онъ покрикивалъ, вступая съ нимъ въ пререканія *по существу* обсуждаемыхъ вопросовъ. Все носило характеръ не разсмотрѣнія спорныхъ городскихъ дѣлъ, а какой-то недостойной травли городского управленія со стороны военнаго губернатора и лакействующаго передъ нимъ товарища прокурора. По окончаніи засѣданія возмущенный всѣмъ, что я видѣлъ, я объявилъ Ш—у, что онъ переводится мною въ Новую Ладогу (нѣчто въ родѣ ссылочнаго мѣста для уѣздныхъ товарищей прокурора, которые, впрочемъ, всѣ жили въ Петербургѣ), а почтенному адмиралу, который пожелалъ узнать мое мнѣніе, высказалъ свое крайнее удивленіе по поводу публичности засѣданій присутствія, поведенія публики и его отношенія къ городскому головѣ, прибавивъ, что отнынѣ я буду ѣздить лично въ каждое засѣданіе присутствія. Старый морякъ, повидимому въ дѣлахъ сухопутныхъ „немудрый судія“, былъ нѣсколько сконфуженъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сказалъ мнѣ слѣдующее: „вотъ вы говорите о томъ, что не надо допускать публику. Если бы вы знали, какое у меня множество пьянствуетъ по трактирамъ! Тутъ по крайней мѣрѣ хоть часъ-другой трезвыми пробудутъ. Имъ вѣдь въ Кронштадтѣ скука смертная. А что до этого *штурмана*, то онъ другого обращенія не стоитъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ городской голова, онъ вообразилъ, что онъ китайская богородица, такъ я долженъ съ него спѣсь посбить. Да и что вы такого нашли въ моемъ съ нимъ обращеніи? Я вамъ скажу — прибавилъ онъ добродушно—что вѣдь нынче мы всѣ знали, что вы—прокуроръ—въ залѣ, такъ у насъ было еще тихо, а то обыкновенно я ихъ ругаю, они отругиваются, а ластовые мои смѣются. А что вы Ш—на взять хотите, такъ это напрасно! Онъ человѣкъ душевный и меня поддерживаетъ. Безъ него мнѣ съ Думой сладу не будетъ... Пожалуйте ко мнѣ сегодня откушать: очень обяжете“...

А. Ѳ. Кони.

Библиотека "Руниверс"

Дневникъ статсъ-секретаря Григорія Ивановича Вилламова.

1807 г.

Въ 1899 г. въ „Русской Старинѣ“ въ январьской, февральской и мартовской кн. были сообщены Е. С. Шумигорскимъ части этого дневника съ 17 ноября 1825 г. включительно по 19 марта 1826 г. Нынѣ, внукъ Г. И. Вилламова, Н. А. — Вилламовъ передалъ редакціи части этого дневника, которыя и предлагаемъ вниманію читателей журнала, ввиду того особаго значенія, которое заслуживаетъ этотъ дневникъ.

Статсъ-секретарь Григорій Ивановичъ Вилламовъ (1775 † 1842) исполнялъ обязанности личнаго секретаря Императрицы Маріи Ѳеодоровны до самой ея кончины и пользовался особымъ довѣріемъ какъ Императрицы, такъ и всей царской семьи.

Онъ заслужилъ всеобщее уваженіе, былъ чуждъ придворныхъ интригъ, а при докладахъ считалъ своимъ долгомъ говорить правду.

Дневникъ написанъ по-французски; печатаемъ его въ переводѣ.

Авторъ заносилъ свои замѣтки на бумагу, какъ только его усиленныя занятія давали ему на то время.

Ред.

1 января. Вторникъ. Я поѣхалъ во дворецъ со всѣми своими оконченными серьезными работами, но успѣлъ передъ обѣдней принести только поздравленіе Императрицѣ. Полетика [1]) мнѣ говорилъ

---

[1]) Полетика Мих. Ив. (1768 † 1824) былъ секретаремъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны съ начала царствованія Императора Павла I. *Ред.*

Библиотека "Руниверс"

о своемъ намѣреніи проситься въ отставку, вслѣдствіе предоставленной ему роли безъ всякаго значенія.—Правда, что роль, которую игралъ онъ, была не очень лестной, потому что всю работу и обо всемъ поручали мнѣ,а на его долю оставался докладъ по немногимъ незначущимъ бумагамъ. Кромѣ того много лицъ уже получили ленты, а ему не давали.—Я просилъ о немъ Императрицу. Она сказала, что если кто-либо изъ секретарей Государя имѣетъ ленту, то она попроситъ и для Полетики. Онъ написалъ письмо къ Императрицѣ, въ которомъ просилъ отставки, и поручилъ мнѣ передать его.

Я воспользовался временемъ обѣдни, расчиталъ балансъ доходовъ и расходовъ *Вдовьяго Дома* и пришелъ къ заключенію, что доходовъ хватитъ до 1823 года, но не далѣе.

Наконецъ въ 3 часа я былъ позванъ къ Императрицѣ, но едва сѣли мы за дѣло, какъ пришла Императрица Елисавета [1]), я воспользовался случаемъ, чтобы отложить докладъ письма Полетики, и получилъ приказаніе явиться послѣ обѣда.

Послѣ обѣда Императрица говорила мнѣ о связи Императора съ Нар. и хотя онъ проводилъ у ней дни и ночи, но она не имѣла вліянія, и ей не придавали никакого значенія въ публикѣ. Императрица спросила меня, что говорятъ объ Императрицѣ Елисаветѣ, я отвѣтилъ, что почти не говорятъ вовсе, какъ будто ее не существуетъ. Она сказала, что Императр. Елисавета безусловно умна, но имѣетъ недостатокъ: быть крайне перемѣнчивой и холодной какъ ледъ, что она конечно могла быть счастливой съ Императоромъ, который дѣлаетъ все, что она желаетъ, но Онъ обладаетъ любящимъ сердцемъ, а она очень холодна. Мы поговорили также, что слишкомъ удаляются отъ представительности, и я дозволилъ себѣ даже нѣсколько осуждать это, но она отвѣтила, что сдѣлали все возможное,чтобы заставить Императрицу Елисавету перемѣнить манеру обращенія съ публикой, но она не хочетъ и проч. Императрица спросила, измѣнилось ли мнѣніе въ публикѣ о Великомъ Князѣ Константинѣ [2]) и говорятъ ли лучше на его счетъ? Я отвѣтилъ: нѣтъ, что о немъ судятъ не одобрительно. Она сказала, что онъ умнѣе Государя, но менѣе разсудителенъ, что Императоръ сталъ лѣниться и т. д. Вообще много было говорено объ Августѣйшемъ семействѣ.

Съ этого времени было много переговоровъ и переписки съ

---

[1]) Императрица Елизавета Алексѣевна, супруга Императора Александра I. См. „Русская Старина“ 1909 г. январь, 1910 г. январь, февраль, мартъ, апрѣль, май и ноябрь. *Ред.*

[2]) Великій Князь Константинъ Павловичъ.

Библиотека "Руниверс"

Полетикой лично и черезъ Нелидову [1]) на счетъ условій по отставкѣ. Наконецъ Императрица выхлопотала ему: увольненіе, съ обращеніемъ содержанія въ пенсію и съ оставленіемъ за нимъ мѣста секретаря ордена св. Екатерины, ленту св. Анны, разрѣшеніе отлучаться для своихъ дѣлъ, сохраняя содержаніе по званію секретаря; такъ что 38 лѣтъ отъ роду Полетика за 20 лѣтъ службы былъ совершенно независимъ, въ орденахъ, съ имѣніемъ въ 500 душъ въ Тамбовской губерніи и пенсіей въ 4.500 рублей.

2 февраля. Получено извѣстіе о побѣдѣ нашихъ войскъ подъ командой Беннигсена [2]) надъ французами при Прейсишъ-Эйлау. Взяли 12 знаменъ; французы потеряли 1.200 убитыми и 1.200 плѣнными. Оказалось потомъ, что потери французовъ были еще больше.

16 марта. Императоръ уѣхалъ къ арміи въ 12½ часовъ дня послѣ молебствій въ Казанскомъ соборѣ. Августѣйшая Мать старалась насколько можно разубѣдить его въ необходимости отъѣзда, изложивъ все это въ особой запискѣ, посланной къ Императору еще вчера. Она доказывала неумѣстность этой поѣздки и пребыванія въ арміи, совѣтуя ему, если онъ непремѣнно хочетъ ѣхать, то воздержаться отъ личнаго командованія и всякаго вмѣшательства въ военныя дѣйствія.

За нѣсколько дней передъ этимъ я представилъ Государю отъ имени Ея Величества уставъ для института сиротъ военныхъ, для чего испрашивалось прибавки 10.000 рублей для института и 25.000 рублей на покупку сосѣдняго дома. Военный министръ Вязмитиновъ [3]) мнѣ сказалъ, что Государь передалъ ему всѣ бумаги по этому дѣлу и просилъ: зайти къ нему для редакціи отвѣта Государя Императрицѣ и написать замѣтку относительно тѣхъ приказаній, которыя надо отдать кабинету, Военной Комиссіи, министру финансовъ и пр. Я все приготовилъ для него 18-го. Черезъ недѣлю онъ прислалъ проектъ приказовъ, которые я доложилъ Императрицѣ.

Императрица выразила желаніе не замѣщать вакансіи Полетики, но дать мнѣ свободные дни въ недѣлю. Я согласился на это условіе; и она назначила мнѣ воскресенье, среду и субботу, но въ субботу я долженъ былъ приходить, если собирался совѣтъ, что отнимало у меня время до 3 часовъ. Лишь бы она не трогала остальные данные мнѣ дни, тогда я устроюсь съ дѣлами, но кажется, этого не случится.

---

[1]) Камеръ-фрейлина Екатерина Ивановна, имѣвшая большое вліяніе въ царствованіе Императора Павла I.

[2]) Беннигсенъ гр. Леонтій Леонтьевичъ 1745 † 1826

[3]) Вязмитиновъ Сергѣй Константиновичъ 1749 † 1819.

Библиотека "Руниверс"

Однажды по поводу письма княгини Дашковой [1]) и просьбы моей о перемѣнѣ одной фразы, которая могла дать понять, что какъ будто Императрица надѣется, что младшій сынъ наслѣдуетъ помимо старшаго, Императрица сказала мнѣ, что полагаетъ, что престолъ перейдетъ къ Велик. Кн. Николаю [2]), и вотъ почему она такъ близко принимаетъ къ сердцу его воспитаніе.

24 мая. Пятница. Когда было получено извѣстіе о смерти императрицы Австрійской, Императрицѣ пришла мысль выдать за мужъ за императора Франца[3]) Великую Княжну Екатерину Павловну, которая не противилась этому браку, и даже, какъ мнѣ говорила Императрица, этотъ проектъ ей нравился[4]).—Многимъ приходила въ голову эта мысль, и даже оберъ-камергеръ Голицынъ писалъ объ этомъ Императрицѣ изъ Москвы. Она сообщила проектъ свой въ одномъ изъ своихъ писемъ—Государю. Она совѣтовалась по этому вопросу съ фельдмаршаломъ Салтыковымъ [5]) и графомъ Кочубеемъ [6]), и они нашли, что мысль очень хороша. Она рѣшилась написать лично Императору Францу, считая себя старшею въ его роднѣ, такъ какъ братъ Императора женатъ былъ первымъ бракомъ на сестрѣ Императрицы принцессѣ Елисаветѣ Виртембергской, и думала вести это дѣло какъ семейное. Она написала родственное письмо Императору Францу, желая узнать его согласіе, передала письмо это князю Александру Куракину [7]), уѣзжавшему на постъ посла въ Вѣну, который долженъ былъ, проѣзжая черезъ Бартенштейнъ, показать письмо Государю, а если онъ его одобритъ, то везти письмо Императору Францу, дѣлая видъ, что ему содержаніе письма неизвѣстно,

Вскорѣ послѣ отправки письма полученъ отъ Государя первый отвѣтъ и особая записка Будберга [8]). Государь указывалъ на лѣта Имп. Франца, и что онъ больной, нечистоплотный и т. д. [9]). Буд-

[1]) Екатерина Романовна (1743 † 1810). Другъ Императрицы Екатерины II, была при ней президентомъ Росс. академіи.

[2]) Вел. Князь Николай Павловичъ, впослѣдствіи Императоръ Николай I.

[3]) Францъ I императоръ Австрійскій, союзникъ Императора Александра I въ 1813 и 1814 гг.

[4]) См. „Русская Старина“ 1911 г. мартъ. Брачные проекты Вел. Кн. Екатерины Павловны и Анны Павловны.

[5]) Иванъ Петровичъ.

[6]) Гр. Кочубей Викторъ Павловичъ 1768†1834. Другъ Имп. Александра I въ первыя годы царствованія.

[7]) Кн. Александръ Борис. Куракинъ. Онъ подписалъ Тильзитскій трактатъ.

[8]) Будбергъ Андрей Яковлевичъ 1750 † 1812, министръ иностр. дѣлъ.

[9]) На эти слова В. К-ня Екатерина отвѣчала: онъ не старъ, такъ какъ ему 38 лѣтъ; если онъ грязенъ—она его вымоетъ, а если онъ былъ боленъ въ 1805 году, то выздоровѣетъ.

Библиотека "Руниверс"

бергъ въ запискѣ оспаривалъ проектъ по причинамъ политическимъ, представляя какъ причину, что Россія при такомъ родственномъ союзѣ должна будетъ подчинить свои дѣйствія сообразно положенію Австріи; эта записка Будберга была крайне жалкая и слабая по содержанію. Императрица, написавъ на нее отвѣтъ, поручила мнѣ показать его графу Кочубею и фельдмаршалу Салтыкову. Первый нашелъ, что Императрица напрасно трудилась опровергать глупости г-на Будберга, не стоющія отвѣта, и если г-нъ Будбергъ такъ боится подчиненія свободы дѣйствія Россіи сообразно положенія Австріи, то почему онъ не боится того же въ отношеніи Пруссіи, почему онъ не мѣшалъ, когда хотѣли отдать Великую Княжну за одного изъ принцевъ Прусскихъ, которые не что иное, какъ дураки, капралы, даже и самый король, личность глупѣйшая и незначущая, между тѣмъ, какъ эрцъ-герцоги Австрійскіе хотя и не орлы, но хорошо воспитанные, имѣющіе здравый смыслъ и нѣкоторые даже выдающіеся. Фельдмаршалъ вполнѣ согласился съ опроверженіемъ, изложеннымъ въ запискѣ Императрицы, и записка была послана.— Сегодня получено письмо отъ Государя, въ которомъ онъ отдаетъ все это дѣло на рѣшеніе Императрицы, но находитъ необходимымъ спросить митрополита по вопросу о родствѣ, такъ какъ братъ императора Франца—Іосифъ былъ женатъ на сестрѣ Екатерины Павловны, Александрѣ. Императрица хотѣла писать митрополиту, не желая поручить переговоры Голицыну, дабы не посвящать лишнее лицо въ это дѣло, не желала также поручить переговоры и фельдмаршалу Салтыкову, потому что если она объ этомъ скажетъ императору (который очень подозрителенъ), онъ былъ бы можетъ быть недоволенъ или лучше сказать фельдмаршалъ былъ бы поставленъ въ неловкое положеніе.—Она послала меня посовѣтываться съ гр. Кочубеемъ. Кочубей нашелъ, что лучше бы было прежде переговорить черезъ кого-нибудь конфиденціально съ митрополитомъ, напр. „почему бы Императрицѣ не поручить Вамъ, совершенно частнымъ образомъ, чтобы узнать, какъ смотрѣлъ на этотъ вопросъ митрополитъ, если же ему написать оффиціально, а онъ, положимъ, будетъ мнѣнія противнаго и изложитъ его въ письменномъ отвѣтѣ, тогда ничего не останется дѣлать,—на словахъ же можно объясниться“.

Императрица не согласилась съ этой мыслью, во-первыхъ, въ отношеніи меня, такъ какъ я не *православный* (!) [1]) и потому это не идетъ, а во 2-хъ, она не могла написать Государю, что она мнѣ приказала вывѣдать мнѣніе митрополита, а уже если необходимо переговорить съ нимъ, то это можно сдѣлать только посредствомъ

[1]) Je ne suis pas de la Religion!

Библиотека "Руниверс"

князя Голицына [1]), но я не знаю, прибавила она, захочетъ ли князь взяться за это, будучи человѣкомъ крайне осторожнымъ. Она полагала, что если бы взялся за это фельдмаршалъ Салтыковъ, то это было бы лучше. Она мнѣ поручила отправиться къ фельдмаршалу, но такъ какъ было уже 11 часовъ вечера, а я отпустилъ свой экипажъ и не могъ путешествовать по городу въ мундирѣ со шляпой подъ мышкой (другой у меня не было), и предполагая Салтыкова уже спящимъ, то отложилъ исполненіе этого порученія до утра и заявилъ Императрицѣ, что фельдмаршалъ спитъ.

Черезъ часъ я получилъ приказаніе ѣхать къ нему въ 9 часовъ утра.

25 Суббота. Я былъ у фельдмаршала, онъ вызвался переговорить съ митрополитомъ, пригласивъ его къ себѣ, и за симъ привезти отвѣтъ въ Таврическій дворецъ. Я передалъ все Императрицѣ, и она послала меня къ фельдмаршалу просить его исполнить какъ сказано, что она будетъ его ожидать въ Зимнемъ дворцѣ до 2 или до 2½ часовъ или если онъ можетъ, то пріѣхалъ бы обѣдать въ Таврическій. Фельдмаршалъ обѣщалъ прислать отвѣтъ въ самомъ скоромъ времени.

До 2 часовъ еще Императрица сказала мнѣ, что фельдмаршалъ привезъ благопріятный отвѣтъ отъ митрополита, что онъ говорилъ съ нимъ отъ своего имени. Она поручила мнѣ сейчасъ же написать письмо къ митрополиту, несмотря на мое заявленіе, что я не въ состояніи написать подобнаго рода письмо сразу. Однако, я долженъ былъ написать, но она не одобрила его, и хотѣла, чтобы я написалъ другое въ Таврическомъ. Я обѣщалъ прислать тотчасъ послѣ обѣда въ Таврическій дворецъ, и она была довольна.

Послѣ обѣда дома я передѣлалъ письмо и пріѣхалъ въ Таврическій до возвращенія еще Императрицы отъ обѣда во внутреннія комнаты. Она сдѣлала нѣкоторыя мелкія измѣненія и послала меня показать письмо фельдмаршалу. Онъ вполнѣ одобрилъ его и посовѣтовалъ добавить еще мысль, что государственныя связи не могутъ быть обсуждаемы по тѣмъ правиламъ, которыя примѣняютъ для частныхъ лицъ. Императрица приказала добавить въ этомъ смыслѣ.

Возвратясь съ прогулки, Императрица нашла письмо готовымъ и отправила его по назначенію со своимъ камердинеромъ Кирилломъ Тимофеевымъ. Я снялъ копію съ чернового письма для Императрицы, а подлинное сохранилъ. Императрица просила пріѣхать къ ней завтра въ 10 часовъ въ Таврическій дворецъ, куда она переѣхала на жительство сегодня.

---

[1]) Кн. Александръ Николаевичъ Голицынъ.

Библиотека "Руниверс"

26 Воскресенье. Я пріѣхалъ во дворецъ съ бумагами и съ копіей со вчерашняго письма, почти въ то же мгновеніе Кирилла пріѣхалъ изъ Невскаго монастыря съ отвѣтомъ отъ митрополита. Меня позвали; отвѣтъ былъ самый благопріятный. Я долженъ былъ засѣсть въ кабинетѣ Императрицы, чтобы переписать письмо ея къ Государю съ приложеніемъ подлиннаго письма митрополита и копіи съ него. Въ письмѣ своемъ Императрица упоминаетъ о выраженномъ въ письмѣ Государя огорченіи его объ обезлѣсеніи страны. Передъ этимъ еще онъ жаловался на Беннигсена, говоря о его лукавствѣ и двоедушіи. Императрица отвѣтила, что многіе полководцы имѣли подобные пороки, но все-таки умѣли пользоваться ихъ талантами, а что Беннигсенъ уже показалъ свой и заслужилъ общее довѣріе. Она давала понять, что боится, нѣтъ ли какой интриги, и очень не оправдывала намѣренія Государя поселиться въ Тильзитѣ, совѣтуя ему лучше возвратиться сюда. Она была вполнѣ права.

Окончивъ дѣла, Императрица разрѣшила мнѣ уѣхать и не пріѣзжать завтра, если не случится чего-либо особеннаго.

27 Понедѣльникъ. Получено извѣстіе о взятіи Данцига французами.

1 іюня Суббота. Сегодня отслужено молебствіе по случаю взятія крѣпости *Анапа*, которой овладѣла флотилія подъ командой контръ-адмирала Пустошкина [1]). Было также получено извѣстіе о побѣдѣ надъ французами у Гутштадта и о взятіи этого города, но такъ какъ Государь объ этомъ не писалъ, то Императрица сказала мнѣ, что она предпочла бы служить молебенъ по этому случаю, нежели о взятіи Анапы.

Извѣстіе было получено оффиціальнымъ письмомъ отъ генерала Будберга на имя графа Салтыкова отъ 25 мая, а письмо Государя было 24 числа, дѣло было 24 мая, корпусъ маршала Нея былъ атакованъ и разбитъ, Гутштадтъ взятъ со всѣми запасами.

3 Вторникъ. Императрица показала мнѣ два письма Беннигсена: одно писанное къ Государю и пересланное Императоромъ къ ней, а другое прямо къ ней и спросила, нахожу ли я въ немъ противорѣчіе или двоедушіе. Беннигсенъ сообщаетъ Государю о дѣлахъ при Гутштадтѣ, 24 и 25 мая, въ которыхъ Ней былъ снова разбитъ, что мы взяли 2.500 плѣнныхъ, и между ними генерала Роке и проч. и говоритъ въ то же время о попыткахъ Бонапарта, возвратившагося изъ Данцига къ войскамъ 26 мая, объ обходѣ нашей арміи и выражаетъ опасеніе за наше правое крыло.

---

[1]) Пустошкинъ Семенъ Аѳанасьевичъ 1759 † 1840, адмиралъ, командиръ Черноморской эскадры.

Библиотека "Руниверс"

Императоръ пишетъ въ своемъ письмѣ приблизительно слѣдующее: *вотъ къ чему привели всѣ эти великія распоряженія* или что-то въ этомъ родѣ, но вообще относится иронически и вѣроятно увлеченный недовѣріемъ и дурнымъ расположеніемъ духа онъ распечаталъ письмо Беннигсена, адресованное къ Императрицѣ, въ которомъ говорится только о нашихъ успѣхахъ. Вотъ въ этомъ Государь предполагаетъ, что онъ нашелъ доказательство фальшивости Беннигсена.

Подчеркнувъ одну фразу, онъ сдѣлалъ на поляхъ замѣтку объ этомъ предполагаемомъ двоедушіи. Онъ извиняется у Императрицы за вскрытіе письма къ ней тѣмъ, что, увидавъ ея пакетъ толще своего, онъ думалъ найти болѣе подробностей. Императрица была возмущена этимъ поступкомъ, она написала отвѣтъ, объяснивъ прекрасно Государю, какъ правильно поступилъ Беннигсенъ относительно различія или характера этихъ двухъ писемъ, остановившись въ письмѣ къ ней тамъ, гдѣ слѣдовало, т. е. описывая наши успѣхи, не говоритъ о своихъ опасеніяхъ и предвидѣніяхъ, о которыхъ онъ сообщаетъ, какъ и обязанъ, своему Государю, но которые бы были недостаткомъ скромности въ отношеніи къ Императрицѣ. Наконецъ она ему высказала немного правды, оканчивая требованіемъ, чтобы онъ вскрывалъ всѣ письма, которыя ей будетъ писать Беннигсенъ, а что она будетъ посылать (Императору) свои отвѣты Беннигсену на эти письма незапечатанными, что она и сдѣлала, отвѣчая на полученное, и благодаря Беннигсена за письмо. Беннигсена хвалитъ въ письмѣ Великій Князь Константинъ. Послѣ обѣда она послала меня къ Нелидову [1]) показать проектъ письма къ Государю; а послѣ этого я долженъ былъ ей продиктовать это письмо.

Сообщилъ Н. А. Вилламовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Братъ камеръ-фрейлины Екатерины Ивановны.

Библиотека "Руниверс"

Берлинскій Конгрессъ 1878 года [1]).

(Дневникъ, веденный на мѣстѣ Д. Г. Анучинымъ) [2]).

ВСТУПЛЕНІЕ.

Еще въ Адріанополѣ, вслѣдствіе болѣзни князя В. А. Черкасскаго, я, какъ помощникъ его, вступилъ въ исправленіе должности завѣдующаго гражданскими дѣлами при главнокомандующемъ дѣйствующей арміей. По смерти князя, послѣдовавшей въ Санъ-Стефано 19-го февраля 1878 г. я самостоятельно управлялъ гражданскою частью до самаго

[1]) Предлагаемъ вниманію читателей эту правдивую лѣтопись печальныхъ событій Берлинскаго конгресса съ искреннимъ пожеланіемъ, чтобы ничего подобнаго никогда не повторялось въ будущей исторіи Россіи. *Ред.*

[2]) Авторъ этихъ записокъ Генеральнаго Штаба генералъ-лейтенантъ Дмитрій Гавриловичъ Анучинъ род. въ 1833 г. † 1909 г. Службу началъ въ 1851 г. въ л.-гв. въ Егерскомъ полку прапорщикомъ, по окончаніи курса въ академіи генеральнаго штаба въ 1855 г. все время состоялъ въ генеральномъ штабѣ на Кавказѣ, въ главномъ управленіи генеральнаго штаба и въ Польшѣ, гдѣ въ 1867 г., уже въ чинѣ генералъ-маіора, былъ Радомскимъ губернаторомъ. Въ 1877 г. командированъ на Дунай въ дѣйствующую армію на должность помощника завѣдующаго гражданскими дѣлами при главнокомандующимъ, и, по болѣзни князя Черкасскаго, 9 февр. 1878 г., назначенъ и. д. завѣд. гражданской частью въ Болгаріи. Въ маѣ 1878 г., въ чинѣ генералъ-лейтенанта былъ командированъ на конгрессъ въ Берлинъ въ распоряженіе русскихъ уполномоченныхъ кн. Горчакова и гр. Шувалова. Въ 1879 г. онъ былъ командующимъ войсками Восточно-Сибирскаго, а затѣмъ и Иркутскаго военныхъ округовъ и генералъ губернаторомъ Восточной Сибири, откуда въ 1885 году получилъ назначеніе въ Сенатъ.

Ред.

Библиотека "Руниверс"

ея упраздненія, т. е. до перехода ея въ вѣдѣніе императорскаго комиссара въ Болгаріи. Князь Дондуковъ-Корсаковъ, назначенный комиссаромъ, пріѣхалъ въ Санъ-Стефано вечеромъ 8-го мая 1878 г., я тотчасъ же сдалъ ему должность и 9-го утромъ выѣхалъ, черезъ Константинополь и Одессу, въ Петербургъ, гдѣ тогда находилась моя семья.

Въ Петербургѣ я пробылъ недѣли двѣ и 26-го мая выѣхалъ въ Варшаву, чтобы снова занять—сохраненную за мной во время войны—должность Радомскаго губернатора. Передъ отъѣздомъ изъ Петербурга, я 20 мая представлялся Государю и Императрицѣ, а также былъ у военнаго министра. Ничто не предвѣщало мнѣ никакихъ занятій, имѣющихъ связь съ бывшей моей командировкой въ Болгарію, и я всѣ свои вещи отправилъ съ товарнымъ поѣздомъ въ Варшаву, съ такимъ разсчетомъ, чтобы ихъ могли получить и переслать въ Радомъ ко времени моего туда пріѣзда. Со мною осталось только то, что было необходимо для визита въ Варшавѣ генералъ-губернатору графу Коцебу.

27-го вечеромъ я пріѣхалъ въ Варшаву, а на другой день утромъ отправился къ генералъ-губернатору, жившему тогда въ Бельведерѣ.

Графъ Коцебу былъ очень доволенъ моему возвращенію на губернаторство и просилъ меня, въ особое для него одолженіе, ѣхать не въ Радомъ, а взять на себя управленіе Плоцкою губерніей, администрація которой была разстроена и требовала, по его выраженію, энергичнаго и умѣлаго губернатора. Дѣлая мнѣ подобное предложеніе, графъ Коцебу добавилъ, что приведеніе въ порядокъ Плоцкой губерніи дастъ мнѣ право на вниманіе начальства.

Сославшись на усталость послѣ тяжелой кампаніи и на потребность въ отдыхѣ, я отказался отъ любезнаго предложенія, замѣтивъ, что, управляя Радомской губерніей тринадцать лѣтъ, мнѣ было бы тяжело снова начинать заслуживать, въ Плоцкѣ, вниманіе, какое я считалъ уже вполнѣ пріобрѣтеннымъ въ Радомѣ, гдѣ я всѣхъ знаю, и всѣ ко мнѣ привыкли.

— „Очень жалѣю, что вы отказываетесь помочь мнѣ, я на васъ разсчитывалъ, однако, въ Радомъ, на отдыхъ, вы все-таки не поѣдете“—сказалъ графъ Коцебу.

— Почему?

— „А вотъ телеграмма, читайте“.

Телеграмма была на его имя отъ военнаго министра, увѣдомлявшаго, что послѣдовало Высочайшее повелѣніе остановить меня въ Варшавѣ и къ 1-му іюня отправить въ Берлинъ состоять, во время конгресса, въ распоряженіи уполномоченныхъ Россіи князя Горчакова и графа Шувалова.

Библиотека "Руниверс"

Командировка была совершенно неожиданная, и я не могъ тотчасъ же по прочтеніи телеграммы не выразить сожалѣнія, что всѣ мои вещи въ дорогѣ, и я не могу взять съ собою имѣвшихся у меня матеріаловъ о Болгаріи. На другой день, въ понедѣльникъ я уже выѣхалъ въ Берлинъ, наскоро одѣвшись въ статское платье только на дорогу. Въ Берлинѣ, до начала конгресса у меня было еще два дня, и тамъ я надѣялся быстро пополнить свой гардеробъ.

Такимъ образомъ состоялась моя командировка на Берлинскій конгрессъ, рѣшенная въ тотъ самый день, когда я уѣзжалъ изъ Петербурга. По этой причинѣ я не участвовалъ въ тѣхъ переговорахъ и совѣщаніяхъ, которыя велись тамъ въ министерствахъ военномъ и иностранныхъ дѣлъ, и мнѣ совершенно не были извѣстны наши взгляды, рѣшенія и жертвы, на которыя мы были готовы.

Въ Берлинѣ я велъ дневникъ и ежедневно писалъ письма въ Радомъ. Письма и дневникъ взаимно дополняли другъ друга, а теперь сведены мною въ одинъ общій дневникъ съ исключеніемъ изъ него нѣкоторыхъ частныхъ подробностей, касавшихся лично меня и не относившихся до конгресса.

Въ этомъ видѣ дневникъ мой не представляетъ трактата о Берлинскомъ конгрессѣ, но есть добросовѣстная запись всего того, что я видѣлъ, и что обратило на себя мое вниманіе. Мнѣ кажется, что именно въ этомъ видѣ, какъ свидѣтельство очевидца, хотя и неигравшаго никакой вліятельной роли—онъ можетъ быть недурнымъ матеріаломъ для будущаго историка этого прискорбнаго для Россіи эпизода. Сводя письма и журналъ въ одинъ дневникъ, я ничего не прибавилъ къ написанному прежде, сохранивъ въ полной неприкосновенности то, что попало въ мои замѣтки десять лѣтъ тому назадъ. Исключеніе сдѣлано для нѣсколькихъ весьма не многочисленныхъ подстрочныхъ примѣчаній, сдѣланныхъ нынѣ.

Для болѣе удобнаго пониманія происходившаго на конгрессѣ, я предпосылаю дневнику:

во-первыхъ—объясненіе измѣненій, которыя мы хотѣли сдѣлать на Балканскомъ полуостровѣ, относящееся къ январю 1877 года, т. е. ко времени заключенія нами (11 января) конвенціи съ Австріей о предоставленіи ей занять Боснію и Герцоговину,

и *во-вторыхъ*—записку объ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ Берлинскому конгрессу, показывающую, какимъ образомъ произошло его созваніе.

Кромѣ того, въ приложеніяхъ къ дневнику, между прочимъ, помѣщены:

1) текстъ Санъ-Стефанскаго договора и Берлинскаго трактата.

Библиотека "Руниверс"

2) карта Балканскаго полуострова съ показаніемъ на ней границъ соотвѣтствующихъ трактатамъ 1856 г. Санъ-Стефанскому и Берлинскому,

3) рѣчь князя Бисмарка, произнесенная имъ въ Германскомъ рейхстагѣ въ январѣ 1889 г., и

4) документы, касающіеся уничтоженія порто-франко въ Батумѣ.

Что касается до лондонскаго меморандума 18 (30) мая 1878 г., то онъ помѣщенъ въ текстѣ дневника подъ днемъ 5 (17) іюня.

I.

Новое политическое раздѣленіе Балканскаго полуострова.

Предполагая изъ Болгаріи, въ ея этнографическихъ границахъ, образовать вассальное княжество Болгарское и соглашаясь на соблюденіе нейтралитета Австріей—дозволить ей занять Боснію и Герцеговину, въ правящихъ петербургскихъ сферахъ особенно озабочивались правильнымъ опредѣленіемъ границъ Черногоріи, Сербіи и Болгаріи въ тѣхъ частяхъ, гдѣ она прилегала къ землямъ албанскаго и греческаго племенъ.

Прежде всего было желательно, чтобы австрійская граница нигдѣ не переходила на правый берегъ Дрины. Но имѣя въ виду, что австрійскій кабинетъ будетъ настаивать на необходимости пріобрѣсти нѣкоторый раіонъ, обезпечивающій дорогу изъ Рагузы къ Вышеграду, на которую Россія въ принципѣ соглашалась, предполагалось, въ случаѣ крайности, сдѣлать уступку и провести линію границы, начиная отъ сліянія рѣкъ Тары и Пивы по хребтамъ горъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Дрины до деревни Стрегощины или Стрницы на Лимѣ и затѣмъ продолжать эту линію по р. Дринѣ до сербской границы, оставляя Вышегородъ внѣ Австрійскихъ владѣній.

Опредѣляя границу Черногоріи съ юга, главнымъ образомъ имѣлось въ виду доставить княжеству способы къ независимому существованію, обезпечивъ ему вѣрное и удобное сообщеніе съ моремъ. Въ этомъ смыслѣ представлялись двѣ линіи. Первая—по рѣкѣ Баянѣ, подходившая почти къ самому городу Скутари; таковою границею вполнѣ обезпечивался бы экономическій бытъ княжества, такъ какъ единственный вѣрный выходъ къ морю представляетъ р. Баяна. Вторая—прирѣзывающая къ Черногоріи по крайней мѣрѣ единственный вѣрный портъ Антивари, такъ какъ можно было предвидѣть, что по политическимъ разсчетамъ ни Австрія, ни Италія не согласятся предоставить Черногоріи Баяну—

Библиотека "Руниверс"

главную артерію сообщенія съ моремъ не только Черногоріи, но и сѣверной Албаніи.

Отъ Сербіи Черногорію предполагалось отдѣлить линіею, проведенною отъ села Стрегощинъ по р. Лиму до окрестности Преполья, затѣмъ: по хребтамъ горъ чрезъ г. Рошай, перерѣзывая хребетъ Мокра и Суха-гора, до одного изъ притоковъ албанскаго Дрина, оставляя эту рѣку на горѣ Биштрихъ и повернувъ на сѣверъ по горамъ близъ Дьякова къ хребту горъ близъ Плавы и Гусинья.

По отношеніи къ Черногоріи имѣлось въ виду таковымъ ограниченіемъ доставить княжеству кромѣ голыхъ скалъ, нѣкоторые центры торговой дѣятельности, какъ-то: Чайницу, Ташлиджуили, Плевле, Бѣлополье, Ипекъ, или Печь и Дьяконицу, а также нѣкоторыя плодородныя мѣстности, какъ-то: часть большой Призренской равнины, дабы такимъ образомъ прирѣзать на востокѣ и югѣ Черногоріи такую страну, которая бы могла сдѣлать изъ нея дѣйствительно независимое княжество и вознаградить за невозможность увеличиться на счетъ Герцеговины, что было бы, конечно, естественнѣе. Такимъ образомъ для нашихъ видовъ сохранялся съ этой стороны главный интересъ устройства прочной формаціи въ виду усиленія будущаго Хорвато-Сербскаго королевства въ Австріи.

Затѣмъ къ Сербіи отошла бы страна, лежащая за проведенною выше чертою, при чемъ естественныя границы между нею и Болгаріею—принимая во вниманіе географическія и племенныя данныя—были бы: хребетъ Шаръ-Дага, горы лежащія между Приштиной и Вранья до р. Медвѣдья, затѣмъ по рѣкамъ Пушта и Морава до старой сербской границы.

Этими чертами опредѣлялся собственно раіонъ сѣверо-западной Турціи, по которому признавалось полезнымъ имѣть общіе взгляды съ Австріею.Что касается до отдѣленія болгаръ отъ албанцевъ и грековъ, то имѣлось въ виду границы албанскаго племени—удерживая соотношеніе между географическими и племенными условіями—провести слѣдующимъ образомъ: по предполагаемой границѣ Черногоріи отъ моря до горы Биштрихъ, по границѣ Сербіи отъ этой горы до Шаръ-Дага,—по границѣ Болгаріи, слѣдуя по этому хребту до города Дибры, по Дрину до города Струга, по Охридскому озеру до монастыря Св. Наума, отъ этого монастыря черезъ равнину Горицы или Джорджа по горамъ округа Колонія до р. Вьоси (Аосъ), отъ этой рѣки, черезъ горы, къ верховьямъ р. Каламасъ и по этой рѣкѣ до моря.

Границы греческаго племени въ западной сторонѣ Балканскаго полуострова опредѣлялись затѣмъ вышеприведенною границею Алба-

Библиотека "Руниверс"

ніи отъ моря до монастыря Св. Наума и затѣмъ границею Болгаріи отъ этого монастыря черезъ хребетъ горъ до озера Преспы, хребтомъ горъ между городами Флорина и Касторія до озера Острова.

Полный текстъ конвенціи съ Австріей, связавшій Россію (см. запись въ дневникѣ подъ днемъ 16 (28) іюня) неизвѣстенъ, но по поводу конвенціи, въ апрѣлѣ 1887 г., появилось много разоблаченій въ австро-венгерскихъ газетахъ. Извѣстный ех-дипломатъ Татищевъ помѣстилъ тогда же большую *„справку“* въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. Когда константинопольская конференція (съ 11 (23) декабря 1876 по 8 (20) января 1877 г.) неудалась, и явилась для Россіи перспектива войны съ Турціей, тогда Россія дѣйствительно вошла въ переговоры съ Австро-Венгріей. Переговоры эти, въ которыхъ участвовалъ и авторъ „справки“, носили, по его словамъ, строго „довѣрительный характеръ“.

Вотъ что пишетъ г. Татищевъ:

„Призванный по служебному моему положенію принимать въ нихъ дѣятельное, хотя и подчиненное участіе, я и теперь послѣ разоблаченій „Сѣверо-Германской Всеобщей Газеты“ не считаю себя въ правѣ приподнимать покровъ, столько лѣтъ скрывавшій ихъ отъ непосвященныхъ взоровъ. Но я не нарушу ни долга присяги, ни профессіональной дипломатической скромности, если засвидѣтельствую, что состоявшееся въ началѣ 1877 года соглашеніе между Петербургомъ и Вѣной во многомъ и весьма существенномъ разнится отъ условій, перечисленныхъ въ статьяхъ „Сѣверо-Германской Всеобщей Газеты“. Если бы соглашенію этому было суждено достигнуть полнаго осуществленія, то можно смѣло ручаться, что Балканскій полуостровъ не представлялъ бы нынѣ печальнаго зрѣлища кровавыхъ смутъ, раздора и подчиненія чужеземнымъ и иновѣрнымъ вліяніямъ, а значеніе Россіи посреди его населеній на вѣки утвердилось бы на основаніяхъ широкихъ и незыблемыхъ.

„Какъ бы то ни было, но это *состоявшееся безъ участія и вѣдома Германіи* австро-русское соглашеніе быть можетъ именно потому и не было никогда приведено въ исполненіе. Вскорѣ послѣ свиданія князя Бисмарка съ графомъ Андраши, происходившаго въ Зальцбургѣ въ сентябрѣ 1877 г., тотчасъ послѣ нашихъ неудачъ подъ Плевной, вѣнскій дворъ началъ обнаруживать стремленіе освободиться отъ принятыхъ на себя предъ нами обязательствъ, а по подписаніи предварительныхъ условій нашего мира съ Турціей и вовсе отрекся отъ нихъ. Въ промежутокъ времени между санъ-стефан-

Библиотека "Руниверс"

скимъ договоромъ и собраніемъ конгресса въ Берлинѣ, возобновились переговоры Петербурга съ Вѣной, но привели они лишь къ отрицательному результату. Уѣзжая на конгрессъ, графъ Андраши ограничился тѣмъ, что выразилъ нашему послу сожалѣніе, что между нимъ и нами не успѣло состояться „предварительное соглашеніе".

Съ своей стороны Pester Lloyd опубликовалъ тѣ семь пунктовъ, на основаніи которыхъ графъ Андраши обѣщалъ Россіи нейтралитетъ Австріи.

Вотъ эти пункты:

1) Ни одной великой державѣ не можетъ принадлежать исключительный протекторатъ надъ христіанскими народами Балканскаго полуострова.

2) По окончаніи войны никакіе новые порядки не будутъ установлены помимо участія великихъ державъ, гарантировавшихъ цѣлость турецкой имперіи; не должно быть даровано или навязано балканскимъ народамъ новое государственное устройство какой-либо отдѣльной державой.

3) Россія не должна присоединять къ своимъ владѣніямъ никакой территоріи на правомъ берегу Дуная.

4) Румынія не должна быть присоединена ни къ Россіи, ни къ Австріи или поставлена въ политическую зависимость отъ одной изъ этихъ державъ.

5) Россія и Австрія обязуются не создавать на Балканскомъ полуостровѣ вассальныхъ себѣ государствъ подъ управленіемъ великихъ князей русскаго Императорскаго дома или герцоговъ австрійскаго (Secundogemtur).

6) Россія не должна занимать Константинополя.

7) Не должно быть устроено на Балканскомъ полуостровѣ значительное славянское государство въ ущербъ неславянскимъ племенамъ.

II.

Переговоры о созваніи конгресса [1]).

2 (14) Января 1878 г., маркизъ Салисбюри — въ виду свѣдѣній о началѣ переговоровъ между Россіей и Турціей о мирѣ — поручаетъ лорду Лофтусу передать князю Горчакову, что всякое соглашеніе Россіи съ Турціей, нарушающее договоры 1856 и 1871 г.г.,

[1]) Составлено по документамъ, напечатаннымъ въ Annuaire diplomatique 1878.

Библиотека "Руниверс"

должно быть договоромъ европейскимъ и пріобрѣтетъ силу только по изъявленіи на него согласія державъ, подписавшихъ Парижскій и Лондонскій трактаты.

13 (25) Января, русское правительство отвѣчало завѣреніемъ, что оно не имѣло намѣренія рѣшать отдѣльно европейскіе вопросы, относящіеся до мира.

17 (29) Января, англійское правительство, узнавъ, что турецкіе и русскіе уполномоченные установили въ Казанлыкѣ основанія для мира, передало, черезъ лорда Лофтуса, русскому правительству, что хотя эти основанія могутъ имѣть обязательное значеніе для воюющихъ сторонъ, но правительство ея величества королевы признаетъ за всѣми этими основаніями полную силу только тогда, когда они будутъ одобрены державами, подписавшими Парижскій договоръ.

18 (30) Января въ отвѣтъ на сообщеніе лорда Лофтуса, князь Горчаковъ отвѣчалъ, что принять основаніи для мира было необходимо для заключенія перемирія, но что основаніи эти должны быть считаемы прелиминарными, а не окончательными во всемъ, относящемся до Европы и что вопросы, касающіеся европейскихъ интересовъ, подлежатъ общему обсужденію съ европейскими державами.

19 (31) Января подписанъ въ Адріанополѣ Великимъ Княземъ Главнокомандующимъ, Серверомъ и Намикомъ, протоколъ принятія предварительныхъ основаній мира и условій перемирія.

19 (31) Января въ Адріанополѣ подписаны условія перемирія.

23 Января (4 Февраля). Австрійскій посланникъ сообщилъ англійскому правительству телеграмму, приглашающую его на конференцію въ Вѣнѣ, и англійское правительство немедленно приняло это предложеніе.

24 Января (5 Февраля). Австрійское правительство передало англійскому оффиціальное приглашеніе на конференцію.

NB. Въ этомъ приглашеніи о мѣстѣ съѣзда конференціи ничего не говорится; вѣроятно на словахъ было указано на Баденъ-Баденъ.

29 Января (10 Февраля) князь Горчаковъ разослалъ посламъ въ Берлинѣ, Лондонѣ, Парижѣ, Римѣ и Вѣнѣ слѣдующую телеграмму: „Британское правительство, на основаніи донесеній своего посла въ Константинополѣ, рѣшилось воспользоваться прежде полученнымъ фирманомъ, чтобы направить часть своего флота къ Константинополю, для охраненія жизни и безопасности британскихъ подданныхъ. Другія державы приняли ту же мѣру въ отношеніи своихъ подданныхъ. Совокупность этихъ обстоятельствъ вынуждаетъ и насъ, съ своей стороны, сообразить мѣры покровительства христіанамъ, жизнь и собственность коихъ была бы угрожаема и для полученія этой воз-

Библиотека "Руниверс"

Берлинскій Конгрессъ 1878 года.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

можности имѣть въ виду вступленіе части нашихъ войскъ въ Константинополь".

25 Февраля (9 Марта). Австрійское правительство предложило вмѣсто конференціи въ Баденъ-Баденѣ, собраться на конгрессъ въ Берлинѣ.

Англійское правительство отвѣчало, что не встрѣчаетъ препятствій на такое измѣненіе, но: „считаетъ желательнымъ, чтобы прежде всего было установлено, что обсужденію на конгрессѣ подлежатъ всѣ вопросы, о которыхъ говорится въ мирномъ договорѣ между Россіей и Турціей, и что никакое измѣненіе въ положеніи вещей, предварительно установленное договоромъ, не будетъ почитаемо имѣющимъ силу, впредь до одобренія его европейскими державами.

28 Февраля (12 Марта). Англійское правительство сообщило австрійскому послу въ Лондонѣ графу Бейсту, что оно—прежде изъявленія окончательнаго согласія на участіе въ конгрессѣ—ожидаетъ самыхъ подробныхъ разъясненій по вопросамъ, указаннымъ въ письмѣ отъ 25 февраля (9 марта).

1 (13) Марта, англійское правительство еще болѣе развило свою мысль, сказавъ: „что прежде созванія конгресса, должно быть ясно установлено, что всѣ статьи договора между Россіей и Турціей должны быть предъявлены конгрессу не для обязательнаго ихъ принятія, а на тотъ конецъ, чтобы конгрессъ могъ признать, какія именно статьи нуждаются въ принятіи или содѣйствіи различныхъ державъ и какія этого не требуютъ".

2 (14) Марта, графъ Шуваловъ передалъ маркизу Салисбюри слѣдующую телеграмму князя Горчакова:

„Всѣ великія державы уже знаютъ, что полный текстъ прелиминарнаго договора съ Портой будетъ имъ сообщенъ немедленно по обмѣнѣ ратификацій, что не заставитъ ихъ долго ожидать. Въ то же время онъ будетъ публикованъ здѣсь [1]). Намъ нечего скрывать".

5 (17) Марта, князь Горчаковъ передалъ лорду Лофтусу слѣдующій меморандумъ:

„Въ отвѣтъ на сообщенную лордомъ Лофтусомъ депешу, которою лордъ Дерби отвѣчалъ на предложеніе графа Бейста относительно собранія въ Берлинѣ конгресса, честь имѣю повторить увѣреніе, которое уже графъ Шуваловъ былъ уполномоченъ дать правительству королевы,—а именно, что прелиминарный договоръ, заключенный между Россіей и Турціей, будетъ цѣликомъ сообщенъ великимъ державамъ предварительно собранія конгресса, и что на конгрессѣ каждая держава будетъ имѣть полную свободу мнѣній и дѣйствій".

[1]) Санъ-Стефанскій договоръ ратификованъ 4-го марта 1878.

Библиотека "Руниверс"

6 (18) Марта, въ Лондонѣ получена депеша лорда Лофтуса, сообщавшая, что князь Горчаковъ сказалъ ему, что онъ не можетъ конечно заставить молчать кого-либо изъ членовъ конгресса, но можетъ изъявить согласіе на обсужденіе только тѣхъ частей договора, которыя затрогиваютъ европейскіе интересы.

7 (19) Марта, на запросъ по сему лорда Салисбюри, графъ Шуваловъ отвѣчалъ: „что онъ уполномоченъ представить правительству королевы, что мирный договоръ, заключенный между Россіей и Турціей, единственный, который существуетъ, ибо нѣтъ никакихъ секретныхъ обязательствъ, будетъ сообщенъ правительству королевы цѣликомъ и гораздо ранѣе собранія конгресса. Что правительства королевы, равно какъ и другихъ державъ сохранятъ полную свободу сужденія и эту самую свободу, права на которую она не отрицаетъ для другихъ, Россія требуетъ для себя. А это значило бы ограничить ее, если бы одна между всѣми державами, Россія обязана была заключить прелиминарныя обязательства“.

9 (21) Марта, лордъ Дерби отвѣчалъ, что правительство королевы не можетъ отказаться отъ ясно имъ опредѣленнаго положенія, что прежде чѣмъ оно согласится на конгрессъ, должно быть ясно установлено, что каждая статья трактата между Россіей и Турціей будетъ предъявлена конгрессу не для необходимаго ея принятія, а для того, чтобы конгрессъ могъ обсудить, какія статьи требуютъ принятія и содѣйствія со стороны другихъ державъ и какія статьи въ этомъ не нуждаются.

„Что правительство ея величества не могло допустить выражаемаго нынѣ княземъ Горчаковымъ мнѣнія, по которому свобода сужденія и дѣйствій Россіи была бы ограничена болѣе, чѣмъ всякой другой державы этимъ прелиминарнымъ соглашеніемъ.

„Что правительство его величества желаетъ знать, согласится ли русское правительство на то, чтобы сообщеніе договора цѣликомъ различнымъ державамъ было почитаемо представленіемъ договора конгрессу для того, чтобы весь договоръ, въ его отношеніяхъ къ существующимъ договорамъ, могъ быть разсматриваемъ и обсуждаемъ конгрессомъ“.

14 (26) Марта, графъ Шуваловъ написалъ лорду Дерби, что свободу сужденій и дѣйствій, которую Россія желаетъ предоставить себѣ на конгрессѣ, императорскій кабинетъ понимаетъ слѣдующимъ образомъ:

„Онъ предоставляетъ другимъ державамъ свободу возбудить на конгрессѣ тѣ вопросы, которые они сочтутъ необходимымъ подвергнуть обсужденію, и предоставляетъ себѣ свободу согласиться или нѣтъ на обсужденіе этихъ вопросовъ“.

Библиотека "Руниверс"

20 Марта (1 Апрѣля), маркизъ Салисбюри, выражая „что правительство ея величества глубоко сожалѣетъ о выраженномъ рѣшеніи“, разослалъ посольствамъ Великобританіи циркулярную ноту, въ которой, излагая всѣ вышеприведенные переговоры по этому вопросу, приводитъ въ концѣ критическій разборъ Санъ-Стефанскаго договора и выводитъ заключеніе о правильности требуемаго Англіей представленія его конгрессу для полнаго пересмотра.

28 Марта (9 Апрѣля), при особомъ циркулярѣ, князь Горчаковъ разослалъ русскимъ посламъ въ Берлинѣ, Парижѣ, Лондонѣ, Вѣнѣ и Римѣ—меморандумъ съ возраженіями на замѣчанія, сдѣланныя маркизомъ Салисбюри въ его циркулярѣ.

Въ циркулярѣ князя Горчакова сказано:

„Маркизъ Салисбюри говоритъ намъ только о томъ, чего англійское правительство не хочетъ, и не говоритъ намъ того, чего оно желаетъ. Мы полагаемъ, что было бы полезно, чтобы его сіятельство высказалъ это для лучшаго уразумѣнія положенія.

„Что касается до взглядовъ правительства ея британскаго величества по поводу конгресса, я могу только сослаться на систему, которой императорскій кабинетъ держался по этому вопросу.

„Онъ оффиціально сообщилъ великимъ державамъ текстъ прелиминарнаго Санъ-Стефанскаго договора съ объяснительной картой. Мы присовокупили, что на конгрессѣ—если онъ состоится—каждая изъ державъ, въ немъ участвующая, имѣетъ полную свободу сужденій и дѣйствій и того же права требовали для Россіи.

„Мы можемъ только повторить то же заявленіе“.

Въ меморандумѣ, прежде чѣмъ начать, пунктъ за пунктомъ, опроверженіе выводовъ маркиза Салисбюри, сказано:

„Санъ-Стефанскій договоръ сдѣлалъ только обязательнымъ согласіе Порты на программу реформъ болѣе полную, болѣе точную и болѣе практичную. Но самый фактъ, что Санъ-Стефанскій договоръ есть договоръ прелиминарный, указываетъ, что намѣреніемъ императорскаго кабинета было установить принципъ, не предрѣшая окончательно его примѣненіе, которое потребуетъ подробныхъ изслѣдованій, точнаго обсужденія географическихъ потребностей и соглашенія многихъ интересовъ.

„Вотъ почему многія статьи договора изложены въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, оставляющихъ мѣсто для послѣдующихъ соглашеній объ измѣненіяхъ, признанныхъ неизбѣжными“.

Заканчиваю выпискою нѣсколькихъ строкъ изъ рѣчи, произнесенной княземъ Бисмаркомъ въ началѣ февраля н. с. 1888 въ Германскомъ рейхстагѣ.

Библиотека "Руниверс"

„Въ продолженіе конгресса я исполнялъ предсѣдательскія мои обязанности, по скольку это было возможно безъ нарушенія германскихъ и дружественныхъ Германіи интересовъ, приблизительно такимъ образомъ, какъ если бы я, съ позволенія сказать, былъ четвертымъ русскимъ уполномоченнымъ. (Смѣхъ). Правильно было бы, впрочемъ сказать, что я былъ третьимъ уполномоченнымъ, такъ какъ князя Горчакова я наврядъ ли могъ считать представителемъ русской политики въ томъ видѣ, какъ политика понималась дѣйствительнымъ ея представителемъ графомъ Шуваловымъ. (Смѣхъ). На конгрессѣ каждое желаніе Россіи, какое только доходило до моего свѣдѣнія, было всегда мною поддержано и осуществлено. Въ самые трудные и критическіе моменты, когда конгрессъ готовъ былъ, повидимому, разъѣхаться, я становился всегда на точку зрѣнія Россіи и, вообще, велъ себя такъ, что, по окончаніи конгресса, ласкалъ себя мыслью: „жаль, что у меня давно уже имѣется высшій изъ русскихъ орденовъ, осыпанный брилліантами, въ противномъ случаѣ, я непремѣнно получилъ бы его теперь“. (Смѣхъ). Безъ шутокъ, я полагаю, что заслуживалъ поведеніемъ моимъ на конгрессѣ такой награды въ большей степени, чѣмъ это когда-либо удавалось иностранному министру. Посудите же, каково было мое удивленіе и разочарованіе, когда постепенно въ Россіи началось нѣчто въ родѣ газетной войны, направленной противъ германской политики. Оказывая поддержку русской политикѣ, мы рисковали попасть какъ-бы въ зависимость отъ Россіи. Начавшіяся изъ-за этого недоразумѣнія постепенно обострялись до угрозы войной, что и послужило для насъ причиной союза съ Австро-Венгріей“.

26 іюля 1889 г.
С.-Петербургъ.

ДНЕВНИКЪ.

Вторникъ, 30-го мая 1878 г. Выѣхавъ изъ Варшавы 29 числа въ 2 ч. 30 м., по Варшавско-Бромбергской желѣзной дорогѣ (билетъ перваго класса 25 р. 53 к.), я сегодня утромъ въ 7 ч. былъ въ Берлинѣ. Изъ нашихъ уполномоченныхъ здѣсь былъ только одинъ Убри; Шуваловъ пріѣхалъ сегодня въ 6 ч. вечера, а Горчакова ожидаютъ завтра утромъ. Проѣзжая съ вокзала, замѣтилъ у подъѣздовъ разныхъ гостиницъ и посольскихъ домовъ по двѣ будки—это для часовыхъ при помѣщеніяхъ уполномоченныхъ на конгрессѣ, какъ только гость пріѣзжаетъ—являются часовые.

Остановился я въ Hôtel de Rome. Гостиница прекрасная, но

Библиотека "Руниверс"

мой № 115 въ третьемъ этажѣ и всего изъ одной комнаты, правда, что на Unter den Linden и съ балкономъ. Видъ прекрасный. Гостиница какъ разъ напротивъ Hôtel de S.-Pétersbourg и черезъ два, три дома отъ дворца кронъ-принца. Домъ № 18, изъ котораго стрѣлялъ Нобилингъ[1])—наискось, вправо, черезъ домъ отъ Hôtel Metropol. Противъ него стоитъ раненная липа—въ нее попало довольно дробинокъ. Бестія стрѣлялъ, видно, огромными зарядами.

Первый мой выѣздъ изъ гостиницы—разумѣется въ посольство. Много разъ я бывалъ въ Берлинѣ, но никогда не заходилъ въ наше посольство, занимающее прекрасный домъ (№ 7) на Unter den Linden; домъ купленъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ, любившимъ называть себя, въ шутку, берлинскимъ бюргеромъ. Первое посѣщеніе этого дома произвело на меня непріятное впечатлѣніе. Толстый и очень парадный швейцаръ не понималъ ни слова по-русски и не говорилъ по-французски, а я не говорю по-нѣмецки. Впрочемъ мнѣ удалось разыскать канцелярію, ютящуюся въ крошечныхъ комнаткахъ и тамъ, знакомый мнѣ, секретарь баронъ Будбергъ, снабдилъ меня всякими справками и добрыми указаніями. Казалось бы возможно имѣть въ Берлинѣ посольскую прислугу, знающую русскій языкъ. И дипломаты-то наши не славятся особою привѣтливостью къ своимъ соотечественникамъ, а тутъ еще и привратники не понимаютъ по-русски. Въ Константинополѣ не такъ; тамъ привратникъ, остававшійся даже во время войны, говорилъ по-русски и съ видимымъ удовольствіемъ встрѣчаетъ каждаго русскаго, входящаго во дворъ нашего чудеснаго посольскаго дома въ Перѣ.

Узнавъ, что мнѣ не къ кому являться, я поспѣшилъ заказомъ фрака и пополненіемъ моего штатскаго туалета, наскоро пріобрѣтеннаго въ Варшавѣ. Приготовленіе новыхъ вещей и передѣлку имѣвшихся уже у меня обѣщали исполнить въ самый короткій срокъ.

За обѣдомъ сидѣлъ напротивъ Ристича, министра иностранныхъ дѣлъ Сербіи. Я его видѣлъ въ Плоэшти, и мы немедленно разговорились; онъ зналъ меня по фамиліи, такъ какъ въ послѣднее время мы немало переписывались съ Бѣлградомъ по поводу безобразій въ занятыхъ сербскими войсками частяхъ Болгаріи. Ристичъ очень милый собесѣдникъ. Съ нимъ какой-то молодой человѣкъ военный и старикъ со свирѣпой физіономіей. Пріѣхали они хлопотать объ отдачѣ имъ значительной полосы западной Болгаріи, а именно

[1]) Покушеніе Нобилинга на жизнь императора Вильгельма I было 21 мая (2 іюня) 1878 г.

Библиотека "Руниверс"

округовъ Пиротъ, Трнъ, Враня и отчасти Брезникъ, а также нѣкотораго пространства къ западу отъ Виддина. По Санъ-Стефанскому договору, части эти, населенныя преимущественно болгарами, включены въ составъ княжества Болгарскаго, но по условіямъ заключеннаго съ Турціею перемирія—заняты сербскими войсками. Усилія сербовъ обратить въ свою пользу фактическое обладаніе краемъ и вызвало съ ихъ стороны массу насильственныхъ дѣйствій, по поводу которыхъ, наше гражданское управленіе при дѣйствующей арміи, вело оживленную переписку.

Отвѣчая Ристичу, я говорилъ, что въ настоящую минуту самое важное состоитъ въ томъ, чтобы поменьше славянскихъ земель оставалось туркамъ, а кому окончательно будетъ принадлежать то или другое мѣсто, сербамъ или болгарамъ, они успѣютъ разобраться со временемъ, порѣшивъ это между собою миролюбиво. Онъ не соглашался и сѣтовалъ, что Сербію обидѣли по Санъ-Стефанскому договору.

Среда, 31-го мая. Такъ какъ я назначенъ состоять въ распоряженіи князя Горчакова и графа Шувалова, то представленія мои сегодня началъ съ послѣдняго. Онъ остановился въ Hôtel Royal, гдѣ обыкновенно останавливаются дипломаты, и гдѣ въ былое время состоялся какой-то мирный договоръ. Картина, изображающая его подписаніе, виситъ въ большой комнатѣ занимаемаго Шуваловымъ отдѣленія. Въ этой же самой квартирѣ, послѣ австро-прусской войны 1866 г. Савиньи составилъ договоры съ южно-германскими государствами.

Графъ встрѣтилъ меня очень любезно, повелъ въ кабинетъ, усадилъ и прежде всего объяснилъ мнѣ, какъ состоялось мое назначеніе. На послѣднемъ засѣданіи особаго комитета, собиравшагося у Государя, Милютинъ вспомнилъ, что я только-что пріѣхалъ изъ Санъ-Стефано, и рекомендовалъ меня, какъ знающаго болгарскій вопросъ и могущаго дать всѣ необходимыя справки. Тогда же рѣшено было командировать меня въ Берлинъ. Послали за мной—говорятъ только-что выѣхалъ въ Радомъ. Затѣмъ телеграфировали въ Варшаву къ Коцебу. По дѣламъ Черногоріи командированъ генеральнаго штаба полковникъ Боголюбовъ, а по дѣламъ Сербіи—генеральнаго штаба генералъ-маіоръ Бобриковъ, который, одно время, состоялъ при гражданскомъ управленіи и предназначался на должность Филиппопольскаго губернатора. Я хорошо его знаю.

Разговоръ нашъ былъ прерванъ приходомъ посла Убри и по его уходѣ возобновился. Графъ счелъ долгомъ ознакомить меня съ тѣмъ, что было сдѣлано предварительно.

По его словамъ съ англичанами состоялось частное соглашеніе

Библиотека "Руниверс"

и даже подписано въ Лондонѣ секретное условіе между нимъ и маркизомъ Салисбюри [1]). Англія готова допустить для насъ всѣ выгоды отъ Санъ-Стефанскаго договора и поддержать претензіи Черногоріи и Сербіи, если мы согласимся: 1) отодвинуть границы Болгаріи отъ Эгейскаго моря; 2) раздѣлить Болгарію на двѣ части, изъ которыхъ сѣверную вполнѣ независимую съ княземъ, а южную съ генералъ-губернаторомъ, назначаемымъ по согласію Европы на 10 лѣтъ съ правами губернаторовъ въ англійскихъ колоніяхъ. На это послѣднее графъ Шуваловъ охотно согласился, потому что въ англійскихъ колоніяхъ губернаторъ не имѣетъ права вмѣшиваться въ судебныя и административныя дѣла, а только можетъ противупоставить свое veto рѣшеніямъ мѣстнаго парламента; 3) по вопросу объ удаленіи турецкихъ войскъ изъ южной Болгаріи окончательнаго соглашенія не послѣдовало, но въ принципѣ Англія приняла удаленіе турецкихъ войскъ. Англія особенно настаивала на томъ, чтобы дать Турціи—какъ охранительницѣ проливовъ—средства и силу отъ нападенія со стороны болгаръ. Неопредѣлено также, какъ пойдетъ граница независимой Болгаріи, т. е. войдетъ ли въ нее санджакъ Софійскій.—„Ну, а Сливенскій?“ спросилъ я, „если окончательнаго рѣшенія не послѣдовало, то чрезвычайно важно, чтобы Сливенскій санджакъ достался Болгаріи“.—„Посмотримъ, отвѣчалъ Шуваловъ, сдѣлаемъ все, что можно“.

Англичане требуютъ гарантіи тому, что обѣ части не соединятся между собою въ одно государство, для чего и хотятъ, чтобы у султана остались средства противодѣйствовать соединенію. Вѣроятно для этого потребуютъ турецкихъ гарнизоновъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, чего разумѣется Россія не желаетъ.

Заявляя подобныя требованія, англичане дали графу Шувалову четыре часа (съ 4 до 8) на размышленіе, прибавляя, что если мы на эти условія не согласимся, они не признаютъ дѣйствительнымъ ни одинъ параграфъ Санъ-Стефанскаго договора. Салисбюри лично охотно (?) соглашался на выводъ турецкихъ войскъ, но ничего будто бы не могъ подѣлать съ своими коллегами: „у васъ есть царь, отъ котораго вы получаете приказанія настоять на этомъ, а у меня—десять членовъ совѣта, единогласно рѣшившихъ не допускать дальнѣйшихъ измѣненій въ нашихъ условіяхъ“—сказалъ Салисбюри Шувалову. Послѣ такого отвѣта, Шуваловъ ѣздилъ къ

---

[1]) Это графъ Шуваловъ говорилъ о протоколѣ, подписанномъ въ Лондонѣ 18 (30) мая 1878 г. и сдѣлавшемся вскорѣ извѣстнымъ, благодаря нескромности газеты „Globe“. См. далѣе запись подъ 8 (20) іюня.

Библиотека "Руниверс"

тѣмъ изъ министровъ, которые наиболѣе сочувствовали христіанамъ, и тогда удалось рѣшить дѣло въ принципѣ.

На конгрессѣ, какъ думаетъ Шуваловъ, главный бой ожидается: 1) по вопросу о выводѣ турецкихъ войскъ изъ южной Болгаріи; 2) о границахъ и 3) съ Австріей объ увеличеніи Черногоріи.

Завтра 1-ое засѣданіе собственно для открытія занятій конгресса и устройства его бюро. Князь Бисмаркъ обѣщалъ начать разсмотрѣніе Санъ-Стефанскаго договора не по статьямъ, а съ наиболѣе важнѣйшихъ вопросовъ, т. е. съ границъ Болгаріи; о чемъ уже состоялось наше соглашеніе съ Англіей. Этимъ избѣгаютъ необходимости начать дѣло Черногоріей, стоящей въ 1-й ст. договора. Обсужденіе ея границъ могло сразу подать поводъ къ схваткѣ съ Австріей. Графъ Шуваловъ полагаетъ, что, на первомъ засѣданіи, рѣшено будетъ вопросъ о границахъ передать въ особую комиссію изъ состоящихъ при уполномоченныхъ венныхъ чиновъ.

— Въ этой комиссіи придется работать и вамъ съ вашими товарищами, сказалъ мнѣ Шуваловъ, оканчивая нашу бесѣду.

Боже мой, что же это мы дѣлаемъ! Черезъ нѣсколько недѣль послѣ подписанія Санъ-Стефанскаго договора, по собственному почину, по крайней мѣрѣ безъ видимаго на насъ давленія, мы отказались отъ совсѣмъ приготовленнаго уже военнаго занятія отданныхъ намъ частей Македоніи, т. е. въ сущности отреклись отъ нея совершенно, а теперь рѣжемъ по живому Болгарію на двѣ части и, вмѣсто прекраснаго самостоятельнаго княжества, хотимъ создать пару какихъ-то недоносковъ! Да вѣдь это возвращеніе къ результатамъ Константинопольской конференціи! Это почти то, что англичане гарантировали намъ еще въ іюнѣ прошлаго года, когда мы еще не переходили Дуная. Изъ-за чего же пролито столько дорогой русской крови; зачѣмъ же брошено столько денегъ и на долгое время подорвано благосостояніе Россіи! А честь нашего имени, а самолюбіе нашей доблестной арміи—все, все попирается и топчется въ грязь.

Отъ недомыслія ли это или въ самомъ дѣлѣ мы слабы и наткнулись на непреодолимую силу? Объ этомъ надо было подумать прежде и не начинать войны напрасно.

Отъ графа Шувалова отправился къ Убри, который чрезъ нѣсколько минутъ разговора повелъ меня представить князю Горчакову.

Библиотека "Руниверс"

Пройдя нѣсколько комнатъ нижняго этажа, мы повернули направо и вошли въ просторную, свѣтлую галлерею, выходящую окнами во дворъ. Прямо передъ дверями, лицемъ къ нимъ, въ большихъ съ высокою спинкою креслахъ сидѣлъ канцлеръ. Онъ былъ въ какомъ-то неказистомъ пальто, широкихъ спальныхъ сапогахъ и шапкѣ на головѣ. Онъ велъ оживленный разговоръ съ двумя статскими и двумя восточными человѣками. Первые были—итальянскій посланникъ графъ де-Лонэ и старшій совѣтникъ нашего министерства иностранныхъ дѣлъ баронъ Жомини, а послѣдніе—черногорцы Божидаръ Петровичъ, воевода и предсѣдатель черногорскаго сената, и воевода Станко Радоничъ, адъютантъ князя Николая и мой старый знакомецъ по походу 1877—1878 г.

При нашемъ входѣ, графъ де-Лонэ всталъ и, откланявшись, вышелъ, а Убри представилъ меня Горчакову. Онъ протянулъ мнѣ руку, говоря: „извините, не могу вставать, но, несмотря на мою болѣзнь, въ мои руки снова отдали интересы Россіи“.

Я проговорилъ, что въ его рукахъ эти интересы, безъ сомнѣнія, будутъ обезпечены по возможности, и что онъ поможетъ Россіи выйти изъ ея затруднительнаго положенія.

— Очень радъ новымъ силамъ, сказалъ Горчаковъ.

Прерванный нашимъ появленіемъ разговоръ шелъ о притязаніяхъ Австріи урѣзать границы Черногоріи, значительно расширенныя по Санъ-Стефанскому договору. Присутствіе итальянскаго посла мѣшало разъяснить недоразумѣніе. Наканунѣ, Станко-Радоничъ показывалъ Жомини полученную имъ изъ Цетинье телеграмму, въ которой говорилось, что князь Николай желаетъ удержать за собою Антивари au dessus de tout. Жомини понялъ, что для этого онъ готовъ сдѣлать всевозможныя уступки. Оказалось же, что уступать ничего не хотятъ, кромѣ нѣкотораго уширенія скотопрогонной дороги; самая депеша къ Радоничу была совершенно частная.

Говорили по-французски, но потомъ, когда Божо Петровичъ произнесъ нѣсколько словъ по-русски, Горчаковъ сказалъ: „вотъ и прекрасно, будемъ говорить по-русски, это болѣе подобаетъ бесѣдѣ русскаго канцлера съ черногорцами“.

Горчаковъ совѣтовалъ черногорцамъ быть умѣренными и не заявлять на первыхъ же порахъ, что Черногорія будетъ съ оружіемъ въ рукахъ отстаивать Антивари.

— „Если такъ вамъ понравилось Антивари, то отдайте Австріи за это хотя Спицу“.

— Съ удовольствіемъ, да жаль, что она и безъ того австрійская.

— „Австрія хочетъ, продолжалъ Горчаковъ, чтобы путь, оставленный для Турціи, между Сербіей и Черногоріей, былъ расширенъ,

Библиотека "Руниверс"

надо ее удовлетворить по возможности. Пусть обѣ стороны отойдутъ aux pics".

— Это невозможно, отвѣчаетъ Божо-Петровичъ, именно въ этомъ направленіи лежатъ уступаемыя намъ пахотныя земли (terres orables), а горъ нѣтъ.

— Да, и зачѣмъ вамъ новыя земли, вѣдь я васъ, черногорцевъ знаю, вы разбойники и всѣхъ жителей мусульманъ вырѣжете, а имущество ихъ заграбите.

Бѣдные черногорцы судорожно улыбаются.

— Право, не спорьте съ Австріей, развяжитесь съ ней: она покровительствуетъ теперь Сербіи, вы и отдайте сербамъ Подгорицу.

Всѣ мы въ замѣшательствѣ переглянулись. Убри прошепталъ: „опять онъ заговаривается".

Замѣтилъ это Горчаковъ и спрашиваетъ:

— „Въ чемъ же дѣло?"

— Нельзя отдать Подгорицу, она лежитъ на противуположной границѣ.

— „А нельзя отдать Подгорицу, такъ отдайте Спужъ".

— Спужъ еще дальше въ глубь страны, замѣтилъ кто-то.

— „Что-нибудь надо отдать, сказалъ канцлеръ, я слабъ въ географіи этихъ мѣстъ. Pour moi n'existent que les grandes lignes".

Затѣмъ, какъ ни въ чемъ не бывало, Горчаковъ разсказывалъ разные анекдоты изъ прежнихъ своихъ сношеній съ Черногоріей и между прочимъ о томъ, какъ онъ будучи простымъ chargé d'affaires въ Вѣнѣ, при Николаѣ Павловичѣ, противъ его разрѣшенія, но съ цѣлью извлечь бывшаго владыку Петра II изъ подъ вліянія западныхъ интригъ, далъ ему паспортъ въ Россію. „Это было въ первый, но не въ послѣдній разъ, что я не послушалъ приказаній изъ Петербурга. Я далъ себѣ это удовольствіе и почувствовалъ его прелесть".

— „Вы, Божидаръ Петровичъ, persona grata въ Вѣнѣ; здѣсь и женщины всѣ обожаютъ васъ, устройте же такъ, чтобы подѣйствовать на Андраши".

Убри замѣтилъ, что Божо Петровичъ свое вліяніе на женщинъ относитъ къ красотѣ своего костюма и совѣтовалъ ему употребить его въ дѣло, ухаживая за М-е Андраши.

— „Будьте милы, повторилъ Горчаковъ, прощаясь съ черногорцами; не идти же за васъ въ драку съ Австріей".

— Обѣщайте, что не выловите всю рыбу въ Адріатикѣ, прибавилъ Убри.

— Nous sommes comme des vers de terre, сказалъ Станко Радоничъ.

Старческая болтовня Горчакова, его похвальбы, поразительное

Библиотека "Руниверс"

незнаніе самыхъ общеизвѣстныхъ фактовъ, произвели на меня удручающее впечатлѣніе. Стало стыдно смотрѣть на Божо и Радонича, что думаютъ они о насъ и нашемъ представителѣ. Что говорилъ Горчаковъ до нашего прихода, въ присутствіи итальянскаго посланника!

И это нашъ первый уполномоченный и въ его дряблыя руки, „снова—какъ онъ самъ говорилъ—отданы интересы Россіи“. Кто поможетъ ей многострадальной?

Невеселыя думы волновали меня дорогою сюда изъ Варшавы, но все-таки и въ голову не приходило ничего подобнаго лондонскому протоколу и болтовнѣ выжившаго изъ ума Горчакова [1]).

А при первомъ взглядѣ на Горчакова, я было нашелъ его сегодня пресимпатичнымъ старикомъ. Онъ просто позорящая Россію развалина.

Въ два часа пріѣзжали ко мнѣ: генералъ Бобриковъ и полковники Боголюбовъ и Даллеръ; послѣдній нашъ военный агентъ здѣсь. Даллеръ обѣщалъ узнать, слѣдуетъ ли завтра представляться кронъ-принцу. Къ коменданту и военному министру мнѣ ѣхать ненужно; у перваго Даллеръ распишется за меня, когда поѣдетъ туда съ Бобриковымъ и Боголюбовымъ, а второй не имѣетъ здѣсь того значенія, какъ у насъ.

Бобриковъ разсказалъ намъ пренепріятный случай, бывшій съ нимъ въ канцеляріи нашего посольства. Недобившись ничего путнаго отъ швейцара, онъ, снявъ пальто, вошелъ въ канцелярію. Былъ онъ въ статскомъ платьѣ. „Только-что, говорилъ онъ, сдѣ-

---

[1]) Привожу здѣсь разсказъ объ одномъ курьезномъ случаѣ, бывшемъ въ прошломъ году въ Плоэштахъ. Онъ разсказанъ мнѣ Н. П. Игнатьевымъ, я считаю его вполнѣ вѣроятнымъ и подтверждающимъ только что сказанное выше о нашихъ дипломатахъ. Въ Плоэшти, къ пріѣзду туда Государя, собралось немало болгаръ, явившихся съ разными политическими заявленіями. Въ это время на совѣщаніи въ высочайшемъ присутствіи, рѣшено было отвергнуть предложеніе англичанъ, предлагавшихъ за отказъ нашъ отъ перехода за Дунай, понудить Турцію къ устройству автономной Болгаріи къ сѣверу отъ Балканъ. Особенно сильно и убѣдительно говорили за южную Болгарію Игнатьевъ и князь Черкасскій. Послѣ совѣщанія, баронъ Жомини, встрѣтивъ Игнатьева, говоритъ ему: „что это вы, Н. П., все толкуете о южной Болгаріи, когда сами болгары не думаютъ о ней“.—„Кто вамъ говорилъ объ этомъ?“—„Геровъ“. Это былъ нашъ вице-консулъ въ Филиппополѣ, болгаринъ родомъ и большой патріотъ.—„Такъ Геровъ не хочетъ Филиппополь?, спрашиваетъ Игнатьевъ.—„Нѣтъ, Филиппополь-то онъ желаетъ, но ничего не говоритъ то южной Болгаріи“. И такъ Жомини не зналъ, что Филиппополь къ югу отъ Балканъ.

Библиотека "Руниверс"

лалъ два шага въ комнату, какъ какой-то бѣлобрысый господинъ вскочилъ со стула, прошелъ мимо меня къ выходной двери и позвалъ къ себѣ швейцара. Тотъ явился. „Опять впускаете въ канцелярію всѣхъ безъ доклада?“ закричалъ молодой человѣкъ. „Сколько разъ я приказывалъ вамъ, прежде чѣмъ впускать, спрашивать, можно ли принять просителя“. Не давъ швейцару оправдываться, я обратился къ строгому дипломату „позвольте, я не проситель и не желаю имѣть съ вами никакого дѣла. Я пріѣхалъ на время конгресса состоять при уполномоченныхъ; вошелъ же сюда, чтобы узнать, пріѣхали ли, и гдѣ остановились канцлеръ и графъ Шуваловъ. Очень жалѣю, что при первомъ же шагѣ въ посольствѣ меня встрѣчаютъ такъ нелюбезно, чтобы не сказать больше. Меня зовутъ генералъ Бобриковъ“. Дипломатъ засуетился, отрекомендовался секретаремъ посольства б. Б... и разсыпался въ извиненіяхъ. Я сказалъ: „мнѣ нужны не извиненія, а справка“. [1])

Завтра большой обѣдъ у кронъ-принца, заступающаго теперь Императора. Всѣмъ быть въ полной парадной формѣ и военнымъ въ военной. Мое приглашеніе попало къ Бобрикову, а гр. Шуваловъ, не видя его въ числѣ присланныхъ ему билетовъ, просилъ посла истребовать билетъ и мнѣ, полагая, что о моемъ назначеніи не было извѣстно здѣсь. Однако въ канцеляріи посольства мнѣ сказали, что обо мнѣ уже напечатано въ нѣмецкихъ газетахъ какъ о лицѣ, состоящемъ при нашихъ уполномоченныхъ.

Каковъ же итогъ сегодняшняго дня?

Видѣлъ всѣхъ трехъ нашихъ уполномоченныхъ, говорилъ съ ними, и дѣло наше стало представляться мнѣ въ бо̀льшемъ еще туманѣ, чѣмъ прежде. Подробной инструкціи, разъясняющей взгляды Россіи и точно опредѣляющей то, чего она желаетъ — кажется нѣтъ. Сами уполномоченные, какъ видно, не спѣлись между собою и смотрятъ врозь. Судя по словамъ Шувалова, онъ, кажется, считаетъ себя за главное лицо, а Горчаковъ—декорація. Впрочемъ это первое мое впечатлѣніе. Горчаковъ только хвастается, болтаетъ и разсказываетъ нелѣпые анекдоты. а Шуваловъ говоритъ— сегодня у *меня* соберемся; вы состоите *при мнѣ*; *мнѣ* обѣщалъ Бисмаркъ и проч.

Сообщила А. С. Анучина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Объ этомъ событіи редакція предполагаетъ вскорѣ напечатать интересную статью Г. И. Бобрикова.

Библиотека "Руниверс"

Къ исторіи Отечественной войны 1812 года.

Послѣдняя попытка Наполеона начать мирные переговоры съ Императоромъ Александромъ во время занятія Москвы французскими войсками [1]).

Наполеонъ отправилъ Императору Александру письмо, въ которомъ предлагалъ начать мирные переговоры.

Письмо было отправлено съ задержаннымъ въ Москвѣ отставнымъ гвардіи капитаномъ Яковлевымъ. Какъ извѣстно, Яковлевъ не былъ представленъ Государю, и на письмо не послѣдовало никакого отвѣта. Наканунѣ отправленія письма съ Яковлевымъ, Наполеонъ послалъ за начальникомъ уцѣлѣвшаго отъ пожара Воспитательнаго дома Тутолминымъ. Наполеонъ велѣлъ Тутолмину донести обо всемъ Государю и сказалъ, что отправляемаго чиновника пропуститъ черезъ аванпосты. И этотъ способъ сближенія съ Императоромъ остался тщетнымъ: на донесеніе Тутолмина не послѣдовало отвѣта".

Описаніе войны 1812 года. Михайловскій-Данилевскій. Томъ V. Глава III-ья, стр. 47-ая.

Передъ занятіемъ непріятельскими войсками Москвы, сохранная казна московскаго опекунскаго совѣта, а также находящіеся въ воспитательномъ домѣ воспитанники, по повелѣнію Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, въ числѣ прочихъ казенныхъ учрежденій, были отправлены въ Казань, какъ мѣсто наиболѣе безопасное.

Для надзора и охраны зданій воспитательнаго дома, въ Москвѣ были оставлены чиновники во главѣ съ главнымъ надзирателемъ Тутолминымъ. Вскорѣ послѣ занятія Москвы, Наполеонъ прислалъ къ Тутолмину повелѣніе (7-го сентября), чтобы онъ, избравъ изъ среды оставшихся при немъ чиновниковъ могущаго исполнить важное порученіе, командировалъ къ нему въ Кремлевскій дворецъ. Въ числѣ оставшихся чиновниковъ былъ комиссаръ крестовой палаты Рухинъ, который состоялъ при Тутолминѣ переводчикомъ, такъ какъ нѣкоторыя зданія Воспитательнаго дома были заняты непріятельскими войсками.

---

[1]) Найдено въ фамильныхъ бумагахъ автора статьи. *Ред.*

Библиотека "Руниверс"

Тутолминъ, избравъ комиссара Рухина, какъ старшаго по службѣ и знающаго иностранные языки, командировалъ его въ Кремлевскій дворецъ въ канцелярію Наполеона. Явившись во дворецъ, Рухинъ былъ приведенъ къ Мюрату, послѣ нѣкотораго допроса онъ получилъ отъ Мюрата незапечатанныя депеши, писанныя на французскомъ языкѣ, съ приказаніемъ доставить ихъ лично въ руки Императора Александра. Мюратъ приказалъ ему явиться на другой день въ канцелярію за полученіемъ паспорта на проѣздъ въ Петербургъ. Возвратившись изъ дворца, комиссаръ Рухинъ представилъ полученныя отъ Мюрата депеши Тутолмину, какъ непосредственному своему начальнику. Депеши содержали донесеніе Мюрата: „—...что бѣдствія Москвы и ея жителей происходятъ, собственно, отъ самихъ обитателей, а не отъ французскихъ войскъ. Императоръ Наполеонъ для сохраненія города и богатствъ жителей не уклонится отъ заключенія мира". Тутолминъ, прочитавъ донесеніе Мюрата, для возстановленія правды и истинныхъ причинъ бѣдствія жителей, написалъ личное донесеніе Императору Александру и Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Это донесеніе вмѣстѣ съ донесеніемъ Мюрата онъ приказалъ Рухину доставить въ собственныя Ихъ Императорскихъ Величествъ руки. Свое донесеніе и паспортъ, выданный имъ Рухину на проѣздъ въ Петербургъ, Тутолминъ запечаталъ своей печатью. Благодаря этой разсѣянности, комиссаръ Рухинъ, по дорогѣ въ Петербургъ, былъ принятъ за французскаго шпіона. Это обстоятельство сильно задержало донесеніе Мюрата и Тутолмина.

На слѣдующій день (8-го сентября) комиссаръ Рухинъ, при выѣздѣ изъ Москвы на заставѣ по предъявленіи паспорта, выданнаго Мюратомъ, получилъ по повелѣнію Наполеона 20 червонцевъ и обѣщаніе: „что если исполнитъ въ точности возложенное на него порученіе, и Императоръ Александръ изъявитъ согласіе на заключеніе мира, то со стороны Императора французовъ будетъ дана ему большая денежная награда и мѣсто при дворѣ его—если онъ пожелаетъ перейти въ французское подданство".

Въ случаѣ неудачи обѣщана была гибель семейству его, которое оставалось въ Москвѣ и списокъ котораго былъ доставленъ Мюрату. Конвоированный французскими драгунами, Рухинъ доѣхалъ до ст. Черная грязь—гдѣ были аванпосты русской арміи. Приведенный къ начальнику казачьяго отряда генералу Иловайскому и предъявивъ ему паспортъ, выданный Мюратомъ, онъ былъ признанъ за французскаго шпіона и посаженъ подъ караулъ. Чтобы вызвать у него сознаніе и узнать причину его поѣздки, Иловайскій не давалъ ему никакой пищи. Продержавъ нѣсколько дней подъ арестомъ и не получивъ сознанія, Иловайскій отправилъ его подъ сильнымъ

Библиотека "Руниверс"

конвоемъ въ село Подсолнечное къ графу Винценгероде, съ донесеніемъ, что, по его мнѣнію, задержанный чиновникъ Рухинъ французскій шпіонъ. Графъ Винценгероде, получивъ донесеніе Иловайскаго, объявилъ арестованному, что будетъ держать его подъ арестомъ до тѣхъ поръ, пока онъ не назоветъ дѣйствительнаго имени своего или не представитъ депешъ. За отказомъ выдать депеши Рухинъ послѣ тщательнаго обыска былъ опять посаженъ подъ стражу—вещи и повозка его были также тщательно обысканы, но депеши, зашитыя въ воротникѣ мундира, найдены не были.

Для того, чтобы вынудить у арестованнаго сознаніе или получить депеши, Винценгероде не приказалъ давать ему никакой пищи. Паспортъ, выданный Мюратомъ на имя чиновника Воспитательнаго дома, Рухина, былъ отосланъ Винценгероде въ Петербургъ въ собственную Ея Величества канцелярію, для удостовѣренія, находится ли на службѣ въ Московскомъ Воспитательномъ домѣ чиновникъ Филиппъ Рухинъ. На четвертый день, когда арестованный вслѣдствіе голода впалъ въ болѣзненное состояніе—было получено изъ Петербурга повелѣніе Императора Александра—„немедленно прислать находящагося подъ арестомъ чиновника Рухина“. Арестованному была дана пища, и онъ подъ сильнымъ конвоемъ съ фельдъегеремъ былъ отправленъ въ Петербургъ. По дорогѣ въ Петербургъ, въ селѣ Пешки, гдѣ былъ назначенъ отдыхъ, собравшаяся толпа крестьянъ, услыша, что задержанъ французскій шпіонъ, хотѣла разбить избу и убить арестованнаго. Недостаточный конвой не могъ разогнать возбужденной толпы, и начальникъ отряда князь Голицинъ принужденъ былъ допустить крестьянъ видѣть арестованнаго и путемъ распросовъ убѣдиться въ своей ошибкѣ.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, арестованный былъ немедленно доставленъ къ графу Аракчееву, который разспрашивалъ его про дорогу и оставилъ у себя обѣдать. Въ 11 часовъ вечера въ каретѣ Аракчеева и подъ конвоемъ онъ былъ доставленъ во дворецъ, гдѣ графомъ Аракчеевымъ былъ представленъ Государю Императору и Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, которымъ онъ и имѣлъ счастье вручить привезенныя депеши. Императрица Марія Ѳеодоровна приказала выдать комиссару Рухину 300 рублей на обмундировку съ повелѣніемъ—„не носить мундира и хранить въ тайнѣ содержаніе депешъ“.

Какъ извѣстно, на депеши Мюрата не послѣдовало отвѣта—такъ окончилась вторая и послѣдняя попытка Наполеона начать мирные переговоры съ Императоромъ Александромъ во время занятія Москвы.

К. Р.

Библиотека "Руниверс"

Дневникъ академика В. П. Безобразова.

1886.

Петербургъ, 17 ноября. Нездоровъ и никуда не выхожу, кромѣ Сената.

19 ноября. Пріѣхали въ 11½ ночи В. К. Константинъ Константиновичъ и Дмитрій Константиновичъ. Константинъ Константиновичъ былъ пораженъ моимъ повѣствованіемъ о политическомъ положеніи Россіи въ болгарскомъ вопросѣ, о томъ, какъ Россія компрометирована дѣйствіями Каульбарса, какъ грозна для насъ коалиція Австріи, Англіи, Италіи, какъ унизительна для насъ необходимость вернуть Каульбарса и т. д.

В. К. Константинъ Константиновичъ говорилъ В. К. Сергѣю Александровичу, что не спалъ цѣлую ночь отъ моихъ рѣчей.

Всѣ они здѣсь совершенно спокойны относительно нашихъ иностранныхъ дѣлъ и какъ-будто ничего не знаютъ.

Константинъ Константиновичъ говоритъ, что провелъ съ Государемъ 24 часа (на дежурствѣ) „et qu 'il était tout à fait serein“. Я говорю: „mais il se gouverne“. Онъ: „mais il est impossible de se gouverner à un tel point“.

21 ноября. Былъ у В. К. Константина Константиновича и В. К. Елизаветы Маврикіевны. Показывали мнѣ младенца Іоанна. Дѣтская устроена по-царски—6 комнатъ въ русскомъ древнемъ вкусѣ (въ родѣ музея) со всѣми возможными усовершенствованіями (особая комната для ваннъ, для мытья и т. д.).

22 ноября. Былъ сегодня у В. К. Сергѣя и Павла Александровичей. Они поражены моими рѣчами о болгарскомъ вопросѣ. Пребываютъ въ полномъ убѣжденіи, что все обстоитъ благополучно, Судя

Библиотека "Руниверс"

по Вел. Князьямъ Государь не чувствуетъ никакого аффронта. Меня называютъ агитаторомъ, что я мрачно смотрю (какъ же иначе смотрѣть?).

С. А.: *Я* донесу на васъ Государю, что вы распространяете здѣсь такія свѣдѣнія. Я: Сдѣлайте милость, я только и желаю сказать Государю то, что я знаю, если никто не говоритъ ему правды.

Когда я сказалъ Вел. Князьямъ, что Россія никогда не была въ такомъ унизительномъ положеніи относительно Европы, какъ теперь, и что мнѣ жаль Государя, они замѣтили: „Вотъ, видите, какія вы ужасныя вещи говорите!“.

23 ноября. Вчера былъ у Леера въ военномъ кругу. Возмущенъ тѣмъ, что слышалъ. Военные и ничего не понимаютъ въ нашемъ политическомъ положеніи и заражены шовинизмомъ—даже Лееръ. Изумляются такъ же, какъ и Вел. Князья, что я говорю, что мы унижены. Каульбарса возводятъ въ герои. Но сегодня успокоился. У меня былъ Мордвиновъ (всегда разумный) и другіе пріятели. Всѣ они въ одинъ голосъ со мною смотрятъ на нашъ позоръ вслѣдствіе нашихъ дѣйствій въ Болгаріи и дѣйствій Каульбарса.

27 ноября. Всѣ эти дни, что я здѣсь, чувствую себя хуже, чѣмъ когда-либо въ этомъ скверномъ городѣ. Эта всеобщая апатія, это всеобщее отступленіе среди самой кризисной и постыдной для Россіи эпохи (насъ выгнали изъ Болгаріи!) совсѣмъ подавляетъ меня. Единственное возможное *молчать!* Петербуржцы самые умные, считаютъ это величайшей мудростью. Молчать мнѣ трудно, когда я вижу все это лакейство и всю ложь, и я ужасно страдаю. Говорить—только непріятности, пользы никакой. Попробовалъ высказать у Леера въ маленькомъ кружкѣ мое мнѣніе о нынѣшнемъ растлѣніи Лицея. На меня донесли директору Лицея, а онъ формально, оффиціально и дерзко требуетъ отъ меня доказательствъ моихъ словъ—данныхъ. Какія же можно ему дать данныя, когда онъ самъ лучше всѣхъ долженъ все знать. Одинъ въ полѣ не воинъ. Всѣ это знаютъ, всѣ родители жалуются, а никто ничего ему не говоритъ. Преступникъ въ Россіи тотъ, кто рѣшается говорить, что онъ думаетъ.

28 ноября. Былъ сегодня въ Гатчинѣ (по случаю пріѣзда). Императрица была особенно любезна, какъ всегда. Разспрашивала о подробностяхъ моего путешествія, была ли со мной Оля и проч. Когда я сказалъ, что вслѣдствіе свадьбы долженъ былъ сократить свое пребываніе въ Берлинѣ, то она замѣтила: „mais qu'est ce qu'il y a d'interessant à Berlin après l' Italie“. Я отвѣчалъ напрямикъ, не подумавъ о куртизанствѣ „Mais j'aime les Allemands, j'ai

Библиотека "Руниверс"

beaucoup d'amis à Berlin" (и тутъ, раздумавъ о моей неловкости), прибавилъ: „du reste pour mes occupations j'a vais besoin de voir les savants de Berlin". Хотя представляющихся сегодня было мало, Государь принялъ меня вмѣстѣ съ другими, но былъ очень любезенъ. Разспрашивалъ подробно о моихъ разъѣздахъ особенно по Россіи. Я объяснилъ, что мои разъѣзды по Россіи нужны для III т. „Народнаго Хозяйства" и это сочиненіе очень читается за границей, потому что всѣ публикуемыя свѣдѣнія о Россіи за границей пристрастны и тенденціозны. Онъ спросилъ: „Вы будете продолжать ваши поѣздки по Россіи въ будущемъ году". Я: „если Ваше Величество разрѣшите, я бы очень желалъ". На это взглядъ одобренія. Я объяснилъ, что для Европы эта книга имѣетъ значеніе, когда Государь замѣтилъ, что трудно писать 2 текста (русскій и французскій). Въ заключеніе Онъ сказалъ: „желаю вамъ успѣха, очень важно, чтобы за границей были безпристрастныя свѣдѣнія о Россіи".

5 декабря. Всѣ эти дни былъ нездоровъ. Грустно, какъ слабѣютъ мои физическія силы: подходитъ старость и работать по-прежнему будетъ нельзя, а желаніе работать сильнѣе, чѣмъ когда-либо, такъ какъ другого утѣшенія въ жизни нѣтъ. 29 ноября былъ на вечерѣ у Вешнякова, а 1 декабря (воскресенье) у меня собралось не мало. Всего болѣе меня поражаетъ по пріѣздѣ сюда, что всѣ безъ изъятія значительные и находящіеся у дѣлъ люди до самыхъ высшихъ порицаютъ нашу болгарскую политику и миссію Каульбарса. Но почему же они не говорятъ этого Государю? Онъ остается совсѣмъ изолированнымъ. Даже самъ Гирсъ громко порицаетъ; говорятъ, онъ откровенно объявляетъ на вопросы иностранныхъ дипломатовъ, что ничего не знаетъ, что распоряжается самъ Государь. Недоволенъ также и Каульбарсъ: тотъ хочетъ оккупаціи и войны. Отчего же никто не говоритъ откровенно Государю? Оправдываютъ себя тѣмъ, что Онъ ни съ кѣмъ не говоритъ. Пустяки! Съ министрами же говоритъ.

Все это лакейство и больше ничего. Не хотятъ говорить непріятнаго. Только льстятъ и лгутъ. Вотъ до чего могутъ довести рабство и крайній абсолютизмъ.

Курьезно такъ же, какъ высшіе должностные люди мрачно смотрятъ на настоящее и даже будущее Россіи (напр. мой пріятель, К., говорившій мнѣ, что Россія въ будущемъ должна распасться, а онъ каждый день можетъ быть назначенъ министромъ, хотя и теперешняя его должность равносильна министерской. Несмотря на мой пессимизмъ (только относительно настоящаго и ближайшаго будущаго) я подлѣ нихъ крайній оптимистъ.

Библиотека "Руниверс"

Могутъ ли государственные люди дѣйствовать плодотворно, когда они не воодушевлены никакими идеалами, даже надеждами? Они и работаютъ, какъ маніаки, для жалованія и почетныхъ отличій.

Можетъ ли успѣшно дѣйствовать подобный государственный механизмъ, въ которомъ всѣ дѣйствующія лица работаютъ противъ своихъ убѣжденій, только машинально исполняя приказанія, которымъ они открыто не сочувствуютъ и не имѣя никакихъ передъ собой нравственныхъ цѣлей, даже сознанія честно исполненнаго долга (ибо это не честное исполненіе долга). Такого другого государственнаго механизма нѣтъ въ Европѣ, даже у Франціи и Турціи. И вотъ положеніе наше въ Европѣ!.. Можетъ ли оно быть сильно на дипломатической почвѣ—при умственномъ ничтожествѣ нашихъ государственныхъ людей. Единственная наша сила *солдатъ*, т. е. буквально матеріальная сила и наша территоріальная осѣдлость.

5 декабря. Сейчасъ былъ у меня Великій Князь Дмитрій Константиновичъ по случаю моей болѣзни. Никто не знаетъ, будетъ ли война и никто ничего не понимаетъ. Онъ говоритъ, что Государь держитъ Гирса, который просился неоднократно вонъ и ни отъ кого не скрываетъ, что несогласенъ съ Государемъ въ иностранныхъ дѣлахъ. Государь держитъ его только потому, чтобъ не имѣть затрудненія назначить на его мѣсто и чтобъ оно было занято.

8 декабря. Обѣдалъ вчера у Грейга: бюро экономистовъ и нѣкоторые ихъ члены (въ томъ числѣ Вышнеградскій—левъ дня). Очень непріятное впечатлѣніе произвело на меня это собраніе сановниковъ и высшихъ должностныхъ лицъ.

Какая пустота и какое ничтожество!

Всего хуже неискренность, самый мелкій оппортунизмъ (не сказать ничего идущаго въ разрѣзъ съ господствующимъ въ сферахъ теченіемъ). Съ каждымъ изъ нихъ можно говорить только въ отдѣльности: тогда они говорятъ совсѣмъ другое, и напротивъ только порицаютъ. Самъ Грейгъ, при всей своей талантливости, весьма легкомысленъ, пробавляется гладкими фразами, считаетъ, что все знаетъ, хотя все знаетъ поверхностно (подобно своему пажескому образованію),—кромѣ садоводства. Легкомысліе и сгубило его (когда онъ былъ министромъ финансовъ).

Все-таки всѣхъ честнѣе Тернеръ. Онъ говоритъ осторожно, но никогда не лжетъ.

12 декабря. 10 дек. былъ 1-й экономическій обѣдъ, я дѣлалъ сообщеніе о моемъ путешествіи. Было много народа и было весело—ничего особеннаго. Обѣдали въ первый разъ въ новой залѣ Донона.

Вчера я ѣздилъ неудачно въ Царское, чтобы видѣть В. К. Сергѣя Александровича, и видѣлъ его нѣсколько секундъ—онъ ѣхалъ

Библиотека "Руниверс"

въ Петербургъ. Я тронутъ, какъ онъ меня любитъ и желаетъ чаще видѣть. Онъ серьезно недоволенъ, что я отказался быть у него вчера и завтра по случаю засѣданій Сената и Академіи.

На обратномъ пути встрѣтилъ веселую компанію герцога Евгенія Максимиліановича Лейхтенбергскаго, возвращавшагося со своимъ обществомъ съ охоты.

13 декабря. Обѣдалъ вчера въ Царскомъ Селѣ у В. К. Сергѣя Александровича. Очень было gemüthlich. Бесѣда была совсѣмъ задушевная и семейная, но нѣтъ ничего особеннаго, что можно бы записать. Они настроены на миръ, о войнѣ, кажется, никто не думаетъ, хотя и неудивительно, что Государь не расположенъ вести войну изъ-за Болгаріи. Но тогда зачѣмъ было затѣвать всю исторію, посылать Каульбарса?

17 декабря. Общее положеніе дѣлъ крайне тягостно; всѣ это сознаютъ, хотя немногіе рѣшаются высказаться. Мы все дальше и дальше подвигаемся по пути жесточайшей реакціи.

Но всего тягостнѣе—это роль Каткова. Онъ опять пріѣхалъ сюда, чтобы ворочать дѣлами. Очень серьезно высокостоящіе люди говорятъ по поводу всякаго слуха и всякаго назначенія: „этого нельзя, этотъ человѣкъ будетъ непріятенъ Каткову“ или наоборотъ и т. д. Это puissance occulte, ужасающая, и если бы этотъ человѣкъ былъ благороденъ, а у него нѣтъ другого mobile'а, кромѣ страсти къ властолюбію! Всѣ министры даже и его партіи оскорблены, но ничего не могутъ сдѣлать, такъ крѣпки отношенія Каткова къ Государю. Онъ открыто ругается и надъ правительствомъ, и надъ министрами. Всего любопытнѣе, что все невыносимое положеніе основано на недоразумѣніи. Государь не имѣетъ никакой лично привязанности къ Каткову: Онъ его слишкомъ мало и недавно знаетъ, но Онъ видитъ *независимаго выразителя мыслей Россіи, неподкупный органъ общественнаго мнѣнія.* И считаетъ своимъ долгомъ его слушать, любя Россію и не вѣря министрамъ. Онъ просто не знаетъ, что Катковъ самый ненавистный и наименѣе популярный въ Россіи человѣкъ, а его приверженцы крошечная кучка людей, большею частью, если даже не исключительно *непочтенныхъ* или глупыхъ. И эта кучка разсѣется, какъ только онъ лишится фавора, который привлекаетъ къ нему людей. Несмотря на это положеніе и на необычайный талантъ Каткова, у „Москов. Вѣд.“ наименѣе подписчиковъ изъ всѣхъ газетъ и никто не рѣшается объяснить это Государю и освободить Его отъ этого заблужденія. Онъ ни съ кѣмъ не говоритъ, кромѣ министровъ.

Ужасно думать посреди этой реакціи, что самъ себя переживаешь. Уже говорятъ о возстановленіи откуповъ. Частные банки разрушатся

Библиотека "Руниверс"

посредствомъ казенныхъ (Дворянскій банкъ). Послѣднее особенно чувствительно для меня.

Думали ли мы въ 1859 г.,—работая съ Н. Милютинымъ въ комиссіи земскихъ банковъ, что такъ скоро настанетъ ломка всей нашей работы и мы такъ скоро вернемся къ старому, единогласно осужденному всѣми лучшими людьми того времени—да и нынѣшняго?

23 декабря. Какъ-то скопилось около меня много горя и къ тому же хвораю. Переживаю опять тяжкую эпоху жизни. Съ замужествомъ Оли, которое рѣшено на этихъ дняхъ, я вступаю опять въ жестокій кризисъ моей жизни. Молю Бога и уповаю на Него, что переживу этотъ кризисъ такъ же благополучно, какъ переживалъ прежніе. Оглядываясь назадъ передъ близкимъ наступленіемъ 59 года жизни, не вижу въ ней много счастья въ прошедшемъ. Но не для счастья мы здѣсь живемъ.

27 декабря. Сегодня я испыталъ у В. К. Сергѣя и Павла Александровичей мои обычныя впечатлѣнія при дворахъ. Павелъ В. К. Александровичей ужасно запоздалъ отвѣтомъ Президенту Академіи объ его избраніи въ почетные члены. Какихъ затрудненій стоило уговорить его пріѣхать въ годовое собраніе, такъ же и В. К. Сергѣя Александровича.

Сообщ. М. В. Безобразова.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

Письма Г. Р. Державина къ Е. И. Горихвостовой [1]).

I.

Милостивая Государыня моя
Елисавета Ивановна!

Пріятельское письмо ваше отъ 14 сего мѣсеца и при немъ копію съ Атестата Г-на Бередникова я получилъ.—Благодарю васъ, что вы обо мнѣ помните.—Что же касается до вашего Собинки, то слава Богу отъ музъ онъ получилъ Аттестатъ, а отъ невѣсты руку, то чего же лучше? По рукамъ да и на пиръ; но послѣ куды и что и чѣмъ прокормить земную Грацію? ибо небесныхъ можно потчивать мечтами, то не зная состоянія его родителя я сказать ничего не могу, ибо съ таковыми свидѣтельствами много кое-кого по бѣлому свѣту шатается. Пожелавъ вамъ впрочемъ и сестрицамъ вашимъ вожделеннаго здравія и всякаго благоденствія съ истиннымъ моимъ почтеніемъ пребываю

вашъ
Милостивая Государыня
покорнѣйшій слуга
Гавріилъ Державинъ.

Августа 26 дня
1815 года.
С. Званка.

1. Елизавета Ивановна Горихвостова, тихвинская дворянка, изъ рода предводителя мѣстныхъ ополченій смутной эпохи—Степана

[1]) Найдены въ недавно разысканныхъ И. П. Мордвиновымъ бумагахъ академика Я. И. Бередникова.

Библиотека "Руниверс"

Горихвостова,—принимала большое участіе въ судьбѣ Якова Ивановича Бередникова, впослѣдствіи извѣстнаго русскаго археографа. Состоя въ близкомъ знакомствѣ съ Г. Р. Державинымъ, она нерѣдко посылала послѣднему для отзыва литературные опыты своего молодого любимца, „собинки“,—какъ добродушно подтруниваетъ Гавріилъ Романовичъ. (О посылкѣ стиховъ см. письмо Державина къ Е. И. Г. 2 декаб. 1812 г. въ „Русск. Архивѣ“ 1910 г., № 4, стр. 566).

Елизавета Ивановна скончалась въ преклонномъ возрастѣ дѣвицею. Тихвинскіе старожилы разсказываютъ, что она задохлась въ дыму пожара ея родового дома въ 50-хъ годахъ и погребена въ мѣстномъ женскомъ монастырѣ. Могилы ея мы, однако, здѣсь не нашли.

2. Вотъ этотъ аттестатъ, писанный на бумагѣ съ гербомъ 1814 г. „цѣною въ рубль“.

— Объявитель сего Новгородской губерніи Города Тихвина купца Ивана Тимофѣева сына Бередникова сынъ Яковъ Ивановъ Бередниковъ же, 1813 года іюня съ 18 дня, находился при императорскомъ Казанскомъ университетѣ вольнымъ слушателемъ профессорскихъ и адъюнктскихъ Лекцій, и выслушалъ Курсъ теоретической и практической Философіи, съ отличнымъ вниманіемъ и успѣхами, посѣщалъ эстетическія и ѳеоріи словесности Лекціи; и оказалъ въ оныхъ успѣхи отличные, слушалъ лекціи латинской словесности въ теченіи двухъ лѣтъ съ большимъ прилежаніемъ и успѣхомъ, слушалъ курсъ политической экономіи и пріобрѣлъ въ оной хорошіе успѣхи, равно слушалъ Статистику Россійской Имперіи съ таковымъ же успѣхомъ и былъ всегда внимателенъ, кончилъ курсъ исторіи всеобщей, слушалъ ариѳметику, алгебру и геометрію, слушалъ право уголовное Россіи, уголовное судопроизводство и часть гражданскаго съ отличнымъ прилежаніемъ и похвальнымъ вниманіемъ, слушалъ Лекціи о естественномъ и римскомъ правѣ съ похвальнымъ прилежаніемъ и успѣхами, велъ себя всегда хорошо; нынѣ по поданному отъ него Якова Бередникова прошенію уволенъ отъ университета, въ чемъ и дано ему сіе свидѣтельство изъ правленія Императорскаго Казанскаго университета, за надлежащимъ подписаніемъ и съ приложеніемъ печати. Іюля 8 дня 1815 года. Ректоръ Иванъ Браунъ. (Документа № 1173).

3. Бередникову въ эту пору было 22 года. Въ его бумагахъ не сохранилось даже и намека о личности той, которую Державинъ называетъ „земною Граціею“.—Бередниковъ женился крайне необычно уже на 38 году жизни на крѣпостной дѣвушкѣ, выкупленной имъ на волю. Родственники жены до сихъ поръ проживаютъ въ слободѣ Стрѣтиловѣ подъ Тихвиномъ.

Библиотека "Руниверс"

4. Сестры Е. И. Г.—Екатерина Ивановна (род. 24 іюня 1767 г., ск. 8 февр. 1836 г.) и Варвара Ивановна (род. 4 марта 1775 г., ск. 17 іюля 1831 г.)—погребены на паперти Успенскаго собора въ Тихвинскомъ Большомъ монастырѣ.

II.

Милостивая Государыня моя

Елисавета Ивановна!

Письмо ваше отъ 20-го ноября съ приложеніями получилъ. Павла Ивановича Кутузова нынѣ здѣсь находящагося буду лично просить о покровительствѣ Г-на Бередникова. Касательно его сочиненій что мнѣ вамъ сказать? Оно хорошо, но мысли объ Идилліяхъ извѣстны всѣмъ и собраны оны или выписаны изъ другихъ Авторовъ, которые писали о семъ родѣ Буколическихъ Сочиненій. Идиллія должна быть проста, естественна, чиста слогомъ и занимательна завязкою. По симъ правиламъ, ежели бы онъ сочинилъ собственную свою, то-бы я вамъ сказалъ хороша-ли она или дурна.—А какъ онъ дѣлаетъ только разборъ Броннеровыхъ идиллій и того еще не докончалъ, то и не можно о семъ трудѣ его рѣшительно что бы вамъ сказать. А какъ онъ не одинъ разъ уже занимался таковыми разборами Одъ, Басенъ, а нынѣ и Идиллій, то и пусть его занимается таковыми разборами. Они докажутъ его ученость или чтеніе, остроту ума и вкусъ, а притомъ и безпристрастіе, ежели только въ полной мѣрѣ соблюдетъ онъ, что однако трудно, ибо разныя головы разно судятъ.—Между тѣмъ прошу спросить его, какая разница между идилліей и эклогой, ибо они и то и другое составляютъ родъ Буколической поэзіи?—Мы слава Богу здоровы и дождались любезнаго намъ ИМПЕРАТОРА съ драгоцѣннымъ гостинцемъ, то есть съ общимъ миромъ, съ чѣмъ и васъ сердечно поздравляемъ. Онъ вчерась изволилъ пріѣхать въ вожделенномъ здравіи. Дарья Алексѣевна вамъ и любезнымъ вашимъ сестрицамъ кланяется.

Пребываю съ почтеніемъ

вашъ
Милостивая Государыня моя
покорнѣйшій слуга
Гавріилъ Державинъ.

3 декабря
1815 года
С.-Петербургъ.

Библиотека "Руниверс"

1. Павелъ Ивановичъ Кутузовъ—кураторъ Московскаго университета, куда съ 6 сентября 1815 г. перешелъ Бередниковъ.

2. Броннеръ, Францискъ-Ксаверій, нѣмец. поэтъ, род. 23 дек. 1758 г. въ Гохштетѣ на Дунаѣ, гдѣ отецъ его былъ работникомъ на кирпичномъ заводѣ. Съ юныхъ лѣтъ отличался своими дарованіями. Въ 1769 г. поступилъ пѣвчимъ въ іезуитскій коллегіумъ въ Диллингенѣ; кончивъ ученіе принялъ, подъ именемъ Бонифація, монашество въ Бенедиктинскомъ монастырѣ. Усердно занимался самообразованіемъ и поэзіей; писалъ главнымъ образомъ пастушескія и рыбацкія идилліи, подражая Геснеру, который впослѣдствіи издалъ сочиненія Броннера. (1787—1794 г.). Монашеская жизнь ему, наконецъ, надоѣла, онъ убѣжалъ изъ монастыря и въ 1784 г. подъ именемъ Іоанна Винфрида поселился сначала въ Базелѣ, а потомъ въ Цюрихѣ. Его уговорили вступить въ другой монастырь въ Аугсбургѣ, но и отсюда Броннеръ вновь убѣжалъ въ Швейцарію. Былъ учителемъ въ Аарау; во время революціи былъ во Франціи.

Въ 1810 г. Броннеръ былъ приглашенъ профессоромъ педагогики въ Казанскій университетъ. Въ 1817 г. вновь возвратился въ Аарау; въ 1820 г. принялъ протестантство: съ 1830 г. состоялъ кантональнымъ секретаремъ, архиваріусомъ и библіотекаремъ; подъ конецъ жизни ослѣпъ и умеръ въ 1850 году.—Автобіографія Броннера въ 3-хъ том. напечатана въ Цюрихѣ 1795—1797 г.—О дѣятельности его въ Казанскомъ ун. см. *Васильевъ А.*—Броннеръ и Лобачевскій. Два эпизода изъ жизни первыхъ профессоровъ Казанскаго университета. Казань. 1893. 8°. 15 стр.

Бередниковъ, пребывая въ Казани, вѣроятно слушалъ Броннера и былъ знакомъ съ его жизнью и сочиненіями.

3. Дарья Алексѣевна, урожденная Дьякова,—вторая супруга Державина.

III.

Милостивая Государыня моя
Елисавета Ивановна!

Пріятное письмо ваше отъ 1-го сего Генваря, въ которомъ вы насъ поздравляете съ новымъ годомъ съ удовольствіемъ получилъ и въ соотвѣтствованіе онаго съ тѣмъ же васъ отъ искренности моей поздравляю, желая препроводить оный вамъ въ здравіи, въ мирѣ и во всякомъ благоденствіи.—Николай Николаевичъ Леонтьевъ жительствуетъ нынѣ въ нашемъ домѣ и мы часто говоримъ объ васъ.—

Библиотека "Руниверс"

О Бередниковѣ я съ куратором Университета Кутузовымъ говорилъ и онъ отозвался мнѣ, что писалъ въ Москву и во всемъ его велѣлъ удовлетворить. Впрочемъ пребываю съ истиннымъ почтеніемъ

вашъ
Милостивая Государыня моя
покорный слуга
Гавріилъ Державинъ.

Генваря 10 дня
1816 года
СП.Бургъ.

Упоминаемый въ письмѣ Н. Н. Леонтьевъ,—вѣроятно сынъ Николая Михайловича, плѣненнаго при Цорндорфѣ, и внукъ извѣстнаго украинскаго генералъ-губернатора (1741—1753) Михаила Ивановича Леонтьева.

И. П. Мордвиновъ.

Библиотека "Руниверс"

Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 г.г.

Глава XIV.

Настоящая глава перенесетъ читателя съ береговъ Эгейскаго моря въ страну пирамидъ и финиковой пальмы.

Такая внезапная смѣна декораціи находитъ себѣ оправданіе въ томъ, что не въ моей власти было тогда повернуть крылатое колесо богини случая въ ту или иную сторону. Впрочемъ, обойдемся на этотъ разъ безъ философіи, и я лучше разскажу здѣсь, какъ и что произошло вскорѣ послѣ знаменательнаго въ моей жизни событія, описаннаго выше.

Въ началѣ шестой недѣли Элиме передала мнѣ секретно письмо, въ которомъ я прочла удивительную для себя новость: далеко отъ Хіоса, въ глубинѣ одного изъ восточныхъ санджаковъ Малой Азіи, въ своемъ родовомъ чифликѣ умеръ отецъ моего Тафти, и послѣдній спѣшилъ туда безотлагательно: „мы разстаемся на время,—писалъ онъ между прочимъ:—и я умоляю небо сохранить тебя для моего блаженства“...

Тѣмъ лучше,—думалось мнѣ въ эгоизмѣ любви:—вотъ уже одного барьера нѣтъ на пути къ нашему счастію.

Однако, моя подруга устроила дѣло такъ, что оно въ концѣ концовъ стало всеобщимъ достояніемъ, и скучающія затворницы гаремовъ, съ пылкой энергіей, обсуждая предстоявшее событіе, волновались не менѣе, чѣмъ въ моменты луннаго затменія.

Но хуже всего было то, что вздорные слухи эти не задержались только въ стѣнахъ турецкихъ жилищъ, а перекинулись въ другіе кварталы Хіоса и подняли на ноги греческое духовенство. Тогда, чтобы предупредить дальнѣйшія осложненія вокругъ моей

Библиотека "Руниверс"

злополучной особы, рѣшено было на нѣсколько мѣсяцевъ отправить меня въ Южную Францію къ родственникамъ Магіе, въ замокъ маркиза d'Antin, семья котораго интересовалась мною и звала къ себѣ, чтобы познакомиться.

Съ воплями безумнаго отчаянія, задыхаясь въ потокахъ слезъ, бросилась я къ ногамъ Магіе, но смогла только крикнуть: „не разлучайте насъ, не разлучайте—я умру, умру!..“ И мнѣ, дѣйствительно, казалось, что жизнь улетала отъ всего моего существа.

Дорогая, незабвенная тетушка—священная память о ней всегда озаряла мой жизненный путь свѣтлымъ лучомъ надежды: она поняла тогда чуткимъ сердцемъ жгучія страданія молодой, пылкой души и протянула ей свои нѣжныя ручки.

Но каждому извѣстна логика любви: чѣмъ больше обращаются къ разсудку, тѣмъ ярче вспыхиваетъ страсть. Такъ было и со мной. Когда мнѣ говорили, напримѣръ, что раньше, чѣмъ свалиться въ пропасть, слѣдовало бы размѣрить и разсчитать шаги свои, или же рисовали мрачными красками душевныя качества моего кумира, то я возражала, что готова даже смерть принять отъ него и что характеръ его измѣнится подъ вліяніемъ горячей любви, которая все можетъ побѣдить на свѣтѣ.

Мои стоны и слезы терзали окружавшихъ меня—даже Али, по его же признанію, не спалъ ночей отъ горькихъ думъ. Путешествіе во Францію какъ-то само по себѣ не удалось, и всѣ мы съ мучительнымъ напряженіемъ искали выхода изъ невозможнаго положенія; но не совсѣмъ-то легко было его найти!..

Какъ вдругъ своенравной богинѣ судьбы пришла вдругъ фантазія перекинуть меня въ другую колею, что давало моимъ близкимъ нѣкоторые шансы направить ходъ событія въ противоположную сторону, и вотъ почему такъ случилось.

Къ праздникамъ католической Пасхи въ нашъ прохладный, цвѣтущій Хіосъ пріѣхала изъ огненной Африки подышать свѣжимъ воздухомъ интересная личность, которая заслуживаетъ, чтобы разсказать о ней здѣсь. Это была воспитательница дочери египетскаго хедива, знаменитаго въ исторіи прорытія Суэзскаго канала Измаила-паши, Полина Розьеръ де-Мулине изъ очень знатнаго рода французской аристократіи.

Когда умеръ въ Сенъ-Жерменскомъ предмѣстьѣ ея отецъ, не оставивъ дѣтямъ ничего кромѣ графской короны и долговъ, то молодая, гордая дѣвушка не растерялась, не пала духомъ, а твердо и безповоротно рѣшила принести себя въ жертву долга и поддержать блескъ имени въ лицѣ своего единственнаго брата, виконта де-Розьеръ, служившаго въ гвардіи Наполеона III.

Библиотека "Руниверс"

Россію считали всегда обѣтованной землей для каждаго, желавшаго набить свой карманъ нашими варварскими рубликами, а потому и героиня этой главы остановилась на той же мысли.

Благодаря любезному содѣйствію нашего посольства въ Парижѣ она была приглашена въ Петербургъ наставницей дѣтей всесильнаго тогда министра, графа А—га и прожила у него, кажется, два или три года. Свое жалованье Полина отправляла брату; но что оно значило для шикарнаго офицера Второй Имперіи?

Въ тѣ времена обаяніе Франціи на берегахъ Нила такъ ярко отражалось въ правящихъ кругахъ и въ народныхъ массахъ, что даже золото Англіи, всегда покорявшее міръ, значительно теряло тогда въ своемъ удѣльномъ вѣсѣ при погруженіи въ Суэзскій каналъ. Однако, слѣдуетъ замѣтить, что главнымъ выразителемъ такого преклоненія являлся самъ вице-король Египта, Измаилъ-паша. Въ особенности онъ боготворилъ императрицу Евгенію, которая въ его понятіяхъ олицетворяла собой идеалъ совершенства на землѣ.

Золотистые волосы прекрасной государыни сводили его съ ума и въ честь ея влюбленный хедивъ перекрасилъ весь персоналъ своего чрезвычайно густо населеннаго гарема въ рыжеватыхъ блондинокъ [1]).

Къ тому времени, о которомъ сейчасъ идетъ рѣчь, яркая звѣзда фатальной Евгеніи, этой „Нильской сирены“, какъ называла ее молва, уже закатилась и угасла на политическомъ горизонтѣ міра; но въ сердцѣ Измаилъ-паши она еще долго свѣтилась, мерцая, подобно убѣгавшей отъ земной орбиты кометѣ.

У хедива было много дѣтей, что не казалось удивительнымъ при наличіи въ стѣнахъ громаднѣйшаго дворца Гизерэ 600 женъ и наложницъ. Только глава этой необъятной семьи любилъ больше другихъ маленькую Энзели. До 10 лѣтняго возраста дѣвочка оставалась на рукахъ своей матери-черкешенки, купленной случайно въ Константинополѣ, у еврея, торговавшаго невольницами съ Кавказа.

И вотъ однажды, прихотью судьбы, Энзели, рожденная отъ рабыни, стала вдругъ принцессой крови!

Впрочемъ, такова значитъ сила „кесмета“ на Востокѣ, гдѣ даже султаны, эти калифы Ислама, были по преимуществу сыновьями матерей-рабынь, и гдѣ также не рѣдко можно встрѣтить пашей, полководцевъ, министровъ, купленныхъ въ дни ихъ юности на базарахъ Стамбула или Каира.

---

[1]) Наполеонъ III и Евгенія пріѣзжали въ Египетъ для открытія Суэзскаго Канала въ 1869 году.

Библиотека "Руниверс"

Маленькую дикарку взяли изъ гарема, помѣстили въ отдѣльномъ павильонѣ дворца и совершили такимъ образомъ надъ ней метаморфозу въ стилѣ сказокъ Шехеразады.

Но этимъ не ограничились: хедивъ задумалъ еще дать своей любимой дочери настоящій европейскій обликъ, и тогда по его мысли цѣлый штатъ иностранокъ окружилъ экзотическую принцессу для преподаванія ей научныхъ знаній, искусствъ и языковъ, а въ Парижъ было командировано довѣренное лицо съ порученіемъ во что бы то ни стало пріискать даму изъ самаго высшаго круга общества, которая согласилась бы за огромное жалованье взять на себя весь трудъ по воспитанію Энзели.

Братъ Полины, вращаясь постоянно въ Сенъ-Жерменскомъ предмѣстьѣ, узналъ также объ этомъ и написалъ сестрѣ въ Петербургъ, убѣждая ее не терять случая, а хлопотать за себя.

Благодаря могущественной протекціи графа Ага, пожелавшаго устроить судьбу обѣднѣвшей аристократки, Измаилъ-паша съ величайшей охотой, чтобы только сдѣлать пріятное всесильному министру Россійской Имперіи, остановилъ свой выборъ на ней.

Какъ воспитательница, она чрезвычайно нравилась хедиву, и онъ осыпалъ ее такими цѣнными подарками, что блестящему виконту съ того времени весьма недурно жилось на свѣтѣ.

Чтобы выручить моихъ родныхъ изъ затрудненій, созданныхъ инцидентомъ, разсказаннымъ выше, она предложила имъ взять меня погостить у нея мѣсяцъ, другой, а затѣмъ передъ наступленіемъ іюньской жары и „хансина“ [1]) привезти обратно въ Хіосъ.

Здѣсь не могло быть и выбора, а потому въ одинъ изъ прекраснѣйшихъ дней апрѣля, когда уже не говорятъ о равноденственныхъ буряхъ, мы обѣ, Полина и я, усѣлись въ быстроходный пакетботъ французской компаніи „Messagerie Maritime“ и отплыли въ царство Фараоновъ.

Глава XV.

Воспитанница Полины де Розьеръ 15 лѣтняя Энзели была уже замужемъ второй годъ и даже имѣла ребенка. Но по непреклонной волѣ отца, а также супруга, принца Али, образованіе ея, тѣмъ не менѣе, продолжалось въ томъ же духѣ и еще въ болѣе строгомъ порядкѣ для усовершенствованія въ премудростяхъ западной цивилизаціи.

---

[1]) Песочный вѣтеръ: дуетъ съ іюня до сентября, губительно дѣйствуетъ на пріѣзжихъ.

Библиотека "Руниверс"

Однако, какъ тотъ, такъ и другой даже не подозрѣвали, чего это стоило гувернанткамъ и наставникамъ капризной и чрезвычайно лѣнивой принцессы, которая дѣлала все, лишь бы отравить ихъ существованіе. Но приходилось молчать, такъ какъ платили слишкомъ хорошо.

Когда доложили Энзели о моемъ пребываніи въ аппартаментахъ Полины, то она выразила желаніе немедленно познакомиться со мной.

Нѣсколько свитскихъ „фрейлинъ“ по обычаю египетскаго церемоніала явились ко мнѣ, чтобы сопровождать къ ея высочеству.

То были арабки изъ племени бедуиновъ сѣверной Африки; но по внѣшнему виду онѣ скорѣе напоминали раскрашенныхъ куколъ лубочнаго издѣлія Европы, чѣмъ уроженокъ тропика; шиньоны и локоны золотисто-рыжеватаго цвѣта еще болѣе приближали ихъ къ этому сходству—только глаза большіе, черные и нѣжные, какъ у газели, свидѣтельствовали о расѣ. Отсюда я поняла, что тѣнь „Нильской сирены“ по-прежнему витала надъ сердцемъ Измаилъ-паши.

И такъ, я отправилась съ визитомъ къ принцессѣ.

Сначала меня вели по сквознымъ галлереямъ, безконечно длиннымъ и обставленнымъ удивительной роскошью, вполнѣ отвѣчавшей нашимъ представленіямъ о великолѣпіи убранства восточнаго стиля: диваны, вышитые золотыми арабесками, отоманки, крытыя парчей, богатѣйшіе ковры, мягкіе, какъ пухъ, не одна сотня лампъ и фонариковъ въ люстрахъ изъ чистѣйшаго серебра, подушки, шитыя жемчугомъ, столики и принадлежности для куренія наргиле, украшенные настоящими драгоцѣнными камнями—однимъ словомъ, достаточно сказать, что мы находились въ предѣлахъ гарема вице-короля Египта, и мнѣ объяснили, что эта часть необъятнаго Гизерэ служила мѣстомъ отдыха его гуріямъ въ жаркіе часы дня.

И дѣйствительно, когда я осмотрѣлась, то замѣтила нѣсколько рыжихъ, молодыхъ женщинъ, валявшихся на мягкихъ подушкахъ въ тѣни колоннады: однѣ сладко дремали, лѣниво потягиваясь, другія—курили папиросы или наргиле.

Вдругъ сразу, точно по командѣ, мы остановились: на встрѣчу намъ шла пожилая турчанка благородной осанки, привѣтливо улыбаясь:

— Мать хедива,—шепнула Полина, и я присѣла передъ знатной особой. Она что-то сказала въ ласковомъ тонѣ по моему адресу, движеніемъ руки, унизанной по локоть браслетами, предлагая слѣдовать дальше.

По пути мнѣ передали о ней много интересныхъ подробностей,

Библиотека "Руниверс"

которыя заслуживаютъ вниманія читателя; но такъ какъ это не соотвѣтствуетъ программѣ настоящей главы, то я ограничиваюсь пока краткой характеристикой женщины, уже отмѣченной на страницахъ исторіи Египта, такъ какъ вся просвѣтительная дѣятельность знаменитаго вице-короля была тѣсно связана съ ея именемъ: тогда говорили, что онъ ничего не предпринималъ безъ указаній и мудрыхъ совѣтовъ матери. Сюда еще можно добавить, что она интересовалась политикой, читала европейскую литературу и принимала горячее участіе въ дѣлахъ управленія государствомъ.

Спутницы мои „придворныя дамы", кстати надо замѣтить, въ большинствѣ купленныя на мѣстныхъ рынкахъ или привезенныя изъ Стамбула, изнемогая отъ духоты въ своихъ бархатныхъ трэнахъ „à la Eugénie", увлекли меня дальше, въ садъ, окружавшій дворцы Гизерэ, гдѣ я увидѣла всѣ чудеса экваторіальной флоры; но мнѣ было не до того: знойное дыханіе огненнаго неба Африки давало себя знать и казалось уже, что нашему странствованію не будетъ конца.

Затѣмъ, мы повернули въ прелестную аллею вѣковыхъ сикоморъ, подъ сѣнью которыхъ мнѣ стало вдругъ почти холодно.

Еще нѣсколько минутъ пути, и вотъ изъ зелени гранатовыхъ деревьевъ, выступая на площадку яркаго газона, точно картинка въ панорамѣ, обрисовался дивный кіоскъ, несравненный образчикъ мавританскаго зодчества. Весь облицованный голубыми эмальированными кирпичами, съ колонками и ажурными балкончиками изъ бѣлаго мрамора, висѣвшими въ пространствѣ надъ водой Нила, катившаго мимо него свои мутныя волны, онъ казался издали фантастическимъ сочетаніемъ кружева и воздушныхъ линій—такова была иллюзія жилища египетской принцессы. По широкой лѣстницѣ мы взошли наверхъ и углубились въ длинную анфиладу салоновъ. Каждаго, вѣроятно, какъ и меня, поразилъ бы контрастъ съ тѣмъ, что я видѣла уже въ большомъ гаремѣ: тамъ безраздѣльно царилъ только Востокъ, его изящныя формы и поэзія стиля, а здѣсь—шаблонная роскошь Запада и комфортъ европейца. Такая дисгармонія по сравненію съ наружнымъ видомъ зданія производила довольно комичное впечатлѣніе. Да и вообще, какъ замѣчено мною, мусульмане склонны вѣрить, что наши моды и фабричныя издѣлія приближаютъ ихъ къ истинной цивилизаціи.

— Пожалуйста, не забудьте, о чемъ я просила васъ, Eugénie,— напомнила мнѣ Полина: — она непремѣнно будетъ жаловаться на свою горькую долю, а вы утѣшьте ее, скажите, что въ Россіи, также, какъ и вездѣ у европейскихъ народовъ, женщины высшаго круга, даже замужнія, всегда заняты чѣмъ-нибудь полезнымъ

Библиотека "Руниверс"

для ума и сердца — прямо наказаніе Божье съ этимъ лѣнивымъ звѣрькомъ!...

— Хорошо, хорошо!—отвѣтила я:—а еще что говорить?..

Но въ тотъ моментъ одна изъ фрейлинъ распахнула двери въ интимные аппартаменты принцессы и знакомъ предложила мнѣ войти первой, какъ требовалось въ данномъ случаѣ по этикету мусульманскаго гостепріимства.

Я сдѣлала шагъ впередъ; но озадаченная тѣмъ, что пришлось увидѣть, остановилась, не рѣшаясь итти дальше: посреди комнаты, на пушистомъ коврѣ, вся обложенная атласными подушками лежала, закутанная въ бѣлую кисею, маленькая, худенькая женщина, къ удивленію моему не рыжая, а прелестная брюнетка и, потягиваясь въ сладкомъ far niente, грызла конфетку. У изголовья этой феи въ позѣ глубокаго унынія стояла длинная, тощая дама, преподавательница англійской литературы, какъ я поняла тотчасъ же. Съ выраженіемъ отчаянія въ глазахъ и прижимая къ сердцу какую-то исписанную тетрадку, она умоляла свою лѣнивую ученицу перевести на французскій языкъ нѣсколько строчекъ изъ Байрона, заданныхъ мѣсяцъ тому назадъ.

— Ахъ, да оставьте меня, наконецъ, въ покоѣ съ вашими дурацкими писаками!—запальчиво вскрикнула принцесса, и туфля съ ея ножки перелетѣла черезъ голову англичанки. Гордая дочь Альбіона только повернулась на каблукахъ и моментально исчезла.

— Вотъ и „русская Eugénie“ — не такъ ли?—сказала Энзели, протягивая мнѣ руки въ драгоцѣнныхъ браслетахъ до плечъ: — садитесь рядомъ со мной—будемъ друзьями! Вы носите имя прекраснѣйшей женщины въ мірѣ! Какая вы бѣленькая и розовая—счастливая, благодатная страна, гдѣ родятся такія! Мнѣ очень хотѣлось бы туда уѣхать, а иначе здѣсь я совсѣмъ почернѣю отъ горя—о! моя жизнь одно терзаніе. И принцесса расплакалась, какъ дитя. Слезы градомъ катились по ея смуглому личику, еще не испорченному косметиками, она вся дрожала въ припадкѣ глубокаго возмущенія, жалобно повторяя:—Ахъ, эти ужасныя англичанки—какъ я ненавижу ихъ! Ну, какое мнѣ дѣло хотя бы до Байрона или Шекспира какого-то? Мало ли сумасшедшихъ людей на свѣтѣ! Еще французскіе романы можно читать съ удовольствіемъ, а то, напримѣръ, какъ одинъ чудакъ [1]) сидѣлъ подъ деревомъ, и вдругъ упало яблочко на землю—что же тутъ интереснаго? Хорошо вамъ смѣяться,—обиженно проговорила она, замѣтивъ мою невольную улыбку: — у васъ, ко-

[1]) Ньютонъ.

Библиотека "Руниверс"

нечно, замужнія женщины дѣлаютъ, что хотятъ, и не готовятъ уроки, точно маленькія дѣвочки...

— О, нѣтъ, принцесса, вы ошибаетесь!—возразила я, уклоняясь немного отъ истины, чтобы поддержать Полину, которая находилась здѣсь же къ великой досадѣ ея воспитанницы, мы постоянно учимся и въ молодые и старые годы, всегда работаемъ, читаемъ, пишемъ и насъ также принуждаютъ заниматься по цѣлымъ днямъ...

— Какъ! да неужели? Ахъ, бѣдныя, несчастныя созданія — учиться по цѣлымъ днямъ! перебила Энзели, лишая меня, такимъ образомъ, удовольствія блеснуть передъ ней краснорѣчіемъ и похвалиться, кстати, нашей цивилизаціей: — а я думала, что русскія дамы ровно ничего не дѣлаютъ, когда выходятъ замужъ, — продолжала она съ полнѣйшимъ разочарованіемъ въ тонѣ голоса: — ну, значитъ Россія дѣйствительно варварская страна!..

Но мнѣ даже не пришлось возражать, какъ бы хотѣлось: вдругъ послышались тревожные звонки въ сосѣднихъ комнатахъ и галлереяхъ, окружавшихъ дворецъ-кіоскъ, топанье множества ногъ, гортанные, рѣзкіе выкрики на арабскомъ языкѣ: „Хедивъ! Хедивъ!“ и пріемная, гдѣ мы находились, стала наполняться толпою одалисокъ, причисленныхъ къ гарему принца Али.

Всѣ онѣ были одѣты въ красныя, шелковыя туники, подхваченныя золотыми пряжками на бокахъ и плечахъ.

— Хедивъ! Хедивъ!—повторяли гуріи, размѣщаясь вдоль стѣнъ и у дверей, какъ полагалось согласно церемоніалу.

Энзели вскочила на ноги, чтобы итти навстрѣчу; но Измаилъ-паша быстрыми шагами уже приближался къ намъ. Ему казалось не болѣе 45 лѣтъ; фигура у него была довольно полная, лицо круглое съ бородкой à la franco, глаза небольшіе, черные, очень выразительные, а въ общемъ онъ имѣлъ видъ и манеры человѣка, рожденнаго для власти.

— А! вотъ какая она „mademoiselle Eugénie“ — Voyons! — сжимая мнѣ руку въ отвѣтъ на мой почтительный реверансъ, оживленно заговорилъ вице-король и вдругъ мечтательно, съ оттѣнкомъ грусти добавилъ:—eh bien! eh bien! régnez donc sur les bords du Nil...

Очевидно, мое имя воскресило призракъ „другой Eugénie“, безраздѣльно царившей въ душѣ этого знаменитаго въ исторіи Египта государя.

Здѣсь я прерываю разсказъ о странѣ фараоновъ.

Библиотека "Руниверс"

Глава XVI.

Въ дни моего пребыванія у Египетской принцессы я не теряла времени даромъ: благодаря удобствамъ почтовыхъ отправленій изъ дворца Хедива въ Константинополь, а главное отсутствію домашняго контроля, мнѣ удалось завязать переписку съ Мидхатъ-пашою.

Тогда звѣзда его уже восходила надъ затуманенной густыми облаками чертой политическаго горизонта, освѣщая ему путь къ славѣ и могуществу — такъ, по крайней мѣрѣ, онъ самъ чистосердечно вѣрилъ этому.

Однажды, еще въ началѣ нашего знакомства, онъ сказалъ мнѣ какъ бы шутя: „если полюбите турка, берите меня сватомъ — не раскаетесь".

Въ своемъ дѣйствительно сказочномъ превращеніи онъ не забывалъ старой дружбы, и я не ошиблась, когда довѣрила ему съ полнѣйшей откровенностью всю исторію моей любви.

Къ 15 числу мая Полина де-Розьеръ привезла меня обратно въ Хіосъ больную, измученную тропической жарой въ Каирѣ.

Тафти почему-то медлилъ своимъ возвращеніемъ, и я не имѣла о немъ рѣшительно никакихъ извѣстій съ момента его отъѣзда въ далекій санджакъ Малой Азіи. Такъ проходило время, наполняя мою душу жестокимъ унынiемъ, тѣмъ болѣе, что приходилось симулировать еще веселое настроеніе и благоразуміе.

Наступило 30 мая, роковой, знаменательный день или, выражаясь правильно, новая страница, вписанная Мидхатъ-пашою въ исторію современной Турціи.

Послѣ обѣда Marie и я сидѣли въ пріятномъ dolce far niente у окна въ столовой, любуясь вѣчно прелестной, ненаглядной панорамой Эгейскаго моря. Дядя также находился здѣсь, а секретарь его, Артуръ Триконъ, читалъ намъ вслухъ только что прибывшія изъ Константинополя газеты, по столбцамъ которыхъ тянулась все та же неизмѣнная, безконечно нудная сказочка „про бѣлаго бычка": le général Ignatieff, le knout, le cosaque, la vodka, l'ispravnik и площадная ругань по адресу Черняева—дальше этого не шло, такъ какъ, вѣроятно, сэру Элліоту, руководившему тогда турецкой прессой, не хватало просто фантазіи придумать еще что-нибудь.

— Ахъ, Боже мой!—вспыхнула Marie—да у меня начинается оскомина—развѣ тамъ, за предѣлами Хіоса ничего нѣтъ, кромѣ памфлетовъ на Россію?! Ну, какъ не надоѣло людямъ толковать все объ одномъ и объ одномъ...

Какъ будто въ отвѣтъ на ея сѣтованія раскатился ударъ пушки,

Библиотека "Руниверс"

за нимъ другой, третій, и началась канонада со всѣхъ бастіоновъ крѣпости, дѣйствительно возвѣщая что-то новое, необычайное.

— Что такое! что такое! — волновались мы и не находили объясненія: заглянули въ календарь—никакого праздника или иного торжества у мусульманъ!

— Вафиръ-бей!—доложила прислуга, и къ намъ вошелъ съ пакетомъ въ рукахъ личный секретарь губернатора. Вотъ точная копія съ документа, адресованнаго тогда всѣмъ консуламъ: „Par la volonté de Dieu et du peuple le sultan Abdul-Azis est détroné, et Sa Majesté Impériale le sultan Murad V monta au trône Ottoman. Midhat“ [1]).

Прежде чѣмъ откланяться, Вафиръ-бей передалъ дядѣ еще и другое посланіе неоффиціальнаго характера: въ немъ заключалась просьба Кіамиль-паши пожаловать завтра, 31 мая, вмѣстѣ съ женой и племянницей въ Конакъ на раутъ съ танцами. Вслѣдъ за подписью стояло: „магометанскія дамы примутъ также участіе и будутъ помѣщены въ закрытыхъ ложахъ на хорахъ, чтобы любоваться оттуда зрѣлищемъ праздника“.

— Нечего сказать, прогрессъ,—шутилъ Артуръ:—смотрѣть черезъ рѣшетки, какъ веселятся гуяры—vivat либеральному пашѣ!

— Однако, какъ же намъ одѣться? — спрашивала Marie: — я положительно не могу сообразить—ужъ очень мудреная задача: „турецкій балъ“?

И мы принялись обсуждать вопросъ со всѣхъ его сторонъ. Но не прошло и часу, какъ въ нашей пріемной уже собрались почти всѣ дамы изъ европейскаго общества для рѣшенія той же задачи.

Тогда открыли засѣданіе подъ авторитетнымъ предсѣдательствомъ моей тетушки, и начались пренія.

Большинство разсуждало такъ: обыкновенный визитный нарядъ и неудобно и выходило какъ-то не парадно, тѣмъ болѣе въ присутствіи турчанокъ, которыя непремѣнно объяснили бы это недостаткомъ должнаго почтенія къ высокому торжеству. Бальное „декольте“— еще того хуже, возражали другія и, наконецъ, дружными усиліями единогласно подошли къ слѣдующему: надѣть платье хотя и съ открытымъ лифомъ, но шею и плечи задрапировать кружевомъ или буфами изъ газа, а на рукахъ имѣть перчатки по локоть. Такимъ образомъ получалась иллюзія: и парадно, какъ слѣдовала тому быть, и не зазорно для щепетильной совѣсти правовѣрныхъ.

---

[1]) Волею Божьей и народа султанъ Абдулъ-Азисъ лишенъ престола, а Е. И. В. султанъ Мурадъ V восшелъ на тронъ Оттомановъ. Мидхатъ.

Библиотека "Руниверс"

На слѣдующій день, 31 мая, послѣ заката солнца Магіе и я, закутанныя въ легкіе бурнусы и сопровождаемыя кавасомъ, подъѣхали верхами на своихъ арабскихъ скакунахъ ко дворцу паши. Иллюминація уже горѣла, съ валовъ цитадели пускали ракеты, на плацу шумѣли солдаты и матросы, забавляясь военными играми съ оглушительной пальбой.

На лѣстницѣ у входа въ пріемную со мной раскланялся одинъ изъ знакомыхъ офицеровъ, и я спросила его:

— Вы рады, что у васъ новый султанъ?

— Если будетъ платить намъ жалованье,—улыбаясь отвѣтилъ онъ,—то конечно, пошли ему Аллахъ многіе годы царствованія.

Мы вошли въ ярко освѣщенный залъ съ прелестной колоннадой и обширными хорами, замаскированными деревянными рѣшетками. Хозяинъ дома, окруженный толпою военныхъ, встрѣтилъ насъ чрезвычайно любезно; но было какъ-то странно для европейскаго глаза отсутствіе хозяйки и ея привѣта.

Послѣ взаимныхъ рукопожатій и поздравленій я обратилась къ амфитріону съ такимъ вопросомъ:

— Какъ поживаетъ ваша супруга и милая Элиме—надѣюсь, что онѣ... На этомъ мнѣ пришлось остановиться: Кіамиль-паша слишкомъ замѣтно смутился и, чтобы уклониться отъ необходимости разговаривать со мной, громко сказалъ, стоявшему тутъ же Ніязи-эфенди, начальнику крѣпостного гарнизона:

— Прошу васъ, займитесь mademoiselle и представьте ей кавалеровъ—она желаетъ танцовать...

Тогда я вспомнила, хотя и поздно, что нарушила, такимъ образомъ, одно изъ главнѣйшихъ правилъ хорошаго тона турецкой вѣжливости, по которому спрашивать мусульманина въ присутствіи другихъ мужчинъ о здоровьѣ его жены значило нанести ему прямо оскорбленіе.

Эфенди предложилъ мнѣ опереться на его руку, и мы отошли подальше.

Съ невольнымъ любопытствомъ я стала осматриваться. Мѣстные тузы, милліонеры-греки, также явились на раутъ, но, вѣроятно, не столько по сочувствію къ перевороту—имъ и при Абдулъ-Азисѣ жилось весьма недурно — сколько по чисто коммерческимъ разсчетамъ, такъ какъ все равно и при новомъ режимѣ слѣдовало быть въ ладахъ съ представителями власти.

Зато жены этихъ королей биржи вполнѣ использовали случай блеснуть роскошью нарядовъ и драгоцѣнныхъ уборовъ.

Роль кавалеровъ по преимуществу исполняли молодые купчики, порхая вокругъ дамъ и стараясь казаться настоящими dandy въ

Библиотека "Руниверс"

своихъ черныхъ сюртукахъ европейскаго покроя—обыкновенно мы привыкли ихъ видѣть за прилавками или же у пакгаузовъ въ грязныхъ зуавкахъ, въ широчайшихъ шароварахъ и туфляхъ на босую ногу.

Левантинцы, вѣчно занятые своими интригами и политикой, бродили за колоннадой, оживленно бесѣдуя о злобѣ дня.

Вдоль стѣнъ жались красныя фески: то были турки стараго закала, чиновники суда, администраціи, таможни и другимъ вѣдомствъ, питавшіе глубокое отвращеніе къ новымъ порядкамъ, и съ унылымъ видомъ посматривали на свои перчатки, какъ бы спрашивая себя: „ну, для чего этотъ маскарадъ?“

Офицеры также составляли отдѣльныя группы, не смѣшиваясь съ европейской публикой.

Раздались звуки вальса—пары закружились.

— Allons, mademoiselle, имѣю честь просить васъ на туръ вальса—mille million de bombardes.

Читатель, непремѣнно, подумаетъ, что такъ говорилъ одинъ изъ матросовъ съ какого-нибудь французскаго военнаго корабля?—нѣтъ! передо мной, изгибаясь въ „граціозныхъ позахъ“, стоялъ нѣкто Григораки Кундури, краса и гордость греческаго квартала, кумиръ дамъ и дѣвицъ, сынъ богача-торговца оливковымъ масломъ.

Это былъ пустой малый, безъ всякаго почти образованія, не знавшій другихъ нарѣчій кромѣ своего роднаго „галика“, но тѣмъ не менѣе онъ пользовался завидной репутаціей вполнѣ „цивилизованнаго молодого человѣка и прекраснаго лингвиста“, вѣроятно потому, что каждое предложеніе своей рѣчи на греческомъ языкѣ онъ неизмѣнно начиналъ восклицаніемъ: „allons“! иногда, впрочемъ, для разнообразія, tiens! и заканчивалъ всегда обязательно цѣлымъ каскадомъ тѣхъ почти непереводимыхъ характерныхъ „словечекъ“, которыми такъ богатъ лексиконъ французскихъ рабочихъ, солдатъ и моряковъ.

— Tiens! mademoiselle,—продолжалъ Кундури, вы, надо полагать, morbleu, весьма огорчены инцидентомъ съ Абдулъ-Азисомъ? Ventre-saint-gris, enfer et damnation! Прекрасный пассажъ для генерала Игнатьева, par les cornes du diable, nom de nom!

— Почему?—рѣзко отвѣтила я,—не все-ли равно для меня, кто царствуетъ въ Турціи...

— Sapristi! tonnerre de Dieu!—воскликнулъ онъ и широко развелъ руками:—tiens! tiens! что слышу я? но вѣдь это означаетъ переходъ „вліяній“ къ Англіи, а вы, pardon за выраженіе, получаете длинный, длинный носъ! Sac à papier! Corbleu!

Не сдерживая глубокаго отвращенія, я повернула ему спину, что

Библиотека "Руниверс"

было тотчасъ же замѣчено его поклонницами, и на меня стали коситься.

— Ахъ, какъ милъ! какъ уменъ! захлебываясь отъ умиленія, говорили между собой дамы, но такъ, чтобы и я слышала:—вотъ кому быть министромъ или губернаторомъ! а краснорѣчіе—Демосѳенъ! о! Григораки пойдетъ далеко!

И дѣйствительно, какъ было не восхищаться, когда при всѣхъ своихъ „плѣнительныхъ“ достоинствахъ Хіосскій донъ-жуанъ еще такъ хорошо ругался на французскомъ языкѣ.

Ровно въ 11 часовъ насъ пригласили въ столовую.

Мы размѣстились вокругъ столовъ, прекрасно сервированныхъ. Только виноградное вино отсутствовало, такъ какъ мусульмане его не пьютъ, и вмѣсто него предлагали лимонадъ.

Мужчины занялись политикой, а дамы сплетнями. Офицеры и чиновники, не принимая ни малѣйшаго участія въ политическихъ дебатахъ, угощали насъ. Кіамиль-паша также не садился и внимательно слѣдилъ за порядкомъ.

Моя сосѣдка, Харикля Скараманга, шепнула мнѣ:

— Я была на хорахъ—Элиме просила вамъ сказать, что ждетъ васъ завтра же къ себѣ по очень важному дѣлу...

Я поняла. Тогда мнѣ показалось, что все измѣнилось вокругъ: комната наполнилась розовыми лучами, крикливые голоса пѣли дивную мелодію—даже Кундури преобразился въ очень симпатичнаго человѣка.

— Allons donc! надо поздравить хозяина—кто скажетъ рѣчь, mille million de bombardes!—на этотъ разъ мнѣ очень понравилась любимая прибаутка французскихъ матросовъ: я даже улыбнулась „прекрасному“ Григораки.

— Позвольте мнѣ?—заговорилъ, приближаясь къ пашѣ, представительной наружности господинъ, элегантно одѣтый. Звали его Христофоромъ Карава; онъ служилъ директоромъ мѣстнаго банка, всегда находился въ курсѣ международныхъ пертурбацій и могъ предсказывать грядущія событія по биржевому курсу бумагъ. Такихъ неоспоримыхъ качествъ было совершенно достаточно, чтобы за нимъ установилась репутація „тонкаго дипломата“, и съ его авторитетнымъ мнѣніемъ считался дѣловой кругъ Хіосскихъ коммерсантовъ.

Наполнивъ стаканъ лимонадомъ, онъ поднялъ его высоко и обратился къ почтенному собранію съ такимъ „нравоученіемъ“:

— Господа! настоящее торжество знаменуетъ собой побѣду свѣта и правды надъ тьмою и лукавствомъ. Радость народа, съ которымъ мы сожительствуемъ подъ однимъ небомъ, подъ сѣнью одного

Библиотека "Руниверс"

трона—также и наша радость, залогъ общаго благополучія. Однимъ словомъ, поздравимъ себя: генералъ Игнатьевъ сѣлъ на мель—многія лѣта новому Падишаху!!!

— Zito Mourad! Zito!—вопили греки: vivat! вторили европейскіе пришельцы и только тѣ, кого непосредственно касалось историческое событіе, всѣ находившіеся здѣсь турки, ничего не кричали, загадочно улыбаясь и переглядываясь между собой.

Когда было произнесено имя нашего посла, мой дядя порывисто всталъ и немедленно удалился изъ столовой. Губернаторъ бросился за нимъ вдогонку. Сконфуженные офицеры стали также выходить.

— Какая дерзость!—наклоняясь ко мнѣ, прошепталъ Хассанъ-Эфенди—въ присутствіи русскаго консула—наши всѣ возмущены!..

— О, конечно, нисколько не сомнѣваюсь!—отвѣтила я, глотая слезы.

Добрый старикъ видимо смутился, заморгалъ глазами, точно собираясь плакать, и добавилъ:

— Никто, какъ Аллахъ:—все написано имъ прежде начала вѣковъ въ книгѣ судебъ...

Е. А. Рагозина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

Николай Гавриловичъ Чернышевскій.

(Наброски по неизданнымъ матеріаламъ).

Вмѣсто предисловія.

Кому принадлежитъ честь составленія первой подробной біографіи Чернышевскаго?

Несомнѣнно, первымъ изслѣдователемъ этого вопроса, поставившимъ собираніе матеріала на должную высоту,—былъ преподаватель саратовскаго епархіальнаго училища, Флегонтъ Васильевичъ Духовниковъ. Его статья „Николай Гавриловичъ Чернышевскій“ („Русская Старина“, 1890, IX) была *первымъ* серьезнымъ трудомъ, сообщившимъ массу провѣренныхъ свѣдѣній о жизни великаго писателя. Покойный изслѣдователь задумалъ дать полную біографію Н. Г., для чего собралъ массу матеріала путемъ записи разныхъ разсказовъ о жизни Чернышевскаго, слышанныхъ часто отъ лицъ, близкихъ къ Николаю Гавриловичу. Біографія задумана была широко; авторъ думалъ дать освѣщеніе той среды, въ которой родился, росъ и жилъ Чернышевскій; Духовниковъ старался отмѣтить тѣ вліянія, которыя сказались на Чернышевскомъ, и, преслѣдуя иногда цѣли апологетическія, старается защитить Николая Гавриловича отъ нападеній его враговъ, искажавшихъ часто факты изъ жизни писателя и пускавшихъ про него сплетни не только въ обществѣ, но и въ литературѣ.

Въ свое время (1890 г.) Духовниковъ напечаталъ только начало статьи; печатать продолженіе ему не удалось: цензура придралась къ либеральному предмету статьи и, хотя для книжекъ „Русской Старины“ часть статьи была уже набрана,—пришлось отказаться

Библиотека "Руниверс"

отъ ея печатанія. Эта часть работы Духовникова, имѣющая въ себѣ массу новыхъ данныхъ, напечатана въ „Русской Старинѣ“ въ 1910—11 годахъ. Покойный изслѣдователь жизни Чернышевскаго не далъ вполнѣ законченнаго труда. Трудъ его обрывается на разсказѣ о событіяхъ—до ареста Николая Гавриловича. Но въ матеріалахъ, собранныхъ Духовниковымъ, есть масса свѣдѣній, могущихъ дать богатѣйшій матеріалъ для описанія дальнѣйшей жизни и дѣятельности писателя. Флегонтъ Васильевичъ не могъ ихъ обработать, вѣроятно причиной этому были слѣдующія обстоятельства: Духовниковъ видѣлъ, что при цензурныхъ условіяхъ того времени (1890-ые годы) нечего было и думать о напечатаніи всего изслѣдованія; къ тому же, и недугъ Ф. В-ча (чахотка) не давалъ благопріятныхъ условій для литературной работы. Матеріалы остались неразработанными. Можетъ быть, они и не всѣ сохранились. Это—тѣ самыя рукописи, которыя разыскивалъ В. Е. Вѣтринскій, авторъ нѣсколькихъ статей о Чернышевскомъ.

Благодаря любезности Маріи Викторовны, вдовы Ф. В. Духовникова (по второму браку — Шмелевой), я получилъ возможность вполнѣ использовать эти черновыя записки покойнаго изслѣдователя. Оказалось, что далеко не весь собранный матеріалъ былъ использованъ Флегонтомъ Васильевичемъ. Нашлась масса въ высшей степени интересныхъ свѣдѣній, пополняющихъ то, что мы уже знаемъ о Чернышевскомъ. По мѣрѣ силъ, я обработалъ этотъ матеріалъ. Во многихъ частяхъ мой разсказъ не полонъ,—это объясняется недостаткомъ матеріала; иногда въ бумагахъ Духовникова тотъ или другой разсказъ не имѣетъ конца, иногда одинъ и тотъ же разсказъ встрѣчается въ нѣсколькихъ редакціяхъ. При изложеніи, я, понятное дѣло, выбиралъ редакцію наиболѣе полную и дополнялъ ее варіантами изъ другихъ мѣстъ матеріаловъ. Кое-что пришлось опустить (о лицахъ живущихъ, главнымъ образомъ, — объ Ольгѣ Сократовнѣ—вдовѣ Н. Г. Чернышевскаго).

Нѣкоторыя (очень немногія) свѣдѣнія заимствованы мной изъ личныхъ воспоминаній другихъ лицъ о Чернышевскомъ; архивъ саратовской консисторіи тоже не былъ оставленъ безъ вниманія.

Въ заключеніе приношу благодарность М. В. Шмелевой за разрѣшеніе пользоваться матеріалами и Г. Г. Дыбову за содѣйствіе при работѣ.

Библиотека "Руниверс"

I. Родители.—Пыпины.—Дѣтство.

Отецъ Н. Г. Чернышевскаго, Гавріилъ Ивановичъ, священникъ Сергіевской (Нерукотворенно-Спасской) церкви г. Саратова, въ молодости умѣлъ писать стихи [1]).

---

[1]) Вотъ канва для его біографіи.

1803. 9. V. Поступилъ въ пензенскую семинарію, гдѣ и кончилъ курсъ.

1812. 17. IV. Опредѣленъ въ ту же семинарію преподавателемъ греческаго языка.

1814. 15. V. Опредѣленъ сеніоромъ той же семинаріи.

1816. 18. XII.—Учитель піитическаго класса (тамъ же).

1817. Библіотекарь (тамъ же).

1818. 24. VI. Рукоположенъ во священника Нерукотворенно-Спасской церкви г. Саратова.

1819. Опредѣленъ увѣщателемъ подсудимыхъ по саратовскимъ присутственнымъ мѣстамъ.

1820. I. 20. Опредѣленъ учителемъ въ саратовское уѣздное училище въ высшее отдѣленіе по греческому языку съ соединенными съ нимъ предметами.

— Въ томъ же году—законоучитель въ саратовскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ.

1822. 19. II. Опредѣленъ инспекторомъ саратовскихъ уѣзднаго и приходскихъ духовныхъ училищъ.

1822. Назначенъ довѣреннымъ лицомъ со стороны духовенства при ежемѣсячныхъ испытаніяхъ въ Законѣ Божіемъ и священной исторіи въ саратовскомъ народномъ училищѣ.

1824. Объявлена благодарность за ревизію.

1825. Произведенъ въ протоіереи.

1826. Опредѣленъ присутствующимъ въ саратовскомъ духовномъ правленіи.

— Получена благодарность за отличное прохожденіе училищныхъ должностей.

1828. 26. V. Гавріилъ Ивановичъ—благочинный по г. Саратову.

— 12. X. За отличные успѣхи, оказанные Г. И. по званію депутата со стороны духовной въ увѣщаніи раскольниковъ и по другимъ дѣламъ, до старообрядцевъ касающимся, награжденъ бархатной фіолетовой скуфьею.

— 30. XII. Назначеніе членомъ саратовской духовной консисторіи.

1830. 29. VIII. Уволенъ, по своему желанію, отъ училищныхъ должностей.

1832. Опредѣленіе членомъ строительной комиссіи по постройкѣ архіерейскаго дома.

1833. Пожалованъ фіолетовой камилавкой.

— 16. XII. Назначеніе благочиннымъ женскаго монастыря.

1835. 23. IV. Объявлена благодарность отъ преосвященнаго Іакова за открытіе мѣстожительства бѣглаго священника (изъ пензенской епархіи), Архангельскаго, исправлявшаго требы у раскольниковъ и за содѣйствіе полиціи въ поимкѣ его.

Библиотека "Руниверс"

По своему характеру—это былъ очень скромный человѣкъ. Никогда и ни предъ кѣмъ не хвалился онъ своими знаніями и своимъ положеніемъ въ обществѣ. Гавріилъ Ивановичъ отличался честностью: жилъ почти исключительно на доходы своей церкви, считавшейся въ городѣ аристократической. Хотя Г. И. и не отказывалъ себѣ ни въ чемъ,—покупалъ, напр., цѣнныя книги, но никогда не бралъ взятокъ съ духовенства, какъ членъ консисторіи, подобно другимъ членамъ, наживавшимъ громадныя состоянія взятками. Напротивъ, онъ даже помогалъ бѣднымъ изъ духовенства какъ деньгами, такъ и одеждой. Н. С. Соколовъ [1]) опровергаетъ П. И. Мельникова [2]), считавшаго Гавріила Ивановича взяточникомъ, нажившимъ себѣ большое состояніе; Соколовъ говоритъ, что Чернышевскій нажилъ только домъ на свои доходы, но и это не вѣрно: домъ нажитъ тестемъ, и принадлежалъ женѣ Гавріила Ивановича, Евгеніи Егоровнѣ (другой домъ пошелъ въ приданое за Александрой Егоровной Пыпиной). О честности его говоритъ и производство (1825) въ протоіереи за *отлично-усердную* службу и *примѣрно-честное* поведеніе; въ 1837 г. ему, какъ члену строительной ко-

---

1837. Командировка въ Средне-Никольскій монастырь для принятія его въ епархіальное вѣдомство, по обращеніи изъ раскола.

14. V. Получилъ наперсный крестъ.

Въ томъ же году—благодарность отъ синода за труды по постройкѣ архіерейскаго дома и сбереженіе при этомъ суммъ.

1842. Опредѣленъ благочиннымъ мужского Спасо-Преображенскаго монастыря.

1843. 18. XI. Уволенъ отъ присутствованія въ консисторіи за неправильную запись незаконнорожденнаго сына маіора Протопопова, Якова, родившагося черезъ мѣсяцъ послѣ брака; при этомъ, епархіальнымъ архіереемъ предоставлено Гавріилу Ивановичу занимать при богослуженіи (архіерейскомъ) то же мѣсто, которое онъ занималъ, будучи членомъ консисторіи; 1850 указомъ синода (15. VII), это дѣло велѣно не считать препятствующимъ на будущее время къ награжденію знаками отличія.

1844. 14, XI. Командировка въ Вольскъ въ саратовскій батальонъ военныхъ кантонистовъ для изысканія средствъ, могущихъ болѣе благопріятствовать обращенію евреевъ изъ кантонистовъ, гдѣ вмѣстѣ съ законоучителемъ и обращено имъ 15 человѣкъ такихъ, которые своимъ вліяніемъ останавливали прочихъ обращаться въ христіанство.

1852. Получилъ орденъ Анны 3-ей степени.

1856. 29, VIII. Перемѣщенъ каѳедральнымъ протоіереемъ, при оставленіи благочиннымъ.

1857. 17. IV. Полученіе ордена Анны 2-й степени.

1858. Награжденъ палицей.

[1]) Расколъ въ саратовскомъ краѣ. Саратовъ. 1888, т. I.

[2]) Матеріалы для исторіи хлыстовской и скопческой ересей. „Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ“, 1873 I. отд. V.

Библиотека "Руниверс"

миссіи, была объявлена благодарность синода за труды по постройкѣ архіерейскаго дома и *сбереженіе* въ пользу казны денегъ.

Проповѣди Г. И. говорилъ безъ тетрадки. Ему пришлось составить описаніе обращенія иргизскихъ раскольническихъ монастырей, хранящееся теперь въ библіотекѣ саратовской семинаріи [1]).

Дома, у Чернышевскихъ выписывались, между прочимъ, „Московскія Вѣдомости“, разъ какъ-то Г. И. прекратилъ выписку,—не прошло и двухъ недѣль, какъ нашего любителя чтенія забрала скука, и онъ послалъ деньги въ редакцію. Изъ духовныхъ журналовъ Г. И. выписывалъ „Христіанское Чтеніе“.

Интересно отмѣтить, что Гавріилъ Ивановичъ прекрасно зналъ колокола всѣхъ саратовскихъ церквей. По долгу благочиннаго, онъ долженъ былъ слѣдить за своевременнымъ звономъ въ церквахъ; и, вотъ, бывало, сидитъ онъ на крылечкѣ своего дома, и слушаетъ, какъ звонятъ. Въ случаѣ какихъ упущеній—онъ уже знаетъ, гдѣ именно опоздали.

Мать Николая Гавриловича, какъ женщина болѣзненная, имѣла вялый, пришибленный видъ; это отразилось на внѣшности и ея сына, Николая. Больную (женскою болѣзнью), ее никто не видѣлъ веселой; больше она лежала. Поэтому, въ хозяйствѣ ее часто замѣняла ея сестра, Александра Егоровна; она же принимала и гостей, приходившихъ въ отсутствіе Гавріила Ивановича.

Когда родился Н. Г., о. Гавріилъ записалъ въ метрикѣ своей церкви.

Часть первая о рождающихся.

№	Число рожденія.	У кого кто родился.	Число крещенія.	Кто воспріемники.
86	Іюль 12	Сей церкви Протоіерея Гавріила Ивановича Чернышевскаго сынъ Николай.	13	Протоіерей Ѳеодоръ Стефановичъ Вязовскій, Пензенской Семинаріи Профессоръ Г. Магистръ Василій Сергѣевичъ Воронцовъ, вдова протоіерейша Пелагія Иванова Голубева.

Крестилъ вышеозначенный протоіерей Вязовскій съ причтомъ сей церкви

(Метрическая книга г. Саратова за 1828 годъ, Саратовской Нерукотворенно-Спасской церкви) [арх. Саратовск. духовн. консисторіи].

---

[1]) Теперь этой рукописи тамъ нѣтъ. Она издана свящ. Д. Александровымъ въ „Самарскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“, 1900, № 6.

Библиотека "Руниверс"

Большое вліяніе на Николая Гавриловича имѣла его двоюродная сестра, Любовь Николаевна. Она играла на фортепьяно; Н. Г. увлекся игрой, и занимался въ дѣтствѣ музыкой до тѣхъ поръ, пока Любовь Николаевна не вышла замужъ, а вмѣстѣ съ нею исчезло изъ дома и фортепьяно.

„Николай Гавриловичъ“, говорилъ дьяконъ Сергіевской церкви, Я. Ѳ. Алфіоновъ-Подольскій, „вышелъ весь въ отца. Г. И. далъ ему во всемъ полную волю: что хотѣлъ Николай, то и дѣлалъ; зналъ отецъ, что ничего дурного онъ не сдѣлаетъ, и точно, не дѣлалъ. Обычно въ другихъ семействахъ, что какъ отецъ изъ дома,— и дѣти вмѣсто того, чтобы учиться, пойдутъ играть. А Н. Г. все сидитъ надъ книгой или за газетой.

Бывало, придешь и скажешь: „Вѣрно, занятная книжка, что читаете?“.

— „Занятная, говоритъ, отецъ дьяконъ“.

— „Вы бы поиграли“.

— „Да, я и поиграю“.

Другіе товарищи столько времени играютъ, сколько онъ читаетъ. Вотъ, онъ какой былъ маленькимъ.

Играть тоже лютый какой былъ! Да, развѣ это зазорно? Тутъ не отъ кого было набраться дурныхъ примѣровъ: товарищи-то всѣ — хорошіе, да сановные. К. П. Трудкинъ могъ бы быть впослѣдствіи губернаторомъ, Аргамаковы, Александръ, Иванъ и Тимофей Умновы, В. Д. Чесноковъ—самый закадычный другъ Николая Гавриловича, — всѣ вышли въ хорошіе люди. И въ играхъ-то онъ необыкновенный былъ. Другіе-то шалятъ, мѣшаютъ другимъ, а онъ во время игры никого не обидитъ.

Разъ Н. Г. гонялся за павлиномъ по двору, чтобы перо изъ хвоста выдернуть. Тотъ осердился, да клювомъ такъ хватилъ его, что выхватилъ мясо. А то катался онъ по двору, да накатился на колъ,—ему и распороло подбородокъ. Шрамъ на подбородкѣ остался у Чернышевскаго на всю жизнь. А разъ у портного Бердникова вывѣску съ гвоздей сорвалъ и бросилъ на землю; хотѣлъ было разломать ее, да Александръ Николаевичъ (Пыпинъ) остановилъ. Озорникъ былъ!

По наружности онъ тщедушный былъ, волосы рыжіе, золотистаго цвѣта, лицо бѣлое.

А какъ къ отцу—матери почтителенъ былъ! Но и они не какъ другіе обращались съ нимъ: пальцемъ никогда не трогали, да и не за что было. Между собой это были настоящіе друзья. Поэтому, очень хотѣлось потомъ родителямъ, чтобы сынъ поступилъ на

Библиотека "Руниверс"

службу въ Саратовѣ, когда кончитъ ученье въ Петербургѣ. И впослѣдствіи Н. Г. сдѣлалъ это для нихъ.

Я ходилъ къ нему и, какъ старшій, пилъ чай въ отдѣльной комнатѣ".

Ближайшими родственниками Чернышевскихъ были Пыпины. Это семейство было прекрасное, особенно мать, преумная, претактичная и разсудительная особа. Здѣсь каждый членъ семьи зналъ и исполнялъ свое дѣло. Отецъ добывалъ деньги; жена его, Александра Егоровна, заботилась о мужѣ и дѣтяхъ, при чемъ своего мужа она не допускала до хозяйства, находя это обременительнымъ для мужа. Она старалась возможно лучше обставить ему жизнь. Въ ея же рукахъ было и все хозяйство Чернышевскихъ; оба семейства даже обѣдали вмѣстѣ, хотя и жили въ разныхъ домахъ.

Александра Егоровна со всѣми обращалась въ высшей степени гуманно. Но особенно бросалось въ глаза воспитаніе дѣтей. Никогда не говорила она при дѣтяхъ того, что бы могло оказать на нихъ вредное вліяніе. Когда дѣти учились въ гимназіи, — тамъ много творилось такого, что заставляло о себѣ говорить, и А. Е. иногда съ жаромъ разсуждала съ знакомыми о гимназической жизни. Если во время такого разговора входилъ сынъ-гимназистъ,—разговоръ немедленно переводился на другую тему.

„При дѣтяхъ нельзя говорить. Они меня такъ любятъ, что каждое мое мнѣніе о людяхъ для нихъ не допускаетъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Они могутъ пересказать другимъ, могутъ смотрѣть моими глазами на этихъ лицъ, а этого — не дай Боже" говорила она!

Имѣя много своихъ дѣтей, учившихся въ гимназіи, и принимая участіе въ дѣтяхъ своихъ родственниковъ и знакомыхъ, которыя (дѣти) учились въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ Саратова, она знала порядки почти всѣхъ учебныхъ заведеній города въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ. На ея глазахъ открылись почти всѣ эти заведенія, она пережила многихъ начальниковъ ихъ; поэтому, Александра Егоровна вполнѣ могла судить о нихъ, тѣмъ болѣе, что дѣти ея, всегда находя у ней чисто-материнскій пріемъ, передавали ей свои горести и находили въ ней свою постоянную утѣшительницу. По большей части, горе дѣтей сводилось къ тому, что „наказали больно".

„За что!" спроситъ мать.

И мальчикъ разсказывалъ часто цѣлую исторію, иногда очень не рекомендующую начальствующихъ лицъ въ учебныхъ заведеніяхъ.

Саратовское духовенство, знавшее Александру Егоровну, отно-

Библиотека "Руниверс"

силось къ ней съ почтеніемъ и уваженіемъ за ея природный умъ и доброе, сердечное отношеніе къ тѣмъ, которые чѣмъ-нибудь себя запятнали. Она почти всегда умѣла находить извиненіе тому или другому проступку.

Добрыми же качествами отличались и остальные члены этого семейства.

Отецъ, Николай Дмитріевичъ, человѣкъ простой, чиновникъ, постоянно занятый службой, отличался остроуміемъ. Гавріилъ Ивановичъ особенно цѣнилъ въ этой семьѣ ея религіозность, религіозность не фарисейскую, которой отличаются многіе, а истинную. Сергіевскую церковь, гдѣ служилъ Г. И., они называли *нашей*. Каждый праздникъ въ придѣлахъ этой церкви былъ праздникомъ и Пыпиныхъ. Поэтому, время многихъ событій въ семьѣ опредѣлялось (и опредѣляется, писалъ Ф. В. Духовниковъ въ 1890-хъ гг.) этими престольными праздниками. Н. Д., отецъ семейства неизмѣнно посѣщалъ эту церковь и въ глубокой старости (въ 1890-хъ годахъ ему было около 90 лѣтъ), хотя и при посредствѣ другихъ.

Дѣти особенно любили играть въ учителя. Въ игрѣ принимали участіе Умновы, Аргамаковы, Пыпины и Николай Гавриловичъ. Директоромъ бывалъ обычно Н. Г., который и руководилъ играми. Дѣти постарше изображали изъ себя инспектора и учителей, а помладше—учениковъ. На этихъ играхъ дѣти изощряли свое остроуміе, здѣсь же учились читать и писать. Дѣти всѣ выучились читать сами: азбукъ у нихъ въ рукахъ не бывало. Въ то время, какъ ихъ старшая сестра, Любовь Николаевна, училась читать,—другія дѣти прислушивались къ чтенію и присматривались къ письму, а иногда обращались къ ней за разъясненіями. Такъ незамѣтно для родителей выучились читать и писать всѣ дѣти Пыпиныхъ, а съ ними и Николай Гавриловичъ.

Дѣти любили складывать слова и находить буквы по „Московскимъ Вѣдомостямъ“.

— „Мамочка, *такъ* эта буква читается? А это *такая* буква? А все слово такъ-ли читается?

— „Мамочка! Послушайте, какъ я прочелъ слово,“ обращается разъ сынъ при гостяхъ.

— „Будетъ читать, Петя, положи газету и играй“, говоритъ мать. Мальчуганъ неохотно исполняетъ приказаніе.

— „Что вы, Александра Егоровна, не покажете ему? Видите, какъ ему хочется читать?“ обращаются къ ней знакомые.

— Для дѣтей чтеніе теперь тоже лакомство или игра. Но если ихъ не останавливать, то они будутъ читать до утомленія, и

Библиотека "Руниверс"

тогда охота къ чтенію у нихъ пропадетъ. Вотъ, почему я и запрещаю имъ долго читать"

У дѣтей Пыпиныхъ былъ своеобразный методъ взаимнаго обученія,—тотъ самый ланкастерскій методъ, который господствовалъ въ школахъ того времени, съ тѣмъ только отличіемъ, что въ школѣ этотъ методъ вводилъ учитель, а въ семействѣ Пыпиныхъ къ нему привела дѣтская любознательность.

Большимъ удивленіемъ для родителей было, когда ихъ сынъ, Саша, легъ внизъ животомъ на полъ и написалъ мѣломъ: *Пыпинъ*. Но ни однимъ словомъ не высказали они своего удивленія при дѣтяхъ, хотя послѣ и порадовались за сына.

Въ своихъ играхъ дѣти любили острить и разсуждать, напр., о томъ, сколько бы процентовъ можно получать въ годъ, если бы Адамъ положилъ въ банкъ копѣйку.

Старшій сынъ, напуганный кѣмъ-то въ дѣтствѣ, на всю жизнь остался ненормальнымъ; онъ пользовался особеннымъ вниманіемъ и уходомъ въ семьѣ.

А. А. Лебедевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

Встрѣча съ И. А. Гончаровымъ.

Въ 1881 г. я вмѣстѣ съ своими двумя сестрами проводила лѣто на Рижскомъ взморьѣ, въ Дуббельнѣ. Мы жили на Маріенбадской (теперь Гончаровской) улицѣ, на маленькой отдѣльной дачкѣ, недалеко отъ кургауза тогдашняго Aktienhaus, куда часто ходили по вечерамъ послушать хорошій берлинскій оркестръ, погулять по парку и по морскому берегу.

Во второй половинѣ іюня кто-то сказалъ намъ, что въ Дуббельнѣ живетъ и тоже часто бываетъ въ паркѣ Акціенгауза Иванъ Александровичъ Гончаровъ. Мы, конечно, загорѣлись желаніемъ увидѣть хоть издали знаменитаго писателя. Имя Гончарова было однимъ изъ нашихъ любимыхъ именъ въ литературѣ. Кто изъ нашего поколѣнія еще въ дѣтствѣ не зачитывался увлекательными страницами *Фрегата-Паллады*? А дальше шло знакомство съ *Обыкновенной Исторіей*, которая своимъ изображеніемъ побѣды житейской прозы надъ мечтами и иллюзіями молодости оставила въ юной душѣ такое раздумчиво-меланхолическое чувство, — затѣмъ съ печальной судьбой несноснаго, но все же милаго Ильи Ильича Обломова и со всѣмъ соннымъ бытомъ обломовщины. А наконецъ *Обрывъ*! Какъ манилъ онъ наше воображеніе еще на школьной скамьѣ! Подъ какимъ строгимъ интердиктомъ держали эту книгу институтскія власти! Когда же, при болѣе гуманныхъ и свободолюбивыхъ вѣяніяхъ, внесенныхъ въ институтскія стѣны новой инспекціей, она была разрѣшена, по крайней мѣрѣ для воспитанницъ выпускного класса, и стояла, доступная имъ, на полкахъ библіотеки, то и тогда ее отнимала у читающихъ безпощадная начальническая

Библиотека "Руниверс"

рука. Съ тѣмъ большимъ энтузіазмомъ глотали мы *Обрывъ* потомъ, на свободѣ!...

Марка Волохова намъ было трудно простить автору. Воспитанныя преимущественно на чтеніи англійскихъ романовъ съ ихъ добродѣтельными и корректными героями и совершенно далекія отъ реальной жизни, мы отнеслись къ этому образу съ полнымъ непріязни недоумѣніемъ. Фигура Райскаго, интересная и симпатичная, часто возбуждала, какъ это и должно было быть по замыслу романа, смѣшанную съ жалостью досаду. Но женскіе образы *Обрыва*, какое высокое художественное наслажденіе доставляли они и какъ дороги становились читателю! Несравненная бабушка Татьяна Марковна, восхитительная въ своей наивной прелести Марѳинька, такъ напоминающая бѣлоснѣжный, душистый ландышъ, но еще болѣе Вѣра, вся обвѣянная такой чарующей и такой царственной красотой. Одинъ молодой человѣкъ изъ кружка нашихъ знакомыхъ, отличавшійся тонкимъ вкусомъ и ярко выраженнымъ литературнымъ дарованіемъ, каждый годъ, точно совершая какое-то священнодѣйствіе, перечитывалъ съизнова *Обрывъ* и называлъ это: ходить на свиданіе съ Вѣрой.

Мы стали всюду разыскивать И. А. Гончарова, но никакъ не могли найти лица, отвѣчающаго тому представленію, какое мы о немъ имѣли по знакомымъ намъ фотографіямъ его нѣсколько бюрократическаго типа. Потерявъ надежду встрѣтить писателя, мы рѣшили, что извѣстіе объ его пребываніи въ Дуббельнѣ есть не что иное, какъ ложный слухъ, и что Гончаровъ и не думалъ пріѣзжать на Рижскій штрандъ.

Іюнь подходилъ къ концу. 24-го въ залѣ Акціенгауза давался большой вечерній концертъ, на которомъ были и мы. По окончаніи его одинъ изъ нашихъ Дуббельнскихъ знакомыхъ быстро подошелъ къ намъ и съ оживленіемъ сказалъ: „Гончаровъ здѣсь и сидитъ на верандѣ, направо отъ входа“. Мы устремились туда.

Дѣйствительно, на указанномъ мѣстѣ сидѣлъ за столикомъ, рядомъ съ молодой еще дамой, невысокаго роста старичокъ, въ которомъ мы сразу узнали черты И. А. Гончарова.

Теплая волна читательской благодарности нахлынула на меня. Обыкновенно застѣнчивая, немного даже дикая, я, въ внезапномъ порывѣ, смѣло подошла къ Ивану Александровичу и отъ лица всѣхъ русскихъ женщинъ стала выражать ему восторженную признательность за дивныя художественныя произведенія, подаренныя имъ русской литературѣ, и въ особенности за плѣнительные женскіе образы, созданные его геніальной кистью.

При моемъ приближеніи Иванъ Александровичъ сейчасъ же

Библиотека "Руниверс"

всталъ; легкая тѣнь неудовольствія скользнула по его лицу. Но когда онъ услышалъ мою безъискусственную рѣчь и искренніе звуки моего голоса, дрожавшаго отъ волненія, его прекрасный лобъ разгладился, и привѣтливо засіяли его большіе голубые глаза.

„Сударыня“, съ старомодной любезностью сказалъ онъ, когда я умолкла, „сегодня я именинникъ, и ваше привѣтствіе лучшій вѣнокъ, какой я могъ бы получить въ этотъ день“.

Онъ пожелалъ узнать, кто я, сказалъ нѣсколько милыхъ словъ и моимъ сестрамъ и познакомилъ насъ съ сидѣвшей возлѣ него дамой, его давнишней пріятельницей, москвичкой, какъ и мы. Узнавъ, что нашъ отецъ былъ профессоръ московскаго университета, онъ съ теплотой отозвался о своей alma mater и о Москвѣ, въ которой давно уже не бывалъ, съ сожалѣніемъ упомянулъ о о томъ, что нездоровье помѣшало ему въ предъидущемъ году пріѣхать на Пушкинскія празднества, пріуроченныя къ открытію памятника поэту.

Мы откланялись Ивану Александровичу и, обласканныя его добрымъ взглядомъ, пошли домой, радостныя и умиленныя вдвойнѣ, наслаждаясь теплымъ іюньскимъ вечеромъ и мягкимъ плескомъ волнъ о прибрежный песокъ. Не разъ послѣ этого встрѣчали мы И. А. Гончарова то въ паркѣ, во время музыки, то гуляя въ тихіе вечера на плажѣ, когда море свѣтилось нѣжными перламутровыми переливами, или пламенѣло, принимая въ свою глубь красный дискъ заходящаго солнца. И всегда И. А. узнавалъ насъ, и самъ вступалъ въ разговоръ съ нами.

Онъ любилъ Рижское взморье, часто проводилъ здѣсь лѣто и, перебывавъ на всевозможныхъ заграничныхъ морскихъ купаньяхъ, все-таки находилъ, что нигдѣ нѣтъ тянущагося на такое далекое пространство плажа, какъ здѣсь, такого мелкаго устланнаго тонкимъ пескомъ, дна, такой цѣлебной по своему составу воды. Нѣкоторую досаду возбуждали въ немъ здѣсь строгая регламентація дамскихъ и мужскихъ часовъ для купанья. Ему случалось иногда забыть, что въ такой-то часъ мужчинамъ запрещается ходить по берегу; онъ шелъ гулять, и вдругъ его прогонялъ грозный окрикъ: Jetzt ist es Damenstunde!

Иванъ Александровичъ видимо сторонился общества и искалъ уединенія, такъ что по большой части мы встрѣчали его одного. Иногда онъ прогуливался съ талантливымъ петербургскимъ педагогомъ Соколовымъ, занявшимъ впослѣдствіи видный постъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія и рано умершимъ. Привѣтливо, какъ съ хорошей знакомой, раскланивался И. А. съ жившей это лѣто въ Дуббельнѣ извѣстной юристкой, А. М. Евреиновой, впо-

Библиотека "Руниверс"

слѣдствіи основательницей и редакторомъ журнала *„Сѣверный Вѣстникъ“*. Но собесѣдниковъ, съ которыми онъ могъ бы, по-дружески, что называется, душу отвести, у Ивана Александровича какъ-будто не было, и онъ съ сожалѣніемъ вспоминалъ объ А. Ѳ. Кони, въ обществѣ котораго провелъ здѣсь же, въ Дуббельнѣ, предыдущее лѣто, и съ жаромъ говорилъ о мягкой деликатности и рѣдкой чуткости Анатолія Ѳедоровича.

Какъ и мы, Иванъ Александровичъ жилъ на отдѣльной дачѣ, съ тремя дѣтьми своего умершаго слуги, которыхъ всюду возилъ за собой, трогательно о нихъ заботясь. Старшей дѣвочкѣ было лѣтъ 11, младшей 9 или 8, мальчикъ былъ, кажется, еще меньше. Всѣ трое весело рѣзвились на кругу, въ компаніи другихъ дѣтей. Помню какъ сейчасъ тоненькія фигурки въ красныхъ платьицахъ и бѣлокурыя головки этихъ двухъ дѣвочекъ, особенно умильное личико младшей, когда старичекъ-писатель любовно шутилъ съ ней, называя ее въ видѣ ласки „лягушенкомъ“. Мать сиротъ жила при нихъ и прислуживала Ивану Александровичу. „Иногда мнѣ курочку изжаритъ“, сказалъ онъ какъ-то, выражая свое неудовольство нѣмецкой кухней.

Мы предлагали позаняться съ дѣтьми, но оказалось, что онъ самъ ежедневно занимается съ ними русскимъ языкомъ и ариѳметикой и читаетъ имъ Евангеліе, а музыкѣ дѣвочки ходили учиться къ m-me Веденисовой, той дамѣ, съ которой мы его видѣли въ первый разъ. Съ удовольствіемъ, но безъ малѣйшаго слѣда тщеславія или кичливости разсказывалъ намъ Иванъ Александровичъ какъ въ Петербургѣ Высочайшія Особы балуютъ дѣтей, дарятъ имъ куклы и другія игрушки.

Какъ извѣстно, Гончаровъ далъ этимъ сиротамъ законченное образованіе, старшую дѣвочку помѣстилъ въ консерваторію и сдѣлалъ впослѣдствіи всѣхъ троихъ наслѣдниками своего состоянія.

О своихъ произведеніяхъ Иванъ Александровичъ говорилъ неохотно; мы это замѣтили и остерегались его разспрашивать. Какъ разъ въ 1881 г. вышли въ свѣтъ его *„Четыре Очерка“*, въ послѣднемъ изъ которыхъ *„Лучше поздно чѣмъ никогда“* онъ высказалъ о своей литературной дѣятельности все то, что желалъ и что находилъ нужнымъ сказать. И ничего почти новаго онъ къ этому и не добавилъ въ своихъ бесѣдахъ съ нами, но иногда какъ бы пересказывалъ отдѣльныя мѣста статьи, такъ напр. свой пріѣздъ на родину послѣ долголѣтняго отсутствія и нахлынувшій тогда на него потокъ дорогихъ воспоминаній. Съ тихой нѣжностью говорилъ онъ о своей матери, многими чертами которой воспользовался при изображеніи бабушки въ *„Обрывѣ“*, вызывалъ

Библиотека "Руниверс"

предъ нами образъ своей старушки-няни, кроткаго, смиреннаго и самоотверженнаго существа, всю жизнь свою положившаго за другихъ, и съ грустью указывалъ на то, какъ много такихъ существованій проходитъ у насъ незамѣченными и неоцѣненными. Упоминалъ И. А. и о своей статьѣ о Бѣлинскомъ, о томъ, какъ она возникла изъ письма къ А. Н. Пыпину, говорилъ о своей горячей привязанности къ великому критику. Заходила рѣчь и о кругосвѣтномъ плаваніи И. А. на фрегатѣ „*Паллада*“, и здѣсь онъ болѣе всего оживлялся. Вообще же въ ту пору И. А. Гончаровъ (ему было въ то время 69 лѣтъ) производилъ такое впечатлѣніе, точно онъ навсегда отошелъ отъ писательской дѣятельности. Любимое чтеніе его составляли описанія путешествій, и намъ онъ тоже совѣтовалъ читать побольше подобныхъ книгъ. Стиховъ, по его словамъ, онъ совсѣмъ не читалъ послѣдніе годы и вообще мало интересовался новѣйшими писателями и поэтами. Говоря это, не уступалъ ли онъ, можетъ быть, лишь внушенному такой душевной деликатностью желанію уклониться отъ необходимости выражать передъ собесѣдниками свое мнѣніе о тѣхъ или другихъ дѣятеляхъ новѣйшей изящной литературы?

Изъ своихъ современниковъ онъ болѣе всего восхищался могучимъ талантомъ Писемскаго, хотя и сожалѣлъ о недостаточной художественности его формы, и особенно горячими похвалами осыпалъ его „*Плотничью артель*“. У Достоевскаго выдвигалъ на первый планъ „*Записки изъ мертваго дома*“.

Старшая моя сестра жаловалась иногда Ивану Александровичу на нѣсколько пугавшую ее во мнѣ склонность къ энтузіазму и чрезмѣрный, по ея мнѣнію, культъ героевъ „Jetez de l'eau froide, jetez del'eau froide, какъ говорятъ французы“, шутливо отвѣчалъ онъ на это.

„Писатели,—писатели такіе же люди, какъ и всѣ,—такъ и надо смотрѣть на нихъ“, сказалъ онъ какъ-то въ другой разъ. „Ну, Тургеневъ другое дѣло,—у него ужъ такая фигура! А вотъ меня такъ очень часто принимали за голландскаго купца [1])!“

Но уже совсѣмъ другой тонъ, тонъ благоговѣнія слышался въ его голосѣ, когда онъ говорилъ о Пушкинѣ, котораго считалъ своимъ учителемъ. И. А. разсказывалъ, какъ юношей онъ видѣлъ однажды великаго поэта въ церкви; Пушкинъ стоялъ прислонившись къ ко-

---

[1]) „Постнымъ масломъ пахнетъ“, замѣчалъ иногда И. А. Гончаровъ, когда ему приходилось выслушивать черезчуръ восторженные, какъ ему казалось, отзывы о его произведеніяхъ.

Библиотека "Руниверс"

лоннѣ, задумчивый, сосредоточенный. Другой разъ онъ встрѣтилъ его въ книжномъ магазинѣ.

И. А. Гончаровъ былъ искренно и глубоко религіозенъ. Помню съ какой задушевностью передавалъ онъ намъ содержаніе своей бесѣды съ священникомъ православной церкви въ Дуббельнѣ (своимъ внѣшнимъ обликомъ напоминавшимъ Николая чудотворца, какъ его обыкновенно изображаютъ) на тему одной изъ его проповѣдей.

Музыку Иванъ Александровичъ слушалъ съ удовольствіемъ, но не всякую. Сладкіе звуки Россини легко и свободно вливались въ его душу, нѣжа и лаская ее. Но музыка болѣе серьезнаго, трагическаго, такъ сказать, характера въ эти годы уже утомляла, порой даже раздражала его нервы.

Чуть не съ отчаяніемъ говорилъ онъ о петербургскихъ квартирахъ, гдѣ нѣтъ возможности спастись отъ фортепіанныхъ упражненій консерваторокъ. Что было бы съ нимъ теперь въ эпоху царства граммофоновъ!

Иногда въ разговорѣ съ нами И. А переносился мыслью къ своей жизни за границей, особенно въ Парижѣ, къ парижскимъ театрамъ со всѣмъ ихъ своеобразнымъ строемъ, съ продажей апельсиновъ и мороженаго въ антрактахъ, съ нарядными и учтивыми уврёзами.

Некультурность русской жизни сравнительно съ заграничной глубоко огорчала его. „У насъ не посторонятся передъ женщиной, находящейся въ почтенномъ положеніи“, говорилъ онъ, „предъ женщиной, которой въ древнемъ Римѣ именно это положеніе давало право на особенное вниманіе и почетъ. У насъ ребенка, который упалъ и плачетъ, не поторопятся поднять“.

Несмотря на нѣкоторую замкнутость натуры И. А. Гончарова, на его способность съеживаться и прятаться отъ взоровъ, казавшихся ему любопытными и назойливыми, на его несомнѣнное родство съ noli me tangere въ растительномъ мірѣ, чѣмъ-то удивительно мягкимъ и благожелательнымъ вѣяло отъ всего его существа.

Помню, услыхавъ какъ-то въ разговорѣ, что мы были наканунѣ на вечерѣ въ Акціенгаузѣ, онъ спросилъ: „И молодые люди были съ вами любезны?“ Простыя слова, но ихъ милая, отеческая интонація до сихъ поръ звучитъ въ моихъ ушахъ.

Не могу, съ другой стороны, вспомнить безъ улыбки одинъ маленькій инцидентъ, очень характерный для Ивана Александровича. Къ нашей компаніи нерѣдко присоединялась одна молодая дама изъ Маіоренгофа. Мы познакомились съ ней случайно, въ дорогѣ. Съ очень эффектной наружностью, высокая и стройная, она, отчасти вслѣдствіе своего полунѣмецкаго происхожденія, отчасти какъ провинціалка, была нѣсколько эксцентрична въ своихъ туалетахъ и

Библиотека "Руниверс"

немножко жеманна и манерна. Однажды мы сидѣли въ паркѣ съ И. А., слушая музыку; съ нами была и эта дама, сидѣвшая немного поодаль. Вдругъ, въ антрактѣ, изящно перегнувшись къ писателю, она громко спрашиваетъ его: „Monsieur Гончаровъ, вы женаты?“ Надо было видѣть, какой испугъ отразился на лицѣ милаго старичка! Онъ поднялъ обѣ руки и, какъ-бы отмахиваясь отъ какого-то страшнаго призрака, энергично запротестовалъ: „Нѣтъ, нѣтъ! Никого! Никогда!“

Кромѣ матери, И. А. въ бесѣдахъ съ нами никогда не касался никого и ничего, имѣвшаго отношенія къ его личной жизни.

. . . . . .

Между тѣмъ лѣто проходило. Весело справили въ Акціенгаузѣ ежегодный праздникъ рижскаго пѣвчевскаго общества *Баянъ*—съ подписнымъ обѣдомъ, пѣніемъ и застольными рѣчами. Гончаровъ не присутствовалъ на этомъ торжествѣ. Вскорѣ послѣ того мы узнали, что онъ уже назначилъ день для отъѣзда своего пароходомъ въ Петербургъ, но собирается уѣхать украдкой, чтобъ избѣжать всякихъ проводовъ. Наканунѣ назначеннаго имъ дня (это было въ концѣ іюля) я, съ записной книжкой въ рукахъ, подкараулила его при выходѣ его послѣ обѣда изъ кургауза, чтобъ проститься съ нимъ и попросить его написать въ моей книжкѣ свое имя. Размашистымъ почеркомъ, заполнивъ всю страничку, онъ написалъ нѣсколько любезныхъ словъ, прося при воспоминаніи Дуббельна вспоминать немного и о немъ.—Здѣсь я видѣла его въ послѣдній разъ.

Къ Новому Году я послала ему въ Петербургъ поздравительное письмо, при чемъ рѣшилась попросить у него на память его фотографическую карточку. Письмо я адресовала въ редакцію „Вѣстника Европы“. Вскорѣ пришелъ отвѣтъ отъ И. А. Гончарова, помѣченный 8-мъ января 1882 г., и съ указаніемъ его адреса: Моховая, домъ № 3.

И. А. выражалъ сожалѣніе, что не можетъ исполнить моей просьбы и прислать мнѣ свой портретъ: у него остались только бракованные экземпляры, которые онъ намѣревался уничтожить. Въ ожиданіи же того времени, когда онъ соберется пойти сняться къ фотографу, онъ посылалъ мнѣ свою визитную карточку съ фотографіей въ миніатюрѣ, сдѣланную когда-то въ Парижѣ и случайно уцѣлѣвшую въ его портфелѣ въ одномъ экземплярѣ. Очень тронутый по его словамъ, моимъ вниманіемъ, И. А. и меня просилъ принять его искреннія поздравленія съ Новымъ Годомъ и изъ всѣхъ своихъ желаній мнѣ всякаго блага выбиралъ и посылалъ мнѣ самое лучшее, по его мнѣнію, желаніе: чтобъ я и мои сестры нашли „прекрасныхъ, достойныхъ насъ мужей“.

Библиотека "Руниверс"

Должна признаться, что это главное пожеланіе Ивана Александровича, которое онъ высказывалъ намъ и раньше, въ Дубельнѣ, далеко не польстило мнѣ тогда и показалось даже узкобуржуазнымъ. Не о томъ тогда мечталось, совсѣмъ не то носилось въ воображеніи. Но теперь, черезъ 30 лѣтъ, перечитывая эти пожелтѣвшія отъ времени строки, начертанныя старческой рукой, я нахожу такъ понятнымъ, что И. А. Гончаровъ, такъ хорошо знавшій жизнь съ ея подводными камнями и обрывами и самъ, въ своемъ одинокомъ существованіи, лишенный семейнаго тепла и уюта, именно счастливый бракъ считалъ самымъ надежнымъ оплотомъ противъ холода, царящаго въ пустынѣ міра, и противъ всякихъ грозъ и бурь океана жизни. Недаромъ заставляетъ онъ въ своемъ романѣ бабушку Татьяну Марковну отдать Вѣру подъ защиту простого, но такого хорошаго и честнаго человѣка, какъ Тушинъ.

Я, конечно, поспѣшила выразить Ивану Александровичу свою горячую благодарность за письмо и карточку, но кажется именно въ этотъ разъ имѣла неосторожность упомянуть о проскользнувшихъ въ широкую публику слухахъ, будто онъ пишетъ новый большой романъ, и о нашихъ радостныхъ ожиданіяхъ. Боюсь, что это произвело непріятное впечатлѣніе на И. А. Гончарова, такъ тщательно оберегавшаго отъ постороннихъ свои литературные планы. Новаго романа мы такъ и не дождались. По газетнымъ извѣстіямъ и по частнымъ свѣдѣніямъ, у Ивана Александровича въ это время уже начала развиваться болѣзнь глазъ, грозившая ему полной потерей зрѣнія, и вообще здоровье его все болѣе и болѣе разстраивалось. Лишь въ самомъ концѣ 80-хъ годовъ появился въ *„Нивѣ“* рядъ его высоко-художественныхъ, проникнутыхъ мягкимъ юморомъ очерковъ подъ общимъ заглавіемъ *„Слуги“*. Вскорѣ послѣ того, въ *„Вѣстникѣ Европы“* мы прочли *„Нарушеніе воли“*.

Подъ впечатлѣніемъ изложеннаго здѣсь завѣщанія И. А. Гончарова долго не рѣшалась я занести на бумагу свои воспоминанія о немъ. Но появившіяся за послѣднее время въ печати нѣкоторыя статьи, рисующія его холоднымъ, черствымъ эгоистомъ,' разсѣяли мои колебанія.

По всей вѣроятности эти бѣглыя замѣтки покажутся читателямъ блѣдными и неинтересными, но мнѣ думается, что онѣ все-таки могутъ внести лишній штрихъ въ характеристику И. А. Гончарова и, можетъ быть, окажутся не совсѣмъ безполезными для его біографовъ.

Въ печальные для меня годы, наступившіе вскорѣ послѣ моей встрѣчи съ знаменитымъ писателемъ,—годы тяжелаго недуга, горь-

Библиотека "Руниверс"

кихъ сомнѣній и разочарованій,—воспоминаніе объ его свѣтлой и глубоко-гуманной личности поддерживало и нравственно укрѣпляло меня, и это чувство вылилось въ неудачномъ по формѣ, но искреннемъ стихотвореніи къ нему, какъ къ учителю родной страны, своей великой душой провидѣвшему ея пробужденіе. Тогда я этого стихотворенія не послала. Но спустя нѣсколько лѣтъ, когда я достигла нѣкотораго душевнаго равновѣсія, принявъ страданіе и найдя скромный, но доступный для себя трудъ, я написала Ивану Александровичу о томъ, что мнѣ пришлось пережить за эти годы, и вложила въ конвертъ стихи. Получилъ ли онъ мое письмо, прочелъ ли его, не знаю. Это было, кажется, года за два до его кончины.

. . . . . .

Я сказала въ началѣ своихъ воспоминаній, что трудно было простить Гончарову Марка Волохова съ точки зрѣнія неопытныхъ институтокъ. Еще сильнѣй и по гораздо болѣе глубокимъ причинамъ негодовали за этотъ образъ на автора болѣе зрѣлые люди среди современниковъ Гончарова и ближайшихъ къ нему поколѣній.

Но творецъ *Обломова и Обрыва* былъ и остается не только живымъ и яркимъ бытописателемъ своей страны, въ извѣстныя эпохи ея жизни, но сильнымъ художникомъ и тонкимъ психологомъ. Съ теченіемъ времени то, что оскорбляло и больно задѣвало многихъ изъ насъ въ образѣ Марка Волохова, сгладится и забудется, а непріятно поражавшее и коробившее насъ увлеченіе Вѣры этой грубой фигурой явится, можетъ быть, для будущихъ читателей лишь мастерскимъ воплощеніемъ той жизненной загадки, которая вѣками не находитъ себѣ разрѣшенія, и которую въ такихъ неувядаемыхъ чертахъ изобразилъ Шекспиръ въ шуткѣ Оберона надъ Титаніей.

В. Спасская.

Библиотека "Руниверс"

Встрѣчи и столкновенія.

Л. Н. Толстой.

Произошло мое столкновеніе съ нимъ по слѣдующему поводу. Марксъ пріобрѣлъ у Толстого право перваго печатанія его романа за полистный гонораръ (самъ авторъ затруднялся въ точности опредѣлить размѣры своего романа), далеко превышавшій гонораръ, когда-нибудь уплаченный за такое большое произведеніе писателю русскимъ издателемъ. Но что значило право перваго печатанія? Кажется, на этотъ счетъ сомнѣнія быть не могло, а между тѣмъ на дѣлѣ оказалось, что мы съ Марксомъ не уяснили себѣ точнаго значенія этого термина, т. е. того, за что собственно уплачивался цѣлый капиталъ.

Предполагалось, что „Нива“ отпечатаетъ романъ, и что затѣмъ онъ станетъ общественнымъ достояніемъ, такъ какъ Толстой отказался отъ права собственности на произведенія, написанная имъ послѣ 1881 г. Въ сущности, значитъ, дѣло сводилось къ тому, что „Вескресеніе“ появится въ „Нивѣ“ раньше, чѣмъ въ другихъ повременныхъ изданіяхъ, но насколько раньше—это не могло быть опредѣлено, потому что не было извѣстно, сколько времени продолжится его печатаніе въ самой „Нивѣ“ тѣмъ болѣе, что романъ самимъ авторомъ не былъ оконченъ или окончательно обработанъ. Во всякомъ случаѣ одно было ясно: романъ не долженъ былъ появиться въ другихъ изданіяхъ раньше, чѣмъ въ „Нивѣ“, потому

Библиотека "Руниверс"

что въ противномъ случаѣ не за что было платить деньги, да еще такія значительныя.

Но какъ только „Нива“ приступила къ печатанію, тотчасъ же выяснилось, что мы живемъ въ „странѣ неожиданностей“: „Воскресеніе“ стало появляться въ другихъ изданіяхъ раньше, чѣмъ въ „Нивѣ“. Я имѣю въ виду не то, что эти изданія начали перепечатывать романъ, не выжидая его окончанія, т. е. тотчасъ по появленіи отдѣльныхъ главъ въ „Нивѣ“; я хочу сказать, что отдѣльныя главы появились въ другихъ изданіяхъ раньше, чѣмъ въ самой „Нивѣ“.

Чтобы понять этотъ повидимому неправдоподобный фактъ, надо знать технику печатанія журналовъ. При тогдашнемъ огромномъ тиражѣ „Нивы“ на отпечатаніе всего количества экземпляровъ требовалось не мало времени, особенно если нежелательно было прибѣгать къ ночнымъ работамъ, которыя обходятся гораздо дороже. Вслѣдствіе того, что даже самыя усовершенствованныя машины (ротаціонныя) могли печатать въ часъ не болѣе 3.000—5.000 экз. съ иллюстраціями, а экземпляровъ газеты 10.000—30.000, нумеръ „Нивы“ получался позже, чѣмъ нумеръ газеты. Я самъ, живя напримѣръ въ Крыму, получалъ „Ниву“ на 7—9 день, а соотвѣтственный нумеръ газеты на 3—5 день. Другими словами нумеръ газеты съ перепечаткою романа Толстого получался во многихъ мѣстахъ значительно раньше нумера самой „Нивы“. Такимъ образомъ оказывалось, что деньги за право перваго печатанія были уплачены даромъ.

Конечно, это не могло бы случиться, если бы русскіе издатели и редакторы были по большей части (ну какъ бы мягче выразиться?)—люди .. щепетильные въ вопросахъ чужой собственности. Но въ данномъ случаѣ это предположеніе не оправдалось, и такимъ образомъ „Воскресеніе“ появлялось во многихъ изданіяхъ гораздо раньше, чѣмъ въ соотвѣтствующемъ нумерѣ „Нивы“.

Какъ только это положеніе дѣлъ выяснилось, я съѣздилъ къ Толстому въ Москву, увѣренный, что онъ, узнавъ, въ чемъ дѣло, сдѣлаетъ все, отъ него зависящее, чтобы оградить интересы довѣреннаго мнѣ журнала, такъ какъ онъ конечно не согласится нарушить простого правила честности, не позволяющаго брать большія деньги за мнимыя услуги или за вещь мало стоящую.

Я пріѣхалъ къ Толстому не во время. Лакей во фракѣ и въ перчаткахъ доложилъ мнѣ, что „его сіятельство изволятъ почивать послѣ обѣда“, но что „вечеркомъ они меня вѣроятно примутъ“. Оставивъ карточку, я и заѣхалъ вечеромъ и дѣйствительно былъ немедленно принятъ. Софія Андреевна въ то время была больна и, сколько помню, въ Москвѣ не находилась.

Библиотека "Руниверс"

Я не стану передавать моего длиннаго разговора съ Толстымъ, потому что не обладаю завидною памятью людей, которые по прошествіи многихъ лѣтъ могутъ передавать слово въ слово свою бесѣду съ знаменитостями. Но ходъ бесѣды я твердо помню и нѣкоторыя фразы Толстого тогда же записалъ. Все это здѣсь и изложу, отмѣтивъ вкратцѣ, какое впечатлѣніе на меня лично произвела наружность знаменитаго писателя.

Я зналъ, что увижу 70-лѣтняго старца чусто-русскаго облика, въ русской рубахѣ, некрасиваго (недаромъ Толстой уже въ молодости приходилъ въ отчаяніе отъ своего „широкаго носа, толстыхъ губъ и маленькихъ сѣрыхъ глазъ)“, и тѣмъ не менѣе, когда я его увидѣлъ воочію, я внутренно не могъ не воскликнуть: „да онъ настоящій мужичекъ!“ и добавить, уловивъ выраженіе его глазъ: „и мужичекъ себѣ на умѣ“. Когда я по приглашенію Толстого сѣлъ и выразилъ ему сожалѣніе, что мнѣ по цензурнымъ условіямъ приходится кое-что вычеркивать изъ его романа, Толстой воскликнулъ:

— Странно! Первый мой цензоръ былъ Ростиславъ и послѣдній мой цензоръ опять Ростиславъ.

Я понялъ, что онъ намекаетъ на извѣстнаго Ростислава Фадѣева и на меня, и мнѣ очень хотѣлось разспросить Толстого, какую изъ его вещей, напечатанныхъ въ 1852 г., собственно цензировалъ или просматривалъ герой сраженій при Башкадыкларѣ и Курукдарѣ, когда русскіе еще умѣли побѣждать втрое сильнѣйшаго врага (18.000 русскихъ разбили 60.000 турокъ), и знаменитаго автора „Вооруженныхъ силъ Россіи“, но я отъ этого воздержался, зная, что занятой человѣкъ дорожитъ временемъ. Между тѣмъ для біографіи Толстого было бы очень интересно выяснить, какія отношенія существовали между Толстымъ и Фадѣевымъ, съ которымъ онъ могъ встрѣчаться на Кавказѣ въ теченіе трехъ лѣтъ.

Я прямо приступилъ къ изложенію своего дѣла. Но Толстой меня слушалъ такъ сказать однимъ ухомъ, и когда я уже готовъ былъ формулировать мою просьбу, онъ вдругъ совершенно неожиданно прерывалъ меня комплиментами, отъ которыхъ, помню, мнѣ становилось очень неловко. Такъ въ первый разъ онъ меня прервалъ замѣчаніемъ, что я—цензоръ очень искусный. „Выкинете одно-два слова—анъ, смотришь:—спасли цѣлую страницу“—пояснилъ онъ, лукаво улыбаясь, и началъ приводить нѣкоторыя примѣры. Я слушалъ Толстого съ большимъ интересомъ. Меня поражала ясность его ума и то, какъ онъ великолѣпно понималъ цензурныя требованія: хоть прямо посади его редакторомъ газеты или журнала и положись на него, какъ на каменную гору—не подведетъ. Я эту мысль и высказалъ Толстому. Онъ разсмѣялся.

Библиотека "Руниверс"

— Нашли цензора,—возразилъ онъ.—Тутъ нужна политика. А какой я политикъ—правду люблю.

Я опять вернулся къ дѣлу. Но Толстой снова не далъ мнѣ договорить, замѣтивъ что онъ—постоянный мой читатель, во многомъ мнѣ сочувствуетъ, но во многомъ со мною и не соглашается, и началъ разсуждать о служебной роли искусства по поводу моей критики на его статью: „Что такое искусство?“ Я понятно не возражалъ. Прошло уже около часа, и я рѣшился наконецъ прямо попросить Толстого положить конецъ недобросовѣстности издателей. Тутъ Толстой меня спросилъ, чего же я собственно хочу? Я ему пояснилъ, что романъ—его собственность, и что поэтому онъ одинъ можетъ рѣшительно воспротивиться его перепечатыванію. Онъ мнѣ отвѣтилъ, что готовъ помѣстить въ „Нивѣ“ и въ другихъ періодическихъ изданіяхъ письмо, въ которомъ онъ попроситъ не перепечатывать его романа до его окончанія и выяснитъ фальшивое положеніе, въ которое его ставятъ по отношенію къ издателю „Нивы“ лица, перепечатывающія его романъ. Я только что хотѣлъ возразить, что такое письмо врядъ-ли къ чему-нибудь приведетъ, какъ Толстой всталъ, схватился руками за спину и воскликнулъ:

— Ахъ, если бы вы знали, какая ужасная болѣзнь—старость!

Я освѣдомился о состояніи его здоровья. Онъ снова сѣлъ и началъ распространяться о цѣломъ рядѣ болѣзненныхъ ощущеній, которыхъ онъ раньше никогда не испытывалъ, а теперь испытываетъ все чаще и чаще. Я далъ ему высказаться во всѣхъ подробностяхъ и опять вернулся къ дѣлу, сказавъ, что только судебные скорпіоны могутъ заставить нѣкоторыхъ издателей воздержаться отъ перепечатыванія. Толстой мнѣ возразилъ, что я, можетъ быть, и правъ, но что онъ не можетъ дѣйствовать сообща съ „Нивою“ въ этомъ дѣлѣ. „Во-первыхъ,—сказалъ онъ:—всякій судъ мнѣ противенъ, а во-вторыхъ—это значило бы до нѣкоторой степени признать мое право собственности на произведенія, написанныя послѣ 1881 г., а я отъ этого права отказался и слову моему ни живой, ни мертвый не измѣню“.

— Не настаивайте, пожалуйста,—прибавилъ онъ.

Я, дѣйствительно, болѣе не настаивалъ, щадя спокойствіе знаменитаго писателя, и уѣхалъ. Журналы и газеты продолжали перепечатывать романъ, а мы съ Марксомъ молчали, уважая безкорыстіе писателя, отказавшагося отъ значительныхъ матеріальныхъ выгодъ, и утѣшаясь тѣмъ, что не нарушили подъ старость его покоя.

Черезъ двѣнадцать лѣтъ я вспомнилъ энергичную фигуру Толстого и внушительный его тонъ, когда онъ меня увѣрялъ, что навсегда отказался отъ права собственности на сочиненія, написанныя послѣ

Библиотека "Руниверс"

1881 г., вспомнилъ по поводу его духовнаго завѣщанія и невольно спросилъ себя, чему же вѣрить: тогдашнему его заявленію или теперешнему завѣщанію? Примирить ихъ, къ сожалѣнію, не было возможности.

С. П. Боткинъ.

Это было въ 1871 г. Я тогда сильно заболѣлъ, работая по 14 часовъ въ день. Печаталъ ученый трудъ, читалъ лекціи государственнаго права, готовился къ магистерскому экзамену. Мой домашній врачъ, милѣйшій Д. Н. Шульговскій, не зналъ, чѣмъ мнѣ помочь, посовѣтовалъ консиліумъ и привезъ мнѣ Боткина. Добросовѣстность знаменитаго діагноста, помню, меня поразила. Что онъ только не продѣлывалъ со мною въ теченіе часа: постукивалъ, выслушивалъ, клалъ на спину, клалъ и на животъ, кололъ и острымъ, и тупымъ концомъ булавки, заставлялъ бѣгать по комнатѣ, ходить съ закрытыми глазами по половицѣ, разспрашивалъ меня обо всѣхъ обстоятельствахъ моей жизни, очень интересовался моими родителями и родственниками какъ въ восходящей, такъ и въ боковыхъ линіяхъ, заставлялъ меня смотрѣть себѣ то на лобъ, то на подбородокъ, а я конечно продѣлывалъ все это очень добросовѣстно, потому что вѣрилъ въ непогрѣшимость его приговора, вѣрилъ, что причина моей болѣзни будетъ раскрыта и устранена.

Наконецъ, вогнавъ меня въ седьмой потъ, онъ повидимому самъ усталъ и вмѣстѣ съ Шульговскимъ удалился въ другую комнату. Тамъ они долго совѣщались, и затѣмъ Боткинъ мнѣ сообщилъ, что надо уѣхать изъ Петербурга, лучше всего на родину, заниматься, отнюдь не утомляясь, физическимъ трудомъ, а отъ умственной работы совершенно отказаться и что тогда, быть можетъ, я поправлюсь. Я его поблагодарилъ и хотѣлъ вручить ему 25 рублей (эту цифру назначилъ Шульговскій, какъ установленную для боткинскихъ консиліумовъ того времени), но Сергѣй Петровичъ рѣшительно отказался ихъ принять, какъ онъ выразился, отъ коллеги, т. е. отъ профессора, словомъ очаровалъ меня своею добросовѣстностью и любезностью.

Но больше всего меня конечно интересовала моя болѣзнь. Изъ совѣтовъ Боткина я уже видѣлъ, что болѣзнь у меня серьезная, но я все-таки не зналъ, чѣмъ собственно страдаю. Просвѣтилъ меня на этотъ счетъ Шульговскій: Боткинъ у меня нашелъ болѣзнь мозжечка. Впослѣдствіи выяснилось, что онъ домашнимъ въ при-

Библиотека "Руниверс"

сутствіи же Шульговскаго прямо заявилъ, что я могу еще протянуть годика два-три, но для этого непремѣнно долженъ отказаться отъ всякой умственной работы. Можно себѣ представить, какъ этотъ суровый приговоръ долженъ былъ сразить близкихъ мнѣ людей. Горе и страхъ, ими извѣданные, были тѣмъ болѣе жестоки, что... послѣ этого приговора я въ теченіе сорока лѣтъ усиленно работалъ головой и не только не умеръ, но живъ до сихъ поръ. Много требовалось самоувѣренности, чтобы въ такой темной области, какъ болѣзни мозжечка, произнести рѣшительный приговоръ тѣмъ болѣе, что и болѣзни-то мозжечка никакой не было. На это мнѣ тогда же указалъ пользовавшій меня неоднократно скромный врачъ Іогансонъ, рѣшительно заявившій, что никакіе авторитеты міра его не убѣдятъ въ томъ, что у меня болѣзнь мозжечка. И дѣйствительно, я съ полгода отдохнулъ въ Швейцаріи и вернулся въ Россію сравнительно здоровымъ.

Самоувѣренность Боткина сказалась и въ знаменитомъ инцидентѣ съ Наумомъ Прокофьевымъ. Когда въ Петербургѣ разнеслась вѣсть, что Боткинъ открылъ въ своей клиникѣ чумнаго больного, переполохъ произошелъ всеобщій. Это было въ 1878 г. Чума появилась тогда сперва въ Ветлянкѣ, а затѣмъ и въ Черноярскомъ уѣздѣ. Прошло 50 лѣтъ со времени послѣдней чумной эпидеміи въ Европѣ, и вдругъ азіатская гостья опять пожаловала. Можно себѣ представить, какъ всѣ испугались. Паника была такъ велика, что наши бумаги стремительно упали, а это грозило дальнѣйшимъ разстройствомъ нашихъ финансовъ, уже и безъ того сильно пострадавшихъ отъ только-что оконченной войны съ Турціей.

Я былъ въ то время друженъ съ однимъ изъ ординаторовъ Боткина, и онъ мнѣ разсказалъ, что, присутствуя при изслѣдованіи Наума Прокофьева, рѣшился высказать свое сужденіе, прямо заявивъ Боткину, что бубоны у дворника не чумные, а сифилитическіе. Боткинъ вспылилъ и рѣзко ему отвѣтилъ, что онъ, Боткинъ — не ученикъ, а учитель, и что учиться не ему, а другимъ. Вслѣдъ затѣмъ однако и такой опытный врачъ, какъ профессоръ Н. Ф. Здекауэръ, подтвердилъ, что у Наума Прокофьева просто люэсъ. Такимъ образомъ о появленіи чумы въ Петербургѣ не могло быть и рѣчи, и для меня окончательно выяснилось, что либо Боткинъ страдаетъ невѣроятнымъ самолюбіемъ, не позволяющимъ ему сознаться въ своей ошибкѣ, либо тутъ замѣшана политика, т. е. желаніе напугать правительство и заставить его принять рѣшительныя мѣры для очистки нашихъ городовъ и деревень. Эта послѣдняя мысль находила себѣ подтвержденіе и въ словахъ многочисленныхъ друзей Боткина, которые съ таинствен-

Библиотека "Руниверс"

нымъ видомъ намекали на то, что дѣло конечно не въ ошибкѣ, а въ желаніи добиться улучшенія санитарныхъ условій Россіи, а можетъ быть и чего-нибудь поважнѣе (разумѣй: дальнѣйшаго ослабленія правительства, позиція котораго была уже такъ сильно поколеблена берлинскимъ конгрессомъ). Словомъ, получился какъ бы одинъ изъ первыхъ симптомовъ позднѣйшей тактики одной изъ политическихъ партій и при томъ необыкновенно глупый, потому что нельзя было ослабить правительство выдуманнымъ случаемъ появленія чумы въ Петербургѣ, а іезуитское правило, что въ политикѣ все дозволено: и обманъ, и ложь невольно вызвало во всякомъ честномъ человѣкѣ чувство гадливости. Все это я изложилъ въ тогдашнихъ моихъ газетныхъ статьяхъ, и на этой почвѣ разыгралось мое столкновеніе съ Боткинымъ.

Для самого Боткина однако случай съ Наумомъ Прокофьевымъ прошелъ безнаказанно. Одни дѣйствительно усмотрѣли въ его грубой ошибкѣ шахматный ходъ, другіе простили ему эту ошибку въ виду его заслугъ—словомъ, дѣло обошлось для него благополучно, и онъ еще болѣе десяти лѣтъ пользовался и славою выдающагося діагноста, и всѣмъ, что съ нею связано.

А. Н. Пыпинъ.

Стоило только взглянуть на Александра Николаевича при первой съ нимъ встрѣчѣ, чтобы воскликнуть: „Вотъ типъ мягкаго, добраго человѣка!“ И тѣмъ не менѣе у меня было съ нимъ столкновеніе, правда, мимолетное, но было. Когда? На рубежѣ XIX и XX в.

Вотъ какъ произошло это торжественное событіе. Мы засѣдали вмѣстѣ въ одномъ изъ учрежденій, милостиво надѣляющихъ литературную братію пенсіями, пособіями, а то и вспомоществованіями на рождественскаго гуся. Да, надъ этимъ „рождественскимъ гусемъ“ принято смѣяться, а между тѣмъ онъ представляетъ очень печальный фактъ. Значительная сумма, которою располагаютъ благотворительныя литературныя учрежденія, достигающая ежегодно 90.000 р., расходится по мелочамъ (раздаются пособія въ 3 и даже 2 рубля), а когда надо придти на помощь настоящему литератору, то средствъ обыкновенно недостаетъ, и ассигнуются пенсіи, которыхъ не хватило бы на прокормленіе мелкаго чиновника и даже простого рабочаго. Пенсіи заслуженнаго стараго литератора обыкновенно, вдвое, втрое, а то и въ четверо меньше жалованія какого-нибудь подпоручика. И все это происходитъ вслѣдствіе необычайной отзывчивости или доброты лицъ, вершающихъ дѣла о пособіяхъ или пенсіяхъ. Если ихъ разжалобитъ судьба человѣка, они тотчасъ спѣшатъ

Библиотека "Руниверс"

ему на помощь, и такимъ образомъ по мелочамъ расходятся суммы, которыя при другихъ обстоятельствахъ вполнѣ могли бы удовлетворить нужду истинныхъ литературныхъ работниковъ. Вотъ на этой-то почвѣ и произошло мое столкновеніе съ Александромъ Николаевичемъ.

Изъ собранныхъ мною свѣдѣній выяснилось, что литераторы, не имѣющіе почти никакого литературнаго ценза, получаютъ пенсіи; получаютъ пенсіи и литераторы, зарабатывающіе отъ 2—4.000 рублей въ годъ, и что родственники знаменитыхъ поэтовъ тоже получаютъ пенсіи почти высшаго оклада, несмотря на то, что у нихъ въ Петербургѣ доходные каменные дома. Все это меня такъ удивило, что я не могъ не высказаться по этому поводу. Фактъ, что люди съ значительнымъ литературнымъ заработкомъ получаютъ пенсіи, какъ будто нѣсколько смутилъ добрѣйшаго Александра Николаевича, но все-таки онъ нашелъ для нихъ какое-то извиненіе и вслѣдъ затѣмъ, какъ бы желая усилить свою аргументацію, которая ему самому очевидно не казалась достаточно убѣдительною, рѣшительно возсталъ противъ моей мысли, что домовладѣлецъ можетъ обойтись безъ пенсіи.

— Да что такое петербургскій домовладѣлецъ въ настоящее время?—возразилъ онъ.—По большей части—простой управляющій, не получающій иногда даже жалованья.

Я конечно не оспаривалъ Александра Николаевича и рискнулъ только замѣтить, что человѣкъ, имѣющій доходный каменный домъ, все-таки обезпеченнѣе человѣка, не имѣющаго дома. Родственница знаменитаго поэта была лишена пенсіи и очень сѣтовала на это, рѣшительно недоумѣвая, откуда теперь брать ежемѣсячно 40 рублей на булавки дочери, а добрѣйшій Александръ Николаевичъ мягко упрекалъ меня за то, что я такъ неумолимъ къ людямъ съ недостаточнымъ литературнымъ цензомъ, къ заслуженнымъ, но обезпеченнымъ литераторамъ и къ племянникамъ знаменитыхъ поэтовъ.

Р. Сементковскій.

Библиотека "Руниверс"

М. И. Драгомировъ, командующій войсками.

(Изъ отрывочныхъ воспоминаній).

Въ декабрьской 1911 года книжкѣ „Русской Старины“ окончено начатое въ апрѣльской книжкѣ 1910 года помѣщеніе соединенной въ одну статью, серіи замѣтокъ, частью касающихся воспоминаній о Мих. Ив. Драгомировѣ, а больше содержащихъ въ себѣ воспроизведеніе устно—передававшихся имъ, воспоминаній его самого объ австро-прусской войнѣ 1866 года.

Приступая теперь къ печатанію продолженія той серіи замѣтокъ въ видѣ воспроизведенія воспоминаній о покойномъ, какъ „о командующемъ войсками“, считаю нелишнимъ высказать нѣсколько небольшихъ замѣчаній.

Съ перваго взгляда кажется, что статья та въ нѣкоторыхъ мѣстахъ какъ будто нѣсколько грѣшитъ относительно характера самой выборки фактовъ и пригодности ихъ для передачи въ печать; по временамъ, при чтеніи статьи казалось, будто „кое-что въ ней не соотвѣтствуетъ заглавію“.

Но все это могло казаться только при допущеніи нѣкоторой щепетильности и порождаемой ею мнительности; во всякомъ случаѣ все выбранное изъ пространныхъ записей и втиснутое въ ту статью, вполнѣ отвѣчаетъ намѣченной въ главныхъ чертахъ передъ составленіемъ ея задачѣ:

во-первыхъ, дать возможную характеристику М. И. Драгомирова въ дополненіе ко всему тому, что объ этомъ крупномъ человѣкѣ, полководцѣ, учителѣ и военномъ писателѣ уже появилось и еще неминуемо будетъ появляться въ разнообразныхъ источникахъ:—въ различныхъ

Библиотека "Руниверс"

отзывахъ своихъ какъ объ людяхъ, такъ и о событіяхъ онъ несомнѣнно и самъ немало обрисовывается;

во-вторыхъ сообщить въ самой несложной формѣ, хотя часть того, что онъ, въ простыхъ житейскихъ воспоминаніяхъ, разсказывалъ изъ своей жизни о моментѣ, считавшемся имъ самимъ крайне важнымъ,—именно о времени, проведенномъ имъ въ такой военной средѣ, которая въ высшей степени серьезно, удачно и умѣло работала надъ доведеніемъ всѣхъ отраслей своей спеціальности до всесторонняго совершенства и въ этомъ отношеніи, въ теченіе полувѣка, сдѣлала громадные успѣхи, именно къ тому моменту;

и, въ-третьихъ выставить то, что, хотя бы и въ такихъ его воспоминаніяхъ, имъ самимъ считалось поучительнымъ для средняго военнаго, какъ онъ говорилъ, немудрящаго, но обладающаго большой сметкой читателя вообще, а спѣшащаго набрать побольше разнообразныхъ житейскихъ свѣдѣній—въ особенности.

Предлагаемая новая выборка записей, также какъ и только-что законченная, не претендуетъ на воспроизведеніе полной картины командованія этого выдающагося генерала войсками; изъ всего содержащагося въ запискахъ выбирается и передается вниманію читателей кое-что характеризующее его и могущее, лишь въ нѣкоторой степени, восполнить представленіе о немъ, объ его дѣятельности, а также о назидательности его сношеній съ войсками и „съ военными людьми“.

Источникомъ къ составленію предлагаемой замѣтки, кромѣ записей моихъ, послужили мои же оставшіяся у меня въ памяти воспоминанія о томъ, что довелось мнѣ слышать и видѣть тогда и послѣ, а отчасти и теперь.

* * *

25 іюня 1882 года въ Петергофѣ Императоръ Александръ III, утромъ, возвратившись съ панихиды, которая, по установившемуся съ 1855 года порядку, всегда служилась и служится въ этотъ день въ Царской семьѣ по случаю годовщины со дня кончины Императора Николая I,—узналъ отъ прибывшаго изъ Петербурга съ обычнымъ докладомъ министра внутреннихъ дѣлъ графа Дмитрія Андреевича Толстого, что получено отъ московскаго генералъ-губернатора князя В. А. Долгорукова оффиціальное донесеніе о внезапной кончинѣ генералъ-адъютанта Мих. Дм. Скобелева. Слезы показались въ свѣтлыхъ очахъ Государя; онъ задалъ графу нѣсколько вопросовъ по поводу этого печальнаго извѣстія и тотчасъ же приказалъ назначить въ тотъ же день въ два часа служеніе панихиды по этомъ генералѣ, командовавшемъ до послѣднихъ дней своихъ 4-мъ армейскимъ корпусомъ.

Среди дня, тихо передавались изъ устъ въ уста неопредѣленные

Библиотека "Руниверс"

и безсвязные разсказы о подробностяхъ этой, особо загадочной, какъ тогда же говорили, смерти, послѣдовавшей въ старой гостиницѣ „Дюссо“, при очень странной обстановкѣ. Тогда же появилось извѣстіе о томъ, что въ Москвѣ сложилось и облетѣло городъ предположеніе о насильственности этой смерти.

Позднѣе къ этимъ сообщеніямъ присовокуплялись самыя разнообразныя добавленія, варіаціи и версіи, среди которыхъ проскальзывали отдаленные намеки на то, будто бы въ Москвѣ дознано, что бѣлаго генерала умышленно умертвили какія-то двѣ женщины.— Еще глуше, съ большою таинственностью, на женщинъ тѣхъ взводилось обвиненіе въ томъ, что въ преступныхъ дѣйствіяхъ своихъ онѣ явились прямыми исполнительницами подосланнаго изъ Германіи подкупа,—во что бы то ни стало покончить такъ или иначе съ этимъ ненавистнымъ для сосѣдей, русскимъ народнымъ героемъ. Можно сказать, въ нѣсколько минутъ набѣжала и увеличивалась, какъ катящійся комъ снѣга, громадная масса слуховъ, частью созданныхъ или передѣланныхъ изъ простыхъ предположеній тутъ же на мѣстѣ, но больше привезенныхъ изъ столицы и въ томъ поѣздѣ, съ которымъ прибылъ графъ Дм. Андр. Толстой и съ другими, прибывавшими вообще въ тотъ день изъ Петербурга утренними поѣздами.

Большая часть, ходившихъ съ перваго дня, слуховъ о подробностяхъ кончины М. Д. Скобелева такъ и осталась неопровергнутою.

* * *

Къ вечеру того дня въ Петергофѣ начали ходить отрывочные толки о томъ, что Государь рѣшилъ, на освободившуюся вакансію командира 4-го армейскаго корпуса, назначить генералъ-адъютанта Мих. Ив. Драгомирова, занимавшаго тогда должность начальника Николаевской академіи генеральнаго штаба; добавляли, будто бы Государь приказалъ немедленно же по поводу этого запросить — согласенъ ли Мих. Ивановичъ принять назначеніе?

Врядъ ли однако ясно передававшіеся толки объ этомъ имѣли вообще какое-либо основаніе; все указывало на то, что они были попросту праздно измышлены. Военный министръ генералъ Ванновскій въ тотъ день въ Петергофъ не пріѣзжалъ;—во всякомъ случаѣ, до появленія толковъ, его не было во дворцѣ; ни съ кѣмъ кромѣ его Государь о такихъ дѣлахъ говорить не имѣлъ ни обычая, ни нужды, какъ и не было вообще надобности торопиться съ дѣломъ замѣщенія должности командира 4-го армейскаго корпуса.

Слухи однако упорно держались, разносились и разростались.

Вѣроятнѣе всего то, что они были созданы лично кѣмъ-либо такимъ, въ чьемъ воображеніи гнѣздилось понятіе о важности замѣщенія именно должности командира 4-го корпуса, — „корпусъ

Библиотека "Руниверс"

скобелевскій" не можетъ оставаться ни одного дня безъ замѣстителя; тутъ путались представленія о личности командира съ понятіемъ о важности поста имъ занимавшагося.

Лица, близкія къ генералъ-адъютанту Петру Семеновичу Ванновскому, выносили отъ него лишь спокойное сообщеніе о томъ, что еще никто и рѣчи не поднималъ ни о 4-мъ корпусѣ, ни о М. И. Драгомировѣ, ни о комъ-либо иномъ, слѣдовательно предполагать, а тѣмъ болѣе утверждать, о предстоящемъ назначеніи кого бы то ни было нѣтъ никакихъ основаній.

Отъ лицъ же, имѣвшихъ сношенія съ М. И. Драгомировымъ, слышно было, что ему лично еще до сихъ поръ и въ голову не приходило о возможности такого назначенія его; народиться такая мысль могла у кого бы то ни было даже и наверху, но во-первыхъ скорѣе праздно созрѣла внизу, а во-вторыхъ, если явилась наверху, то, какъ онъ думаетъ и твердо убѣжденъ,—во всякомъ случаѣ „не въ Государевыхъ предначертаніяхъ она создалась".

При этомъ М. И. высказывалъ, что самъ онъ никакихъ предположеній ни за, ни противъ не считалъ бы нужнымъ высказывать, но въ душѣ имѣетъ такое убѣжденіе, что назначеніе это не состоится даже и въ томъ случаѣ, если распространеніе слуховъ о немъ держится на какихъ-либо вѣскихъ, въ отношеніи источника, основаніяхъ.

Въ то время у М. И. были очень натянутыя, лишь нескоро впослѣдствіи сгладившіяся отношенія съ П. С. Ванновскимъ; разбираясь въ томъ, что у послѣдняго могло бы явиться отдаленное намѣреніе провести такое назначеніе, М. И. говорилъ: „военный министръ могъ бы пожелать удаленія моего изъ столицы, но при всемъ томъ, какъ онъ на меня смотритъ, какъ ко мнѣ въ душѣ относится,—быть можетъ даже съ явнымъ, а главное, для него самого яснымъ, недоброжелательствомъ, — онъ не позволитъ себѣ углубиться въ какую „бы то ни было мелочность, ни при какихъ обстоятельствахъ не дастъ воли низменному вожделѣнію вообще, а въ частности не позволитъ себѣ даже оказать стремленіе „подложить мнѣ свинью". „Правда, кадетскимъ фельдфебелемъ онъ остался до сей поры быть можетъ больше, чѣмъ я, но вообще чистота и непорочность Петра Семенова [1]) остается для меня внѣ всякихъ сомнѣній".

М. И. Драгомировъ зналъ П. С. Ванновскаго вообще по службѣ въ Петербургѣ, гдѣ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ они могли не только просто встрѣчаться, но быть знакомыми и имѣть соприкосновенія между собой: П. С. занималъ тогда должности, сначала начальника офицерской

[1]) Такъ многіе нерѣдко называли П. С. Ванновскаго, выставляя этимъ то, что былъ онъ чисто русскій человѣкъ.

Библиотека "Руниверс"

стрѣлковой школы, потомъ директора Павловскаго кадетскаго корпуса, и затѣмъ начальника I-го военнаго Павловскаго училища; Мих. Ив., состоя профессоромъ Никол. Академ. генер. штаба, былъ постоянно приглашаемъ къ чтенію лекцій въ различныхъ военноучебныхъ заведеніяхъ. — Главнымъ же образомъ ихъ знакомство закрѣпилось въ Кіевѣ: тамъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ, М. И. Драгомировъ занималъ должность начальника штаба округа при команд. войсками генералъ-адъютантѣ Козляниновѣ, когда П. С. Ванновскій командовалъ 33-ею, а потомъ 12 пѣх. дивиз.—Взаимное положеніе ихъ было въ то время таково, что они не только могли имѣть соприкосновенія, но не разъ имѣли и столкновенія.

* * *

Такъ или иначе толки о назначеніи М. И. въ Минскъ на должность командира 4 арм. корпуса шли всюду въ перебивку съ разборомъ того, на сколько это явится возможнымъ и желательнымъ съ общей точки зрѣнія, пріятнымъ самому М. И., и подходящимъ со стороны той обстановки, которая создавалась этимъ назначеніемъ въ случаѣ, если бъ оно состоялось.—Въ этомъ дѣлѣ, кромѣ лица, котораго оно непосредственно и болѣе всего касалось, т. е.—кромѣ самого М. И., очень многіе брались всесторонне судачить, непрошенно рѣшая на разные лады за него, и жизненную и служебную сторону этого вопроса, во всякомъ случаѣ, представлявшаго наибольшую важность именно для него.

Въ служебномъ отношеніи, дѣльно или нѣтъ, но все же праздно, выставляли вопросъ о лишнемъ подчиненіи, которое создавалось для генерала Драгомирова, въ случаѣ назначенія его корпуснымъ командиромъ; какъ начальникъ академіи, онъ знаетъ надъ собой лишь военнаго министра, положеніе же корпусного командира таково, что М. И. съ назначеніемъ на эту должность пріобрѣталъ промежуточнаго и близкаго начальника надъ собой въ лицѣ командующаго войсками округа; сопоставляя личность въ высшей степени щепетильнаго и „отчасти“ своенравнаго М. И. Драгомирова съ личностью командующаго войсками, говорили: хорошо теперь, въ данную минуту, это генералъ Э. И. Тотлебенъ [1]); за нимъ имѣется все такое, что Мих. Ивановичу можетъ безусловно дать возможность признавать его авторитетъ; тѣ же праздные говоруны, непрошенно взявшіе на себя обсуждать за Мих. Ивановича, находили въ этомъ отношеніи довольно значительный минусъ лишь съ той стороны, что уже давно Драгомировъ „отучился быть въ отвѣтѣ у нѣмца“; но

[1]) Въ то время команд. войсками Виленскаго военнаго округа, виленскій, ковенскій и гродненскій генералъ-губернаторъ.

Библиотека "Руниверс"

это еще онъ какъ-нибудь смогъ бы претерпѣть; а случись завтра такая перемѣна, при которой доведется ему подпасть подъ начало какого-нибудь безголоваго крыла,—что можетъ выйти изъ этого?— и ума не приложить. Правда, проникнутый со школьной скамьи дисциплиной, онъ, конечно, не позволитъ себѣ, ни при какихъ условіяхъ, какъ бы то ни было нарушить порядокъ подчиненія, или продѣлать противъ поставленнаго надъ нимъ начальства что-либо неподходящее, но что онъ будетъ при этомъ переживать, какъ будетъ это переносить—одному Богу вѣдомо,—а потому, и помимо его воли, можетъ возникнуть какая угодно неожиданность. Эти и подобные разговоры сыпались при разборѣ служебной стороны дѣла.

Касаясь разбора стороны житейской, говорили, что нѣтъ разсчета Мих. Ивановичу перебираться съ большой семьей изъ столицы въ Минскъ и устраиваться тамъ въ такую минуту, когда воспитаніе и военное образованіе сыновей его требовало, по ихъ возрасту, непремѣннаго наблюденія съ его стороны и веденія этого дѣла на его глазахъ. — Не такой человѣкъ Мих. Ив., добавлялось къ этому, чтобы изъ-за личныхъ или изъ-за равныхъ личнымъ — семейныхъ обстоятельствъ, могъ онъ отказаться отъ чего-либо вызывавшагося силою служебной необходимости; но онъ самъ, по мнѣнію той же молвы, не могъ не сознавать, что отъ переѣзда въ Минскъ имѣлъ бы онъ право быть избавленнымъ, не Богъ вѣсть какъ далеко, могло уже быть время назначенія его на постъ командующаго войсками и слѣдовательно вскорѣ могъ предстоять новый переѣздъ, сопряженный съ новой ломкой и съ новымъ переустройствомъ его дома.

Такъ разбирали въ подробностяхъ слухъ, въ сущности кѣмъ-то пущенный, а затѣмъ поддержанный и быть можетъ, повторяю, не имѣвшій рѣшительно никакого основанія.

До Мих. Ивановича многое изъ этой переборки доходило въ отрывкахъ; онъ повидимому этимъ не смущался, относился къ этому спокойно, говорилъ, что все это вздорная, нестоющая вниманія, „болтовня“, но въ душѣ, вѣроятно, разбирался въ этомъ не безъ нѣкотораго волненія.

* * *

Недѣли двѣ или болѣе бродили въ военномъ мірѣ разнообразные, по большей части, несуразные толки объ этомъ вопросѣ; занималъ онъ всѣхъ, конечно больше всего съ той стороны, кто будетъ отличенъ назначеніемъ на мѣсто бѣлаго генерала? являлось также чрезвычайно интереснымъ для многихъ оставленіе Драгомировымъ академіи ген. штаба и кромѣ того, — а это немало обостряло вопросъ, — кто замѣститъ самого Мих. Ив. по должности начальника

Библиотека "Руниверс"

академіи? — толки готовили на это мѣсто многихъ; больше всего указывали на выглядывавшаго тогда изъ-за Мих. Ив., извѣстнаго глубокоученаго генерала Леера, замѣчательнаго и незамѣнимаго стратега.

Наконецъ, когда „болтовня“ достигла высшихъ предѣловъ и начала уже утомляться, ей разомъ положилъ предѣлъ, неожиданно вышедшій Высочайшій по военному вѣдомству приказъ, коимъ на мѣсто Скобелева былъ назначенъ начальникъ 14 пѣхотн. дивизіи г.-л. Петрушевскій.

Онъ состоялъ во время войны подъ начальствомъ М. И. въ должности командира бригады въ той дивизіи, именовавшейся „драгомировскою“, съ М. И. пришелъ на Шипку, замѣстилъ М. И. послѣ его раненія и, оставаясь во главѣ дивизіи все время „спокойной“— по мнѣнію и по донесеніямъ Радецкаго,—стоянки лицомъ къ лицу со врагомъ,—былъ утвержденъ въ должности.—Генералъ Драгомировъ цѣнилъ какъ строевыя, такъ и боевыя его способности и заслуги и ставилъ его вообще среди генераловъ очень высоко. Судя по толкамъ, которые не замедлили народиться тотчасъ послѣ 11-го іюля—дня выхода приказа,—назначеніе этого генерала въ Минскъ состоялось не безъ „вліятельнаго вмѣшательства и искуснаго вліянія“ М. И. Драгомирова.

Тогда же молва догадалась поставить себѣ же самой замѣчаніе,— она заговорила о томъ, чего не вспомнила, изобрѣтая возможность назначенія М. И.: она забыла о томъ, что М. И. никоимъ образомъ не могъ быть выбраннымъ къ командованію корпусомъ, такъ какъ, хотя прошло къ тому времени уже около пяти лѣтъ съ момента полученія имъ раны на Шипкѣ, но рана та была настолько сложная и тяжкая, что, по состоянію здоровья М. И., въ зависимости отъ хода лѣченія ее, ему въ то время нельзя было и подумать сѣсть на коня; если бы молва могла объ этомъ напречь память и раскинуть умомъ, то никакой каши со спѣшнымъ назначеніемъ М. И. въ Минскъ не заварилось бы.—Мих. Ив., выразивши съ самаго начала ясно и опредѣленно, что назначеніе это ни въ какомъ случаѣ не состоится,—безъ всякаго сомнѣнія, имѣлъ при этомъ въ виду именно состояніе своего здоровья и ходъ лѣченія раны; это можно съ достовѣрностью думать и сказать, онъ не проронилъ слова объ этомъ доводѣ несомнѣнно потому, что могла кому-нибудь придти на умъ вздорная мысль объ его желаніи отговориться болѣзнью, опереться на нее для того, чтобы избѣжать назначенія; въ этомъ опредѣленно сказался щепетильный военный человѣкъ, смотрѣвшій крайне серьезно на дѣло службы и всего касавшагося ея!

* * *

Библиотека "Руниверс"

Семь лѣтъ послѣ того М. И. оставался на посту начальника академіи генеральнаго штаба.—Въ 1888 году, 15 іюля въ день празднованія 900-лѣтія крещенія Руси, въ Кіевѣ, при объѣздѣ войскъ, разставленныхъ въ улицахъ города по случаю праздничнаго „Владимірскаго“ парада,—скончался на конѣ отъ солнечнаго удара команд. войсками кіевскаго военнаго округа генералъ-адъютантъ Александръ Романовичъ Дрентельнъ.

Поднялись снова большіе, не менѣе страстные и горячіе толки о томъ, кто явится замѣстителемъ его.—Крупный былъ человѣкъ Александръ Романовичъ и замѣнить его было не легко тѣмъ болѣе, что, по заведенному издавна порядку, постъ командующаго войсками кіевскаго военнаго округа былъ соединенъ съ постомъ кіевскаго, волынскаго и подольскаго генералъ губернатора.

Многихъ прочили на это мѣсто: молва предсказывала упраздненіе харьковскаго военнаго округа и перемѣщеніе генералъ-адъютанта Ѳ. Ѳ. Радецкаго изъ Харькова въ Кіевъ; 30-го сентября состоялось это перемѣщеніе, но должность генералъ-губернатора въ Кіевѣ не была замѣщена и долго еще потомъ оставалась свободною.

Нѣкоторое время прочили на это мѣсто, выказавшаго уже давно свои недюжинныя способности вообще, генералъ-адъютанта Свистунова, бывшаго долгое время начальникомъ штаба кавказскаго военнаго округа при Великомъ Князѣ Михаилѣ Николаевичѣ, а затѣмъ управлявшаго неменьшее число лѣтъ Терскою областью и состоявшаго наказнымъ атаманомъ Терскаго казачьяго войска.

Помощникомъ командующаго войсками кіевскаго военнаго округа въ послѣднее время при А. Р. Дрентельнѣ состоялъ артиллеріи генералъ-лейтенантъ Максимъ Антоновичъ баронъ Таубе, б. командиръ 2-ой батареи гв. конной артиллеріи, потомъ командиръ Новороссійскаго драгунскаго полка, блестящій начальникъ Николаевскаго кавалерійскаго училища, 3 кавал. дивизіи, 5 кав. див. и 12-го армейскаго корпуса, человѣкъ, вполнѣ отвѣчавшій серьезному характеру и строго дѣловымъ требованіямъ службы А. Р. Дрентельна. Этого образованнаго и дѣльнаго генерала тоже называли, какъ возможнаго замѣстителя А. Р—ча; онъ оставался послѣ него временно исполн. его должность командующаго войсками въ теченіе долгаго промежутка времени до штатнаго замѣщенія ея назначеніемъ Ѳ. Ѳ. Радецкаго, при чемъ командовалъ войсками, какъ вполнѣ опытный, толковый и полезный начальникъ. Вслѣдъ за назначеніемъ М. И. Драгомирова Таубе былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Степнымъ и командующимъ войсками Сибирскаго военнаго округа и наказнымъ атаманомъ Сибирскаго казачьяго войска. Года два тому назадъ онъ скончался на 85 году жизни, пробывъ лѣтъ десять чле-

Библиотека "Руниверс"

номъ Государственнаго Совѣта, рядомъ съ бар. Таубе называли его предмѣстника по должности командира 2-й батареи гв. конн. артиллеріи,—генералъ-адъютанта А. С. Костанда,—въ то время помощника главнокомандующаго Вел. Кн. Владиміра Александровича; подлые языки увѣряли, что онъ самъ себя прочилъ и, по обыкновенію, самъ о себѣ распускалъ слухи.—Онъ тогда-же былъ назначенъ команд. войсками московскаго военнаго округа на мѣсто ген.-ад. графа А. И. Бреверна де-Лагарди.

Затѣмъ, по указаніямъ молвы, въ кандидаты на замѣщеніе достойнѣйшаго Александра Романовича проскользнулъ было, зашумѣвшій въ то время своими способностями и талантами,—почему его и начали прочить чуть-ли не на каждую открывавшуюся высшую должность,—генералъ-лейтенантъ Н. И. Бобриковъ,—тогдашній начальникъ штаба петерб. военнаго округа при главнокомандующемъ Великомъ Князѣ Владимірѣ Александровичѣ.

Все это прошло, а самое дѣло однако затянулось; кружки, создававшіе и выпускавшіе молву, утомились; событіе, свершившееся 18-го октября того года въ Боркахъ, отодвинуло на нѣкоторое время всякіе разговоры о чемъ бы то ни было;—случившеюся черезъ полгода кончиной министра внутр. дѣлъ графа Д. А. Толстого задержались разсужденія о замѣщеніи поста генералъ-губернатора въ Кіевѣ, и лишь лѣтомъ 1889 года послѣдовало назначеніе въ Кіевъ двухъ лицъ, такъ какъ замѣна, чудной памяти, Александра Романовича однимъ лицомъ оказалась невозможною;—генералъ-губернаторомъ въ маѣ мѣсяцѣ, уже послѣ назначенія въ должность министра внутреннихъ дѣлъ статсъ-секретаря Ив. Ник. Дурново,—былъ переведенъ въ Кіевъ изъ Иркутска графъ Алексѣй Павловичъ Игнатьевъ, а на постъ командующаго войсками округа, волею Государя Императора, былъ избранъ генералъ-адъютантъ Мих. Ив. Драгомировъ, о чемъ приказъ по военному вѣдомству состоялся 11-го іюля.

Отпуская его въ Кіевъ, Государь очень милостиво, въ крайне лестныхъ выраженіяхъ, говорилъ съ нимъ о предстоявшей ему дѣятельности и обо многомъ другомъ, а затѣмъ, прощаясь съ нимъ, сказалъ, что съ отмѣннымъ довѣріемъ возлагаетъ полныя надежды на него въ дѣлѣ предстоящаго командованія войсками ввѣряемаго ему округа, а главное „въ дѣлѣ ихъ воспитанія, образованія и самой серьезной подготовки къ доблестной боевой службѣ“.

Вполнѣ довольный и въ высшей степени ободренный, отправился М. И. къ своей новой службѣ, которую затѣмъ привелось ему нести въ неусыпныхъ трудахъ болѣе пятнадцати лѣтъ и отъ которой оторвала его тяжкая болѣзнь, свалившая его и положившая конецъ его днямъ.

А. Е. К.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

Наполеонъ на островѣ св. Елены [1]).

15 октября 1815 г. „Белерофонъ“, историческій корабль, на которомъ Наполеонъ I былъ отправленъ въ изгнаніе, присталъ къ скалистымъ берегамъ маленькаго острова, затеряннаго среди безбрежнаго океана, гдѣ великому плѣннику союзныхъ державъ суждено было провести послѣднія, тяжелыя шесть лѣтъ его жизни.

Угрюмый видъ возвышавшихся изъ воды черноватыхъ, обнаженныхъ скалъ, перерѣзанныхъ глубокими оврагами, производилъ мрачное, безотрадное впечатлѣніе. Въ единственномъ на островѣ городкѣ—Джемсъ-Таунѣ, расположенномъ въ глубокомъ оврагѣ, надъ которымъ нависли тяжелыя скалы, было около полутораста ломовъ, построенныхъ изъ мѣстнаго камня, довольно чистенькихъ на видъ, но лишенныхъ всякихъ удобствъ. Вблизи отъ города находился загородный домъ генералъ-губернатора, окруженный обширнымъ садомъ, съ великолѣпной растительностью; тутъ были деревья и кустарники, привезенные изъ Европы, Азіи, Африки и Америки, которые благодаря тщательному уходу росли и цвѣли великолѣпно. Высокія цѣпи горъ защищали эту единственную, болѣе здоровую часть острова отъ гибельныхъ для растительности жаркихъ юго-западныхъ вѣтровъ.

Въ домѣ генералъ-губернатора останавливались обыкновенно болѣе или менѣе знатные путешественники, посѣщавшіе островъ, Наполеону не было оказано этой любезности, ему не было предложено остановиться въ домѣ, гдѣ бы онъ могъ жить въ пріятной

[1]) Frédéric Masson. Autour de Saint Hélène. Paris 1909. 2 t.
Napoléon en exil. Par le docteur Barry E. O'Méara. Paris 1897. 4 t.

Библиотека "Руниверс"

обстановкѣ вдали отъ любопытныхъ взоровъ до тѣхъ поръ, пока ему не приготовили собственное помѣщеніе.

Для Наполеона и его приближенныхъ была отведена самая нездоровая, безводная мѣстность, на плоской вершинѣ одной изъ горъ, на высотѣ около 2 т. футовъ надъ уровнемъ моря. Мѣстность эта, называется—Лонгвудъ,—съ глинистой, липкой почвой была постоянно окутана туманомъ, сквозь которой лишь изрѣдка проглядывало солнце; дождь лилъ тутъ почти непрерывно семь—восемь мѣсяцевъ въ году; хорошая погода продолжалась не болѣе одного или полутора мѣсяцевъ и всегда была перемѣнчива; дувшій постоянно, насыщенный парами, жаркій юго-восточный вѣтеръ уничтожалъ всякую растительность. Лихорадка, дизентерія и болѣзни дыхательныхъ путей свили себѣ въ этой мѣстности прочное гнѣздо и поражали въ особенности пріѣзжихъ европейцевъ, изъ коихъ ни одинъ не могъ выжить тамъ долго.

Въ этомъ, самомъ отдаленномъ и самомъ нездоровомъ изъ англійскихъ владѣній, жизнь была тягостна всякому европейцу; тѣмъ болѣе она должна была быть въ тягость тому, кто былъ на вѣки прикованъ къ этой мрачной скалѣ, былъ лишенъ свободы, за кѣмъ ежечасно, денно и нощно слѣдили часовые, разставленные на всѣхъ скалахъ, на всѣхъ, самыхъ узенькихъ, самыхъ крутыхъ недоступныхъ тропинкахъ.

Живя въ домѣ съ полусгнившимъ паркетомъ, съ ветхими стѣнами, въ которомъ хозяйничали крысы и который походилъ на жалкую лачугу, страдая то отъ тропической жары, то отъ проливныхъ дождей, одѣтый въ старый поношенный охотничій костюмъ, обутый въ непривычные для него жесткіе крестьянскіе башмаки, лишенный возможности совершать необходимыя для его здоровья прогулки, которыя вскорѣ стали ему въ тягость вслѣдствіе постояннаго надзора, которому онъ подвергался внѣ дома, Наполеонъ находилъ отраду только въ книгахъ.

Единственнымъ его развлеченіемъ было чтеніе. Когда изъ Европы получался ящикъ съ новыми книгами, онъ самъ поспѣшно распаковывалъ его, забрасывалъ полъ книгами и съ жадностью принимался за чтеніе, просиживая за нимъ далеко за полночь. Развлеченіемъ служили ему также бесѣды съ докторомъ О'Меара, единственнымъ врачомъ, къ которому онъ питалъ довѣріе и который ему нравился своими манерами, умѣньемъ держать себя и знаніемъ италіанскаго языка.

Съ нимъ онъ бесѣдовалъ, не стѣсняясь, о лицахъ его окружавшихъ, о всѣхъ мелкихъ событіяхъ повседневной жизни, ему онъ изливалъ чувства горечи и обиды, вызванныя въ немъ враждебнымъ

Библиотека "Руниверс"

и суровымъ отношеніемъ къ нему генералъ-губернатора и тѣми безцѣльными и ненужными ограниченіями и стѣсненіями, отъ которыхъ страдала его гордость. Съ нимъ онъ вспоминалъ о выдающихся событіяхъ своего царствованія и о лицахъ, игравшихъ при немъ главную роль.

О'Меара, съ самаго пріѣзда на островъ Св. Елены, сталъ записывать эти бесѣды, и такъ какъ онѣ становились все болѣе и болѣе интимны, то и его дневникъ пріобрѣлъ съ теченіемъ времени выдающееся значеніе и интересъ. Переписавъ свои замѣтки начисто, докторъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, пересылалъ ихъ въ Англію, гдѣ онѣ были обнародованы имъ послѣ смерти Наполеона.

Первое время разговоръ заходилъ чаще всего объ Англіи, взявшей на себя по отношенію Наполеона роль тюремщицы. Бывшій императоръ считалъ большой ошибкой со стороны этой державы ея участіе въ континентальныхъ войнахъ.

„Если бы вы проиграли сраженіе при Ватерлоо, сказалъ онъ однажды доктору О'Меара, въ какомъ положеніи очутилась бы Англія? Цвѣтъ ея молодежи погибъ бы; ибо ни одному человѣку, не исключая самого Веллингтона, не удалось бы спастись". На возраженіе, что Веллингтонъ рѣшилъ покинуть поле битвы не иначе какъ мертвымъ, Наполеонъ отвѣчалъ:

„Онъ не могъ отступить; онъ былъ бы уничтоженъ со своей арміей, если бы вмѣсто пруссаковъ подошелъ Груши", и я до сихъ поръ не понимаю, какимъ образомъ это оказались пруссаки. Если бы они не подошли, то англійская армія была бы уничтожена; она уже среди дня понесла рѣшительное пораженіе; но судьбѣ было угодно, чтобы Веллингтонъ выигралъ сраженіе. Я не могъ себѣ представить, что онъ атакуетъ насъ, такъ какъ если бы онъ отступилъ какъ слѣдовало къ Антверпену, то мнѣ пришлось бы имѣть дѣло съ арміей въ три или четыре тысячи человѣкъ, которые шли на меня. Разъединить англійскія и прусскія войска было величайшей глупостью; они должны были оставаться вмѣстѣ, и я не могу понять, почему ихъ разъединили. Со стороны Веллингтона было безумiемъ дать мнѣ сраженіе въ такомъ мѣстѣ, гдѣ въ случаѣ пораженія, погибло бы все его войско; ибо отступленіе было для него невозможно; у него былъ въ тылу лѣсъ, куда вела одна дорога. Его войско было бы разбито на-голову. Къ тому же онъ далъ застигнуть себя врасплохъ; это была большая ошибка. Ему слѣдовало начать кампанію въ началѣ іюня, ибо ему конечно было извѣстно, что я предполагалъ атаковать его. Онъ могъ все потерять, но ему повезло; такъ было суждено, и люди будутъ превозносить все, что онъ сдѣлалъ. Мое намѣреніе было атаковать и истребить англичанъ,

Библиотека "Руниверс"

я зналъ, что послѣдствіемъ этого будетъ смѣна министерства. Негодованіе, вызванное тѣмъ, что по его винѣ погибло сорокъ тысячъ человѣкъ,—цвѣтъ англійской арміи, вызвало бы такой взрывъ народнаго негодованія, что министерству бы не уцѣлѣть. Англійскій народъ сказалъ бы: „какое намъ дѣло, кто сидитъ на французскомъ престолѣ, Людовикъ или Наполеонъ? мы довольно страдали. Это не наше личное дѣло, пускай устраиваются какъ хотятъ“ и заключилъ бы со мною миръ. Саксонцы, баварцы, бельгійцы, виртембергцы присоединились бы ко мнѣ. Безъ Англіи коалиція была немыслима. Русскіе съ своей стороны заключили бы миръ, и я остался бы на престолѣ. Миръ былъ бы проченъ; ибо что могла бы сдѣлать Франція послѣ заключенія Парижскаго договора? Можно ли ея было бояться?“

„Таковы были соображенія, продолжалъ онъ, побуждавшія меня атаковать англичанъ. Я разбилъ пруссаковъ. До полудня, побѣда была на моей сторонѣ. Могу сказать, что все было въ моихъ рукахъ; но случай или судьба рѣшили иначе. Словъ нѣтъ, англичане сражались храбро, этого никто не можетъ отрицать; но они все-таки могли быть разбиты.

„Ведя войну на континентѣ, Питтъ своей политикой едва не разорилъ Англію“.

На замѣчаніе, что по мнѣнію нѣкоторыхъ политиковъ, если бы Англія не продолжала войну, то она была бы разорена и сдѣлалась бы французской провинціей, Наполеонъ возразилъ. „Напротивъ, объявивъ войну Франціи, Англія дала послѣдней возможность до того расширить въ мое управленіе свои завоеванія, что я сдѣлался императоромъ чуть не всего міра; не будь войны, этого бы не случилось“.

Разговоръ перешелъ на оккупацію Мальты. „За два дня до того, какъ лордъ Витвортъ уѣхалъ изъ Парижа,—сказалъ Наполеонъ, министерству и приближенныхъ ко мнѣ лицамъ предложили тридцать милліоновъ франковъ, обѣщая признать меня королемъ Франціи, если я соглашусь уступить Англіи Мальту“.

„Впрочемъ война была неминуема, хотя бы вопроса о Мальтѣ и не существовало“.

Англійскихъ моряковъ Наполеонъ считалъ настолько выше французскихъ, насколько послѣдніе были выше испанскихъ. На замѣчаніе, что французы не могли бы никогда быть хорошими матросами, вслѣдствіе своей подвижности и своего легкомыслія, и что они никогда не стали бы безропотно блокировать цѣлыми годами порты, подобно тому какъ англичане блокировали Тулонъ, терпя непогоду и всяческія лишенія.

„Я съ этимъ не согласенъ,—возразилъ Наполеонъ,—но я не

Библиотека "Руниверс"

думаю, чтобы они могли быть такими хорошими матросами, какъ англичане. Море принадлежитъ вамъ; ваши матросы настолько превосходятъ нашихъ, насколько голландцы превосходили нѣкогда англичанъ".

Объ императрицѣ Жозефинѣ Наполеонъ вспоминалъ всегда съ самымъ теплымъ чувствомъ. Во время обезоруженія парижскихъ секцій, 13-го вандемьера 1795 г., „ко мнѣ явился—разсказывалъ онъ—мальчикъ лѣтъ двѣнадцати или тринадцати и умолялъ возвратить ему шпагу его отца, бывшаго республиканскаго генерала. Я такъ былъ тронутъ этой милой просьбой, что приказалъ отдать ему шпагу. Этотъ мальчикъ былъ Евгеній Богарне. Увидавъ шпагу, онъ зарыдалъ. Я былъ такъ тронутъ его поступкомъ, что осыпалъ его похвалами. Нѣсколько дней спустя его мать пришла благодарить меня. Я былъ пораженъ ея наружностью и еще болѣе ея умомъ. Это первое впечатлѣніе усиливалось съ каждымъ днемъ. Вскорѣ я вступилъ съ нею въ бракъ".

Говоря о франмасонахъ, Наполеонъ называлъ ихъ глупцами (un tas d'imbéciles), которые собираются вмѣстѣ, чтобы вкусно поѣсть и выполнить нѣкоторые смѣшные обряды. При всемъ томъ, они дѣлаютъ время отъ времени добрыя дѣла, говорилъ онъ. Во время революціи и въ послѣднее время, они содѣйствовали умаленію могущества папы и вліянія духовенства. „Когда народъ не сочувствуетъ правительству, всѣ тайныя общества стремятся повредить ему". Онъ покровительствовалъ франмасонамъ „только потому, что они были враждебны папѣ". На вопросъ, допустилъ ли бы онъ когда-нибудь снова іезуитовъ во Францію, Наполеонъ отвѣчалъ:

„Никогда; это опаснѣйшее изо всѣхъ сообществъ; оно сдѣлало болѣе зла, нежели всякое иное общество. По ученію іезуитовъ, ихъ генералъ выше всѣхъ монарховъ; онъ властитель міра; всѣ его приказанія должны исполняться, какъ бы они ни были противозаконны, какъ бы они ни были преступны. Всякій поступокъ, какъ бы ужасенъ ни былъ, если онъ сдѣланъ по приказанію ихъ генерала, есть заслуга въ ихъ глазахъ. Нѣтъ, нѣтъ, я никогда не согласился бы, чтобы въ моихъ владѣніяхъ существовало общество, подчиненное неизвѣстному мнѣ человѣку, живущему въ Римѣ. Я ни за что не хотѣлъ бы имѣть frati. Достаточно священниковъ для того, кто въ нихъ нуждается, нѣтъ надобности въ монастыряхъ, наполненныхъ канальями, которые только ѣдятъ, молятся и совершаютъ преступленія".

На замѣчаніе своего собесѣдника, что можно опасаться какъ бы священники и іезуиты не пріобрѣли большого вліянія въ Европѣ, Наполеонъ отвѣчалъ:

Библиотека "Руниверс"

„Это весьма возможно. Протестанты подвергались раньше такимъ же притѣсненіямъ, какъ евреи; они не могли пріобрѣтать землю, я уравнялъ ихъ въ правахъ съ католиками. Императоръ Александръ могъ разрѣшить въѣздъ іезуитовъ въ Россію, такъ какъ его политика имѣла цѣлью привлечь въ свою варварскую страну людей просвѣщенныхъ, къ какой бы сектѣ они ни принадлежали; къ тому же они не опасны въ Россіи, такъ какъ они исповѣдутъ другую вѣру. Тѣмъ не менѣе, они будутъ вести себя такъ, что онъ будетъ вынужденъ изгнать ихъ [1])".

Однажды зашла рѣчь о полякахъ, служившихъ въ арміи Наполеона, которые были ему преданны.

„Да, воскликнулъ Наполеонъ, они были преданы мнѣ! Понятовскій сопровождалъ меня во время египетскаго похода; я произвелъ его въ генералы. Большая часть моей старой польской гвардіи, изъ видовъ политики, употребляется въ настоящее время на службу Императоромъ Александромъ. Это—храбрая нація, она дастъ хорошихъ солдатъ. Они лучше французовъ переносятъ стужу сѣверныхъ странъ".

„Комендантъ Данцига говорилъ мнѣ, что въ зимнее время года, когда термометръ показывалъ восемнадцать градусовъ ниже нуля, французовъ нельзя было заставить стоять на часахъ, тогда какъ поляки не страдали отъ холода".

„Понятовскій, — продолжалъ онъ, — человѣкъ благородный, въ высокой степени храбрый и честный. Я хотѣлъ посадить его на польскій престолъ, если бы мнѣ удалось одержать въ Россіи побѣду".

Неудачу своего похода въ Россію Наполеонъ, приписывалъ главнымъ образомъ „преждевременному морозу и пожару Москвы.

„Я находился въ нѣсколькихъ дневныхъ переходахъ позади арміи, разсказывалъ онъ, сравнивалъ температуру за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ; сильные морозы никогда не наступали раньше 20 декабря, двадцать дней позже нежели они начались въ тотъ годъ. Когда я былъ въ Москвѣ, тамъ было нуль градуса мороза, и французы переносили его легко, но во время похода термометръ упалъ до восемнадцати градусовъ; почти всѣ лошади погибли. Я потерялъ ихъ тридцать тысячъ въ одну ночь. пришлось Пбросить почти всю артиллерію, состоявшую въ то время изъ пятисотъ орудій; не было возможности увезти ни аммуницію, ни провіантъ. За неимѣніемъ лошадей мы не могли произвести

[1]) Предсказаніе это сбылось; іезуитовъ, какъ извѣстно, изгнали изъ Россіи въ 1820 г.

Библиотека "Руниверс"

рекогносцировку, или выслать кавалерійскій разъѣздъ, чтобы опознать дорогу. Солдаты теряли разумъ и гибли во время сумятицы. Ихъ пугало самое пустяшное обстоятельство. Четыре или пять человѣкъ могли нагнать панику на цѣлый батальонъ. Вмѣсто того чтобы держаться вмѣстѣ, они бродили по одиночкѣ, ища огня. Тѣ, коихъ посылали на развѣдки, спѣшили обогрѣться въ домахъ. Они разбѣгались и легко попадали въ руки непріятеля. Другіе ложились на землю и засыпали; у нихъ начинала сочиться изъ носа кровь, и они умирали во снѣ. Такимъ образомъ погибли тысячи. Особенно пострадала кавалерія; изъ сорока тысячъ человѣкъ спаслась едва одна тысяча. Не будь пожара, мой планъ увѣнчался бы успѣхомъ. Я провелъ бы въ Москвѣ зиму".

„Въ этомъ городѣ было около сорока тысячъ человѣкъ; это были все рабы. Я хотѣлъ дать имъ волю, я уничтожилъ бы въ Россіи крѣпостное право и дворянство. Это создало бы мнѣ огромную и сильную партію. Я заключилъ бы миръ въ Москвѣ, или пошелъ бы на слѣдующій годъ на Петербургъ".

„Александръ отлично зналъ это и поэтому отослалъ свои брилліанты, всѣ свои драгоцѣнности и суда въ Англію. Не будь этого пожара, я одержалъ бы полную побѣду. Я нанесъ имъ большое пораженіе при Москвѣ рѣкѣ; я атаковалъ съ девяносто тысячнымъ войскомъ русскую армію, численностью въ 200 тысячъ и нанесъ ей рѣшительное пораженіе [1]). Семьдесятъ тысячъ русскихъ осталось на полѣ битвы. Они имѣли наглость увѣрять, что они выиграли сраженіе, хотя я продолжалъ наступленіе на Москву. Два дня спустя я былъ въ прекрасномъ городѣ, гдѣ было достаточное количество запасовъ на два года; ибо въ Россіи всегда запасаютъ все нужное до наступленія морозовъ; запасные магазины были переполнены всякимъ добромъ".

„Дома мѣстныхъ жителей были снабжены всѣмъ необходимымъ; изъ нихъ большинство оставило своихъ слугъ, которые могли намъ служить. Многіе домовладѣльцы оставили записки, въ которыхъ просили французскихъ офицеровъ, если они поселятся въ ихъ домахъ, пощадить мебель и прочія ихъ вещи; они писали, что оставили все, что могло намъ понадобиться, выражали надежду вернуться черезъ нѣсколько дней; и говорили, что тогда они будутъ рады ви-

---

[1]) Въ сраженіи при Бородино у русскихъ было 103 т. регулярнаго войска, 7 т. казаковъ и 10 т. ополченцевъ, всего 120 т., а силы французовъ доходили до 130 т. У русскихъ выбыло изъ строя 40 т., у французовъ 35—40 т. В. Т.

Библиотека "Руниверс"

дѣть насъ. Изъ дамъ нѣкоторыя остались въ городѣ; онѣ знали, что въ Берлинѣ и въ Вѣнѣ жителямъ не было причинено оскорбленій. Они надѣялись на скорое заключеніе мира. Мы надѣялись отдохнуть на зимнихъ квартирахъ и одержать побѣду весною".

„Два дня спустя послѣ нашего прихода вспыхнулъ пожаръ. Вначалѣ это не казалось особенно тревожнымъ; думали, что виною были солдаты, зажигавшіе костры слишкомъ близко къ домамъ, которые были почти сплошь деревянные. Это обстоятельство огорчило меня и я отдалъ строгое приказаніе слѣдить за ними полковымъ и прочимъ командирамъ. На слѣдующій день пожаръ увеличился, хотя не внушалъ еще серьезныхъ опасеній. Однако боясь, чтобы онъ не дошелъ до насъ, я отправился верхомъ и отдалъ строгое приказаніе тушить огонь. На слѣдующій день поднялся сильный вѣтеръ, и пожаръ распространился съ ужасающей быстротой".

„Сотни несчастныхъ, подкупленныхъ съ этой цѣлью, разсѣялись по разнымъ кварталамъ города и пряча подъ плащами фитили, поджигали дома съ подвѣтренной стороны; это было нетрудно, такъ какъ дома были построены изъ горючаго матеріала. Это обстоятельство и сильный вѣтеръ парализовали всѣ наши попытки потушить огонь. Я самъ едва не погибъ въ немъ. Чтобы подать примѣръ, я бросился въ пламя, и у меня обгорѣли волосы и брови; платье обгорѣло у меня на спинѣ. Всѣ усилія были напрасны, такъ какъ была испорчена большая часть насосовъ, которыхъ было около тысячи; изъ нихъ почти ни одинъ не оказался годнымъ къ употребленію. Несчастные, нанятые Растопчинымъ, бѣгали во всѣ стороны и своими факелами зажигали вновь огонь; имъ не мало помогалъ вѣтеръ. Этотъ ужасный пожаръ истребилъ городъ почти до тла. Я ожидалъ всего, но только не этого. Ударъ былъ неожиданный: кто могъ думать, что народъ станетъ поджигать свою столицу? Нѣкоторые изъ жителей также употребляли всѣ усилія, чтобы потушить пожаръ; при этомъ погибло нѣсколько человѣкъ. Они приводили къ намъ многихъ поджигателей съ ихъ факелами; мы ихъ никогда не могли бы узнать среди черни. Я приказалъ разстрѣлять человѣкъ двѣсти этихъ несчастныхъ. Не случись этого злополучнаго пожара, я имѣлъ бы для арміи все необходимое: прекрасныя зимнія квартиры, разнообразные съѣстные припасы, кампанія слѣдующаго года рѣшила бы все. Или Александръ заключилъ бы миръ, или я былъ бы въ Петербургѣ".

„Я заставилъ бы Россію заключить миръ, согласный съ интересами Франціи. Мнѣ слѣдовало оставить Москву пять дней раньше. Многіе генералы были въ кроватяхъ, когда все уже было объято пламенемъ. Я самъ оставался въ Кремлѣ до тѣхъ поръ, пока я не

Библиотека "Руниверс"

былъ окруженъ пламенемъ. Огонь охватилъ китайскіе и индійскіе магазины и нѣсколько складовъ масла и спирта, которые воспламенились. Тогда я переѣхалъ въ загородный домъ, принадлежавшій Императору Александру, приблизительно въ одной верстѣ отъ Москвы; можно судить о томъ, какъ сильно было пламя, если я скажу, что со стороны Москвы едва можно было дотронуться руками до стѣнъ и оконъ этого дома; до того они были горячи.

Это было цѣлое море огня; снопы яркаго пламени, колеблящагося подобно волнамъ, вздымались къ пылающему небу и низвергались въ огненный океанъ. Это было самое величественное, самое великолѣпное и самое ужасное изъ видѣнныхъ мною когда-либо зрѣлищъ".

Вспоминая о Блюхерѣ, Наполеонъ отозвался о немъ какъ о человѣкѣ очень храбромъ,—un bon sabreur. „Онъ похожъ на быка, говорилъ Наполеонъ, который бросается впередъ, закрывъ глаза, и не видитъ опасности. Онъ сдѣлалъ тысячу ошибокъ и, не случись непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, я могъ бы не одинъ разъ взять въ плѣнъ его самого и большую часть его арміи. Онъ упрямъ, неутомимъ, ничего не боится и очень преданъ своей странѣ. Но какъ генералъ, это бездарность. Припоминаю, что въ мою бытность въ Пруссіи, онъ послѣ сдачи обѣдалъ за моимъ столомъ. Всѣ считали его человѣкомъ самымъ заурядным".

Говоря объ англійскизъ солдатахъ Наполеонъ замѣтилъ, что они храбры: „англійскіе офицеры люди, вообще честные, говорилъ онъ, но я не считаю ихъ способными выполнить трудные маневры. Мнѣ кажется, что подъ моимъ начальствомъ они были бы способны на все, хотя я еще не знаю ихъдостаточно хорошо, чтобы сказать это положительно. Я имѣлъ по этому поводу разговоръ съ Бингамомъ; хотя онъ со мною не согласенъ, но я того мнѣнія, что съ ними слѣдовало бы обращаться иначе. Вмѣсто кнута я хотѣлъ бы дѣйствовать на нихъ, возбуждая въ нихъ чувство чести и соревнованія. Я бы производилъ, какъ я это дѣлалъ во Франціи, въ офицеры, всякаго солдата, если онъ отличился. Послѣ сраженія, я созывалъ обыкновенно офицеровъ и солдатъ и спрашивалъ ихъ: кто изъ васъ отличился? гдѣ храбрецы? Я производилъ въ офицеры всѣхъ, кто умѣлъ хорошо читать и писать, а безграмотнымъ я велѣлъ учиться, до тѣхъ поръ, пока они не усваивали грамоту, и тогда я ихъ производилъ. Чего бы не сдѣлала англійская армія, если бы каждый солдатъ могъ надѣяться быть генераломъ, если онъ отличится въ бою? Конечно, англійскій солдатъ стоитъ по развитію не ниже солдатъ прочихъ націй, у которыхъ не примѣняется унизительнаго наказанія кнутомъ. Все уни-

Библиотека "Руниверс"

жающее человѣка должно быть отмѣнено. Я хотѣлъ бы достигнуть того, чтобы слово солдатъ считалось почетнымъ для того, кто имъ называется. Я сдѣлалъ бы въ Англіи то, что я сдѣлалъ во Франціи: гдѣ я поощрялъ образованныхъ молодыхъ людей, сыновей купцовъ, дворянъ, безъ различія сословій итти въ солдаты, и двигалъ ихъ по заслугамъ; я бы замѣнилъ кнутъ заключеніемъ въ тюрьму, на хлѣбъ и на воду и презрѣніемъ товарищей. Quando il soldato é awilito e disonorato colle fruste, poco gli preme la gloria e l'onore della sua patria [1])".

„Можетъ ли быть въ человѣкѣ какое-нибудь чувство чести, когда его наказываютъ кнутомъ въ присутствіи товарищей? Онъ теряетъ всякую любовь къ родинѣ и готовъ сражаться такъ же точно и противъ нея, если противникъ заплатитъ ему больше. Когда австрійцы владѣли Италіей, они тщетно старались сдѣлать изъ итальянцевъ хорошихъ солдатъ: итальянцы дезертировали тотчасъ послѣ набора, а, если имъ приходилось итти противъ непріятеля, разбѣгались при первомъ выстрѣлѣ. Невозможно было сформировать изъ нихъ ни одного полка".

„Когда я завоевалъ Италію и началъ вербовать солдатъ, австрійцы смѣялись надо мною, и говорили, что это мнѣ не удастся, что они не разъ пытались это дѣлать, и что не въ характерѣ итальянцевъ драться и быть хорошими солдатами. Однако я набралъ нѣсколько тысячъ итальянцевъ, и они сражались такъ же храбро, какъ французы, и никогда не покидали меня, даже въ несчастьи. Какая была тому причина? Я уничтожилъ введенное австрійцами наказаніе кнутомъ и палкою, я подвигалъ способныхъ солдатъ; изъ ихъ числа было нѣсколько генераловъ. Я замѣнилъ страхъ и кнутъ чувствомъ чести и соревнованіемъ".

На вопросъ, каково его мнѣніе о сравнительномъ достоинствѣ русскихъ, пруссаковъ и нѣмцевъ, Наполеонъ сказалъ: „Солдаты измѣнчивы: одинъ день они храбры, другой день—трусы. Русскіе, на моихъ глазахъ, дѣлали чудеса храбрости подъ Эйлау; въ ту минуту они всѣ были герои; на берегу Москвы, засѣвъ въ окопы, откуда имъ не было выхода, „они допустили, чтобы я съ 90 тысячами разбилъ ихъ 150 тысячъ. Подъ Іеной и въ другихъ битвахъ этой кампаніи, пруссаки бѣжали такъ трусливо, какъ бараны; а послѣ они дрались храбро. Мое мнѣніе таково, что въ данный моментъ прусскій солдатъ стоитъ выше австрійскаго. Французскіе

[1]) Когда солдатъ униженъ и обезчещенъ тѣлеснымъ наказаніемъ, его мало трогаетъ слава и честь страны.

Библиотека "Руниверс"

кирасиры были лучшей кавалеріей въ мірѣ, съ ними легко было прорвать пѣхоту. Индивидуально, нѣтъ кавалериста, который бы стоялъ выше мамелюка; но мамелюки не могутъ дѣйствовать массой. Казаки превосходны, какъ партизаны, а поляки прекрасные уланы".

Изъ австрійскихъ генераловъ наилучшій „принцъ Карлъ, хотя онъ дѣлалъ массу ошибокъ. Что касается Шварценберга, то онъ не способенъ командовать и шестью тысячами".

Заговоривъ объ осадѣ Тулона, Наполеонъ припомнилъ, что въ этомъ дѣлѣ онъ взялъ въ плѣнъ генерала О'Гара. „Я могу сказать, присовокупилъ онъ, что я взялъ его въ плѣнъ собственноручно. Я соорудилъ замаскированную батарею съ 8 двадцати четырехъ дюймовыми орудіями и четырьмя мортирами, съ цѣлью атаковать фортъ Мальбуске, занятый англичанами; батарея была окончена вечеромъ, и я рѣшилъ повести атаку на слѣдующее утро. Въ то время, какъ я отдавалъ приказанія въ другомъ пунктѣ, пріѣхало нѣсколько депутатовъ національнаго конвента. Они брали иногда на себя обязанность руководить военными дѣйствіями; эти дураки дали батареѣ приказаніе открыть огонь; это было исполнено. Замѣтивъ это, я подумалъ, что англійскій генералъ атаковалъ батарею и, вѣроятно, возьметъ ее, такъ какъ я не успѣлъ еще сдѣлать всѣхъ нужныхъ распоряженій, чтобы поддержать ее. Дѣйствительно, О'Гара, боясь что открытый съ батареи огонь заставитъ его войско отойти изъ Мальбуске, и что я могу овладѣть фортомъ, командовавшимъ надъ рейдомъ, рѣшился атаковать меня. Онъ сдѣлалъ вылазку и овладѣлъ батареей и линіями окоповъ, возведенными мною слѣва. (Тутъ Наполеонъ набросалъ на бумажкѣ планъ расположенія батарей). Правые окопы были взяты неаполитанцами. Въ то время, какъ они забивали орудія, я подошелъ, никѣмъ незамѣченный, съ тремя—четырьмя стами гренадеръ, пройдя черезъ узкій проходъ, поросшій оливковыми деревьями, примыкавшій къ батареѣ, и открылъ страшный огонь по войскамъ О'Гара. Изумленные англичане думали въ первый моментъ, что неаполитанцы, занимавшіе окопы справа, приняли ихъ за французовъ и стали кричать: „Эти каналіи неаполитанцы стрѣляютъ въ насъ (въ то время англійскіе солдаты относились къ неаполитанцамъ съ величайшимъ презрѣніемъ). О'Гара вышелъ изъ батареи и направился къ намъ. Онъ былъ раненъ однимъ сержантомъ въ руку; такъ какъ я стоялъ у входа въ траншеи, то я его схватилъ за одежду и толкнулъ въ толпу моихъ солдатъ; я думалъ, что это полковникъ. Когда его уводили, онъ воскликнулъ, что онъ главнокомандующій англійскихъ войскъ. Онъ думалъ, что его убьютъ, такъ какъ Конвентъ приказалъ не щадить

Библиотека "Руниверс"

англичанъ. Я подбѣжалъ къ нему и не позволилъ солдатамъ обижать его. Онъ очень плохо говорилъ по-французски; видя, что онъ думаетъ, что его убьютъ, я всячески старался его успокоить, я приказалъ тотчасъ сдѣлать ему перевязку и оказывать ему всевозможное уваженіе".

„Неаполитанцы, продолжалъ Наполеонъ, величайшіе канальи въ мірѣ. Мюратъ погубилъ меня, пойдя съ ними противъ австрійцевъ. Когда объ этомъ узналъ старикъ Фердинандъ, онъ расхохотался и сказалъ, на своемъ жаргонѣ, что неаполитанцы будутъ служить Мюрату такъ же, какъ они служили ему, когда Шампіоне, съ десятью тысячами французовъ разсѣялъ ихъ сто тысячъ, какъ барановъ. Я запретилъ Мюрату дѣйствовать; такъ какъ по возвращеніи моемъ съ острова Эльбы, между мною и... было рѣшено, что если я уступлю ему Италію, *то онъ не примкнетъ къ коалиціи противъ меня.* Я это обѣщалъ и сдержалъ бы слово, но нелѣпый Мюратъ, несмотря на данное мною приказаніе, пошелъ въ Италію со своей канальей, гдѣ его разбили въ пухъ и прахъ. Этимъ были разрушены всѣ мои планы и договоры. Мюратъ дважды измѣнялъ мнѣ и разорялъ меня. Первый разъ, когда онъ бросилъ меня и присоединился съ шестьюдесятью тысячами къ союзникамъ, заставивъ меня этимъ держать въ Италіи тридцать тысячъ человѣкъ, которые мнѣ были такъ нужны въ иномъ мѣстѣ. Не сдѣлай Мюратъ этого рискованнаго шага, русскіе бы отступили, такъ какъ они не хотѣли идти далѣе, если бы Австрія не примкнула къ коалиціи; англичане остались бы одни и охотно согласились бы заключить со мною миръ". Наполеонъ присовокупилъ, что онъ всегда былъ не прочь заключить миръ съ Англіей.

„Пусть ваши министры говорятъ, что хотятъ, сказалъ онъ, я всегда былъ готовъ заключить миръ. Въ то время какъ умеръ Фоксъ, все предвѣщало повидимому скорое заключеніе мира. Будь лордъ Лаудердаль болѣе чистосердеченъ, миръ и былъ бы заключенъ, за два мѣсяца до начала прусской кампаніи я велѣлъ передать ему, что ему слѣдовало склонить своихъ соотечественниковъ къ заключенію мира со мною, такъ какъ я черезъ два мѣсяца овладѣлъ Пруссіей, ибо хотя Пруссія, въ союзѣ съ Россіей, могла противустоять мнѣ, но она одна не была въ состояніи этого сдѣлать; русскіе могли подойти не ранѣе какъ черезъ три мѣсяца, а мнѣ было извѣстно, что пруссаки намѣревались защищать Берлинъ, вмѣсто того, чтобы отступить, въ ожиданіи подкрѣпленій изъ Россіи; въ такомъ случаѣ я уничтожилъ бы ихъ армію и взялъ бы Берлинъ раньше, чѣмъ могли подойти русскіе; затѣмъ, безъ труда я могъ разбить послѣднихъ. Потому я совѣтовалъ лорду Лаудердалю вос-

Библиотека "Руниверс"

пользоваться моимъ предложеніемъ и заключить со мною миръ ранѣе, нежели пруссаки, которые были лучшими друзьями Англіи на континентѣ, не были разбиты. Я думаю, что послѣ этого сообщенія, онъ дѣйствовалъ искренно и писалъ вашимъ министрамъ совѣтуя имъ заключить миръ, но они не согласились на это, полагая, что у короля прусскаго было сто тысячъ челолѣкъ, что я могъ понести пораженіе, и что это будетъ началомъ моей гибели. Возможно: иной разъ одно сраженіе рѣшаетъ все; нерѣдко случается, что на исходъ сраженія вліяютъ самыя пустяшныя обстоятельства. Но событія показали, что я не ошибся: я одержалъ побѣду при Іенѣ, и Пруссія была въ моихъ рукахъ. Послѣ Тильзита и Эрфурта, вашимъ министрамъ было послано за подписью моей и Императора Александра письмо, съ предложеніемъ заключить миръ съ Англіей; но они не пожелали принять и это предложеніе".

Наполеонъ показалъ доктору слѣды двухъ ранъ, изъ нихъ одна оставила глубокій шрамъ подъ лѣвымъ колѣномъ; она была получена имъ, во время перваго италіанскаго похода. Хирурги считали ее вначалѣ столь серьезной, что думали произвести ампутацію ноги. Будучи раненъ, Наполеонъ, по его словамъ, всегда держалъ это въ тайнѣ, чтобы не обезкураживать своихъ солдатъ. Вторая рана, полученная имъ при Экмюлѣ, была на большомъ пальцѣ ноги.

„При осадѣ Акра, къ моимъ ногамъ упала бомба, брошенная Сиднеемъ Смитомъ, разсказывалъ Наполеонъ. Два солдата, стоявшіе подлѣ меня, схватили меня и крѣпко обняли, одинъ спереди, другой сзади и защитили меня своимъ тѣломъ отъ бомбы, которая разорвалась и обдала насъ пылью. Мы упали всѣ трое въ воронку, которую она образовала; одинъ изъ солдатъ былъ раненъ. Я произвелъ обоихъ солдатъ въ офицеры. Одинъ изъ нихъ потерялъ впослѣдствіи ногу подъ Москвою, и былъ комендантомъ Венсена, когда я уѣхалъ изъ Парижа. Когда русскіе потребовали отъ него сдачи крѣпости, онъ отвѣтилъ, что онъ сдастъ ее тогда, когда они возвратятъ ему ногу, потерянную имъ подъ Москвою" [1]).

„Нѣсколько разъ въ жизни, продолжалъ императоръ, я былъ обязанъ спасеніемъ солдатамъ и офицерамъ, которые бросались впередъ, когда мнѣ угрожала неминуемая опасность. Когда я шелъ на Аркольскій мостъ, мой адъютантъ, полковникъ Мюнронъ кинулся впередъ и защитилъ меня своимъ тѣломъ; онъ былъ раненъ вмѣсто меня, и упалъ замертво къ моимъ ногамъ; его кровь брызнула мнѣ

[1]) Рѣчь идетъ о генералѣ Доменилѣ (Daumesnil).

Библиотека "Руниверс"

въ лицо. Онъ пожертвовалъ жизнью, чтобы спасти меня. Я думаю, никто не видѣлъ столько преданности со стороны солдатъ, какъ я. Несмотря на всѣ превратности судьбы, ни одинъ солдатъ, умирая, не жаловался на меня. Истекая кровью, они восклицали: *да здравствуетъ Императоръ!*".

Однажды разговоръ зашелъ объ Аустерлицкомъ сраженіи. Наполеонъ замѣтилъ, что король прусскій до сраженія примкнулъ къ коалиціи противъ него.

„Объ этомъ сообщилъ мнѣ Гаугвицъ, сказалъ онъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ совѣтывалъ мнѣ заключить миръ. На это я отвѣтилъ: Исходъ предстоящаго сраженія рѣшитъ все. Я надѣюсь выиграть его, и, въ такомъ случаѣ, я предпишу миръ, сообразный моимъ видамъ. Въ настоящую минуту я не буду ничего слушать".

„Событія вполнѣ оправдали мое ожиданіе; я одержалъ столь рѣшительную побѣду, что я имѣлъ возможность поставить условія, какія мнѣ были желательны". Гаугвицъ думалъ, что Пруссія никогда не будетъ играть первой роли (giocare il primo ruolo) въ дѣлахъ континента; что это второстепенная держава, и что она должна и дѣйствовать какъ таковая. Если бы я понесъ пораженіе, то я надѣялся, что Пруссія не примкнетъ открыто къ союзникамъ, такъ какъ въ ея интересахъ было естественно заботиться о сохраненіи равновѣсія въ Европѣ, а этого не могло бы быть, если бы она присоединилась къ державамъ, кои усилились бы вслѣдствіе моего пораженія. При томъ, сейчасъ возникли бы зависть и подозрительность, и союзники не имѣли бы довѣрія къ королю прусскому, который измѣнилъ имъ".

„Я отдалъ Ганноверъ пруссакамъ, продолжалъ онъ, чтобы поссорить ихъ съ Англіей и вызвать войну, которая закрыла бы для нея континентъ. Король прусскій былъ настолько простодушенъ, чтобы повѣрить, что онъ могъ сохранить эту провинцію и остаться въ мирѣ съ Англіей. Затѣмъ, онъ, какъ безумный, объявилъ мнѣ войну, подстрекаемый къ тому королевой, принцемъ Лудвигомъ и массой молодыхъ людей, убѣдившихъ его въ томъ, что Пруссія достаточно сильна, даже безъ помощи Россіи. Онъ скоро тяжкимъ опытомъ убѣдился въ противномъ".

На вопросъ, что бы онъ сдѣлалъ, если бы король Прусскій присоединился со своей арміей къ войскамъ союзниковъ, до Аустерлицкаго сраженія, Наполеонъ отвѣтилъ: „О, это совершенно измѣнило бы дѣло".

Онъ хвалилъ короля Саксонскаго, говоря, что это человѣкъ въ высокой степени храбрый, превозносилъ короля Баварскаго за его

Библиотека "Руниверс"

доброту и искренность; про короля Виртембергскаго замѣтилъ, что онъ способенъ, но характера тяжелаго.

„Александръ и король Виртембергскій люди въ высшей степени способные“, сказалъ онъ.

О своемъ братѣ, Іосифѣ, онъ отозвался какъ о человѣкѣ прекраснаго характера. „Его добродѣтели и таланты пригодны для частной жизни, къ которой онъ предназначенъ природой. Онъ слишкомъ добръ, чтобы быть великимъ человѣкомъ, у него нѣтъ ни малѣйшаго честолюбія. Онъ очень похожъ на меня наружностью, но гораздо красивѣе меня, очень образованъ, но это не то, что нужно монарху, онъ также не въ состояніи командовать арміей“.

Затѣмъ онъ охарактеризовалъ Моро и другихъ генераловъ.

„Моро, сказалъ онъ, прекрасный дивизіонный генералъ, но не способенъ командовать большимъ отрядомъ. Имѣя сто тысячъ человѣкъ, Моро разбросалъ бы свою армію въ разные пункты, усѣялъ бы дороги солдатами и достигъ бы не болѣе того, что онъ могъ бы сдѣлать съ тридцатью тысячами. Онъ не умѣлъ пользоваться ни численностью своихъ войскъ, ни позиціей. Спокойный и хладнокровный во время сраженія, онъ былъ скорѣе способенъ командовать войскомъ въ пылу сраженія, нежели составить предварительную диспозицію. Его часто видѣли на полѣ битвы курящимъ трубку. Моро былъ не злой отъ природы; онъ былъ весельчакъ. Но у него не было характера. Имъ вертѣла жена и другая креолка, его невѣстка. Участіе, принятое имъ, вмѣстѣ съ Пишегрю и Жоржемъ, въ заговорѣ и конецъ его карьеры, когда онъ сражался противъ своей родины, обезчестили его на вѣки. Какъ генералъ, Моро былъ несравненно ниже Дезэ, Клебера и даже Сульта. Изо всѣхъ генераловъ, бывшихъ подъ моей командою, способнѣе всѣхъ были Дезэ и Клеберъ, въ особенности Дезэ; Клеберъ любилъ славу постолько, посколько она доставляла ему богатства и утѣхи. Дезэ, напротивъ, любилъ славу самое по себѣ и презиралъ все остальное. Онъ только и мечталъ о войнѣ и славѣ. Богатство и удовольствія были для него ничто; онъ даже не думалъ о нихъ. Это былъ маленькій человѣчекъ, мрачной наружности, ростомъ чуть меньше меня, одѣтый всегда небрежно; иногда даже въ рваной одеждѣ. Онъ презиралъ удовольствія и удобства жизни. Нѣсколько разъ, въ Египтѣ, я дарилъ ему полное походное снаряженіе, но онъ тотчасъ все растеривалъ. Завернувшись въ плащъ, онъ ложился на лафетъ и спалъ такъ же хорошо, какъ на перинѣ. Комфортъ не имѣлъ въ его глазахъ никакой цѣны. Онъ былъ прямъ и честенъ во всѣхъ своихъ поступкахъ; арабы прозвали его *справедливый султанъ*. Природа

Библиотека "Руниверс"

надѣлила его качествами выдающагося генерала. Потеря Клебера и Дезэ была незамѣнима для Франціи. Если бы Клеберъ былъ живъ, англійская армія погибла бы въ Египтѣ".

„Ланнъ, въ то время какъ я познакомился съ нимъ, былъ un ignorantaccio (невѣжда). Онъ былъ очень плохо образованъ. Впослѣдствіи онъ выработался; изъ него вышелъ бы первоклассный опытный боевой генералъ. Онъ участвовалъ въ пятидесяти отдѣльныхъ сраженіяхъ и во ста болѣе или менѣе значительныхъ стычкахъ. Онъ обладалъ вѣрнымъ и проницательнымъ взглядомъ, и умѣлъ быстро воспользоваться обстоятельствами. Вспыльчивый и несдержанный въ выраженіяхъ даже въ моемъ присутствіи, онъ былъ мнѣ очень преданъ. Въ порывѣ гнѣва, онъ никому не позволялъ дѣлать ему замѣчанія; когда онъ былъ озлобленъ, не всегда можно было даже говорить съ нимъ. Какъ генералъ, онъ стоялъ несравненно ниже Массены и Сульта".

„Массена былъ человѣкъ выдающихся способностей. Тѣмъ не менѣе его диспозиціи передъ сраженіемъ были обыкновенно никуда не годны, но когда вокругъ него начинали падать люди, тогда онъ начиналъ дѣйствовать съ той разсудительностью, какую ему слѣдовало обнаружить съ самаго начала. Окруженный мертвыми и умирающими, осыпаемый градомъ пуль, которыя сметали вокругъ него все, Массена оставался всегда самимъ собою. Онъ отдавалъ приказанія и дѣлалъ диспозиціи съ величайшимъ хладнокровіемъ и величайшей разсудительностью. Вотъ la vera nobilita di sangue. Про него говорили, что онъ начиналъ дѣйствовать осмотрительно только тогда, когда было видно, что исходъ сраженія будетъ для него неблагопріятенъ, и это правда. Онъ былъ большой мошенникъ, вступалъ постоянно въ сдѣлки съ поставщиками и комиссіонерами арміи. Я говорилъ ему нѣсколько разъ, что если онъ броситъ свои постыдныя спекуляціи, то я подарю ему 900 тысячъ франковъ или милліонъ; но онъ такъ къ этому привыкъ, что не могъ не вмѣшиваться въ эти грязныя денежныя дѣла. Солдаты ненавидѣли его за это и нѣсколько разъ бунтовали противъ него. И все-таки, по тогдашнимъ обстоятельствамъ это былъ неоцѣнимый человѣкъ".

„Пишегрю былъ репетиторомъ въ Бріеннѣ и преподавалъ мнѣ математику, когда мнѣ было десять лѣтъ. Онъ отлично зналъ эту науку. Какъ генералъ, Пишегрю — человѣкъ выдающихся дарованій, несравненно выше Моро, хотя онъ не сдѣлалъ ничего особенно замѣчательнаго".

На просьбу высказать свое мнѣніе объ Императорѣ Александрѣ, Наполеонъ сказалъ:

Библиотека "Руниверс"

„Онъ былъ одаренъ болѣе богато, нежели оба его союзника. Онъ пылокъ, честолюбивъ, любитъ быть популярнымъ. Его слабость— считать себя знающимъ военное дѣло, самое пріятное для него— это слышать себѣ похвалу въ этомъ отношеніи, хотя всѣ военныя дѣйствія, коими онъ руководилъ самъ, считаются ошибочными и неудачными. Въ Тильзитѣ, Александръ и король прусскій были поглощены разговорами о новой формѣ для гусаръ и драгунъ; они пресерьезно обсуждали вопросъ о томъ, къ какой пуговицѣ долженъ быть прицѣпленъ орденъ. Мы ежедневно катались всѣ трое вмѣстѣ; Императору Александру и мнѣ часто случалось пустить лошадь въ галопъ и оставить короля прусскаго далеко позади насъ“.

Сообщ. В. Тимощукъ.

Библиотека "Руниверс"

Страницы изъ годовъ моей жизни.

Послѣ ухода Ѳеоктистова въ 1896 г. нѣсколько мѣсяцевъ продолжалось междуцарствіе. Газеты указывали на многихъ кандидатовъ и между прочимъ на Адикаевскаго, всегдашняго аспиранта на должность начальника главнаго управленія по дѣламъ печати. Рядили и гадали до тѣхъ поръ, пока не узнали, что на этотъ важный постъ назначенъ никому неизвѣстный дѣлопроизводитель военнаго министерства и бывшій адвокатъ нѣкій Соловьевъ.

Неожиданное назначеніе это поразило всѣхъ какъ громомъ. Откуда взялся онъ и какія имѣетъ данныя, чтобы стать во главѣ учрежденія, блюдущаго за направленіемъ всероссійской прессы? Вскорѣ стало всѣмъ извѣстно, что этотъ дѣлопроизводитель креатура всемогущаго оберъ-прокурора Св. Синода Побѣдоносцева, и что назначеніе его послѣдовало по протекціи и указанію послѣдняго. Выяснилось между прочимъ и то, что Соловьевъ заслужилъ благорасположеніе своего высокаго покровителя тѣмъ, что онъ, будучи талантливымъ художникомъ-миніатюристомъ, угодилъ ему рисунками своими и заставками въ византійскомъ стилѣ къ тексту Священнаго Писанія, за что тотъ и обѣщалъ ему первое видное мѣсто по министерству внутреннихъ дѣлъ, а такъ какъ не знали тогда кого назначить на открывшуюся вакансію начальника главнаго управленія по дѣламъ печати, то долго не размышляя, и назначили на этотъ постъ этого иллюстратора духовныхъ изданій. Ходила кромѣ того по Петербургу цѣлая легенда по поводу этого необычайнаго назначенія. Разсказывали, напримѣръ, что оно было результатомъ переговоровъ по телефону Побѣдоносцева съ тогдашнимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, акціи котораго сильно пошатнулись при Дворѣ. Первый обѣщалъ устроить послѣднему милостивую аудіенцію подъ

Библиотека "Руниверс"

условіемъ назначенія любезнаго ему кандидата. Отъ какихъ, подумаешь, случайныхъ чиновничьихъ комбинацій зависитъ подчасъ многое сюрпризное на Руси! Но чтобъ не слишкомъ кидалось въ глаза такое экстраординарное назначеніе и такой чрезвычайный служебный скачекъ—отъ дѣлопроизводителя на должность Ш-го класса съ правами товарища министра, придумали назначить Соловьева сверхштатнымъ членомъ совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати, исправляющимъ обязанности начальника этого управленія, подъ каковымъ титуломъ онъ и пребывалъ во все время своего начальствованія, вплоть до увольненія и назначенія своего въ члены совѣта министра внутреннихъ дѣлъ, что воспослѣдовало въ 1900 г.

Принявъ за правило какъ можно рѣже мозолить собой свѣтлыя очи начальства, я подносилъ себя въ Петербургъ только въ тѣхъ экстраординарныхъ случаяхъ, когда оно мѣнялось. Въ такихъ случаяхъ, я считалъ своею обязанностью воспользоваться предоставленнымъ мнѣ правомъ начальника отдѣльной части совершать паломничество въ сѣверную Пальмиру, какъ для того, чтобы себя показать тому, отъ котораго я буду зависѣть, такъ и посмотрѣть на него самаго, а главное—узнать его взглядъ на наше гибкое и неустойчивое дѣло. Воспользовавшись поэтому назначеніемъ новаго начальника, а вмѣстѣ съ тѣмъ желая побывать на бывшихъ въ 1896 г. двухъ выставкахъ—всемірной въ Берлинѣ и всероссійской въ Нижнемъ-Новгородѣ,—я взялъ отпускъ и послѣ совершенія заграничнаго путешествія, прибылъ въ Петербургъ и явился къ своему новому принципалу.

Еще не видя и не слыша его, я по настроенію въ канцеляріи главнаго управленія и по разсѣяннымъ и отрывочнымъ фразамъ управляющаго ею Адикаевскаго, а главное по его походкѣ, безъ труда догадался, что курсъ у нихъ стоитъ на пониженіи. Всегда развязный, не въ мѣру краснобайствующій, наставительно тонирующій и ходившій съ разваленцомъ при прежнихъ начальникахъ и особенно при Ѳеоктистовѣ, Адикаевскій сталъ теперь неузнаваемъ. Куда дѣвалось былое орлиное величіе его! „Да это не Иванъ Петровичъ“, пишетъ Гоголь о правителѣ канцеляріи въ своихъ „Мертвахъ душахъ“, говоришь, глядя на него: Иванъ Петровичъ выше ростомъ, а этотъ низенькій и худенькій; тотъ говоритъ громко, баситъ и никогда не смѣется, а этотъ чортъ знаетъ что: пищитъ птицей и все смѣется. Подходишь ближе глядишь—точно Иванъ Петровичъ! Эхе-хе! думаешь себѣ“... Эхе-хе! подумалъ и я себѣ, глядя на нашего Василія Семеновича, да это уже не тотъ Прометей, который былъ въ послѣдній мой пріѣздъ! Когда бывало этотъ верт-

Библиотека "Руниверс"

лявый звѣздоносецъ въ накладкѣ летаетъ по канцеляріи словно на лыжахъ, это было вѣрнымъ признакомъ для меня, что тамъ, за притворенной дверью недосягаемаго святилища, у завѣтнаго письменнаго стола, не забранная имъ въ лапы и не подпавшая подъ его вліяніе фигура, и наоборотъ, если онъ фордыбачился и заносился, то это означало, что онъ властвуетъ во всю, и что начальникъ пляшетъ по его дудкѣ. Не знаю какъ для другихъ, но для меня, рѣдко наѣзжавшаго и вступавшаго въ верховное судилище наше на Театральной улицѣ, нашъ неувядаемый и безсмѣнный вершитель былъ всегда точнѣйшимъ барометромъ господствующаго въ извѣстный моментъ настроенія въ высшихъ сферахъ и, глядя на его manière d'être, я почти безошибочно могъ опредѣлить степень силы давленія въ этихъ сферахъ. Разговоръ нашъ съ нимъ начинался обыкновенно такъ:

— Что скажете и какая цѣль вашего прибытія?

— Пріѣхалъ представиться новому начальнику и узнать какого мы должны теперь держаться направленія.

— Какое тамъ направленіе! Оно все то же, что было и какъ будетъ: запрещайте и запрещайте—вотъ вамъ и все направленіе!

И вслѣдъ за симъ онъ, по обыкновенію своему, начиналъ словно заведенный будильникъ трещать разную белиберду, не имѣющую никакого значенія и не примѣнимую къ дѣлу, а я терпѣливо выслушивалъ канцелярскія наставленія его до момента появленія въ дверяхъ дежурнаго курьера отъ начальника съ приглашеніемъ пожаловать къ нему. Такъ оно было и на сей разъ.

Войдя въ достопамятный начальническій кабинетъ и взглянувъ на поднявшуюся мнѣ навстрѣчу высокую фигуру новаго начальника, я прежде всего поразился его наружностью. Мнѣ тотчасъ припомнился Р—ій, очень мѣтко опредѣлившій наружность Соловьева.

И въ самомъ дѣлѣ—вся наружность покойнаго Соловьева не выражала ничего привлекательнаго: коротко остриженный, сѣдой, весь бритый, съ сумрачно поглядывавшими косыми глазами, онъ производилъ скорѣе отталкивающее впечатлѣніе, хотя въ манерѣ говорить и обращеніи его не было ничего грознаго и суроваго. Его косой глазъ далъ поводъ Черниговцу сказать въ эпиграммѣ на него:

Не составляетъ и вопроса
Что на печать онъ смотритъ косо!

Пригласивъ меня сѣсть и задавъ мнѣ нѣсколько банальныхъ вопросовъ о положеніи цензурнаго дѣла въ Одессѣ, онъ вдругъ обратился ко мнѣ съ неожиданнымъ вопросомъ, какъ я предполагаю

Библиотека "Руниверс"

ѣхать въ Одессу обратно—прямо изъ Петербурга, или черезъ Москву? На отвѣтъ мой, что я имѣю намѣренье проѣхать черезъ Москву, чтобы побывать на всероссійской выставкѣ въ Нижнемъ, онъ, словно обрадовавшись, сказалъ мнѣ:

— И прекрасно! Я хочу поручить вамъ передать кое-что московскому цензурному комитету отъ моего имени.

— Слушаюсь,—говорю и напрягаю свое вниманіе, чтобы должнымъ образомъ уразумѣть и выслушать начальническое приказаніе.

— Скажите имъ тамъ, пожалуйста, чтобы они ничего не пропускали браннаго о тещахъ.—Это подрываетъ семейные устои и вообще не годится... Такъ имъ и скажите отъ меня.

Я думалъ, что я ослышался, и когда онъ замѣтилъ, что физіономія моя выражаетъ полное недоумѣніе, онъ еще разъ повторилъ:

— Такъ и скажите, чтобы о тещахъ ничего дурного не пропускали.

Когда, ошеломленный слышаннымъ, я вышелъ отъ него въ пріемную, мнѣ навстрѣчу попался мой хорошій пріятель И. М. Литвиновъ, занимавшій тогда должность цензора драматическихъ сочиненій.

— Ну что, какъ понравился вамъ нашъ новый принципалъ? спросилъ онъ меня, замѣтя вѣроятно мою смущенную физіономію, и когда я ему передалъ про порученіе о тещахъ, онъ комически схватился за голову и воскликнулъ:

— Батюшки! А я вчера еще пропустилъ французамъ въ Михайловскій театръ цѣлыхъ двѣ пьесы, гдѣ тещъ раздѣлываютъ подъ орѣхъ! Да, батенька, добавилъ онъ,—такихъ экземпляровъ у Побѣдоносцева въ запасной кладовой его имѣется еще не мало...

Что оставалось мнѣ дѣлать? Пріѣзжаю въ Москву и преподношу порученное мнѣ Соловьевымъ тогдашнему предсѣдателю цензурнаго комитета, тайному совѣтнику Веніамину Яковлевичу Ѳедорову, человѣку, весь вѣкъ свой прослужившему въ вѣдомствѣ цензуры и, можно сказать, съѣвшему собаку въ этомъ дѣлѣ.

— Да вы, А. Е., не шутите? спрашиваетъ онъ меня, нахмуривъ брови.

— Наисеріознѣйшимъ образомъ заявляю вамъ объ этомъ, В. Я., отвѣчаю, а самъ думаю: ну, какъ Соловьевъ откажется потомъ отъ своихъ словъ, и я въ дуракахъ останусь!..

— Въ такомъ случаѣ пожалуйте къ намъ завтра въ комитетъ—кстати засѣданіе у насъ назначено на завтра—и заявите намъ объ этомъ оффиціально.

Въ назначенный на другой день часъ являюсь—nolens-volens—въ московскій цензурный комитетъ и тамъ, послѣ того, что Ѳедо-

Библиотека "Руниверс"

ровъ перезнакомилъ меня съ членами онаго и усадилъ подлѣ себя, торжественно, по его приглашенію, заявляю о возложенномъ на меня высшею властью нашею порученіи. Нечего и говорить, что эффектъ моего заявленія былъ сногсшибательный: болѣе сдержанные изъ г.г. цензоровъ уткнулись носомъ въ столъ, желая скрыть душившій ихъ смѣхъ, а другіе, болѣе экспансивные въ проявленіи своихъ чувствъ, въ томъ числѣ и будущій начальникъ нашъ князь Шаховской, сидѣвшій послѣднимъ за столомъ засѣданій, безцеремонно разразились гомерическимъ смѣхомъ. Одинъ только почтенный предсѣдатель комитета сохранилъ полное самообладаніе и, давъ утихнуть волненію, пресеріознѣйшимъ образомъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Ну, а на счетъ тестей вамъ ничего не было поручено передать намъ?..

Исполнивъ съ полною добросовѣстностью мою миссію, я уѣхалъ изъ Москвы. Долженъ, однако, по правдѣ сказать, что меня неотвязчиво преслѣдовала все та же мысль—что, если Соловьевъ да откажется отъ своихъ словъ? и я внутренно бранилъ себя, что не заручился отъ него письменнымъ документомъ на этотъ счетъ. Вскорѣ однако я получилъ вполнѣ успокоившее меня письмо отъ двоюроднаго брата моего, московскаго цензора Н. В. Егорова, о которомъ я уже говорилъ по поводу исторіи его съ кн. Вяземскимъ. Онъ писалъ мнѣ, что порученіе мое о тещахъ произвело фуроръ во всѣхъ образованныхъ слояхъ общества, особенно въ кругу пишущей московской братіи: вездѣ разсказывали о проѣзжемъ одесскомъ цензорѣ, привезшемъ такой раритетъ изъ Петербурга. По счастью вскорѣ послѣ того пріѣхалъ въ Москву и самъ Соловьевъ, повторившій дословно комитету сказанныя мною слова, и, такимъ образомъ, всякое сомнѣніе на счетъ вѣрности передачи его мысли благополучно для меня подтвердилось.

Анатолій Егоровъ.

Библиотека "Руниверс"

Николай Михайловичъ Пржевальскій.

(Родился 31 марта 1839 г., умеръ 20 октября 1888 г.).

Непремѣнный секретарь Императорской Академіи Наукъ К. С. Веселовскій, въ засѣданіи Академіи 29 декабря 1886 года, въ торжественной рѣчи, между прочимъ, сказалъ: ...„Есть счастливыя имена, которыя довольно произнести, чтобы возбудить въ слушателяхъ представленіе о чемъ-то великомъ и общеизвѣстномъ. Таково имя Пржевальскаго... Имя Пржевальскаго будетъ отнынѣ синонимомъ безстрашія и энергіи въ борьбѣ съ природою и людьми и беззавѣтной преданности наукѣ“...

„Гордиться заслугами предковъ пріятно и составляетъ нравственную обязанность потомковъ, пишетъ другой непремѣнный секретарь Академіи Наукъ, Н. Ѳ. Дубровинъ [1]), но переносить ихъ заслуги на себя, прикрываться ихъ блескомъ — едва-ли справедливо. Когда однажды, въ присутствіи Наполеона, многіе маршалы стали хвастаться своею родовитостью, Ней сказалъ: „у меня нѣтъ знаменитыхъ предковъ, *но я самъ буду хорошимъ предкомъ*“. То же самое могъ сказать и Николай Михайловичъ, личныя заслуги котораго были поводомъ къ разъясненію происхожденія рода Пржевальскихъ“.

Пржевальскіе ведутъ свой родъ отъ запорожскаго казака Карнилы Анисимовича Паровальскаго, поступившаго въ польскую службу и принявшаго впослѣдствіи фамилію Пржевальскаго. Въ красномъ полѣ дворянскаго герба, пожалованнаго Стефаномъ Баторіемъ въ 1581 году ротмистру казачьихъ войскъ Карнилѣ Пржевальскому,

[1]) Н. М. Пржевальскій. Біографическій очеркъ. С.-Петербургъ. 1890.

Библиотека "Руниверс"

изображенъ натянутый лукъ съ направленною вверхъ стрѣлою, а въ шлемѣ три страусовыхъ пера.

Дѣдъ [1]) Николая Михайловича воспитывался въ іезуитской школѣ въ Полоцкѣ, но до окончанія курса бѣжалъ изъ училища и перешелъ въ православіе, принявъ имя Кузьмы Ѳомича. Единственный сынъ этого послѣдняго, Михаилъ Кузьмичъ, женившійся на дочери помѣщика Смоленской губерніи, Еленѣ Алексѣевнѣ Каретниковой—есть отецъ Николая Михайловича. Михаилъ Кузьмичъ, будучи слабаго здоровья, оставилъ военную службу въ чинѣ поручика и вскорѣ послѣ женитьбы основался на житье въ той же Смоленской губерніи и уѣздѣ, въ имѣніи „Отрадномъ“, рядомъ съ родовымъ гнѣздомъ своей жены. Въ Отрадномъ Николай Михайловичъ провелъ годы самой ранней молодости.

Михаилъ Кузьмичъ скончался на 42 году жизни, когда его старшему сыну Николаю—впослѣдствіи знаменитому путешественнику, было всего семь лѣтъ. Оставшись вдовою въ молодые годы, Елена Алексѣевна принялась сама за воспитаніе дѣтей и хозяйство. У Николая Михайловича было двое братьевъ, Владиміръ и Евгеній [2]). Дѣти пользовались большой, разумной свободой. „Росъ я въ деревнѣ дикаремъ, говоритъ Николай Михайловичъ; воспитаніе было самое спартанское; я могъ выходить изъ дому во всякую погоду“.

Съ раннихъ лѣтъ дѣтей стали учить грамотѣ: Николаю Михайловичу было четыре—пять лѣтъ, когда, 1-го декабря, „въ память св. пророка Наума, чтобы наука шла на умъ“, посадили его за первый урокъ. Братъ Владиміръ прислушивался къ урокамъ Николая и четырехъ лѣтъ уже выучился читать; тогда рѣшили учить ихъ вмѣстѣ, и оба брата не разлучались до окончанія гимназическаго курса.

Блестящія способности и феноменальная память скоро сдѣлали Николая Михайловича однимъ изъ первыхъ учениковъ Смоленской гимназіи. Съ наступленіемъ каникулъ и съ возвращеніемъ въ Отрадное, оба брата помѣщались съ дядею Павломъ Алексѣевичемъ,—ихъ первымъ воспитателемъ и другомъ—въ отдѣльномъ флигелѣ.

---

[1]) Пра-пра-пра-прадѣдъ, Григорій Корниловичъ, пра-пра-прадѣдъ, Лаврентій Григорьевичъ, пра-прадѣдъ, Мартынъ Лаврентьевичъ и прадѣдъ, Ѳома Мартыновичъ, ничѣмъ особеннымъ себя не заявили, и кто изъ нихъ и когда принялъ католичество—неизвѣстно.

[2]) В. М. Пржевальскій впослѣдствіи талантливый юристъ и выдающійся присяжный повѣренный; умеръ въ 1900-мъ году. Нынѣ здравствующій, генералъ-лейтенантъ въ отставкѣ, Е. М. Пржевальскій около сорока лѣтъ состоялъ преподавателемъ математики и механики въ Александровскомъ военномъ училищѣ, въ Москвѣ.

Библиотека "Руниверс"

Сюда приходили они только ночевать, проведя весь день или на рыбной ловлѣ, или на охотѣ. Двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ Николай Михайловичъ убилъ первую лисицу и, полный восторга, принесъ ее матери. Имѣя же всего шестнадцать лѣтъ, онъ уже окончилъ курсъ въ гимназіи и, какъ человѣкъ впечатлительный и энергичный, подъ впечатлѣніемъ геройскихъ подвиговъ защитниковъ Севастополя, рвался на войну.

Однако, какъ ни стремился Николай Михайловичъ поступить въ военную службу, какъ ни казалась она ему привлекательною, но когда приходилось отрываться отъ родного уголка, отъ того, что съ раннихъ лѣтъ было свято, дорого и мило, тогда онъ невольно почувствовалъ тоску и неизвѣстное будущее стало его безпокоить.

„Наконецъ, говоритъ Николай Михайловичъ, наступила роковая минута. Меня позвали къ матери; я вошелъ въ залъ. У большого образа теплилась лампада, а на колѣняхъ предъ нимъ, съ горячими слезами, молилась мать моя. Въ углу стояла няня, нѣсколько дворовыхъ, и всѣ плакали. „Станьте здѣсь и молитесь", обратилась ко мнѣ и брату мать. Мы молча исполнили ея приказаніе. Глубокая тишина водворилась въ комнатѣ, изрѣдка прерываемая тяжкими вздохами. Наконецъ, мать встала и взяла образъ; я подошелъ къ ней.—„Да сохранитъ тебя Господь Богъ во всей твоей жизни", сказала она и начала благословлять. Этой минуты не вынесла моя переполненная душа. Долго сдерживаемыя слезы разомъ брызнули изъ глазъ, и я зарыдалъ какъ ребенокъ"...

Служба въ полку велась очень плохо, никто и ничего не дѣлалъ. На юнкеровъ не обращали вниманія, но съ солдатами обращались жестоко. Офицеры вели жизнь разгульную и проводили время среди картъ и пьянства. Поступившему въ полкъ новичку трудно было не поддаться общему теченію, но если ему это удавалось, то онъ заслуживалъ общее уваженіе среди товарищей-пьяницъ. Такъ Николай Михайловичъ разсказываетъ объ одномъ изъ своихъ ротныхъ командировъ, который заставлялъ его пить, но получивъ отказъ говорилъ:

— Изъ тебя, братъ, прокъ будетъ.

— Онъ не нашъ, говорили другіе офицеры—а только среди насъ.

„Прослуживъ пять лѣтъ въ арміи, пишетъ Пржевальскій, потаскавшись въ караулъ и по всевозможнымъ гауптвахтамъ и на стрѣльбу со взводомъ, я, наконецъ, ясно созналъ необходимость измѣнить подобный образъ жизни и избрать болѣе обширное поприще дѣятельности, гдѣ бы можно было тратить трудъ и время для разумной цѣли. Однако, эти пять лѣтъ не пропали для меня даромъ.

Библиотека "Руниверс"

Не говоря уже о томъ, что они измѣнили мой возрастъ съ 17 на 22 года, и что въ продолженіе этого періода въ моихъ понятіяхъ и взглядѣ на жизнь произошла огромная перемѣна,—я хорошо понялъ и изучилъ то общество, въ которомъ находился".

Тогда же онъ рѣшилъ избрать другой путь, болѣе правильный, и поступить въ Николаевскую академію генеральнаго штаба. Усиленно готовясь къ экзамену, но въ то же время не желая лишить себя самаго высокаго удовольствія, Николай Михайловичъ отправлялся на охоту, проводя все свободное время въ окрестности Кременца.

„Великолѣпная панорама, говоритъ Пржевальскій, представлялась съ вершины этихъ горъ, когда весною, во время разлива, всѣ низменности около рѣки были покрыты водою... Когда я отправился на горы полюбоваться оттуда на весенній разливъ, и когда предо мною, какъ широкое зеркало, открылась затопленная версты на двѣ въ ширину долина, теряющаяся въ безконечной дали, тогда невольный трепетъ пробѣжалъ по моимъ нервамъ, и это былъ трепетъ безотчетнаго восторга. Великолѣпіе картины еще болѣе дополняло заходившее солнце, блѣдные лучи котораго отражались на свѣтлой поверхности водъ".

Въ маѣ 1863 года, съ началомъ польскаго возстанія, всѣмъ офицерамъ старшаго курса въ академіи было предложено, что если кто изъ нихъ желаетъ, не ѣздивши на съемку, отправиться въ Польшу, тотъ будетъ выпущенъ на льготныхъ основаніяхъ, съ правами второго разряда. Въ числѣ первыхъ желающихъ былъ и Пржевальскій, рѣшившійся возвратиться въ свой полкъ. Въ іюлѣ 1863 года онъ былъ произведенъ въ поручики и назначенъ полковымъ адъютантомъ.

Пользуясь своимъ вліяніемъ на офицеровъ, Николай Михайловичъ однажды спасъ одного изъ полковыхъ товарищей отъ суда, за опрометчивую растрату послѣднимъ казенныхъ денегъ.

„Милостивые государи! писалъ Н. М. Пржевальскій; товарищъ нашъ поручикъ К., при сдачѣ должности полкового квартирмистра, оказался виновнымъ въ растратѣ... и долженъ поплатиться своею службою. Но дѣло это еще не безвозвратно, еще отъ насъ зависитъ спасти или погубить его... Неужели мы будемъ хладнокровно смотрѣть, когда товарищъ нашъ надѣнетъ солдатскую шинель и съ горькими упреками и проклятіемъ будетъ вспоминать ту минуту, когда мы сдѣлали его квартирмистромъ? Нѣтъ, мы не допустимъ этого, мы покажемъ, что общество нашего полка руководствуется иными, болѣе широкими принципами. Мы выручимъ К. Тогда каждый изъ насъ, съ полнымъ сознаніемъ величія и благородства своего поступка, можетъ съ гордостью сказать: „я спасъ своего товарища; я сдѣлалъ святое, честное дѣло".

Библиотека "Руниверс"

Это письмо-воззваніе спасло офицера, спасло его семью и честь полка.

Свои періодическіе отпуска Н. М. Пржевальскій неизмѣнно проводилъ въ Отрадномъ, среди любимой имъ охоты и серьезнаго изученія зоологіи и ботаники. Чѣмъ болѣе онъ углублялся въ эти занятія, тѣмъ сильнѣе имъ овладѣвала мысль о путешествіи сначала въ Африку, но затѣмъ, по зрѣломъ обсужденіи, въ Азію, командировка въ которую казалась возможной при его служебномъ положеніи. Жажда знаній могла быть удовлетворена только въ какомъ-нибудь научномъ центрѣ, и Николай Михайловичъ рѣшился съѣздить въ Варшаву, чтобы похлопотать о поступленіи въ только что открытое тогда юнкерское училище. Желаніе его исполнилось: въ Варшавѣ онъ встрѣтился съ товарищами по академіи, которые ему помогли, въ декабрѣ 1864 года, быть назначеннымъ взводнымъ офицеромъ въ училище и вмѣстѣ съ тѣмъ преподавателемъ исторіи и географіи.

Пржевальскій былъ прекрасный лекторъ: говорилъ громко, ясно и увлекалъ юнкеровъ цитированіемъ на память обширныхъ выдержекъ изъ самыхъ блестящихъ представителей науки. Система поблажки любимчиковъ у него совершенно отсутствовала. На всѣ докучливыя моленія о прибавкѣ балловъ онъ отвѣчалъ юнкерамъ: „не буду ли я вамъ, юноши, смѣшенъ и жалокъ послѣ такой уступки?... Вспомните прекрасныя слова: „я знаю одинъ народъ—человѣчество, одинъ законъ—справедливость“.

Настольными книгами Николая Михайловича были „Картины природы“ Гумбольдта, „Азія“ Риттера и другія. На пріобрѣтеніе научныхъ сочиненій по своей спеціальности онъ затрачивалъ почти всѣ свободныя деньги. Вставалъ онъ рано, ложился также не поздно, за исключеніемъ субботъ—вечеровъ, когда собирались у него товарищи, офицеры генеральнаго штаба, офицеры юнкерскаго училища, студенты естественнаго факультета, профессора. Возникавшіе вопросы и обмѣнъ мыслей по естественной исторіи оживляли Николая Михайловича; онъ всегда старался захватить иниціативу разговора и стать во главѣ бесѣдующихъ. Обнаруживая громадную начитанность, онъ въ то же время умѣлъ обобщать и подчеркивать характерныя особенности. Онъ увлекался и своею рѣчью увлекалъ другихъ. „Ваше письмо, писалъ ему одинъ изъ товарищей много лѣтъ спустя, какъ нѣкогда ваше присутствіе имѣетъ что-то такое, что будитъ душу, требуетъ оглядки. Вы были мнѣ близки, какъ человѣкъ, возлѣ котораго всегда глубже чувствовалось, шире думалось“.

Природа съ ея красотами манила къ себѣ Пржевальскаго по-

Библиотека "Руниверс"

стоянно, и мысль о путешествіи воскресала въ немъ съ прежней силой. Счастье улыбнулось ему: въ 1867 году онъ ѣдетъ въ Иркутскъ и получаетъ двухлѣтнюю служебную командировку въ Уссурійскій край; сверхъ того Сибирскій отдѣлъ географическаго общества поручаетъ ему описать флору и фауну и собрать зоологическую и ботаническую коллекцію.

Въ спутники себѣ Пржевальскій взялъ въ Иркутскѣ юношу Ягунова, ученика-топографа.

Итакъ, завѣтное желаніе Николая Михайловича исполнилось. Новая обстановка произвела на него сильное впечатлѣніе, и Сибирь его поразила: — „дикость, ширь, свобода безконечно мнѣ понравились“, говоритъ Николай Михайловичъ.

Особенный интересъ и наблюденіе Пржевальскаго, теперь уже путешественника, привлекли къ себѣ картины по Амуру, тамъ, гдѣ хвойные лѣса исчезаютъ, а являются лиственные самыхъ роскошныхъ размѣровъ; гдѣ къ европейскимъ породамъ: дубу, липѣ и клену, примѣшивается грецкій орѣхъ и пробковое дерево.

„Когда я, писалъ Николай Михайловичъ, въ первый разъ видѣлъ все это, то мнѣ живо представилась картина тропическаго лѣса: эти высокоствольныя деревья съ густыми вершинами напоминали собой пальмы, а вьющійся виноградникъ—ліаны тропическаго пояса. Какъ-то странно видѣть это смѣшеніе формъ сѣвера и юга, которыя сталкиваются здѣсь какъ въ растительномъ, такъ и въ животномъ царствѣ. Въ особенности поражаетъ видъ ели, обвитой виноградникомъ, или пробковое дерево и грецкій орѣхъ, растущіе рядомъ съ кедромъ и пихтой. Охотничья собака отыскиваетъ вамъ медвѣдя или соболя и тутъ же рядомъ можно встрѣтить тигра, не уступающаго въ величинѣ и силѣ обитателю джунгловъ Бенгаліи. И торжественное величіе здѣшней природы не нарушается присутствіемъ человѣка, развѣ изрѣдка пробредетъ звѣроловъ или раскинетъ свою юрту кочующій дикарь, но тѣмъ скорѣе дополнитъ, нежели нарушитъ, картину дикой дѣвственной природы....“

Чуть свѣтъ путешественники обыкновенно вставали, наскоро напившись чаю, отправлялись въ дальнѣйшій путь, а съ наступленіемъ вечера останавливались, просушивали собранныя растенія, препарировали птицъ и заносили въ дневникъ обо всемъ видѣнномъ въ теченіе дня.

Помимо экскурсій за птицами, Николай Михайловичъ охотился и за звѣрями и успѣшнѣе всего, изъ крупныхъ, за медвѣдями, при чемъ, однажды столкнулся съ такимъ гигантомъ, который своими размѣрами превосходилъ всѣхъ видѣнныхъ и добытыхъ кѣмъ-либо въ Восточной Сибири. „Будучи пробитъ первою пулею, пишетъ

Библиотека "Руниверс"

Пржевальскій, на разстояніи сорока шаговъ, въ грудь на вылетъ, и ободренный вѣроятно еще тѣмъ, что я былъ одинъ, этотъ медвѣдь съ ревомъ бросился на меня. По счастью въ штуцерѣ оставался заряженнымъ другой стволъ и, быстро вскинувъ къ плечу свое ружье, я рѣшился подпустить чудовище какъ можно ближе, такъ какъ здѣсь уже сталъ вопросъ: быть или не быть. Конечно, это было дѣло нѣсколькихъ мгновеній, но эти мгновенья не изгладятся изъ моей памяти цѣлую жизнь, и черезъ много лѣтъ все такъ же ясно, какъ въ ту минуту, я буду помнить эту оскаленную пасть, кроваваго цвѣта языкъ и громадные зубы... Когда медвѣдь приблизился на разстояніе четырехъ шаговъ, я спустилъ курокъ, и разъяренный звѣрь, съ простръленнымъ черепомъ, словно снопъ, рухнулся на землю...“

Послѣ сибирскихъ тундръ и озеръ, Николай Михайловичъ особенно восхищался величіемъ Японскаго моря. „Присядешь, бывало, говоритъ онъ, на вершинѣ утеса, заглядишься на синѣющую даль моря и сколько различныхъ мыслей зароится въ головѣ! Воображенію рисуются далекія страны, съ иными людьми и съ иною природою, тѣ страны, гдѣ царствуетъ вѣчная весна, и гдѣ волны того же самаго океана омываютъ берега, окаймленные пальмовыми лѣсами. Казалось, такъ бы и полетѣлъ туда стрѣлою, посмотрѣть на всѣ эти чудеса, на этотъ храмъ природы, полный жизни и гармоніи...

„Погрузите затѣмъ мысль въ туманную глубину прошедшихъ вѣковъ, и океанъ является передъ нею еще въ большемъ величіи. Вѣдь онъ существовалъ и тогда, когда ни одна растительная или животная форма не появлялась на нашей планетѣ, когда и самой суши еще было немного! На его глазахъ и, вѣроятно, въ его же нѣдрахъ, возникло первое органическое существо! Онъ питалъ его своею влагою, убаюкивалъ своими волнами! Онъ давнишній старожилъ земли; онъ лучше всякаго геолога знаетъ ея исторію, и развѣ только немногія горныя породы старѣе маститаго океана!...“

Въ январѣ 1870 года Н. М. Пржевальскій прибылъ въ Петербургъ, а въ мартѣ сдѣлалъ сообщеніе въ географическомъ обществѣ, охарактеризовавъ строеніе Уссурійскаго края и его климатъ, флору, фауну и, наконецъ, его инородческое населеніе.

Окончивъ затѣмъ описаніе „путешествія въ Уссурійскій край“, Николай Михайловичъ обратился въ совѣтъ географическаго общества съ просьбою исходатайствовать ему разрѣшеніе отправиться въ сѣверныя окраины Китая и преимущественно въ мало извѣстныя страны верхняго теченія Желтой рѣки въ земли ордосовъ и Куку-норъ.

Предложеніе Пржевальскаго было принято съ большимъ сочув-

Библиотека "Руниверс"

ствіемъ, и вице-предсѣдатель географическаго общества графъ Литке съ своимъ преемникомъ П. П. Семеновымъ помогли осуществленію экспедиціи.

„Въ началѣ ноября 1870 года, пишетъ Пржевальскій, прокативъ на почтовыхъ черезъ Сибирь, я и мой молодой спутникъ Михаилъ Александровичъ Пыльцовъ, прибыли въ Кяхту, откуда должно было начаться наше путешествіе по Монголіи и сопредѣльнымъ ей странамъ внутренней Азіи". Въ январѣ же 1871 года путешественники совершаютъ переходъ на верблюдахъ поперекъ монотонной монгольской пустыни. „Вообще Гоби, говоритъ Николай Михайловичъ, своимъ однообразіемъ производитъ на путешественника тяжелое, подавляющее впечатлѣніе. По цѣлымъ недѣлямъ сряду передъ глазами являются одни и тѣ же образы—то неоглядныя равнины, отливающіяся желтоватымъ цвѣтомъ высохшей травы, то черноватыя изборожденныя скалы, то пологіе холмы, на вершинѣ которыхъ иногда рисуется силуэтъ быстроногаго дзерена. Мѣрно шагаютъ тяжело навьюченные верблюды, идутъ десятки, сотни верстъ, но степь не измѣняетъ своего характера, а остается, по-прежнему, угрюмой и непривѣтливой"...

Познакомившись съ Пекиномъ, съ членами русскаго посольства, заручившись китайскимъ паспортомъ, Н. М. Пржевальскій стремится въ самые дикіе, неизслѣдованные уголки. „Возьмите карту, писалъ онъ одному изъ друзей, и тамъ, гдѣ на ней едва черкнуто штрихами возлѣ города Нинъ-ся, тамъ высится громадный Алашаньскій хребетъ". Въ этихъ горахъ Николай Михайловичъ проводитъ съ экспедиціей нѣсколько недѣль и какъ истый натуралистъ, цѣлыми днями охотится съ ружьемъ за плечами. „Взобравшись на высокую вершину, говоритъ Пржевальскій, съ которой открывается далекій горизонтъ на всѣ стороны, чувствуешь себя свободнѣе и по цѣлому часу любуешься панорамою, которая разстилается подъ ногами. Громадныя, отвѣсныя скалы, запирающія мрачныя ущелья или увѣнчивающія собою вершины горъ, также имѣютъ много прелести въ своей оригинальной дикости. Я часто останавливался въ такихъ мѣстахъ, садился на камень и прислушивался къ окружающей меня тишинѣ. Она не нарушалась здѣсь ни говоромъ людскихъ рѣчей, ни суматохою обыденной жизни. Лишь изрѣдка,—воркованье каменнаго голубя и пискливый крикъ клушицы... проползетъ по отвѣсной стѣнѣ краснокрылый стѣнолазъ, или, наконецъ, высоко изъ-подъ облаковъ, съ шумомъ спустится къ своему гнѣзду грифъ, а затѣмъ, по-прежнему, кругомъ все станетъ тихо и спокойно... А тамъ внизу, на востокѣ, узкою лентою блеститъ рѣка, и словно алмазы сверкаютъ многочисленныя озера; къ западу — широкою полосою

Библиотека "Руниверс"

уходятъ изъ глазъ сыпучіе пески пустыни, на желтомъ фонѣ которыхъ, подобно островамъ, пестрѣютъ зеленѣющіе оазисы глинистой почвы. Такая панорама очаровательна! Она доставляетъ истинное наслажденіе, миритъ со всѣмъ окружающимъ и увлекаетъ въ міръ поэтическій, чистый и безстрастный“ [1]).

Крайняя ограниченность матеріальныхъ средствъ экспедиціи и раіонный паспортъ китайскаго правительства вынуждали нашего путешественника возвратиться въ Пекинъ и потерять черезъ это немало времени.

„Съ глубокимъ сокрушеннымъ сердцемъ, говорилъ Николай Михайловичъ, я долженъ былъ на этотъ разъ повернуть назадъ въ Пекинъ. Тяжелое чувство скорби понятно лишь человѣку, подошедшему къ порогу своихъ стремленій и не имѣющему возможности переступить его... Пекинская жизнь—это точь-въ-точь—Николаевская на Амурѣ. Разница лишь та, что вмѣсто водки пьютъ шампанское, такъ какъ всѣ чиновники получаютъ огромное содержаніе. Я безъ отвращенія не могу вспомнить объ этомъ городѣ, въ которомъ и теперь привелось прожить цѣлый мѣсяцъ. Дай Богъ, чтобы это было въ послѣдній разъ во всей моей жизни“.

Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что Н. М. Пржевальскій, въ свое путешествіе въ Уссурійскомъ краѣ, при зимнихъ пребываніяхъ въ Николаевскѣ или Владивостокѣ, велъ большую игру въ карты, при томъ игралъ хорошо и счастливо, но товарищей никогда не допускалъ въ свою партію, а обыкновенно игралъ съ мѣстными купцами и морскими офицерами. Коммерческая игра, которая иногда устраивалась у Николая Михайловича на квартирѣ, весьма часто переходила въ азартную. Хозяинъ дома всегда понтировалъ и игралъ смѣло и ставилъ на карту по 200 и по 300 рублей. „Игралъ онъ, говоритъ М. П. Степановъ, чрезвычайно счастливо и почти не зналъ проигрыша; при выигрышѣ тысячи рублей всегда прекращалъ игру, и никогда не имѣлъ при себѣ болѣе пятисотъ рублей“. Деньги хранились у М. П. Степанова, которому было настрого запрещено выдавать ихъ во время игры, несмотря ни на какія просьбы; — запрещеніе строго исполнялось.

— Я играю, говорилъ Пржевальскій—для того, чтобы выиграть себѣ независимость, и дѣйствительно достигъ своей цѣли.

Впослѣдствіи, уѣзжая изъ Николаевска, онъ бросилъ свои карты въ Амуръ.

— Съ Амуромъ, сказалъ онъ при этомъ, прощайте и амурскія привычки.

Такимъ образомъ, выигранный капиталъ, около пятнадцати ты-

---

[1]) Монголія и страна тангутовъ, т. I, 120.

Библиотека "Руниверс"

сячъ рублей, какъ нельзя болѣе кстати пригодился на первое центрально-азіатское путешествіе. И на этотъ разъ Николай Михайловичъ позаимствовалъ изъ собственнаго фонда на снаряженіе новой экскурсіи въ восточный Нань-Шань и далѣе черезъ Куку-Норъ въ Тибетъ, такъ какъ казенныхъ трехъ-четырехъ тысячъ рублей, съ натяжкой полученныхъ въ Пекинѣ, хватило лишь на осуществленіе первоначальныхъ монгольскихъ плановъ экспедиціи. Личный составъ экспедиціи значительно измѣнился. Вмѣсто двухъ казаковъ, оказавшихся ненадежными и тосковавшими по родинѣ, были присланы изъ Урги два новыхъ, прекрасныхъ и усердныхъ—Чебаевъ и Иринчиновъ. Вскорѣ Николай Михайловичъ сблизился съ ними самою тѣсною дружбою и обходился какъ съ родными братьями, дѣлившими вмѣстѣ труды и опасности, горе и радости.

Прекраснымъ обновленнымъ караваномъ Пржевальскій, по оставленіи Пекина и Алашаня, вступилъ въ Гань-су. Богатая природа восточнаго Нань-Шаня дѣйствовала на душу впечатлительнаго путешественника самымъ благотворнымъ образомъ: въ общеніи съ природой онъ радовался какъ ребенокъ. Голубая окраска прозрачнаго неба, дикія скалы, дѣвственные лѣса Гань-су ласкали его взоръ постоянно, въ особенности при стоянкѣ въ окрестности горы Сади-Саруксумъ, считавшейся самою высшею точкою одного изъ Тэтунгскихъ хребтовъ, куда взобрался Николай Михайловичъ пѣшкомъ, и откуда открылась чудная панорама.

„Я первый разъ въ жизни, говоритъ онъ, находился на подобной высотѣ, впервые видѣлъ подъ своими ногами гигантскія горы, то изборожденныя дикими скалами, то оттѣненныя мягкою зеленью лѣсовъ, по которымъ блестящими лентами извивались горные ручьи. Сила впечатлѣнія была такъ велика, что я долго не могъ оторваться отъ чуднаго зрѣлища, долго стоялъ, словно очарованный, и сохранилъ въ памяти этотъ день, какъ одинъ изъ счастливѣйшихъ въ цѣлой жизни...

„Но, торопясь сборами въ палаткѣ, я позабылъ взять съ собою зажигательныхъ спичекъ и никакъ не могъ добыть огня выстрѣлами изъ штуцера, такъ что долженъ былъ отложить свое измѣреніе до другого раза. Черезъ день я опять взошелъ на Сади-Саруксумъ, на этотъ разъ уже со всѣми принадлежностями кипѣнія. „Ну, гора, сейчасъ твоя тайна будетъ открыта“, сказалъ я, устроивъ свой кипятильникъ—и черезъ нѣсколько минутъ зналъ, что Сади-Саруксумъ вздымается на 13.600 футовъ надъ уровнемъ моря. Однако, такая высота еще не захватываетъ здѣсь снѣговой линіи, и я видѣлъ маленькіе кусочки льдистаго снѣга лишь подъ скалами, въ мѣстахъ, укрытыхъ отъ солнечныхъ лучей“.

Библиотека "Руниверс"

Между тѣмъ провинція Гань-су, въ которой находились путешественники, была объята мятежнымъ движеніемъ дунганъ. Разбойничьи партіи бродили по всей странѣ, несмотря на то, что большая часть городовъ была занята китайскими войсками. Слѣды дунганскаго истребленія встрѣчались на каждомъ шагу. Деревни, попадавшіяся очень часто, всѣ были разорены, вездѣ валялись человѣческіе скелеты и нигдѣ не было видно ни одной живой души.

Смѣлость Пржевальскаго и полное игнорированіе имъ разбойниковъ скоро расположили къ нему мѣстныхъ обитателей, въ особенности же проходящій въ тихомолку монгольскій караванъ, съ которымъ Николаю Михайловичу удалось направиться въ желаемомъ направленіи—къ Тибету... „Мы шли, говоритъ Н. М. Пржевальскій, тою самою тибетскою дорогою, по которой въ теченіе одиннадцати лѣтъ не осмѣлился пройти ни одинъ караванъ богомольцевъ, собирающихся обыкновенно сотнями для подобнаго путешествія. Насъ четырехъ разбойники боялись больше, чѣмъ всѣхъ китайскихъ войскъ въ совокупности и избѣгали встрѣчи. Во время стоянки у Чойбзэна все было покойно, но лишь только мы откочевали въ горы, какъ опять появились дунгане, и разбои начались по-прежнему“.

Вскорѣ затѣмъ одна изъ завѣтныхъ цѣлей экспедиціи была достигнута! То, о чемъ недавно еще мечталось, теперь превратилось уже въ осуществленный фактъ! Правда, такой успѣхъ былъ добытъ цѣною многихъ испытаній, но тѣмъ обаятельнѣе чувствовался восторгъ у нашихъ путешественниковъ, передъ счастливыми взорами которыхъ открывался величественный бассейнъ Куку-нора, ласкавшій слухъ гуломъ темно-голубыхъ волнъ...

По мѣрѣ того какъ экспедиція подвигалась вглубь Центральной Азіи, стоустная молва опережала ее съ разсказами о необыкновенныхъ людяхъ. Туземцы говорили, что это полу-боги, не боящіеся разбойниковъ дунганъ, что они заговорены отъ пуль, вооружены небывалыми ружьями и, въ случаѣ нападенія, по повелѣнію главнаго, является тысяча невидимыхъ людей и сражаются за него. Вѣра въ Пржевальскаго была огромная. Отъ желающихъ предсказаній не было отбоя. Къ Николаю Михайловичу приходили узнавать не только о судьбѣ дальнѣйшей жизни, но также о пропавшей скотинѣ, потерянной трубкѣ и т. п.; одинъ тангутскій князекъ серьезно добивался узнать средство, черезъ которое можно заставить его безплодную жену имѣть хоть нѣсколько дѣтей...

За Цайдамомъ, путешественники поднялись на тибетское нагорье, гдѣ ихъ вскорѣ застигли суровые морозы. „Глубокая зима, пишетъ Николай Михайловичъ, съ сильными морозами и бурями, полное лишеніе всего, даже самаго необходимаго, наконецъ, различныя

Библиотека "Руниверс"

другія трудности—все это день въ день изнуряло наши силы. Жизнь наша была, въ полномъ смыслѣ, борьба за существованіе, и только сознаніе научной важности предпринятаго дѣла давало намъ энергію и силы для успѣшнаго выполненія своей задачи".

Въ трескучіе морозы и леденящіе вѣтры сидѣть на лошади бывало невозможно, а идти пѣшкомъ, да еще съ оружіемъ, очень трудно при томъ разрѣженномъ воздухѣ, который былъ въ нагорьѣ: „малѣйшій подъемъ кажется очень труднымъ, чувствуется одышка, сердце бьется очень сильно, руки и ноги трясутся, по временамъ начинается головокруженіе и рвота". Къ этому надо прибавить, что путешественники не мылись и не перемѣняли бѣлье: одну и ту же рубашку они носили дней по двадцати-тридцати и болѣе, потому что вымыть ее было и негдѣ, и некому. Предшествовавшее странствованіе совершенно уничтожило одежду—она была покрыта заплатами, а къ изношеннымъ голенищамъ сапогъ подшивали куски шкуръ разныхъ животныхъ, и въ такихъ ботинкахъ щеголяли наши путешественники въ самые сильные морозы.

Весною, 1873 года, экспедиція отправилась черезъ Цайдамъ обратно въ Гань-су. Часть лѣта путешественники провели въ знакомомъ хребтѣ Алашаньскомъ, гдѣ въ одно прекрасное время чуть не лишились всѣхъ своихъ научныхъ сокровищъ отъ неожиданнаго горнаго потока. „Глухой шумъ, говоритъ Николай Михайловичъ, еще издали возвѣстилъ намъ приближеніе этого потока, масса котораго увеличивалась съ каждою минутою. Мигомъ глубокое дно нашего ущелья было полно воды, мутной, какъ кофе, и стремившейся по крутому скату съ невообразимою быстротою. Огромные камни и цѣлыя груды меньшихъ обломковъ неслись потокомъ, который съ такою силою билъ въ боковыя скалы, что земля дрожала, какъ бы отъ вулканическихъ ударовъ. Среди страшнаго рева воды слышно было, какъ сталкивались между собою и ударялись въ боковыя ограды огромныя каменныя глыбы. Изъ менѣе твердыхъ береговъ и съ верхнихъ частей ущелья вода тащила цѣлыя тучи мелкихъ камней и громадными массами бросала ихъ то на одну, то на другую сторону своего ложа. Лѣсъ, росшій по ущелью, исчезъ—всѣ деревья были вырваны съ корнемъ, переломаны и перетерты на мелкіе кусочки... Еще минута, еще лишній футъ прибылой воды—наши коллекціи, труды всей экспедиціи погибли бы безвозвратно... Спасти ихъ нечего было и думать при такомъ быстромъ появленіи воды; впору было только самимъ убраться на ближайшія скалы. Бѣда была такъ неожиданна, такъ близка и такъ велика, что на меня нашелъ какой-то столбнякъ: я не хотѣлъ вѣрить своимъ глазамъ и, будучи лицомъ къ лицу съ страшнымъ несча-

Библиотека "Руниверс"

стіемъ, еще сомнѣвался въ его дѣйствительной возможности... Но счастіе и теперь выручило насъ. Впереди нашей палатки находился небольшой обрывъ, на который волны начали бросать камни и вскорѣ нанесли ихъ такую груду, что она удержала дальнѣйшій напоръ воды. И мы были спасены".

Теперь оставался послѣдній періодъ путешествія. Истомленные физически, наши путешественники дѣлали усиленные переходы по пустынѣ Гоби, въ пескахъ которой чуть не погибли отъ зноя и безводія...

Особенно памятно было въ этомъ отношеніи 19-е іюня. Выступивъ отъ озера Далай-дабасу, путешественники направились по дорогѣ къ хребту Ханъ-ула. По словамъ проводниковъ, предстоялъ переходъ верстъ въ 25, на протяженіи которыхъ были два колодца въ разстояніи восьми верстъ другъ отъ друга. Первый колодецъ былъ дѣйствительно найденъ въ указанномъ мѣстѣ, и путешественники, напившись сами и напоивъ животныхъ, двинулись далѣе въ полной увѣренности встрѣтить скоро и второй колодецъ. Увѣренность была такъ велика, что одинъ изъ казаковъ предложилъ вылить изъ ведеръ запасную воду, чтобы не возить ее даромъ, но Николай Михайловичъ запретилъ это дѣлать, словно предчувствуя, что она будетъ спасеніемъ въ пустынѣ.

Не было еще семи часовъ утра, а жара становилась невыносимою. Прошли болѣе десяти верстъ, а колодца не встрѣтили. Монголъ объявилъ, что по всей вѣроятности путешественники приняли нѣсколько въ сторону и сбились съ пути, онъ отправился на песочный холмъ посмотрѣть на окружающую мѣстность и минутъ черезъ двадцать сталъ звать къ себѣ. Караванъ повернулъ по указанному направленію и узналъ отъ проводника, что до колодца не болѣе пяти верстъ и надо идти напрямикъ. Прошли гораздо болѣе пяти верстъ, а колодца нѣтъ. Почва накалилась страшно, сухость воздуха была невообразимая. Запасъ воды истощился и оставалось на всѣхъ не болѣе полуведра.

— Далеко ли до воды? спрашивали проводника.

— Очень близко, отвѣчалъ онъ, за горкою.

Прошли верстъ десять, а воды нѣтъ. Видя безвыходность положенія, Пржевальскій отправилъ впередъ Пыльцова и монгола, чтобы они взяли воды изъ колодца и ѣхали имъ навстрѣчу. Проѣхавъ около пяти верстъ, Пыльцовъ все-таки не нашелъ колодца и вернулся назадъ. Замѣтивъ возвращеніе посланныхъ, Николай Михайловичъ думалъ, что вода найдена, но, къ сожалѣнію, узналъ, что до колодца еще далеко.

„Въ первое мгновеніе, записалъ онъ въ своемъ дневникѣ, я хотѣлъ застрѣлить проводника, такъ какъ онъ былъ главною при-

Библиотека "Руниверс"

чиною всѣхъ нашихъ бѣдъ, но потомъ раздумалъ, что этимъ дѣло не поправится, а еще ухудшится, такъ какъ безъ него мы навѣрное не найдемъ колодца—и отколотилъ его (монгола) изо-всей силы... Положеженіе наше было дѣйствительно страшное: воды оставалось въ это время не болѣе нѣсколькихъ стакановъ. Мы брали въ ротъ по одному глотку, чтобы хотя немного промочить совсѣмъ почти засохшій языкъ. Все тѣло наше горѣло, какъ въ огнѣ, голова кружилась чуть не до обморока. Еще часъ такого положенія, и мы бы погибли. Я ухватился за послѣднее средство: приказалъ одному казаку, взявъ кастрюлю и чайникъ, вмѣстѣ съ монголомъ скакать во весь опоръ къ колодцу за водою. Если же тамъ воды не окажется, или проводникъ вздумаетъ бѣжать, то я велѣлъ казаку убить его. Скоро въ пыли скрылись изъ глазъ посланные за водою, и мы брели по ихъ слѣду шагъ за шагомъ, въ томительномъ ожиданіи рѣшенія нашей участи. Наконецъ, минутъ черезъ двадцать показался казакъ, скачущій назадъ во весь опоръ, но что онъ везъ намъ? вѣсть ли о спасеніи, или о гибели? Пришпоривъ своихъ лошадей, которыя едва уже могли двигаться, мы поѣхали къ нему навстрѣчу, и съ радостью, доступною только человѣку, бывшему на волосъ отъ смерти и теперь спасенному, услыхали, что колодецъ дѣйствительно есть и получили свѣжей воды. Напившись и помочивъ немного голову, мы поѣхали въ указанномъ направленіи и скоро достигли колодца. Дѣло это было уже въ два часа пополудни, такъ что по страшной жарѣ мы шли девять часовъ сряду и сдѣлали 34 версты".

Наученные горькимъ опытомъ и желая избѣгнуть жары, путешественники вставали очень рано, до разсвѣта, но вьюченіе верблюдовъ отнимало много времени и выходить приходилось все-таки съ восходомъ солнца. Урга словно земля обѣтованная манила къ себѣ сильнѣе и сильнѣе. Отсчитывались не только дни, но и часы, когда наступитъ конецъ путешествію.

„Жаль только, пишетъ Пржевальскій, что скоро идти нельзя: устали мы сильно, да при томъ, несмотря на конецъ августа, еще стояли день въ день жары. Нужно видѣть, въ какомъ теперь видѣ наше одѣяніе. Сапогъ нѣтъ, а вмѣсто ихъ разорванные унты; сюртукъ и штаны всѣ въ дырахъ и заплатахъ, фуражки походятъ на старую выброшенную тряпку, рубашки всѣ поизорвались: осталось всего три полугнилыхъ, изъ которыхъ каждая не выноситъ болѣе недѣли. Каждый день мы отрываемъ отъ своихъ рубашекъ по отвалившемуся куску и носимъ ихъ (рубашки) донельзя, часто даже безъ рукавовъ".

Въ такомъ видѣ и съ огромными лишеніями караванъ достигъ своего рода обѣтованной земли—долины рѣки Толы, громко и

Библиотека "Руниверс"

пріятно струившей свои прозрачныя воды по галечному руслу. Монотонная тишина пустыни смѣнилась кипучей жизнью крупнаго молитвеннаго буддійскаго центра. Всюду сновали пѣшія и конныя компаніи пестро-одѣтыхъ монголовъ или китайцевъ. День пятаго сентября (1873 года) былъ однимъ изъ счастливѣйшихъ дней путешественниковъ,—они попали въ родную среду, въ родное, русское консульство.

„Не берусь описать, говоритъ Николай Михайловичъ, впечатлѣніе той минуты, когда мы впервые услышали родную рѣчь, увидѣли родныя лица и попали въ европейскую обстановку. Намъ, совершенно уже отвыкшимъ отъ европейской жизни, сначала все казалось страннымъ, начиная отъ вилки и тарелки, до мебели, зеркалъ и проч. Но уже на другой день намъ казалось, что мы какъ будто недѣлю жили среди всего этого. Прошедшая экспедиція и всѣ ея невзгоды казались теперь какимъ-то страшнымъ сномъ. Сумма новыхъ впечатлѣній была такъ велика и такъ сильно дѣйствовала на насъ, что мы въ этотъ день очень мало ѣли и почти не спали цѣлую ночь. Помывшись на другой день въ банѣ, въ которой не были почти два года, мы до того ослабѣли, что едва держались на ногахъ. Только дня черезъ два мы начали приходить въ себя и ѣсть съ волчьимъ аппетитомъ“.

„Путешествіе наше кончилось! Его успѣхъ превзошелъ даже тѣ надежды, которыя мы имѣли, переступая въ первый разъ границу Монголіи... Будучи нищими, относительно матеріальныхъ средствъ, мы только рядомъ постоянныхъ удачъ обезпечивали успѣхъ своего дѣла. Много разъ оно висѣло на волоскѣ, но счастливая судьба выручала насъ и дала возможность совершить посильное изслѣдованіе наименѣе извѣстныхъ и наиболѣе недоступныхъ странъ Внутренней Азіи“.

Дѣйствительно, результаты, добытые экспедиціею, были громадны. Въ теченіе почти трехъ лѣтъ она прошла 11.100 верстъ, при чемъ 5.300 верстъ были сняты глазомѣрно *буссолью*. Эта съемка доставила матеріалы для карты, которая обнимаетъ обширное неизслѣдованное пространство въ центральной Азіи до верховьевъ Голубой рѣки и даетъ впервые ясное понятіе о гидрографической системѣ Кукунорской области. Изслѣдованія Пржевальскаго указали, на основаніи положительныхъ данныхъ, на тѣ размѣры, до которыхъ достигаютъ высоты тибетскаго нагорья надъ уровнемъ моря. Независимо отъ этого, неутомимымъ путешественникомъ было сдѣлано въ девяти пунктахъ опредѣленіе магнитнаго склоненія и въ семи—горизонтальнаго напряженія земного магнетизма. Ежедневно, четыре раза производились метеорологическія наблюденія, наблюдалась температура почвы и воды, измѣрялись сухость воздуха и абсолютныя высоты

Библиотека "Руниверс"

мѣстности; производились изысканія этнографическія. Естественныя коллекціи поражали своимъ богатствомъ и разнообразіемъ образцовъ.

И вся экспедиція за три года обошлась отъ 13 до 19 тысячъ рублей, слѣдовательно приходилось только по пяти тысячъ рублей на годъ звонкою монетою. „Это такъ мало, писалъ Пржевальскій, одному изъ друзей, что я удивляюсь, какъ еще могли мы пройти такъ далеко, съ такими ничтожными средствами. Если бы это было дешево и легко, то почему же до сихъ поръ ни одинъ ученый путешественникъ не былъ въ странахъ, нами изслѣдованныхъ? Конечно, мнѣ нечего хвастаться передъ вами своими подвигами, но я скажу откровенно, что наше путешествіе достигло такихъ результатовъ, какихъ я самъ не ожидалъ".

При этомъ необходимо пояснить, что Пржевальскій ходилъ по странѣ, охваченной возстаніемъ, только съ четырьмя спутниками, что они жили среди разбойниковъ и подвергали ежеминутно жизнь свою опасности; что они смѣло проникли туда, куда не рѣшался проникнуть ни одинъ изъ европейскихъ путешественниковъ, искрестившихъ почти всѣ провинціи Китая со времени Тянь-цзинскихъ трактатовъ 1858 года, впервые открывшихъ эту страну любознательности путешественниковъ. Въ 1864 году геологъ путешественникъ Помпелли задумалъ смѣлую поѣздку изъ Пекина въ самый центръ Азіи, но, не достигнувъ до Желтой рѣки, отказался отъ своего намѣренія, опасаясь подвергнуть жизнь свою опасности. Баронъ Рихтгофенъ, посвятившій много лѣтъ на изученіе Китая, пытался проникнуть въ провинцію Гань-су, но опасаясь возстанія отказался отъ посѣщенія страны, лежащей на западъ отъ Желтой рѣки. „Одинъ Пржевальскій, говоритъ Н. Ѳ. Дубровинъ, отважно и настойчиво шелъ туда, куда вела его наука и слава Россіи".

Столица нетерпѣливо ждала путешественника и встрѣтила его съ его достойнымъ сотрудникомъ, съ распростертыми объятіями... Пржевальскій былъ героемъ дня и создалъ вокругъ себя повышенную географическую атмосферу. Имя Пржевальскаго, словно сказочнаго героя, проникало во всѣ уголки.

Познакомивъ общество съ результатами путешествія и обезпечивъ изданіе своей книги, Пржевальскій, весною, уѣхалъ изъ Петербурга въ свое имѣніе Отрадное. Тамъ онъ ходилъ на охоту и восхищался деревенскою обстановкою. „Природа становится великолѣпно хороша, писалъ онъ одному своему пріятелю, лѣсъ распустился, все начинаетъ цвѣсти; соловьевъ поетъ множество, словомъ, я опять въ любимой обстановкѣ, которая сразу благодѣтельно подѣйствовала на мое здоровье. Петербургскіе кашли и головныя боли сняты какъ рукою"... П. Козловъ.

Библиотека "Руниверс"

Одиннадцать лѣтъ въ театрѣ.

(Изъ воспоминаній артистической жизни Ирины Ивановны Онноре, бывшей пѣвицы Императорскаго Московскаго театра, нынѣ профессора пѣнія въ Петербургѣ).

Русская опера.

Прежде чѣмъ приступить къ описанію скорбнаго пути, по которому пришлось пройти въ продолженіе почти всего времени моего служенія на Императорской московской сценѣ, въ русской оперѣ, прослуживъ предварительно четыре года, на той же сценѣ въ итальянской, тогда еще Императорской оперѣ, — хочу, прежде чѣмъ коснуться этихъ весьма тяжелыхъ воспоминаній, обратиться къ молодымъ современнымъ пѣвцамъ, служащимъ теперь на Императорскихъ сценахъ. Можетъ быть, нѣкоторымъ изъ нихъ придется прочесть эти записки, а потому, пожелавъ имъ отъ души полнаго успѣха, предлагаю вспомнить имя Императора Александра III съ благоговѣніемъ и живѣйшей благодарностью. Ему, только ему, обязаны русскіе артисты тѣмъ блестящимъ положеніемъ, которое они занимаютъ теперь. Онъ, возвысивъ русскихъ пѣвцовъ, возвысилъ русское искусство. До него русскій пѣвецъ, по закону, не могъ получать болѣе 1.140 р. жалованія въ годъ и долженъ былъ пѣть 22 года на казенной сценѣ, чтобы получать, въ размѣрѣ этого жалованія, пожизненную пенсію!—спрашивается: много ли пѣвцовъ выдерживало столь долгій срокъ. Русскіе артисты пѣли за границей. Современникъ знаменитаго тенора Рубини, признанный этимъ по-

Библиотека "Руниверс"

слѣднимъ своимъ соперникомъ, не менѣе знаменитый теноръ Ивановъ, пожелавъ вернуться на родину, предложилъ дирекціи свои услуги. Даже для этого русскаго „Орфея“ не согласились сдѣлать исключенія: ему было предложено жалованіе „des indigènes“ тѣ же 1.140 р. Тогда Ивановъ принялъ итальянское подданство, пѣлъ очень долго въ Италіи всегда съ громаднымъ успѣхомъ и оставилъ послѣ себя большое состояніе и блестящее имя. Императоръ Александръ III сразу все это измѣнилъ; приказалъ уничтожить Императорскую итальянскую оперу, осталась такимъ образомъ Императорскою только одна русская. Обаяніе итальянцевъ умалилось, ихъ опера продолжала существовать какъ частное предпріятіе. Импрессаріи, не получая казенной матеріальной поддержки, не могли приглашать болѣе 2—3 первоклассныхъ пѣвцовъ, остальные были посредственности; сборы были часто плохіе, и антрепренеры одинъ за другимъ прогорали.

Было приказано приглашать русскихъ артистовъ на такіе же оклады, какъ приглашались иностранные. Первый, которому пришлось пользоваться новыми вѣяніями, былъ Н. Н. Фигнеръ. Должно отдать ему полную справедливость, признавая его достойнымъ этого счастья. Хотя принято говорить, что его вокальныя средства были не велики—это несправедливо. Онъ имѣлъ громадный талантъ; соединялъ въ себѣ все, что дѣлаетъ большого артиста. Въ нѣкоторыхъ роляхъ въ „Отелло“ Верди, напримѣръ, въ „Африканкѣ“, ничего лучшаго желать было невозможно. Всякое движеніе было преисполнено изящества, всякій оттѣнокъ чувства передавался имъ съ необыкновенной прелестью. Въ аріи „Дубровскаго“ онъ стоялъ почти неподвижно, съ удивительнымъ спокойствіемъ и производилъ громадное впечатлѣніе именно своимъ пѣніемъ.

Въ „Африканкѣ“, когда въ волшебныхъ чертогахъ „Зелики“ его окружали танцовщицы, сколько было мѣры и изящества въ его обращеніи съ ними. Въ „Отелло“ при первомъ порывѣ ревности и отчаянія, сидя почти въ глубинѣ сцены, откинувшись на спинку стула, онъ дѣлалъ движенія головой, которыя выражали всю скорбь, всю боль его истерзанной души.

Словомъ, онъ былъ неподражаемъ и остался, до сихъ поръ, первымъ лучшимъ драматическимъ русскимъ пѣвцомъ и артистомъ.

И такъ, въ Москвѣ итальянская опера закрылась, къ неописанному огорченію всего высшаго общества. Въ эти четыре года оно привыкло проводить вечера въ театрѣ; было чѣмъ развлекаться; слушать музыку, увлекаться любимыми артистами, показывать свои туалеты; все это исчезло—уныніе было полное. Русская же опера продолжала функціонировать въ томъ же разношерстномъ составѣ

Библиотека "Руниверс"

чеховъ, евреевъ, нѣмцевъ; русскихъ пѣвцовъ почти не было; и это въ первопрестольной, бѣлокаменной Москвѣ. Общество эту оперу не посѣщало.

Въ Петербургѣ итальянская опера оставалась долго еще на прежнихъ правахъ со своимъ титулованнымъ директоромъ. Однако, закрывшаяся опера въ Москвѣ легла бѣльмомъ на эту дирекцію. Какъ же такъ? Въ Москвѣ была превосходная итальянская опера, съ первоклассными артистами на первыя и очень хорошими на вторыя роли, и она стоила въ 10 разъ меньше Петербургской. Тогда стало замѣтно, что вновь приглашаемымъ артистамъ предлагали окладъ гораздо скромнѣе прежнихъ, блескъ прежній сталъ тускнѣть и, когда прислали въ Москву 3 лучшихъ пѣвцовъ, для исполненія „Стабатъ-Матеръ“ Россини, примадонна, г-жа Перелли, оказалась просто-таки плохой.

Долго не назначали управляющаго Московской театральной конторой. Графъ Боргъ, страшно недовольный отставкой своего избранника г. Л., ожидалъ новаго назначенія съ предвзятой мыслью, преслѣдовать безпощадно, кого бы ни назначили. Козломъ отпущенія явился г. Неклюдовъ; человѣкъ воспитанный, корректный, но неимѣющій даже отдаленнаго представленія о трудномъ, сложномъ дѣлѣ театра. Музыки онъ тоже не зналъ; полагаю, что и какъ администраторъ онъ пользы принести не могъ, развѣ только въ томъ, что не злоупотреблялъ ввѣреннымъ ему дѣломъ, для своихъ личныхъ выгодъ. Значеніе, власть его, свелись на нѣтъ; было сдѣлано распоряженіе, что при расходѣ, превышающемъ 100 р., Московская дирекція обязана была сноситься съ Петербургской конторой. Впрочемъ, что бы г. Неклюдовъ ни предлагалъ, о чемъ бы ни ходатайствовалъ, на все получался рѣзкій отказъ.

Трудно было бы описать то удрученное, состояніе въ которомъ я находилась по возвращеніи изъ Лондона въ Москву. Безъ любимаго дѣла, на которое было положено столько времени и труда и возложено столько надеждъ, мнѣ не предвидѣлось даже возможности принять приглашеніе, если бы таковое и представилось, а поступать въ настоящую русскую оперу, перемѣнить карьеру итальянской пѣвицы на русскую, никогда въ мои планы не входило. Въ это время занятія по преподаванію оказали на меня благотворное вліяніе. Самыя лучшія ученицы мои въ Москвѣ относятся къ этой эпохѣ; княжна Н. А. Мещерская, по мужу де-Витте, Е. В. Васильчикова, В. А. Арапова, гг. Савельева, Лагорію и др. были блестящими пѣвицами. Въ концѣ этого года (1866) былъ направленъ въ Москву, отпѣвшій въ Петербургѣ теноръ Сѣтовъ. Въ свое время

Библиотека "Руниверс"

онъ имѣлъ небольшой симпатичный голосъ и обладалъ необыкновенно красивой наружностью.

Онъ былъ женатъ на знаменитой наѣздницѣ Пальмирѣ, сестрѣ жены Николини, 2-го мужа Патти. Пальмира имѣла въ Лондонѣ и Петербургѣ колоссальный успѣхъ;—надо полагать, что ея вліяніе не мало помогало молодому пѣвцу такъ долго удержаться на сценѣ, даже послѣ потери голоса. Дирекція его послала въ Москву, въ качествѣ главнаго режиссера; ему было поручено сформировать труппу. Въ Петербургѣ его смѣнилъ Комиссаржевскій. Сѣтовъ былъ человѣкъ большого ума; имѣлъ необыкновенный сценическій талантъ; самъ игралъ превосходно, а потому мало кто могъ указать начинающимъ артистамъ, какъ понять и передать роль, какъ загримироваться, какой выбрать костюмъ, какъ ходить и поворачиваться на сценѣ. Конечно, въ любомъ театрѣ онъ могъ быть профессоромъ своего искусства. Помню общій восторгъ, который онъ вызвалъ, показывая, довольно таки неповоротливому басу Демидову, какъ симулировать страхъ Фарлафа передъ свиданіемъ съ Наиной, а его гримъ въ роли Мазепы представлялъ великолѣпнѣйшую картину. При выходѣ на сцену въ роли Мазепы, онъ вызвалъ взрывъ апплодисментовъ.

Имѣя всѣ эти данныя, онъ могъ бы быть неоцѣненнымъ пріобрѣтеніемъ для молодого театра. Но у него былъ невозможный характеръ. Перессорить артистовъ было для него первымъ удовольствіемъ, и это безъ всякой серьезной цѣли,—такъ изъ любви къ интригѣ и конечно при случаѣ, всегда, готовъ былъ заварить и серьезную кашу. Въ Петербургѣ это отлично знали и послать его въ Москву было предлогомъ избавиться отъ него въ Петербургѣ.

До его появленія, главнымъ режиссеромъ былъ Савицкій, который такимъ образомъ очутился помощникомъ Сѣтова, такъ что этотъ послѣдній нашелъ въ Москвѣ въ лицѣ Савицкаго заклятаго врага. Сѣтову было дано право выступать въ теноровыхъ партіяхъ, по своему усмотрѣнію, когда это будетъ ему удобно, и вотъ когда разъ ему вздумалось выступить, не помню въ какой роли, передъ московской публикой, зрители, занимая мѣста въ театрѣ, находили печатанное объявленіе слѣдующаго содержанія:

„Г. Сѣтовъ потерялъ голосъ, предлагаетъ 25 р. вознагражденія тому, кто его возвратитъ“. Не трудно было догадаться, кто былъ авторомъ этой афиши. Въ ноябрѣ прислали изъ Петербурга пѣвицу, ея превосходительство Александру Доримедонтовну Кочетову, бывшую, нѣкоторое время, пѣвицей при Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ. Она тогда уже была не молода, но имѣла несомнѣнныя заслуги какъ пѣвица. Превосходная музыкантша, она довела свое

Библиотека "Руниверс"

пѣніе до совершенства; необыкновенная чистота интонаціи, точность, ритмъ, увѣренность дѣлали изъ нея отличную партнершу въ ансамбляхъ, Кромѣ того она обладала величественной красотой. Всѣ эти данныя могли бы сдѣлать изъ нея первоклассную пѣвицу, ежели бы этому не мѣшали ея крупные недостатки. Голосъ ея не звучалъ, сухой тембръ, какъ бы выбивающійся—изъ-подъ покрывала, ни нравиться, ни увлекать не могъ. Въ роляхъ, гдѣ не требовалась игра, она была хороша, но въ драматическихъ моментахъ нельзя было разобрать, что она произносила; дикція была не ясная. Лучшія ея роли были Антонида и Людмила. Въ анданте аріи Антониды, она производила чарующее впечатлѣніе, которое уничтожалось аллегро, исполняемымъ безъ звука, энергіи и силы.

Послѣ ея дебюта явился лирическій теноръ Раппопортъ; небольшой, пріятнаго тембра голосъ и его необыкновенная добросовѣстность дѣлали его желаннымъ пріобрѣтеніемъ. Главная его роль, Финъ въ „Русланѣ“, исполнялась имъ въ совершенствѣ; лучшаго исполненія этой партіи я не встрѣчала.

Было два баса: Демидовъ и Радонежскій, оба имѣли прекрасные голоса.—Не доставало драматическаго тенора. Контральтовыя партіи исполнялись госпожою Ректъ, которая не могла никакъ усвоить себѣ, что нѣмецкое „b“, въ русскомъ алфавитѣ означаетъ „в“, это обстоятельство способствовало дружнымъ взрывамъ смѣха въ публикѣ; а голосъ ея былъ хорошій.

Въ концѣ ноября 1866 г., когда я начинала свыкаться съ своимъ положеніемъ и перестала, что называется, у моря ждать погоды, рѣшительно ничего не зная изъ вышеописанныхъ событій въ театрѣ—явился ко мнѣ, по порученію дирекціи, г. Сѣтовъ, съ предложеніемъ дебютировать въ текущемъ сезонѣ, въ роли Вани въ оп.: „Жизнь за Царя“. У меня русскаго репертуара не было, и я никогда не думала перемѣнять карьеру итальянской пѣвицы на русскую.

Предложеніе это мнѣ показалось непріемлемымъ. Предполагалось въ этомъ же сезонѣ дать Русалку, Руслана, Мазепу, на что потребовалось бы много труда и времени. Сѣтовъ началъ уговаривать, предсказывалъ огромный успѣхъ, выгодныя условія, долгосрочный контрактъ; былъ краснорѣчивъ и увлекателенъ, склонилъ меня на то, чтобы я согласилась ознакомиться съ партіей Вани и, въ скорѣйшемъ времени, дать ему окончательный отвѣтъ.

Для ознакомленія съ партіей, потребовалось нѣсколько дней, по истеченіи которыхъ я убѣдилась, что партія для меня слишкомъ низка, тѣмъ болѣе, что въ итальянской оперѣ партіи моего репертуара были чисто меццо-сопрановыя; такія роли, какъ Фидесъ въ „Пророкѣ“, Азучена въ „Трубадурѣ“, Фаворитка, развили мой верх-

Библиотека "Руниверс"

ній регистръ и сдѣлали мой репертуаръ и мой голосъ гораздо выше, чѣмъ требовалось для очень низкой партіи Вани. По-моему въ дуэтѣ съ басомъ „ты меня на Руси“ голосъ не достаточно звучалъ, а потому очень любезнымъ письмомъ къ г. Сѣтову, я сообщила, что при всемъ желаніи поступить на русскую сцену, я не чувствую себя способной преодолѣть тѣ затрудненія, которыя встрѣтила въ данной партіи, а потому я должна себя лишить чести поступленія въ русскую оперу, т. к. на полный успѣхъ разсчитывать не могу. На всѣхъ парусахъ пріѣхали ко мнѣ, по прочтеніи моего отказа, г.г. Неклюдовъ, Бечичевъ, Пельтъ и Сѣтовъ просить меня принять предложеніе петербургской и московской дирекцій, хотя бы попробовать спѣть партію на репетиціи:—этому противиться я не могла созвали репетицію въ фойэ, были приглашены всѣ оперные артисты; конечно, явилось все начальство и къ моему большому удовольствію, много артистовъ Малаго театра, пожелавшихъ присутствовать на испытаніи.

Репетиція эта, или скорѣе проба, была сплошной овацією; хорошо, худо, все сходило, и я до сихъ поръ съ увѣренностью не могу сказать; пѣла ли я въ самомъ дѣлѣ такъ хорошо, или былъ это подстроенный успѣхъ, чтобы получить мое согласіе на дебютъ.— 4 января 1866 года я дебютировала въ роли Вани. Описать подробно этотъ спектакль я не берусь; пусть тѣ немногіе, которые помнятъ, скажутъ чѣмъ были мои дебюты для русской оперы и для московской сцены.

Театръ былъ буквально переполненъ; тогда допускалось неограниченное число лицъ въ ложи; сколько бы ни входило человѣкъ, пускали всѣхъ. Помню, какъ сейчасъ, ту сплошную стѣну головъ, съ ихъ черными, бѣлокурыми, рыжими шевелюрами, выкрикивающихъ, что есть силы, мою звучную, благодаря тремъ гласнымъ буквамъ, фамилію. Вызывамъ не было конца. Растроганный г. Неклюдовъ привѣтствовалъ успѣхъ, не какъ начальникъ, а какъ человѣкъ сердечный, довольный необыкновенной удачей. Хористы окружали меня; артисты жали руки, а кто просто обнималъ; артисты Малаго театра поздравляли и видимо радовались; коллеги тоже казались довольными; одна госпожа Александрова (Кочетова) очень сдержанно поздравила, а публика неистово кричала и вызывала. Ложи бель-этажа и бенуара были полны очень нарядной публикой; многія изъ дамъ признавались послѣ, что слышали оп. „Жизнь за Царя“ въ первый разъ.—Госпожа Шиловская, рожденная Вердеровская, ученица и другъ покойнаго Глинки, пріѣхавъ домой послѣ спектакля, сняла портретъ незабвеннаго, великаго композитора, поцѣловала его и сказала: „пусть прахъ твой радуется съ нами“.

Библиотека "Руниверс"

Послѣ моего концерта, даннаго въ 1908 г. 6-го марта здѣсь, въ Петербургѣ, очень благосклонный рецензентъ написалъ: г-жа Онноре́, обрусѣлая полька, была замужемъ за французомъ и училась у итальянца... Этотъ отзывъ меня очень обрадовалъ, а окончательное мое обрусѣніе отношу къ вечеру 4-го января 1866 года.

Я почувствовала такой приливъ любви ко всему русскому, что сердце мое радовалось, что я спасала любимаго Царя и чувствовала себя въ силахъ унести его далеко, гдѣ злоба людская и опасность угрожать ему не могли. Если бы въ прошломъ было только одно это воспоминаніе, то скажу, что стоило жить и страдать долгіе годы, чтобы имѣть всегда въ памяти пережитыя впечатлѣнія.

Очень скоро, однако, пришлось сойти съ этого Олимпа и очутиться въ самой скромной и не особенно лестной дѣйствительности. Дирекція предложила мнѣ пѣть, до заключенія контракта, за блестящій гонораръ 100 р. за представленіе. Душъ былъ нѣсколько охлаждающій. Владѣлецъ музыкальнаго магазина г. Грессеръ, когда стало извѣстно, на какихъ условіяхъ меня пригласила дирекція, сказалъ моему доктору: когда я подумаю, что мадамъ Онноре́ поетъ за 100 р., мнѣ плакать хочется. Понадобился какой-то заблудившейся пѣвицѣ бенефисъ, т. к. она оставалась неудовлетворенной окончательнымъ разсчетомъ съ дирекціей. Наскоро срепетировали „Гугеноты“. Г-жа Бумеръ сдѣлала полный сборъ, но публика желала и ждала только „Жизнь за Царя“. Всякій разъ, когда опера была на афишѣ, у кассы можно было наблюдать то, что теперь въ Петербургѣ происходитъ при представленіяхъ московскаго художественнаго театра; стоимость билетовъ, покупавшихся обыкновенно барышниками, сильно возрастала, а къ спектаклю нельзя было ни за какія деньги получить мѣста. Богатѣли барышники, кассиры; оставались оскорбленными, неимущими, только мы. Послѣ „Гугенотъ“ дали для бенефиса Сѣтова „Мазепу“ Фитингофа-Шель, „Марту“, которыя постоянно смѣнялись любимой оперой. Такимъ образомъ подошло 4-е апрѣля. Кто не видѣлъ того, что происходило тогда въ Москвѣ, не можетъ себѣ представить того настроенія какъ общества, такъ и уличной толпы. Москва была потрясена до основанія. Всѣмъ стало извѣстно только 5-го апрѣля избавленіе Царя отъ грозившей Ему опасности. Съ церквей раздавался неумолкаемый трезвонъ. Народъ массами шелъ съ замоскворѣчія, съ Охотнаго ряда и съ заставъ.

Толпы встрѣчались, пѣли гимнъ, всѣ безъ шапокъ, весь день неистово кричали до поздней ночи. Въ театрѣ, на афишахъ стояло: 5-го апрѣля, вечеромъ „Жизнь за Царя“—6-го, утромъ „Жизнь за

Библиотека "Руниверс"

Ирина Ивановна

Онноре́,

въ роли Вани, въ оперѣ „Жизнь за Царя“.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Царя“ и т. д. впередъ на нѣсколько дней... У кассы происходили бурныя сцены. Начало спектакля назначали часомъ раньше обыкновеннаго. Передъ началомъ публика требовала гимнъ—повторяли безъ конца. Народъ наполнялъ и окружалъ соборы и церкви днемъ, а вечеромъ шелъ массами къ театру. Представленіе по случаю безконечныхъ повтореній гимна затягивалось до поздней ночи. Возвращались домой въ 3 часа и позже. Былъ вечеръ, когда пѣли гимнъ 24 раза. Ходили самые разнорѣчивые слухи о національности преступника, называли упорно фамилію поляка Ольшевскаго, такъ что когда хористы выходили на сцену въ русскихъ костюмахъ, ихъ восторженно привѣтствовали, но когда тѣ же хористы являлись въ латахъ и крылатыхъ шлемахъ, ихъ прогоняли со свистомъ, визгомъ и ужаснымъ шиканіемъ въ кулисы, гдѣ торопливо снимались польскіе доспѣхи и на сцену снова являлись русскіе мужички, которыхъ заставляли повторять гимнъ безъ конца. Было сдѣлано распоряженіе не препятствовать манифестаціямъ, въ какихъ бы видахъ и размѣрахъ онѣ ни выражались. Такихъ представленій было дано очень много. Г-нъ Неклюдовъ, видя нашъ продолжительный и непосильный трудъ, ходатайствовалъ передъ петербургской дирекціей о назначеніи г-жѣ Александровой и мнѣ одного представленія оперы „Жизнь за Царя“ въ нашу пользу, въ видѣ награды за особенно утомительный и усердный трудъ. Графъ Бергъ въ отвѣтъ прислалъ рѣзкій отказъ.

Нахожу умѣстнымъ разсказать здѣсь фактъ, относящійся къ тѣмъ порядкамъ, которые велись тогда у насъ.

Въ началѣ 60-хъ годовъ, т. е. не задолго до вышеописанныхъ событій, въ итальянскую петербургскую оперу была приглашена на роли драматическаго сопрано г-жа Галетти; она пользовалась нѣкоторой извѣстностью. По контракту она должна была получать 15.000 р. за сезонъ. Въ день дебюта въ оперѣ „Фаворитка“ она серьезно заболѣла; пѣла совершенно охрипшимъ голосомъ; арію пропустила, въ финалахъ молчала; призванный врачъ не только запретилъ ей пѣть въ текущемъ сезонѣ, но совѣтовалъ какъ можно скорѣй покинуть Петербургъ. Дирекція затруднялась, что дать пѣвицѣ за это единственное, неудачное представленіе?.. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній, великодушно рѣшили выдать всю сумму сполна, т. е. 15.000 р. Сколько намъ надо было работать, чтобы получить подобную сумму? мнѣ напр. три съ половиной года, а нашимъ indigen'амъ 12 лѣтъ.

Передъ концомъ сезона дирекція мнѣ предложила подписать контрактъ на слѣдующихъ условіяхъ: 4.000 жалованія и полубенефисъ; плюсомъ оказались 30 р. поспектакльной платы. Контрактъ

Библиотека "Руниверс"

заключался на 4 года. Г-жа Александрова, дебютировавшая раньше меня, контракта не получала; она видимо волновалась. Когда стало извѣстно, что ея бумага была прислана и что она окончательно принята, я обрадовалась и тепло, искренно ее поздравила. Кивкомъ головы она поблагодарила и тихо съ разстановкой сказала: „je crois bien que pour Vous c'est un grand bonneur que je sois engageé". Я не нашлась, что сказать, но возмущенная повернулась и ушла. Съ тѣхъ поръ наши отношенія никогда близкими не были и кончились полнымъ разрывомъ; скажу ниже по какому случаю.

Съ теченіемъ времени я стала свыкаться съ своимъ положеніемъ и понемногу стала забывать итальянскую оперу. Но итальянская опера меня не позабыла, такъ какъ въ это же время я получила приглашеніе пѣть лѣтомъ, того же 1866 г., въ Мадридѣ, въ театрѣ Россини, въ которомъ оперный сезонъ бываетъ лѣтомъ, какъ въ Лондонѣ. Дебюты въ „Трубадурѣ" или въ „Фаустѣ". Труппа: 1-е сопрано г-жа Барбо, имѣвшая въ Петербургѣ очень большой успѣхъ; по желанію Верди она замѣнила г-жу Лагруа, отказавшуюся, по болѣзни, отъ своей роли въ оп. „La forza dell destino", „Сила судьбы".

Фамилію колоратурной пѣвицы я не помню; драматическій теноръ Лефранъ; лирическій Андреевъ; баритонъ Стеллеръ, басъ Віалетти, капельмейстеръ Віанези. Три послѣдніе мои коллеги по итальянской оперѣ въ Москвѣ.—По пріѣздѣ г-жи Барбо выяснилось, что она требовала дебюта въ оп. Пачини Саффо, въ которой она очень нравилась въ Петербургѣ. Надо было разучить наскоро роль Климены, которую я еще не пѣла. — Сейчасъ назначили репетицію. Хористы, требовавшіе авансовъ, не получая ихъ, отказались пѣть, такъ что репетиція не состоялась; такимъ образомъ времени для разученія партіи оказалось много, потому что неурядица въ дирекціи продолжалась дней десять. — Роль Климены начинается съ чудной аріи, предшествуемой женскимъ хоромъ. Греческій костюмъ, бѣлый съ голубымъ, какъ нельзя лучше шелъ къ моимъ бирюзовымъ, украшеннымъ брилліантами и жемчугами ожерелью и діадемѣ. Принято въ Испаніи, что ежели публикѣ пѣвица нравится, и ей апплодируютъ, оркестръ и хоръ имѣютъ право то же апплодировать. Когда я спѣла первую арію, весь театръ, поддерживаемый оркестромъ и хоромъ, дружно и долго апплодировалъ! Послѣ перваго акта постучались въ уборную, прося позволенія войти. Импрессаріо театра Барцелоны пришелъ выразить свое удовольствіе и поздравленіе, по поводу моего успѣха, а также предложить ангажементъ въ снятомъ имъ театрѣ. Я поблагодарила за довѣріе и сказала, что передъ

Библиотека "Руниверс"

отъѣздомъ изъ Москвы я подписала контрактъ, связывающій меня на четыре года. Антрепренеръ настойчиво уговаривалъ согласиться на его условія и брался взять на себя неустойку.—Оперы предлагаемыя: Пророкъ, Фаворитка, Семирамида, Аида и пр.

Въ Москвѣ былъ баритонъ—Фараръ; онъ исполнялъ самыя незначительныя партіи. Никто изъ насъ не предполагалъ, что кромѣ этой весьма скромной дѣятельности, у него была очень серьезная миссія, увѣдомлять директора итальянской оперы въ Парижѣ о голосахъ, успѣхахъ и пригодности пѣвицъ для его театра. Во время спектакля 2-го представленія оп. Саффо, Фараръ принесъ мнѣ контрактъ „en blanc“ отъ имени Бажье, съ предложеніемъ принять ангажементъ въ Парижѣ, такъ какъ онъ слышалъ меня въ Лондонѣ, а теперь слышалъ о моемъ выдающемся успѣхѣ въ Мадридѣ.—Но это не все; театръ Скала прислалъ мнѣ своего агента съ подобными предложеніями.—Надо было отказаться отъ всего и покинуть окончательно и безвозвратно мечты объ итальянской карьерѣ.—Въ первомъ актѣ оп. Саффо былъ выходъ тенора Андреева; онъ пѣлъ въ 17-ти театрахъ въ Италіи, имѣлъ хорошій, молодой голосъ. Саффо онъ пѣлъ, какъ и я, первый разъ. Средняго роста, хорошо сложенъ, не дуренъ собой, онъ вполнѣ могъ, при своемъ хорошемъ голосѣ, имѣть успѣхъ; но тутъ ему не повезло; греческій костюмъ, съ обнаженными руками до плечъ, ноги въ сандаліяхъ, неизвѣстно почему, не понравились; его первое появленіе вызвало гомерическій смѣхъ. Опишу здѣсь одну сцену, чтобы дать понятіе о мѣстныхъ нравахъ. — Андреевъ пѣлъ арію при взрывахъ неистоваго свиста: южная, необузданная молодежь, пріученная къ звѣрскимъ зрѣлищамъ боя быковъ, приходитъ въ театръ, какъ и въ циркъ, съ большими свистками изъ чернаго дерева; эта принадлежность театра никогда не оставляется дома—авось пригодится.—Одновременно съ свисткомъ особенной силы, похожимъ на тѣ свистки, которые приходится слышать на пароходахъ, когда выпускается лишній паръ—одновременно полетѣли со всѣхъ сторонъ театра—свертки съ мукой, углемъ и крупой. Бѣдный Андреевъ былъ буквально покрытъ ими; свертки не всѣ достигали цѣли; нѣкоторые изъ нихъ разрывались въ пути; особенно плохо приходилось музыкантамъ оркестра, которые получали ихъ на головы, инструменты и пюпитры. Андреевъ вынесъ это испытаніе съ большимъ достоинствомъ и спокойствіемъ. Окружающіе говорили, что ежели бы у него хватило смѣлости, и онъ бы пѣлъ арію какъ онъ могъ спѣть, свистки смѣнились бы оваціей; но у него не доставало мужества; голосъ его дрожалъ и плохо звучалъ.—Было дано три представленія Саффо; каждый разъ, тѣ же сцены возобновлялись съ одинаковой энергіей.—Послѣ Андре-

Библиотека "Руниверс"

евъ съ своей женой былъ приглашенъ гастролировать въ Москву. Жена его была хорошая пѣвица; выступили они въ Сонамбулѣ и оба имѣли хорошій, заслуженный успѣхъ.—Не хочу забыть одного инцидента: въ оперѣ Саффо требуется теноръ для исполненія незначительной партіи; затруднялись, кому бы дать эту маленькую роль. Хормейстеръ предложилъ юношу, у котораго оказался хорошій голосъ; это былъ знаменитый впослѣдствіи пѣвецъ „Марини“; онъ былъ вторыхъ мужемъ г-жи Вольпини. Встрѣтились мы нѣсколько времени спустя въ Москвѣ; онъ самъ напомнилъ мнѣ, гдѣ мы видѣлись въ первый разъ.—Ко второму представленію пріѣхалъ мой мужъ, успѣхъ продолжался одинаковымъ. Затѣмъ были присланы извѣщенія о репетиціи „Трубадура“. Наканунѣ, вечеромъ, выходя изъ цирка, гдѣ шелъ большой бой быковъ, мой мужъ размѣнялъ билетъ въ 25 реалей, но получилъ звонкой монетой только 14. Ночью на 22-е іюня, мы были разбужены пушечными выстрѣлами. Вспыхнула революція. Возстаніе началось въ артиллерійской казармѣ, находившейся на дворцовой площади, напротивъ королевскаго дворца. Сержанты направляли выстрѣлы на улицу Солнца, въ концѣ которой находится площадь того же названія.—Тѣмъ временемъ, правительственныя войска, подъ командою генерала Прима, окружили городъ. Казарма была осаждена. Въ этой части войска простыхъ солдатъ не было, а потому революція эта называлась: „la revolution des sergens“. Это былъ какъ бы цвѣтъ арміи, все молодежь, между которыми старше 25 лѣтъ не было.—Рѣшили защищаться до крайности. Всѣ офицеры были убиты; всѣ помѣщенія брались отдѣльно, къ утру казарма представляла зданіе совершенно сквозное, безъ оконъ и дверей. Всѣ осажденные были или убиты, или арестованы. Первый разъ съ пріѣзда, этой ночью, выпалъ обильный дождь, который въ нѣкоторой степени смылъ потоки крови.—Всѣ дома улицы Солнца были испещрены слѣдами выстрѣловъ, нѣкоторые сильно повреждены. Мы жили на улицѣ параллельной улицѣ Солнца, рядомъ съ почтамтомъ, который, какъ впослѣдствіи оказалось, былъ цѣлью повстанцевъ. Былъ слышенъ трескъ скатывавшихся по крышамъ гранатъ.—Жившій рядомъ съ нашимъ домомъ господинъ былъ убитъ мирно сидящимъ на своемъ диванѣ. — На улицу выходить было строго запрещено. Питались 34 часа однимъ шоколадомъ.—Андрееву наскучило оставаться такъ долго въ одиночествѣ, и онъ попытался выйти; часовой, стоявшій съ ружьемъ въ рукахъ, прицѣлился и спросилъ: „quiere uste morrir“: „Вы хотите умереть?“ — А баритонъ Стеллеръ отъ страха слегъ въ постель, сказавшись больнымъ.—Патрули верхомъ ѣздили день и ночь съ заряженными револьверами, съ взведенными курками.

Библиотека "Руниверс"

Было приказано жечь свѣчи всю ночь на каждомъ окнѣ. Только 24-го мы вышли первый разъ на улицу. Городъ, несмотря на яркое солнце, имѣлъ мрачный видъ; дѣлались совершенно открыто во всѣхъ домахъ обыски; арестовывали всѣхъ, у кого находили оружіе.—Дамы въ глубокомъ траурѣ стояли группами на площади и плакали; вездѣ были видны слѣды, даже лужи застывшей крови. На другой день т. е. 25-го іюня 1866 г. начались казни осужденныхъ военнымъ судомъ, вели по партіямъ въ 18, 19 и 20 человѣкъ. Шелъ этотъ этотъ грустный кортежъ за городъ, по пути къ театру Россини. Приставляли ихъ къ глухой стѣнѣ и разстрѣливали по очереди; они падали ницъ, въ заранѣе вырытую передъ ними канаву; нѣкоторые были убиты сразу, другіе обнаруживали признаки жизни и тогда ихъ добивали револьверами, приставленными къ вискамъ.

Надо было думать объ отъѣздѣ. Надежды на продолженіе оперная сезона не было, а г. Ровира, антрепренеръ, воспользовавшись событіями, никому не заплатилъ и безслѣдно пропалъ.—Сообщеніе по желѣзнымъ дорогамъ было прервано, телеграфъ не работалъ; мы остались цѣлую недѣлю въ смертномъ городѣ; было разстрѣлено 150 человѣкъ. — Когда брались билеты у кассы на вокзалѣ, всѣ деньги золотой монетой, при сдачѣ, оказались фальшивыми. Вниманіе Европы было поглощено шумными побѣдами Германіи, а битвы подъ Садовой заглушали испанскія пушки. Революція эта жестокая, кровавая, прошла назамѣтной, а въ Испаніи, однако, совершались событія первой важности; вся страна изнемогала, королева бѣжала, и тогда началась серія возстаній, которыя такъ долго терзали Испанію.

Изъ Мадрида поѣхали отдохнуть въ излюбленный нами Висбаденъ, гдѣ я къ своему удивленію узнала, что режиссеръ Ковентъ Гарденскаго театра пріѣзжалъ, чтобы видѣть меня и уговорить вернуться въ Лондонъ, къ сезону 1867 года. По разнымъ причинамъ я согласиться на это не могла. Мы торопились въ Москву, гдѣ сезонъ начинался неизмѣнно оперой „Жизнь за Царя“, 26-го августа, день коронаціи Императора Александра II. — Не скрою, что мнѣ страшно было жаль разставаться съ итальянской оперой, на этотъ разъ навсегда, но немыслимо было продолжать ѣздить лѣтомъ по Европѣ, съ больнымъ мужемъ и безъ отдыха начинать оперный сезонъ въ Москвѣ.

Въ Москвѣ, исключая радости свиданія съ сыномъ и чувства нѣкотораго успокоенія, какъ бы у тихой пристани, послѣ года страшныхъ волненій и тревогъ, ожидало насъ не мало огорченій. Стало извѣстно, что необходимыхъ артистовъ не пригласили; драматическаго тенора, колоратурнаго сопрано и баритона по-прежнему

Библиотека "Руниверс"

не доставало; новыхъ оперъ ставить не намѣревались. Нельзя было предполагать, что послѣ безчисленныхъ представленій оперы „Жизнь за Царя“ въ прошломъ сезонѣ, эта опера будетъ давать и теперь полные сборы и что успѣхъ будетъ такимъ же. 26-го августа день коронаціи и 30-го день тезоименитства Царя дали оп. „Жизнь за Царя“ — оба спектакля дали полные сборы; успѣхъ получился колоссальный. Меня утѣшали тѣмъ, что безотлагательно приступятъ къ репетиціямъ „Русалки“, и что Дорогомыжскій изъявилъ желаніе дирижировать оркестромъ лично, что дастъ представленію особый блескъ, — но „Русалка“ шла очень часто у нѣмцевъ, и театръ постоянно пустовалъ.

Къ первой репетиціи „Русалки“ пріѣхалъ авторъ. Я хорошо его знала, и встрѣча наша была чрезвычайно сердечная; онъ привѣтствовалъ меня слѣдующими словами: „дожилъ, дожилъ, Ирина Ивановна, вы будете моей княгиней!!“—Репетиціи „Русалки“ были очень продолжительныя: часто мы задерживались на сценѣ до 5-ти часовъ.

И. Онноре.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

Эпизодъ изъ жизни Вел. Кн. Константина Павловича[1]).

Проѣздомъ изъ Петербурга въ Варшаву вел. кн. Константинъ Павловичъ нерѣдко останавливался въ Брестѣ въ домѣ богатаго тамошняго купца Розенмайера. Розенмайеръ устроилъ при столовой спеціальную кладовую, гдѣ хранилось все необходимое къ пріему цесаревича со свитой.

Въ 1831 г. однажды, поздно ночью, купецъ, сидя въ столовой, заканчивалъ свою работу, какъ вдругъ услышалъ осторожный стукъ въ наружную дверь. Не желая будить прислугу, Розенмайеръ вышелъ въ сѣни, открылъ дверь и отпрянулъ въ ужасѣ: передъ нимъ стоялъ цесаревичъ, одинъ, безъ свиты; воротникъ его шинели былъ поднятъ, шапка надвинута на глаза. „Ваше Высочество“, еле выговорилъ Розенмайеръ. „Молчи, ни слова“, грознымъ шепотомъ отвѣтилъ цесаревичъ; потомъ молча прошелъ въ столовую и какъ-бы въ изнеможеніи опустился на диванъ. Оправившись отъ испуга, хозяинъ подошелъ было къ двери, чтобы разбудить спавшую дочь и прислугу. „Ни съ мѣста“, тихо, но внушительно сказалъ великій князь: „никто не долженъ знать о моемъ пребываніи въ твоемъ домѣ“. Старикъ такъ и застылъ у дверей. „Чаю, прошу тебя; хочется согрѣться; только никого не буди, готовь самъ и не выходи изъ этой комнаты“.

Розенмайеръ безмолвно повиновался: досталъ изъ знакомой цесаревичу кладовой при столовой чайный приборъ и сталъ готовить чай. Замѣтивъ на себѣ пристальный взглядъ Константина Павловича, хозяинъ окончательно растерялся; неожиданность ночного визита и странное поведеніе великаго князя приводили его въ ужасъ.

Когда чай былъ готовъ, Розенмайеръ сталъ искать сахаръ, но

[1]) Эпизодъ относится къ эпохѣ польскаго возстанія и переданъ автору родственницей дѣйствующаго въ разсказѣ лица, Розенмайера.

Библиотека "Руниверс"

ничего не нашелъ, кромѣ маленькаго ящика съ сахарнымъ пескомъ; разбудить дочь или позвать прислугу онъ, конечно, не смѣлъ.

Наливъ чай въ стаканъ, хозяинъ сталъ сыпать въ него сахарный песокъ изъ ящичка. Внезапно цесаревичъ вскочилъ съ дивана, схватилъ Розенмайера за руку и громко спросилъ: „Что ты сдѣлалъ?“

Тутъ только хозяинъ понялъ странное поведеніе ночного гостя и, спокойно посмотрѣвъ на цесаревича, сказалъ: „Ваше Высочество, чай, навѣрное, еще не сладокъ; позвольте мнѣ отвѣдать.“—„Молодецъ!“ вырвалось у великаго князя и, придвинувъ къ себѣ стаканъ, онъ спокойно поднесъ его ко рту.

„Нѣтъ ли у тебя лошадей, лишняго пальто и надежнаго человѣка?“ спросилъ Константинъ Павловичъ послѣ чаю. „Какъ не быть“, отвѣтилъ хозяинъ, принесъ великому князю широкую шубу съ большимъ мѣховымъ воротникомъ, вышелъ съ нимъ во дворъ, осторожно разбудилъ стараго слугу; не называя гостя, объяснилъ слугѣ, куда и какимъ путемъ нужно ѣхать, и какъ нужно держать себя въ пути. Цесаревичъ сѣлъ въ сани и, прощаясь съ Розенмайеромъ, сказалъ: „Проси какой хочешь награды“.

„Ваше Высочество“, отвѣтилъ тотъ: „я уже старъ, мнѣ ничего не нужно; сыновей у меня нѣтъ, а единственная дочь очень богата“.

Великій князь настаивалъ. Розенмайеръ вспомнилъ треволненія минувшей ночи и рѣшительно сказалъ: „У меня есть одно желаніе“.—„Говори“.—„Если Ваше Высочество хотите успокоить мою старость, прикажите навсегда освободить мой домъ отъ постоевъ“. —„Дуракъ!“ раздраженно крикнулъ цесаревичъ и велѣлъ погонять лошадей.

Вскорѣ послѣ ночного визита, старикъ, къ крайнему своему изумленію, получилъ изъ Петербурга оффиціальное извѣщеніе о пожалованіи его корнетомъ гвардіи.

Сообщ. Д. Атласъ.

Библиотека "Руниверс"

Изъ замѣтокъ стараго ремонтера.

I.

Въ 1850 году, по окончаніи курса наукъ въ одномъ изъ русскихъ университетовъ, я поступилъ юнкеромъ, съ выслугой трехъ мѣсяцевъ за рядового въ... гусарскій полкъ, квартировавшій въ то время на Югѣ Россіи. Тогда въ губерніяхъ Новгородской, Харьковской, Херсонской и частью въ Каменецъ-Подольской были военныя поселенія; это наслѣдіе извѣстнаго временщика Аракчеева. Военныя поселенія дорого стоили правительству императора Николая I-го. Современники утверждали, что каждая мѣрка овса обходилась казнѣ въ червонецъ. И дѣйствительно поселенскіе порядки были изъ рукъ вонъ убыточны для казны. Кромѣ содержанія всей этой аравы служащихъ окружныхъ начальниковъ, волостныхъ, содержанія штабовъ и т. д., все, что соприкасалось къ этому дѣлу, пользовалось якобы *безгрѣшными* доходами. Шутники того времени нарисовали очень забавную картинку, которая ходила по рукамъ многихъ. Картинка эта изображала изъ себя скирды пшеницы на лапкахъ, и одинъ изъ окружныхъ начальниковъ съ кнутикомъ въ рукахъ подгонялъ эти скирды по дорогѣ въ Одессу.

Губернія Херсонская въ эпоху военныхъ поселеній была раздѣлена на округа и волости. Первыми командовали штабъ-офицеры, а вторыми оберъ-офицеры, повсюду были, какъ я замѣтилъ, устроены штабы, и всѣмъ этимъ раіономъ завѣдывалъ графъ Никитинъ, проживавшій въ Кременчугѣ.

Въ мѣстахъ расположенія полковъ между деревнями по дорогѣ на каждой четверти версты стояли каменные столбы, окрашенные въ цвѣтъ киверовъ расположеннаго полка. Такъ, напримѣръ, въ де-

Библиотека "Руниверс"

ревняхъ, гдѣ стояли Александрійскіе гусары, столбики были окрашены въ красный цвѣтъ, въ мѣстахъ расположенія эскадроновъ Ахтырскаго гусарскаго полка, между деревнями столбики были желтаго цвѣта, уланы Бугскаго полка, кивера котораго были оранжеваго цвѣта, имѣли такіе же и столбики между деревнями. Въ раіонѣ расположенія Насаускаго уланскаго полка столбики были бѣлаго цвѣта, такъ какъ Насаускіе уланы имѣли бѣлые кивера.

Жалованье господамъ штабъ и оберъ-офицерамъ, а равно и содержаніе множества канцелярій обходилось далеко недешево казнѣ. И если ко всему этому прибавить хищенія, о которыхъ я упомянулъ, то для насъ, въ настоящее время является положительно непонятнымъ, какимъ образомъ правительство Николая I-го такъ долго терпѣло эти крайне не нужные и непроизводительные расходы.

Я очень молодымъ человѣкомъ вступилъ въ полкъ, квартировавшій въ военномъ поселеніи; этому прошло уже 55 лѣтъ, но я и до сихъ поръ не могу забыть впечатлѣнія, произведеннаго на меня порядками военнаго поселенія. Я живо помню рядъ этихъ каменныхъ домиковъ, стоящихъ, какъ солдаты по ранжиру, безъ надворныхъ пристроекъ; не то это были этапные пункты, не то маленькіе остроги, по улицамъ деревень встрѣчались какіе-то не то крестьяне, не то арестанты. Среди села красовался домъ, гдѣ собирался такъ называемый комитетъ, и производилась ежедневно расправа, конечно палочная надъ поселянами; ни вишневыхъ садиковъ, какъ это бываетъ въ малороссійскихъ селахъ, ни надворныхъ построекъ, ничего подобнаго нѣтъ и слѣда. Для кавалеріи были построены камышевыя конюшни, обмазанныя глиной; на каждый взводъ въ 48 лошадей, полагалась одна конюшня, манежи представляли собой какіе-то загоны безъ крышъ, они также были построены изъ камыша, обмазаннаго глиной.

Въ этихъ манежахъ, или правильнѣе загонахъ производились ученья. Пѣшее ученье и пѣшее по-конному дѣлались въ степи, конечно, когда сходилъ снѣгъ. Манежная ѣзда на уздечкахъ и на мунштукахъ была для учащихся чисто мукой. Всѣ недостатки лошади возмѣщались на ѣздокѣ. Если лошадь не шла въ сборѣ, командиръ приказывалъ укоротить поводъ, но и при такихъ случаяхъ лошадь не всегда шла въ сборѣ; ея ганашъ не позволялъ круто держать шею. Всадника тотчасъ же ссаживали съ лошади, и истязанія начинались. Злосчастнаго солдата били поводьями, фухтелями или палками. Почти все время ученья происходила порка. Пѣшій строй былъ еще болѣе невыносимъ. Солдаты маршировали въ три пріема тихимъ и бѣглымъ шагомъ. Когда люди были одѣты въ полную парадную форму, страданія ихъ были невыразимы. Гусары

Библиотека "Руниверс"

въ ту эпоху носили на себѣ тяжесть несравненно большую, чѣмъ кирасиры. Гусарскій солдатъ былъ одѣтъ въ доломанъ, и на плечахъ его пригонялся ментикъ; обѣ эти куртки имѣли сто двадцать четыре оловянныхъ пуговицы, ментикъ былъ подбитъ войлокомъ, ко всему этому слѣдуетъ прибавить, что въ гусарскихъ полкахъ съ бѣлыми шнурками на доломанахъ и ментикахъ приказано было бѣлить шнурки, для этого у каждаго солдата была маленькая щеточка, которою онъ насытивъ составомъ, заключающимся въ мелко растолченномъ мѣлѣ съ клеемъ, бѣлилъ шнурки и амуницію; на головѣ солдата былъ киверъ, нѣчто вродѣ неуклюжаго боченка, затѣмъ, конечно, сабля съ шашкой. Если свѣсить всю эту форму, повторяю, она будетъ значительно тяжелѣе кирасирской. Потомъ рейтузы солдата пригонялись двоякимъ способомъ, для пѣшаго строя очень натянутыми, а для коннаго болѣе свободныя. Смѣшно и жаль было видѣть гусарскій эскадронъ марширующимъ тихимъ шагомъ. При поворотѣ шеренги налѣво кругомъ, происходили великіе курьезы, шашка марширующаго попадала ему между ногъ, а сабля ударяла сосѣда. При поворотѣ шеренги налѣво или направо вся хитрость заключалась въ томъ, чтобы не наступить маршерующему въ затылокъ на шпору, и неудачное ученье, конечно, оканчивалось палочной расправой.

Но что въ особенности вліяло дурно на солдатъ, квартировавшихъ въ военномъ поселеніи, это распущенность ихъ, доходившая до мужичества. Вообще, всѣхъ прелестей, которыя я встрѣтилъ въ военномъ поселеніи, и не перечтешь. На такъ называемыхъ вольныхъ квартирахъ было нѣсколько лучше.

Здѣсь я долженъ сказать о разницѣ между военнымъ поселеніемъ и вольными квартирами.

Въ военномъ поселеніи войска продовольствовались натурой, а на вольныхъ квартирахъ по справочнымъ цѣнамъ. Земская полиція, т. е. исправникъ рапортовалъ о существующихъ цѣнахъ на рынкѣ. Обыкновенно эти рапорты о цѣнахъ далеко не были точны. За извѣстное приношеніе, т. е. взятки становой приставъ и исправникъ увеличивали цѣны въ нѣсколько разъ. Такъ напримѣръ, если цѣна на овесъ стояла, положимъ, 1 р. 20 к. за четверть, исправникъ доносилъ, что овесъ покупается по 3 р. 50 к. за четверть и дороже, то же самое дѣлалось съ сѣномъ и соломой. Такая любезность земской полиціи была какъ нельзя болѣе на руку командирамъ кавалерійскихъ полковъ, они получали десятки тысячъ рублей въ годъ *безгрѣшныхъ* доходовъ и, конечно, дѣлились съ эскадронными командирами. Въ то время, не скажу чтобы оно было особенно доброе время, какъ это называли, да и теперь называютъ,

Библиотека "Руниверс"

къ огульному казнокрадству всѣ привыкли и даже въ Петербургѣ самыя высокопоставленныя лица находили такой порядокъ вещей вполнѣ нормальнымъ. Командиръ гвардейскаго корпуса Великій Князь Михаилъ Павловичъ говорилъ: „кажется, ротмистръ такой-то очень много задолжалъ, надо ему дать полкъ на вольныхъ квартирахъ, пусть поправится".

Въ концѣ концовъ вся эта прелесть жизни въ военномъ поселеніи наскучила мнѣ до ужаса. По производствѣ моемъ въ офицеры я сталъ просить полкового командира отправить меня за покупкой ремонтныхъ лошадей. Полковникъ изъявилъ согласіе на мою просьбу, вручилъ мнѣ деньги на 22 лошади, по 80 рублей за голову, и я, заручившись подорожной по казенной надобности съ двумя печатями, отправился прежде всего, разумѣется, въ Москву. Но прежде чѣмъ на долго распроститься съ военнымъ поселеніемъ, я не могу не разсказать одного изъ комичныхъ эпизодовъ моей юнкерской жизни.

Передъ моимъ производствомъ въ офицеры случилось мнѣ ѣхать изъ мѣстечка Парановка въ мѣстечко Богополь. Ѣхалъ я на почтовой перекладной съ служащимъ у меня поваромъ Иваномъ Васильевымъ. Отъ Парановки до Богополя верстъ 7 гладкой степи. Выѣхавъ изъ Парановки, мы увидали впереди большую бологульскую фуру, наполненную евреями, душъ въ 15-ть по крайней мѣрѣ; мой ямщикъ, какъ оказалось впослѣдствіи полтавскій паробокъ, грозно вскрикнулъ фурѣ, чтобы она сворачивала, хотя замѣчу, между прочимъ, въ этомъ не предстояло никакой надобности, такъ какъ степь была широкая и гладкая, но почтовый ямщикъ считалъ себя въ этомъ случаѣ важной особой, требовалъ, чтобы всѣ предъ нимъ сворачивали. Когда мы поравнялись съ фурой, правившій лошадьми балагулъ дерзко вскричалъ: „Ну что вы хотите, якій ето паршивый юнкеръ ѣде, треба звертать, ну!.." Миновавъ фуру и нѣсколько проѣхавши дальше, ямщикъ обратился ко мнѣ со словами:

— „Шкода панычу жиды насъ обозвали паршивыми"; я, разумѣется, улыбнулся и ничего не отвѣтилъ, ямщикъ продолжалъ: „оце, панычу, говорилъ онъ, указывая на мое двухствольное ружье, лежащее въ повозкѣ, „треба пархатыхъ злекать рушницей".

Мнѣ эта мысль ямщика понравилась, я былъ молодъ и склоненъ къ школьничеству всякаго рода. Отъѣхавъ еще на нѣкоторое разстояніе отъ фуры, взялъ ружье, вынулъ шомполъ, привинтилъ пыжовникъ, вынулъ дробь изъ обоихъ стволовъ, и убѣдившись, что въ стволахъ не осталось дроби, а лишь порохъ съ прибитыми пыжами, я велѣлъ ямщику ѣхать около дороги шагомъ. Вскорѣ насъ на

Библиотека "Руниверс"

гнала фура, какъ я уже замѣтилъ, переполненная евреями. Правившій лошадьми балагулъ въ широкой шляпѣ, съ предлинными пейсами, разумѣется, въ лабсердакѣ былъ первой жертвой моего школьничества. Я вскинулъ ружье и навелъ его на возницу, послѣдній, робко защищая свою голову рукой, пробормоталъ:—„а ну не жартуй, ну-у“, тѣмъ не менѣе, я спустилъ курокъ, раздался выстрѣлъ, и злосчастный балагулъ упалъ на спину на дно фуры; конечно паденіе это было слѣдствіе страха еврея. Между тѣмъ веселый полтавскій паробокъ ямщикъ не унимался, онъ говорилъ, указывая на одного изъ евреевъ, сидящаго въ фурѣ съ спущеными ногами,— „о сего рудаго валяйте, панычу, все одно въ Сибирь итти“. Я послушался совѣта ямщика и сталъ наводить мое ружье на рыжаго еврея, сначала я цѣлилъ въ голову, потомъ въ грудь и животъ. Прошло полстолѣтія съ тѣхъ поръ, и я теперь еще безъ смѣха не могу вспомнить, какія забавныя гримасы дѣлалъ рыжій еврей; помучивъ его нѣсколько секундъ, я выстрѣлилъ. Еврей моментально опрокинулся назадъ, и въ фурѣ раздался какой-то вой. Далѣе уже не было надобности ѣхать рядомъ съ фурой, и мы помчались впередъ.

Пріѣхавъ въ Богополь я, по обыкновенію, остановился въ заѣзжемъ домѣ знакомаго мнѣ еврея Дувида Бѣлаго. Вскорѣ насталъ вечеръ, и всѣ евреи пошли въ синагогу, я уже и забылъ о своемъ школьничествѣ, мнѣ подали чай и зажгли свѣчи. Читая какую-то ежедневную одесскую газету, я былъ пораженъ весьма унылыми вздохами хозяина, раздававшимися въ сосѣдней комнатѣ; отворилъ дверь я увидалъ возвратившагося Дувида изъ синагоги. „Что съ вами, пане Дувидъ“, спросилъ я, „вы вѣрно не здоровы?“ „Ахъ нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ, отвѣчалъ мнѣ Дувидъ, якійсто лайдакъ злѣкавъ нашихъ евреевъ; всѣ они заболѣли холерой, послали за докторомъ Грамовичемъ. Ахъ, Боже мой, какой грѣхъ“, прибавилъ вздыхая панъ Дувидъ.

Конечно, мною не было сказано, что этотъ лайдакъ, злѣкавшій евреевъ, былъ я.

II.

Покупка ремонтныхъ лошадей имѣла свои преимущества. Ремонтеръ могъ разъѣзжать по всей Россіи. Не только провинція, но и Москва, въ особенности барыни и барышни очень жаловали молодыхъ ремонтеровъ, что и весьма понятно; большинство барышень стремились обзаводиться богатыми мужьями, а ремонтеры почти

Библиотека "Руниверс"

всегда были люди съ хорошими средствами. Я не буду описывать московское общество 50-хъ годовъ, это не входитъ въ мою задачу, но не могу не замѣтить, что мое прибываніе въ Москвѣ было для меня весьма пріятно. Въ ту эпоху Москва могла назваться дворянскимъ городомъ. На улицахъ: Пречистенкѣ, Остоженкѣ, Арбатѣ, Сивцевомъ Вражкѣ, Молчановкѣ и т. д. и т. д. проживали помѣщики-дворяне съ своими семействами, и было великое множество самыхъ интересныхъ невѣстъ. Меня Богъ помиловалъ, но многіе изъ моихъ товарищей ремонтеровъ сочетались брачными узами съ московскими красавицами и вмѣсто того, чтобы ѣхать на ярмарки Лебедянскую, Коренную или въ Ромны, они съ своими молодыми супругами отправлялись въ помѣстья, полученныя ими въ приданое.

По окончаніи зимняго сезона я отправился въ Коренную ярмарку. Въ то время тамъ было что купить ремонтеру. Лошадей приводили на ярмарку и пригоняли великое множество. Но здѣсь я долженъ сдѣлать маленькую оговорку. Ремонтеры 50-хъ годовъ по большей частью, какъ я замѣтилъ, были люди богатые, цѣль ихъ главнымъ образомъ заключалась въ томъ, чтобы носить мундиръ и быть вполнѣ свободными, для этого большинство ремонтеровъ, получивъ командировку, тотчасъ же заключали условіе съ барышниками, которымъ приплачивали къ ремонтной цѣнѣ рублей 30 и уѣзжали на все время въ Москву или въ какое-нибудь изъ своихъ помѣстій. Мнѣ иногда приходилось встрѣчать на Лебедянской или другихъ ярмаркахъ подобныхъ ремонтеровъ, при чемъ я былъ свидѣтелемъ весьма забавныхъ сценъ. Ремонтеръ въ гусарскомъ платьѣ, съ длиннымъ бичемъ въ рукахъ, въ сопровожденіи барышника и унтеръ-офицера съ мѣрой, обходилъ конную, указывая барышнику какую лошадь надо было купить. Барышникъ, хитро улыбаясь себѣ въ бороду, соглашался съ его благородіемъ, а его благородію было и не въ домекъ, что барышникъ давнымъ давно уже купилъ весь ремонтъ, и куплетныя имъ барышникомъ лошади стоятъ по дворамъ. Подобныя экскурсіи молоденькихъ франтовъ ремонтеровъ производились ради эффекта, для того, что бы сказать смазливой барышнѣ сосѣдкѣ, что онъ, ремонтеръ, былъ на ярмаркѣ и купилъ весь ремонтъ. Для успѣшной покупки ремонтныхъ лошадей гусарская венгерка и унтеръ-офицеръ съ мѣрой вовсе не пригодны, необходима болѣе скромная роль, поддевка, смазные сапоги и кнутъ на длинномъ кнутовищемъ, съ крестиками, обозначающими мѣру лошади. Не рѣдко случались такіе курьёзы. Переодѣтый въ поддевку ремонтеръ подходитъ къ крестьянину, продающему лошадь, и спрашиваетъ его какая ей цѣна? Крестьянинъ объявляетъ цѣну, ремонтеръ находитъ цѣну дорогой.

Библиотека "Руниверс"

— Эко дѣло, возражаетъ крестьянинъ, я вотъ сейчасъ съ ремонтера запросилъ вдвое дороже. Въ 50-хъ годахъ русская кавалерія имѣла четыре масти лошадей: вороную, рыжую, сѣрую и гнѣдую. Полки имѣли восемь эскадроновъ, при чемъ седьмой и восьмой эскадроны были фланкерскіе, разсыпались передъ фронтомъ полка съ праваго и лѣваго его фланговъ. Лошадь въ легкую кавалерію требовалась сухая, по преимуществу степныхъ заводовъ, на коротких бабкахъ, не выше двухъ аршинъ четырехъ вершковъ. Въ моихъ путешествіяхъ по разнымъ ярмаркамъ, для покупки лошадей, мнѣ не рѣдко случалось наталкиваться на весьма забавныя сцены. Въ 1851 году случилось мнѣ быть на весенней ярмаркѣ въ Балтѣ. Закупивъ нужное для меня количество лошадей, я уже рѣшилъ дня черезъ три отправиться въ депо, которое было въ мѣстечкѣ Кривомъ Озерѣ, К. Подольской губерніи. Дня за два до моего отъѣзда меня посѣтилъ извѣстный барышникъ и знатокъ ремонтнаго сорта лошадей Мошка. Бесѣдуя съ нимъ о его сдачѣ ремонта австрійцамъ, я задалъ ему вопросъ, что онъ теперь думаетъ предпринять на ярмаркѣ? Собираю шорный сортъ лошадей для Кракова, Лемберга и Вѣны, отвѣчалъ мнѣ Мошка. Во время нашей бесѣды вдругъ, совершенно неожиданно вошелъ въ комнату и главный ремонтеръ... гусарскаго полка графъ П—кій. Поздоровавшись со мной, графъ радостно объявилъ мнѣ, что купилъ весь ремонтъ въ количествѣ 120 головъ.

— Хочешь посмотрѣть, прибавилъ П—кій, мой ремонтъ, размѣщенный по дворамъ. Завтра отправляю лошадей въ дивизіонную квартиру. Съ удовольствіемъ, отвѣчалъ я, но позволь идти съ нами также и Мошкѣ.

— А, пане Мошка, я тебя и не замѣтилъ, вскричалъ П—кій, съ удовольствіемъ, идемъ смотрѣть мой ремонтъ; вѣдь ты такой знатокъ.

Мошка низко поклонился его сіятельству, и мы отправились. Въ большомъ заѣздномъ домѣ, стоящемъ на выѣздѣ подъ навѣсомъ, были привязаны купленныя лошади. Началась выводка лошадей, всѣ онѣ были не ниже двухъ аршинъ четырехъ съ половиной вершковъ, прекрасно выкормленныя и вычищенныя, словомъ сказать, лошади дѣйствительно были очень эффектныя; но ни одна изъ нихъ не подходила подъ условія инструкціи. Во все время выводки лошадей Мошка не произнесъ ни одного слова, я также молчалъ, восхищался лошадьми лишь самъ П—кій. Когда осмотръ лошадей по тремъ дворамъ былъ оконченъ, П—кій, обратясь къ Мошкѣ, спросилъ, какъ онъ находитъ его ремонтъ.

— Лошади хороши, ваше сіятельство, отвѣчалъ еврей, даже очень

Библиотека "Руниверс"

хороши, но ни одна изъ купленныхъ вами лошадей не будетъ принята, ихъ всѣхъ забракуютъ.

— Это почему? злобно вскричалъ графъ, да знаешь ли ты, безмозглая твоя голова, что въ моемъ ремонтѣ нѣтъ ни одной лошади дешевле 120 руб.!

— Знаю, ваше сіятельство, скромно отвѣчалъ Мошка, тѣмъ не менѣе лошади ваши будутъ забракованы.

— Однако почему же ты такъ думаешь? горячился все болѣе и болѣе графъ. Впрочемъ, что же я съ тобой говорю, очевидно ты привыкъ торговать однѣми клячами.

На этотъ комплиментъ Мошка отвѣтилъ, что быть можетъ его сіятельство ясно-вельможный графъ и правъ, но онъ, Мошка, находитъ, что ремонтныя лошади графа, хотя и очень эффектны, но всѣ они сырыя тамбовскія выкормки.

— Ну, что съ тобой толковать! нетерпѣливо вскричалъ П—кій и мы разошлись по домамъ.

На другой день по большой дорогѣ потянулся рядъ подводъ съ кряквами, то слѣдовалъ ремонтъ П—каго въ дивизіонный штабъ. Передъ моимъ отъѣздомъ изъ Балты мнѣ случилась надобность быть на выѣздѣ города, гдѣ въ степи, въ загонахъ были табунныя лошади. Купивъ нѣсколько нужныхъ мнѣ головъ лошадей, я къ моему великому удивленію увидалъ, что Мошка отбиваетъ въ косякахъ рыжыхъ лошадей. Помня его разсказъ о шорныхъ лошадяхъ для Австріи, я никакъ не могъ разрѣшить вопроса, къ чему понадобился Мошкѣ ремонтный сортъ лошадей.

— Что это ты дѣлаешь, спросилъ я еврея, вѣдь ты говорилъ, что будешь покупать для Кракова, Лемберга и Вѣны большихъ шорныхъ лошадей, зачѣмъ же тебѣ понадобились рыжія ремонтныя лошади?

— Для А. гусарскаго полка, отвѣчалъ мнѣ Мошка.

Послѣ этого отвѣта я еще болѣе изумился и сказалъ.

— Помилуй, пане Мошка, ты кажется собственными глазами видѣлъ П—каго ремонтъ, который и отправленъ уже въ депо, къ сдачѣ.

— Это ничего не значитъ, отвѣчалъ мнѣ Мошка, ремонтъ П—каго весь будетъ забракованъ.

Я на это ничего не отвѣчалъ, лишь пожалъ плечами и удалился. Вскорѣ ремонтныя лошади рыжей масти Мошкой всѣ были куплены, и еврей погналъ лошадей гономъ по степи. Впослѣдствіи я узналъ, что Мошка по прибытіи его лошадей въ городъ Вознесенскъ, гдѣ въ то время былъ штабъ пятой легкой кавалерійской дивизіи, всѣхъ лошадей поставилъ по дворамъ въ Контокузовкѣ, покрылъ попонами, сталъ ихъ чистить и навѣшивать торбы съ

Библиотека "Руниверс"

овсомъ. Въ недѣлю лошадей не было возможности узнать, онѣ до такой степени измѣнились и похорошѣли. Между тѣмъ началась сдача ремонта П—кого, эта сдача продолжалась нѣсколько дней, и дѣло кончилось тѣмъ, что весь ремонтъ П—каго, за исключеніемъ трехъ лошадей, былъ забракованъ. Скандалъ небывалый: 117 лошадей оказались негодными. Конечно для такого богатаго магната, какимъ былъ графъ П—кій, потеря, хотя бы и десяти тысячъ рублей ровно ничего не значила, но повторяю, скандалъ неизбѣжно долженъ былъ имѣть печальныя послѣдствія. Вся родовитая шляхта забраннаго края узнала бы объ этомъ фіаско главнаго ремонтера графа П—каго, такой срамъ неизмѣримо хуже всякой денежной потери. Ясновельможный графъ П—кій ежегодно имѣлъ обыкновеніе задавать пиръ на весь міръ, по случаю благополучной сдачи ремонта; а тутъ такой страшный скандалъ, весь ремонтъ забракованъ. Что онъ, графъ, будетъ говорить поветовому маршалку и всѣмъ родовитымъ панамъ? Кепско! думалъ П—кій, двигаясь изъ угла въ уголъ въ своемъ кабинетѣ. Въ это самое время лакей, войдя въ кабинетъ, доложилъ графу, что еврей Мошка желаетъ представиться его сіятельству. Ахъ Мошка!—оживленно вскричалъ П—кій,—вели ему войти. Вскорѣ пришелъ Мошка и остановясь на порогѣ низко кланялся графу.

— А пане Мошка, якъ сематъ, прошу сядай тутай.

Мошка, еще разъ низко поклонившись, сѣлъ на кончикъ стула.

— Какими судьбами ты здѣсь? продолжалъ графъ.

— Имѣю маленькую надобность въ Контокузовкѣ, отвѣчалъ Мошка и узнавъ, что ясно-вельможный графъ въ Вознесенскѣ, счелъ за пріятный долгъ засвидѣтельствовать вамъ мое почтеніе.

— Да, я задержался въ Вознесенскѣ, процедура пріемки лошадей затянулась на нѣсколько дней; а вѣдь ты правду сказалъ, говорилъ П—скій, помнишь въ Балтѣ, когда ты смотрѣлъ мой ремонтъ, дѣйствительно почти всѣ лошади забракованы, теперь я право и не знаю, что дѣлать, сто семнадцать лошадей одной масти, скоро купить нельзя, и выйдетъ такой позоръ, какого я и не ожидалъ.

— Что же, ваше сіятельство, возразилъ Мошка, это дѣло поправимое. Отъ ремонта, который я разсчитывалъ гнать въ Австрію, у меня остались съ сотню рыжихъ лошадей, если угодно вашему сіятельству, я предоставлю моихъ лошадей въ ваше распоряженіе.

— А соотвѣтствуютъ ли твои лошади инструкціи? спросилъ графъ.

— Думаю; что соотвѣтствуютъ, вы можете сегодня же заявить въ штабѣ, что у васъ готова для сдачи другая партія лошадей, и пріемъ можетъ начаться не позднѣе какъ послѣ завтра.

Библиотека "Руниверс"

— Я на это согласенъ, сказалъ графъ, а какія будутъ твои условія, панъ Мошка? спросилъ графъ.

— О ваше сіятельство, условія мои будутъ самыя маленькія, отвѣчалъ Мошка, за каждую принятую мою лошадь вы мнѣ дадите вашу забракованную и 70 руб. придачи.

Хотя ясневельможный магнатъ П-кій былъ и очень богатъ, но такія *маленькія* условія еврея ошеломили графа. Онъ долго торговался съ Мошкой, и было рѣшено, что П-кій приплачиваетъ къ каждой забракованной лошади 50 рублей. Графъ П-кій, зная Мошку за великаго знатока ремонтнаго сорта лошадей, даже и не полюбопытствовалъ взглянуть на предлагаемый ему евреемъ ремонтъ, тотчасъ же сдѣлалъ заявленіе въ штабъ, что у него П-каго имѣется другая партія лошадей, въ замѣнъ забракованныхъ.

На третій день пріемъ лошадей Мошки начался, при чемъ самъ еврей былъ въ сторонѣ, все дѣлалъ графъ П-кій. На этотъ разъ пріемка лошадей оказалась чрезвычайно удачной, ихъ почти всѣхъ приняли, и главный ремонтеръ штабсъ-ротмистръ графъ П-кій получилъ благодарность приказомъ по дивизіи.

Разсчитавшись съ Мошкой, графъ П-кій отправился въ свои маентки, гдѣ въ его обширномъ дворцѣ былъ данъ великолѣпный пиръ. Родовитые паны само собой разумѣется не узнали, что при вторичной сдачѣ ремонта главную роль игралъ еврей Мошка; это послѣднее обстоятельство было скрыто отъ родовитыхъ пановъ. Торжество графа П-каго было полное. За обѣдомъ сама супруга поветоваго маршалка подняла бокалъ и предложила гостямъ выпить за здоровье ясновельможнаго пана П—каго, дѣлающаго великую честь всему забранному краю. Всѣ остальные паны весьма сочувственно отнеслись къ тосту, предложенному панной маршалковой. Этотъ банкетъ, по случаю удачной сдачи ремонта, стоилъ П-кому едва ли не дороже *маленькихъ* условій съ Мошкой.

Послѣдній дѣйствительно сдѣлалъ не дурной гешефтъ. Принятыя Мошкой лошади П-каго были разсортированы на четверки шорнаго сорта и проданы весьма выгодно въ Австріи. Случай съ польскимъ графомъ П-кимъ былъ исключительнымъ, вообще же въ началѣ 50 годовъ Россія еще обладала конскимъ богатствомъ. Обширныя степи нашего отечества благопріятствовали къ разведенію табуновъ лошадей. Въ ту эпоху каждый крестьянинъ напримѣръ Тамбовской, Рязанской, Воронежской, Харьковской и другихъ губерній южной полосы Россіи, имѣлъ нѣсколько кобылицъ. Къ сожалѣнію уже въ 60-хъ годахъ овца вытѣснила лошадь, *почтеннѣйшіе* коммерсанты, такъ удачно названные разбойниками сельскаго хозяйства, нанимая цѣлину въ количествѣ десятковъ тысячъ десятинъ, распахивали ее,

Библиотека "Руниверс"

выжимали изъ земли всѣ соки и бросали эту землю, на которой ничего не могло родиться, кромѣ бурьяну и колючки. Такіе промышленники, не заботясь о благосостояніи края, наживали громадные барыши на свои капиталы, а потомъ, разумѣется, ложились на печки въ своихъ замоскворѣцкихъ палатахъ и ежемѣсячно отрѣзывали купоны отъ своихъ банковыхъ билетовъ.

Насколько Россійское Государство и народъ выигрывали и выигрываютъ отъ такой коммерціи почтеннѣйшихъ, предоставляю судить каждому благомыслящему человѣку. Если я буду говорить, за какія цѣны я покупалъ въ 50-хъ годахъ лошадей, едва ли кто мнѣ повѣритъ, до такой степени малы были эти цѣны. Лошадь, которую въ то время можно было купить за 30, 40 рублей, теперь надо заплатить 150 руб. или 200 рублей. Я помню, разъ мнѣ пришлось ѣхать въ депо, находившееся тогда въ мѣстечкѣ Кривое-Озеро, Подольской губ. На этотъ разъ я ѣхалъ не на почтовыхъ лошадяхъ, а въ балагульской фурѣ съ евреемъ. Помню, я обратилъ вниманіе на пристяжную съ лѣвой стороны. Это была лошадь прекрасно сложенная, ростомъ около 2 аршинъ 3 вершковъ. Я спросилъ возницу, какихъ лѣтъ его лѣвая кобылка пристяжная?—Четыре года весна, отвѣчалъ мнѣ еврей.—Не продашь ли мнѣ лѣвую пристяжную, спросилъ я.—Почему не продать, отвѣчалъ мнѣ еврей, продамъ,—а лишь моя кобылка не дешевая, бо дюже добра коняка.—Сколько же ты за нее хочешь? спрашивалъ я. Меньше 25 карбавонцевъ я за нее взять не могу, объявилъ мнѣ еврей.—Ну, это для меня черезчуръ дорого, сказалъ я.—А много ли вы даете, приставалъ еврей. — Любую половину, хладнокровно отвѣчалъ я. Ахъ, Боже мой, гримасничалъ еврей, за такую добрую коняку 12 карбованцовъ! Ахъ Боже мой! Я ничего не отвѣчалъ и мы молча доѣхали до мѣстечка Ревутскаго, гдѣ предположено было сдѣлать небольшую остановку. Выйдя изъ фуры, я просилъ подать мнѣ самоваръ, что и было исполнено. Зная еврейскую натуру, я былъ увѣренъ, что мой возница прійдетъ толковать со мной о своей конякѣ. Я не ошибся; едва мною былъ выпитъ стаканъ чаю, какъ въ комнату вошелъ балагулъ.

— Ну что же, вельможный пане, обратился онъ ко мнѣ, возьмете вы у меня лѣвую пристяжную?

— Нѣтъ, равнодушно отвѣчалъ я, твоя коняка для меня слишкомъ дорога.

— Ахъ, Боже мой, заторопился еврей, я пожалуй уступлю два карбованца.

— Нѣтъ, не надо, продолжалъ я. Видя мое равнодушіе къ покупкѣ *дюже доброй коняки*, еврей заторопился еще болѣе и вскричалъ—ну нехай буде двадцать карбованцевъ.

Библиотека "Руниверс"

И на эту уступку я не пошелъ. Долго мы торговались еврей ерзалъ на стулѣ, гримасничалъ, убавлялъ по полтиннику, наконецъ мы сошлись и ударили по рукамъ; я купилъ пристяжную за 15 руб. При чемъ произошелъ очень характерный фактъ. Когда я отдавалъ за лошадь деньги, еврей съ ужимками сталъ просить меня, чтобы я далъ ему на поводокъ 50 копѣекъ. Хотя въ данномъ случаѣ и не было надобности давать на поводокъ, но еврей такъ корчился и униженно меня просилъ, что я наконецъ выбросилъ ему полтинникъ. Дальнѣйшая судьба купленной мною у балагула лошади заслуживаетъ вниманія.

По пріѣздѣ въ депо я отдалъ мою кобылку унтеръ-офицеру, просилъ получше чистить лошадь, покрыть ее попоной, два раза въ день навѣшивать торбы съ овсомъ и черезъ день гонять на кордѣ. Черезъ три мѣсяца я не узналъ моей кобылки, она нѣсколько подросла, сложилась и имѣла видъ самаго лучшаго породера. Словомъ сказать эта еврейская коняка украсила весь мой ремонтъ. По приводѣ лошадей въ полковой штабъ я тотчасъ же получилъ свѣдѣнія, что по пріемѣ ремонта, полковой командиръ оставилъ еврейскую кобылку за собой. Впослѣдствіи она была выѣзжена, и полковой командиръ производилъ на ней фуроръ. Произведенный въ генералы, онъ былъ назначенъ командиромъ одного изъ гвардейскихъ полковъ и продалъ бывшую еврейскую пристяжную новому командиру полка за тысячу пятьсотъ рублей.

И это не одинъ случай въ моей ремонтерской практикѣ.

Въ началѣ 50-хъ годовъ можно было покупать прекрасныхъ лошадей за самую ничтожную цѣну.

Я помню въ 1852 году случилась мнѣ надобность побывать въ Крымскомъ имѣніи; путь мой лежалъ черезъ городъ Карасу-базаръ, гдѣ въ день моего проѣзда черезъ этотъ городъ былъ торгъ, нѣчто вродѣ маленькой ярмарки. Сосѣдніе крестьяне, татары, нѣмцы и болгары каждый четвергъ везли въ Карасу-базаръ различные сельскіе продукты и пригоняли для продажи скотъ, овецъ и лошадей. Пріѣхавъ въ городъ, я остановился въ единственной гостиницѣ, потребовалъ себѣ обѣдъ и приказалъ сходить на станцію за лошадьми. Въ то время, когда я ѣлъ супъ, къ моему столу подошелъ офицеръ Донского войска, впослѣдствіи оказавшійся есауломъ Г—нымъ.

— Вы, кажется, ремонтеръ, обратился ко мнѣ есаулъ. Я молча поклонился и спросилъ его, что ему отъ меня нужно.

— Вотъ изволите ли видѣть, господинъ ремонтеръ, отвѣчалъ мнѣ казакъ, присаживаясь на стулъ, я былъ поставленъ въ заблужденіе. У насъ на Дону меня увѣрили, что въ Карасу-базарѣ можно на-

Библиотека "Руниверс"

дѣяться на хорошій сбытъ лошадей, я и пригналъ сюда мой табунъ въ 120 головъ. Неугодно ли взглянуть, мои лошади пасутся тутъ недалеко въ степи.

— А выйдутъ ли въ мѣру ваши лошади? спросилъ я.

— Какъ вамъ доложить, отвѣчалъ мнѣ казакъ, въ моемъ табунѣ есть всякія лошади и съ мѣрой и безъ мѣры; есть также и отмастки.

— А много этихъ отмастокъ? задалъ я вопросъ казаку.

— Не очень много, а есть, да вотъ пожалуйте, сами увидите, продолжалъ, вставая Г. Я докончилъ мою трапезу, и мы отправились въ путь. Табунъ дѣйствительно ходилъ не далеко въ степи за послѣдними домиками. Я сталъ внимательно осматривать лошадей и мысленно насчиталъ головъ 35 годныхъ для ремонта.

— Пожалуй, я готовъ купить часть вашихъ лошадей, но не иначе, какъ на выборъ, говорилъ я.

— Помилуйте,—вскричалъ казакъ—куда же мнѣ дѣваться съ остальными лошадьми, не гнать же ихъ обратно на Донъ; вы лучше купите у меня весь табунъ, я вамъ дешево его продамъ,— прибавилъ Г—инъ.

Хотя покупка отмастковъ и недомѣрковъ и не входила въ мои разсчеты, но въ данномъ случаѣ сдѣлка для меня могла быть весьма выгодною.

— А сколько бы вы взяли за вашъ весь табунъ?—спросилъ я.

— Въ моемъ табунѣ,—говорилъ Г—инъ—съ отмастками, двухгодовиками и годовиками есть болѣе ста двадцати лошадей, извольте, я весь табунъ отдаю вамъ за тысячу четыреста рублей, значитъ, до десяти рублей за голову,—говорилъ есаулъ

— На эти условія я не могу согласиться,—возразилъ я,—пятьсотъ рублей за вашъ табунъ пожалуй готовъ дать, но не болѣе.

Г—ну, какъ я замѣтилъ, было необходимо продать лошадей. Онъ быстро началъ уступать и, когда мы дошли до гостиницы, весь табунъ Г—на былъ мною купленъ за шестьсотъ рублей. Между тѣмъ, передъ гостиницей стоялъ мой экипажъ, запряженный почтовыми лошадьми. Я едва успѣлъ разсчитаться съ Г—нымъ и взять у него расписку на купленныхъ мною лошадей.

— Ну, господинъ ремонтеръ, выручили вы меня—говорилъ радостно Г—инъ, провожая меня къ экипажу.

— Что бы я дѣлалъ съ моимъ табуномъ, здѣсь кромѣ мелкаго скота ничего не бываетъ Прощайте, господинъ офицеръ, желаю вамъ благополучнаго пути.

Ямщикъ шевельнулъ вожжами, и мы тронулись въ путь по направленію къ Бурундуку. Моя покупка донского табуна была чрез-

Библиотека "Руниверс"

вычайно удачна. Изъ 120 лошадей годились въ ремонтъ, какъ по росту, такъ и по сложенію тридцать лошадей, что составляетъ по ремонтной цѣнѣ 2.400 рублей; отмастки и недоростки также были для меня не въ убытокъ, всѣ они разошлись по хорошимъ цѣнамъ.

По моей профессіи ремонтера я былъ вынужденъ вести бродячую жизнь,—посѣщать ярмарки, землевладѣльцевъ, крестьянъ и помѣщиковъ. На ярмаркахъ, въ особенности Лебедянской, Коренной и Роменской, мнѣ всегда случалось встрѣчать великое множество шуллеровъ. Эти господа чрезвычайно искусно всегда разыгрывали разныя роли. То помѣщиковъ, то коммерсантовъ, то отставныхъ генераловъ. Главная цѣль этихъ карточныхъ мастеровъ заключалась въ томъ, чтобы обыграть навѣрное ремонтеровъ, комиссаріатскихъ чиновниковъ, купцовъ или коннозаводчиковъ. Являясь на ярмарку, такой шуллеръ разыгрывалъ изъ себя роль, напримѣръ, коммерсанта; онъ знакомился съ помѣщиками, торговалъ у нихъ большія партіи хлѣба, даже давалъ значительные задатки, и все шло благополучно, пока помѣщикъ не сѣлъ играть по маленькой въ преферансъ и не сталъ квитаться, разскладывая карты направо и налѣво. Эти игры по маленькой почти всегда оканчивались проигрышемъ большихъ суммъ денегъ, а иногда и залогомъ недвижимаго имущества. Ремонтерамъ шуллера всегда предлагаютъ купить у нихъ ставку лошадей, которыхъ управляющій долженъ прислать на ярмарку. Дѣло главнымъ образомъ всегда заключалось въ томъ, чтобы свести знакомство съ ремонтеромъ, а тамъ уже дѣло пойдетъ какъ по маслу.

Обыкновенно шуллера заводятъ знакомство съ ремонтерами въ ресторанахъ, въ билліардныхъ комнатахъ. Такимъ образомъ составляется знакомство; вечеромъ въ ресторанѣ шуллеръ и ремонтеръ встрѣчаются уже какъ знакомые. Слушая удалыя пѣсни московскихъ цыганъ, новые знакомые пьютъ шампанское и подъ конецъ вечера сходятся на брудершафтъ. Остальное совершается самымъ обыкновеннымъ образомъ. Шуллеръ на зарѣ приглашаетъ ремонтера къ себѣ въ комнату немножко отдохнуть, ремонтеръ, разумѣется, принимаетъ приглашаніе. Въ комнатѣ мнимаго коммерсанта или помѣщика оказывается еще двое коммерсантовъ, одинъ изъ нихъ мечетъ штосъ, составляется знакомство; потомъ дѣло доходитъ до купленныхъ ремонтныхъ лошадей, и онѣ всѣ проигрываются. Дѣло оканчивается позоромъ, ремонтеръ пускаетъ себѣ пулю въ лобъ, начинается слѣдствіе, но слѣдователямъ не удается допрашивать ни мнимыхъ коммерсантовъ, ни мнимыхъ помѣщиковъ: они безслѣдно исчезаютъ неизвѣстно куда.

Такія исторіи мнѣ случалось не разъ видѣть на ярмаркахъ.

Н. А. Поповъ.

Библиотека "Руниверс"

Письма и рескрипты Императора Павла I фельдмаршалу графу И. П. Салтыкову.

Гатчина. 22 сентября 1798 г.

(Собственноручно). Нужно, графъ Иванъ Петровичъ, Вамъ поглядѣть, нѣтъ-ли злоупотребленій въ построеніи въ Москвѣ казармъ. Что узнаете, напишите ко мнѣ, вашъ

(Павелъ).

Павловскъ. 29 мая 1799 г.

Господинъ генералъ-фельдмаршалъ и Московскій военный губернаторъ графъ Салтыковъ 2-й. Входя въ гоненія, кои претерпѣваетъ уже съ нѣкотораго времени отъ матери своей мой генералъ-адъютантъ князь Щербатовъ и желая прекратить оныя, какъ отъ качествъ непохвальныхъ нраву ея происходящія, захотѣлъ я для обоюднаго ихъ спокойствія отъ имени моего написать къ матери увѣщательное письмо, и въ слѣдъ за онымъ послалъ къ ней сына нарочно для сихъ причинъ. Она же, не взирая на все, что я отъ моего благоволенія располагалъ къ ея пользѣ и чести, вмѣсто ожидаемаго мною миролюбія, въ другой разъ еще проклятіе свое на него князя Щербатова наложила. Видя въ таковыхъ поступкахъ ея совершенное забвеніе всего того, что она обязана не особѣ уже моей, но моему сану, повелѣваю вамъ тотчасъ по полученіи сего ѣхать къ ней и, ежели она въ то же самое время не проститъ своего сына, къ нему о томъ написавъ, то взять ее и отдать подъ начало въ монастырь, оглася по городу и по губерніи продерзостный ея противу сына ея поступокъ, и о всемъ безъ замедленія меня увѣдомить. Пребываю къ вамъ благосклонный

(Павелъ).

Библиотека "Руниверс"

Гатчина. 22 августа 1799 г.

Господинъ генералъ-фельдмаршалъ графъ Салтыковъ 2-й.—Драгунскаго Глазенапа полку драгуна Скрипниченко и жену его Евдокію, за признаніе ими самими, что содержатъ духоборческую ересь, повелѣваю ихъ наказать кнутомъ и вырвавъ ноздри сослать на каторгу въ Екатеринбургъ. Пребываю вамъ благосклонный

(Павелъ).

С.-Петербургъ. 3 февраля 1800 г.

Господинъ генералъ-фельдмаршалъ графъ Салтыковъ 2-й. Съ удивленіемъ усматриваю я изъ донесеніевъ вашихъ, что вы въ исправленіи своей должности держитесь еще старымъ обрядамъ, которые болѣе трехъ лѣтъ стараюсь я искоренить, сіе меня тѣмъ болѣе въ васъ удивляетъ, что вы по чину вашему должны служить примѣромъ другимъ и точнымъ исполненіемъ моихъ приказаній заслуживать довѣренность, которую я вамъ оказываю

(Павелъ).

Петергофъ. 4 іюня 1800 г.

Господинъ генералъ-фельдмаршалъ графъ Салтыковъ 2-й. Вслѣдствіе рапорта ко мнѣ вашего прошедшаго іюня отъ 26 числа въ разсужденіи изобрѣтенія въ Москвѣ аптекаремъ Биндгеймомъ дѣланія сахару изъ бѣлой свеклы, и соображая важную пользу, отъ онаго произойти могущую, повелѣваю вамъ узнать отъ него Биндгейма, какое количество пудовъ сахару можетъ онъ въ годъ такимъ образомъ сдѣлать? на какомъ положеніи производить сіе согласится? Отъ себя ли вести продажу онаго или же способъ сей открыть захочетъ, и за какую цѣну? О чемъ о всемъ обстоятельно отъ него узнайте. Важнѣйшимъ же предметомъ въ семъ изобрѣтеніи есть то, что есть ли оное къ употребленію найдется удобнымъ, то, симъ способомъ довольствуяся, можно будетъ обойтися безъ покупки сахару отъ иностранныхъ, и вывозъ онаго изъ чужихъ край тогда прекратится. Что, какъ сами судить можете, принесетъ важную выгоду и прибыль. О чемъ прошу не разглашать. Пребываю къ вамъ благосклонный

(Павелъ).

Сообщилъ В. П. Федоровъ.

Библиотека "Руниверс"

Изъ архива князя Л. А. Ухтомскаго.

Воскресенье. Вчера вечеромъ, тотчасъ послѣ обѣда, я поѣхалъ отыскивать своихъ знакомыхъ на Бельбекъ. Мы ночью скакали черезъ лѣсъ, и я не понимаю, какъ я не сломалъ себѣ шеи. Съ разсвѣтомъ я возвратился уже на пароходъ. Всѣ наши въ движеніи, собираются въ дорогу, хлопочутъ о лошадяхъ, повозкахъ; мы достали простыя телѣги, переправили ихъ на Графскую пристань и часовъ въ 9 тронулись изъ города. Сначала мы хотѣли взять французскій дилижансъ на цѣлый день, но съ насъ запросили 160 франковъ, что показалось намъ слишкомъ дорого.

Выѣзжая изъ города, мы встрѣтили французскій баталіонъ, который съ музыкой входилъ для занятія карауловъ. Мнѣ понравилось приспособленіе музыкантовъ, которые на походѣ играли по нотамъ, держа ихъ на проволокѣ, прикрѣпленной къ инструментамъ.

Дорога къ Камышу сдѣлана изъ прекраснаго шоссе. Влѣво отъ пасторскаго хутора разбитъ большой французскій лагерь. Далѣе бо́льшая часть мѣстности заселена и мѣстами засѣяна. Подъѣхавъ въ Камышу, мы увидѣли огромную кремальерную линію, еще хорошо сохранившуюся. Вездѣ движеніе, дѣятельность, шумъ. Мы отыскали улицу Наполеона, магазинъ № 9, который намъ рекомендовали. Въ Камышѣ все очень дорого, кромѣ винъ. На наше замѣчаніе, что многія вещи можно купить дешевле въ Одессѣ, въ магазинѣ намъ отвѣтили, что въ этомъ виноваты русскіе, которые покупаютъ все въ такомъ количествѣ, что теперь, имѣя мало вещей, торговцы принуждены возвышать цѣны. При разсчетѣ отъ

Библиотека "Руниверс"

насъ принимали наши ассигнаціи. Это показалось намъ страннымъ; но потомъ мы узнали, что русскіе подрядчики доставляютъ на французскую армію скотъ (по 42 р. с. штука), за который платятъ нашими же бумажками.

Уже два часа. Французы въ это время завтракаютъ; обѣдаютъ же они въ шесть часовъ. Мы тоже закусили. Завтракъ состоялъ изъ пяти блюдъ. Нанятый нами за 100 фр. дилижансъ уже давно былъ готовъ, и мы поторопились въ Балаклаву, отложивъ на завтра осмотръ эскадры, стоявшей въ Камышевой бухтѣ. Ѣхали мы по шоссе очень скоро. Дорогой намъ встрѣчалось множество вьючныхъ муловъ, которые всѣ запряжены во французскія повозки. Удивительно, откуда они могли набрать ихъ въ такомъ множествѣ! Намъ встрѣчалось много кавалеристовъ. Вообще лошади ихъ очень красивы.

Нашъ возничій былъ разговорчивый испанецъ. Онъ намъ разсказывалъ, что ихъ пришло много изъ Испаніи съ мулами, что англичане давали имъ хорошее жалованье; но что, однажды, комиссаръ, который ими завѣдывалъ, скрылся съ ихъ паспортами; что къ нему придралась полиція, и что онъ долженъ былъ отдать всѣ свои деньги, чтобы отдѣлаться; что сначала онъ нанимался у англичанъ, а потомъ у французовъ.

„Кто же лучше изъ нихъ?“ спросили мы.

Онъ немного подумалъ и потомъ отвѣчалъ, что французы лучше въ обращеніи, но что англичане лучше платятъ.

Кромѣ испанца на козлахъ сидѣлъ французскій солдатъ, который разсказывалъ намъ длинную исторію своихъ походовъ въ Африкѣ, гдѣ онъ служилъ 15 лѣтъ и теперь, окончивъ Крымскую кампанію, остается въ Россіи, гдѣ ему очень понравилось.

Мы остановились около Сардинскаго лагеря. Въ это время проѣзжалъ маршалъ Пелисье въ колескѣ съ французскимъ адмираломъ. Пелисье—человѣкъ средняго роста съ большими черными глазами, съ волосами съ просѣдью. Мы отдали ему честь. Онъ отвѣчалъ намъ тѣмъ же.

Наконецъ мы подъѣзжаемъ къ Балаклавѣ. Намъ встрѣчается много кавалеристовъ на прекрасныхъ лошадяхъ: солдаты одѣты въ красные мундиры. Множество повозокъ тянется по дорогѣ. По сторонамъ деревянные бараки съ полукруглыми желѣзными крышами. Въ лощинѣ—огромный складъ разныхъ колесъ. Далѣе сложены запасы. Вообще картина оживляется.

Новая Балаклава состоитъ изъ деревянныхъ бараковъ, магазиновъ и гостиницъ. На площади—толпа народа.—До стараго города или Балаклавской бухты нужно пройти еще версту. Бухта полна

Библиотека "Руниверс"

купеческими судами и пароходами. Суда подходятъ къ пристани, складываютъ грузъ подъ навѣсъ, отъ котораго начинается желѣзная дорога и идутъ вагоны къ главной англійской квартирѣ. Сегодня праздникъ и работъ нѣтъ.

На Мальтійской шлюпкѣ мы прошли вдоль бухты и пристали къ англійскому фрегату. (Онъ — подъ адмиральскимъ флагомъ). Насъ встрѣтилъ вахтенный лейтенантъ, съ которымъ мы пошли осматривать фрегатъ. На концахъ стояли четыре бомбинныхъ орудія съ русскимъ клеймомъ. Вообще—все очень грязно. Пройдя батарею, кубрикъ (гдѣ для матросовъ имѣлись подвѣсные столы), осмотрѣвъ арсеналъ и шкиперскую каюту, мы были приглашены въ каютъ-кампанію, гдѣ намъ подали марсалу и сухари. Изъ англійскихъ офицеровъ одинъ докторъ зналъ по-французски. Изъ насъ никто не говорилъ по-англійски. Съ докторомъ мы все время и говорили. Онъ разсказывалъ намъ, что здѣсь очень скучно, и что охота составляетъ единственное развлеченіе ихъ; что они убили здѣсь много неизвѣстныхъ доселѣ птицъ, чѣмъ обогатилась натуральная исторія, и что теперь собирается большое общество, чтобы сдѣлать путешествіе по всему южному берегу Крыма до Ѳеодосіи.

Во время разговора кто-то изъ насъ упомянулъ большой редантъ (такъ называютъ англичане 3-й бастіонъ, противъ котораго они вели осаду, штурмовали его и были отбиты). Нужно было посмотрѣть на сконфуженныя лица англичанъ. Слово „большой редантъ“ они не могутъ слышать хладнокровно [1]).

Послѣ фрегата мы осматривали паровую пекарню, которая стояла на рейдѣ. Она устроена на суднѣ и, посредствомъ машины, выпускаетъ въ сутки до 7 тысячъ хлѣбовъ (въ 6 ф. каждый), здѣсь 37 работниковъ.

Возвратясь къ дилижансу, мы зашли въ гостиницу закусить. Цѣны на все—ужасныя. Тутъ я наткнулся на двухъ Славуновъ (?), и я не могъ отказаться отъ ихъ дружескаго приглашенія. Мы съ ними вдоволь бранили англичанъ и французовъ и разстались съ надеждою отомстить.

Изъ Балаклавы мы выѣхали часу въ 7-мъ и въ 9-мъ часу возвратились въ Камышъ, тотчасъ пошли въ театръ, партеръ и ложи котораго были полны офицерами и солдатами. Не знаю, какимъ

---

[1]) Разсказываютъ по этому случаю слѣдующій забавный анекдотъ: въ одной французской харчевнѣ было много англійскихъ солдатъ. Одинъ изъ нихъ, выпивши, все приставалъ къ маркитанткѣ. Та, наконецъ, пошла жаловаться своему любовнику.—„Э, моя милая“, отвѣтилъ тотъ спокойно: „Не безпокойся! тебѣ стоитъ только написать..... „большой редантъ“ и англичане ни за что не возьмутъ его“. (Разсказъ кн. Ухтомскаго).

Библиотека "Руниверс"

образомъ мы попали въ ложу, гдѣ были и французскіе офицеры. Играли французскій водевиль. При каждомъ каламбурѣ весь партеръ хохоталъ или громко дѣлалъ свои замѣчанія. Въ антрактахъ, когда музыка играла какой-нибудь маршъ, то мало по малу весь партеръ отбивалъ тактъ ногами, такъ что иногда поднимался страшный шумъ. Я не въ состоянія былъ сидѣть; голова трещала ужасно, и передъ концомъ спектакля мы пошли ужинать въ Отель де Салонъ, гдѣ все было очень дорого, и гдѣ за два пирожка я заплатилъ 3 р. с. Въ ожиданіи нашего дилижанса, я сталъ разсматривать общество. За сосѣднимъ столомъ сидѣло нѣсколько французскихъ офицеровъ; дальше пьяная компанія англичанъ слушала какого-то оратора и отвѣчала односложными звуками. Къ намъ подсѣли два французскихъ сержанта и свободно заговорили съ нами по-русски, а на наше удивленіе, сказали, что одинъ изъ нихъ родился въ Россіи, а другой былъ при посольствѣ. Но, по правильному выговору, не трудно догадаться, кто они.—Мы вышли на крыльцо и увидѣли обходъ, который записалъ № гостиницы и, уходя, совѣтовалъ ее запереть. Это значило, что съ хозяина возьмутъ штрафъ.

Слава Богу, нашъ экипажъ готовъ! Вдругъ какъ-то къ нашему кучеру, а потомъ и къ намъ привязался сержантъ иностраннаго легіона. Онъ разсказалъ намъ, что воспитывался въ одномъ германскомъ университетѣ, гдѣ ему наскучило, и онъ, бросивъ все, поступилъ на военную службу. Потомъ онъ присталъ къ нашему испанцу; между ними началась ссора, и тотъ уже выхватилъ, было, ножъ. Они разстались съ угрозами.

Вотъ мы тронулись изъ этой проклятой страны. Было темно, холодно; шелъ проливной дождь. И часу во второмъ ночи мы были на Графской пристани. Здѣсь—новая неудача: катеръ за нами не прислали. Хоти были и военныя шлюпки, но онѣ не имѣли права перевозить ранѣе утра. Намъ пришлось скрыться въ какой-то кабакъ, въ которомъ не было сухого мѣста, и тамъ уже всѣ спали. Мы помѣстились, кто на столѣ, кто на скамейкѣ, усталые, промокшіе и весьма недовольные своей поѣздкою. Воротились мы на пароходъ въ шестомъ часу утра. — Не успѣли отдохнуть и трехъ часовъ, какъ уже пришлось ѣхать съ адмираломъ по нашей оборонительной линіи Сѣверной стороны. Батареи разрушались. Матросы жили въ деревнѣ, ими построенной; тутъ же была и церковь.

На обратномъ пути, проѣзжая рынокъ, мы обратили вниманіе на огромную толпу, которая собралась около чего-то: шумъ, крикъ. Подъѣзжаемъ ближе, видимъ, на землѣ лежитъ связанный англійскій солдатъ, избитый и что-то кричитъ. Въ числѣ зрителей было много иностранцевъ. Мы узнали, что три англичанина за безпорядки

Библиотека "Руниверс"

были нами арестованы, но вырвались, едва не убивъ часового, и бѣжали. Свидѣтелями этой сцены были англійскіе офицеры. Они схватили виновнаго, поколотили его и, связавъ, поскакали догонять другихъ. Подошедшій къ намъ полиціймейстеръ жаловался, говоря, что не знаетъ, что дѣлать, такъ какъ караулъ очень незначителенъ для того, чтобы унимать пьяныхъ иностранцевъ и, хотя англичане и французы присылаютъ по праздникамъ своихъ жандармовъ, но что этого недостаточно. „Еще французы ведутъ себя хорошо", говорилъ онъ: „но чуть собрались 5—6 человѣкъ англичанъ—сейчасъ напьются и давай драться или разбивать лавки".

Сначала наши люди жили мирно съ иностранцами, всегда вмѣстѣ пьянствовали. Бывало, наши загуляютъ въ гостяхъ, ихъ тамъ уложатъ спать, а тѣ ночью встанутъ пораньше, заберутъ что получше въ домѣ—и на утекъ. Тѣ на другой день являются съ жалобой къ нашему начальству. Англичане и французы, съ своей стороны, тоже подали поводъ къ непріятностямъ: заходили въ наши лавки, таскали бутылки съ виномъ, а, ежели сила позволяла, то, подгулявъ, прямо разбивали. Теперь уже дружба кончена и, чуть подопьютъ, сейчасъ драка. Разъ было очень серьезное дѣло: наша шлюпка взялась перевезти нѣсколько французовъ на Графскую пристань. По дорогѣ не сошлись въ цѣнѣ. Наши поворотили назадъ. Этотъ споръ происходилъ ночью, около французскаго парохода, на которомъ полагая, что мы взяли въ плѣнъ, немедленно отправили двѣ вооруженныхъ шлюпки—отбивать своихъ и по ошибкѣ пристали къ людямъ 31-го экипажа, которые не были виновны. Началась драка: у насъ одинъ былъ раненъ и двое взяты въ плѣнъ. Французы потеряли одного плѣннаго. На утро все объяснилось. Но говорятъ, что это дошло до свѣдѣнія французскаго адмирала, и что будто бы командиръ парохода отданъ подъ судъ.

Одинъ англичанинъ подъѣхалъ къ нашему табуну. Наши люди были близко и смотрѣли, что онъ хочетъ дѣлать. Англичанинъ подошелъ къ одной лошади, посмотрѣлъ ее, другую, третью, выбралъ лучшую, осѣдлалъ и, оставивъ свою, дрянную, уѣхалъ къ изумленію зрителей.

Вотъ—отрывокъ изъ дневника князя Ухтомскаго—о посѣщеніи имъ Бердянска.

„... Мы сожгли свои пароходы, а команды отступили во внутрь страны. Непріятель прислалъ шлюпку. Навстрѣчу вышелъ градоначальникъ и спросилъ, что имъ нужно, говоря, что это—городъ коммерческій, гдѣ нѣтъ ни военныхъ снарядовъ, ни казенныхъ вещей. На что ему отвѣтили, что частнаго не тронутъ, а спрашивали, гдѣ вещи съ парохода?—Имъ заявили, что вещи забраны коман-

Библиотека "Руниверс"

дою. Но тутъ нашелся одинъ, который выдалъ, говоря, что вещи съ парохода въ такомъ-то частномъ домѣ. Тогда вещи взяли, домъ сожгли, градоначальника смѣнили и изъ жителей выбрали другого. Потомъ ходили въ Ейскъ, гдѣ былъ большой складъ для арміи хлѣба, сожгли, уничтожили тоже Геническъ, бомбардировали Арабатъ (гдѣ 70 орудій), но отступили. Въ Азовскомъ морѣ сожгли всѣ каботажныя суда".

Не менѣе интересно то, что записано княземъ, со словъ очевидцевъ, въ его журналѣ относительно блокады Керчи.

Въ іюлѣ 1856 г., князь Ухтомскій попадаетъ въ этотъ опустошенный городъ.

Вотъ—дневникъ его, относящійся къ посѣщенію.

12 мая 1855 года, въ ясную погоду, непріятель сдѣлалъ высадку въ Керченскій проливъ, около Акъ-Буруна. Генералъ Врангель послалъ два легкихъ полевыхъ орудія для того, чтобы помѣшать имъ. На нашъ первый выстрѣлъ они отвѣчали залпомъ съ гребныхъ судовъ, послѣ чего казаки возвратились съ отвѣтомъ, что „непріятеля пришло видимо невидимо". (Въ самомъ же дѣлѣ ихъ было до 18 тысячъ). Ген. Врангель, полагая, по числу пришедшихъ судовъ, что непріятель вышелъ въ 70 числѣ тысячъ, велѣлъ взорвать батареи, а войскамъ отступить. Павловская батарея взорвалась первою. Видя это, англійскій адмиралъ собралъ командировъ судовъ, спрашивая ихъ: что за взрывъ? Не подводный ли взорванъ фугасъ? Этого они очень боялись. Для разрѣшенія этого вопроса, одинъ изъ командировъ маленькаго англійскаго парохода вызвался пройти къ фарватеру и осмотрѣть все. Въ это самое время, на скрытой батареѣ (командиръ мичманъ Бабенко) хотѣли еще дѣйствовать. Но мичманъ Богдановичъ пріѣхалъ туда со вторичнымъ приказаніемъ—взорвать батарею, угрожая иначе строгою отвѣтственностью. И батарея эта взорвалась въ тотъ самый моментъ, когда съ нею поравнялся англійскій пароходъ. Ген. Врангель выѣхалъ изъ города ночью, велѣвъ отвязать колокольчикъ, чтобы не обратить на себя вниманіе народа. Транспорты затоплены у Эникале, пароходы ушли въ Бердянскъ [1]). (Погоня за пароходомъ „Аргонавтъ").

Городъ въ это время представлялъ изъ себя страшный хаосъ. Всѣ жители столпились на площади, около собора. Непріятель вступилъ въ Керчь 13-го числа, и татары начали грабить городъ. Первые три дня была тѣнь порядка, но когда французы ушли въ Эникале, а на мѣсто ихъ вступили англичане, то тутъ уже начался всеобщій грабежъ. Татары, переодѣтые въ турецкіе костюмы, обирали церкви,

[1]) Эникале держался до 6 ч. вечера.

Библиотека "Руниверс"

убивали богатыхъ гражданъ и производили насилія. Англійскіе офицеры, вмѣсто того чтобы прекращать безпорядки, не стыдились разбивать замки комодовъ и наполнять карманы всѣмъ цѣннымъ, или разбивать лавки съ красными товарами. Англійскіе морскіе офицеры таскали изъ домовъ на себѣ картины, мебель и проч. Французы же, смотря на нихъ, пожимали плечами. Адмиралъ Лайнсъ очень сердился за это на своихъ. На другой день вступленія своего непріятель зажегъ магазины съ хлѣбомъ, но домовъ еще не разорялъ и укрѣпленій не дѣлалъ, кромѣ рва кругомъ города. Около новаго года, когда разнесся слухъ, что русскіе въ числѣ 70 т. приближаются къ городу, англичане выгнали 20 тысячъ турокъ и татаръ на земляныя работы.

Говорятъ, что въ это время турки были такъ ожесточены на союзниковъ, что ждали только появленія русскихъ, чтобы броситься на французовъ и англичанъ и перерѣзать ихъ. (Французовъ и англичанъ было едва-ли 5 тысячъ). Кругомъ города, на холмахъ, и около Павловской батареи дѣлали окопы и укрѣпленія, по улицамъ сдѣлали баррикады.—Канонерскія лодки подошли къ набережной, стали разорять и жечь дома. Во все время кампаніи въ Керчи оставалось до 1.300 жителей, даже открыты были лавки и учреждена полиція изъ гражданъ. По всему видно, что въ Керчи не было головы [1]). Князь Меншиковъ отказался отъ защиты этого края, Хомутовъ тоже, основываясь на томъ, что у него нѣтъ войскъ. Остался Врангель, который не умѣлъ распоряжаться. Кромѣ того здѣсь сошлись два вѣдомства—морское и сухопутное, мѣшавшія другъ другу. Средствъ къ оборонѣ было множество, Керчь имѣла адмиралтейство, литейный заводъ, матросовъ съ отряда до 700 человѣкъ, орудія съ транспортовъ и пароходовъ, много жителей для составленія милиціи. Словомъ это былъ второй Севастополь Чернаго моря. Самъ адмиралъ Вульфъ (начальникъ морскихъ командъ Керчи) былъ неспособенъ. Главными же его совѣтниками были К. Л.

---

[1]) Слѣдующій анекдотъ хорошо очерчиваетъ градоначальника—того времени кн. Гагарина. Однажды помощникъ его полковникъ Антоновичъ пришелъ къ нему съ важными дѣлами. Князь долго слушалъ его. Когда тотъ кончилъ, то князь просилъ повторить слова, ибо не разслышалъ потому, что все время смотрѣлъ, какъ его птичка воровала зернышки, а мышка подкрадывалась къ птичкѣ, чтобы ее поймать. Но теперь ихъ спугнули. И князь просилъ начать снова. Это уже переходъ къ младенчеству.

(Примѣчаніе кн. Ухтомскаго).

Библиотека "Руниверс"

Данилевскій и К. Л. Миленасъ—два глупѣйшихъ и трусливѣйшихъ офицера. Позоръ! Кругомъ позоръ! [1]).

Нѣкоторые полагаютъ, что можно было съ имѣющимися средствами удерживать непріятеля, который, сдѣлавъ эту высадку, мало разсчитывалъ на успѣхъ и былъ очень нерѣшителенъ. Напримѣръ, изъ жителей города можно было составить милицію; солдатъ и матросовъ малоспособныхъ оставить при случаѣ у орудій, а съ остальнымъ отрядомъ, простиравшимся до 5 тысячъ, удалиться за городъ, въ укрѣпленный лагерь. Не говоря уже о томъ, что изъ командъ купеческихъ судовъ, преимущественно греческихъ, бывшихъ передъ тѣмъ въ Азовскомъ морѣ и въ проливѣ, можно было бы составить лихой отрядъ; суда же затопить на фарватерѣ. (Конечно не такъ, какъ затопили транспорты, нагружая ихъ землею, которую вымыло, а суда разбросало).

Въ Керчи былъ сдѣланъ бонъ. Но по совѣту капитана надъ портомъ Д. [2]), бревна были разрѣзаны, обхватывали цѣпь, и огромный бонъ, сдѣланный такимъ образомъ, при сильномъ теченіи, быстро тонулъ и давалъ намъ много безполезныхъ хлопотъ, для того, чтобы онъ плавалъ.

Вслѣдъ за тѣмъ, мѣрою, о которой я говорилъ выше, слѣдовало оставленіе Новороссійска и Анапы. Тогда мы были бы такъ же сильны, какъ союзники. Теперь же, взятіе Керчи нанесло намъ страшный ударъ и имѣло пагубное вліяніе на весь ходъ Крымской кампаніи, ибо непріятель истребилъ огромные запасы Азовскаго моря, а взятіе Азовскаго моря потрясло разомъ четыре губерніи. Кромѣ того мы должны были дѣлать подвозъ къ Крымской арміи дальнимъ путемъ, черезъ что правительство истратило 77 милліоновъ лишнихъ, и въ такое время истощились подвозныя средства южнаго края.

Я былъ въ Керчи на Павловской батареѣ. Ея нѣтъ и слѣда. Сдѣланы новыя укрѣпленія у берега, гдѣ непріятель боялся нашего нападенія. Онъ провелъ кругомъ города, черезъ курганы и татарскую мечеть до карантинной дороги, кремальерную линію. Около моря — множество бараковъ и двѣ паровыя машины для перегонки соленой воды въ прѣсную, ибо это мѣсто — безводное. Сосѣдніе курганы тоже укрѣплены. Большая часть города сожжена или

---

[1]) „Впрочемъ, часть этого разсказа передана мнѣ Г. М., которому, какъ говорятъ, невсегда можно вѣрить“.

(Прим. кн. Ухтомскаго).

[2]) Фамилія неразобрана въ рукописи князя.

Библиотека "Руниверс"

разорена. Изъ домовъ вынуты всѣ мѣдныя вещи, какъ-то: замки, петли и проч., а самое дерево испорчено нарочно. Передъ выходомъ своимъ изъ Керчи англичане посылали каждый день до 300 человѣкъ турокъ съ топорами для уничтоженія фруктовыхъ садовъ. Музеума не существуетъ, лѣстницы тоже. Посѣщая эти развалины, заросшія травою, видишь какъ будто жилища древнихъ народовъ, между тѣмъ, какъ годъ тому назадъ все это было цѣло и обитаемо. Самое зданіе музеума цѣло. Кругомъ разбросаны остатки плитъ съ полуистертыми надписями. Одну плиту нашелъ я цѣлою съ слѣдующимъ изображеніемъ...

Французы оставили Керчь 5-го іюня и всѣ свои постройки подарили городу, но потомъ англичане перебрались въ нихъ и ихъ продавали. И какимъ образомъ! Тѣ же самыя вещи (напримѣръ, на Павловской батареѣ складъ желѣза, чугуна и разныхъ котловъ), за подписью своего главнокомандующаго Кемпля, проданы нѣсколькимъ лицамъ — и теперь между ними идутъ безконечные споры. Нѣкоторые изъ иностранцевъ еще торгуютъ въ городѣ, что имъ позволено до 15-го августа. Отъ города къ Павловской батареѣ сдѣлано ими убійственное шоссе. Черезъ рѣчку французами устроенъ каменный мостикъ на доскахъ, которыя уже выгнулись.

Уходя 10-го іюня, англичане забрали съ собою до 1.000 человѣкъ татаръ, самыхъ виновныхъ. Со дня заключенія мира купеческія суда спѣшатъ за хлѣбомъ. Въ Азовское море ихъ уже прошло до 6 тысячъ, чему, конечно, способствуетъ временное уничтоженіе карантина.

На одномъ обѣдѣ, въ послѣднее время, англійскій главнокомандующій г. Кемпль сказалъ, что Крымъ очень хорошая страна, что Керчь хорошенькій городокъ, который онъ желалъ бы завоевать для Англіи и быть въ немъ губернаторомъ. На что одинъ русскій полковникъ, участвовавшій въ обѣдѣ, ему отвѣтилъ, что для этого нужны силы и способности, которыхъ англичане не показали въ эту кампанію. Вообще союзники, и въ особенности англичане дали своимъ поведеніемъ въ Керчи о себѣ самое дурное понятіе. Керчь очень важный городъ, потому что здѣсь близко добывается каменный уголь и огромное количество желѣзной и чугунной руды, много соляныхъ озеръ, удобный рейсъ, и, ежели бы поправить древній молъ, то городъ этотъ, въ самое короткое время, сдѣлался бы богатымъ и торговымъ, тѣмъ болѣе, если къ нему будетъ проведена желѣзная дорога.

Вчера я пошелъ являться къ здѣшнему градоначальнику полковнику Антоновичу, но онъ еще спалъ и, въ ожиданіи, я пошелъ гулять и зашелъ въ соборъ: всѣ украшенія и образа цѣлы, чему мы

Библиотека "Руниверс"

обязаны заботамъ отца Іоанна, который все время войны жилъ въ городѣ и всѣми средствами хлопоталъ о сохраненіи храма.

Передъ выходомъ изъ Керчи нѣсколько англійскихъ офицеровъ пришли сюда и взяли золотой крестъ, говоря, что это имъ на память въ Лондонъ. Остальныя же церкви, не исключая и католической, разграблены. Во время службы я былъ одинъ.

Переходя изъ одного разореннаго города въ другой, я былъ вооруженъ противъ союзниковъ; но теперь подумалъ, что подчиненные невиноваты, а виновато правительство. Я усердно молился о томъ, чтобы Богъ вразумилъ людей, примирилъ бы ихъ между собою и послалъ бы на землю миръ и благоденствіе. Во время чтенія Евангелія, какъ здѣсь, такъ и въ Севастополѣ, меня поразило то, что въ церкви щебетали ласточки. Конечно, это—случайно, но оно производило отрадное впечатлѣніе.

Полковникъ Антоновичъ разсказывалъ, что въ началѣ мая 1854 г. онъ былъ посланъ г. Врангелемъ въ Крымъ, къ кн. Горчакову, чтобы объяснить ему положеніе Керчи и просить въ то же время войскъ и батарейную батарею, ибо у насъ, при отрядѣ, было всего 4 легкихъ орудія. На это онъ получилъ отъ князя отказъ и приказаніе, чтобы, при нападеніи непріятеля, оставить Керчь и, отступивъ, безпокоить непріятеля какъ найдетъ возможнымъ—въ случаѣ, ежели бы тотъ двинулся внутрь.—Полковникъ Антоновичъ объяснялъ то же самое Коцебу, начальнику штаба, на что тотъ отвѣтилъ, что Азовское море—вздоръ и потеря его ничего на значитъ.

Между тѣмъ союзники хотѣли непремѣнно овладѣть Керчью, гдѣ они видѣли постоянное движеніе обозовъ и купеческія суда, которыя безнаказанно брали хлѣбъ и уходили. Они уже дѣлали разъ попытку въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, но возвратились, несмотря на блокаду, имѣя мало войска. Полковникъ Антоновичъ говорилъ, что единственную силу Врангеля составлялъ черноморскій баталіонъ и гарнизонный полубаталіонъ, а потомъ разный сбродъ; что изъ жителей нельзя было составить милиціи, ибо они всѣ заняты были подвозкою къ главной арміи. Составленіе отряда изъ командъ греческихъ судовъ полковникъ считалъ дѣломъ невозможнымъ, ибо они безпрестанно приходили и уходили. Слѣдовательно, держаться было невозможно. Врангель же, отступивъ, занялъ такую выгодную позицію, что могъ все время держаться съ незначительными силами и, въ то же время, безпокоить непріятеля. (Казаки не разъ врывались въ самый городъ). Союзники сознаются, что они сдѣлали ошибку, высадившись въ Керчи, а не въ Ѳеодосіи. Тогда бы весь этотъ полу-островъ съ отрядомъ и проч. долженъ былъ бы сдаться самъ.

Библиотека "Руниверс"

Планъ затопленія судовъ въ Керчи.

8. 2.

7. 3. 6. 4. 5.

1. Акъ-Бурну.

1) Непріятельскій коммерческій пароходъ.
2) Три непріятельскихъ судна.
3) Четыре транспорта и до 60 якорей.
4) Транспортъ Арагва.
5) Лоцъ-шкуна.
6) Плавучая батарея.
7) Пароходъ Донецъ.
8) Пароходъ Могучій.

Остальныя суда затоплены въ Бердянскѣ, кромѣ парохода Таганрогъ, который ушелъ въ р. Донъ. Хотя командиру его велѣно было ввести туда же и канонерскія лодки, но онъ второпяхъ этого не исполнилъ.

Противъ всякаго ожиданія, я — опять въ Севастополѣ. Здѣсь картина перемѣнилась. Непріятельскія войска ушли, и бродяги всѣхъ націй наполнили Крымъ. Въ окрестностяхъ небезопасно. Французы ушли 23-го, англичане 30-го іюня. Послѣдніе не измѣнили себѣ до самаго отправленія: они смѣнили 50 человѣкъ солдатъ военно-рабочихъ ротъ, давъ имъ на мѣстѣ по 50 р. с. задатку. Наши правленія уже на Южной сторонѣ города; но жители еще не рѣшаются строиться, не зная новаго плана. Въ городѣ и окрестностяхъ вездѣ горятъ костры: жгутъ падаль, нечистоты и проч., для очищенія воздуха. На кладбищѣ Сѣверной стороны считаютъ погребенными 77 тысячъ, и столько же на С.....ъ [1]) кладбищѣ. Правительство дало большія суммы для пособія татарамъ, но ихъ нельзя считать разоренными. Пострадали только извѣстные уѣзды, напр. Евпаторійскій, гдѣ изъ 18 т. татаръ, передавшихся непріятелю, 12 т. умерло отъ болѣзней, 3 т. пропали безъ вѣсти, а остальные 3 т. возвратились въ разоренные аулы.

---

[1]) Слово неразобрано въ рукописи.

Библиотека "Руниверс"

Я объѣхалъ всѣ батареи, пересчитывая взорванные пороховые погреба: ихъ оказалось около одной трети. На бастіонахъ еще остались наши орудія и снаряды. Потомъ осматривали Инкерманскую позицію 4-го августа и мѣсто сраженія. Можетъ быть я ошибаюсь, но мнѣ кажется, что трудно было не взять Федюкиныхъ высотъ, гдѣ сдѣланы небольшіе эполементы для полевой артиллеріи, и только укрѣплена редутомъ одна высота. Отсюда, мимо Сардинскаго лагеря, мы поднялись на Сапунъ-гору. Шоссе, по всѣмъ направленіямъ, пересѣкаетъ мѣстность. Съ высоты Сапунъ-горы все пространство застроено французскимъ и англійскимъ лагеремъ. Тамъ есть улицы, множество вывѣсокъ кофейенъ, кабаковъ и проч. Есть улицы, по которымъ перебѣгаетъ много крысъ. Всѣ эти бараки проданы нашимъ купцамъ за пустую цѣну. Англійскій лагерь всегда можно узнать по огромному количеству разбитыхъ бутылокъ. Въ одномъ мѣстѣ ихъ цѣлая гора".

„Воскресенье. Сегодня Иннокентій служилъ въ Севастопольскомъ соборѣ и говорилъ проповѣдь, которою предсказывалъ обновленіе Севастополя и его цвѣтущую будущность".

10 августа.

Общество перестало ѣздить въ Спасскъ и по вечерамъ посѣщаетъ бульваръ. Николаевскій бульваръ—главное мѣсто для гулянья. Представьте себѣ длинныя ($1^1/_2$ версты), широкія аллеи вдоль обрывистаго берега Ингула; внизу, на рѣкѣ, замѣтна морская дѣятельность—видны суда, (одни воротились съ моря), другія готовятся идти на рейдъ (т. е. въ Спасскъ); пароходы разводятъ пары, купеческія суда выгружаютъ провіантъ или каменный уголь; шлюпки взадъ и впередъ снуютъ между ними; перевозные боты подъ парусами—въ разныхъ направленіяхъ; на транспортахъ видна работа, слышна команда вахтенныхъ офицеровъ, раздаются свистки. Все это напоминаетъ Севастополь, котораго я не могу забыть. Напрасно мы утѣшаемъ себя тѣмъ, что со временемъ у насъ опять будетъ флотъ на Черномъ морѣ, еще лучше прежняго. Можетъ быть многочисленнѣе, но не лучше—гдѣ взять подобныхъ начальниковъ, какъ Г., Л., К. и И.?! Кто дастъ школу для образованія такихъ офицеровъ, какъ Г., М., Т. и многіе другіе?—Когда еще будутъ продолжительныя кампаніи, чтобы дать намъ такія команды, какъ команды корабля 12-ти Апостоловъ, Гавр., Силистріи, Коварны, Орфея, Ласточки, Язона, Энея и проч., и проч.? Гдѣ найдется человѣкъ, способный образовать эту гармонію и влить въ общество

Библиотека "Руниверс"

морское ту нравственность, то рвеніе къ службѣ, которыми мы могли гордиться по справедливости? Намъ указываютъ на камеръ-кампанію пароходства. Она можетъ дать много денежныхъ выгодъ, но не воротитъ намъ прежняго, ибо деньги *развращаютъ* нравственность.—Зачѣмъ эти тяжелыя воспоминанія?! Лучше *пройдемся* по бульвару. Солнце сѣло. Пришла экипажная музыка, и толпы гуляющихъ наводнили аллеи".

Въ 1857 году, князь—снова въ Севастополѣ и въ его дневникѣ находимъ такія замѣтки:

„До сихъ поръ не могу привыкнуть къ развалинамъ Севастополя. Прохожу ночью мимо разрушенныхъ домовъ или около могилъ адмираловъ, и какой-то священный страхъ объемлетъ мою душу. Мнѣ такъ и кажется, что вотъ-вотъ выйдетъ покойникъ. Сегодня мнѣ показалось даже, что въ темнотѣ сверкнули чьи-то глаза—и меня бросило въ жаръ; но страхъ скоро прошелъ".

„Мнѣ пришло въ голову—начать морской журналъ, т. е. описаніе портовъ Чернаго моря ихъ жизни, разныхъ морскихъ случаевъ и, наконецъ, служебныхъ занятій, молодого, неопытнаго командира. Право, это было даже занимательно для читателей. Напримѣръ, начнемъ хоть съ Евпаторіи, изъ которой я вернулся вчера вечеромъ: 8 мая, въ 6 ч. послѣ обѣда, я снялся съ якоря изъ Севастополя и пошелъ къ Евпаторіи,—до которой считается 32 мили. Ночь проштилевали и только утромъ, въ 7 ч. я бросилъ якорь. Сейчасъ же отправился на берегъ къ тамошнему городничему капитанъ-лейтенанту Гусакову, моему старому сослуживцу. Черезъ два часа мы уже отправились съ нимъ верхами—осматривать оборонительную линію, сдѣланную союзниками для обороны Евпаторіи въ послѣднюю войну. Оборонительная линія опоясываетъ городъ отъ моря до моря. Толстые бруствера мѣстами выложены каменьями изъ разбросанныхъ домовъ, и мѣстами одѣты дерномъ. Глубокій ровъ наполненъ водою, частью изъ ближайшихъ колодцевъ, частью съ моря. Вся эта кремальерная линія показываетъ большія работы непріятеля; но это уже не та самая линія укрѣпленій, на которую шли наши войска штурмомъ 5 февраля 1855 г. Тѣ укрѣпленія были ближе къ городу. Теперь, за первою линіей, идутъ вторая и третья. Въ центрѣ послѣдней находится большой редутъ (названный редутомъ Омаръ-паши), отъ котораго проведено въ городъ шоссе. Сзади кремальерной линіи видны мѣста турецкаго лагеря и начатыя каменныя казармы. Объѣзжая городъ, мы не замѣтили большого разрушенія: немногіе дома пострадали и только разобраны кварталы, ближайшіе къ оборонительной линіи, для которой брали камень. Предстоящіе визиты помѣшали

Библиотека "Руниверс"

намъ проѣхать *на редутъ*, и мы успѣли посѣтить только общій памятникъ. (Сдѣлана порфировая колонна съ мѣднымъ крестомъ наверху русскимъ, убитымъ на штурмѣ 5 февраля). Остановившись около памятника, мы сошли съ лошадей и помолились за упокой падшихъ здѣсь.

Хотя мѣсто погребенія ихъ достовѣрно неизвѣстно, но памятникъ поставленъ именно на надлежащемъ мѣстѣ, потому что здѣсь было самое большое число убитыхъ.

Отсюда мы проѣхали на Караимское кладбище. Оно представляетъ странный видъ: надъ каждой могилою—большія плиты камня (даже мрамора), изображающія гробы. И передъ вами—цѣлыя поля окаменѣлыхъ гробовъ. Говорятъ, что за этими камнями (а, можетъ быть, и на татарскомъ кладбищѣ, которое немного дальше и гдѣ почти такіе же надгробные памятники) была главная схватка во время штурма. Возвратившись домой, мы отправились на званый обѣдъ къ директору здѣшняго карантиннаго форта Н. И. Казначееву.

Послѣ обѣда мы снова отправились верхами по берегу моря, чтобы взглянуть на остатки непріятельскихъ судовъ, выброшенныхъ на берегъ бурею 2 ноября 1854 г. Всѣхъ разбитыхъ судовъ считаютъ 11-ть. Часть ихъ разбита волненіемъ, часть разобрана жителями на дрова—и теперь подъ водою видны только 6-ть судовъ. Всѣ они разбились около городскихъ мельницъ и носомъ стоятъ къ берегу. Первымъ бросается въ глаза транспортъ подъ № 53: онъ будто стоитъ на якорѣ, весь цѣлъ, съ 3 мачтами. Транспортъ этотъ купленъ однимъ караимомъ за 800 р.

Далѣе лежитъ на боку колесный корветъ. Потомъ мы проѣхали мимо останковъ желѣзнаго винтового парохода (проданнаго за 25 р. с.). Далѣе, почти рядомъ съ кораблемъ Генриха IV, видны обломки другого транспорта подъ № 55. Всѣ эти суда брошены и ломаются на дрова. Смотря на остатки разбитыхъ судовъ, я не могу понять почему Черноморское вѣдомство не взяло на себя очистку Евпаторійскаго рейда, тѣмъ болѣе, что, какъ говорятъ, документы на покупку судовъ большей частью — ложные. Я даже сомнѣваюсь, имѣли ли право союзники продавать разбитыя суда, когда, по трактату, они должны были очистить наши берега къ 1 іюня 1856 г...

Жаль смотрѣть на постепенное уничтоженіе вещей, которыя могли бы быть съ пользою употреблены для флота.

1 сентября 1854 г. непріятельскій флотъ прошелъ въ Евпаторію, а 4 числа союзники заняли городъ. Неизвѣстно, на какомъ основаніи англичане требовали тогда отъ города 3.600 р. с. ежедневной кон-

Библиотека "Руниверс"

трибуціи, чего имъ, конечно, не дали, да и не въ состояніи были дать.

Оборонительныя работы Евпаторіи не могутъ удивлять насъ, ибо мы знаемъ, что у союзниковъ было здѣсь до 40 тысячъ гарнизона и до 30 тысячъ окрестныхъ татаръ. Бѣдственно было положеніе татаръ въ прошлую кампанію: въ городѣ союзники морили ихъ земляными работами и голодомъ; въ деревнѣ же ихъ грабили русскіе, а генералъ Корфъ поступилъ съ ними, какъ съ бунтовщиками".

Сообщ. А. В. Жиркевичъ.

Библиотека "Руниверс"

Депутатъ отъ Россіи.

(Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой).

ГЛАВА VIII.

Берлинскій конгрессъ и князь Горчаковъ.

Борьба окончилась въ маѣ. Англійское министерство подчинилось своему пораженію; но ему было дозволено отчасти скрыть капитуляцію между лордомъ Сольсбери и русскими представителями, скрѣпленную Европейскимъ ареопагомъ. Подписанную 30 мая, ее напечатали лишь 14 іюня.

Одинъ, или два пункта, предоставленные рѣшенію конгресса, дали поводъ Биконсфильду играть комедію, которая такъ часто одурачивала его партію и обманывала публику. Большаго ему и не требовалось. Договоръ состоялся, чтобы Болгарію (большую Санъ-Стефанскую Болгарію) раздѣлить на три части: 1) сѣверную, совершенно свободную, подъ управленіемъ своего князя; 2) восточную Румелію, полусвободную съ автономными учрежденіями, подъ управленіемъ ставленника султана, при участіи великихъ державъ, и наконецъ 3) Македонію, возвратить подъ турецкое иго. Биконсфильду необходимо было для его домашней политики сдѣлать видъ, что онъ такъ или иначе отвергаетъ Россію. „Требованіе, чтобы туркамъ было дано право возстановить гарнизоны на проходахъ, изъ которыхъ они были изгнаны русскимъ оружіемъ, должно непремѣнно раздражить русскихъ, говорилъ онъ, а поэтому неминуемо дастъ удовлетвореніе намъ, англичанамъ, противникамъ Россіи“ [1]).

[1]) Какъ тяжело было русскимъ это странное предложеніе, можно судить по прилагаемой выдержкѣ изъ рѣчи Аксакова 4-го іюля:

Библиотека "Руниверс"

Это требованіе не имѣло практическаго смысла. Какъ указывала Пель-Мель газета, право воздвигать укрѣпленія на Балканскихъ холмахъ, когда вся страна кругомъ находится во враждебныхъ рукахъ, равняется тому, чтобы предоставить птицѣ право вооружить свою собственную западню. Но унизительная несообразность этого предложенія была по вкусу Биконсфильду, и онъ избралъ ее основаніемъ для ультиматума. Когда Россія отказала въ согласіи на это, онъ сдѣлалъ распоряженіе готовить экстренный поѣздъ, въ которомъ на слѣдующее утро онъ вернется въ Англію, и убѣдилъ князя Бисмарка, что скорѣе прерветъ конгрессъ, подъ страхомъ общей войны, нежели откажется отъ своего требованія. Все продѣлано въ стилѣ сенсаціонной мелодрамы. Это было самое тонкое дурачество, разыгранное съ непоколебимой важностью главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Джингоистская толпа въ печати и на улицахъ кричала до хрипоты отъ восторга, когда всемірный фигляръ объявилъ при своемъ возвращеніи, что онъ привезъ изъ Берлина „миръ съ честью“. Миръ, опасности котораго грозилъ одинъ онъ, честь, которую онъ запятналъ непостижимымъ обманомъ Кипрскаго договора!

Англо-турецкое соглашеніе состояло въ томъ, что Британское правительство принимало на себя защиту Азіатскихъ владѣній султана отъ русскихъ нападеній, въ вознагражденіе за что султанъ разрѣшилъ англичанамъ оккупацію и администрацію острова Кипра. Оно было подписано 9-го іюля, за четыре дня до закрытія Берлинскаго конгресса. Объ этомъ безумномъ договорѣ мы поговоримъ далѣе, теперь же достаточно привести выдержки изъ письма о немъ г-жи Новиковой.

„Что думаютъ русскіе объ англо-турецкомъ соглашеніи? откровенно говоря, очень мало. Если бы Англія была дѣйствительно намѣрена нести свою новую отвѣтственность, она бы готовилась къ исполненію своихъ обязательствъ совершенно иначе. Видя, что

„Убѣдясь на опытѣ, что Балканы, считавшіеся естественнымъ непреодолимымъ препятствіемъ, не помѣшали движенію нашихъ войскъ, конгрессъ издалъ приказъ строить линію фортовъ (конечно, при помощи англійскихъ инженеровъ и англійскихъ денегъ) на всемъ протяженіи цѣпи Балканъ; эти форты, вооруженные турецкими гарнизонами, дѣйствительно сдѣлаютъ Балканы неприступными. Для того ли наши храбрыя войска съ трудомъ всходили на эти горы среди зимы и умирали такъ геройски? Можетъ ли русскій отнынѣ, безъ краски стыда, произносить имена Шипки, Карлова, Баязета, имена всѣхъ мѣстъ, прославленныхъ храбростью и густо усѣянныхъ могилами нашихъ героевъ, отданныя туркамъ? Наши солдаты, возвратясь домой, не поблагодарятъ дипломатовъ, которые уничтожили на конгрессѣ плоды этой кампаніи“.

Библиотека "Руниверс"

ничто не дѣлается, мы думаемъ, что договоръ не имѣетъ значенія. Въ теоріи это историческое оправданіе Кайнарджидскаго трактата. Это позднее, но полное допущеніе Англіей принципа, принятаго Россіей сто лѣтъ назадъ. Русскіе принципы, временно омраченные Севастопольскими несчастьями, приняты, наконецъ, англійскимъ правительствомъ.

Съ этого времени Россія свободна, Россія, очевидно, имѣетъ теперь право заключать всякія условія съ султаномъ, а мы, конечно, уступили бы вамъ гораздо больше, чѣмъ Кипръ, за возстановленіе нашего права прямыхъ отношеній съ Портой безъ иностраннаго вмѣшательства. Если мы все еще соперники, то мы не можемъ достаточно выразить нашу благодарность лорду Биконсфильду, за эту услугу".

Г-жа Новикова писала мнѣ 24 августа 1878 г.

„Вотъ вопросъ, на который я должна обратить Ваше вниманіе, но который, кажется, до сихъ поръ не появлялся въ англійской печати. По договору 1856 года ни одна великая держава не имѣла права заключать съ Турціей какія бы то ни было отдѣльныя соглашенія. Поэтому Россія принуждена была подписать въ Санъ-Стефано лишь предварительный договоръ. Теперь Берлинскій конгрессъ, не уничтожая, а только сдѣлавъ измѣненія въ нашемъ предварительномъ договорѣ, оставилъ право за Россіей имѣть дѣло непосредственно съ Турціей. Очевидно, что англо-турецкая конвенція усилила этотъ принципъ независимости. Теперь Россія не будетъ имѣть причины совѣщаться съ Европой о какой-нибудь сдѣлкѣ съ своимъ умирающимъ и голодающимъ сосѣдомъ".

Въ то время г-жу Новикову мало заботилъ англо-турецкій договоръ. Спустя семнадцать лѣтъ только она увидѣла его вредное значеніе.

Высшимъ ея желаніемъ было освобожденіе южныхъ славянъ, защищая которыхъ погибъ ея братъ.

Она совершенно искренно отвѣчала друзьямъ, представлявшимъ ей на видъ все, что выиграла Россія.

„Если бы мы начали войну для того, чтобы уничтожить политику Биконсфильда, Берлинскій трактатъ до извѣстной степени былъ бы успѣхомъ. Не было почти требованія нашихъ дипломатовъ, на которое вашъ премьеръ не изъявилъ благосклоннаго согласія, но онъ сокращалъ всѣ предложенія о расширеніи свободы славянъ, съ согласія заинтересованныхъ интригановъ, заставившихъ насъ играть въ Берлинѣ роль Пилата".

Аксаковъ въ краснорѣчивыхъ и сильныхъ выраженіяхъ высказалъ негодованіе русскихъ за принесеніе въ жертву македонцевъ.

Библиотека "Руниверс"

Въ рѣчи, о которой говорила Гладстону г-жа Новикова, предсѣдатель Московскаго Славянскаго комитета взывалъ къ русскимъ уполномоченнымъ въ Берлинѣ и къ Государю въ Петербургѣ.

„Никогда еще, говорилъ Аксаковъ, война не порождала столько жертвъ, вызванныхъ чувствомъ любви къ ближнему, какъ эта, единственной цѣлью которой было избавленіе болгаръ отъ турецкаго ига. И вдругъ теперь все испорчено! По Санъ-Стефанскому договору вся Болгарія была освобождена. А теперь будто бы съ соизволенія того же великодушнаго освобожденія, Болгарія раздѣлена, при чемъ лучшая, богатѣйшая ея часть снова въ рабствѣ турокъ.

„Не случилось ничего страшнаго, ни битвы, ни пораженія. Биконсфильдъ топнулъ ногой, Австрія погрозила пальцемъ,—и русскіе дипломаты испугались и уступили.

„Кто бы въ Европѣ рѣшился на войну? Уступить безъ одного выстрѣла не есть уступка, это простое бѣгство. Кто же воевалъ бы? Ни Англія, ни Австрія, эта олицетворенная ахиллесова пята“.

Правдивая и патріотическая рѣчь эта произвела впечатлѣніе въ Петербургѣ, которое выразилось даже приказаніемъ Аксакову выѣхать въ свое имѣніе. Но тутъ представилось нѣкоторое затрудненіе: у Аксакова не было своей и пяди земли. Пришлось воспользоваться приглашеніемъ невѣстки Екатерины Ѳедоровны Тютчевой и быть высланнымъ въ чужое имѣніе.

Г-жа Новикова была огорчена и горько упрекала англійскихъ либераловъ въ томъ, что они не противились порабощенію южной Болгаріи.

Она говорила:

„Мы, Москвичи, подняты на смѣхъ за то, что продолжали вѣрить любви англичанъ къ свободѣ, къ справедливости, къ возвышеннымъ цѣлямъ и вѣрованіямъ. Да, вы не оказались нашими друзьями въ бѣдѣ. Въ самую нужную минуту вы стали холодны и безучастны“.

Она даже осуждала Гладстона, жалуясь:

„Въ 1878 году турецкая неограниченная власть въ юго-западной Болгаріи, уничтоженная Россіей въ Санъ-Стефано, возстановлена Европой въ Берлинѣ. И противъ этой обиды сказалъ ли хоть бы слово даже Гладстонъ?“

Новикова была безутѣшна, она писала друзьямъ, писала въ англійскихъ и русскихъ газетахъ и, наконецъ, воспользовалась случаемъ упрекнуть въ глаза даже самого канцлера князя Горчакова, встрѣтившись съ нимъ случайно въ вагонѣ желѣзной дороги.

Вотъ подробности этого свиданія, которыя я отыскалъ въ ея бумагахъ:

Библиотека "Руниверс"

29 іюля 1878 г.

„На Петербургской станціи толпа чиновъ министерства иностранныхъ дѣлъ провожаетъ князя Горчакова. Я старалась не попадаться имъ навстрѣчу, но старый канцлеръ меня замѣтилъ и настоялъ на томъ, чтобы я взяла мѣсто въ его вагонѣ. Ему сопутствовали только два секретаря. Я сначала отказывалась, но потомъ согласилась, сообразивъ, что надо воспользоваться случаемъ добиться объясненій главы нашей политики.

Произошелъ слѣдующій разговоръ:

Горчаковъ. Радъ васъ видѣть. Я слышалъ, что вы ѣздили въ Москву. Что тамъ дѣлалось?

Я. Именно то, что и должно было дѣлаться. Всѣ въ страшномъ негодованіи на изгнаніе Аксакова изъ Москвы за его правдивое слово.

Горчаковъ. Ахъ да, я помню, Вы большой другъ Аксакова.

Я. Конечно, я другъ его и его жены, но сблизились мы почти недавно и почти каждый день видѣлись.

Горчаковъ (улыбаясь). Да, да, я знаю, но скажите, не были ли Вы такъ же, какъ Аксаковъ, принуждены выѣхать изъ столицы?

Я. Такая новость до меня пока не доходила, конечно, если Аксаковъ заслужилъ наказаніе, то очевидно и я виновна, но тысячи русскихъ чувствуютъ и думаютъ такъ же, какъ онъ.

Горчаковъ (нѣсколько сердито): какъ? онъ осмѣлъ Высочайшее повелѣніе и объявилъ генералъ-губернатору Долгорукову, что онъ получилъ въ жизни своей семь Высочайшихъ выговоровъ. Кажется, это довольно дерзко.

Я. По моему мнѣнію, было гнусно со стороны Долгорукова доносить о шуткѣ, сказанной, очевидно, въ гостинномъ разговорѣ, а не въ видѣ отвѣта Его Величеству. Что касается рѣчи Аксакова въ Славянскомъ обществѣ, то она была плодомъ его глубокаго убѣжденія и патріотическихъ взглядовъ. Эти взгляды онъ, конечно, желалъ, чтобы были извѣстны его Государю.

Горчаковъ (все болѣе и болѣе сердясь). Вы слишкомъ преданы дѣлу славянъ и Аксаковъ тоже. Онъ помѣшанъ на политикѣ. Если бы мы руководились московскими взглядами, хороши бы мы были.

Я. Во всякомъ случаѣ Россія сдержала бы свое слово, свое обѣщаніе. Повѣрьте мнѣ, князь, удаленіе Аксакова въ настоящую минуту было большой ошибкой. Итакъ люди потеряли бодрость духа и вѣру. Что сдѣлано въ Берлинѣ? Славяне принесены въ жертву.

Горчаковъ (перебивая): это не правда! Кто ими жертвовалъ? Не я. Вамъ вѣрно извѣстно, какъ сильно я противился раздѣлу Болгаріи, но рисковать новой войной въ ея защиту было выше

Библиотека "Руниверс"

моихъ силъ, этого сдѣлать я не посмѣлъ. Прежде Россія, а потомъ славяне.

Я. Юныя славянскія земли заполонили евреями.

Горчаковъ (перебивая): я былъ противъ этого. Евреевъ больше въ Румыніи, нежели среди славянъ. Къ тому же, пожалуйста, избѣгайте слова „Славяне", говорите о христіанахъ, это понятіе шире.

Я. Но тогда по Вашему не надо говорить Россія, такъ какъ это одно и то же, а прямо сказать Европа.

Горчаковъ. Извините, я только не хочу вывѣсить быку красную тряпку. Вотъ и все.

Я. Не успѣли мы ознакомиться съ телеграммами изъ Берлина, какъ намъ пришлось читать возмутительное восклицаніе еврея Биконсфильда: „Ни шагу дальше!"

Горчаковъ. О, это былъ маленькій парламентскій фокусъ, но я сознаю, что это былъ промахъ съ его стороны.

Горчаковъ замолчалъ и старался улыбаться. „Скажите, дѣйствительно Вы не были удалены изъ Москвы?" спросилъ онъ.—„Я долженъ Вамъ сказать, что Вашъ другъ Гладстонъ также не правъ, порицая Россію за возвращеніе себѣ клочка Бессарабіи, прежде ей принадлежавшаго".

Я. Да, Гладстону тоже нужны его избиратели, кромѣ моего большого друга Фруда, всѣ протестовали противъ этого ничтожнаго присоединенія. Но Вы должны помнить, что Гладстонъ никогда не допустилъ бы еврея до объявленія войны Россіи. Это слѣдуетъ имѣть въ виду.

Горчаковъ. Я долженъ Вамъ сказать, что лично я не могу жаловаться на Бикосфильда. Онъ былъ у меня много разъ и былъ очень любезенъ. Былъ также у моего сына. Между прочимъ онъ сказалъ мнѣ, что если онъ слышитъ о сказанной кѣмъ-нибудь остротѣ, онъ отвѣчаетъ всегда: „Это ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что говорилъ князь Горчаковъ".

Я. „Князь, лордъ Сольсбери недавно сказалъ, что сила Биконсфильда въ его безстыдной привычкѣ всѣмъ льстить особенно съ глазу на глазъ".

Горчаковъ. „Но меня не такъ легко провести лестью". Пока князь восхвалялъ себя и свою проницательность, я вспомнила слѣдующій мой разговоръ съ бывшимъ либеральнымъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, лордомъ Кларендономъ. Онъ однажды разсказалъ случай, за достовѣрность котораго онъ ручался. Онъ говорилъ: „Вѣрьте мнѣ, сила Диззи въ отсутствіи всякаго нравственнаго стѣсненія и въ невообразимой лести всѣмъ, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло. Сказать Вамъ, чѣмъ онъ обворожилъ королеву? Нѣсколько лѣтъ назадъ она

Библиотека "Руниверс"

написала книгу „Воспоминанія о жизни въ Шотландіи“ и разослала копіи всѣмъ намъ, членамъ парламента. Говоря откровенно, насъ это смутило, такъ какъ помимо выраженія благодарности Ея Величеству за вниманіе, мы еще должны были (какъ бы трудно намъ это ни было) выразить свое мнѣніе о ея твореніи.

„Читали ли Вы эту книгу“, спросилъ мой собесѣдникъ.

„Нѣтъ, я только наскоро ее пробѣжалъ“.

„Съ чѣмъ бы Вы ее сравнили? настаивалъ лордъ Кларендонъ съ насмѣшливымъ взглядомъ. По правдѣ сказать, я бы сравнилъ ее съ дѣтскими книгами M-me Jen Lis“.

„Мы были того же мнѣнія, сказалъ мой собесѣдникъ, но отъ насъ очевидно ожидали не молчанія, а мадригаловъ. Что было дѣлать? всѣ были въ затрудненіи. Одинъ Диззи не потерялся. Онъ храбро написалъ: „Это сочиненіе можетъ быть сравнено съ Шекспиромъ или съ Евангеліемъ“. Я молчалъ. Онъ продолжалъ, какъ-бы самъ съ собою:

„Да, нужно много смѣлости, чтобы поднести такое блюдо, но нужно также здоровый желудокъ, чтобъ его переварить, продолжалъ лордъ Кларендонъ.

Но тутъ я вспомнила, что мнѣ нужно все-таки слушать нашего канцеляра.

„Помните, онъ сказалъ, по крайней мѣрѣ мы уничтожили Парижскій трактатъ.

„Его я не подписывалъ. Это дѣло Нессельроде, но я его уничтожилъ“.

„Теперь позвольте мнѣ сдѣлать маленькое замѣчаніе о Васъ самихъ, которая все портитъ, когда Вы говорите о политикѣ, Вы слишкомъ рѣзки“.

„Но жизнь такъ коротка, прервала я, временемъ надо дорожить, да я и рѣдко говорю о политикѣ, я пишу и то только, когда мнѣ нужно обсуждать Англію и Россію. Не больше“!

„Вы задѣваете за живое всѣхъ, даже Вашихъ друзей, продолжалъ онъ, какъ бы не слыша моего замѣчанія, Вы отклоняете всякое руководство, всякій добрый совѣтъ. Вы смѣетесь надъ осторожностью и умѣренностью, дѣйствуете неблагоразумно и неосторожно. Когда я подумаю, что въ Англіи Васъ могли принять за русскаго агента“, прибавилъ онъ, пожимая плечами.

„Да, я агентъ“!

„Вотъ какъ, воскликнулъ онъ: чей же Вы агентъ, позвольте Васъ спросить“?

„Конечно, мой собственный, сказала я, и если бъ на меня посыпались нападки со всѣхъ сторонъ, подобно тому какъ сыпались пули

Библиотека "Руниверс"

надъ нашими солдатами на Шипкѣ, я все бы продолжала такъ говорить, какъ думаю и чувствую".

Но тутъ я рѣшила прекратить нашъ безполезной споръ и оставила канцлера въ обществѣ подчиненныхъ, которые не могли бы уйти отъ него по своей волѣ".

Судя по датамъ, ея письмо было написано вскорѣ послѣ этого разговора. Она мнѣ говорила, что князь Горчаковъ изъ Вильдбода благодаритъ ее за очень пріятное свиданіе. „А мы все время ссорились. Подлинно пріятное свиданіе! Согласитесь, что князю легко угодить?" заключаетъ она.

Въ бумагахъ г-жи Новиковой я тоже нахожу письмо Эмиля де Лавелей, которому она очевидно сообщила объ этомъ свиданіи.

1 сентября 1878 г.

„Дорогая г-жа Новикова. Какъ интересно Ваше письмо. Вы изображаете собой пылкость, умъ, сердце, будущее. Канцлеръ представляетъ настоящее и холодный здравый смыслъ.

„Россія не можетъ и не должна дѣлать больше.

„Будущность южныхъ славянъ все же улучшена, а турокъ приговоренъ всей Европой. Чего же Вы хотите еще?

„Отнынѣ независимая цѣлость Оттоманской имперіи превращается въ фикцію.

„Австрія построитъ желѣзную дорогу для славянъ: страна оживится".

Скобелевъ, этотъ герой войны, выразилъ такой же гнѣвъ, какъ Аксаковъ и г-жа Новикова по поводу измѣны южнымъ славянамъ.

Послѣ подписанія Берлинскаго трактата Скобелевъ рѣзко выразилъ свою ненависть къ политикѣ Биконсфильда въ то время.

„Политика насъ возмущаетъ, писалъ Скобелевъ по этому поводу. Два года мы обливали своею кровью Балканскій полуостровъ. Братья наши убиты, страна наша принесла неизмѣримыя жертвы, вдовы горюютъ, дѣти плачутъ, отцы лишились сыновей, въ которыхъ была ихъ надежда. Все это мы перенесли бы съ терпѣніемъ, которое Богъ намъ даетъ, если бы полная свобода, добытая нами нашимъ братьямъ по крови и религіи, по нарѣчію и вѣрѣ была имъ дана. Но проклятая дипломатія вмѣшивается и говоритъ нѣтъ; только меньшая половина будетъ свободная, а большая возвращена будетъ нѣжному милосердію турокъ. Вы сами знаете, что такое турки были, суть и будутъ и не были ли бы Вы на нашемъ мѣстѣ преисполнены злобы за то, что всѣ наши жертвы напрасны, что люди, надъ могилами которыхъ мы ходимъ, погибли ни за что?"

Библиотека "Руниверс"

Къ счастью только половина вреда, который Биконсфильдъ намѣревался сдѣлать, осуществилась. Восточная Румелія была почти такъ же свободна, какъ сѣверная Болгарія, и менѣе чѣмъ черезъ десять лѣтъ была присоединена къ княжеству. Македонія до сихъ поръ служитъ предметомъ нашего позора.

Многіе въ Англіи сочувствовали г-жѣ Новиковой.

Но ея другъ Кинглекъ старался примирить ее съ фактами:

1-го августа 1878 г.

„Дорогой другъ. Въ отвѣтъ на Вашу краткую записку я началъ письмо, но оно оказалось такой длины, что я рѣшилъ отложить мои взгляды на конгрессъ до того счастливаго дня, въ который, я надѣюсь, мы скоро—(какъ скоро)? увидимся.

„Чтобы быть справедливой къ Вашему правительству, Вы должны помнить, что, предпринимая войну, Россія не имѣла полномочій Англіи и континента и обязана была дѣйствовать такъ, чтобы не нарушить согласія трехъ императоровъ. Если бъ Россія задумала занять Турцію, безъ согласія Австріи, ей пришлось бы также идти и на Вѣну.

Имѣя въ виду такую возможность, даже если бъ Англія и не объявляла сама войны, все же Россія сама основательно назвала свой С.-Стефанскій договоръ лишь наброскомъ.

„Конгрессъ былъ не болѣе какъ комедія, и если Вы только удовлетворитесь тѣмъ, чего Вашему правительству хотѣлось достигнуть, и посмотрите на Сольсбери-Шуваловское соглашеніе 30-го мая, Вы увидите, что благодаря слабоумію нашего скомороха Биконсфильда, все главное Вами достигнуто.

„Когда, когда, когда? Вы пріѣдете? Вамъ преданный

А. В. К.

Она писала:

24 августа 1878 г.

„Вы правы. По вашему совѣту, вдумавшись хладнокровно въ Шуваловскій договоръ, я съ нимъ до извѣстной части примирилась, но я никогда не думала, что Россія такъ пожертвуетъ славянами въ Берлинѣ. Конечно, благодаря Россіи, одиннадцать милліоновъ христіанъ въ лучшемъ положеніи, это уже что-нибудь, но могло бы быть лучше“.

Оффиціальное заявленіе въ Правительственномъ Вѣстникѣ выражало сожалѣніе имперскаго кабинета о томъ, что онъ долженъ былъ измѣнить Санъ-Стефанскій договоръ. Все-же каждая наша война была новымъ шагомъ къ окончательной цѣли освобожденія Восточныхъ христіанъ. Хотя много остается еще сдѣлать, но многое

Библиотека "Руниверс"

уже сдѣлано. Тонъ этого заявленія понравился г-жѣ Новиковой и ея друзьямъ, но вызывалъ негодованіе австрійскаго посла.

Вотъ, что объ этомъ пишутъ Ольгѣ Алексѣевнѣ.

Маріенбадъ 31 августа 1878 г.

„Австрійскій посланникъ генералъ Лангенау здѣсь. Мы много говорили вчера объ оффиціальномъ заявленіи Русскаго правительства. Онъ имъ взбѣшенъ. „Это явное порицаніе Берлинскому конгрессу“ восклицалъ онъ. „Что русскому правительству необходимо было заявить свое сочувствіе Москвѣ, я это понимаю, но я оплакиваю именно это сочувствіе“, заключилъ онъ. Я же убѣждена, что, не будь Аксаковской благородной рѣчи, не было бы и оффиціальнаго сообщенія, совершенно въ русскомъ духѣ“.

Противники Россіи, страдая отъ измѣны Биконсфильда и пользуясь случаемъ подавленія Родопскаго возстанія, вздумали сами поднять волненіе противъ Россіи. Корреспондентъ Spectator'a, съ внушительнымъ изслѣдованіемъ объяснялъ основанія этой новой антирусской агитаціи, упрекая русскихъ солдатъ въ жестокости во время войны. Г-жа Новикова близко приняла къ сердцу обвиненія противъ русскихъ ни на чемъ не основанныя.

Она пишетъ:

„Согласитесь, что, имѣя подъ рукой блестящія и многочисленныя свидѣтельства о лживости англійскихъ посланниковъ и англійскихъ консуловъ, всякій ихъ авторитетъ подорванъ въ нашихъ глазахъ“.

„Нѣкоторыхъ обвиненій мы не удостаиваемъ вниманія“, добавляла она. Торжественное порицаніе „бѣдной Россіи“ лорда Сольсбери заставило ее улыбнуться. „Извиняться передъ клеветой ниже нашего достоинства“, повторяла она.

Однако трудно было съ такой же легкостью отвергнуть письмо по этому предмету, полученное ею отъ Гладстона:

29 августа 1878 г.

„Дорогая г-жа Новикова, съ большимъ интересомъ прочиталъ Ваши письма отъ 18-го и 26-го и радъ, что къ Вамъ дошли аккуратно на этотъ разъ копіи моей рѣчи. Я много разъ Вамъ, кажется, говорилъ, что происходящіе по временамъ мѣстные выборы служатъ у насъ лучшимъ показателемъ народнаго настроенія. Только что они были въ двухъ мѣстахъ: одни въ городѣ, другіе въ горномъ Шотландскомъ графствѣ. Въ обоихъ правительство направляло вакансіи и было увѣрено въ успѣхѣ на новыхъ выборахъ, но тѣмъ не менѣе въ обоихъ случаяхъ оно потерпѣло пораженіе. Это произошло на дняхъ. О послѣднемъ я только что получилъ теле-

Библиотека "Руниверс"

грамму. Никто не можетъ сказать съ увѣренностью, каковъ былъ бы результатъ общихъ выборовъ теперь. Торіи перестали довѣрять своему правительству".

„Но вотъ что. Недавно пришли непріятныя донесенія о русскихъ звѣрствахъ въ Болгаріи, которыя меня смущаютъ".

„Донесеніе Родопской комиссіи еще не получено, но существуютъ намеки на его содержаніе, которые, я боюсь, недалеки отъ правды. Глупо было назначить турка въ эту комиссію, но это не могло имѣть большого значенія. Я не сомнѣваюсь, что большинство отвратительныхъ оскорбленій было со стороны не русскихъ, а болгаръ, какъ это ни ужасно, но въ нѣкоторой степени это вполнѣ объяснимо. Но что меня удивляетъ—это слухи объ участіи русскихъ солдатъ въ жестокостяхъ, и недостатокъ умѣнья русскихъ властей ихъ сдерживать. Какъ вамъ извѣстно, я охотно защищалъ дѣйствія русскихъ въ Туркестанѣ, но я не знаю, какъ опровергать теперешнія свѣдѣнія. Мнѣ бы очень хотѣлось, чтобы эти обвиненія оказались несостоятельными. Меня огорчаетъ тотъ фактъ, что они основываются не исключительно на англійскихъ авторитетахъ. Вамъ искренно преданный.

Гладстонъ.

Что отвѣчала на это г-жа Новикова, мнѣ неизвѣстно.

Но вотъ что она писала мнѣ по этому поводу:

Маріенбадъ, 5 сентября 1878 г.

„Итакъ англійскіе либералы собираются устраивать митинги негодованія противъ Россіи. О, божественное безпристрастіе! Какая трогательная поспѣшность хвататься за все, что выдумываютъ противъ Россіи. Какъ должны радоваться Биконсфильдъ и Леярдъ, видя, какъ имъ легко вліять на своихъ домашнихъ враговъ. Я склонна думать, что наши друзья въ Англіи такъ же мало заботятся о правдѣ, какъ и наши враги. Пусть собираются митинги, враждебные намъ. Все это мнѣ несказанно опротивѣло!"

Только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ прекратились разговоры о Родопской комиссіи; достигнувъ своего назначенія, она была забыта.

Публика не была расположена къ новымъ волненіямъ. Когда былъ подписанъ Берлинскій трактатъ, и ясно стало, что войны не будетъ, Фрудъ пересталъ интересоваться Восточнымъ вопросомъ. Онъ переѣхалъ изъ Лондона въ Девонширъ, но въ суетѣ переѣзда онъ написалъ Ольгѣ Алексѣевнѣ письмо отъ 19-го іюля:

„Нечего мнѣ сообщить Вамъ о внутренней политикѣ, кромѣ вѣроятности, что вспыхнетъ возстаніе въ Ирландіи въ недалекомъ будущемъ, и за него отвѣтственность падаетъ на Гладстона. Онъ

Библиотека "Руниверс"

только и дѣлаетъ, что гаситъ пожаръ, вливая масла, и если обожжется онъ и его друзья, нѣкоторые изъ насъ этимъ неособенно огорчатся".

„Мы англичане, настоящія дѣти. Возникаетъ что-нибудь, что насъ заинтересуетъ, мы безумствуемъ, ни о чемъ другомъ не можемъ думать, говорить, мечтать. Но пройдетъ годъ, часто мѣсяцъ, и мы гоняемся за другимъ интересомъ съ такимъ же пыломъ, забывая совершенно о первомъ. Вѣрьте мнѣ, едва ли нашлось бы теперь во всей странѣ пятьдесятъ человѣкъ, обсуждающихъ Восточный вопросъ. Мы думаемъ, что онъ рѣшенъ, что рѣшили его мы и конецъ. Въ каждой странѣ большинство людей дураки, но нѣтъ нигдѣ дураковъ съ такими особенностями, какъ на этихъ благословенныхъ островахъ".

„Карлайль объѣлся земляникой на прошлой недѣлѣ и объявилъ намъ торжественно, что умираетъ. Мы выражали мнѣніе, что дѣло не такъ серіозно, на что получили гнѣвный отвѣтъ, что мы ничего не понимаемъ. Онъ здоровъ теперь, здоровѣе, чѣмъ былъ, но съ нимъ мы должны говорить объ этомъ осторожно".

„Мнѣ жаль, что Вы отказались отъ приглашенія ѣхать въ Америку. Тамъ, а не здѣсь будущее англійской расы. Тамъ вы можете дышать свободно, не запутываясь въ ложь и условность. Подумайте объ этомъ. Вы встрѣтите тамъ много неизвѣстныхъ друзей, которыхъ привлекла къ Вамъ Ваша книга".

Вашъ всегда искренно Фрудъ.

Сообщено Е. С. М.

Библиотека "Руниверс"

Народныя пѣсни въ новооткрытыхъ записяхъ Пушкина.

(Къ 75-лѣтію кончины великаго поэта).

Пушкинъ былъ въ числѣ тѣхъ лицъ, которыя помогали матеріалами великому „радѣльщику русской пѣсни“, П. В Кирѣевскому. Поэтъ доставилъ ему, по собственному показанію Кирѣевскаго, „замѣчательную тетрадь пѣсенъ, собранныхъ имъ въ Псковской губерніи“. Другія сообщенія Кирѣевскаго обстоятельнѣе и цѣннѣе. „Покойный А. С. Пушкинъ доставилъ мнѣ 50 №№ пѣсенъ, которыя онъ съ большой точностью записалъ самъ со словъ народа, хотя и не обозначилъ, гдѣ именно. Вѣроятно, что онъ записалъ ихъ у себя въ деревнѣ въ Псковской губерніи“, приписалъ Кирѣевскій къ одной изъ пѣсенъ. Въ 40-хъ годахъ Кирѣевскій показалъ Ѳ. И. Буслаеву тетрадь пушкинскихъ записей и прибавилъ: „вотъ эту пачку далъ мнѣ самъ Пушкинъ и при этомъ сказалъ: „Когда-нибудь, отъ нечего дѣлать, разберите-ка, которыя поетъ народъ, и которыя смастерилъ я самъ“. И сколько ни старался я разгадать эту загадку, никакъ не могу сладить. Когда это мое собраніе будетъ напечатано, пѣсни Пушкина пойдутъ за народныя“. Эта тетрадь исчезла; С. О. Долговымъ была обнаружена нѣсколько лѣтъ назадъ одна запись въ автографѣ Пушкина, но онъ едва ли принадлежалъ къ той тетради (эта запись, „Не бѣлинька березонька къ землѣ клонится“..., упомянута проф. В. Ѳ. Миллеромъ въ статьѣ „Пушкинъ, какъ поэтъ-этнографъ“, М., 1899, стр. 31, и напечатана въ IV томѣ венгеровскаго изданія сочиненій Пушкина, стр. 76). Сообщенныя Пушкинымъ пѣсни Кирѣевскій распредѣлилъ по отдѣламъ, но не успѣлъ ихъ издать. Одна пѣсня, съ точными указаніями на сообщеніе Пушкина („Что

Библиотека "Руниверс"

при вечерѣ вечерничкѣ"...), приготовленная къ печати Кирѣевскимъ, появилась вскорѣ послѣ его смерти въ „Русск. Бесѣдѣ" 1857 г., кн. II, стр. 25—27; двѣ другія напечаталъ П. А. Безсоновъ въ редактированной имъ части собранія Кирѣевскаго. Изучая бумаги Кирѣевскаго, В. Ѳ. Миллеръ обнаружилъ и напечаталъ (въ упомянутой работѣ) двѣнадцать свадебныхъ пѣсенъ, записанныхъ, по заявленію Кирѣевскаго, Пушкинымъ.

Нынѣ московское Общество любителей Россійской словесности предприняло изданіе „новой серіи" собранія Кирѣевскаго, подъ редакціей В. Ѳ. Миллера и М. Н. Сперанскаго. Недавно вышелъ первый выпускъ „Пѣсенъ, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ", посвященный обрядовымъ пѣснямъ, въ число которыхъ вошли свадебныя. Среди нихъ оказалось еще около двухъ десятковъ пушкинскихъ записей. „Вниманіе Пушкина къ свадебнымъ пѣснямъ" — говоритъ Миллеръ („Пушкинъ какъ поэтъ-этнографъ", 29—30)—„понятно для всякаго этнографа. Въ этихъ пѣсняхъ, сопровождающихъ разные моменты свадебнаго обряда, традиціонно хранимыхъ преимущественно женщинами, какъ извѣстно, донеслось даже до нашихъ дней немало слѣдовъ старины, старины временъ боярскихъ, такъ какъ вся обстановка крестьянскаго свадебнаго обряда, съ его свадебными чинами, представляетъ какъ бы копію старинной боярской и княжеской свадьбы, начиная съ названія молодыхъ княземъ и княгинею. Въ 20-хъ годахъ, когда такія пѣсни записывалъ Пушкинъ, вѣроятно въ своей деревнѣ, въ Михайловскомъ, вся обрядовая старина крестьянской свадьбы была еще свѣжѣе, чѣмъ въ наши дни, и уже съ этой стороны пушкинская запись представляетъ нѣкоторый интересъ. Но нельзя не отмѣтить и того, что Пушкинъ понималъ необходимость указывать, къ какому именно моменту свадьбы пріурочена та или другая пѣсня, т. е. пріемъ, который въ настоящее время нашими этнографическими программами рекомендуется любителямъ, какъ научное требованіе... Едва-ли поэтому мы ошибемся, если предположимъ, что Пушкинъ у себя въ деревнѣ лично наблюдалъ всю обрядовую сторону крестьянской свадьбы и записалъ пѣсни въ связи съ моментами обрядности, какъ и требуетъ этнографическая точность... „Вѣроятно, впослѣдствіи"—прибавилъ В. Ѳ. Миллеръ,—„при болѣе точномъ пересмотрѣ всего собранія Кирѣевскаго окажутся и другія пѣсни, кромѣ свадебныхъ, записанныя Пушкинымъ".

Однако, при подготовленіи къ изданію „новой серіи" прежде всего нашлись незамѣченныя раньше пушкинскія записи именно свадебныхъ пѣсенъ. Приводимъ ихъ здѣсь, какъ переданы онѣ редакторами, но даемъ имъ здѣсь свою нумерацію. (Въ сборникѣ онѣ перемѣшаны съ другими, уже извѣстными).

Библиотека "Руниверс"

I.

Въ банѣ дѣвушки, моя невѣсту, поютъ и пляшутъ, пьютъ и пивомъ поддаютъ. Невѣста между тѣмъ плачетъ голосомъ, приговаривая:

Какъ-то мнѣ будетъ въ чужіе люди идти?
Что какъ будетъ назвать свёкра батюшкой?
А какъ будетъ назвать свекровь матушкой?
Богъ тебѣ судья, свѣтъ мой, родимый батюшка!
Али я тебѣ молодёшенька принаскучила? и пр.

Изъ бани пришедъ, дѣвушки чешутъ ей голову, одѣнутъ, посадятъ за столъ.—Женихъ пріѣзжаетъ со своими холостыми товарищами. Они другъ друга дарятъ.

Въ день свадьбы дѣвушки съ пѣньемъ одѣваютъ её; потомъ сажаютъ одну за столъ передъ блюдомъ, куда всѣ кладутъ деньги, за что она молча кланяется. Потомъ отецъ ея и мать выводятъ её посередь комнаты и начинаютъ благословлять, послѣ чего идётъ невѣста, крестясь, садится, чтобъ ѣхать къ вѣнцу. Всѣ дѣвушки за нею, также крестятся.

II.

Мимо дворика батюшкина,
Мимо терема матушкина,
Пролегала тутъ дороженька;
Пробѣгалъ тутъ добрый конь;
За конёмъ бѣжитъ добрый молодецъ,
У воротъ стоитъ красна дѣвица.
Какъ возговоритъ добрый молодецъ:
„Перейми коня, красна дѣвица!“
— Мнѣ нельзя перенять коня:
У меня травой ноги спутаны,
Росой глаза замочены.—
Возговоритъ добрый молодецъ:
„Не приманывай, красна дѣвица:
Не травой ноги спутаны,
Не росой глаза замочены:
Ноги спутаны кручинушкой,
Глаза замочены горючьми слезми!“

III.

Когда молодые сидятъ за столомъ, пріѣхавъ отъ вѣнца, то дѣвушки поютъ всѣмъ гостямъ; перваго начинаютъ величать попа.

У попа у батюшки
Золота скуфеюшка;
Низала скуфеюшку
Его молода жена
Александра Ѳедоровна.

Библиотека "Руниверс"

Слышишь-ли, батюшка?
Тебѣ пѣсню поёмъ.
Тебѣ честь воздаёмъ;
Мы хотимъ съ тебя даровъ,
Даровъ великіихъ,—
Двѣ гривны золотомъ.

А попъ отвѣчаетъ: „Нàте, суки, возьмите въ руки, не корите попа“.

IV.

Не стыдно ли вамъ, бояры,
Передъ нами, дѣвками, стояти,
Въ рукахъ шапочки держати?

V.

Поётся вдовѣ.

Княгиня душенька,
Скажи, пожалуй, намъ
Про свою гостейку!
„У меня свѣтъ гостейка
Молодая вдовушка,
Вдова молодая,
Вдова богомольная:
Всѣмъ святымъ святителямъ
Богомолилася
О своихъ о дѣтушкахъ“.
Слышишь ли, вдовушка?
Тебѣ пѣсню поёмъ,
Тебѣ честь воздаёмъ,
Мы хотимъ съ тебя даровъ,
Даровъ великіихъ,—
Двѣ гривны золотомъ.

VI.

Величаютъ холостого.

Князёкъ молоденькій,
Лебедёкъ нашъ бѣленькій [1]),
Скажи, пожалуй, намъ
Про свого гостя намъ!
„У меня свѣтъ гость дорогой
(имя и отчество)
Во любви онъ позваный,
Во чести посоженый,
За дубовымъ столомъ,
За браной скатертью,
Не женатый Иванушка,
Холостой Михайловичъ.

[1]) Дѣвушки обращаются къ молодому.

Библиотека "Руниверс"

Холостой завистливый,
Его глазъ урочливый.
Выйди, холостенькій,
Выдь къ намъ за завѣсу! [1])
Выбери, холостенькій,
Кто тебѣ покажется!"
Слышишь ли, гость дорогой?
Мы тебѣ пѣсню поёмъ,
Тебѣ честь воздаёмъ,
Мы хотимъ съ тебя даровъ.
Даровъ великіихъ,—
Двѣ гривны золотомъ.

Имъ подаютъ деньги въ стаканѣ пива, приговаривая:

VII.

Вотъ вамъ, красныя дѣвушки!
Малое примите,
Въ большомъ не судите.
Денежки принимайте,
Полъ поровняйте [2]).

VIII.

Величаютъ гостью, какъ дѣвушку, такъ и замужнюю.

Княгиня душенька! [3])
Скажи, пожалуй, намъ
Про свою гостейку!
„У меня свѣтъ гостейка
(имя и отчество)
Во любви позвана,
Во чести посожена,
Хорошо снаряжена:
Серёжки—яхонты,
Лицё разгорѣлося,
Монисты золоты
Шею огрузили!"
Слышишь ли, гостейка,
Тебѣ пѣсню поёмъ,
Тебѣ честь воздаёмъ,
Мы хотимъ съ тебя даровъ,
Даровъ великіихъ,—
Двѣ гривны золотомъ.

---

[1]) Дѣвушки сидятъ за занавѣсомъ, продернутымъ черезъ всю избу.
[2]) Т. е. попляшите. *Примѣчаніе собирателя.*
[3]) Дѣвушки обращаются къ молодой. *Примѣчаніе собирателя.*

Библиотека "Руниверс"

IX.

А у свата сводника
Лихорадка съ болѣстью,
Она съ чёрной немочью,
На печи подъ шубою,
На дворѣ нагишкою!
По морозу босикомъ,
По травѣ нагишёмъ!
Ему чирій въ голову,
А другой въ бороду,
Третій въ ручушку,
Четвертый въ ноженьку!
У сватушки кудри
На четыре грани,
Его черти драли,
Шуты полыскали,
По кучамъ таскали,
Братомъ называли:
Ты, сватушко, братецъ!
Дари, дари дѣвокъ,
Дари, дари красныхъ!
Станешь дарити—
Не станутъ корити.

X.

Сватъ, сватъ молодой!
Не бывать тебѣ у насъ,
Не ѣдать киселя!
Не бѣжать тебѣ лугомъ,
Не др.....ь тебѣ гужёмъ!

XI.

Безтолковый сватушко!
По невѣсту ѣхали,
Въ огородъ заѣхали,
Пива бочку пролили,
Всю капусту полили.
Вереѣ молилися:
„Верея, вереюшка!
Укажи дороженьку
По невѣсту ѣхати!“
Сватушко, догадайся!
За мошёночку принимайся!
Въ мошнѣ денежки шевелятся,
Онѣ къ дѣвушкамъ норовятся;
А копѣйка ребромъ становится,
Она къ дѣвушкамъ норовится!

Библиотека "Руниверс"

XII.

На дѣвичникѣ свата корятъ.

Всѣ пѣсни перепѣли,
Горлушки пересохли!
А сватушко рыжій
По берегу рыщетъ,
Хочетъ удавиться,
Хочетъ утопиться,
Отъ красныхъ дѣвокъ,
Отъ бѣлыхъ лебёдокъ.
Дари, дари дѣвокъ!
Дари лебёдокъ!
Не станешь дарити—
Мы пуще корити!"
Сватушко, догадайся!
За мошёночку принимайся!
Въ мошнѣ денежка шевелится,
Къ краснымъ дѣвушкамъ норовится.

XIII.

Поется на дѣвичникѣ.

Сватушка гость, богатый, тароватый;
Онъ съ гривны на гривну ступаетъ,
Онъ рублёмъ ворóты запираетъ,
Онъ полтиной ворóты отпираетъ.
Сватушко, догадайся!
За мошёночку принимайся!
Въ мошнѣ денежка шевелится,
Къ краснымъ дѣвушкамъ норовится.

XIV.

Про жениха, какъ взойдетъ къ невѣстѣ.

Какъ сказали-то, Иванушка хорошъ да хорошъ!—
Чёртъ у него, не хорóшество!
Самъ шестомъ,
Голова пестомъ,
Уши ножницами,
Руки грáбельками,
Ноги вилочками,
Глаза дырочками.
Соловьины-то глаза
По верхáмъ глядятъ;
По верхáмъ глядятъ,
Они каши хотятъ.
Вчера каша сварена́,
Вчера съѣдена была.

Библиотека "Руниверс"

Шея-то синя,
Будто въ пе́тлѣ была!
Носъ-отъ синь,—
Это свахинъ сынъ!

XV.

Ты, невѣста, передъ кѣмъ стоишь?
Передъ кѣмъ стоишь, на кого глядишь?
Онъ тебѣ чужъ чуженекъ,
У него поросячій душекъ!
Онъ съ курами клевалъ,
Съ поросятами ѣдалъ!

XVI.

Эту пѣсню поютъ дѣвушки, гуляя по улицѣ, водя подъ руки покровенную невѣсту.

Уже вѣчеръ на дворѣ вечеря́ется,
Ужь красное солнушко за́ лѣсъ ко́тится,
Что частыя-то звѣздочки высыпаются,
У меня-ли молодёшеньки некрасованой
Съ моими ла́стушки, сестрицы, милыми подружки.
Я пойду-ли спрошусь у родимой матушки:
„Ты сударыня, родимая матушка!
Не гулять у тебѣ прошуся, не красоватися,
Я развѣить свою кручинушку великую.
Я пойду-ль молодёшенька во чисто́ поле,
Я ударюсь молодёшенька о сыру землю;
А мы вскрикнемте, сестрицы, громкимъ голосомъ:
Ты раздайся-ли, мать сыра́ земля!
Ахъ, ты встань, ты встань, родной батюшко [1])!
Ты приди ко мнѣ, горюшѣ молодёшенькѣ,
На мою-ли на смиренную на бесѣдушку!
Снарядить-то меня горюшу есть кому,
А благословить-то меня не́ кому,
Мы взойдемъ-ка ли, сестрицы, въ новыя сѣни,
Мы воскрикнемте, сестрицы, громкимъ голосомъ:
Не шатитесь, не ломитесь, сѣни новыя!
Неужли-жъ я молодёшенька тяжелёшенька.
Съ моимъ ластушкамъ, сестрицамъ, милымъ подружкамъ?
Тяжела моя великая кручинушка.
Государыня, родимая матушка!
Отвори-тка свой высо́къ терёмъ!
Не зноби меня горюшу молодёшеньку!
Я и такъ молодёшенька назяблася.

---

[1]) Если невѣста не сирота, то, разумѣется, выпускаются стихи, обращенные къ покойному отцу, или замѣняются другими, импровизированными. *Прим. собир.*

Библиотека "Руниверс"

Я сяду молодёшенька подъ окошечкомъ:
Не летитъ-ли мой кормилецъ батюшко?
Мы пойдемте-тка, сестрицы, вдоль по улицѣ
Вы кладите-тка слѣдочки частёхонько,
Уливайте слѣдочки горючьми слезьми.
Опослѣ пойдетъ родимая матушка:
„Не княгиня тутъ гуляла, не боярыня,
Тутъ ходила, тутъ гуляла чадо милое!"

XVII.

Много, много у сырá дубá
Много вѣтвей и пóвѣтвей,
Только нѣту у сырà дубá
Золотыя вершиночки:
Много, много у княгини души
Много роду, много племени,
Только нѣту у княгини души
Нѣту ея родной матушки:
Благословить есть кому,
Снарядить нéкому [1]).

XVIII.

Поется сиротѣ.

Ты рѣка ли моя рѣченька,
Ты рѣка ли моя быстрая!
Течешь, рѣчка, не колыхнешься,
На крутой берегъ не взóльешься,
Желтымъ пескомъ не возмутишься!
Отчего же мнѣ возмутитися?
Ни дождя нѣту, ни вихорю:
Ахъ ты, умная дѣвица
(имя и отчество),
Что сидишь ты, не улыбнешься?
Говоришь рѣчи, не усмѣхнешься?
— „Что чему же мнѣ смѣятися?
На что глядя, радоватися?
Полонъ дворъ у насъ подводъ стоитъ,
Полна горница гостей сидитъ.
Ужъ какъ всѣ гости собралися,
Одного-то гостя нѣтъ какъ нѣтъ;
Ужъ какъ нѣтъ гостя милаго,
Моего батюшки родимаго [2]):

---

[1]) Благословляетъ обыкновенно отецъ, снаряжаетъ мать. *Прим. собир.*

[2]) Если жъ молодая круглая сирота, то поется:
Ужъ какъ нѣтъ гостей милыихъ:
Моего батюшки родимаго,
Моей матушки родимой. *Прим. собир.*

Библиотека "Руниверс"

Снарядить-то меня есть кому,
Бла́гословить-то меня не́кому;
Что снарядитъ меня родная мать,
Бла́словитъ меня чужой отецъ".

XIX.

По̀ меду, мёду по паточному
Плавала чарочка серебряная:
Кто эту чарочку пе́ренялъ?
Пе́ренялъ, пе́ренялъ князь государь,
Подносилъ, подносилъ госпожѣ княжнѣ:
„Выкушай, выкушай, душа госпожа!
Я тебѣ, княгиня, про свой сонъ разскажу:
Будто у насъ середь широ́ка двора
Будто у насъ разстилалась трава;
По травкѣ гуляетъ па́вынька,
Па́вынька—павынька княгиня душа".

Пояснительныя ремарки принадлежатъ, конечно, Пушкину (въ № I, напримѣръ, ясно виденъ его слогъ), а „примѣчанія собирателя"—П. В. Кирѣевскому, который, быть можетъ, руководствовался при этомъ опять-таки указаніями Пушкина (напр., въ №№ VI, XVIII).

Великій поэтъ воспользовался своею жатвой свадебныхъ пѣсенъ, когда писалъ вторую сцену „Русалки". Въ ней сватъ обращается къ дѣвушкамъ:

Али всѣ пѣсенки вы перепѣли?
Аль горлышки отъ пѣнья пересохли?

Эти слова напоминаютъ начало пѣсни № XII. Насмѣшливая пѣсня, которою отвѣчаетъ свату хоръ, почти дословно сходится съ пѣснями №№ XI и XII, особенно съ первой,—только въ драмѣ она болѣе отдѣлана. Прибавлены два стиха („Сватушка, сватушка" и „Тыну поклонилися"); послѣдніе два стиха хора почти буквально (за исключеніемъ отброшеннаго предлога „Къ") повторяютъ заключеніе пѣсни № XII, а всѣ остальные — точное повтореніе XI. Отвѣтъ свата хору: „На, на, возьмите, не корите свата", напоминаетъ отвѣтъ попа величающимъ его дѣвушкамъ (послѣ пѣсни № III): „нате... возьмите... не корите попа". Зловѣщая пѣсня, которую затягиваетъ на княжеской свадьбѣ одинокій голосъ: „По камушкамъ, по желтому песочку"..., въ началѣ своемъ повторяетъ образы и выраженія пѣсни № XVIII. Пѣсня, въ которой хоръ дразнитъ свата (№№ XI и XII), болѣе всѣхъ другихъ подходитъ къ самостоятельнымъ произведеніямъ Пушкина въ народномъ духѣ; быть можетъ, на нее-то и намекалъ поэтъ, щеголяя своей виртуозностью и предлагая Кирѣевскому, отличить, что „смастерилъ" онъ самъ, отъ неподъ-

Библиотека "Руниверс"

дѣльнаго народнаго творчества. Если такія мѣста, какъ „у тебѣ“, „развѣить“ (въ № XVI) дѣйствительно такъ и записаны Пушкинымъ, то ими особенно подчеркивается то уваженіе и вниманіе, съ которыми Пушкинъ прислушивался къ народной рѣчи. Картинное выраженіе: „монисты золоты шею огрузили“ (въ № VIII) врѣзалось въ память Пушкина, и онъ хотѣлъ имъ воспользоваться при переизданіи своей „Сказки о рыбакѣ и рыбкѣ“, гдѣ въ стихѣ: „жемчуги окружили шею“ исправилъ (на поляхъ печатнаго экземпляра III-ей части своихъ „Стихотвореній“) сказуемое: „огрузили“ (см. „П. и его соврем.“, IX—X, 83). Пѣсня № X редакторами изданія не введена въ текстъ, а приводится въ предисловіи (стр. LXXII); она попала въ число „нехорошихъ“, т. е. неприличныхъ, но она записана Пушкинымъ и принадлежитъ къ тѣмъ свадебнымъ, въ которыхъ заключаются обычныя насмѣшки надъ скуповатымъ сватомъ.

Разсматривавшій бумаги Кирѣевскаго Н. Трубицынъ („Народныя пѣсни, записанныя Пушкинымъ“—„П. и его соврем.“, XV) въ своихъ дополненіяхъ къ цитированной выше статьѣ Миллера возстанавливаетъ (стр. 139, 140—142), на основаніи замѣчаній Кирѣевскаго, съ приблизительной точностью одну пушкинскую запись, находящуюся въ той самой тетради, гдѣ записана пѣсня „Мимо дворика батюшкина“... (см. выше, № II). Приводимъ эту запись продолжая принятую нами нумерацію.

XX.

Тёща про зятюшку сдобничала,
Сдобничала и пирогъ пекла.
Испекла пирогъ въ двенадцать рублей:
Солоду, муки, на четыре рубля,
Ягодовъ, изюму на-восемь рублей.
„Этотъ пирогъ семерымъ не съѣсть!“
Зять-отъ сѣлъ, да присѣстомъ съѣлъ.
„Какъ тебя, зятюшку, не пе́рервало!“

Въ бумагахъ Кирѣевскаго, сообщаетъ М. Н. Сперанскій (введеніе, стр. XLVII, LXXI—LXXII), обнаружены и ждутъ опубликованія еще шесть пушкинскихъ записей—двѣ „разгульныя“ пѣсни: „Авдотья вдовина—По бережку ходила“ и „Калина, малина! На зэдніемъ... Подъ горою три солдатки“; двѣ „элегическія“: „Уродился я несчастливъ, безталанный“ (съ нею, можетъ быть, стоятъ въ связи заключающіяся въ принадлежащей академіи наукъ майковской коллекціи рукописей Пушкина „нѣсколько строкъ стихотворенія въ народномъ стилѣ“—„Уродился я, бѣдный недоносокъ“...;

Библиотека "Руниверс"

см. „П. и его соврем.“, IV, 23) и „Я вечёръ, вечёръ, добрый молодецъ“, и двѣ ни въ какую рубрику не занесенныя: „Ужъ какъ нонѣшніе люди,—Они молоды, лукавы“ и „Долина, долинушка,—Раздолье широкое“! Пересмотръ всего обширнаго пѣсеннаго наслѣдія Кирѣевскаго не законченъ, и можно ожидать еще нѣсколькихъ подобныхъ находокъ.

Дѣятельности Пушкина, какъ собирателя народнаго пѣсеннаго творчества, до сихъ поръ не подведенъ итогъ. Не характеризованы его техническіе пріемы, не опредѣлены съ возможною точностью хронологія и мѣстные предѣлы его этнографическихъ наблюденій, не изслѣдованъ смущавшій еще Кирѣевскаго вопросъ о границѣ, отдѣляющей Пушкина-собирателя отъ Пушкина-подражателя и самостоятельнаго поэта въ народномъ духѣ; даже еще не приведены въ извѣстность всѣ собранные имъ матеріалы (пользуемся случаемъ указать, что нами въ газетѣ „Рѣчь“ 1910 г., № 45, было напечатано записанное Пушкинымъ въ 1833 г. начало исторической пѣсни „Уральски казаки“). Новое изданіе собранія Кирѣевскаго, принесшее столько новыхъ и значительныхъ матеріаловъ, выдвигаетъ на очередь эти задачи, важныя для издателей, изслѣдователей и біографовъ.

Н. Лернеръ.

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ.**

Библиотека "Руниверс"

Отъ юридическаго факультета Императорскаго Томскаго Университета.

Въ сентябрѣ 1913 г. состоится присужденіе Юридическимъ Факультетомъ преміи А. М. Сибирякова за оригинальныя русскія сочиненія, опубликованныя въ послѣднія 5 лѣтъ, по исторіи Сибири (общая исторія края или отдѣльныхъ его частей, исторія сибирскихъ племенъ, быта, древностей, промысловъ, просвѣщенія и т. д.).

Къ соисканію преміи допускаются сборники архивныхъ документовъ. Сочиненія могутъ быть представлены въ формѣ четкой рукописи. Срокъ представленія сочиненій Юридическому Факультету Томскаго Университета—1 января 1913 г.

1—1

Принимается подписка на 1912 г. на старѣйшій изъ педагогическихъ журналовъ

„ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ“,

издаваемый при Главномъ Управленіи военно-учебныхъ заведеній.

48-й годъ изданія.

Выходитъ ежемѣсячно книжками отъ 6 до 10 печатныхъ листовъ.

Въ неофиціальной части 1911 года были, между прочимъ. помѣщены статьи: Я. Н. Ктитаревъ. Вопросы религіи и морали въ русской художественной литературѣ. Прот. А. Александровъ. Къ вопросу о надлежащей постановкѣ уроковъ Закона Божія въ нашей средней школѣ. А. Д. Бутовскій. Вопросы школьной гигіены и физическаго воспитанія на международныхъ конгрессахъ въ 1910 году. Д. Ройтманъ. Нѣсколько мыслей о наглядномъ (практическомъ) преподаваніи первыхъ началъ астрономіи на низшихъ ступеняхъ школьнаго обученія. Н. П. Покотило. Что читать ученикамъ средней школы по исторіи? В. А. Тереховъ. Дисциплина и воспитаніе. Н. Бахтинъ. О неуспѣвающихъ и лѣнивыхъ дѣтяхъ. Дѣтская Литература. М. И. Демковъ. Духъ школы въ его историческомъ развитіи. В. Волынцевичъ. На поворотной точкѣ въ преподаваніи иностранныхъ языковъ. А. Барсовъ. Отличительныя черты литературы до Гоголя и послѣ Гоголя. Н. Саввинъ. Добролюбовъ о воспитаніи и образованіи. В. Бернацкій. Самоубійства среди воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній. Н. С. Дрентельнъ. Изъ практики физическихъ опытовъ по разнымъ отдѣламъ общеобразовательнаго курса. Евг. Лозинскій. Темпераментъ и его роль въ воспитаніи. Статьи, замѣтки и рецензіи: Ал. Ник. Острогорскаго, П. Ф. Каптерева, Н. С. Дрентельна, И. И. Полянскаго, М. В. Соболева, Н. Бахтина, М. Г. Попруженко, С. Бернштейна, В. Шидловскаго, Н. Саввина, А. Налимова, С. Траилина, Евг. Лозинскаго, А. С. Азарьева и друг. Подписная цѣна съ доставкой 5 р. Иногородніе адресуютъ въ редакцію: Спб. Тучковъ пер., д. 11, кв. 11. Номера журнала за 1911 годъ разошлись. Редакторъ И. Симоновъ. 1—1

Библиотека "Руниверс"

Объявленіе объ изданіи газеты

„РУССКІЙ ИНВАЛИДЪ“

и журналовъ

„ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ“

и

„ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ“

въ 1912 году.

(Циркуляръ Главнаго Штаба 1911 года № 212).

Въ 1912 году издаваемые съ Высочайшаго соизволенія газета „Русскій Инвалидъ“ и журналъ „Военный Сборникъ“ будутъ выходить по прежнему: газета—**ежедневно**, кромѣ дней, слѣдующихъ за праздниками, журналъ—**ежемѣсячно**. При „Военномъ Сборникѣ“ будутъ даны 4 книги „Военно-Историческаго Сборника“.

„Русскій Инвалидъ“ сообщаетъ главныя официальныя извѣстія и слѣдитъ за многосторонними текущими событіями въ военномъ мірѣ, а также за всѣми явленіями, имѣющими интересъ для служащихъ военнаго и морского вѣдомствъ. „Военный Сборникъ“ посвящаетъ свои страницы всесторонней разработкѣ военнаго дѣла. „Военно-Историческій Сборникъ“ будетъ имѣть задачей дать матеріалъ по исторіи Русской Арміи; на будущій годъ особенное вниманіе будетъ обращено на эпоху 1812 года, въ виду исполняющагося столѣтія памятныхъ событій Отечественной войны.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи въ С.-Петербургѣ, **Литейный, уголъ Пантелеймонской, № 21. Телефонъ 672.**

Условія подписки: на „Русскій Инвалидъ“. Въ Россіи: Съ доставкою въ Петербургѣ и съ пересылкою иногороднымъ. На годъ 9 р., на 11 мѣсяцевъ 8 р. 50 к., на 10 мѣс. 8 р., на 9 мѣс. 7 р. 50 к., на 8 мѣс. 7 р., на 7 мѣс. 6 р. 50 к., на 6 мѣс. 5 р. 75 к., на 5 мѣс. 5 р., на 4 мѣс. 4 р. 25 к., на 3 мѣс. 3 р. 25 к., на 2 мѣс. 2 р. 25 к., на 1 мѣс. 1 р. 25 к.

За границей: съ пересылкою. На годъ 15 р., на 11 мѣсяцевъ 14 р., на 10 мѣс. 13 р., на 9 мѣс. 12 р., на 8 мѣс. 11 р., на 7 мѣс. 10 р., на 6 мѣс. 9 р., на 5 мѣс. 8 р., на 4 мѣс. 6 р. 50 к., на 3 мѣс. 5 р., на 2 мѣс. 3 р. 50 к., на 1 мѣс. 2 р.

Подъ годовой подпиской надлежитъ разумѣть подписку съ 1-го января по 1-е января слѣдующаго года. Подписка на сроки менѣе года принимается лишь на цѣлые мѣсяцы, съ 1-го числа каждаго мѣсяца, не далѣе конца года.

На «Военный Сборникъ» съ «Военно-Историческимъ Сборникомъ»

принимается по прежнему *только годовая подписка*, съ тою же платою въ годъ: внутри Россіи 6 руб. съ пересылкою (въ С.-Петербургѣ съ доставкою на домъ), за границу 8 руб. съ пересылкой; *на срокъ менѣе года и отдѣльно* на „Военно-Историческій Сборникъ“ подписка не принимается.

Плата за объявленія. Объявленія въ газетѣ **„Русскій Инвалидъ“** принимаются по тарифу 25 коп. за строку петита или мѣсто, ею занимаемое.

Объявленія въ „Военномъ Сборникѣ“ принимаются по тарифу 20 руб. за страницу, за помѣщеніе одинъ разъ позади текста. 2—1

Библиотека "Руниверс"

СТАРЫЕ ГОДЫ

Открыта подписка на 1912 г.

Въ шестомъ году изданія „Старые Годы“ будутъ выходить по прежней программѣ и при участіи тѣхъ же сотрудниковъ.

Цѣна въ годъ съ доставкою и пересылкою 10 руб., безъ доставки—9 руб., за границу—40 франковъ.

При подпискѣ въ конторѣ редакціи допускается разсрочка: при подпискѣ—5 р., 1 апрѣля—3 р. и 1 іюля—2 руб.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ редакціи (Рыночная ул., 10) и въ книжныхъ магазинахъ: Вольфа, Мелье, „Новаго Времени“, Клочкова и Митюрникова; въ Москвѣ—въ книжныхъ магазинахъ: Вольфа, „Новаго Времени“, Шибанова и Веркмейстера.

ЗА ИЗРАСХОДОВАНІЕМЪ КОМПЛЕКТОВЪ, ПОДПИСКА НА 1911 ГОДЪ ПРЕКРАЩЕНА.

Въ конторѣ редакціи имѣется въ ограниченномъ количествѣ:

1.—Лѣтній выпускъ (іюль—сентябрь) 1911 года по 7 р. 50 к.

2—Каталогъ старинныхъ произведеній искусствъ, хранящихся въ Императорской Академіи Художествъ. (Введеніе. Портреты зала Совѣта и Скульптура). Сост. бар. Врангель. Ц. 10 р.

КОМПЛЕКТОВЪ ЖУРНАЛА ЗА ПРОШЛЫЕ ГОДЫ НЕ ИМѢЕТСЯ.

Новый адресъ редакціи: Спб. Рыночная, 10.

Редакціонный Комитетъ: Алекс. Н. Бенуа, В. А. Верещагинъ, баронъ Н. Н. Врангель, І. І. Леманъ, С. К. Маковскій, С. Н. Тройницкій и А. А. Трубниковъ.

2—1 Редакторъ-Издатель П. П. Вейнеръ.

Библиотека "Руниверс"

Будильникъ

(48-й годъ изданія).

Никакихъ ограниченій при подпискѣ на 1912 годъ.

Журналъ откровенно-прогрессивный, „Будильникъ“ признаетъ всеобщее равноправіе. Подписчицы пользуются у насъ тѣми-же правами, что и подписчики, дѣтей и нижнихъ чиновъ мы не отличаемъ отъ взрослыхъ и высшихъ чиновъ.

Каждый, у кого есть 9 рублей, безъ различія пола, возраста, національности и соціальнаго положенія, имѣетъ право подписаться на „Будильникъ“.

Получивъ 9 рублей, мы даемъ нашимъ подписчикамъ безплатно: пятьдесятъ два номера „Будильника“ съ рисунками въ нѣсколько красокъ лучшихъ русскихъ и иностранныхъ каррикатуристовъ на самыя животрепещущія темы,—и съ текстомъ, вышедшимъ изъ-подъ пера лучшихъ русскихъ юмористовъ.

Лицъ, у которыхъ по уплатѣ упомянутыхъ выше 9 рублей, остается въ карманѣ еще 1 руб., мы покорнѣйше просимъ прислать и этотъ рубль намъ. Въ благодарность за такую щедрость мы дадимъ имъ премію:

„1812-й годъ въ каррикатурѣ“.

Альбомъ, составленный по самымъ рѣдкимъ источникамъ, въ которомъ будутъ воспроизведены каррикатуры, относящіяся къ войнѣ 1812 года и ея дѣятелямъ. Альбомъ будетъ отпечатанъ въ нѣсколько красокъ и представитъ собою рѣдкое по цѣнности матеріала и художественному его воспроизведенію изданіе.

Редакція не принимаетъ на себя отвѣтственности, если кто-нибудь изъ подписчиковъ умретъ отъ смѣха!

Находя совершенно безсмысленнымъ скрывать свой адресъ, мы объявляемъ его во всеуслышаніе: **Москва, Леонтьевскій пер., 12.**

Для того чтобы попасть въ число нашихъ подписчиковъ, совершенно достаточно прислать намъ:

Въ Москвѣ: 1 годъ—8 руб., ½ года—4 руб. 50 коп.
Въ др. городахъ: 1 годъ—9 руб., ½ года—5 руб.
Внѣ Россіи: 1 годъ—12 руб., ½ года—7 руб.

Премію получатъ лишь **годовые подписчики,** внесшіе сверхъ подписной платы еще **одинъ** рубль.

Надѣемся, что каждый въ своихъ же интересахъ поспѣшитъ подписаться на журналъ заблаговременно.

„Будильникъ“.

3—2

Библиотека "Руниверс"

Открыта подписка на 1912 годъ на органъ финансовой и торгово-промышленной жизни.

ФИНАНСОВОЕ ОБОЗРѢНІЕ

(Годъ изданія 3-й). Журналъ выходитъ 2 раза въ мѣсяцъ

при участіи выдающихся авторитетовъ по всѣмъ отраслямъ экономической жизни.

„ФИНАНСОВОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ даетъ въ каждомъ номерѣ рядъ основныхъ статей по различнымъ вопросамъ государственнаго и народнаго хозяйства.

„ФИНАНСОВОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ своевременно даетъ точныя сообщенія о состояніи биржъ и денежныхъ рынковъ главныхъ центровъ Европы и полную картину дѣятельности столичныхъ фондовыхъ и товарныхъ биржъ.

„ФИНАНСОВОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ даетъ подробныя свѣдѣнія о Банковыхъ, Биржевыхъ и Страховыхъ дѣлахъ и Акціонерныхъ Торгово-Промышленныхъ Обществахъ въ Россіи.

„ФИНАНСОВОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ даетъ подробныя свѣдѣнія и отчеты по Нефтяной, Хлопковой, Лѣсной, Сахарной, Горной и Сельско-Хозяйственной промышленностямъ.

„ФИНАНСОВОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ является двухнедѣльнымъ журналомъ, въ которомъ дѣловой міръ найдетъ всѣ необходимыя свѣдѣнія по всѣмъ интересующимъ его вопросамъ.

		На годъ	На 6 мѣс.
Подписная цѣна:	С.-Петербургѣ и въ провинціи . .	8 р.	5 р.
	Заграницу	10 „	6 „

Контора и редакція: С.-Петербургъ, Невскій, 22.

Объявленія и подписка принимаются въ Редакціи журнала и въ книжныхъ магазинахъ. Подписавшіеся до 1-го января 1912 г. будутъ получать журналъ безплатно въ теченіе настоящаго года.

Редакторъ: *Н. А. Котовичъ.*

Библиотека "Руниверс"

Открыта подписка на 1912 годъ

ЗАДУШЕВНОЕ СЛОВО.

ДВА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЕ иллюстрированные журнала для дѣтей и юношества, основ. С. М. МАКАРОВОЙ и издаваемые подъ ред. И. М. ОЛЬХИНА.

XXXVI годъ изданія.

Подписной годъ съ 1-го ноября 1911 г.—Первые №№ высылаются немедленно.

Гг. годов. подписч. журн. „З. Сл.“ для дѣтей младшаго возраста (отъ 5 до 9 лѣтъ) **получатъ:**

52 №№ и 48 премій.

въ числѣ которыхъ:

◆ **Большая картина** въ хромолеографическихъ краскахъ: „ТРЕЗОРЪ ВЕРНУЛСЯ“ художника **Артура Эльслея.**
12 Занимательныхъ игръ, работъ, рукод. и т. п. на раскр. черн. лист.
12 Иллюстрированныхъ книжекъ разсказовъ, повѣстей, сказокъ, шутокъ и пр. для маленькихъ дѣтей.
12 Вып. иллюстр. изданія „Лѣсные человѣчки и ихъ новыя путешествія по бѣлому свѣту“, съ иллюстр. **П. Кокса.**
10 Вып. „Знаменитые русскіе мальчики“, составл. для дѣтей младш. возраста **Вик. Русаковымъ**, съ портр. и илл.
6 Таблицъ „Школа Раскрашиванія“ для маленькихъ дѣтей, составл. проф. **А. Л. Зонъ.**
6 Тетрадей изданія „Моя первая ариѳметика“, составл. **Н. П. Анненскимъ**, съ иллюстр.
◆ **Театръ мурзилки**, веселая и забавная игра для дѣтей **и мн. др.**

Гг. годовые подписчики „З. Сл.“ старшаго возраста (отъ 9 до 14 лѣтъ) **получатъ:**

52 №№ и 48 премій,

въ числѣ которыхъ:

◆ **„Царство камней“** 12 таблицъ въ краскахъ, въ видѣ атласа, съ популярнымъ объясн. текстомъ проф. **Г. Керта.**
12 Выпусковъ „Книги чудесъ“ Натаніэля Готорна, съ илл. **Гранвилля.**
8 Книжекъ „Исторія свѣчки“, проф. **Фарадея**, съ илл. и вступит. стат.
10 Вып. „Звенья добра“, собраніе разсказовъ для юношества, съ илл.
6 Книжекъ „Библіотеки полезныхъ свѣдѣній“, для юношества.
10 Вып. „Жемчужины русской поэзіи“, для юношества, собр. **М. Р. Лемке.** (Новая серія).
12 Табл. въ краскахъ „Человѣкъ и строеніе его тѣла“ съ объяснительн. текстомъ проф. **Г. Клюнца.**
◆ **Дѣтскій театръ.** Сборникъ пьесъ **Е. А. Чебышевой-Дмитріевой**, съ рисунками **И. Гурьева.**
◆ **Спутникъ школы.** Календарь и записная книжка для учащихся на 1912-13 учебный годъ въ изящн. коленк. переплетѣ **и мн. др.**

Кромѣ того, при кажд. изд. высылаются: „ЗАДУШЕВНОЕ ВОСПИТАНІЕ“ и „ДѢТСКІЯ МОДЫ“.

Подписная цѣна каждаго издан. „Задушевнаго Слова“, со всѣми объявленными преміями и приложеніями, съ доставкой и пересылкой—за годъ **ШЕСТЬ** рублей. Допуск. разсрочка на 3 срока: 1) при подпискѣ, 2) къ 1 февр. и 3) къ 1 мая—по **ДВА** р.

Съ требованіями, съ обозначеніемъ изданія (возраста), обращаться: въ конторы „ЗАДУШЕВНАГО СЛОВА“, при книжн. маг. Т-ва М.В. Вольфъ—С.-Петербургъ: 1) Гост. Дв., 18, и 2) Невскій, 13.

Библиотека "Руниверс"

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ

Финансово Экономическій и Биржевой журналъ

„БИРЖА“

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

I. Дѣйствующія законоположенія, распоряженія правительства, законопроекты, касающіеся биржъ, банковъ, биржевыхъ комитетовъ, акціонерныхъ, промышленныхъ и др. предпріятій.

II. Руководящія статьи по финансово-экономическимъ, биржевымъ, банковымъ, торгово-промышленнымъ и др. вопросамъ.

III. Свѣдѣнія о положеніи биржъ, еженедѣльные обзоры и котировки биржъ русскихъ и заграничныхъ, обзоры рынковъ.

IV. Критическіе обзоры акціонерныхъ предпріятій и ихъ %% бумагъ, котирующихся на биржахъ, съ предположительнымъ указаніемъ ихъ возможной расцѣнки на биржѣ на предстоящую недѣлю.

V. Хроника биржевая, банковая, торгово-промышленная, желѣзнодорожная и судебная.

VI. Общія собранія и отчеты акціонерныхъ предпріятій. Постановленія биржевыхъ комитетовъ. Движеніе и сборъ на желѣзныхъ дорогахъ.

VII. Таблицы курсовъ и сдѣлокъ всѣхъ %% бумагъ, котирующихся на биржахъ, таблицы дивидендовъ, сроковъ купоновъ, тиражей и т. д.

VIII. Обзоры печати, библіографія, смѣсь, почтовый ящикъ.

Собственные корреспонденты въ Парижѣ, Берлинѣ, Лондонѣ, Нью-Іоркѣ и др. городахъ.

Журналъ выходитъ по воскресеньямъ.

Участіе въ журналѣ принимаютъ: Чл. Гос. Думы, проф. Алексѣенко М. М.; проф. Алексѣевъ А. С.; проф. Берендсъ Э. Н.; пр.-доц. Боровой А. А., проф. Варнеке Б. В.; Воротынцевъ Н. Н., бар. Врангель Е. Е.; Головинъ К. Ф.; Герольдштейнъ И. М., проф. Грибовскій В. М., чл. Гос. Сов. Денисовъ В. И., кн. Долгоруковъ М., Евреиновъ М. Н., чл. Гос. Думы Еропкинъ А. В., Зейдманъ А. И., Идельсонъ В. Р., проф. Исаевъ А. А., проф. Колосовъ І. В., чл. Гос. Совѣта Коснчъ А. И., членъ Гос. Думы Лерхе Г. Г., Маляревскій К. Д., д-ръ Ла-Маркъ Г. Е., Манусъ И. П., проф. Мигулинъ П. П., Мукосѣевъ В. А., Модель М. С., пр.-доц. Новицкій И. Н., чл. Гос. Сов. проф. Озеровъ И. Х., проф. Пассекъ Е. В., Путиловъ А. И., Пашенгутъ П. О., Сперанскій В. П., Успенскій П. Д., проф. Фридманъ М. П., Федоровъ А. П., Шабашевъ С. С., Эмскій (псевд.).

„Биржа“ даетъ ежемѣсяч. безплат. прилож.—журн. „Биржевой Ежемѣсячникъ“ и др. изданія по биржевой и банковой литературѣ.

Подписная цѣна на журналъ со всѣми безплатными приложеніями: на годъ—12 р., на ½ года—7 руб., на 3 мѣс.—4 руб.

Отдѣльный № 25 к. За границу: на годъ—20 руб., ½ года 12 р.

Подписка принимается: въ редакціи—С.-Петербургъ, Мойка 12 и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и почтовыхъ учрежденіяхъ Имперіи.

Библиотека "Руниверс"

иллюстрируется и издается съ такой красотой и роскошью. Отъ даровитаго художника и съ такимъ вкусомъ печатающаго книги издательства слѣдуетъ ждать подобнаго же изданія другого пушкинскаго перла—„Капитанской Дочки".

Вѣстникъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества. Выпускъ 1. Харьковъ. 1911.

Почтенное общество, издавшее уже много трудовъ своихъ участниковъ, въ томъ числѣ двадцать томовъ сборниковъ изслѣдованій по мѣстной исторіи, археологіи, славяновѣдѣнію, украиновѣдѣнію, исторіи и теоріи искусства, настолько широко развило свою дѣятельность, что приступило теперь къ изданію „Вѣстника", посвящаемаго текущей жизни общества и краевымъ научнымъ интересамъ. Самымъ усерднымъ вкладчикомъ въ первую книжку журнала явился профессоръ Н. Ѳ. Сумцовъ, давшій, между прочимъ, нѣсколько интересныхъ сообщеній о Шевченкѣ. Д. И. Багалѣй описалъ „Костомаровскіе дни въ Воронежѣ". С. Соловьевъ („Новая Сорбонна") касается наболѣвшаго на западѣ вопроса о борьбѣ гуманистическаго направленія въ университетскомъ преподаваніи исторіи литературы съ утилитарнымъ и приходитъ къ справедливому выводу, что необходимо избѣгать крайностей какъ въ томъ, такъ и въ другомъ отношеніи, для того, чтобы университетская наука давала не узкихъ спеціалистовъ, за деревьями лѣса не видящихъ и неспособныхъ на маломальски широкое и смѣлое обобщеніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ не живущихъ чужими общими взглядами и чуждыхъ труда верхоглядовъ.

Общество любителей Россійской словесности при Московскомъ университетѣ. 1811—1911 Историческая записка и матеріалы за сто лѣтъ, М. 1911.

Въ сто лѣтъ Общество сдѣлало многое, несмотря на разныя неблагопріятныя обстоятельства. Справедливо говоритъ составитель памятной записки: „Общество вызвало къ жизни много цѣнныхъ работъ въ области изученія языка и литературы; въ мѣру скромныхъ своихъ средствъ, оно дало значительное количество научно-литературныхъ изданій, среди которыхъ съ гордостью можетъ указать на „Словарь" Даля и „Пѣсни" Кирѣевскаго; бережно храня лучшія литературныя традиціи, воспитывая въ уваженіи къ нимъ многочисленныхъ посѣтителей своихъ публичныхъ собраній, оно отзывалось на всѣ горести и радости родной литературы; наконецъ, съ чувствомъ нравственнаго удовлетворенія Общество можетъ указать въ вѣковой своей исторіи примѣры благородной борьбы за свободу того слова, ради служенія которому оно возникло". Повторимъ пожеланіе, высказанное когда-то членомъ Общества графомъ В. А. Сологубомъ: „дай Богъ, чтобъ этимъ обществомъ сдѣлалось все русское государство!"

Словарь членовъ Общества любителей Россійской словесности при Московскомъ университетѣ. 1811—1911. М. 1911.

Этотъ спеціальный біографическій словарь—не только прекрасный способъ, которымъ Общество, празднуя свое столѣтіе, почтило память своихъ покойныхъ участниковъ и воздало честь живымъ, но и весьма полезное справочное пособіе. Особенно много потрудился надъ нимъ извѣстный библіографъ Д. Д. Языковъ, сообщившій, между прочимъ, много нелегко добытыхъ свѣдѣній о малоизвѣстныхъ писателяхъ первой половины XIX вѣка.

Н. П. Лихачевъ. Хожденіе Св. Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова. По лицевымъ рукописямъ XV и XVI вѣковъ. Изданіе Имп. Общества любителей древней письменности. Спб. 1911.

Обществомъ уже издавался этотъ памятникъ. Въ 1878 г. князь П. П. Вяземскій издалъ лицевую рукопись „Житіе и хожденіе Іоанна Богослова", а въ 1879 г. былъ напечатанъ трудъ архим. Амфилохія—греческій и славянскій тексты „Хожденія" по древнѣйшимъ рукописямъ. Нынѣ это популярное произведеніе агіологіи воспроизводится по двумъ еще болѣе старымъ рукописямъ. Первая, относящаяся къ концу XV вѣка, издается цѣликомъ; вторая, принадлежащая, по мнѣнію Н. П. Лихачева, XVI вѣку, представлена лишь въ 83 миніатюрахъ (изъ 165), но снабжена старательнымъ описаніемъ всѣхъ ихъ. Интересующіеся агіологіей, старой письменностью и миніатюрной живописью будутъ очень благодарны Обществу и талантливому ученому за это старательное и красивое изданіе.

М. Н. Смирновъ. Переславль-Залѣсскій. Его прошлое и настоящее. М. 1911.

Весьма добросовѣстное и обстоятельное археологическое, историческое, статистико-экономическое и бытовое изслѣдованіе восьмисотлѣтняго прошлаго города и прилегающаго края, объединяющее цѣлый рядъ спеціальныхъ работъ и относящихся къ исторіи Переславля данныхъ.

Вопросы теоріи и психологіи творчества. Томъ III.—К. Ѳ. Тіандеръ. Очеркъ исторіи театра въ Западной Европѣ и Россіи Харьковъ. 1911.

Книга г. Тіандера—единственная русская популярная и учебная книга по исторіи драматическаго творчества и театральнаго искусства, обнимающая тысячелѣтнее прошлое европейскаго театра—вплоть до нашихъ дней. Школа и самообразованіе у насъ давно нуждались въ такой книгѣ, такъ какъ театральное искусство—самое близкое массамъ, и его вліяніе, проводящее литературныя и общественныя идеи, распространяется и на такіе круги, до которыхъ съ трудомъ доходитъ книга.

Библиотека "Руниверс"

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1912 г.

СОРОКЪ ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за **12** книгъ, съ исполненными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины", Фонтанка, д. № 18, и въ книжныхъ магазин.: **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. **«Новое Время»**, Невскій, д. 40. **Вольфъ**, Гостиный дворъ, № 18. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

Гг. **иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **«Русская Старина»**, Фонтанка, д. № 18, кв. № 6.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

I. **Записки и воспоминанія.**—II. **Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.**—III. **Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.**—IV. **Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.**—V. **Отзывы о русской исторической литературѣ.**—VI. **Историческіе разсказы и преданія.**—**Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.**—VII. **Народная словесность.**—VIII. **Родословія.**

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какого-либо № журнала, подписчики должны немедленно же по полученіи слѣдующей книжки присылать въ редакцію заявленіе о неполученіи предыдущей. **По истеченіи же 3-хъ мѣсяцевъ со времени выхода пропавшаго № редакція никакихъ жалобъ не принимаетъ**, т. к. послѣ этого времени почтовому вѣдомству трудно навести справки.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи **„Русскую Старину"** за слѣдующіе годы: 1876, 1877, 1879, 1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1911 по **9** рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

„МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ,

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ",

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна 2 р. съ пересылкою. Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургъ, Б. Подъяческая ул., д. 7.

Редакторъ-издатель П. Н. Вороновъ. Тип. т-ва п. ф. „Эл.-тип. Н. Я. Стойковой". Спб. Знаменская, 27.

Библиотека "Руниверс"

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XLIII-й. ФЕВРАЛЬ. 1912 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. **Берлинскій Конгрессъ 1878 года.** (Дневникъ, веденный на мѣстѣ Д. Г. Анучинымъ). Сообщ. А. С. Анучина. . . . . 231—255

II. **Дневникъ статсъ-секретаря Григорія Ивановича Вилламова. 1807 г.** Сообщ. Н. А. Вилламовъ. 257—269

III. **Изъ журнала участника войны 1812 года.** Суханина. . . . . 271—283

IV. **Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 г. г.** Е. А. Рагозиной. . . . 284—295

V. **Эпизодъ изъ сербской кооперація.** Г. И. Бобрикова. 296—302

VI. **Къ 50-ти лѣтію освобожденія крестьянъ.** (Карловское имѣніе Великой Княгини Елены Павловны). Д. А. Корсакова. . 303—308

VII. **Встрѣчи и столкновенія.** (Е. А. Кожуховъ. М. И. Соловьевъ. М. О. Вольфъ. С. П. Бѣляевъ). Р. И. Сементковскаго. . . 309—315

VIII. **Одиннадцать лѣтъ въ театрѣ.** (Изъ воспоминаній артистической жизни Ирины Ивановны Оноре, бывшей пѣвицы Императорскаго Московскаго театра). И. Оноре. . . . . 316—326

IX. **Николай Михайловичъ Пржевальскій.** Путешествіе на Лобъ-норъ. П. Козлова. 327—350

X. **О мѣрахъ по духовному вѣдомству къ сохраненію народнаго спокойствія при обнародованіи въ 1861 г. Положеній о крестьянахъ.** Сообщилъ Алексѣй Попельницкій. . . . . 351—356

XI. **Изъ замѣтокъ стараго ремонтера.** Н. А. Попова. 357—364

XII. **Изъ архива кн. Л. А. Ухтомскаго.** Сообщ. А. В. Жиркевичъ. . . . . 365—371

XIII. **Изъ Подольской старины.** В. Сл. и Ѳ. Ф—ко. 372—390

XIV. **М. И. Драгомировъ, командующій войсками.** (Изъ отрывочныхъ воспоминаній). А. Е. К. . . . 391—400

XV. **Столѣтіе Императорскаго Александровскаго Лицея** . . . . . 401—409

XVI. **Наполеонъ на островѣ св. Елены.** Сообщила В. Тимощукъ. . . . . 410—424

XVII. **Самодержавіе царевны Софіи Алексѣевны по неизданнымъ документамъ.** (Изъ переписки, возбужденной графомъ Панинымъ). Сообщила Е. Лермонтова . . . . 425—445

XVIII. **Отрывочныя воспоминанія изъ прожитой мною жизни на морѣ и на сушѣ.** Б. К. де-Ливронъ. 446—454

XIX. **Изъ записной книжки „Русской Старины":**

а) **Монахъ-офицеръ.** Сообщ. В. Федоровъ. 256

б) **Рескриптъ Императора Павла I графу Буксгевдену.** Сообщилъ В. П. Федоровъ. 270

XX. **Библіографическій листокъ** (на оберткѣ).

Приложенія: 1) **Вершители судебъ Берлинскаго Конгресса:** а) кн. Горчаковъ, б) гр. Шуваловъ, в) кн. Бисмаркъ, г) Биконсфильдъ, д) Андраши. 2) **Ду-фу-сянъ** (выдающійся сановникъ Китая, бывшій въ опалѣ, въ изгнаніи). 3) **Тильзитское свиданіе.** 4) **Лицеисты у царскосельскаго „грибка".** При этой книгѣ разсылается проспектъ полн. собр. сочин. русскихъ и иностран. писателей на 1912 г. книжн. магазина А. А. Климонова. С.-Петербургъ, Вознесенскій пр., № 47. Полный каталогъ магазина высылается за три 7-ми копѣечн. марки.

Принимается подписка на „Русскую Старину" изд. 1912 года.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни. Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37—66.

Библиотека "Универс"

II-я книга „Русской Старины" вышла 1-го февраля 1912 года.

Библіографическій листокъ.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Т. 134-й. СПб. 1911. Матеріалы Екатерининской законодательной комиссіи. Т. XII.

Въ этотъ томъ вошли наказы городскихъ жителей Нижегородской, Астраханской, Смоленской и двухъ Сибирскихъ губерній депутатамъ, посланнымъ въ комиссію для сочиненія проекта новаго уложенія. Для мало обслѣдованной исторіи городского населенія здѣсь много цѣнныхъ матеріаловъ, широко-историческихъ, статистическихъ и бытовыхъ. Каково было городское устройство или, вѣрнѣе, неустройство въ ту эпоху, видно изъ такихъ фактовъ, какъ вручение депутату одного города пяти наказовъ, другого—даже десяти. Наказы полны горькихъ жалобъ различныхъ слоевъ населенія на „недостатокъ“ и „изнеможеніе“.

Сочиненія Ю. Ѳ. Самарина. Томъ двѣнадцатый. Письма. 1840—1853 г.г. М. 1911.

Издателемъ, П. Самаринымъ, собрано до спхъ поръ 2170 писемъ Ю. Ѳ. Самарина, и весьма возможно, что дальнѣйшіе розыски значительно увеличатъ эту цифру. Размѣщеніе ихъ въ общемъ хронологическомъ порядкѣ ослабило бы связь между самыми интереснымп изъ нихъ и доставило бы читателю много затрудненій. Поэтому они группируются по четыремъ главнымъ періодамъ дѣятельности Самарина, а въ предѣлахъ каждаго періода—по лицамъ, къ которымъ обращены, при чемъ здѣсь располагаются уже въ хронологическомъ порядкѣ. Въ первый томъ вошли письма двухъ первыхъ періодовъ (1840—1844 и 1844—1853 г.г.), къ близкимъ, къ іезуиту Гагарину, къ Погодину, Хомякову, Аксаковымъ, А. О. Смирновой. Шевыреву и друг.; многія появляются въ печати впервые. Невозможно въ краткой замѣткѣ указать, сколько цѣннаго и значительнаго даетъ этотъ томъ. Въ немъ всѣхъ писемъ 259, такъ что цѣлое собраніе займетъ еще томовъ шесть,—семь, если не больше. Русская мысль и исторія русской общественности получаютъ въ немъ богатѣйшее сокровище.

Н. П. Кашинъ. Этюды объ А. Н. Островскомъ. М. 1912.

Авторъ, уже давно изучающій Островскаго, является начинателемъ научнаго изслѣдованія произведеній этого писателя. Г. Кашинъ первый занялся исторіей его драматическихъ пропзведеній и ихъ текстомъ. Главное содержаніе собранныхъ въ данной книгѣ работъ г. Кашина—опредѣленіе въ творчествѣ Островскаго различныхъ литературныхъ вліяній. Прослѣдивъ ихъ слѣды въ нѣсколькихъ пьесахъ Островскаго, авторъ заключаетъ: „чужія произведенія наводили Островскаго на мысль изобразить то или другое явленіе окружающей жизни, подсказывали ему тѣ или другіе характеры, сцены, положенія, мотивы. Но въ обработкѣ всего этого нашъ драматургъ оставался вполнѣ самобытнымъ писателемъ: краски для тѣхъ или другихъ характеровъ, содержаніе его произведеній взяты изъ окружавшей его дѣйствительности... Историческія пьесы нашего драматурга („Кузьма Захарьичъ Мининъ Сухорукъ“ и „Воевода“) поражаютъ глубокимъ реализмомъ изображенія бытовой и исторической дѣйствительности, основаннымъ на обстоятельнѣйшемъ изученіи историческихъ и юридическихъ актовъ и старинныхъ литературн хъ памятниковъ“.

В. Вальденбергъ. Государственныя идеи Крижанича. Изслѣдованіе. СПб. 1912.

Взгляды на дѣятельность Юрія Крижанича въ Россіи весьма разнорѣчивы, и фигура его представляется загадочной. Безсоновъ видѣлъ въ немъ „ревнителя возсоединенія церквей и всего славянства“. Такъ же смотрѣлъ на него С. Соловьевъ. Развивая эту мысль, А. Маркевичъ находилъ, что Крижаничъ служилъ двумъ идеямъ—установленія церковной уніи и славянскаго единенія подъ главенствомъ Россіи, при чемъ вторая идея заняла преобладающее мѣсто въ его дѣятельности. Того же мнѣнія держатся М. О. Кояловичъ, Н. И. Костомаровъ, Д. Цвѣтаевъ. Иначе отнеслись къ Крижаничу М. Бережковъ, видѣвшій въ немъ типичнаго католика-паписта съ теократическимъ идеаломъ, и С. Бѣлокуровъ, который опредѣленно и рѣзко говоритъ о Крижаничѣ: „убѣжденный дѣятель въ пользу католичества... не политика наполняетъ его сердце, не славянствомъ полна его душа, это—хитрый и ловкій пропагандистъ католицизма“. Изучивши литературу вопроса, г. Вальденбергъ примкнулъ къ первому взгляду; онъ признаетъ, что Крижаничъ стремился къ „честной“ уніи, не подчиняющей православіе католичеству, а дѣйствительно соединяющей обѣ церкви, и былъ глубоко преданъ дѣлу религіознаго и политическаго объединенія славянства. Установивъ такое свое отношеніе къ Крижаничу, авторъ анализируетъ его государственныя идеи и показываетъ, какъ захватила Крижанича та государственная идеологія, которую засталъ онъ въ Россіи уже готовою въ главныхъ чертахъ, и дальнѣйшей разработкѣ которой служилъ своими трудами.

„Русскій Библіофилъ“ 1911 г., № 5. „А. С. Пушкинъ“.

Книжка журнала спеціально посвящена Пушкину. Изданіе можетъ похвалиться такими новинками, какъ письма и замѣтки Пушкина. Письма, извлеченныя изъ подареннаго П. Н. Тургеневымъ Академіи Наукъ семейнаго архива, адресованы А. И. Тургеневу, князю П. А. Вяземскому и П. А. Осиповой. „Мочи нѣтъ, почтенный Александръ Ивановичъ“, пишетъ Тургеневу Пушкинъ изъ Кишинева въ 1821 г.,—„такъ мнѣ хочется недѣли двѣ побывать въ этомъ пакостномъ Петербургѣ. Безъ Карамзиныхъ, безъ васъ двухъ (т. е. А. И. и его брата Николая Ивановича), да еще безъ нѣкоторыхъ избранныхъ соскучишься и не въ Кишиневѣ, а вдали камина княгини Голицыной (Евд. Иван., „ночной княгини“) замерзнешь и подъ небомъ Италіи. Въ руцѣ твои предаюся, отче... Не можете ли

Библиотека "Руниверс"

Кн. Горчаковъ.

Гр. Шуваловъ.

Вершители
Берлинскаго

судебъ
Конгресса.

Князь
Биконсфильдъ.

Бисмаркъ.

Андраши.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ
„РУССКАЯ СТАРИНА"
на 1912 годъ.

Вступая въ 1912 году въ сорокъ третій годъ своего существованія, **„Русская Старина"**, благодаря измѣнившимся условіямъ цензуры, извлекаетъ изъ своего архива цѣлый рядъ цѣнныхъ записокъ и даетъ мѣсто особенно интереснымъ воспоминаніямъ, а также исторически обработаннымъ матеріаламъ и подлиннымъ документамъ.

Имѣя въ виду современныя условія общественной жизни Россіи, редакція предпринимаетъ цѣлый рядъ мѣръ къ обновленію и расширенію журнала.

Сохраняя своихъ прежнихъ многочисленныхъ сотрудниковъ, редакція предполагаетъ напечатать въ 1912 году: Статьи и матеріалы о 1812 годѣ. **А. Ф. Кони.**—„Изъ воспоминаній и замѣтокъ судебнаго дѣятеля". „Житейскія встрѣчи". Воспоминанія **И. И. Янжула** о пережитомъ и видѣнномъ. **А. А. Мазона**—Матеріалы для біографіи и характеристики И. А. Гончарова. **В. М. Спасской.**—Воспоминанія о Гончаровѣ. **Н. А. Вилламовъ.**—Дневникъ статсъ-секретаря Григорія Ивановича Вилламова. **А. А. Лебедева.**—Г. Е. Благосвѣтловъ и Н. Г. Чернышевскій. **Бар. Ш.**—Изъ воспоминаній о Некрасовѣ. **Анучина.**—Берлинскій конгрессъ 1878 г. (авторъ пишетъ о кн. Горчаковѣ, гр. Шуваловѣ, гр. Милютинѣ, кн. Бисмаркѣ, кронпринцѣ Фридрихѣ, Дизраэли, гр. Андраши и др.). **Е. Лермонтовой.**—Вопросъ о самодержавіи Царевны Софіи Алексѣевны.—По неизданнымъ документамъ. **Р. И. Сементковскаго.**—Встрѣчи и столкновенія съ Л. Н. Толстымъ, С. П. Боткинымъ, С. П. Бѣляевымъ, Е. А. Кожуховымъ, М. П. Соловьевымъ, А. К. Пыпинымъ, М. О. Вольфомъ, И. А. Гончаровымъ, Н. К. Шильдеромъ, И. К. Мердеромъ, И. Е. Андреевскимъ, А. Д. Градовскимъ, П. Г. Рѣдкинымъ, П. А. Гайдебуровымъ, К. В. Трубниковымъ, В. В. Стасовымъ, Ф. Ѳ. Павленковымъ, А. Ф. Марксомъ, П. И. Вейнбергомъ, А. М. Скабичевскимъ, В. П. Безобразовымъ, М. М. Шершевскимъ, Робертомъ Молемъ и др. **Н. А. Мурзанова.**—Къ біографіи декабристовъ: кн. С. А. Волконскаго, В. А. Давыдова и М. С. Лунина. **В. В. Шереметевскаго.**—Басурманская неволя. **М. В. Безобразовой.**—Дневникъ академика В. П. Безобразова. **П. К. Козлова.**—Николай Михайловичъ Пржевальскій. **А. И. Слезскинскаго.** — Тайный другъ Пушкина. **В. Н. Свѣтозарова.**—Развитіе легенды о смерти Царевича Дмитрія. **П. Л. Юдина.**—Къ дѣлу Мировича. Изъ астраханской жизни Суворова. **Е. Г. Вейденбаума.**—Присяга Ермолова Императору Николаю I-му. **И. П. Мордвинова.**—Письма Г. Р. Державина къ Е. И. Горихвостовой. **В. Д. Корсаковой.**—Князь Платонъ Степановичъ Мещерскій и письма къ нему Екатерины II, Павла I, Румянцева-Задунайскаго и др. **А. И. Сергѣева.**—Изъ быта духовенства. **Н. А. Лашкова.**—Посѣщеніе Спасо-Яковлевскаго монастыря Императрицей Маріей Ѳеодоровной и Императоромъ Александромъ I. **Е. А. Разгозиной.**—Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—78 гг., при чемъ авторъ, описывая жизнь Турціи и ея обитателей, касается гр. Игнатьева, Нелидова, Ону, Макѣева, кн. Церетели, Гобартъ-паши, сэра Элліота, Зичи, гр. Корти, лорда Сольсбери, бар. Каличе, Кіамиль-паши, Османъ п., Керимъ, Намукъ, Сивфетъ, Мухтаръ-пашей и др. **Е. К. Андреевскій.**—М. И. Драгомировъ—командующій войсками округа и генералъ-губернаторъ. **А. Ф. Петрушевскаго.**—Изъ моихъ воспоминаній. **А. Г. Воронова.**—Іоганъ Урсиніусъ. **И. И. Онноре.**—11 лѣтъ въ театрѣ. **М. Ф. Чулицкаго.**—Изъ старыхъ дѣлъ („Сонное видѣніе", „Преступная мысль" и „О сумасбродѣ Иванѣ Андреевѣ"). **М. М. Мариной.**—Леди Портеръ. **П. А. Данилова.**—Сибирская дивизія въ походѣ противъ Японіи въ 1904 и 1905 гг. **Л. Н. Любимова.**—Изъ жизни инженера путей сообщенія. **В. Ф. Руднева.**—На крейсерѣ „Африка". **Н. А. Попова.**—Изъ замѣтокъ стараго ремонтера. **А. Синицына.**—Изъ воспоминаній стараго врача. **Е. В. Андріашевой.**—Воспоминанія стараго педагога. Воспоминанія **Веселовскаго, Леваковскаго, Виноградскаго, Сиворцова** и др.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 руб. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 18.

Библиотека "Руниверс"

ПРИ ЖУРНАЛѢ
„РУССКАЯ СТАРИНА“
ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА
„Стенографическій Отчетъ Портъ-Артурскаго процесса”.

Русскому обществу, безусловно заинтересованному судебнымъ процессомъ о сдачѣ П.-Артура, приходится довольствоваться газетными отчетами о процессѣ, всегда неполными, а зачастую и искаженными, несмотря на присутствіе въ залѣ засѣданій стенографовъ, оффиціально допущенныхъ для записи.

Въ настоящее время намъ удалось пріобрѣсти всѣ стенограммы, и мы, идя навстрѣчу желаніямъ публики, рѣшили ихъ издать.

Изданіе будетъ исполнено болѣе чѣмъ въ ПЯТИ выпускахъ по подпискѣ и стоимость его на обыкновенной бумагѣ и безъ портретовъ съ выпуска 4 повышена—ШЕСТЬ рублей.

На веленевой бумагѣ и съ портретами подсудимыхъ, ихъ защитниковъ и выдающихся свидѣтелей—ДВѢНАДЦАТЬ рублей.

По выходѣ всѣхъ выпусковъ—стоимость ихъ будетъ увеличена.

Подписка принимается:

Въ СПБ. въ ред. журн. „Русская Старина“ (гдѣ помѣщается контора этого изданія)—Фонтанка, 18;

въ книжныхъ магазинахъ:

„Новаго Времени“, Невскій, 40;

„Т-ва М. О. Вольфъ“, Гостиный дв., 18, и Невскій, 13, и въ книжн. складѣ Березовскаго, Колокольная, № 14.

Въ Москвѣ: въ книжн. магаз. М. О. Вольфъ, Моховая ул. и Кузнецкій мостъ.

За точность записей поручились стенографы, фамиліи которыхъ будутъ напечатаны въ отчетѣ. За исправленіе техническихъ терминовъ, фамилій и названій мѣстностей—отвѣтственны защитники, которые, всѣ безъ исключенія, взяли на себя трудъ по провѣркѣ отчета.

Состоящимъ на государственной службѣ за поручительствомъ казначеевъ допускается разсрочка: 2 руб. при подпискѣ и по 1 рублю по полученіи каждаго выпуска.

Книжные магазины, принимающіе подписку на „Стенографическій отчетъ“, платятъ: вмѣсто 6 руб.—5 руб. и вмѣсто 12 руб.—11 руб.

Библиотека "Руниверс"

Берлинскій Конгрессъ 1878 года [1]).

(Дневникъ, веденный на мѣстѣ Д. Г. Анучинымъ).

Тяжело читать страницы этого дневника въ настоящее время прекрасныхъ англо-русскихъ отношеній.

Много событій произошло послѣ Берлинскаго Конгресса, много русскихъ и англичанъ поработало надъ тѣмъ, чтобы англо-русское сближеніе осуществилось, но можно и теперь съ увѣренностью сказать, что если бы въ іюнѣ и іюлѣ 1878 г. во главѣ англійскаго кабинета стоялъ „великій старецъ“ Гладстонъ, въ жилахъ котораго текла благородная англійская кровь, то историческія событія въ Европѣ еще и тогда бы приняли совершенно другой ходъ.

Ред.

14 января 1912 г.
С.-Петербургъ.

Четвергъ 1/13 іюня.—Полдень. Сегодня утромъ получилъ приглашеніе на обѣдъ къ кронъ-принцу, такого содержанія печатнымъ билетомъ:

---

[1]) См. „Русскую Старину“ январь 1912 г.

Библиотека "Руниверс"

Auf allerhöchsten Befehl
beehrt sich der unterzeichnete Ober Hof und Haus Marschall
den Kaiserlich Russichen General
Herrn Anoutchine
zu dem Gala-Dîner am 13 Iuni 1878 um 6¾ Uhr
im Königlichen Schlosse
einzuladen

подписано: Pückler.

Былъ съ визитомъ у Бобрикова, Боголюбова и Даллера. Какъ кажется, кронъ-принцъ никого не принимаетъ сегодня, и всѣ прибывшіе на Конгрессъ будутъ ему представлены передъ обѣдомъ. Даллеръ совѣтовалъ мнѣ поѣхать ко всѣмъ находящимся въ Берлинѣ посламъ великихъ державъ или разослать имъ карточки, что здѣсь обыкновенно дѣлается. Такъ какъ сегодня 1-ое засѣданіе Конгресса, и никто дома не будетъ, то я и посылаю кельнера въ каретѣ, развезти мои карточки посламъ французскому, англійскому, итальянскому, австрійскому и турецкому.

Познакомился съ флигель-адъютантомъ Барановымъ, командиромъ Весты. Онъ здѣсь и стоитъ въ той комнатѣ (№ 115), которую я только что оставилъ. Я былъ у него первымъ, мнѣ хотѣлось познакомиться съ этимъ интереснымъ человѣкомъ. Онъ посланъ съ какимъ-то секретнымъ порученіемъ, вѣроятно по части закупки крейсеровъ.

10 ч. вечера. Что за день сегодня! Представлялся кронъ-принцу и говорилъ съ нимъ; представлялся кронъ-принцессѣ; жалъ руку Бисмарку, и его чудесная, добродушная морда и мощная фигура до того понравились мнѣ, что право охотно бы расцѣловалъ его. Безспорно, онъ и ростомъ, и мощью фигуры и выраженія доминируетъ надъ всѣми. Видѣлъ всѣхъ, всѣхъ, всѣхъ. Жаль, что не было Мольтке; не было и Горчакова. Всѣхъ приглашеній было разослано 180, такъ что съ особами императорской фамиліи всѣхъ было 200 чел., но думаю, что за обѣдомъ присутствовало не болѣе 175, 180 чел.

Ровно въ 6¾ ч. я былъ уже въ замкѣ—огромномъ старомъ зданіи, передъ которымъ стоятъ двѣ лошади съ Аничкова моста. Съѣздъ уже начался и шелъ безъ перерыва. Прусскіе камергеры и церемоніймейстеры, съ гораздо менѣе важными фигурами, чѣмъ наши—любезно встрѣчали каждаго, рекомендовались, и узнавъ фамилію гостя, указывали, какъ пройти въ залу, гдѣ назначено представленіе съѣхавшихся. Эта „зала королевы“ (chambre de la

Библиотека "Руниверс"

reine) очень красива, окнами выходитъ на Lust Garten и въ ней между двумя дверями на боковой стѣнѣ стоитъ тронъ. Около него, въ день пріема, были два хорошенькихъ пажа и два дворцовыхъ гренадера, одѣтыхъ подобно нашимъ въ мундиры старой наполеоновской гвардіи.

Когда всѣ собрались, тѣ же камергеры знакомили каждаго изъ насъ съ сосѣдями, между которыми назначено сидѣть за обѣдомъ. Моими сосѣдями были: *Кёрри*—главный совѣтникъ англійскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, въ родѣ нашего Жомини и *фонъ Козенъ*, австрійскій дипломатъ.

Андраши—усталая, скорѣе потертая и, кажется, подкрашенная физіономія—въ гусарскомъ мундирѣ, бѣломъ съ краснымъ совершенно похожемъ на нашъ лейбъ-гусарскій—и его венгерцы выдавались предъ всѣми. Венгерцы были въ черныхъ изъ моаръ-антикъ доломанахъ и черныхъ бархатныхъ въ накидку, ментикахъ; высокіе сапоги и какія-то оксидированныя цѣпи на груди и поясѣ, а на шляпахъ орлиныя перья. Картиннѣе этого я ничего не видалъ. Необыкновенно граціозно. Австрійскій посолъ Каролли тоже венгерецъ, имѣлъ высокіе сапоги, черныя панталоны и моаръ-антиковый черный же доломанъ и ничего больше. Ихъ костюмы привлекали общее вниманіе. Англичане были въ черныхъ, съ небольшимъ золотымъ шитьемъ, мундирныхъ фракахъ, безъ всякихъ орденовъ.

Биконсфильдъ выглядитъ моложе, чѣмъ его представляютъ на портретахъ. Высокій, худой, нѣсколько согнувшійся. Любопытно осматриваетъ всѣхъ въ стеклышко, которое безпрерывно суетъ въ лѣвый глазъ. Салисбюри—русская физіономія, похожая въ его узкомъ мундирѣ на нашего городского голову.

Ваддингтонъ, небольшаго роста крѣпышъ, незамѣчателенъ ничѣмъ.

Корти курносый итальянецъ съ самою скверною физіономіею. Какъ это странно, большинство видѣнныхъ мною до сего времени итальянцевъ и итальянокъ очень некрасивы.

За нѣсколько минутъ до выхода кронъ-принца, всѣхъ собравшихся къ обѣду главноуполномоченныхъ на конгрессѣ и ихъ свиту прусскіе церемоніймейстеры стали размѣщать въ залѣ, лицомъ къ окнамъ. На первомъ мѣстѣ, слѣва, поставили Андраши и его венгерцевъ, потомъ французовъ, англичанъ. О насъ какъ бы забыли, и мы все отодвигаемся на конецъ залы. Вотъ уже кромѣ насъ и двухъ турокъ нѣтъ никого. Что же это такое, почему насъ ставятъ рядомъ съ турками и въ самомъ хвостѣ? Всѣ мы, не выключая Шувалова и Убри, переглядываемся другъ съ другомъ съ явнымъ недоумѣніемъ и недовольствомъ. Приглашаютъ насъ и поставили передъ турками, предпослѣдними. Тутъ оказалось, что уполномо-

Библиотека "Руниверс"

ченные разставлены были въ алфавитномъ порядкѣ представляемыхъ ими государствъ (по франц. алфавиту) и поневолѣ намъ, рядомъ съ турками, пришлось занимать предпослѣднее мѣсто. Неудовольствіе наше разсѣялось, но странно, что объ этомъ правилѣ, принятомъ для конгресса, никто не былъ прежде предупрежденъ. Зная этотъ безпристрастный обычай, мы не волновались бы напрасно и не провели бы нѣсколько весьма непріятныхъ минутъ.

Когда кронъ-принцъ подъ руку съ кронъ-принцессой вошелъ въ залу, оба поклонились, при чемъ принцесса весьма низко присѣла; я такихъ реверансовъ еще не видалъ. Получивъ въ отвѣтъ наши поклоны, они разошлись—принцесса подошла къ Андраши, а принцъ въ противуположную сторону, т. е. къ туркамъ. Оба начали обходить насъ, сближаясь другъ къ другу, и когда принцесса подошла къ намъ, принцъ уже окончилъ говорить съ Андраши.

Туркамъ—посланнику въ Берлинѣ Садулла-Бею и бывшему съ нимъ военному агенту—принцъ сказалъ: „Nous attendons encore vos collegues, M-rs“ и затѣмъ сейчасъ же, не ожидая отвѣта, подошелъ къ намъ. Графъ Шуваловъ представилъ ему военныхъ: меня, Бобрикова, Боголюбова и Убри и статскихъ (сегодня пріѣхалъ и Нелидовъ). Принцъ обратился къ намъ, военнымъ:

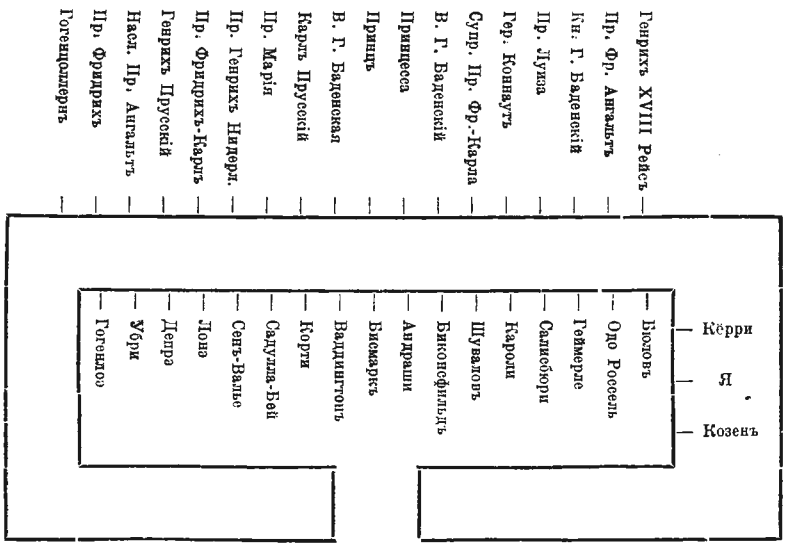
Библиотека "Руниверс"

„J'espère, M-rs, que vous viendrez voir nos manoeuvres à Potsdam? Apres votre guerre cela doit vous interesser de voir une armée amie. Vous aurez des chevaux à votre disposition et vos couverts seront toujours mis à ma table".

Маневры кавалерійскіе, и поѣдетъ изъ насъ одинъ Боголюбовъ. Лѣвѣе насъ стояли итальянцы и т. д.

Когда подошла кронъ-принцесса, то она подала Шувалову руку, и тотъ поцѣловалъ ее, наклонясь низко къ протянутой рукѣ и нисколько ея не подымая. Насъ опять представили. Она говорила мало. Спросила у Фредерикса, не родня ли онъ кому-то, а графу Адлербергу замѣтила—„мы знакомы уже". На ней было бѣлое платье съ кружевной тюникой; трэнъ длинный, но платье сзади не подобрано и не очень узко. Принцесса свѣжая женщина, но не особенно красива, прическа совсѣмъ гладкая. На шеѣ великолѣпное брилліантовое ожерелье; на головѣ тоже брилліанты. Съ нею ходилъ шестнадцатилѣтній сынъ Генрихъ, или „Prince laid", какъ его называютъ здѣсь.

Кронъ-принцъ далеко не такъ мужественъ, какъ его воображалъ я себѣ, судя по портретамъ. Это оттого, что онъ средняго роста. Когда онъ говорилъ съ нами—съ насъ онъ началъ—голосъ его обнаруживалъ весьма замѣтное волненіе. Лицо его еще молодо, свѣжо и пріятно; прекрасная густая борода. Руку давалъ только уполномоченнымъ.



Послѣ представленія, кронъ-принцъ съ супругой и сыномъ удалился во внутреннія комнаты, а мы нѣсколько спустя были при-

Библиотека "Руниверс"

глашены въ Бѣлую залу, гдѣ накрытъ былъ столъ, и каждому изъ насъ назначено мѣсто. Когда всѣ стали по своимъ мѣстамъ—вошелъ кронъ-принцъ съ кронъ-принцессою и прочими членами королевской фамиліи. Прошли они прямо къ своимъ мѣстамъ, мимо праваго фаса, какъ разъ предо мною. Собравшіеся гости привѣтствовали принцевъ поклонами.

Зала прекрасная, богато украшенная. Лучшимъ украшеніемъ безспорно служатъ безчисленныя люстры, зажженныя уже во время обѣда, посредствомъ пороховой нитки, въ нѣсколько секундъ. Это было очень эффектно: А, а, а... одобрительно раздалось со всѣхъ сторонъ въ то время, какъ огонь быстро по ниткѣ отъ одной свѣчи къ другой зажигалъ ихъ, взбирался все выше и выше.

Принцъ сидѣлъ между двумя принцессами, и вся ихъ сторона занята была особами императорской фамиліи и дамами.

Обѣдъ былъ отмѣнный; вина превосходныя, особенно мозель-муссё и рейнвейнъ. Вотъ menu.

Berlin den 13 Juni 1878.

Consommé de volaille printanier;
Potage Windzor.

Saumon du Rhin et turbot, garnis.

Filet de boeuf à la régence;
Louge de veau et jambon à la provençale.

Suprême de poulets à la Condé.

Homards à la majonnaise;
Chaufroix de gelinottes à la gelée.

Selle de chevreuil rôtie, gelée de groseilles;
Poulardes rôties, salade.

Asperges en branches, sauce au beurre;
Petits pois, garnis d'artichauts.

Gâteau moka, garni;
Gelée de champagne aux fraises.

Beurre, fromage.

Glaces, gaufrettes
Dessert.

Библиотека "Руниверс"

Музыка играла по такой программѣ:

1. Ouverture zu „Iphigenie in Aulis“ . . . . . Gluck.
2. Introduction u. Brautchor a. d. Oper „Lohengrin“ . Wagner.
3. Symphonie № 13 G—dur . . . . . Haydn.
   Adagio. Allegro. Largo. Menuetto. Finale.
4. Zwei ungarische Tänze . . . . . Brahms.
5. Serenade . . . . . Haydn.
6. Ouverture z. Oper „Don Juan“ . . . . . Mozart.

Послѣ жаркого, принцъ сказалъ тостъ по-французски: „Привѣтствуя г.г. членовъ Берлинскаго Конгресса, я долженъ начать благодарностью за то, что они, собравшись на первое засѣданіе, прежде всего выразили желаніе о скорѣйшемъ возстановленіи здоровья моего августѣйшаго родителя. Благодарю ихъ именемъ императора, предлагаю тостъ за государей, которые прислали сюда своихъ представителей, и за членовъ конгресса съ пожеланіемъ, чтобы работы конгресса были плодотворны и дали возможность обезпечить общее спокойствіе“. Въ родѣ этого [1]). Говорилъ громко, неособенно однако внятно, но очень душевно, просто. На его тостъ мы раскланялись и опять усѣлись. Никто не отвѣчалъ.

Послѣ обѣда всѣ перешли въ Galerie de peinture съ новѣйшими историческими картинами и портретами прусскихъ королей; тамъ же прекрасные портреты императора Николая Павловича и императрицы Александры Ѳеодоровны во весь ростъ, работы Винтергальтера и Крюгера. Между картинами замѣчательны: Вступленіе императора Вильгельма въ Берлинъ послѣ французской войны 70-го года, работы Кампгаузена и провозглашеніе Вильгельма императоромъ въ зеркальной галлереѣ Версальскаго дворца—Вернера. Этому самому Вернеру, какъ говорятъ, будетъ поручено написать картину и Берлинскаго Конгресса.

Въ Galerie de peinture состоялся весьма оживленный раутъ. Разносили кофе. Принцъ и принцесса любезно разговаривали со всѣми выдающимися лицами, а расхаживая между группами гостей, обращались съ привѣтливымъ словомъ и ко многимъ изъ прочихъ приглашенныхъ.

---

[1]) Пожеланія конгресса, на которыя намекнулъ кронъ-принцъ въ своемъ тостѣ, были сдѣланы графомъ Андраши въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Messieurs, je suis bien sûr de me rencontrer avec vos sentiments, en constatant dès le commencement de notre première réunion les voeux chalereux que nous formons tous pour le prompt retablissement de S. M. l'empereur Guillaume“. Protocols du Congrès de Berlin, pr. № 1.

Библиотека "Руниверс"

Принцъ подошелъ, между прочимъ, и ко мнѣ. Я держалъ въ рукахъ menu. „Ah vous voulez garder ceci? comme souvenir? C'est comme moi. Chaque année je commande des cartons énormes pour y mettre des souvenirs de ce genre, et après ma mort, on trouvera toute une collection de ces choses importantes. Vous connaissez Berlin?"

— „J'y ai été plusieurs fois, mais jamais l'impression n'a été aussi agreable que maintenant après un sejour de 13 mois en Bulgarie?"—„Ah, vous avez fait la guerre, d'où venez vous?"—„Je puis dire, que je viens tout droit de S.-Stefano, ou je remplissais les fonctions du chef de l'administration civile pour la Bulgarie."—„Ainsi vous avez remplacé ce pauvre prince qui est mort, comment s'appelait-il?"—„Prince Tcherkaski."—„Oui, oui, c'est une grande perte pour l'Empereur. Je ne le connaissais pas personellement. Oh, c'est grande perte. Je me souviens de Pétersbourg avec grand plaisir. J'y ai été pendant plusieurs mois en 1851; mes jeunes amis d'autrefois sont des généraux maintenant". Я сказалъ, что moi aussi j'ai gagné mes epaulettes cette année là". —„Amusez vous bien, si pourtant les travaux du congrès vous laisseront assez de temps."

Принцессы, бывшія на обѣдѣ—некрасивы, и костюмы ихъ незамѣчательны.

Были: фельдмаршалъ принцъ Карлъ и другіе принцы; много молодежи преимущественно въ военной формѣ. Море лентъ и орденовъ.

Изъ за стола вышли въ 20 м. 9-го, а ровно въ 9 кончился раутъ. Въ ½ 10-го я былъ уже дома, довольно долго пришлось отыскивать карету, да еще на лѣстницѣ болтали.

Первое засѣданіе конгресса состоялось сегодня и продолжалось съ 2 ч. до 3¼ по полудни. Наканунѣ, т. е. 31 мая, графъ Шуваловъ, съ 11 ч. вечера до ½3-го утра, былъ у Биконсфильда и весьма дружелюбно разговаривалъ о будущихъ занятіяхъ. Ничто не предвѣщало, что съ перваго же шага Биконсфильдъ поведетъ противъ насъ дерзкую кампанію, а между тѣмъ это случилось. Графъ Шуваловъ съ волненіемъ и злобою разсказалъ мнѣ, передъ представленіемъ кронъ-принцу, о происшедшемъ инцидентѣ. Сначала все шло, какъ было условлено. Пожелали императору скораго выздоровленія, выбрали Бисмарка предсѣдателемъ конгресса, назначили бюро и рѣшили приступить къ разсмотрѣнію Санъ-Стефанскаго договора не по статьямъ, а съ предметовъ болѣе важныхъ, каковымъ предметомъ и выбрали Болгарію. Вдругъ Биконсфильдъ

Библиотека "Руниверс"

начинаетъ, на англійскомъ языкѣ, рѣчь... о чемъ же? О необходимости обсудить прежде всего вопросъ о томъ, можно ли оставить подъ Константинополемъ русскія войска! Въ этомъ онъ видитъ большую опасность для Европы; опасается столкновеній между сторонами и предполагаетъ возможность захвата нами Константинополя. Можетъ ли Конгрессъ спокойно засѣдать среди подобныхъ опасностей?

Бисмаркъ, замѣтя, что вопросъ этотъ не былъ на очереди, спросилъ русскихъ уполномоченныхъ, не желаютъ ли они отвѣчать Биконсфильду.

Графъ Шуваловъ сказалъ, что онъ готовъ сдѣлать возраженіе и хотѣлъ было начать говорить, какъ князь Горчаковъ останавливаетъ его рукою и произноситъ: „я уполномоченъ заявить, что мой августѣйшій государь, всегда имѣвшій въ виду благо христіанъ, готовъ признать всѣ уступки, для пользы христіанъ предлагаемыя". Всѣ переглянулись. Бисмаркъ обращается къ Горчакову—„что же, вы соглашаетесь на заявленіе лорда и отводите войска?" Тогда Горчаковъ поворачивается къ Шувалову и говоритъ ему: „Allez!".

Послѣ сдѣланнаго Шуваловымъ возраженія и замѣчанія Бисмарка, что этотъ вопросъ, прежде обсужденія Конгрессомъ, подлежитъ ближайшему изученію Англіи и Россіи, инцидентъ былъ признанъ оконченнымъ [1]).

Пятница 2—14 іюня. Былъ съ визитомъ 1) у князя Бисмарка и 2) у нашего генерала Рейтерна, состоящаго при германскомъ императорѣ. У меня были сыновья Бисмарка Гербертъ и Вильгельмъ (ихъ карточки: Graf von Bismarck-Schönhausen, Kaiserl. Deutcher Legations-Sekretär и Graf Wilhelm von Bismarck).

На первомъ засѣданіи Конгресса рѣшено дать уполномоченнымъ три дня свободы для ближайшаго другъ съ другомъ знакомства и предварительныхъ переговоровъ. Второе засѣданіе назначено на 5 (17). Работы у меня еще нѣтъ.

Секретаремъ Конгресса назначенъ Радовицъ, германскій министръ резидентъ въ Аѳинахъ (женатъ на русской, Озеровой), а

---

[1]) Въ первомъ протоколѣ Конгресса, присланномъ намъ черезъ два дня, помѣщены: рѣчь князя Горчакова согласная въ общемъ съ разсказомъ гр. Шувалова и рѣчь послѣдняго. Въ виду сдѣланной Биконсфильдомъ дерзости, отповѣдь Шувалова была черезчуръ скромна и даже робка. Нахалъ не былъ проученъ, какъ бы слѣдовало.

Библиотека "Руниверс"

его помощникомъ—графъ де-Луи, первый секретарь здѣшняго французскаго посольства.

Вечеромъ въ Фридрихъ-Вильгельмскомъ театрѣ „Belle Hélène“.

Суббота 3—15 іюня. Получилъ приглашеніе на обѣдъ къ Бисмарку на 5—17 іюня, въ понедѣльникъ. На всѣ вечера: по понедѣльникамъ, приглашены къ англійскому послу, а по средамъ къ австрійскому послу, извѣстному богачу графу Кароли.

Былъ съ визитомъ у министра иностранныхъ дѣлъ Бюлова и у четырехъ принцевъ: а) у принца Карла, Вильгельмплацъ; б) у принца Августа Виртембергскаго, Вильгельмштрассе 66; в) принца Вильгельма, Вильгемштрассе vis-a-vis 66; г) принца Фридриха Карла, Шлоссъ; д) принца Баденскаго—въ Нидерландскомъ дворцѣ. Принималъ одинъ принцъ Августъ, фельдмаршалъ и командиръ прусской гвардіи. Это братъ покойной в. к. Елены Павловны и большой другъ Россіи. Онъ самъ вышелъ встрѣчать въ пріемную, а потомъ проводилъ до дверей кабинета.

Принцъ Августъ былъ очень любезенъ, разспрашивалъ о великомъ князѣ главнокомандующемъ; говорилъ, что получилъ отъ него изъ Адріанополя телеграмму по поводу письма принца Августа отъ имени прусской гвардіи, поздравлявшей Государя съ побѣдами; разспрашивалъ о Шипкѣ, вспоминалъ о Зедделерѣ. Я ему говорилъ о 10 августа на Шипкѣ, упоминая о Лигницѣ и Вильомѣ.

Всѣ принцы живутъ просто; кромѣ двухъ человѣкъ у подъѣзда нѣтъ ни адъютантовъ, ни ординарцевъ, ни толпы прислуги. Дворцы ихъ или вѣрнѣе барскіе дома очень хороши. Фельдмаршалъ Фридрихъ Карлъ живетъ въ замкѣ на самомъ верху.

Сегодня былъ первый приступъ къ работамъ. Въ три часа по полудни я, Бобриковъ и Боголюбовъ собрались у Бобрикова для высказанія, по желанію гр. Шувалова, нашихъ мнѣній по тремъ вопросамъ: 1) объ основаніяхъ къ нашему требованію о включеніи Софійскаго санджака въ сѣверную Болгарію; 2) о дорогѣ для турокъ вдоль южнаго склона Балканъ и о выборѣ тамъ пунктовъ для военнаго занятія и 3) о жертвахъ, приносимыхъ нами для отступленія къ Адріанополю. По 1 и 3 вопросамъ, я какъ спеціально назначенный по дѣламъ Болгаріи—написалъ записки, а второй вопросъ оставленъ до будущаго, такъ какъ, быть можетъ, подробно обсуждать его и не придется.

Библиотека "Руниверс"

Вопросы эти Шуваловъ просилъ разсмотрѣть сегодня же, съ тѣмъ чтобы завтра и обсуждать ихъ подробно на первомъ нашемъ у него совѣщаніи.

Я Шувалова не видалъ. Говорятъ, онъ очень озабоченъ и чѣмъ-то сильно встревоженъ.

Обѣдалъ съ Боголюбовымъ у Риллеріа.

Воскресенье 4—16 іюня. Въ ½12-го былъ у Шувалова. Просилъ зайти въ ½ 1-го послѣ обѣдни. Пошелъ и я къ обѣднѣ. Церковь посольская небольшая и довольно простая, но за то въ нижнемъ этажѣ, слѣдовательно легко доступна. (Въ Константинополѣ церковь гдѣ-то на вышкѣ). Поютъ прескверно, не то, что въ Парижѣ.

Совѣщаніе у Шувалова началось послѣ обѣдни; были: я, Бобриковъ, Боголюбовъ, Нелидовъ, Убри и Жомини.

Въ большомъ салонѣ занимаемаго графомъ Шуваловымъ отдѣленія, у крайняго лѣваго окна, какъ разъ противъ входныхъ дверей, поставлены два раскрытыхъ ломберныхъ стола. На нихъ лежали карты, бумага, карандаши. Когда мы всѣ, участвующіе въ совѣщаніи, собрались, хозяинъ попросилъ насъ занять мѣста около ломберныхъ столовъ и сѣвъ самъ держалъ намъ рѣчь. Сущность ея была такая. Графъ находится въ затруднительномъ положеніи. Ему приходится защищать дѣло, во многомъ уже предрѣшенное безвозвратно и непоправимое. Кромѣ того онъ знакомъ только съ общими вопросами и массы подробностей совершенно не знаетъ, на мѣстѣ въ Турціи не былъ и не имѣетъ никакого понятія о географіи страны, свойствахъ Болгаріи и проч.

„Меня учили, говорилъ графъ, на мѣдныя деньги. Я знаю очень, очень мало. Прежде всего позаботились научить меня иностраннымъ языкамъ, и я говорю по-французски, по-нѣмецки и по-англійски, быть можетъ лучше, чѣмъ по-русски, но этимъ и ограничиваются мои положительныя знанія—внѣ языковъ ничего не знаю, и прошу васъ, господа, помочь мнѣ вашими знаніями. Научите меня всему, что сами знаете и что въ настоящемъ случаѣ необходимо. Мы сдѣлаемъ такъ: каждый разъ передъ засѣданіемъ конгресса—или когда понадобится—будемъ собираться у меня; я укажу предметы обсужденія и попрошу васъ высказаться. Повѣрьте, что выслушаю васъ внимательно и постараюсь понять. Затѣмъ, если не потребуется для меня разъясненія чего-либо неусвоеннаго, я передамъ вамъ резюме нашихъ сужденій прямо по-французски, какъ буду говорить потомъ

Библиотека "Руниверс"

на конгрессѣ. Любезный баронъ Жомини согласился присутствовать на нашихъ совѣщаніяхъ, чтобы слѣдить, не употреблю ли я, когда-нибудь, въ моихъ объясненіяхъ какого-либо недипломатическаго выраженія или оборота. Замѣтитъ что-либо подобное, или какой грѣхъ противъ французскаго языка—онъ поправитъ. Итакъ, господа помогите и начнемте".

Хотя по пословицѣ „униженіе паче гордости", но нельзя не сказать, что подобнымъ искреннимъ или остроумнымъ обращеніемъ гр. Шуваловъ весьма мнѣ понравился и на первомъ же совѣщаніи доказалъ, что онъ быстро схватываетъ даваемыя ему объясненія, легко усваиваетъ совершенно новые для него факты и превосходно говоритъ по-французски. Баронъ Жомини по окончаніи нашей бесѣды замѣтилъ, что „онъ, въ качествѣ цензора, кажется совершенно лишній; графъ Петръ Андреевичъ не только не нуждается въ руководствѣ стараго редактора дипломатическихъ нотъ, но самъ можетъ служить прекраснымъ примѣромъ для любого дипломата".

Предметомъ обсужденія на нашемъ первомъ совѣщаніи былъ вопросъ о границахъ Болгаріи. Дать ей границы Санъ-Стефанскаго договора—Россія уже не думаетъ и отъ этого отказалась. По особому соглашенію съ англичанами—(текста этого соглашенія гр. Шуваловъ намъ не предъявилъ, но замѣтилъ, что оно, къ сожалѣнію, неизвѣстно какимъ образомъ стало извѣстно и напечатано въ англійской газетѣ „Globe")—мы согласились отодвинуть южную границу отъ Эгейскаго моря, а западную провести такъ, чтобы соблюденъ былъ принципъ національностей, т. е. чтобы въ южную Болгарію не вошли неболгарскія племена. Сѣверная и восточная границы Болгаріи не возбуждали пока особыхъ вопросовъ. Вообще, по словамъ графа Шувалова, Россія согласилась ограничиться границами Болгаріи, опредѣленными на Константинопольской конференціи.

По довольно долгомъ изученіи границъ на картѣ, мы пришли къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) *по западной границѣ.* Въ виду имѣлись двѣ границы, обѣ чрезвычайно урѣзывавшія Болгарію. Австрійская шла по границамъ Софійскаго и Серескаго санджаковъ и Англійская—требовавшая, чтобы Болгарія не простиралась къ западу далѣе линіи отъ Новаго Базара на Курши. Можно было предложить линію среднюю между ними, но основать ее на твердыхъ началахъ было затруднительно. Положили заявить, что нѣкоторое исправленіе западной границы въ отношеніи, какъ Болгаріи, такъ и Сербіи признаемъ возможнымъ, но при этомъ поводовъ отстаивать ту или другую изъ предложенныхъ линій—нѣтъ, такъ какъ обѣ онѣ не идутъ по естест-

Библиотека "Руниверс"

веннымъ или этнографическимъ границамъ. При этомъ полагали, что явится возможность въ вознагражденіе за дѣлаемыя нами уступки добиться присоединенія къ Сербіи—Приштины, остававшейся за Турціей даже и по Санъ-Стефанскому договору.

2) относительно юго-восточной части *нашей южной границы* выяснилась невозможность защищать значительное ея выступленіе впередъ у Люле-Бургаса со включеніемъ въ Болгарію части желѣзнаго пути отъ Адріанополя въ Константинополь. Англичане особенно возставали противъ этого выступа, называя его тетъ-деномъ противъ Константинополя. Въ этомъ смыслѣ была составлена депеша въ Петербургъ съ указаніемъ, что по совѣщаніи съ офицерами генеральнаго штаба, полагаемъ на этой части предѣловъ Болгаріи защищать границу Константинопольской конференціи, признанную уже Европой [1]).

Во время совѣщанія, къ Шувалову въ ½ 3-го пріѣхалъ графъ Андраши и сидѣлъ почти до 4-хъ. Передъ 4-мъ пріѣзжали Каратеодори и Магометъ-Али, но ихъ не приняли.

Въ 4 ч. мы разошлись, и графъ Шуваловъ поѣхалъ къ Бисмарку.

Вчера получена депеша, что турки напали на черногорцевъ—идетъ сраженіе. Что это такое? Думаютъ однако, что это не вслѣдствіе приказанія изъ Константинополя, а по мѣстнымъ недоразумѣніямъ.

Второй день идутъ здѣсь дожди хотя не постоянные, но продолжительные.

Понедѣльникъ 5 (17) іюня. Утромъ, только-что я всталъ, получаю карточку гр. Адлерберга съ надписью, что гр. Шуваловъ проситъ меня къ 10 ч. Иду и нахожу тамъ Нелидова, Бобрикова и Боголюбова.

Шуваловъ вскорѣ вышелъ къ намъ въ крайне возбужденномъ состояніи.

„Вообразите, началъ онъ, этотъ невозможный Горчаковъ объяснилъ вчера Андраши: „что мы согласны успокоить Сербію и отдаемъ ей Подгорицу, это дѣло рѣшенное“.

„Вы знаете, что Z вчера былъ въ 4 ч. у Бисмарка, а графъ Андраши пріѣзжалъ ко мнѣ при васъ, во время нашего совѣщанія.

---

[1]) По этой версіи въ составъ южной Болгаріи должны были входить санджаки: Сливенскій, Филиппопольскій (кромѣ округовъ Султанъ-Іери и Ачпръ-Чемби) и казы Киркъ-Кимхе, Мустафа-Паша и Кизиль-Агачъ. По слѣднія три казы отъ Адріанопольскаго санджака.

Библиотека "Руниверс"

Я вамъ разскажу, что произошло на этихъ свиданіяхъ, и вы увидите, въ какомъ затруднительномъ, просто нелѣпомъ положеніи я нахожусь.

„Андраши говоритъ, что какъ слабое вознагражденіе для Австріи, ей слѣдуетъ Боснія, Герцеговина и Enclave, промежутокъ между Сербіею и Черногоріею. Что лично онъ (Андраши) былъ противъ присоединенія Босніи и Герцеговины, но убѣдился, что надо ихъ взять, чтобы получить Enclave, которую невозможно оставить въ чьихъ бы то ни было рукахъ, кромѣ Австріи.

„По границѣ Сербской не видитъ препятствій къ исправленію, но противъ новаго увеличенія Сербіи, а только не желаетъ отбирать отъ нея занятые ея войсками Пиротъ и Враню.

„Графъ Шуваловъ самымъ рѣшительнымъ образомъ высказался противъ уступки Enclave и потомъ разстался съ Андраши. Въ 4 ч. ѣдетъ онъ къ Бисмарку и тотъ говоритъ ему: „Андраши былъ у Горчакова тотчасъ же послѣ того, какъ вышелъ отъ васъ, и канцлеръ былъ болѣе откровененъ, чѣмъ вы, онъ прямо сказалъ Андраши: „nous resterons amis; vous voulez Enclave, vous l'aurez".

„Въ Петербургѣ впрочемъ, по словамъ Шувалова, только военный министръ энергично протестовалъ противъ подобной уступки, но наконецъ и онъ на нее согласился. По поводу этой болтовни Горчакова, гр. Шуваловъ хотѣлъ было вчера же телеграфировать въ Петербургъ, чтобы прислали другого перваго уполномоченнаго или уволили его; остановимся до сегодняшняго засѣданія. Если князь Горчаковъ будетъ дѣлать новыя сумасбродства, то Шуваловъ телеграфируетъ".

Салисбюри третьяго дня 3 (15 іюня) вечеромъ говорилъ Шувалову: „мы вамъ обѣщали поддержку по всѣмъ вопросамъ, но вопросъ о военномъ вознагражденіи сильно занимаетъ Англію; у насъ много акціонеровъ турецкихъ бумагъ, и они желаютъ имѣть какое-либо обезпеченіе. Для ихъ успокоенія мы должны протестовать противу вашего права на индемнизацію или обставить вопросъ этотъ крайними затрудненіями. Не возьмете ли вы на себя отказаться отъ вознагражденія и взамѣнъ его получить полную независимость Сѣверной Болгаріи съ выплатою ею намъ контрибуціи на счетъ дани, которую она платила бы Турціи. Шуваловъ сослался на неимѣніе полномочій, но въ сущности готовъ бы согласиться на уступку не всего вознагражденія, а половины. Объ этомъ графъ Шуваловъ писалъ Государю. Еще въ Петербургѣ, министръ финансовъ Рейтернъ лично говорилъ Шувалову, что никогда не

Библиотека "Руниверс"

разсчитывалъ на индемнизацію и въ ней не нуждается, сознавая что реализація ея совершенно невозможна.

Въ Петербургѣ между прочимъ пришли къ заключенію, что было бы полезнѣе отказаться отъ князя и отъ политической автономіи, сохранивъ для Болгаріи границы Санъ-Стефано.

Увидя, что мы здѣсь не въ авантажѣ обрѣтаемся, турки тоже подняли носъ. Мегеметъ-Али сказалъ Шувалову, что Турція не очищаетъ Варны и Шумлы потому, что ожидаетъ рѣшенія Европы, а самое очищеніе можетъ быть сдѣлано немедленно, какъ только Турція узнаетъ окончательно, кому будетъ принадлежать эта мѣстность. Поэтому Шуваловъ намѣренъ предложить на конгрессѣ, чтобы онъ немедленно рѣшилъ—Болгарія это, и тогда бы потребовалъ, чтобы турки очистили крѣпости; или нѣтъ—и тогда вопросъ мѣняется совершенно. Это кажется англичане смущаютъ Турцію своимъ проектомъ раздѣлить Болгарію вертикальною линіею на провинціи западную и восточную. Тогда бы пожалуй они предложили дать князя западной половинѣ, а восточную съ крѣпостями надѣлить только автономіей съ генералъ-губернаторомъ. Чего же лучше, Болгарія совсѣмъ была бы кастрирована и со всѣхъ сторонъ отдѣлена отъ моря, а Турція не очистила бы своихъ крѣпостей.

Сегодня уже всѣ читали въ газетахъ, перепечатанный изъ „Globe“, лондонскій меморандумъ, подписанный 18 (30) мая графомъ Шуваловымъ и маркизомъ Салисбюри. Впечатлѣніе сильное, а на насъ русскихъ—подавляющее. Мы сами, собственными своими руками, уничтожаемъ плоды нашихъ побѣдъ и отдаемся во власть Европы. До какой степени потеряли голову въ Петербургѣ, что давали своему послу полномочія на заключеніе подобныхъ унизительныхъ условій. Мнѣ кажется, что если гр. Шуваловъ не отказался отъ такой миссіи, то только потому что—какъ самъ говоритъ—не знаетъ ничего, а, слѣдовательно, не знаетъ и Россіи да и не любитъ ея. У него не болитъ за нее сердце, и этимъ объясняется благодушіе, въ какомъ онъ пребываетъ.

Вотъ текстъ протокола по переводу изъ „Globe“.

А. Проектъ меморіи, опредѣляющій пункты, по которымъ можетъ быть достигнуто соглашеніе между русскимъ и великобританскимъ правительствами, и которые должны служить взаимными обязательствами русскимъ и англійскимъ уполномоченнымъ на конгрессѣ:

Ст. 1. Англія отвергаетъ продольное дѣленіе Болгаріи; тѣмъ не

Библиотека "Руниверс"

менѣе русскій уполномоченный предоставляетъ себѣ право доказывать на конгрессѣ выгоды такого дѣленія, обѣщая, однакожъ, не настаивать на немъ въ случаѣ рѣшительныхъ возраженій со стороны Англіи.

Ст. 2. Южная граница Болгаріи подвергнется измѣненію въ томъ смыслѣ, что она будетъ урѣзана со стороны моря соотвѣтственно установленной константинопольской конференціею южной границѣ болгарскихъ провинцій. Это касается вопроса о границѣ лишь относительно урѣзки береговой полосы со стороны Эгейскаго моря, т. е. къ западу отъ Лагоса. Вопросъ объ опредѣленіи границы съ этого пункта до Чернаго моря обсуждаться будетъ впослѣдствіи.

Ст. 3. Западныя границы Болгаріи будутъ опредѣлены согласно принципу національности и именно такъ, что неболгарское населеніе не войдетъ въ составъ этой провинціи. Западныя границы Болгаріи не должны въ принципѣ простираться далѣе линіи, тянущейся приблизительно между Новымъ Базаромъ и Курша-Балканомъ.

Ст. 4. Ограниченная вышеозначеннымъ образомъ Болгарія (ст. 2 и 3) будетъ раздѣлена на двѣ провинціи. Одна изъ нихъ, лежащая къ сѣверу отъ Балканскаго хребта, получитъ политическую самостоятельность съ особымъ княземъ во главѣ, другая, лежащая къ югу отъ Балканскаго хребта, широкую административную автономію (въ родѣ той, которая существуетъ въ англійскихъ колоніяхъ) съ губернаторомъ изъ христіанъ, назначаемымъ съ согласія Европы на періодъ времени отъ 5 до 10 лѣтъ.

Ст. 5. Императоръ Всероссійскій придаетъ особенное значеніе очищенію южной Болгаріи турецкими войсками. Его Величество не будетъ имѣть никакой увѣренности и никакой гарантіи относительно будущности болгарскаго населенія, если оттоманскія войска будутъ тамъ долѣе оставаться. Лордъ Салисбюри не имѣетъ ничего сказать противъ очищенія турецкими войсками южной Болгаріи, но Россія съ своей стороны обѣщаетъ не противиться постановленію конгресса относительно случаевъ, когда турецкимъ войскамъ дозволено будетъ вступать въ южныя болгарскія провинціи съ цѣлью подавленія возстанія или предотвращенія нападенія извнѣ, какъ уже состоявшагося, такъ и предполагаемаго. Англія предоставляетъ себѣ вообще право выступать на конгрессѣ въ защиту правъ султана держать войска на границахъ южной Болгаріи. Представитель Россіи съ своей стороны предоставляетъ себѣ право обсуждать съ полною свободою на конгрессѣ это послѣднее предложеніе лорда Салисбюри.

Библиотека "Руниверс"

Ст. 6. Великобританское правительство требуетъ, чтобы высшіе начальники милиціи южной Болгаріи назначались Портою съ согласія Европы.

Ст. 7. Опредѣленныя санъ-стефанскимъ договоромъ обязательства относительно Арменіи должны касаться не только Россіи, но и Англіи.

Ст. 8. Такъ какъ правительство ея великобританскаго величества и русское императорское правительство питаютъ живѣйшій интересъ къ будущей организаціи греческихъ провинцій на Балканскомъ полуостровѣ, то ст. XV санъ-стефанскаго мирнаго договора измѣняется въ томъ смыслѣ, что другія державы, въ томъ числѣ и Англія, получаютъ также право совѣщательнаго голоса по вопросу о будущемъ устройствѣ Эпира, Ѳессаліи и остальныхъ греческихъ провинцій, остающихся подъ владычествомъ Порты.

Ст. 9. Что касается до военнаго вознагражденія, то Его Величество Императоръ Всероссійскій никогда не имѣлъ намѣренія превратить его въ территоріальное приращеніе, и Онъ не отказывается дать соотвѣтствующія обѣщанія. Военное вознагражденіе не должно нарушать права Англіи, какъ кредитора Порты, и въ этомъ отношеніи она должна находиться въ такомъ же положеніи, какъ до войны. Не выступая противъ окончательнаго рѣшенія, которое Россія предполагаетъ принять относительно уплаты военнаго вознагражденія, Англія предоставляетъ, однакожъ, себѣ право привести противъ него на конгрессѣ тѣ доводы, которые ей покажутся заслуживающими серьезнаго обсужденія.

Ст. 10. Въ виду того, что чрезъ Алашкертскую долину пролегаетъ главный торговый путь въ Персію и въ глазахъ турокъ имѣетъ весьма высокое значеніе, Е. И. В. Императоръ Всероссійскій изъявляетъ свое согласіе на возвращеніе Турціи этой долины и города Баязета, но съ другой стороны Онъ потребовалъ уступки Персіи небольшой территоріи Хошура, возвращеніе которой шаху комиссіи обоихъ дворовъ-посредниковъ признали справедливымъ.

Ст. 11. Правительство ея британскаго величества должно будетъ заявить глубочайшее сожалѣніе въ случаѣ, если бы Россія рѣшилась настаивать на бессарабскомъ вопросѣ. Но такъ какъ совершенно достаточно выяснено, что остальныя державы, подписавшія парижскій договоръ, не расположены поддерживать постановленія вышеозначеннаго договора относительно границъ Румыніи силою оружія, то Англія признаетъ свои спеціальные интересы не столь связанными съ этимъ вопросомъ, чтобы быть готовой принять на себя одну отвѣтственность сопротивленія противъ предполагаемаго территоріальнаго обмѣна. На основаніи этого она обязуется не противиться

Библиотека "Руниверс"

рѣшенію въ сказанномъ смыслѣ. Англійское правительство хотя и заявляетъ готовность не противиться также исполненію желанія русскаго Императора пріобрѣсти батумскую пристань и удержать за Россіей завоеванныя земли въ Арменіи, тѣмъ не менѣе не можетъ скрыть своего мнѣнія о трудности избѣжать опасности, угрожающей будущему миру со стороны азіатскаго населенія при этомъ расширеніи русскихъ границъ. Но правительство ея величества того мнѣнія, что долгъ оберегать Османскую имперію отъ этой опасности будетъ задачей, выпадающей въ особенности на долю Англіи, и задачу эту она желаетъ исполнить такъ, чтобы Европа снова не подверглась шансамъ осложненій отъ новой войны. Одновременно правительство ея величества заручится декларацією одного изъ трехъ императоровъ, что границы Россіи не могутъ быть впредь расширяемы по направленію къ азіатской Турціи. Правительство ея величества, полагая достаточнымъ внесеніе въ этотъ документъ измѣненій, которыя послѣдуютъ въ санъ-стефанскомъ договорѣ, для ослабленія постановленій, существующихъ въ договорѣ въ настоящемъ его видѣ, обязуется не оспаривать статей предварительнаго мира касательно этого предмета, не отмѣненныхъ текстомъ 10-ти вышеупомянутыхъ пунктовъ, если, въ свою очередь, Россія дастъ торжественное обѣщаніе на конгрессѣ не нарушать этой статьи. Весьма возможно, что обѣ стороны во время переговоровъ конгресса найдутъ удобнымъ придти, по взаимному соглашенію, къ новымъ измѣненіямъ, которыхъ заранѣе предвидѣть нельзя; въ томъ же случаѣ, однако, если бы подобное соглашеніе между русскими и англійскими уполномоченными не состоялось, то означенный документъ послужитъ обоюднымъ обязательствомъ уполномоченныхъ Россіи и Англіи передъ конгрессомъ. Въ силу этого, документъ этотъ подписанъ русскимъ императорскимъ посланникомъ въ Лондонѣ и первымъ секретаремъ британскаго величества.

Совершено въ Лондонѣ, 18-го (30-го) мая 1878 года.

Подписали: Шуваловъ и Салисбюри.

За исключеніемъ постановленій вышеизложенной меморіи, англійское правительство удерживаетъ право подерживать на конгрессѣ слѣдующіе пункты:

a) Англійское правительство предоставляетъ себѣ право требовать на конгрессѣ участія Европы въ административной организаціи обѣихъ провинцій Болгаріи; b) англійское правительство внесетъ на конгрессъ: вопросъ объ опредѣленіи срока и характера занятія Болгаріи русскими войсками и о проходѣ русскихъ войскъ черезъ территорію Румыніи; c) вопросъ о наименованіи южныхъ провинцій; d) англійское правительство предоставляетъ себѣ,—не

Библиотека "Руниверс"

затрогивая вопроса о владѣніи,—возбудить пренія о судоходствѣ на Дунаѣ, насколько допускаютъ Англію договоры до вмѣшательства въ этотъ пунктъ; e) англійское правительство предоставляетъ себѣ право возбудить пренія по поводу всѣхъ пунктовъ, относящихся до проливовъ. Но русскій посланникъ въ Лондонѣ обязуется поддерживать свое устное заявленіе, сдѣланное имъ первому государственному секретарю, т. е., что Императорское правительство будетъ держаться заявленія, полученнаго 6-го мая 1877 г. отъ лорда Дерби, а именно слѣдующаго: что существующія по общему европейскому соглашенію постановленія, регулирующія судоходство по Босфору и въ Дарданеллахъ, кажутся ему (англійскому правительству) цѣлесообразными и полезными, и что всякое существенное измѣненіе каждой отдѣльной потребности будетъ встрѣчено имъ съ большимъ сомнѣніемъ. Русскій главный уполномоченный будетъ на конгрессѣ поддерживать сохраненіе statu quo; f) правительство ея величества обратится къ султану съ просьбой, чтобы онъ далъ Европѣ тѣ же обезпеченія относительно монаховъ всѣхъ національностей, какія получены для монаховъ Аѳонской горы.

Подписали: Шуваловъ и Салисбюри.

Замѣчательно, что Шуваловъ, объяснившій мнѣ о заключенномъ условіи при первомъ нашемъ свиданіи 31-го мая, теперь, когда текстъ соглашенія обнародованъ, молчитъ упорно и не заикается о немъ ни единымъ словомъ.

Конгрессъ засѣдалъ сегодня 2 часа; Горчаковъ былъ. Уполномоченные являются на засѣданія въ сюртукахъ. Бисмаркъ всегда въ военной формѣ. Третье засѣданіе назначено на 7 (19) іюня.

На обѣдъ къ Бисмарку я пріѣхалъ съ Бобриковымъ какъ-разъ къ 6 часамъ и попалъ въ линію экипажей, подъѣзжавшихъ сплошной вереницей. Всѣхъ приглашенныхъ было однако только 50 чел. (считая хозяевъ 6 чел.) Разсылая въ посольства пригласительные билеты[1]), Бисмаркъ приказалъ объяснять, что недостатокъ помѣщенія не дозволяетъ ему пригласить большее число гостей, почему

[1]) Пригласительный билетъ на обѣдъ былъ посланъ въ такихъ выраженіяхъ:

„Le Chancelier de l'Empire et la Princesse de Bismarck prient Monsieur le Général Anoutchine de leur faire l'honneur de dîner chez eux le lundi 17 Juin à 6 heures".

Библиотека "Руниверс"

онъ и ограничился только лицами, состоящими въ генеральскихъ чинахъ.

Всѣхъ приглашенныхъ встрѣчалъ старшій сынъ Бисмарка Гербертъ, около котораго стояли молодые люди, вѣроятно знавшіе въ лицо гостей. Молодой Бисмаркъ подошелъ ко мнѣ. — „M-r le général Anoutchine?"—Oui, M-r—„Alors permettez moî de vous presenter à mon pere". Въ слѣдующей небольшой комнатѣ, прямо передъ дверями, въ нѣсколькихъ отъ нихъ шагахъ былъ Бисмаркъ съ женою и дочерью, стоявшею нѣсколько вправо, рядомъ съ своимъ женихомъ, графомъ Куно Ронтцау. Дамы были въ траурѣ по случаю смерти ганноверскаго короля, а Бисмаркъ въ черномъ кирасирскомъ вицъ-мундирѣ съ желтыми кантами и въ эполетахъ. Несмотря на то, что я многое видалъ въ жизни и удивить меня чѣмъ-либо было трудно,—Бисмаркъ произвелъ на меня необычайное впечатлѣніе. Что за мощная личность! Вѣроятно, нашъ Петръ Великій былъ также подавляющъ, какъ онъ. Приближаясь къ этой колоссальной фигурѣ, я невольно почувствовалъ какое-то смиреніе.

Канцлеръ очень любезно привѣтствовалъ меня, подалъ руку и, сдѣлавъ полуоборотъ налѣво, представилъ m-me Бисмаркъ, старой, некрасивой и совсѣмъ незначительной нѣмкѣ. Представляя ей, онъ совершенно правильно произнесъ мою фамилію. Нѣсколько времени тому назадъ, князь Бисмаркъ отпустилъ сѣдую бороду; она идетъ къ нему, но нѣсколько измѣняетъ его, всѣмъ столь знакомую по портретамъ, физіономію. Къ сожалѣнію, я не могъ достать въ Берлинѣ его портрета съ бородою.

Гости подходили одинъ за другимъ и столпились въ дверяхъ такъ, что уже представленные не могли уйти изъ комнаты и, оставаясь вблизи отъ канцлера, видѣли пріемъ всѣхъ слѣдовавшихъ за ними.

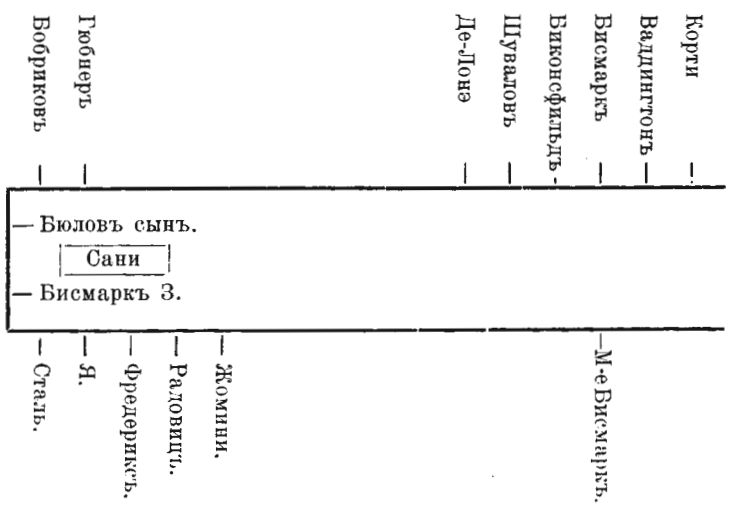
Вотъ подходитъ Биконсфильдъ. Онъ въ скромномъ, давно, какъ видно, служащемъ, фракѣ и бѣломъ галстукѣ. Лицо довольно апатично; прядь волосъ спадаетъ на лобъ. Поздоровавшись съ Бисмаркомъ Биконсфильдъ подошелъ къ женѣ канцлера и обратился къ ней съ какой-то фразой на англійскомъ языкѣ. Она по-французски отвѣтила ему, что давно уже не имѣетъ практики въ англійскомъ языкѣ и не можетъ на немъ объясняться. Это не убѣдило упрямаго бритта, и онъ продолжалъ обращаться къ ней съ англійскими фразами, на которыя та отвѣчала по-французски. Разговаривая съ княгиней, Биконсфильдъ держалъ себя какъ-то странно; онъ засунулъ руки въ задніе карманы фрака и весьма некрасиво помахивалъ фалдочками въ разныя стороны. При этомъ физіономія Биконсфильда была довольно курьезна.

Библиотека "Руниверс"

Идти къ обѣду Бисмаркъ самъ устраивалъ всѣхъ по-парно: Биконсфильда и Ваддингтона и проч. Мѣста за обѣдомъ намъ указывали тѣ самые молодые люди, которые при встрѣчѣ были около Герберта Бисмарка.

Обѣдъ былъ накрытъ въ прекрасной залѣ, могущей, вопреки заявленію Бисмарка, вмѣстить до ста человѣкъ обѣдающихъ, если не больше. Очевидно, что не недостатокъ мѣста былъ причиною приглашенія всего 50 чел. Нѣмецкая экономія вѣроятно была на первомъ планѣ, и, впрочемъ, можетъ быть Бисмаркъ хотѣлъ пригласить только тѣхъ изъ съѣхавшихся на конгрессъ лицъ, которыя были удостоены приглашеніемъ на парадные обѣды, даваемые въ замкѣ отъ имени императора. Пожалуй такое объясненіе будетъ вѣроятнѣе, такъ какъ, разумѣется, расходы Бисмарка по пріему покрыты казною.

Сѣли за обѣдъ въ ½ 7-го и заняли мѣста въ такомъ порядкѣ.



Сервировка была приличная, но небогатая и аляповатая. Серебро отъ Кача. Передъ нами, на мраморномъ плато стояла группа, изображавшая русскія сани, запряженныя тройкой. Вещь, кажется, серебряная. Младшій Бисмаркъ, обращая на нее мое вниманіе, сказалъ, что это воспоминаніе о Петербургѣ. Вѣроятно, мѣстная нѣмецкая колонія поднесла сани Бисмарку въ то время, когда онъ былъ посланникомъ въ Россіи.

Сидѣвшіе за обѣдомъ представляли сплошную черную кайму около стола. Все почти фраки; въ военныхъ мундирахъ, кромѣ самого Бисмарка, были только мы русскіе и Мегеметъ-Али.

Menu обѣда гармонировало съ сервировкой стола. Оно было не

Библиотека "Руниверс"

напечатано, а сдѣлано простымъ литографскимъ способомъ на самой обыкновенной бумагѣ. Вокругъ листка шелъ незатѣйливый, отъ руки сдѣланный бордюрчикъ. Текстъ menu:

MENU.

Lundi, le 17 Juin.

Consommé à l'Imperatrice.
Cromesquis de foie gras.
Truites au bleu.
Cimier de chevreuil à la Russe,
sauce Périgord.
Pâtés de Strasbourg aux grives.
Cannetons à la Viennoise.
Salade d'ecrevisses en belle-vue.
Poulardes, garnies de cailles.
Compotes, salade.
Céleris aux petits pois à l'Anglaise.
Gâteaux d'Ananas à la Parisienne.
Plombière à la Turque
Glaces.

Что касается до обѣда, онъ былъ отлично приготовленъ и выдавался крайнимъ обиліемъ яствъ. Всего наготовлено было множество. Полныя блюда подавали каждымъ тремъ гостямъ. Поэтому обѣдъ шелъ необыкновенно быстро. Шуваловъ потомъ смѣялся, что папахенъ Бисмаркъ на казенный счетъ наготовилъ продовольствія для своей семьи на цѣлую недѣлю и будетъ кормить ее не голубями, а отборными кушаньями [1]).

[1]) По этому поводу, гр. Шуваловъ, превосходный разсказчикъ, передалъ слѣдующій анекдотъ. Проѣзжая черезъ Берлинъ, я, говорилъ онъ, каждый разъ заѣзжалъ къ Бисмарку, который не простилъ бы мнѣ никогда мою забывчивость въ такомъ случаѣ. Разъ, какъ-то, я пріѣхалъ въ Берлинъ вмѣстѣ съ женою и всего на нѣсколько часовъ. Ѣду къ Бисмарку. Узнавъ, что я съ графиней и вечеромъ думаю ѣхать, канцлеръ и жена его непремѣнно потребовали, чтобы мы пріѣхали отобѣдать совершенно запросто въ ихъ семьѣ. Отказаться было невозможно, тѣмъ болѣе, что m-me Бисмаркъ сама явилась къ моей женѣ и обѣщала прислать за нею свой экипажъ. Поѣхали. Садимся за обѣдъ. Самъ Бисмаркъ разливаетъ супъ, и человѣкъ подноситъ мнѣ тарелку съ жиденькимъ бульономъ, въ которомъ плаваетъ что-то синее, довольно противное и съ виду похожее на огромный пупокъ. Попробовалъ я супъ — бурда страшная. Взялъ еще ложку, толкнулъ раза два, три пупокъ и положилъ ложку. Претитъ, не могу ѣсть. Графиня тоже нерѣшительно двигала ложкой въ тарелкѣ. Увидѣлъ Бисмаркъ, что я не ѣмъ, и удивленно спрашиваетъ: „Вы не кушаете?—Нѣтъ, благодарю, что-то не-

Библиотека "Руниверс"

Обѣдъ шелъ весьма непринужденно. Много и громко говорили не только въ срединѣ стола около Бисмарка, но и въ отдѣльныхъ группахъ. Къ сожалѣнію, вслѣдствіе широкаго размѣщенія гостей за столомъ и общаго шума въ залѣ, разговоровъ центральной группы не было слышно, но видно, что разговоръ, само собою не политическій—былъ весьма оживленъ.

Мой сосѣдъ слѣва, совѣтникъ германскаго министерства иностранныхъ дѣлъ баронъ Сталь-фонъ-Гольштейнъ, оказался весьма любезнымъ и разговорчивымъ человѣкомъ. Онъ съ восторгомъ отзывался о графѣ Шуваловѣ, который, по его словамъ, говорилъ на Конгрессѣ умѣренно, сдержанно, хладнокровно и убѣдительно. „Il a montré qu'il est très fort". Вообще и по словамъ нашихъ дипломатовъ, графъ Шуваловъ на первомъ засѣданіи Конгресса произвелъ очень хорошее впечатлѣніе, весьма ловко отвѣчая на обращаемые къ нему вопросы. Это говорилъ мнѣ за обѣдомъ же другой мой сосѣдъ—баронъ Фредериксъ, пріѣхавшій съ нашимъ канцлеромъ въ качествѣ начальника его путевой канцеляріи. Подобный отзывъ барона Фредерикса имѣлъ особое значеніе, потому что лично онъ весьма недолюбливаетъ графа Петра Андреевича и не скрывалъ о немъ своего мнѣнія. Когда во время обѣда вдругъ раздался громкій голосъ графа, что-то весело говорившаго, б. Фредериксъ обернулся ко мнѣ и замѣтилъ: „вы увидите, генералъ, что Шуваловъ сдѣлаетъ скандалъ; онъ всегда напивается пьянъ и нерѣдко скандалитъ; боюсь, чтобы и сегодня онъ не выкинулъ какой-либо штуки, очень уже кажется веселъ". Вотъ этотъ-то самый б. Фредериксъ разсказалъ мнѣ, что назначеніе графа Шувалова съ поста шефа жандармовъ на постъ посла въ Лондонѣ произвело крайнее раздраженіе между нашими дипломатами. Неужели между нами, говорили они, нѣтъ способныхъ, что пришлось брать совершенно свѣжаго человѣка и откуда—изъ полиціи? Не одобряя назначенія, многіе злорадно говорили, что неудача выбора скоро скажется сама собою, стоитъ только подождать первыхъ депешъ отъ новаго посла. Пришла депеша—ничего, прекрасно написана. Стали приходить другія до-

---

хочется. — „Aber mein lieber Graf, es ist Tauben Suppe!"—Ну, думаю, слава Богу, спасенъ. Ну да, именно потому, что это Tauben Suppe, я не могу ѣсть. Мы, русскіе, никогда не рѣшаемся ѣсть голубей, вѣдь Духъ Святой явился въ видѣ голубя. Нѣтъ, благодарю, низачто не стану измѣнять народнымъ обычаямъ. И, чтобы избавиться отъ ненавистнаго супа, я скорѣе взялъ тарелку и подалъ ее лакею: „Не буду настаивать въ такомъ случаѣ", сказалъ Бисмаркъ, но, увидя, что лакей удаляется, подозвалъ его къ себѣ и вилкой переложилъ оставленный мною пупокъ въ свою тарелку. Второй голубь скоро исчезъ у него за первымъ.

Библиотека "Руниверс"

несенія и по серьезнымъ вопросамъ. Оказывались они отлично написанными и несравненно лучшими, чѣмъ все то, что прежде приходило изъ Лондона. Это заинтересовало всѣхъ. Справились и узнали, что всѣ ноты гр. Шуваловъ пишетъ самъ, прекрасно владѣя не только французскимъ, но и англійскимъ языкомъ. Пришлось, говоритъ б. Фредериксъ, замолчать, гр. Шуваловъ не отставалъ отъ любого изъ нашихъ лучшихъ дипломатовъ. Вообще и б. Фредериксъ соглашался, что гр. Шуваловъ производитъ отличное впечатлѣніе своими милыми манерами, любезностью и умѣньемъ схватывать мысли [1]).

Послѣ обѣда всѣ перешли во внутреннія комнаты, выходящія на прекрасный садъ, идущій къ самому Тиргартену. Подавали кофе, ликеры. Бисмаркъ, вынувъ изъ кармана ключикъ, отперъ столъ и, доставъ изъ него ящикъ съ сигарами, сталъ угощать ими, приглашая курить несмотря на присутствіе дамъ. Обойдя съ ящикомъ главныхъ уполномоченныхъ, онъ передалъ ящикъ Герберту Бисмарку, который и обнесъ всѣхъ присутствовавшихъ, а потомъ возвратилъ отцу. Ящикъ снова былъ спрятанъ въ столъ самимъ Бисмаркомъ.

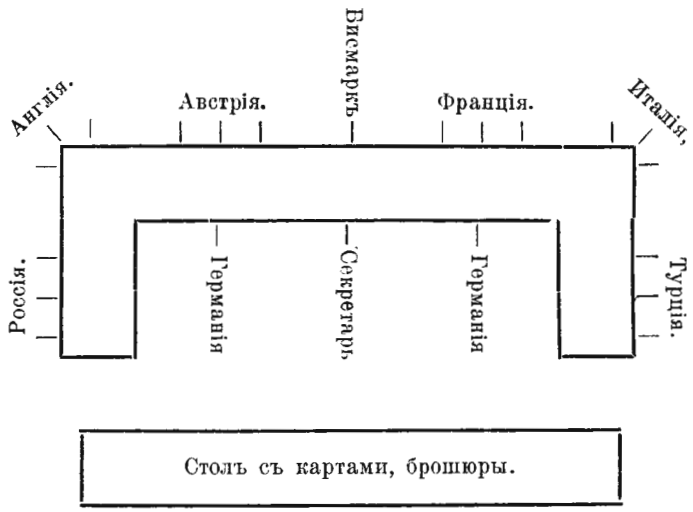
Въ это время я познакомился съ англійскимъ генераломъ Симмонсомъ. Онъ долгое время жилъ въ Россіи и былъ генеральнымъ консуломъ въ Варшавѣ ранѣе 1860 г. Знаетъ тамъ все и вся; занимательный старикъ. Въ спискахъ Конгресса насъ назвали „военными уполномоченными“ и ихъ всего шесть: трое насъ и трое англичанъ; но съ Симмонсомъ пріѣхали совершенно молодые люди, самъ же онъ—генералъ-маіоръ. Чинъ этотъ соотвѣтствуетъ званію генеральнаго консула.

Окончивъ угощеніе сигарами, Гербертъ Бисмаркъ предложилъ намъ подробно осмотрѣть залъ Конгресса. Комната весьма обширна, устлана прекрасными коврами. Столъ покоемъ и за нимъ уполномоченные сидятъ такъ:

---

[1]) Изъ Лондонскаго посольства, съ гр. Шуваловымъ на Берлинскій Конгрессъ пріѣхали 1-й и 2-й секретари—гр. Адлербергъ и Бутеневъ. Объ Адлербергѣ Шуваловъ отзывался какъ о миломъ человѣкѣ, а Бутенева не могъ переносить. По его словамъ, онъ способенъ только вести реестръ входящимъ и исходящихъ бумагамъ и запечатывать конверты. Впослѣдствіи однако наше министерство ин. д. пользовалось этимъ самымъ г. Бутеневымъ для веденія переговоровъ съ папскою куріею. Трудно повѣрить, чтобы мин-во не знало ничего о г. Бутеневѣ. Или, можетъ быть, вести переговоры съ Римомъ все равно, что умѣть запечатывать конверты?

Библиотека "Руниверс"



Члены Конгресса размѣщены группами по націямъ, а эти послѣднія въ алфавитномъ порядкѣ. Передъ каждымъ уполномоченнымъ поставлена большая круглая чернильница и положены различныя принадлежности для письма и большой портфель съ бумагами. Впереди, къ серединѣ стола лежатъ книги, списки, карты, брошюры и пр. Кромѣ этого главнаго стола, есть еще другой прямой, на которомъ тоже разложены книги и карты. Передъ каждой группой уполномоченныхъ лежитъ карточка съ напечатаннымъ словомъ—Russie, France и пр.

Сообщила А. С. Анучина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

Монахъ-офицеръ.

(Книга указовъ изъ Святѣйшаго Правительствующаго Сунода за 1723 и 1724 г., л. 8). Моск. отд. Архива Главнаго Штаба, библіот. № 6469.

№ 34/5. Указъ Его Величества Императора и Самодержца Всероссійскаго изъ канцеляріи Святѣйшаго Правительствующаго Сунода въ Военную Коллегію. Прошедшаго генваря 14 дня сего 723-го году въ канцелярію Святѣйшаго Сунода явился съ доношеніемъ монахъ Пименъ Богдановъ сынъ Савеловъ, который въ томъ своемъ доношеніи написалъ и въ допросѣ сказалъ, какъ онъ былъ въ Бѣльцахъ и имя ему было Петръ Богдановъ сынъ Савеловъ. И съ прошлаго 703-го году опредѣленъ онъ въ воинскую службу и былъ въ разныхъ полкахъ въ драгунахъ, въ прапорщикахъ и въ поручикахъ и въ капитанахъ по 716 годъ. Отъ 716 году по просьбѣ его у генерала Рена отпущенъ онъ съ пашпортомъ въ домъ свой на время и въ прошломъ 717 году онъ Пименъ, не прося освобожденія отпущенія безъ указу въ Новоспасскомъ монастырѣ постригся и по Его Императорскаго Величества указу и по согласному Святѣйшаго Правительствующаго Сунода приговору велѣно отъ него монаха Пимена по содержанію Его Императорскаго Величества о отпущеніи такихъ являющимся изъ бѣговъ винъ милосердыхъ указовъ отпустя ему тое о побѣгѣ вину за то, что онъ самъ о себѣ донесъ безъ истязанія, токмо обнажа монашество, отослать въ военную коллегію въ которой о опредѣленіи его Савелова въ службу учинить, какъ Его Императорскаго Величества указы повелѣваютъ и что учинено будетъ о томъ для вѣдома въ канцелярію Святѣйшаго Сунода взнесть доношеніе, которой монахъ и обнаженъ и для опредѣленія его въ службу посланъ въ Военную Коллегію. При семъ указъ изъ Военной Коллегіи учинить о томъ по Его Императорскаго Величества указу.

Подписано: Оберъ-секретарь Тимофей Палехъ.
Василій Тишинъ.
Канцеляристъ Левъ Раж...

Февраля 8 дня,
1723 г.

Сообщ. В. Федоровъ.

Библиотека "Руниверс"

Дневникъ статсъ-секретаря Григорія Ивановича Вилламова.

1807 г. [1]).

5 іюня. Среда. Пріѣхалъ Озеровъ, адъютантъ Великаго Князя Константина, и привезъ извѣстіе, что 29 мы одержали еще побѣду, но потомъ отступили на Бартенштейнъ.

7 Пятница. Императрица получила сегодня письмо Великаго Князя Константина, который сообщилъ ту же новость. 29 сраженіе началось у Гейльберга, и французы отступили. Дрались съ полудня до 11 часовъ вечера. Великій Князь былъ посланъ къ Государю въ Тильзитъ. Онъ замѣчаетъ, что французы двигаются на Кенигсбергъ, а г.-л. Беннигсенъ хочетъ отступить на Бартенштейнъ и атаковать ихъ. Беннигсенъ былъ боленъ и лежалъ въ постели, но онъ выѣхалъ, чтобы возстановить сраженіе, такъ какъ правое крыло наше начало отступать. Великій Князь очень хвалилъ Беннигсена. Еще 24 Беннигсенъ писалъ Государю о своей болѣзни дабы предупредить потомъ случай, если болѣзнь заставитъ удалиться его отъ службы. Передъ обѣдомъ пріѣхалъ курьеръ отъ Государя съ письмомъ относительно сраженія 29 числа и привезъ орла 55-го полка.

Она послала за Вязмитиновымъ [2]), который пріѣхалъ во время обѣда, передала ему полученную реляцію и приказала отслужить

---

[1]) См. „Русская Старина“ январь 1912 г.

[2]) Генералъ-отъ-инфантеріи Сергѣй Константиновичъ 1749—1819. Ред.

Библиотека "Руниверс"

молебствіе въ субботу. Она мнѣ передала эту реляцію, чтобы снять копію, я послалъ въ канцелярію Кабанову, потому что мы уже садились за столъ, тѣмъ болѣе что подобная вещь предназначалась для отпечатанія въ газетахъ и не можетъ считаться секретной, но Императрица мнѣ сдѣлала упрекъ, что я переписалъ не самъ.

Она приказала заѣхать на короткое время завтра къ ней въ Зимній дворецъ.

8 *Суббота.* Пріѣзжаю во дворецъ, тамъ собрались къ молебну, а за мной уже былъ посланъ ѣздовой, который пріѣхалъ въ ту минуту, какъ я садился въ карету.

Императрица одѣвалась и позвала меня къ себѣ сказать только, чтобы я пріѣхалъ въ Таврическій. Я узналъ отъ Степана Сергѣевича [1]), что получили дурныя вѣсти изъ арміи въ ту минуту, какъ Императрица садилась въ карету для отъѣзда къ молебну; что 2 іюня было сраженіе, что мы разбиты, и что гвардія и артиллерія пропали [2]).

Послѣ обѣдни я поѣхалъ вмѣстѣ съ Степаномъ Сергѣевичемъ въ Таврическій дворецъ. Императрица пріѣхала въ 2 часа и потребовала Ланского и Муханова [3]). Пріѣхалъ графъ Кочубей [4]), она съ нимъ имѣла долгій разговоръ, такъ что мы сѣли за обѣдъ въ 4½ часа. Послѣ обѣда извѣстіе подтвердили фельдмаршалъ и графъ Кочубей. Императрица потребовала меня и сообщила письма: Императора, Беннигсена и Зисмера (послѣднее адресовано Будбергу [5]). Императоръ снова обвиняетъ Беннигсена. Былъ поднятъ вопросъ о перемиріи. Государь прислалъ тоже копію своего письма къ Беннигсену, писаннаго по этому поводу, которое онъ отправилъ незапечатаннымъ къ Попову, чтобы онъ распорядился имъ если найдетъ нужнымъ. Князь Лобановъ (Дмитрій) [6]) долженъ былъ быть посланъ для переговоровъ.

Письмо Государя къ Беннигсену заключаетъ въ себѣ приблизительно слѣдующія слова, *что такъ какъ ему была ввѣрена подъ начальство храбрая и отличная армія, онъ не ожидалъ полученія такихъ дурныхъ извѣстій и т. д.* Потомъ Императоръ обвиняетъ его въ веденіи всѣхъ его предпріятій такъ, чтобы

---

[1]) Гофъ-маршалъ Степанъ Сергѣевичъ Ланской. Ред.
[2]) Sont au diable.
[3]) Мухановъ, Сергѣй Ильичъ, шталмейстеръ. Ред.
[4]) Графъ Кочубей, Викторъ Павловичъ, другъ Императора Александра I. Ред.
[5]) Будбергъ, Андрей Яковлевичъ, мин. иностр. дѣлъ. Ред.
[6]) Лобановъ, князь, Дмитрій Ивановичъ. Ред.

Библиотека "Руниверс"

заставить насъ заключить миръ; пишетъ ему, что репутація (Беннигсена) есть только послѣдствіе храбрости войска, которое одно, такъ сказать, скрыло его неспособность и проч., что уже въ Бартенштейнѣ Императоръ имѣлъ данныя противъ него; что онъ былъ подъ вліяніемъ еврея Мейровича, продавшагося французамъ, и Богъ знаетъ, что только не говоритъ онъ ему, однимъ словомъ, видно, что онъ хочетъ найдти его виновнымъ. Зисмеръ описываетъ это сраженіе, какъ наше полнѣйшее пораженіе, говоритъ, что войска бѣжали и разсѣялись въ безпорядкѣ и безначаліи, что потери въ артиллеріи должны быть громадныя, и предполагаетъ, что Беннигсенъ не представилъ дѣло въ такомъ дурномъ видѣ, какъ оно было въ дѣйствительности, чтобы такъ сказать поберечь Императора и проч... Императрица отвѣчаетъ Государю и проповѣдуетъ ему бодрость и твердость и умоляетъ собрать всѣ наши источники, чтобы противустоять непріятелю и заставить его предложить намъ только почетныя условія. Она спрашиваетъ, талантливъ ли Лобановъ и имѣетъ ли достаточное военное образованіе, чтобы сообразить предложенія Бонапарта и понять его коварство. Она мнѣ сказала по этому поводу, что знаетъ, кому бы слѣдовало поручить переговоры.—Беннигсену!—и дѣйствительно я раздѣляю ея мнѣніе. Въ письмѣ Беннигсенъ говоритъ о необходимости перемирія и смотритъ на это, какъ на выигрышъ времени, чтобы армія отступала на Велау. Дрались съ 5 часовъ утра до 7 часовъ вечера, войска побѣжали. Было много раненыхъ генераловъ въ предшествовавшіе дни и въ тотъ. Изъ числа старшихъ генераловъ Беннигсена были ранены: Штейнгель, Эссенъ 1-й. Теперь уже ничто не удерживаетъ французовъ въ движеніи ихъ на Кенигсбергъ.—Императрица была очень огорчена этими извѣстіями, а переговоры о перемиріи ее нисколько не успокаивали. Послѣ потерянаго сраженія условія мира не могутъ быть выгодны; она соглашалась со мной, что необходимо еще сраженіе до заключенія мира, и потому проповѣдывала она Государю о твердости и бодрости духа, и сохраненіи чувства достоинства.

Экстренный курьеръ былъ отправленъ въ часъ ночи, и я вернулся домой съ приказаніемъ явиться завтра въ 10 часовъ.

10 Понедѣльникъ. Я отправился до 9 часовъ утра въ воспитательный домъ, куда должна была пріѣхать Императрица, не посѣщавшая его около 2-хъ мѣсяцевъ вслѣдствіе бывшей тамъ кори.

Она прибыла въ 9 часовъ и обошла все заведеніе вмѣстѣ съ Крейтономъ[1]). Въ классѣ она приказала мнѣ и Крейтону проэкзаме-

[1]) Крейтонъ, Александръ Александровичъ, лейбъ-медикъ.

Библиотека "Руниверс"

новать воспитанниковъ изъ латинскаго языка, и оказалось, что они не знаютъ спряженій. Императрица выразила свое неудовольствіе и отбыла въ часъ дня. Мнѣ дано было передать одно порученіе въ Главный Совѣтъ, исполнивъ его я поѣхалъ въ Таврическій дворецъ. Императрица возобновила разговоръ объ обученіи и просила меня присутствовать на урокахъ въ этомъ заведеніи завтра непремѣнно.

За обѣдомъ графъ Строгановъ спросилъ Императрицу, нѣтъ ли извѣстій объ его сынѣ, она отвѣтила, что не получала, но такъ какъ онъ не значится въ спискѣ убитыхъ и раненыхъ генераловъ, то она увѣрена, что онъ живъ. Бѣдный старикъ заплакалъ, въ эту минуту доложили, что прибылъ курьеръ. Императрица вышла, тотчасъ же вошелъ фельдъегерь и вручилъ письмо графу отъ его сына. Новыя слезы,—но радостныя. Возвратилась Императрица и объявила, что ни одно знамя и ни одна пушка не взяты непріятелемъ, что вся артиллерія спасена кромѣ 5 пушекъ безъ лафетовъ, брошенныхъ въ рѣку храбрыми гренадерами, спасшими ихъ. Радость была общая, у всѣхъ навернулись слезы, въ особенности выражалъ радость Вел. Кн. Екатерина.

Послѣ обѣда Императрица показала мнѣ письмо Государя, въ которомъ онъ обвиняетъ Беннигсена въ желаніи свалить проигрышъ сраженія 2-го іюня на войско и обвиняетъ въ подлости: „онъ не постыдился, желая свалить“ [1]) и т. д. Императрица нашла въ этомъ несправедливость Императора, тѣмъ болѣе, что Зисмеръ, на котораго ссылается самъ Императоръ и который въ своемъ первомъ письмѣ, описывая сраженіе, находитъ, что Беннигсенъ высказался не достаточно сильно, объясняя пораженіе, что онъ не все сказалъ, а теперь Императоръ упрекнулъ Беннигсена въ низости за смягченіе фактовъ въ донесеніи, упрекаетъ его за то, что много сказалъ. Зисмеръ пишетъ, что это было бѣгство, а Беннигсенъ что послѣ потери въ генералахъ войска побѣжали въ 7 часовъ вечера. Императрица обратила вниманіе Государя на это и сказала: „если еще въ Бартенштейнѣ онъ имѣлъ подозрѣніе противъ еврея, зачѣмъ же онъ не приказалъ арестовать его?“

„Наконецъ, сказала мнѣ Императрица: дѣло въ томъ, они сердиты за то, что имъ помѣшали пріѣхать въ Арми и потому ищутъ вину вездѣ“.

11 Вторникъ. Отправленъ курьеръ къ Императору съ этимъ отвѣтомъ, въ которомъ Императрица еще добавила, что такъ какъ онъ ничего не пишетъ о перемиріи и отправкѣ Лобанова, то она предполагаетъ, что объ этомъ болѣе нѣтъ рѣчи.

---

[1]) Il n'a pas eu honte de vouloir rejeter... etc.

Библиотека "Руниверс"

Беннигсенъ въ своемъ письмѣ Государю отъ 6-го числа пишетъ, что армія не деморализована, и предлагаетъ завтра атаковать, если нужно.

12 Среда. Я былъ на урокахъ въ воспитательномъ домѣ, въ классѣ латинскаго языка и нашелъ, что метода преподаванія учителя прекрасная, и дѣти дѣлаютъ значительные успѣхи. Императрица тоже была въ заведеніи, но въ другомъ концѣ, и уѣхала такъ, что я не видѣлъ ее. Гревницъ и Шепльсъ тоже пришли въ классъ, послѣдній выразилъ негодованіе, что хотятъ ввести въ преподаваніе русскую грамматику; послѣ этого мы обошли съ Гревницомъ все заведеніе, и я отправился къ Дювалю [1]) уплатить долгъ Императрицы г-ну Лубье.

13 Четвергъ. Исполняя разныя порученія Императрицы, я прибылъ въ Таврическій дворецъ передъ самымъ обѣдомъ, тутъ же прибылъ обыкновенный курьеръ отъ Императора, но Императрица не приняла депешъ, чтобы не быть поставленной въ необходимость сообщить содержаніе ихъ приглашеннымъ къ обѣду.

Послѣ обѣда Императрица прочла депеши и сообщила мнѣ.

Тамъ были донесенія Беннигсена, Лобанова и Попова о переговорахъ о перемиріи. Французы требовали какъ гарантію выдачу Грауденца, Кольберга и Пилавы, на это Беннигсенъ отказалъ. Демаркаціонная линія должна была проходить по Нареву и Нѣману, перемиріе заключено на одинъ м-цъ. Лобановъ тоже отказалъ въ сдачѣ крѣпости, говоря, что это не можетъ быть вопросомъ перемирія, а только при заключеніи мира.

Они говорятъ, что французы, а именно Мюратъ [2]) и Бертье [3]) приняли очень хорошо наши миролюбивыя предложенія. Поповъ кончаетъ свое письмо словами: *Минуты дороги, шаги скользки, миръ или перемиріе по многимъ обстоятельствамъ нужны, и лучше скорѣе.*

Эта поспѣшность не очень ободряющая и показываетъ все униженіе этого перемирія. — Императрица была очень огорчена этимъ извѣстіемъ и тѣмъ страхомъ, который повидимому обуялъ дѣятелей.—Спрашивали у Беннигсена, будутъ ли вести переговоры безъ участія Англіи, онъ отвѣтилъ, что вѣроятно, такъ какъ Государь, не подымая этого вопроса, повидимому согласенъ на это, что Лобанову дано, подписанное имъ, полномочіе одного содержанія съ полученнымъ Убри, но и то безъ подписи и имѣетъ видъ открытаго

---

[1]) Дюваль, ювелиръ Высочайшаго Двора. *Ред.*

[2]) Мюратъ, король неаполитанскій 1761 † 1815, знаменитый начальникъ конницы въ арміи Наполеона. *Ред.*

[3]) Бертье, князь Невшательскій, 1753 † 1815. Начальникъ штаба Наполеона. *Ред.*

Библиотека "Руниверс"

письма. Письмо Государя Беннигсену было крайне сухо, и въ заголовкѣ стояло: „Генералъ! (Mon général!)“, что кажется не совсѣмъ идетъ въ личномъ письмѣ Государя своему генералу и можетъ быть допущено, адресуясь къ иностранному генералу, а слѣдовало бы написать (M-r le général) господинъ генералъ.

Императрица нашла, что это письмо сравнительно съ другими было писано съ большимъ достоинствомъ.

Она, заведя рѣчь со мной о переговорахъ, спросила, что я думаю? Я сказалъ, что это униженіе Россіи, что мы потеряемъ единственнаго союзника Англію, тѣмъ болѣе, что вѣроятно во время перемирія французы, играя съ нами, возбудятъ возстаніе Польши, потребуютъ еще униженій или другимъ способомъ все-таки заставятъ насъ вновь взяться за оружіе, и мы останемся одни безъ всякихъ союзниковъ. Она послала меня съ полученными бумагами къ фельдмаршалу Салтыкову, который, прочтя ихъ, просилъ передать, что онъ пріѣдетъ завтра.

15 Суббота. Прибыла эстафета отъ князя Куракина[1]), который по приказанію Императора увѣдомляетъ, что перемиріе заключено, Нарова и Нѣманъ раздѣляютъ обѣ арміи, что о сдачѣ крѣпостей нѣтъ рѣчи. Перемиріе подписано Лобановымъ и Бертье. Куракинъ передаетъ разговоръ съ Императоромъ о невозможности продолжать войну и рисуетъ печальную картину нашего разстройства. Говоритъ много противъ Беннигсена, даже упоминается о его взяточничествѣ и скупости; о его дурныхъ распоряженіяхъ относительно наступленія. Куракинъ выражаетъ просто неприличную радость о заключеніи этого перемирія, какъ о наибольшемъ счастьѣ для насъ. Императрица справедливо была возмущена этимъ; я спросилъ, по какимъ соображеніямъ можетъ Куракинъ изображать Россію въ такомъ полномъ разореніи и лишенной источниковъ.

„Ничего нѣтъ удивительнаго, отвѣтила она, я узнаю въ этомъ Куракина, уѣзжая онъ говорилъ мнѣ, что у насъ нѣтъ: ни войска, ни генераловъ, ни средствъ. Онъ французъ въ душѣ и несмотря на преданность къ Россіи, онъ любитъ Францію“ и т. д. Она послала меня къ фельдмаршалу Салтыкову съ этими бумагами и проектомъ письма къ Государю, въ которомъ она говоритъ между прочимъ, что несмотря на перемиріе и кажущееся миролюбіе французовъ, слѣдуетъ собрать все, что мы имѣемъ силъ, источниковъ, и воспользоваться этимъ мѣсяцемъ съ наибольшей поспѣшностью и дѣятельностью и т. д. Она его умоляетъ принять мѣры,

---

[1]) Князь Куракинъ, Алексѣй Борисовичъ, заключ. Тильзитскій трактатъ. *Ред.*

Библиотека "Руниверс"

чтобы выражаемая вокругъ него радость о заключеніи перемирія не дошла бы до свѣдѣнія французовъ; она сообщаетъ свои опасенія насчетъ происковъ французовъ въ Польшѣ и т. д.—Фельдмаршалъ, прочитавъ бумаги, сказалъ, что не знаетъ, радоваться или плакать? если наше положеніе дѣйствительно таково, какъ описываютъ, то нужно дѣлать нѣчто другое, а не предаваться ему, понуривъ голову. Отчего оно таково, я этого не знаю, не зная обстоятельствъ... Значитъ, нужно отказаться отъ всего?.. покинуть нашихъ сообщниковъ въ Турціи, предавъ ихъ во власть французовъ? но... сказалъ онъ, такъ какъ дѣло сдѣлано—надо радоваться. Послѣ отправки курьера, я занялся корреспонденціей Императрицы съ Государемъ.

За обѣдомъ Императрица говорила о перемиріи. Послѣ обѣда было засѣданіе Опекунскаго совѣта. Потомъ Волконскій доложилъ о результатахъ постановки паровой машины [1]), которая должна была привести въ дѣйствіе всѣ другія, что сила ея въ 16 лошад. силъ оказалась недостаточной, надо 24. Возвращаясь опять къ вопросу о перемиріи и нашемъ предполагаемомъ изнеможеніи войска, между прочимъ говоритъ въ письмѣ своемъ Куракинъ: послѣ потери нашихъ запасовъ, при затрудненіи возобновить ихъ и маломъ желаніи войскъ продолжать воевать, невозможно перейти въ наступленіе. — Какъ можемъ мы думать объ этомъ, когда надо опасаться даже за оборону противъ непріятеля гордаго своими побѣдами, гордаго счастьемъ и талантами своихъ начальниковъ, который можетъ насъ атаковать превосходными силами... у насъ нѣтъ резервной арміи, наши ополченія еще не сформированы и не вооружены. Новые рекруты еще не набраны, даже не созваны. Никогда наше положеніе не было такъ безъисходнымъ. Мы можемъ ожидать спасенья только отъ Бога и отъ преданности нашего добраго народа Отечеству и своему Государю. Я съ нетерпѣніемъ желаю, чтобы отвѣтъ отъ него (отъ Лобанова) прибылъ скорѣй, чтобы онъ добился перемирія такого, который бы не возмутилъ насъ и далъ бы возможность радоваться приближенію мира. Обстоятельства, при которыхъ работали мы, слишкомъ невыгодны, чтобы мы могли настаивать на желаніи имѣть то, что хочется. Заключая миръ, не можетъ быть рѣчи о другомъ, какъ о томъ, чтобы онъ былъ наименѣе унизительнымъ. Вотъ до чего мы дошли!

Въ своемъ сегодняшнемъ письмѣ онъ говоритъ еще съ большими подробностями, и повидимому со словъ Государя, до какой

---

[1]) Въ Александровской мануфактурѣ.

Библиотека "Руниверс"

степени наше положеніе грустно, и какъ необходимъ миръ. Но положеніе станетъ ли менѣе унизительнымъ и менѣе ненадежнымъ? О! если бы заговорили о перемиріи на берегахъ Пасарги, когда армія одержала побѣды. Въ письмѣ, помѣченномъ 4 іюня, онъ говоритъ о Великомъ Князѣ Константинѣ, пріѣхавшемъ нежданно въ Тильзитъ, что тотъ выражалъ положительное желаніе мира [1]) и лично ему высказывалъ это. Онъ знаетъ, что только одинъ г. Будбергъ упорствуетъ въ мнѣніи о продолженіи войны и глубоко сожалѣетъ, что В. К. не можетъ содѣйствовать къ убѣжденію въ томъ же Императора. „Онъ мнѣ разсказывалъ и выразилъ желаніе, чтобы я поставилъ Ваше В-во въ извѣстность, что Будбергъ прислалъ утромъ къ нему, чтобы объяснить безъ обиняковъ свой взглядъ на дѣло, при этомъ разговорѣ присутствовали Чарторижскій [2]), Новосильцевъ [3]) и Опочининъ, что Будбергъ для поддержки своего мнѣнія возражая говорилъ, что наша армія не разбита, что мы имѣемъ большую резервную армію, что мы можемъ вполнѣ быть спокойны относительно вѣрности польскихъ провинцій, что Государь долженъ разсчитывать на народъ и т. д., такъ что они разстались недовольные другъ другомъ и ни въ чемъ не убѣдивъ одинъ другого. Чарторижскій вмѣшался въ разговоръ, увѣряя, что г. Будбергъ очень ошибается въ расположеніи къ намъ польскихъ подданныхъ, что признаки возстанія разрастались между ними, и что оно вспыхнетъ вслѣдъ за переходомъ Бонапарта чрезъ нашу границу. Великій Князь прибавилъ, что тоже совершенно невѣрно относительно предполагаемыхъ резервовъ, и что вся наша надежда и наше спасеніе заключаются въ сохраненіи, и то весьма непрочномъ, арміи Беннигсена и въ настоящую минуту нѣтъ другого резерва какъ двѣ дивизіи: Лобанова и Горчакова, которыхъ численность едва 30.000, что у насъ недостатокъ въ оружіи, въ снаряженіи и деньгахъ, а что касается народа, то онъ всегда извѣстенъ былъ своей храбростью и беззавѣтной преданностью Государю, что онъ это доказалъ самымъ блистательнымъ образомъ, но что народъ долженъ быть защищаемъ войсками регулярными, а, такъ какъ не можетъ выдержать нападенія побѣдоносной арміи“.....

Фельдмаршалъ Карлкрейцъ, видѣвшій многихъ французскихъ генераловъ, увѣряетъ, что проектъ Бонапарта таковъ: если мы не въ

---

[1]) Le desir prononcé qu'il avait relativement à la paix.

[2]) Кн. Адамъ Чарторижскій, 1770 † 1861, былъ близокъ къ Императору Александру I въ началѣ царствованія. *Ред.*

[3]) Новосильцевъ графъ, Николай Николаевичъ, другъ Александра I. 1763 † 1838. *Ред.*

Библиотека "Руниверс"

состояніи будемъ удержать его, онъ ограничится только движеніемъ до Двины; пойдетъ вдоль берега въ надеждѣ поднять возстаніе Польши и протянуть руку Турціи, чтобы дать ей возможность отобрать взятыя у ней мѣстности.

Но если онъ дойдетъ до Двины... Боже сохрани; кто можетъ поручиться... Поповъ (возвратившись послѣ Фридландскаго сраженія) говоритъ, что вообще всѣ желаютъ мира въ арміи; какъ генералы и офицеры, такъ и солдаты, и несмотря что дерутся какъ львы и идутъ на смерть героями, они устали отъ войны. Онъ говоритъ: кажется, что Бонапартъ рѣшился непрестанными атаками уничтожить нашу армію и что Беннигсенъ потерялъ голову.

Въ другой части письма онъ говоритъ, что фельдмаршалъ Карлкрейцъ и всѣ военные, съ которыми я говорилъ, критикуютъ Беннигсена за совершенно ненужную экспедицію на Гутштадтъ, которая имѣла послѣдствіемъ ненужное и кровопролитное сраженіе при Гейльсбергѣ, упрекаютъ также за оставленіе укрѣпленнаго Гейльсберга, за то, что онъ притянулъ къ себѣ корпусъ, охранявшій линію между Гейльсбергомъ и Браунсбергомъ, гдѣ Лестокъ[1]) составлялъ наше правое крыло, что тѣмъ сдѣланъ былъ разрывъ линіи, чѣмъ воспользовались французы на другой же день послѣ сраженія, и стали между нашей арміей и Кенигсбергомъ. Беннигсена вообще осуждаютъ за пролитіе безъ надобности крови и за отступленіе вмѣсто движенія впередъ каждый разъ послѣ нанесенія пораженій непріятелю.

Графъ Кочубей говоритъ въ своемъ письмѣ къ Императрицѣ отъ 11 іюня... Извиненія, которыя В. И. В-во были такъ добры сообщить мнѣ вчера, оживили мой духъ, но я сознаюсь, что еще недостаточно ободрили меня! Недостаетъ совершенно необходимыхъ элементовъ, чтобы поправить наши дѣла, и миръ составляетъ самое счастливое событіе для Россіи.

16 Воскресенье. Вчера Императрица сказала мнѣ, что она дастъ мнѣ покой на сегодня, если ничего не случится. Развѣ упадетъ небо или будетъ заключенъ миръ! Тѣмъ не менѣе я получилъ отъ нея записку, въ которой она проситъ меня пріѣхать послѣ обѣда, такъ какъ получены бумаги. Я предполагалъ, что это были акты о перемиріи, но оказалось, что она прочла мнѣ слѣдующія прелести. Сначала письмо Государя, который выражаетъ радость по случаю счастливаго событія перемирія и говоритъ только о немъ, какъ какомъ-то величайшемъ счастьѣ, и при томъ съ новой бранью противъ

---

[1]) Прусскій генералъ.

Библиотека "Руниверс"

Беннигсена, предполагая, что тотъ измѣнилъ тонъ послѣ перемирія. „А Вы увидите, сказала Императрица, что письмо Беннигсена самое разумное изо всѣхъ, что онъ говоритъ хотя подробнѣе, но не болѣе того, что онъ говорилъ раньше, и что оно того же числа, какъ и перемиріе, слѣдовательно написанное не послѣ его". Она письмо Беннигсена „оставила на закуску [1])", какъ сказала она. Потомъ прочла разныя донесенія Лобанова и Попова, изъ которыхъ послѣдній особенно выражаетъ свою радость, начавъ письмо: Слава въ Вышнихъ Богу и на землѣ миръ.—Оба говорили объ объясненіи двухъ Монарховъ, которые облегчаютъ общее замиреніе; Лобановъ пишетъ, что онъ имѣлъ долгій разговоръ съ Бонапартомъ, который находитъ весьма естественнымъ, чтобы граница Россіи шла по Вислѣ. Актъ перемирія содержитъ формальное признаніе Бонапарта Императоромъ Наполеономъ, и всѣ эти донесенія повидимому указываютъ о предстоящемъ свиданіи нашего Государя съ Бонапартомъ, которое вѣроятно состоится въ Таурогенѣ, потому что Попова спрашиваютъ, не слѣдуетъ ли назначить туда почетный караулъ или въ какое-либо другое мѣсто. Дюрокъ[2]) пріѣхалъ въ нашу Главную квартиру для ратификаціи перемирія. Былъ поднятъ вопросъ о заключеніи мира безъ участія Англіи, потому что она заключаетъ ихъ всегда отдѣльно. Императоръ въ письмѣ своемъ жалуется, что Англія въ теченіе 6 мѣсяцевъ ничего не дѣлаетъ и теперь даетъ только $2^1/_2$ милліона фунтовъ стерлинговъ для всего континента. Но отчего же, замѣтила Императрица, не хотѣли принять помощь отъ Англіи? почему отказали ей? Императрица совершенно въ отчаяніи отъ этой общей радости и, наконецъ, прочла письмо Беннигсена къ Государю, которое представляетъ простой разсказъ всего, что случилось послѣ Фридланда; что бѣжала только часть войскъ; объясняетъ исторію сожженія моста въ первую минуту паники прежде, нежели всѣ войска перешли рѣку; что онъ, Беннигсенъ, лично успѣлъ собрать войска, и отступленіе было совершено въ порядкѣ черезъ Велау; что войска вовсе не потеряли бодраго духа, напротивъ готовы сражаться; что послѣ присоединенія дивизіи Горчакова и Лобанова и подкрѣпленій, приходящихъ ежедневно, армія будетъ сильнѣе, нежели она была въ началѣ кампаніи, и готовой дѣйствовать, какъ только потребуютъ обстоятельства, и онъ оканчиваетъ письмо просьбой къ Государю прибыть къ арміи хотя на одну минуту, чтобы поднять еще болѣе храбрость солдатъ, которые

---

[1]) Elle la garde pour la bonne bouche.

[2]) Дюрокъ, герцогъ Фріульскій, любимецъ Наполеона. 1792 † 1813 г. *Ред.*

Библиотека "Руниверс"

его жаждутъ видѣть, и чтобы лично убѣдиться въ состояніи арміи. И Государь не поѣхалъ?! сказала съ жаромъ Императрица, нѣтъ! да это постыдно! Если онъ недоволенъ Беннигсеномъ, зачѣмъ же онъ не смѣнилъ его?

Мы говорили еще, что чувство благодарности распространится на все семейство, и я сказалъ, что Императрица Жозефина, конечно, поспѣшитъ со своей стороны отрекомендоваться. Она напишетъ мнѣ, не правда ли? сказала Императрица, это будетъ очень интересное письмо. Наконецъ, подписавъ бумаги, Императрица отпустила меня въ 7 часовъ съ приказаніемъ прибыть завтра къ 8 часамъ, чтобы ѣхать въ Павловскъ.

17 Понедѣльникъ. Поѣздка въ Павловскъ по случаю нездоровья Императрицы отложена. Мы, т. е. Ланской, Крейтонъ, М-lle Дивова [1]) и я обѣдали у Великой Княгини Екатерины Павловны. Послѣ обѣда я читалъ новое сочиненіе „Замѣтки о внутреннихъ дѣлахъ Франціи“[2]) Фабера, изданное здѣшней Академіей, очень интересное сочиненіе. Внезапно прибыла Императрица Елисавета.—Я уѣхалъ въ 8 часовъ. Утромъ разговаривали Мухановъ, Ланской, Дивовъ и я о современныхъ дѣлахъ. Мухановъ между прочимъ сказалъ намъ, что въ домѣ Нарышкиныхъ получено извѣстіе, что Государь недоволенъ Беннигсеномъ за то, что онъ помѣшалъ ему отличиться. Ланской сказалъ: извѣстно положительно, что планъ военныхъ дѣйствій противъ Гутштадта былъ составленъ Пфулемъ и утвержденъ Императоромъ, и потому Беннигсенъ говоритъ въ донесеніи о планѣ извѣстномъ В. В-ву, что Беннигсенъ сообщаетъ графу Ливену отъ 23 мая, что приведеніе въ исполненіе этого плана слишкомъ ослабляетъ правое крыло. Еще говоритъ о Беннигсенѣ, что онъ отвѣтилъ: что бы ни случилось, его армія будетъ всегда въ сборѣ, а неразбросанной, но что онъ оставляетъ на произволъ войска праваго фланга, такъ какъ ихъ отдѣлили отъ него, и онъ болѣе не отвѣчаетъ за нихъ.

Императрица въ письмѣ своемъ Государю говоритъ о предстоящемъ свиданіи, при этомъ она напоминаетъ, что передъ сраженіемъ при Аустерлицѣ, когда онъ чувствовалъ себя въ силѣ, онъ отказалъ въ свиданіи съ Бонапартомъ, а теперь соглашается послѣ потерянаго сраженія. Онъ и съ кѣмъ? Съ тѣмъ, кого Синодъ назвалъ Антихристомъ, всего 9 мѣсяцевъ тому назадъ и предалъ анаѳемѣ. Еще я допускаю это свиданіе послѣ заключенія мира, какъ награду Бонапарту за его готовность содѣйствовать миру.

---

[1]) Дивова, Александра Гавриловна, фрейлина. *Ред.*

[2]) Notice sur l'interieure de la France.

Библиотека "Руниверс"

18 Вторникъ. Императрица все еще чувствовала себя не хорошо. И я остался цѣлый день въ Таврическомъ дворцѣ. Послѣ обѣда она занялась немного дѣлами и сказала мнѣ, что она надѣется, что пріѣду завтра и не покину ее въ болѣзни.

19 Среда. Я былъ съ утра въ Таврическомъ дворцѣ и отправилъ курьера къ Государю.

Императрицѣ лучше. Она приказала мнѣ пріѣхать завтра послѣ часу, посѣтивъ предварительно больницу Сиротскаго Института.

20 Четвергъ. Послѣ посѣщенія больницы, Екатерининскаго Института отправился въ Таврическій дворецъ. Только что пріѣхалъ курьеръ и черезъ него узнали, что Государь уже обѣдалъ у Бонапарта. Я былъ позванъ Императрицей, и она мнѣ передала письмо Государя отъ 14 іюня. Онъ писалъ, что отправившись въ одну изъ деревень за нашей главной квартирой ему кн. Лобановъ доложилъ о пріѣздѣ Дюрока, который передавалъ желаніе Бонапарта видѣть Его. Государь назначилъ послѣ завтра въ 12½ часовъ.—Свиданіе должно было состояться среди рѣки Нѣмана въ устроенномъ домикѣ на плоту. Государь подъѣзжая увидѣлъ бесѣдку со своимъ вензелемъ и убранную съ большимъ вкусомъ. Свиданіе длилось болѣе 2-хъ часовъ. На другой день новое свиданіе, на немъ былъ и король Прусскій, приглашенный для Государя. Послѣ свиданія Бонапартъ пригласилъ Государя къ обѣду въ 6 часовъ въ Тильзитъ. Рѣшено было объявить этотъ городъ нейтральнымъ, всѣ французскія войска были выведены, а введены 1 баталіонъ русской, а другой французской гвардіи. Императоръ, въѣзжая въ городъ, увидѣлъ французскую гвардію, выстроенную шпалерами, Бонапартъ самъ командовалъ ею, раздались пушечные выстрѣлы, музыка, барабаны, знамена склонились передъ Государемъ, и Бонапартъ просилъ Государя отдать пароль для французской арміи. Государь пишетъ объ этомъ въ своемъ письмѣ: „представьте мое удивленіе, когда я нашелъ гвардію, выстроенную шпалерами“ и проч... Русскій Императоръ удивляется быть принятымъ какъ Русскій Императоръ? и прибавляетъ, что онъ былъ принятъ, какъ сердечный союзникъ, а не какъ непріятель. Послѣдствіемъ этого обѣда были: отправленіе курьера къ визирю о прекращеніи всякихъ непріязненныхъ дѣйствій и другого къ командующему войсками въ Мекленбургѣ Лавалю о возстановленіи государства и возвращеніи имущества герцогу съ приказаніемъ относиться къ нему какъ къ государю, въ которомъ Бонапартъ принималъ особое участіе.

Государь присоединяетъ къ письму копію съ вѣдомости о состояніи арміи Беннигсена, т. е. то, что можетъ быть въ строю, а

Библиотека "Руниверс"

Тильзитское свиданіе.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

именно 54 т. человѣкъ, изъ коихъ рядовыхъ 46—47 т., при чемъ Государь замѣчаетъ: какъ мало можно довѣрять донесеніямъ Беннигсена, онъ говоритъ, что онъ сильнѣе, нежели въ началѣ кампаніи, между тѣмъ, когда я уѣзжалъ изъ Бартенштейна, было 100 т., а теперь только 46 т. „Какая несправедливость! Беннигсенъ говоритъ, что когда онъ получитъ всѣ подкрѣпленія, онъ будетъ сильнѣе, нежели былъ при началѣ военныхъ дѣйствій, и вѣроятно онъ правъ. Въ дивизіяхъ Лобанова и Горчакова около 35 т., которыхъ нѣтъ въ вѣдомости, нѣтъ и 10 т. калмыковъ и другихъ ожидаемыхъ подкрѣпленій“.

Сообщ. **Н. А. Вилламовъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

Рескриптъ Императора Павла I графу Буксгевдену.

Павловскъ. 27 апрѣля 1798 года.

Господинъ генералъ-лейтенантъ и санктпетербургскій военный губернаторъ графъ Буксгевденъ. Содержащагося въ полиціи за долги престарѣлаго закройщика Мейера прикажите тотчасъ освободить хотя на Мою поруку, объявя ему, что дѣло его о долгѣ, отданномъ несравненно въ меньшей суммѣ, нежели въ какую онъ оцѣненъ, и то одному только кредитору, когда двадцать два человѣка другихъ заимодавцевъ оставлены безъ удовлетворенія, я повелѣлъ Сенату разсмотрѣть безъ очереди. Пребываю впрочемъ вамъ благосклонный

(Павелъ).

Повелѣнія Императора Павла I фельдмаршалу графу И. П. Салтыкову.

4 августа 1799 года.

Государь Императоръ указать соизволилъ: сообщить вашему сіятельству, чтобъ вы тотчасъ, по полученіи сего, послали вслѣдъ за выѣхавшимъ изъ С.-Петербурга въ Москву генералъ-лейтенантомъ Бокомъ нарочнаго фельдъегеря, приказавъ ему онаго Бока воротить съ дороги и отвезти Лифляндію.

28 августа 1799 года.

Государь Императоръ соизволилъ мнѣ указать сообщить вашему сіятельству: выслать немедленно въѣхавшаго въ С.-Петербургъ генералъ-маіора Вырыпинскаго.

Сообщилъ В. П. Федоровъ.

Библиотека "Руниверс"

Изъ журнала участника войны 1812 года.

Въ 1809 году, 19-го декабря, я произведенъ былъ изъ 2-го кадетскаго корпуса подпоручикомъ въ 6-ю артиллерійскую бригаду и назначенъ затѣмъ въ роту капитана Берга, квартировавшую тогда на Охтенскомъ пороховомъ заводѣ.

Полный комплектъ офицеровъ въ ротѣ послужилъ капитану поводомъ предложить мнѣ оставаться въ домѣ моей матери, впредь до какой-либо служебной надобности; въ числѣ послѣднихъ были караулы при Выборгской заставѣ.

Пользуясь свободнымъ временемъ, я сталъ вести журналъ, который и начинаю съ воспоминаній о только что покинутомъ кадетскомъ корпусѣ.

Въ 1790 году, я съ младшимъ своимъ братомъ были приняты графомъ Валеріаномъ Зубовымъ въ инженерный-артиллерійскій корпусъ, что нынѣ 2-й кадетскій, на собственное графа содержаніе.

Поступили мы въ роту генерала Клейнмихеля, который насъ любилъ, и я часто бывалъ у него на ординарцахъ; впослѣдствіи онъ назначалъ меня на ординарцы къ графу, а въ 1807 г. и къ цесаревичу Константину Павловичу.

Въ практическомъ походѣ въ Петергофъ я былъ особенно замѣченъ Его Высочествомъ, а именно наканунѣ тезоименства Императрицы Маріи Ѳеодоровны, когда былъ въ караулѣ у театра. Это случилось слѣдующимъ образомъ: когда Царская фамилія и иностранные сановники шли въ театръ, Цесаревичъ, подойдя къ фронту, скомандовалъ: „ефрейторъ, впередъ!“ Я подумалъ, что при 10-ти

Библиотека "Руниверс"

рядовыхъ разводить на посты долженъ унтеръ-офицеръ, спокойно стоялъ въ замкѣ. Его Высочество вытащилъ меня впередъ, при чемъ киверъ съ большимъ султаномъ и алебарда свалились; подобравъ ихъ, я оправился, а затѣмъ по уставу скомандовалъ первой смѣнѣ. Цесаревичъ самъ повелъ насъ на посты черезъ черный дворъ, гдѣ по случаю ремонта было набросано много кирпичу, глины и другихъ матеріаловъ. При видѣ этого, я доложилъ Его Высочеству, что здѣсь трудный проходъ, и просилъ позволить отыскать лучшую дорогу; убѣдившись, что я правъ, Цесаревичъ засмѣялся, не пошелъ дальше, а велѣлъ мнѣ поставить двухъ часовыхъ у входа въ театръ и двухъ у кулисъ. По прошествіи часа, мнѣ приказано было произвесть смѣну; смѣнивъ часовыхъ у входа, я былъ въ большомъ затрудненіи, какъ пройти по узкому проходу за декораціей, чтобы смѣнить часовыхъ у кулисъ; алебарда не позволяла пройти, и я попросилъ капельдинера, обойдя тотъ узкій проходъ, передать кадету, стоящему по ту сторону кулисъ, чтобы онъ тихо отодвинулся и далъ мѣсто новому часовому. Но на часахъ былъ французъ Лебрюнь, не хотѣвшій оставить своего мѣста, такъ какъ игралась трагедія „Semiramis“.

Видя его упрямство и боясь, что Цесаревичъ въ другой разъ примѣтитъ мое упущеніе, я поставилъ возлѣ правой кулисы новую смѣну и скомандовалъ: „смѣна-маршъ!“ Мадамъ Жоржъ, игравшая тогда роль Семирамиды, была изумлена такою неожиданностью, остановилась, сложила руки и отошла въ сторону. Все, что было въ театрѣ, разсмѣялось, а я, исправно исполнивъ свою обязанность, пошелъ къ выходу. Едва составили мы ружья въ сошки, какъ явился Цесаревичъ, вмѣстѣ со своимъ адъютантомъ Олсуфьевымъ; Его Высочество весьма меня благодарилъ и сказалъ: „Хоть тебѣ въ этой трагедіи не было роли, но ты кстати и прекрасно поддержалъ царицу Семирамиду!“ А затѣмъ, обратясь къ Олсуфьеву и глядя на меня, произнесъ: „Онъ навѣрное будетъ исправный офицеръ!“

Выходя изъ Петергофа, мы всѣмъ корпусомъ проходили повзводно мимо Царской фамиліи, смотрѣвшей на насъ сидя въ линейкахъ. Цесаревичъ стоялъ возлѣ первой изъ нихъ, въ которой была Императрица Марія Ѳеодоровна. Едва поравнялся съ нею второй взводъ гренадерской роты, гдѣ я находился на флангѣ, какъ Цесаревичъ подбѣжалъ ко мнѣ, схватилъ за щеку и потрепавъ толкнулъ въ лужу, искренно смѣясь на то, какъ я упалъ и проворно всталъ на свое мѣсто.

Въ 1810 году, при прохожденіи 6-й артиллерійской бригады изъ Кронштадта въ Стрѣльну, я былъ посланъ къ Его Высочеству отъ бригады съ рапортомъ; Великій Князь тотчасъ меня узналъ и, при-

Библиотека "Руниверс"

нявъ рапортъ, ласково сказалъ: „Хорошо, Суханинъ, радъ тебя видѣть!“

Между тѣмъ на политическомъ горизонтѣ становилось не спокойно. Французскій императоръ Наполеонъ стремился владычествовать надъ всѣмъ міромъ и для ослабленія Англіи, наибольшаго своего соперника, думалъ предпринять походъ въ Индію. Для этого ему надо было сначала подчинить Россію своему вліянію. Въ Тильзитѣ потому заключенъ былъ союзъ, хотя Императоръ Александръ Павловичъ и тяготился имъ. Одной изъ причинъ къ разрыву союза послужилъ отказъ на сватовство Наполеона къ сестрѣ русскаго Императора, великой кн. Аннѣ Павловнѣ; затѣмъ, Наполеонъ самовольно присоединилъ къ Польшѣ часть Галиціи и этимъ задумывалъ возстановить ее, наконецъ, присоединяя къ Франціи земли, онъ отнялъ владѣніе у родственника Александра Павловича, герцога Ольденбургскаго. Наполеонъ не получилъ за это согласія на закрытіе гаваней для судовъ съ англійскими товарами. Россіи приходилось поневолѣ увеличить свои военныя силы и подвинуть ихъ къ западной границѣ.

Носились между тѣмъ слухи, что Наполеонъ собираетъ большую армію, почему Императору Александру Павловичу необходимо было поспѣшить соединить свои силы. Наша бригада и вся гвардія выступили въ городъ Порховъ.

Прощальный день былъ для меня очень тяжелъ, но война, какъ опредѣленное съ дѣтства поприще дворянину, манила меня и вотъ, къ 6-ти часамъ утра 20 октября 1811 года, рота собралась во всей походной аммуниціи къ молебну.

Какъ трепетало сердце, когда передъ образомъ Св. Чудотворца Николая сѣдые усачи преклоняли колѣна: у многихъ искусившихся на полѣ славы я видѣлъ катившіяся слезы...

Угодникъ Святый! Внемли ихъ молитвамъ...

Сердце полно было думъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ было такъ хорошо отъ какого-то неизъяснимо высокаго чувства... Любезное отечество, я для тебя рожденъ! Иду противъ враговъ твоихъ и нарушителей спокойствія Царскаго дома! Иду подъ твоимъ знаменемъ, съ сознаніемъ священнаго долга и помня, что оставляю старушку мать, сестеръ... все мнѣ дорогое.

Офицеры наши, все больше молодые люди, также оставившіе все близкое себѣ въ Петербургѣ, шли не весело, къ разговору не было охоты. Нашъ подполковникъ, человѣкъ пожилой, храбрый и суровый съ подчиненными, ѣхалъ передъ ротою верхомъ, погруженный въ какое-то горестное раздумье. У него осталась жена и трое дѣтей...—Вотъ Средняя Рогатка,—сказалъ подпоручикъ Кл.,—не

Библиотека "Руниверс"

сдѣлаемъ ли привалъ?.. „Хорошо“, отвѣтилъ подполковникъ. „Велите бросить лошадямъ сѣна. Господа, за мной!“

Мы вошли въ ближайшій домъ, куда въ большую залу принесли за нами пирогъ и водку. Никто не хотѣлъ ни до чего дотронуться.

„Эхъ, господа, сказалъ я, наливая серебряную чарку, что вы задумались... выпьемъ да закусимъ, такъ веселѣе пойдемъ... а воротимся въ Петербургъ можетъ быть сами командирами!“

Офицеры послѣдовали мнѣ, закусили и выпили, и послѣ часового отдыха, всѣ пошли веселѣй.

Старые солдаты разсказывали разные случаи изъ боевой жизни, стоянки въ Пруссіи и въ Италіи, вспоминали безсмертнаго Суворова.

Я невольно увлекся ихъ простыми, не краснорѣчивыми разсказами. Какая должна быть радость, перенеся всевозможные труды и опасности, съ честью возвратиться въ свое отечество!

Изъ Порхова мы перешли въ мѣстечко Староселье, Могилевской губ., гдѣ, въ теченіе 3-хъ мѣсячной стоянки, пользовались гостепріимствомъ мѣстныхъ помѣщиковъ.

Въ это время нашъ бригадный командиръ, полковникъ Глуховъ получилъ другую часть, а вмѣсто него къ намъ назначили барона Таубе. Вскорѣ и нашъ командиръ ушелъ, роту же принялъ поручикъ Кл., шуринъ ушедшаго.

Въ іюнѣ 1812 года прочли намъ Высочайшій манифестъ, а черезъ короткое время, совершенно неожиданно, мы увидѣли и столкнулись съ непріятелемъ.

Случилось это во время гулянья въ публичномъ саду, гдѣ всѣ беззаботно веселились: иной куртизанилъ въ густой аллеѣ съ паненкой, другой курилъ сигару, запивая пуншемъ. Я слушалъ нашихъ музыкантовъ, бывшихъ тогда лучшими въ арміи.

Вдругъ имъ приказано было какъ можно скорѣе идти въ паркъ; ничего не подозрѣвая, я вошелъ въ шатеръ генерала Костенецкаго, сидѣвшаго съ нѣсколькими артиллерійскими офицерами. Мимо спѣшили кучками гуляющіе, и я, выйдя изъ шатра, замѣтилъ почти однихъ только поляковъ, шептавшихъ на ухо что-то одинъ другому. Въ десять минутъ садъ опустѣлъ; какое-то странное безмолвіе заступило мѣста веселья. Возвратясь въ шатеръ, я разсказалъ о томъ, что видѣлъ и слышалъ. Въ это же время вошелъ человѣкъ лѣтъ 50-ти, въ синемъ сюртукѣ, съ двумя Екатерининскими медалями на груди. „Господа, вы ничего не знаете?!“ сказалъ онъ громко. „Французы близъ Вильны, я ушелъ изъ Ковно, бросивъ жену польку и дѣтей“...

Взглянувъ на всѣхъ насъ и примѣтя генерала, онъ обратился къ нему: „Ваше превосходительство, возьмите меня съ собою въ

Библиотека "Руниверс"

армію!.. Посмотрите, что все это значитъ, видите ли, какъ презрительно поглядываютъ на насъ поляки?.. О, они давно ждали этихъ гостей"!

„Развѣ вамъ неизвѣстны слухи, что Наполеонъ намѣревается возстановить Польшу и освободить нашихъ крестьянъ? О, онъ ошибется, разсчитывая найти русскаго мужика готовымъ измѣнить своему Государю, а бывшіе кой-гдѣ толки о волѣ не пойдутъ на пользу враговъ"...

Въ серединѣ іюня войска непріятеля перешли нашу границу, не объявивъ даже войны. Оттѣснивъ насъ назадъ, 16-го іюня они заняли Вильну.

„Идемъ, сказалъ Костенецкій, посмотримъ, что все это значитъ... неужели"...

Едва я вышелъ изъ сада, какъ увидѣлъ ужасную суматоху.

Русскіе чиновники и купцы бѣжали по улицамъ, иные искали лошадей, экипажи, отправляли женъ, дѣтей, собирали свой скарбъ. Полковыя тяжести и лазаретные фургоны тянулись въ безпорядкѣ за городъ. Евреи запирали лавки, жители—свои дома.

Тутъ скакали гусары, тамъ казаки неслись съ длинными своими пиками...

Я поспѣшилъ въ свою квартиру. Денщикъ мой, Андреяшка, живо надѣлъ на меня ранецъ, далъ киверъ, знакъ и, схватя чемоданъ, пустился бѣжать на Погулянку, гдѣ рота наша была уже вся собрана. Ожидали приказанія куда идти. Пѣхота скорымъ шагомъ шла соединиться со своими корпусами, конница вытягивалась длинными линіями.

Вотъ подъѣзжаетъ ко мнѣ бригадный командиръ и приказываетъ: „Суханинъ, надѣньте на передки! Идите съ 4-мя орудіями за мною"!

Онъ провелъ меня въ линію Павловскаго и Екатеринославскаго полковъ, гдѣ приказалъ явиться графу П. А. Строганову. Все это было дѣломъ одной минуты.

Смеркалось, все стихло, казалось, на войска сошелъ какой-то страшный и величавый духъ...

— Заряжены ли у васъ, молодой офицеръ, орудія?—спросилъ меня генералъ Цвиленевъ, подойдя ко мнѣ со спокойнымъ видомъ.

„Одно гранатою, одно картечью, а остальныя два ядрами, ваше превосходительство", отвѣчалъ я.

„Здравствуй, братъ Суханинъ", сказалъ вдругъ, ударивъ меня по плечу, Екатеринославскій офицеръ,—„вотъ гдѣ мы увидѣлись послѣ корпуса"!

Библиотека "Руниверс"

Какъ радостно въ такія минуты, когда всѣ ожидаютъ чего-то чрезвычайнаго, встрѣтиться со своимъ однокашникомъ.

„Слава Богу, Бѣлавинъ, что я хоть тебя увидѣлъ здѣсь!“ отвѣчалъ я, пожимая ему руку.

Дождь полился на насъ, какъ изъ ушата; я велѣлъ снять съ лафетовъ мѣшки съ овсомъ и, поставя ихъ пирамидально, мы съ Бѣлавинымъ залегли подъ ними, а затѣмъ пустились въ разсужденія о славѣ и величіи Россіи; вспомнивъ же, какъ жестоко страдало населеніе въ мѣстностяхъ, опустошенныхъ непріятельскими войсками, какъ жители въ ужасѣ бѣжали изъ горѣвшихъ своихъ жилищъ, подпаленныхъ врагомъ, какъ просили пощады хотя бы для женщинъ и дѣтей, а вмѣсто состраданія находившихъ лишь грубое насиліе, мы впередъ были увѣрены, что французы дальше ничего не найдутъ, кромѣ покинутыхъ и обгорѣлыхъ развалинъ.

Въ рядахъ гренадеровъ носились слухи, что одинъ только непріятельскій авангардъ состоялъ изъ 80 тысячъ человѣкъ, что подтверждали также Тептярскіе казаки.

Численность же всей непріятельской арміи опредѣлялась значительно больше четырехсотъ тысячъ человѣкъ и 1.200 орудій.

Наполеонъ заявилъ, что „рокъ увлекаетъ Россію къ погибели“, и русскіе будутъ прогнаны въ Азію.

Казаки дрались отчаянно, несмотря на превосходство силъ противника, и этимъ нѣсколько удержали напоръ авангарда, давъ время приготовиться нашимъ войскамъ. Гвардія, первая гренадерская дивизія, 1, 3 и 4 наши корпуса уже соединились.

Часу въ пятомъ утра велѣно было намъ идти на Видзы, гдѣ расположиться бивакомъ.

Къ вечеру слышны были выстрѣлы, къ ночи же казаки привели пять человѣкъ раненыхъ непріятельскихъ офицеровъ и 15 рядовыхъ. Всѣ они были старые служивые, украшенные знаками отличія. Несмотря на наше хлѣбосольство и всѣ заботы, они увѣренно предсказывали неминуемую и совершенную гибель Россіи. Между тѣмъ дождь лилъ третьи сутки и напрасно въ войскахъ старались развести огонь; не было возможности осушиться, и мы, промокшіе до нитки, трясясь отъ холода, благодарили Бога, что непріятель насъ не тревожитъ.

Первая непріятельская армія направлена была на центръ русскихъ силъ, вторая должна была разбить вторую нашу армію, третья—идти въ разрѣзъ между двумя первыми русскими арміями; особыя силы должны были угрожать изъ Курляндіи Петербургу. Наполеонъ былъ въ Вильнѣ на другой день послѣ оставленія ея Императоромъ Александромъ.

Библиотека "Руниверс"

Утромъ, подъ яснымъ и чистымъ небомъ, выступили мы къ назначенной позиціи; мнѣ предстояло быть съ 4-мя орудіями въ редутѣ № 9.

Французы обошли эти укрѣпленія, и мы принуждены были отступить къ г. Витебску, гдѣ разыгралось авангардное дѣло, кончившееся тѣмъ, что у подполковника К. отбили 6-ть орудій, разбили Нѣжинскій драгунскій полкъ, и мы снова ретировались дальше, пока не подошли къ городу Смоленску.

Подъ Витебскомъ французы готовились нанести намъ жестокій ударъ, но ночью мы отошли, и при восходѣ солнца они нашли удобную для нихъ равнину пустою...

Хотя Мюратъ нагналъ дивизію Невѣровскаго, и французы потѣснили насъ, но дальше прорваться имъ не удалось.

Мнѣ очень хотѣлось взглянуть на Смоленскъ, этотъ старинный городъ, и вотъ случилось, что мы съ прапорщикомъ Еф. отъ нашей бригады посланы были съ хлѣбопеками. Подъ этимъ городомъ соединились наши 1-я и 2-я арміи, подошла дивизія Невѣровскаго, силы эти преградили путь къ Москвѣ. Французская же армія остановилась подъ Витебскомъ. Барклай атаковалъ непріятеля, но рѣшительнаго дѣла не произошло. Силы Наполеона сосредоточились противъ нашего лѣваго фланга. Барклай поспѣшилъ тогда къ Смоленску. Отступившій Невѣровскій былъ подкрѣпленъ корпусомъ Раевскаго, и тогда они снова заняли Смоленскъ. Въ Смоленскѣ мы пробыли до тѣхъ поръ, пока корпусъ не двинулся для поиска непріятеля.

Дошедши до гор. Порѣчья и никого не встрѣтя, возвратились мы обратно къ Смоленску. Но въ какомъ видѣ представился онъ намъ...

Подъ Смоленскомъ, для русскихъ позиція была не удобная, и мы стали отступать; городъ же, временно, удерживался Дохтуровымъ. Послѣ 6-го августа, наши войска очистили пылающій городъ. Пламя пробивалось во многихъ мѣстахъ и своимъ заревомъ освѣщало ужасную картину.

Форштадтъ и сады заняты были нашими егерями, три роты 3-ей артиллерійской бригады по всѣмъ направленіямъ били непріятеля, ворвавшагося въ городъ. Мѣстные жители снимали съ убитыхъ оружіе и становились въ ряды воиновъ; священники съ распятіемъ въ рукахъ предшествовали ратникамъ и умирали среди нихъ.

Населеніе бѣжало въ ужасѣ, таща на себѣ свой скарбъ; тутъ я видѣлъ добраго сына, несущаго на себѣ своего дряхлаго отца, тамъ мать пробиралась къ нашей позиціи безопасною тропою, укрывая

Библиотека "Руниверс"

въ охабкѣ своихъ малютокъ, очевидно бросивъ все прочее въ жертву огня и непріятеля.

Гулъ орудій, звукъ трубъ и барабановъ, стонъ раненыхъ и умирающихъ, вопль несчастныхъ обывателей и командныя слова на разныхъ языкахъ...

А сумракъ уже спускался, вызывая во мнѣ страшныя и жуткія картины, настойчиво рисовавшіяся въ моемъ воображеніи подъ впечатлѣніемъ пережитаго. Одно чувство смѣнялось другимъ, и я не зналъ, что со мною дѣлается... Въ такомъ настроеніи я подошелъ къ иконѣ Смоленской Божіей Матери, взятой нами изъ собора и поставленной на отдѣльный зарядный ящикъ 3-ей артиллерійской бригады. Усердно молился я передъ Ней за несчастныхъ жителей...

Едва сталъ я между двумя своими орудіями, какъ увидѣлъ передъ собою чиновника, въ статскомъ мундирѣ, съ ружьемъ за плечами, сидящаго на добромъ сѣромъ конѣ, со сворою собакъ.

„Г.г. артиллеристы, вы, вы одни оспаривали побѣду, закричалъ онъ; пѣхота не устояла; смотрите на наше пепелище“... Тутъ онъ залился слезами, взглянувъ на пылающій городъ и всхлипывая сказалъ: „Г.г. офицеры, Смоленскъ отворилъ Наполеону ворота въ сердце Россіи, и Москва не удержится“... И при этихъ словахъ скрылся.

Какой-то трепетъ прошелъ по мнѣ... Къ чему всѣ эти предсказанія, думалось мнѣ; неужели слава, покровительствовавшая нашему оружію въ прежнее время, теперь лишь мечта...

Когда французы заняли Смоленскъ, тогда русскіе были уже далеко, и непріятелю не удалось разбить насъ, а пришлось идти дальше.

Въ десять часовъ вечера мы отошли отъ города и къ 12-ти по полудни пришли на новую позицію. Здѣсь участвовали въ дѣлѣ только батарейныя роты, и тутъ палъ мой добрый товарищъ Ол., пораженный ядромъ въ ту минуту, когда онъ несъ зарядъ. Его положили на носилки, сдѣланныя изъ ивовыхъ вѣтвей, и перенесли къ иконѣ.

Въ то же время шедшая за нами толпа жителей остановилась, пала ницъ и умоляла о помощи; женщины, дѣти, старцы—всѣ рыдали.

Громко провозглашалъ священникъ вѣчную память убитымъ; горько плакали несчастные передъ иконой; молодая женщина съ грудным младенцемъ своимъ отчаянно бросилась передъ образомъ и кричала: „Матушка, Царица Небесная, за что ты насъ покинула“... Не мало лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, но вся картина

Библиотека "Руниверс"

и слова тѣ свѣжи у меня въ памяти до сихъ поръ, и когда я воспоминаю 12-й годъ, то ясно вижу и чувствую весь ужасъ пережитаго [1])...

Бригада наша была уже впереди, почему вставъ съ прапорщикомъ Дуб. на стремена моего рысака, упершись колѣнами въ сѣдло и обхватя другъ друга, пустились догонять свою роту.

Вечеромъ, сидя у бивачнаго огня, мы разсуждали о ничтожествѣ человѣка и всего происходящаго кругомъ, и вспомнилось мнѣ, какъ за два дня до смерти Ол. я, шутя, предсказалъ ему смерть. Когда мы стояли по сію сторону Днѣпра, противъ Смоленска, онъ былъ посланъ какъ бригадный адъютантъ отъ графа Кутайсова, бывшаго тамъ на батареяхъ, узнать, велика ли потеря въ ротѣ полковника Дитрихса, державшагося около 5-ти часовъ, съ 12-ю орудіями, противъ сильной непріятельской артиллеріи. Исполнивъ порученіе, Ол. возвращался лѣвымъ флангомъ позиціи, гдѣ я сидѣлъ съ трубкою около своихъ орудій. По ошибкѣ, я счелъ его за нашего поручика Греча, а у насъ велась примѣта, что если кто не узнаетъ товарища, тогда тому быть убитому; я это высказалъ Гречу, онъ посмѣялся, сказавъ, что по примѣтѣ я долженъ быть убитымъ въ первомъ же дѣлѣ; я, конечно, опровергалъ его.

Послѣ послѣдняго сраженія, армія наша дѣлала быстрые и трудные переходы, но всегда въ порядкѣ; всякаго продовольствія было въ изобиліи, однако войско начинало тужить, что главнокомандующій—нѣмецъ, не служитъ молебна, не даетъ сраженій, и были такіе, которые называли осмотрительнаго и храбраго Барклая—букою, требовали наступленія.

Придя къ г. Гжатску, мы услышали, что пріѣхалъ командовать арміей Михаилъ Илларіоновичъ Кутузовъ.

Едва новый главнокомандующій показался передъ арміей, какъ

---

[1]) Чудотворная икона Божіей Матери Смоленской, извѣстная также подъ наименованіемъ Одигитріи (т. е. путеводительницы), является священнымъ памятникомъ 1812 года.

Съ августа до ноября упомянутаго года, она возилась на передкѣ 1-го орудія батарейной № 3 роты 3-ей артиллерійской бригады, и передъ нею войсковыя части совершали молебны, бывали ею же благословляемы, отправляясь въ бой. Войсковая часть эта теперь называется 1-ой батареей 13-ой артиллерійской бригады. Первоначально икона Одигитріи находилась надъ воротами крѣпостной стѣны г. Смоленска, въ Днѣпровской башнѣ, а въ 1728 г. поставлена была въ устроенную надъ этими воротами церковь. Икона эта списана въ 1602 г. съ чудотворной иконы, находящейся въ Успенскомъ Смоленскомъ соборѣ и написанной Св. Евангелистомъ Лукою, съ лика Богоматери.

Библиотека "Руниверс"

всѣ побѣжали ему навстрѣчу и отъ радости кричали ура. Кутузовъ поставленъ былъ въ главѣ армій благодаря народному голосу, но онъ, какъ говорили, не столько надѣялся побить столь сильнаго врага, какъ перехитрить его.

24-го августа мы пришли на позицію къ селу Бородину. Пѣхота, конница и артиллерія—заняли свои мѣста, а нѣкоторыя батарейныя роты поставлены въ редуты.

Кутузовъ съ корпусными командирами и своимъ штабомъ осмотрѣлъ позиціи, какъ нашу, такъ и непріятельскую. Ни съ одной стороны не было слышно выстрѣловъ, было все тихо, но тишина эта напоминала ту, какая бываетъ передъ бурей.

25 числа было небольшое авангардное дѣло, скоро прекратившееся.

Мы сѣли вокругъ нашего прежняго командира—полковника Глухова, чтобы послушать о многочисленныхъ приключеніяхъ, случавшихся во многихъ его походахъ; три штурмовые креста и Георгій украшали грудь героя и показывали, что онъ участвовалъ въ турецкой и польской кампаніяхъ, а также въ послѣдней войнѣ съ французами, подъ Прейсишъ-Эйлау.

Такъ время подошло къ ужину, и котелки со щами очищены были мигомъ за нашею товарищескою бесѣдой. Одинъ молодой офицеръ Зеленинъ сидѣлъ задумавшись и ничего не ѣлъ; замѣтивъ это, полковникъ пытался его развлечь, но все оказалось тщетнымъ.

— Бѣдняжка,—сказалъ онъ въ полголоса сидѣвшему возлѣ капитану Шишкину, онъ будетъ завтра убитъ. Была ли то вѣра въ фанатизмъ, но опытный глазъ пріучался видѣть ту печать неизбѣжной смерти на лицѣ человѣка, улавливаемую особенно старыми боевыми товарищами, которая являлась предвѣстницей незадолго до послѣднихъ минутъ жизни.

Зеленинъ не слыхалъ тѣхъ словъ, но точно почувствовалъ, что его жалѣютъ и, стараясь ободриться, вышелъ изъ нашей компаніи. Мы также встали и едва начали расходиться, какъ онъ подошелъ къ моему брату, съ которымъ былъ очень друженъ, и сталъ просить его принять въ знакъ памяти новую ситцевую рубашку. Братъ надѣлъ ее и, взявъ огромную трубку, началъ комически представлять попа, желая развеселить и успокоить товарища; однако попытка эта оказалась напрасной.

Съ наступленіемъ темноты я легъ спать подъ зарядным ящикомъ, а рано утромъ насъ разбудили выстрѣлы батарейныхъ орудій, гремѣвшихъ со всѣхъ сторонъ.

Кутузовъ приказалъ отслужить молебенъ въ виду всего войска, и увидя вьющуюся надъ иконой птицу—предсказалъ побѣду. Хорошо

Библиотека "Руниверс"

быть ученымъ, еще лучше быть опытнымъ; онъ возбудилъ бодрость духа въ душѣ русскаго человѣка.

Приложась къ иконѣ, я глядѣлъ на солдатъ, благоговѣйно подходившихъ послѣ меня. О, вѣра! Какъ животворна и чудесна твоя сила! Я видѣлъ, какъ солдаты, подходя къ образу Пресвятой Дѣвы, разстегивали мундиры и, снимая съ креста или образка послѣднюю монету свою, отдавали на свѣчи. Я чувствовалъ, глядя на нихъ, что мы не уступимъ непріятелю поля брани; казалось, помолясь, каждый изъ насъ получалъ новыя силы; живой огонь въ глазахъ всѣхъ изображалъ увѣренность съ Божіей помощью преодолѣть врага; каждый отходилъ какъ бы вдохновленнымъ и готовымъ къ бою, готовымъ умереть за свою родину. Москва только въ 110 верстахъ, какъ не заслонить ее грудью своею! Въ рядахъ нашихъ много было еще старослуживыхъ, помнившихъ Италійскій походъ, слава побѣды свѣжа была въ ихъ сердцахъ!

Укрѣпленіе мѣстности при Бородинѣ сдѣлано было спѣшно. Болѣе сильной позиціей являлся нашъ лѣвый флангъ, куда непріятель и повелъ атаку.

26-го августа онъ наступалъ здѣсь всею массою.

Громъ орудій усиливался; кавалерія кинулась въ атаку.

Въ два часа по полудни полковой квартирмейстръ Толь приказалъ своему адъютанту вести нашу роту на линію.

На половинѣ пути адъютантъ былъ убитъ; мы примкнули къ корпусу Дохтурова, стоявшему въ самомъ центрѣ арміи.

Не было возможности выстроить батарею въ прямую линію, такъ какъ убитые и раненые люди и лошади лежали грудами.

Едва мы успѣли сняться съ передковъ, какъ у моего единорога былъ убитъ канониръ и ранило штабсъ-капитана Таландера, съ нѣсколькими рядовыми; сорванною головою своего фейерверкера поручикъ Клиберъ былъ сбитъ съ ногъ (въ другой разъ пуля сплющила у него часы).

Я навелъ два свои орудія въ строившуюся противъ насъ колонну и сталъ у праваго колеса, чтобы видѣть дѣйствіе выстрѣла, но въ эту минуту былъ опрокинутъ... Что это? Не раненъ ли я? Фейерверкеръ Есафовъ, улыбаясь, глядѣлъ на меня: „не удивляйтесь, ваше благородіе, на Вострилова, онъ васъ оттолкнулъ отъ гранаты!..“

Я взглянулъ возлѣ себя и увидѣлъ двухъ солдатъ, убитыхъ осколками гранаты...

Кутузовъ перевелъ съ праваго фланга корпусъ Багговута въ помощь второй арміи и выслалъ казаковъ и кавалерію Уварова въ обходъ лѣваго фланга французовъ. Семеновскія высоты были глав-

Библиотека "Руниверс"

нымъ пунктомъ позиціи, но подъ вечеръ мы принуждены, были оставить ихъ.

Отъ шума, крика, грома орудій и дыма, я не замѣтилъ, какъ рота надѣла на передки и пошла въ резервъ; я продолжалъ еще пальбу, когда ефрейторъ Петровъ доложилъ, что мы остались одни съ двумя орудіями.

Въ это время конная гвардія и кавалергарды пошли въ атаку, подъ командой самого Барклая. Между моими орудіями бѣжали егеря съ ружьми на перевѣсъ и кричали „ура! впередъ! молодцы!"

Не успѣлъ я сняться и присоединиться къ своимъ, какъ наша кавалерія и егеря прогнали французскихъ кирасиръ, и мы подвинулись впередъ, почти на ихъ позицію.

Нѣкоторые французскіе кирасиры прорвались кучками черезъ интервалы и заскакали въ нашъ резервъ: здѣсь они взяты были въ плѣнъ.

Разстройство нашей роты было чрезвычайное; мы потеряли свыше 50 человѣкъ и 20 лошадей; многіе зарядные ящики оказались пробитыми, передки и лафеты переломаны...

Потери наши подъ Бородиномъ насчитывали до 40 или 50 тысячъ человѣкъ, но не меньше убыло и у французовъ.

Жажда мучила меня нестерпимо и, несмотря на свое изнеможеніе, я бросился къ колодцамъ, гдѣ шла перевязка раненыхъ, но подойти къ нимъ было нельзя изъ-за массы лежавшихъ людей.

Воротившись къ товарищамъ, я обрадовался несказанно манерочной крышкѣ чаю, который приготовилъ намъ всегда заботливый поручикъ Кл.

Напившись чаю и подкрѣпившись виномъ, начали мы между нами разсказы о пережитомъ въ послѣднемъ сраженіи; сраженіе не было рѣшительнымъ, и мы предполагали возобновить его на другой день; большія потери, однако, принудили отступить. Пересмотрѣвъ раненыхъ и братски простившись съ отправляемыми въ Москву, мы разошлись по полкамъ, чтобы узнать, что происходило въ нихъ. Потомъ я пошелъ въ роту Глухова, гдѣ увидѣлъ только шесть орудій и двухъ офицеровъ. „Гречъ пропалъ безъ вѣсти, а Зеленинъ убитъ", сказалъ штабсъ-капитанъ Богдановичъ... И вспомнилось мнѣ предсказаніе стараго боевого служаки-полковника Глухова.

Вскорѣ остальныя орудія начали подходить къ ротѣ, и подпоручикъ Сегуновъ 2-й, со слезами на глазахъ, показалъ намъ на запасный лафетъ, на которомъ лежало тѣло Зеленина. Сердце—вѣрный вѣщунъ, подумалъ я, и подошелъ къ покойному, отдать свой послѣдній поцѣлуй.

Библиотека "Руниверс"

Наполеонъ потерялъ въ этомъ сраженіи болѣе 50 тысячъ человѣкъ, а съ нашей стороны потери были немногимъ меньше. Но что было всего важнѣе—это то, что послѣ Бородинской битвы непріятельская армія окончательно пала духомъ, хотя побѣда на полѣ брани осталась за нею, и къ Москвѣ путь былъ свободенъ.

Едва я отошелъ отъ Зеленина, какъ меня зовутъ въ роту, гдѣ получаю приказаніе отправиться въ Москву отыскать генералъ-провіантмейстра Ховена и на третій день къ утру доставить ротѣ сухарей и фуражъ на Воробьевы горы, гдѣ предполагали дать сраженіе.

Тотчасъ сѣвъ на раненаго своего коня, я поскакалъ въ Москву. Къ четыремъ часамъ подъѣхавъ къ городу, я увидѣлъ, что черезъ заставу проходитъ множество подводъ съ ранеными и тяжестями; рѣшивъ проѣхать окольной тропинкой, пролегавшей черезъ валъ, я находился уже у его подошвы, какъ вдругъ наскочили на меня ратники, сдернули съ коня, и несмотря на мои объясненія и сопротивленіе они повели меня подъ конвоемъ къ генералу Койленскому; просмотрѣвъ мои бумаги, этотъ послѣдній приказалъ меня пропустить.

28-го и 29-го я былъ въ Москвѣ. Отыскать генерала Ховена въ большомъ городѣ никакъ не удалось. Люди, съ которыми я встрѣчался, съ любопытствомъ старались узнать—чѣмъ окончилось Бородинское сраженіе, и каково намѣреніе Кутузова насчетъ Москвы. Они приглашали меня къ себѣ, разспрашивая обо всѣхъ подробностяхъ битвы, а купцы снабжали всѣмъ нужнымъ и радушно угощали.

Суханинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 г.г.

Глава XVII [1]).

На Балканахъ разгорался пожаръ, атмосфера сгущалась, и я опять возвращаюсь къ тому, о чемъ уже говорила раньше: славянамъ жилось бы весьма не дурно подъ эгидой оттоманской короны, если бы не интриги тѣхъ державъ, которыя упорно пробиваются черезъ ихъ головы къ заманчивымъ берегамъ Средиземнаго моря.

Принято думать, что борьба идетъ за обладаніе древней Византіей и проливами—нѣтъ! „восточный вопросъ“ уже давно перемѣстилъ свой центръ тяжести: правда, что греки еще мечтаютъ снять полумѣсяцъ съ Ая-Софія, но для континентальныхъ государствъ Салоники, напримѣръ, куда соблазнительнѣй Босфора и Дарданеллъ.

Послѣ майскаго переворота на аренѣ общественной жизни страны все пошло сразу ускореннымъ темпомъ.

Утромъ 4 іюня представители державъ получили отъ Высокой Порты увѣдомленіе въ слѣдующей редакціи: „минувшей ночью сверженный султанъ, Абдулъ-Азисъ, принимая по обыкновенію раньше, чѣмъ отойти ко сну, горячую ванну, въ припадкѣ жестокой меланхоліи вскрылъ себѣ пульсовыя вены на рукахъ съ помощью

---

[1]) См. „Русск. Стар.“ январь 1912 г.

Библиотека "Руниверс"

маленькихъ туалетныхъ ножницъ, вслѣдствіе чего истекъ кровью и скончался"...

Кто не читалъ множество разъ о только что упомянутомъ мною, но въ болѣе интересной формѣ, а главное сдѣланномъ болѣе умѣлымъ перомъ, чѣмъ мое—слѣдовательно, нѣтъ даже основанія повторять то, что давно извѣстно каждому и безъ меня, а потому я опять перехожу на личныя впечатлѣнія.

Итакъ, ушелъ съ житейской сцены и отправился въ рай Магомета фатальный Абдулъ-Азисъ, убѣжденный сторонникъ Россіи—какая еще новость могла быть пріятнѣй для „нѣжнаго" сердца Дизраэли, лорда Биконсфильда?

По сигналу отъ него ради отвода глазъ такъ называемая „турецкая пресса" съ бѣшенымъ ликованіемъ опрокинулась на трупъ несчастнаго султана и, вытащивъ его изъ кровавой ванны, учинила надъ нимъ свои ужасныя поминки; точно и дѣйствительно писали тогда въ газеты не жалкіе репортеры, которымъ сэръ Элліотъ платилъ отъ строки, а настоящіе демоны изъ ада. Восхищенію не было границъ, такъ какъ со смертью Абдулъ-Азиса русская дипломатія получала шахъ и матъ на берегахъ Босфора, откуда раньше ореолъ нашего величія подобно маяку освѣщалъ балканскимъ народамъ ихъ темный путь.

Боже мой! какъ будто все это случилось только вчера—такъ живо рисуются въ памяти мельчайшія подробности той печальной эпохи, когда наше дѣйствительно правое дѣло перешло въ руки къ человѣку, безумно и страстно ненавидѣвшему, славянство вообще, но Россію въ частности.

Тогда поднялась изъ омута вся чуждеядная накипь въ странѣ, чтобы закидать насъ грязью; изъ того же источника сыпались угрозы съ проклятіями по адресу Игнатьева, а также и генерала Черняева, уже выступавшаго на арену непосильной борьбы.

Памфлеты и каррикатуры проливались дождемъ въ толпу: ихъ расклеивали на стѣнахъ домовъ, мечетей и даже султанскихъ дворцовъ. Одно изъ такихъ произведеній живописи и остроумія по преимуществу нравилось уличной публикѣ: рисунокъ изображаетъ [1]) покойнаго султана какъ бы воспарившаго въ поднебесье и сидящаго верхомъ на полумѣсяцѣ; правой рукой онъ дѣлаетъ „селямъ", а лѣвой протягиваетъ ножницы фигурѣ, стоящей на крышѣ Долма-Бахче—внизу подпись:

„Вознесеніе въ рай Магомета" и діалогъ, который перевожу

---

[1]) Онъ сохраняется у меня и по сіе время.

Библиотека "Руниверс"

здѣсь à la lettre: „Московъ-султанъ:—ну, куда же ты забрался, мой вѣрный другъ? Полно дурачиться—слѣзай, а то безъ тебя всѣ меня обижаютъ. Московъ-визиръ:—однако, ваше московское величество, вы ужаснѣйшій эгоистъ: очень надо мнѣ изъ-за какихъ-то славянъ ломать себѣ ноги, спускаясь внизъ! Займитесь-ка лучше операціей венъ,—ножницы вотъ кстати! Могу также оказать вамъ протекцію для входа въ рай"...

Прозвище „московъ-султанъ", данное генералу Игнатьеву народнымъ юморомъ, и „московъ-визиръ"—Абдулъ-Азису, чрезвычайно характерно опредѣляло тогда степень могущества нашего представительства въ Оттоманскомъ государствѣ, хотя истина требуетъ сказать, что друзей мы никогда тамъ не имѣли: былъ только „страхъ", а затѣмъ и этого не стало...

Газетныя сплетни константинопольской печати, въ которую за турокъ писали подонки и отбросы пришлаго населенія, словно ядовитая зараза проникали всюду, разжигая страсти и возбуждая фанатизмъ мусульманъ, что и требовалось согласно директивамъ изъ Сенъ-Джемскаго кабинета.

То было кошмарное время для нашего самолюбія: все русское оплевывалось съ удивительной яростью и служило объектомъ для самой подлой въ мірѣ клеветы, забрызганной слюной бѣшеной собаки.

Я покидаю берега очаровательнаго Босфора и переселяюсь опять въ глубь страны, гдѣ мнѣ пришлось наблюдать ходъ историческихъ событій въ другомъ освѣщеніи.

На слѣдующее утро послѣ раута въ конакѣ у Кіамиль-паши, во всѣхъ христіанскихъ церквахъ было назначено молебствіе о здравіи новаго султана.

Всѣ консулы получили телеграфное предписаніе быть на богослуженіи въ парадной формѣ и находиться каждому въ своей ложѣ подъ охраной кавасовъ.

Вынужденная стеченіемъ обстоятельствъ присутствовать на торжествѣ, какъ и всѣ члены семьи консульскаго персонала, я отправилась туда съ дядей и тетей, сопровождаемые нашимъ Али, который былъ прямо великолѣпенъ въ бѣлой, накрахмаленной албанской юбкѣ, въ голубой зуавкѣ съ откидными рукавами, расшитой пестрыми узорами и въ огромномъ, красномъ тарбушѣ, украшенномъ страусовымъ перомъ.

Каѳедральный греческій соборъ, куда мы явились, блисталъ огнями люстръ и паникадилъ; на хорахъ дамы въ шикарныхъ нарядахъ, духовенство въ парадныхъ ризахъ, греки празднично

Библиотека "Руниверс"

разодѣтые, а большинство даже въ національныхъ, живописныхъ костюмахъ, въ широчайшихъ фустанеллахъ, съ фесками на головахъ и гетрами до колѣнъ; внушительная турецкая стража для наблюденія за порядкомъ—словомъ, картина толпы, наполнявшей храмъ, представляла собой эффектное и слишкомъ оригинальное для нашего русскаго глаза зрѣлище въ домѣ молитвы.

Но меня угнетали совсѣмъ другія мысли и чувства, далеко не религіознаго содержанія: наканунѣ, послѣ раута я вернулась домой, озаренная свѣтлой надеждой, и собиралась, испросивъ предварительно разрѣшенія тетушки, повидаться утромъ съ Элиме, вполнѣ увѣренная, что она уже имѣла передать мнѣ дорогую вѣсточку отъ любимаго существа—какъ вдругъ, вмѣсто того ироніей судьбы пришлось молиться за Мурада V.

Дьяконъ, причесанный, умытый на этотъ разъ, вѣроятно изъ уваженія къ новому султану, громко, ясно, не перевирая даже словъ, что казалось прямо удивительнымъ, возгласилъ прошеніе „о здравіи Падишаха-Калифа Ислама и государя христіанъ, державѣ его подвластныхъ“, а хоръ пѣлъ въ унисонъ: „многая лѣта!“

Въ заключеніе митрополитъ Адріанъ обратился съ назидательной рѣчью къ чадамъ православной церкви, убѣждая ихъ радоваться событію, жить въ мирѣ и добромъ согласіи съ турками, не нарушать вѣковой дружбы съ ними, повиноваться законамъ Имперіи и любить Мурада V.

Когда окончился молебенъ, публика стала расходиться, оглашая воздухъ, какъ и всегда, концертомъ дикихъ звуковъ.

На площадкѣ передъ соборомъ шумѣла, волнуясь, огромная толпа мальчишекъ, городскихъ парней и рыбаковъ; трещали петарды, хлопушки, ружейные залпы, безъ чего на Востокѣ и праздникъ не въ праздникъ. Несмотря на яркій, солнечный день взвивались ракеты, а нѣкоторыя изъ нихъ, пущенныя озорниками прямо въ публику съ мѣткостью достойной призовой награды, обжигали цвѣты и перья на дамскихъ шляпахъ, хотя, правда, безъ всякаго ущерба для физіономій; но этимъ рѣшительно никто не возмущался и даже апплодировали героямъ.

Аристархъ Мильтіади, какъ представитель самой многочисленной народности въ Хіосѣ, принялъ на себя иниціативу по устройству грандіознаго банкета въ честь праздника сверженія тирана Абдулъ-Азиса, подъ скипетромъ котораго онъ, тѣмъ не менѣе, нажилъ милліоны.

— Надо быть солидарными въ радости съ турками, трогательно улыбаясь, говорилъ онъ, приглашая насъ слѣдовать за нимъ.

Библиотека "Руниверс"

— А чему радуются турки — mille million de bombardes?!— съ неизмѣннымъ апломбомъ вмѣшался знатокъ по части французскаго діалекта, извѣстный уже читателю Григораки Кундури.

— Ну, не все ли равно чему? лишь бы намъ было хорошо, а тамъ, чортъ ихъ возьми совсѣмъ! — отвѣтилъ греческій консулъ и, понижая голосъ, добавилъ:

— Я еще вчера получилъ конфиденціальное увѣдомленіе, что Мидхатъ-паша склоняется въ пользу автономіи Архипелага—такимъ образомъ наша гегемонія будетъ здѣсь обезпечена, а дальше... во всякомъ случаѣ звѣзда древней Византіи еще не угасла въ лучахъ полумѣсяца... [1]).

— И я также имѣю чрезвычайно пріятныя новости, — хлопая по карману, отозвался Карава, непогрѣшимый истолкователь грядущихъ событій, а потому глаза всѣхъ его друзей съ необычайно жаднымъ вниманіемъ устремились къ нему. Польщенный всеобщимъ довѣріемъ, хіосскій оракулъ не замедлилъ подѣлиться съ любознательными согражданами запасомъ свѣдѣній, добытыхъ изъ вѣрнѣйшихъ источниковъ Константинопольской биржи и отъ имени Мидхатъ-паши наобѣщалъ имъ такъ много прекрасныхъ вещей, что у нихъ даже головы закружились, какъ бы отъ шампанскаго.

Но, Боже мой! сколько же богатыхъ перспективъ открывались тогда для чужеяднаго элемента, прочно осѣвшаго на организмѣ „господствующей“ якобы расы въ странахъ Ислама!.. И дѣйствительно, если говорить справедливо, развѣ турокъ хозяинъ своей земли? развѣ онъ пользуется естественнымъ правомъ каждаго распоряжаться собственнымъ имуществомъ, да еще завоеваннымъ его же кровью?! Какъ далеко отъ дѣйствительности подобное заблужденіе тѣхъ, кто мало знакомъ съ этнографіей Оттоманскаго Востока. Нѣтъ! судьба гордаго побѣдителя обширной Византійской Имперіи уже давно рѣшена, и у себя дома онъ несравненно болѣе угнетенъ, чѣмъ его милые гости. Ну, какъ тутъ не вспомнить покойнаго Ив. А. Хлестакова, увѣрявшаго, что жизнь его проходила „въ эмпиреяхъ“: мы смѣемся надъ нимъ, такъ какъ онъ вралъ, но любой пришлецъ въ гостепріимномъ краѣ, называемомъ Турціей, можетъ повторить, не краснѣя, его безсмертныя слова. И чего ему не достаетъ еще, и чего онъ требуетъ постоянно? Всѣ деньги у него въ карманѣ, торговля, главный нервъ существованія государства, въ его рукахъ, пресса, школы, судъ и даже администрація свои собственные. Но говорятъ, что и этого мало, что надо прогнать турокъ въ Азію.

---

[1]) Игра словъ, такъ какъ эмблема Ислама изображаетъ полумѣсяцъ и звѣзду надъ нимъ.

Библиотека "Руниверс"

Прекрасно! А кто же сядетъ тогда у проливовъ и кто, наконецъ, позволитъ хозяйничать у себя въ домѣ съ тою безцеремонностью, которой нѣтъ названія — ужъ не Вильгельмъ II ли? Поживемъ — увидимъ!..

Глава XVIII.

Съ нѣкоторыми задержками всѣ мы, приглашенные на банкетъ, шли за консуломъ по тѣснымъ улицамъ городка, протискиваясь впередъ сквозь густую массу народа, спѣшившаго къ набережной, гдѣ предполагалось большое гулянье, устроенное Кіамиль-пашою, съ музыкой, фокусниками и даже „Карагёзомъ“ [1])—любимая забава на Востокѣ. Турчанки также, закутанныя въ свои широкіе фередже, отдѣльными группами бродили въ толпѣ, сверкая на прохожихъ черными глазами изъ подъ кисеи бѣлыхъ яшмаковъ.

Хозяйка дома, жена Мильтіади, привѣтствуя насъ добрыми пожеланіями, вдругъ, какъ говорится, „ни съ того-ни съ сего“ захватила меня въ свои объятія и нѣжно прошептала: „Каименэ коріція“, что означаетъ: „бѣдная дѣвочка!“

Я вся похолодѣла, вообразивъ, что она узнала о чемъ-нибудь неблагополучномъ съ Тафти, такъ какъ мѣстному обществу до нѣкоторой степени была извѣстна исторія моего увлеченія, благодаря нескромности Элиме; но оказалось, что доброе сердце гречанки просто хотѣло выразить мнѣ глубокое соболѣзнованіе по случаю фіаско русской политики на Балканахъ...

Такимъ образомъ волна политиканства захватила и хіосскихъ дамъ, прежде совершенно равнодушныхъ вообще къ печатному слову, за исключеніемъ новостей въ журналахъ „Парижскихъ модъ“.

Груды газетъ и экстренныхъ добавленій къ нимъ ожидали гостей въ прохладныхъ, высокихъ аппартаментахъ консульства. Всѣ жадно читали, волновались, спорили, горячились, обсуждая послѣдствія переворота на Оттоманскомъ тронѣ.

Нѣсколько турецкихъ офицеровъ и лицъ администраціи, приглашенныхъ также на банкетъ, въ параллель къ азарту своихъ греческихъ и левантинскихъ сожителей, замѣтно уклонялись отъ темы на злобу дня, больше отмалчиваясь, когда интересовались ихъ мнѣніемъ: они прекрасно понимали, что избавленіе отъ „Московскаго ига“, чему такъ безумно радовалась иностранная пресса, еще

---

[1]) Въ родѣ нашего „Петрушки“.

Библиотека "Руниверс"

не знаменовало собой конецъ рабства и порабощенія ихъ государства. Понималъ это и ультра-либеральный Мидхатъ, но развѣ онъ распоряжался тогда судьбой турецкаго народа?..

— Tiens! господа турки,—обращаясь къ послѣднимъ, громогласно воскликнулъ неугомонный Григораки:

— Какъ вы полагаете, дадутъ намъ автономію? Ventre-Saint-gris, а то мы разсердимся и устроимъ для вашего Мурада ножницы изъ „греческой стали!“ Nom de nom!

Но военные нахмурились и сердито блеснули зрачками.

— Мы уже присягнули его величеству, а дальнѣйшее насъ не касается, холодно и презрительно отвѣтилъ нахалу комендантъ крѣпости.

— O tempora! o mores! ни къ селу-ни къ городу вспомнилъ Цицерона знатокъ крѣпкихъ французскихъ словечекъ и, горестно вздохнувъ, приблизился къ нашему дамскому кружку.

— Mesdames, началъ онъ въ минорномъ тонѣ:—не любите турокъ—они всѣ подлецы и живодеры: n'est-ce pas? mille diables!

— А кто же ихъ любитъ? — спросила толстая Кокинаки, жена плантатора лимонныхъ рощъ:—развѣ только сумасшедшіе люди!

— А, есть, есть такія, даже здѣсь въ Хіосѣ, готовыя промѣнять вѣру отцовъ на красную феску!—кидая по моему адресу слишкомъ прозрачный намекъ, отвѣтилъ Кундури. Я сдѣлала видъ, что оглохла. Становилось душно и шумно отъ разгоравшихся страстей: автономія, равноправіе и, конечно, Игнатьевъ съ Черняевымъ не сходили съ языковъ.

Чтобы избавиться отъ необходимости слушать набившіе мнѣ жестокую оскомину разговоры о политикѣ, я незамѣтно вышла изъ комнаты, спустилась по витой лѣстницѣ на нижній балконъ, облокотилась на перила и ушла далеко, далеко въ свой собственный міръ золотыхъ грезъ на яву.

— Безумно счастливъ видѣть васъ, богиня! — окликнулъ меня знакомый голосъ, и на мою открытую по локоть руку упалъ, точно раскаленный уголекъ, горячій поцѣлуй.

Я повернулась лицомъ къ говорившему и встрѣтилась глазами съ Мавробіязи. Присутствіе его на праздникѣ меня поразило: нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ онъ уѣхалъ въ Албанію и, какъ любитель сильныхъ ощущеній, принималъ безъ всякаго сомнѣнія горячее участіе въ дѣйствіяхъ инсургентовъ. Стройный, ловкій въ движеніяхъ, гибкій, какъ барсъ, въ роскошномъ, живописномъ нарядѣ арнаута онъ казался даже интереснымъ, и я бы не была женщиной, если бъ не залюбовалась имъ тогда; но его пламенная, глубокая страсть, которую онъ сохранялъ ко мнѣ, и трогала и

Библиотека "Руниверс"

отталкивала меня въ одно и то же время по необъяснимому и непонятному противорѣчію сердца?..

— Андреа!—вскрикнула я, теряя власть надъ собой: — зачѣмъ вы здѣсь? развѣ не боитесь, что васъ арестуютъ?

— Бояться—мнѣ?! вотъ потѣха!—разсмѣялся онъ:—хотите, сейчасъ, немедленно утащу васъ отсюда и увезу на Балканы?..

— Нѣтъ!! благодарю!—попятилась я отъ него, вполнѣ увѣренная, что онъ способенъ былъ даже не задуматься надъ этимъ. И дѣйствительно, его необычайная, львиная отвага нигдѣ не измѣняла ему, выручая порой изъ самыхъ рискованныхъ положеній.

— О, бездушное, подлое женское отродье! вспыхивая какъ порохъ, кинулъ мнѣ Андреа:—будь проклятъ тотъ моментъ, когда я спасъ тебя отъ ножа башибузука, и для кого же?! продолжалъ онъ, уже ничего не соображая, захваченный экстазомъ своего неукротимаго африканскаго темперамента:—хотя бы чортъ унесъ его на войну! и чего сидитъ здѣсь, окаянный? шелъ бы лучше драться съ инсургентами, чѣмъ съ бабами въ гаремѣ! Все равно не быть вамъ его женой: никогда, никогда законы божескіе и человѣческіе не позволятъ православной христіанкѣ совершить такое ужасное дѣло! А если иначе, то я позову его на смертный бой...

Пока онъ говорилъ такъ, мнѣ думалось все время, что тяжелые камни падали съ неба и разбивали мое сердце на куски; я даже лишена была способности возражать, такъ какъ слова убѣгали съ губъ, не давая звуковъ.

— Моя „Евгенія“ [1]), ты носишь это имя, — въ страстномъ порывѣ бросаясь на колѣни передо мной, шепталъ онъ:—отзовись на мою любовь—ей нѣтъ границъ! Я умираю безъ тебя!..

Не знаю, какой эпилогъ написалъ бы драматургъ къ этой сценѣ и какъ распорядился бы нами, героями; но извѣстно, что жизнь не всегда спѣшитъ къ развязкѣ дѣйствія и мѣняетъ иногда декораціи раньше, чѣмъ падаетъ занавѣсъ.

Послышались шаги, и въ рамкахъ стеклянной балконной двери обрисовалась фигура моего дяди:

— Ну, чего ты уединяешься? — спросилъ онъ съ досадой въ тонѣ голоса: — да что такое? не заболѣла ли—у тебя прескверный видъ!..

— Да, дѣйствительно, у меня сильно кружилась голова, вѣроятно отъ духоты, а теперь ничего,—говорила я, какъ во снѣ и украдкой оглядываясь по сторонамъ; но Андреа уже не было...

---

[1]) Евгенія по-гречески значитъ „благородная“—здѣсь была игра словъ.

Библиотека "Руниверс"

Глава XIX.

Потрясеніе, испытанное мною, было тѣмъ ужаснѣе, что я отчетливо могла представить себѣ ту степень опасности, которая грозила Тафти со стороны его злѣйшаго врага, принявшаго, видимо, окончательно рѣшеніе не церемониться дальше, а также свое полнѣйшее безсиліе предупредить несчастіе.

Вдругъ меня осѣнила мысль: я вспомнила, что мой старый, вѣрнѣйшій другъ, Хассанъ-ефенди также находился въ числѣ приглашенныхъ у консула, и вотъ именно это обстоятельство давало мнѣ шансъ для интимнаго разговора съ нимъ.

Ободренная надеждой, я преодолѣла себя и вернулась въ пріемную. Тамъ царило по-прежнему экзальтированное настроеніе, бладаря чему никто не обратилъ на меня своего благосклоннаго, исключительнаго вниманія.

Однако мое отсутствіе не продолжалось и часу, но мнѣ самой уже стало казаться, что тамъ на балконѣ я пережила вѣка, а здѣсь проснулась въ другомъ мірѣ.

Съ обѣдомъ, приготовленнымъ французскими поварами изъ клубовъ Смирны, вызванныхъ экстренно для того, еще пока медлили, ожидая съ минуты на минуту Кіамиль-пашу.

Но вотъ вмѣсто него явился секретарь конака, Вафиръ-бей, и принесъ амфитріону массу извиненій, сообщивъ тутъ же о прибытіи депутацій изъ Родоса, какъ и всѣхъ прочихъ острововъ, подвластныхъ Хіосскому пашалыку, и добавилъ, что въ силу таковыхъ обстоятельствъ его превосходительство будетъ лишенъ несравненнаго удовольствія провести время въ домѣ господина Мильтіади.

Конечно, все это говорилось не такъ, какъ я передаю, а языкомъ по обычаямъ Востока цвѣтистаго, образнаго краснорѣчія, правда, слишкомъ вычурно для нашего европейскаго уха, съ добавленіемъ весьма оригинальныхъ метафоръ и сравненій. Но старанія Вафиръ-бея позолотить пилюлю не достигали цѣли: консулъ слушалъ съ ярко выраженнымъ недовѣріемъ въ глазахъ, и чело его хмурилось. А между тѣмъ судьба все-таки благоволила къ нему: вошелъ кавасъ и громко доложилъ, что на рейдъ пришла яхта изъ Самоса съ княземъ и княгиней и что ихъ высочества отправились сначала съ оффиціальнымъ визитомъ къ губернатору, а затѣмъ изволятъ пожаловать на банкетъ.

Здѣсь слѣдуетъ кстати замѣтить—для тѣхъ, понятно, кто этого не знаетъ—что островъ Самосъ еще съ 1832 года автономенъ, платитъ опредѣленную дань Турціи и управляется по назначенію отъ

Библиотека "Руниверс"

Порты христіаниномъ изъ греческой національности, который носитъ пожизненный титулъ „князя Самосскаго".

— Tiens! Теодораки-эфенди и киріа Кліо! — вскрикнулъ Кундури:—ихъ надо непремѣнно пригласить въ нашу компанію—enfer et damnation!

— Ну, разумѣется, — отвѣтилъ хозяинъ съ просіявшимъ лицомъ:—я сейчасъ расцоряжусь, а теперь прошу дамъ и кавалеровъ къ столу — намъ ждать ихъ нѣтъ основаній, такъ какъ, вѣроятно, они уже пообѣдали.

— Sapristi!—болталъ Григораки:—насъ зовутъ къ трапезѣ боговъ—будемъ надѣяться, что кромѣ нектара и амврозіи намъ дадутъ еще чего-нибудь болѣе существеннаго.

Всѣ покатились отъ хохота.

Наконецъ, гости размѣстились вокругъ богато сервированнаго стола, но, по особенностямъ греческаго церемоніала, мужчины отдѣльными группами отъ дамъ.

— Ага! вотъ и Самосскій повелитель! — радостно проговорилъ Мильтіади, кидаясь навстрѣчу сановнику. Вошелъ плотнаго сложенія, небольшого роста грекъ въ черномъ стамбулинѣ съ орденской звѣздой на груди и въ красной фескѣ. Начались взаимныя привѣтствія и разспросы.

— А гдѣ же княгиня?—волновались дамы.

— Сейчасъ будетъ, отвѣтилъ князь, зашла къ Мавро-Кордато повидаться съ теткой.

Вскорѣ явилась и прекрасная Кліо. Это была миніатюрная брюнетка 30—32 лѣтъ не болѣе, вполнѣ изящно одѣтая по самой послѣдней картинкѣ парижской моды. Зато обѣ фрейлины, сопровождавшія ее, произвели на хіосскихъ франтихъ прямо ошеломляющее впечатлѣніе своимъ необычайно страннымъ видомъ, такъ какъ, дѣйствительно, было чему смѣяться и удивляться—только оставался не рѣшеннымъ вопросъ: по какимъ мотивамъ или по чьей фантазіи нарядили Самосскихъ барышенъ въ юбки и корсажи давно минувшихъ лѣтъ, въ кринолины и шляпы кибитки, уже отошедшіе къ тому времени въ область преданій. Но оказалось, что ларчикъ просто открывался: мои же сосѣдки, хорошо знавшія причудливый нравъ княгини, уроженки Хіоса, объяснили мнѣ, что весь этотъ хламъ устарѣвшихъ модъ былъ извлеченъ на показъ изъ сундуковъ давно умершей бабушки для выгоднаго контраста туалета ея свѣтлости съ прежними фасонами. А бѣдныя „модели" конфузились и завистливо посматривали на костюмы современнаго покроя.

Дамы окружили княгиню и занялись мытьемъ косточекъ общихъ съ нею знакомыхъ, а мужчины во главѣ съ княземъ, не обращая

Библиотека "Руниверс"

вниманія на присутствіе мусульманъ, открыли нѣчто въ родѣ конгресса по вопросамъ будущей федераціи Архипелага, якобы обѣщанной имъ Мидхадъ-пашою, горячо обсуждая права гегемоніи надъ союзомъ автономныхъ владѣній.

Мильтіади, какъ представитель независимаго отъ турецкой имперіи государства, предлагалъ сліяніе его съ королевствомъ Греціи, но островитяне возражали, что едва-ли концертъ европейскихъ державъ согласился бы на то, а хіотяне утверждали, что первенствующая роль принадлежала ихъ острову, какъ исключительно заселенному Эллинской націей. Правитель Самоса съ жаромъ отстаивалъ его права на томъ основаніи, что онъ былъ еще во времена Поликрата политически свободнымъ и главенствовалъ надъ всѣмъ Архипелагомъ Эгейскаго моря.

Очаровательная Кліо, желая блеснуть знаніемъ исторіи, томно заговорила:

— Ахъ, Поликратъ!.. Вообразите себѣ,—обращаясь къ своимъ бывшимъ подругамъ, продолжала она:—ему удивительно, какъ везло рѣшительно во всемъ, такъ, напримѣръ, однажды, просто отъ нечего дѣлать, ради скуки онъ бросилъ въ море драгоцѣнный перстень, которому никто не зналъ цѣны, и что же? какая-то большая рыба проглотила его, но сама въ тотъ же день попала къ Поликрату на обѣдъ—такимъ образомъ и здѣсь счастіе не покинуло его!!!...

— Какъ! онъ бросалъ рыбамъ кольца? да неужели? о, Господи!—спрашивали гречанки, не вѣря своимъ ушамъ:—да кто же онъ такой? и вы знавали этого чудака? а вотъ мы, ваши ближайшіе сосѣди, ровно ничего не слыхали о немъ?!... Скажите, давно уѣхалъ изъ Самоса киріе Поликратъ?

— Ахъ, Боже мой!—улыбнулась свѣтлѣйшая наивности хіотянокъ:—все это было давно... давно!..

— Теодоръ!—окликнувъ мужа, спросила она:—не помнишь ли ты, при какомъ султанѣ жилъ Поликратъ? я забыла.

— Онъ жилъ... Это было, душечка... Это до султановъ, кажется, въ древности, до Р. Х... впрочемъ нѣтъ, послѣ... или до?.. запутался въ хронологіи Самоса его свѣтлость:—во всякомъ случаѣ, mon ange, мы съ тобой еще тогда не родились!—весьма удачно отшутился онъ и пересѣлъ подальше отъ любознательной супруги.

Въ кружкѣ левантинскихъ выходцевъ изъ Европы спорили по преимуществу о „вліяніяхъ“ на Босфорѣ и дѣлили попутно Оттоманскую Имперію между собой, при чемъ славянскія земли назначались Австро-Венгріи, берега Сиріи—Франціи, Константинополь—Англіи, конечно; зато экспансивные итальянцы съ пѣной у рта

Библиотека "Руниверс"

не уступали никому Средиземнаго моря. Россію просто игнорировали во вниманіе къ присутствію моего дяди здѣсь же.

О Германіи хотя бы единая душа заикнулась, такъ какъ Вильгельмъ II по малолѣтству еще не зналъ тогда, гдѣ и что плохо лежало. Были даже испанцы, но они ничего не требовали изъ общаго котла, хотя неизвѣстно почему.

Турки съ угрюмымъ выраженіемъ на лицахъ молча слушали и не возражали противъ состоявшагося уже рѣшенія подѣлить ихъ государство.

Е. А. Рагозина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

Эпизодъ изъ сербской кооперації.

Вспоминаю дивный пріемъ меня Императоромъ Александромъ II, въ маѣ 1878 года, по вызовѣ меня изъ Сербіи. Тамъ, состоя при князѣ Миланѣ военно-уполномоченнымъ главнокомандующаго нашею арміею на Балканскомъ полуостровѣ, Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго, я руководилъ всѣми операціями сербскихъ войскъ. Оставляю въ сторонѣ изложеніе историческихъ событій, какъ достояніе военной исторіи, но коснусь личнаго столкновенія съ княземъ Миланомъ Обреновичемъ изъ-за сербской службы подполковника Ефрема Марковича, имъ представленнаго къ награжденію орденомъ Св. Георгія и имъ же разстрѣляннаго, вскорѣ по оставленіи мною Бѣлграда по телеграммѣ изъ С.-Петербурга для сопровожденія графа Шувалова на Берлинскій конгрессъ.

Беззавѣтно храбрый, талантливый и въ высшей степени распорядительный, подполковникъ Ефремъ Марковичъ съ своей бригадой во время войны проявилъ высокую боевую доблесть подъ Акъ-Паланкой и Пиротомъ, но, порывистый въ сужденіяхъ и рѣшеніяхъ, имѣлъ несчастіе неосторожными словами навлечь на себя ненависть князя Милана. Однако, когда я получилъ послѣ овладѣнія крѣпостью Нишемъ, черезъ прибывшаго изъ главной квартиры кавалергардскаго полка ш.-р. Хвощинскаго, порученіе передать отъ имени главнокомандующаго 150 крестовъ ордена за военное отличіе нижнимъ чинамъ сербской арміи, наиболѣе отличившимся, и спросить князя Милана о представленіи офицеровъ къ ордену Св. Георгія, князь во главѣ списка представляемыхъ собственноручно написалъ имя

Библиотека "Руниверс"

Ефрема Марковича. Представленіе пошло въ главную квартиру, а мы въ скоромъ времени вернулись въ Бѣлградъ.

Но здѣсь обстановка измѣнилась. Хорошія стороны характера князя Милана рѣзко перемѣнились къ худшему. Умъ съ шутливымъ сарказмомъ уступили мѣсто крайней подозрительности, безразсудной мстительности, тупой на всѣхъ злобѣ. Вездѣ стали ему мерещиться заговоры и посягательства на его жизнь. Къ сожалѣнію, княгиня Наталія, изъ рода Кешко, женщина пластичной красоты и недюжинныхъ способностей, раньше имѣвшая большое на своего мужа вліяніе, не только его совершенно утратила и допустила въ семьѣ соблазнъ, но и сама страстно увлекалась придворною интригою.

Боевыя доблести были забыты. Все измѣрялось не приносимою пользою, а степенью угодничества и льстивою услужливостью предъ лицомъ князя Милана. Достаточно было обнести кого-либо преданностью Карагеоргіевичамъ, чтобы подвергнуть его жизнь серьезной опасности. Даже тогдашній военный министръ, самъ Савва Груичъ, воспитанникъ нашей Военной Академіи, попалъ въ княжескій списокъ подозрительныхъ. Вотъ при какой обстановкѣ, однажды, обратился ко мнѣ Груичъ, встревоженный и возмущенный, съ сообщеніемъ, что Марковичъ обвиненъ въ государственной измѣнѣ, отданъ подъ военный судъ и вѣроятно на-дняхъ будетъ разстрѣлянъ.

— Ради Бога, говоритъ, помогите, съ Вами князь считается, а безъ Вашего заступничества Марковичъ пропалъ. Жаль чуднаго, способнаго человѣка, отличнаго военнаго. Васъ князь навѣрно послушаетъ, а мое слово не имѣетъ у него никакого значенія.

Черезъ полчаса я уже былъ въ кабинетѣ князя, оживленно со мною бесѣдовавшаго о расчетѣ денежной субсидіи, по счету ли мобилизованныхъ войниковъ, или по числу боевыхъ частей, оперировавшихъ на театрѣ военныхъ дѣйствій. Очень осторожно я коснулся городскихъ слуховъ, по которымъ Ефрему Марковичу будто бы грозитъ смертная казнь. Я говорилъ объ этомъ, какъ о вздорномъ слухѣ, вызывая князя на опроверженіе. Но каково было мое изумленіе, когда князь, вскочивъ, какъ ужаленный, и бѣгая по комнатѣ, мнѣ отвѣчалъ бѣшеною репликою:

— Императорское всероссійское правительство мнѣ дало категорическое заявленіе въ томъ, что оно не будетъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла княжества, и я никому не позволю судить о моемъ управленіи страною. Что-же касается лично до васъ, генералъ, то совѣтую вспомнить примѣръ Карцова [1]) и умѣрить вашу любознательность.

---

[1]) Бывшій генеральный консулъ и дипломатическій агентъ, удаленный изъ Бѣлграда по происками князя.

Библиотека "Руниверс"

Рѣчь князя Милана я привожу вкратцѣ, но она была многорѣчива, прерывистая, бурная и произнесена съ рѣзкимъ подъемомъ голоса. Такую дерзкую выходку нельзя было оставить безъ соотвѣтственнаго отпора, который я старался произнести сдержанно, но отчеканивая каждое свое слово.

— Ваша Свѣтлость ошибаетесь, говоря, что я вмѣшиваюсь во внутреннія дѣла Сербіи. Политика касается Персіани [1]), а я, нося высокое званіе представителя Императорской боевой арміи, требую отъ Васъ, князя Милана сербскаго, отчета въ жизни и чести подполковника Марковича, какъ георгіевскаго кавалера, котораго Вы, очевидно, имѣете намѣреніе поставить къ позорному столбу, чего допустить я не считаю совмѣстнымъ съ достоинствомъ нашего высшаго боевого ордена Св. Георгія Побѣдоносца... Что же касается до Вашего личнаго ко мнѣ обращенія съ частнымъ совѣтомъ, то, чтобы не остаться въ долгу у Вашей Свѣтлости, долгомъ почитаю Вамъ напомнить, что Императорская армія знаетъ и цѣнитъ боевую доблесть Карагеоргіевичей, бившихся въ однихъ съ нею рядахъ, Обреновичей же чтитъ, какъ организаторовъ братскаго народа. Если же Обреновичи будутъ разстрѣливать лучшихъ сербскихъ людей, русская армія ихъ знать не захочетъ.

Какъ облитый изъ ушата холодной водой, князь Миланъ вдругъ стихъ, сѣлъ къ кресло и обратился ко мнѣ въ примирительномъ тонѣ.

— Кажется мы сердимся, а я вовсе не имѣлъ въ виду Васъ чѣмъ-либо задѣть. Скажите, генералъ, чего бы Вы хотѣли относительно Марковича?.

— Чтобы Вы его не разстрѣливали и во всякомъ случаѣ не отказали бы мнѣ, предварительно Вашего рѣшенія, познакомиться съ его дѣломъ.

— Хорошо, я это Вамъ обѣщаю. Однако, зная Вашъ мирный характеръ, я не думалъ найти въ Васъ такого несговорчиваго оппонента.

На этотъ разъ все обошлось благополучно. Но довѣрять князю Милану было бы опасно, почему на слѣдующій же день я снова входилъ въ княжескій конакъ. Я уже проходилъ большимъ заломъ, когда дежурный адъютантъ мнѣ объявилъ, что князь боленъ и видѣть его нельзя.

— Я буду кстати и постараюсь дать полезный совѣтъ. Надѣюсь, что я не стѣсню князя своимъ присутствіемъ, такъ какъ во время войны мы видѣли другъ друга въ разныхъ костюмахъ.

---

[1]) Дипломатическій агентъ нашъ.

Библиотека "Руниверс"

Но адъютантъ не двигался съ мѣста и въ нерѣшительности заявилъ, что ему воспрещено докладывать. Для меня все стало ясно. Князь желалъ мнѣ отплатить за ему данный вчерашній урокъ.

— Какъ мнѣ жаль не видѣть князя. Будьте добры доложить Его Свѣтлости, что съ первымъ пароходомъ я уѣзжаю въ Петербургъ. И, повернувшись, я медленно сталъ удаляться, не спѣша сѣлъ въ экипажъ и приказалъ кучеру медленно ѣхать. Не успѣлъ экипажъ доѣхать до воротъ, какъ на подъѣздъ вылетѣлъ адъютантъ и бѣгомъ приблизился ко мнѣ.

— Его Свѣтлость проситъ Васъ въ кабинетъ, извиняется, что нѣсколько задержитъ, но онъ встаетъ и спѣшно одѣвается.

Черезъ нѣсколько минутъ князь уже входилъ.

— Что случилось, дорогой генералъ, что Вы такъ неожиданно покидаете Бѣлградъ? Имѣете телеграмму изъ Петербурга, вѣроятно, относительно субсидіи?

— Отнюдь ничего подобнаго. Но князь Миланъ отказался принять представителя Императорской арміи, а русскій генералъ не счелъ возможнымъ оставаться въ княжеской резиденціи дольше двадцати четырехъ часовъ.

— Ахъ, Вы все объ этомъ. Какой же Вы злопамятный.

— Извиняюсь за причиненное безпокойство, но смѣю увѣрить, что все обѣщанное будетъ точно и своевременно исполнено. Теперь же прошу позволенія Вашей Свѣтлости затронуть щекотливый вопросъ о выясненіи нашихъ дальнѣйшихъ отношеній, нѣсколько запутавшихся послѣдними событіями. Простите за прямизну и откровенность солдата. Въ теченіе всей войны я имѣлъ нѣсколько случаевъ свидѣтельствовать о корректномъ способѣ дѣйствія главнокомандующаго сербскими войсками; но что я могу отвѣтить теперь, когда меня спросятъ въ Петербургѣ, на что можно разсчитывать по отношенію боевой силы княжества. Обстоятельства измѣнились. Значеніе Сербіи будетъ измѣряться не численностью мало организованныхъ и почти не обученныхъ войсковыхъ частей, а отборнымъ корпусомъ, способнымъ къ маневрированію и выполненію боевыхъ задачъ. Это разъ, а во-вторыхъ, не малую для меня заботу составляетъ вопросъ, какъ самъ князь Миланъ будетъ относиться къ общеславянскому дѣлу въ случаѣ, если политическія осложненія вновь выдвинутъ вопросъ о поддержаніи верховныхъ государственныхъ интересовъ вооруженною рукою.

— Но, дорогой генералъ, я вполнѣ съ Вами согласенъ и ничего не имѣю противъ реорганизаціи нестроевыхъ полчищъ въ отборный корпусъ. Въ подробностяхъ согласитесь съ генераломъ Протичемъ, и дѣло будетъ сдѣлано.

Библиотека "Руниверс"

— Я просилъ бы Васъ высказаться и по второму вопросу.

— Ну, да! Я разумѣется безпредѣльно признателенъ, и лично за себя, и за княжество, за великодушную помощь Всероссійскаго Императора и ищу только случая, чтобы доказать это на дѣлѣ.

— Всегда съ благодарностью вспоминая постоянно милостивое Ваше ко мнѣ расположеніе во все время войны, я позволилъ себѣ набросать черновое письмо отъ Васъ на Высочайшее имя Государя Императора въ такихъ выраженіяхъ, которыя могли бы лечь въ основаніи дальнѣйшихъ отношеній. Если Ваша Свѣтлость разрѣшите, я прочту письмо, набросанное въ записной книжкѣ.

— Прошу Васъ.

Я медленно и съ остановками прочелъ набросокъ чернового письма [1]).

— Вполнѣ все одобряю, и Вы смѣло можете доложить Императору, что таково мое глубокое убѣжденіе.

— Но въ такомъ важномъ дѣлѣ недостаточенъ словесный докладъ. Необходимъ неопровержимый фактъ. Необходимо письмо Вашей Свѣтлости, если возможно, собственноручно написанное такъ же, какъ было сдѣлано представленіе о георгіевскихъ кавалерахъ.

— Оставьте мнѣ письмо, и я взвѣшу всѣ его выраженія.

— Прошу извинить, но способъ выраженія не такъ важенъ, какъ сущность дѣла. При томъ же я не дипломатъ, не аккредитованъ при правительствѣ Вашей Свѣтлости и потому боюсь выйти изъ рамокъ моихъ обязанностей и быть можетъ подать поводъ къ нареканію, что вмѣшиваюсь во внутреннія дѣла княжества.

— Какой вы злой. Ну, хорошо. Будьте покойны, до Вашего отъѣзда въ Петербургъ письмо будетъ готово.

— Приношу Вашей Свѣтлости глубочайшую признательность и за себя, и за все славянство.

Хотя послѣ этого я оставался въ Бѣлградѣ еще около двухъ недѣль, но разговоръ по этому предмету не возобновлялся; а Груичъ передавалъ, что судебное дѣло объ Ефремѣ Марковичѣ находится у князя для конфирмаціи приговора.

Предъ самымъ отъѣздомъ я напомнилъ князю и объ его обѣщаніи не рѣшать участи Марковича, не выслушавъ предварительно меня, и объ обѣщанномъ письмѣ на имя Государя Императора. Въ отношеніи перваго князь просилъ не безпокоиться за жизнь Ефрема Марковича; а о письмѣ отозвался, что онъ много о немъ ду-

---

[1]) Письмо было мною напечатано въ оригиналѣ и съ переводомъ на русскій языкъ въ моей книгѣ „Въ Сербіи“.

Библиотека "Руниверс"

малъ, но не рѣшается его дать, боясь слишкомъ связать себѣ руки.

Не успѣлъ я доѣхать до Петербурга, какъ Ефремъ Марковичъ былъ разстрѣлянъ.

Черезъ нѣсколько дней я былъ удостоенъ Его Императорскимъ Величествомъ особымъ пріемомъ въ Большомъ Царскосельскомъ дворцѣ. Едва я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по императорскому кабинету, какъ услышалъ въ высшей степени милостивый и ласковый голосъ Государя Императора.

— Здравствуй. Радъ тебя видѣть. Ты знаешь, я вѣрить не хотѣлъ твоимъ телеграммамъ объ успѣхахъ сербскаго оружія. Какъ могло случиться, что сербы вдругъ овладѣваютъ съ боя проходомъ Св. Николая, берутъ Акъ-Паланку, тѣснятъ турецкія войска занимаютъ, Пиротъ, наконецъ Нишъ!?

— Лестныя слова Вашего Императорскаго Величества глубоко западаютъ мнѣ въ душу. Съ Божіей помощью, мнѣ удалось достичь того, что сербы меня слушались. Примѣняя основныя требованія военнаго искусства, я старался ихъ сосредоточивать массами на важнѣйшихъ пунктахъ, и Господь даровалъ намъ побѣду. Правда и то, что Плевна притянула къ себѣ большую часть лучшихъ турецкихъ войскъ; на сербской границѣ оставались таборы редифа; но и они для сербовъ представляли серьезную опасность. Позднѣе грознымъ противникомъ явился талантливый Хажызъ-паша, но къ этому времени духъ сербскихъ войскъ окрѣпъ, и онѣ уже стали драться одинъ на одинъ.

Опускаю дальнѣйшія выраженія Монаршей милости, такъ какъ оныя относились до меня лично. Всѣмъ своимъ существомъ я благоговѣлъ предъ неисчерпаемымъ ко мнѣ благоволеніемъ, чувствовалъ себя награжденнымъ свыше заслугъ и былъ счастливъ, какъ никогда.

— Я ждалъ твоего пріѣзда, чтобы рѣшить вопросъ о георгіевскомъ крестѣ. Ты знаешь, я далъ этотъ орденъ румынскому князю Карлу, какъ главнокомандующему румынскими войсками. А какъ, по твоему мнѣнію, слѣдуетъ ли дать Георгія князю Милану?

— Ваше Величество! На-дняхъ я былъ подавленъ вѣроломствомъ князя Милана, но все-таки нахожу справедливымъ дать этотъ высокій орденъ за боевые подвиги, не лично князю Милану, а главнокомандующему сербскихъ войскъ. За что послѣднія останутся безъ награды? Въ такомъ именно смыслѣ и долженъ быть составленъ Высочайшій рескриптъ о пожалованіи.

Библиотека "Руниверс"

— Что ты хочешь сказать о Миланѣ?

Тутъ я передалъ въ общихъ выраженіяхъ трогательную эпопею Ефрема Марковича. По мѣрѣ того, какъ разсказъ подвигался къ кровавой развязкѣ, какъ вырисовывалось вѣроломство князя Милана, мой голосъ становился все болѣе и болѣе прерывистымъ, все сильнѣе дрожалъ, горло спазматически сдавливалось до хрипоты.

— Какая кровожадность, какое жестокое варварство! Я возмущенъ до глубины души отвратительнымъ поступкомъ Милана, взволнованно проговорилъ Государь. Передай отъ Меня Гирсу, онъ долженъ быть здѣсь, чтобы въ этихъ же выраженіяхъ было передано мое негодованіе сербскому правительству.

— Осмѣлюсь доложить, Ваше Императорское Величество, что въ Петербургѣ теперь находится дипломатическій агентъ княжества.

— Да, да, пусть Гирсъ позоветъ его къ себѣ и еще на словахъ подтвердитъ Мое порицаніе звѣрскому поступку, которымъ я глубоко возмущенъ.

Чтобы быть точнымъ, я, испросивъ соизволеніе Государя Императора, тутъ же подробно всеподданнѣйше доложилъ о всѣхъ послѣднихъ событіяхъ въ Бѣлградѣ и всю исторію съ письмомъ.

Опять въ Бѣлградѣ, опять въ княжескомъ конакѣ, но не я, а Персіани въ парадномъ мундирѣ громко читаетъ министерскую бумагу князю Милану, то блѣднѣющему, то багровѣющему, грызущему по обыкновенію свои ногти.

— Вижу, что этимъ я отчасти обязанъ генералу [1]), обратился онъ къ Персіани по окончаніи чтенія.

— Не только отчасти, возразилъ Персіани, а вполнѣ [2]).

Г. И. Бобриковъ.

---

[1]) Je vois le doiglt dlu général.

[2]) Non seulement le doigt, mais toute la main.

Библиотека "Руниверс"

Къ 50-ти лѣтію освобожденія крестьянъ [1]).

„Карловское“ имѣніе Великой Княгини Елены Павловны.

(Посвящается памяти К. Д. Кавелина).

Положенія 19 февраля 1861 г. объ освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ и дворовыхъ людей отъ крѣпостной зависимости, выработанныя редакціонными комиссіями и нѣсколько видоизмѣненныя въ Главномъ Крестьянскомъ Комитетѣ и въ Государственномъ Совѣтѣ — имѣютъ любопытную исторію своего первоначальнаго происхожденія и дальнѣйшаго развитія. Основныя начала, которыя легли въ эти „Положенія“, а именно: выкупъ у помѣщиковъ крестьянскихъ усадебъ и надѣловъ, при помощи правительства, предшествующее этому выкупу переходное состояніе крестьянъ, подъ названіемъ „временно-обязанныхъ“, образованіе у помѣщичьихъ крестьянъ самоуправленія, учрежденіе мировыхъ посредниковъ и крестьянскихъ по дѣламъ присутствій, введеніе въ дѣйствіе „Положеній“ 19 февраля — всѣ эти основныя начала постепенно вырабатывались еще съ исхода 40-хъ годовъ путемъ обмѣна мыслей въ частныхъ и полуоффиціальныхъ кружкахъ литераторовъ, ученыхъ, нѣкоторыхъ дворянъ-помѣщиковъ и немногихъ просвѣщенныхъ государственныхъ дѣятелей и чиновниковъ правительственныхъ учрежденій, главнымъ образомъ въ Петербургѣ и Москвѣ. Мысли объ этихъ началахъ находили себѣ мѣсто въ цѣломъ рядѣ рукописныхъ „Записокъ“, съ половины 50-хъ годовъ полу-

[1]) Статья эта не могла быть помѣщена въ февралѣ прошлаго года.
Ред.

Библиотека "Руниверс"

чившихъ широкое распространеніе среди образованныхъ круговъ русскаго общества и въ правительственныхъ сферахъ. Въ нѣкоторыхъ же „Запискахъ“ намѣчались предварительныя учрежденія для выработки „Положеній“ 19 февраля 1861 г.: мѣстные губернскіе дворянскіе комитеты объ „улучшеніи быта“ крѣпостныхъ крестьянъ и редакціонныя комиссіи при Главномъ Крестьянскомъ Комитетѣ, образованномъ Императоромъ Александромъ II, сначала подъ именемъ „секретнаго“ (1857 г.), а затѣмъ (1858 г.) оффиціально-открытаго учрежденія.

Въ числѣ указанныхъ „Записокъ“ весьма видное мѣсто занимаютъ „Записки“ К. Д. Кавелина, въ особенности его первая „Записка“ 1855 г., обратившая на себя общее вниманіе въ началѣ царствованія Императора Александра II, когда русская общественная мысль была всецѣло занята вопросомъ объ освобожденіи крестьянъ. Эта „Записка“, въ которой развивается необходимость освобожденія крестьянъ съ землею, пріобрѣтенною ими у помѣщиковъ посредствомъ выкупа, а равно и слѣдовавшія за нею хронологически двѣ „Записки“, относящіяся къ 1857 году, напечатаны въ „Сочиненіяхъ“ Кавелина, изд. въ Спб. въ 1898 г. (т. II, с. 9—106). Первая изъ „Записокъ“ 1857 г.: „Мысли объ уничтоженіи крѣпостного состоянія въ Россіи“ написана Кавелинымъ по желанію Великаго Князя Константина Николаевича и составляетъ дополненіе къ „Запискѣ“ 1855 г.; вторая „Записка“ 1857 г. набрасываетъ проектъ того центральнаго учрежденія по освобожденію крестьянъ, которое вскорѣ возникло при Главномъ Крестьянскомъ Комитетѣ подъ именемъ Редакціонныхъ комиссій.

Но кромѣ перечисленныхъ „Записокъ“ имѣются еще два труда Кавелина, посвященные вопросу объ освобожденіи крестьянъ, до сихъ поръ неизвѣстныхъ большой публикѣ: во 1-хъ „Предварительныя мысли объ устройствѣ отношеній между помѣщиками и ихъ крестьянами“ (написано осенью 1856 г.), доселѣ не напечатанный, и во 2-хъ, „Устройство Карловскаго имѣнія Великой Княгини Елены Павловны“. Это „Устройство“, редактированное Кавелинымъ, составлялось въ теченіе трехъ лѣтъ и напечатано съ Высочайшаго соизволенія особой брошюрой въ 1859 г. (Спб. in 8^0, 72 ст., печ. въ типографіи Главнаго штаба Его Величества по военно-учебнымъ заведеніямъ). Брошюра не была въ продажѣ и издана, какъ выражаются въ наши дни, „на правахъ рукописи“, а потому составляетъ въ настоящее время библіографическую рѣдкость. Неизданную „Записку“ 1856 г., которая хронологически занимаетъ мѣсто между „Запиской“ Кавелина 1855 г. и двумя его „Записками“ 1857 г., мы печатаемъ вполнѣ, а „Устройство Карлов-

Библиотека "Руниверс"

скаго имѣнія“ въ извлеченіи, такъ какъ воспроизведеніе его полностью на страницахъ учено-литературнаго журнала являлось бы неподходящимъ, потому что эта брошюра, какъ вообще оффиціально изложенныя законоположенія, отличается оффиціальнымъ слогомъ и обиліемъ цифровыхъ данныхъ.

Чтобы выяснить читателямъ происхожденіе издаваемой „Записки“ и „Устройства Карловскаго имѣнія“, необходимо припомнить нѣкоторыя подробности объ обоихъ этихъ документахъ.

Великая Княгиня Елена Павловна, какъ извѣстно, принимала дѣятельное участіе во всѣхъ реформахъ Императора Александра II, а въ особенности въ освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ, и К. Д. Кавелинъ, въ числѣ многихъ другихъ лицъ, всѣмъ сердцемъ преданныхъ упраздненію крѣпостного права, былъ привлеченъ Ея Высочествомъ къ разработкѣ этого вопроса. Начало знакомства Кавелина съ Великой Княгиней Еленой Павловной относится къ началу 50-хъ годовъ. Въ половинѣ 1848 года Кавелинъ переходитъ изъ профессоровъ Московскаго университета на службу въ Петербургъ и сближается съ братьями Милютиными, Дмитріемъ Алексѣевичемъ и Николаемъ Алексѣевичемъ. Первый состоялъ въ то время профессоромъ въ Академіи Генеральнаго штаба, а второй былъ директоромъ хозяйственнаго департамента Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Къ нему въ департаментъ поступилъ на службу Кавелинъ и, какъ кажется, былъ имъ введенъ въ „салонъ“ Великой Княгини Елены Павловны.

Вслѣдъ за кончиной Императора Николая I уже открыто стали говорить въ Петербургѣ, что для Россіи безусловно необходимъ цѣлый рядъ реформъ въ государственной и общественной жизни, начиная съ реформы крестьянской, т. е. уничтоженія крѣпостного права. Императоръ Александръ II вслѣдъ за Парижскимъ миромъ 18 марта 1856 г., прекратившимъ Крымскую войну, высказалъ въ августѣ 1856 г. московскому губернскому и уѣзднымъ предводителямъ дворянства мысль о необходимости улучшенія быта крѣпостныхъ крестьянъ, т. е. о ихъ освобожденіи отъ власти помѣщиковъ.

Вскорѣ послѣ этой рѣчи Государя Великая Княгиня Елена Павловна представила ему при письмѣ „Записку“ о желаніи уничтожить крѣпостное право въ своемъ Карловскомъ имѣніи. Какъ видно, „Записка“ нашла полное сочувствіе со стороны Императора Александра II, потому что съ 1857 г. Великая Княгиня предпринимаетъ цѣлый рядъ мѣръ для разработки своего первоначальнаго проекта въ систематическое „Положеніе“ о Карловскихъ крестьянахъ. Въ основу этихъ мѣръ должны быть поставлены совѣщанія

Библиотека "Руниверс"

Великой Княгини съ Кавелинымъ и съ двумя лично ей извѣстными и хорошо освѣдомленными съ мѣстными условіями, помѣщиками Полтавской губ.—В. В. Тарновскимъ и Г. П. Галаганомъ. Ея Высочество вызываетъ Кавелина въ Вильдбадъ, гдѣ она проводитъ лѣто 1857 г., и его участіе въ составленіи Карловскаго „Положенія“ оглашается. Лѣтомъ 1857 г., кромѣ Великой Княгини Елены Павловны, въ Германіи пребывала и Императрица Марія Александровна. Она находилась въ то время у своего брата великаго герцога Дармштадтскаго, Людвига III, въ Югенгеймѣ, и видалась часто съ Великой Княгиней Еленой Павловной. Въ Вильдбадѣ и въ Югенгеймѣ въ то же время находились графъ П. Д. Киселевъ и шефъ жандармовъ князь В. А. Долгоруковъ. О „Положеніи“ для Карловскихъ крестьянъ ведутъ съ Кавелинымъ рѣчь: Императрица Марія Александровна въ Югенгеймѣ, шефъ жандармовъ кн. В. А. Долгоруковъ въ Дармштадтѣ и гр. П. Д. Киселевъ въ Вильдбадѣ; объ этомъ же нѣсколько позднѣе, уже въ Петербургѣ, переписывается съ Кавелинымъ А. В. Головнинъ, по порученію Великаго Князя Константина Николаевича. Императрица Марія Александровна передаетъ Кавелину, что Великая Княгиня Елена Павловна очень довольна его работой, а князя Долгорукова, графа Киселева и Головнина весьма занимаетъ мысль о выкупѣ крестьянами ихъ надѣловъ, что въ то время являлось для большинства правительственныхъ лицъ еще совершеннымъ новшествомъ [1]).

Что „Записка“, представленная Императору Александру II Великой Княгиней Еленой Павловной, принадлежитъ перу Кавелина—доказывается, какъ общимъ ея содержаніемъ, такъ и способомъ изложенія; это можно видѣть изъ сличенія „Записки“ съ упомянутыми выше тремя его записками. „Записка“, представленная Великой Княгиней Еленой Павловной, находитъ для рѣшенія крѣпостного вопроса единственный исходъ въ выкупѣ помѣщичьими крестьянами ихъ земельныхъ надѣловъ при помощи правительства, но, въ виду невозможности сразу приступить къ такой радикальной мѣрѣ,—излагаетъ цѣлый рядъ предварительныхъ, подготовительныхъ къ ней правительственныхъ распоряженій. Распоряженія эти заключаются въ дальнѣйшемъ развитіи началъ, положенныхъ въ основу законовъ о вольныхъ хлѣбопашцахъ (1803 г.) и обязанныхъ крестьянахъ (1842 г.) и въ организаціи мѣстныхъ учрежденій для выработки

[1]) См. *мои* „Матеріалы для біографіи К. Д. Кавелина“ „Вѣст. Евр.“ 1866 г., августъ, с. 543 — 557; Сочиненія Кавелина, изд. 1898 г., т. II, с. 1157—1180. — *Мое* предисловіе къ тремъ „Запискамъ“ К. Д. Кавелина по крестьянскому вопросу, „Рус. Стар.“ 1887 г., февраль, с. 443—444. (Письмо Кавелина къ А. В. Головнину).

Библиотека "Руниверс"

способа постепеннаго перехода крестьянъ отъ крѣпостной зависимости къ свободному гражданскому состоянію. Въ наброскѣ такихъ учрежденій уже можно подмѣтить черты вскорѣ возникшихъ губернскихъ дворянскихъ комитетовъ объ улучшеніи быта крѣпостныхъ крестьянъ, института мировыхъ посредниковъ и органовъ крестьянскаго самоуправленія, основанныхъ на началѣ общиннаго крестьянскаго землевладѣнія. Всѣ предположенія, излагаемыя въ „Запискѣ“, логически вытекаютъ изъ дѣйствовавшихъ въ 50-хъ годахъ законоположеній о крестьянахъ и сопровождаются подлежащими цитатами на соотвѣтствующіе томы „Свода Законовъ“. Такая аргументація можетъ принадлежать только ученому цивилисту, какимъ былъ Кавелинъ.

Характерны также находящіяся въ „Запискѣ“ слѣдующія мысли, несомнѣнно принадлежащія Кавелину, которыя онъ развиваетъ и въ послѣдующихъ своихъ статьяхъ по крестьянскому вопросу: 1) о непремѣнномъ и неизбѣжномъ привлеченіи помѣщиковъ-дворянъ къ дѣлу освобожденія крестьянъ и 2) о предварительной разработкѣ вопроса объ этомъ освобожденіи въ періодической прессѣ. Нельзя не замѣтить также, что всѣ предложенія „Записки“ изложены въ ней въ весьма умѣренномъ и оффиціальномъ тонѣ, что весьма понятно, такъ какъ „Записка“ была представлена Государю отъ имени его Августѣйшей тетки.

„Устройство“ Карловскихъ крестьянъ еще ближе подходитъ къ общимъ положеніямъ о крестьянахъ 19 февраля 1861 года, чѣмъ „Записка“, представленная Императору Александру II Великой Княгиней Еленой Павловной. Въ Карловскомъ „Устройствѣ“ уже конкретно, а не въ видѣ теоретическихъ предположеній, какъ въ „Запискѣ“, являются въ спеціальномъ, частномъ примѣненіи къ имѣнію тѣ мѣропріятія, которыя нашли себѣ мѣсто въ слѣдующихъ отдѣлахъ „Положеній“ 19 февраля 1861 г.: а) о временно-обязанныхъ крестьянахъ до выкупа ихъ надѣловъ и о переходѣ крестьянъ съ „барщины“ на оброкъ, б) объ „урочномъ“ положеніи „барщинныхъ“ работъ, в) объ организаціи крестьянскаго самоуправленія, основаннаго на общинномъ землевладѣніи, г) о выкупѣ крестьянами ихъ надѣловъ.

Д. Корсаковъ.

Библиотека "Руниверс"

I.

Письмо Великой Княгини Елены Павловны Государю Императору Александру II.

Съ соизволенія Вашего Императорскаго Величества, представляя при семъ нѣкоторыя соображенія объ устройствѣ, на болѣе правильныхъ началахъ, отношеній между помѣщиками и крестьянами,— считаю долгомъ изъяснить, что, излагая общія мысли свои по этому важному вопросу, я постоянно имѣла въ виду собственныя обязанности по устройству принадлежащихъ мнѣ помѣстьевъ. Безъ общихъ началъ и указаній отъ Верховной Самодержавной власти, ни одинъ помѣщикъ не въ состояніи приступить и совершить столь важныхъ и существенныхъ преобразованій въ отношеніи къ своимъ крестьянамъ. Подобныя попытки были бы шатки, безплодны и, можетъ быть, не совсѣмъ безвредны, тогда какъ, слѣдуя направленію, данному Вашимъ Величествомъ, каждый вѣрноподданный дѣйствовалъ бы, въ предѣлахъ своихъ понятій и интересовъ, твердо, покойно и съ полною увѣренностію въ законности своихъ дѣйствій.

Если Вашему Императорскому Величеству благоугодно будетъ одобрить начала, излагаемыя въ представляемой запискѣ, то по волѣ Вашей, я готова примѣнить ихъ къ принадлежащимъ мнѣ имѣніямъ въ Полтавской губерніи. Въ такомъ случаѣ, зная нѣкоторыхъ изъ тамошнихъ помѣщиковъ, которые убѣждены въ необходимости заняться тѣмъ же вопросомъ, я имѣю счастіе испрашивать соизволенія Вашего Величества войти съ ними въ ближайшее соглашеніе, и о томъ, на какихъ именно основаніяхъ мы полагали бы учредить наши совѣщанія, повергнуть предварительно на Высочайшей воззрѣніе. Постигая всю важность этого дѣла, смѣю удостовѣрить Ваше Величество, что первымъ моимъ долгомъ будетъ: наблюсти за неуклоннымъ исполненіемъ Вашихъ Всемилостивѣйшихъ указаній и обезпечить точное и добросовѣстное примѣненіе предписанныхъ общихъ мѣръ къ мѣстнымъ особенностямъ Полтавскихъ имѣній.

На подлинномъ рукою Ея Императорскаго Высочества подписано:

Елена.

7-го октября 1856 г.

Сообщилъ профессоръ Д. А. Корсаковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

Встрѣчи и столкновенія [1]).

(Е. А. Кожуховъ.—М. П. Соловьевъ.—М. О. Вольфъ.—С. П. Бѣляевъ).

Е. А. Кожуховъ.

Почтеннѣйшій Евгеній Алексѣевичъ, по свойственной ему скромности, врядъ ли самъ когда-нибудь претендовалъ на роль виднаго администратора. Занявъ постъ предсѣдательствующаго въ петербургскомъ цензурномъ комитетѣ, онъ старался нести свои служебныя обязанности съ достоинствомъ, удовлетворять требованіямъ начальника и по мѣрѣ возможности не слишкомъ притѣснять нашего брата-писателя. Словомъ, онъ былъ, что называется, средняго калибра администраторомъ, не отличаясь ни въ худую, ни въ хорошую сторону. Но такіе администраторы лучше всего выясняютъ истинное значеніе установленной системы. Они вѣдь являются главными работниками, потому что во всѣхъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности посредственности составляютъ подавляющее большинство.

Какъ живо я помню невысокую фигуру Е. А. Его голова не соотвѣтствовала его туловищу: послѣднее не было внушительно; зато голова, когда Е. А. сидѣлъ, производила впечатлѣніе головы сѣдого, браваго каптенармуса, приставленнаго хранить доброкачественность литературнаго довольствія русскаго читателя. Я часто бывалъ въ его предсѣдательскомъ кабинетѣ, столь памятномъ писателямъ, но здѣсь разскажу лишь о наиболѣе интересномъ столкновеніи, бросающемъ яркій свѣтъ на тогдашніе цензурные порядки.

[1]) См. „Русскую старину“ январь 1902 г.

Библиотека "Руниверс"

Это было въ 1892 г. Я составилъ жизнеописаніе Каткова для біографической библіотеки Павленкова, и оно цензурѣ не понравилось. Поговорилъ я съ цензоромъ Коссовичемъ, читавшимъ рукопись, спросилъ его, что въ ней нецензурнаго. Онъ улыбнулся, отвѣтивъ: „ничего не цензурнаго нѣтъ; но пропустить не могу. Пусть предсѣдатель пропуститъ, и я порадуюсь за васъ". Какъ я его ни убѣждалъ ссылкою на то, что въ моей біографіи ничего, кромѣ несомнѣнныхъ фактовъ, нѣтъ, онъ повторялъ свое: „не могу, не могу", и только развѣ посовѣтовалъ обратиться къ другому цензору, у котораго каменный домъ гдѣ-то въ Петербургѣ: тотъ-де пропуститъ; ему и въ отставку выйти ничего не значитъ. Такъ я Коссовича не убѣдилъ, и пришлось обратиться къ предсѣдательствующему.

Кожуховъ, повидимому, былъ уже предупрежденъ и съ первыхъ же словъ моихъ, какъ и Коссовичъ, отрѣзалъ: „Не могу". Сказано это было въ такомъ категорическомъ тонѣ, что мнѣ оставалось только откланяться и уйти. Но очень мнѣ ужъ досадно было, такъ какъ въ моей біографіи ничего нецензурнаго не было. Поэтому я не удержался и иронически выразилъ надежду, что когда я умру, то цензура будетъ меня такъ же горячо защищать, какъ она теперь защищаетъ Каткова.

Кожуховъ слегка вспылилъ, возразивъ, что Катковъ — не простой публицистъ, а до нѣкоторой степени государственный дѣятель, выражавшій взгляды правительства. Мнѣ, біографу Каткова, эта мысль, хотя и очень распространенная, показалась въ устахъ Кожухова ужъ черезчуръ наивною. Поэтому я спросилъ почтеннаго Евгенія Алексѣевича, когда собственно Катковъ былъ выразителемъ правительственныхъ взглядовъ.

— Всегда, если не ошибаюсь,—отвѣтилъ Кожуховъ, иронизируя въ свою очередь.

— Т. е. когда онъ защищалъ конституціонный строй, или реальную систему гимназическаго образованія, или свободу торговли, или союзъ съ Германіею противъ союза съ Франціей, когда онъ утверждалъ, что министерство финансовъ сплошь состоитъ изъ нигилистовъ, а министерство иностранныхъ дѣлъ—изъ государственныхъ воровъ, когда онъ провозглашалъ, что сенатъ вступилъ съ земствами въ заговоръ противъ правительства, а государственный совѣтъ играетъ въ парламентаризмъ, когда онъ громогласно пророчествовалъ вслѣдъ за ужаснымъ событіемъ перваго марта, что „еще нѣсколько мѣсяцевъ, быть можетъ, недѣль прежняго режима— и крушеніе было бы неизбѣжно".

Библиотека "Руниверс"

— Да неужели Катковъ все это говорилъ? — нѣсколько удивился Кожуховъ.

— Вы, Евгеній Алексѣевичъ, моей біографіи, значитъ, не читали?—спросилъ я въ свою очередь.

— Да не все ли равно,—возразилъ Кожуховъ.—Слушайте. Ваша біографія очень неблагопріятна для Каткова. У него вдова, сынъ... они имѣютъ вліяніе и никогда мнѣ не простятъ...

— И такъ, мое дѣло безнадежно?

— Ужъ простите, — сказалъ Евгеній Алексѣевичъ и, вставъ, протянулъ мнѣ примирительно руку. Я больше не возражалъ, потому что мнѣ было хорошо извѣстно, что у него, какъ и у Коссовича, каменнаго дома нѣтъ.

Интересна дальнѣйшая судьба біографіи Каткова. Помимо моего вѣдѣнія, она была представлена Павленковымъ дерптскому цензору, который, очевидно, ничего не зная о вліяніи вдовы и сына Каткова, ее одобрилъ къ печати, и она появилась въ свѣтъ. Но не долго она красовалась въ книжныхъ магазинахъ. По всей Россіи разосланъ былъ циркуляръ, повелѣвавшій немедленно изъять ее изъ обращенія. Подъ такимъ запретомъ она пролежала четырнадцать лѣтъ, а затѣмъ въ 1906 г. безъ всякихъ измѣненій вошла въ собраніе моихъ сочиненій, а въ 1910 году разрѣшена была къ продажѣ и въ первоначальномъ своемъ видѣ, т. е. въ качествѣ отдѣльнаго выпуска біографической библіотеки Павленкова; очевидно, теперь въ ней ничего нецензурнаго уже нѣтъ.

М. П. Соловьевъ [1]).

Столкновеніе мое съ бывшимъ начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати произошло по поводу печатанія въ „Нивѣ“ романа гр. Л. Н. Толстого: „Воскресенія“. Я тогда состоялъ редакторомъ этого журнала и слѣдовательно былъ поставленъ лицомъ къ лицу съ трудною задачею напечатать въ очень распространенномъ и дешевомъ журналѣ произведеніе нецензурное и именно въ такое время, когда во главѣ цензурнаго вѣдомства стоялъ человѣкъ, пользовавшійся, какъ говорили, особеннымъ расположеніемъ К. П. Побѣдоносцева, т. е. отъявленнаго врага Толстого.

Зная однако по опыту, что, когда рѣчь заходитъ о правительственныхъ дѣятеляхъ, у насъ обыкновенно „чортъ не такъ страшенъ, какъ его малюютъ“, я рѣшилъ, миновавъ низшія инстанціи, обратиться прямо къ М. П. Соловьеву.

---

[1]) Статья эта должна была слѣдовать послѣ статьи Л. Н. Толстой въ январьской книгѣ с. г. *Ред.*

Библиотека "Руниверс"

Онъ принялъ меня любезно, но чуть только я заикнулся о томъ, что меня къ нему привело, онъ перемѣнилъ тонъ.

— Не знаю, зачѣмъ вамъ въ „Нивѣ“ понадобился этотъ старый циникъ,—отрѣзалъ онъ.—Рѣшили печатать,—ну, и печатайте, а меня, пожалуйста, не втягивайте въ эту игру.

Я видѣлъ, что наткнулся на серьезное препятствіе, и что надо пустить въ ходъ тяжелую артиллерію.

— Цензоромъ Пушкина,—началъ я:—былъ Императоръ Николай Павловичъ. Толстой, конечно, не Пушкинъ, но цензоромъ его можете быть только вы...

Лѣвый воспаленный глазъ Соловьева внимательно устремился на меня. Я не кривилъ душой: мнѣ въ самомъ дѣлѣ казалось, что цензура и даже предсѣдатель цензурнаго комитета не могли въ такомъ щекотливомъ дѣлѣ чувствовать себя достаточно свободными, чтобы сколько-нибудь бережно отнестись къ роману Толстого, и потому спокойно вынесъ устремленный на меня взглядъ. Соловьевъ, повидимому, остался доволенъ молчаливымъ экзаменомъ, которому онъ меня подвергъ, т. е. повѣрилъ въ мою искренность.

— Хорошо, отвѣтилъ онъ просто,

И вотъ я сталъ посылать или заносить Соловьеву просмотрѣнный мною романъ по частямъ, и жаловаться на Соловьева я не имѣлъ основанія. Брюзжалъ онъ, правда, не мало. Ничего ему въ романѣ не нравилось: „Развѣ можно называть крестъ щепоткой, говорить о развеселомъ пѣніи въ храмѣ, утверждать, что Богъ—не что иное, какъ сознаваемое человѣкомъ добро—вѣдь это ересь! Развѣ судопроизводство, какъ оно описано у Толстого, не слабѣе и не тусклѣе чѣмъ у Достоевскаго въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“ и т. д. Обыкновенно Соловьевъ кончалъ тѣмъ, что возмущался, какъ это Марксъ могъ заплатить бѣшеныя деньги за такой грязный романъ. „Согласитесь, что если бы вамъ его прислалъ кто-нибудь другой, вы-бы его не напечатали даже даромъ“,—говорилъ онъ.

Но, повторяю, Соловьевъ пропускалъ гранку за гранкой, а за воркотню я конечно въ претензіи не былъ. Разсказываю же я все это для того, чтобы выяснить нѣкоторыя частности моего столкновенія съ самимъ Л. Н. Толстымъ.

М. О. Вольфъ.

И крупные люди имѣютъ, какъ извѣстно, слабости. Покойный Маврикій Осиповичъ былъ въ избранной имъ области несомнѣнно крупный дѣятель, свидѣтельствомъ чему служитъ созданное имъ предпріятіе и многочисленныя его изданія. Эти изданія давали работу не только наборщикамъ, но и многимъ литераторамъ.

Библиотека "Руниверс"

Предложилъ Вольфъ незадолго до смерти, въ 1882 г., и мнѣ работу для задуманнаго имъ изданія Мицкевича на русскомъ языкѣ. Просилъ онъ меня подготовить для этого изданія курсъ славянской литературы, читанный поэтомъ въ Collège de France въ началѣ 40-хъ годовъ, и его Переписку. Плату онъ мнѣ назначилъ довольно умѣренную, но при разсчетѣ оказалось, что онъ и на ней хотѣлъ кое-что съекономить, именно „бѣлыя мѣста, окончанія главъ и т. д.“ Въ общемъ это составило, какъ теперь помню... 8 р. 62 к. Мнѣ стало смѣшно, и въ то же время заинтересовалъ вопросъ: неужели такой крупный издатель можетъ быть настолько мелочнымъ, чтобы вступать въ серьезныя пререканія изъ-за такого пустяка.

И вотъ по этому поводу у насъ завязалась переписка—да какая! Правда, утонченно-вѣжливая, но на многихъ листахъ прекрасной бумаги, съ соблюденіемъ всѣхъ канцелярскихъ правилъ, съ подвохами, подчеркнутымъ дѣловымъ глубокомысліемъ, ссылками на тотъ или другой пунктъ заключеннаго условія—словомъ, со всѣми ухищреніями заправскаго русскаго бюрократа, хотя покойный Вольфъ, какъ извѣстно, былъ даже не русскій, а польскій еврей.

Вотъ на какой почвѣ я съ нимъ столкнулся. Послѣ долгой переписки я побѣдилъ и получилъ свои 8 р. 62 к., но вѣроятно, благодаря лишь тому, что мнѣ предстояла еще работа у Вольфа, и ему невыгодно было со мною ссориться.

Вотъ по поводу этой работы я какъ-то къ нему заѣхалъ для переговоровъ, и онъ меня попотчивалъ великолѣпной гаванской сигарой. Мы скоро сговорились, и я уѣхалъ, продолжая курить на улицѣ (дѣло происходило весной). Работалъ я тогда вмѣстѣ съ покойнымъ В. О. Михневичемъ въ „Новостяхъ“. Я его засталъ въ редакціи, и когда я вошелъ съ своею сигарою, онъ меня спросилъ, откуда я, и съ какихъ поръ сталъ курить такія превосходныя сигары. Самъ Михневичъ былъ большой любитель сигаръ. Я ему отвѣтилъ, что я—отъ Вольфа, и что именно онъ меня попотчивалъ, дѣйствительно, прекрасной сигарой, которую я съ большимъ удовольствіемъ и докуриваю. „Ахъ онъ... (тутъ вырвалось у Михневича крѣпкое словцо)—вѣдь я тоже отъ него,—продолжалъ онъ:—и взгляни, какую сигару онъ мнѣ далъ,—до сихъ поръ отдышаться отъ нея не могу“. Онъ взялъ изъ пепельницы недокуренную сигару, и по одному ея виду можно было заключить, что это—одна изъ тѣхъ сигаръ, которыя курятъ только на воздухѣ, да при томъ на горѣ и непремѣнно при сильномъ вѣтрѣ. Что же это значитъ?—взглянули мы другъ на друга. Отчего Вольфъ одному изъ насъ предложилъ прекрасную сигару, а другому отвратительную? Дѣло

Библиотека "Руниверс"

объяснялось просто: со мною Вольфъ въ заказѣ сошелся, а съ Михневичемъ разошелся,—каково дѣло, таковъ и табакъ.

Но ужъ это было столкновеніе Вольфа не со мною, а съ Михневичемъ.

С. П. Бѣляевъ.

Покойный членъ Государственной Думы Сергѣй Петровичъ Бѣляевъ, младшій братъ столь извѣстнаго и заслуженнаго въ музыкальномъ мірѣ Митрофана Петровича, уже юношей обратилъ на себя вниманіе и вотъ по какому поводу. Мы съ нимъ почти одновременно были въ Петро-Павловской школѣ; онъ былъ только годомъ моложе и шелъ классомъ ниже. Слылъ онъ за большого вольнодумца. Кажется, такъ повліяла на него семья. Между прочимъ онъ не давалъ покоя нашему законоучителю, о. Боголюбову, вѣчно предлагая ему въ корридорѣ щекотливые вопросы. Онъ притворялся рѣшительно непонимающимъ, что собственно значитъ: „Не прелюбы сотвори“ и требовалъ такихъ поясненій, которыя были неудобны. Такихъ вопросовъ у него было много, и они очень раздражали батюшку, который усматривалъ въ нихъ злой умыселъ. Я любилъ батюшку и останавливалъ Бѣляева, и изъ-за этого у насъ выходили ссоры.

Разъ какъ-то послѣ такого вопроса батюшка пригрозилъ Бѣляеву, что онъ его провалитъ на выпускномъ экзаменѣ, до котораго оставалось уже немного времени. Бѣляевъ струсилъ и заявилъ объ этой угрозѣ директору, которымъ тогда состоялъ профессоръ греческой словесности И. Б. Штейнманъ — личность во многихъ отношеніяхъ замѣчательная. Директоръ очень внимательно выслушалъ Бѣляева и посовѣтовалъ ему только хорошенько подготовиться, такъ какъ, если онъ будетъ знать свой предметъ, то конечно никто его не провалитъ. Бѣляевъ дѣйствительно постарался и вызубрилъ и катехизисъ, и богослуженіе, и исторію церкви на зубокъ; къ тому же экзаменъ происходилъ въ присутствіи директора, инспектора, нѣсколькихъ учителей и представителя отъ министерства. Гарантія была слѣдовательно полная. И тѣмъ не менѣе батюшка провалилъ Бѣляева, да еще какъ,—что называется съ блескомъ и трескомъ.

И какъ просто онъ принялся за дѣло. Бѣляеву попались билеты легкіе. Немного смутило, что изъ катехизиса ему попался билетъ тринадцатый, но и этотъ билетъ (о четвертомъ и слѣдующихъ прошеніяхъ) онъ хорошо зналъ и былъ въ себѣ увѣренъ. Съ катехизиса и начался экзаменъ. Бѣляевъ уже собирался объяснить, что слѣдуетъ разумѣть подъ хлѣбомъ насущнымъ и съ какими

Библиотека "Руниверс"

мыслями должно просить Бога о немъ, какъ вдругъ о. Боголюбовъ спрашиваетъ: „Прочтите мнѣ, Бѣляевъ, всю молитву Господню“. Бѣляевъ началъ очень бойко, но затѣмъ какъ-бы оробѣлъ, прочелъ четвертое прошеніе раньше третьяго, и это его до того смутило, что на пятомъ онъ запнулся и, увидѣвъ торжествующій взглядъ батюшки, окончательно растерялся.

О. Боголюбовъ обратился къ остальнымъ экзаменаторамъ съ вопросомъ, стоитъ ли послѣ этого продолжать. И всѣ, какъ одинъ человѣкъ, отрицательно покачали головами. Дѣйствительно, можно ли было экзаменовать изъ Закона Божія ученика, который не зналъ даже молитвы Господней?

Бѣляеву пришлось оставаться въ выпускномъ классѣ еще годъ. Батюшка сообразилъ, что Бѣляевъ никогда не молился и въ церкви не бываетъ, и поэтому легко можетъ сбиться на молитвѣ Господней, а переводить ученика, ее не знающаго, конечно немыслимо. Месть батюшки была вѣрно задумана.

Р. Сементковскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

Одиннадцать лѣтъ въ театрѣ [1]).

(Изъ воспоминаній артистической жизни Ирины Ивановны Онноре, бывшей пѣвицы Императорскаго Московскаго театра, нынѣ профессора пѣнія въ Петербургѣ).

Русская опера.

Тутъ мнѣ представился случай познакомиться съ хористами, что въ суетливое время моихъ дебютовъ и необыкновенно продолжительныхъ представленій, послѣ 4-го апрѣля, было невозможнымъ.—Всѣ переутомлялись до крайности и только думали, какъ бы скорѣе добраться до дому.—Нѣкоторыя изъ хористокъ были необыкновенно симпатичны; выдѣлялась Некрасова; она принадлежала къ 1-му разряду; держала себя съ достоинствомъ и тактомъ, при дальнѣйшемъ знакомствѣ я убѣдилась, что она была вполнѣ порядочная и заслуживала уваженіе.

Особенно привлекла мое вниманіе одна хористка 3-го разряда; очень застѣнчивая, необыкновенно худая, съ грустнымъ выраженіемъ лица, съ глубокими, полными скорби глазами. Я съ ней скоро познакомилась и очень ее полюбила. На страстной недѣлѣ, когда наше время было все свободно отъ репетицій и спектаклей, я исполнила свое и ея желаніе посѣтить ее, Она жила на Садовой, за Красными воротами, въ маленькомъ ветхомъ домикѣ, въ мезонинѣ, къ которому вела развалившаяся деревянная наружная лѣстница. Въ мезонинѣ была единственная комната. Въ ней помѣщались больная пожилая мать, горбатая, тоже къ труду неспособная сестра,

[1]) См. „Русская Старина“, январь 1912 г.

Библиотека "Руниверс"

и кормилица семьи—хористка. Комната могла имѣть 4 аршина въ квадратѣ; освѣщалась полукруглымъ окномъ; отоплялась русской печкой, а такъ какъ ни кухни, ни плиты не было, обѣдъ готовился тутъ же. Было холодно и сыро; отъ окна страшно дуло; я спросила, почему не топлено; она откровенно мнѣ сказала, что за недостаткомъ дровъ печь топятъ только въ большіе морозы, и что по этой причинѣ онѣ большею частью довольствуются холодной пищей. Хористка эта получала 11 р. (одиннадцать рублей) жалованія въ мѣсяцъ и то, что давалъ ей бенефисъ, доходъ съ котораго дѣлился тоже по разрядамъ. Желала бы имѣть перо писателя-художника, чтобы описать тотъ ужасъ, который переполнилъ мое сердце при видѣ этой печальной картины! Болѣзнь, холодъ, черная нужда и съ этимъ полная покорность судьбѣ. Несмотря на ихъ тяжелое положеніе они, имѣли неоцѣненное счастіе—любовь, связывающую эти три существа. Дочери боготворили мать и нѣжно и дружно за ней ухаживали. Фамилія хористки была Михайлова. Пусть читающій эти строки вѣритъ, что, несмотря на долгіе годы, отдаливше тяжелыя воспоминанія, я плачу и скорблю душой, что я такъ мало могла для нихъ сдѣлать. Незабвенная Евгенія Владиміровна Васильчикова, по моей просьбѣ, навѣщала ихъ, нашлись еще и другіе благотворители, которые намъ помогали, но все это было такъ ничтожно. Прослуживъ съ ними одиннадцать лѣтъ, я считаю себя въ правѣ коснуться этихъ воспоминаній. При прощаніи весной, я не выдержала и просила управляющаго конторой обратить вниманіе на бѣдственное положеніе нѣкоторыхъ хористокъ. Г. Пельтъ сказалъ, что онъ ничего не можетъ сдѣлать, мотивируя отказъ недостаткомъ средствъ; прибавивъ, что такихъ Михайловыхъ много, что она могла совсѣмъ не быть принятой на службу, и что я напрасно безпокоюсь.

Неужели царскіе слуги не имѣли болѣе права на вниманіе непосредственнаго начальства, которому вмѣнялось въ обязанность заботиться о своихъ подчиненныхъ!

Первое представленіе „Русалки“ сошло очень удачно. Даргомыжскій погостилъ тогда долго въ Москвѣ, но несмотря на общее желаніе дирижировать оперой не рѣшился.

27 октября дебютировала въ оп. Обера, „Фра-Діяволо“ ея превосходительство, Александра Григорьевна Меньшова. У нея былъ феноменальный голосъ, но при дебютѣ она обнаружила полное отсутствіе какой-бы-то ни было школы; пѣла она съ сильнымъ цыганскимъ пошибомъ и такими пріемами, которыхъ на сценѣ никогда не приходилось ни видѣть, ни слышать. Въ вечеръ ея дебюта г-жа Александрова сидѣла въ ложѣ бенуара съ своей семьей,

Библиотека "Руниверс"

мы тоже имѣли ложу бенуара и могли видѣть, какъ неудержимо она смѣялась съ братомъ надъ дебютанткой,—и дѣйствительно, было смѣшно; но въ театрѣ нельзя такъ откровенно выражать свои восторги и порицанія: результатомъ этого было то, что г-жу Александрову вызвали въ театральную контору, гдѣ ей былъ сдѣланъ строгій выговоръ за безтактное отношеніе къ товарищамъ, такъ какъ г-жа Меньшова уже принята на Императорскую сцену.

Я себѣ позволила описать не совсѣмъ удачный дебютъ г-жи Меньшовой потому только, что могу о ней сказать еще и другое. Не прошло трехъ мѣсяцевъ, какъ ее узнать было трудно; оставивъ всѣ свои пріемы, которые такъ сильно не понравились при дебютѣ она стала пѣть правильно, а ея феноменальный чудный голосъ сталъ звучать еще лучше: въ концѣ перваго сезона она завоевала себѣ симпатіи публики и стала украшеніемъ нашей сцены.

Въ октябрѣ 1867 года дебютировалъ давно желанный драматическій теноръ г. Орловъ. Ему было тогда 25 лѣтъ. При весьма счастливой наружности, онъ обладалъ очень хорошимъ голосомъ. Конечно, при дебютѣ, онъ не былъ тѣмъ, чѣмъ сдѣлало его время, трудъ и опытъ, но тогда онъ уже много обѣщалъ, а дебютъ въ оперѣ „Жизнь за Царя“ былъ удачнымъ началомъ его славной карьеры, которую онъ впослѣдствіи продолжалъ и закончилъ на Маріинской сценѣ.

Этимъ дебютомъ завершилось составленіе нашей труппы. Ежели прибавить къ выше поименованнымъ артистамъ имена трехъ примарій: г. Анненскую, превосходную музыкантшу, могущую всегда съ успѣхомъ замѣнить безъ репетиціи любую изъ нашихъ примадоннъ, прелестное сопрано г. Турчанинову и симпатичное меццосопрано госпожу Иванову, можно утверждать, что составъ труппы по качеству голосовъ былъ весьма удовлетворительный. Могу смѣло съ гордостью завѣрить, что квартеты 2-го акта оп. „Жизнь за Царя“ исполнялись идеально, и что никогда подобнаго исполненія не пришлось слышать даже и послѣ. Только дирекція того времени не съумѣла использовать эти новыя, молодыя силы, желающія только трудиться и прогрессировать. Что больше всего возмущало насъ, это полнѣйшее равнодушіе начальства къ русскому искусству; разъ пѣвецъ русскій, въ ихъ глазахъ, какъ артистъ и даже какъ человѣкъ, онъ ничего не стоилъ. Забѣгу впередъ и разскажу инцидентъ, имѣвшій мѣсто немного позднѣе, характеризующій отношеніе дирекціи къ намъ, русскимъ артистамъ Императорскаго театра.Временно нашъ чудный театръ, стѣны котораго даже намъ были дороги, былъ сданъ частному антрепренеру Мерелли. Были приглашены г-жа Арто, очень популярная, хорошая пѣвица, хотя только

Библиотека "Руниверс"

провинціальная, и рядомъ съ ней три пѣвички, госпожи: Ферручи, Сарольто и Бернарди, всѣ три очень хорошенькія, но не имѣющія права на званіе артистокъ и пѣвицъ.—Одна изъ нихъ славилась какъ обладательница великолѣпныхъ брилліантовъ. Въ „Травіатѣ“ она ими щегольнула, но успѣхъ получился отрицательный; такихъ пѣвицъ даже въ кафе-шантанахъ нельзя допустить. Русскіе артисты репетировали „Рогнѣду“, на репетицію насъ пригласили въ половинѣ десятаго, такъ какъ потомъ должны были репетировать итальянцы, а эти дамы рано вставать не могли, значитъ, насъ потребовали рано. Сцена принадлежала русскимъ артистамъ до 12 часовъ. Репетиція была въ полномъ разгарѣ, какъ вдругъ явился сторожъ неожиданно и смѣло объявилъ, что мы должны удалиться, потому что надо сцену мести до итальянской репетиціи. Всѣ пѣвцы переглянулись и кто куда начали уходить въ кулисы; несмотря на поливку сцены, пыль поднялась сильная; видя, что директорская ложа открыта и что въ ней усѣлись три пѣвицы: Ферручи, Сарольто и Бернарди, я нашла возможнымъ взойти въ ложу, чтобы избѣжать удушливой атмосферы; хочу отворить дверь, какъ вдругъ рука сторожа, въ формѣ солдата съ нашивками, заслоняетъ мнѣ дверь и тихо, довольно почтительно говоритъ: „Вамъ здѣсь нельзя сидѣть; не приказано пускать русскихъ артистовъ“.—Конечно я не возражала; понятно было, что сторожъ тутъ ни при чемъ; повернула назадъ и направилась въ уборную, которая была наверху.

На лѣстницѣ передо мной выросла колоссальная фигура князя Юрія Голицына; удивленный, онъ спрашиваетъ: „кончилась ли репетиція Рогнѣды“. Я отвѣчала, что не знаю, и разсказываю весь этотъ возмутительный инцидентъ. Въ ярости, выраженію которой способствовала львиная, величественная физіономія князя, онъ схватилъ обѣ мои руки и почти крича сказалъ: „и вы молчите!?“

Да, мы молчали, покорно молчали, понимая отлично, что жаловаться намъ было некому.

Когда меня вызвали первый разъ въ театральную контору, для подписанія моего контракта, я поразилась обширностью и количествомъ залъ, занимаемыхъ этимъ учрежденіемъ. Масса чиновниковъ въ вицъ-мундирахъ сновали взадъ и впередъ съ фоліантами подъ мышкой, стремились быть допущенными для докладовъ къ управляющему, находящемуся въ концѣ анфилады въ помѣщеніи своего „кабинета“. Вотъ, подумала я, какое это колоссальное дѣло; сколько придется поработать для общаго блага.—Такъ только казалось, а въ сущности хищенія г. N. всѣмъ были извѣстны, а всѣ молчали!

Когда мнѣ пришлось быть въ конторѣ Ковентъ-Гарденскаго

Библиотека "Руниверс"

театра, меня поразила противоположная обстановка; а именно, простота, съ которой велось дѣло, дающее ежедневно отъ 35 до 40.000 фр. дохода съ представленій итальянской оперы. Прямо, съ тротуара входили въ преддверіе театральной конторы; комнатка могла имѣть 3 арш. въ квадратѣ; вся обмеблировка состояла изъ высокой конторки (пюпитра), при ней стоялъ высокій табуретъ, обтянутый кожей; на стѣнѣ одна полка; еще два, три стула. Направо отъ пюпитра окно, налѣво дверь, завѣшанная тяжелой портьерой. За этой занавѣсью была комната директора театра Джаи. Эти двѣ комнаты вполнѣ удовлетворяли, а два лица: директоръ и его помощникъ г. Гаррисъ, орудовали всѣмъ колоссальнымъ дѣломъ.

Въ это время въ Петербургѣ лучшей учительницей пѣнія считалась г. Ниссенъ Саломонъ; ученица знаменитаго Гарчія, соученица его дочерей г.г. Малибранъ и Віардо, имѣла нѣкоторую репутацію, какъ пѣвица за границей; директоромъ театра въ Петербургѣ былъ Гедеоновъ 1-й. Итальянская опера была тогда въ самомъ блестящемъ періодѣ. Были приглашены лучшіе артисты Европы. Первое мѣсто занимала г-жа Віардо; между прочими была приглашена г-жа Ниссенъ. Небольшого роста, очень некрасивая, она не могла разсчитывать на внѣшній успѣхъ, но, обладая большимъ, хорошо обработаннымъ голосомъ, имѣя отличную итальянскую школу, она должна была имѣть заслуженный успѣхъ, тѣмъ болѣе, что госпожа Віардо ее очень поддерживала, кажется даже, что по ходатайству этой знаменитой пѣвицы г-жа Ниссенъ получила приглашеніе въ Петербургъ. По пріѣздѣ она явилась къ директору театра Гедеонову; онъ принялъ ее слѣдующими словами: „зачѣмъ вы сюда пріѣхали?“ Сконфуженная пѣвица отвѣчаетъ, что она приглашена пѣть въ итальянской оперѣ. Удивленный директоръ смотритъ на нее въ упоръ и рѣзкимъ тономъ говоритъ: „какъ съ такой фигурой и съ такимъ лицомъ вы думаете показываться на первой сценѣ Европы!?“ Г-жа Ниссенъ не растерялась и отвѣтила спокойно: „я пріѣхала сюда не показываться, а пѣть“. Гедеоновъ смутился и прекратилъ свиданіе. Въ результатѣ получилось то, что г-жа Ниссенъ ни разу не выступала до половины сезона.—Случилось, что г-жа Віардо заболѣла и не могла пѣть Севильскаго Цирульника; дирекція затруднялась и не знала, что дѣлать. Тогда г-жа Віардо предложила г-жу Ниссенъ, могущую ее замѣнить безъ репетиціи. Успѣхъ былъ полный; г-жу Ниссенъ стали знать, приглашать пѣть къ концертахъ въ Дворянскомъ собраніи и при Дворѣ. Классическую музыку она исполняла превосходно и, не получая приглашеній въ театры, она осталась превосходной концертной пѣ-

Библиотека "Руниверс"

вицей. 30 лѣтъ спустя, она пріѣхала въ Петербургъ, гдѣ была въ продолженіе многихъ лѣтъ первымъ профессоромъ пѣнія. Ея лучшія ученицы были: Ирецкая, Раабъ, Левицкая, Лавровская, Каменская, Панаева и многія другія. Г-жа Ниссенъ была приглашена профессоромъ въ консерваторію; кромѣ того у нея было много ученицъ высшаго общества; она имѣла честь давать уроки дочери Великой Княгини Елены Павловны, понятно почему ей было легко добиться желанной цѣли—принятія оперы ея мужа г. Ниссенъ Саломонъ, для Императорской сцены. Въ Петербургѣ не нашли возможнымъ поставить эту длинную, никому не нужную оперу, а потому было приказано ее сплавить въ Москву. Передъ самымъ отъѣздомъ за границу я получила свою роль; такимъ образомъ, я не имѣла возможности даже поверхностно ознакомиться съ этимъ произведеніемъ; только по пріѣздѣ въ Баденъ-Баденъ, я узнала, какое удовольствіе меня ожидало. Заглавіе оперы „Карпатская Роза“; оригинальный текстъ нѣмецкій, но переводчикъ не позаботился согласовать слова съ музыкой; каково же было мое удивленіе увидѣть, что со всякой строки свѣшивались бахрамой лишнія слова.— Мною овладѣла досада, доходящая до отчаянія. Конечно, я была въ правѣ не разучивать роли съ безтолковымъ, неправильно переведеннымъ текстомъ, но, предвидя, что опера должна пойти, и что ее намѣреваются дать раннею осенью, я собралась съ духомъ и чтобы быть готовой, къ началу сезона, передѣлала всю свою огромную роль. Стоило это большого труда; текстъ былъ прилаженъ, но лѣтній мой отдыхъ былъ потерянъ. По пріѣздѣ въ Москву узнала, что всѣ артисты затрудняются и не знаютъ, какъ быть. Пріѣхалъ композиторъ; буквально бѣдняга терялъ голову. Дирекція же оставалась абсолютно безучастной къ общему смятенію. Репетицій было безъ конца; мнѣ приходилось помогать всѣмъ улаживать слова, стараясь сохранить смыслъ. Первое представленіе было дано для бенефиса г-жи Александровой. Опера требовала сокращеній, но композиторъ, влюбленный въ свое произведеніе, и слышать о купюрахъ не хотѣлъ, а потому, къ всеобщему переутомленію, представленіе затянулось за полночь. Съ текстомъ артисты не ознакомились; никто не зналъ, почему „Карпатская Роза“!? при чемъ тутъ цыгане, разбойники, придворные люди въ костюмахъ Людовика XIV съ напудренными париками, въ расшитыхъ золотомъ камзолахъ, при шпагахъ, словомъ, ужасная чепуха.

Публика негодовала, острила; переименовала карпатскую въ арбатскую, а розу замѣнила, ежели не изящнымъ, то очень популярнымъ русскимъ словомъ. Оперу дали 8 разъ, съ очень незначительными сборами и сняли, навѣкъ, съ репертуара. Немного

Библиотека "Руниверс"

лучше была участь оперы г. Кашперова, на сюжетъ „Гроза“ Островскаго; но тутъ всѣ понимали, о чемъ говорили, и крайне знакомые, родные мотивы, заставляли мириться со слабостью произведенія. Оперу дали нѣсколько разъ и очень скоро сдали въ архивъ.

Пришла очередь г. Чайковскаго, который выступилъ какъ оперный композиторъ, первый разъ, въ оперѣ „Воевода“. Дирекція, вѣрная себѣ, даже для этого талантливаго композитора ничего не сдѣлала, чтобы мало-мальски сносно поставить его первую оперу. Помню какой-то домикъ, стоящій на самой серединѣ сцены; архитектура не то швейцарская, не то русская; балконъ находится подъ самой крышей, а когда воевода (Финоки, итальянецъ, не владѣющій русскимъ языкомъ), въ страстномъ порывѣ, въ погонѣ за своей возлюбленной, поднялся на лѣстницу къ балкону, то его поясъ приходился выше крыши домика. Опера успѣха не имѣла, г. Чайковскій потребовалъ партитуру обратно и сжегъ ее.

По контракту я имѣла право на ежегодный бенефисъ; не знаю, почему на этотъ первый годъ (66—67) моего служенія въ русской оперѣ никто объ этомъ не позаботился; даже я не обратила вниманія на это упущеніе. Когда насталъ конецъ сезона, не оказалось возможнымъ поставить подходящей оперы, а потому пришлось мнѣ предложить дирекціи удовлетворить меня деньгами, въ размѣрѣ 2 000 р. Изъ Петербурга было прислано разрѣшеніе оффиціальной бумагой, въ которой значилось: „за превосходный голосъ г. Онноре, за ея талантъ и особенно усердную службу выдать, въ замѣнъ представленія, 1.500 р.“.—Дешево тогда цѣнились наши таланты.

Опытъ заставилъ меня озаботиться самой о моемъ бенефисѣ на 1868 г. Было разрѣшено возобновить Руслана, который съ 35 г. не шелъ на московской сценѣ.—Я никогда не слыхала Руслана и стала разучивать роль Ратмира съ нѣкоторымъ недовѣріемъ къ себѣ,—опасаясь всегда слишкомъ низкихъ партій. Не мало заботилъ меня костюмъ; въ московской дирекціи, положительно, никто совѣта дать не могъ. Сѣтовъ сообщилъ мнѣ, что въ Петербургѣ было предложено г. Шарлемань придумать костюмъ для Ратмира. Г. Шарлемань дѣйствительно нарисовалъ акварелью изображеніе хозарскаго князя, въ богатомъ, эффектномъ костюмѣ, не имѣющаго ничего общаго съ вѣроятнымъ восточнымъ костюмомъ. Получился очень яркій образъ принца изъ міра сказокъ—„un prince charmant“, въ золотой каскѣ, съ бирюзовыми инкрустаціями, украшенной страусовыми бѣлыми перьями; все это было очень красиво, но совершенно нелѣпо.

Всѣ артисты отнеслись съ полнымъ вниманіемъ къ своимъ ро-

Библиотека "Руниверс"

лямъ, репетицій было сдѣлано очень много; послѣднія затягивались до половины шестого, такъ что мы должны были обѣдать въ театрѣ, чтобы не опаздывать на спектакли, которые шли, конечно, своимъ порядкомъ. Вообще, время это было очень трудное; пѣвцы переутомлялись, а смѣнить насъ было некому. Случилось такъ, что мнѣ пришлось пѣть 14 спектаклей въ девять дней.

Первое представленіе Руслана сдѣлало полный сборъ. Всѣ ложи были заняты очень нарядной публикой; была мною послана ложа—бель-этажа профессорамъ консерваторіи, и Рубинштейнъ, Лаубъ, Ларошъ, Чайковскій очень усердно апплодировали, присоединяясь къ общему настроенію. Когда Ратмиръ вышелъ на сцену во 2-мъ актѣ вся публика тепло, долго выражала свое одобреніе и, конечно это былъ для меня одинъ изъ счастливыхъ моментовъ жизни!— Такъ какъ у насъ только было три русскихъ оперы въ репертуарѣ, а Русланъ не могъ итти такъ часто, то опера „Жизнь за Царя“ заняла опять свое мѣсто и ее давали постоянно. Изъ Петербурга сдѣланъ былъ запросъ: почему такъ часто даютъ „Жизнь за Царя?“ Не знаю, что могла тогда сказать московская дирекція на этотъ наивный вопросъ, но теперь я смѣло могу отвѣтить.

Давали оперу такъ часто потому, что въ Москвѣ въ первый разъ исполнялась она во всѣхъ роляхъ хорошими русскими пѣвцами, имѣющими молодые, богатые голоса, поощренными небывалымъ успѣхомъ, одушевленными патріотическимъ подъемомъ, усиленно вызваннымъ событіемъ 4 апрѣля, и что, несмотря на частыя повторенія, сборы были всегда полные. Въ это время замѣчался также наплывъ провинціаловъ, желающихъ послушать оперу въ такомъ составѣ, а главная причина была та, что, повторяя безъ конца ту же самую оперу, безъ всякихъ репетицій, московская дирекція могла покойно почивать безъ заботъ о новыхъ постановкахъ, на которыя, впрочемъ, петербургская дирекція средствъ не давала.

1868 г. былъ самый блестящій моей карьеры; онъ закончился инцидентомъ, который умѣстно описать здѣсь, какъ образецъ самоуправства власть имѣющихъ и безцеремоннаго ихъ обращенія съ публикой и артистами.

Тогда оперныя представленія прекращались на весь великій постъ. Для послѣдняго представленія на масленицѣ въ этомъ году дали опять-таки „Жизнь за Царя“; театръ былъ переполненъ; всѣ артисты имѣли шумный успѣхъ, но сказать было нельзя, чтобы апплодировали и вызывали больше, чѣмъ обыкновенно; но случилось такъ, что генералъ-губернатору надо было куда-то ѣхать, потому онъ желалъ скорѣйшаго окончанія спектакля. Помощникомъ

Библиотека "Руниверс"

градоначальника тогда былъ полковникъ Поль; онъ сидѣлъ въ партерѣ на своемъ мѣстѣ; губернаторъ ему сдѣлалъ знакъ, приказывающій усмирить восторги молодежи. Поль отправился на верхъ предложить студентамъ прекратить вызовы, но это ему не удалось, стали апплодировать и вызывать сильнѣе; тогда было приказано арестовать болѣе шумящихъ студентовъ; ихъ удалили изъ театра и препроводили въ тверскую часть, гдѣ они и провели ночь. Полиція подала на нихъ жалобу мировому судьѣ „за скандалъ въ Большомъ театрѣ“. Ихъ присудили къ уплатѣ 25 руб. каждаго, или аресту на три дня.

Я, конечно, не могла знать, что происходило въ театрѣ, и только когда всѣ газеты въ своихъ передовыхъ статьяхъ стали порицать дѣйствія полиціи, я узнала подробности этого возмутительнаго дѣла.—Оставаться равнодушной мнѣ было невозможно.—Интересна была статья Аксакова въ его газетѣ „Москва“, которая просуществовала только нѣсколько мѣсяцевъ; онъ горячо заступился за студентовъ; говорилъ, что они выражали свой восторгъ любимой артисткѣ, а опера „кажется, не возбуждающаго содержанія. Можетъ быть талантъ г. Онноре́ не нравится полиціи“ и такъ далѣе.

Узнавъ адресъ одного изъ пострадавшихъ, я написала ему письмо, выражая свое огорченіе, что они пострадали за меня, и предложила внести деньги за нихъ.

Очень симпатичнымъ, коллективнымъ письмомъ они мнѣ отвѣтили, что никогда не откажутся отъ удовольствія выражать мнѣ свой восторгъ, а деньги они принять не могутъ ужъ потому, что ими подана кассаціонная жалоба въ мировой съѣздъ.

Студенты были оправданы, а полицію присудили къ уплатѣ имъ по 25 руб. каждому, за оскорбленіе, безпокойство и убытки. Много объ инцидентѣ говорили въ продолженіе всей первой недѣли поста, газеты читались всѣми.

Въ этомъ году былъ голодъ въ Финляндіи; было приказано дать въ Большомъ театрѣ концертъ для пострадавшихъ отъ бѣдствія. День назначили: понедѣльникъ на второй недѣлѣ поста; имъ должны были открыть концертный сезонъ.

Выборъ для всякаго концерта очень труденъ, а въ данномъ случаѣ выбрать подходящую вещь было еще труднѣе. Я вспомнила драматическую сцену соч. Доницетти, написанную имъ съ французскимъ текстомъ. Я остановилась на этомъ выборѣ, но французскій текстъ меня смущалъ; могли не всѣ понять слова. Сцена эта потрясающая: Мать и Дитя (la mère et l'enfant), но иностранный текстъ могъ не нравиться: тогда я рѣшилась на смѣлый шагъ; зная лично Островскаго, я его попросила перевести поэму на рус-

Библиотека "Руниверс"

скій языкъ, съ особенно ласковой простотой онъ согласился. Съ благоговѣніемъ сохраняю драгоцѣнную рукопись, по которой исполняла эту глубокодраматическую вещь.

Мать и Дитя.

переводъ съ французскаго Островскаго, музыка Доницетти.

Земля покрыта бѣлымъ кровомъ,
Кругомъ снѣгъ хлопьями валитъ,
Морозомъ скованный суровымъ,
Застылый источникъ молчитъ.
Земля замираетъ подъ ярмомъ холоднымъ,
Въ избушкѣ убогой, одна, съ сынкомъ голоднымъ
И съ горячей мольбой въ устахъ:
Хлѣба, хлѣба! дайте мнѣ хлѣба.
Мой бѣдный сынъ умретъ сейчасъ;
Спасите насъ ради неба,
Мой бѣдный сынъ умретъ сейчасъ!
Рада бъ помочь тебѣ въ мученьяхъ,
Мѣры нѣтъ для моей любви,
Но трудъ безмѣрный вѣчной работы
Загубилъ всѣ силы мои.
Съ сердцемъ разбитымъ
Вижу твои страданія,
И у прохожихъ прошу подаянія,
Да, тебѣ, мой родной, дрожащей рукой
Прошу хлѣба!
Никто, никто меня не слышитъ,
Мой крикъ, мой стонъ погибъ средь тьмы,
Ахъ, дитя мое, едва-ли дышитъ,
Не доживешь до завтра ты.
Ахъ, хлѣба, хлѣба, дайте мнѣ хлѣба:
Мой бѣдный сынъ умретъ сейчасъ,
Ахъ, дитя мое!

19-го февраля, ровно черезъ недѣлю послѣ ареста и двойного суда надъ студентами, назначенъ былъ концертъ для голодающихъ финляндцевъ.—Залъ нашъ принялъ торжественный видъ. Въ подобныхъ случаяхъ залъ нивеллировался; получалось грандіозное помѣщеніе.—Въ концертѣ принимали участіе всѣ артисты. Оперный и балетный оркестръ, хоръ, драматическіе артисты и всѣ оперные пѣвцы. Вся сцена была занята участвующими. Освѣщеніе полное;

Библиотека "Руниверс"

а въ залѣ не было ни одного пустого мѣста. Программа состояла изъ пѣнія гимна, декламаціи артистовъ Малаго театра, солистовъ обоихъ оркестровъ и оперныхъ пѣвцовъ.—Входили съ глубины зала.

Концертъ начался гимномъ, который повторили три раза; потомъ декламировали драматическіе артисты, пѣла г-жа Александрова, Меньшова и другіе; когда пришла моя очередь, и я вышла на сцену, вся публика демонстративно встала, какъ въ ложахъ, такъ и въ партерѣ. Сѣтовъ взглянулъ на часы, чтобы знать, сколько времени будутъ апплодировать, т. к. всѣ, дружно, какъ одинъ человѣкъ, стали апплодировать; никто не кричалъ. Апплодисменты продолжались *17 минутъ*;—понемногу стихало—и сейчасъ же, съ удвоенной силой, начиналось снова.

Островскій сидѣлъ въ первыхъ рядахъ, съ видимымъ интересомъ и удовольствіемъ слѣдилъ за демонстраціей. Когда наконецъ я могла начать пѣть, то не дается описанію восторгъ безъ того особенно настроенной публики. Буквально всѣ плакали. Конечно, биссировали, и тогда я спѣла по-французски—получился одинаковый успѣхъ.

Въ одномъ изъ своихъ фельетоновъ г. Чайковскій говоритъ, что я пѣла безъ особеннаго чувства!—Спрашивается, можно ли достичь подобнаго результата безъ особеннаго внутренняго чувства. Эверарди, пріѣхавшій для своего концерта, встрѣтилъ моего мужа въ театрѣ и сказалъ: „on m'a dit que M-e Honnoré a fait pleurer toute la salle hier".

И. Онноре́.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

Николай Михайловичъ Пржевальскій.

Путешествіе на Лобъ-норъ.

Еще въ то время, когда писалась „Монголія и страна тангутовъ“, Н. М. Пржевальскій мечталъ уже о новомъ путешествіи и разрабатывалъ планъ его. „Я не намѣренъ успокоиться, сообщалъ онъ М. П. Степанову, и въ концѣ будущаго 1875 года, лишь только окончу второй томъ своего писанія, снова отправлюсь на два года въ Тибетъ, на этотъ разъ изъ Туркестана. Средства теперь, вѣроятно, дадутъ большія, такъ что я возьму еще человѣкъ семь—восемь казаковъ, которыхъ вооружу берданками“.

Такъ какъ спутникъ его первой экспедиціи, М. А. Пыльцовъ, женился [1]) и намѣренъ былъ выдти въ отставку, то Николай Михайловичъ предназначалъ себѣ товарищемъ Николая Яковлевича Ягунова, бывшаго съ нимъ въ Уссурійскомъ краѣ, затѣмъ блестяще окончившаго Варшавское юнкерское училище и вышедшаго офицеромъ въ Австрійскій полкъ.

Зная способность Ягунова къ рисованію и считая не лишнимъ имѣть въ числѣ членовъ экспедиціи художника, Николай Михайловичъ просилъ его особенно заняться этимъ и всѣми средствами по-

---

[1]) На сводной сестрѣ Николая Михайловича, Александрѣ Ивановнѣ Толпыго, отъ второго брака его матери.

— Это чисто какъ въ романѣ, говорилъ Пржевальскій: ѣздили вмѣстѣ въ далекія страны, а затѣмъ, по возвращеніи, одинъ изъ путешественниковъ женился на сестрѣ товарища. Не прибавить ли это въ подробномъ разсказѣ къ описанію моего путешествія?

Библиотека "Руниверс"

ощрялъ его талантъ. Всецѣло преданный Пржевальскому и съ восторгомъ мечтавшій о предстоявшей экспедиціи, Ягуновъ усиленно трудился и оказывалъ большіе успѣхи въ рисованіи.

Задумывая экспедицію въ болѣе широкихъ размѣрахъ, Николай Михайловичъ писалъ своему другу, І. Л. Фатѣеву, прося его пріискать кого-нибудь изъ юнкеровъ старшаго класса Варшавскаго училища. „Такого юношу произведутъ нынче въ офицеры, говорилъ Пржевальскій, и я могу устроить такъ, что его командируютъ со мною на службу, такъ же какъ и Ягунова. Необходимо, чтобы новый товарищъ былъ хорошій человѣкъ, охотникъ... Только одно *непремѣнное условіе*: всякій желающій отправиться со мною долженъ знать, что онъ будетъ исполнителемъ того, что ему предложатъ дѣлать; личныхъ желаній и собираній коллекцій для себя или кого-либо другого не допускается. *Такой деспотизмъ*, по моему мнѣнію, необходимъ для успѣха дѣла“.

Николай Михайловичъ сознавалъ, что найти такого человѣка весьма трудно: спутникъ долженъ быть человѣкомъ хорошимъ и привязаннымъ всею душою какъ къ нему, такъ и къ общему дѣлу; онъ долженъ быть нравственною поддержкою во всѣ трудныя минуты экспедиціи, члены которой должны составлять одно нераздѣльное цѣлое и жить въ искренней братской дружбѣ. „Тогда бы, говорилъ Пржевальскій, всѣ труды и лишенія, всѣ непріятности отъ мѣстнаго населенія,—все это легче бы переносилось и менѣе бы чуствовалась отчужденность отъ родныхъ и цивилизованнаго міра.

„Надо втолковать, писалъ Николай Михайловичъ, желающему со мною путешествовать, что онъ ошибается, если будетъ смотрѣть на путешествіе, какъ на средство отличиться и попасть въ знаменитости. Напротивъ, ему придется столкнуться со всѣми трудностями и лишеніями, которыя явятся непрерывною чередою на цѣлые годы, при этомъ его личная иниціатива будетъ подавлена цѣлями экспедиціи; онъ долженъ будетъ превратиться въ безсловеснаго исполнителя и препаратора (по дѣланію чучелъ, собирателя топлива, караульнаго по ночамъ и проч.), долженъ начать съ того, чтобы сидѣть по цѣлымъ днямъ въ музеѣ, учиться дѣлать чучела, а затѣмъ идти на тысячу лишеній и опасностей. Человѣкъ бѣдный и при томъ страстный охотникъ былъ бы всего болѣе подходящимъ спутникомъ и скорѣе бы могъ понять, что путешествіе не легкая и пріятная прогулка, а долгій, непрерывный и тяжелый трудъ, предпринятый во имя великой цѣли. Желательно было бы, заключаетъ Николай Михайловичъ, чтобы юноша поѣхалъ по увлеченію, а не изъ-за денегъ“...

Многіе выражали желаніе быть спутниками Пржевальскаго, но

Библиотека "Руниверс"

онъ былъ страшно разборчивъ и не скоро остановилъ свое вниманіе на одномъ счастливцѣ—Эклонѣ—сынѣ служащаго при музеѣ Академіи, юношѣ, недавно вышедшемъ изъ четвертаго класса гимназіи и занимавшемся при музейской лабораторіи. „Если я рѣшусь, говорилъ Пржевальскій, взять Эклона въ экспедицію, то привезу его на лѣто въ Отрадное обучить всему, что нужно". Въ іюнѣ онъ ждалъ къ себѣ еще гостей изъ Варшавы, І. Л. Фатѣева и Ягунова, но вмѣсто ихъ пріѣзда онъ получилъ горестное извѣстіе, что, купаясь въ Вислѣ, Ягуновъ утонулъ восьмого іюня. Извѣстіе это сильно поразило Николая Михайловича.

— Меня постигло великое горе, говорилъ онъ; бывшій со мною на Амурѣ спутникъ, предназначавшійся для слѣдующей экспедиціи, утонулъ. Въ немъ я лишился преданнаго друга и человѣка, незамѣнимаго въ путешествіи. Да, потеря его для меня слишкомъ тяжела и неминуемо отразится на самой экспедиціи. Юный и неопытный Эклонъ еще неизвѣстно какимъ окажется и во всякомъ случаѣ никогда не замѣнитъ Николая Яковлевича, а безъ надежнаго друга, въ трудномъ дѣлѣ путешествія, одному невозможно управиться.. Я до сихъ поръ еще не могу свыкнуться съ мыслью, что Ягуновъ уже не существуетъ. Все кажется, что вотъ-вотъ онъ пріѣдетъ къ намъ въ деревню,—такъ недавно еще былъ среди насъ, а теперь превратился въ ничто...

„Если Ягунову будутъ сооружать памятникъ, писалъ Пржевальскій І. Л. Фатѣеву, то я прошу васъ внести отъ меня двадцать пять рублей, которые я возвращу вамъ съ благодарностью въ деревнѣ... Быть можетъ, на эту сумму можно прямо купить дубъ и посадить на могилѣ. Матери Ягунова я отправлю рисунки ея бѣднаго Коли, лишь только получу отъ нея письмо.

„Получилъ я отъ своихъ казаковъ изъ Кяхты письма, въ которыхъ они умоляютъ меня взять ихъ опять въ экспедицію. Хорошо, что есть хотя этихъ два надежныхъ человѣка, а то совсѣмъ бы дѣло было плохо. Да, откровенно говоря, оно и теперь находится не въ хорошихъ условіяхъ; посмотримъ, что будетъ далѣе".

Оффиціальное осуществленіе экспедиціи подвигалось впередъ туго. Только особенно-сочувственные отзывы просвѣщенныхъ министровъ военнаго, Д. А. Милютина, и иностранныхъ дѣлъ, Н. К. Гирса, дали возможность совѣту географическаго общества просить Августѣйшаго предсѣдателя великаго князя Константина Николаевича исходатайствовать на экспедицію Пржевальскаго просимую имъ сумму изъ средствъ государственнаго казначейства. Препровождая при

Библиотека "Руниверс"

рескриптѣ къ статсъ-секретарю Рейтерну подробную записку совѣта общества и отзывы министровъ, Его Высочество просилъ исходатайствовать у Государя Императора о назначеніи 24.740 рублей и при этомъ выразилъ увѣренность, что экспедиція эта „принесетъ обильные плоды для науки и честь тѣмъ учрежденіямъ, которыя примутъ на себя заботы объ ея осуществленіи".

Спустя три дня, и именно 5 марта (1876 года), министръ финансовъ увѣдомилъ, что Государь Императоръ соизволилъ на отпускъ просимой суммы.

Между тѣмъ въ ожиданіи окончательнаго рѣшенія Николай Михайловичъ усиленно трудился надъ скорѣйшимъ созданіемъ своей книги. Усиленно подыскивался также и второй сотрудникъ, каковымъ, въ концѣ концовъ, явился прапорщикъ Повало-Швыйковскій, ближайшій сосѣдъ Пржевальскаго по Отрадному. Молодой Швыйковскій чуть не сошелъ съ ума отъ радости. Приглашеніе Николая Михайловича онъ получилъ въ одинъ день съ извѣстіемъ о своемъ производствѣ въ офицеры. Онъ тотчасъ же отвѣчалъ Пржевальскому, что путешествіе съ нимъ было его всегдашней мечтой, которая теперь къ счастью исполнилась.

„Теперь, говорилъ Николай Михайловичъ, я одной ногой уже въ Тибетѣ, и если эта экспедиція будетъ идти такъ же счастливо, какъ первая, то мнѣ будетъ принадлежать честь изслѣдованія всѣхъ самыхъ невѣдомыхъ странъ Центральной Азіи. Поприще завидное, хотя и трудное. Надѣюсь, что мое счастье меня не оставитъ, и что черезъ три года я вернусь въ Отрадное здоровымъ и невредимымъ".

Въ концѣ апрѣля Пржевальскій выѣхалъ изъ Отраднаго, а въ началѣ іюня, во главѣ экспедиціи, прибылъ въ Пермь, гдѣ принужденъ былъ остановиться на нѣсколько дней. „Прощайте, мои дорогіе, писалъ Николай Михайловичъ въ Отрадное, вѣрьте, что разлука съ вами составляетъ для меня самую тяжелую жертву, перенести которую у меня хватило воли лишь во имя великаго дѣла... Конечно, здоровья поубавится, да и сѣдыхъ волосъ прибудетъ".

„Въ Кульджѣ буду, вѣроятно, не ранѣе половины іюля и въ концѣ этого мѣсяца двинусь въ Тянь-Шань, прямо къ вулкану Пэшакъ, который стоитъ къ сѣверу отъ города Куча и составляетъ предметъ споровъ между геологами.

„Дальнѣйшее движеніе будетъ конечно зависѣть отъ обстоятельствъ, но во всякомъ случаѣ я буду наблюдать пролетъ птицъ, т. е. проведу сентябрь на Лобъ-норѣ, а октябрь и ноябрь въ пустыняхъ къ юго-западу отъ Лобъ-нора. Въ декабрѣ вернусь въ

Библиотека "Руниверс"

Кульджу или въ какой-либо другой пунктъ нашего Туркестана и повѣщу ученому міру, существуютъ ли дикіе верблюды или нѣтъ".

Возня съ громаднымъ багажомъ, при скверной уральской дорогѣ, была страшная; экипажи ломались часто и за ихъ починку приходилось платить дорого.

За Ураломъ тотчасъ раскидывается Ишимская степь, а потомъ Барабинская. Первая имѣетъ луговой характеръ и превосходную черноземную почву, вторая, по мѣрѣ удаленія отъ Омска къ Семипалатинску, принимаетъ все болѣе и болѣе характеръ Гоби.

„Жары стоятъ ужасныя, писалъ Пржевальскій, днемъ мы ѣдемъ обыкновенно раздѣтыми, даже безъ сапогъ и штановъ; въ каждой попутной рѣчкѣ купаемся. Мое здоровье отлично и быстро поправилось: головныя боли, кашель, катарръ горла—все прошло. Вотъ что значитъ приволье страннической жизни! Это не то, что сидѣть въ петербургскомъ климатѣ, въ конурѣ"...

Сборы и снаряженіе экспедиціи задержали Пржевальскаго въ Кульджѣ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль. Хлопотъ было множество: сортировка вещей, укладываніе ихъ въ походные ящики и сумы. Къ тому же не мало времени отняла просушка предметовъ, чуть было не утонувшихъ въ рѣкѣ Хоргосѣ.

Охранный листъ для экспедиціи былъ присланъ также въ Кульджу, хотя китайское правительство выдало его не безъ затрудненій.

„Паспортъ изъ Пекина, писалъ Николай Михайловичъ, я получилъ на проходъ отъ Хами въ Тибетъ. Только китайцы отказазались охранять экспедицію. Это-то и нужно, чтобы возлѣ насъ не было такой ....., каковы всѣ китайскіе солдаты".

— Независимо отъ того, говорили (китайскіе) министры, что весь южный склонъ Тянь-Шаня занятъ инсургентами, должно имѣть въ виду, что населеніе странъ, черезъ которыя путешественникамъ придется пройдти, состоитъ изъ полудикихъ тангутовъ, только номинально признающихъ власть Китая и на которыхъ здѣшнее правительство никакого вліянія не имѣетъ. Въ самомъ Тибетѣ власть правительства Богдыхана также очень ничтожна. По этимъ причинамъ китайское правительство не можетъ принять на себя обязанность охранять путешественниковъ, которые отправляются изъ Хами въ Тибетъ, а потому и выдача вида на этотъ предметъ возможна лишь въ томъ случаѣ, если сама экспедиція въ состояніи будетъ гарантировать свою безопасность.

Получивъ паспортъ съ такою оговоркою, Пржевальскій 12 августа, напутствуемый добрыми пожеланіями соотечественниковъ,

Библиотека "Руниверс"

жившихъ въ Кульджѣ, оставилъ этотъ городъ и направился вверхъ по берегу рѣки Или.

— Илійская долина, говорилъ онъ,—это азіатская Ломбардія по своему климату и плодородію: отдавать такой уголокъ, право, не слѣдуетъ.

Населеніе долины было прежде очень густое, но во время возстанія таранчей разрѣжено уничтоженіемъ болѣе двухсотъ тысячъ китайцевъ: цѣлые города истреблены были до единаго человѣка. Но несмотря на то, въ 1876 году долина все-таки была густо заселена таранчами, сартами, киргизами и калмыками. Плодородіе почвы удивительное, дешевизна невообразимая: фруктовъ (персиковъ, яблоковъ, грушъ, арбузовъ и дынь)—гибель. „Каждый день, писалъ Николай Михайловичъ Пыльцову, мы объѣдаемся до отвалу по нѣскольку разъ. Есть персики величиною съ большое антоновское яблоко, но и жрутъ же мои казаки. Вѣришь ли, каждый день мы съѣдаемъ отъ 20 до 25 фунтовъ мяса, кромѣ другихъ приложеній".

Движеніе экспедиціи по Или было пріятною прогулкою: красивыя и чистыя деревни съ садами, высокими тополями, почти сплошь слѣдовали одна за другою. Обширныя поля съ обильнымъ орошеніемъ, большія стада барановъ, рогатаго скота и табуны лошадей были очевидными свидѣтелями того, что населеніе живетъ зажиточно и въ полномъ довольствѣ.

Вскорѣ, затѣмъ, экспедиція вступила въ долину нижняго Кунгеса, въ лѣсахъ котораго нашла хорошую научную добычу, въ особенности по части животной жизни. Николаю Михайловичу посчастливилось убить большого темно-бураго медвѣдя, отличающагося отъ обыкновеннаго длинными бѣлыми когтями переднихъ ногъ. Въ сосѣднихъ горахъ начинало ощущаться приближеніе осени: перепадали небольшіе морозы, на высотахъ уже лежалъ снѣгъ и листья на деревьяхъ опали на половину.

Поднявшись вверхъ по Кунгесу и далѣе по рѣкѣ Цагма, экспедиція достигла обширной и высокой долины, извѣстной подъ именемъ Юлдуса, что значитъ звѣзда, отъ множества озерокъ, блестящихъ на солнцѣ въ видѣ звѣздъ, разсыпанныхъ по зеленымъ богатымъ пастбищамъ этой привольной страны.

— Мѣсто прекрасное, прохладное и кормное, говорили торгоуты Пржевальскому, разсказывая про Юлдусъ; только и жить господамъ да скотинѣ.

Вступленіе экспедиціи на Юлдусъ ознаменовалось крайне непріятнымъ событіемъ для Николая Михайловича. Онъ принужденъ былъ отправить въ Россію одного изъ своихъ спутниковъ, Повало-

Библиотека "Руниверс"

Дун-фу-сянъ

(выдающійся сановникъ Китая, бывшій въ опалѣ, въ изгнаніи).

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Швыйковскаго, и остаться, по-прежнему, съ однимъ лишь помощникомъ.

Познакомившись съ Юлдусомъ, Пржевальскій двинулся въ долину Хайду-гола и черезъ урочище Хара-мото и Карашаръ достигъ резиденціи Якубъ-бека Кашгарскаго. Еще по дорогѣ сюда, экспедиція уже была привѣтствована послами Бодуалета [1]), который въ высшей степени интересовался путешественниками. Въ Курлѣ былъ отведенъ для нихъ особый домъ, внѣ города, и приставленъ караулъ, подъ предлогомъ охраненія. „Въ сущности же для того, говоритъ Пржевальскій, чтобы не допускать сюда никого изъ мѣстныхъ жителей, вообще крайне недовольныхъ правленіемъ Якубъ-бека. Въ то же время и насъ не впускали въ городъ, говоря: вы наши гости дорогіе, вамъ не слѣдуетъ безпокоиться, все, что нужно, будетъ доставлено. Но столь сладкія рѣчи были на словахъ. Правда, намъ каждый день доставляли барана, хлѣбъ и фрукты, но этимъ и ограничивалось гостепріимство. Все, что только насъ интересовало, что составляло прямую задачу нашихъ изслѣдованій, было для насъ закрыто. Мы не знали ни о чемъ далѣе воротъ нашего двора".

На другой день по прибытіи въ Курля, къ экспедиціи былъ приставленъ одинъ изъ приближенныхъ Якубъ-бека, нѣкто Заманъ-бекъ, выходецъ изъ г. Нухи и бывшій русскій подданный. Онъ зорко слѣдилъ за всѣми членами экспедиціи и сопровождалъ ихъ на Лобъ-норъ; мѣстному населенію запрещено было говорить съ русскими, и каждую недѣлю пріѣзжалъ къ Заманъ-беку гонецъ, съ которымъ онъ и отправлялъ свои донесенія.

Заманъ-бекъ высказалъ Пржевальскому, что Якубъ-ханъ имѣетъ свѣдѣніе о томъ, что русскіе не только поставляютъ хлѣбъ китайцамъ, дѣйствующимъ противъ дунганъ, но что, будто бы, въ рядахъ китайскихъ войскъ находится довольно много русскихъ офицеровъ. При этомъ бекъ объяснилъ, что Бодуалетъ этимъ огорченъ, тѣмъ болѣе, что, съ своей стороны, онъ ни разу не былъ врагомъ русскихъ. Для разъясненія справедливости этихъ слуховъ, Заманъ просилъ написать письмо туркестанскому генералъ-губернатору, генералъ-адъютанту Кауфману, чтобы тотъ выяснилъ, на сколько справедливы эти слухи. При этомъ намекалъ, что въ случаѣ отказа написать такое письмо, Пржевальскій не будетъ пропущенъ на Лобъ-норъ. Зная, что письмо это будетъ прочтено, Николай Михайловичъ ограничился въ немъ только изложеніемъ своего разговора съ Заманомъ.

— Съ своей стороны, прибавлялъ Пржевальскій въ концѣ

[1]) Бодуалетъ—счастливецъ, такъ называлъ народъ Якубъ-хана.

Библиотека "Руниверс"

письма къ генералъ-адъютанту Кауфману, я старался увѣрить Заманъ-бека, что слухъ о присутствіи въ китайскихъ войскахъ русскихъ офицеровъ чистѣйшій вздоръ и, что поставка хлѣба китайцамъ есть дѣло купцовъ, а не правительства. Тѣмъ не менѣе вышеприведенные слухи, какъ видно, весьма тревожатъ Якубъ-хана, который говоритъ, что англичане теперь будутъ смѣяться надъ нимъ за то, что онъ не вступилъ съ ними въ такія дружескія отношенія, какъ Афганскій ханъ; между тѣмъ, русскіе въ благодарность платятъ зломъ. При томъ, слухи о нашемъ будто бы участіи въ борьбѣ китайцевъ съ дунганами замѣтно отражаются на свободѣ моихъ научныхъ изслѣдованій. Рѣшаюсь просить ваше высокопревосходительство, если признаете возможнымъ, сообщить Якубъ-хану, что свѣдѣнія подобнаго рода не имѣютъ ни малѣйшей вѣроятности".

Разубѣдить хана было трудно, но еще труднѣе было получить свободный пропускъ на югъ, къ берегамъ таинственнаго Лобъ-нора... Наконецъ, онъ былъ полученъ, и экспедиція радостно двинулась по бассейну Тарима. Въ попутномъ большомъ селеніи Ахтарма, окруженномъ лѣсами, изобилующими птицами и тростниками, въ которыхъ водятся тигры, Пржевальскій провелъ восемь дней, но ему не удалось убить ни одного тигра. Вообще охота на этого звѣря, кромѣ опасности, весьма трудна по чуткости тигра, и мѣстные жители для добыванія его шкуры употребляютъ отраву.

Дальнѣйшій путь экспедиціи направлялся внизъ по Тариму. Идти съ верблюдами было очень трудно, такъ какъ приходилось „пробираться то по лѣсу, или густымъ колючимъ кустарникамъ, то иногда по возвышенному тростнику, корни котораго, словно желѣзная щетка, изранивaютъ до крови верблюжьи пятки".—Прихожу къ убѣжденію, писалъ Пржевальскій Пыльцову, что идеальная экспедиція въ азіатскихъ пустыняхъ должна состоять только изъ шести человѣкъ: начальникъ, его помощникъ и четыре казака. Такъ и пойду въ Тибетъ.

Оставивъ въ селеніи Чархалыкъ бо̀льшую часть багажа, трехъ казаковъ и Заманъ-бека, Николай Михайловичъ съ остальными спутниками отправился, на другой день Рождества, въ „Золотыя горы" (Алтынъ-тагъ), на охоту за дикими верблюдами. Для укрытія отъ сильныхъ холодовъ имѣлась юрта; продовольственныхъ же запасовъ было взято на полтора мѣсяца.

Въ теченіе сорока дней экспедиція прошла вдоль сѣвернаго подножья Золотыхъ горъ около пятисотъ верстъ и встрѣтила только одного дикаго верблюда, убить котораго однако не удалось.—

Библиотека "Руниверс"

„Вообще, говоритъ Николай Михайловичъ, описываемая экскурсія была весьма неудачна и притомъ исполнена различныхъ невзгодъ. На огромной абсолютной высотѣ, въ глубокую зиму, среди крайне безплодной мѣстности мы терпѣли всего болѣе отъ безводія и морозовъ, доходившихъ до—20° Цельзія. Топлива было весьма мало, а при неудачныхъ охотахъ мы не могли добыть себѣ хорошаго мяса и принуждены были нѣсколько времени питаться зайцами. На мѣстахъ остановокъ рыхлая глинисто-соленая почва мигомъ разминалась въ пыль, которая толстымъ слоемъ ложилась вездѣ въ юртѣ. Сами мы не умывались по цѣлой недѣлѣ, были грязны до невозможности; наше платье было пропитано насквозь; бѣлье же отъ грязи приняло сѣровато-коричневый цвѣтъ".

Отдохнувъ съ недѣлю у ключа Чаглыкъ, Пржевальскій рѣшилъ идти обратно на Лобъ-норъ, наблюдать весенній пролетъ птицъ. Лучшихъ охотниковъ-туземцевъ онъ отправилъ опять въ горы на поиски дикихъ верблюдовъ, назначивъ за шкуры самца и самки по сту рублей,—цѣну, въ пять разъ дороже той, за которую обыкновенно продавались шкуры этихъ животныхъ.

Какъ натуралистъ, Николай Михайловичъ приводитъ первыя очень интересныя сообщенія о дикомъ верблюдѣ.... „По увѣренію лобнорскихъ охотниковъ, пишетъ онъ, всѣ верблюды приходятъ, равно какъ и уходятъ, въ пески Кумъ-тагъ, совершенно недоступные по своему безводію.... Лѣтомъ, въ сильныя жары, верблюды соблазняются прохладою высокихъ долинъ Алтынъ-тага и заходятъ сюда на высоту 11.000 футовъ; даже и болѣе, такъ какъ наши проводники сообщали намъ, что описываемое животное изрѣдка попадается на высокомъ плато, по южной сторонѣ Алтынъ-тага. Не малою приманкою для верблюдовъ въ горахъ служатъ водопои на рѣдкихъ ключахъ, а также сравнительно бо̀льшее, нежели въ пескахъ, обиліе бударганы и другихъ солончаковыхъ растеній. Зимою дикіе верблюды держатся исключительно въ болѣе низкой и теплой пустынѣ; въ горы заходятъ лишь случайно.

„Противоположно домашнему верблюду, у котораго трусость, глупость и апатія составляютъ преобладающія черты характера, дикій его собратъ отличается своею смѣтливостью и превосходно развитыми внѣшними чувствами. Зрѣніе у описываемаго животнаго чрезвычайно острое, слухъ весьма тонкій, а обоняніе развито до удивительнаго совершенства. Охотники увѣряли насъ, что по вѣтру верблюдъ можетъ почуять человѣка за нѣсколько верстъ, разглядитъ крадущагося охотника очень далеко, услышитъ малѣйшій шо-

Библиотека "Руниверс"

рохъ шаговъ. Разъ замѣтивъ опасность, звѣрь тотчасъ же убѣгаетъ и уходитъ за нѣсколько десятковъ, иногда даже за сотни верстъ. Дѣйствительно, тотъ верблюдъ, въ котораго я стрѣлялъ, бѣжалъ безъ перерыва, какъ то можно было видѣть по слѣду, верстъ двадцать; вѣроятно еще и далѣе, но больше мы не стали слѣдить, такъ какъ звѣрь свернулъ ущельемъ въ сторону отъ нашего пути.

„Повидимому, такое неуклюжее животное, какъ верблюдъ, всего менѣе способно лазить по горамъ, но въ дѣйствительности выходитъ наоборотъ. Мы видали не одинъ десятокъ разъ верблюжьи слѣды и пометъ въ самыхъ тѣсныхъ ущельяхъ и на такихъ крутыхъ склонахъ, по которымъ очень трудно взобраться даже и охотнику. Здѣсь верблюжьи слѣды мѣшаются съ слѣдами куку-ямановъ и аркаровъ. До того странно подобное явленіе, что какъ-то не вѣрится собственнымъ глазамъ.

„Бѣгаетъ дикій верблюдъ очень быстро, почти всегда рысью. Впрочемъ въ этомъ случаѣ и домашній его собратъ, на большомъ разстояніи, обгонитъ хорошаго скакуна. На рану описываемый звѣрь весьма слабъ и часто сразу падаетъ отъ малокалиберной пули лобнорскихъ охотниковъ.

„Время течки у дикихъ верблюдовъ бываетъ зимою—съ половины января почти до конца февраля. Старые самцы собираютъ тогда по нѣсколько десятковъ самокъ и ревностно стерегутъ ихъ отъ сладостныхъ покушеній другихъ кавалеровъ—для чего, по словамъ охотниковъ, иногда загоняютъ весь свой гаремъ въ укромныя ущелья и не выпускаютъ оттуда до окончанія любовной поры. Въ этотъ же періодъ между самцами заводятся драки, которыя иногда оканчиваются смертію одного изъ бойцовъ. Старый самецъ, одолѣвъ болѣе слабаго молодого, зубами раздавливаетъ ему черепъ. Самка идетъ въ течку на третьемъ году и ходитъ беременною немного болѣе года; молодые, всегда одинъ, родятся раннею весною, т. е. въ мартѣ. Дѣтеныши весьма любятъ своихъ матерей. Если самка убита, то молодой убѣгаетъ, но потомъ опять возвращается на это мѣсто. Пойманные съ молоду, дикіе верблюды легко ручнѣютъ и исправно возятъ вьюкъ.

„Голосъ описываемое животное издаетъ очень рѣдко—глухой въ родѣ мычанія; такъ ревутъ чаще самки, у которыхъ есть дѣти. Самцы же, даже въ періодъ течки, не ревутъ, но отыскиваютъ самокъ чутьемъ по слѣду.

„Сколько лѣтъ живетъ дикій верблюдъ, намъ сказать не могли; иные достигаютъ глубокой старости. Нашему проводнику-охотнику однажды случилось убить самца съ совершенно стертыми зубами; несмотря на это, животное было довольно жирно.

Библиотека "Руниверс"

„Лобнорцы охотятся за дикими верблюдами лѣтомъ и осенью. Спеціально за описываемыми животными не ѣздятъ, а бьютъ ихъ, когда попадутся. Вообще эта охота считается самою трудною, и ею занимаются лишь три, четыре охотника на всемъ Лобъ-норѣ. Убиваютъ верблюдовъ всего чаще, подкарауливая на водопояхъ; рѣже— ищутъ по свѣжимъ слѣдамъ.

„Охотники, отправленные мною на поиски дикаго верблюда, вернулись на Лобъ-норъ только 10-го марта, но за то съ добычею. Въ окраинѣ Кумъ-тага они убили самца верблюда и самку; при томъ, совершенно неожиданно, пріобрѣли молодого изъ утробы убитой матери. Этотъ молодой долженъ былъ родиться на слѣдующій день..... Черезъ нѣсколько дней я получилъ еще шкуру дикаго верблюда (самца), убитаго на нижнемъ Таримѣ.

„Нечего и говорить, на сколько я былъ радъ пріобрѣсти наконецъ шкуры того животнаго, о которомъ сообщалъ еще Марко-Поло, но котораго до сихъ поръ не видалъ ни одинъ европеецъ...“

.... Весь февраль и двѣ трети марта 1877 года, экспедиція провела на берегу Лобъ-нора. Это собственно не озеро, а огромное тростниковое болото, на которомъ, періодически, собираются милліоны плавающихъ птицъ, въ особенности утокъ. Во время валового пролета, и днемъ и ночью, стая за стаей, тысячи за тысячами неслись пернатые странники возлѣ палатокъ нашихъ путешественниковъ. Охота на нихъ была болѣе чѣмъ удачна; били столько, что дѣвать было некуда, а раненыхъ не преслѣдовали и не подбирали, оставляя ихъ въ добычу крылатымъ хищникамъ.

Между тѣмъ Заманъ-бекъ попривыкъ къ членамъ экспедиціи и предоставилъ имъ свободу, чѣмъ и воспользовался Николай Михайловичъ, чтобы поплавать въ лодкѣ по Лобъ-нору и изучить на сколько можно бытъ мѣстныхъ обитателей. „Это такіе дикари, писалъ онъ, какихъ я не видывалъ даже въ лѣсахъ Амура, среди тамошнихъ кочевыхъ инородцевъ...

.... „Бѣдный и слабый физически лобнорецъ или кара-курчинецъ бѣденъ и нравственно. Весь міръ его понятій и желаній заключенъ въ тѣсныя рамки окружающей среды, внѣ которой этотъ человѣкъ ничего не знаетъ. Лодки, сѣти, рыба, утки, тростникъ—вотъ тѣ предметы, которыми только и надѣлила несчастнаго мачиха-природа. Понятно, что при такой обстановкѣ, при томъ безъ вліяній извнѣ, невозможно развитіе ни умственное, ни нравственное. Тѣсный кругъ понятій лобнорца не переходитъ за берега родного озера; остальной міръ для него не существуетъ. Вѣчная борьба съ нуждою,

Библиотека "Руниверс"

голодомъ, холодомъ положила печать апатіи и угрюмости на характеръ несчастнаго; онъ никогда почти не смѣется. Умственныя способности также не идутъ дальше того, сколько нужно, чтобы поймать рыбу или утку, да исполнить другія житейскія заботы. Иные даже считать не умѣютъ дальше сотни, быть можетъ, и того менѣе. Впрочемъ, нѣкоторые изъ лобнорцевъ, болѣе цивилизованные, достаточно хитры и плутоваты въ обыденныхъ случаяхъ жизни.

.... „Сидя въ сырой тростниковой загороди, среди полунагихъ обитателей одной изъ деревень Кара-курчина, я невольно думалъ: сколько вѣковъ прогресса отдѣляютъ меня отъ моихъ сосѣдей? И какъ велика сила человѣческаго генія, если изъ подобныхъ людей, каковыми, по всему вѣроятію, были наши далекіе предки, могли сдѣлаться нынѣшніе европейцы. Съ тупымъ удивленіемъ смотрѣли на меня лобнорскіе дикари, но не менѣе того интересовался и я ими. Было слишкомъ много манящаго и оригинальнаго во всей окружающей обстановкѣ, среди далекаго, невѣдомаго озера, въ кругу людей, живо напомнившихъ собою примитивный бытъ человѣчества...“

Сдѣлавъ затѣмъ астрономическое опредѣленіе главныхъ пунктовъ и съемку озера Лобъ-нора, Пржевальскій считалъ главную свою задачу посильно исполненной и направился въ обратный путь на городъ Курля.

Многіе сожалѣли, что Н. М. Пржевальскому не удалось пробраться въ Тибетъ прямо черезъ Лобъ-норъ. „Извѣстный нашъ миссіонеръ о. Палладій, писалъ Пржевальскому дипломатическій чиновникъ въ Пекинѣ, Кояндеръ, продолжаетъ предполагать, что, несмотря на отрицаніе мѣстныхъ жителей, возможность пройти этой дорогой существуетъ; такъ, вмѣсто обѣщанныхъ безводныхъ степей, тамъ должны быть (мѣстности), покрытыя травою и лѣсами. Единственная надежда убѣдиться въ этомъ была на васъ, такъ какъ кромѣ васъ никто не обладаетъ въ настоящее время достаточной энергіей, чтобы сдѣлать подобную попытку. Теперь онъ (Палладій) отложилъ всякую надежду на то, чтобы при нашемъ поколѣніи вопросъ этотъ былъ выясненъ. Китайцы продолжаютъ увѣрять, что и изъ Хами нѣтъ прямыхъ путей въ Тибетъ; но вѣроятно проходъ вашъ докажетъ имъ противное“.

Двадцать пятаго апрѣля наши путешественники прибыли въ Курля и на пятый день своего здѣсь пребыванія имѣли свиданіе съ Якубъ-ханомъ. Это былъ пожилой, маленькій, толстый господинъ, съ черною, съ просѣдью, бородою; онъ производилъ впечатлѣніе

Библиотека "Руниверс"

человѣка, привыкшаго подавлять свои чувства и не показывать ихъ. „Хотя въ общемъ, писалъ Николай Михайловичъ, Якубъ-ханъ такая же ....., какъ и всѣ азіатскіе халатники. Кашгарское царство не стоитъ мѣднаго гроша". Пржевальскій и его спутникъ были приняты на дворѣ. Послѣ поклоновъ и привѣтствій Якубъ-ханъ всталъ и подалъ руку. Разспросивъ о благополучіи пути, онъ заявилъ, что видѣлъ много европейцевъ, но что никто ему такъ не нравился, какъ они. — Вы отправляетесь въ Петербургъ, говорилъ онъ; смотрите же, не забывайте своего друга—пишите мнѣ.

Во время аудіенціи, продолжавшейся около часа, весь разговоръ вертѣлся на томъ, что онъ искренно и чистосердечно расположенъ къ русскимъ, хотя факты доказывали противное: какъ въ первый разъ, такъ и теперь путешественниковъ никуда не выпускали изъ квартиры, не дозволяя имъ ни съ кѣмъ видѣться и говорить. Самъ Николай Михайловичъ говоритъ: впечатлѣніе, мною вынесенное изъ путешествія во владѣніяхъ Якубъ-бека, самое тяжелое. Насъ вездѣ ненавидѣли, но наружно оказывали почетъ: подъ маскою вѣжливости много разъ проглядывало проклятіе и ненависть къ „*кафирамъ*"— такъ было съ перваго до послѣдняго дня. Всего лучше то, что при разставаніи съ меня попросили расписку въ томъ, что мы остались всѣмъ довольны. Расписка дана была въ самомъ общемъ смыслѣ: „*встрѣчали всякое содѣйствіе*".

Несмотря, однако же, на строгій присмотръ, которымъ старались окружить экспедицію во владѣніяхъ Якубъ-хана, Н. М. Пржевальскому удалось собрать очень интересныя свѣдѣнія какъ о политическомъ положеніи Восточнаго Туркестана, такъ и о самой личности Бодуалета... „Человѣкъ, много на своемъ вѣку испытавшій, пишетъ Пржевальскій, Бодуалетъ вынесъ изъ житейской практики, прежде всего, недовѣріе къ людямъ вообще. Подозрительность— главная черта характера Якубъ-бека; рядомъ съ нею стоятъ жестокость и коварство. Для достиженія своихъ цѣлей Джитышарскій царь не остановится ни передъ какими жертвами. „Цѣль оправдываетъ средства"—вотъ девизъ внутреннихъ убѣжденій Бодуалета. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно было заключить изъ многократныхъ разсказовъ нашего спутника Заманъ-бека, придававшаго большое значеніе подобнымъ качествамъ Якубъ-бека. Отчасти, быть можетъ, это и примѣнимо въ дѣлѣ управленія азіатскихъ царствъ. Жертвы политическія иногда и въ Европѣ бываютъ жертвами искупленія. Но у Якубъ-бека жестокость черезъ край; смертныя казни въ его владѣніяхъ—явленіе самое обыденное... Пусть даже потоками крови

Библиотека "Руниверс"

Бодуалетъ зальетъ поле своего владычества, лишь бы на этомъ полѣ взошли ростки будущаго преуспѣянія государства. Но такихъ ростковъ нѣтъ вовсе. Кровавый терроръ въ нынѣшнемъ Джитышарѣ имѣетъ цѣлію одно лишь упроченіе власти самого царя—о народѣ нѣтъ заботы. На него смотрятъ какъ на рабскую массу, изъ которой можно выжимать лучшіе соки. При томъ же Бодуалетъ человѣкъ хотя съ сильною волею, но безъ всякаго образованія, кажется даже безграмотный, едва-ли имѣетъ серьезное понятіе объ управленіи государствомъ, хотя бы въ духѣ мусульманскихъ правителей вообще. Мелочныя заботы дня поглощаютъ все вниманіе и время джитышарскаго владыки, о которомъ, къ сожалѣнію, въ Европѣ сложилось слишкомъ высокое мнѣніе. Въ сущности же кашгарскій царь не болѣе, какъ политическій проходимецъ. Подобныя личности не рѣдкость въ Азіи. Временные ихъ успѣхи на политическомъ поприщѣ свидѣтельствуютъ всего чаще не о мощныхъ талантахъ самихъ дѣятелей, а скорѣе о невѣжествѣ массы, которую они эксплоатируютъ. Времена безграмотныхъ геніевъ миновали. При удачѣ, разбойникъ можетъ нѣсколько лѣтъ властвовать надъ рабскимъ и невѣжественнымъ населеніемъ, но подобное царство, сплоченное случайно, безъ всякой внутренней жизни, неминуемо падетъ въ близкомъ будущемъ. Не даромъ и англичане такъ скоро охладѣли въ порывахъ своей дружбы къ кашгарскому царю. Практичные англичане вѣроятно, разнюхали, съ кѣмъ имѣютъ дѣло, и поспѣшили разсчитаться вò-время.

„Подъ стать самого Бодуалета, является и клика его сподручниковъ, большею частью бѣглыхъ проходимцевъ изъ Кокана, Ташкента, Бухары, даже изъ Индіи и Афганистана. Всѣ они извѣстны мѣстному населенію подъ общимъ именемъ „анджановъ“, служатъ опорою власти Якубъ-бека, являются исполнителями его явныхъ и тайныхъ приказаній. Главнѣйшія должности въ Джитышарѣ розданы этимъ анджанамъ, или ближайшимъ родственникамъ Бодуалета. Анджаны являются правителями городовъ, начальниками войска, сборщиками податей и составляютъ охранную стражу самого царя, нѣчто въ родѣ опричниковъ. Для мѣстнаго населенія эти люди ненавистны, хуже китайцевъ. Дѣйствительно, въ нынѣшнемъ Джитышарѣ очень плохо жить. Ни личность, ни имущество не обезпечены; шпіонство развито до ужасающихъ размѣровъ; каждый боится за завтрашній день. Произволъ господствуетъ во всѣхъ отрасляхъ управленія; правды и суда не существуетъ. Анджаны грабятъ у жителей не только имущество, но даже женъ и дочерей. Подати увеличены до громадныхъ размѣровъ,—при томъ же собиратели ихъ не забываютъ и себя. Не только на Таримѣ, но даже въ г. Курля,

Библиотека "Руниверс"

мѣстные жители въ разговорѣ съ нашимъ переводчикомъ и казаками, постоянно проклинали свое правительство и высказывали желаніе подчиниться Россіи. Слухъ объ умиротвореніи нами Кокана и Кульджи прошелъ далеко; дикій азіатецъ началъ понимать, что власть русская есть залогъ спокойствія и благоденствія. Не отъ излишняго патріотизма говорю я такимъ образомъ. Нѣтъ! Когда бывало бѣдные, обобранные калмыки и таримцы украдкою приходили къ намъ и со слезами на глазахъ разсказывали о своей злосчастной участи, завидуя въ то же время своимъ за-Тянъ-шаньскимъ со братьямъ — тогда я вѣрилъ, что успѣхи русскаго оружія въ Азіи есть; не только успѣхи политическіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ человѣчески-гуманные.

„Штуцерная пуля и нарѣзная пушка приносятъ здѣсь тѣ зачатки цивилизаціи, которые инымъ путемъ, вѣроятно, еще долго не попали бы въ окаменѣлый строй средне-азіатскихъ ханствъ...

„На всякое наше требованіе, заключаетъ Пржевальскій, Якубъ-бекъ неминуемо согласится. Въ раіонѣ моего путешествія, мнѣ кажется, слѣдуетъ теперь же перенести границу на хребетъ Далынъ-дабанъ для того, чтобы закрѣпить въ наше владѣніе оба Юлдуса съ ихъ превосходными пастбищами, на которыхъ могутъ свободно усѣться многія тысячи калмыковъ, во всякомъ случаѣ болѣе тяготѣющихъ къ намъ, нежели къ фанатическимъ мусульманамъ“...

Вступивъ на Юлдусъ, экспедиція освободилась отъ опеки Якубъ бека, отправила донесеніе въ Петербургъ и занялась дополнительнымъ изслѣдованіемъ страны и охотой за архарами... Однако, продолжительная напряженная дѣятельность давала себя чувствовать, къ тому же питаніе членовъ экспедиціи было отвратительное. „Питаемся, записалъ Николай Михайловичъ въ своемъ дневникѣ, кромѣ мяса, дзамбою, крупною, какъ ячменная крупа. Право, у насъ лучшею посыпкою кормятъ свиней. Послѣ ѣды, черезъ часъ дзамба разбухаетъ въ желудкѣ и, зная это, мы ѣдимъ подобную прелесть не черезъ-чуръ“.

На Юлдусѣ же Николай Михайловичъ, получивъ отъ родныхъ извѣстіе о начавшейся войнѣ Россіи съ Турціей, просилъ о назначеніи его въ ряды арміи. „Сейчасъ, телеграфировалъ онъ начальнику главнаго штаба, узналъ о войнѣ. Считалъ бы себя счастливымъ, если бы получилъ дозволеніе отложить на время Тибетскую экспедицію и стать въ ряды дѣйствующей арміи. Если же это невозможно, то въ половинѣ августа пойду въ Тибетъ“. Военный министръ Д. А. Милютинъ считалъ болѣе полезнымъ, чтобы Пржевальскій

Библиотека "Руниверс"

продолжалъ свое путешествіе, такъ какъ для военныхъ дѣйствій недостатка въ офицерахъ у насъ не было.

— Теперь, со спокойною совѣстью, говорилъ Николай Михайловичъ, могу уже продолжать свою экспедицію... Въ началѣ іюля онъ прибылъ въ Кульджу, гдѣ оставался до второй половины августа, писалъ отчетъ о своемъ путешествіи и разбиралъ привезенныя имъ коллекціи.

„Оглянувшись назадъ, говоритъ Пржевальскій, нельзя не сознаться, что счастіе вновь послужило мнѣ удивительно. Съ большимъ вѣроятіемъ можно сказать, что ни годомъ раньше, ни годомъ позже, изслѣдованіе Лобъ-нора не удалось бы. Ранѣе Якубъ-бекъ, еще не боявшійся китайцевъ и не заискивавшій вслѣдствіе того у русскихъ, едва-ли согласился бы пустить насъ далѣе Тянь-Шаня. Теперь же о подобномъ путешествіи нечего и думать при тѣхъ смутахъ, которыя послѣ недавней смерти Бодуалета начали волновать весь восточный Туркестанъ [1])“...

— Въ Тибетскую экспедицію, писалъ онъ М. А. Пыльцову, беру кромѣ Чебаева и Иринчинова еще трехъ забайкальскихъ казаковъ. Одинъ уже прибылъ, другіе еще ѣдутъ. Впрочемъ, если они не будутъ умѣть хорошо стрѣлять, то я отошлю ихъ обратно и возьму солдатъ. Эти всегда смѣлѣе и усерднѣе.

„На дняхъ, я пошлю мамашѣ триста рублей, слѣдуемыхъ за этотъ годъ. За 1876 годъ она получила отъ меня при отъѣздѣ въ экспедицію. На дняхъ же пошлю тебѣ полфунта сѣмянъ знаменитыхъ дынь изъ Хами—большія, вкусныя, могутъ сохраняться до конца зимы. Только условіе: никому не давай этихъ сѣмянъ—рѣдкость большая. Блюди садъ и каждогодно подбавляй къ нему понемногу. Выкопай въ саду прудъ: я жертвую на это дѣло сто рублей. За ледникомъ, гдѣ были дрова, непремѣнно разсади малину, отличная тамъ будетъ... Это уже *моя послѣдняя экспедиція*. Вернусь, поселюсь въ Отрадномъ, и будемъ мы съ тобою жить припѣваючи“.

Конечно, Николай Михайловичъ писалъ въ такомъ духѣ исключительно для успокоенія нѣжно любимой имъ матери, которая, поздравляя сына съ производствомъ въ полковники, выражала надежду, что по возвращеніи изъ экспедиціи онъ будетъ генераломъ. „А генераламъ всѣмъ надобно сидѣть на мѣстѣ“, прибавляла она. „Вѣроятно, это твоя послѣдняя экспедиція... Не мучь ты себя и вмѣстѣ съ собой меня. Чего тебѣ не достаетъ? А то воспоминая о тебѣ, лишенія твои всѣхъ удобствъ жизни измучили меня, и я, право, состарѣлась за это время на десять лѣтъ, а еще два года не увижу тебя!

---

[1]) Какъ извѣстно, Бодуалетъ, происками китайцевъ, былъ отравленъ.

Библиотека "Руниверс"

„Вотъ дядя твой, Павелъ Алексѣевичъ умеръ 26 декабря (1876 г.), недолго болѣлъ и хорошо его похоронилъ Михаилъ Александровичъ; конечно, послѣ всѣ эти похоронныя издержки принялъ на себя Владиміръ и отдалъ все Михаилу Александровичу. Послѣдніе мѣсяцы своей жизни онъ былъ совсѣмъ безъ памяти, никого не узнавалъ и хорошо сдѣлалъ, что, не дѣлая большихъ хлопотъ, умеръ покойно. А на похоронахъ всѣ были пьяны, было выпито всѣми приходящими поминать четыре ведра водки въ одинъ день, а что съѣдено пироговъ, клецокъ, лапши, кутьи, то нельзя и вообразить, чтобъ можно было уничтожить въ одинъ день".

Тяжелой грустью омрачилось лицо Николая Михайловича при извѣстіи о кончинѣ дяди. Несмотря на пороки и слабости покойнаго, онъ горячо любилъ его и не проходило дня, чтобы, среди трудовъ и лишеній, онъ не вспоминалъ объ Отрадномъ и близкихъ ему родныхъ.

— Часто, очень часто, говорилъ онъ, я въ пустынѣ вспоминаю про родной очагъ, который дороже для меня всего на свѣтѣ.

При сборахъ въ путешествіе, Пржевальскому былъ дорогъ каждый день, въ особенности потому, что туда же въ Тибетъ, со стороны Индіи, направлялись и англичане, съ намѣреніемъ пробраться въ Лхасу. Теперь вопросъ былъ въ томъ, кто скорѣе достигнетъ столицы Тибета и кому будетъ принадлежать пальма первенства. Пржевальскому не хотѣлось уступить ее англичанамъ, и онъ торопился покинуть Кульджу...

Наконецъ, 28 августа караванъ экспедиціи выступилъ по направленію къ Гучену. По большой дорогѣ, ведущей черезъ города Шихо и Манасъ, были расположены китайскія войска и частію даже „*чампаны*", т. е. ссыльно-каторжные, но чтобы избавиться отъ различныхъ непріятныхъ случайностей, Пржевальскій избралъ окольный путь, удлинивъ такимъ образомъ маршрутъ на двѣсти слишкомъ верстъ. Безводные переходы бывали иногда въ семьдесятъ и даже сто верстъ.

Послѣ многочисленныхъ трудностей, четвертаго ноября экспедиція прибыла въ Гученъ. О китайскомъ гостепріимствѣ нечего было и думать. Достаточно было кому-нибудь изъ членовъ экспедиціи попасть на глаза китайскимъ солдатамъ, чтобы тотчасъ подвергнуться оскорбительнымъ ругательствамъ. „Вообще китайскія войска, доносилъ Пржевальскій, сколько мы ихъ видѣли въ Гученѣ, весьма деморализованы, грабежи по дорогамъ—ихъ спеціальное занятіе".

Библиотека "Руниверс"

При такихъ условіяхъ оставаться въ Гученѣ было неудобно; къ тому же, страшный зудъ тѣла, которымъ страдало большинство участниковъ экспедиціи, въ томъ числѣ и самъ начальникъ, не проходилъ, наоборотъ усиливался все больше и больше. „По выходѣ изъ Кульджи, писалъ Николай Михайловичъ, я заболѣлъ вздорною, но нестерпимою болѣзнью: у меня сильный зудъ. Мы мазали табакомъ и дегтемъ—не помогаетъ; испытаю послѣднее средство—синій купоросъ. Два казака, бывшіе у меня проводниками изъ Кульджи, возвращаются въ Зайсанскій постъ. Пишу, чтобы прислали оттуда лекарство отъ зуда и газеты. Посланный догонитъ меня въ Хами, гдѣ будемъ въ половинѣ декабря (1877 г.)“.

Предположенія однако же не оправдались; болѣзнь не давала покоя ни днемъ, ни ночью. Ночи, обыкновенно, Николай Михайловичъ проводилъ на половину безъ сна и сильно измучился. „Несомнѣнно, писалъ онъ, мы гдѣ-нибудь заразились на Лобъ-норѣ, вѣрнѣе въ Кульджѣ отъ дурной воды; причиною также могли быть постоянно соленая въ воздухѣ, стоявшая пыль Лобъ-нора и верховая ѣзда. Промучившись почти три мѣсяца, я рѣшился вернуться изъ Гучена въ Зайсанъ (570 вёрстъ), вылечиться здѣсь совсѣмъ и раннею весною (въ половинѣ февраля) идти съ новыми силами въ Тибетъ. Тяжело мнѣ было рѣшиться на возвратъ. Нѣсколько разъ я плакалъ при мысли о такой необходимости. Наконецъ, двадцать седьмого ноября, мы выступили изъ Гучена къ Зайсану тою же дорогою, которою шли изъ Кульджи. Ѣхать верхомъ я не могъ и потому купилъ передокъ отъ русской телѣги, придѣлали на него ящикъ, гдѣ я и усѣлся.

Легко представить себѣ, что такой экипажъ былъ не особенно удобенъ, и путешествіе для больного было невыносимо. На несчастье, зима стояла суровая: цѣлыми недѣлями, въ особенности по ночамъ, ртуть замерзала и не выходила изъ шарика.

— Во всѣхъ моихъ странствованіяхъ по Азіи, говорилъ Николай Михайловичъ, эта была первая неудача. Дай Богъ, чтобы она была и послѣдняя.

Въ Зайсанѣ, куда экспедиція вступила двадцатаго декабря, мѣстные врачи встрѣтили больныхъ съ большою предупредительностью. Частыя бани, примочки изъ свинцовой воды и разныя мази хотя и облегчили страданія, но на скорое выздоровленіе нельзя было надѣяться. „Облегченія пока еще мало, писалъ Николай Михайловичъ; впрочемъ, эта болѣзнь упорная. Надѣюсь, что къ половинѣ февраля, быть можетъ и скорѣе, пройдетъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, увѣряютъ меня здѣшніе врачи“.

Библиотека "Руниверс"

.... „Зайсанъ пакость такая же, какъ Кульджа и вообще всѣ наши сибирскіе города. Какъ курьезъ скажу, что даже лекарство приносятъ мнѣ изъ лазарета, за неимѣніемъ пузырьковъ, въ водочныхъ бутылкахъ или полуштофахъ...

„Возвратясь изъ экспедиціи, болѣе не пойду въ Азію: пора и отдохнуть. Предстоящій путь въ Тибетъ вѣроятно уже будетъ послѣднимъ моимъ путешествіемъ въ Азію. Довольно потаскался среди этихъ ....., которыхъ называютъ монголами, китайцами и проч. Будемъ жить по-старому, тихо и спокойно. Не нужно мнѣ никакихъ почестей и богатствъ—дайте мнѣ только тихую жизнь въ Отрадномъ. Тамъ можно жить спокойно, а слѣдить за наукою и событіями также не трудно, выписывая журналы и газеты".

Николай Михайловичъ просилъ Пыльцова приступить къ постройкѣ ему въ Отрадномъ особаго флигеля и послалъ подробный его планъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ его крайне безпокоило неполученіе писемъ отъ матери. „Я сильно безпокоюсь на счетъ такого молчанія, писалъ онъ, и на дняхъ послалъ телеграмму въ Смоленскъ. Не случилось ли что-нибудь съ мамашей? Для разъясненія я просилъ телеграфировать правду". Въ отвѣтъ на это Пржевальскій получилъ 27 февраля телеграмму Ив. Дем. Толпыго такого содержанія: „Маменька была больна, теперь поправляется; писать не можетъ, цѣлуетъ васъ, здорова".

Такое извѣстіе нѣсколько успокоило Николая Михайловича, хотя его чуткое сердце продолжало болѣть, томиться... „Въ Зайсанѣ мы живемъ почти уже два мѣсяца, писалъ онъ; жирокъ заправилъ я себѣ генеральный. Потолстѣлъ противъ того, какимъ пришелъ, на цѣлыхъ два дюйма, а можетъ быть и болѣе. Петербургскій сюртукъ едва впору. Конечно, такой жирокъ скоро начнетъ спадать, но его хватитъ, я думаю, до Цайдама или Хами".

Съ половины марта Николай Михайловичъ сталъ готовиться къ экспедиціи въ Тибетъ. .... „Большая экспедиція, какова теперь наша, писалъ онъ, приноситъ очень много лишнихъ заботъ, совершенно чуждыхъ научнымъ изслѣдованіямъ; всего труднѣе подобрать хорошихъ казаковъ. Недавно я принужденъ былъ прогнать за постоянное пьянство и воровство прежняго своего спутника... Денегъ теперь много, но трудовъ, а главное непріятностей, вдесятеро больше, нежели было въ прошлую экспедицію. Изъ всѣхъ моихъ шести казаковъ только одинъ Иринчиновъ хорошъ; остальные пьяницы и воры, которыхъ необходимо держать въ острасткѣ палкою.

Библиотека "Руниверс"

— Трудно бываетъ подчасъ, говорилъ Николай Михайловичъ, трудно очень, тѣмъ болѣе, что не на кого опереться. Одному радуюсь, что прежняя энергія меня не покидаетъ, а съ нею успѣхъ дѣла много обезпеченъ.

Еще въ ноябрѣ 1876 года китайскіе министры сообщили нашему посланнику въ Пекинѣ Бюцову объ опасности, угрожающей экспедиціи, и совѣтовали уговорить Николая Михайловича не ходить въ Тибетъ. „Въ маѣ текущаго года, писали они, министерство, получивъ письмо вашего превосходительства, въ которомъ вы, заявляя о намѣреніи русскаго офицера Пржевальскаго съ товарищами предпринять путешествіе въ Тибетъ съ ученою цѣлью, просили министерство о выдачѣ означенному офицеру охраннаго листа. Въ отвѣтъ на него (министерство) тогда же заявило вашему превосходительству, что китайское правительство можетъ оказать содѣйствіе только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть китайскія власти, но что въ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ таковыхъ, оно не можетъ принять на себя обязанности оказывать защиту. Затѣмъ министерство получило другое письмо вашего превосходительства, въ которомъ, между прочимъ, было замѣчено, что въ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ китайскихъ властей, охранный листъ также будетъ безполезенъ. Вслѣдствіе этого заявленія, министерство, согласно выраженному въ письмѣ желанію, выдало билетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщило о семъ въ Тибетъ и другія мѣста.

„Въ отвѣтъ на это правительственный комиссаръ въ Тибетѣ доноситъ министерству, что тибетскіе ламы представили ему адресъ, въ которомъ заявляютъ, что Тибетъ никогда не находился въ сношеніяхъ съ иностранными государствами, что религія и обычаи Тибета не одинаковы съ таковыми же въ другихъ государствахъ и что поэтому они опасаются, чтобы не вышло какого-либо дѣла.

„Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1869 года одинъ французъ отправился было въ Тибетъ, но положительно былъ задержанъ (остановленъ). Въ настоящее время офицеръ почтеннаго государства Пржевальскій съ товарищами, хотя и снабженный билетомъ, отправляется въ путешествіе, но мы весьма опасаемся, что тибетскіе ламы, не имѣвшіе сношеній съ иностранцами и неизбѣжно мало слышавшіе о нихъ, отнесутся къ путешественникамъ съ подозрительностью, которая повлечетъ за собою множество неудобствъ. Въ данномъ случаѣ нами руководитъ чувство дружбы, и мы весьма безпокоимся за нихъ. Мы доводимъ сіе до свѣдѣнія вашего превосходительства для того, чтобы вы передали путешествующимъ офицерамъ наблюдать самую крайнюю осторожность. Если, дѣйствительно, встрѣтятся какія-либо неудобства, то чтобы они, зная объ угрожающей опасности, непремѣнно возвратились бы. Это наше желаніе.“

Библиотека "Руниверс"

Не считая нужнымъ скрывать своего мнѣнія, Бюцовъ писалъ китайскимъ министрамъ: „Въ письмѣ отъ восемнадцатаго числа сего мѣсяца почтенные сановники увѣдомили меня, что правительственный комиссаръ въ Тибетѣ, въ отвѣтъ на посланное ему министромъ извѣщеніе о предположенномъ путешествіи въ эту страну русскаго офицера Пржевальскаго съ товарищами, донесъ министерству, что тибетскіе ламы представили ему адресъ, въ которомъ заявляютъ, что Тибетъ никогда не находился въ сношеніяхъ съ иностранными государствами, религія и обычаи которыхъ не одинаковы съ существующими въ Тибетѣ, и что поэтому они опасаются, чтобы не вышло какого дѣла. Вслѣдствіе этого заявленія вы желаете, почтенные сановники, чтобы названный офицеръ и его спутники наблюдали крайнюю осторожность, а въ случаѣ какой-либо опасности возвратились бы назадъ.

„Приношу вамъ, почтенные сановники, искреннюю благодарность за тѣ дружественныя чувства, которыя побудили васъ сдѣлать мнѣ вышеупомянутое сообщеніе, и за участіе, выказываемое вами къ нашимъ путешественникамъ: они будутъ поставлены въ извѣстность о содержаніи вашего сообщенія.

„Вмѣстѣ съ тѣмъ позволю себѣ однако обратить вниманіе ваше на то, что комиссаръ вашъ въ Тибетѣ, принявъ адресъ самъ и донесши вамъ объ этомъ, не выполнилъ всѣхъ лежавшихъ на немъ обязанностей. Мнѣ кажется, что долгомъ его было тогда же объяснить ламамъ, что различіе въ религіи и обычаяхъ и отсутствіе сношеній съ другими странами не составляетъ еще причинъ, чтобы чуждаться иностранцевъ и опасаться какихъ-либо непріятныхъ дѣлъ съ ними. Онъ могъ бы объяснить ламамъ, что русскіе путешественники отправляются въ Тибетъ съ вѣдома китайскаго правительства и что, такъ какъ это служитъ вашимъ доказательствомъ того, что никакихъ недружелюбныхъ намѣреній они не имѣютъ, то ламы должны откинуть всякую подозрительность относительно ихъ.

„Такъ какъ комиссаромъ, повидимому, ничего подобнаго не было сдѣлано, чтобы разсѣять высказанныя ему ламами опасенія, то не признаете ли, почтенные санивники, умѣстнымъ послать ему надлежащія въ этомъ смыслѣ предписанія.

„При этомъ я покорнѣйше просилъ бы васъ поставить въ извѣстность о томъ, что подполковникъ Пржевальскій уже путешествовалъ въ Монголіи, Куку-Норѣ и Цайдамѣ, и что въ этихъ странахъ онъ испытывалъ самое радушное гостепріимство въ ламайскихъ монастыряхъ, обитатели которыхъ никогда не относились къ нему съ подозрительностью, и которымъ съ своей стороны онъ не подалъ повода къ неудовольствіямъ, умѣя уважать и религію, и

Библиотека "Руниверс"

обычаи ихъ. Нѣтъ основанія опасаться того, чтобы онъ не сумѣлъ поставить себя также хорошо въ отношеніи къ ламамъ въ южномъ Тибетѣ. Къ этому слѣдуетъ, впрочемъ, прибавить и то, что въ Лхасу проникали иностранцы, хотя, правда, очень рѣдко, и что изъ разсказовъ ихъ о Тибетѣ не видно, чтобы духовенство и народъ выказали недружелюбныя къ нимъ чувства".

Принимая все это къ свѣдѣнію, Пржевальскій, тѣмъ не менѣе продолжалъ усиленно готовиться къ предстоящей экспедиціи и, еще не вполнѣ поправившись здоровьемъ, рѣшился двинуться въ путь. „Усладъ въ экспедицію мы набрали много, писалъ онъ Пыльцову. Для Тибета есть особый завѣтный ящикъ, куда положены и твои конфекты. Сейчасъ Иринчиновъ купилъ на рынкѣ и привезъ девять пудовъ баранины. Вотъ какіе мы теперь беремъ запасы: охотою десять человѣкъ нельзя прокормить. Ружья наши всѣ вымыты, вычищены, заряды и патроны изготовлены; словомъ, собрались совсѣмъ".

Наступила весна; появились прилетныя птицы. Весенній воздухъ дѣйствовалъ бодрящимъ образомъ; всѣ чувствовали повышенную энергію и стремленіе въ даль...

„Завтра, наконецъ, мы выступаемъ—говорилъ Пржевальскій,—изъ Зайсанскаго поста. Избавляемся отъ тюрьмы, въ которой сидѣли три мѣсяца. Радость неописанная"... Но она была неполная. Какое-то тайное предчувствіе мучило Николая Михайловича... „О мамашѣ сильно безпокоюсь,—писалъ онъ,—выздоровѣетъ ли она?"—Телеграмма брата Владиміра отъ 20 марта раскрыла передъ нимъ горькую истину: „Восемнадцатаго іюня прошлаго года мамаша скончалась". Извѣстіе это какъ громомъ поразило Николая Михайловича...

„Глубоко-тяжелую вѣсть, записалъ онъ въ своемъ дневникѣ, получилъ я сегодня телеграммою отъ брата, изъ Москвы: 18 іюня прошлаго года, моя мамаша скончалась. Полугодомъ раньше ея умеръ мой дядя. Невознаградимы мнѣ эти утраты, понесенныя въ такой короткій срокъ. Если бы я не возвращался изъ Гучена въ Зайсанъ, то о смерти матери не зналъ бы до окончанія путешествія. Быть можетъ это было бы къ лучшему...

„Теперь же къ ряду всѣхъ невзгодъ прибавилось еще горе великое. Я любилъ свою мать всею душою. Съ ея именемъ для меня соединены отрадныя воспоминанія дѣтства и отрочества, беззаботно проведенныхъ въ деревнѣ. И сколько разъ я возвращался въ свое родимое гнѣздо изъ долгихъ отлучекъ иногда на край свѣта. И всегда меня встрѣчали ласка и привѣтъ. Забывались

Библиотека "Руниверс"

пережитыя невзгоды, на душѣ становилось покойно и радостно; я словно опять становился ребенкомъ. Эти минуты для меня всегда были лучшею наградою за понесенные труды...

„Буря жизни, жажда дѣятельности и завѣтное стремленіе къ изслѣдованію невѣдомыхъ странъ внутренней Азіи снова оторвали меня отъ родного крова. Бросалось многое, даже очень многое, но самою тяжелою минутою всегда было для меня разставанье съ матерью. Ея слезы и послѣдній поцѣлуй еще долго жгли мое сердце. Не одинъ разъ, среди дикой пустыни или дремучихъ лѣсовъ, моему воображенію рисовался дорогой образъ и заставлялъ уноситься невольно къ родному очагу...

„Женщина отъ природы умная и съ сильнымъ характеромъ моя мать вывела всѣхъ насъ на прочный путь жизни. Ея совѣты не покидали меня даже и въ зрѣломъ возрастѣ. Правда, воспитаніе наше было не много спартанскимъ, но оно закалило силы и сдѣлало характеръ самостоятельнымъ. Да будетъ же миръ праху твоему, моя дорогая мамаша“...

Печаль эта нѣсколько ослабилась возможностью скоро побывать въ Смоленскѣ и поклониться праху дорогого существа: Пржевальскій получилъ предписаніе не ходить въ Китай и возвратиться въ Петербургъ... „Не знаю—писалъ онъ,—къ худшему ли это случилось или къ лучшему? Мнѣ кажется, послѣднее вѣроятнѣе. Не говоря уже про то, что китайцы, при настоящемъ своемъ положеніи къ русскимъ, легко могли надѣлать намъ всякихъ непріятностей и не пустить далѣе Гучена,—мое здоровье, не вполнѣ еще окрѣпшее въ Зайсанѣ, снова ухудшилось, лишь только пришлось жить на морозахъ въ юртѣ, лазить во время экскурсій по горамъ или болотамъ—словомъ, подвергать себя всѣмъ тѣмъ невзгодамъ, которыя неминуемо сопряжены съ путешествіемъ въ дикихъ странахъ Азіи. Между тѣмъ физическая крѣпость составляетъ одно изъ главныхъ условій для успѣха дѣла. Необходимо вылечиться хорошенько и тогда со свѣжими силами и новымъ счастьемъ продолжать начатое дѣло.

„Оставивъ верблюдовъ и все снаряженіе экспедиціи въ посту Зайсанскомъ, я отправлюсь въ Петербургъ съ тѣмъ, чтобы будущею зимою, въ январѣ или февралѣ 1879 года, снова двинуться въ путь, если, конечно, тому не помѣшаютъ разныя тучи, которыя нынѣ облегаютъ политическій горизонтъ. Здоровье же мое, я думаю, возстановится при условіяхъ леченія лучшихъ, нежели они были въ посту Зайсанскомъ“.

Библиотека "Руниверс"

31-го марта (1878 г.) Николай Михайловичъ записалъ въ своемъ дневникѣ слѣдующее: ...„Сегодня исполнилось мнѣ 39 лѣтъ и день этотъ ознаменованъ для меня окончаніемъ экспедиціи, далеко не столь тріумфальнымъ, какъ мое прошлое путешествіе по Монголіи. Теперь дѣло сдѣлано лишь на половину: Лобъ-норъ изслѣдованъ, но Тибетъ остается еще не тронутымъ. Въ четвертый разъ я не могу попасть туда: первый разъ вернулся съ Голубой рѣки; второй—съ Лобъ-нора, третій—изъ Гучена и, наконецъ, четвертый разъ экспедиція остановилась въ самомъ началѣ. Я не унываю! Если только мое здоровье поправится, то весною будущаго года снова двинусь въ путь. Хотя остановка экспедиціи совершилась не по моей винѣ и при томъ я сознаю, что это самое лучшее при настоящемъ состояніи моего здоревья—все-таки мнѣ крайне тяжело и грустно ворочаться назадъ. Цѣлый день вчера я былъ самъ не свой и много разъ плакалъ. Даже возвращеніе въ Отрадное теперь мало радуетъ.

„Правда, жизнь путешественника несетъ съ собою много различныхъ невзгодъ, но за то она даетъ и много счастливыхъ минутъ, которыя не забываются никогда. Абсолютная свобода и дѣло по душѣ—вотъ въ чемъ именно вся заманчивость странствованій. Не даромъ же путешественники никогда не забываютъ своей труженической поры, даже среди самыхъ лучшихъ условій цивилизованной жизни“.

„Прощай же моя счастливая жизнь, но прощай не надолго. Пройдетъ годъ, уладятся недоразумѣнія съ Китаемъ, поправится мое здоровье—и тогда я снова возьму страннический посохъ и снова направлюсь въ азіатскія пустыни“...

П. Козловъ.

Библиотека "Руниверс"

О мѣрахъ по духовному вѣдомству къ сохраненію народнаго спокойствія при обнародованіи въ 1861 г. Положеній о крестьянахъ.

Съ самаго приступа къ дѣлу освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости правительство очень зорко слѣдило за настроеніемъ крестьянъ, а ожиданіе неизбѣжныхъ движеній съ ихъ стороны при объявленіи законоположеній объ ихъ освобожденіи и устройствѣ до того вкоренилось въ умахъ властей, что уже въ первоначальномъ періодѣ работъ по изготовленію законоположеній о крестьянахъ, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1858 г., г.-ад. Ростовцовъ внушилъ Государю Александру II мысль о необходимости учрежденія повсемѣстно временныхъ генералъ-губернаторовъ для проведенія въ жизнь Положеній о крестьянахъ, облеченныхъ, между прочимъ, широкою властью „удушать бунты“, по его выраженію.

Выработанный проектъ Положенія о временныхъ генералъ-губернаторахъ съ инструкціей для ихъ дѣйствій хотя и не былъ осуществленъ по причинѣ измѣнившихся на этотъ счетъ взглядовъ правительства, но все же наканунѣ обнародованія Положеній о крестьянахъ Главный Комитетъ останавливался на вопросѣ — съ помощью какихъ силъ, кромѣ предположенныхъ мировыхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій, проводить новый законъ въ жизнь, и какими средствами обезпечить сохраненіе спокойствія въ народѣ при объявленіи Положеній о крестьянахъ. Въ этомъ отношеніи очень интересна переписка гр. Панина съ оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода гр. А. Толстымъ *„о мѣрахъ по духовному вѣдомству къ сохраненію народнаго спокойствія при обнародованіи указа и Положенія объ улучшеніи быта крестьянъ“*, имѣвшая своимъ

Библиотека "Руниверс"

результатомъ изданіе Синодомъ руководящаго для духовенства наставленія по этому предмету [1]).

Въ письмѣ отъ 24 ноября 1860 г. гр. Паниинъ сообщалъ оберъ-прокурору Св. Синода А. П. Толстому: „по милости Государя Императора помѣщичьимъ крестьянамъ дарованы будутъ средства къ улучшенію ихъ быта, соотвѣтственно ихъ положенію и пользамъ государства. Имѣя въ виду предстоящія по сему случаю перемѣны въ ихъ отношеніяхъ къ помѣщикамъ населенныхъ имѣній и необходимость принять всѣ возможныя мѣры къ сохраненію спокойствія, столь необходимаго для успѣха предположенныхъ мѣръ, я имѣю честь, съ Высочайшаго разрѣшенія, обратиться къ вашему сіятельству, не угодно ли будетъ сообразить, до какой степени было бы полезно вмѣнить въ обязанность, чрезъ епархіальное начальство, приходскимъ по губерніямъ священникамъ, чтобы они, не давая порученію вида исполненія предписанія начальства, по обнародованію Указа и Положенія объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ, при каждомъ удобномъ случаѣ внушали бы крестьянамъ, чтобы они и впредь усердно и постоянно исполняли свои обязанности въ отношеніи къ Государю и установленнымъ отъ Него властямъ, объясняя при томъ, что дарованныя крестьянамъ права и льготы упрочатъ ихъ благоденствіе лишь при постоянномъ ихъ трудолюбіи, нравственномъ поведеніи и точномъ исполненіи облегченныхъ повинностей къ владѣльцамъ земли. Вмѣстѣ съ симъ приходскіе священники должны имѣть самое бдительное наблюденіе, дабы церковно-служители, нерѣдко въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ крестьянамъ состоящіе, не распространяли никакихъ ложныхъ слуховъ относительно смысла изданныхъ постановленій, и напротивъ, въ случаѣ неправильныхъ толковъ, объясняли бы Положеніе согласно буквальному ихъ содержанію и въ духѣ данныхъ начальствомъ предписаній. Въ предупрежденіе же какихъ-либо со стороны причетниковъ, несвойственныхъ съ видами правительства толковъ и распространенія оныхъ между крестьянами, не лишнимъ было бы предписать, что если замѣчены будутъ со стороны церковно-служителей дѣйствія, несогласныя съ симъ предписаніемъ, то приходскіе священники обязаны немедленно доносить своимъ благочиннымъ для дальнѣйшихъ по обстоятельствамъ случая распоряженій“.

По этому письму гр. А. Толстой прислъ заключенія Москов-

---

[1]) Источникомъ для нашего изложенія служили „Труды Главнаго Комитета по разработкѣ проекта Положенія о крестьянахъ“, т. 61, ч. XX (въ архивѣ Государственнаго Совѣта).

Библиотека "Руниверс"

скаго митрополита Филарета, который въ отзывѣ отъ 29 ноября 1860 г. привелъ: „Если при введеніи въ дѣйствіе важной государственной мѣры посильное дѣйствованіе духовенства можетъ оказать сему споспѣшествованіе, то, безъ сомнѣнія, дѣятельность его соотвѣтственно потребности должна быть возбуждена и направлена, но такъ, чтобы духовенство дѣйствовало въ свойственномъ ему характерѣ и не вмѣшивалось въ дѣятельность гражданскую, отъ чего могли бы произойти непріятныя недоразумѣнія и столкновенія, какъ то случилось съ духовенствомъ нѣкоторыхъ епархій при введеніи инвентарей, и по поводу ложныхъ слуховъ о скрываемомъ будто бы духовенствомъ предписаніи правительства.

Предписаніе духовенству могло бы дано быть слѣдующаго, или подобно слѣдующему, содержанія:

1) При введеніи въ дѣйствіе новыхъ постановленій, касающихся цѣлыхъ сословій въ государствѣ, нерѣдко случается, что оныя не всѣми принимаются съ должнымъ расположеніемъ, чему причиною могутъ быть иногда недоразумѣнія, иногда неправильныя внушенія отъ людей, управляемыхъ своими частными видами, иногда нѣкоторыя дѣйствительныя затрудненія, соединенныя съ новостію дѣла, прежде нежели къ нему приспособились. Каждый вѣрноподданный, особенно достигшій нѣкоторой степени образованности, когда встрѣчается съ случаемъ сего рода, обязанъ по мѣрѣ возможности, споспѣшествовать прекращенію недоразумѣнія, ослабленію неправильнаго внушенія, уменьшенію и преодолѣнію затрудненій. Въ исполненіи сей общей обязанности, безъ сомнѣнія, должны принять, по мѣрѣ возможности, участіе сельскіе приходскіе священники, по самому служенію своему состоящіе въ близкихъ отношеніяхъ къ крестьянамъ.

2) Всегдашняя обязанность священниковъ есть, между прочимъ, поучать прихожанъ, чтобы они соблюдали вѣрность къ Государю и повиновались начальствамъ отъ него постановленнымъ, чтобы неуклонно и добросовѣстно исполняли законныя повинности и платили опредѣленныя подати и наложенные или условленные оброки; чтобы, если находятъ себя неправильно отягощенными кѣмъ-либо или чѣмъ-либо, искали защиты и облегченія, каждый по своей нуждѣ, законнымъ путемъ, не распространяя безпокойства въ обществѣ и съ терпѣніемъ ожидали отъ начальства подлежащихъ распоряженій и дѣйствій правосудія. Такими наставленіями должны сельскіе приходскіе священники дѣйствовать и въ настоящихъ обстоятельствахъ, какъ въ церковныхъ поученіяхъ, такъ и въ домашнихъ собесѣдованіяхъ, при открывающихся къ тому случаяхъ.

3) Нѣтъ нужды и не должно давать сему дѣйствованію такой

Библиотека "Руниверс"

видъ, какъ бы священники особенно были назначены отъ правительства дѣйствователями въ настоящихъ обстоятельствахъ. Они должны исполнять свою обыкновенную обязанность—учить прихожанъ сколько благочестію, столько же и добрымъ дѣламъ, какъ въ нравственномъ, такъ и въ гражданскомъ отношеніи: но ученіе общее должно примѣнять, какъ благоразуміе требуетъ и всегда, къ особеннымъ открывающимся случаямъ и обстоятельствамъ.

4) Должно изъяснять крестьянамъ, что новое о нихъ постановленіе есть плодъ отеческаго о нихъ попеченія Государя Императора, который желаетъ возвысить ихъ благосостояніе, и его довѣріе къ ихъ благоразумію, что они трудъ, который отнынѣ болѣе прежняго будетъ зависѣть отъ ихъ собственной доброй воли, разсудительно и нелѣностно употреблять для своей и общей пользы. Почему они должны войти въ свое новое положеніе съ благодарностью и съ ревностнымъ желаніемъ оправдать попеченіе и надежду Государя.

5) Худо понятая мысль о свободѣ и неразсудительно преувеличенныя надежды могутъ имѣть послѣдствіемъ то, что нѣкоторые крестьяне найдутъ новое свое положеніе не столь удовлетворительнымъ, какъ ожидали. Таковымъ надлежитъ изъяснить, что свобода не въ томъ состоитъ, чтобы поступать по неограниченному произволу, при чемъ не могло бы стоять никакое общество, но въ томъ, чтобы избирать и дѣлать добрыя и полезныя дѣла въ предѣлахъ, постановленныхъ закономъ, когда Государь восхотѣлъ даровать крестьянамъ новыя права и льготы, тогда Онъ, внимая закону справедливости и своей отеческой любви ко всѣмъ вѣрноподданнымъ, не могъ не позаботиться и о томъ, чтобы охранено было благосостояніе помѣщиковъ.

6) Такія вразумленія и объясненія, когда нужно, священникъ долженъ предлагать прихожанамъ, какъ свои размышленія и совѣты, которые предлагать побуждаетъ его доброжелательство къ нимъ и попеченіе о благѣ и спокойствіи.

7) Причетникамъ отъ священника должно быть сдѣлано двоякое вразумленіе: во-первыхъ, чтобы они, слыша разсужденія о новыхъ постановленіяхъ для крестьянъ, не вмѣшивались въ оныя изъявленіемъ своихъ мнѣній, такъ какъ по недостаточному пониманію дѣла они могутъ пристать къ ложнымъ мнѣніямъ другихъ, или другимъ сообщить свои погрѣшительныя мнѣнія, отчего могутъ произойти дурныя послѣдствія,—во-вторыхъ, чтобы они, если услышатъ между крестьянами толки, неблагопріятныя дѣлу и общему спокой-

Библиотека "Руниверс"

ствію, немедленно и вѣрно доводили о томъ до свѣдѣнія священника [1]).

Препровождая этотъ отзывъ митрополита Филарета гр. Панину, оберъ-прокуроръ Св. Синода возбудилъ слѣдующіе три вопроса:

1) Можно ли приступить къ окончательной редакціи наставленія безъ предварительнаго соображенія съ содержаніемъ указа и Положенія о крестьянахъ?

2) Удобно ли циркуляру Синода предшествовать разсылкѣ новаго постановленія, или же это должно быть одновременно?

3) Будетъ ли возможно епархіальнымъ преосвященнымъ въ обширныхъ епархіяхъ вызывать къ себѣ благочинныхъ для изустныхъ наставленій по сему предмету? При томъ самое изготовленіе отъ преосвященныхъ циркуляровъ можетъ представить разныя неудобства и потребуетъ много времени, и потому не лучше ли будетъ напечатать здѣсь (въ Петербургѣ) циркуляры по числу церквей въ Имперіи и разослать ихъ къ преосвященнымъ для доставленія священникамъ?

По существу же отзыва митрополита Филарета гр. А. Толстой находилъ, что онъ вполнѣ соотвѣтствуетъ предположенной цѣли, т. е. чтобъ сельское духовенство получило наставленіе относительно того образа дѣйствій, который, не выходя изъ предѣловъ обязанностей духовныхъ лицъ, могъ бы не только отклонить проявленіе неправильныхъ толковъ и внушеній, но и содѣйствовать въ надлежащихъ случахъ къ вразумленію народа и къ сохраненію порядка.

По всеподданнѣйшемъ докладѣ о семъ графа Панина Государь Императоръ повелѣлъ вопросъ о пользѣ и удобствѣ предположенныхъ мѣръ представить на обсужденіе Главнаго Комитета по крестянскому дѣлу, куда дѣло это и внесено 15 января 1861 г.

Главный Комитетъ одобрилъ предположенныя мѣры, и, по личномъ объясненіи гр. Панина съ оберъ-прокуроромъ Синода, была установлена редакція наставленія духовенству, разосланнаго потомъ одновременно съ утвержденіемъ манифеста объ освобожденіи крестьянъ.

Наставленіемъ этимъ возлагалась на духовенство обязанность, по мѣрѣ своихъ силъ и возможности, оказывать полное содѣйствіе къ тому, чтобы новый законъ о крестьянахъ при введеніи въ исполненіе не былъ превратно понятъ и истолкованъ, но не вездѣ

---

[1]) Изъ 11 пунктовъ проекта наставленія, предложеннаго митр. Филаретомъ, мы привели тѣ семь пунктовъ, которые впослѣдствіи буквально вошли въ циркуляръ оберъ-прокурора Св. Синода отъ 27 февраля 1861 г. № 872, сообщенный епархіальнымъ архіереямъ.

Библиотека "Руниверс"

духовенство оказалось пригоднымъ для исполненія этой задачи: во всеподданнѣйшихъ донесеніяхъ свитскихъ генералъ-маіоровъ и флигель-адъютантовъ о ходѣ дѣла по обнародованію Положеній о крестьянахъ [1]) мы встрѣтили сообщенія изъ семи губерній о „превратномъ толкованіи Положеній“ священниками, происходившемъ отъ плохого пониманія ихъ. Оберъ-прокуроръ Св. Синода въ своемъ „Отчетѣ по вѣдомству православнаго исповѣданія“ за 1861 г. далъ оцѣнку участія духовенства въ крестьянской реформѣ въ такихъ выраженіяхъ: „главнѣйшая и существеннѣйшая обязанность духовныхъ лицъ въ семъ (т. е. крестьянскомъ) дѣлѣ быть не судьями, а миротворцами. При томъ епархіальнымъ начальствомъ разрѣшалось неблагонамѣренныхъ членовъ церковныхъ причтовъ немедленно удалять отъ мѣстъ, если бы то оказалось необходимымъ для сохраненія или возстановленія порядка. Число случаевъ, въ которыхъ духовныя лица на самомъ дѣлѣ явились нарушителями своихъ гражданскихъ обязанностей, ничтожно сравнительно съ общимъ количествомъ церковныхъ причтовъ, и непріятное впечатлѣніе сихъ случаевъ совершенно изглаживается памятью о тѣхъ важныхъ услугахъ, которыя оказало народному дѣлу духовенство, своимъ нравственнымъ вліяніемъ прекративъ множество возникавшихъ между крестьянами недоразумѣній и безпорядковъ. А въ случаяхъ возникавшихъ смутъ духовная власть обыкновенно почитала лучшимъ принимать строгія предупредительныя мѣры, нежели медлительнымъ разборомъ обстоятельствъ подавать возможность къ народнымъ смятеніямъ: это была жатва весьма тяжкая, принесенная дѣлу общественной безопасности“.

Сообщ. Алексѣй Попельницкій.

[1]) Т. 104, 105 и 106 дѣла Глав. Ком. по кр. дѣлу (Архив. Госуд. Совѣта).

Библиотека "Руниверс"

Изъ замѣтокъ стараго ремонтера [1]).

(Окончаніе).

Посѣщая господъ помѣщиковъ, мнѣ случалось встрѣчать весьма оригинальные типы. Я бывалъ и у Маниловыхъ, и у Собакевичей, и у Коробочекъ, и у Ноздревыхъ. Мнѣ также, какъ Чичикову, на вопросъ мой, есть ли продажныя лошади, предлагали купить горохъ. Но подводя эти итоги, я долженъ сказать, что всѣ помѣщики, у которыхъ мнѣ случалось бывать, отличались своимъ благодушіемъ, наивностью и самымъ патріархальнымъ гостепріимствомъ. Вотъ, напримѣръ, роскошная усадьба извѣстнаго богача-помѣщика Тамбовской губ. С. Я пріѣхалъ къ нему въ половинѣ мая 1852 года Домъ С. былъ трехъэтажный, деревянный, конечно, съ мезониномъ балкончиками и деревянными колоннами, очень обширный, неуклюжій; съ задняго фасада дома виднѣлся обширный садъ съ липовыми аллеями, оранжереями, теплицей, грунтовымъ сараемъ и тому подобными барскими роскошами.

Когда экипажъ мой остановился около параднаго крыльца, по всему двору началась бѣготня маленькихъ казачатъ, босоногихъ дѣвочекъ, разныхъ бабъ, мужиковъ и лакеевъ. Все это суетилось, точно въ усадьбѣ произошелъ пожаръ. На парадномъ крыльцѣ меня встрѣтилъ старый лакей въ сюртукѣ изъ толстаго сукна, очевидно домашняго произведенія, почти вслѣдъ за лакеемъ появился и самъ помѣщикъ С., одѣтый въ синюю венгерку съ черными шнурками, въ рукахъ съ длиннымъ черешневымъ чубукомъ. Почтенный помѣщикъ С. былъ человѣкъ лѣтъ 50, худощавый, съ строгимъ и симпатич-

[1]) См. „Русскую Старину“ январь 1912 г.

Библиотека "Руниверс"

нымъ лицомъ.—Добро пожаловать, улыбался онъ, привѣтствуя меня, милости просимъ!.. Я выскочилъ изъ тарантаса и поспѣшно отрекомендовался хозяину.—Очень пріятно, улыбаясь, сказалъ онъ, покорно прошу!

Мы вошли въ переднюю, при нашемъ появленіи лакеи, которыхъ было человѣкъ шесть, встали и поклонились намъ; на ларѣ, гдѣ сидѣли лакеи, лежали разныя разности, очень замасленый псалтырь, чтеніемъ котораго, какъ видно, занимался одинъ изъ лакеевъ, начатая сѣтка для рыбной ловли, безъ пуговицъ толстый жилетъ, грязное полотенце, кусокъ чернаго хлѣба на окнѣ, бутылка съ сальной свѣчой и другія вещи. При появленіи нашемъ въ переднюю на насъ пахнулъ удушливый запахъ самаго дурного свойства. Пройдя залъ, съ обыкновенной обстановкой и двумя стеклянными люстрами на потолкѣ, мы вошли въ столовую, гдѣ за чайнымъ столомъ сидѣла сама помѣщица С. съ младшею дочерью, дѣвицей лѣтъ двадцати, и нѣмкой гувернанткой неопредѣленнаго возраста. Г-жа С. была особа лѣтъ подъ сорокъ, полная, рыхлая дама съ какой-то недовольной гримасой на лицѣ. На головѣ помѣщицы былъ надѣтъ чепчикъ съ длинными лентами, а на полныхъ рукахъ съ оттопыренными мизинцами красовалось множество брилліантовыхъ колецъ.

— Ремонтеръ такой то, отрекомендовалъ меня С., подводя къ своей женѣ. Рыхлая дама еще болѣе сдѣлала недовольную гримасу, точно я ей поднесъ ложку рицинового масла, и указала мнѣ на порожній стулъ; когда вся эта процедура была исполнена, и мы наконецъ усѣлись, С., обращаясь ко мнѣ, сказалъ: вы конечно еще не завтракали, прошу покорно чѣмъ Богъ послалъ. Я окинулъ столъ глазами и былъ пораженъ обиліемъ разныхъ яствъ и питій, стоящихъ на столѣ. И все это было приготовлено не для гостей, а для четырехъ лицъ. На столѣ красовался большихъ размѣровъ окорокъ, четверть жареной телятины, поросенокъ подъ хрѣномъ, кусокъ сыра, приготовленная селедка, коробочка сардинокъ, какія-то ватрушки и т. д. и т. д. Боже великій, невольно подумалъ я, неужели для такой малочисленной компаніи приготовлены всѣ эти обильные харчи? Положивъ себѣ на тарелку кусокъ телятины, я принялся ѣсть и наша бесѣда началась.

— Однако, отозвался С., Бонапартъ что-то недоброе затѣваетъ противъ Россіи, я читалъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, что императоръ французовъ ведетъ переговоры съ Англіей, съ которой Франція думаетъ вступить въ союзъ.

— Ни къ чему эта коалиція не поведетъ, фыркнула помѣщица С., Россія непобѣдима.

Я было пробовалъ затронуть вопросъ о путяхъ сообщеніи и во-

Библиотека "Руниверс"

оруженіи солдатъ гладкоствольными ружьями, но былъ встрѣченъ такой оппозиціей со стороны самого хозяина, представившаго мнѣ въ видѣ неопровержимаго аргумента статью въ „Московскихъ Вѣдомостей“, что принужденъ былъ замолчать и заняться стаканомъ чая, поданнымъ мнѣ помѣщицей. Тѣмъ нашъ разговоръ о политикѣ и закончился, мы повели рѣчь о лошадяхъ. Помѣщикъ С. жаловался, что въ его заводѣ за послѣдніе года рождается много чистоногихъ, т. е. безъ щетокъ подъ бабками жеребятъ.—Куда мнѣ съ ними дѣваться, жаловался С., приказываю управляющему продавать на конной этихъ чистоногихъ клячъ за ничто. Кстати, прибавилъ С. пойдемте, я покажу вамъ мой конный заводъ, при этомъ мы всѣ встали; я поблагодарилъ хозяйку, поклонился барышнѣ, и мы отправились на дворъ. Тамъ уже стоялъ наѣздникъ съ арапникомъ въ рукахъ, очевидно ожидавшій приказанія барина начинать выводку лошадей.—Покажи намъ прежде всего Лебедя, сказалъ С., обратившись къ наѣзднику.

Я, хотя и былъ вынужденъ смотрѣть выводку рысистыхъ лошадей, но въ душѣ не могъ понять, къ чему мнѣ это нужно, для ремонта толстоногіе рысаки были не годны, а о *чистоногихъ*, о которыхъ С. говорилъ съ такимъ пренебреженіемъ, пока не было рѣчи. Осмотрѣвъ Лебедя, Угрюмаго, Потѣшнаго, Варвара и другихъ рѣзвачей на толстыхъ ногахъ съ *фрызами*, я наконецъ коснулся главнаго, просилъ показать мнѣ чистоногихъ. „Хорошо, хорошо“, нетерпѣливо вскричалъ С., „я прикажу наѣзднику отобрать вамъ чистоногихъ, ихъ по всей вѣроятности найдется головъ съ десятокъ. Надѣюсь, вы у меня отобѣдаете“, прибавилъ С.

Я было сталъ отговариваться неимѣніемъ времени, но не тутъ-то было; С. не хотѣлъ принимать никакихъ резоновъ и, подхвативъ меня подъ руку, увелъ на „ворокъ“, гдѣ были годовики и двухлѣтки.

Здѣсь я опять пришелъ въ недоумѣніе, къ чему мнѣ былъ нуженъ осмотръ рысистыхъ жеребятъ. Все это приходило въ голову мнѣ, а почтеннѣйшій С. думалъ иначе. Я долженъ былъ терпѣливо выслушать всю біографію каждаго жеребенка и вовсе неинтересную для меня исторію дѣдовъ и прадѣдовъ маленькихъ рысаковъ. Наконецъ явился наѣздникъ и объявилъ, что чистоногіе собраны въ манежѣ. Слава Тебѣ Господи, подумалъ я, обтирая потъ, струившійся съ моего лица. Мы отправились въ манежъ. Тамъ конюхи держали десять чистоногихъ рысаковъ, изъ числа которыхъ были четыре матки; всѣ лошади были одной масти, росту не выше двухъ аршинъ двухъ съ половиной вершковъ, прекрасно сложенныя, на тонкихъ жилистыхъ ногахъ, съ короткими бабками. Я въ душѣ порадовался

Библиотека "Руниверс"

при видѣ такой прекрасной ставки лошадей и спросилъ, сколько онъ хочетъ за нихъ?—О, Боже мой, отвѣчалъ С., дадите столько, сколько сами захотите, пойдемте обѣдать. Лошадей шагомъ провели мимо меня, и мы отправились въ домъ.

Въ столовой былъ сервированъ столъ, на которомъ стояла ваза съ фруктами и нѣсколько бутылокъ вина и наливокъ; конечно, былъ и графинъ водки, а также селедка, сыръ и сардинки. Вскорѣ появились барышня съ гувернанткой, а вслѣдъ за ними изъ сосѣднихъ аппартаментовъ плавнымъ шагомъ пришла и сама хозяйка.

Занявъ почетное мѣсто на приготовленномъ для нея вольтеровскомъ креслѣ, она начала разливать супъ изъ миски, стоящей въ концѣ стола. — Не угодно ли для возбужденія аппетита выпить рюмочку водки, обратился ко мнѣ С. Между тѣмъ лакей, одѣтый въ желтый нанковый фракъ, разносилъ тарелки, налитыя супомъ. Мы занялись горячимъ, положивъ себѣ на тарелки по куску очень вкусной кулебяки. Старый лакей, стоящій за кресломъ помѣщицы и держа тарелку, точно онъ дѣлалъ ею караулъ, зорко и, какъ было видно, строго наблюдалъ за остальными лакеями. Маленькая подробность. За кресломъ помѣщицы, какъ я сказалъ, стоялъ старый лакей, за С., барышней были также лакеи, быстро мѣнявшіе тарелки; за гувернанткой лакея не было, и тарелки ея перемѣнялись послѣ насъ всѣхъ. На второе блюдо лакей внесъ большого разварного судака подъ польскимъ соусомъ, на третье блюдо были поданы телячьи котлеты, съ молодымъ картофелемъ, горошкомъ и брюссельской капустой, на жаркое былъ большой жареный поросенокъ съ кашей, а на пирожное кофейное мороженое, затѣмъ фрукты и конфекты. Надо правду сказать, что всего этого было въ большомъ изобиліи и очень вкусно приготовлено; вина и наливки были также очень хороши. Блюда кушанья лакей подавалъ сначала самой хозяйкѣ, потомъ мнѣ, хозяину, барышнѣ и послѣ всѣхъ гувернанткѣ. Во время обѣда разговоръ шелъ о предстоящемъ сѣнокосѣ, яровыхъ всходахъ и цѣнахъ на сельскіе продукты въ Воронежѣ. Конечно дѣло не обошлось безъ суеты и столкновенія. Лакей Тихонъ съ блюдомъ жаренаго поросенка налетѣлъ на лакея Осипа, при чемъ лежащая на блюдѣ ложка упала на полъ, Тихонъ сталъ подымать ложку и чуть было не уронилъ и самаго поросенка.

— Однако, какой ты ловкій, мой милый, брюзгливо проговорила хозяйка, оставь на полу ложку и возьми чистую. Этотъ маленькій инцидентъ очевидно произвелъ непріятное впечатлѣніе на С., онъ пожалъ плечами и проговорилъ какое-то ругательство на французскомъ языкѣ.

Затѣмъ трапеза была окончена, всѣ поднялись съ своихъ мѣстъ,

Библиотека "Руниверс"

и я, поблагодаривъ хозяйку и хозяина, отправился къ послѣднему въ его кабинетъ.

Тамъ мы закурили трубки, и лакей принесъ намъ кофе. С., очевидно находясь въ благодушномъ состояніи духа, пересталъ говорить о всходѣ яровыхъ и снова повелъ рѣчь о политикѣ.—Смѣшно, какъ такой умный человѣкъ, какъ Наполеонъ III, не понимаетъ, что тонъ политики всей Европы даетъ нашъ всесильный государь, цѣль его величества уничтожитъ проявленіе всякаго рода либерализма во всемъ свѣтѣ. Недавно въ бельгійской газетѣ я читалъ, что въ Парижѣ, въ одномъ изъ театровъ давали какую-то нецензурную пьесу, кажется, если я не ошибаюсь, „Донишевъ“; о содержаніи этой пьесы сообщилъ нашъ парижскій посланникъ, государь приказалъ передать Наполеону III, если онъ не прикажетъ снять пьесу со сцены, то русскій Царь Николай I пришлетъ въ Парижъ 50 т. слушателей со штыками.

Мои экскурсіи по помѣстьямъ Тамбовской и Воронежской губерній за покупкой ремонтныхъ лошадей вообще не скажу, чтобы были особенно удачны. Мнѣ довелось лишь у одного С. пріобрѣсти очень хорошихъ десять лошадей, которыхъ С. величалъ тонконогими. Остальныя же мои посѣщенія помѣщичьихъ имѣній были совсѣмъ неудачны. Когда окончился разговоръ о политикѣ, я рѣшительно повелъ рѣчь о чистоногихъ и спросилъ С., сколько ему угодно взять за нихъ?

— Повторяю, вскричалъ С.—дадите за всю ставку, сколько вамъ не жаль, я впередъ изъявляю согласіе. Этотъ отвѣтъ, признаюсь, поставилъ меня въ затрудненіе, и я просилъ С. назначить мнѣ цѣну за лошадей.—Ну, хорошо—вскричалъ С., я готовъ назначить цѣну, дайте за всю ставку 300 рублей, и лошади ваши, вы согласны?—Конечно, согласенъ,—отвѣчалъ я, вынимая изъ кармана бумажникъ—потому, что ваши лошади стоятъ въ пять разъ дороже.—Ну, это по-вашему, а по-моему онѣ ничего не стоютъ потому, что чистоногія. Такимъ образомъ мы протолковали часа два, я изъявилъ рѣшительное желаніе тронуться далѣе, несмотря на самыя горячія просьбы С. остаться пить чай.

Простившись съ радушными хозяевами, я поѣхалъ далѣе. Но затрудняюсь описывать мои дальнѣйшіе визиты, такъ какъ приходится повторять зады, описывать то, что уже было описано талантливымъ Гоголемъ въ его поэмѣ „Мертвыя Души“. Отъ С. я какъ разъ попалъ въ усадьбу блаженной памяти Плюшкина, помѣщика Розова. Я никакъ не могъ себѣ представить, чтобы у этого богатаго землевладѣльца не было коннаго завода, но, въѣхавъ въ деревню, состоящую изъ сотни избъ, я долженъ былъ убѣдиться, что у Розова не можетъ быть коннаго завода.

Библиотека "Руниверс"

Вся деревня, по которой я ѣхалъ къ дому помѣщика, представляла собой гнилыя, полуразвалившіяся руины; большинство избъ были даже не покрыты соломой. Завернувъ за уголъ въ полуразвалившіяся ворота, я былъ еще болѣе пораженъ представившимся мнѣ зрѣлищемъ. Посреди двора стоялъ длинный, очень длинный, на бокъ покосившійся деревянный домъ, задній фасадъ котораго выходилъ на огородъ съ капустой, рѣдькой, подсолнухами и мѣстами торчавшими ветлами; надворныя постройки я затрудняюсь описывать, онѣ представляли собой какой-то гнилой хламъ, неуклюже собранный вмѣстѣ. Трудно было рѣшить, что это—закуты или жилье для людей; по срединѣ двора стояла телѣга съ сломанными колесами, какая-то грязная баба кралась по двору, двое мальчишекъ сквозь дырявый заборъ удивленно смотрѣли на мой тарантасъ. Изъ дома наконецъ показался самъ хозяинъ, худощавый старичекъ съ посѣдѣвшими волосами, одѣтый въ какую-то женскую ватную кофту и нанковыхъ штанахъ, на головѣ помѣщика былъ надѣтъ теплый картузъ съ ушами, ноги были обуты въ опорки. Все это, разумѣется, не могло на меня пріятно дѣйствовать; хотя и поздно, но я понялъ, что заѣхалъ туда, куда не слѣдовало, но дѣлать было нечего, пришлось выйти изъ экипажа и познакомиться съ помѣщикомъ.

— Очень, очень радъ, бормоталъ старичекъ, а у меня кстати есть продажная партія пеньки. Я возразилъ, что пеньки мнѣ не нужно, и что мнѣ хотѣлось бы купить лошадей для ремонта.—Нѣтъ, отецъ мой, отвѣчалъ мнѣ помѣщикъ, лошадей я не держу, ну ихъ къ шуту, какой толкъ въ лошадяхъ, только одинъ расходъ на кормъ, а пользы отъ нихъ никакой нѣтъ; навоза даютъ всего ничего, а требуютъ корма и ухода; нѣтъ, лошадей я не держу, вотъ на счетъ пеньки, то пожалуй... Я еще разъ замѣтилъ помѣщику, что пеньки мнѣ не надо.—Что же я могу предложить вамъ, право, и не знаю, бормоталъ старичекъ,—развѣ капусты, да едва-ли она поспѣла, подсолнухи, разумѣется, годились бы для масла, но и они еще не созрѣли.

Вся эта бесѣда происходила на дворѣ; я началъ уже не на шутку безпокоиться, не получить бы отъ помѣщика предложенія купить нѣчто вродѣ пеньки, капусты и подсолнуховъ и, раскланявшись съ почтеннымъ старичкомъ, сталъ пятиться къ моему тарантасу. Послѣднее немножко образумило гостепріимнаго хозяина, и онъ сталъ приглашать меня въ домъ. Обратившись къ грязной бабѣ, бывшей на дворѣ, Розовъ вскричалъ:—Алена, согрѣй самоваръ! Милости просимъ, продолжалъ помѣщикъ, выкушайте у меня хотя стаканчикъ чая. Но я рѣшительно отказался отъ чая, простился съ гостепріимнымъ помѣщикомъ, прыгнулъ въ тарантасъ и выѣхалъ за околицу.

Далѣе я посѣтилъ помѣщика Борова. Усадьба его была вполнѣ

Библиотека "Руниверс"

хорошая. Домъ двухъэтажный, съ колоннами, тѣнистый садъ, приличныя надворныя постройки и прочее. Но къ сожалѣнію я у Борова не нашелъ *чистоногихъ* рысаковъ, зато этотъ благовоспитанный дворянинъ принудилъ меня глядѣть всѣхъ его толстоногихъ рысаковъ, по заявленію Борова, совершающихъ трехверстную дистанцію *безъ секундъ*. Я едва могъ отдѣлаться отъ Борова и, отговариваясь неимѣніемъ времени, уѣхалъ. Болѣе я уже не буду говорить о моихъ посѣщеніяхъ помѣщиковъ-коннозаводчиковъ; скажу лишь одно, что посѣщенія мои были не совсѣмъ удачны.

III.

Посѣщая имѣнія помѣщиковъ Тамбовской и Воронежской губерній, я пришелъ къ окончательному убѣжденію, что типъ всероссійскаго помѣщика-дворянина въ средней полосѣ не измѣнился ни на одну каплю съ тѣхъ поръ, какъ Гоголь описывалъ дворянъ, съ которыми имѣлъ дѣло Чичиковъ. Лишь въ 1861 году, съ крестьянской реформы наши помѣщики, въ силу обстоятельствъ, измѣнили свой наружный видъ, хотя внутреннее ихъ содержаніе осталось то же самое, но по освобожденіи крестьянъ помѣщики сбросили свои халаты, облеклись въ модные рединготы и отправились въ Парижъ проживать свои пятипроцентные билеты и выкупныя свидѣтельства, выданныя имъ правительствомъ за освобожденіе, крестьянъ съ землею. Не даромъ въ ту эпоху Наполеонъ III говорилъ, что русскіе дворяне наводнили Парижъ и хотятъ взять его въ отместку за покоренный Севастополь. Богатыя хоромы помѣщиковъ, оранжереи, парки, конные заводы, заповѣдные лѣса и луга перешли въ руки почтеннѣйшихъ коммерсантовъ, которые роскошныя палаты баръ преобразили въ фабрики, а оранжереи въ кирпичные заводы, отапливаемые срубленными фруктовыми деревьями, всѣхъ заводскихъ лошадей орловскаго типа коммерсанты распродали цыганамъ и юркимъ жидкамъ и т. д. и т. д. Съ 1853—54 годовъ покупка ремонтныхъ лошадей для казны рѣзко измѣнилась, явилась надобность въ большомъ количествѣ фурштатскихъ и артиллерійскихъ лошадей, большинство которыхъ въ 1854 году потонуло въ Херсонской и Таврической грязи. Пришлось отказаться отъ ремонтерской дѣятельности.

Подводя итоги прошлаго, я долженъ сказать, что самая удачная моя дѣятельность по части покупки лошадей была именно въ то время, когда я послушался благого совѣта старшаго ремонтера 6-й кавалерійской дивизіи и сталъ покупать лошадей не въ розницу, а цѣлыми косяками, которыхъ перегонялъ въ мое имѣніе Таврической губ., и уже тамъ на мѣстѣ сортировалъ лошадей.

Библиотека "Руниверс"

Такія покупки цѣлыхъ косяковъ были чрезвычайно выгодны прежде всего потому, что лошади приходились по крайней мѣрѣ вдвое дешевле купленныхъ по одиночкѣ; затѣмъ и остальныя недомѣрки и отмастки продавались съ хорошимъ барышемъ.

Для покупки лошадей цѣлыми косяками Урюпинская ярмарка въ особенности была хороша. Донскія лошади того времени, воспитанныя въ степи, а не въ душномъ варкѣ, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовали инструкціи. На ярмаркахъ Лебедянской, Коренной, Роменской и Балтской мнѣ также доводилось покупать косяками лошадей, но въ Лебедянской ярмаркѣ косяки не всегда были одного типа; въ табунѣ нерѣдко попадались и тамбовскіе выкормки. Повторяю, въ этомъ случаѣ Урюпинская ярмарка давала мнѣ именно тотъ сортъ лошадей, который для меня требовался. Къ сожалѣнію въ Урюпинской ярмаркѣ далеко не всѣ табуны лошадей были донскіе, съ мѣрой, были и калмыцкіе табуны, этотъ сортъ лошадей не соотвѣтствуетъ инструкціи, почти всѣ лошади безъ мѣры, при томъ же чрезвычайно безобразны, съ тяжелыми головами на толстыхъ короткихъ ногахъ. Съ Крымской войны и воцареніемъ Государя Александра II-го, въ Россіи многое измѣнилось. Реформы этого царствованія, конечно, коснулись и покупки ремонтныхъ лошадей. Многіе мои товарищи, такъ же какъ и я, вышли изъ ремонтеровъ; впрочемъ послѣднее началось еще до кончины Императора Николая I-го, въ 1854—55 годахъ. Затѣмъ вся сельско-хозяйственная машина въ Россіи начала дѣйствовать совершенно въ противоположномъ направленіи. Земельныя богатства Россіи мало-по-малу стали переходить къ купцамъ, которые заботились лишь объ увеличеніи своихъ капиталовъ, посредствомъ пара распахивали десятки тысячъ десятинъ цѣлины и тѣмъ окончательно уничтожали конно-заводство и коневодство. Въ настоящее время вмѣсто малороссійскихъ, новороссійскихъ и другихъ заводовъ а также и Донского войска, на сцену явился очень рѣзвый рысакъ, совсѣмъ не орловскаго типа; какъ верховая лошадь, такъ и могучій рысакъ давно отошли въ область преданій. Если бы я хотѣлъ высказать мое мнѣніе о настоящемъ положеніи рысистыхъ и верховыхъ заводовъ въ Россіи, я рѣшительно не могъ бы этого сдѣлать. Въ общемъ большинство рысистыхъ заводовъ существуетъ лишь для тотализатора, а верховыхъ заводовъ давно и слѣда нѣтъ. Мнѣ сообщали весьма недавно, что за лошадьми для гвардіи ѣздятъ въ Германію и Австрію. Слѣдовательно, мое слово въ настоящее время уже не можетъ имѣть никакого значенія.

Н. А. Поповъ.

Библиотека "Руниверс"

Изъ архива князя Л. А. Ухтомскаго [1].

VI.

Мнѣ жаль разстаться съ дневниками кн. Ухтомскаго, не коснувшись тѣхъ страницъ ихъ, въ которыхъ онъ, послѣ Севастопольскихъ впечатлѣній, искренно рисуетъ себя, какъ офицера и человѣка.

„Со мною много случилось перемѣнъ въ это время", признается онъ какому-то новому предмету своей страсти: „Я много перестрадалъ, передумалъ. Но я все тотъ же, нерѣшительный. За все берусь, все мнѣ надоѣдаетъ и, право, мнѣ наскучило жить. Знаете ли, что въ Севастополѣ не разъ напрашивался я на смерть, но она не идетъ. — Даже сегодня, когда вы сказали мнѣ — приложиться къ образу [2], знаете ли вы, чего я просилъ? — Я думалъ, обращаясь къ иконѣ: „Если ты — дѣйствительно чудотворная, то пошли мнѣ смерть!"

Посвящая въ 1856 году одну изъ тетрадей своихъ мемуаровъ сестрѣ, князь пишетъ послѣдней слѣдующія строки:

„Другъ и сестра! Въ этой тетради ты найдешь мои замѣтки, выписанныя изъ моихъ любимыхъ авторовъ. Тутъ выражены и радости и горе, которыя когда-то волновали мое сердце! въ этихъ запискахъ—часть моей души. Иногда, когда тебѣ будетъ скучно, ты развернешь любую страницу и, читая, можешь заочно бесѣдовать со мною. Бо̀льшей любви, бо̀льшей привязанности къ тебѣ я не могу ничѣмъ выразить, какъ этимъ подаркомъ. Дай Богъ, чтобы

[1] См. „Русская Старина" январь 1912 г.

[2] Судя по другимъ мѣстамъ дневника князя, это было въ Одесскомъ соборѣ, гдѣ служилъ знаменитый Иннокентій.

Библиотека "Руниверс"

ты и твои дѣти воспользовались бы тѣми высокими мыслями, которыя мѣстами разбросаны здѣсь и которыя—увы!—я только умѣлъ понимать, но не въ силахъ былъ выполнить...

„Читая мой журналъ, ты поймешь меня. Ты увидишь, что я всю жизнь былъ въ разладѣ съ самимъ собою и, вѣчно недовольный, переходилъ отъ восторга къ глубокому отчаянію или впадалъ въ апатію — обыкновенное состояніе моего духа; ибо видѣть передъ собою прекрасные образы, сознавать ихъ и, въ то же время, не имѣть силъ имъ слѣдовать,—ужасное и невыразимое мученіе.

„Ты можетъ быть спросишь: „чѣмъ же этого избѣгнуть?!“

„Есть одно средство—воспитаніе. Когда еще дитя на рукахъ матери, то на ней лежитъ эта высокая и священная обязанность. При случаѣ я поговорю съ тобою о воспитаніи, какъ я понимаю его.

„Ты же знаешь, что мы дома не получили никакого воспитанія. Кормить, одѣвать, учить и наказывать—это далеко до воспитанія!.. Въ корпусѣ было немного разницы, можетъ быть еще хуже. Впослѣдствіи я самъ вздумалъ воспитывать себя, но уже многіе недостатки такъ привились, что у меня на перевоспитаніе не хватило силъ. При этомъ нуженъ непремѣнно руководитель. Однѣхъ же книгъ недостаточно“.

Сидя въ Севастополѣ, покойный еще разъ принимается за описаніе Севастопольской обороны, но тотчасъ же бросаетъ перо, занося въ дневникъ:

„Хотѣлъ бы писать о Севастополѣ, но рука пишетъ другое, а въ головѣ ничему нѣтъ мѣста, кромѣ любви!“...

Въ 1858 году князя Ухтомскаго, неожиданно для него самого, назначили командиромъ парохода „Ординарецъ“.

Вотъ съ какимъ трогательнымъ сознаніемъ собственнаго своего служебнаго и личнаго недостоинства относится онъ, судя по дневнику, къ подобному высокому самостоятельному назначенію.

Князь пишетъ:

13-е или 14-е апрѣля. Галацъ.

Наконецъ, я добрался до своего журнала. Это значитъ, что я спокоенъ духомъ, отдыхаю послѣ различныхъ хлопотъ и, кромѣ того, имѣю что-нибудь записать. А какъ то, такъ и другое—важно. Начнемъ сначала. На вербной недѣлѣ я былъ въ Николаевѣ и хлопоталъ о вооруженіи яхты, чтобы со вскрытіемъ льда идти — разставлять баканы. Вотъ однажды, а именно, кажется, въ среду, меня догоняетъ ординарецъ и говоритъ, что меня требуетъ начальникъ штаба. Предполагая, что это—для ускоренія моего выхода, я сдѣлалъ наскоро главнѣйшія распоряженія и поторопился къ Лихачеву.

Библиотека "Руниверс"

Курьеръ доложилъ о моемъ приходѣ—и черезъ 5 минутъ Лихачевъ выходитъ и поздравляетъ меня командиромъ парохода „Ординарецъ", прибавивъ, что я долженъ немедленно идти за границу (въ Галацъ). На прощанье онъ прибавилъ, что я могу выбрать себѣ офицеровъ. Это извѣстіе меня чуть не ошеломило: какъ, я — командиръ парохода, назначенъ прямо за границу командиромъ! Откуда это? Что это вздумалось Бутакову? Потому что, какъ помнится, онъ не могъ считать меня очень хорошимъ офицеромъ, тѣмъ болѣе пароходнымъ, такъ какъ до сихъ поръ я не служилъ совсѣмъ на пароходахъ. Неужели этому причина случайное стеченіе пустыхъ обстоятельствъ? — Эта загадка такъ заняла меня, что я рѣшился спросить объ этомъ адмирала при первомъ удобномъ случаѣ. Возвращаясь отъ Лихачева, я все припоминалъ, не было ли у меня какого-нибудь пріятнаго предчувствія или хорошаго сна, но особеннаго не припомнилъ. Получивъ новое назначеніе, я дѣятельно началъ готовиться къ кампаніи, торопясь уйти изъ Николаева, чтобы меня не смѣнили: такъ невѣроятно казалось мнѣ подобное назначеніе. Передъ отъѣздомъ я сдѣлалъ прощальные визиты, и, странно, какъ я былъ счастливъ эти дни: что бы я ни задумалъ, о чемъ бы ни просилъ — все удавалось. Кромѣ того, большая часть долга заплачена (именно 750 р.); осталось только 500 р., съ которыми кое-какъ управлюсь со временемъ. Передъ отходомъ, я воспользовался пробой машины и сдѣлалъ на пароходѣ маленькій балъ. На немъ участвовала большая часть лицъ, къ которымъ я былъ расположенъ. Народу было болѣе 50 человѣкъ; приличное угощенье, оркестръ музыки и всевозможная любезность съ моей стороны. Наконецъ, въ воскресенье я снялся съ якоря и пошелъ въ Одессу, чтобы тамъ размѣнять деньги на звонкую монету и уйти въ Галацъ".

Милосерднымъ отношеніемъ къ младшему товарищу по службѣ, простому нижнему чину, вѣетъ отъ многихъ послѣдующихъ дневниковъ кн. Ухтомскаго: въ этомъ отношеніи, Севастопольское сидѣнье, какъ я уже упомянулъ выше, сблизило его съ низшей братіей и, указавъ на то, какія геройскія силы тамъ подчасъ таятся, оставило свой прочный отпечатокъ на всю послѣдующую жизнь князя.

Въ 1862 году совершаетъ онъ плаваніе съ подчиненной ему командою на винтовой лодкѣ „Сѣкира", дѣлясь своими впечатлѣніями, по привычкѣ, съ журналомъ и занося туда слѣдующее:

„Вообще я очень доволенъ командою: работаютъ отлично и безропотно, хотя приходилось много трудиться. Даже бывали случаи, что больные не шли въ лазаретъ потому, что народа мало и стыдно

Библиотека "Руниверс"

отстать отъ работы. Я былъ такъ счастливъ, что во всю кампанію не наказалъ ни одного человѣка; дорогою отпускалъ на нѣсколько дней къ роднымъ, кому было близко, и отпущенные ни разу не опаздывали. Вообще мы живемъ въ полномъ согласіи. Да оно и не могло быть иначе, потому что матросы видѣли, что этотъ переходъ есть дѣло серьезное и что каждый день было много работы. Единственный недостатокъ въ командѣ—было пьянство. Съ этимъ я рѣшительно не могъ справиться. Было нѣсколько человѣкъ неисправимыхъ. Конечно, я обращался съ ними, какъ съ больными, и старался дать имъ такое занятіе, которое отвлекало бы ихъ отъ мысли о пьянствѣ".

„Несмотря на утомительную работу гребли и бичевы, на безсонныя ночи и на дурную погоду, команда работаетъ весело и дружно. Иногда и самъ встанешь на лопарь, чтобы взялись лучше, или пройдешься въ лямкѣ. Только съ непривычки скоро устаешь".

„Вечеромъ мы подошли къ городу Рыбинску и стали на якорь, немедленно разсчитали лоцмановъ и рабочихъ и легли отдохнуть съ сознаніемъ, что мы заслужили вполнѣ этотъ отдыхъ".

Когда въ 1863—1872 годахъ вышло въ свѣтъ сочиненіе гр. Тотлебена „Описаніе обороны Севастополя"—кн. Ухтомскій, по просьбамъ знакомыхъ моряковъ, выступилъ въ „Морскомъ Сборникѣ" съ критической замѣткою, въ которой, воздавъ должное капитальному труду знаменитаго автора, между прочимъ, высказываетъ слѣдующія мысли:

„Пища, одежда, помѣщеніе, конечно, имѣютъ большое вліяніе на человѣка. Черноморскіе моряки всегда имѣли (во время Севастопольской обороны) питательную и вкусную пищу; они были богаты бѣльемъ, которымъ даже щеголями. Во время же обороны, перебравшись на батареи, они жили въ устроенныхъ землянкахъ, а потомъ въ блиндажахъ, между тѣмъ какъ солдаты Севастопольскаго гарнизона ничего этого не имѣли. Нерѣдко имъ приходилось обѣдать на разсвѣтѣ, передъ выходомъ на работу, и такъ оставаться до вечера. Иногда кашица солдатъ была такъ плоха, что ее едва можно было ѣсть. Бѣлье солдаты, конечно, не часто мѣняли, и, во время обороны Севастополя, намъ въ первый разъ случалось слышать о болѣзни, гдѣ, по выраженію солдатъ, „нуда заѣла человѣка". (Болѣзнь эта состояла въ томъ, что у больного кожа раздражалась и мѣстами вспухала отъ множества насѣкомыхъ). Сѣрыя шинели солдатъ, сильно пострадавшія отъ походной жизни и отъ работы, не могли хорошо грѣть человѣка. Наконецъ, солдаты большею частью помѣщались на улицахъ, подверженные всѣмъ не-

Библиотека "Руниверс"

настьямъ. Все это было причиной громадной разницы между матросами и солдатами (не говоря уже про то, что это имѣло весьма вредное вліяніе на здоровье солдата. Въ этомъ случаѣ отчеты госпиталей были бы весьма интересны). Матросы наши работали хорошо и сильно, всегда были въ хорошемъ настроеніи духа; они были находчивы, отважны, и храбрость ихъ нерѣдко доходила до героизма. Всѣ эти качества у солдатъ мы видимъ въ слабѣйшей степени. Оно и не могло быть иначе. Пусть исторія разъяснитъ намъ причины этой разницы для того, чтобы мы, видя печальныя послѣдствія, могли уничтожить вредныя причины, для того, чтобы каждый человѣкъ, служа отечеству, могъ быть полезенъ всѣмъ своимъ существомъ, а не обманывать глазъ одною численностью. Можно положительно сказать, что во время обороны Севастополя, будь наши солдаты такъ же хорошо содержимы, какъ и матросы, то зимою 1854 г., и при томъ же числѣ гарнизона, не только мы могли бы устроить и защищать новые редуты и Камчатскій люнетъ, но и сдѣлать много другихъ значительныхъ инженерныхъ работъ. Да не подумаетъ кто-нибудь, чтобы я дерзнулъ обвинять нашихъ солдатъ въ недостаткѣ храбрости. Напротивъ, при такомъ жалкомъ образѣ прежней ихъ жизни, еще болѣе поражаешься ихъ геройствомъ, для примѣра котораго достаточно упомянуть: о дѣлѣ съ сильнѣйшимъ непріятелемъ при постройкѣ новыхъ редутовъ, объ отраженіи штурма 6 іюня и, наконецъ, объ ужасномъ сраженіи въ ночь на 13 мая въ траншеяхъ впереди 6-го бастіона, гдѣ наши войска 13 разъ ходили въ штыки подъ картечнымъ огнемъ непріятеля и изъ 5 тысячъ, пошедшихъ въ дѣло, воротилось только 2 тысячи человѣкъ".

„Мы, защитники Севастополя, инстинктивно понимали дѣла такъ, какъ они должны быть; вслѣдствіе этого убѣжденія, намъ еще тяжелѣе казался всякій новый ударъ, и отъ всякой новой неудачи наша гордость страдала еще сильнѣе. Подъ конецъ обороны Севастополя это положеніе сдѣлалось невыносимо, тѣмъ болѣе, что не оставалось и физической возможности держаться въ Севастополѣ".

Мною, по мѣрѣ возможности, исчерпано здѣсь, въ этой статьѣ, содержаніе подареннаго мнѣ архива кн. Л. А. Ухтомскаго.

Думается, что едва-ли дневники покойнаго, пожертвованные имъ при жизни въ Севастопольскій музей, относящіеся къ событіямъ обороны, не разъ уже описаннымъ другими очевидцами, дали бы что-нибудь новое для исторіи самой обороны, для характеристики князя, какъ одного изъ ея видныхъ участниковъ.

Библиотека "Руниверс"

Вотъ почему я не дѣлалъ попытки воспользоваться и этими, неизвѣстными мнѣ, матеріалами для моей работы.

Съ чувствомъ невыразимаго духовнаго удовлетворенія переносился я, изучая бумаги доблестнаго князя, въ далекое прошлое, стараясь уйти отъ того, что меня окружаетъ...

Признаться, взявъ на себя кропотливый трудъ — создать нѣчто цѣлое изъ княжескаго архива, находящагося въ безпорядкѣ, я постоянно имѣлъ въ виду главнымъ образомъ одну группу будущихъ читателей „Русской Старины"—морскую молодежь.

При встрѣчахъ и бесѣдахъ съ молодыми моряками въ послѣдніе годы не разъ подмѣчалъ я въ нихъ грустное, нежелательное явленіе—не то безнадежность, не то разочарованіе...

— „Флотъ погибъ... Морская слава Россіи—лишь въ прошломъ... Намъ никогда не возродиться, какъ морской державѣ..."

Таковъ основной смыслъ душевнаго настроенія современной морской молодежи, съ которой мнѣ суждено было столкнуться...

Часто, при этомъ, высказываются мечты о томъ, что хорошо было бы покинуть неблагодарную морскую службу, когда и флота нѣтъ, и на возрожденіе его мало надежды, и начальство плохо, пріискавъ для себя другой родъ дѣятельности.

Конечно, въ подобномъ мрачномъ настроеніи слѣдуетъ видѣть и результатъ нашихъ недавнихъ неудачъ на морѣ, и излишнюю впечатлительность, присущую молодости.

Но невольно, при такихъ встрѣчахъ, срывается съ губъ и слово осужденія.

„Да правы ли вы, господа, такъ мрачно смотря на свое назначеніе!" говоришь юнымъ пессимистамъ: „Если флотъ нашъ такъ разстроенъ, если порядки въ немъ, по мнѣнію вашему, такъ плохи, если въ настоящую минуту мы далеки отъ идеаловъ прошлаго нашего морского могущества, если, быть можетъ, долго еще суждено намъ идти, въ этомъ отношеніи, въ хвостѣ прочихъ морскихъ державъ, то не обязываетъ ли васъ все это, вмѣстѣ взятое, еще болѣе, какъ порядочныхъ людей и честныхъ гражданъ, оставаться служить во флотѣ именно теперь, когда ему живется скверно, поработать рука въ руку съ государственной властью въ дѣлѣ его возрожденія? Что же станетъ съ флотомъ, если, во дни его бѣдствій, все лучшее, жизнеспособное бѣжитъ изъ него, унося съ собою энергію, надежды, силы молодости?!.."

И вотъ дневниками кн. Ухтомскаго, ссылками на „Описаніе обороны г. Севастополя" гр. Тотлебена мнѣ хочется повторить еще разъ то же самое этой молодежи въ яркихъ образахъ, типахъ, сценахъ Севастопольской страды...

Библиотека "Руниверс"

Вѣдь наши неудачи подъ Севастополемъ только поднимали духъ его гарнизона. Флотъ нашъ не погибъ послѣ вынужденнаго затопленія судовъ на Севастопольскомъ рейдѣ. Напротивъ, моряки наши доказали, подвигами своими, кровью лучшихъ своихъ представителей, что нельзя измѣрять значеніе флота количествомъ судовъ, орудій, численностью состава...

Справедливо поставилъ гр. Тотлебенъ первою причиною геройской обороны Севастополя „превосходный духъ русскихъ войскъ“.

Онъ пишетъ:

„Хотя союзники и имѣли въ Крыму лучшія свои войска, которыя постоянно оказывали много мужества и храбрости, тѣмъ не менѣе, несмотря на дурное вооруженіе и численную слабость русскихъ войскъ, нигдѣ въ такомъ блескѣ, какъ при защитѣ Севастополя, не проявились высокія боевыя качества, присущія русскому солдату, а именно: непоколебимыя мужество и стойкость, безпредѣльная преданность Государю и отечеству, теплое религіозное чувство, добрая нравственность и способность безропотно переносить самые тяжкіе труды и лишенія“.

Какъ трудъ Тотлебена, такъ и мемуары князя Ухтомскаго, въ назиданіе потомству, подчеркиваютъ тотъ фактъ, что при всемъ ужасѣ, даже трагизмѣ положенія нашихъ моряковъ, ни у кого изъ нихъ въ тѣ дни не было помысловъ—сдаться, бѣжать, покинуть товарищей, службу, поколебаться въ вѣрности долгу...

Припомнимъ послѣднія слова умирающаго, страдающаго отъ тяжкой раны, адмирала Корнилова:

„Ну, господа, предоставляю вамъ отстаивать Севастополь! Не отдавайте его!.. Скажите всѣмъ, какъ пріятно умирать, когда совѣсть спокойна!.. Благослови, Господи, Россію и Государя, спаси Севастополь и флотъ!..“

Намъ ли, прямымъ потомкамъ Корнилова, Истомина, Нахимова, десятковъ тысячъ сподвижниковъ ихъ по оборонѣ Севастополя, славно покоющихся на братскомъ кладбищѣ послѣдняго, унывать, падать духомъ, мрачно глядѣть въ будущее?!..

Не ихъ ли святыя, окровавленныя тѣни благословляютъ насъ на грядущіе подвиги изъ загробнаго міра?!.. Не ихъ ли горячія, чистыя молитвы приносятся у престола Божія за счастье, благоденствіе дорогой родины, за преуспѣяніе родного флота?!..

Наконецъ... Развѣ можетъ не побѣдить, развѣ можетъ погибнуть народъ, въ прошломъ котораго столь священныя гробницы, столь чудныя преданія?!..

Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!.. Сообщ. А. В. Жиркевичъ.

Библиотека "Руниверс"

Изъ Подольской старины[1]).

VII.

Училищный съѣздъ въ г. Каменцѣ 1868 г. Назначеніе на должность эконома для семинаріи. Служебныя непріятности. Ректоръ прот. Княжинскій. Уходъ изъ семинаріи и служба въ кладбищенской и тюремной церкви. Возвращеніе на службу въ семинарію въ качествѣ эконома въ общежитіи. Ректоръ прот. Шмургуловъ. Смерть его. Преосв. Леонтій. Мой уходъ со службы въ семинаріи.

Къ концѣ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія начали заводиться окружные училищные съѣзды духовенства, на которыхъ должны были изыскиваться средства къ содержанію и мѣры къ улучшенію духовно-учебныхъ заведеній округа. На такой съѣздъ вмѣстѣ со своимъ благочиннымъ и я былъ назначенъ въ 1868 году. Съѣздъ былъ въ г. Каменцѣ въ маѣ мѣсяцѣ. На первыхъ еще порахъ дѣло это было незнакомое, и собравшіеся на съѣздъ батюшки не знали, что дѣлать и о чемъ говорить. Вопросныхъ пунктовъ для разсужденія никакихъ не дали, не было и хорошаго руководителя. Собрались мы, помню, въ помѣщеніе, отведенное для засѣданій. Оказалось, что не было и половины назначенныхъ депутатовъ. Нужно было избрать предсѣдателя. Избраннымъ по большинству голосовъ оказался протоіерей Троицкій. Открывъ засѣданіе, онъ окинулъ взглядомъ присутствующихъ и спросилъ съ недоумѣніемъ: „что мы будемъ дѣлать, отцы?“ Отцы могли только сказать: „А мы знаемъ?“ Съѣздъ такимъ

[1]) См. „Русская Старина“ декабрь 1911 г.

Библиотека "Руниверс"

образомъ не состоялся. Причиною закрытія его выставили отсутствіе многихъ депутатовъ. Пріѣхавшіе расписались на листѣ бумаги и отправились по домамъ.

Для меня лично эта поѣздка въ Каменецъ имѣла большое значеніе. Предъ отъѣздомъ домой со съѣзда я зашелъ въ архіерейскій домъ, гдѣ экономомъ служилъ мой товарищъ по семинаріи, игуменъ Евменій. Разговоръ между прочимъ коснулся семинаріи. Евменій замѣтилъ, что тамъ нѣтъ экономa. Вмѣстѣ со мной сидѣлъ и благочинный Добржанскій. Онъ, услышавъ новость, живо замѣтилъ: „Чего тебѣ сидѣть на приходѣ?.. Иди въ экономы“... Евменій поддержалъ его. „Да я те, говорю, не понимаю этого дѣла, да, если бы и захотѣлъ, не дадутъ мнѣ этого мѣста. Вы знаете, что прежде эта должность считалась важною и ее занимали профессора семинаріи... Положимъ, послѣдній экономъ былъ изъ духовныхъ, но протоіерей, и при томъ служилъ по выбору правленія семинаріи“. Евменій, видя мое колебаніе, рѣшительно взялъ листъ бумаги и, поднеся мнѣ, сказалъ: „Пиши“. Я написалъ прошеніе архіерею, въ которомъ выразилъ желаніе, чтобы меня имѣли въ виду, какъ кандидата, при замѣщеніи должности семинарскаго экономa. Возвратился я со съѣзда домой. За пастырскими и хозяйственными заботами я совершенно и забылъ о поданномъ мною прошеніи. Разъ лѣтомъ въ самый разгаръ полевыхъ работъ (въ жниво и уборку хлѣба) мнѣ понадобилось поѣхать къ благочинному. Окончивъ разговоръ о дѣлѣ, благочинный выходитъ въ другую комнату и, скоро возвратившись съ какою-то бумагою въ рукахъ, говоритъ: „Вотъ бери указъ и спѣши“... „Куда?“ спрашиваю. „Я ничего не понимаю“... „Какъ куда? Да ты же писалъ прошеніе о назначеніи тебя на должность экономa семинаріи. Вотъ и поѣзжай въ Каменецъ... Предписано немедленно явиться“... Дѣлать было нечего. Несмотря на жаркое рабочее время, я долженъ былъ тотчасъ же ѣхать, оставивъ хозяйство на племянника. Прибылъ въ Каменецъ какъ разъ въ разъѣздъ учениковъ на каникулы—13 іюля. Прежде всего я представился о. ректору, архимандриту Мемнону, впослѣдствіи бывшему епископомъ Екатеринославскимъ. Мемнонъ сказалъ мнѣ: „Слѣдуетъ необходимо явиться къ преосвященному. Поѣдемъ вмѣстѣ“.

Преосвященный Леонтій держалъ себя слишкомъ по-начальнически. Не говоря уже обо мнѣ, онъ не предложилъ даже ректору сѣсть и тотъ долженъ былъ стоять все время пріема. Преосвященный далъ мнѣ наставленіе относительно того, какъ распоряжаться семинарскими суммами, наблюдать уставъ и ничего не дѣлать самовольно, безъ разрѣшенія ректора или семинарскаго правленія. Приняли благословеніе. Я обратился къ преосвященному

Библиотека "Руниверс"

съ просьбою отпустить меня на нѣсколько дней въ с. Матвѣйковцы, чтобы ликвидировать свои дѣла, сдать церковь, но онъ не позволилъ этого, а приказалъ немедленно принять семинарію и вступить въ отправленіе экономской должности. Какъ не по сердцу было такое владычное распоряженіе, но я долженъ былъ безпрекословно подчиниться ему. Окончить дѣла и всякіе счеты съ прихожанами поручилъ своему племяннику, молодому человѣку, а самъ принялъ семинарію, имущество и остался здѣсь.

Съ первыхъ же шаговъ службы пришлось распоряжаться громадными, по моему представленію, суммами.

Обязанности эконома были очень сложны. Онъ долженъ былъ наблюдать за зданіями и ремонтомъ ихъ, пріобрѣтать и выдавать вещи и провизію, слѣдить за служителями, принимать продукты отъ поставщиковъ, получать деньги изъ казначейства, выдавать жалованье учителямъ и вообще служащимъ въ семинаріи и мн. др. Непріятности встрѣчались на каждомъ шагу, а на первыхъ порахъ дѣлалъ еще промахи по неопытности. Такъ послѣ лѣтняго ремонта представляю, напр., въ правленіе мѣсячную вѣдомость о расходѣ суммъ. Ректоръ, протоіерей Княжинскій, разсматриваетъ ее и провѣряетъ. Оказывается недочетъ въ 1.000 рублей. Приносятъ денежный сундукъ, сличаютъ находящееся въ немъ съ выемною книгою, 1.000 рублей съ лишнимъ, дѣйствительно, не оказывается. Я чуть въ обморокъ не упалъ отъ такой неожиданности. Выходило, что какъ будто моя вина. Ректоръ подозрительно улыбается. „А что?“... „Я, говорю, не знаю, куда дѣвались деньги“...

Началъ потомъ провѣрять росписки, сличать черновыя вѣдомости и только чрезъ недѣлю усмотрѣлъ, что я въ бѣловой вѣдомости пропустилъ недостающую цифру на ремонтъ зданій.

Не мало пришлось вынести непріятностей и отъ подрядчиковъ, которые были всѣ исключительно изъ евреевъ. А извѣстно, что еврей, ведя коммерцію, необходимо долженъ надуть гоя. Случалось это и со мною, особенно на первыхъ порахъ, такъ какъ я еще не былъ посвященъ въ ихъ хитрости. Принялъ я разъ пудъ грибовъ. При пріемѣ присутствовалъ и инспекторъ семинаріи. Выдача провизіи записывалась въ особый дневникъ. Проходитъ дней 10—грибовъ остается совсѣмъ мало. Инспекторъ усмотрѣлъ это и замѣтилъ мнѣ, что я слишкомъ неразсчетливо расходую грибы. Я говорю: „посмотрите, Л. И., дневникъ, выдаю, какъ и прежде, по два фунта на день“. „Это не много, замѣчаетъ тотъ, но почему же такъ скоро вышелъ пудъ грибовъ?“ Дѣло скоро разъяснилось. Раскрыли его присутствовавшіе при пріемѣ служителя, недовольные на поставщика. Что же оказалось? Хитрый еврей, кладя связки грибовъ на вѣсы,

Библиотека "Руниверс"

незамѣтно подъ ними положилъ и 20-ти фунтовую гирю. Вѣсбы были обыкновенные и такимъ образомъ свѣсилъ 1 пудъ, какъ и было записано въ пріемную книгу. Потомъ эта гиря незамѣтно была снята съ вѣсовъ вмѣстѣ съ грибами. Дѣло сдѣлано было чисто. Случаевъ, когда евреи поставляли недоброкачественную провизію, не пересчитать. Разъ одинъ изъ поставщиковъ, чтобы подкупить меня, приноситъ на праздникъ нѣсколько бутылокъ вина и ставитъ на столъ. „Это что?“ Еврей молча кланяется. Я понялъ въ чемъ дѣло и, чтобы показать разъ навсегда, что меня на этомъ не поймать, крикнулъ: „Что?.. я не имѣю что ли вина?.. Вонъ!“... Еврей моментально скрылся за дверью; бутылка же полетѣла вслѣдъ за хозяиномъ. Еврей этотъ на меня жаловался преосвященному, о чемъ я узналъ слѣдующимъ образомъ. Вскорѣ послѣ случившагося Леонтій пріѣхалъ въ семинарію. Ректоръ и инспекторъ были на урокахъ. Пришлось встрѣчать преосвященнаго только одному мнѣ. На лѣстницѣ во 2-й этажъ стояли уже ректоръ и инспекторъ. Леонтій, указывая на меня пальцемъ, сказалъ: „Слышали, что онъ дѣлаетъ? Евреевъ бьетъ“... „Я не билъ, ваше преосвященство“ и подробно все разсказалъ ему. „Хорошо, хорошо... Я порвалъ прошеніе... Да иначе съ ними и нельзя“... Подавалъ этотъ еврей и въ судъ, но ничего не вышло.—Много обмановъ было и при поставкѣ дровъ. Евреи, при кладкѣ колотыхъ дровъ въ сажени, ухитрялись украсть иногда $^1/_4$ сажени, складывая такъ, что спереди полѣнницы казались хорошими, сзади же оказывались дыры.

По мѣрѣ пріобрѣтенія мною опытности, обманы эти въ большинствѣ случаевъ обнаруживались и уже платились за нихъ сами поставщики. Представляютъ напр. муку: плохого качества, хлѣбъ, выпеченный изъ нея, признается нехорошимъ. Въ виду этого обыкновенно я отправлялся въ городъ и закупалъ, гдѣ можно было, въ счетъ поставщика хлѣбъ, негодный же отдавалъ ему.

Почти всѣ учителя семинаріи были люди недостаточные и потому рѣдко, рѣдко кто до 20-го авансомъ не бралъ нѣсколькихъ рублей въ счетъ своего малаго жалованья. Эти выдачи для памяти записывались въ особую книжку. Деньги возвращались большею частію аккуратно; но были случаи, когда и на этой почвѣ происходили непріятныя для меня недоразумѣнія. Былъ учитель N., отличавшійся коммерческими наклонностями и скопидомствомъ. Про него въ шутку говорили: „N, сбирая каменьци по вулыци, и димъ строитъ“. N бралъ землю въ аренду и хозяйничалъ. Во время однѣхъ каникулъ онъ нанялъ для работы на своей фермѣ солдатъ. Пришлось разсчитывать ихъ, не хватаетъ у него денегъ. Приходитъ онъ ко мнѣ и проситъ дать 21 рубль. Я

Библиотека "Руниверс"

отказываю и говорю: „N, вы сами знаете, что и мнѣ теперь деньги нужны, идетъ ремонтъ,—приходится дѣлать платежи“... Тотъ умолялъ. Пришлось удовлетворить его просьбу. Предварительно я попросилъ его дать росписку въ книжкѣ: „N получилъ отъ эконома въ счетъ жалованья 21 р.“. Онъ это сдѣлалъ, и я отсчиталъ ему 21 р. Приходитъ 20-е число. Я N не додаю 21 р. Онъ пересчитываетъ деньги и говоритъ: „тутъ не хватаетъ“.

— За вами должокъ числится, замѣчаю я.

— Какой?.. Не помню... Я не бралъ...

— Да, вѣдь, вотъ ваша рука, говорю я, показывая росписку въ книжкѣ. Вы сами написали, что получили.

— Нѣтъ и нѣтъ... Я не бралъ, твердилъ онъ. Такъ и пришлось поплатиться своими деньгами.

Другой подобный случай окончился хорошо.

Учитель А—чъ, прекрасный человѣкъ, предъ каникулами болѣлъ тифомъ и, не взявъ жалованья, поѣхалъ на поправку здоровья къ тестю. Между тѣмъ во время роспуска приходитъ кто-то, за суматохой я даже не обратилъ и вниманія, кто это, и проситъ отъ имени А—ча дать 8 рублей. Зная послѣдняго съ прекрасной стороны, я даю просителю 8 р. и записываю ихъ въ книжку на имя А—ча уже своею рукою. Пріѣзжаетъ А—чъ послѣ каникулъ, получаетъ жалованье за 2 мѣсяца. Я даю ему деньги и прошу отсчитать 8 р. долга. Тотъ въ недоумѣніи... „Не бралъ, о. М., и не посылалъ никого“. Такъ и порѣшили, что кто-нибудь отъ его имени получилъ деньги обманомъ. Спустя полмѣсяца, прибѣгаетъ какъ-то вечеромъ А—чъ и говоритъ: „Простите, о. экономъ, виноватъ... Дѣйствительно, я взялъ 8 рублей“. И разсказалъ слѣдующее. „Въ день моего отъѣзда у діакона церкви женскаго духовнаго училища умеръ ребенокъ. Нужно было его похоронить, а денегъ не оказалось. Онъ обращается ко мнѣ, какъ смотрителю дома, одолжить ему нѣсколько. У меня лишнихъ не было, а потому я посовѣтовалъ сходить къ вамъ и попросить 8 р. въ счетъ жалованья. Теперь, просматривая книгу за іюль мѣсяцъ, смотрю, діаконъ не расписался въ полученіи денегъ. Думая, что онъ ихъ не получилъ, посылаю за нимъ и предлагаю росписаться и взять деньги. Онъ росписался, гдѣ было нужно, но 8 р. не захотѣлъ брать. „Почему?“ Онъ разъяснилъ дѣло“.

Больше столкновеній и непріятностей было съ ректоромъ.

Во все время службы эконома въ казенномъ семинарскомъ корпусѣ ректорствовалъ прот. Княжинскій, человѣкъ не старый, но вдовый. Много онъ выпивалъ, былъ очень разсѣянъ и придирчивъ.

Библиотека "Руниверс"

Существовали уже тогда „Епархіальныя Вѣдомости“. Сначала онѣ издавались при консисторіи, но преосвященный Леонтій настоялъ на томъ, чтобы онѣ были при семинаріи. Редакціоннаго капитала накопилось рублей до 600. Ректоръ Княжинскій вздумалъ на эти деньги оборудовать собственную типографію и помѣстить ее въ наемномъ домѣ, такъ какъ при семинаріи подходящаго помѣщенія не нашлось. Деньги были въ серіяхъ. Ректоръ даетъ мнѣ билеты и приказываетъ размѣнять ихъ на бумажки. Ѣду въ казначейство. Знакомый казначей отказывается размѣнять, говоря: „Берите еще. Онѣ намъ въ тягость и такъ, а я еще отъ васъ принимать буду“... Возвращаюсь къ ректору; но онъ и слушать ничего не хочетъ: серіи должны быть размѣнены.

Можно было бы это сдѣлать у частныхъ лицъ, но тѣ требовали за размѣнъ извѣстный процентъ, ректоръ же на послѣднее не соглашался. Ѣздилъ я по нѣсколько дней и возвратился ни съ чѣмъ къ ректору. Между тѣмъ Княжинскій собирался на каникулы и былъ по обыкновенію пьянъ. Онъ взялъ у меня серіи и заложилъ куда-то, а потомъ забылъ.

По пріѣздѣ съ каникулъ призываетъ меня однажды и спрашиваетъ: „А гдѣ же редакціонные 600 рублей?“

— Я же вамъ, о. ректоръ, предъ вакаціями отдалъ.

— Я не бралъ, говоритъ онъ.

Такимъ образомъ онъ поставилъ меня въ очень тяжелое положеніе. Черезъ нѣсколько времени онъ призываетъ меня и говоритъ: „Есть редакціонныя деньги, нашлись“...

— Гдѣ нашлись?..

— Въ „вализѣ“ лежали завернутыми.

— Вотъ, видите, о. протоіерей!.. А сколько вы меня промучили..., говорю.

— Что жъ?.. Я забылъ...

А случилось это такимъ образомъ. При сборахъ Княжинскій взялъ у меня серіи, завернулъ ихъ въ тряпку и засунулъ въ одну изъ вализъ, которыя валялись на полу въ темной комнаткѣ, примыкавшей къ кабинету ректора. Туда же по случаю ремонта квартиры была внесена и конторка, гдѣ лежали его 15 выигрышныхъ билетовъ. Конторка была даже не заперта. Хорошо, что рабочіе не знали, въ чемъ дѣло, и не воспользовались деньгами. Разбирая вещи, Княжинскій случайно натолкнулся на узелочекъ, развязалъ его и нашелъ серіи, а потомъ пришелъ ко мнѣ.

Происходили у насъ съ нимъ столкновенія и по личнымъ дѣламъ. Напр., онъ поручилъ мнѣ производить расходы по его хозяйственнымъ надобностямъ. Всякую покупку я записывалъ въ

Библиотека "Руниверс"

особую книжку и ежедневно представлялъ ему для разсчета. И онъ же еще постоянно придирался, что это дорого, а то неправильно записано и спьяна подозрѣвалъ меня въ хищеніи копѣекъ. Или ѣду въ городъ за покупкою для семинаріи провизіи. Въ семинаріи имѣлось 4 лошади, но Княжинскій проситъ меня: „возьмите Алешу (сына) и завезите его въ гимназію“. Исполняю просьбу. Кончаются уроки. Нужно выдавать обѣдъ, а меня ректоръ требуетъ. „О. экономъ, поѣзжайте въ гимназію и привезите Алешу, а то онъ пойдетъ пѣшкомъ, устанетъ, мальчикъ онъ нездоровый“... Между тѣмъ что-нибудь не ладно за ученическимъ обѣдомъ, ректоръ обвиняетъ меня. Я и говорю: „о. ректоръ, я не могу выполнять двухъ должностей заразъ“.—Столкновенія съ ректоромъ въ родѣ описанныхъ стали происходить чаще и чаще, а потому я рѣшилъ уйти изъ семинаріи и подалъ прошеніе въ правленіе объ увольненіи.

Прошеніе лежало безъ движенія съ октября мѣсяца до марта. Члены правленія неоднократно просили меня взять прошеніе обратно, но я не соглашался. По увольненіи съ должности эконома, я просилъ преосвященнаго Леонтія дать мнѣ какой-нибудь сельскій приходъ, но онъ своею резолюціею назначилъ меня священникомъ кладбищенской и тюремной церкви.

Жизнь здѣсь была спокойная и неинтересная. Разъ только произошелъ такой случай. За кладбищемъ поселились два табора цыганъ. Однажды наканунѣ какого-то праздника объявили, что къ цыганамъ поѣдетъ повеселиться вся каменецъ-подольская знать во главѣ съ губернаторомъ. Предварительно туда высланы были городовые, которые сравняли и обчистили мѣсто для стоянки и танцевъ.

Вечеромъ пріѣхали гости. Тутъ былъ и князь N. Самъ я, конечно, не наблюдалъ за происходившимъ у цыганъ, но разсказывали, что они танцовали, пѣли, играли, а потомъ начали развлекаться и городскіе кавалеры и дамы. Танцевала и кн. N, хотя и была беременна. Прогулка кончилась. По возвращеніи домой N почувствовала себя худо и на 3-й день скончалась.—Пріѣзжаетъ ко мнѣ N съ женою директора гимназіи и говоритъ, что тѣло его жены по отпѣваніи будетъ отправлено въ Кіевъ, но пока не получится разрѣшенія на это, нужно его гдѣ-либо временно поставить, и просилъ указать мѣсто. Я сказалъ, что на кладбищѣ есть одинъ открытый склепъ, гдѣ стоитъ гробъ, но рядомъ съ нимъ можно поставить и другой. N не согласился на это и такъ уѣхалъ. Похоронная процессія была очень торжественна. За гробомъ усопшей шла масса народу. Было собрано все мѣстное духовенство. Отпѣваніе въ кладби-

Библиотека "Руниверс"

щенской церкви совершалъ самъ преосвященный Леонтій. Въ концѣ концовъ снова возникъ вопросъ о томъ, гдѣ временно поставить гробъ съ останками N. Преосвященный подзываетъ меня и, безъ сомнѣнія, по просьбѣ N предлагаетъ мнѣ уступить для этого комнату въ церковномъ домѣ. Домъ состоялъ изъ трехъ маленькихъ комнатокъ, а потому я осмѣлился указать на стѣсненіе меня и на непріятность сосѣдства съ мертвецомъ. Леонтій посмѣялся надъ моею боязнію и настоятельно предложилъ дать комнату. Я долженъ былъ согласиться. Усопшая N пробыла у меня болѣе недѣли. Жутко было особенно ночью. Еврейская работа, разсчитанная еще на краткость временидѣйствительнаго пользованія ею, оказалась совсѣмъ плохою: гробъ, сдѣланный изъ сырого матеріала въ сухой, теплой комнатѣ трещалъ. Слыша это, я невольно вскакивалъ съ кровати. Пришло, наконецъ, разрѣшеніе. На кладбище явилась еврейская подвода. Евреи вынесли гробъ, который почти весь разсохся, разошелся, такъ, что изъ щелей сочилась жидкость. Евреи обернули его въ какія-то тряпки, положили на возъ и повезли въ Кіевъ. Какъ они довезли его, Богъ знаетъ! N послалъ сопровождать гробъ лакея и наказывалъ ему: „Иванъ, смотри за барыней!“

Одновременно исполнялъ я обязанности священника въ Каменецкой тюрьмѣ. Во время богослуженія непріятно было видѣть и слышать, какъ арестанты входили, гремя цѣпями и кандалами, въ церковь. Въ дверяхъ постоянно стояли солдаты съ ружьями, иногда не снимая головныхъ уборовъ. Разъ я было рѣшился сказать одному часовому, чтобы онъ снялъ шапку. Онъ отвѣчалъ: „я, во-первыхъ, еврей, а, во-вторыхъ, солдатъ и не имѣю права сдѣлать этого безъ разрѣшенія начальства“. — Вмѣстѣ со мною служилъ и діаконъ. Пѣть было некому. Приглашались на клиросъ арестанты, но рѣдко были такіе, которые умѣли сносно пѣть. Какъ-то попалъ въ тюрьму за кражу лошадей псаломщикъ Гордзіевскій.

Узнавъ объ этомъ, я обрадовался, потому что не безъ основанія думалъ въ лицѣ его встрѣтить дѣятельнаго помощника въ службѣ себѣ. Обращаюсь къ нему. Онъ мнѣ отвѣтилъ: „я хоть и „злодій“ (воръ), а даромъ служить не буду“. Пришлось давать за службу 50—60 коп. Діаконъ ропталъ на меня, потому что вслѣдствіе этого ему не оставалось дохода.

Изъ числа острожниковъ много было такихъ лицъ, которыя нарочно совершали какое-нибудь преступленіе, не имѣя возможности снискать себѣ пропитаніе, и попадали въ тюрьму. Былъ у меня въ качествѣ пономаря арестантъ, молодой хлопецъ. Сидѣлъ онъ за кражу. По истеченіи срока онъ былъ выпущенъ на волю. Смотрю, дня черезъ 2—3 мой пономарь уже есть. „Почему?“, спрашиваю.

Библиотека "Руниверс"

— На службу не принимаютъ, потому что въ тюрьмѣ сидѣлъ, боятся. А что я буду істи? Слапалъ (схватилъ) козыняту жидивску и снова засадили"...

Въ качествѣ тюремнаго священника мнѣ приходилось сопровождать преступниковъ на эшафотъ. Это была очень тяжелая обязанность. Обыкновенно за мною заѣзжалъ приставъ, мы садились въ фаэтонъ и ѣхали впередъ. За нами на старыхъ дрогахъ везли преступника.

Эшафотъ ставился на площади, находившейся въ центрѣ города. Преступника взводили на верхъ, гдѣ стоялъ палачъ (въ мое время—Вишневскій) или заступающій его мѣсто изъ арестантовъ. Палачъ подводилъ преступника къ столбу и привязывалъ его къ нему, иногда только для вида. Потомъ мнѣ предлагали сдѣлать увѣщаніе обвиненному. Я говорилъ, но почти никто этихъ увѣщаній не слушалъ, твердилъ: „я не виновенъ". Одинъ же, помнится, сказалъ: „Я столько же виновенъ, сколько Іисусъ Христосъ, котораго распяли". Между тѣмъ за этимъ человѣкомъ числилось много доказанныхъ преступленій, до убійства включительно, какъ значилось въ прочитанномъ протоколѣ. Выводить на эшафотъ приходилось довольно часто. Однажды выдалась такая недѣлька, что вывелъ 11 человѣкъ, иногда—по 2 въ день.

Избѣгнуть этой непріятной обязанности удавалось или за болѣзнью, или за отлучкою и только однажды попросилъ начальство замѣнить меня кѣмъ-нибудь другимъ. Нужно было вывести на эшафотъ нѣкоего Крыжановскаго, бывшаго моего товарища по духовному училищу. Онъ служилъ секретаремъ казенной палаты, но въ его вѣдѣніи была касса Приказа Общественнаго Призрѣнія, завѣдывавшаго тюрьмами, больницами, богадѣльнями и др. подобными учрежденіями. Крыжановскій ухитрился изъ суммъ Приказа присвоить себѣ кушикъ въ 40.000 р., на которые онъ купилъ домъ, обстановку, выѣздъ прекрасный и т. п.

Дѣло было очень темное. Трудно было понять, какъ это онъ устроилъ. Говорили, что онъ дѣлалъ такъ. Назначалось, напримѣръ, на одежду арестантамъ 200 рублей, а онъ прибавлялъ въ требованіи 0 (нуль), у него получалась кругленькая сумма въ 2.000 р., изъ которыхъ 1.800 р. онъ опускалъ въ свой карманъ. Долго ему это сходило съ рукъ, потому что особеннаго контроля за его дѣйствіями не было, и никто его продѣлокъ не замѣчалъ. Но какъ-то онъ былъ уличенъ, отданъ подъ судъ и сосланъ въ ссылку. Не минулъ по-тогдашнему времени и эшафота.

Замѣчательное въ его жизни совпаденіе. Свадьба его дочери была назначена въ тотъ день, въ который пришлось ему быть на

Библиотека "Руниверс"

эшафотѣ и отправиться въ ссылку. Дочь его хотѣла получить отъ отца благословеніе въ Каменцѣ, но ее не допустили почему-то. Она догнала его по пути въ ссылку въ с. Нѣгинѣ, гдѣ и простилась съ нимъ.

Кладбищенскимъ и тюремнымъ священникомъ я былъ всего шесть мѣсяцевъ (съ марта до 14 сентября), а потомъ вступилъ въ должность экономa семинарскаго общежитія.

Преосвященный Леонтій, заботясь о благоустройствѣ духовно-учебныхъ заведеній епархіи, устроилъ при семинаріи общежитіе своекоштныхъ воспитанниковъ. На это пошло 17.000 изъ епархіальныхъ средствъ, а другія 17.000 выхлопоталъ у Сунода Леонтій. На первыхъ порахъ экономомъ въ общежитіи былъ священникъ изъ ксендзовъ Рафаилъ Биньковскій. По-русски онъ говорилъ плохо, писалъ безграмотно и безъ смысла. Правильнаго понятія объ экономской дѣятельности не имѣлъ, такъ какъ ограничивалъ ее тѣмъ, что обыкновенно дѣлали сельскіе, помѣщичьи экономы, т. е. давалъ нагоняи служителямъ, иногда присматривалъ за чѣмъ-нибудь, выпивалъ, хорошо закусывалъ и спалъ. Отчетовъ о полученіи и расходованіи суммъ въ Правленіе Семинаріи не представлялъ и даже въ кладовую выдавать продукты не ходилъ, а поручилъ это дѣлать комиссару, который злоупотреблялъ этимъ правомъ: пищу ученикамъ давалъ плохую, кормилъ своихъ свиней казенною крупою. Экономическія дѣла общежитія были страшно запутаны, что сознавалъ и ректоръ Княжинскій.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1872 года въ Каменцѣ былъ епархіальный съѣздъ духовенства, на которомъ и я присутствовалъ въ качествѣ выборнаго депутата отъ городского духовенства. На одно изъ засѣданій пріѣхалъ ректоръ и, доложивъ о неспособности Рафаила Биньковскаго, просилъ съѣздъ выбрать въ общежитіе новаго экономa, при чемъ, какъ на желательнаго кандидата, указалъ на меня. Я отказывался. Всѣ депутаты стали упрашивать меня послужить еще семинаріи. Предсѣдатель замѣтилъ: „гласъ народа—гласъ Божій... Если Вы, о. Михаилъ, въ казенномъ корпусѣ были хороши, то будете хороши и въ общежитіи. Выбираемъ“. Преосвященный, разсматривая протоколы съѣзда, былъ удивленъ моимъ избраніемъ, и даже выразилъ негодованіе. Ему не хотѣлось, чтобы я уходилъ съ кладбища и тюрьмы, гдѣ за короткое время привелъ запущенныя церковныя дѣла въ хорошее положеніе.

14 ноября я уже служилъ въ семинарской церкви, а на другой день перебрался въ общежитіе. Служить снова пришлось подъ начальствомъ Княжинскаго, который хотя и ходатайствовалъ за меня предъ съѣздомъ, но отношеній своихъ не перемѣнилъ. Разъ тре-

Библиотека "Руниверс"

буетъ онъ, чтобы я далъ ему 200 р. изъ суммъ общежитія до конца мѣсяца. Ему не хотѣлось вынимать казенныхъ денегъ изъ банка, чтобы не потерять процентовъ на нихъ. Я долженъ былъ согласиться и получилъ въ обезпеченіе росписку ректора на визитной карточкѣ. Наступаетъ новый мѣсяцъ, я знаю, что деньги изъ банка взяты, а ректоръ не возвращаетъ мнѣ долга. Я напоминаю ему, говорю, что въ общежитіи ощущается нужда, и прошу возвратить деньги. Ректоръ разводитъ руками и говоритъ: „нѣтъ денегъ... Да неужели общежитіе не можетъ дать казенному корпусу 200 р.?“—„Но какъ же о. ректоръ, я это могу сдѣлать! говорю, Какъ ихъ отмѣтить въ отчетѣ? Вы сами же контролируете суммы и можете поставить незаконный расходъ на видъ“. На этотъ разъ онъ денегъ все-таки не отдалъ, а возвратилъ спустя еще мѣсяцъ.

Послѣ меня экономомъ въ казенномъ корпусѣ былъ назначенъ „письмоводитель“ Хращевскій. Княжинскій, намѣчая его кандидатомъ на должность, спрашивалъ меня, какого я мнѣнія о немъ. Я ничего плохого не могъ сказать. Но этотъ Хращевскій, имѣя 2.000 р. на расплату по счетамъ, растратилъ ихъ на свои нужды, что скоро и обнаружилось. Ему приходилось попасть подъ судъ, но преосв. Леонтій изъ боязни, что деньги могутъ быть тогда вовсе не внесены, предложилъ не вчинять иска, а предоставить Хращевскому по частямъ пополнять растрату. Впрочемъ, нашлись люди—учитель Александровичъ и купецъ Журавлевъ, которые внесли деньги сполна, и такимъ образомъ дѣло не получило гласности. Тѣмъ не менѣе Княжинскій и при этомъ случаѣ нашелъ возможнымъ прицѣпиться ко мнѣ. По его мнѣнію я виноватъ, такъ какъ рекомендовалъ, будто, Хращевскаго въ экономы.

Княжинскій старался повредить мнѣ и во мнѣніи начальства. Преосвящ. Леонтій, когда я былъ еще экономомъ въ казенномъ корпусѣ, дважды предлагалъ ректору представить меня къ камилавкѣ, но тотъ въ наградныхъ спискахъ пропускалъ меня. Когда я былъ уже въ общежитіи, преосвященный снова напомнилъ обо мнѣ Княжинскому, но тотъ снова не представилъ меня. Леонтій усмотрѣлъ это послѣ того, какъ подписалъ списки, тѣмъ не менѣе счелъ нужнымъ вызвать ректора къ себѣ и поставилъ ему на видъ его невниманіе ко мнѣ, человѣку, заслужившему награду, такъ какъ послѣдніе ревизоры отозвались объ экономической части семинаріи съ самой хорошей стороны. Княжинскій, возвратившись отъ Леонтія, призываетъ меня и говоритъ: „а что просвистали камилавку?“ Я невольно разсмѣялся, слыша такое выраженіе.

— Вы смѣетесь, а мнѣ за васъ архіерей выговоръ сдѣлалъ.

Библиотека "Руниверс"

Почему вы не попросили меня представить васъ, почему не напомнили мнѣ объ этомъ?

— Я не имѣю нужды въ этомъ. Награды я никогда не просилъ и просить не буду, говорю. Буду достоинъ, дадутъ, а не дадутъ, не буду въ претензіи.

Княжинскій оставилъ Подольскую семинарію въ 1875 году. Въ концѣ его ректорства между семинаристами распространялись соціалистическія идеи. Проводниками ихъ были нѣкоторые изъ молодыхъ учителей, но главный руководитель жилъ въ архіерейскомъ домѣ. Это былъ какой-то славянинъ, уніатъ, выходецъ изъ-за-границы. Онъ явился къ преосв. Леонтію и говорилъ, что на родинѣ ему почему-то не давали возможности приготовиться къ университету, вслѣдствіе этого онъ и перешелъ къ своимъ братьямъ по крови въ Россію. Преосв. Леонтій далъ ему пріютъ въ архіерейскомъ домѣ, посодѣйствовалъ ему въ пріисканіи необходимыхъ для подготовки книгъ. Между тѣмъ тотъ занимался совершенно другимъ. Въ архіерейскомъ домѣ бывали и собранія, здѣсь же хранились и нелегальныя книги и документы. Когда этотъ славянинъ увидѣлъ, что дѣло пропаганды поставлено хорошо, безслѣдно скрылся, укравъ предварительно у кого-то золотые часы. Послѣ его ухода изъ Каменца семинаристы стали дѣйствовать неосмотрительно и не укрылись отъ взоровъ полиціи. Можетъ, послѣдовалъ и доносъ, во всякомъ случаѣ жандармы стали дѣлать обыски, начиная съ архіерейскаго дома. Въ саду подъ акаціей закопанными нашли и книги и брошюры. Многіе семинаристы остались подъ подозрѣніемъ. Преосв. Леонтій въ это время былъ уже въ Варшавѣ. Въ семинарію, вѣроятно, по бумагѣ викарія Веніамина, для ревизіи изъ учебнаго комитета прибылъ Миропольскій. Послѣдній предварительно побывалъ у Веніамина, многое узналъ отъ него, а потомъ приступилъ къ ревизіи. Были обвинены въ соціализмѣ нѣсколько семинаристовъ, изъ которыхъ одни были уволены съ очень плохимъ балломъ по поведенію, а другіе оставлены подъ замѣчаніемъ. Дѣло не имѣло особенной огласки. Тогда же Миропольскій заявилъ кощунственное дѣло о крещеніи собаки. Нѣсколько семинаристовъ поймали собачку, внесли въ комнату и окрестили ее съ именемъ Созонта (въ „честь“ учителя латинскаго языка Созонта Лобатынскаго). При этомъ все совершалось по-церковному. Ризы сдѣлали изъ зеленой клеенки, снятой со стола, нашили на нее кресты, епитрахиль и свѣчи выкрали изъ комнаты, помазывали чернилами.

Ревизія въ учебномъ отношеніи прошла хорошо. Миропольскій остался доволенъ всѣми учителями за исключеніемъ ректора Княжинскаго, который, впрочемъ, уже выбранъ былъ въ ректора

Библиотека "Руниверс"

Петербургской дух. семинаріи. И нужно думать, что это послѣднее обстоятельство было однимъ изъ главныхъ поводовъ къ неудовольствію на него. Миропольскій изъ Петербурга ѣхалъ предубѣжденнымъ противъ Княжинскаго. Дѣло въ томъ, какъ говорили, когда освободилась должность ректора Петербургской семинаріи, предсѣдатель учебнаго комитета Васильевскій старался, чтобы былъ выбранъ на нее который-нибудь изъ его зятей — Матыевскій или Левицкій. Между тѣмъ подалъ прошеніе и прот. Княжинскій, который просилъ посодѣйствовать ему своихъ хорошихъ знакомыхъ еп. Виталія (Гречулевича), его зятя Нечаева, инспектора, и прот. Янышева. Княжинскій былъ человѣкъ очень умный, и онъ былъ избранъ, несмотря на всевозможныя интриги. Даже изъ Каменца въ газеты шли сообщенія, въ которыхъ копались даже въ прошлой, студенческой жизни Княжинскаго, не говоря уже на обвиненія его въ безпросыпномъ пьянствѣ. Это избраніе, конечно, непріятно подѣйствовало на Васильевскаго, а его недовольство отразилось и на ревизорѣ Миропольскомъ, который прямо гналъ Княжинскаго въ Петербургъ. Не въ пользу Княжинскаго, кромѣ того, говорило и прошеніе, поданное Миропольскому, однимъ изъ окончившихъ за годъ предъ тѣмъ семинарію.

Какъ-то въ концѣ учебнаго года Княжинскій спросилъ его по догматическому богословію. Тотъ отвѣтилъ плохо. Въ слѣдующій урокъ Княжинскій снова его вызываетъ. Ученикъ отлично отвѣчаетъ заданное. Ректоръ предлагаетъ сказать старый урокъ.

— Я готовилъ только сегодняшній, а стараго не могу отвѣчать, говоритъ тотъ.

Княжинскій былъ выпивши и сказалъ: „не можешь? Вотъ видишь, былъ бы студентомъ, а теперь не будешь“.

Ученикъ этотъ былъ изъ числа очень хорошихъ, слова ректора возмутили его, и онъ въ запальчивости сказалъ: „что вы еще выдумаете съ пьяныхъ глазъ?...“ и вышелъ изъ класса, хлопнувъ дверью. Тутъ его встрѣтилъ инспекторъ Мартыновскій, который имѣлъ привычку подслушивать, что говорилось въ классѣ во время уроковъ. Онъ, поэтому, зналъ все только-что случившееся. Будучи вообще человѣкомъ добрымъ, онъ пожалѣлъ молодого человѣка и посовѣтовалъ идти въ больницу и, обернувши голову полотенцемъ, представиться больнымъ. Тотъ такъ и сдѣлалъ, эта хитрость спасла семинариста отъ серьезнаго наказанія; но все-таки онъ былъ выпущенъ во второмъ разрядѣ. Въ прошеніи, поданномъ Миропольскому, пострадавшій подробно изложилъ дѣло и просилъ возстановить правду. Миропольскій представилъ бумагу со своимъ отзывомъ въ

Библиотека "Руниверс"

учебный комитетъ, который предписалъ правленію выдать просителю аттестатъ перваго разряда.

На мѣсто Княжинскаго выбранъ былъ въ ректоры Подольской семинаріи прот. Шмургуновъ, который, впрочемъ, ректорствовалъ всего одинъ годъ. На служебной почвѣ у насъ столкновеній съ нимъ не было, но непріятностей и безпокойства надѣлалъ онъ много. Шмургуновъ былъ человѣкъ странный, ненормальный. За все время пребыванія въ семинаріи онъ ничего не дѣлалъ, журналовъ, по крайней мѣрѣ экономическихъ, не подписывалъ, такъ какъ боялся, чтобы его „не запутали“, книгъ не читалъ. По разсказамъ его жены причиною его помѣшательства были литературныя неудачи. Онъ порядочно зналъ французскій языкъ и однажды перевелъ какую-то французскую книжку на русскій языкъ. Только что онъ приготовилъ ее къ печати, какъ она появилась уже на книжномъ рынкѣ въ переводѣ другого лица. Труды такимъ образомъ пропали. То же случилось на его несчатье и во второй разъ. Послѣ этого онъ сталъ задумываться, а главное запивать, особенно по ночамъ. Въ Каменцѣ казался уже совсѣмъ больнымъ человѣкомъ, по отношенію къ себѣ былъ нерадивъ, одѣвался небрежно. Разъ у него разболѣлась отчего-то нога, что онъ не могъ надѣть сапога. Между тѣмъ нужно было служить въ соборѣ. Онъ завернулъ ногу въ первую попавшуюся подъ руку тряпку и надѣлъ калошу. Дорогою тряпка размоталась и волочилась по дорогѣ. Онъ не хотѣлъ замѣтить этого и такъ прошелъ по церкви, обративъ на себя общее вниманіе.

Ревизоръ Миропольской не вырвалъ съ корнемъ зла, пустившаго корни въ семинаріи. Соціалистическія идеи между семинаристами продолжали развиваться. Между тѣмъ полиція не дремала и разъ съ поличнымъ накрыла многихъ семинаристовъ и подвергла аресту въ тюрьмѣ. Это послѣднее обстоятельство сильно подѣйствовало на на прот. Шмургунова. Состояніе его здоровья сразу какъ-то ухудшилось: онъ началъ обнаруживать странныя выходки.

Лѣтомъ въ 1876 году былъ капитальный ремонтъ семинарскихъ зданій и въ частности квартиры ректора. Вслѣдствіе этого Шмургуновъ жилъ въ наемномъ домѣ, такъ называемомъ „нѣмецкомъ“ (по архитектурѣ). У него была жена и дочь лѣтъ 11-ти. Ректоръ чудилъ и кричалъ. Женѣ тяжело было видѣть мужа въ такомъ положеніи, и вотъ она разъ приглашаетъ къ себѣ оставшихся на каникулы учителей и меня посовѣтовать: что дѣлать? Рѣшили, чтобы она повезла его въ Кіевъ и посовѣтовалась у тамошнихъ врачей-спеціалистовъ. Я нанялъ до Проскурова фаэтонъ и четверку лошадей, которыя должны были явиться по первому требованію Въ

Библиотека "Руниверс"

качествѣ же провожатаго согласился ѣхать хозяинъ дома Бертолино, который уже не одинъ разъ отвозилъ въ Кіевъ душевнобольныхъ и слѣдовательно былъ человѣкомъ опытнымъ въ этомъ отношеніи. Выѣздъ былъ назначенъ 6-го августа. Шмургуновъ зналъ о предстоящей поѣздкѣ. Онъ очень нервничалъ, ему постоянно что-то мерещилось. Особенно раздражалъ его крикъ совы на домѣ, заслыша который онъ говорилъ, что это ему смерть предвѣщаетъ. Отъѣздъ въ Кіевъ въ указанный день не состоялся. День былъ прекрасный, и Шмургуновъ вздумалъ съѣздить на дачу къ викарію-епископу Веніамину на медъ. Мѣстность, гдѣ она находилась, была очень живописная. Домикъ состоялъ изъ четырехъ небольшихъ комнатъ; предъ нимъ была площадка съ цвѣточными клумбами, сзади—садикъ. По пріѣздѣ ректоръ съ Веніаминомъ порядочно выпили и по обыкновенію спирту. Когда Шмургуновъ началъ хмелѣть, онъ вышелъ на дворъ и сталъ ломать вѣточки сливоваго дерева, отломитъ и тычетъ въ ротъ, какъ бы намѣреваясь пробить горло. Веніаминъ, увидѣвъ это, тотчасъ распорядился посадить Шмургунова въ фаэтонъ и отвезти его прямо въ городскую больницу. Я объ этомъ ничего не зналъ. На другой день встаю рано для того, чтобы присмотрѣть за происходящимъ ремонтомъ. Смотрю, по направленію ко мнѣ бѣгутъ жена ректора и дѣвочка. Я былъ еще босый, а потому хотѣлъ уйти въ комнату. Замѣтивъ мое намѣреніе, Шмургунова закричала: „о. Михаилъ, прошу подождать!“... Голосъ былъ очень тревожный, а потому я рѣшилъ подождать ее въ томъ видѣ, въ какомъ былъ.

Первый вопросъ, какой она задала мнѣ, былъ: „Вы не были въ больницѣ?“ „Ничего не понимаю, говорю, скажите опредѣленнѣе... Я въ больницѣ бываю часто (обыкновенно я исправлялъ тамъ требы), а сегодня нѣтъ“. Тогда Шмургунова, убѣдившись, что я ничего не знаю, сообщила, въ чемъ дѣло, и просила поспѣшить въ больницу съ нею. Смотримъ, и учитель А—ичъ подходитъ. Пошли втроемъ. Приходимъ въ больницу. Ректоръ выходитъ къ намъ изъ палаты въ халатѣ почему-то страшно красный. По просьбѣ является къ намъ смотритель больницы. Жена Шмургунова проситъ, Христомъ Богомъ умоляетъ его отпустить мужа домой, указывая на могущіе подняться толки по городу, что ректоръ попалъ въ больницу. Смотритель упорно твердилъ: больной уже занисанъ въ книгу, а потому выпустить его онъ не можетъ. Часто бывая въ больницѣ, я успѣлъ хорошо познакомиться со смотрителемъ и на основаніи этого сталъ его просить съ своей стороны. Пришлось употребить много краснорѣчія, чтобы убѣдить смотрителя исполнить нашу общую просьбу. Наконецъ онъ нашелъ

Библиотека "Руниверс"

выходъ и рѣшился. Какъ разъ подвернулся какой-то другой, вновь прибывшій больной; смотритель перемѣнилъ запись въ книгѣ и отпустилъ съ нами ректора. Мы предлагаемъ ему ѣхать домой, а онъ, какъ будто не замѣчая этого, задаетъ вопросъ: „а церковь молится за самоубійцъ?“ Не подозрѣвая ничего худого, я говорю: „думаю, что за всѣхъ молится, особенно въ родительскую субботу; въ службѣ тогда перечисляются всякіе роды смерти; думаю, что и за самоубійцъ, особенно если они не сознательно лишаютъ себя жизни“. На шеѣ у него на шнуркѣ висѣлъ крестикъ. Смотрю, онъ начинаетъ закручивать шнурокъ, затягивать шею, какъ будто съ намѣреніемъ задушить себя. Потомъ вдругъ подбѣгаетъ къ открытому окну (это было на второмъ этажѣ) и дѣлаетъ видъ, что онъ хочетъ выскочить изъ него. Сняли съ ректора халатъ и переодѣли его въ собственный костюмъ. Вышли изъ больницы, здѣсь ожидалъ семинарскій фаэтонъ. Ректоръ не пожелалъ ѣхать, а пошелъ до дому пѣшкомъ, разстояніе, положимъ, было небольшое. Поѣздка въ Кіевъ была отложена. Рѣшено было тщательно слѣдить за Шмургуновымъ и по очереди приходить къ нему ночевать. Такъ было до 26 августа. Возвратившись въ этотъ день послѣ богослуженія домой, я только что прилегъ отдохнуть, какъ слышу стукъ въ дверь. На мой вопросъ знакомый служитель изъ больницы съ тревогою сказалъ мнѣ: „о, экономъ, инспекторъ зарѣзался“. Я вскочилъ съ кровати, на бѣгу натянулъ подрясникъ и поспѣшилъ въ квартиру инспектора Мартыновскаго. По дорогѣ встрѣчаю его и спрашиваю: „что случилось?“

— Говорятъ, что ректоръ покойникъ, сказалъ онъ.

Приходимъ въ квартиру Шмургунова, входимъ въ кабинетъ, здѣсь была лужа крови и холодный трупъ. Изъ словъ жены, со слезами разсказавшей намъ о случившемся, мы узнали слѣдующее. Ректоръ съѣздилъ въ Троицкій монастырь исповѣдаться и по пути купилъ два складныхъ ножика большихъ размѣровъ. Жена, припрятавши водку, предложила ему обѣдать, но онъ не ѣлъ, а лишь переливалъ супъ изъ одной тарелки въ другую. Потомъ, жалуясь на усталось, попросилъ приготовить постель въ кабинетѣ. Кровати здѣсь не было, а потому жена постлала для мужа на полу теплую рясу, оставила ему поѣсть грушъ и винограду, а сама удалилась въ другую комнату и стала подметать ее. Дѣвочка же играла въ куклы въ сосѣдней съ кабинетомъ комнатѣ на сундукѣ. Когда все стихло, ректоръ, вѣроятно, взялъ заранѣе купленный ножъ и такъ сильно ударилъ имъ по глоткѣ, что едва не пересѣкъ позвоночнаго столба и, конечно, обливаясь кровью, упалъ. Дѣвочка услыхала, что въ кабинетѣ упало что-то, соскочила съ сундука, заглянула въ

Библиотека "Руниверс"

комнату и увидала кровь. Въ страхѣ она выскочила и стремительно побѣжала на дворъ по направленію къ открытому колодцу. Бывшіе тутъ рабочіе Бертолино подняли крикъ. Жена Шмургунова, выглянувъ въ окно, увидѣла, что дочь въ опасности, побѣжала къ ней. Когда дѣвочка опомнилась, она разсказала о томъ, что видѣла. Поспѣшили въ кабинетъ, но уже было все кончено. О случившемся доложили преосв. Ѳеогносту, но онъ ничего не предпринялъ. На обратномъ пути нагоняетъ меня преосв. Веніаминъ и говоритъ: „Ѣду навѣстить ректора... Что тамъ слышно?“ Я сообщаю: „покончилъ съ собою; зарѣзался“. Веніаминъ приказалъ поворотить лошадей и поѣхалъ домой.

Въ квартирѣ ректора я засталъ докторовъ и полицію.

Произошло судебно-медицинское вскрытіе трупа, которое обнаружило, что Шмургуновъ вслѣдствіе пьянства страдалъ печенью и ожиреніемъ сердца, покончилъ же съ собою въ припадкѣ бѣлой горячки. Въ виду того, что, какъ было признано, ректоръ убилъ себя несознательно, погребать его торжественно не было воспрещено. Архіерей на похоронахъ все-таки не присутствовалъ.

Послѣ смерти прот. Шмургунова корпорація симинаріи, вслѣдствіе разногласія, не могла выбрать ректора, а потому Св. Синодъ по представленію преосв. Ѳеогноста назначилъ на должность ректора преподавателя Подольской семинаріи С.; при этомъ онъ выразилъ правленію замѣчаніе зато, что оно не съумѣло само выбрать себѣ главы.

При новомъ ректорѣ мнѣ недолго пришлось служить экономомъ. Въ виду разныхъ непріятностей я рѣшилъ въ 1878 году оставить семинарію и просить преосв. Ѳеогноста дать мнѣ приходъ. Владыка предоставилъ мнѣ с. Приворотье, Каменск. уѣзда, находящееся вблизи г. Каменца, для того, чтобы я удобнѣе могъ имѣть свѣдѣнія объ открытіи лучшихъ приходовъ. Черезъ 6 мѣсяцевъ я, дѣйствительно, и перешелъ въ с. Ляшевцы на р. Днѣстрѣ.

Въ виду того, что служба моя въ г. Каменцѣ падала на время архіерейства Леонтія, который былъ на Подольской каѳедрѣ съ 1863—1874 года, не лишне сказать нѣсколько словъ объ этомъ епископѣ.

Я выше не разъ указывалъ, какъ преосв. Леонтій заботился о внѣшнемъ благоустройствѣ духовно-учебныхъ заведеній, въ особенности семинаріи; но онъ не ограничивался этимъ, а принималъ мѣры къ лучшей постановкѣ ихъ въ учебномъ и религіозно-нравственномъ отношеніи. Онъ часто посѣщалъ семинарію и вникалъ въ учебное дѣло. Нравственное воспитаніе семинаристовъ было предметомъ самой внимательной заботливости преосв. Леонтія; оно ос-

Библиотека "Руниверс"

новывалось на религіи и совершалось подъ руководствомъ церкви. Всякіе неблаговидные проступки семинаристовъ непріятно на него дѣйствовали, и преосвященный всѣми мѣрами старался смыть темное пятно съ семинаріи, если оно какимъ-нибудь образомъ ложилось на нее.

Для обозрѣнія церквей епархіи и знакомства съ подвѣдомственнымъ ему духовенствомъ, преосв. Леонтій ежегодно совершалъ объѣзды. Ревизія его не ограничивалась только свидѣтельствованіемъ церковныхъ документовъ. Онъ вникалъ въ нужды духовенства, замѣчалъ недостатки въ религіозно-нравственной жизни ихъ прихожанъ и къ устраненію тѣхъ и другихъ принималъ мѣры. Онъ любилъ бесѣдовать съ батюшками запросто, а съ нѣкоторыми изъ нихъ находился чуть не въ дружескихъ отношеніяхъ. Онъ часто бывалъ, напр., у прот. Снѣгурскаго, жившаго въ с. Рудѣ, Каменецкаго уѣзда (въ 15 верстъ отъ Каменца). Знакомство съ нимъ Леонтій не прервалъ и тогда, когда служилъ въ Одессѣ и Варшавѣ, а поддерживалъ перепиской. Въ одномъ изъ писемъ между прочимъ онъ писалъ: „Руду вашу помню и ту яблоню, подъ которой отдыхалъ и пилъ чай“...

Иногда преосв. Леонтій дѣлалъ „вылазки“, т. е. пріѣзжалъ въ то или другое село безъ предупрежденія. Однажды такимъ образомъ пріѣхалъ въ одинъ приходъ на литургію—настоятель тамъ былъ глубокій старичекъ—протоіерей. Церковь была почти безъ молящихся, тѣмъ не менѣе Леонтій предложилъ ему сказать поученіе. Отецъ протоіерей былъ изъ неученыхъ и, вѣроятно, никогда не говорилъ проповѣдей, а потому съ недоумѣніемъ спросилъ преосвященнаго: „о чемъ говорить?“ „Прочитайте дневное евангеліе и объясните“... Старикъ долженъ былъ подчиниться владыкѣ, вышелъ и началъ поучать народъ. Преосв. Леонтій не могъ удержаться отъ смѣха надъ импровизаторомъ, а, спустя нѣсколько дней, на обѣдѣ въ семинаріи вспоминая объ этой ревизіи, разсказывалъ: „что онъ (протоіерей) говорилъ, я не могъ понять, и думаю, что онъ и самъ не понималъ“.

Какъ епархіальный архіерей Леонтій былъ еще президентомъ каменецкихъ богоугодныхъ заведеній, но живого участія въ нихъ не принималъ и почти совсѣмъ не посѣщалъ ихъ. Разъ пріѣхалъ онъ въ семинарію. Зашла рѣчь о больницѣ, которая находилась чрезъ кварталъ. Преосвященный, какъ бы внезапно вспомнивъ про свою святительскую обязанность посѣщать больныхъ, изъявилъ желаніе поѣхать туда. Въ виду того, что мнѣ часто приходилось бывать въ больницѣ для требоисправленій, меня избрали въ руководители. Вмѣстѣ съ Леонтіемъ поѣхали ректоръ и инспекторъ.

Библиотека "Руниверс"

Преосв. Леонтій переходилъ изъ палаты въ палату, благословлялъ больныхъ, разговаривалъ съ ними. Дошли до палаты умалишенныхъ. Здѣсь между другими находился бывшій профессоръ семинаріи Оливницкій. Ему предложили подойти подъ благословеніе къ владыкѣ, но его интересовало другое. Онъ подошелъ къ ректору, потрогалъ его бороду—„хорошая борода“, говоритъ, „и у него хорошая (т. е. у меня)“; дошелъ чередъ до архіерея: „а вотъ у него скверная, скверная борода“. Смотритель больницы, желая отвлечь мысль Оливницкаго на другой предметъ, сказалъ: „а у васъ, Никифоръ Ивановичъ, новые чулки и туфли“... „Новые?“ и съ этимъ словомъ моментально сбросилъ туфлю съ ноги, такъ что она пролетѣла въ воздухѣ подъ самымъ носомъ преосвященнаго. Онъ поспѣшилъ выйти изъ палаты.

Въ послѣдній годъ служенія преосв. Леонтія въ Каменцѣ, у него вышли непріятности съ каѳедральнымъ прот. Новицкимъ изъза родственника послѣдняго свящ. Хмѣлевскаго. Хмѣлевскій былъ человѣкъ молодой, горячій и мстительный. Не получивши просимаго прихода, онъ началъ донимать Леонтія пасквильными анонимными письмами. Такъ, разъ нарисовалъ архіерея и дитя и подписалъ: „се азъ и чадо мое“. Скоро стали угадывать, кто авторъ анонимовъ, и Леонтій началъ выговаривать за родственника Новицкому. Тотъ защищалъ Хмѣлевскаго и, конечно, подвергся за то владычной немилости. Въ одинъ прекрасный день Новицкій оказался уволеннымъ за штатъ, да еще безъ опредѣленныхъ средствъ къ существованію. Онъ не хотѣлъ оставить этого дѣла и, какъ обиженный, писалъ бумагу въ Св. Сунодъ. И вотъ въ то время, когда происходили чествованіе и празднества по случаю отъѣзда преосв. Леонтія въ Одессу, приходитъ указъ изъ Сунода, которымъ Новицкій назначается соборнымъ ключаремъ. Это непріятно подѣйствовало на Леонтія, который такимъ образомъ считалъ себя побѣжденнымъ въ этомъ дѣлѣ. Вообще же преосв. Леонтій пользовался въ Подоліи уваженіемъ и горячею любовью.

В. Сл. и Ѳ. Ф—ко.

Библиотека "Руниверс"

М. И. Драгомировъ, командующій войсками [1]).

(Изъ отрывочныхъ воспоминаній).

Нечего и говорить о томъ, въ какой степени М. И. былъ доволенъ назначеніемъ, выпавшимъ на его долю, и какъ былъ счастливъ сопровождавшими это назначеніе знаками Монаршаго вниманія и довѣрія.

Войска Кіевскаго военнаго округа не успѣли оплакать кончину достойнѣйшаго Александра Романовича Дрентельна, какъ на ихъ долю выпала новая скорбь,—они лишились не менѣе любимаго начальника,—защитника Шипки,—Ѳедора Ѳедоровича Радецкаго.—Назначеніе генерала Драгомирова послужило имъ большимъ утѣшеніемъ.—Протекло двѣнадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ на Шипкѣ пуля, попавшая съ горы Св. Николая въ ногу Михаила Ивановича, отняла у 14-ой пѣхотной дивизіи доблестнаго военачальника; изъ памяти молодецкихъ войскъ не изгладилось, что представлялъ собой этотъ начальникъ, учитель и воспитатель, уже показавшій себя въ бою; они радовались его назначенію и съ восторгомъ ожидали пріѣзда „новаго командующаго“.

* * *

Въ то время было обращено вниманіе на то, какъ отнеслась нѣмецкая печать къ назначенію генерала Драгомирова.

Въ Вѣнской „Neue freie Presse“, въ началѣ августа того года, появилась, между прочимъ, небольшая замѣтка, въ которой было возвѣщено, что русское правительство, безъ сомнѣнія, послѣ долгихъ

[1]) См. „Русская Старина“, январь 1912 г.

Библиотека "Руниверс"

размышленій рѣшилось поступиться своимъ разсадникомъ военныхъ наукъ: стоявшаго до сихъ поръ во главѣ академіи генеральнаго штаба, генерала Драгомирова оно поставило главнымъ начальникомъ войскъ ближайшаго къ нашей границѣ военнаго округа—Кіевскаго.—Къ этому простому сообщенію тупоумный борзописецъ съ плохоскрываемой досадой безсмысленно добавилъ уже съ гаерствомъ: не вознамѣрилось ли это правительство дать возможность войскамъ округа въ тонкости изучить подъ руководствомъ знаменитаго генерала всю премудрость преподававшихся имъ наукъ...

Одна изъ берлинскихъ газетъ, коротко сообщивъ, что войскамъ Кіевскаго военнаго округа данъ новый главный начальникъ—генералъ Драгомировъ, прославившійся искуснымъ выполненіемъ плана переправы черезъ Дунай въ 1877 году,—добавила: прусская армія хорошо знаетъ этого генерала, такъ какъ двадцать три года тому назадъ онъ былъ ея гостемъ и ближайшимъ свидѣтелемъ на богемскихъ поляхъ и въ богемскихъ горахъ цѣлаго ряда нашихъ мощныхъ побѣдъ, о которыхъ, надо полагать, не откажется засвидѣтельствовать передъ нынѣ ввѣренными ему войсками...

* * *

Не малую заботу для М. И. Драгомирова представляло дѣло выбора начальника штаба округа. Онъ не сомнѣвался въ томъ, что занимавшій этотъ постъ въ ту минуту въ Кіевѣ былъ генералъ, вполнѣ во всѣхъ отношеніяхъ достойный, но онъ ни на минуту не желалъ забывать того, что, кромѣ всѣхъ требующихся отъ генерала вообще данныхъ образованія и опытности,—начальникъ штаба долженъ своими понятіями и знаніями до малѣйшихъ подробностей соотвѣтствовать понятіямъ и знаніямъ того, „чью волю онъ призывается творить“, чьи начинанія и начертанія онъ по обязанности своей долженъ проводить.

Вотъ почему М. И. совершенно откровенно представилъ военному министру и смѣло доложилъ Государю свою просьбу о разрѣшеніи ему самому избрать себѣ начальника штаба послѣ того, какъ онъ успѣетъ осмотрѣться на мѣстѣ.—Въ то время, когда генералъ-адъютантъ П. С. Ванновскій, какъ бы стремясь въ этомъ отказать, пробовалъ выставлять тѣ соображенія, что, въ общемъ ходѣ назначеній, высшая власть избираетъ на должности начальниковъ штабовъ наиболѣе достойныхъ и подходящихъ,—Государь Императоръ Александръ Александровичъ нашелъ желаніе генерала Драгомирова вполнѣ справедливымъ, правильнымъ и цѣлесообразнымъ, тѣмъ болѣе, что его избраніемъ не отнимается у высшей власти

Библиотека "Руниверс"

возможность своевременно „оказать содѣйствіе тому, чтобы недостойный не прошелъ и не былъ утвержденъ".

* * *

Въ только что оставленной тогда Михаиломъ Ивановичемъ академіи генеральнаго штаба въ числѣ профессоровъ состоялъ полковникъ Евгеній Станиславовичъ Шимановскій.

Въ свое время, по окончаніи курса наукъ во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ (нынѣ 2-ой кадетскій Императора Петра Великаго корпусъ), онъ по собственному желанію былъ переведенъ для продолженія своего образованія въ Михайловское артиллерійское училище. Тамъ его способности узналъ и оцѣнилъ читавшій лекціи тактики и стратегіи молодой полковникъ М. И. Драгомировъ.

Въ 1868 году Шимановскій былъ выпущенъ въ офицеры по первому разряду съ производствомъ въ подпоручики 1-ой конно-артиллерійской бригады, стоявшей тогда въ Твери. Сравнительно долго прослужилъ онъ въ полевой артиллеріи — болѣзненное состояніе мѣшало ему исполнить его завѣтную мечту—поступить въ академію, т. е. спѣшно проходить курсъ тѣхъ наукъ, кои для держанія экзамена было необходимо къ сроку изучить.—Не надрывая своихъ силъ и не переутомляя себя, онъ однако времени не терялъ, а занимался исподволь и набиралъ массу знаній.—Лишь на одиннадцатомъ году службы ему, — уже въ капитанскомъ чинѣ, — удалось окончить курсъ академіи генеральнаго штаба, и онъ окончилъ его блестяще въ то время, когда М. И. Драгомировъ состоялъ начальникомъ 14-ой дивизіи въ Кишиневѣ. — Сдѣлавшись въ 1880 году начальникомъ академіи, М. И. Драгомировъ своего бывшаго въ Мих. артил. училищѣ способнаго ученика засталъ преподавателемъ, который на столько выдавался изъ числа другихъ, что нельзя было не подчеркнуть его и не обратить на него особаго вниманія.— Всѣ девять лѣтъ своего пребыванія въ должности начальника академіи М. И. пользовался его знаніями и опытностью, а не далѣе, какъ черезъ годъ послѣ своего назначенія въ Кіевскій округъ, призналъ нужнымъ предложить ему занять должность помощника начальника штаба округа.

* * *

Шимановскій въ то время занялъ должность штабъ-офицера для порученій въ Петерб. военномъ округѣ. Нѣкоторые изъ пріятелей этого скромнаго молодого человѣка, выдвигавшагося изъ тѣни,

Библиотека "Руниверс"

отваживались съ безсмысленною рѣшимостью пытаться „раскрыть Мих. Ивановичу глаза на него и предостеречь отъ подобнаго выбора человѣка,—полнаго всевозможныхъ недостатковъ".

— Знаю, знаю, отвѣчалъ М. И., какіе недочеты вы усиливаетесь ему приписать, чувствую все, что вы хотите о немъ мнѣ наговорить, но ваши, быть можетъ, на сей разъ, похвальныя намѣренія должны, къ сожалѣнію, разбиться; больной онъ, скажете вы, нервный, взбалмошный, желчный, хилый, маловыносливый въ работѣ— все знаю, но что же дѣлать—избираю я его въ сотрудники себѣ, а никому другому, работать съ нимъ буду я и, разъ уже намѣтилъ его, буду самъ страдать отъ его недостатковъ...

Главный штабъ,—самостоятельно, или, быть можетъ, по порученію военнаго министра, попробовалъ отписать командующему войсками, что Шимановскій, по времени перевода въ генеральный штабъ, въ ряду офицеровъ его, является слишкомъ молодымъ и что, будучи лишь недавно назначенъ на должность штабъ-офицера для порученій,— онъ сдѣлалъ бы слишкомъ большой шагъ впередъ, если бы получилъ назначеніе занять должность помощника начальника штаба округа.

Генералъ Драгомировъ категорически отвѣтилъ, что сдѣлалъ представленіе, предвидя отъ этого назначенія громадную пользу для ввѣренныхъ ему войскъ округа, а потому не видитъ никакой причины, а слѣд. и возможности отказаться отъ своего представленія.

Небольшія препятствія, поставленныя главнымъ штабомъ, удалось такимъ образомъ преодолѣть, назначеніе Шимановскаго состоялось и всѣмъ стало ясно, что этотъ въ высшей степени скромный и не менѣе того способный штабъ-офицеръ намѣченъ генераломъ Драгомировымъ для занятія должности начальника его штаба.— Должность эту онъ впослѣдствіи занялъ, но очень скоро чахотка положила конецъ его службѣ и жизни.

* * *

Недолго пробылъ при Михаилѣ Ивановичѣ въ должности помощника его генералъ-лейтенантъ М. А. фонъ-Таубе; онъ получилъ назначеніе на постъ степного генералъ-губернатора и командующаго войсками Омскаго военнаго округа.

Разставшись вполнѣ дружелюбно съ благороднѣйшимъ Максимомъ Антоновичемъ фонъ-Таубе,—первымъ помощникомъ своимъ, Мих. Ив. увидѣлъ, что ему предстоитъ подъискать замѣстител

Библиотека "Руниверс"

этого генерала, о чемъ раньше не довелось подумать. — Въ этомъ дѣлѣ пришла на выручку самая простая, но, какъ Мих. Ив. всегда говорилъ, крайне счастливая случайность.

Во время одной изъ поѣздокъ своихъ по округу, Мих. Ив. совершенно неожиданно встрѣтился со старымъ знакомымъ своимъ, сослуживцемъ по гвардіи, генеральнаго штаба генералъ-лейтенантомъ Виталіемъ Николаевичемъ Троцкимъ,—котораго служебныя и боевыя качества были ему прекрасно извѣстны.

Оба они обрадовались встрѣчѣ и, такъ какъ оказалось, что дальше ѣхать надо было по одному пути, они вмѣстѣ поѣхали; дорогой разговорились, при чемъ дружеская бесѣда окончилась согласіемъ В. Н. Троцкаго смѣнить должность командира 16-го армейскаго корпуса на должность помощника командующаго войсками Кіевскаго военнаго округа.

Нѣсколько лѣтъ послѣ того друзья прослужили вмѣстѣ; В. Н. Троцкій отмѣнно помогалъ своему старшему товарищу строевою и боевою опытностью.—М. И. не могъ достаточно нарадоваться своимъ выборомъ, а главное пріобрѣтеніемъ: боевой, обстоятельный, находчивый, опытный, тактичный, здравый, разумный—вотъ какимъ онъ считалъ его раньше и продолжалъ считать во все время совмѣстнаго служенія и съ какимъ мнѣніемъ о немъ попрощался съ нимъ въ 1897 году, отпуская его въ Вильну, когда онъ выѣхалъ туда на постъ виленскаго, ковенскаго, гродненскаго генералъ-губернатора и командующаго войсками Виленскаго военнаго округа.

* * *

Вообще генералъ Драгомировъ прилагалъ стараніе къ тому, чтобы по его собственному выбору замѣщались въ округѣ должности не только такихъ непосредственныхъ сотрудниковъ, какими были помощникъ командующаго войсками и начальникъ штаба округа; онъ поставилъ за правило избирать себѣ должностныхъ лицъ на такіе посты, которые самъ считалъ въ данный моментъ болѣе важными, хотя бы они вообще не считались столь высокостоящими и назначеніе которыхъ въ другихъ округахъ пріемлется командующими безъ всякаго съ ихъ стороны вліянія и участія въ томъ.

Прибывъ въ округъ, Мих. Ив. задался задачей поднять до наиболѣе высокой степени совершенства состояніе дѣла готовности въ округѣ развертыванья частей войскъ изъ мирнаго состава въ военный. Ознакомившись въ первое же время съ состояніемъ дѣлъ

Библиотека "Руниверс"

въ мѣстныхъ бригадахъ, М. И. увидѣлъ, что Кіевская бригада имѣетъ образцовѣйшаго командира, каковымъ былъ—по своимъ знаніямъ, по своей опытности, по исполнительности, аккуратности, требовательности и по умѣнію держать дѣло въ порядкѣ,—генералъ-лейтенантъ Главацкій, а потому совершенно спокойно предоставилъ ему полную свободу дѣйствій. Однако года черезъ три—четыре ген. Драгомирову пришлось, съ большой грустью, убѣдиться въ томъ, что здоровье этого генерала, сразу сильно пошатнувшись, перестало служить ему и не стало возможности быть ревностнымъ, энергичнымъ, распорядительнымъ и наблюдательнымъ въ той степени, въ какой онъ былъ раньше.—Нисколько не задѣвая хорошаго достойнаго служаку, М. И. задумалъ принять мѣры къ тому, чтобы дальнѣйшее ухудшеніе состоянія здоровья этого генерала не могло застать врасплохъ ходъ столь важнаго дѣла въ его бригадѣ.

* * *

Въ Кіевскомъ военномъ округѣ, въ предѣлахъ Харьковской мѣстной бригады,—въ г. Курскѣ, состоялъ уѣзднымъ воинскимъ начальникомъ полковникъ Владиміръ Александровичъ Воиновъ.—М. И. Драгомировъ зналъ его по службѣ меньше, чѣмъ по частному знакомству: встрѣчаясь съ нимъ нерѣдко въ домѣ своего стараго знакомаго, проживавшаго въ Курскѣ, очень крупнаго землевладѣльца Курской и Черниговской губерній—графа К. П. Кл., М. И. обратилъ на него вниманіе, какъ на человѣка крайне остроумнаго, полнаго эрудиціи, веселаго, жизнерадостнаго, постоянно занимавшаго и оживлявшаго общество.—Однажды занятый его разнообразными разсказами во время обѣда у графа М. И., проведя пріятно время и насмѣявшись вдоволь, сказалъ К. П-чу: пресимпатичный у тебя этотъ полковникъ, интересно пощупать его по службѣ, такой ли онъ шустрый въ своемъ сложномъ дѣлѣ; по теоріи не должно быть—слишкомъ онъ большой балагуръ, разсказчикъ и какъ бы не ушелъ весь въ это въ такой степени, что не осталось бы мѣста службѣ; а вѣдь родъ его службы требуетъ въ знаніяхъ такого же разнообразія, какое онъ усердно проявляетъ въ шуточныхъ и остроумныхъ разсказахъ, да къ тому же еще въ этой службѣ обязательна пунктуальность наравнѣ съ точностью и сосредоточенностью.

— По службѣ онъ собаку съѣлъ, отвѣтилъ графъ; я подробно не знаю, но насколько могу судить по старой памяти...

— Ну еще бы ты, старый, искусившійся дѣдъ, для тебя, я думаю, сразу видна птица по полету, перебилъ М. И., несомнѣнно вспоминая о томъ, что графъ Кл. служилъ въ Преображенскомъ

Библиотека "Руниверс"

полку въ то доброе время, когда онъ самъ состоялъ въ рядахъ полка Семеновскаго.

* * *

На другой же день генералъ Драгомировъ совершенно неожиданно посѣтилъ довольно рано управленіе курскаго уѣзднаго воинскаго начальника, потребовалъ нѣсколько дѣлъ, проэкзаменовалъ или, какъ онъ выражался, „пощупалъ“ полковника Воинова, а въ заключеніе назначилъ ему частичную мобилизацію.

— Я удивленъ, сказалъ онъ ему черезъ нѣсколько дней, и порядкомъ, найденнымъ у васъ въ ходѣ дѣлъ, и вашимъ личнымъ близкимъ знакомствомъ со всѣмъ тѣмъ, что касается порученной вамъ важной отрасли службы; отъ лица этой службы выражаю вамъ спасибо.

Прошло мѣсяца три—четыре, въ теченіе которыхъ полковникъ Воиновъ, ведя повидимому довольно разсѣянный образъ жизни, имѣлъ много случаевъ показать кое-кому, что свое, въ отношеніи службы, спокойствіе онъ основываетъ больше на этомъ спасибо, выраженномъ отъ лица ея, чѣмъ на старательно и неустанно поддерживаемомъ имъ въ ней порядкѣ. Вдругъ въ одну изъ поѣздокъ своихъ въ Харьковъ для развлеченій среди своихъ родныхъ, онъ получаетъ тамъ срочную телеграмму изъ Курска: „командующій приказалъ вамъ немедленно прибыть сюда, дѣлопроизводитель Романовъ“.

Едва успѣвъ представиться въ Курскѣ генералу Драгомирову, внезапно и нежданно проѣздомъ заѣхавшему въ этотъ городъ, полковникъ выслушалъ отъ него: „не зная, какъ вы продолжаете настоянія надъ продолженіемъ точнаго веденія дѣлъ управленія, поручаю начальнику штаба округа производство новой ревизіи тѣхъ дѣлъ и полной примѣрной мобилизаціи; пусть генералъ Шимановскій еще разъ пощупаетъ васъ и убѣдится въ томъ, насколько вы съумѣли не почить на лаврахъ, отбывъ смотръ, произведенный вамъ поздней осенью; при этомъ объявляю вамъ, что всѣ объясненія, всѣ отвѣты на запросы инспектирующаго и всѣ справочныя данныя вы обязываетесь давать лично, т. к. вашего дѣлопроизводителя нѣтъ, онъ выбылъ и для васъ не существуетъ,—считайте его хоть умершимъ, но онъ не долженъ быть допускаемъ и не долженъ прикасаться къ дѣламъ“...

Съ этимъ М. И. попрощался, сѣлъ въ вагонъ приготовленнаго для него поѣзда и укатилъ въ Кіевъ, оставивъ пораженнаго неожиданностью полковника на съѣденіе всегда строгаго, отмѣнно серьезнаго и даже суроваго генерала Шимановскаго, который лично,

Библиотека "Руниверс"

какъ полковникъ имѣлъ много основаній знать, сильно его недолюбливалъ.

Каково же было новое „удивленіе“ генерала Драгомирова, когда, по донесенію его начальника штаба, дѣла оказались въ блестящемъ порядкѣ, мобилизація прошла образцово, все обстоятельно, толково и съ полнымъ знаніемъ дѣла докладывалось самимъ воинскимъ начальникомъ; далѣе было доложено, что дѣлопроизводитель ни въ чемъ ему помочь не могъ, такъ какъ къ вечеру дня отъѣзда командующаго изъ Курска послѣ объявленія мобилизаціи дѣйствительно выбылъ,—его постигъ параличъ, обозначившійся отнятіемъ всей лѣвой стороны и языка; это печальное событіе, конечно, омрачило весь тріумфъ воинскаго начальника, засвидѣтельствовавшаго при этомъ, что такой исходъ для статскаго совѣтника Романова явился результатомъ его необычайной нервности, вызванной переутомленіемъ въ работѣ, которую онъ, всегда принимая близко къ сердцу важность дѣла, велъ съ неустанною энергіей по долгу службы, отдаваясь ей всецѣло и не щадя себя.

Генералъ Драгомировъ принялъ близко къ сердцу положеніе дѣлопроизводителя; онъ, исполняя просьбу полковника Воинова, отпустилъ крупную сумму на лѣченіе Романова, особо на поддержку большой семьи его, а также ходатайствовалъ, кромѣ назначенія ему наивысшей пенсіи, принятіе всевозможныхъ мѣръ къ облегченію дальнѣйшей участи семьи его.

* * *

М. И. Драгомировъ старался держать въ секретѣ повидимому созрѣвшее въ немъ намѣреніе дать генералу Главацкому замѣстителя въ лицѣ полковника Воинова, въ случаѣ если бы ухудшеніе здоровья командира кіевской мѣстной бригады того потребовало, а всестороннія испытанія, предначертанныя для опредѣленія служебныхъ способностей, знаній и пригодности предположеннаго замѣстителя, позволили бы считать его вполнѣ подходящимъ; тѣмъ не менѣе однако слухи о предположеніяхъ командующаго войсками просочились всюду, какъ вода, и Воинову пришлось уже нѣсколько разъ испытать непріятности, которыя чувствуетъ на себѣ каждый, видя непрошенную услужливость доброжелателей, спѣшащихъ сдѣлать свершившимся такой фактъ, возможность осуществленія котораго еще только нарождается въ мысляхъ лица, вершающаго судьбы.

Не изъ числа такихъ людей былъ вообще М. И. Драгомировъ, чтобы произведенныя полковнику Воинову испытанія счесть вполнѣ исчерпавшими всю необходимость.

Разсмотрѣвъ вмѣстѣ съ генераломъ Шимановскимъ отчетъ о

Библиотека "Руниверс"

мобилизаціи, М. И. далъ распоряженіе вызвать полковника въ Харьковъ, куда самъ намѣтилъ ѣхать со штабомъ для производства усиленныхъ полевыхъ занятій съ войсками, тамъ и въ Чугуевѣ собиравшимися.

— „Принося вамъ вновь отъ лица службы благодарность, сказалъ М. И. явившемуся къ нему полковнику Воинову, я назначаю васъ на все время пребыванія моего среди здѣшнихъ войскъ состоять при мнѣ для исполненія тѣхъ служебныхъ обязанностей, которыя я найду нужнымъ вамъ поручать".

Въ теченіе трехъ недѣль, изо дня въ день, полковникъ Воиновъ съ утра до поздней ночи проводилъ на службѣ при генералѣ Драгомировѣ, который давалъ ему разнообразныя порученія, а главное объясняя ему различныя положенія, въ которыя самъ же ставилъ тѣ или другія части войскъ,—требовалъ его мнѣнія о необходимыхъ распоряженіяхъ и дѣйствіяхъ,—словомъ, назначалъ ему экзамены изъ предметовъ, не подлежавшихъ раньше его изученію или, вѣрнѣе сказать, испытывалъ его сообразительность, развитость, военныя его способности вообще и степень пригодности его для самыхъ разнородныхъ случаевъ военнаго, военно-временнаго и боевого быта.

По окончаніи этого сложнаго искуса, полковникъ Воиновъ, не разъ считавшій себя провалившимся, измученный, доведенный, какъ говорится, до бѣлаго каленія,—выслушалъ отъ М. И. Драгомирова, что онъ беретъ его на должность состоящаго при командующемъ войсками округа.

— Не всегда, добавилъ М. И., хватаетъ возможности, а иногда, къ стыду надо сказать, не достаетъ и терпѣнія, для избранія себѣ близкаго сотрудника, продѣлать все то, что мнѣ удалось продѣлать относительно испытанія васъ.—Но такой именно способъ хода избранія долженъ былъ бы считаться идеальнымъ...

Полковникъ Воиновъ, произведенный черезъ мѣсяцъ послѣ того въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ состоять генераломъ для порученій и назначенный черезъ полгода командиромъ кіевской мѣстной бригады на мѣсто скончавшагося генерала Главацкаго,—во всѣ годы своей дальнѣйшей службы гордился тѣми словами, кои М. И. сказалъ ему по полученіи Высочайшаго приказа о производствѣ его въ генералъ-маіоры: „вы прошли громадное испытаніе, при которомъ вамъ довелось пройти огонь и воду и трубы мѣдныя, благодарите Бога за всѣ ниспосланныя вамъ удачи".

Съ безконечнымъ довѣріемъ М. И. предоставлялъ генералу Воинову полнѣйшую свободу въ самостоятельномъ отданіи разнообразныхъ распоряженій по бригадѣ и въ предѣлахъ допускаемаго зако-

Библиотека "Руниверс"

номъ примѣненія по его усмотрѣнію тѣхъ нововведеній, которыя по его мнѣнію должны были улучшать и ускорять ходъ дѣла призыва; также точно М. И. признавалъ генерала Воинова вполнѣ хозяиномъ въ дѣлѣ избранія и подбора имъ себѣ сотрудниковъ въ лицѣ воинскихъ начальниковъ и чиновъ управленія.

Не разъ М. И., не шутя, благодарилъ графа К. П. Кл. за то, что онъ доставилъ ему благой случай столь удачно получить такого знающаго, опытнаго, полезнаго, разумнаго сослуживца и самородка-сотрудника, кстати сказать, не окончившаго никакого курса, кромѣ курса образованія Сибирскаго кадетскаго корпуса...

А. Е. К.

Библиотека "Руниверс"

Столѣтіе Императорскаго Александровскаго Лицея.

Многочисленная лицейская семья въ прошломъ мѣсяцѣ торжественно отпраздновала столѣтній юбилей своей almae matris. Къ днямъ лицейскихъ торжествъ, привлекшихъ вниманіе всей культурной Россіи, вышло нѣсколько работъ, посвященныхъ исторіи Лицея и лицеистовъ — „Памятка“ А. А. Рубца, книги К. Я. Грота и Д. Ѳ. Кобеко. Заимствуемъ изъ составленной г. Рубцомъ „Краткой исторической памятки Императорскаго Александровскаго, бывшаго Царскосельскаго, Лицея“ нѣкоторыя историческія свѣдѣнія о жизни этого учебно-воспитательнаго заведенія, давшаго Россіи цѣлый рядъ выдающихся дѣятелей на самыхъ различныхъ поприщахъ государственнаго и общественнаго служенія.

Когда графъ М. А. Корфъ, питомецъ Лицея, представилъ императору Александру II рукопись своего труда „Матеріалы и черты къ біографіи императора Николая I“, гдѣ между прочимъ было упомянуто о Лицеѣ, государь приписалъ на поляхъ: „Императрица Марія Ѳеодоровна желала отправить сыновей своихъ въ лейпцигскій университетъ, чему, однако рѣшительно воспротивился Императоръ Александръ Павловичъ. Взамѣнъ того, ему пришло на мысль образовать въ Царскомъ Селѣ Лицей, гдѣ бы младшіе братья его могли слушать публичныя лекціи“.

12 августа 1810 года былъ утвержденъ уставъ будущаго Лицея для приготовленія „нѣкоторой части отличнѣйшаго по талантамъ и нравственнымъ качествамъ юношества, особенно къ важнымъ частямъ службы государственной“.

Библиотека "Руниверс"

Въ дѣлѣ разработки устава Лицея ближайшее участіе принимали М. М. Сперанскій, министръ народнаго просвѣщенія графъ Ал. Кир. Разумовскій, директоръ департамента просвѣщенія И. И. Мартыновъ и сардинскій посланникъ въ Россіи, извѣстный писатель графъ Жозефъ де-Местръ.

Цѣлый годъ былъ употребленъ на подготовительныя работы по переустройству части царскосельскаго дворца и по пріобрѣтенію инвентаря; засимъ былъ произведенъ выборъ кандидатовъ, въ чемъ государь принималъ лично большое участіе, и 1-го августа 1811 года этимъ кандидатамъ былъ произведенъ медицинскій осмотръ; 8, 12 августа и 11 сентября были произведены экзамены представленнымъ 36 кандидатамъ, изъ коихъ выдержало экзамены и принято было 30 человѣкъ, составившихъ собою I курсъ, „орловъ лицейской стаи славной".

Наконецъ, 19-го октября 1811 года, при совершенно исключительной обстановкѣ, въ присутствіи Его Величества, государынь императрицъ, наслѣдника цесаревича и великой княжны, при членахъ Св. Синода и Государственнаго Совѣта, министрахъ русскихъ и иностранныхъ, сенаторахъ, почетныхъ опекунахъ и другихъ знатнѣйшихъ особахъ, послѣ торжественнаго богослуженія и окропленія зданій Лицея св. водою, на торжественномъ собраніи была прочитана и передана Лицею, для храненія на вѣчныя времена, высочайшая грамота.

Засимъ произнесены были рѣчи директоромъ Лицея В. Ѳ. Малиновскимъ и адъюнктъ-профессоромъ Куницынымъ, послѣ чего ихъ величества и ихъ высочества удостоили своимъ посѣщеніемъ обѣденный столъ лицеистовъ и отбыли изъ Лицея.

Государь императоръ остался вполнѣ доволенъ открытіемъ и наградилъ графа А. К. Разумовскаго орденомъ Св. Владиміра 1 ст., профессора Куницына орденомъ Св. Владиміра 4 ст.

23-го октября начались регулярныя занятія.

Воспитанникъ I-го курса, гордость русской земли и Лицея, А. С. Пушкинъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній, посвященныхъ 19 октября (1836 г.), такъ вспоминаетъ этотъ день:

„Вы помните, когда возникъ Лицей,
Какъ царь для насъ открылъ чертогъ царицынъ,
И мы пришли, и встрѣтилъ насъ Куницынъ
Привѣтствіемъ межъ царственныхъ гостей".

Первымъ главнымъ начальникомъ Лицея, или, какъ эта должность называется нынѣ, попечителемъ Лицея, былъ графъ Ал. Кир. Разумовскій. Онъ управлялъ Лицеемъ не какъ заведеніемъ, введеннымъ въ общій составъ министерства просвѣщенія, а какъ лично

Библиотека "Руниверс"

ему порученнымъ, до 1816 г., когда начальство надъ лицеемъ переходитъ къ министру просвѣщенія князю А. Н. Голицыну, за симъ къ цесаревичу Константину Павловичу и въ 1831 году къ великому князю Михаилу Павловичу. Въ 1843 году Лицей былъ причисленъ къ IV-му отдѣленію собственной Е. И. В. канцеляріи, переведенъ въ Петербургъ, переименованъ въ Императорскій Александровскій Лицей, а главное начальствованіе надъ нимъ перешло къ принцу Петру Георгіевичу Ольденбургскому, пробывшему на этой должности до 1881 года, до самой своей кончины. Вслѣдъ за принцемъ попечителями Лицея временно назначались д. т. с. Корниловъ, статсъ-секретарь К. К. Гротъ, сенаторъ Н. Н. Герардъ, статсъ-секретарь И. Н. Дурново и т. с. А. А. Зубовъ. Наконецъ, въ 1890 г. попечителемъ былъ назначенъ генералъ-адъютантъ графъ Протасовъ-Бахметевъ, пробывшій на этомъ посту до 1906 г. Въ 1906 г. должности главноуправляющаго вѣдомствомъ и попечителя Лицея были раздѣлены, какъ это и полагается по уставу, и на должность попечителя Лицея былъ назначенъ лицеистъ XXVIII курса А. С. Ермоловъ.

Ближайшими сотрудниками попечителя по управленію Лицеемъ являются директора.

Первымъ директоромъ Лицея былъ Василій Ѳедоровичъ Малиновскій, человѣкъ, соединявшій съ высокою нравственностью и строго религіозными правилами многостороннее образованіе. Но, къ сожалѣнію, онъ былъ на посту директора недолго, и дѣятельность его поглощена была сначала заботами о снабженіи учреждаемаго заведенія матеріальными средствами, потомъ объ установленіи въ немъ порядка нравственнаго и учебнаго; при немъ же былъ открытъ Благородный Лицейскій Пансіонъ; но черезъ два мѣсяца послѣ открытія Пансіона Малиновскій скончался.

Время съ 1814 до 1816 г. можно назвать временемъ лицейскаго междуцарствія. Во главѣ Лицея стояли то инспектора, то отдѣльные профессора, и, конечно, при такой частой смѣнѣ главы заведенія, не возможно было вести дѣло, какъ слѣдуетъ. Въ Лицеѣ начались безпорядки, гувернеры не исполняли своего дѣла, воспитанники проявляли распущенность.

Это побудило, наконецъ, въ 1816 году (27 января) назначить директоромъ Лицея Егора Антоновича Энгельгардта, бывшаго директоромъ Педагогическаго Института, человѣка выдающихся способностей, опытнаго педагога, при которомъ Лицей переживалъ золотой свой вѣкъ, и котораго многіе лицеисты, прямо таки, называли первымъ директоромъ Лицея.

Трудно пришлось Энгельгардту на первыхъ порахъ. Онъ на-

Библиотека "Руниверс"

шелъ безпорядки во всемъ, злоупотребленія во многомъ. Очень скоро онъ привелъ все въ порядокъ и отдался всецѣло любимому дѣлу воспитанія юношества. Какъ онъ любилъ молодежь, видно изъ того, что выпущенные изъ Лицея воспитанники весьма часто пріѣзжали къ своему директору и постоянно переписывались съ нимъ.

Около этого времени министромъ народнаго просвѣщенія былъ назначенъ на мѣсто графа Разумовскаго князь А. Н. Голицынъ. Это назначеніе нѣсколько измѣнило положеніе Лицея.

Въ 1817 году Лицей былъ включенъ въ число заведеній, состоящихъ въ вѣдѣніи министерства просвѣщенія. Въ томъ же году произведенъ былъ первый выпускъ молодыхъ людей въ государственную службу. Среди первыхъ лицеистовъ мы встрѣчаемъ такія имена, какъ А. С. Пушкинъ, князь А. М. Горчаковъ, баронъ М. А. Корфъ. Матюшкинъ—первый лицеистъ-морякъ, Вольховскій—первый лицеистъ-военный и т. д.

Въ 1822 году главное начальство надъ Лицеемъ было ввѣрено цесаревичу Константину Павловичу, а въ 1823 году Е. А. Энгельгардтъ былъ уволенъ отъ должности директора, и на его мѣсто въ 1824 году былъ назначенъ г.-м. Ѳ. Г. Гольтгоеръ.

Въ это время какъ разъ происходили реформы въ управленіи Лицеемъ. Вслѣдствіе подчиненія Лицея цесаревичу Константину Павловичу пришлось и управленіе этимъ заведеніемъ перевести въ вѣдомство главнаго директора пажескаго и кадетскихъ корпусовъ. Въ 1825 году скончался основатель Лицея императоръ Александръ Павловичъ, и вслѣдствіе подчиненія Лицея военному начальству, въ немъ начали заводиться новые порядки по образцу военныхъ училищъ. Въ 1831 году Лицей былъ переданъ „впредь до особаго повелѣнія“ въ завѣдываніе великаго князя Михаила Павловича. Во время его управленія Лицеемъ произошли крупныя перемѣны. Въ 1832 году окончательно было установлено, что каждый классъ имѣетъ совершенно отдѣльное помѣщеніе и состоитъ подъ надзоромъ особыхъ гувернеровъ. Эта особенность Лицея сохранилась и до настоящаго времени. Въ 1840 году произошла смѣна директора. На эту должность назначенъ былъ г.-м. Д. Б. Броневскій, пробывшій въ этой должности до 1853 г., когда его смѣнилъ Н. И. Миллеръ, состоявшій директоромъ до 1877 г.

Въ управленія Броневскаго и Миллера произошло нѣсколько весьма крупныхъ событій въ исторіи Лицея. Въ 1843 г., когда Лицей былъ причисленъ къ IV отдѣленію собственной Е. И. В. канцеляріи, и главное начальство ввѣрено было принцу Петру Георгіевичу Ольденбургскому, Лицей былъ переименованъ въ Але-

Библиотека "Руниверс"

ксандровскій и переведенъ въ Петербургъ. Первой заботой принца было издать новый уставъ Лицея, каковой и былъ изданъ въ 1848 г. и съ измѣненіями и дополненіями дѣйствуетъ до сихъ поръ.

Объявляя о семъ воспитанникамъ, принцъ сказалъ имъ между прочимъ:

„Подвизайтесь на подвиги самоотверженія и трудовъ истинно полезныхъ. Я говорю вамъ какъ начальникъ, привязанный къ вамъ союзомъ сердечнымъ. Идите же по стезѣ правды, долга и чести. Подайте собою примѣръ не вредной самонадѣянности и заносчивости, а покорности и христіанскаго смиренія. Васъ ожидаетъ жатва обильная, и Богъ да благословитъ благія ваши намѣренія".

Въ 1860 году послѣдовало высочайшее соизволеніе на единодушную просьбу воспитанниковъ всѣхъ курсовъ Лицея объ открытіи по всей имперіи подписки для сооруженія памятника поэту Пушкину.

Въ 1861 году Лицей торжественно отпраздновалъ 50-лѣтній юбилей своего основанія. Императоръ Александръ Николаевичъ даровалъ къ этому дню Лицею высочайшую грамоту.

Въ томъ же 1861 году, въ ознаменованіе 50-лѣтняго юбилея Лицея, съ высочайшаго соизволенія, согласно желанію бывшихъ воспитанниковъ Лицея, выбита бронзовая медаль, и на проценты съ пожертвованнаго ими капитала 6.000 руб. учреждена при С.-Петербургскомъ университетѣ студенческая стипендія Александра Пушкина.

Въ 1867 году, въ 50-лѣтній юбилей первенцовъ лицейской семьи, поднесены отъ Лицея адресы нѣкоторымъ изъ бывшихъ воспитанниковъ перваго выпуска (1817 года) и поставлены въ залѣ Лицея, съ высочайшаго соизволенія, портреты князя А. М. Горчакова и А. С. Пушкина.

6-го ноября 1868 года праздновалось 25-лѣтіе попечительства надъ Лицеемъ принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго. Въ знакъ глубокой признательности за всѣ заботы и попеченія его о благѣ Лицея, поставленъ въ одной изъ залъ Лицея портретъ принца во весь ростъ и отчеканена медаль.

Въ 1870 году, 19-го октября, государственный канцлеръ князь Горчаковъ поднесъ на высочайшее подписаніе декларацію объ отмѣнѣ нѣкоторыхъ пунктовъ Парижскаго трактата, ограничивавшихъ права Россіи на Черномъ морѣ, желая, какъ самъ онъ выразился, связать это событіе съ днемъ лицейскаго праздника. По [illegible]му случаю поднесенъ отъ Лицея и бывшихъ лицеистовъ свѣтлѣйшему князю Горчакову, бывшему воспитаннику Лицея, адресъ.

Въ 1877 году, государственный канцлеръ князь Горчаковъ, въ благодарномъ воспоминаніи о покойномъ директорѣ Лицея Энгель-

Библиотека "Руниверс"

гардтѣ, пожертвовалъ 16.000 руб. для учрежденія, на вѣчныя времена, въ Лицеѣ стипендіи имени Е. А. Энгельгардта, съ тѣмъ, чтобы на оную опредѣляемы были, по усмотрѣнію и выбору совѣта Лицея, молодые дворяне, преимущественно изъ числа потомковъ Энгельгардта.

Въ 1877 году на мѣсто Директора Н. И. Миллера назначенъ былъ Н. Н. Гартманъ, и послѣдовало преобразованіе Лицея въ шестиклассный съ годичнымъ курсомъ. Въ 1881 году скончался принцъ П. Г. Ольденбургскій, а въ 1890 г. на должность попечителя былъ назначенъ графъ Пратасовъ-Бахметевъ, занимавшій эту должность до 1906 года. Въ 1882 году послѣдовало высочайшее повелѣніе объ образованіи при Лицеѣ приготовительныхъ классовъ для приготовленія къ Лицею. Въ 1892 году на мѣсто скончавшагося Н. Н. Гартмана былъ назначенъ директоромъ Лицея баронъ Ф. Ф. Врангель, пробывшій на этой должности до 1896 года, когда постъ директора занялъ генералъ-лейтенантъ Фельдманъ, пробывшій до 1900 года. Въ 1900 году директоромъ Лицея, впервые, былъ назначенъ бывшій питомецъ Лицея, шталмейстеръ Саломонъ.

Съ этого времени началось коренное переустройство Лицея.

Прежде всего былъ образованъ совѣтъ Лицея изъ бывшихъ лицеистовъ, облеченныхъ особымъ довѣріемъ Монарха и назначаемыхъ по непосредственному избранію Его Величества. Должности попечителя Лицея предоставлено было право непосредственнаго доклада по дѣламъ Лицея у Его Императорскаго Величества. Воспитательная часть получила новую организацію, курсовую, а именно, что одинъ воспитатель (курсовой) слѣдовалъ съ своимъ классомъ съ младшаго приготовительнаго класса до выпуска; произведены были капитальныя переустройства зданій. Лицею былъ приданъ тотъ видъ, который является традиціоннымъ для него.

Въ 1908 году, на мѣсто шталмейстера Саломона былъ назначенъ директоромъ баронъ Вольфъ, пробывшій на этой должности до 2 сентября 1910 г. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1910 года директоромъ Лицея, по Высочайшему Его Императорскаго Величества Государя Императора и Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны избранію, назначенъ бывшій инспекторъ воспитанниковъ Лицея (1896—1900 г.) г.-м. Шильдеръ. Наконецъ въ 1910 г. Лицей былъ осчастливленъ новою милостью Государя Императора, соизволившаго облечь Ея Императорское Величество Государыню Императрицу Марію Ѳеодоровну званіемъ Августѣйшей Почетной Покровительницы Лицея.

Вотъ, въ краткихъ словахъ, главные пункты исторіи Лицея за 100 лѣтъ его существованія".

Библиотека "Руниверс"

Вышеупомянутые прекрасные труды г.г. Д. Ѳ. Кобеко и К. Я. Грота по исторіи Лицея посвящены главнымъ образовъ царскосельскому періоду его существованія.

Исторія этого періода въ ея цѣломъ изслѣдована въ капитальной книгѣ Д. Ѳ. Кобеко „Императорскій Царскосельскій Лицей. Наставники и питомцы. 1811—1843“, гдѣ изложена внутренняя и внѣшняя жизнь Лицея въ первые тридцать два года его существованія. Хотя почтенный авторъ скромно предназначилъ свой трудъ „преимущественно для бывшихъ лицеистовъ и, въ частности, для младшихъ ихъ поколѣній, дабы освѣтить въ ихъ памяти преданія о старомъ Царскосельскомъ Лицеѣ“, на книгу Д. Ѳ. Кобеко приходится смотрѣть какъ на имѣющій несомнѣнное общественное значеніе важный вкладъ въ исторію русскаго образованія. Въ числѣ впервые опубликованныхъ въ ней документовъ находится любопытная „табель“ объ успѣхахъ, прилежаніи и дарованіяхъ, проявленныхъ первыми воспитанниками Лицея въ первое учебное полугодіе, съ 23 октября 1811 г. по 19 марта 1812 года. Названъ въ „табели“, конечно, и Пушкинъ, и вотъ къ какимъ выводамъ пришли послѣ полугодового знакомства съ нимъ преподаватели, давая отчетъ о его успѣхахъ и умственныхъ качествахъ.

„*Въ русс. и лат. яз.* 1) Успѣхи въ латинскомъ хороши; въ русскомъ не столько тверды, сколько блистательны. 2) Слабаго прилежанія. 3) Одаренъ понятливостью и вкусомъ.

Во франц. яз. 1) Считается между первыми въ французскомъ классѣ. 2) Весьма прилеженъ. 3) Одаренъ понятливостію и проницаніемъ.

Въ нѣм. яз. 1) Мало успѣховъ. 2) Не прилеженъ. 3) Хорошихъ дарованій.

Въ логикѣ. 1) Хорошіе успѣхи. 2) Не прилеженъ. 3) Весьма понятенъ.

Въ ариѳметикѣ. 1) Посредственные успѣхи. 2) Лѣнивъ. 3) Не плохихъ дарованій.

Въ геогр. и истор. 1) Очень хорошіе успѣхи. 2) Довольно прилеженъ. 3) Очень хорошихъ дарованій.

Въ рисованіи. 1) Медленные успѣхи. 2) Прилеженъ, но нетерпѣливъ. 3) Очень способенъ.

Въ чистописаніи. 1) Посредственные успѣхи. 2) Прилеженъ. 3) Способенъ“.

Въ книгѣ К. Я. Грота „Пушкинскій Лицей (1811—1817). Бумаги I-го курса“ прекрасно изображенъ по множеству докумен-

Библиотека "Руниверс"

товъ внутренній бытъ Лицея въ его первыя шесть лѣтъ [1]). Значительная часть документовъ до сихъ поръ еще нигдѣ не была напечатана. Среди нихъ на каждомъ шагу мелькаетъ имя Пушкина. Въ „табели“ объ успѣхахъ, прилежаніи и дарованіяхъ, выказанныхъ лицеистами во второмъ полугодіи, отъ 19 марта до ноября 1812 г., преподаватели продолжаютъ свои отзывы о Пушкинѣ.

Профессоръ русскаго и латинскаго языка замѣчаетъ: „есть соревнованіе“. „Сталъ прилежнѣе, и успѣхи постоянные, второй ученикъ“, констатируетъ „французъ“, а „нѣмецъ“, жалуется: „при всей остротѣ и памяти нимало не успѣваетъ“. Преподаватель нѣмецкой и французской словесности, повидимому, выведенъ изъ терпѣнія лѣнивымъ ученикомъ: „худые успѣхи, безъ способностей, безъ прилежанія и безъ охоты, испорченнаго воспитанія“, а преподаватель логики ему рѣзко противорѣчитъ: „весьма понятенъ, замысловатъ и остроуменъ“, хотя констатируетъ, что въ то же время Пушкинъ „не прилеженъ вовсе, и успѣхи незначущіе“. Математикъ также недоволенъ: „острота, но для пустословія; очень лѣнивъ и въ классѣ нескроменъ, успѣхи посредственны“. Преподаватель исторіи и географіи находитъ болѣе дарованія, нежели прилежанія; „разсѣянъ, успѣхи довольно хороши“, а преподаватель рисованія замѣчаетъ: „отличныхъ дарованій, но торопливъ и неосмотрителенъ“. „По нравственной части дано такое заключеніе: „мало постоянства и твердости, словоохотенъ, остроуменъ; примѣтно и добродушіе, но вспыльчивъ съ гнѣвомъ и легкомысленъ“. Въ то же время инспекторъ Пилецкій-Урбановичъ, слѣдившій за „нравственной частью“, вынесъ Пушкину слѣдующую аттестацію (недавно она была опубликована въ „Лицейскомъ Журналѣ“ 1911 г., № IV, откуда и взята К. Я. Гротомъ).

„Пушкинъ (Александръ), 13 лѣтъ. Имѣетъ болѣе блистательныя, нежели основательныя дарованія, болѣе пылкій и тонкій, нежели глубокій умъ. Прилежаніе его къ ученію посредственно, ибо трудолюбіе еще не сдѣлалось его добродѣтелью. Читавъ множество французскихъ книгъ, но безъ выбора, приличнаго его возрасту, наполнилъ онъ память свою многими удачными мѣстами извѣстныхъ авторовъ; довольно начитанъ и въ русской словесности, знаетъ много басенъ и стишковъ. Знанія его вообще поверхностны, хотя начинаетъ нѣсколько привыкать къ основательному размышленію. Самолюбіе вмѣстѣ съ честолюбіемъ, дѣлающее его иногда застѣн-

---

[1]) Изъ книги К. Я. Грота нами заимствованъ рисунокъ, изображающій лицеистовъ въ лицейскомъ саду, у такъ называемаго „грибка“ (около 1820 г.).

Библиотека "Руниверс"

Лицеисты у царскосельскаго „грибка“.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

чивымъ, чувствительность съ сердцемъ, жаркіе порывы вспыльчивости, легкомысленность и особенная словоохотность съ остроуміемъ ему свойственны. Между тѣмъ примѣтно въ немъ и добродушіе; познавая свои слабости, онъ охотно принимаетъ совѣты съ нѣкоторымъ успѣхомъ. Его словоохотность и остроуміе воспріяли новый и лучшій видъ съ счастливою перемѣною образа его мыслей, но въ характерѣ его вообще мало постоянства и твердости". Этой характеристикѣ нельзя отказать въ наблюдательности и мѣткости.

Названными книгами К. Я. Грота и Д. Ѳ. Кобеко прекрасно и достойно отпразднованъ юбилей Лицея. Эти труды — самый прочный памятникъ лицейскому столѣтію. Пушкиновѣдѣніе и исторія русскаго просвѣщенія будутъ считаться съ ними.

Библиотека "Руниверс"

Наполеонъ на островѣ св. Елены [1]).

Моро, самый выдающійся послѣ Бонапарта генералъ первой французской республики, въ которомъ послѣдній видѣлъ своего соперника, былъ, какъ извѣстно, обвиненъ въ участіи въ заговорѣ Пишегрю и Кадудаля противъ перваго консула. Обреченный на изгнаніе, онъ прожилъ нѣсколько лѣтъ въ Америкѣ, откуда вернулся въ 1813 г., по приглашенію Императора Александра I и состоялъ въ роли совѣтника при главной квартирѣ союзныхъ монарховъ; въ сраженіи подъ Дрезденомъ, 15 (27) августа, онъ былъ смертельно раненъ [2]).

„Во время сраженія подъ Дрезденомъ, разсказывалъ Наполеонъ, я отдалъ приказаніе, чтобы оба фланга моей арміи атаковали союзниковъ одновременно. Въ то время какъ выполнялся этотъ маневръ, центръ оставался неподвиженъ. Замѣтивъ отрядъ тяжелой непріятельской кавалеріи, наблюдавшій повидимому за моими движеніями, я подозвалъ одного артиллерійскаго капитана и приказалъ ему выпустить по этому отряду нѣсколько зарядовъ. Мое приказаніе тотчасъ было исполнено. Одно изъ ядеръ попало въ Моро, оторвало ему ноги и ранило его лошадь. Я полагаю, что изъ стоявшихъ подлѣ него лицъ нѣкоторыя были убиты или ранены. Императоръ Александръ только что бесѣдовалъ съ нимъ нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, и Моро ампутировали ноги неподалеко отъ того мѣста, гдѣ Императоръ стоялъ съ нимъ. Какой-то крестьянинъ

[1]) См. „Русская Старина“ январь 1912 г.

[2]) Тѣло его перевезено въ С.-Петербургъ и погребено въ католической церкви св. Екатерины.

Библиотека "Руниверс"

принесъ королю Саксонскому, валявшуюся на полѣ битвы ногу вмѣстѣ съ сапогомъ, и высказалъ догадку, что раненъ какой-нибудь важный офицеръ. Полагая, что по сапогу можно узнать, кто именно раненъ, король прислалъ сапогъ мнѣ. При осмотрѣ его удалось установить одно — что сапогъ былъ не англійскаго и не французскаго издѣлья. На другой день мы узнали, что это была нога Моро. Любопытно, продолжалъ Наполеонъ, что нѣсколько времени спустя, когда, при подобныхъ же обстоятельствахъ, я приказалъ тому же артиллерійскому офицеру дать залпъ изъ тѣхъ же орудій, на стоявшую вдали группу офицеровъ, въ числѣ нѣсколькихъ лицъ былъ убитъ другой французскій генералъ Сенъ-Пріестъ, командовавшій въ русской арміи отдѣльной частью".

Наполеонъ отзывался съ большимъ почтеніемъ о прусской королевѣ Луизѣ; онъ ее очень уважалъ и говорилъ, что если бы король привезъ ее въ Тильзитъ съ самаго начала, то ему вѣроятно удалось бы добиться лучшихъ условій мира.

„Она была изящна, умна, прекрасно образована", вспоминалъ Наполеонъ. „Воспоминаніе о Фридрихѣ Великомъ погубило насъ, говорила мнѣ королева; мы считали себя равными ему, но намъ до него далеко".

Когда О'Меара замѣтилъ, что враги Императора обвиняли его въ томъ, что онъ обошелся съ этой принцессой жестоко.

„Что, воскликнулъ Наполеонъ, неужели говорятъ, что я ее отравилъ?

— Нѣтъ, но они утверждаютъ, что вы были причиною ея смерти, которая вызвана огорченіемъ, причиненнымъ ей разоренiемъ ея родины".

„Весьма вѣроятно, замѣтилъ Наполеонъ, что горе, причиненное печальнымъ положеніемъ ея супруга и родины, понесенными ими потерями и испытаннымъ ими униженіемъ, ускорило ея кончину; но я не виновенъ въ этомъ. Къ чему король прусскій объявилъ мнѣ войну? Несмотря на это, я не только не былъ жестокъ къ ней, но никто не выказалъ ей столько вниманія и почтенія, никто не уважалъ ее такъ, какъ я; она даже благодарила меня за это".

Однажды разговоръ зашелъ о Россіи.

„Если бы Павелъ прожилъ долѣе, сказалъ Наполеонъ, Англія была бы вынуждена заключить, въ скоромъ времени, миръ, она не могла бы долго противустоять соединеннымъ силамъ сѣверныхъ державъ. Я писалъ Павлу и совѣтовалъ ему построить суда, постараться сосредоточить на Средиземномъ морѣ многочисленный флотъ, образовать противъ Англіи коалицію сѣверныхъ державъ, и, уклоняясь отъ сраженія съ англійскими войсками, предоставить имъ постепенно истощить свои силы".

Библиотека "Руниверс"

„Александръ и король прусскій обѣдали со мною каждый день, продолжалъ Наполеонъ. Однажды, Александръ заговорилъ со мною о кончинѣ своего отца; воспоминаніе объ этомъ событіи глубоко опечалило его, и я поспѣшилъ перевести разговоръ на другую, не столь мрачную тему".

На вопросъ, полагаетъ ли Наполеонъ, что Павелъ былъ въ самомъ дѣлѣ боленъ: „Да, отвѣчалъ Наполеонъ, я думаю, что послѣднее время онъ былъ не вполнѣ нормаленъ.

„Въ началѣ онъ былъ предубѣжденъ противъ революціи и противъ всѣхъ тѣхъ, кто принималъ въ ней участіе; но мнѣ удалось измѣнить это мнѣніе и склонить его къ болѣе благоразумному взгляду. Если бы Павелъ жилъ долѣе, Англія потеряла бы Индію. Мы выработали совмѣстно съ нимъ планъ ея завоеванія. Планъ былъ составленъ мною; я обязался послать тридцать тысячъ хорошаго войска; онъ со своей стороны долженъ былъ послать такое же число лучшихъ солдатъ и сорокъ тысячъ казаковъ. Я далъ бы десять милліоновъ на покупку верблюдовъ и прочихъ предметовъ необходимыхъ для похода въ пустынѣ. Мои солдаты должны были соединиться въ Варшавѣ съ русскими войсками и съ казаками. Изъ этого города наши соединенныя войска должны были направиться къ Каспійскому морю, гдѣ они были бы посажены на суда, или продолжали бы походъ пѣшкомъ, смотря по обстоятельствамъ. Я бы послалъ въ Персію посланника для защиты моихъ интересовъ".

На вопросъ, правда ли, что Императоръ Александръ хотѣлъ овладѣть Турціей, Наполеонъ отвѣчалъ: „Всѣ его помыслы направлены къ этому. Мы неоднократно обсуждали этотъ вопросъ. Въ началѣ эта мысль привела меня въ восторгъ; я подумалъ, что, оттѣснивъ этихъ дикарей за Босфоръ, онъ тѣмъ самымъ будетъ содѣйствовать успѣхамъ цивилизаціи; но когда я представилъ себѣ могущія произойти изъ этого послѣдствія, когда я подумалъ о томъ, какъ могущественна станетъ Россія, обладая огромнымъ числомъ грековъ, живущихъ въ провинціяхъ, подвластныхъ султану, которые естественно присоединились бы къ Россіи, то я отказался содѣйствовать этому плану, тѣмъ болѣе, что Александръ хотѣлъ сохранить Константинополь за собою; я на это не могъ согласиться, такъ какъ это нарушило бы устойчивость политическаго равновѣсія Европы.

„Я понялъ, что Франція съ Египтомъ, Сиріей и Индія были бы ничто въ сравненіи съ Россіей и съ ея новыми пріобрѣтеніями. Сѣверные варвары безъ того слишкомъ могущественны, подумалъ я; они завладѣютъ, со временемъ, всей Европой; я это думаю и теперь. Австрія уже трепещетъ передъ ними. Если Россія и Пруссія

Библиотека "Руниверс"

соединятся, то Австрія будетъ уничтожена раньше, нежели Англія сможетъ помѣшать этому. Франція въ настоящее время ничто, австрійцы такъ слабы, что ихъ легко побѣдить. Una nazione a colpo di bastone [1]). Они не окажутъ большого противодѣйствія русскимъ, которые храбры и терпѣливы. Россія сильна тѣмъ, что ея войска находятся всегда въ состояніи боевой готовности, въ Россіи солдатъ всегда остается солдатомъ. Русскіе—варвары, не знающіе, что такое отечество; всякая страна кажется имъ лучше ихъ родины. Когда казаки вступили во Францію, имъ было безразлично, какія женщины попадались имъ въ руки: старыя или молодыя—всѣ казались имъ лучше тѣхъ, которыхъ они оставили дома. Русскіе бѣдны, имъ необходимо дѣлать завоеванія".

Вспоминая о сраженіи при Ватерлоо, Наполеонъ замѣтилъ, что историки, обсуждая планъ этого сраженія, не будутъ особенно высокаго мнѣнія о талантахъ лорда Веллингтона, какъ генерала. Во-первыхъ, онъ не долженъ былъ начинать битву, когда его войско не было еще сосредоточено; а сосредоточивъ его, онъ долженъ былъ простоять лагеремъ до 15 числа. Затѣмъ, онъ плохо выбралъ мѣстность; если бы счастье измѣнило ему, то онъ не могъ бы отступить, по той причинѣ, что въ тылу у него была всего одна дорога, ведшая въ лѣсъ. Онъ сдѣлалъ огромную ошибку, которая могла повлечь за собою гибель его арміи до сраженія. Онъ далъ застигнуть себя врасплохъ.

„15 числа я находился въ Шарлеруа и разбилъ пруссаковъ, о чемъ ему не было ничего извѣстно. Это было большое преимущество для меня, и если бы кто-либо изъ моихъ генераловъ обнаружилъ такую энергію и геніальную сообразительность, какая была выказана ими при другихъ обстоятельствахъ, то я, не давая сраженія, окружилъ бы войска Веллингтона въ мѣстѣ ихъ расположенія. Но мои генералы упали духомъ; имъ казалось, что передъ ними, со всѣхъ сторонъ, находятся арміи, численностью тысячъ во сто каждая.

„Мнѣ самому некогда было заняться второстепенными подробностями по организаціи моихъ войскъ. Я разсчитывалъ, дѣйствуя поспѣшно, застигнуть непріятеля врасплохъ и разбить его по частямъ. Въ одиннадцать часовъ я узналъ о появленіи Блюхера, но не обратилъ на это вниманія; у меня было еще 80 шансовъ на сто на успѣхъ. Несмотря на значительное превосходство численныхъ силъ непріятеля, я былъ увѣренъ, что одержу побѣду. У меня было приблизительно семьдесятъ тысячъ человѣкъ, изъ коихъ пятнадцать

[1]) Чтобы побить этотъ народъ, достаточно вооружиться палкой.

Библиотека "Руниверс"

тысячъ кавалеріи; кромѣ того 250 орудій; но качественное превосходство моихъ войскъ было таково, что я считалъ ихъ способными разбить сто двадцати тысячную непріятельскую армію. У лорда Веллингтона было девяносто тысячъ человѣкъ и 250 орудій, а у Блюхера тридцать тысячъ человѣкъ, т. е. всего сто двадцать тысячъ человѣкъ.

„Изъ всѣхъ этихъ войскъ я считалъ достойными соперниками однихъ англичанъ; прочіе мало интересовали меня. По моему мнѣнію, тридцать пять или сорокъ тысячъ англичанъ были также храбры и также же хорошіе воины, какъ мои солдаты.

„Англійская армія зарекомендовала себя послѣднее время съ выгодной стороны на континентѣ; при томъ англичане отъ природы храбры и энергичны. Что касается пруссаковъ, бельгійцевъ и прочихъ, то достаточно было бы половины моей арміи, чтобы разбить ихъ. Я оставилъ всего 34 тысячи человѣкъ для обсерваціи за пруссаками. Сраженіе было проиграно изъ-за медленности Гюйо и небрежности, съ какою онъ выполнилъ мои приказанія; и вслѣдствіе того, что конно-гренадеры и кавалерія, подъ командою генерала Гюйо, коихъ я держалъ въ резервѣ, и которые не должны были отдаляться отъ меня, вступили въ бой безъ моего вѣдома, такъ что послѣ послѣдней атаки, когда мои войска были разбиты, и когда появилась англійская кавалерія, у меня уже не было ни одного резервнаго корпуса, чтобы противустоять имъ; иначе я имѣлъ бы вдвое больше войска, нежели англичане.—Вслѣдствіе этого ихъ атака увѣнчалась успѣхомъ, и для меня все было потеряно; я не имѣлъ возможности собрать войско. Самый неопытный генералъ не могъ сдѣлать подобной ошибки, оставивъ армію безъ всякаго резерва, была ли въ данномъ случаѣ измѣна или нѣтъ, не знаю. Таковы двѣ главныя причины, вслѣдствіе которыхъ сраженіе при Ватерлоо было мною проиграно“.

„Въ Тильзитѣ, гдѣ я былъ одновременно съ Императоромъ Александромъ и королемъ прусскимъ, я казался самымъ невѣжественнымъ изъ насъ троихъ въ военномъ дѣлѣ. Оба монарха, въ особенности король прусскій, были освѣдомлены въ совершенствѣ о томъ, сколько пуговицъ должно быть на мундирѣ, сколько спереди, сколько сзади, какъ должны быть скроены отвороты. Ни одинъ портной въ арміи не зналъ лучше короля прусскаго, сколько сукна идетъ на круглый жилетъ. Словомъ, я не могъ въ этомъ дѣлѣ соперничать съ ними.

„Они постоянно терзали меня вопросами, въ которыхъ я ничего не понималъ; чтобы не оскорблять ихъ, я отвѣчалъ такъ серьезно, какъ-будто судьба арміи зависѣла отъ покроя жилета.

Библиотека "Руниверс"

Когда я посѣщалъ короля прусскаго, я видѣлъ у него вмѣсто библіотеки комнату, величиною съ арсеналъ, уставленную вѣшалками, на которыхъ висѣло пятьдесятъ—шестьдесятъ мундировъ разнаго покроя; онъ мѣнялъ ихъ ежедневно. Онъ придавалъ покрою драгунскаго или гусарскаго мундира не меньше значенія, какъ спасенію королевства. Это былъ высокаго роста сухощавый человѣкъ, въ фигурѣ и въ лицѣ котораго было что-то странное.

„Подъ Іеной прусская армія выполнила прекраснѣйшіе, блестящіе маневры; но я положилъ вскорѣ конецъ этимъ coglionerie (глупостямъ) и показалъ разницу между хорошими маневрами, умѣніемъ носить дорогой мундиръ и умѣніемъ сражаться. Если бы прусской арміей командовалъ въ тотъ день портной, она навѣрно одержала бы побѣду, такъ какъ ея начальствующія лица были очень свѣдущи въ портняжномъ искусствѣ; но такъ какъ побѣды зависятъ болѣе отъ таланта главнокомандующаго, нежели отъ искусства портного, который шьетъ ему мундиръ, то прусская армія не могла одержать побѣду“.

Курьезно представленіе, какое составилъ себѣ Наполеонъ о дальнѣйшей завоевательной политикѣ Россіи и объ угрожавшей Европѣ опасности, что ея „варварскія полчища“ въ своемъ стремленіи къ захвату новыхъ земель обрушатся на Европу, подобно полчищамъ новаго Тамерлана, сметая все передъ собою.

„Европейскія державы признаютъ со временемъ,—говорилъ Наполеонъ — что я дѣйствовалъ разумно, стараясь возстановить королевство Польское, это единственное раціональное средство, чтобы задержать ростъ Россіи и создать оплотъ противъ этой огромной державы, которая по всей вѣроятности заполонитъ вскорѣ всю Европу. Я не думаю, чтобы мнѣ довелось быть свидѣтелемъ этого,—сказалъ Наполеонъ своему собесѣднику,—но быть можетъ вы до этого доживете; вы еще молоды, вы можете прожить еще лѣтъ тридцать пять“.

„Россія,—продолжалъ онъ,—должна либо пасть, либо усилиться новыми завоеваніями; естественно предположить, что случится послѣднее. Завоевавъ новыя земли, Россія извлечетъ изъ этого двоякаго рода выгоду: она вступитъ на путь цивилизаціи и прогресса, пріобрѣтетъ тотъ лоскъ, который даетъ общеніе съ другими державами, наконецъ, обогатится и вступитъ въ сношенія съ жителями степей, съ которыми она воевала послѣдніе годы. Казаки, калмыки и прочіе варвары, пришедшіе съ русской арміей во Францію и въ другія страны Европы, присмотрѣвшись къ роскоши, будутъ вспоминать въ своихъ пустыняхъ о странахъ, гдѣ они имѣли красивыхъ женщинъ и хорошую пищу; они не только сами не будутъ

Библиотека "Руниверс"

въ состояніи жить долѣе въ своихъ варварскихъ, безплодныхъ степяхъ, но сообщатъ и своимъ сосѣдямъ желаніе завоевать болѣе прекрасныя страны. Весьма вѣроятно, что Александръ будетъ вынужденъ завоевать Индію, чтобы овладѣть ея богатствами и дать своимъ подданнымъ занятіе, дабы предотвратить въ Россіи революцію, или же онъ пойдетъ въ Европу во главѣ нѣсколькихъ сотъ тысячъ конницы и пѣхоты и смететъ все передъ собой. То, что я говорю вамъ, подтверждается исторіей всѣхъ вѣковъ; она учитъ насъ, что варвары, познавъ всю прелесть южно-европейскихъ странъ, устремлялись всегда туда неудержимо, опустошая все по пути и овладѣвая югомъ Европы. Человѣку свойственно стремленіе улучшить свое положеніе; такъ и эти *дикари*, сравнивая свои пустыни съ покинутыми ими прекрасными странами, будутъ стремиться завоевать ихъ, увѣренные въ томъ, что ни одинъ народъ не будетъ въ состояніи отомстить имъ за это и изгнать ихъ изъ ихъ степей. Эти *каналыи* обладаютъ всѣмъ, что нужно, чтобы стать завоевателями. Они храбры, энергичны, легко переносятъ усталость, довольствуются малымъ, бѣдны и не прочь обогатиться. Я думаю однако, что все будетъ зависѣть отъ Польши. Если Александру удастся достигнуть того, что она тѣсно сольется съ Россіей, что поляки примирятся съ русскимъ правительствомъ и не будутъ смотрѣть на себя какъ на покоренную націю, то этимъ будетъ сдѣланъ крупный шагъ къ завоеванію Индіи. Я того мнѣнія, что онъ постарается выполнить тотъ или другой изъ указанныхъ мною плановъ; но скорѣе всего, по моему, послѣдній".

На замѣчаніе, что Россія страна отдаленная, и что у русскихъ нѣтъ средствъ на такое грандіозное предпріятіе: „Разстояніе ничего не значитъ,—возразилъ императоръ,—съѣстные припасы легко перевезти на верблюдахъ; казаки всегда достанутъ ихъ достаточное число. Надежда на завоеваніе прельститъ казаковъ и калмыковъ, и они будутъ готовы сражаться безъ всякаго вознагражденія; если имъ обѣщаютъ дать на разграбленіе нѣсколько городовъ, то тысячи ихъ стянутся подъ знамена царя. Европа,—продолжалъ онъ—и Англія въ особенности, должна бы быть противъ присоединенія Польши къ Россіи.

„Пройдетъ нѣсколько лѣтъ, продолжалъ онъ, и Россія овладѣетъ Константинополемъ, бо́льшею частью Турціи и Греціей. По моему мнѣнію это такъ же несомнѣнно, какъ если бы это былъ совершившійся фактъ. Всѣ любезности, которыя мнѣ расточалъ Александръ, имѣли цѣлью добиться моего согласія на осуществленіе этого плана. Я не хотѣлъ согласиться на это, полагая, что этимъ будетъ нарушено равновѣсіе Европы. Турція, въ силу естественнаго

Библиотека "Руниверс"

хода вещей, должна подпасть подъ власть Россіи. Бо́льшая часть ея населенія состоитъ изъ грековъ,—это тѣ же русскіе. Англія, Франція, Пруссія и Австрія — вотъ державы, которыя имѣютъ право возстать противъ этого. Что касается Австріи, то Россіи не трудно будетъ добиться союза съ нею, отдавъ ей Сербію и другія провинціи, пограничныя съ австрійскими владѣніями, которыя простираются почти до самаго Константинополя. Франція и Англія могли бы заключить тѣсный союзъ съ цѣлью помѣшать осуществленію этого плана, который Россія и Австрія могутъ выполнить во всякое время. Овладѣвъ Константинополемъ, Россія будетъ владѣть всей торговлей Средиземнаго моря, она станетъ великой морской державой, и одному Богу извѣстно, какія послѣдствія это можетъ повлечь за собою.

„Россія изо всѣхъ державъ самая опасная, въ особенности для Англіи. Ея солдаты храбрѣе австрійскихъ, она можетъ набрать ихъ сколько угодно; съ ними можно сравнить однихъ французовъ.

„Я предвижу все это, я дальновиднѣе другихъ. Возстановляя польскій престолъ и возведя на него Понятовскаго, я хотѣлъ противопоставить этимъ варварамъ преграду, но ваши [1]) нелѣпые министры не хотѣли на это согласиться.

„Лѣтъ черезъ сто меня будетъ превозносить Европа, въ особенности Англія пожалѣетъ о томъ, что мой планъ не былъ осуществленъ. Когда Европа станетъ добычею сѣверныхъ варваровъ, скажутъ: Наполеонъ былъ правъ.

„Русскіе начинаютъ съ васъ; они воспретили ввозъ вашихъ товаровъ; Англія приходитъ въ упадокъ. Даже Пруссія отвергаетъ все, исходящее изъ Англіи. Какая ужасная перемѣна! Въ управленіе великаго Чатама англичане запретили самому могущественному монарху Европы плавать по Шельдѣ и вести торговлю близъ Остенде; это былъ варварскій и несправедливый поступокъ, но вы могли это выполнить, ибо это согласовалось съ интересами Англіи. А теперь Пруссія запираетъ передъ вами всѣ порты! Какой позоръ! По моему мнѣнію, единственное спасеніе для Англіи—не вмѣшиваться въ дѣла континента и увести оттуда свои войска. Тогда вы будете въ состояніи отстаивать свои интересы, не боясь, что за это придется расплачиваться вашему войску.

„Вы превосходите всѣхъ на морѣ; ограничивъ свои дѣйствія этой сферой, вы будете всегда могущественны и васъ будутъ боя[illegible]я. На вашей сторонѣ большое преимущество въ томъ, что вы можете объявить войну, когда хотите, и можете вести ее внѣ предѣловъ

[1]) т.-е. англійскіе.

Библиотека "Руниверс"

своего отечества. При помощи своего флота вы можете угрожать побережью непріязненныхъ вамъ державъ, вы можете мѣшать ихъ торговлѣ, они же не въ состояніи причинить вамъ существеннаго ущерба; между тѣмъ дѣйствуя такъ, какъ вы дѣйствуете теперь, вы лишаетесь всѣхъ этихъ преимуществъ. Вы отказались отъ самаго могущественнаго своего орудія и послали свои войска на континентъ, гдѣ ваши силы не могутъ сравняться даже съ баварскими войсками. Вы напоминаете мнѣ Франциска I, у котораго была въ сраженіи подъ Павіей превосходная, сильная артиллерія, но онъ выставилъ передъ нею кавалерію и этимъ замаскировалъ батареи, которыя одержали бы ему побѣду, если бы онъ употребилъ ихъ въ дѣло; онъ понесъ пораженіе, потерялъ все и былъ взятъ въ плѣнъ. Также точно и вы; вы не пользуетесь своими судами, которыя можно сравнить съ батареями Франциска I, и перебрасываете на континентъ сорокъ тысячъ войска, которое Пруссія, или любая держава можетъ разбить на голову".

„Если бы мой походъ въ Россію увѣнчался успѣхомъ, я заставилъ бы Александра присоединиться къ континентальной системѣ и этимъ принудилъ Англію заключить миръ".

На вопросъ, какія условія онъ поставилъ бы Англіи; „очень хорошія, отвѣчалъ Наполеонъ, я бы настоялъ только на томъ, чтобы вы прекратили свои непріязненныя дѣйствія на морѣ".

На вопросъ, оставилъ ли бы онъ Англіи Мальту, онъ отвѣчалъ утвердительно, присовокупивъ, что онъ усталъ воевать, и что онъ сталъ бы дѣйствовать на мирномъ поприщѣ такъ же энергично, какъ и на военномъ; онъ занялся бы украшеніемъ Франціи, улучшеніемъ ея быта, воспитаніемъ сына и составленіемъ исторіи своей жизни.

„По крайней мѣрѣ, замѣтилъ Наполеонъ, союзныя державы не могутъ отнять у меня чести выполненныхъ мною крупныхъ общественныхъ работъ, какъ-то: дорогъ, сооруженныхъ по моему повелѣнію черезъ Альпы, каналовъ, соединившихъ моря. Всѣ нововведенія и усовершенствованія, какія могутъ быть предприняты ими, были начаты мною. Они не могутъ отнять у меня чести составленія свода законовъ, который перейдетъ къ отдаленнѣйшему потомству. Слава Богу, всего этого они у меня не отнимутъ".

Наполеонъ утверждалъ, что послѣ сраженія при Ватерлоо, онъ могъ бы, несмотря на всѣ усилія союзныхъ державъ, удержаться во Франціи, „но мнѣ казалось, что это можно было выполнить не иначе, какъ возведя тысячи людей на эшафотъ; мнѣ пришлось бы потонуть въ крови", сказалъ онъ. „Если бы законодательный корпусъ дѣйствовалъ энергично, я бы восторжествовалъ, но его члены были напуганы; среди нихъ не было единодушія. Враги Франціи восторжествовали

Библиотека "Руниверс"

главнымъ образомъ благодаря Лафайету. Чтобы обезпечить себѣ успѣхъ, мнѣ слѣдовало прибѣгнуть къ самымъ жестокимъ мѣрамъ. Тактика союзниковъ, заявившихъ, что они воюютъ только со мною, произвела сильнѣйшее впечатлѣніе. Если бы оказалось возможнымъ не отдѣлять моего дѣла отъ дѣла народа, то всѣ старанія союзныхъ державъ остались бы безплодны; но они изолировали меня, заявивъ, что съ моимъ устраненіемъ исчезли бы всѣ препятствія, и миръ былъ бы возстановленъ; они разъединили общественное мнѣніе, и я рѣшилъ отречься отъ престола. Если бы французскій народъ угадалъ намѣренія иностранцевъ и ихъ дальнѣйшую тактику, то онъ сплотился бы вокругъ меня. Но французы были застигнуты врасплохъ, какъ ягняты въ баснѣ, которыхъ волки увѣрили, что они воюютъ съ однѣми собаками: какъ только послѣднихъ удалили, они напали на ягнятъ и съѣли ихъ".

„Существуютъ разныя мнѣнія, продолжалъ Наполеонъ, относительно того, какъ мнѣ слѣдовало дѣйствовать. Нѣкоторые высказывали тотъ взглядъ, что я долженъ былъ сражаться до послѣдняго человѣка. Другіе говорили, что такъ какъ счастье измѣнило мнѣ подъ Ватерлоо, то на этомъ должна была окончиться моя боевая карьера. Мнѣ слѣдовало умереть подъ Ватерлоо; быть можетъ даже раньше. Если бы я умеръ въ Москвѣ, за мною утвердилась бы, вѣроятно, слава величайшаго полководца. Но счастье измѣнило мнѣ, и съ тѣхъ поръ меня преслѣдуютъ неудачи; раньше я былъ непобѣдимъ. Въ томъ и бѣда, что смерть не приходитъ тогда, когда ее ищешь. Подлѣ меня, спереди, сзади лежали груды убитыхъ, меня же не задѣла ни одна пуля".

„До похода въ Россію я не испытывалъ пораженія; правда, позднѣе, подъ Люценомъ и Бауценомъ я возстановилъ свою военную славу, хотя моя армія и состояла изъ однихъ новобранцевъ, и у меня почти не было кавалеріи; не омрачилъ мою славу и походъ 1814 г., несмотря на то, что я располагалъ значительно меньшими силами, нежели мои противники".

На замѣчаніе, что всѣ были удивлены, почему онъ не заключилъ мира въ Шатильонѣ, когда его положеніе казалось отчаяннымъ, Наполеонъ отвѣчалъ: „Я не могъ согласиться на то, чтобы границы имперіи были съужены по сравненію съ тѣмъ, когда я вступилъ на престолъ: я поклялся сохранить Францію въ цѣлости. При томъ, союзныя державы дѣлали мнѣ изо дня въ день все болѣе и болѣе непріемлемыя предложенія. Можетъ быть васъ удивитъ то, что я скажу, но увѣряю васъ, что я и теперь не согласился бы подписать подобный договоръ. Если бы мнѣ удалось удержаться на престолѣ по возвращеніи моемъ съ острова Эльбы,

Библиотека "Руниверс"

Франція осталась бы въ тѣхъ, болѣе тѣсныхъ, сравнительно съ прежнимъ, границахъ, въ какихъ она была въ то время, но я никогда не согласился бы добровольно измѣнить ея границъ. Самая большая, самая главная ошибка моя состояла въ томъ, что я не заключилъ мира въ Дрезденѣ. Напрасно я согласился заключить перемиріе; если бы я пошелъ впередъ, какъ это было возможно, то императоръ, мой тесть, никогда не сталъ бы дѣйствовать противъ меня".

Къ этому Наполеонъ присовокупилъ, что, несмотря на оккупацію Парижа союзниками, ему все-таки удалось бы изгнать ихъ съ французской территоріи, но измѣна Мармона разстроила всѣ его планы. Онъ намѣревался проникнуть въ Парижъ подъ покровомъ ночи; чернь должна была напасть на союзниковъ въ занимаемыхъ ими домахъ; когда послѣднимъ пришлось бы сражаться съ войсками, прекрасно знавшими всѣ ходы и выходы, то они были бы вынуждены покинуть городъ, понеся огромныя потери. „Чернь была вполнѣ къ этому подготовлена, а когда иностранцы покинули бы столицу, то народъ возсталъ бы противъ нихъ".

„Я сообщилъ этотъ планъ барону Коллеру, и онъ призналъ, что выполненіе его могло поставить союзныя державы въ печальное положеніе".

На вопросъ, какое время Наполеонъ считаетъ счастливѣйшимъ въ своей жизни, послѣ своего вступленія на престолъ: „Походъ изъ Канны въ Парижъ", отвѣчалъ онъ.

„Когда Кастлери находился въ Шатильонѣ вмѣстѣ съ посланниками союзныхъ державъ, продолжалъ Наполеонъ, этотъ городъ былъ почти окруженъ моими войсками. Кастлери былъ чрезвычайно встревоженъ. Онъ боялся попасть въ мои руки, тѣмъ болѣе, что онъ не былъ аккредитованъ въ качествѣ посланника во Франціи и не былъ облеченъ никакимъ инымъ дипломатическимъ званіемъ, такъ что я могъ бы обойтись съ нимъ, какъ съ врагомъ. Онъ отправился къ Коленкуру, сообщилъ ему свои опасенія и сказалъ, между прочимъ, что я въ правѣ прибѣгнуть по отношенію къ нему къ насильственнымъ мѣрамъ. Онъ не считалъ возможнымъ сдѣлать попытку къ побѣгу, боясь попасть въ руки моихъ солдатъ. Коленкуръ на это отвѣтилъ, что онъ не думаетъ, чтобы я обратилъ на него вниманіе, хотя онъ конечно не можетъ предугадать, какъ я поступлю относительно его.

„Вскорѣ послѣ этого разговора, Коленкуръ сообщилъ мнѣ письменно то, что сказалъ ему Кастлери, и что онъ ему отвѣтилъ. Я велѣлъ передать этому лорду, чтобы онъ не тревожился и остался на мѣстѣ, что я смотрю на него какъ на посланника".

Библиотека "Руниверс"

О'Меара рѣшился высказать свое удивленіе по поводу того, что Марія-Луиза не сдѣлала, повидимому, ничего въ пользу своего мужа.

„Мнѣ кажется, отвѣчалъ на это Наполеонъ, что Марію-Луизу такъ обошли, что ея воля была парализована. Моя добрая Луиза всегда держала себя относительно меня прекрасно, и я увѣренъ, что не въ ея власти чѣмъ-либо было помочь мнѣ. Къ тому же она молода и робка. Мое несчастье быть можетъ въ томъ, что я не женился на сестрѣ Императора Александра, какъ онъ предлагалъ мнѣ въ Эрфуртѣ. Но осуществленію этого брака мѣшали непреодолимыя затрудненія, заключавшіяся въ различіи вѣры. Я не могъ помириться съ мыслію, что духовникомъ моей жены будетъ русскій священникъ, а это было бы неизбѣжно; мнѣ казалось, что я этимъ введу въ Тюильрійскій дворецъ преданнаго Александру шпіона. Говорили, будто вступленіе мое въ бракъ съ Маріей-Луизой было обусловлено секретной статьею Вѣнскаго договора; это ложь. Я бы не согласился на подобное условіе. Этотъ бракъ былъ предложенъ самимъ императоромъ Францомъ. Какъ только стало извѣстно, что интересы Франціи побудили меня расторгнуть мой союзъ, самые первые монархи Европы выразили желаніе породниться со мною. Австрійскій императоръ, узнавъ объ этомъ, тотчасъ послалъ за Нарбономъ и выразилъ ему свое удивленіе по поводу того, что не подумали о его домѣ: тогда обсуждался вопросъ о бракѣ съ русской или саксонской принцессой. Вѣнскій кабинетъ послалъ инструкціи князю Шварценбергу, посланнику въ Парижѣ. Одновременно были получены отъ русскаго посланника депеши, въ коихъ говорилось, что Императоръ Александръ предлагаетъ свою сестру, Великую Княжну Анну. Но тутъ возникли затрудненія относительно православной церкви, которую предполагалось соорудить для нее въ Тюильри. По этому поводу состоялось секретное засѣданіе Совѣта, и вопросъ о моемъ бракѣ съ Маріей-Луизой былъ рѣшенъ въ двадцать четыре часа; это могутъ подтвердить находящіеся еще въ живыхъ многіе изъ членовъ совѣта.

„Многіе изъ нихъ были того мнѣнія, что мнѣ слѣдовало жениться на француженкѣ, и аргументы въ пользу этого мнѣнія были настолько убѣдительны, что былъ моментъ, когда я едва съ этимъ не согласился, но большинство голосовъ высказалось все-таки за австрійскую принцессу. Тогда я уполномочилъ принца Евгенія начать переговоры съ княземъ Шварценбергомъ. Императоръ Александръ былъ недоволенъ, полагая, что его провели, ведя переговоры одновременно въ двухъ мѣстахъ. Но это не вѣрно".

„До полученія мною депеши отъ Нарбонна, въ которой онъ со-

Библиотека "Руниверс"

общалъ о намекѣ, сдѣланномъ ему по поводу этого брака Меттернихомъ, никто о немъ не думалъ".

„Изъ всѣхъ бывшихъ въ мое время французскихъ посланниковъ я считаю Нарбонна самымъ достойнымъ. Онъ былъ уменъ отъ природы и обладалъ характеромъ прямымъ и справедливымъ. Пока онъ былъ въ Вѣнѣ, Меттерниху ни разу не удалось провести Францію, какъ въ прежнее время: онъ умѣлъ въ нѣсколько дней проникнуть его планы. Если бы, въ 1812 году, подобный человѣкъ былъ посланъ къ русскому императору, весьма возможно, что намъ удалось бы заключить миръ; Александръ требовалъ Данцигъ и вознагражденіе для герцога Ольденбургскаго. Румянцевъ убѣдилъ Государя, что я готовъ на всякія жертвы, чтобы добиться мира, и что моментъ благопріятенъ для того, чтобы выступить съ требованіями. Послѣ первыхъ побѣдъ, одержанныхъ моими войсками, Александръ прислалъ ко мнѣ парламентера сказать, что если я выведу свои войска изъ его владѣній и отступлю къ Нѣману, то онъ согласится вести со мною переговоры. Я не повѣрилъ, чтобы онъ говорилъ это чистосердечно, и подумалъ даже, что, дѣлая мнѣ это предложеніе, онъ хочетъ провести меня. Если бы онъ его возобновилъ, и если бы мы могли переговорить лично въ Вильно, то все вѣроятно уладилось бы.

„Когда я былъ въ Шенбруннѣ, въ моей власти было низложить короля прусскаго и императора австрійскаго (подлинныя слова Наполеона). Великій князь*** не разъ давалъ мнѣ понять, что единственнымъ средствомъ обезпечить преданность австрійцевъ было свергнуть Франца II съ престола и предоставить корону ему и т. д. Онъ повторилъ это предложеніе черезъ посредство одного тайнаго агента, и въ знакъ своей преданности предложилъ мнѣ дать въ заложники своего сына, котораго я могъ взять въ адъютанты; онъ предлагалъ мнѣ и всякія другія гарантіи. Я обдумывалъ этотъ вопросъ, но мой бракъ съ Маріей-Луизой положилъ конецъ моимъ колебаніямъ. Жаль, что я не осуществилъ тотъ планъ, который выполнить было бы не трудно; стоило лишь захотѣть".

„Императоръ Францъ придаетъ большое значеніе древности рода; и ему очень хотѣлось доказать, что я происхожу по прямой линіи отъ одного изъ древнихъ тирановъ Травизы; послѣ моего брака съ Маріей-Луизой онъ поручилъ нѣкоторымъ лицамъ изучить старинные дворянскіе документы и грамоты, въ которыхъ онъ надѣялся найти доказательство того, чего онъ такъ страстно желалъ. Когда его старанія увѣнчались, какъ ему казалось, успѣхомъ, онъ написалъ мнѣ, прося моего разрѣшенія, опубликовать результатъ этихъ розысковъ, подтвержденный оффиціально. Я отказался. Во-

Библиотека "Руниверс"

просъ этотъ такъ интересовалъ его, что онъ вторично писалъ мнѣ; прося *предоставить ему сдѣлать это* самому, присовокупивъ, что я могу сдѣлать видъ, будто я не принималъ въ этомъ дѣлѣ никакого участія.

„На это я отвѣчалъ, что никто не повѣритъ, чтобы документъ, свидѣтельствующій о древности моего рода и о происхожденіи его по мужской линіи отъ царской крови, могъ быть отысканъ и обнародованъ безъ моего вѣдома; и что я предпочитаю считаться сыномъ честнаго человѣка, нежели праправнукомъ неизвѣстнаго италіанскаго тиранна".

Говоря о томъ, что было причиною его гибели, Наполеонъ сказалъ: „Если бы не роковое перемиріе, которое я былъ вынужденъ заключить въ 1813 г., по настоянію Австріи, то я одержалъ бы дальнѣйшій рядъ побѣдъ. Побѣды, одержанныя при Люценѣ и Вюрценѣ, придали французской арміи увѣренность въ себѣ.

„Русская и прусская арміи готовились перейти Вислу въ то время, какъ австрійскій кабинетъ со свойственной ему ловкостью настоялъ на томъ, чтобы непріязненныя дѣйствія были пріостановлены въ тотъ именно моментъ, когда онъ уже вошелъ въ соглашеніе съ Россіей и Пруссіей. Перемиріе было только уловкой, чтобы выиграть время и сдѣлать нужныя приготовленія; ибо эта держава рѣшила въ маѣ мѣсяцѣ выступить противъ Франціи. Мои побѣды заставили ее дѣйствовать съ большей осмотрительностью. Ей было необходимо выиграть время, и въ Прагѣ были начаты переговоры; Меттернихъ настаивалъ на томъ, чтобы Австрія получила половину Италіи, и предложилъ другія тяжелыя условія, будучи увѣренъ въ томъ, что они будутъ отвергнуты. Какъ только Австрія сосредоточила свои войска, она объявила Франціи войну. Послѣ побѣды подъ Дрезденомъ, у меня оказаались болѣе превосходныя силы, и я хотѣлъ обмануть ихъ, совершивъ диверсію въ сторону Магдебурга, перейти Эльбу у Виттенберга и идти на Берлинъ. Нѣсколько дивизій моей арміи были заняты выполненіемъ этого маневра, когда мнѣ передали отъ имени короля Виртембергскаго письмо, коимъ онъ извѣщалъ меня, что баварская армія присоединилась къ австрійцамъ, и что ихъ восьмидесяти тысячное войско идетъ къ Рейну, подъ командою Вреде; что самъ Вреде, вынужденный къ тому присутствіемъ этой арміи, сосредоточилъ свои силы, и что Майнцъ будетъ скоро занятъ стотысячной арміей.

„Эта неожиданная измѣна совершенно разрушила составленный мною планъ кампаніи, и всѣ приготовленія, сдѣланныя мною для того, чтобы локализировать театръ военныхъ дѣйствій между Эльбой и Одеромъ, оказались безполезны.

Библиотека "Руниверс"

„Позднѣе подъ Лейпцигомъ, я одержалъ 16-го числа (октября) побѣду; побѣда была бы на моей сторонѣ и 18 числа, если бы вся саксонская армія, занимавшая одну изъ важнѣйшихъ позицій, не перешла на сторону непріятеля съ 60 орудіями, которыя тотчасъ обратили свои дула противъ меня. Несмотря на это, поле битвы осталось за мной; союзники совершили въ тотъ же день попятное движеніе. Ночью я далъ войскамъ приказаніе отступить къ нашимъ резервнымъ корпусамъ за Эльстеръ. Измѣна нѣкоторыхъ другихъ нѣмецкихъ корпусовъ и случай, происшедшій у Лейпцигскаго моста, который былъ взорванъ слишкомъ рано, имѣли самыя пагубныя послѣдствія. Перейдя Саалу, армія должна была остановиться, чтобы оправиться отъ утомленія и запастись въ Эрфуртѣ военными и съѣстными припасами. Но мнѣ донесли, что австро-баварская армія, подъ командою фонъ-Вреде, подошла форсированнымъ маршемъ къ Майну, куда мнѣ и надлежало двинуть свои силы. Въ Ганау фонъ-Вреде былъ оттѣсненъ со своей позиціи, разбитъ на-голову и раненъ.

Затѣмъ состоялись конференціи во Франкфуртѣ; условіемъ мирнаго договора было поставлено, что я откажусь отъ протектората надъ Рейнскимъ союзомъ, отъ Польши и отъ пріэльбскихъ провинцій, и что границею Франціи будутъ Рейнъ и Альпы. Эти условія были положены въ основу переговоровъ. Но этотъ конгрессъ былъ такъ же безплоденъ, какъ и остальные, ибо въ тотъ моментъ, когда дѣлались эти миролюбивыя предложенія, союзники нарушили нейтралитетъ Швейцаріи, куда они вступили съ значительными силами. Затѣмъ ими былъ предъявленъ въ Шатильонѣ *ультиматумъ*, съ требованіемъ, чтобы границы Франціи были сохранены тѣ же, какъ въ 1792 году; это было мною отвергнуто. Не будь послѣдовательныхъ измѣнъ Талейрана, Мармонта и Ожеро, войска союзниковъ потерпѣли бы пораженіе“.

Сообщ. В. Тимощукъ.

Библиотека "Руниверс"

Самодержавіе Царевны Софьи Алексѣевны, по неизданнымъ документамъ.

(Изъ переписки, возбужденной графомъ Панинымъ).

Въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ въ дѣлахъ Посольскаго приказа подъ рубрикой „Дѣла входящія и исходящія 1766—л. 60, № 22“, находится интересный документъ. Онъ заключаетъ въ себѣ: письмо графа Никиты Ивановича Панина къ Михаилу Григорьевичу Собакину [1]) о розысканіи документовъ, касающихся правленія Царевны Софьи Алексѣевны, и отвѣтъ архива съ приложеніемъ требуемыхъ документовъ. Панинъ требуетъ отъ Собакина отвѣта на цѣлый рядъ запросовъ относительно правленія Царевны Софьи Алексѣевны и скорѣйшей присылки ряда документовъ, опредѣляющихъ значеніе и размѣры царственной власти. Панинъ помѣтилъ свое письмо 3-мъ апрѣля 1766 г., а 8-мъ мая отмѣчены отвѣтныя бумаги изъ архива. Очевидно, что къ розыску приступили весьма энергично. Повидимому, Панина интересовало, когда и при какихъ условіяхъ соправительство Софьи Алексѣевны съ братьями было установлено, и была ли она вполнѣ самостоятельной въ своихъ дѣйствіяхъ. Ему тоже было важно знать, какъ съ внѣшней стороны была обставлена власть Царевны, какъ она титуловалась, и существуютъ ли граматы отъ ея имени. Данное

---

[1]) Начальнику Московской конторы коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Директоромъ архива коллегіи въ 1766 г. былъ назначенъ исторіографъ Миллеръ, а его помощниками Бантышъ-Каменскій и Соколовскій. Архивъ коллегіи иностран. дѣлъ бывшій архивъ Посольскаго приказа. См. Иконниковъ. Очеркъ русской исторіографіи, томъ 1.

Библиотека "Руниверс"

письмо Панина, а въ частности пункты, имъ намѣченные, весьма любопытны. Интересъ Панина къ оффиціальной сторонѣ положенія Царевны-правительницы приводитъ на память толки объ отношеніяхъ Панина къ самодержавію Екатерины II и къ положенію ея сына Павла Петровича. По донесеніямъ иностранныхъ дипломатовъ графа Сольмса, Беранже, Реберта Гуннинга и другихъ [1]) (нѣкоторые изъ нихъ были очевидцами дворцоваго переворота 1762 г.), Панинъ стоялъ во главѣ партіи, желавшей возвести на престолъ Павла Петровича, а Екатерину провозгласить регентшею только до совершеннолѣтія сына. Екатерина по свидѣтельству иностранцевъ знала о намѣреніи Панина, и графъ Мерси въ 1763 г. доносилъ своему правительству, что Императрица ненавидитъ Панина, хотя и предоставляетъ ему большое вліяніе на дѣла. Графъ Сольмсъ и лордъ Букингамъ [2]) въ маѣ 1763 г. говорили только о нѣкоторомъ охлажденіи между Императрицею и Панинымъ. Дѣйствительно послѣ дворцоваго переворота 1762 г. ходили слухи въ русскомъ обществѣ, что Панинъ желаетъ возвести на престолъ своего воспитанника, и съ его именемъ связываются заговоры въ пользу Павла Петровича 60-хъ и 70-хъ годовъ (1762—1763, 1773—1774 г.). Конечно на основаніи всѣхъ этихъ извѣстій нельзя выводить заключенія объ участіи Панина въ заговорахъ противъ Императрицы, тѣмъ болѣе, что сама Екатерина не придавала этимъ слухамъ никакого значенія, хотя для нея не было тайной, что Панинъ хотѣлъ видѣть на престолѣ Павла [3]). Но тѣмъ не менѣе съ донесеніями иностранцевъ считаются историки при оцѣнкѣ личности Панина. Одни изъ нихъ склонны вѣрить иностранцамъ, другіе нѣтъ.

Дѣйствительно многіе эпизоды изъ дѣятельности Панина какъ бы подтверждаютъ свидѣтельства иностранцевъ. Такъ въ извѣстномъ проектѣ объ учрежденіи императорскаго совѣта ясно проглядываетъ стремленіе Панина ограничить власть Екатерины. Въ докладѣ, которымъ сопровождался проектъ Панина, сказано: „Государь никакъ инако власть въ полезное дѣйствіе произвести не можетъ, какъ разумнымъ ея раздѣленіемъ между нѣкоторымъ *малымъ* числомъ избранныхъ къ тому единственно персонъ“. Екатерина, какъ извѣстно, не одобрила проекта и отвергла его.

Въ виду неясности и малочисленности источниковъ по данному вопросу приводимое ниже письмо можетъ служить новымъ указа-

---

[1]) Сборникъ русскаго историческаго Общества. Томъ 22, стр. 247. Томъ 19, стр. 297. Бильбасовъ. Томъ 2-ой, стр. 559.

[2]) Сборникъ русскаго историческаго Общества. Томъ 12, стр. 99.

[3]) Бильбасовъ. Томъ II, стр. 510. Письмо Екатерины къ Понятовскому.

Библиотека "Руниверс"

ніемъ, что Панинъ не прочь былъ, воспользовавшись историческимъ примѣромъ правленія царевны Софьи, возвести на престолъ Павла Петровича, а Екатеринѣ предоставить только регентство до совершеннолѣтія сына. Свои запросы въ архивѣ Панинъ сдѣлалъ въ апрѣлѣ 1766 г. Весьма возможно, что Панинъ имѣлъ основаніе торопиться съ осуществленіемъ своихъ плановъ. 14-го декабря того же 1766 г. Екатерина II издала манифестъ о созывѣ земскихъ людей. Имѣя въ виду, что въ слѣдующемъ 1767 г. выборные должны будутъ собраться, Панинъ могъ разсчитывать съ помощью земскихъ людей измѣнить форму правленія, объявивъ Павла Петровича, совершеннолѣтіе котораго было не за горами, императоромъ, а Екатерину регентшею. Панинъ могъ думать, что земскіе люди, въ большинствѣ случаевъ дворяне, согласятся провозгласить императоромъ Павла, если имъ будетъ обѣщано ограниченіе царской власти. Роль верховниковъ и дворянства при вступленіи на престолъ Анны Іоанновны еще не была забыта. Результатовъ дѣятельности комиссіи Панинъ въ то время не могъ предвидѣть. Но все это, конечно, очень гадательно.

На нижеслѣдующее письмо графа Панина о розысканіи документовъ, касающихся правленія царевны Софьи Алексѣевны, послѣдовалъ отвѣтъ Собакина въ двухъ письмахъ [1]) отъ 13-го апрѣля и 8-го мая 1766 г. съ приложеніемъ требуемыхъ документовъ.

Изъ этихъ писемъ видно, что Собакинъ съ большимъ рвеніемъ принялся за розыски документа, который бы послужилъ непремѣннымъ свидѣтельствомъ самодержавія царевны Софьи. Не найдя его въ архивѣ, Собакинъ обращается къ печатнымъ источникамъ и по интересующему его вопросу находитъ двѣ книги—неизвѣстнаго автора [2]) и сочиненіе графа Андрея Артемоновича Матвѣева. Хотя обѣ эти книги, по словамъ Собакина, и не заслуживаютъ довѣрія („точно неизвѣстно кѣмъ и справедливо ли писаны"), однако Собакину удалось отыскать въ частномъ домѣ червонецъ (съ портретомъ царевны), о которомъ упоминаетъ Матвѣевъ въ своей книгѣ. Сообщая объ этомъ Панину, Собакинъ какъ будто хочетъ сказать, что самый фактъ находки червонца даетъ основаніе съ большимъ довѣріемъ отнестись и къ остальнымъ сообщеніямъ Матвѣева. Въ обѣихъ упомянутыхъ книгахъ Собакинъ не нашелъ оффиціальнаго постановленія о соцарствованіи Софьи Алексѣевны съ братьями и

---

[1]) Находятся въ СПБ. Государственномъ Главномъ Архивѣ въ дѣлѣ „о титулахъ царевны" и въ „извѣстіяхъ о ея соцарствованіи съ братьями".

[2]) Пріобрѣтенная архивомъ отъ Мусина-Пушкина.

Библиотека "Руниверс"

выводитъ заключеніе, что этого постановленія и вовсе не было. Во всякомъ случаѣ Собакинъ считаетъ несомнѣннымъ фактомъ соцарствованіе Софьи Алексѣевны, по найденнымъ документамъ устанавливаетъ число лѣтъ ея самодержавнаго правленія и моментъ его прекращенія. Онъ отмѣчаетъ только, что установленіе объ ея соцарствованіи было сдѣлано домашнимъ частнымъ распоряженіемъ и въ полную силу вводилось исподволь.

При письмахъ Собакина (СПБ. Государ. Главн. Архивъ) и при письмѣ Панина (Московскій Главн. Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ) приложены выписки, сдѣланныя архиваріусами—современниками Панина, изъ книгъ мастерской и оружейной конторъ [1]).

Эти выписки и заключаютъ въ себѣ требуемыя справки съ приложеніемъ нѣкоторыхъ документовъ, какъ-то: статейныхъ списковъ, граматъ, указовъ и даже рисунка монеты.

Отвѣтъ архива и устанавливаетъ: какъ царевна титуловалась и какое значеніе имѣла во внутреннемъ управленіи и во внѣшней политикѣ. Указано постепенное усиленіе ея власти и время, когда имя царевны стало появляться въ грамотахъ на-ряду съ именами царей, перечислено, въ какихъ дѣлахъ имя царевны никогда не ставилось рядомъ съ царскими именами, представлено описаніе аудіенцій, которыя царевна давала иностраннымъ посламъ (отдѣльно отъ братьевъ), при чемъ указано на ихъ публичный характеръ. При письмѣ Собакина были приложены не только копіи съ государственныхъ граматъ и указовъ, но даже и подлинные документы [2]): подлинная пропускная грамата отъ имени однихъ только царей Іоанна и Петра Великаго посламъ во Францію князю Долгорукову съ товарищами (1687 г.), подлинная грамата отъ имени царей и царевны къ запорожскому кошевому атаману Ѳедору Ивановичу съ похвалой за присылку взятыхъ подъ Казыкерменомъ 2-хъ турокъ (1687 г.); подлинная челобитная Кіевскаго митрополита Гедеона о выдачѣ жалованья Софійскому монастырю (1687 г.). Подлинники, вѣроятно, были посланы Собакинымъ графу Панину съ той цѣлью, чтобы наглядно ему показать, когда имя царевны стояло на-ряду съ именами царей, и въ какихъ дѣлахъ оно не упоминалось; въ дѣлахъ, касающихся внутренняго правленія—въ грамотахъ и челобитныхъ Софья титулуется Великой Государыней, Благовѣрной Царевной и Великой Княжной, и имя ея постоянно упоминается

[1]) Въ Московск. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ при письмѣ Панина приложенъ реестръ посланныхъ дѣлъ и выписка изъ статейнаго списка о пріемѣ пословъ, а самыя дѣла—подлинныя грамоты и копіи съ нихъ находятся при письмѣ Собакина въ СПБ. Госуд. Главн. Архивѣ.

[2]) Печатаются ниже.

Библиотека "Руниверс"

рядомъ съ именами царей, какъ равное имъ. („Великихъ государей и великіе государыни благовѣрные царевны и великіе княжны Софьи Алексѣевны всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцевъ)". Въ челобитной же Гедеона о царевнѣ упоминается, какъ о совокупно соцарствующей съ братьями. („Божіею милостью пресвѣтлымъ благочестивымъ Государемъ Царемъ и Великимъ Княземъ Іоану Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу и пресвѣтлой благочестивой соцарствующей купно Государынѣ: Царевнѣ и Великой Княжнѣ Софіи Алексѣевнѣ всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцевъ)".

Въ граматахъ проѣзжихъ въ чужія государства, какъ видно изъ документовъ, писались только имена царей.

Изъ всѣхъ присланныхъ документовъ заслуживаетъ вниманія описаніе аудіенцій. Если аудіенціи пословъ у Софьи Алексѣевны сопоставить съ пріемами московскихъ царей, то мы увидимъ, что онѣ носятъ одинаковый характеръ. Царевна принимала пословъ въ креслахъ, оправленныхъ алмазами, въ царскомъ одѣяніи (въ вѣнцѣ, низанномъ жемчугомъ и въ парчевой собольей шубѣ). Этикетъ пріема ничѣмъ не отличался отъ царскаго, и послы въ своихъ рѣчахъ величали Софью „Величествомъ"; воздавая правительницѣ царскія почести, подносили ей подарки.

Обращаетъ на себя вниманіе и рисунокъ монеты времени Царевны Софьи съ портретомъ на одной сторонѣ Царей, а на другой Царевны. Относительно прекращенія правленія Царевны Софьи точныхъ извѣстій въ архивѣ не сохранилось. Время же паденія Царевны опредѣлялось тѣмъ годомъ, когда имя ея исчезло изъ граматъ.

Когда Панинъ познакомился съ содержаніемъ документовъ, присланныхъ Собакинымъ, онъ долженъ былъ убѣдиться, что Царевна, несмотря на свое званіе правительницы, стремилась къ царской власти, пользовалась ею и, чтобы лишить ее этой власти, потребовался государственный переворотъ.

Письмо графа Н. И. Панина М. Г. Собакину.

(Москов. Гл. Арх. Мин. Вн. Дѣлъ. Входящія и исходящія дѣла 1766 г.).

л. 60. № 22. Государь мой
Михайла Григорьевичъ.

Какъ Ваше Превосходительство о Московскомъ Коллежскомъ Архивѣ и о всѣхъ находящихся въ оныхъ древностяхъ подробное свѣдѣніе имѣете, то я Васъ потому прошу приказать отыскать въ

Библиотека "Руниверс"

старинныхъ дѣлахъ, какимъ образомъ титуловалась царевна Софія Алексѣевна, когда она была соправительницею при царяхъ Іоаннѣ и Петрѣ Алексѣевичахъ, и естьли сыщутся какія грамоты или записи, которыя именемъ оной царевны писаны были, особливо же не можно ли сыскать какого постановленія оригинальнаго о ея соправительствѣ, то всѣ оныя піесы съ потребнымъ извѣстіемъ благоволите въ оригиналахъ ко мнѣ прислать, чего я тѣмъ скорѣе ожидать буду, что потребно все то для Высочайшаго Ея Императорскаго Величества извѣстія.

Я есмь съ особливымъ почтеніемъ
Вашего Превосходительства
покорно-вѣрный слуга Н. Панинъ.

С.-Петербургъ
апрѣля 3 дня
1766 г.

P. S. Равно же желательно здѣсь вѣдать время и форма, когда и какъ соправительство царевны Софьи установлено было, прежде съ царемъ Іоанномъ Алексѣевичемъ однемъ, а потомъ обще съ Петромъ Великимъ, почему и акты обьясняющіе сіи два эпока прошу прислать.

л. 61. № 22. Какимъ образомъ тутуловалась царевна, когда она была соправительницею при царяхъ Іоаннѣ Алексѣевичѣ и Петрѣ Алексѣевичѣ, и если сыщутся какія грамоты или записи, которыя именемъ оной царевны писаны были, особливо не можно ли сыскать какова постановленія оригинальнаго о ея соправительствѣ, равнымъ образомъ когда и какъ соправительство царевны Софіи Алексѣевны установлено было, почему и акты обьясняющіе сіи два эпока прислать.

Апрѣля 13 дня 1766 г.

Отвѣтъ подъ №№ 23 и 32.

Отвѣтъ М. Г. Собакина графу Н. И. Панину.

Письмо Михаила Григорьевича Собакина къ графу Никитѣ Ивановичу Панину отъ 13 апрѣля 1766 г.

Милостивый Государь Никита Ивановичъ. По приказанію вашего высокопревосходительства чрезъ высокопочтенное ваше письмо отъ 3-го сего апреля которое я здѣсь вчера в'вечеру получилъ о титулахъ царевны Софіи Алексѣевны, что здѣсь в'архивѣ нашлось оное прилагается присемъ сросписью. Постановленія оригинальнаго о ея соправительствѣ здѣсь не отыскалось по годамъ какія отправленія въ то время были изъ отпусковъ только видимо, что сперва былъ царь Петръ Алексѣевичъ самое краткое время одинъ, потомъ

Библиотека "Руниверс"

царь Іоаннъ Алексѣевичъ и царь Петръ Алексѣевичъ были оба вмѣстѣ, а нѣсколько спустя начали съ ними вообще писать титулъ и царевны Софіи Алексѣевны, я еще изъ мастерской конторы выписалъ о томъ же из'записныхъ книгъ, что также особливо прилагается, касательныя до сего дѣла акты должны быть больше въ разрядномъ архивѣ, въ которомъ и дѣла палатныя внутренняго правительства всегда были.

Я поручая меня в'высокую вашего высокопревосходительства милость с'глубочайшимъ и должнымъ усерднѣйшимъ почитаніемъ пребываю.

Милостивый Государь
вашего высокопревосходительства нижайшій и покорнѣйшій слуга
Михайла Собакинъ.

В'Москвѣ
13-го апрѣля
1766 г.

Письмо М. Г. Собакина графу Панину отъ 8-го мая.

Милостивый Государь
Никита Ивановичъ

вслѣдствие приказания вашего высокопревосходительства, о отысканіи не было ли какова постановления о соцарствованіи царемъ Іоаннѣ, и Петру Алексѣевичамъ царевны Софіи Алексѣевны; здѣсь въ архивскихъ писмахъ прилежно еще писать я старался что принадлежащаго къ сему дѣлу отыскано посылается присемъ скраткимъ означениемъ упоминается в книге о бунтахъ, (которая происходитъ сочинениемъ подъ имянемъ покойнаго графа Андрея Артемоновича Матвѣева) что царевна, подву лѣтахъ правления своего приказала імя свое вовсякихъ писать дѣлахъ, внигахъ печатать инапокетахъ изображать лице свое обще съ царями, такой книги въ архивѣ нѣтъ но я сыскалъ оную въ партикулярномъ домѣ, въ другой книге вшедшей въ архивъ изъ дому Мусина Пушкина упоминается что князь Василей Васильевичъ Голицынъ описаній імяни царевнина изъ посолского приказу посылалъ память врозрадъ, и хотя обѣ тѣ книги настоящимъ увѣрениемъ служить не могутъ, будучи точно неізвѣстны кемъ: и справедливо ли писаны однако по первой манета золотая съ лицами царей и на оборотѣ царевиннымъ въ партикулярномъ же домѣ сыскалась, а по второй книге посланной вразрядъ памяти со всѣмъ приложеннымъ трудомъ не нашлось, изъ всего однако видно что торжественнаго постановления о соцарствованіи царевны не было, и приступила она къ тому входя от времяни до времяни по малу, ежели и

Библиотека "Руниверс"

подлинно память о писаніи въ дѣлахъ имяни царевнина врозрядъ послана была, то она также не постановленіемъ торжественнымъ какимъ а единственно, подъ повелѣніемъ Государей или Ея Царевнинымъ описаніи імяни Ея врозрядъ вошла, почему и писать стали соправления Царевнина было сколко изъ дѣлъ видно слишкомъ семъ лѣтъ и окончилось оное послѣ троецкаго походу, въ то время оба Цари Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи уже въ супружествѣ были.

И препоручая меня въ высокую вашу милость пребываю съ должнымъ глубочайшимъ почитаніемъ Милостивый Государь вашего высокопревосходительства нижайшій и покорнѣйшій слуга

Михайла Собакинъ

въ Москвѣ 8 Маіа
1766.

Выписки изъ дѣлъ Московскаго Архива, приложенныя М. Г. Собакинымъ.

Царь Федоръ Алексѣевичъ скончался 7190/1682 апрѣля 27 дня, того же времяни возведенъ на престолъ царь Петръ Алексѣевичъ одинъ, что видимо изъ докладовъ о посылкѣ заготовленыхъ грамотъ объявительныхъ въ окрестныя государства и выписки гонцамъ куда кому ѣхать. (Здѣсь выписать съ числами), а потомъ—дня маія того жъ года писано отъ именъ обоихъ царей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича и грамоты посланы именами обоихъ.

Коронація обоихъ Государей была 7190/1682 г. іюня 25.

Скончался царь Іоаннъ Алексѣевичъ 7188/1696 генваря 29.

Во внутреннихъ дѣлахъ писывались въ указахъ, докладахъ и челобитныхъ имена царей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича и царевны Софіи Алексѣевны тако: *выписать.*

Жалованныя грамоты на вотчины даваны имянами царей и царевны и на червонныхъ были, сказываютъ лица двухъ царей и царевны.

Въ грамотахъ же къ окреснымъ государямъ и въ проѣзжихъ грамотахъ въ чужія государства писали имена царей Іоанна Алексѣевича, и Петра Алексѣевича одни, а царевнино имя не писано.

На аудіенціяхъ посламъ на мѣстѣ сидѣли цари одни рядомъ, и то мѣсто ихъ находится и нынѣ въ Мастерской Палатѣ, взади мѣста царя Петра Алексѣевича сдѣлано окно, гдѣ, сказываютъ царевна стаивала и слушала, что говорено было, и то окно снаружи закрыто тою жъ парчею, чѣмъ внутри мѣсто выбито было.

Означить титулъ весь книги, въ которой писано о кончинѣ царя Ѳеодора Алексѣевича, вступленіи на престолъ царей Іоанна и Петра Алексѣевичей и соцарствованіи царевны Софіи Алексѣевны.

Библиотека "Руниверс"

№ 23. л. 64—68. По полученному отъ его высокопревосходительства Никиты Ивановича Панина къ его превосходительству Михайлѣ Григорьевичу Собакину письму учинена сія выписка.

Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ въ Московскомъ Архивѣ по пріискамъ оказалось.

Что по кончинѣ государя царя Ѳеодора Алексѣевича 7190/1682 г. апрѣля 27 дня, того жъ времени возведенъ на престолъ государь царь Петръ Алексѣевичъ одинъ, что видимо изъ заготовленныхъ докладовъ въ окрестныя государства объявительныхъ грамотъ, какъ о кончинѣ государя царя Феодора Алексѣевича, такъ и о его царскаго величества государствованіи, кои доклады по указу великаго государя маія въ 9 день того жъ года бояры выслушавъ приговорили послать съ означенными грамотами:

Къ цесарю Римскому, къ королю Польскому, къ королю Дацкому, къ королю Шведскому, къ Персидскому шаху, къ королю Англинскому, къ Брандебургскому курфирсту, къ Галанскимъ статамъ и къ Оранскому князю.

Однако оныя грамоты не посланы.

Видимо еще изъ челобитенъ и указовъ, писанныхъ на имя одного государя царя Петра Алексѣевича, изъ коихъ по одной піесѣ при семъ прилагается въ оригиналѣ подъ литер. A. и B.

А съ 28 маія того жъ года писано отъ именъ обоихъ государей царей Іоанна Алексѣевича, и Петра Алексѣевича, и какъ въ указахъ по внутреннимъ дѣламъ, такъ и въ грамотахъ, посланныхъ въ другія государства.

Коронованы оба государи 7190/1682 года іюня 25-го.

А когда и какимъ образомъ царевна Софія Алексѣевна вступила въ правительство Россійскаго государства, о томъ упоминается въ записной книгѣ подъ № 18, которая послана изъ Архива при репортѣ въ Коллегію 25 марта 1762 г.

Въ 7192/1684 году находится, что при слушаніи по внутреннимъ дѣламъ докладныхъ выписокъ присутствовала обще съ великими государи и царевна Софія Алексѣевна, какъ то видно изъ приложенія подъ литер. C.

А съ 7193/1685 года съ іюня мѣсяца по внутреннимъ дѣламъ въ указахъ, докладахъ, челобитныхъ, въ жалованныхъ и въ другихъ грамотахъ, изъ которыхъ при семъ нѣкоторыя прилагаются въ оригиналахъ подъ литерами D. E. F. G. H.

Писаны были титулы слѣдующимъ образомъ:

По указу великихъ государей царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича и великіе государыни благо-

Библиотека "Руниверс"

вѣрные царевны и великіе княжны Софіи Алексѣевны, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцевъ.

Что жъ касается до грамотъ къ окрестнымъ государямъ и до проѣзжихъ въ чужія государства грамотъ же, то оныя писаны на имена однихъ только государей царей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича, а царевны имя въ оныхъ упоминаемо не было, какъ явствуетъ въ приложенной при семъ піесѣ въ оригиналѣ подъ лит. І.

Таково изъясненіе за скрѣпою секретаря Щукина отправлено къ его превосходительству, тайному совѣтнику Никитѣ Ивановичу Панину при письмѣ его превосходительства господина дѣйствительнаго статскаго совѣтника Михаила Григорьевича Собакина апрѣля 13 дня 1766 года и при томъ 9 приложеній подъ литерами съ реэстромъ.

Реэстръ приложеннымъ піесамъ.

Лит. А. 190-го года маія 12 дня.

Челобитная государю царю Петру Алексѣевичу отъ Нижегородскаго земскаго старосты Савки Спиридонова о возвращеніи въ посадъ выбылыхъ людей.

В. 7190 маія 12.

Концептъ отъ государя царя Петра Алексѣевича къ воеводѣ Нижегородскому Ѳедору Коркодинову о бытіи Нижегородскимъ посацкимъ людямъ, заложившимся за Нижегородскимъ митрополитомъ по прежнему въ Нижнемъ въ посадѣ.

С. На выпискѣ, поданной въ докладъ о взятыхъ изъ Посольскаго приказу китайскихъ, калмыцкихъ и мунгальскихъ въ Сибирской приказъ дѣлахъ помѣта думного дьяка Емельяна Игнатьевича Украинцова такова:

192-го генваря въ 13 день великіе государи и сестра ихъ великая государыня благородная царевна, сей докладной выписки слушавъ въ комнатѣ, указали китайскаго государства дѣла и пріѣзды сибирскихъ, калмыцкихъ, мунгальскихъ пословъ и посланцовъ въ столпахъ и въ книгахъ, которые взяты были изъ Посольскаго приказу въ Сибирской приказъ въ прошломъво190 году октября 31 да ноября въ 17 числѣхъ взять по прежнему въ Посольской приказъ къ прежнимъ тѣхъ государствъ и улусовъ дѣламъ, которые есть въ Посольскомъ приказѣ, а въ Сибирской приказъ были не отосланы, указали великіе государи тѣхъ государствъ и земель и улусовъ пріѣзды пословъ и посланцовъ вѣдать по прежнему въ Государственномъ Посольскомъ приказѣ и послать о томъ въ Сибирской приказъ память.

Д. 7195 года іюня 15 дня.

Библиотека "Руниверс"

Концептъ указа отъ великихъ государей царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича и царевны Софіи Алексѣевны въ Клинъ Елисею Сзорину о сборѣ оброчныхъ денегъ и присылкѣ въ Устюжской приказъ.

E. 196 года февраля 1 дня.

Отписка къ государямъ царямъ Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу и великой государынѣ благовѣрной царевнѣ и великой княжнѣ Софіи Алексѣевнѣ отъ Никиты Тараканова о сборѣ Соли Вычеготской съ посадцкихъ, съ уѣздныхъ и съ торговыхъ людей доимочныхъ оброчныхъ денегъ.

F. 7196 іюня.

Концептъ жалованной грамоты отъ государей царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича и царевны Софіи Алексѣевны, данной гостямъ Василію Григорьевичу, Никитѣ Ѳедоровымъ дѣтямъ Шустовымъ на пожалованные имъ оброчные земли въ Усолскомъ уѣздѣ для соляныхъ и варничныхъ заводовъ.

G. 7195 октября 26.

Грамота отъ государей царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича и царевны Софіи Алексѣевны къ Запорожскому кошевому атаману Ѳедору Ивановичу похвалительная за присылку взятыхъ подъ Казыкерменомъ двухъ турокъ.

H. 1687 года.

Листъ къ государямъ царямъ и великимъ князьямъ Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу и къ царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ отъ Кіевскаго митрополита Гедеона благодарительной за присылку въ Софійской монастырь денежного и хлѣбного жалованья и просительной о дачѣ таковаго же жалованья на нынѣшный годъ.

I. 7195 февраля 14.

Проѣзжая грамота, данная посланнымъ во Францію великимъ посламъ князю Долгорукову съ товарыщи.

л. 70. Въ Мастерской и Оружейной Конторѣ выписано:

Великихъ государей царей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича имянные указы были во 193 году съ декабря мѣсяца іюня по 8 число.

А съ 9-го числа того жъ іюня имянные указы ихъ же великихъ государей и сестры ихъ великіе государыни благовѣрные царевны и великіе княжны Софіи Алексѣевны о ново построеніи каменныхъ среднихъ комнатъ для государынь царевенъ.

Таковъ же титулъ состоялъ во 198 году, а въ 203 въ 204 годехъ въ книгахъ значитъ титулъ вышеимянованныхъ двухъ государей.

Такова выписка послана къ его высокопревосходительству

Библиотека "Руниверс"

Никитѣ Ивановичу Панину при письмѣ отъ его превосходительства Михаила Григорьевича Собакина апрѣля 13 дня 1766.

л. 98. По полученному отъ его высокопревосходительства Никиты Ивановича Панина къ его Превосходительству Михаилу Григорьевичу Собакину письму учинена сія выписка.

Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ въ Московскомъ Архивѣ по пріискамъ оказалось.

I. По вступленіи 7190/1682 г. апрѣля 27 дня на Всероссійскій престолъ государя царя Петра Алексѣевича и по воспослѣдовавшемъ вскорѣ потомъ учрежденіи общаго Правленія и коронаціи обѣихъ государей царей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича, государственныя внутреннія и иностранныя дѣла управляемы были одними только государями, и царевна Софія Алексѣевна въ соправительствѣ съ государями никакова не имѣла участія чрезъ цѣлые 6 мѣсяцовъ. Сіе видимо, какъ изъ чинимыхъ въ тогдашнее время имъ государямъ и всей ихъ царской фамиліи отъ россійскихъ подданныхъ и иностранныхъ людей присягъ, такъ изъ слѣдующихъ происходившихъ по Посольскому приказу дѣлъ:

1) На докладахъ, указахъ, жалованныхъ грамотахъ и выпискахъ помѣта думного дьяка Емельяна Украинцова между протчими находится такова: 190 года (1682 отъ Рождества Христова) августа 10 дня великіе государи цари и великіе князи Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцы указали и проч. и проч.

2) На переводахъ съ грамотъ. присылаемыхъ къ государямъ отъ иностранныхъ дворовъ, помѣта думного дьяка Украинцова такова: 191 сентября 4 великимъ государемъ извѣстно и бояромъ чтено.

3) На отпускахъ государевыхъ грамотъ къ королямъ помѣта думного дьяка Украинцова такова: 191-го сентября 7 великіе государи указали и бояра приговорили послать грамоту и пр.

4) На спискахъ, получаемыхъ отъ находившихся при иностранныхъ дворахъ Россійскихъ пословъ и посланниковъ, помѣта думного дьяка Украинцова такова: 191 октября 11 великимъ государемъ извѣстно и бояромъ чтено.

II. По прошествіи же 6 мѣсяцевъ царевна Софія Алексѣевна начала входить въ правленіе всѣхъ государственныхъ дѣлъ, не употребляя при томъ во оныхъ своего титула вмѣстѣ съ государевыми даже до 7193/1685 года, и хотя формально учрежденія въ Архивѣ не находится, когда именно и какимъ образомъ вступила она въ правительство россійскаго государства, однако по производству посольскихъ дѣлъ явствуетъ, что съ того времени помянутая царевна присутствовала уже въ совѣтахъ обще съ великими государи,

Библиотека "Руниверс"

что обо всемъ было ей докладывано и что безъ ея воли и согласія никакое дѣло не имѣло своего исполненія, какъ то видно изъ слѣдующихъ выписокъ, найденныхъ въ книгахъ статейныхъ посольскихъ списковъ:

1) На выпискахъ о дачѣ жалованья отправляемымъ въ иностранныя государства Россійскимъ посламъ и гонцамъ помѣта думнаго дьяка Украинцова находится такова: 191-го года октября 24 д. великіе государи и великая государыня царевна и великая княжна Софія Алексѣевна, слушавъ сей выписки въ своемъ государскомъ Троецкомъ походѣ въ комнатѣ, указали подьячему Кондрату Никитину для Свѣйской посылки дать своего великихъ государей жалованья 100 руб.

2) На присылаемыхъ отъ находившихся въ чужихъ государствахъ Россійскихъ пословъ и гонцовъ отпискахъ помѣта думнаго дьяка Украинцова такова: 191-го года ноября 19 великимъ государемъ и сестрѣ ихъ великой государынѣ благородной царевнѣ извѣстно и бояромъ чтено.

3) На отпускахъ грамотъ отъ государей къ иностраннымъ дворамъ помѣта думнаго дьяка Украинцова такова: 191-го года 18 декабря великіе государи и сестра ихъ великая государыня благовѣрная царевна, сей образцовой грамоты слушавъ въ комнатѣ, указали и бояре приговорили такову грамоту, написавъ въ листъ, послать и пр.

4) На докладныхъ выпискахъ о пріѣздѣ въ Москву иностранныхъ пословъ, посланниковъ и гонцовъ, чинимой имъ встрѣчѣ, даванномъ поденномъ кормѣ и отпускѣ ихъ изъ Москвы помѣта думнаго дьяка Украинцова такова: 191-го года 2 марта великіе государи и сестра ихъ великая государыня благородная царевна, сей выписки слушавъ въ комнатѣ, указали и бояре приговорили и пр.

5) На переводахъ съ грамотъ къ государемъ отъ иностранныхъ дворовъ и на спискахъ съ разговоровъ, бывшихъ между боярами и чужестранными послами помѣта думного дьяка Украинцова такова: 191-го года 18 іюля великимъ государемъ и сестрѣ ихъ великой государынѣ благородной царевнѣ извѣстно и бояромъ чтено.

6) При чтеніи договорныхъ статей заключеннаго въ 7194/1686 г. мѣсяца апрѣля въ Москвѣ съ полномочными польскими послами вѣчнаго между Россіею и Польшею мира присутствовала съ государями и царевна Софія Алексѣевна, и слушавъ оныя статьи, указали учинить таковую запись о вѣчномъ мирѣ и союзѣ съ Польскими послы.

7) При отправленіи изъ Москвы въ чужія государства Россійскихъ пословъ и по возвратномъ оныхъ пріѣздѣ пускаемы были

Библиотека "Руниверс"

послы къ царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ къ рукѣ, какъ явствуетъ изъ приложенія подъ лит. А.

8) При аудіенціяхъ, даванныхъ отъ государей царей чужестраннымъ посламъ, посланникамъ и гонцамъ хотя царевна Софія Алексѣевна никогда вмѣстѣ съ государями не присутствовала, однако нѣкоторымъ чужестраннымъ посламъ даваны отъ нея публичныя и приватныя аудіенціи, такъ какъ и приниманы отъ нихъ подарки, что видимо въ приложенныхъ при семъ піесахъ подъ лит. В. С. Д.

III. А что въ 7193/1685 году имя царевны Софіи Алексѣевны, яко соправительницы государства начало вносимо быть въ нѣкоторыя только государственныя внутреннія дѣла, сіе между посольскими того года дѣлами явствуетъ, въ доказательство прилагаются при семъ копіи съ нѣкоторыхъ опредѣленій и наказовъ, даванныхъ Россійскимъ посламъ и гонцамъ, отправленнымъ въ чужія государствы подъ лит. Е. F. G. Н.

IV. Титулъ царевны Софіи Алексѣевны во все время соцарствованія ея никогда не былъ въ заглавіяхъ поставляемъ вмѣстѣ съ государевыми въ слѣдующихъ дѣлахъ:

1) Въ отправляемыхъ отъ государей царей къ иностраннымъ разнымъ дворамъ грамотахъ.

2) Въ присылаемыхъ отъ королей и прочихъ державныхъ принцовъ къ государямъ грамотахъ.

3) Въ поставляемыхъ между государями и иностранными дворами перемирныхъ записяхъ и мирныхъ трактатахъ.

4) Въ проѣзжихъ грамотахъ, даванныхъ Россійскимъ посламъ, посланникамъ и гонцамъ, посыланнымъ въ чужія государства.

Что же касается до внутреннихъ государственныхъ дѣлъ, то во всѣхъ оныхъ титулъ царевны дѣйствительно уже началъ употребляемъ быть въ заглавіяхъ обще съ государевыми 7194/1686 года въ іюнѣ мѣсяцѣ, что можно видѣть въ слѣдующихъ, происходившихъ по Посольскому приказу, дѣлахъ, а именно:

1) Въ жалованныхъ на помѣстья и чины печатныхъ и писменныхъ грамотахъ. Изъ числа таковыхъ прилагается при семъ для доказательства съ одной грамоты экстрактъ подъ лит. I.

2) Въ докладахъ, посыланныхъ во всѣ приказы, памятяхъ, а въ городы къ воеводамъ указахъ и грамотахъ.

3) Въ инструкціяхъ и указахъ, отправляемыхъ къ находившимся въ чужихъ государствахъ Россійскимъ посламъ, посланникамъ и гонцамъ.

4) Въ прилагаемыхъ отпискахъ отъ обрѣтавшихся въ чужихъ государствахъ Россійскихъ пословъ, посланниковъ и гонцовъ.

Въ протчемъ не токмо титулъ царевны Софіи Алексѣевны постав-

Библиотека "Руниверс"

ляемъ былъ вмѣстѣ съ государевыми во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ, но притомъ дѣланы были и монеты съ изображеніемъ на одной сторонѣ персонъ ихъ величествъ государей царей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича, а на другой царевны Софіи Алексѣевны съ надписаніемъ ея имени. Такой червонной въ партикулярномъ домѣ отысканъ, съ котораго при семъ прилагается точный рисунокъ подъ лит. К.

V. Что соправительство царевны Софіи Алексѣевны вмѣстѣ съ государями продолжалося только до сентября 5 числа 7198/1689 года, сіе по производству въ Посольскомъ приказѣ явствуетъ, тѣмъ наипаче, что съ сего числа уже болѣе нигдѣ и ни въ какихъ государственныхъ дѣлахъ имя ея упоминаемо не было, изъ чего видно, что въ семъ точно мѣсяцѣ царевна отрѣшена была отъ соцарствованія и управленія всѣхъ государственныхъ дѣлъ.

Находившійся тогда въ Москвѣ польской резидентъ Довмантъ, допущенъ будучи въ Посольской приказъ, между прочимъ поздравлялъ государей царей именемъ короля своего съ учиненною таковою правленія перемѣною. Бывшій помянутаго резидента съ думнымъ дьякомъ Украинцовымъ о семъ дѣлѣ разговоръ прилагается при семъ подъ лит. Л.

VI. Но въ который именно день, какимъ образомъ и для какихъ причинъ сія правленія перемѣна произошла, сего по производству посольскихъ тогдашнихъ дѣлъ не оказывается, а имѣется въ Архивѣ рукописная обще съ протчими дѣлами у Платона Мусина-Пушкина конфискованная книга, называемая „краткое собраніе о Россійскихъ князьяхъ отъ Владимера до Императора Петра Великого“, въ которой при концѣ приложена копія з доношенія въ Канцелярію Правительствующаго Сената изъ Московской Канцеляріи Сенатскаго Правленія о учиненной въ разрядѣ по состоявшемуся 1715 года декабря 16 дня государя Петра Перваго указу выпискѣ о всѣхъ знатныхъ людехъ воинскихъ, гражданскихъ, такожъ и о розыскныхъ и о бывшихъ бунтахъ въ государствѣ Россійскомъ съ начала государствованія Его Величества, и во ономъ доношеніи между протчимъ упоминается нѣсколько и о воспослѣдовавшей перемѣнѣ правленія, какъ въ приложенной при семъ изъ онаго подъ лит. М. выпискѣ значитъ.

Но какъ въ помянутой выпискѣ упоминается при томъ и о посланной изъ Посольскаго приказа въ Розрядъ памяти о титулованіи въ приказахъ царевны Софіи Алексѣевны обще съ государями во всякихъ дѣлахъ, то хотя на рукописной оной помянутаго Мусина Пушкина книгѣ утвердиться не можно, потому что въ оной не только находятся различныя матеріи, нимало до Россійской

Библиотека "Руниверс"

исторіи не касающіяся, но и не показано, откуда именно оныя выписки собраны, а при томъ никѣмъ оная книга не подписана. Со всѣмъ тѣмъ въ надеждѣ, не сыщется ли что основательнаго въ дѣлахъ архивскихъ, въ Московскомъ архивѣ между приказными дѣлами въ столпцахъ со всевозможнымъ стараніемъ пріискивали таковой памяти, но никакъ отыскать было не можно, отчасти за краткостью времяни, а отчасти за имѣющимися въ Архивѣ многочисленными приказными столпцами, между которыми есть и такія, въ коихъ по тогдашнему обычаю приказныя внутреннія дѣла не особливо, а по повытью какому разныя памяти и отпуски писаны были и подклеиваны одни подъ другія сплошь, не различая въ одинъ столпъ; а при томъ много таковыхъ приказныхъ столповъ еще въ прежнія времена и погнили. 8 мая 1766 года.

Таково изъясненіе за скрѣпою переводчика Бантыша Каменскаго отправлено къ Его Высокопревосходительству Никитѣ Ивановичу Панину при письмѣ Его Превосходительства Михаила Григорьевича Собакина въ 8 день мая 1766 г. и при томъ 12 приложеніевъ.

Л. 106. Выписано изъ книги Статейнаго списка Посольскихъ польскихъ дѣлъ.

А. 7192/1684 года ноября 27 дня.

Великіе и полномочные Россійскіе послы князь Яковъ Никитичъ Одоевской съ товарищи при отправленіи своемъ изъ Москвы на Съѣздъ съ Польскими послами и комисарами были въ верху у великихъ государей у ихъ царскаго величества и видѣли очи сестры ихъ государскіе благородные великіе государыни царевны и великіе княжны Софіи Алексѣевны и были у руки.

Въ томъ же статейномъ спискѣ написано:

Великіе и полномочные послы къ Москвѣ пришли марта 14 и у руки великихъ государей царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцевъ и сестры ихъ государской, великой государыни, благородной царевны и великой княжны Софіи Алексѣевны были въ комнатѣ, также дворяне, переводчики и поддячіе, которые были съ ними, великими и полномочными послы на польскомъ посольскомъ съѣздѣ марта въ 15 день.

Явилъ великимъ государемъ и сестрѣ ихъ государской великой государынѣ, благородной царевнѣ великихъ и полномочныхъ пословъ думной дьякъ Емельянъ Игнатьевичъ Украинцовъ.

Изъ книги № 135.

7194/1686 іюня въ 25 день Россійскіе великіе послы ближной бояринъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ съ товарищи при отправ-

Библиотека "Руниверс"

леніи своемъ въ Польшу были у руки у государей царей и у царевны Софіи Алексѣевны.

Л. 107. В. Выписано изъ книги Статейнаго списка Посольскихъ шведскихъ дѣлъ. № 66.

7192/1684-го маія въ 28 день, описаніе, какъ были на отпускной аудіенціи у государыни царевны и великой княжны Софіи Алексѣевны шведскіе полномочные послы Кондратей Гильденстернъ съ товарищи.

Какъ они послы пошли отъ великихъ государей изъ Грановитые Полаты и шли къ благородной государынѣ царевнѣ Грановитые Полаты сенми и на крыльцо постельное сквозь сени проходные мимо государевой золотой полаты, на площадь, что подлѣ шатерныхъ полатъ, въ красные двери за перегради.

А въ то время въ грановитыхъ сѣняхъ были терлишники съ протазаны, а по крыльцу и въ проходныхъ сѣняхъ и на площади стремянного полку стрѣльцовъ человѣкъ со сто з золоченымы пищалми.

А какъ послы пошли за перегради, и за переградою по площади стояли съ протазаны терлишники тѣ-жъ, которые стояли съ протазаны въ грановитыхъ сѣняхъ (переведены были въ то время, какъ послы шли проходными сѣнми).

А дворянъ королевскихъ и посольскихъ людей остановили у рундука Золотого крыльца, а з государевыми грамотами стояли писари подлѣ сѣнныхъ дверей, а къ государынѣ царевнѣ послы пошли только сами, да съ ними переводчикъ ихъ одинъ человѣкъ, да Посольского приказу переводчикъ Яковъ Гатнеръ.

А какъ послы пошли въ сѣни передъ золотую полату, что напередъ сего бывали государыни царицы, которая подъ Спаскою церковью.

И въ тѣхъ сѣняхъ блиско дверей полатныхъ отъ государыни царевны встрѣтили пословъ столникъ Степанъ Савинъ сынъ Нарбѣковъ да дьякъ Тимофѣй Литвиновъ, а рѣчь говорилъ дьякъ такову:

Великая государыня, благородная царевна и великая княжна Софія Алексѣевна всея великія и малыя и бѣлыя Россіи, ее государское величество велеможнѣйшаго и высокорожденного князя и государя, государя (sic) Каролуса, Божіею милостію Свѣйского, Готцкого и Венденского короля, великого князя Ѳинскіе земли, арцуха Эстлянского, Корѣлского, государя надъ Ижерскою землею, его королевского величества, жалую васъ, великихъ и полномочныхъ пословъ, велѣла для почести встрѣтить царского величества столнику Степану Савичю Нарбѣкову да мнѣ дьяку Тимоѳѣю Литвинову.

Библиотека "Руниверс"

И изговоря рѣчь, съ послы витались, и послы пошли къ государынѣ царевнѣ въ Полату съ приставы своими столникомъ сЫваномъ Вередеревскимъ съ товарыщи да съ переводчики, а встрѣчники остались въ сѣнехъ.

А въ тѣхъ сѣняхъ стояли по обѣ стороны полковники стрелецкіе 4 человѣка съ палашами болшими, 2 человѣка съ топорами золочеными, 4 человѣка съ протазаны золочеными.

А великая государыня, благородная царевна сидѣла въ своемъ государскомъ мѣстѣ въ креслахъ оправныхъ з запоны алмазными, а на ней—государынѣ было одѣяніе вѣнецъ низанъ жемчюгомъ и з запаны, шуба оксамитная золотная соболья, опушена соболми, а подлѣ соболей обложено кружевомъ болшимъ.

А при ней—государынѣ стояли немного подале креслъ по обѣ стороны по двѣ боярыни вдовы въ убрусахъ и въ тѣлогреяхъ, да по 2 карлицы дѣвицы, на нихъ перевяски низаные, шубы золотные на соболяхъ.

Да въ той же Полатѣ при государынѣ сидѣли комнатные ближніе немногіе бояре да по сторонамъ стояли бояре жъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ да Иванъ Михайловичъ Милославскій.

А явка была и все поведеніе по сему, какъ въ семъ дни написано нижъ сего.

Было во всемъ по сему:

Какъ свѣйскіе послы пойдутъ къ великой государынѣ въ Полату, и великой государынѣ явити ихъ челомъ ударить думному дьяку Емельяну Игнатьевичю Украинцову, а говорить:

Великая государыня, благородная царевна и великая княжна Софія Алексѣевна, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи велеможнѣйшаго и высокорожденнаго князя и государя, государя Каролуса, Божіею милостію Свѣйскаго, Готцкого и Вендейского короля, великого князя Ѳинскіе земли, арцуха Эстлянского, Корѣлского, государя надъ Ижерскою землею и иныхъ, его королевского величества великіе и полномочные послы господинъ Кондратъ Гилденстернъ, въ государственныхъ дѣлехъ президентъ, господинъ Ионасъ Клинкштетъ, канцеляріи королевской думной, господинъ Отто Стакенберхъ, думной земской въ Лифлянтахъ, вамъ—великой государынѣ челомъ ударили.

И послы правятъ великой государынѣ королевской и королевъ поклонъ и говорятъ о томъ рѣчь.

А послѣ великая государыня изволитъ о королевскомъ и королевъ здоровье спросить, привставъ, а говорить:

Велеможнѣйшій государь Каролусъ, король Свѣйскій, и его ко-

Библиотека "Руниверс"

ролевского величества мать государыня Эдвихъ Эллеонора и супруга его государыня Урлихъ Эллеонора поздорову ль?

И послы скажутъ про здоровье королевское и королевъ.

А послѣ того великая государыня велитъ пословъ позвать къ своей государской рукѣ думному дьяку Емельяну Игнатьевичю Украинцову, и думной дьякъ говоритъ:

Королевского величества великіе и полномочные послы.

Великая государыня, благородная царевна жалуетъ Васъ къ своей государской рукѣ.

И послѣ того пожалуетъ великая государыня велитъ пословъ спросить о здоровьѣ думному жъ дьяку.

И думной дьякъ говоритъ:

Королевского величества великіе и полномочные послы.

Великая государыня, благородная царевна жалуетъ Васъ, велѣла спросить о вашемъ здоровьѣ.

И послы на еѣ государскомъ жалованье бьютъ челомъ, да пожалуетъ великая государыня, велитъ посломъ сѣсть на скамейке, а скамейке быть подале покрытой ковромъ.

А въ то время пожалуетъ королевскихъ дворянъ къ своей рукѣ и велитъ позвать думному дьяку и потомъ спросить ихъ здоровье.

А послѣ того изволитъ великая государыня съ послы приказать х королю и х королевамъ поздравленіе по сему:

Великіе послы Кондратей Гилденстернъ съ товарыщи.

Какъ будете у велеможнѣйшаго государя Каролуса Свѣйского и у матери ево государыни Эдвихъ Эллеоноры и у супруги ево Урлихъ Эллеоноры и вы имъ отъ насъ поздравте.

А потомъ великая государыня велитъ имъ сказать отъ своего государского стола естну и питье думному жъ дьяку.

И думному дьяку говорить:

Великіе и полномочные послы.

Великая государыня, благородная царевна жалуетъ васъ своимъ государскимъ жалованьемъ отъ своего государского стола ѣствою и питьемъ.

И отпустить пословъ на подворье.

А при государынѣ царевнѣ рѣчь послы говорили такову:

Переводъ съ Свѣйского писма съ рѣчи, какову говорили, будучи у великой государыни свѣйскіе послы маія въ 28 день:

Велеможнѣйшій высокорожденный князь и государь, государь Карлъ, Божіею милостію (и протчіе всѣ титлы полные) и его королевского величества государыня мать, также и его королевского величества супруга вамъ великой государынѣ благородной царевнѣ и великой княжнѣ Софіи Алексѣевнѣ, всея великія и малыя и

Библиотека "Руниверс"

бѣлыя Россіи, вашему царевнину величеству и всей вашей царской высокой фамиліи всякого блага и въ государствахъ вашихъ государствованія желаютъ.

Его жъ королевское величество повелѣлъ намъ своими персонами, дабы вашу государскую превысоку честь и милость видѣть и быть предъ вашими царскими пресвѣтлыми очами, и намъ своимъ королевского величества великимъ и полномочнымъ посломъ поклонитися и объявить его королевского величества доброе хотѣніе и любительное поздравленіе, что они долголѣтного и всякого блага вашему государскому дому, аки сами себѣ желаютъ. За Вашу государскую превысокую милость мы его королевского величества великіе и полномочные послы челомъ бьемъ и поклоняемся и ту вашу государскую превысокую милость, которую намъ оказали, будучи у его королевского величества, будемъ выхваляти, также и во всѣхъ мѣстехъ и городѣхъ учнемъ превысокое Ваше государское жалованье выславляти.

Съ подлиннымъ читалъ переводчикъ Мартынъ Соколовской.

Хотя нижеслѣдующая шведскихъ пословъ рѣчь въ статейномъ спискѣ и находится, но были ль послы у государыни царевны Софіи Алексѣевны въ другой разъ или нѣтъ, того не написано.

Переводъ съ Свѣйскаго писма съ рѣчи, какову говорили, будучи у великой государыни свѣйскіе послы маія въ 22 день.

Велеможнѣйшій и высокорожденный князь и государь, государь Каролусъ, Божіей милостью Свѣйскій, Готцкій и Венденскій король, великій князь Ѳинскіе земли, арцухъ Шконски, Эстлянски, Лифлянскій, Корѣлскій, Бременскій, Фердинскій, Стетинскій, Померскій, Касубскій и Венденскій, князь Рюгенскій, государь надъ Ижерскою землею и въ Исмаре, также палцъ-графъ Ринскій, Банэрнскій, Гюллилскій, Клевскій и Бергенскій арцухъ, его королевское величество, да и его королевского величества государыня мать да его королевского величества государыня супруга ихъ королевины величества желаютъ великой государынѣ царевнѣ и высокоблагородной великой княжнѣ Софіи Алексѣевнѣ всея великія и малыя и бѣлыя Россіи еѣ царевнину величеству и всему царскому превысокому роду и фамиліи всякого доброго здоровья и благополучія и благоденства.

Ихъ королевское и королевино величество намъ приказали: буде, что намъ та великая честь и милость сподобитца ваши царевнино величество, пресвѣтлые очи видѣть, и тогда намъ его королевского величества великимъ и полномочнымъ посламъ доносити до вашего царевнина величества его королевского величества и ихъ королевскихъ величествъ любительное и дружное поздравленіе со-

Библиотека "Руниверс"

желаніемъ всякаго добраго здоровья, многолѣтнаго житія и саможелателнаго благоденствія.

А сію великую милость, какову ваше царевнино величество намъ изволили показати въ томъ, что позволяете намъ предъ Вашимъ царевнинымъ величествомъ покорнѣйше нашъ поклонъ править, и то его королевское величество и ихъ королевины величества принимати будутъ, яко знамя великой дружбы; а мы — великіе послы ту же высокую милость вездѣ и всегда воспоминати и по достоинству высокою хвалою возносити будемъ.

Съ подлиннымъ читалъ переводчикъ Мартынъ Соколовской.

Сообщ. Е. Лермонтова.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

Отрывочныя воспоминанія изъ прожитой мною жизни на морѣ и на сушѣ.

Изъ Тянь-Тзиня я былъ по требованію нашего посла командированъ въ Пекинъ для обученія посольскихъ казаковъ ружейнымъ артикуламъ и стрѣльбѣ. Изъ Австріи для посольства были выписаны игольчатыя ружья, съ которыми никто изъ казаковъ не зналъ, какъ обращаться. Мнѣ пришлось имъ показывать сборку и разборку ружья, а потомъ и пострѣлять съ ними. За время моего пребыванія въ Пекинѣ, я не только пользовался полнымъ комфортомъ хорошей жизни у Влангали, но также пріобрѣлъ и его ко мнѣ расположеніе. При посольствѣ въ то время состояли молодые студенты: Ленцъ, Поповъ, Бахметьевъ, Веберъ и Кояндеръ; всѣ они за исключеніемъ умершаго Ленца заняли впослѣдствіи видные посты по дипломатической службѣ. Время мы проводили въ Пекинѣ довольно разнообразно, при чемъ иногда бывали въ Духовной миссіи на окраинѣ города. Настоятелемъ былъ тамъ тогда архимандритъ Палладій, нынѣ уже покойный. Въ миссіи я близко сошелся съ о. Исайей, который мнѣ показывалъ достопримѣчательности Пекина и окрестности его. Въ общемъ я пробылъ въ Пекинѣ болѣе трехъ недѣль, и казаки прекрасно усвоили себѣ преподанныя имъ мною познанія. Посолъ благодарилъ меня и отпустилъ обратно въ Тянь-Тзинь. Эта командировка впослѣдствіи послужила мнѣ на пользу по службѣ.

Въ Ханькоу у насъ произошелъ интересный инцидентъ съ нашимъ напыщеннымъ генеральнымъ консуломъ Скачковымъ. Когда мы пришли на рейдъ, то нашъ командиръ послалъ офицера къ Скачкову спросить, будетъ ли онъ ему дѣлать визитъ, какъ коман-

Библиотека "Руниверс"

диру военнаго судна; на это тотъ отвѣчалъ, что сначала ждетъ къ себѣ командира, такъ какъ онъ самъ, будучи въ чинѣ статскаго совѣтника, считаетъ себя старше Остолопова, который былъ только лейтенантъ. Скачковъ кромѣ того состоялъ еще въ должности генеральнаго консула. Остолоповъ наконецъ уступилъ, чтобъ окончить пререканія, и поѣхалъ первый, но былъ тамъ очень сухъ и даже не садился по приглашенію. При отвѣтномъ визитѣ, Скачковъ вошелъ въ каюту командира въ фуражкѣ, очевидно не считая капитанскаго помѣщенія за комнату; на это онъ получилъ замѣчаніе отъ Остолопова. Затѣмъ, при отъѣздѣ, Скачкову былъ произведенъ салютъ по уставу, но по какой-то роковой случайности въ салютѣ не достало одного выстрѣла, и Скачковъ объ этомъ донесъ посланнику. Посланникъ поставилъ недосмотръ командиру „Горностая“ на видъ и предписалъ ему съ поднятіемъ консульскаго флага Скачкову вторично отсалютовать. Такъ какъ въ первомъ салютѣ не доставало лишь одного выстрѣла, то на лодкѣ и ограничились производствомъ только этого выстрѣла. Этотъ забавный случай позже возбудилъ большую переписку между министерствами морскимъ и иностранныхъ дѣлъ.

Продолжая службу въ Амурской флотиліи, я въ 1872 году попалъ старшимъ офицеромъ на транспортъ „Японецъ“ подъ команду капит.-лейт. Ф. П. Энгельма и вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ намъ пришлось зимовать въ Декастри. Зимовка эта была крайне тяжелая, какъ вслѣдствіе очень неудобнаго размѣщенія команды, такъ и изъ-за нехватки провизіи. Ко всему этому случилось, что и зима была суровая. На берегу стоялъ деревянный холодный баракъ, раньше принадлежавшій обанкрутившемуся купцу Э....., который потомъ бѣжалъ въ Америку. Мука, которая была у насъ въ трюмѣ для доставки въ наши южные порты, была, въ виду предстоявшей зимовки, перегружена въ вышеупомянутый баракъ, и когда въ концѣ октября заливъ уже подернуло льдомъ, съ транспорта усмотрѣли на берегу пожаръ. Горѣлъ баракъ съ мукой. Команда наша, съ опасностью для жизни, по доскамъ, положеннымъ на ледъ, перебралась на берегъ, чтобы спасать муку, но отъ огня удалось отстоять только нѣкоторую ея часть—все остальное вмѣстѣ съ баракомъ стало жертвой огня. Морской провизіи не могло хватить на всю зимовку, такъ какъ мы здѣсь застряли случайно, а свѣжей провизіи въ Декастри вовсе не было, да и купить было негдѣ. Все мѣстное населеніе поста состояло изъ 30 челов. сухопутной команды и одного телеграфиста; правда, имѣлась маленькая лавочка въ посту, но въ ней кромѣ дегтя, кнутовъ, гвоздей, нитокъ, ситца и прокислаго пива, ничего не было. Команда наша почти вся сплошь перехворала цынгой; часть людей помѣщалась на

Библиотека "Руниверс"

транспортѣ безъ отопленія, а остальные жили на берегу въ старой заброшенной пересыльной тюрьмѣ каторжниковъ, гдѣ также не существовало никакого отопленія. Въ эту зиму у насъ умерло 17 челов. команды и, кромѣ того, въ маѣ на пароходѣ „Америка“, доставившемъ намъ провизію, отъ насъ въ Николаевскъ увезли еще 34 челов. больныхъ, изъ которыхъ едва ли кто-нибудь впослѣдствіи поправился: руки и ноги у нихъ были отъ цынги совершенно скрючены. Офицеры пострадали сравнительно въ легкой степени, такъ какъ они помѣщались въ домѣ съ печами; домъ этотъ принадлежалъ раньше тому же бѣжавшему въ Америку купцу.

Здѣсь я припоминаю непріятный случай, бывшій на одномъ изъ судовъ Амурской флотиліи, за который виновный поплатился отрѣшеніемъ отъ командованія судномъ. Дѣло происходило на военномъ транспортѣ, гдѣ перегружали мокрую провизію изъ одного трюма въ другой. Жена командира поднималась по трапу изъ каюты на верхнюю палубу и по своей близорукости и неосторожности прошла такъ неловко, что была слегка задѣта бочкой солонины, спускавшейся на таляхъ въ трюмъ. Она объ этомъ случаѣ тотчасъ пожаловалась своему мужу, а тотъ заподозрилъ нижнихъ чиновъ, что они умышленно ее задѣли. Онъ призвалъ къ себѣ старшаго офицера и справился у него, кто именно изъ унтеръ-офицеровъ завѣдывалъ въ тотъ день перегрузкой у люка. Старшій офицеръ назвалъ фамиліи двухъ наблюдавшихъ за работой—боцмана Мингалева и подшкипера Яузина.

Не входя ни въ какіе дальнѣйшіе разспросы, командиръ приказалъ приготовить розогъ и поставить команду во фронтъ для присутствованія при наказаніи двухъ вышепоименованныхъ лицъ. Тогда старшій офицеръ вполголоса напомнилъ ему, что оба они, пользуясь извѣстными правами по службѣ, по закону изъяты отъ тѣлеснаго наказанія и что если командиръ ихъ накажетъ, то будетъ впослѣдствіи за это отвѣчать по суду. Командиръ побагровѣлъ отъ ярости, при чемъ глаза его налились кровью, и онъ закричалъ: „Извольте исполнять, что вамъ приказываютъ, а не учить меня!“ Названные люди были такимъ образомъ наказаны при собраніи всего экипажа; каждому было дано по 50 ударовъ розогъ. Это были невинныя жертвы дикаго произвола самодура!

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого случая, изъ Петербурга пріѣзжалъ на транспортъ адъютантъ инспект. Д-та Морск. Министерства Болотниковъ для производства дознанія по этому дѣлу и вмѣстѣ съ тѣмъ для объявленія командиру, что онъ отрѣшается отъ командованія судномъ. Оказалось, что наказанные обжаловали поступокъ командира морскому министру по телеграфу.

Библиотека "Руниверс"

Въ ту же зиму на клостеръ-кампскомъ маякѣ въ Декастри случилось еще другое несчастіе: во флигелѣ, гдѣ жилъ смотритель маяка поручикъ Лукинскій, случайно произошелъ пожаръ. Отъ огня взорвались двѣ жестянки со спиртомъ, каждая въ 100 фунтовъ, и Лукинскій, желая потушить огонь и въ попыхахъ спасая разные документы, былъ страшно обожженъ горѣвшимъ спиртомъ. Бѣдняжка до того потерялся отъ ужаса, что съ бумагами побѣжалъ по просѣкѣ черезъ лѣсъ прямо къ маяку; на немъ въ это время горѣло платье; пробѣжавъ такимъ образомъ порядочное пространство, онъ въ изнеможеніи упалъ на землю и отъ боли кричалъ; пальцы, которыми онъ сжималъ казенныя бумаги, обгорѣли до костей, на головѣ сгорѣли всѣ волосы, да и весь онъ снаружи почти обуглился уцѣлѣли только ноги, которыя были обуты въ высокіе сапоги.

Мальчикъ, бывшій у него въ услуженіи, также порядочно пострадалъ отъ огня, но онъ сразу догадался броситься въ кадку съ водой; тѣмъ не менѣе онъ все-таки, какъ и самъ Лукинскій, вскорѣ умеръ въ самыхъ страшныхъ мученіяхъ. Лукинскаго мы для облегченія его страданій сажали въ ванну съ машиннымъ масломъ, но и эта мѣра не спасла его отъ смерти; онъ умеръ черезъ часъ послѣ пожара. Несчастный погибъ при исполненіи своего долга, геройски спасая казенную отчетность, и нигдѣ никто о немъ послѣ не вспомнилъ, такъ же какъ и о тѣхъ, которые въ ту же зиму сложили тамъ свои головы вслѣдствіе цынги. Слѣдовало бы надъ ихъ могилами хоть теперь поставить приличный памятникъ. Да, тяжелое было время! Когда кто-либо видѣлъ смерть честнаго русскаго воина, то можетъ легко понять меня, если скажу, что тяжко и намъ было видѣть эти святыя кончины, тѣмъ болѣе, что мы ничѣмъ не были въ состояніи облегчить страданія несчастныхъ. Унынie въ командѣ было ужасное, и ничто не могло ободрить ихъ духа; каждый какъ будто ждалъ и своей очереди; въ казармѣ только и слышались тяжелые вздохи и тихія завѣщанія умирающихъ.

Пусть тѣ, которымъ приведется побывать въ Декастри на мѣстѣ ихъ успокоенія, не забудутъ низко поклониться могиламъ этихъ несчастныхъ, сотворивъ надъ ними крестное знаменіе и тихую молитву.

Желая на сколько возможно облегчить страданія больныхъ, я передъ Рождествомъ отправился на собакахъ въ Маріинскъ (городъ на р. Амурѣ), чтобы добыть какія-нибудь медицинскія средства противъ цынги, а также, если можно, то и свѣжей провизіи. Путь мой лежалъ черезъ озеро Кизи, гдѣ я едва не погибъ во время пурги.

Добравшись черезъ сутки до города, я остановился у почтенной старушки Екатерины Ивановны П. (дочери покойнаго московскаго митрополита Иннокентія). Она меня снабдила двумя пудами

Библиотека "Руниверс"

лука, четвертной бутылкою скипидара и 5 фунтами кофе; это было все, что она могла удѣлить изъ своихъ скромныхъ запасовъ; кромѣ того, я приговорилъ крестьянъ доставить мнѣ въ Декастри нѣ сколько тушъ мерзлаго мяса. Послѣднее поспѣло къ мѣсту назначенія послѣ моего возвращенія въ постъ и было доставлено на лошадяхъ съ большими затрудненіями, т. к. дороги вслѣдствіе глубокаго снѣга уже испортились. Въ Маріинскѣ я случайно встрѣтился и познакомился въ домѣ Екатерины Ивановны съ мѣстнымъ купцомъ Розенбергомъ, который между прочимъ повѣдалъ мнѣ нѣкоторыя подробности бѣгства изъ Декастри революціонера Бакунина. Розенбергъ, какъ оказалось, лично принималъ участіе въ организаціи этого побѣга склоненіемъ шкипера купеческаго судна принять бѣглаго своимъ пассажиромъ.

Дѣло происходило слѣдующимъ образомъ: Бакунинъ, пожелавъ лично отправить свою корреспонденцію и литературную работу черезъ шкипера барка, стоявшаго на рейдѣ, упросилъ помощника исправника отпустить его на судно, на что тотъ согласился и, въ виду отвѣтственности за него, взялся самъ ему сопровождать на шлюпкѣ.

Когда шлюпка такимъ образомъ уже пристала къ барку, то первымъ изъ нея по штормъ-трапу выходилъ Бакунинъ и согласно заранѣе составленнаго заговора, оборвался и полетѣлъ въ воду; тогда всѣ находившіеся въ шлюпкѣ наклонились къ водѣ, выжидая новаго его появленія на поверхности; Бакунинъ между тѣмъ, какъ прекрасный пловецъ, нырнулъ подъ киль судна и всплылъ на другой сторонѣ барка, гдѣ его успѣли быстро вытащить изъ воды и спрятать въ трюмѣ прежде, чѣмъ остальные пассажиры имѣли время выйти на палубу. Само собой разумѣется, что суматоха, происшедшая тогда вслѣдствіе паденія Бакунина въ воду, сосредоточила все вниманіе присутствовавшихъ въ одну точку, и помощникъ исправника былъ такимъ образомъ введенъ въ обманъ и задержанъ на шлюпкѣ, пока преступникъ спасался у противуположнаго борта. Всѣхъ убѣдили, что Бакунинъ, пойдя ко дну, окончательно утонулъ.

Извѣстно, что Бакунинъ, какъ политическій арестантъ, находился въ ссылкѣ въ Николаевскѣ и съ разрѣшенія исправл. должн. начальника штаба кап.-лейт. Афанасьева, былъ передъ этимъ описываемымъ случаемъ уволенъ въ Декастри по его, Бакунина, собственнымъ дѣламъ подъ надзоромъ помощника исправника. Афанасьевъ впослѣдствіи пострадалъ за это по службѣ.

Передъ самой Пасхой, т. е. уже къ концу нашей зимовки, къ маяку теченіями и вѣтрами изъ Анивы принесло къ намъ воен-

Библиотека "Руниверс"

ный парусный ботъ „Куегда“. Имъ командовалъ кап.-лейт. Каяндеръ, по происхожденію финнъ, принятый во флотъ изъ вольныхъ шкиперовъ. Ботъ тогда шелъ собственно въ Николаевскъ и его тащило по морю 40 сутокъ, вслѣдствіе того, что у него сломался гикъ, и онъ не могъ изъ-за этого управляться. Придя къ маяку, Каяндеръ подтянулся къ сплошному льду у берега и положилъ якорь на ледъ, но ночью, когда онъ лично съ командой отправился въ постъ, то свѣжимъ вѣтромъ оторвало льдину и понесло вмѣстѣ съ ботомъ и якоремъ въ сѣверный уголъ залива. Часовымъ на ботѣ былъ оставленъ одинъ матросъ. Когда Каяндеръ съ противуположнаго берега залива увидѣлъ свой ботъ въ дрейфѣ, то сталъ громко кричать часовому: „Годолышинъ, не кидай свой постъ!“ Нашъ командиръ послалъ тогда меня на барказѣ съ 18 челов. матросовъ осмотрѣть ботъ и, буде возможно, то поставить его прямо; этого однако нельзя было сдѣлать, т. к. бортъ у бота оказался проломаннымъ; тогда я взялъ съ бота матроса Годолышина и, опасаясь быть вынесеннымъ въ море затиравшимъ меня льдомъ, долженъ былъ направиться къ берегу, гдѣ съ помощью гиней вытащилъ барказъ на крутой берегъ подъ скалой мыса Алексѣева. Барказъ былъ поставленъ почти вертикально, такъ что на немъ намъ оставаться было не возможно. Мнѣ съ людьми пришлось поэтому въ теченіе почти цѣлыхъ сутокъ просидѣть верхомъ на кустахъ при морозѣ. Люди съ транспорта приходили къ намъ на мысъ съ сухарями и иной провизіей и спускали ихъ намъ на концахъ съ вершины скалы, но вслѣдствіе своеобразнаго выступа или навѣса этой скалы, сухари къ намъ не попадали; они свѣшивались дальше нашего мѣстопребыванія; мы находились тамъ какъ бы въ пещерѣ, надъ которой сверху нависала скала. Команда моя за ночь порядочно перемерзла, огня у насъ не было, и у нѣкоторыхъ пальцы на рукахъ и ногахъ оказались отмороженными; иные даже плакали отъ боли. Мнѣ все время приходилось ихъ подбадривать и не позволять впадать въ дремоту. На второй день вѣтеръ стихъ, и ледъ отливомъ вынесло въ море. Ботъ самъ остановился, а мы снова спустили на воду барказъ и возвратились благополучно на свой транспортъ. Во всей этой исторіи съ Каяндеромъ забавно то, что, попавъ въ Декастри съ ботомъ, онъ послалъ по телеграфу извѣщеніе главному командиру, что со ввѣреннымъ ему ботомъ въ Декастри *прибылъ* благополучно. Вмѣсто слова прибылъ было бы приличнѣе въ данномъ случаѣ сказать: *меня принесло.* Ботъ мы весной наскоро починили и лѣтомъ отправили его въ Николаевскъ, а Каяндеръ былъ по суду отрѣшенъ отъ командованія.

Этотъ Каяндеръ или Каяндра, какъ его съ ненавистью назы-

Библиотека "Руниверс"

вали матросы, былъ страшно безтолковъ и совсѣмъ не умѣлъ ладить съ нижними чинами. Самъ по себѣ онъ прекрасно зналъ морское дѣло, но былъ какой-то шалый, безъ малѣйшаго такта въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ. Съ матросами былъ за панибрата, но часто ихъ поколачивалъ; они его не любили и готовы были ему во всякое время насолить. Когда онъ со своей командой шелъ въ постъ (18 верст.) послѣ того, что установилъ свой ботъ у берега, чтобы послать телеграмму о своемъ якобы благополучномъ прибытіи, то всякій разъ, когда онъ въ пути останавливался для того, чтобы развести огонь и согрѣться, люди съ цѣлью досадить ему, такъ ловко разжигали костеръ, что тотъ моментально потухалъ. Подъ конецъ ему и спички его подмочили. Они конечно и сами при этомъ мерзли, но терпѣли; имъ было важно, лишь бы ему досадить. Съ боцманомъ своимъ онъ всегда былъ въ контрахъ и однажды, разсердившись, на него, прогналъ его со шканецъ, сказавъ ему: „ты сюда больше не ходи, тутъ мое мѣсто, а твое мѣсто на бакѣ“. За то и въ другой разъ, когда командиръ какъ-то пришелъ на бакъ и сталъ тамъ шумѣть на кого-то, то боцманъ въ свою очередь ему сказалъ: „Иди, ваше благородіе, къ себѣ на корму, а здѣсь наше мѣсто“.

Въ 1873 году по соображеніямъ высшаго петербургскаго начальства было рѣшено портъ изъ Николаевска перевести во Владивостокъ и, въ виду этого, приказано было транспорту „Японецъ“ заготовить во Владивостокѣ уголь для флотиліи, а „Манджуру“ со своей командой разобрать въ Николаевскѣ механическій заводъ и частями перевезти его въ новый портъ. Вслѣдствіе этихъ соображеній, команда транспорта „Манджура“, на который я поступилъ въ должность старшаго офицера, въ маѣ мѣсяцѣ уже приступила къ выполненію вышеуказанной задачи. Всѣ работы по этому дѣлу были командиромъ (кап.-лейт. Валицкимъ) поручены мнѣ. Средства порта были крайне скудны: не было ни подъемныхъ кранов, ни пристаней, ни баржъ. Единственная старая пристань уже разрушалась и едва-ли могла выдержать большія тяжести, а исправныхъ баржъ было только двѣ и съ такими средствами поневолѣ приходилось перегружать съ берега на транспортъ предметы, которые вѣсомъ доходили до 10 тоннъ. Почва въ городѣ была повсюду рыхлая, такъ что подъ катки и валики надо было подкладывать листы котельнаго желѣза, а многое пришлось тащить и волокомъ. Все это дѣлалось людьми или такъ сказать на людяхъ и безъ всякихъ необходимыхъ облегчительныхъ приспособленій. Къ этому надо прибавить, что ни одинъ человѣкъ при такой сложной работѣ не получилъ ни малѣйшаго ушиба. Только при подъемѣ большого станка съ ножницами для рѣзанія котельнаго желѣза, сломался фока рей,

Библиотека "Руниверс"

вскорѣ однако исправленный помощью крѣпительныхъ шкалъ и бугелей. Этимъ поврежденіемъ осенью воспользовался командиръ транспорта для оправданія себя въ томъ, что не доставилъ на южный Сахалинъ 93 головъ рогатаго скота, когда тамъ въ то время ощущался голодъ. Быковъ онъ сгрузилъ въ Ольгѣ, гдѣ они стали падать вслѣдствіе недостатка корма. Тѣмъ не менѣе, уже передъ самыми заморозками его выручилъ Остолоповъ, камандиръ трансп. „Японецъ". Принявъ во Владивостокѣ 860 ружей съ патронами для линейнаго баталіона, онъ по пути заходилъ въ Ольгу и забралъ тамъ весь оставшійся живой скотъ въ числѣ уже только 65 головъ и спѣшно выбросилъ все на мысѣ Крильонъ. Грузъ онъ тамъ сдалъ смотрителю маяка. Ружья прозимовали на рифѣ и конечно заржавѣли до негодности, а скотъ былъ уже доставленъ сразу въ Аниву самими каторжниками, для которыхъ онъ и предназначался.

Во Владивостокъ былъ тѣмъ временемъ изъ Японіи доставленъ кирпичъ и доски; срубы изготовлялись изъ окрестнаго лѣса, и люди принялись спѣшно строить мастерскія, сараи, казармы и всякаго рода жилыя помѣщенія. Къ зимѣ того же года среди портовыхъ мастеровыхъ развились тифъ и цынга, унесшіе нѣсколько человѣкъ въ могилу. Весной изъ Николаевска перевезли весь Амурскій экипажъ, и тогда перенесеніе порта уже считалось законченнымъ.

За недостаткомъ офицерскихъ помѣщеній, многимъ приходилось поселяться въ комнатахъ по нѣсколько человѣкъ вмѣстѣ. Одна такая компанія помѣстилась въ небольшомъ деревянномъ домикѣ купца Тупышева, гдѣ заняла въ верхнемъ этажѣ двѣ комнаты, изъ которыхъ одна имѣла перегородку не до потолка. Артель этихъ молодцовъ состояла изъ лейтенантовъ Петер..., Из... и Стр..., штурмана Пет..., доктора Леоп..., и механиковъ Зац... и Ш... При нихъ въ должности вѣстового былъ матросъ Трещеткинъ.

Общежитіе носило названіе клуба Ланцыпуповъ. Частыя пирушки и забавныя похожденія членовъ клуба впослѣдствіи надолго прославили ихъ далеко за предѣлами Владивостока. Всѣ они отличались веселымъ, безшабашнымъ своимъ юморомъ и ко всѣмъ ихъ выходкамъ интеллигенція города относилась сочувственно. Изъ множества разныхъ шалостей ихъ приведу здѣсь два случая.

Однажды штурманъ П. предложилъ пари, что никто не тронетъ брошеннаго имъ на улицу серебрянаго доллара и, чтобъ это доказать, сталъ у открытаго окна съ револьверомъ въ рукахъ; какъ только онъ замѣчалъ, что кто-нибудь изъ прохожихъ наклонялся, чтобы взять монету, онъ кричалъ „не тронь!" и наводилъ на него дуло револьвера. Само собой разумѣется, что пари было имъ такимъ образомъ выиграно. Двое изъ сожителей однажды побранились

Библиотека "Руниверс"

и одинъ хотѣлъ другого черезъ перегородку пристрѣлить, но тотъ нисколько не смутился этимъ и бросилъ ему свою резиновую галошу; такимъ образомъ ссора и окончилась при общемъ хохотѣ присутствующихъ. Докторъ Л., страдая какой-то внутреннею болѣзнью, уже въ теченіе нѣсколькихъ дней лежатъ въ постели и отъ боли стоналъ, какъ вдругъ одинъ изъ соскучавшихся компаньоновъ обратилъ вниманіе остальныхъ на висѣвшій надъ кроватью больного коверъ. Тамъ былъ вытканъ тигръ, спрятавшійся за высокой травой. Юноша предложилъ пустить палъ по травѣ, чтобы сжечь или по крайней мѣрѣ спугнуть тигра. Сказано—сдѣлано: принесли спичекъ, бумаги и спирту и разожгли. Обои и коверъ на стѣнѣ моментально запылали при общемъ хохотѣ присутствовавшихъ и кровать доктора пришлось быстро передвинуть къ противуположной стѣнѣ комнаты. Трещеткинъ тутъ же заливалъ огонь, грозившій общимъ пожаромъ. Механикъ Зац—й часто напивался до безчувствія, и вслѣдствіе этого остальные приказывали Трещеткину бережно его выправаживать на улицу. Зац—й въ это время обыкновенно успокоительно лепеталъ: „Я и самъ уйду, самъ уйду“, при чемъ начиналъ осторожно спускать себя по лѣстницѣ собственными средствами. Частая невоздержность его окончилась однако полнымъ выдвореніемъ его изъ состава „почетнаго“ клуба.

Великій князь Алексѣй Александровичъ въ бытность свою во Владивостокѣ былъ очень заинтересованъ разсказами о похожденіяхъ членовъ клуба Ланцыпуповъ и однажды посѣтилъ клубъ. Онъ много смѣялся, слушая разсказы о забавныхъ и нерѣдко остроумныхъ продѣлкахъ молодыхъ людей, а позже не разъ о нихъ вспоминалъ въ частныхъ бесѣдахъ съ офицерами.

Здѣсь кстати будетъ вспомнить о томъ, какъ великій князь въ Посьетѣ пожелалъ осчастливить своимъ посѣщеніемъ командира мѣстнаго баталіона полковника Фингстена и какъ жена этого полковника, привѣтствуя великаго князя на порогѣ своего дома, сказала: „наконецъ-то, Ваше Императорское Высочество, я имѣю счастье видѣть передъ собой настоящаго великаго князя!“—„А какихъ же ненастоящихъ князей видѣли вы на своемъ вѣку?“ спросилъ его высочество.—„Я знаю, напримѣръ, князя Енг—а, мы съ нимъ вмѣстѣ плавали“.—„Вѣроятно на морѣ житейскомъ?“ сказалъ великій князь.

Б. К. де-Ливронъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ.**

Библиотека "Руниверс"

Открыта подписка на 1912 годъ

ЗАДУШЕВНОЕ СЛОВО.

ДВА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЕ иллюстрированные журнала для дѣтей и юношества, основ. С. М. МАКАРОВОЙ и издаваемые подъ ред. И. М. ОЛЬХИНА

XXXVI годъ изданія.

Подписной годъ съ 1-го ноября 1911 г.—Первые №№ высылаются немедленно.

Гг. годов. подписч. журн. „З. Сл.“ для дѣтей младшаго возраста (отъ 5 до 9 лѣтъ) **получатъ:**

52 №№ и 48 премій.

въ числѣ которыхъ:

◆ **Большая картина** въ хромолеографическихъ краскахъ: „ТРЕЗОРЪ ВЕРНУЛСЯ“ художника **Артура Эльслея.**
12 **Занимательныхъ игръ**, работъ, рукод. и т. п. на раскр. черн. лист.
12 **Иллюстрированныхъ книжекъ** разсказовъ, повѣстей, сказокъ, шутокъ и пр. для маленькихъ дѣтей.
12 **Вып. иллюстр. изданія „Лѣсные человѣчки и ихъ новыя путешествія по бѣлому свѣту“**, съ иллюстр. **П. Кокса.**
10 **Вып. „Знаменитые русскіе мальчики“**, составл. для дѣтей младш. возраста **Вик. Русаковымъ**, съ портр. и илл.
6 **Таблицъ „Школа Раскрашиванія“** для маленькихъ дѣтей, составл. проф. **А. Л. Зонъ.**
6 **Тетрадей изданія „Моя первая ариѳметика“**, составл. **Н. П. Анненскимъ**, съ иллюстр.
◆ **Театръ мурзилки**, веселая и забавная игра для дѣтей **и мн. др.**

Гг. годовые подписчики „З. Сл.“ старшаго возраста (отъ 9 до 14 лѣтъ) **получатъ:**

52 №№ и 48 премій,

въ числѣ которыхъ:

◆ **„Царство камней“** 12 таблицъ въ краскахъ, въ видѣ атласа, съ популярнымъ объясн. текстомъ проф. **Г. Керта.**
12 **Выпусковъ „Книги чудесъ“ Натаніэля Готорна**, съ илл. **Гранвилля.**
8 **Книжекъ „Исторія сѣчки“**, проф. **Фарадея**, съ илл. и вступит. стат.
10 **Вып. „Звенья добра“**, собраніе разсказовъ для юношества, съ илл.
6 **Книжекъ „Библіотеки полезныхъ свѣдѣній“**, для юношества.
10 **Вып. „Жемчужины русской поэзіи“**, для юношества, собр. **М. Р. Лемке.** (Новая серія).
12 **Табл. въ краскахъ „Человѣкъ и строеніе его тѣла“** съ объяснительн. текстомъ проф. **Г. Клюнца.**
◆ **Дѣтскій театръ.** Сборникъ пьесъ **Е. А. Чебышевой-Дмитріевой**, съ рисунками **И. Гурьева.**
◆ **Спутникъ школы.** Календарь и записная книжка для учащихся на 1912-13 учебный годъ въ изящн. коленк. переплетѣ **и мн. др.**

Кромѣ того, при кажд. изд. высылаются: „ЗАДУШЕВНОЕ ВОСПИТАНІЕ“ и „ДѢТСКІЯ МОДЫ“.

Подписная цѣна каждаго издан. „Задушевнаго Слова“, со всѣми объявленными преміями и приложеніями, съ доставкой и пересылкой—за годъ **ШЕСТЬ** рублей. Допуск. разсрочка на 3 срока: 1) при подпискѣ, 2) къ 1 февр. и 3) къ 1 мая—по **ДВА** р.

Съ требованіями, съ обозначеніемъ изданія (возраста), обращаться: въ конторы „ЗАДУШЕВНАГО СЛОВА“, при книжн. маг. Т-ва М. В. Вольфъ—С.-Петербургъ: 1) Гост. Дв., 18, и 2) Невскій, 13.

Библиотека "Руниверс"

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ

Финансово Экономическій и Биржевой журналъ

„БИРЖА“

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

I. Дѣйствующія законоположенія, распоряженія правительства, законопроекты, касающіеся биржъ, банковъ, биржевыхъ комитетовъ, акціонерныхъ, промышленныхъ и др. предпріятій.

II. Руководящія статьи по финансово-экономическимъ, биржевымъ, банковымъ, торгово-промышленнымъ и др. вопросамъ.

III. Свѣдѣнія о положеніи биржъ, еженедѣльные обзоры и котировки биржъ русскихъ и заграничныхъ, обзоры рынковъ.

IV. Критическіе обзоры акціонерныхъ предпріятій и ихъ %% бумагъ, котирующихся на биржахъ, съ предположительнымъ указаніемъ ихъ возможной расцѣнки на биржѣ на предстоящую недѣлю.

V. Хроника биржевая, банковая, торгово-промышленная, желѣзнодорожная и судебная.

VI. Общія собранія и отчеты акціонерныхъ предпріятій. Постановленія биржевыхъ комитетовъ. Движеніе и сборъ на желѣзныхъ дорогахъ.

VII. Таблицы курсовъ и сдѣлокъ всѣхъ %% бумагъ, котирующихся на биржахъ, таблицы дивидендовъ, сроковъ купоновъ, тиражей и т. д.

VIII. Обзоры печати, библіографія, смѣсь, почтовый ящикъ.

Собственные корреспонденты въ Парижѣ, Берлинѣ, Лондонѣ, Нью-Іоркѣ и др. городахъ.

Журналъ выходитъ по воскресеньямъ.

Участіе въ журналѣ принимаютъ: Чл. Гос. Думы, проф. Алексѣенко М. М.; проф. Алексѣевъ А. С.; проф. Берендсъ Э. Н.; пр.-доц. Боровой А. А., проф. Варнеке Б. В.; Воротынцевъ Н. Н., бар. Врангель Е. Е.; Головинъ К. Ф.; Герольдштейнъ И. М., проф. Грибовскій В. М., чл. Гос. Сов. Денисовъ В. И., кн. Долгоруковъ М., Евреиновъ М. Н., чл. Гос. Думы Епокинъ А. В., Зейдманъ А. И., Идельсонъ В. Р., проф. Исаевъ А. А., проф. Колосовъ І. В., чл. Гос. Совѣта Косичъ А. И., членъ Гос. Думы Лерхе Г. Г., Маляревскій К. Д., д-ръ Ла-Маркъ Г. Е., Манусъ И. П., проф. Мигулинъ П. П., Мукосѣевъ В. А., Модель М. С., пр.-доц. Новицкій И. Н., чл. Гос. Сов. проф. Озеровъ И. Х., проф. Пассекъ Е. В., Путиловъ А. И., Папенгутъ П. О., Сперанскій В. П., Успенскій П. Д., проф. Фридманъ М. И., Федоровъ А. П., Шабишевъ С. С., Эмскій (псевд.).

„Биржа“ даетъ ежемѣсяч. безплат. прилож.—журн. „Биржевой Ежемѣсячникъ“ и др. изданія по биржевой и банковой литературѣ.

Подписная цѣна на журналъ со всѣми безплатными приложеніями: на годъ—12 р., на ½ года—7 руб., на 3 мѣс.—4 руб.

Отдѣльный № 25 к. За границу: на годъ—20 руб., ½ года 12 р.

Подписка принимается: въ редакціи—С.-Петербургъ, Мойка 12 и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и почтовыхъ учрежденіяхъ Имперіи.

Библиотека "Руниверс"

Будильникъ

(48-й годъ изданія).

Никакихъ ограниченій при подпискѣ на 1912 годъ.

Журналъ откровенно-прогрессивный, „Будильникъ“ признаетъ всеобщее равноправіе. Подписчицы пользуются у насъ тѣми-же правами, что и подписчики, дѣтей и нижнихъ чиновъ мы не отличаемъ отъ взрослыхъ и высшихъ чиновъ.

Каждый, у кого есть 9 рублей, безъ различія пола, возраста, національности и соціальнаго положенія, имѣетъ право подписаться на „Будильникъ“.

Получивъ 9 рублей, мы даемъ нашимъ подписчикамъ безплатно: пятьдесятъ два номера „Будильника“ съ рисунками въ нѣсколько красокъ лучшихъ русскихъ и иностранныхъ каррикатуристовъ на самыя животрепещущія темы,—и съ текстомъ, вышедшимъ изъ-подъ пера лучшихъ русскихъ юмористовъ.

Лицъ, у которыхъ по уплатѣ упомянутыхъ выше 9 рублей, остается въ карманѣ еще 1 руб., мы покорнѣйше просимъ прислать и этотъ рубль намъ. Въ благодарность за такую щедрость мы дадимъ имъ премію:

„1812-й годъ ВЪ КАРРИКАТУРѢ“.

Альбомъ, составленный по самымъ рѣдкимъ источникамъ, въ которомъ будутъ воспроизведены каррикатуры, относящіяся къ войнѣ 1812 года и ея дѣятелямъ. Альбомъ будетъ отпечатанъ въ нѣсколько красокъ и представитъ собою рѣдкое по цѣнности матеріала и художественному его воспроизведенію изданіе.

Редакція не принимаетъ на себя отвѣтственности, если кто-нибудь изъ подписчиковъ умретъ отъ смѣха!

Находя совершенно безсмысленнымъ скрывать свой адресъ, мы объявляемъ его во всеуслышаніе: **Москва, Леонтьевскій пер., 12.**

Для того чтобы попасть въ число нашихъ подписчиковъ, совершенно достаточно прислать намъ:

Въ Москвѣ: 1 годъ—8 руб., ½ года—4 руб. 50 коп.
Въ др. городахъ: 1 годъ—9 руб., ½ года—5 руб.
Внѣ Россіи: 1 годъ—12 руб., ½ года—7 руб.

Премію получатъ лишь **годовые подписчики,** внесшіе сверхъ подписной платы еще **одинъ** рубль.

Надѣемся, что каждый въ своихъ же интересахъ поспѣшитъ подписаться на журналъ заблаговременно.

„Будильникъ“.

3—3

Библиотека "Руниверс"

Открыта подписка на 1912 годъ на органъ финансовой и торгово-промышленной жизни.

ФИНАНСОВОЕ ОБОЗРѢНІЕ

(Годъ изданія 3-й). Журналъ выходитъ 2 раза въ мѣсяцъ

при участіи выдающихся авторитетовъ по всѣмъ отраслямъ экономической жизни.

„ФИНАНСОВОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ даетъ въ каждомъ номерѣ рядъ основныхъ статей по различнымъ вопросамъ государственнаго и народнаго хозяйства.

„ФИНАНСОВОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ своевременно даетъ точныя сообщенія о состояніи биржъ и денежныхъ рынковъ главныхъ центровъ Европы и полную картину дѣятельности столичныхъ фондовыхъ и товарныхъ биржъ.

„ФИНАНСОВОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ даетъ подробныя свѣдѣнія о Банковыхъ, Биржевыхъ и Страховыхъ дѣлахъ и Акціонерныхъ Торгово-Промышленныхъ Обществахъ въ Россіи.

„ФИНАНСОВОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ даетъ подробныя свѣдѣнія и отчеты по Нефтяной, Хлопковой, Лѣсной, Сахарной, Горной и Сельско-Хозяйственной промышленностямъ.

„ФИНАНСОВОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ является двухнедѣльнымъ журналомъ, въ которомъ дѣловой міръ найдетъ всѣ необходимыя свѣдѣнія по всѣмъ интересующимъ его вопросамъ.

		На годъ	На 6 мѣс.
Подписная цѣна:	С.-Петербургѣ и въ провинціи . .	8 р.	5 р.
	Заграницу	10 „	6 „

Контора и редакція: С.-Петербургъ, Невскій, 22.

Объявленія и подписка принимаются въ Редакціи журнала и въ книжныхъ магазинахъ. Подписавшіеся до 1-го января 1912 г. будутъ получать журналъ безплатно въ теченіе настоящаго года.

Редакторъ: *Н. А. Котовичъ.*

Библиотека "Руниверс"

СТАРЫЕ ГОДЫ

Открыта подписка на 1912 г.

Въ шестомъ году изданія „Старые Годы“ будутъ выходить по прежней программѣ и при участіи тѣхъ же сотрудниковъ.

Цѣна въ годъ съ доставкою и пересылкою 10 руб., безъ доставки—9 руб., за границу—40 франковъ.

При подпискѣ въ конторѣ редакціи допускается разсрочка: при подпискѣ—5 р., 1 апрѣля—3 р. и 1 іюля—2 руб.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ редакціи (Рыночная ул., 10) и въ книжныхъ магазинахъ: Вольфа, Мелье, „Новаго Времени“, Клочкова и Митюрникова; въ Москвѣ—въ книжныхъ магазинахъ: Вольфа, „Новаго Времени“, Шибанова и Веркмейстера.

ЗА ИЗРАСХОДОВАНІЕМЪ КОМПЛЕКТОВЪ, ПОДПИСКА НА 1911 ГОДЪ ПРЕКРАЩЕНА.

Въ конторѣ редакціи имѣется въ ограниченномъ количествѣ:

1.—Лѣтній выпускъ (іюль—сентябрь) 1911 года по 7 р. 50 к.

2—Каталогъ старинныхъ произведеній искусствъ, хранящихся въ Императорской Академіи Художествъ. (Введеніе. Портреты зала Совѣта и Скульптура). Сост. бар. Врангель. Ц. 10 р.

КОМПЛЕКТОВЪ ЖУРНАЛА ЗА ПРОШЛЫЕ ГОДЫ НЕ ИМѢЕТСЯ.

Новый адресъ редакціи: Спб. Рыночная, 10.

Редакціонный Комитетъ: Алекс. Н. Бенуа, В. А. Верещагинъ, баронъ Н. Н. Врангель, І. І. Леманъ, С. К. Маковскій, С. Н. Тройницкій и А. А. Трубниковъ.

2—2 Редакторъ-Издатель П. П. Вейнеръ.

Библиотека "Руниверс"

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

на 1912 годъ

ЕЖЕГОДНИКА

ИМПЕРАТОРСКИХЪ Театровъ

(двадцать второй годъ изданія).

Въ теченіе 1912 года журналъ выйдетъ семь разъ (Январь — Мартъ, Сентябрь — Декабрь) книжками въ 10 печатн. листовъ, формата малое in 4°, съ художественными приложеніями.

Каждая книжка „Ежегодника" будетъ по прежнему заключать въ себѣ: записки и воспоминанія театральныхъ дѣятелей, статьи, касающіяся текущихъ постановокъ въ Императорскихъ театрахъ, точную лѣтопись Императорскихъ театровъ, статьи по прикладному искусству, обзоръ выдающихся событій изъ жизни частныхъ и заграничныхъ театровъ и т. д.

Въ числѣ статей, имѣющихся въ распоряженіи редакціи, въ ближайшихъ книжкахъ напечатаны будутъ слѣдующія работы: Кн. С. М. Волконскаго—„Ритмъ на сценѣ"; В. Гернгроссъ—„Театръ въ 1812 г."; П. П. Гнѣдича—„Новыя данныя о Шекспирѣ"; К. Ф. Головина — „Шиллеръ на русской сценѣ"; В. Курбатова—„Проекты декорацій Гонзаго"; Н. А. Попова — „О постановкѣ на сценѣ Шекспировскихъ пьесъ"; П. А. Россіева — „Объ артистѣ Максимовѣ"; Д. В. Философова—„Дневникъ правовѣда 30-хъ годовъ"; Н. Ф. Финдейзенъ — „Переписка съ В. В. Стасовымъ" и мн. др.

Кромѣ того, въ каждомъ выпускѣ журнала будутъ напечатаны письма заграничныхъ корреспондентовъ „Ежегодника": изъ Берлина—Н. К. Мельникова-Сибиряка; Парижа—L. Bacour и Лондона—Philip W. Sergeant.

Цѣна годового экземпляра (подписной годъ считается съ января мѣсяца) шесть рублей съ доставкой и пересылкой.

Допускается разсрочка для служащихъ въ казенныхъ учрежденіяхъ, съ ручательствомъ гг. казначеевъ.

Подписка принимается во всѣхъ главнѣйшихъ книжныхъ магазинахъ СПБ. и Москвы, а также въ конторѣ журнала

(Итальянская, д. 1, кв. 13; Тел. 130-41).

ЦѢНА ОТДѢЛЬНАГО ВЫПУСКА 1 руб.

Редакторъ Баронъ Н. В. Дризенъ.

1—1

Библиотека "Руниверс"

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА"
на 1912 годъ.

Вступая въ 1912 году въ сорокъ третій годъ своего существованія, **„Русская Старина"**, благодаря измѣнившимся условіямъ цензуры, извлекаетъ изъ своего архива цѣлый рядъ цѣнныхъ записокъ и даетъ мѣсто особенно интереснымъ воспоминаніямъ, а также исторически обработаннымъ матеріаламъ и подлиннымъ документамъ.

Имѣя въ виду современныя условія общественной жизни Россіи, редакція предпринимаетъ цѣлый рядъ мѣръ къ обновленію и расширенію журнала.

Сохраняя своихъ прежнихъ многочисленныхъ сотрудниковъ, редакція предполагаетъ напечатать въ 1912 году: Статьи и матеріалы о 1812 годѣ. **А. Ф. Кони.**—„Изъ воспоминаній и замѣтокъ судебнаго дѣятеля". „Житейскія встрѣчи". Воспоминанія **И. И. Янжула** о пережитомъ и видѣнномъ. **А. А. Мазона**—Матеріалы для біографіи и характеристики И. А. Гончарова. **В. М. Спасской.**—Воспоминанія о Гончаровѣ. **Н. А. Вилламовъ.**—Дневникъ статсъ-секретаря Григорія Ивановича Вилламова. **А. А. Лебедева.**—Г. Е. Благосвѣтловъ и Н. Г. Чернышевскій. **Бар. Ш.**—Изъ воспоминаній о Некрасовѣ. **Анучина.**—Берлинскій конгрессъ 1878 г. (авторъ пишетъ о кн. Горчаковѣ, гр. Шуваловѣ, гр. Милютинѣ, кн. Бисмаркѣ, кронпринцѣ Фридрихѣ, Дизраэли, гр. Андраши и др.). **Е. Лермонтовой.**—Вопросъ о самодержавіи Царевны Софіи Алексѣевны.—По неизданнымъ документамъ. **Р. И. Сементковскаго.**—Встрѣчи и столкновенія съ Л. Н. Толстымъ, С. П. Боткинымъ, С. П. Бѣляевымъ, Е. А. Кожуховымъ, М. П. Соловьевымъ, А. К. Пыпинымъ, М. О. Вольфомъ, И. А. Гончаровымъ, Н. К. Шильдеромъ, И. К. Мердеромъ, И. Е. Андреевскимъ, А. Д. Градовскимъ, П. Г. Рѣдкинымъ, П. А. Гайдебуровымъ, К. В. Трубниковымъ, В. В. Стасовымъ, Ф. Ѳ. Павленковымъ, А. Ф. Марксомъ, П. И. Вейнбергомъ, А. М. Скабичевскимъ, В. П. Безобразовымъ, М. М. Шершевскимъ, Робертомъ Молемъ и др. **Н. А. Мурзанова.**—Къ біографіи декабристовъ: кн. С. А. Волконскаго, В. А. Давыдова и М. С. Лунина. **В. В. Шереметевскаго.**—Басурманская неволя. **М. В. Безобразовой.**—Дневникъ академика В. П. Безобразова. **П. К. Козлова.**—Николай Михайловичъ Пржевальскій. **А. И. Слезскинскаго.** — Тайный другъ Пушкина. **В. Н. Свѣтозарова.**—Развитіе легенды о смерти Царевича Дмитрія. **П. Л. Юдина.**—Къ дѣлу Мировича. Изъ астраханской жизни Суворова. **Е. Г. Вейденбаума.**—Присяга Ермолова Императору Николаю I-му. **И. П. Мордвинова.**—Письма Г. Р. Державина къ Е. И. Горихвостовой. **В. Д. Корсаковой.**—Князь Платонъ Степановичъ Мещерскій и письма къ нему Екатерины II, Павла I, Румянцева-Задунайскаго и др. **А. И. Сергѣева.**—Изъ быта духовенства. **Н. А. Лашкова.**—Посѣщеніе Спасо-Яковлевскаго монастыря Императрицей Маріей Ѳеодоровной и Императоромъ Александромъ I. **Е. А. Разгозиной.**—Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—78 гг., при чемъ авторъ, описывая жизнь Турціи и ея обитателей, касается гр. Игнатьева, Нелидова, Ону, Макѣева, кн. Церетели, Гобартъ-паши, сэра Элліота, Зичи, гр. Корти, лорда Сольсбери, бар. Каличе, Кіамиль-паши, Османъ п., Керимъ, Намукъ, Сивфетъ, Мухтаръ-пашей и др. **Е. К. Андреевскій.**—М. И. Драгомировъ—командующій войсками округа и генералъ-губернаторъ. **А. Ф. Петрушевскаго.**—Изъ моихъ воспоминаній. **А. Г. Воронова.**—Іоганъ Урсиніусъ. **И. И. Онноре.**—11 лѣтъ въ театрѣ. **М. Ф. Чулицкаго.**—Изъ старыхъ дѣлъ („Сонное видѣніе", „Преступная мысль" и „О сумасбродѣ Ивавѣ Андреевѣ"). **М. М. Мариной.**—Лэди Портеръ. **П. А. Данилова.**—Сибирская дивизія въ походѣ противъ Японіи въ 1904 и 1905 гг. **Л. Н. Любимова.**—Изъ жизни инженера путей сообщенія. **В. Ф. Руднева.**—На крейсерѣ „Африка". **Н. А. Попова.**—Изъ замѣтокъ стараго ремонтера. **А. Синицына.**—Изъ воспоминаній стараго врача. **Е. В. Андріашевой.**—Воспоминанія стараго педагога. Воспоминанія **Веселовскаго, Леваковскаго, Виноградскаго, Скворцова** и др.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 руб. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 18

Библиотека "Руниверс"

ПРИ ЖУРНАЛѢ
„РУССКАЯ СТАРИНА“
ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА
„Стенографическій Отчетъ Портъ-Артурскаго процесса”.

Русскому обществу, безусловно заинтересованному судебнымъ процессомъ о сдачѣ П.-Артура, приходится довольствоваться газетными отчетами о процессѣ, всегда неполными, а зачастую и искаженными, несмотря на присутствіе въ залѣ засѣданій стенографовъ, оффиціально допущенныхъ для записи.

Въ настоящее время намъ удалось пріобрѣсти всѣ стенограммы, и мы, идя навстрѣчу желаніямъ публики, рѣшили ихъ издать.

Изданіе будетъ исполнено болѣе чѣмъ въ ПЯТИ выпускахъ по подпискѣ и стоимость его на обыкновенной бумагѣ и безъ портретовъ съ выпуска 4 повышена—ШЕСТЬ рублей.

На веленевой бумагѣ и съ портретами подсудимыхъ, ихъ защитниковъ и выдающихся свидѣтелей—ДВѢНАДЦАТЬ рублей.

По выходѣ всѣхъ выпусковъ—стоимость ихъ будетъ увеличена.

Подписка принимается:

Въ СПБ. въ ред. журн. „Русская Старина“ (гдѣ помѣщается контора этого изданія)—Фонтанка, 18;

въ книжныхъ магазинахъ:

„Новаго Времени“, Невскій, 40;

„Т-ва М. О. Вольфъ“, Гостиный дв., 18, и Невскій, 13, и въ книжн. складѣ Березовскаго, Колокольная, № 14.

Въ Москвѣ: въ книжн. магаз. М. О. Вольфъ, Моховая ул. и Кузнецкій мостъ.

За точность записей поручились стенографы, фамиліи которыхъ будутъ напечатаны въ отчетѣ. За исправленіе техническихъ терминовъ, фамилій и названій мѣстностей—отвѣтственны защитники, которые, всѣ безъ исключенія, взяли на себя трудъ по провѣркѣ отчета.

Состоящимъ на государственной службѣ за поручительствомъ казначеевъ допускается разсрочка: 2 руб. при подпискѣ и по 1 рублю по полученіи каждаго выпуска.

Книжные магазины, принимающіе подписку на „Стенографическій отчетъ“, платятъ: вмѣсто 6 руб.—5 руб. и вмѣсто 12 руб.—11 руб.

Библиотека "Руниверс"

вы меня вытребовать на нѣсколько дней (однако жъ не болѣе) съ моего острова Паѳмоса? Я привезу вамъ зато сочиненіе во вкусѣ Апокалипсиса (здѣсь говорится, вѣроятно, о „Кавказскомъ Плѣнникѣ“) и посвящу вамъ, христолюбивому пастырю поэтическаго нашего стада, но сперва дайте знать минутнымъ друзьямъ моей минутной младости, чтобъ они прислали мнѣ денегъ, чѣмъ они чрезвычайно обяжутъ пскателя новыхъ впечатлѣній„ (поэтъ повторилъ два выраженія изъ собственной элегіи „Погасло дневное свѣтило“...). Интересно письмо къ Вяземскому (начало сентября 1831 г.), гдѣ Пушкинъ говоритъ о задуманномъ И. В. Кирѣевскимъ журналѣ, о Жуковскомъ, хвалитъ Гоголя („каковъ Гоголь!“). Н. Лернеромъ доказательно выяснена принадлежность Пушкину напечатанной въ I т. „Современника“ 1836 г. анонимной замѣтки о новыхъ книгахъ. „Ощутительно замѣтно“, говоритъ Пушкинъ, „преобладаніе романа и повѣсти, этихъ властелиновъ современной литературы. Ихъ почти вдвое больше противъ числа другихъ книгъ. Безпрерывнымъ появленіемъ въ свѣтъ они, несмотря на глубокое свое ничтожество, свидѣтельствуютъ о всеобщей потребности. Исторія заглядываетъ урывками въ русскую литературу. Капитальныхъ и большихъ историческихъ сочиненій нѣтъ ни въ переводахъ, ни въ оригиналахъ. На статистику и экономію одни намеки. Даже въ знаніяхъ практическихъ, не вторгающихся въ бытъ литературный, замѣтно тоже мелководіе“. Пушкину же или Гоголю Н. Лернеръ приписываетъ напечатанную тамъ же маленькую рецензію на одну книгу по исторіи. В. В. Майковъ сообщилъ нѣсколько выдержекъ изъ дневника Б. М. Ѳедорова, кратко записывавшаго о своихъ встрѣчахъ и разговорахъ съ Пушкинымъ. „Ходилъ въ Лѣтнемъ саду“—разсказываетъ Ѳедоровъ (май 1828 г.) „Видѣлъ Пушкина, Плетнева и Вяземскаго. Пушкинъ взялъ подъ руку—походите съ нами, и я ходилъ по саду. Вы здѣсь гуляете въ качествѣ чиновника, а не въ качествѣ наблюдателя и поэта (на мнѣ орденъ)“. Черезъ нѣсколько дней Ѳедоровъ опять вноситъ въ свой дневникъ: „разговоръ съ Пушкинымъ... Разсказывалъ много о Петрѣ Великомъ... Пушкинъ чтитъ его“... Н. В. Соловьевъ довольно полно описалъ и охарактеризовалъ исторію иллюстрированія произведеній Пушкина. Н. Лернеръ посвятилъ три замѣтки тексту и хронологіи нѣсколькихъ произведеній Пушкина и разрѣшилъ связанныя съ ними въ этихъ отношеніяхъ недоразумѣнія. Есть еще нѣсколько менѣе значительныхъ статей и замѣтокъ, и не забыта даже особая „пушкинская“ хроника. Книга превосходно иллюстрирована снимками съ автографовъ, портретами, рисунками Пушкина, рисунками на пушкинскія темы. Издатель намѣренъ отъ времени до времени посвящать и другимъ выдающимся писателямъ подобные спеціальные выпуски журнала.

„У Л. Н. Толстого въ послѣдніе годы его жизни“. Дневникъ В. Ѳ. Булгакова. Изд. тов-ва И. Д. Сытина. М. 1911.

Проживъ много дней въ Ясной Полянѣ, наслаждаясь обществомъ Толстого, авторъ, все время прилежно ведшій дневникъ, записывалъ бесѣды и слова великаго писателя, по всему видно, точно и правдиво. Испытанная имъ радость личнаго общенія съ Толстымъ передается читателю. Простая, непритязательная книжка, какъ зеркало, не покушается на самостоятельное изображеніе, но, какъ зеркало же, отражаетъ обликъ Толстого. Авторъ—толстовецъ, но не узкій сектантъ; онъ скромно стушевывается, и на каждой страницѣ живетъ, говоритъ, дѣйствуетъ самъ Толстой. Благодаря этому книжка не читается, а проглатывается. Трудно оторваться отъ нея,—столько интереснаго, трогательнаго и значительнаго въ этихъ разнообразныхъ откликахъ геніальнаго старика на всевозможныя явленія общественной и литературной жизни. Для біографіи Толстого записи г. Булгакова—источникъ первостепенной важности.

Труды слушательницъ Одесскихъ высшихъ женскихъ курсовъ. Т. I, вып. II, подъ ред. проф. И. А. Линниченко. Одесса. 1911.

Для студенческихъ работъ эти труды (говоримъ только о двухъ работахъ, касающихся исторіи,—„Изъ исторіи славянофильства“ С. Стратіевской-Гроссманъ и „Старая Одесса, ея друзья и недруги“ Д. Атласъ) вполнѣ удовлетворительны. Они не обнаруживаютъ, конечно, той самостоятельности, которой нельзя еще и требовать отъ людей, сидящихъ на студенческой скамьѣ, но показываютъ любознательность и умѣніе пользоваться матеріалами и дѣлаютъ честь руководителю молодыхъ работницъ.

„Незабвенному В. В. Стасову“. Сборникъ воспоминаній. СПб.

Русское искусство и русская общественность много обязаны покойному В. В. Стасову, его яркому, живому темпераменту, его настойчивому слову, его могучей энергіи. Въ теченіе полустолѣтія онъ былъ однимъ изъ руководителей художественной жизни Россіи. Имъ были выдвинуты такія явленія, какъ „передвижничество“ въ живописи, національная „могучая кучка“ въ музыкѣ. Въ этой „милой, непосредственной, горячей и вмѣстѣ дѣтской по ясности и по простотѣ натурѣ“, какъ выразился о немъ Толстой, находило вѣрную и сильную поддержку все молодое, пролагавшее новые пути, и русское искусство будетъ благодарно помнить о немъ и тогда, когда окончательно изсякнетъ его вліяніе. Его друзья, Левъ Толстой, графъ И. И. Толстой, И. Е. Рѣпинъ, И. Гинцбургъ, тепло и любовно вспоминаютъ объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ, писателѣ и цѣнителѣ искусства. Враги, называли Стасова „трубой іерихонской“, но онъ съ гордостью принималъ это прозвище, потому что „трубилъ“ онъ во главѣ русскаго національнаго искусства, ведя его къ побѣдамъ. Вотъ ужъ пять лѣтъ Стасовъ спитъ въ могилѣ, но никто не смѣнилъ его на его славномъ посту, и его образъ живетъ въ лѣтописяхъ родного искусства и въ книгѣ, посвященной его памяти людьми, испытавшими на себѣ обаяніе его личности и благое вліяніе его дѣятельности.

Библиотека "Руниверс"

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1912 г.

СОРОКЪ ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ исполненными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 18, и въ книжныхъ магазин.: **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. **«Новое Время»**, Невскій, д. 40. **Вольфъ**, Гостиный дворъ, № 19. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

Гг. **иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **«Русская Старина»**, Фонтанка, д. № 18, кв. № 6.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какого-либо № журнала, подписчики должны немедленно же по полученіи слѣдующей книжки присылать въ редакцію заявленіе о неполученіи предыдущей. **По истеченіи же 3-хъ мѣсяцевъ со времени выхода пропавшаго № редакція никакихъ жалобъ не принимаетъ**, т. к. послѣ этого времени почтовому вѣдомству трудно навести справки.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи **„Русскую Старину“** за слѣдующіе годы: 1876, 1877, 1879, 1880 по **8** рублей; 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1911 по **9** рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

„МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ,

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ“,

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна 2 р. съ пересылкою. Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургъ, Б. Подъяческая ул., д. 7.

Редакторъ-издатель **П. Н. Вороновъ**. Тип. т-ва п. ф. „Эл.-тип. Н. Я. Стойковой“. Спб. Знаменская, 27.

Библиотека "Руниверс"

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XLIII-й. МАРТЪ. 1912 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Памяти графа Д. А. Милютина. . . . . . I—VI

I. **Дневникъ статсъ-секретаря Григорія Ивановича Вилламова. 1807 г.** Сообщ. И. А. Вилламовъ. 455—460

II. **Берлинскій Конгрессъ 1878 года.** (Дневникъ, веденный на мѣстѣ Д. Г. Анучинымъ). Сообщ. А. С. Анучина. . . . . 461—470

III. **Н. Г. Чернышевскій.** (Наброски и неиздан. матеріалы). А. А. Лебедева. 471—479

IV. **Изъ журнала участника войны 1812 года.** Суханина. . . . . 481—490

V. **Встрѣчи и столкновенія.** (В. И. Добровольскій, М. М. Шершевскій, Ф. Ѳ. Павленковъ). Р. И. Сементковскаго. . . . . 491—499

VI. **Тайный другъ Пушкина.** А. Г. Слезскинскаго . 500—508

VII. **Императоръ Павелъ I и политическія судьбы Италіи.** Н. Борецкаго-Бергфельда . . . . . 509—522

VIII. **Къ закрытію масонскихъ ложъ въ Россіи.** А-ндра Ал-ча Лебедева. . . . . 523—538

IX. **Самодержавіе царевны Софіи Алексѣевны по неизданнымъ документамъ.** (Изъ переписки, возбужденной графомъ Панинымъ). Сообщила Е. Лермонтова . . . . 539—547

X. **Матеріалы для біографіи и характеристики И. А. Гончарова.** А. А. Мазона. . . . . 549—568

XI. **Николай Михайловичъ Пржевальскій.** Третье путешествіе въ Центральной Азіи. П. Козлова. . . . 569—603

XII. **Императоръ Александръ II и Франція въ 1870 г.** В. Тимощукъ. . . . . 604—617

XIII. **Два политическихъ письма Екатерины II.** Владислава Конопчинскаго. . . . . 618—632

XIV. **Къ 50-ти лѣтію освобожденія крестьянъ.** (Карловское имѣніе Великой Княгини Елены Павловны). Д. А. Корсакова. . . 633—651

XV. **Яковъ Іоганъ Урсинусъ.** Профессоръ-депутатъ Екатерининской комиссіи для сочиненія проекта новаго Уложенія . . . . . 652—658

XVI. **М. И. Драгомировъ, командующій войсками.** (Изъ отрывочныхъ воспоминаній). А. Е. К. . . . 659—662

XVII. **Отрывочныя воспоминанія изъ прожитой мною жизни на морѣ и на сушѣ.** Б. К. де-Ливрона. 664—672

XVIII. **Изъ записной книжки „Русской Старины":**

а) **Стихотворенія Крестовскаго.** Сообщилъ В. А. Алексѣевъ. 480

б) **16 мая 1858 года. Н. К—ну.** Сообщилъ В. . 548

XIX. **Библіографическій листокъ** (на оберткѣ).

Приложенія: 1) Портретъ Графа **Дмитрія Алексѣевича Милютина**; 2) Точный рисунокъ червоннаго съ изображеніемъ Государей Царей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича и Царевны Софіи Алексѣевны. 1686—1690; 3) Животная жизнь въ Сѣверномъ Тибетѣ.

Принимается подписка на „Русскую Старину" изд. 1912 года.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни.

Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37—66.

Библиотека "Руниверс"

Библіографическій листокъ.

В. О. Ключевскій. Характеристики и воспоминанія. Изданіе „Научнаго Слова". М. 1912.

„Теперь еще невозможно"—говоритъ одинъ изъ участниковъ посвященнаго памяти Ключевскаго сборника—„оцѣнить все имъ сдѣланное, нельзя еще точно учесть силы оказаннаго имъ вліянія. Настанетъ пора, когда появятся о немъ спеціальныя изслѣдованія; тогда найдутъ себѣ безпристрастную оцѣнку и данная имъ общая концепція русскаго историческаго процесса, и предложенныя имъ рѣшенія отдѣльныхъ вопросовъ этого процесса". Но общее значеніе Ключевскаго вѣрно понято и хорошо взвѣшено уже его современниками, какъ видно изъ интересныхъ и разнообразныхъ отрывковъ и воспоминаній о Ключевскомъ людей, знавшихъ его, испытавшихъ на себѣ его личное обаяніе и воздѣйствіе его глубокаго научнаго ума. Они оцѣнили Ключевскаго съ различныхъ сторонъ—и какъ ученаго историка, и какъ педагога и руководителя молодыхъ ученыхъ, и какъ мастера слова, и какъ мыслителя, и какъ гражданина. Эти статьи (А. Ѳ. Кони, С. Ѳ. Платонова, Ю. И. Айхенвальда, А. А. Кизеветтера, П. Н. Милюкова, Ю. В. Готье, А. С. Лаппо-Данилевскаго, Б. И. Сыромятникова, М. К. Любавскаго, М. М. Богословскаго, Н. А. Умова) не только составили прекрасный вѣнокъ на могилу незабвеннаго историка, но могутъ служить введеніемъ въ богатую область творчества Ключевскаго.

Ѳ. М. Уманецъ. Проконсулъ Кавказа. Историческая монографія. Спб. 1912.

У насъ нѣтъ біографіи А. П. Ермолова, мы даже не позаботились собрать его приказы и переписку, даже порядочнаго изданія его „Записокъ" не имѣлось. Въ прошломъ году была напечатана (въ „Русс. Библіофилѣ") библіографія литературы о Ермоловѣ, и нѣтъ, кажется, болѣе краснорѣчиваго примѣра русской „лѣности и нелюбопытства", чѣмъ эта литература, сполошь состоящая изъ сырыхъ матеріаловъ, ждущихъ уже долгіе годы трудолюбиваго изслѣдователя, который создалъ бы исторію жизни замѣчательнаго человѣка. А ужъ Ермоловъ ли не былъ знаменитъ? Еще въ 1829 г. Пушкинъ по дорогѣ на Кавказъ, „сдѣлалъ двѣсти верстъ лишнихъ, зато увидѣлъ Ермолова". Настоящій эпическій герой, разносторонній дѣятель, поэтическая, изящная натура, одна изъ самыхъ великолѣпныхъ и стильныхъ фигуръ Александровской эпохи, Ермоловъ вдохновлялъ Пушкина и Лермонтова, и когда-нибудь, когда вернутся золотые дни русской литературы, внушитъ русскому художнику слова геніальную поэму, или романъ, или драму, а историкъ напишетъ достойную имени Ермолова монументальную біографію его. Покуда же будемъ благодарны г. Уманцу за его скромную работу, въ которой онъ попытался дать характеристику дѣятельности, личности и государственнаго значенія Ермолова. Ужъ самый объемъ работы (какая-нибудь сотня маленькихъ страничекъ) лишилъ автора возможности сказать о Ермоловѣ все, что слѣдовало сказать; о многомъ онъ вовсе умолчалъ, многаго коснулся лишь мимоходомъ (напр., вопроса объ отношеніяхъ Ермолова къ декабристамъ и политическому движенію конца Александровскаго царствованія) и не разъяснилъ ни одного изъ вопросовъ, связанныхъ съ дѣятельностью Ермолова. Все-же книжка г. Уманца, написанная легко и живо, не лишена своей цѣнности. Пожелаемъ кстати, чтобы родные Ермолова занялись систематическимъ изданіемъ матеріаловъ для его жизнеописанія и его писемъ, въ которыхъ такъ много бурной, ненасытимой энергіи и свѣтлаго ума.

Александръ Бенуа. Путеводитель по картинной галлереѣ Императорскаго Эрмитажа. Спб. Изданіе Общины Св. Евгеніи.

Это не обыкновенный путеводитель, съ краткими, чисто-формулярными справками, а настоящій собесѣдникъ-руководитель, необходимый всѣмъ, кто посѣщаетъ Эрмитажъ, и кто интересуется исторіей европейскаго искусства,—своего рода учебникъ этой исторіи, но написанный безъ малѣйшей учебной сухости. Такъ называемой „публикѣ", т. е. неспеціалистамъ, людямъ, въ быту которыхъ искусство по разнымъ житейскимъ условіямъ не можетъ занимать много мѣста, эта книжка въ доступной формѣ даетъ полезныя свѣдѣнія, указываетъ имъ, на что слѣдуетъ преимущественно направить вниманіе, помогаетъ имъ ориентироваться среди богатствъ Эрмитажа такъ, чтобы изъ знакомства съ ними можно было вынести какъ можно больше знаній и впечатлѣній. Обзоръ этотъ полно характеризуетъ безцѣнное собраніе художественныхъ сокровищъ, которымъ гордится Россія. Издана книга очень красиво, на прекрасной бумагѣ, съ множествомъ рисунковъ и предешево (2 руб. за переплетенный томъ).

Г. Т. Сѣверцевъ-Полиловъ. „Царскій духовникъ" и другіе очерки и разсказы. Рисунки С. И. Панова. Изд. тов—ва „Просвѣщеніе". Спб. 1912.

Историческіе разсказы г. Сѣверцева, почти всѣ изъ прошлаго Россіи, не отличаясь значительными художественными достоинствами, могутъ служить полезнымъ чтеніемъ для молодыхъ читателей, которые встрѣтивъ знакомыя имена ихъ героевъ на страницахъ учебника или серьезной научной книги, быть можетъ внимательнѣе отнесутся къ послѣднимъ.

Библиотека "Руниверс"

Графъ
Дмитрій Алексѣевичъ
Милютинъ.

Библиотека "Руниверс"

Памяти графа Д. А. Милютина.

25 января скончался въ Симеизѣ на 96 году жизни сподвижникъ великихъ реформъ Царя-Освободителя, генералъ-фельдмаршалъ графъ Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ.

Дмитрій Алексѣевичъ родился въ 1816 году и, окончивъ курсъ въ Московскомъ университетѣ, поступилъ въ л.-гв. 1-ю артиллерійскую бригаду фейерверкеромъ въ 1833 году, въ этомъ же году онъ былъ уже прапорщикомъ, черезъ 2 года строевой службы поступилъ прямо въ старшій классъ Императорской военной академіи, награжденъ при выпускѣ чиномъ поручика и малой серебряной медалью, въ 1837 году переведенъ въ гвардейскій генеральный штабъ.

Въ 1839 году молодой поручикъ Милютинъ началъ на Кавказѣ свою боевую службу въ знаменитой Ахульгинской экспедиціи.

Въ самомъ началѣ экспедиціи Д. А. былъ раненъ въ плечо, но остался при отрядѣ, участвуя въ самыхъ опасныхъ дѣлахъ.

Въ 1842 году уже подполковникомъ генеральнаго штаба Милютинъ назначается на Кавказъ оберъ-квартирмейстеромъ войскъ кавказской линіи, а въ 1845 году профессоромъ военной географіи.

Д. А. былъ 11 лѣтъ самымъ выдающимся профессоромъ. Обручевъ, Драгомировъ, Лееръ и множество офицеровъ гордились тѣмъ, что были учениками Милютина.

Въ 1853 году появляется классическій трудъ Милютина о походѣ Суворова въ 1799 г. подъ заглавіемъ „Исторія войны 1799 г. между Россіей и Франціей въ царствованіе Императора Павла I“.

Библиотека "Руниверс"

Трудъ этотъ, по отзыву Грановскаго, „принадлежитъ къ числу тѣхъ книгъ, которыя необходимы каждому образованному русскому, и займетъ, безъ сомнѣнья, почетное мѣсто въ общеевропейской исторической литературѣ; это трудъ въ полномъ смыслѣ слова самостоятельный и оригинальный, изложеніе событій въ немъ отличается необыкновенной ясностью и спокойствіемъ взгляда, не отуманенными никакими предубѣжденіями, и тою благородной простотой, которая составляетъ принадлежность всякаго значительнаго историческаго творенія".

Въ 1856 г. Свиты Его Величества генералъ-маіоръ Милютинъ назначается начальникомъ штаба Кавказской арміи [1]).

Начинается подготовка окончательнаго покоренія Кавказа. Въ 1859 г. взятъ Гунибъ, палъ Шамиль, и при самомъ энергичномъ содѣйствіи Милютина покоренъ Кавказъ.

Въ 1860 г. Д. А., будучи уже генералъ-адъютантомъ, былъ назначенъ военнымъ министромъ и до 1881 года занималъ эту должность.

Вся предшествующая боевая и ученая дѣятельность Дмитрія Алексѣевича всесторонне подготовили его къ той необычайной дѣятельности военнаго министра, которую онъ неуклонно проявлялъ въ теченіе 20 лѣтъ, когда стоялъ во главѣ военнаго министерства.

Такого военнаго министра въ Россіи до тѣхъ поръ никогда не было, а такой реорганизаціи арміи не было со временъ Великаго Петра.

Тяжелое наслѣдіе осталось ему послѣ Крымской кампаніи. Все надо было передѣлать, направить, и вотъ началась колоссальная во всемъ работа... Трудно сказать, чего только въ арміи не коснулась эта по-истинѣ титаническая дѣятельность.

Все пространство нашей обширной территоріи, для децентрализаціи власти, было раздѣлено Д. А. на округа, и это дѣленіе, вопреки увѣреніямъ нѣкоторыхъ, правильно и внѣдрилось въ нашу военную жизнь, цѣлесообразность его подтвердилась самой войсковой жизнью. Необходимо только, чтобы на пограничные округа назначались талантливые люди.

Боевыя силы Россіи увеличены почти вдвое. Реорганизованы резервныя и запасныя войска. Сформировано значительное число артиллерійскихъ и инженерныхъ парковъ и госпиталей. Для всѣхъ этихъ частей выработаны полные штаты.

---

[1]) Эти фактическія данныя заимствованы изъ ст. Бильдерлинга, „Воен. Сбор." с. г. к. 2.

Библиотека "Руниверс"

Обученіе войскъ поставлено Д. А. на твердую почву, чуждую случайныхъ увлеченій. При немъ выработанъ точный планъ годовыхъ занятій въ войскахъ. На стрѣльбу было обращено особое вниманіе: учреждена инспекція стрѣльбы, которая значительно подняла искусство стрѣльбы въ войскахъ. Войска были снабжены прекрасными уставами, наставленіями и инструкціями, изъ нихъ выдѣлялись по особой талантливости изложенія уставы внутренней службы и дисциплинарной.

По веденію войскового хозяйства съ учрежденіемъ положенія о полковомъ и ротномъ хозяйствѣ круто измѣнился взглядъ на казенное имущество: назначеніе части на кормленіе при Милютинѣ стало полнымъ анахронизмомъ.

Во всѣхъ частяхъ были заведены громадные неприкосновенные запасы всему хозяйственному имуществу. Всѣ части снабжены обозомъ. На развитіе санитарныхъ частей и на снабженіе ихъ всѣмъ необходимымъ удѣлены соотвѣтствующія заботы министра.

На улучшеніе быта офицера и солдата Д. А. прилагалъ не мало заботъ. Увеличено жалованье. Учреждены офицерскія собранія и капиталы. Учреждена эмеритальная касса. Положеніемъ о ротномъ и полковомъ хозяйствѣ значительно улучшено матеріальное положеніе солдата, котораго стали одѣвать и кормить надлежащимъ образомъ. Много было построено Милютинымъ прекрасныхъ казармъ.

Срокъ службы для солдата былъ сокращенъ на 10 лѣтъ, а затѣмъ введена общеобязательная воинская повинность.

Благодаря введенію общеобязательной воинской повинности въ Россіи, по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, удалось накопить значительный запасъ людей, уже бывшихъ подъ ружьемъ, и тѣмъ сравняться съ арміями первоклассныхъ державъ Европы.

Особое вниманіе обращалъ Милютинъ на развитіе образованія повсюду: и среди нижнихъ чиновъ и среди офицеровъ, а также и въ учебныхъ заведеніяхъ. Съ желѣзной настойчивостью онъ проводилъ эту мысль неуклонно за 20 лѣтъ своего министерства.

Для рядовыхъ были учреждены ротныя школы, для унтеръ-офицеровъ-учебныя команды, для офицеровъ установлены вновь тактическія занятія,—для офицеровъ генеральнаго штаба учрежденъ новый практическій дополнительный курсъ,—сформированы военныя

Библиотека "Руниверс"

и юнкерскія училища для подготовки офицеровъ, а дореформенные корпуса переформированы въ гимназіи, при чемъ для наилучшей подготовки учителей—учреждены педагогическіе курсы. Во всѣхъ частяхъ учреждены полковыя и ротныя библіотеки. Напрасно противники Милютина порицаютъ реформу корпусовъ: при слѣдующемъ министрѣ перемѣнился только составъ воспитателей, и милютинскій духъ еще и теперь тамъ господствуетъ.

Даже высшіе женскіе врачебные курсы, изгнанные изъ всѣхъ министерствъ, нашли при Милютинѣ пріютъ въ военномъ вѣдомствѣ.

На огражденіе личнаго достоинства солдата, офицера и начальника Дмитрій Алексѣевичъ потратилъ не мало силъ, здоровья и энергіи.

Въ русской арміи 17 апрѣля 1863 года уничтожены шпицрутены, плети, клейменіе и приковываніе къ позорной телѣжкѣ.

Ограниченное примѣненіе розогъ оставлено только для штрафованныхъ; при Милютинѣ положенъ конецъ кулачной расправѣ въ арміи, для военно-служащихъ обнародованъ новый военно-судебный уставъ, учрежденъ военный судъ и военно-юридическая академія.

При Д. А. анонимы и доносы не поощрялись, и начальника нельзя было смѣнить по одному только доносу кого бы то ни было, не выслушавъ обвиняемаго начальника.

Отлично изучивъ многочисленныя причины неудачъ Крымской кампаніи, Милютинъ понялъ, что совершенно обезличенный и разруганный свыше начальникъ уже лишенъ всякой иниціативы и авторитета и не можетъ вести войска къ побѣдамъ.

Поэтому онъ никогда не набрасывался на начальниковъ и въ особенности при подчиненныхъ, щадилъ ихъ самолюбіе и самымъ деликатнымъ образомъ дѣлалъ замѣчанія, всегда памятуя, что такое обращеніе есть одинъ изъ залоговъ къ побѣдѣ.

Такое неизмѣнное обращеніе Дмитрія Алексѣевича невольно проникало въ сферу начальниковъ арміи, невольно просвѣтляло ихъ умъ и смягчало ихъ сердца, однимъ словомъ воспитывало начальниковъ.

Безпристрастный историкъ оттѣнитъ впослѣдствіи эту громадную заслугу Милютина для арміи.

При Милютинѣ измѣненъ порядокъ назначенія начальниковъ. Онъ сталъ выдвигать начальниковъ не по протекціи, а по заслугамъ. Конечно, при этомъ было много треній.

Библиотека "Руниверс"

Позволимъ себѣ привести имена этихъ милютинскихъ орловъ: Абрамовъ, Анненковъ, Гурко, Дрентельнъ, Пржевальскій, Кауфманъ, братья Комаровы, Лазаревъ, Лееръ, Лорисъ-Меликовъ, Нагловскій, Нотбекъ, Обручевъ, гр. Евдокимовъ, Пузыревскій, Скобелевъ, Струковъ, Радецкій, Романовскій, Тергукасовъ, Черняевъ и др.

Чего стоятъ высокоталантливые, съ проблесками несомнѣнной геніальности—Обручевъ и Скобелевъ.

Даровитымъ людямъ прежней эпохи гр. Бергу и гр. Муравьеву и при Д. А. нашлось соотвѣтствующее назначеніе.

Талантливыя и вѣрныя указанія Милютина нашимъ военачальникамъ въ Средней Азіи далеко раздвинули предѣлы нашей родины.

Несмотря на частныя неудачи, въ общемъ война 1877—1878 г. была блистательна, и не вина Дмитрія Алексѣевича, что то, что было блистательно завоевано войсками, то провоевано дипломатіей на позорномъ берлинскомъ конгрессѣ. Заслуги Милютина въ русско-турецкую войну были награждены Царемъ Освободителемъ орденомъ Св. Георгія 2-й степени и возведеніемъ его со всѣмъ потомствомъ въ графское достоинство.

Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить о замѣчательномъ безкорыстіи и безпримѣрной скромности Дмитрія Алексѣевича.

Прозрѣвая своимъ широкимъ государственнымъ умомъ событія нашего недавняго прошлаго, Милютинъ на извѣстномъ засѣданіи Государственнаго Совѣта 8 марта 1881 года совѣтовалъ завершить великія реформы Царя Освободителя обсужденіемъ предстоящихъ преобразованій при созывѣ земскихъ людей и, не получивъ одобренія на свое предложеніе, удалился отъ дѣлъ въ Симеизъ, гдѣ и пробылъ въ теченіе 30 лѣтъ до самой своей кончины.

Въ 1888 году мнѣ пришлось бывать въ Симеизѣ, гдѣ графъ Дмитрій Алексѣевичъ удостоивалъ меня чтеніемъ своихъ высокоинтересныхъ записокъ, касающихся войны 1877—1878 г.г. Разъ, по прочтеніи особенно интереснаго мѣста графъ сказалъ: „а мои недоброжелатели предсказывали передъ этой войной, что русская армія съ ея реформами будетъ въ предстоящую войну не на надлежащей высотѣ“.

Я позволилъ себѣ отвѣтить на слова Дмитрія Алексѣевича:

—„Ходъ событій войны ничѣмъ и никогда не подтвердилъ этихъ опасеній, а знаменитый художникъ Верещагинъ тремя безсмертными

Библиотека "Руниверс"

картинами доказалъ, что духъ войскъ и дисциплина, несмотря на реформы, остались непоколебимы.

Первая картина изображаетъ часового въ траншеѣ на Шибкѣ, около котораго крутится снѣжный буранъ, подпись на картинѣ—знаменитое лаконизмомъ донесеніе Радецкаго: „на Шибкѣ все спокойно“. Во второй картинѣ художникъ нарисовалъ того же часового, уже до пояса занесеннаго снѣгомъ, съ тою же подписью. Въ третьей картинѣ уже нѣтъ часового, онъ занесенъ совсѣмъ снѣгомъ, изъ котораго торчитъ кончикъ штыка, а внизу та же безсмертная подпись: „на Шибкѣ все спокойно“.

При этихъ словахъ показались слезы на прекрасныхъ глазахъ Д. А.

Миръ праху твоему, великій государственный дѣятель, необыкновенный военный министръ и прекрасный во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ, посвятившій свою жизнь на служеніе просвѣщенію и пользѣ дорогой ему родины.

П. Вороновъ.

Библиотека "Руниверс"

Дневникъ статсъ-секретаря Григорія Ивановича Вилламова.

(Окончаніе 1807 года).

1807 г. [1]).

Іюля 1. Понедѣльникъ. Вчера прибылъ курьеръ, потому ожидали сегодня или завтра пріѣздъ Императора. Миръ заключенъ.

2 Вторникъ. Въ 10 часовъ прибылъ генералъ-адъютантъ князь Михаилъ Долгорукій съ оффиціальнымъ извѣстіемъ отъ Императора о заключеніи мира и съ приказаніемъ отслужить молебенъ.

Послали за графомъ Кочубеемъ, фельдмаршаломъ Салтыковымъ и Вязмитиновымъ на совѣщаніе о молебнѣ. Государь приказалъ, чтобы все было сдѣлано какъ при заключеніи мира съ Турціей и Швеціей. Это совѣщаніе длилось все утро, наконецъ Императрица дала мнѣ переписать письмо князя Куракина къ ней, въ которомъ онъ прощается и говоритъ объ этомъ славномъ мирѣ—Императрица дала мнѣ прочесть три послѣднія письма Государя; въ письмѣ отъ 23-го мая, писанномъ въ отвѣтъ на возраженія Императрицы, онъ описываетъ генерала Беннигсена черными красками, какъ человѣка слабаго, который всѣмъ жалуется, оставивъ всѣхъ дѣлать, что кому угодно, что онъ ограбилъ и разорилъ край, что онъ отдалъ все довольствіе арміи одному излюбленному еврею, самъ участвовалъ въ его лихоимствѣ, и что армія совершенно разстроилась и не имѣетъ ни запасовъ, ни денегъ.—Такъ что по описанію Императора госу-

[1]) См. „Русская Старина“, февраль 1912 г.

Библиотека "Руниверс"

дарству грозила большая опасность безъ этого мира, къ счастью что Бонапартъ при всемъ своемъ геніи имѣетъ слабость тщеславія, а Императоръ рѣшился пожертвовать своимъ въ пользу его мелкаго самолюбія и спасти государство, не слушая голоса своего самолюбія, что онъ считаетъ себя исполнившимъ долгъ и вмѣсто занятія непріятелемъ части государства онъ заключилъ почетный миръ, и Россія не только ничего не потеряла, но еще пріобрѣла участокъ съ 200 т. жителей (Бѣлостокъ). Молебенъ былъ назначенъ на завтра.

3 Среда. На молебенъ Императорская фамилія отправилась въ парадныхъ экипажахъ, сопровождаемая дворомъ, т. е. первыми чинами двора, камергерами и камеръ-юнкерами, шталмейстеры верхомъ и т. д.

5 Пятница. Государь пріѣхалъ около полуночи.

9 Суббота. Императрица сказала мнѣ, что она желаетъ предложить Государю помѣстить 50 раненыхъ офицеровъ въ больницѣ для бѣдныхъ, и приказала мнѣ озаботиться необходимыми приготовленіями для помѣщенія ихъ.

Декабрь 1807. 18 Среда. Весной умерла императрица австрійская. Какъ только было получено это извѣстіе, то распространилось общее мнѣніе даже въ Москвѣ, что открылась прекрасная партія для Великой Княгини Екатерины Павловны. Императрицѣ понравилась эта мысль, Великой Княгинѣ тоже, и князь Куракинъ, назначенный, наконецъ, посломъ въ Вѣну, снабженный конфиденціальнымъ письмомъ отъ Императрицы къ императору Францу, которымъ она предлагала своему шурину—дочь, собирался въ отъѣздъ, къ мѣсту назначенія. Кн. Куракинъ былъ остановленъ въ Тильзитѣ, тамъ заключилъ мирный трактатъ и пріѣхалъ въ Вѣну только въ іюлѣ, когда уже императоръ Францъ оказался помолвленнымъ со своей двоюродной сестрой, дочерью эрцъ-герцога Фердинанда Миланскаго. Также уже были не свободны принцы Виртембергскій и Баварскій, впрочемъ послѣдняго болѣе и не желали, *потому что они подымали оружіе противъ насъ, а это непріятно* [1]). Князь Куракинъ имѣлъ порученіе затронуть вопросъ относительно эрцъ-герцоговъ съ Стадіономъ и просить ихъ пріѣхать въ Россію. Онъ, испросивъ свиданіе для переговоровъ со Стадіономъ на другой день пріѣзда курьера, далъ понять ему, что курьеръ прибылъ съ однимъ порученіемъ, однимъ словомъ, взялся неловко за дѣло.

Стадіонъ отвѣтилъ ему наконецъ, что императоръ не можетъ пристраивать младшихъ своего дома, что даже число пристроенныхъ такъ велико, что становится въ тягость государству. Однимъ сло-

---

[1]) Par ce qu'il a porté les armes contre nous, et c'est désagreable.

Библиотека "Руниверс"

вомъ, не удалось. А между тѣмъ слухъ распространился въ Германіи и во Франціи (о чемъ и писалъ Толстой), что Наполеонъ хочетъ развестись со своей супругой и просить руки Вел. Кн. Екатерины Павловны. Это обстоятельство заставило торопиться замужествомъ Вел. Кн. Императрица думала, что вслѣдствіе этого слуха ни принцъ Виртембергскій, ни Баварскій и ни одинъ изъ германскихъ принцевъ, которые могли чего-нибудь лишиться, не захотятъ ни пріѣхать, ни жениться, боясь не понравиться Наполеону и тѣмъ навлечь на себя мщеніе, а потому только дѣти эрцъ-герцога Фердинанда, которымъ нечего терять въ Германіи, могли считаться подходящими. Ея мысль была поселить одного изъ нихъ въ Россіи, дать чинъ фельдмаршала, губерніи: Лифляндскую и Курляндскую, 150.000 р. пенсіи, изъ которыхъ 50.000 назначить для потомства. Императрица написала сегодня проекты: записки, въ которой она излагаетъ свой планъ; письма эрцъ-герцогинѣ Беатрисѣ, въ которомъ она сватаетъ сына Фердинанда за Вел. Кн. Екатерину, и двухъ писемъ князю Куракину, изъ коихъ одно для того, чтобы показать на случай, если подымется вопросъ о прежнихъ предложеніяхъ, эрцъ-герцогу Карлу и принцу Виртембергскому, а другое съ изложеніемъ новаго проекта; но такъ какъ имѣлось въ виду отправить егермейстера графа Головкина въ Мюнхенъ и Штутгардъ собрать свѣдѣнія о двухъ принцахъ изъ этихъ домовъ, она предложила отправить его также черезъ Вѣну, снабдивъ письмами къ эрцъ-герцогинѣ Беатрисѣ для того, чтобы она въ случаѣ ея отказа за Фердинанда, пользуясь своимъ положеніемъ и уваженіемъ, дала бы ей мысль предложить вмѣсто Фердинанда эрцъ-герцога Максимиліана.—Если же будетъ отказъ за обоихъ, то Головкинъ поѣдетъ далѣе, объявивъ, что отправляется въ Швейцарію. Императрица отправила меня съ этими письмами къ гр. Кочубею.

По поводу слуховъ о разводѣ Наполеона Императрица сказала мнѣ, что въ Парижѣ объ этомъ говорили такъ много, что полицей-мейстеръ Фуше явился къ Жозефинѣ и спросилъ ее, она разсердилась и отправилась жаловаться супругу, а тотъ приказалъ арестовать многихъ лицъ. Толстой недавно объ этомъ писалъ и сообщилъ, сказала она, что онъ больше всѣхъ вѣритъ принцу Мекленбургскому, который втерся къ княгинямъ и императрицѣ Жозефинѣ. Этотъ принцъ Мекленбургскій писалъ въ своемъ послѣднемъ письмѣ императрицѣ слѣдующій стоющій вниманія періодъ:

„Въ моемъ послѣднемъ письмѣ [1]) я сказалъ В. В-ву, что для меня

---

[1]) Dans ma dernière lettre, j'ai dit à V. M. qu'il ne me restait aucun doute sur la réalité de certains projets. J'ai si bien fait, que je suis parvenu à les

Библиотека "Руниверс"

нѣтъ сомнѣнія относительно существованія извѣстнаго проекта. Я такъ хорошо повелъ дѣло, что достигъ полнѣйшаго его отстраненія, объ этомъ болѣе нѣтъ рѣчи. Я полагаю, что одержалъ блистательную побѣду".

„Не имѣя никакихъ тайнъ отъ В. В-ва, отъ моей доброй и милой матери, я не могу скрыть, что съ той поры я, кажется, нахожусь въ самомъ *исключительномъ положеніи*. Придумывайте все, что вамъ будетъ казаться *наиболѣе невозможнымъ въ свѣтѣ*, и я отвѣчу---все еще не то и т. д. [1])".

Не женится ли онъ на Жозефинѣ послѣ развода Наполеона? Не влюблена ли она въ него?

19 Четвергъ. Императрица поручила мнѣ написать инструкцію графу Головкину касательно его переговоровъ въ Вѣнѣ; едва я успѣлъ набросать черновое и еще не прочелъ даже, какъ Императрица возвратилась, взяла мое писаніе. Послѣ обѣда она прочла, добавила еще пару строкъ отъ себя и поручила мнѣ снести всѣ эти бумаги къ Государю. Утромъ еще я носилъ эти бумаги къ гр. Кочубею, и онъ нашелъ проектъ хорошимъ и соотвѣтствовавшимъ желанію многихъ, которые дѣлали вопросъ, почему не устроятъ Вел. К-ни въ Россіи. Онъ предпочиталъ дать эрцъ-герцогу одну изъ русскихъ губерній, нежели Курляндію и Лифляндію, потому что, сказалъ онъ, въ этомъ найдутъ еще предпочтеніе къ нѣмцамъ, въ которомъ обвиняютъ уже Государя и его семейство. Впрочемъ, прибавилъ графъ Кочубей, это довольно справедливо, и онъ самъ замѣтилъ, что при представленіи Государю кандидатовъ на какое-либо мѣсто можно быть увѣреннымъ, что онъ выберетъ нѣмца или даже поляка.

Вечеромъ былъ спектакль, я былъ приглашенъ Императрицей: давали Ecole des pères, хорошая нравственная пьеса и Les amis de lumière.

20 Пятница. Съ 5 часовъ утра писалъ оффиціальныя письма по поводу того же проекта и проекта письма къ Куракину. Императрица объявила мнѣ, что я долженъ завтра доложить всѣ бумаги объ этомъ Государю, а именно: 1-е планъ переговоровъ, 2-е частное письмо кн. Куракину, 3-е письмо ему же, назначенное для показыванія, для отклоненія предложеній эрцъ-герцога Карла и принца

écarter absolument, il n'en est plus question du tout. Je croyois avoir remporté une belle victoire.

[1]) N'ayant rien de secret pour V. M., pour ma bonne et gracieuse mère, je ne puis lui cacher que depuis, *je crois* me trouver dans la situation *la plus extraordinaire* du monde; pensez à tout ce qui Vous paraitra *le plus impossible* au monde et je pourrois Vous repondre que cela n'est pourtant pas...

Библиотека "Руниверс"

Виртембергскаго, если подымется объ этомъ вопросъ, 4-е письмо къ эрцъ-герцогинѣ Беатрисѣ съ предложеніемъ о женитьбѣ эрцъ-герцога Фердинанда на Вел. К-нѣ, 5-е инструкція графу Головкину, 6-е другая инструкція ему же, 7-е рекомендательное письмо для графа Головкина къ эрцъ-герцогинѣ Беатрисѣ [1]).

21 Суббота. Въ 1 ч. по полудни я докладывалъ Государю всѣ эти бумаги. Государь сказалъ, что онъ былъ бы душевно радъ, если бы дѣло удалось, но онъ сомнѣвается, потому что эрцъ-герцогиня Беатриса прежде всего переговоритъ съ Императоромъ Францемъ, а онъ будетъ настаивать на своемъ первомъ отказѣ, тѣмъ болѣе, что Императоръ Францъ ничего не выиграетъ отъ этого брака и ничего не потеряетъ, если она его не допуститъ. Кромѣ того Государь боялся недоразумѣнія, потому что Стадіонъ прочтетъ, конечно, письмо эрцъ-герцогинѣ Беатрисѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ письмо къ Куракину, въ которомъ, повидимому, отказываются отъ перваго проекта, т. е. относительно эрцъ-герцоговъ Іоанна и Фердинанда, и которому она конечно не повѣритъ. Когда я передалъ это Императрицѣ, то она включила въ открытое письмо имя эрцъ-герцога Іоанна для того, чтобы этотъ отказъ относился только къ нему. Обѣдалъ у Императрицы. Я по приказанію Императрицы показывалъ эти бумаги Котанцову, но и тотъ полагалъ, что дѣло не удастся.

22 Воскресенье. Былъ во дворцѣ, послѣ обѣдни я былъ позванъ къ генеральшѣ Ливенъ, гдѣ находилась Императрица и графъ Головкинъ. Тутъ поднятъ былъ вопросъ относительно установленія предлога путешествія Головкина. Высочайше повелѣно графинѣ Головкиной говорить тѣмъ, кто будетъ спрашивать, что мужъ ѣдетъ въ Берлинъ, гдѣ находится въ настоящее время его больная мать. Головкинъ скажетъ своей женѣ, что дѣйствительная причина его отъѣзда это секретное порученіе къ Косвигу. Вечеромъ Государь подписалъ это повелѣніе.

26-го. Сегодня былъ обѣдъ въ кабинетѣ Императрицы. Обѣдали: она, Велик. Княжна, Мухановъ, Ланской, Крейтонъ и я. Вечеромъ былъ у Государя балъ. Хотя народу было меньше, нежели прошлый разъ, но балъ былъ очень оживленный. Императрица на балѣ сказала мнѣ, что Дивовъ выходитъ въ отставку, которую онъ просилъ письмомъ до такой степени дерзкимъ, что ему его возвратили и заставили написать другое.

26 Суббота. Я былъ въ канцеляріи, меня потребовала Импе-

---

[1]) Относительно предоставленія особыхъ условій для эрцъ-герцога Императрица составила отдѣльную бумагу, которую Государь подписалъ.

Библиотека "Руниверс"

ратрица. Я отвѣтилъ камердинеру, что я не дежурный и потому не въ формѣ, и ушелъ домой. Дома я получилъ записку отъ Императрицы съ вопросомъ, почему я не пришелъ, и съ приглашеніемъ придти послѣ обѣда. Я засталъ тамъ Сутгофа, которому намылили голову за то, что Крейтонъ не былъ на экзаменѣ въ Повивальномъ институтѣ. Я объяснилъ, что записка была послана отъ института, а если Крейтонъ не знаетъ русскаго языка, то могъ бы спросить, вѣдь были же другіе, тоже не знающіе языка, по тѣмъ же запискамъ, и Сутгофъ въ этомъ не виноватъ.

— А мы съ вами виноваты, сказала Императрица, мы не пригласили министра внутреннихъ дѣлъ на экзаменъ, и приказала мнѣ написать ему письмо съ сожалѣніями о случившемся и просить его самому назначить день для второго экзамена.

Потомъ поднятъ былъ вопросъ объ устройствѣ больницы для рожеицъ.

Сообщ. Н. А. Вилламовъ.

Библиотека "Руниверс"

Берлинскій Конгрессъ 1878 года [1]).

(Дневникъ, веденный на мѣстѣ Д. Г. Анучинымъ).

Вторникъ 6/18 іюня. Утромъ въ 11 ч. собрались у Шувалова, мы трое военныхъ и Убри.

— „Ну, г.г., сказалъ Шуваловъ, сегодня будетъ у насъ серьезный разговоръ. Англія предъявила письменное заявленіе Конгрессу, коимъ, соглашаясь на автономію Сѣверной Болгаріи, требуетъ предоставленія султану военнаго значенія въ южныхъ санджакахъ, если они должны составить особую провинцію. На присоединеніе къ Сѣверной Болгаріи Софійскаго санджака несогласна. Австрія обѣщала поддерживать насъ насчетъ включенія Софійскаго санджака въ Сѣверную Болгарію, если мы согласимся отодвинуть еще къ сѣверу южную границу конференціи „прорѣзывающую, по выраженію Австріи, по живому помаковъ".

„На сегодня въ 12 ч. назначено въ англійскомъ посольствѣ совѣщаніе Англіи, Россіи и Австріи. Отъ Биконсфильда хотѣли было отдѣлаться, но онъ настоялъ на томъ, что придетъ.

„Военное вліяніе султана въ Южной Болгаріи англичане видятъ въ полной свободѣ располагать и двигать въ ней войска, тогда какъ наши уполномоченные имѣютъ право только согласиться на наблюденіе за Балканскими горами. Для разъясненія въ Петербургѣ всѣхъ вопросовъ и полученія къ 4-му засѣданію, въ пятницу, отвѣта, гр. Шуваловъ желаетъ послать, сегодня вечеромъ, Боголюбова на 24 ч., въ Царское Село.

---

[1]) См. „Русскую Старину", февраль 1912 г.

Библиотека "Руниверс"

„Положеніе серьезно. Биконсфильдъ все болѣе и болѣе стоитъ на своемъ, выразившись, что едва-ли не лучше ему сѣсть въ вагонъ и выѣхать изъ Берлина. Тогда конечно Конгрессъ будетъ сорванъ".

Повредило ли бы это нашимъ дѣламъ? Вотъ въ чемъ вопросъ.

И такъ Россія одна, съ нею тѣ—и только для виду—которые хотятъ, придравшись къ случаю, обобрать Востокъ—австрійцы.

Въ 12 ч. Шуваловъ и Убри пошли въ англійское посольство, а насъ просили вновь зайти въ 3½ ч. Воспользовавшись перерывомъ, мы поспѣшили ознакомиться съ подробностями 2-го засѣданія Конгресса, бывшаго вчера.

Представленіе свое объ организаціи Болгаріи маркизъ Салисбюри изложилъ такъ:

„1. Que la principauté tributaire autonome de la Bulgarie soit restreinte à la partie Turquie européenne située au nord des Balkans.

„2. Que la province de la Roumelie et tout autre territoire au sud des Balkans soient sous l'autorité politique et militaire direct du sultan, toute précaution nécessaire etant prise pour que le bien-être des populations soit sauvegardé par des garanties suffisantes d'autonomie administrative, ou d'autre manière".

Графъ Шуваловъ указалъ на то, что если Англія не соглашается на границы Санъ-Стефано, то нельзя прямо перейти къ границамъ, выше опредѣленнымъ маркизомъ Салисбюри, и что есть еще полная возможность говорить о другихъ предѣлахъ Болгаріи, напр., тѣхъ, которые были опредѣлены на Константинопольской конференціи съ согласія представителей Европы.

Князь Бисмаркъ, замѣтя, что обсужденіе столь важныхъ вопросовъ во всѣхъ подробностяхъ на самомъ Конгрессѣ неудобно и грозитъ дѣлу, предложилъ, чтобы уполномоченные державъ, наиболѣе заинтересованныхъ въ обсуждаемомъ дѣлѣ, собирались на частныя совѣщанія, приходили на нихъ къ болѣе опредѣленнымъ соглашеніямъ и потомъ уже вносили ихъ на Конгрессъ въ разработанномъ и удобномъ для утвержденія видѣ. Подобное совѣщаніе онъ предложилъ имѣть по Болгарскому вопросу.

Тогда графъ Андраши высказалъ, что въ дѣлѣ опредѣленія западныхъ границъ Болгаріи весьма заинтересована Австрія, а потому находилъ необходимымъ, чтобы и она имѣла своего представителя на такомъ частномъ совѣщаніи.

Библиотека "Руниверс"

Конгрессъ единогласно постановилъ, чтобы уполномоченные Австріи, Англіи и Россіи занялись вопросомъ о разграниченіи Болгаріи и труды свои представили на одномъ изъ ближайшихъ засѣданій Конгресса.

Вотъ почему и были уже частные переговоры между Австріей, Англіей и Россіей, о которыхъ утромъ сообщалъ намъ гр. Шуваловъ, и которые вновь должны были возобновиться сегодня въ 12 ч. въ домѣ англійскаго посольства.

Сдается мнѣ, что подобный порядокъ обсужденія дѣлъ для насъ невыгоденъ. Въ частномъ совѣщаніи представителей трехъ державъ, очевидно, большинство будетъ противъ насъ, слѣдовательно, или придется съ ними согласиться, поступаясь съ сущностью дѣла, или прекратить частное совѣщаніе и внести вопросъ на Конгрессъ, т. е. начать съ начала. На Конгрессѣ союзниковъ у насъ нѣтъ, но изъ державъ, несущественно заинтересованныхъ, напримѣръ, границами Болгарія, къ намъ могутъ присоединиться болѣе безпристрастныя, для которыхъ игра Англіи и Австріи, во всякомъ случаѣ, не можетъ не казаться своекорыстною и вредною для судьбы Балканскихъ христіанъ. Съ другой стороны, проектированіе граничной линіи на картѣ дѣйствительно очень затруднительно для Конгресса въ полномъ его составѣ. Посмотримъ, что выйдетъ.

Второе засѣданіе Конгресса не обошлось безъ новой дерзости Англіи по нашему адресу. Англія, говорилъ маркизъ Салисбюри, не можетъ дозволить Россіи низвести Турцію на степень полнаго себѣ подчиненія; она обязана предоставить ей если не полную степень прежней независимости, потому что нельзя совершенно уничтожить результаты войны (car on ne saurait entiérement anéantir les resultats de la guerre), то независимость относительную, которая давала бы ей возможность достаточно защищать свои интересы стратегическіе, политическіе и коммерческіе, которыхъ Турція попрежнему остается охранительницей.

На эту выходку и выраженія Салисбюри anéantir les resultats de la guerre, гр. Шуваловъ отвѣтилъ, что Россія явилась на Конгрессъ для того, чтобы согласовать Санъ-Стефанскій договоръ съ общими интересами Европы, а отнюдь не для уничтоженія результатовъ войны, по поводу которой она принесла столько жертвъ. Вотъ эта-то находчивость Шувалова и умѣнье отразить неожиданное нападеніе такъ и понравились дипломатамъ и заставили ихъ говорить о его способностяхъ. (См. выше подъ 5/17 іюня).

Библиотека "Руниверс"

„Хуже чѣмъ я думалъ, сказалъ гр. Шуваловъ, входя въ ½ 5-го въ комнату, гдѣ мы его ожидали. Я такъ истомился, г.г., что попрошу дозволенія отдохнуть съ полчаса".

Однако онъ скоро пришелъ и сталъ говорить въ общихъ чертахъ, а потомъ пошелъ со всѣми тремя нами къ Убри, гдѣ и былъ общій разговоръ для нашего свѣдѣнія и составленія донесенія Государю.

Софіи даютъ *или* взамѣнъ Варны съ terrains adjacents *или* взамѣнъ земель по долинамъ Месты и Струма, т. е. стало быть по самыя границы Софійскаго и Филиппопольскаго санджаковъ. Разумѣется, всѣ мы высказались за обмѣнъ Софійскаго санджака на земли сѣверо-восточной Македоніи.

На завтра предположено собрать комиссію изъ военныхъ представителей Россіи, Англіи и Австріи для опредѣленія границъ Болгаріи, а разговоръ о нихъ на Конгрессѣ отложенъ до пятницы.

Завтра, 3-го, засѣданіе Конгресса, на которомъ не будутъ говорить о Болгаріи.

Для доклада о положеніи дѣлъ и полученія необходимыхъ разъясненій, сегодня вечеромъ выѣхалъ въ Петербургъ полковникъ Боголюбовъ.

Среда 7/19 іюня. Уполномоченные Россіи, Англіи и Австріи, получивъ согласіе Конгресса (на 2-мъ засѣданіи) обсудить на частномъ совѣщаніи предложенія маркиза Салисбюри объ образованіи княжества Болгарскаго и Румелійской провинціи, согласились между собою—вопросъ собственно о границахъ этихъ двухъ территорій обсудить отдѣльно въ комиссіи изъ военныхъ офицеровъ, состоящихъ при уполномоченныхъ. Въ комиссію эту, названную „la commission des délégués spéciaux de delimitation"—назначены: со стороны Россіи—я, Бобриковъ и Боголюбовъ; со стороны Англіи генералъ Симмонсъ и капитанъ Ardagh, оба инженеры, и отъ Австріи—баронъ фонъ Швегель, начальникъ отдѣленія въ мин. ин. дѣлъ, и подполковникъ генеральнаго штаба фонъ-Тёммель.

Мѣстомъ засѣданія комиссіи выбрали залу бывшей квартиры князя Бисмарка въ домѣ мин. ин. дѣлъ на Вильгельмштрассе, 76. Сегодня, рано утромъ меня разбудили извѣщеніемъ, что наша комиссія собирается на первое засѣданіе сегодня же, въ 9 ч. утра. Одѣвшись, я зашелъ къ Бобрикову и вмѣстѣ съ нимъ (Боголюбовъ вчера уѣхалъ въ Петербургъ), ровно въ 9 ч. былъ въ назначенномъ мѣстѣ.

Насъ ввели въ весьма большую комнату, носящую слѣды прежней богатой отдѣлки, но находящуюся теперь въ запущеніи. На дверяхъ и окнахъ нѣтъ ни портьеръ, ни занавѣсокъ, по стѣнамъ стоитъ нѣсколько разнокалиберной мебели, по срединѣ комнаты

Библиотека "Руниверс"

наскоро ставили какой-то невзрачный раздвижной столъ, и въ то же время нѣсколько человѣкъ мели полъ. Приказаніе приготовить комнату пришло только сегодня утромъ, и къ назначенному сроку ничего еще не было приготовлено. Администрація дома извинилась передъ намъ и предложила пройти въ другія комнаты, но мы предпочли прогулку по Вильгельмштрассе, гдѣ вскорѣ и встрѣтили нашихъ англійскихъ коллегъ, а потомъ, въ прибранную уже кое-какъ залу, около половины десятаго подошли и австрійцы.

Познакомясь другъ съ другомъ, мы приступили къ рѣшенію данной намъ задачи. Австрійцы объяснили данныя намъ указанія, оказавшіяся тождественными съ нашими; англичане же сказали, что не имѣютъ никакихъ данныхъ о введеніи Софійскаго санджака въ составъ княжеской Болгаріи, и объявили, что это вопросъ спорный, еще подлежащій подробному обсужденію. Сразу стало ясно, что предстоятъ большіе споры.

Послѣ потери немалаго времени, согласились наконецъ опредѣлить:

а) восточную половину южной границы Румеліи, примѣрно отъ Мустафы-Паши до Чернаго моря.

б) потомъ границу terrains adjacents de Varna, на случай ихъ обмѣна за Софійскій санджакъ.

в) западную границу Болгаріи, отдѣляющую ее отъ Салоникскаго вилайэта, и

г) границу по Балканамъ между Болгаріей и Румеліей.

Засѣданіе наше продолжалось съ 9 ч. утра до 12 и потомъ съ 2¼ до 6. Воспользовавшись перерывомъ, я былъ у Шувалова, чтобы передать ему передъ началомъ 3-го засѣданія Конгресса—о происходившемъ въ нашей комиссіи, при чемъ выразилъ мнѣніе о невозможности достигнуть какихъ-либо благопріятныхъ результатовъ, совѣщаясь только съ англичанами и австрійцами.

Въ этотъ же промежутокъ времени, чтобы быть ближе къ нашимъ уполномоченнымъ, я переселился изъ Hôtel de Rome въ Windzor Hôtel на Behren Strasse какъ разъ за домомъ нашего посольства. Новое мое помѣщеніе не такъ элегантно, какъ прежнее, и самый отель второразрядный, но за то все подъ рукою.

Попытка наша установить какія-либо общія основанія для разграниченія—не удалась. Англичане упорно ни на что не соглашались и протестовали противъ всякихъ основаній стратегическихъ, географическихъ и этнографическихъ. Подобныя отрицанія нисколько не стѣсняли ихъ, однако, обращаться къ этимъ основаніямъ всякій разъ, когда то было для нихъ выгодно, т.-е. уменьшало раз-

Библиотека "Руниверс"

мѣры Болгаріи и побольше оставляло за Турціей. При проведеніи границы, по одному и тому же участку, на разстояніи какой-нибудь сотни верстъ, англичане отстаивали одну ея часть по причинамъ этнографическимъ, другую, совершенно съ нею однородную, хотѣли уже пріурочить къ географическимъ особенностямъ края, а далѣе выдвигали впередъ стратегическое значеніе. Вообще же они мало заботились объ объясненіи и ограничивались заявленіемъ: „мы такъ находимъ лучше и отъ своего мнѣнія не отступимъ". Упорство англичанъ было поразительное, раздражающее и нерѣдко выводило изъ всякаго терпѣнія не только насъ, но и австрійцевъ [1]). Несмотря на такой способъ веденія дѣла, мы все-таки обсудили всѣ границы и записали ихъ направленіе не въ видѣ всѣми одобреннаго результата совѣщаній, а только для того, чтобы имѣть слѣдъ англійскихъ предложеній.

Южная граница. Граница эта состояла изъ двухъ частей: западной, шедшей отъ мыса Лагосъ влѣво по Эгейскому морю и далѣе, и восточной, сплошь сухопутной, отходившей довольно далеко къ сѣверу. Нашему обсужденію подлежала собственно эта восточная часть границы, гдѣ мы заранѣе отказывались (см. дальше подъ 4/16 іюня) защищать значительный ея выступъ въ окрестностяхъ г.. Люле-Бургаса. Вотъ что мы записали по этой линіи. „Граничная линія между Румеліей и Адріанопольскимъ вилайэтомъ, сливаясь съ демаркаціонной линіей, опредѣленной Санъ-Стефанскимъ договоромъ между Крушево-Дагъ и окрестностями Мустафы-Паши, направится (карта Киперта) отъ избраннаго въ его окрестностяхъ на р. Марицѣ пункта къ сѣверу, чтобы между Дервишъ-Тепе и Суджакомъ къ р. Тунжѣ, которую перейдетъ по направленію Буюкъ-Дербентъ, остающійся къ сѣверу. Оттуда линія направится къ востоку, проходя между Кайбиларомъ и Девлетъ-Агачемъ, черезъ Канару, оставляя ее къ югу; достигнувъ источниковъ Теке-дере линія

(русское предложеніе) направится на Гохтепе и Василико на Черномъ морѣ, проходя къ югу отъ Василико-дере и оставляя Василико къ сѣверу.

---

[1]) Здѣсь разскажу интересный по поводу этихъ споровъ случай. Выведенные изъ себя безобразіями англичанъ—собственно только одного генерала Симмонса, такъ какъ капитанъ Ардагъ молчаливо во всемъ съ нимъ соглашался,—я и Бобриковъ, говоря между собою по-русски, непохвально отозвались о ихъ дѣйствіяхъ. Австріецъ Швёгель, сидѣвшій рядомъ, отзываетъ насъ въ сторону и говоритъ по-французски: „господа, я долженъ предупредить васъ, что понимаю по-русски и даже написалъ книгу на словацкомъ нарѣчіи—моя мать словачка". Однако вы замѣчательный лингвистъ, говоритъ кто-то изъ насъ: говорите по-нѣмецки, французски, англійски и знаете славянскіе языки. Какой же языкъ вы изучали спеціально для вашей карьеры?—„Арабскій".

Библиотека "Руниверс"

(англійское предложеніе) „продолжится къ Черному морю въ окрестностяхъ Шайтанъ-дага, проходя между Текенджи и Оренкіой, слѣдуя по водораздѣлу, отдѣляющему воды, впадающія въ Черное море, между мысомъ Айа-Галина и Василико отъ водъ, туда же текущихъ къ сѣверу отъ этого мыса.

Граница des terrains adjacents de Varna. Мысль объ исключеніи изъ состава Сѣверной Болгаріи Варны и оставленіи этого важнаго порта и крѣпости въ рукахъ Турціи была до такой степени нелѣпа, что ни мы, ни австрійцы не вмѣшивались въ измышленія англичанъ и записали, для видимости, все, что они предложили. Вотъ ихъ предложеніе.

„Варна и прилегающая къ ней мѣстность. Начинаясь у мыса Кали-Акра и слѣдуя по водораздѣлу между притоками Чернаго моря къ югу отъ этого мыса съ одной стороны и притоками Чернаго же моря или Дуная къ сѣверу отъ этого мыса съ другой стороны, граница пройдетъ къ югу отъ Хаджи-Оглу-Базарджика, къ сѣверу отъ Козлуджи и около Язо-Тепе и достигнетъ границы Варнинскаго санджака около Тюркъ-арнаутлара. Далѣе линія идетъ по этой границѣ къ югу до Акили-Камчикъ и восточнѣе Янково. Подымаясь, по Камчику, до Кучукъ-Камчикъ, граница пойдетъ по этой рѣкѣ до пункта къ сѣверу отъ Чалыковака, гдѣ упрется въ Балканы". Такимъ образомъ шутники англичане хотѣли отхватить отъ Болгаріи—Варну, Проводы, Козлуджу и чуть не до Кошла, а къ юго-востоку все до Эмине-Дага!

Граница между Болгаріей и Салоникскимъ вилайэтомъ. „Эта граница, начинаясь на сѣверѣ у горы Чрны Врхъ, пунктѣ соединенія съ сербской границей, пройдетъ сперва на югъ чрезъ Бабину поляну, обойдетъ затѣмъ на высотѣ Дуравицы, Китки и Едилова (Uzma) Планина къ юго-западу, чтобы слѣдовать по линіи водораздѣла между Тересницей съ одной и ручьемъ Лука съ другой стороны. Она пересѣчетъ дорогу Егри-Паланка—Кюстендиль на высотѣ Дрела Брда, раздѣля бассейны Лѣпницы и Егры (Крива рѣка). Оттуда граница, придерживаясь постоянно линіи раздѣла водъ, текущихъ на востокъ въ Струму и на западъ въ Вардаръ, пойдетъ по вершинамъ (гребнямъ, crête) горъ Карвена Ябука, Гитка и Свегра Планина до Малесъ Планина и границы между санджаками: нынѣшнимъ Софійскимъ (Кара-Джума) и Серескимъ. Поворачивая оттуда къ востоку, линія пойдетъ по санджаковой границѣ чрезъ Леска Врхъ и Трескова, перейдетъ Струму ниже Крупника и направится затѣмъ въ сѣверо-западномъ направленіи на вершины Родопскихъ горъ чрезъ Србинъ-Оглы, Капетникъ Балканъ, Аджи-Гедукъ, Кадымесаръ-Балканъ, Некофъ-Тепе, Демиръ-Капу, Джадиръ-

Библиотека "Руниверс"

Тепе до Белабанджи-Ейласи, точки соединенія границъ Болгаріи, Румеліи и Салоникскаго вилайэта".

Граница Румеліи и Салоникскаго вилайэта. „Отъ этого пункта граница Салоникскаго вилайэта пойдетъ въ юго-восточномъ направленіи по вершинамъ горъ, отдѣляющихъ бассейнъ р. Месты отъ бассейна р. Марицы и разныхъ притоковъ ея праваго берега до Крушево-Дагъ, гдѣ соединяется съ границами вилайэтовъ Салоникскаго и Адріанопольскаго и Румеліи.

„При уступкѣ Софійскаго санджака, придется провести границу только между санджаками Софійскимъ и Филиппопольскимъ. При этомъ уполномоченные Англіи получили приказаніе настоять на проведеніи этой границы такъ, чтобы отдѣлить воды Марицы, для чего пограничная черта, начинаясь у горы Рабаницы, пойдетъ по вершинамъ горъ, отдѣляющихъ воды Марицы отъ водъ, текущихъ въ Дунай (Искеръ), и пройдетъ между Самоковомъ и Бани, чтобы выйти къ Белабанджи-Ейласи".

Вообще англичане говорили, что даже уступка Турціи Варны съ окрестностями не можетъ повлечь за собою согласія на включеніе Софійскаго санджака въ составъ Болгаріи, такъ какъ санджакъ этотъ чрезвычайно важенъ для Турціи. Да кромѣ того, отдача Софіи была бы совершенно противна главнымъ принципамъ лондонскаго соглашенія между Англіей и Россіей, по которому предѣлы Болгаріи ограничиваются Балканами, а Софія лежитъ на южной ихъ сторонѣ, ибо Балканскій хребетъ тянется отъ Эмине-Дага въ западномъ и далѣе въ сѣверо-западномъ направленіи, направляясь къ сербскимъ границамъ выше сѣверныхъ предѣловъ Софійскаго санджака. Такое понятіе о Балканахъ вызвало жаркую отповѣдь съ нашей стороны. Англичане упорно стояли на своемъ, говоря, что такъ, какъ они, толкуютъ не только на самихъ мѣстахъ, но и научные авторитеты. Австрійцы присутствовали равнодушно при нашемъ поединкѣ, не соглашаясь прямо съ англичанами и не противорѣча намъ. Дѣло однако рѣшила справка чисто-научнаго свойства. Бобриковъ указалъ на труды нѣмецкаго ученаго, вѣнскаго профессора Гогштетера, доказавшаго, что по геологическому составу прямымъ продолженіемъ Балканскаго хребта, начинающагося у Эмине-Дага, слѣдуетъ считать не тѣ горы, которыя идутъ по сѣверную сторону Софійскаго санджака, а тѣ, которыя отдѣляютъ его отъ Филиппопольскаго. Такимъ образомъ, если южною границей княжеской Болгаріи слѣдуетъ принять Балканы, то надо брать настоящія, т. е. именно тѣ, которыя мы считаемъ Балканами, и тогда Софійскій санджакъ безспорно долженъ входить въ составъ Болгаріи.—„Развѣ вашъ ученый именно такъ опредѣляетъ значеніе

Библиотека "Руниверс"

Балканъ?" спросилъ Симмонсъ Швегелъ.—„Заявленіе нашихъ русскихъ коллегъ совершенно вѣрно", отвѣчалъ тотъ. Послѣ этого англичане заявили, что во всякомъ случаѣ о передачѣ Болгаріи всего Софійскаго санджака не можетъ быть рѣчи, а слѣдуетъ сдѣлать въ немъ большія урѣзки съ цѣлью оставить Турціи Нхишманскій проходъ и другія важныя позиціи.

Граница по Балканамъ. Хотя англичане и согласились, что линія Балканъ понимается ими не такъ, какъ понимаемъ ее мы и австрійцы, но все-таки они стоятъ за ту границу по Балканамъ, которую проектировали по прежнимъ своимъ взглядамъ. Мы записали ее опять-таки, только для свѣдѣнія. Обозначеніе этой границы англичанами на картѣ возбудило снова безконечные споры между ими и нами. Здѣсь англичане, охотно принимавшіе для другихъ границъ водораздѣлы и гребни хребтовъ (crête), выставили новый принципъ стратегическихъ поясовъ (zone) въ пять километровъ ширины. Они говорили, что вести границу по гребнямъ Балканъ нельзя, такъ какъ тогда Турція не будетъ имѣть возможности защищать проходы, а для ихъ защиты она должна имѣть въ своихъ рукахъ оба выхода, чтобы имѣть возможность всегда свободно войти въ Болгарію, а съ другой стороны затруднить болгарамъ доступъ за Балканы. Противъ возраженій, что такая граница будетъ рѣзать населеніе по живому и совершенно немыслима, Симмонсъ говорилъ, что онъ лично проводилъ границу между Канадой и Соединенными Штатами и почти на всемъ протяженіи провелъ ее по прямой линіи. Разницы между густо населеннымъ краемъ и пустыней онъ не хотѣлъ и знать. Вотъ англійская граница по Балканамъ: „Отъ мыса Эмине граница пойдетъ, слѣдуя по гребнямъ Эмине Балкана до Топчимахала; спускаясь у Ерезилера, линія продолжается до Дели-Камчика, который переходитъ ниже Баялара; оттуда, обходя съ сѣвера Чаликовакъ, достигаетъ Буюкъ-Камчика у Іюнлюжера. Поднимаясь по Камчику черезъ Катакъ до Новосела, она переходитъ тамъ въ притокъ р. Янтры, коимъ спустившись до Абанлармахале, она поднимается по другому притоку и чрезъ Куртоларъ и Булгаркіой до Кецидере; оттуда прямой линіей чрезъ Тоспатларъ до ручья Дренска. Отъ Дренска, поднимаясь, пойдетъ въ Кладеницы. Оттуда она перейдетъ контрофорсы Батора и Бузовецъ Балканъ въ среднемъ разстояніи пяти километровъ, чтобы достигнуть Травнинскаго ущелья въ Пласковцѣ; оттуда прямой линіей къ соединенію Янтры съ Поничаркой Дере, которою поднимается до Магарица-Дагъ, переходитъ Бѣларѣку и Траянъ, и держась постоянно въ томъ же разстояніи около пяти километровъ, она идетъ вдоль главной цѣпи Коджа-Балканъ между Траяномъ и

Библиотека "Руниверс"

Табакомъ, спустится чрезъ Острецъ и достигнетъ ручья Краево у подножья монастыря Св. Николая; отъ Краевы она поднимается рѣкою Жетовицей, пройдетъ къ сѣверу отъ Траянскаго ущелья и достигнетъ Бѣлой Осмы (Осма). Затѣмъ, переходя Бѣлый Видъ и Заводне, прямой линіей пойдетъ чрезъ Падесъ къ сѣверу отъ Этрополя чрезъ Гребенъ до дороги изъ Орханіэ въ Софію, которую перейдетъ къ югу отъ Врачежа, поворачивая къ сѣверо-западу и проходя чрезъ Озеновтакъ, она достигнетъ р. Искеръ у Гавроницы. Поднимаясь по Искеру до Оплета, она восходитъ на Соколецъ Планину и пройдетъ чрезъ Козницо Планину до Орта, караулъ на дорогѣ изъ Берковца въ Софію, которую тамъ и переходитъ. Далѣе идетъ вдоль Коджа-Балканъ, Ципровецъ-Балканъ и Св. Николай въ разстояніи до пяти километровъ, чтобы чрезъ Урбовацъ достигнуть старой сербской границы у Кули-Кадыбугазъ".

Записываю одно изъ безобразій, допущенныхъ лицами, снаряжавшими нашихъ уполномоченныхъ на конгрессъ. Когда мы (военные) узнали, что на насъ будетъ возложено проектированіе границъ, то въ тотъ же день (6-го іюня) обратились въ путевую канцелярію канцлера за необходимыми для насъ картами. Никакихъ картъ для подобныхъ занятій не оказалось. У меня рѣшительно ничего не было съ собой, такъ какъ меня схватили на дорогѣ, Бобриковъ имѣлъ карту Сербіи, а Боголюбовъ—Черногоріи. Бросились въ магазины—тоже нѣтъ полнаго экземпляра австрійской карты Балканскаго полуострова. Пришлось явиться на первое засѣданіе безъ всякихъ картъ. Случай этотъ повелъ однако къ выгоднымъ лично для насъ результатамъ. Въ теченіе года кампаніи мы всѣ трое такъ ознакомились съ мѣстностью, что неглядя на карту могли направлять по ней линіи. Читаютъ англичане нѣсколько названій различныхъ мѣстностей и начинаютъ ихъ усердно разыскивать на картѣ. Бобриковъ говоритъ: нашли, напримѣръ, Мустафу-Пашу? — Нашли. — Ведите теперь пальцемъ къ сѣверу верстъ 20, теперь направо, еще направо, тутъ и есть, что ищете. Такое знаніе карты и мѣстности удивляло нашихъ коллегъ. Даже суровый Симмонсъ не могъ воздержаться и безпрерывно говорилъ „удивительно, какъ вы, M-rs les russes, изучили Турцію".

NB. Карты мы потомъ выписали изъ Вѣны чрезъ нашего военнаго агента полковника Фельдмана.

Сообщила А. С. Анучина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

Николай Гавриловичъ Чернышевскій.

(Наброски по неизданнымъ матеріаламъ).

II. Семинарія[1]).

Николай Гавриловичъ подросъ; надо его было отдавать учиться. Въ мѣстное духовное училище, говоритъ Ф. В. Духовниковъ, Гавріилъ Ивановичъ не хотѣлъ отдавать сына, тѣмъ болѣе, что ректоръ Саратовскаго духовнаго училища, священникъ Амальевъ, не пользовался репутаціей честнаго человѣка. Какъ извѣстно, Г. И., давъ своему сыну домашнее образованіе, направилъ его въ Саратовскую семинарію. Но на самомъ дѣлѣ, Н. Г. былъ въ училищѣ. (Юдинъ, П. „Истор. Вѣст.“, 905; 12).

По мѣрѣ того, какъ росъ Чернышевскій, въ немъ возростала и любовь къ чтенію. Книги его очень интересовали; придетъ ли къ нему кто-нибудь изъ товарищей, или самъ Н. Г. зайдетъ къ товарищу,—сейчасъ начнетъ разсказывать, что прочиталъ. „А, вѣдь, какъ занимательно“, скажетъ при этомъ.

У Николая Гавриловича было сильно развито стремленіе помогать другимъ въ учебныхъ занятіяхъ; въ томъ кварталѣ, гдѣ находился домъ его отца, было много мальчиковъ, моложе и старше Н. Г. Съ ними часто игралъ Николай Гавриловичъ; но всегда онъ предпочиталъ книги играмъ. Самъ онъ никогда не отрывалъ ни-

[1]) См. „Русская Старина“ январь 1912 г.

Библиотека "Руниверс"

ного отъ учебныхъ занятій, но даже оставлялъ игры, если видѣлъ, что мальчикъ учитъ урокъ и не понимаетъ чего-либо [1]).

Въ домѣ Чернышевскихъ до сихъ поръ существуетъ мезонинъ, въ которомъ всегда занимался Н. Г., будучи мальчикомъ; да и для взрослаго это было любимымъ мѣстомъ для чтенія. Въ этомъ мезонинѣ и жилъ Н. Г., когда выросъ. Отсюда открывается прелестный видъ на Волгу (тогда Волга около Саратова была шириной до семи верстъ), слободу Покровскую, Зеленый островъ, знаменитый Увекъ, служившій однимъ изъ главныхъ предметовъ разговоровъ и изслѣдованій Г. С. Саблукова, знакомство съ которымъ не осталось безъ вліянія на Чернышевскомъ.

Въ семинаріи ближе другихъ для Николая Гавриловича были товарищи Левицкій и Мансветовъ.

Первый отличался большой самостоятельностью. Еврейскій языкъ тогда преподавалъ въ семинаріи А. Т. Петровскій, выдававшій ученикамъ, вмѣсто учебника, свои записки. Левицкій, хорошо знавшій еврейскій языкъ, исчеркалъ эти записки, найдя въ нихъ много ошибокъ, и исправилъ ихъ. Узнавъ объ этомъ, Петровскій спросилъ Левицкаго: „Зачѣмъ ты такъ исчеркалъ мои записки?“

Грубый и дерзкій Левицкій отвѣтилъ: „А зачѣмъ вы наврали?“ Левицкаго лишили казеннаго содержанія.

Мансветовъ иногда (раза два на недѣлю) заходилъ на домъ къ Чернышевскому, но ненадолго; можетъ быть, ему не совсѣмъ нравился пріемъ у Николая Гавриловича, такъ какъ Мансветовъ очень любилъ выпить.

Вообще, въ то время (1830—40 г.г.) грубость, худыя манеры, невоздержная жизнь процвѣтали въ семинаріи. Даже Иринархъ Ивановичъ Введенскій (ранѣе Чернышевскаго учившійся въ семинаріи) былъ крайне невоздержной жизни и скандалистъ большой руки. Левицкій за пьянство кончилъ курсъ во второмъ разрядѣ.

Что касается внѣшности саратовскихъ семинаристовъ, то она была очень неказиста: въ казинетовыхъ сюртукахъ, съ костяными пуговицами, многіе ходили нечесанными,—гребенки стоили денегъ, а ихъ у семинаристовъ не было. Преосвященный Іаковъ (Вечерковъ) даже косо смотрѣлъ на тѣхъ, которые любили прилично одѣться; такъ, онъ не долюбливалъ и не представлялъ къ наградѣ

---

[1]) Для біографіи Н. Г. Чернышевскаго имѣетъ значеніе книга М. Воронова „Болото. Картины С.-Петербургской, Московской и провинціальной жизни“. СПБ. 1870. Здѣсь подробно говорится о „Малой Азіи“, т. е., дворѣ—мѣстѣ игръ Н. Г., дворѣ самого Воронова и гимназическихъ учителяхъ съ которыми пришлось имѣть дѣло Н. Г—чу. Самъ Вороновъ—секретарь Чернышевскаго въ Петербургѣ.

Библиотека "Руниверс"

одного хорошаго и трезваго учителя только за то, что онъ одѣвался очень прилично и носилъ бакенбарды.

Теперь, каковъ былъ учительскій персоналъ семинаріи того времени (30—40-ые годы)?

Многіе учителя, или, какъ ихъ тогда называли, профессора, составляли гордость семинаристовъ, говорятъ прот. И. В. Любомудровъ, И. Н. Виноградовъ и свящ. Павильоновъ, и о достоинствахъ преподавателей ученики много спорили.

Нѣкоторые учителя читали въ классѣ лекціи, напр., Г. С. Воскресенскій, благодаря чему, семинаристы слышали живое слово; другіе, напр., Сокольскій, заставляли писать въ классѣ сочиненія послѣ предварительныхъ объясненій преподавателя, чѣмъ пріучали учениковъ правильно излагать свои мысли.

Саблуковъ свободно объяснялся по-татарски. По отзыву перечисленныхъ выше лицъ, онъ былъ эгоистомъ, человѣкомъ самоувѣреннымъ. Слово его—законъ, но человѣкъ онъ былъ очень умный. Саблуковъ иногда смѣшилъ учениковъ своими остротами. „Садись, дерево, на дерево“, скажетъ, бывало, ученику, который неудачно отвѣтитъ. Педагогическіе пріемы его тоже поражали насъ, разсказывали ученики Саблукова. Желая, напр., наглядно показать направленіе теченія Волги, Гордій Семеновичъ (такъ звали Саблукова) говорилъ: „Ходи Волгу!“ И ученикъ долженъ ходить по классу съ сѣвера на югъ такъ, чтобы представить всѣ главные повороты Волги.

Синайскій, составитель греческихъ словарей, былъ очень умный и преданный своему дѣлу учитель.

Ректоръ—архимандритъ Никодимъ—занимался преподаваніемъ съ особенной любовью. Хотя каждый урокъ въ семинаріи тогда продолжался два часа, но для Никодима и этого было мало: онъ упросилъ учителя математики удѣлить ему одинъ часъ для своихъ занятій. Такимъ образомъ, урокъ Никодима шелъ три часа подрядъ. Классныя занятія у него были необыкновенно живы и оригинальны, хотя и велись на латинскомъ языкѣ. Послѣ чтенія своей лекціи, Никодимъ устраивалъ диспуты: одни ученики доказывали извѣстную мысль,—другіе опровергали ее. Ученики говорили въ классѣ экспромпты. Никодимъ требовалъ, чтобы семинаристы дѣлали возраженія, нисколько не стѣсняясь. Первымъ возражателемъ являлся нервный, живой и пылкій И. И. Введенскій. Преосвященному Іакову очень не нравился свѣтскій образъ жизни Никодима, шикарно одѣвавшагося, ѣздившаго по городу въ богатомъ экипажѣ, выписанномъ изъ Петербурга и запряженномъ четверней. Никодимъ имѣлъ большое знакомство, а Іаковъ считалъ это униженіемъ духовнаго

Библиотека "Руниверс"

сана. Ревизуя семинарію, по предписанію Синода (Іаковъ прибылъ ревизовать въ 8 часовъ утра), онъ далъ худой отзывъ объ учебной постановкѣ въ семинаріи, въ особенности же о самомъ Никодимѣ, ея начальникѣ. Поэтому, Никодима перевели въ Иркутскій второклассный монастырь, настоятелемъ (1833 г.).

Вообще, составъ преподавателей въ тоговременной семинаріи былъ незаурядный.

Учиться въ семинаріи было довольно трудно; приходилось все время зубрить,—учителя подтрунивали, если ученикъ скажетъ что-либо изъ урока своими словами: „Э! Да ты свои слова вставляешь! Нѣтъ, братъ, умнѣе и лучше книги не скажешь. Не выучилъ урока,—и болтаешь“. Хотя здѣсь не сѣкли, но ставили на колѣна, въ уголъ, заставляли въ видѣ наказанія молиться въ столовой за обѣдомъ и класть извѣстное число земныхъ поклоновъ, смотря по винѣ ученика.

Нѣкоторые изъ лучшихъ учениковъ держались того мнѣнія, что отъ однихъ учителей нельзя пріобрѣсть знаній,—необходимо, главнымъ образомъ, заниматься самому. Въ семинаріи былъ небольшой кружокъ учениковъ, занимавшихся, помимо обязательнаго готовленія уроковъ, вполнѣ самостоятельно. Ихъ родственники, бывшіе въ университетахъ и академіяхъ, совѣтовали семинаристамъ, что̀ именно прочесть и чѣмъ вообще заниматься; такъ, напр., одному семинаристу братъ прислалъ изъ университета много книгъ для самообразованія и подготовки въ университетъ. Въ одномъ изъ такихъ кружковъ былъ въ свое время и Г. Е. Благосвѣтловъ. Особенно полезны были эти кружки потому, что давали возможность добывать книги свѣтскаго содержанія. Семинарское начальство тогда запрещало читать такія книги. Увидитъ, бывало, инспекторъ, архимандритъ Тихонъ, свѣтскую книгу у какого-нибудь ученика,—отниметъ и ни за что не отдастъ. Свѣтскія книги добывали или у торговцевъ Пѣшаго базара, торговавшихъ всякимъ хламомъ, или же у своихъ знакомыхъ.

Что касается отношеній между учениками и преподавателями, то послѣдніе, какъ и теперь, относились къ семинаристамъ гордо и высока; принимать у себя своихъ же питомцевъ они считали униженіемъ.

Такъ какъ большинство учениковъ народъ былъ бѣдный, то они старались набрать себѣ уроковъ въ городѣ, хотя здѣсь были и свои неудобства: семинарская дисциплина—необыкновенно строга, и всякое опозданіе къ обѣду, ужину или вечернимъ занятіямъ было большимъ проступкомъ.

Изъ семинарской жизни Николая Гавриловича отмѣчу слѣдующіе, неизвѣстные до сихъ поръ факты.

Библиотека "Руниверс"

На урокахъ словесности преподаватель Воскресенскій долженъ былъ объяснять, по уставу, священное писаніе. Обычно все дѣло сводилось лишь къ чтенію книги. На этихъ урокахъ Н. Г. поражалъ какъ преподавателя, такъ и товарищей своими познаніями: такой-то нѣмецкій толкователь толкуетъ такъ-то, такой-то французскій—иначе, а англійскій толкователь понимаетъ это мѣсто въ такомъ смыслѣ.

Любимымъ преподавателемъ Чернышевскаго былъ Г. С. Саблуковъ [1]).

Вообще нужно замѣтить, благодаря покровительству Іакова, атмосфера семинаріи была очень благопріятна для ученыхъ занятій. То умственное движеніе среди духовенства, виной котораго былъ преосвященный Іаковъ, не прошло мимо Чернышевскаго: занятія Н. Г—ча татарскимъ языкомъ говорятъ о вліяніи Іакова и Саблукова на будущаго великаго писателя [2]).

Въ спискахъ семинаріи за 1843 г. Николай Гавриловичъ аттестованъ: „способностей отличныхъ, прилежанія ревностнаго, успѣховъ отличныхъ, поведенія весьма скромнаго“.

III. Университетъ.

Выйдя изъ семинаріи, Николай Гавриловичъ сталъ готовиться къ поступленію въ университетъ. Я не буду говорить о томъ, какъ совершилось поступленіе туда Чернышевскаго, какъ онъ жилъ тамъ,—обо всемъ этомъ много свѣдѣній изложено Ф. В. Духовниковымъ въ той части его статьи, которая издана мною.

Изъ университета Н. Г. часто писалъ письма родителямъ, тщательно ими сохранявшіяся. Изъ Петербурга же было прислано, какъ родителямъ, такъ и роднымъ, и сочиненіе „Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности“. Вскорѣ Гавріилъ Ивановичъ съ большой скорбью получилъ извѣстіе, что сынъ не достигъ того, чего онъ желалъ, но не возропталъ Г. И. за это на Бога, и проговорилъ только: „Да будетъ Его святая воля! Да не покинетъ Онъ Своею милостію сына!“

---

[1]) Въ бумагахъ Ф. В. Духовникова въ замѣткѣ о музеѣ при Саратовской семинаріи говорится, что рукописи Саблукова и прот. І. Шиловскаго сохранились въ библіотекѣ Саратовской семинаріи; это опущено въ напечатанной статьѣ о Н. Г. Чернышевскомъ („Русск. Стар.“, 1890, IX).

[2]) Письмо Духовникова къ М. И. Семевскому, 1890, III. 10).

Библиотека "Руниверс"

IV. Опять на родинѣ.

По окончаніи университета, Николай Гавриловичъ поступилъ на службу въ Саратовъ, учителемъ словесности въ гимназію на 485 р. 35 к. Родители были необыкновенно рады его назначенію.

По совѣту и настоянію родителей, онъ бывалъ у своихъ родственниковъ и появлялся въ болѣе интеллигентныхъ домахъ, посѣщалъ образованное семейство Ступиныхъ, Кобылиныхъ (Кобылинъ—предсѣдатель губернскаго правленія), дѣтямъ которыхъ Н. Г. давалъ уроки; бывалъ у совѣтника казенной палаты Д. А. Горбунова, переводчика „Конрада Валленрода“ Мицкевича, ходилъ къ Шабловскимъ. Вездѣ Н. Г. обращалъ на себя вниманіе своей серьезностью и образованностью. Иногда бывалъ Чернышевскій и у тогдашняго епископа Аѳанасія (сначала—ректора Петербургской духовной академіи, гдѣ его лекціи отличались безжизненностью; онъ между прочимъ,живя въ Петербургѣ, просилъ И. Н. (Виноградова?) перевести, вмѣстѣ съ другими учителями, объ ученіи стоиковъ изъ какого-то греческаго писателя).

Какъ держалъ себя Чернышевскій въ Саратовѣ?

Скажу словами дьякона Сергіевской церкви, Я. Ѳ. Алфіонова-Подольскаго, прекрасно знавшаго Николая Гавриловича.

„Н. Г. былъ—что красная дѣвица... Иногда онъ вызывалъ насмѣшки своей манерой держаться въ обществѣ.

У молодого чиновника Петрова были крестины. Много народу,—больше—чиновники. Теперь (80—90-ые годы XIX ст.) чиновники-то съежились, высматриваютъ убитыми, а тогда каждый писецъ передъ нашимъ братомъ важничалъ. И стали они промежъ себя смѣяться надъ Николаемъ Гавриловичемъ. „Что“, говорятъ они родителямъ его, „какой онъ у васъ? Ни въ какія игры не играетъ, не можетъ ни поговорить, ни потанцовать съ барышнями. Все сидитъ въ углу, а говорятъ, что онъ — ученый. Что въ учености-то его, когда онъ не можетъ быть въ обществѣ? Въ монахи бы ему идти“.

А батюшка-то слушалъ, слушалъ, да и говоритъ: „Вы, господа, только болтаетесь, да вихляетесь, — путнаго въ этомъ ничего нѣтъ; Николай и не говоритъ съ вами: не любитъ зря зубы скалить. А когда заговоритъ, — иное скажете“. И разсказалъ имъ такой случай.

„Пригласили Николая въ гости къ совѣтнику. Барышня заиграла на фортепьяно, да хорошее такое. Гости-то подошли къ ней и стали около нея кружкомъ. Хорошо играла. Одинъ изъ гостей и спроси Н. Г. о чемъ-то; онъ и сталъ говорить, да такъ, что одинъ

Библиотека "Руниверс"

по одному всѣ и отошли отъ барышни, и встали около него кружкомъ, а барышню одну оставили. А когда Н. Г. окончилъ,—кто-то въ ладоши захлопалъ, и всѣ подхватили. „Послушать умныхъ людей полезно“, говорили они другъ другу. Вотъ, какой онъ. Вы не знаете, и говорите“.

А когда гости соберутся у него,—все объ учености говорятъ, а не то, что въ попойкахъ время проводятъ, какъ нашъ братъ—чиновникъ. Разъ Знаменскій пришелъ къ Гавріилу Ивановичу по какому-то дѣлу и просидѣлъ цѣлый вечеръ, а тамъ гости—учитель Е. А. Бѣловъ и Н. И. Костомаровъ. Они спорили съ Николаемъ Гавриловичемъ о какомъ-то словѣ цѣлый вечеръ.

— „Что, весело тебѣ было тамъ“, спрашивали Знаменскаго его товарищи-чиновники?

— „Чорта съ два,—весело: Николай Ивановичъ (Костомаровъ) цѣлый вечеръ проспорилъ съ Николаемъ Гавриловичемъ изъ-за одного слова, — въ азартъ вошли; Николай Ивановичъ кипятится, пыхтитъ, а Н. Г. все посмѣивается. Одурь взяла. Зѣвота одолѣла: знаете, въ сонъ бросило. Подали закусить и выпить. Стали закусывать, но никто не дотронулся до водки. Просили меня выпить. Хватилъ двѣ рюмки; подмываетъ тебя и еще выпить, а неловко: никто не пьетъ“.

И всегда такъ. Примѣрной жизни былъ человѣкъ; во всемъ, даже въ ѣдѣ умѣренъ. А послушали бы вы, что говорятъ о Н. Г—чѣ важныя особы! Александръ Дмитріевичъ Горбуновъ, и ученый, и бывалый человѣкъ, да и тотъ разсказывалъ: „Бывалъ я и въ Питерѣ, и въ Москвѣ, и въ другихъ городахъ, былъ знакомъ съ министрами, съ писателями, аристократами, архіереями и разными другими высокими персонами, духовными и свѣтскими, но не видывалъ я“, говоритъ, „такихъ высокихъ качествъ человѣка, какъ Николай Гавриловичъ: и уменъ, и нравственненъ, и благонравенъ. Пятнышка на немъ не замѣтите! Истинной христіанской жизни былъ человѣкъ! Вотъ, и не возьму я въ толкъ, говорю вамъ, за что его сослали въ Сибирь. Можетъ, по злобѣ наплели на него, и повѣрили имъ. Мало ли чего бываетъ на свѣтѣ? Много зла могутъ сдѣлать люди“.

V. Гимназія.

Саратовская гимназія, гдѣ пришлось Николаю Гавриловичу показывать свои педагогическіе таланты, находилась въ печальномъ положеніи. Ученики не любили ея. Ихъ заставляли только зубрить.

Библиотека "Руниверс"

Про учителей, особенно про директора, Мейера, ходила масса анекдотовъ и каррикатуръ. Ученики дѣлали, въ сущности, очень мало. Практиковались побои, ругань и грубое обращеніе.

Н. Г. обращался необыкновенно гуманно, хорошо поставилъ литературныя бесѣды; преподаваніе велъ сократическимъ методомъ. Интересно отмѣтить, что при преподаваніи словесности, Чернышевскій касался славянскихъ нарѣчій, которыя его очень интересовали. Словесность была только главнымъ предметомъ на его урокахъ; много мѣста удѣлялось крѣпостному праву, суду, религіи, географіи, исторіи, политическимъ наукамъ. Безпрепятственно онъ заинтересовывалъ своихъ учениковъ новыми идеями; даже при Мейерѣ говорилъ о вредѣ крѣпостного права для Россіи. Вообще это былъ такой же публицистъ, какимъ онъ выступилъ въ „Современникѣ“. Онъ всюду вступалъ въ разговоръ, гдѣ только встрѣчался поводъ высказать новыя въ то время идеи. „Когда“, говоритъ одинъ изъ знакомыхъ Н. Г—ча, „онъ узналъ отъ меня, что я хотѣлъ было поступить въ военную службу, но отецъ отговорилъ меня, то Николай Гавриловичъ затѣтилъ: „Напрасно вы не пошли въ военную службу: въ войскѣ мало людей развитыхъ,—нужно наполнить его подобными людьми“.

Въ результатѣ педагогической дѣятельности Н. Г.,—какой-нибудь карапузикъ, не умѣвшій сдѣлать задачи по алгебрѣ, серьезно разсуждалъ въ домѣ своихъ родителей о постахъ и ихъ ненужности, ѣлъ въ постъ скоромное, чѣмъ и приводилъ въ ужасъ родителей. Когда на мальчика сыпалась брань,—онъ увѣрялъ, что Н. Г. говорилъ—ѣсть скоромное въ постъ не грѣшно.

Слухи о томъ, что Николай Гавриловичъ занимается на урокахъ не одной словесностью, стали доходить и до Мейера, который участилъ посѣщеніе уроковъ Чернышевскаго.

[О положительной сторонѣ преподаванія Чернышевскаго, см. въ статьѣ Ф. В. Духовникова, „Русская Старина“, 1911 г.].

Вѣроятно, слухи объ этомъ дошли и до Гавріила Ивановича. Николаю Гавриловичу приходилось успокоивать его; самъ Н. Г. всегда уважалъ настолько отца, что въ постные дни даже не ѣлъ скоромнаго; даже тогда, когда въ постные дни подавалась гостямъ скоромная закуска, вмѣстѣ съ постной, — онъ ѣлъ постное, но отецъ заставлялъ ѣсть скоромное. Изъ уваженія къ Гавріилу Ивановичу, Н. Г. посѣщалъ и церковь, считая нужнымъ зайти въ нее хоть на полчаса, или къ концу богослуженія, иногда—съ кѣмъ-нибудь.

— „Хорошо вы дѣлаете, что посѣщаете храмъ Божій“, говорилъ послѣ Г. И. сыну и его спутнику, — „Богъ благословитъ васъ за это“.

Библиотека "Руниверс"

Въ Саратовской гимназіи Николай Гавриловичъ, несмотря на кратковременность своего пребыванія въ ней, оставилъ по себѣ самыя лучшія воспоминанія между учениками. Онъ ушелъ оттуда, преслѣдуемый проклятіями своихъ товарищей-учителей, кредитъ которыхъ среди учениковъ былъ окончательно подорванъ; грубая матеріальная сила уже не могла служить опорой въ отношеніяхъ между оставшимися учителями и ихъ питомцами. Каѳедра словесности скоро была занята другимъ, умнымъ и кроткимъ преподавателемъ, не имѣвшимъ, однако, ни той энергіи, ни тѣхъ дарованій, которыми владѣлъ прежній учитель.

А. А. Лебедевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

Стихотворенія Крестовскаго.

Къ черному морю, далеко, подъ южное, теплое небо
Скоро уйдешь ты отъ насъ, опечаленный грустью разлуки...
Съ Богомъ, въ дорогу, мой другъ!.. И, быть можетъ, далекія волны
Шумно тебя понесутъ къ берегамъ плодотворной Эллады...
Тусклаго Сѣвера мглу ты забудешь подъ южной лазурью,
Тамъ, гдѣ подъ сѣнью колоннъ, въ олеандровыхъ рощахъ, межъ статуй,
Нѣкогда мудрый Периклъ близъ Аспазіи дивно-прекрасной
Вмѣстѣ съ толпой аѳинянъ наслаждался роскошнѣйшимъ пиромъ,
Можетъ быть, ты поплывешь и къ авзонскимъ полямъ, гдѣ Горацій
Съ миртомъ на бѣлыхъ кудряхъ воспѣвалъ Лигурина-красавца,—
Какъ знать! Быть можетъ, и ты, какъ Горацій, на пурпурномъ ложѣ,
Въ пышныхъ гирляндахъ, найдешь для себя Лигурина и счастье!..

Сообщилъ В. А. Алексѣевъ.

Библиотека "Руниверс"

Изъ журнала участника войны 1812 года [1].

(Окончаніе).

Слышно было, что 31-го августа наши войска были лишь въ одномъ переходѣ отъ Москвы, а 1-го сентября на совѣтѣ въ деревнѣ Филяхъ рѣшили, за неимѣніемъ хорошей позиціи, покинуть Москву и отступить по Рязанской дорогѣ.

Я остановился въ домѣ дьячка, недалеко отъ заставы, гдѣ квартировалъ и надзиратель, человѣкъ семейный и большой хлѣбосолъ.

На случай опасности я обѣщалъ дать ему своего коня, для перевозки семейства и пожитковъ въ болѣе безопасную часть города. Тогда же встрѣтилъ меня одной со мною бригады подпоручикъ Пастуховъ, возвращавшійся послѣ выздоровленія изъ г. Острова къ своей части.

Поужинавъ, мы легли спать. Въ полночь дьячокъ будитъ насъ, говоря, что наша армія проходитъ черезъ заставу въ Москву. Когда утромъ я проснулся, то Пастухова уже не было. Выбѣжавъ къ заставѣ, я увидѣлъ, что въ городъ вступаетъ бывшая въ арріергардѣ рота полковника Гулевича, а съ ними движутся тяжести и вьюки.

„Посмотрите—сказалъ онъ—вонъ пыль... Это спѣшитъ французскій авангардъ“. Къ Москвѣ подходили: принцъ Евгеній, Понятовскій, впереди приближался Мюратъ.

---

[1]) См. „Русская Старина“ февраль 1912 г.

Библиотека "Руниверс"

Бросившись въ свою квартиру, я схватилъ сѣдло, чтобы осѣдлать лошадь и скорѣе покинуть городъ, но лошади своей я не нашелъ.

Послышался трубный звукъ... вижу въѣзжающихъ въ городъ французовъ...

Оставивъ все подаренное мнѣ москвичами, я выбѣжалъ на улицу и наткнулся на своего солдата, Вострилова, ѣхавшаго верхомъ, при томъ съ большими тючками. Сѣвъ на его мѣсто, мы поспѣшили къ дому графа Разумовскаго, откуда Востриловъ отданъ былъ въ рекруты. Онъ уговорилъ меня дать лошади отдохнуть и самимъ закусить. Тутъ я снова встрѣтилъ подпоручика Пастухова, и мы втроемъ зашли въ домъ графа; здѣсь, казалось, и не думали о вступленіи въ Москву непріятеля. Это сдѣлали реляціи главнокомандующаго городомъ, графа Ростопчина, которыми онъ увѣрилъ населеніе въ полной безопасности.

Поваръ графа приготовилъ намъ завтракъ, принесли вина, музыканты разложили ноты и начали играть. Люди графа Разумовскаго очень удивились, услышавъ отъ насъ, что французы скоро уже будутъ здѣсь, и что я только-что проскользнулъ мимо нихъ. Вся прислуга начала умолять, чтобы я взялъ ихъ съ собою. Но какъ можно было исполнить просьбу этихъ людей, въ количествѣ болѣе 60-ти человѣкъ, разнаго возраста и пола?., Казалось, Москву бросили, успѣвъ лишь открыть народу арсеналъ съ оружіемъ и выпустить бочки съ виномъ; вмѣсто обычныхъ „афишъ“ увидѣли, какъ комендантъ города, графъ Ростопчинъ, поспѣшилъ спасаться изъ первопрестольной... приказавъ передъ тѣмъ зарубить на глазахъ волновавшейся толпы Верещагина, какъ измѣнника, отъ котораго гибла Москва.

Къ пяти часамъ мы были въ своей ротѣ. Офицеры и солдаты очень удивились, увидѣвъ меня, они полагали, что я навѣрное уже въ плѣну.

Но я не менѣе удивлялся при видѣ такого множества отягощенныхъ винными парами... Войска, будучи разстроены и проходя черезъ богатый городъ, не избѣжали искушенія и тѣмъ болѣе, что виноторговцы отдавали цѣлые ящики съ винами, наваливали ихъ на обозы; то же дѣлали и прочіе купцы, лишь бы добро не досталось непріятелю.

Опытный Кутузовъ могъ это предвидѣть.

Онъ сдалъ Москву на капитуляцію съ условіемъ, чтобы въ теченіе 24-хъ часовъ вывезти раненыхъ, присутственныя мѣста, и чтобы ни съ одной стороны не было выстрѣла. Командовавшій арріергардомъ Милорадовичъ условился съ Мюратомъ, чтобы тотъ

Библиотека "Руниверс"

не преслѣдовалъ насъ по пятамъ, угрожая иначе поджечь Москву (но Москва все-таки скоро загорѣлась)... Французы охотно на это согласились, и тѣмъ болѣе, что сами имѣли громадную потерю и нуждались въ отдыхѣ и времени. Мы же избѣжали такимъ образомъ совершенной гибели.

Догадайся Наполеонъ въ это время послать свою кавалерію, то нашъ арріергардъ былъ бы весь уничтоженъ. Императоръ французовъ тогда напрасно ожидалъ за Дорогомиловской заставой депутаціи отъ города.

Кутузовъ же, пройдя Москву, повернулъ на Калужскую дорогу, оставивъ въ сторонѣ Рязанскую, и защитилъ такимъ образомъ наши хлѣбородныя губерніи, не пострадавшія отъ непріятеля.

Къ утру мы были у деревни Тарутиной, гдѣ расположились лагеремъ; занявъ здѣсь хорошую позицію и укрѣпивъ ее, стали поджидать къ себѣ непріятеля.

Послѣ битвы подъ этой деревней стало ясно, что планъ Наполеона не удался и слѣдовало спѣшить во-свояси, пока еще оставались жалкіе остатки его непобѣдимой арміи.

Здѣсь французы потеряли до 4 тыс. убитыми и ранеными, до 40 орудій и весь обозъ.

Армія наша между тѣмъ стала усиливаться; наши партизаны, казаки, даже крестьяне, всюду били и ловили непріятельскихъ фуражировъ. Французская армія терпѣла во всемъ недостатокъ, и Наполеонъ долженъ былъ посылать на фуражировку не иначе какъ большіе отряды, съ орудіями. Число мародеровъ отъ этого не уменьшилось у непріятеля; ихъ брали въ плѣнъ, убивали, крестьяне даже зарывали пойманныхъ въ землю, иногда жгли и душили. Таково было ожесточеніе, особенно чернаго народа. Населеніе равнодушно смотрѣло на страданія себѣ подобныхъ, ибо видѣло въ непріятелѣ врага отечества и врага вѣры. Оно слыхало, что французы не щадили въ Москвѣ храмовъ Божіихъ, неистовствовали въ нихъ, почему мстило имъ какъ открыто, такъ и хитростью, заманивая къ себѣ въ околицу и лишая жизни. Война сдѣлалась народной. Врядъ ли кто изъ оставшихся въ живыхъ французовъ не содрогнется при своихъ воспоминаніяхъ и не перескажетъ соотечественникамъ всѣхъ пережитыхъ ужасовъ.

Между тѣмъ морозы увеличивались, почему жители южныхъ странъ страшно терпѣли отъ холода.

Кромѣ гвардіи, занявшей Кремль, французы расположились въ окрестностяхъ Москвы; въ городѣ же были еще и союзныя войска.

Удачное для насъ дѣло подъ деревней Тарутиной побудило Наполеона къ отступленію изъ Москвы, и непріятельскія войска на-

Библиотека "Руниверс"

чали выходить по направленію къ Смоленску, но не по старой опустошенной дорогѣ, а въ обходъ Кутузова.

Французскія войска, бывшія въ Москвѣ, предусмотрительно набрали себѣ шубъ, салоповъ, теплыхъ шапокъ. Армія эта очевидно разлагалась и представляла странный видъ: иные сидѣли на крестьянскихъ лошадяхъ въ латахъ и бобровыхъ шапкахъ, съ обернутыми овчиною ногами: иные шли въ нагольныхъ тулупахъ и въ лаптяхъ, иной шествовалъ въ священнической ризѣ и гренадерской шапкѣ, тамъ какой-либо французъ ѣхалъ на испанской лошади, едва передвигая ноги, и въ гарнитуровой шубѣ или епанечкѣ.

Покинувшія Москву французскія войска и ихъ обозы преслѣдовались нашими казаками неотступно: ихъ назойливость была страшно тяжела и наносила большія потери какъ въ людяхъ, такъ и въ матеріальной части. На Можайской дорогѣ ими уничтоженъ былъ обозъ въ 350 фуръ, а послѣ Вяземскаго сраженія маршалъ Ней имѣлъ столкновенія только съ казаками. Они приводили въ паническій страхъ французовъ и забирали лишь то, что казалось получше. Много освобождено было ими своихъ соотечественниковъ. Партизанъ Платовъ уничтожилъ цѣлый отрядъ принца Евгенія, забравъ больше 60-ти орудій.

Удалившись однажды на фуражировку за 40 верстъ отъ лагеря, я едва не попался въ руки французскихъ бродягъ. Собравъ нѣсколько возовъ сѣна и овса, я проходилъ шагомъ черезъ большую деревню, направляясь къ своей ротѣ. Было уже часовъ одиннадцать вечера, когда я слѣзъ со своей лошади и перешелъ отдохнуть на возу съ сѣномъ; проѣзжая мимо одной избы, увидѣлъ въ ней огонекъ, чему очень обрадовался, т. к. могъ закурить тамъ свою трубку.

Подъѣхавъ туда, я замѣтилъ въ избѣ старуху, которая сначала страшно перепугалась, но затѣмъ, отворивъ окно, стала говорить, что въ деревню недавно пріѣхало много французовъ и чтобы я былъ осторожнѣе; получивъ огня для трубки и поблагодаривъ за все старуху, я приказалъ своему унтеръ-фурмейстру какъ можно скорѣй гнать лошадей.

Но это было напрасно, такъ какъ шаговъ черезъ пятьдесятъ насъ остановили поселяне, вооруженные чѣмъ попало; съ ними было нѣсколько казаковъ. Люди эти приняли насъ за непріятельскихъ фуражировъ и готовились встрѣтить по-своему. Вскорѣ, однако, дѣло выяснилось, и я благополучно направился дальше. Подъѣхавъ къ нашей цѣпи, былъ я остановленъ караульнымъ офицеромъ, т. к. не зналъ ни пароля, ни лозунга; хотя я и объяснилъ ему, что былъ въ отлучкѣ почти двое сутокъ и узнать пропуска мнѣ негдѣ было. Видя необходимость пропустить меня, онъ далъ

Библиотека "Руниверс"

для предосторожности въ провожатые унтеръ-офицера и двухъ рядовыхъ.

Ночь была темная, мы только ощупью нашли свою дивизію, т. к. огни вездѣ были потушены и, какъ оказалось, по случаю пріѣзда къ главнокомандующему для переговоровъ о мирѣ французскаго генерала Лористона, посланнаго Наполеономъ. Вмѣсто мира, какъ оказалось потомъ, французамъ пришлось познакомиться съ нашими партизанами.

Въ теченіе трехнедѣльной нашей стоянки, было лишь одно авангардное дѣло, въ которомъ Милорадовичъ особенно показалъ свое военное искусство.

Старикъ Кутузовъ поджидалъ благопріятнаго времени и приказалъ Беннигсену въ одну темную и холодную ночь нечаянно напасть на корпусъ вице-короля итальянскаго. О такомъ намѣреніи мы ничего не зная, весело разговаривали за чаемъ, какъ вдругъ получаемъ приказаніе возможно скорѣе, безъ малѣйшаго шума, идти на соединеніе съ корпусомъ Багговута. Тишина была безпримѣрная, изрѣдка только побрякивали оковки на орудіяхъ или зарядныхъ ящикахъ; не слышно было даже шопота. Когда мы были въ половинѣ пути, получили распоряженіе остановиться и разложить на обоихъ флангахъ возможно больше огней; когда это было исполнено, ударили зорю, чѣмъ окончательно убѣдили французовъ, что предстоящую ночь мы намѣрены провести спокойно. Графъ Орловъ-Денисовъ съ нѣсколькими полками обскакалъ непріятельскій лагерь и вдругъ ударилъ, вмѣстѣ съ Багговутомъ, на спящихъ французовъ; артиллерія открыла сильный огонь.

Полусонные, полуодѣтые, бросились французы къ оружію, но было уже поздно...

Безпорядокъ и замѣшательство были такъ велики, что едва не былъ захваченъ въ плѣнъ самъ король, который спасся, бросивъ все, свою палатку, со всѣмъ, что въ ней было.

Нашему бригадному командиру досталась его соболья шуба; всѣ бумаги, деньги и гардеробъ попали въ руки нашихъ гренадеровъ. Военная добыча состояла изъ 21-го орудія, множества ружей, багажа и до 2-хъ тысячъ плѣнныхъ.

Къ сожалѣнію, въ семъ дѣлѣ мы потеряли мужественнаго генерала Багговута.

Такъ какъ русскіе не заключали мира, то французы выступили изъ Москвы, направившись по старой Калужской дорогѣ. Они потащили съ собою награбленную добычу и не могли скоро двигаться. По переходѣ ихъ на новую Калужскую дорогу, нашъ партизанъ Фигнеръ открываетъ это и сообщаетъ Кутузову, который поэтому

Библиотека "Руниверс"

двинулся также къ Калугѣ. Французскій авангардъ занялъ Мало ярославецъ.

Одиннадцатаго октября мы оставили Тарутино, двѣнадцатаго числа, послѣ труднаго и скораго перехода пришли къ Малоярославцу.

Наша 1-я гренадерская дивизія поставлена была за стрѣлками 6-го корпуса, который весь участвовалъ въ дѣлахъ.

Недостатокъ мѣста не позволялъ развернуть колонны, и пришлось довольствоваться тѣмъ, что мы непрерывно подкрѣпляли свой корпусъ свѣжими силами.

Восемь разъ городъ переходилъ изъ рукъ въ руки, но въ одиннадцатомъ часу вечера, усиливъ артиллерійскій огонь,—его зажгли, послѣ чего дали пѣхотѣ свободный проходъ, которая и выгнала наконецъ непріятеля, забравъ затѣмъ много плѣнныхъ. Намъ досталось также много съѣстныхъ и военныхъ запасовъ. Городъ оказался страшно разрушеннымъ; на улицахъ лежало множество убитыхъ и раненыхъ.

Кавалерія преслѣдовала непріятеля и отбила нѣсколько знаменъ и пушекъ.

Главнокомандующій сидѣлъ возлѣ моихъ орудій, отдавая приказанія. Беннигсенъ, подойдя къ князю Кутузову, предложилъ послать въ погоню еще два полка конницы. Главнокомандующій, замѣтя Елисаветградскій гусарскій полкъ, велѣлъ ему немедленно преслѣдовать непріятеля, но Беннигсенъ доложилъ, что полкъ этотъ почти всю кампанію находился въ арріергардѣ и потому имѣетъ большія потери; посланы были другіе полки.

14 октября французы начали отступленіе на Можайскъ, откуда шли уже старымъ своимъ опустошеннымъ путемъ; положеніе непріятельской арміи стало очень труднымъ, а все награбленное въ Москвѣ страшно затрудняло движеніе и усиливало безпорядокъ.

Наши войска преслѣдовали французовъ неотступно. Милорадовичъ шелъ сбоку, Платовъ съ тыла, партизанскіе отряды наскакивали всюду. Въ концѣ октября начались морозы, причинявшіе противнику потери, какъ въ людяхъ, такъ и въ лошадяхъ.

Послѣ этого сраженія армія наша форсированнымъ маршемъ пошла къ Красному, а дивизія, гдѣ я находился, стала въ авангардъ.

Французы не ожидали насъ, они начали уже устраиваться на зимнія квартиры.

5-го ноября въ 7 час. утра, нашъ авангардъ, состоявшій изъ 1-й гренадерской дивизіи и имѣвшій между баталіонами по два орудія, встрѣтилъ французовъ недалеко отъ моста, ведущаго къ

Библиотека "Руниверс"

Красному; нашей бригадѣ приказано было стать противъ моста и всѣ выстрѣлы сосредоточить по непріятелю.

Трудно представить себѣ, какое смятеніе и разстройство причинили наши 36 орудій...

Императоръ французовъ принялъ тогда на себя личное командованіе; подъ нимъ убита была лошадь, переранило большинство его адъютантовъ... въ такомъ положеніи онъ долженъ былъ искать спасенія.

Казаки и уланы такъ привѣтливо встрѣтили французовъ, что нашимъ орудіямъ едва возможно было пробраться черезъ мостъ. Ужасъ царилъ кругомъ: тутъ трупы убитыхъ и раненыхъ, тамъ подбитыя орудія, взорванные ящики... все лежало кучами и надо было посылать впередъ ратниковъ, чтобы очистить дорогу.

Въ городѣ гренадеры наши находили непріятельскіе шалаши, прикрытые церковными иконами; они бросались изъ рядовъ и уносили ихъ обратно по церквамъ, набожно крестясь и негодуя.

Изъ этого непріятельскаго отряда взято около 6 тысячъ въ плѣнъ; масса убитыхъ мѣшала орудіямъ войти въ городъ, и мы принуждены были долго ожидать, пока очищались улицы.

Въ восемь часовъ вечера мы расположились передъ Смоленскомъ, ожидая колонну маршала Нея. Около 6-ти часовъ утра 6-го числа войска его показались на Смоленской дорогѣ.

Гренадеры всѣхъ 6-ти полковъ высланы были въ стрѣлки и заняли крутой, длинный оврагъ, идущій вдоль дороги; по сю сторону оврага, на возвышеніяхъ, расположилась наша артиллерія. Баталіоны укрылись передъ самымъ оврагомъ, за отлогостью высоты.

Едва непріятельская колонна приблизилась, какъ батарейная рота открыла огонь изъ всѣхъ орудій, пѣхотные стрѣлки били съ боковъ, а казаки и гусары, заѣхавъ въ тылъ, произвели страшное опустошеніе. Французы видѣли неизбѣжную свою гибель, но бросились отчаянно.

Лейбъ-гренадерскаго полка поручикъ Поричковъ, снявъ съ себя шипель и сюртукъ, оставшись только въ шерстяной жилеткѣ, взялъ отъ уральскаго унтеръ-офицера ружье и сумку, бросился съ охотниками гренадерскихъ полковъ въ оврагъ; онъ подкрѣпилъ такимъ образомъ ранѣе высланныхъ и дрался врукопашную; мы съ братомъ Василіемъ надѣли на передки и подъѣхали къ окраинѣ оврага; прапорщикъ Ильяшенко, роты подполковника Семенова, замѣтивъ наше положеніе, отдѣлился отъ своей части и присоединился къ намъ.

Мы били по орудіямъ непріятеля, старавшагося хоть сколько-

Библиотека "Руниверс"

нибудь ослабить губительное дѣйствіе нашей артиллеріи; мы удачно подбили три орудія и взорвали непріятельскій ящикъ, въ то же время стрѣляя по колоннѣ, старавшейся прорваться къ Красному.

Непріятель массами устремился въ оврагъ. Милорадовичъ, замѣтивъ это, поставилъ конной роты два орудія на высотѣ, которыя картечью анфилировали вдоль оврага, нанося ужасъ и опустошеніе. Непріятелемъ непрерывно высылались свѣжія подкрѣпленія, но они лишь трупами своими наполняли оврагъ; по нимъ переходили подошедшія новыя части и напрасно бросались на наши орудія.

Не видя прикрытія, французы рѣшили взять нашу батарею, состоявшую тогда изъ девяти орудій; попытка оказалась неудачной.

Былъ моментъ, когда непріятельскій штабъ-офицеръ, перейдя оврагъ, уже бросился на прапорщика Ефремова, стоявшаго возлѣ орудій, но въ ту же минуту подошелъ Павловскій полкъ и штыками отразилъ врага.

Не видя успѣха, противникъ сталъ пробиваться всею своею массою на дорогу.

Подъ командою своего полковника, Павловскіе гренадеры обезсмертили себя многими подвигами; безъ страху бросались они на непріятеля въ штыки, залпами встрѣчавшаго ихъ; у оврага пало отъ залпа около 95 рядовыхъ, съ храбрымъ своимъ капитаномъ Барыбиномъ; это еще болѣе ожесточило Павловцевъ, и они шли въ рукопашный бой, били прикладами, эфесами и кулаками...

Въ такомъ положеніи мы не могли дѣйствовать орудіями и оставались свидѣтелями ужасныхъ сценъ на самомъ близкомъ разстояніи.

Екатеринославскій, потомъ Таврическій и С.-Петербугскіе полки штыками опрокидывали непріятеля, который пришелъ въ такое замѣшательство, что побросалъ свои ружья и ранцы.

Генералы ихъ напрасно подавали разительные примѣры храбрости.

Одинъ изъ нихъ изрубилъ около себя трехъ нашихъ гренадеръ, хотѣвшихъ взять его въ плѣнъ живымъ; только раненаго штыками взяли его и привели къ графу Строганову; онъ былъ уже сѣдъ и имѣлъ, повидимому, болѣе 60-ти лѣтъ; съ него сняли нагольный полушубокъ и разостлавъ посадили на немъ; предчувствуя свою послѣднюю минуту, онъ вынулъ часы и отдалъ Павловскаго полка солдату Домбровскому, который снималъ его съ лошади, потомъ взглянулъ вверхъ, сложилъ руки и умеръ... Почтенный старецъ! Кто видѣлъ прекрасную твою кончину? Враги твои. Соотечественники твои не донесутъ вѣсти домой, какъ ты умеръ съ оружіемъ въ рукахъ. Напрасно, думалось мнѣ, будутъ ожидать твоего воз-

Библиотека "Руниверс"

вращенія дѣти и внуки... будутъ ли они знать геройскій конецъ твоей жизни?!

Въ началѣ ноября стало сильно морозить, люди и лошади падали массами, видны были цѣлыя вереницы отсталыхъ, кучки замерзавшихъ. Казаки Орлова, Давыдова и Сеславина взяли въ плѣнъ бригаду Ожеро. У принца Евгенія была отбита вся артиллерія. Весь путь непріятеля устланъ былъ брошеннымъ награбленнымъ добромъ. Только въ бѣгствѣ оставалось спасеніе... исчезло различіе въ чинахъ и не было повиновенія; войско обратилось въ голодную толпу оборванцевъ. Но вотъ остатки грозной арміи вошли вторично въ Смоленскъ и вмѣсто ожидаемыхъ жизненныхъ припасовъ тамъ нашли запустѣніе и тотъ же голодъ.

Подъ конецъ ноября Мюратъ сталъ во главѣ французской арміи, такъ какъ Наполеонъ уѣхалъ въ Парижъ; безъ него войска бѣжали въ полномъ разстройствѣ и гибли тысячами.

Два послѣднія сраженія рѣшили участь Россіи и, какъ можно видѣть изъ послѣдствій военныхъ дѣйствій 1812, 1813 и 1814 г., участь всей Европы. Россія! Слава сынамъ твоимъ: они своею грудью уничтожили непріятельскую полумилліонную армію. Нашими вѣрными союзниками была Вѣра и преданность Царю и Отечеству!

Въ 1813 году, пройдя Вильно, мы неожиданно получили приказаніе воротиться въ этотъ городъ.

Послѣ того, какъ прошли отступавшія французскія войска, Вильна была страшно грязна, по улицамъ валялись тысячи труповъ и больныхъ.

За городомъ, отъ гололедицы, погибла французская артиллерія, ящики съ деньгами и обозъ императора. Ихъ солдаты грабили, что только могли. Наши войска преслѣдовали врага за границу, въ Вильнѣ остались лишь наиболѣе пострадавшія части.

Мнѣ пришлось стать въ окрестностяхъ города, въ пустынномъ мѣстѣ, на меня легла обязанность еще и фуражировать. Удалось отыскать богатый приходъ и при немъ ксендза. На основаніи приказа по арміи, мы брали въ приходѣ, что намъ нужно было для продовольствія, и я даже помогалъ другимъ частямъ роты. Офицеры наши, вслѣдствіе жестокой зимы, трудовъ и нужды, почти всѣ занемогли. Изъ шестерыхъ осталось насъ двое. Скоро намъ приказали привести роту въ Вильно, гдѣ сдать всѣхъ наличныхъ людей и лошадей, для сформированія другой роты. Сначала я призадумался, какъ быть безъ денегъ, безъ платья, въ большомъ городѣ... Чѣмъ мы себя будемъ содержать? Какъ покажемся въ люди безъ сапоговъ, безъ платья?.. Солдатскій плащъ согрѣвалъ и украшалъ

Библиотека "Руниверс"

наши закоптѣлыя отъ бивуачнаго огня лица... Но оказалось, что мы съ товарищемъ были сыты и веселы, передъ нами были вездѣ открыты двери. Чего же больше для насъ! Наконецъ надо было проститься со стариками, отслужившими со мною кампанію; досадно и обидно было сдавать ихъ въ 18-ю бригаду... Я не могъ съ сухими глазами разставаться съ тѣми, которые были со мною у орудій и дѣлили равную участь. Всѣ они были растроганы и обнимали меня на прощанье; солдатъ, стоявшій у моего орудія цѣлый годъ, по имени Гавриловъ, совершившій еще Итальянскій походъ, взялъ меня за руку и обнимая заплакалъ... Боже! Внуши каждому молодому офицеру то, чѣмъ пріобрѣтается любовь этихъ истинно усердныхъ, честныхъ и добрыхъ людей, прожившихъ почти всю жизнь свою въ дѣлахъ противъ враговъ отечества...

15-го мая 1813 года стали формировать новую роту, и я имѣлъ безпрерывныя порученія по обученію рекрутъ, пріемкѣ лошадей и аммуниціи.

Неожиданно получаю я предписаніе явиться къ полковнику Васильеву, который приказываетъ мнѣ отправиться въ г. Вологду, для принятія 160-ти лошадей.

Черезъ два часа, вмѣстѣ съ подпоручикомъ Лазаревымъ, пустился я въ путь; до Москвы намъ была одна дорога.

Суханинъ.

Библиотека "Руниверс"

Встрѣчи и столкновенія [1]).

(В. И. Добровольскій.—М. М. Шершевскій.—Ф. Ѳ. Павленковъ).

В. И. Добровольскій.

Моя первая встрѣча и единственное столкновеніе съ извѣстнымъ нашимъ офтальмологомъ, В. И. Добровольскимъ, относятся къ концу 70-хъ годовъ. Я заѣхалъ къ нему для опредѣленія степени моей близорукости, и меня, помню, поразило, что въ пріемные часы я никого не засталъ. Это какъ-то странно противорѣчило установившейся за Добровольскимъ репутаціи выдающагося врача. Пріемъ у него на дому происходилъ два раза въ день: рано утромъ и въ послѣобѣденные часы. Я заѣхалъ послѣ обѣда, и когда онъ ко мнѣ вышелъ, я увидѣлъ передъ собою заспаннаго господина съ глазами, до того налитыми кровью, что я удивился, какъ врачъ можетъ доводить свои глаза до такого состоянія. Я впрочемъ вспомнилъ поговорку, что на сапожникѣ рѣдко бываютъ хорошіе сапоги, и успокоился на этомъ. Но меня тотчасъ же опять смутили нечистоплотные его пальцы, которыми онъ собирался раскрыть мнѣ глаза для лучшаго ихъ осмотра. Я невольно отшатнулся. Это видимо его раздражило. Но тутъ я вспомнилъ разсказъ, будто бы онъ, осмотрѣвъ какую-то даму и убѣдившись, что она нуждается въ пустой хирургической помощи, тотчасъ же взялъ со стола ножъ и, не говоря дурного слова, собирался ее рѣзнуть, и что дама отъ неожиданности упала въ обморокъ. Вспомнивъ этотъ разсказъ, я далъ себѣ слово воздержаться отъ обморока, что бы со мной ни продѣлалъ

[1]) См. „Русскую Старину“ февраль 1912 г.

Библиотека "Руниверс"

знаменитый окулистъ. Но то, что онъ продѣлалъ, было ужасно. Своими нечистоплотными пальцами онъ разберединлъ мнѣ глаза до того, что слезы у меня потекли ручьемъ. Не давъ мнѣ опомниться, онъ предложилъ мнѣ читать на разстояніи разныя слова и цифры. Я плохо видѣлъ, а онъ все сильнѣе негодовалъ на то, что я не могу прочесть тѣхъ словъ, которыя я, по его мнѣнію, долженъ былъ прочесть. По степени близорукости я могъ прочесть указываемыя имъ слова, но мнѣ мѣшали слезы. Наконецъ онъ раздражился до того, что, затопавъ ногами, крикнулъ: „Говорю вамъ, вы можете прочесть!“.

Тутъ я убѣдился, что мы этимъ путемъ не столкуемся, и сказалъ:

— Знаете что, профессоръ: я, правда, слышалъ, что вы... человѣкъ рѣзкій, но, что ваша рѣзкость принимаетъ такіе размѣры,— этому я никогда бы не повѣрилъ, если бы...

Добровольскій страшно сконфузился и сталъ быстро бормотать: „Кто вамъ это сказалъ, кто вамъ это сказалъ?“. Онъ очевидно самъ не зналъ, что говоритъ, ему хотѣлось только чѣмъ-нибудь загладить произведенное имъ тяжелое впечатлѣніе.

Визитъ мой окончился благополучно. Владиміръ Ивановичъ лечилъ меня потомъ много лѣтъ, и я не могу нахвалиться его вниманіемъ и даже его деликатностью, такъ что затрудняюсь объяснить случившіяся съ нимъ грубыя выходки, испортившія ему до того практику, что, несмотря на выдающіяся его заслуги, онъ вынужденъ былъ прибѣгнуть къ газетнымъ объявленіямъ, чтобы напоминать о себѣ паціентамъ.

Грубость—явленіе нерѣдкое у нашихъ врачей—объяснялась у него, можетъ быть, отчасти его происхожденіемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и воспитаніемъ, отчасти его склонностью къ спиртнымъ напиткамъ, отчасти его болѣзненнымъ самолюбіемъ. Разсказываютъ, что ему на какомъ-то парадномъ обѣдѣ пришлось сидѣть рядомъ съ очень вліятельнымъ генералъ-адъютантомъ. Тотъ старался занять разговоромъ научную знаменитость, но Добровольскій отвѣчалъ такъ неохотно, что генералъ-адъютантъ не утерпѣлъ и спросилъ его, гдѣ онъ собственно воспитывался. Тутъ Добровольскій на весь столъ громко отчеканилъ: „Въ пажескомъ Его Величества корпусѣ“. Произошла неловкая сцена, которую генералъ-адъютантъ замялъ съ тактомъ свѣтскаго человѣка. Послѣ обѣда кто-то изъ свидѣтелей этой сцены обратился къ Добровольскому съ упрекомъ, зачѣмъ онъ себѣ вредитъ такими выходками. „Да что же, онъ, спрашиваетъ, — огрызнулся Добровольскій: — не видитъ, что-ли, что я семинаръ?“

Библиотека "Руниверс"

Въ этомъ эпизодѣ сказался весь Добровольскій. Тутъ и сознаніе несомнѣнныхъ заслугъ, и пренебреженіе къ представителямъ правящихъ классовъ, и плохо скрываемая досада, что ему самому недоступно то, что тѣмъ какъ бы прирождено, и виновность въ томъ, въ чемъ онъ нисколько не виноватъ. Это настроеніе, свойственное многимъ семинаристамъ, въ связи съ нѣкоторыми явленіями нашей общественной жизни еще не нашло себѣ должной оцѣнки.

Какъ бы то ни было, внѣшняя грубость у Добровольскаго нисколько не исключала, какъ я лично убѣдился, таившуюся въ его душѣ мягкость и деликатность. Но во всякомъ случаѣ она мѣшала успѣхамъ его практики, которою онъ дорожилъ и которая ему не давалась, хотя преуспѣвали иногда врачи, не имѣвшіе и сотой доли его заслугъ. Его неудачливости въ этомъ отношеніи содѣйствовало и полное отсутствіе въ немъ шарлатанства. Какъ я ни осуждаю шарлатанство у врачей, я самъ чуть было не отшатнулся отъ Добровольскаго вслѣдствіе его необычайной искренности и простоты. Весь этотъ эпизодъ настолько характеренъ для нашихъ врачей, что его стоитъ разсказать.

У меня три раза въ жизни повторялось воспаленіе радужной оболочки. Уже послѣ второго приступа этой мучительной болѣзни, лишавшей меня каждый разъ возможности работать въ теченіе шести недѣль, я обратился къ Добровольскому съ настойчивой просьбой сказать мнѣ, чѣмъ она собственно вызывается, потому что нельзя же лечить болѣзни, не зная ея причины. Добровольскій отвѣтилъ мнѣ съ свойственной ему простотою, что онъ причины не знаетъ, но что въ учебникахъ говорятъ обыкновенно о травмѣ, сифилисѣ и ревматизмѣ. Ни той, ни другой болѣзни у меня не было, а вылечиться я непремѣнно хотѣлъ. Поэтому я бросилъ Добровольскаго и обратился къ другой знаменитости, которая мнѣ авторитетно заявила, что причина моей болѣзни ясна, какъ день, что у меня расширеніе сосудовъ, и что я долженъ обратиться къ врачу общихъ болѣзней, и рекомендовала мнѣ покойнаго Чудновскаго. Тотъ мнѣ прописалъ спорынью. Я исправно глоталъ этотъ ядъ, но черезъ годъ у меня иритисъ опять повторился. Тогда я рѣшилъ обратиться къ покойному Г. А. Донбергу. Онъ тоже мнѣ указалъ на ревматизмъ и сифилисъ, какъ на причины болѣзни, а на мое замѣчаніе, что у меня этихъ болѣзней никогда не было, возразилъ: „Почемъ вы знаете? Кто васъ грудью кормилъ? Мать? Нѣтъ, не мать. Значитъ, кормилица. Ну, а ее изслѣдовали? Нѣтъ. Значитъ, вы не знаете, была ли она здорова“. На это мнѣ оставалось, конечно, только отвѣтить, что я дѣйствительно не знаю,

Библиотека "Руниверс"

былъ ли у меня сифилисъ. Но такъ какъ причина моей болѣзни все-таки оставалась неизвѣстной, то я рѣшился намекнуть на расширеніе сосудовъ.

— Гдѣ у васъ расширеніе сосудовъ? — спросилъ нетерпѣливо Донбергъ.

— Въ глазахъ,—отвѣтилъ я.

— Кто вамъ это сказалъ?

Я назвалъ знаменитость.

— Скажите ему отъ моего, Донберга, имени, что онъ по меньшей мѣрѣ дуракъ.

Я этого порученія, понятно, не исполнилъ, но причина моей болѣзни такъ и осталась пока невыясненной. Я вернулся къ Добровольскому и намекнулъ ему также на расширеніе сосудовъ. Онъ точно такъ же, какъ Донбергъ, спросилъ:

— Гдѣ? Въ животѣ?

— Нѣтъ, въ глазахъ,—отвѣтилъ я потупясь.

— То-то вамъ совѣстно стало отъ такой глупости,—не рѣшаетесь даже смотрѣть на меня.

Тѣмъ дѣло и кончилось, и я ничего не узналъ. Причина моей болѣзни раскрылась мнѣ только впослѣдствіи и вотъ при какихъ обстоятельствахъ.

М. М. Шершевскій.

У Михаила Марковича не было недостатка въ томъ, что совершенно отсутствовало у Владиміра Ивановича, и такъ какъ онъ къ тому же былъ искусный врачъ, то пользовался большимъ успѣхомъ. Въ діагнозѣ желудочной болѣзни, которая меня къ нему привела, онъ ошибся, прописавъ мнѣ водолеченіе. Директоръ водолечебницы, въ которую я хотѣлъ поступить, добросовѣстнѣйшій остзейскій нѣмецъ, рѣшительно отказался меня принять, заявивъ, что никакіе авторитеты міра его не убѣдятъ, что водолеченіе можетъ быть мнѣ полезно. Но я не ставлю этого въ вину Шершевскому,—всѣ мы подъ Господомъ Богомъ ходимъ. И не это меня въ немъ поразило, а то, что онъ хотѣлъ рѣшительно все дѣлать не такъ, какъ другіе врачи, а какъ-то особо: всѣ должны были чувствовать, что онъ врачъ особый, и что его никакъ не слѣдуетъ смѣшивать съ другими врачами.

Послѣ подробнаго и чрезвычайно добросовѣстнаго изслѣдованія, во время котораго онъ синимъ карандашомъ разрисовалъ мнѣ животъ и отчасти грудь причудливыми линіями по всѣмъ направленіямъ, онъ мнѣ заявилъ, что, читая мои литературныя произве-

Библиотека "Руниверс"

денія, убѣдился, что мозгъ у меня дѣйствуетъ исправно, но что нервы и особенно нервы желудка у меня сумасшедшіе. Начавъ съ этого, онъ прочелъ мнѣ обстоятельную лекцію, не лишенную остроумія, въ которой онъ сравнилъ человѣческій организмъ съ государствомъ и доказывалъ, что, несмотря на вполнѣ логическую мысль правительства, т. е. мозга государства, вслѣдствіе неисправной дѣятельности тѣхъ или другихъ проводниковъ его воли, отдѣльныя части организма могутъ придти въ полное разстройство. Эта лекція продолжалась никакъ не менѣе получаса. Я ее выслушалъ съ полнымъ вниманіемъ; внимательно выслушалъ и предписанное мнѣ леченіе. Оно состояло въ прикладываніи къ затылку и подъ ложечку скульптурной глины, продаваемой въ Академіи Художествъ; затѣмъ надо было каждые полчаса съѣдать по бутерброду величиною въ серебряный рубль, съ чѣмъ мнѣ заблагоразсудится; кромѣ того, я долженъ былъ за обѣдомъ непремѣнно ѣсть вестфальскую ветчину, взятую изъ опредѣленной колбасной, помню, гдѣ-то на Пантелеймонской; наконецъ, чтобы возстановить должное повиновеніе проводниковъ волѣ центральнаго правительства, т. е. желудочныхъ нервовъ мозгу, я долженъ былъ принимать гидратъ-хлоралъ маленькими дозами. Все это мнѣ предстояло продѣлывать въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, т. е. до лѣта, когда онъ мнѣ строго-на-строго велѣлъ заняться водолеченіемъ. Въ этихъ предписаніяхъ все было оригинально, за исключеніемъ водолеченія, которое на повѣрку оказалось совершенно ненужнымъ. Михаилъ Марковичъ въ этомъ пунктѣ себѣ измѣнилъ и за это поплатился докторской ошибкой.

Но, какъ бы то ни было, только отъ него, хотя онъ и не былъ окулистомъ, я наконецъ узналъ причину моей глазной болѣзни. Разсказывая ему исторію моей болѣзни, я между прочимъ упомянулъ, что у меня три раза было воспаленіе радужной оболочки, и что спеціалисты не могли опредѣлить причины этого часто повторявшагося недуга. На это Шершевскій улыбнулся и сообщилъ мнѣ слѣдующее интересное свое наблюденіе.

— Если бы я не былъ военнымъ врачомъ,—сказалъ онъ мнѣ:—я вамъ вѣроятно тоже сказалъ бы, что воспаленіе радужной оболочки вызывается травмой, ревматизмомъ или сифилисомъ. Но когда я былъ еще полковымъ врачомъ, эта болѣзнь встрѣчалась у меня въ полку довольно часто. Свидѣтельствовалъ, разспрашивалъ больныхъ,—не было ли сифилиса или ревматизма? Нѣтъ, сомнѣній быть не могло: болѣзнь вызывалась не этими причинами. Сталъ я внимательнѣе относиться къ дѣлу, и, представьте себѣ, оказалось, что воспаленіемъ радужной оболочки заболѣваютъ главнымъ обра-

Библиотека "Руниверс"

зомъ лучшіе стрѣлки въ полку. Тутъ я понялъ, что дѣло не въ ревматизмѣ и не въ сифилисѣ, а въ напряженіи зрѣнія, тѣмъ болѣе, что заболѣвали солдатики всегда на правый глазъ. Но если это съ солдатиками возможно, то тѣмъ болѣе это возможно съ писателемъ. Небось вы глазами-то не мало дѣйствовали.

И такъ если бы я не зашелъ къ Шершевскому и если бы онъ не былъ человѣкомъ наблюдательнымъ и при томъ военнымъ врачомъ, то никто изъ врачей не открылъ бы мнѣ глаза на причину моей глазной болѣзни, о которой я впрочемъ самъ легко могъ бы догадаться, если бы былъ болѣе догадливъ. Правда и то: человѣкъ обыкновенно не замѣчаетъ, чего онъ замѣчать не хочетъ, а легко ли писателю увѣрить себя, что онъ вредитъ себѣ тѣмъ, что ему дороже всего на свѣтѣ?

Ф. Ѳ. Павленковъ.

Между издателями, съ которыми меня столкнула судьба, Павленковъ занимаетъ очень видное мѣсто, и я полагаю, что онъ заслуживаетъ гораздо большаго признанія, чѣмъ какое ему выпало на долю при жизни и послѣ смерти. Говоря это, я имѣю въ виду не читателя, отнесшагося къ нему сочувственно и помогшаго ему создать крупное издательское предпріятіе, а нашего брата писателя, который создаетъ имя человѣку, посвятившему всѣ свои силы просвѣщенію общества.

Покойный Флорентій Ѳедоровичъ былъ съ головы до ногъ человѣкъ дѣла. Для него онъ готовъ былъ пожертвовать всѣмъ: и своимъ состояніемъ, котораго у него впрочемъ въ обыкновенномъ смыслѣ слова и не было, потому что онъ признавалъ все имъ нажитое общественнымъ достояніемъ, и своимъ здоровьемъ, которое онъ, работая безъ устали, ничуть не щадилъ. Это была цѣльная натура, мужественная, прямая и честная, какъ подобаетъ ее имѣть воину, коимъ онъ былъ не только въ переносномъ смыслѣ, ведя храбро войну со своими многочисленными врагами, но и въ буквальномъ смыслѣ въ качествѣ офицера, вышедшаго въ отставку въ виду злоупотребленій, раскрытыхъ имъ въ той части, въ которой онъ служилъ. Но если онъ, такъ сказать, отрекся отъ арміи, то армія врядъ-ли отъ него отречется, цѣня тѣ военныя качества, которыя онъ съ такою полнотою воплощалъ въ себѣ.

Никто не заподозритъ меня въ пристрастіи къ Павленкову: онъ оплачивалъ мой трудъ не щедрѣе другихъ, а въ политическомъ отношеніи мы съ нимъ сильно расходились. Павленковъ былъ, какъ я сказалъ, весь преданъ дѣлу, преданъ до фанатизма; онъ даже,

Библиотека "Руниверс"

какъ выяснилось въ одномъ спорѣ со мною, не допускалъ, чтобы фанатизмъ могъ быть признанъ явленіемъ отрицательнымъ. Внѣ дѣла онъ былъ человѣкъ какъ бы потерянный, не знавшій, куда идти, на что смотрѣть, о чемъ говорить, но когда онъ былъ занятъ своимъ любимымъ дѣломъ, онъ вдругъ изъ ничтожнаго на видъ человѣка выросталъ въ крупнаго общественнаго дѣятеля.

Мы съ нимъ были люди если не различныхъ лагерей, то люди различнаго міропониманія. Въ основныхъ цѣляхъ мы врядъ ли расходились; мы съ нимъ вѣрили въ свободу, горячо любили и родину, и просвѣщеніе. Но онъ вѣрилъ въ законность и плодотворность „протеста“ и потому шелъ рука объ руку съ такъ-наз. радикальнымъ лагеремъ; этому лагерю онъ служилъ по мѣрѣ силъ и средствъ, увѣренный, что именно онъ обновитъ и спасетъ Россію. Я этого мнѣнія не раздѣлялъ; однако совмѣстная работа съ нимъ была для меня возможна. Дѣло въ томъ, что Павленковъ смотрѣлъ немного шире на прогрессъ, чѣмъ его партія. Онъ думалъ, что если и далеко не всѣ, то многія дороги ведутъ въ Римъ, а не одна только, какъ думаетъ наша радикальная партія. Всѣ его симпатіи были на сторонѣ послѣдней: въ качествѣ сотрудниковъ люди этой партіи главнымъ образомъ и поддерживали его предпріятіе. Но въ то же время онъ понималъ, что многія хорошія книги, русскія и иностранныя, указывающія дорогу въ тотъ же Римъ, будутъ ими забракованы, а потому и дорожилъ другими сотрудниками. Въ его многочисленныхъ письмахъ ко мнѣ сохранились ясно-выраженныя опасенія, что дѣятельность его не будетъ вполнѣ успѣшна, если онъ всецѣло довѣрится радикальной партіи.

Мнѣ кажется, что, кромѣ этой основной причины, была еще другая, заставлявшая его быть на-сторожѣ. Уже въ 70-хъ и 80-хъ годахъ представители этой партіи выступали учителями позднѣйшихъ декадентовъ въ одномъ очень практическомъ дѣлѣ. Они артелью налегали на даннаго издателя и нещадно его эксплоатировали. Примѣровъ такого примѣненія артельнаго начала можно насчитать не мало, и до чего доходила эксплоатація издателей этими литературными артельщиками, показываетъ слѣдующій фактъ. Павленковъ какъ-то попросилъ меня написать для его біографической библіотеки жизнеописаніе Александра II. Я сперва сомнѣвался, принять ли эту по существу мнѣ весьма симпатичную работу въ виду небольшого объема, установленнаго для жизнеописаній его библіотеки, но когда онъ мнѣ заявилъ, что для Царя-Освободителя можно сдѣлать исключеніе и отвелъ мнѣ 12 убористыхъ листовъ, я согласился и взялъ подъ эту работу авансъ въ нѣсколько сотъ рублей. Обстоятельства однако сложились такъ, что я все-таки вы-

Библиотека "Руниверс"

нужденъ былъ отказаться отъ нея. Какъ только это для меня выяснилось, я тотчасъ же съѣздилъ къ Павленкову, чтобы сообщить ему о своемъ рѣшеніи. Флорентій Ѳедоровичъ такъ смутился, что мнѣ стало его жаль, хотя я и не понималъ причины его смущенія. Вижу, онъ меня всячески уговариваетъ не отказываться отъ работы. Я ему называю лицъ, которыя могли бы съ успѣхомъ меня замѣнить. Нѣтъ, Флорентій Ѳедоровичъ не соглашается: по его мнѣнію, я именно тотъ человѣкъ, который безпристрастнѣе всего оцѣнитъ Царя-Освободителя. Тогда я, pour couper court, вынимаю бумажникъ, чтобы возвратить авансъ, но рука у меня опускается. Съ Флорентіемъ Ѳедоровичемъ происходитъ что-то неладное. Глаза его округляются, словно онъ чему-то несказанно удивляется, ротъ его также округляется, словно онъ хочетъ отъ изумленія протянуть безконечное: „о-о-о-о!“ Сдѣлавъ надъ собою усиліе, я наконецъ вынимаю изъ бумажника деньги и отсчитываю кредитки. Павленковъ внимательно слѣдитъ за движеніемъ моихъ рукъ, и когда я кончаю, приходитъ наконецъ въ себя и говоритъ: „А все-таки, Ростиславъ Ивановичъ, не отказывайтесь!“

Вопросъ, повидимому, былъ исчерпанъ, но причина изумленія Павленкова осталась для меня не вполнѣ еще выясненною. Слово „все-таки“ кое-что, правда, уясняло, но мнѣ интересно было въ точности узнать, вѣрна ли моя догадка. Я спросилъ:

— Развѣ, Флорентій Ѳедоровичъ, случаи возвращенія вамъ авансовъ такъ рѣдки?

Павленковъ въ отвѣтъ печально улыбнулся, развелъ руками и сказалъ:

— Это первый и вѣроятно единственный случай въ моей практикѣ. Другіе издатели, впрочемъ, можетъ быть счастливѣе...

Я уже упомянулъ, что Павленковъ здоровья своего не щадилъ. Когда я съ нимъ познакомился (это было въ 1890 г.), онъ былъ еще бодръ, но его по временамъ донималъ мучительный кашель. Онъ съѣздилъ въ Крымъ, попробовалъ тамъ отдохнуть, но, подчиняясь бившей въ немъ ключомъ энергіи, изъ Алушты взобрался пѣшкомъ на Чатыръ-Дагъ. Понятно, что и Крымъ ему при такихъ обстоятельствахъ пользы не приносилъ. Впрочемъ, онъ изъ экономіи себѣ экскурсій на югъ больше не позволялъ и довольствовался скромной дачей подъ Петербургомъ. Его кашель меня тревожилъ, и я ему настойчиво совѣтовалъ проводить по крайней мѣрѣ осень, если не всю зиму, гдѣ-нибудь на Ривьерѣ. Онъ сперва рѣшительно возсталъ противъ этой мысли, говоря, что дѣло этого не допускаетъ, да и средства не позволяютъ. Видя, что всѣ мои доводы остаются безъ результата, я его спросилъ, увѣренъ ли онъ, что его наслѣд-

Библиотека "Руниверс"

ники поведутъ его дѣло, дѣло немаловажное, такъ же умѣло и любовно, какъ онъ самъ. Онъ возразилъ, но уже не такъ увѣренно: „Что за комплименты!“ Я не настаивалъ, полагая, что кашель доскажетъ ему то, чего я не досказалъ. И дѣйствительно въ слѣдующую осень онъ поѣхалъ въ Ниццу, а затѣмъ сталъ проводить тамъ и всю зиму, постоянно сѣтуя шутливо въ своихъ письмахъ ко мнѣ, что Ницца его въ гробъ уложитъ, потому что, когда его нѣтъ въ Петербургѣ, типографіи и корректора его изводятъ, а я себѣ думалъ, что послѣдніе не такъ опасны, какъ его недугъ, и радовался, что онъ живетъ въ Ниццѣ. Кажется, что зимы, проведенныя имъ въ Ниццѣ, благопріятно отражались на его здоровьѣ, потому что онъ оттуда всегда возвращался здоровѣе и бодрѣе. Но недугъ ужъ слишкомъ далеко зашелъ, и Павленкова въ 1900 г. не стало. Онъ прожилъ бы можетъ быть еще дольше, если бы экономія не заставляла его жить въ Ниццѣ въ помѣщеніи, мало соотвѣтствовавшемъ гигіеническимъ требованіямъ. Бѣдный Павленковъ! Живя для дѣла, онъ о себѣ забывалъ.

Русскій литераторъ, русскій читатель и русскій народъ не могутъ не хранить доброй памяти объ этомъ энергичномъ и предпріимчивомъ издателѣ, создавшемъ изъ ничего крупное просвѣтительное предпріятіе, распространившемъ десятки тысячъ экземпляровъ прекрасныхъ дешевыхъ книгъ и давшемъ средства для основанія многихъ народныхъ библіотекъ и для образованія довольно крупнаго капитала на пользу неимущей пишущей братіи. Такихъ энергичныхъ, умѣлыхъ и предпріимчивыхъ людей наша родина насчитываетъ не такъ ужъ много, чтобы имѣть право забыть Павленкова.

Р. Сементковскій.

Библиотека "Руниверс"

Тайный другъ Пушкина.

Послѣ судебнаго процесса объ А. Ф. Леопольдовѣ, А. С. Пушкинѣ и др., описаннаго въ моей статьѣ „Преступный отрывокъ элегіи“ Андрей Шенье [1]), новгородская полиція разыскивала чиновника 10-го класса Александра Пушкина, „чтобы объявить ему резолюцію суда, но не нашла его въ тѣ дни, а установила, что онъ бываетъ въ Новгородѣ и останавливается въ домѣ купца Березина. Тамъ, по рѣшеніи дѣла, проживалъ и Леопольдовъ.

Извѣстно, что сыръ-боръ загорѣлся, благодаря отрывку, съ заглавіемъ „14-го декабря 1825 г.“, который былъ найденъ у Леопольдова. По его объясненію суду, отрывокъ этотъ есть нечто иное, какъ списокъ съ подлинника, даннаго прапорщикомъ Молчановымъ и возвращеннаго ему обратно чрезъ дворового помѣщицы Вадковской—Василія.

Однако на очной ставкѣ Молчановъ показалъ, что ничего онъ отъ Леопольдова не получалъ и никакого Василія не знаетъ; удостовѣрено также, что такого дворового человѣка у Вадковской нѣтъ.

Самъ поэтъ объяснилъ, что онъ не знаетъ, какимъ образомъ у него исчезъ злоключительный отрывокъ, запрещенный цензурой.

Настоящія обстоятельства о появленіи отрывка у Леопольдова по меньшей мѣрѣ странны.

Вѣдь не секретъ, что А. С. былъ мысленно на сторонѣ декабрь-

[1]) „Русск. Стар.“ августъ 1899 г.

Библиотека "Руниверс"

скихъ событій, поэтому возможно, что онъ передалъ стихи Леопольдову, поставивъ загадкой содержаніе, а тотъ, недолго думая, взялъ да и озаглавилъ ихъ „14 декабря 1825 г.“. Когда же сталъ распространять и попалъ подъ судъ, то, цѣня и любя поэта, не пожелалъ вовлекать его въ уголовное дѣло.

Поэтъ останавливался въ Новгородѣ если не у самого Леопольдова, то въ одномъ и томъ же домѣ, съ очевидной цѣлью, чтобы имѣть свиданіе.

Несомнѣнно, между Пушкинымъ и Леопольдовымъ были отношенія и какія-то интимныя, но о нихъ нигдѣ и никакіе документы не свидѣтельствуютъ.

Такихъ людей, какъ Леопольдовъ, великій поэтъ уважалъ и сближался съ ними тѣсно. Это былъ молодой ученый, переводилъ съ французскаго и латинскаго серьезныя сочиненія, самъ писалъ въ періодическихъ изданіяхъ. Изъ собственныхъ его сочиненій слѣдуетъ отмѣтить: „Объ отношеніяхъ религіи къ разуму и разума къ религіи“, „Спасутся ли язычники?“, разсужденіе „о невозможности постепеннаго образованія въ цѣломъ родѣ человѣческомъ“, „Мысли на разсужденіе о духѣ древнихъ стихотворцевъ, ораторовъ и историковъ“, „О раздѣленіи церкви восточной и западной“.

Изъ переводовъ: „О правленіи“ (Галлеръ), „Жизнь Агриколы“ (Тацитъ), „О философіи“ (Бонвиля), „О нравахъ германцевъ“ (Тацитъ), „Слово въ Великій пятокъ“ (Дюрандъ), „Бесѣда Фенелона съ Рамзе о религіи“, „Теорія латинскаго слога“, „Исторія латинской словесности“, „Догматическое ученіе о Богѣ“ и много другихъ.

Леопольдовъ прекрасно окончилъ Московскій университетъ кандидатомъ словесныхъ наукъ. О своемъ происхожденіи, когда находился подъ судомъ, онъ писалъ: „я изъ духовнаго званія, сынъ дьячка Филиппа Петрова, имѣющаго жительство въ Саратовской губерніи, Сердобскаго уѣзда, въ селѣ Ртищевѣ, и отъ роду имѣю себѣ 27 лѣтъ [1])“.

Воспитываясь въ Пензенской семинаріи, Леопольдовъ имѣлъ, хотя грубый и недоброкачественный, но все-таки казенный коштъ. Бурса заботилась о немъ; кормила, обувала, одѣвала его. Другое дѣло въ университетѣ. Тутъ уже началась жизнь самостоятельная, приходилось изыскивать самому кусокъ хлѣба, создавалось тяжелое положеніе: учись и въ то же время заработывай на прожитіе. Оставался единственный исходъ давать уроки. Вскорѣ Леопольдовъ познакомился съ дворовымъ человѣкомъ помѣщика Гурьева—Брызгаловымъ, который ему понравился тѣмъ, что питалъ страстное

[1]) 27 октября 1827 г.

Библиотека "Руниверс"

влеченіе къ чтенію и письму, чтобы впослѣдствіи постичь мудрость библіи и литературы. Объ этомъ знакомствѣ Брызгаловъ давалъ свѣдѣніе въ своемъ объясненіи [1]) слѣдственной комиссіи по дѣлу Леопольдова. „Кандидатъ Андрей Филиппычъ былъ вхожъ къ моимъ господамъ, гдѣ я съ нимъ и ознакомился; онъ училъ меня грамматикѣ и занимался со мною чтеніемъ обыкновенныхъ книгъ".

Несмотря на помощь со стороны Брызгалова, которая была преимущественно вещевая, Леопольдовъ терпѣлъ большую нужду, сидѣлъ безъ сапогъ, табаку и пр. Это видно изъ его письма [2]) къ Брызгалову „Здравствуй"! Вотъ тебѣ даръ [3]) отъ меня. Даръ самъ въ себѣ не важенъ, мелоченъ, но усердіе велико. Библію—нельзя. Она всякій часъ самому необходима. Библія у меня тоже даръ отъ такого мѣста, гдѣ я получилъ многое и многое потерялъ. Даръ не дарятъ; помни это всегда. Въ домѣ у васъ есть библія, читай, не лѣнись. Что же еще сбаить тебѣ? Да—о часахъ, надежды нѣтъ, правду Давидъ говоритъ: не надѣйся на людей. И теперь не только не удовлетворяю себя покупкой необходимой сей вещи, но безъ чаю остаюсь. Вотъ еще горе—почти безъ *босоговъ* [4]). О, люди! люди! Увы, и табакъ-то весь. Братъ, помоги! Погибаю. Докажи, что не званіе рождаетъ добрыя чувствія, но благородное сердце. На 1-й день Рождества не приду поздравлять. Холодно. Сидя у печки, чуть не замерзаю. Какое у меня раздолье. Почти во всемъ этажѣ одинъ скитаюсь, какъ нощное привидѣніе. То-то горе, что табаку-то нѣтъ, а то бы блаженство, сидя въ теплѣ со схоластизмомъ".

Во время прохожденія послѣднихъ курсовъ, Леопольдовъ пристроился на урокахъ у генеральши Вадковской и скоро поправилъ свои матеріальныя обстоятельства, даже сталъ помогать своимъ родителямъ. Въ показаніяхъ суду онъ говорилъ: „Мой отъѣздъ изъ Москвы въ домъ родителей былъ причиною, чтобы оказать имъ и семейству при бѣдности пособіе. Какъ обязанный отцу, хотя и бѣдному, жизнію и христіанскимъ воспитаніемъ, и сострадая о бѣдномъ его положеніи, въ жару сыновней любви, не могъ не поспѣшить къ нему отъѣздомъ изъ Москвы и тѣмъ исполнить обязанность естественную и христіанскую".

Когда Леопольдовъ былъ на родинѣ, восторгался природой,

---

[1]) 25 мая 1827 г.

[2]) 1824 г.

[3]) Книга подъ заглавіемъ „Каліопа".

[4]) Сапоговъ.

Библиотека "Руниверс"

изучалъ помѣщиковъ, но тѣмъ не менѣе скучалъ по Москвѣ. И не мудрено. Въ древней столицѣ онъ проводилъ самые впечатлительные годы, встрѣчалъ тамъ развитое, ученое общество, сталкивался съ людьми простого класса, низшаго сословія, но жаждавшими грамоты и науки.

Онъ вполнѣ убѣдился, что лучше столицы нѣтъ больше такого сосуда, гдѣ бы можно было почерпать неизсякаемую пищу для ума и усовершенствованія. Поэтому небезъинтересно привести здѣсь его письмо отъ 27 августа 1826 г., посланное на имя Брызгалова: „Здравствуй!—кланяюсь тебѣ изъ родимой сторонушки, изъ-подъ родительскаго тихаго крова. Доѣхалъ я благополучно и весело. Родные мои мнѣ рады, такъ что не могутъ и выразить своей радости. Такъ-то я теперь поживаю весело, занимаюсь охотою, ѣмъ, или, лучше сказать, обжираюсь арбузами, ахъ, виноватъ—не арбузами, а нектаромъ, каковаго и на Олимпѣ греческихъ боговъ не было, гуляю, катаюсь верхомъ и пр. Ну, словомъ, живу какъ въ раю. Придетъ воскресный день, я на клиросѣ пою съ братомъ. Крестьяне смотрятъ уже на меня съ удивленіемъ; шинель моя пускаетъ пыль въ глаза и не мужикамъ, а штабсъ-капитанство... о! о! о!—и баить нечего.

„Всякій знакомый мнѣ говоритъ, что онъ читалъ обо мнѣ въ газетахъ, а мнѣ по сердцу масломъ. Былъ недавно у сестры, которая живетъ въ степи. Село изъ 15 домовъ, вокругъ дикая степь, впрочемъ, не пустыня. Мѣсто по климату рай. Все нѣжитъ и покоитъ человѣка; плоды, воздухъ—это рѣдкость; но все это какъ замѣтно прискучиваетъ, коль общество людей мало. Человѣкъ не созданъ быть звѣремъ; общество людей—вотъ родимая его сфера. У ней пожилъ я два дня и перевезъ ее къ роднымъ. Такъ въ мирномъ кругу людей я живу спокойно; но по временамъ вспоминаю о Москвѣ бѣлокаменной, переношусь мысленно и къ В.; помечтаю о ней на пчельникѣ, или въ лѣсу, или ѣздя по полямъ, да и только. Отъ скуки беру цѣпъ и косу въ руки. Но работникъ прямо говоритъ: полно, не умѣешь. Кругъ помѣщиковъ ничего не имѣетъ завиднаго, это служки царя небеснаго, погоняютъ на работу мужичковъ и только; нѣтъ образованности, слѣдовательно, ничего почти нѣтъ изящнаго и болѣе отъ нихъ разнятся кафтанами. Можно ли не жалѣть объ нихъ. Взявши ихъ классъ отдѣльно и приноровляясь къ просвѣщенному свѣту, невольно съ Тацитомъ воскликнешь: тутъ жизнь мерцаетъ. Ты ужъ обыкновенно тутъ мнѣ бы сказалъ: имъ развратъ малоизвѣстенъ, Богъ объ этомъ знаетъ, онъ будетъ и судить; но замѣчая жестокость къ крестьянамъ, скупость, сребролюбіе, невѣжество—невольно придетъ въ голову мысль, что все это

Библиотека "Руниверс"

стоитъ чего-нибудь; въ своемъ родѣ зло и зло не малое. Ну, о деревнѣ довольно.

„У васъ въ Москвѣ, думаю, совершилось великое торжество. Минувшее воскресенье подняло всю столицу. Напиши мнѣ о коронаціи все, что можешь. Да что гармонируетъ ли дѣло Ф. Петровича? При полученіи сего письма вообрази обыкновенный мой комплиментъ—въ горбъ. Все надобно дѣлать своимъ чередомъ. Такъ-то трясый и посыпаяй... Коряга, скребокъ".

Брызгалова привлекали по Леопольдовскому дѣлу, дѣлали у него обыскъ и нашли указанное письмо. Нѣкоторыя слова и выраженія показались слѣдственнымъ чиновникомъ темными и загадочными. Поэтому для разъясненія ихъ былъ спрошенъ самъ Леопольдовъ, который освѣтилъ все пустякомъ, нисколько къ дѣлу не относящимся и этимъ поставилъ вопрошавшихъ въ неловкое положеніе. Онъ говорилъ, что „штабсъ-капитанствомъ" называютъ въ университетѣ степень кандидата 10-го класса; выраженіе „гармонируетъ ли дѣло Ф. Петровича" обозначаетъ вопросъ: успѣшно ли ведетъ помѣщикъ Гурьевъ—господинъ Брызгалова, дѣло объ имѣніи въ Сенатѣ? „Комплиментъ въ горбъ" это говаривалъ Леопольдовъ, когда ударялъ слегка въ шутку по спинѣ Брызгалова. Слова „трясый и посыпаяй"—также шутка; Брызгалова называли козломъ, потому что онъ часто трясъ своей жиденькой, длинной бородкой; Леопольдовъ, бывая у Брызгалова, постоянно подшучивалъ надъ нимъ и за то, когда спрашивалъ табаку, получалъ отказъ; гнѣвъ Брызгалова смягчался лишь при одномъ условіи, если учитель его начиналъ говорить о чемъ-нибудь дѣльномъ; слѣдовало угощеніе табакомъ и Леопольдовъ восклицалъ съ восторгомъ: „тряхнетъ бородой и табакъ посыплется".

Заполучивъ университетскій аттестатъ, Леопольдовъ почему-то не остался въ Москвѣ, а покатилъ въ Петербургъ. Тамъ онъ поселился у нѣмки Пахманъ, гдѣ ранѣе проживалъ уже чиновникъ по строительной части Скотти.

Леопольдовъ очевидно ни уроковъ не искалъ, ни на службу не поступалъ, все что-то писалъ, но писалъ такое, что не давало ему денежныхъ средствъ. Это оказалось сразу, потому что онъ задолжалъ чиновнику и хозяйкѣ.

Наканунѣ Рождества 1826 г. пріѣхалъ фельдъегерь и взялъ съ собою Леопольдова. Куда его повезли, и за что онъ подвергся такой участи—Пахманъ и Скотти совершенно не знали; такъ и долгъ остался за нимъ.

28 декабря онъ былъ доставленъ въ Новгородъ и заключенъ въ тюрьму. Здѣсь въ уѣздномъ судѣ началось его политическое

Библиотека "Руниверс"

дѣло. Леопольдовъ много разъ являлся предъ лицомъ судей, много разъ писалъ объясненія, потому что слѣдственной комиссіей были пущены въ ходъ всевозможныя ухищренія, чтобы добиться обвиненія несчастнаго. Всякій пустякъ, каждая мелочь порождали у судебной власти подозрѣніе, разроставшееся чуть ли не въ вѣское доказательство, и подсудимаго часто тревожили то устно, то письменно.

Онъ томился въ заключеніи и не разъ ходатайствовалъ о скорѣйшемъ окончаніи его дѣла.

Просьбы его къ мѣстнымъ властямъ оставались втунѣ, и судебное производство ползло по-прежнему, черепашьимъ шагомъ. Но какимъ-то образомъ эта волокита дошла до Николая I. Чрезъ начальника главнаго штаба министръ юстиціи получилъ повелѣніе Государя, чтобы производимое въ Новгородскомъ уѣздномъ судѣ дѣло о Леопольдовѣ, преданномъ суду за имѣніе возмутительныхъ стиховъ „окончено было безъ промедленія времени“.

Высочайшая воля, переходя разныя инстанціи, достигла Новгорода; тогда уже губернаторъ Денферъ и губернскій прокуроръ Мартовъ строго подчеркнули уѣздному суду, что „оный имѣетъ преимущество передъ другими дѣлами приступить къ разсмотрѣнію сего дѣла и рѣшить оное безъ очереди“, иначе всѣ послѣдствія отъ медленности должны будутъ лечь на отвѣтственность суда.

Спустя десять мѣсяцевъ, уѣздный судъ рѣшилъ дѣло о Леопольдовѣ, но оно еще поступило на ревизію въ уголовную палату. Тамъ его ревизовали четыре мѣсяца.

Уѣздный судъ очень уже поусердствовалъ и приговорилъ Леопольдова къ каторжнымъ работамъ; однако палата не согласилась съ подобнымъ рѣшеніемъ, вмѣнила ему въ наказаніе тюремное заключеніе и сверхъ этого приговорила „къ чувствительному аресту“ на девять мѣсяцевъ въ крѣпостяхъ.

Отсюда дѣло пошло въ Сенатъ, который обратилъ его къ исполненію указомъ отъ 27 августа 1828 г., а Государственный Совѣтъ опредѣлилъ освободить Леопольдова, но съ тѣмъ, чтобы начальство того учрежденія, гдѣ онъ будетъ служить, обращало особое вниманіе на его поведеніе.

Находясь въ Новгородѣ, Леопольдовъ пожелалъ поступить въ ту палату, которая еще не такъ давно приговорила его къ крѣпостному заключенію. Кажется, къ этому учрежденію у него должна была бы явиться антипатія, но почему это иначе случилось — трудно объяснить.

Небезъинтересно привести его прошеніе, поданное въ уголовную палату на Высочайшее имя.

Библиотека "Руниверс"

„Происходя изъ духовнаго званія, я обучался въ Пензенской семинаріи, потомъ кончилъ академическій курсъ въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ по отдѣленію словесныхъ наукъ. По окончаніи онаго имѣлъ несчастіе подвергнуться по Высочайшему повелѣнію суду, но по рѣшительномъ окончаніи онаго, какъ видно изъ прилагаемаго при семъ даннаго мнѣ изъ вышесказаннаго университета аттестата, предоставлено право на службу Вашего Императорскаго Величества. Нынѣ я желаю поступить на службу въ штатъ Новгородской Палаты уголовнаго суда.

А по сему всепокорнѣйше и прошу, дабы Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества указомъ повелѣно было ей мое прошеніе принять и включить меня въ штатъ Новгородской Палаты уголовнаго суда.

Всемилостивѣйшій Государь!

Прошу Ваше Императорское Величество о семъ моемъ прошеніи учинить рѣшеніе. Октября 5 дня 1828. Къ поданію надлежитъ въ Новгородскую Палату уголовнаго суда. Сіе прошеніе составлялъ, набѣло переписывалъ и къ оному руку приложилъ я, самъ проситель, кандидатъ словесныхъ наукъ Андрей Леопольдовъ“.

Палатѣ хорошо былъ извѣстенъ Леопольдовъ, но тѣмъ не менѣе она вывела на справку, какъ онъ судился, и какое послѣдовало по дѣлу рѣшеніе; затѣмъ уже, въ концѣ справки стояло „приказали“. А приказали за надобностью „приказнослужителей“, просить губернское правленіе объ утвержденіи Леопольдова въ штатъ палаты.

Такимъ образомъ онъ былъ принятъ на службу съ предложеніемъ о приводѣ къ присягѣ и съ сообщеніемъ въ Правительствующій Сенатъ о производствѣ его въ 10-й классъ.

Опредѣленіе его состоялось 17 ноября, а 22 ноября онъ вновь подалъ прошеніе въ палату и просилъ производство по первому остановить, такъ какъ онъ нашелъ болѣе выгодное мѣсто.

Несмотря на то, что указанныя учрежденія помѣщались въ одномъ зданіи, переписка объ опредѣленіи ходила около двухъ мѣсяцевъ, и все это время Леопольдовъ занимался въ палатѣ, получая жалованья 40 р. въ мѣсяцъ.

На другой день послѣ подачи второго прошенія, Леопольдовъ получилъ обратно аттестатъ и скрылся изъ Новгорода.

Библиотека "Руниверс"

Между тѣмъ, за его отсутствіемъ, въ Новгородскихъ учрежденіяхъ завязалась новая переписка: объ удержаніи съ него денегъ въ казну за чинъ коллежскаго секретаря и 59 р. 90 к. въ пользу Пахманъ и Скотти.

Впослѣдствіи выяснилось, что Леопольдовъ еще до полученія аттестата былъ удовлетворенъ жалованьемъ.

Куда исчезъ Леопольдовъ—полиція не знала, и поэтому дѣло предали забвенію.

Вдругъ въ 1834 г. Саратовская казенная палата обратилась въ Новгородскую уголовную за свѣдѣніями: „когда Леопольдовъ поступилъ въ оную на службу, былъ ли представленъ къ утвержденію въ чинѣ, когда уволенъ, и не былъ ли ему объявленъ чинъ".

Оказалось, что онъ поступилъ тамошнимъ квартальнымъ надзирателемъ, прослужилъ около мѣсяца и пріобрѣлъ собственноручно составленный послужной списокъ, подписанный полиціймейстеромъ Прянишниковымъ.

Въ спискѣ, конечно, не значилось ни слова о томъ, что онъ служилъ ранѣе въ Новгородской уголовной палатѣ. Когда же Леопольдовъ изъ полиціи поступилъ въ Саратовскую казенную палату, то послѣдняя представила его къ чину. Вотъ тутъ-то и открылось его прежнее мѣстослуженіе. Герольдія увѣдомила, что Леопольдовъ Высочайшимъ указомъ произведенъ уже въ коллежскіе секретари, по представленію Новгородскаго губернскаго правленія, какъ служившій въ тамошней уголовной палатѣ.

Отвѣтъ былъ посланъ скоро. Небезъинтересно въ немъ одно мѣсто. Составитель отвѣта, сообщая общія свѣдѣнія по опредѣленію Леопольдова, упоминаетъ, что онъ „во время нахожденія на службѣ въ сей палатѣ, велъ себя хорошо и былъ усерденъ", но слова эти кѣмъ-то зачеркнуты, кто-то не согласился съ мнѣніемъ писавшаго такой отзывъ.

Что заставляло Леопольдова мѣнять такъ часто мѣста и опредѣляться на низшія должности, неизвѣстно. Между тѣмъ въ ту пору люди съ высшимъ образованіемъ встрѣчались рѣдко, и Леопольдовъ могъ бы занять видное служебное положеніе. Вѣроятно, тогда люди, познавшіе мудрость высшихъ наукъ, считались вольнодумными, вредными. Ихъ излишняя прямота и честность мѣшали обычному движенію чиновничьяго механизма. Конечно, прежніе протоколисты, журналисты, ассесоры, предсѣдатели, избѣгали его, какъ свѣточа въ темныхъ дѣлахъ, стараясь унизить его на маленькой должности и еще лучше совсѣмъ сплавить изъ учрежденія.

Библиотека "Руниверс"

Несомнѣнно, Леопольдовъ перенесъ не мало горя отъ своего кандидатства.

Дальнѣйшая судьба его покрыта мракомъ. По крайней мѣрѣ въ дѣлахъ Новгородскихъ архивовъ, кромѣ указанныхъ данныхъ, больше ничего нѣтъ. Также не имѣется никакихъ слѣдовъ о немъ и тамъ, гдѣ онъ проживалъ и встрѣчался съ поэтомъ Пушкинымъ, даже трудно установить его квартиру, по случаю неоднократныхъ ремонтовъ и передѣлокъ.

А. Г. Слезскинскій.

Библиотека "Руниверс"

Императоръ Павелъ I и политическія судьбы Италіи.

Въ области внѣшней политики царствованіе Императора Павла I ознаменовалось тѣмъ, что Россія вступила въ такъ-называемую вторую коалицію европейскихъ державъ. Въ противовѣсъ Императрицѣ Екатеринѣ II, ея преемникъ не преслѣдовалъ никакихъ завоевательныхъ плановъ, не мечталъ о расширеніи территоріальныхъ границъ своей имперіи, а потому съ самаго начала объявилъ себя сторонникомъ европейскаго мира и нейтралитета Россіи по отношенію къ тѣмъ политическимъ комбинаціямъ въ Европѣ, которыя имѣли тенденцію такъ или иначе нарушить дипломатическое равновѣсіе и вызвать войну. Поэтому, Императоръ Павелъ, вступивъ на престолъ, не замедлилъ заявить, что онъ считаетъ ошибочной враждебную политику Россіи къ Турціи, практиковавшуюся при Екатеринѣ, и стремится поддерживать съ Портой добрыя отношенія, дабы обезпечить миръ, прежде всего, со стороны „вѣкового врага“. Но соображенія совершенно постороннія, не дипломатическаго характера, быстро заставили Императора Павла перейти отъ этой миролюбивой внѣшней политики къ активному вмѣшательству въ дѣла европейскихъ государствъ и стать во главѣ боевого союза, включившаго помимо Россіи, Австрію, Англію, Турцію и Неаполитанское королевство.

Установившееся во Франціи, какъ говаривалъ Императоръ Павелъ I, „богомерзкое правительство“, вело въ Европѣ, главнымъ образомъ благодаря походамъ Наполеона, войны, настолько успѣшно, что

Библиотека "Руниверс"

грозило полнымъ измѣненіемъ европейской географической карты и, кромѣ того, потрясеніемъ основъ стараго монархическаго порядка всюду, гдѣ только появлялась французская „революціонная“ армія. Павелъ I считалъ священнымъ дѣломъ изгнаніе изъ Европы французовъ и вслѣдствіе этого участіе его во второй коалиціи сразу выразилось въ очень рѣшительной формѣ: онъ не жалѣлъ своихъ военныхъ силъ, посылавшихся имъ на помощь дѣйствующимъ противъ Франціи австрійцамъ, и поставилъ во главѣ русской арміи Суворова. Средоточіемъ совмѣстныхъ дѣйствій второй коалиціи—была Италія. Здѣсь самымъ гибельнымъ образомъ отразилось вторженіе армій „богомерзкаго правительства“. Законные государи и даже правитель Церковной области лишались своихъ троновъ, государства разламывались на части и отдавались въ полное распоряженіе генераламъ директоріи. Но особенный страхъ Европѣ внушало то, что здѣсь, въ сѣверной и средней Италіи, французы нанесли смертельный ударъ габсбургскому владычеству и, казалось, что вслѣдъ за этимъ наступитъ развалъ и австрійской имперіи, что явилось бы, въ свою очередь, началомъ всеевропейскаго катаклизма. Такимъ образомъ, изгнаніе французовъ изъ Италіи, освобожденіе ея отъ желѣзныхъ рукъ „богомерзкаго правительства“ являлось какъ бы залогомъ для возстановленія въ Европѣ порядка, для каковой цѣли только и вступилъ Павелъ I во вторую коалицію. Но если, какъ мы указали выше, роль императора Павла I была весьма значительна въ предпринятой второй коалиціей борьбѣ противъ директоріи, то въ политическихъ судьбахъ Италіи, по крайней мѣрѣ въ 1799 г., она была еще болѣе важна, была прямо таки рѣшающей. Объ этой сторонѣ дѣятельности Павла I, объ его непосредственномъ вмѣшательствѣ въ политическія судьбы Италіи, приведшемъ, какъ мы увидимъ ниже, къ рѣшенію русскаго царя созвать въ Петербургѣ особую конференцію европейскихъ державъ для возстановленія въ правахъ законныхъ италіанскихъ государей и обезпеченія имъ полной независимости — объ этомъ именно, мы до сихъ поръ имѣли слабое представленіе. Отсутствіе *полныхъ* документальныхъ данныхъ о сношеніяхъ въ эту эпоху Россіи съ италіанскими государствами являлось главнымъ препятствіемъ для всесторонняго освѣщенія дипломатическихъ проектовъ Павла, касающихся судебъ Италіи. Нынѣ же, благодаря опубликованію полностью архива маркиза де-Галло, уполномоченнаго неаполитанскаго двора, архива, содержащаго въ себѣ интересную переписку о его дипломатической миссіи въ Петербургѣ въ 1799 г., представляется возможнымъ восполнить наши свѣдѣнія о внѣшней

Библиотека "Руниверс"

политикѣ Павла I вообще и объ его участіи въ устройствѣ политическихъ судебъ Италіи, въ частности [1]).

Когда французы, разгромивъ сѣверную и среднюю Италію и создавъ изъ австрійскихъ владѣній и части Церковной области, такъ называемую Цизальпинскую республику, двинулись на югъ, въ Неаполитанскомъ королевствѣ, гдѣ на тронѣ сидѣлъ отпрыскъ Бурбонской династіи, Фердинандъ IV, произошли потрясающія событія. При видѣ непріятеля, жители Неаполя, главнымъ образомъ демократическая часть, недовольные режимомъ бурбонскаго абсолютизма, открыто выразили свою радость предстоящей, вмѣстѣ съ французскимъ завоеваніемъ, смѣнѣ правительствъ и политической системы. Дворъ же, послѣ тщетныхъ попытокъ оказать сопротивленіе французамъ—съ одной стороны и усмирить пришедшихъ въ движеніе демократовъ—съ другой, поспѣшно перекочевалъ въ Сицилію, гдѣ въ Палермо было устроено мѣстопребываніе бѣжавшаго неаполитанскаго короля и его семьи. Здѣсь, на королевскомъ совѣтѣ рѣшено было немедленно прибѣгнуть къ помощи извнѣ, т. е. рѣшено было повести переговоры о совмѣстномъ выступленіи противъ французовъ Австріи и Англіи, съ которыми неаполитанское правительство уже заключило въ разное время сепаратныя соглашенія. О такомъ же соглашеніи съ Россіей неаполитанскій посолъ Серракапріола велъ уже переговоры въ Петербургѣ (договоръ былъ подписанъ 18 (29) декабря 1798). Такимъ образомъ, событія въ Неаполѣ, приведшія въ январѣ 1799 г. къ установленію тамъ французами Партенопейской республики, подготовили почву для образованія второй коалиціи. Но для достиженія этой цѣли понадобилось, раньше всего, наладить испортившіяся въ послѣдніе шесть мѣсяцевъ 1798 г. отношенія между неаполитанскимъ правительствомъ и Австріей. Дѣло въ томъ, что когда неаполитанское правительство вело еще за свой страхъ и рискъ борьбу съ французами, и одно время ему удалось вытѣснить врага изъ предѣловъ неаполитанскаго королевства и проникнуть даже въ папскую область, а также и въ Римъ, въ Австріи это было учтено, какъ попытка Бурбонской династіи использовать моментъ замѣшательства и овладѣть наслѣдіемъ папы. Кромѣ того, обострению австро-неаполитанскихъ отношеній содѣйствовалъ австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ Тугутъ, который говорилъ, что аккредитованные при европейскихъ дворахъ послы неаполитанскаго короля „конспирируютъ“ противъ вѣнскаго правительства и всячески стараются подорвать къ нему

[1]) *Carlo di Somma.* Une mission diplomatique du marquis de Gallo à Saint-Petersbourg en 1799. Napoli, 1910.

Библиотека "Руниверс"

довѣріе Европы. Чтобы положить конецъ этимъ натянутымъ отношеніямъ между Австріей и Неаполемъ, мѣшавшимъ быстрому и своевременному выступленію коалиціи противъ французовъ, неаполитанское правительство, или вѣрнѣе Марія-Каролина, ибо Фердинандъ IV не принималъ никакого участія въ дѣлахъ государства, а ими всецѣло управляла королева, отправила въ Вѣну со спеціальной дипломатической миссіей маркиза де-Галло.

Въ Вѣнѣ Галло скоро удалось „сгладить острые углы“ австро-неаполитанскихъ отношеній и даже добиться полнаго расположенія къ себѣ Императора Франца II и Императрицы. Но находясь при вѣнскомъ дворѣ, Галло проникъ въ тайну австрійской дипломатіи, и ему уже ясно представилась та цѣль, которая лежала въ основѣ участія Австріи во второй коалиціи. Австрійцы стремились не только сломить господство французовъ въ Европѣ, но и по-прежнему думали воцариться въ Италіи и заручиться согласіемъ на свободу дѣйствія здѣсь со стороны державъ, входившихъ во вторую коалицію. Реставрація австрійскаго владычества на Аппенинскомъ полуостровѣ послѣ изгнанія оттуда французовъ — съ такой мыслью носился австрійскій дворъ, противорѣчила политическимъ видамъ неаполитанскаго королевства, тогда игравшаго наиболѣе видную роль среди прочихъ италіанскихъ государствъ. И вотъ въ Вѣнѣ въ головѣ маркиза де-Галло созрѣваетъ совершенно новый планъ, о которомъ онъ немедленно сообщаетъ неаполитанскому первому министру Актону. Планъ этотъ заключается въ томъ, чтобы Австріи противопоставить Россію, чтобы навязать Императору Павлу роль главнаго устроителя политическихъ судебъ Италіи и раскрыть съ этой цѣлью передъ нимъ карты австрійской дипломатіи. Вообще, Галло съ каждымъ днемъ своего пребыванія въ Вѣнѣ убѣждается все больше въ опасныхъ послѣдствіяхъ для Италіи отъ участія Австріи въ коалиціи, если политическая роль вѣнскаго правительства не будетъ парализована какимъ-нибудь дипломатическимъ вольтъ-фасомъ.

„Я склоняюсь больше къ русскимъ, чѣмъ къ австрійцамъ, писалъ отъ 20 мая 1799 г. изъ Вѣны Галло своему правительству, такъ какъ послѣдніе скорѣе будутъ въ тягость, чѣмъ принесутъ пользу неаполитанскому королю“. И онъ надѣется на успѣхъ предпринимаемой имъ поѣздки съ этой дипломатической цѣлью въ Петербургъ по слѣдующимъ соображеніямъ: Россія, не заинтересованная въ территоріальныхъ пріобрѣтеніяхъ въ Италіи, будетъ искренно стремиться къ удовлетворенію законныхъ требованій неаполитанскаго правительства, когда дѣло коснется устройства политическихъ судебъ италіанскихъ государствъ. Всякая же попытка Австріи,

Библиотека "Руниверс"

путемъ новаго раздѣла Аппенинскаго полуострова, распространить еще больше здѣсь свое вліяніе, повлечетъ къ измѣненію европейскаго равновѣсія исключительно въ ея пользу, чего не можетъ допустить русскій Императоръ. Россія, въ силу давно уже сложившейся дипломатической коньюнктуры, не потерпитъ расширенія австрійскаго владычества, ибо въ противномъ случаѣ ей пришлось бы имѣть своимъ сосѣдомъ тогда едва-ли не самую сильную и величественную державу. А между тѣмъ, въ эпоху второй коалиціи, Россія была единственной державой, которая, по мнѣнію Галло, могла бы заставить Австрію идти у нея подъ кнутомъ. (La Russie est la seule puissance qui possède le moyen de faire marcher l'Autriche à la cravache). И логически развивая эту мысль, учитывая только реальные факторы европейскихъ дипломатическихъ отношеній, Галло приходитъ къ такому выводу. „Всякая новая политическая система—пишетъ онъ въ томъ же письмѣ къ Актону,—которая будетъ введена въ Италію, будетъ зависѣть отъ воли Россіи, и вообще тонъ всему будетъ задавать только эта держава". Однако, развиваетъ дальше свой планъ Галло, не слѣдуетъ допустить, чтобы судьбы Италіи находились исключительно въ рукахъ русскаго царя. Это могло бы явиться искрой для новаго пожара въ Европѣ, ибо никакая держава не согласится на это. Поэтому, русскому царю необходимо будетъ сдѣлать кое-какія уступки, но никоимъ образомъ не устанавливать новаго равновѣсія такъ, чтобы это было въ пользу Австріи. Что же касается неаполитанскаго королевства, то для увеличенія ея престижа, для достиженія внѣшняго могущества, и чтобы она могла занять дѣйствительно выдающееся мѣсто среди остальныхъ италіанскихъ государствъ, король Фердинандъ IV, по совѣту Галло, долженъ непремѣнно требовать территоріальнаго расширенія своихъ владѣній.

Вотъ планъ, созрѣвшій у Галло, при болѣе близкихъ отношеніяхъ его съ австрійской дипломатіей. Онъ его тщательно скрываетъ отъ Тугута, которому сообщаетъ, что ѣдетъ въ Петербургъ съ единственной только цѣлью: просить царя продолжать оказывать Австріи помощь, дабы поскорѣе освободить Неаполь отъ французовъ. Тугутъ одобряетъ эту миссію и говоритъ Галло, что дѣятельное участіе Россіи въ этомъ дѣлѣ крайне необходимо, чтобы „сдѣлать внушительную диверсію и уничтожить якобинизмъ въ Италіи". Тугутъ обѣщаетъ даже сообщить объ этомъ Кобенцлю, который игралъ большую роль въ сближеніи Австріи и Россіи въ 1798 г., и будетъ просить его оказать поддержку миссіи Галло въ Петербургѣ. Галло, затѣмъ, получаетъ собственноручныя рекомендательныя письма отъ Франца II и отъ австрійской императрицы къ

Библиотека "Руниверс"

Императору Павлу I и Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, — и уѣзжаетъ въ Россію.

Въ Петербургѣ Галло былъ принятъ весьма милостиво. На первой же аудіенціи неаполитанскаго уполномоченнаго у Павла I-го зашелъ разговоръ о международномъ положеніи и о тѣхъ мотивахъ, которые должны были способствовать болѣе активному вмѣшательству русскаго царя въ дѣла Италіи. Съ того момента, какъ Россія вступила въ союзныя отношенія съ Турціей—говорилъ Галло Императору Павлу — и получила возможность свободнаго прохода черезъ Дарданеллы, для нея весьма важно имѣть на Адріатическомъ морѣ вѣрнаго союзника. Таковымъ можетъ явиться неаполитанское королевство. Но для этого необходимо, чтобы послѣднее увеличило свою территорію, чтобы династія неаполитанскихъ Бурбоновъ могла получить преимущественное вліяніе въ Италіи и явилась бы достаточно сильнымъ противовѣсомъ другимъ державамъ, отъ которыхъ до сихъ поръ зависѣло равновѣсіе на Аппенинскомъ полуостровѣ. Царь сперва не догадался, что этотъ „противовѣсъ“, который Галло хотѣлъ создать при содѣйствіи Россіи въ Неаполѣ, направленъ противъ австрійскаго вліянія, и слова о территоріальномъ увеличеніи владѣній неаполитанскихъ Бурбоновъ его испугали.

— Какъ, вы хотите взять Римъ!—воскликнулъ Павелъ. Но Галло поспѣшилъ успокоить его относительно дальнѣйшей судьбы столицы Св. престола и сталъ доказывать, что неаполитанское правительство не думаетъ ни о какихъ посягательствахъ на владѣнія папы, а что рѣчь идетъ только о пріобрѣтеніи новыхъ *стратегическихъ* позицій, безъ которыхъ неаполитанское королевство останется попрежнему открытымъ для вторженія любой непріятельской силы. Съ этимъ Павелъ I-й согласился, но опять повторилъ, что онъ будетъ отстаивать всегда неприкосновенность папскихъ владѣній, ибо въ этомъ онъ видитъ „сохраненіе престижа католической вѣры, столь необходимаго монархамъ“. Кромѣ того, по мнѣнію Императора Павла, такая политика будетъ способствовать смягченію или даже полному прекращенію соперничества державъ.

По мѣрѣ того, какъ эта дипломатическая бесѣда переходила отъ частнаго вопроса къ общему, отъ русско-неаполитанскаго союза къ международному положенію вообще, Галло удалось остановить вниманіе царя на истинныхъ стремленіяхъ австрійской дипломатіи, т. е. прійти къ той главной цѣли, которая, по убѣжденію неаполитанскаго дипломата, должна была поставить на совершенно иную, болѣе благопріятную для судебъ Италіи, почву участіе Россіи во второй коалиціи. Но Галло подходилъ къ этой цѣли весьма осторожно, стараясь въ самомъ разговорѣ съ Павломъ I-мъ, принявшемъ вскорѣ

Библиотека "Руниверс"

очень оживленный характеръ, уловить его подлинное отношеніе къ австрійской дипломатіи. Довольно прозрачными намеками Галло далъ понять Императору, что самое устройство политическихъ судебъ Италіи послѣ изгнанія изъ нея французовъ будетъ зависѣть отъ того или иного территоріальнаго перераспредѣленія на Аппенинскомъ полуостровѣ. „Я замѣтилъ Царю—пишетъ Галло въ своемъ конфиденціальномъ письмѣ къ Актону,—что Италія подверглась такой встряскѣ, такимъ измѣненіямъ (послѣ вторженія французовъ и изгнанія законныхъ государей), послѣ которыхъ становится невозможнымъ ввести все въ прежнюю норму. Надо предвидѣть, слѣдовательно, въ Италіи новыя измѣненія, которыя соотвѣтствовали бы уже планамъ державъ, вступившихъ во вторую коалицію, но стараться, чтобы послѣдствія этихъ новыхъ перемѣнъ не принесли бы пользы только этимъ державамъ“. Иными словами, Галло предупреждалъ Павла I-го о возможности раздѣла Италіи между Австріей и Англіей. Послѣдняя, надо замѣтить кстати, стремилась завладѣть нѣсколькими лучшими портами Италіи, которые необходимы были ей для упроченія своего господства на моряхъ.

Галло сообщаетъ далѣе, что, услышавъ эти слова, Императоръ Павелъ былъ положительно пораженъ (frappé de cette idée). Онъ какъ бы впервые понялъ все значеніе италіанскаго вопроса и тѣхъ послѣдствій, которыя вытекаютъ изъ участія въ устройствѣ судебъ Италіи второй коалиціи, и по всему видно было, что раньше подобная мысль и не приходила въ голову Павла I-го. Подумавъ немного, царь далъ такой отвѣтъ. „Я хочу, чтобы мы (т. е. коалиція) вели войну только для подавленія революціи и для возстановленія каждаго монарха въ своихъ законныхъ владѣніяхъ. Я уже объ этомъ сообщилъ австрійскому императору (Францу II) и послалъ свои приказанія Суворову съ тѣмъ, чтобы онъ заставилъ всѣ, покоренные имъ народы присягнуть ихъ законнымъ властителямъ. И какъ только онъ овладѣетъ Туриномъ, онъ долженъ, согласно моимъ приказаніямъ, послать курьера за Сардинскимъ королемъ и возвратить его въ его постоянную резиденцію. Я не знаю, понравится ли такая тактика вѣнскому двору, но она входитъ въ мою систему, которая кажется мнѣ наилучшей, чтобы исключить всякій проектъ личнаго честолюбія и споръ между спутниками“. Въ дальнѣйшемъ разговорѣ выяснилось, что Павелъ I признаетъ за Австріей права на владѣніе только Венеціей и венеціанскими областями, но не больше. Что же касается другихъ притязаній австрійскаго дома и въ частности прежняго возстановленія его въ Ломбардіи, то царь рѣшительно заявилъ свое несогласіе съ какимъ бы то ни было планомъ раздѣла этого послѣдняго государства. Однако Галло сталъ доказывать Павлу, что

Библиотека "Руниверс"

сговориться съ Австріей по поводу Италіи не такъ легко, что вѣнское правительство будетъ добиваться гораздо большаго, чѣмъ владѣніе одной только Венеціей. „Хорошо—сказалъ Императоръ,—остановимся пока на этомъ и пусть нашъ разговоръ явится отправнымъ пунктомъ въ дальнѣйшемъ разрѣшеніи италіанскаго вопроса. Я охотно буду способствовать всѣмъ тѣмъ проектамъ, которые будутъ къ выгодѣ неаполитанскаго короля. Мы еще сговоримся и заключимъ конфиденціальныя соглашенія, касающіяся какъ интересовъ вашего короля, такъ и судебъ Италіи".

Эти заключительныя слова Павла I на первой аудіенціи, данной имъ Галло, явились началомъ новой дипломатической оріентировки, которой такъ добивался неаполитанскій посланецъ. Она вела къ ослабленію австрійскаго вліянія и къ самостоятельному возрожденію италіанскихъ государствъ подъ эгидой господства неаполитанскихъ Бурбоновъ. „Къ этимъ лучшимъ стремленіямъ, воодушевившимъ русскаго царя—доносилъ Галло неаполитанскому первому министру,—я добавлю только: нужно ковать желѣзо, пока горячо".

Между тѣмъ, дальнѣйшее пребываніе Галло въ Петербургѣ, его частыя посѣщенія царя, бесѣды съ министромъ Растопчинымъ—все это способствовало охлажденію австро-русскихъ отношеній. Императоръ Павелъ сталъ все менѣе довѣрять вѣнскому правительству, и стремленіе послѣдняго подчинить своему контролю дѣйствія Суворова положительно ожесточало царя. Ему уже ясны были причины разногласій въ дѣйствіяхъ русской и австрійской армій, сражавшихся за освобожденіе Италіи отъ французовъ и теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, рѣшеніе Павла поставить преграды новому австрійскому господству на Аппенинскомъ полуостровѣ казалось непоколебимымъ. Въ концѣ концовъ его недружелюбное отношеніе къ Австріи дошло до того, что онъ принялъ чрезвычайно холодно эрцгерцога Іосифа, намѣстника въ Венгріи, пріѣхавшаго въ Петербургъ съ блестящей свитой въ качествѣ жениха Великой Княгини Александры Павловны. Въ томъ, что вмѣстѣ съ эрцгерцогомъ Іосифомъ прибылъ въ Петербургъ и принцъ Виртембергскій, царь видѣлъ попытку вѣнскаго двора использовать чисто семейное торжество въ цѣляхъ политическихъ. Онъ заявилъ, что не хочетъ ни съ кѣмъ изъ нихъ встрѣчаться, чтобы не заводить разговоровъ на политическую тему и не втянуться въ новую интригу вѣнской дипломатіи. Графу Дитрихштейну приказано было устроить временную резиденцію высокихъ гостей въ Гатчинѣ, дабы держать ихъ подальше отъ петербургскихъ правительственныхъ круговъ и императорскаго двора. Въ то же самое время Павелъ I-й попросилъ Галло разработать подробный проектъ будущаго устройства Италіи,

Библиотека "Руниверс"

въ связи съ отношеніемъ къ этому вопросу державъ второй коалиціи. Представивъ царю письменный докладъ и познакомивъ его болѣе подробно съ своимъ проектомъ *территоріальнаго* перераспредѣленія Италіи, Галло натолкнулъ Павла I-го на мысль созвать въ Петербургѣ конференцію изъ державъ, заключившихъ вторую коалицію, для окончательнаго рѣшенія италіанскаго вопроса.

Что же дѣлала въ это время австрійская дипломатія? Развѣдавъ, что Галло удалось склонить русскаго царя къ дипломатическому проекту, идущему въ разрѣзъ съ политическими цѣлями Австріи, вѣнскій дворъ сталъ „бросать палки въ колеса". Но при извѣстіи о проектѣ Императора Павла созвать спеціальную конференцію, съ цѣлью лишить навсегда прежняго политическаго вліянія Австрію въ италіанскихъ государствахъ, австрійская дипломатія серіозно заволновалась.

Въ сентябрѣ 1799 г. Актонъ пишетъ изъ Палермо неаполитанскому послу въ Петербургѣ, Серракапріолѣ, слѣдующее: „Я долженъ предупредить васъ, что вѣнскій дворъ проявилъ большую тревогу по поводу предположенія Павла I открыть въ Петербургѣ конференцію по италіанскимъ дѣламъ". Это заключеніе неаполитанское правительство вынесло на основаніи письма, полученнаго королемъ Фердинандомъ отъ императора Франца II. Послѣдній въ мягкой формѣ, въ которую, однако, были заключены угрозы дипломатическаго разрыва и объявленія Неаполю войны, просилъ Фердинанда приказать своимъ уполномоченнымъ въ Петербургѣ дѣйствовать солидарно съ представителями австрійскаго правительства. „Ибо то, что намъ предлагаютъ—писалъ Францъ II,—можетъ привести къ весьма печальнымъ послѣдствіямъ". Какія подозрѣнія вызвалъ въ Вѣнѣ неожиданный поворотъ въ австро-русскихъ отношеніяхъ, происшедшій благодаря дипломатической миссіи Галло въ Петербургѣ, можно судить по письму, написанному австрійской императрицей Маріей-Терезіей (жена Франца II) своей матери, неаполитанской королевѣ Маріи-Каролинѣ. „Я подозрѣваю—говорится въ этомъ письмѣ, написанномъ подъ давленіемъ австрійской дипломатіи,—что русскій императоръ хочетъ завладѣть однимъ изъ италіанскихъ государствъ, чтобы посадить тамъ на тронъ эрцгерцога Іосифа, въ честь женитьбы этого послѣдняго на его дочери, и я боюсь, что это будетъ сдѣлано за счетъ владѣній несчастнаго папы. Мой любезный супругъ для предупрежденія этого посылаетъ свои войска въ Римскія владѣнія съ тѣмъ, чтобы занять ихъ и управлять тамъ отъ имени Св. Престола"...

Получивъ извѣщеніе о перепискѣ между дворами неаполитанскимъ и австрійскимъ, Галло продолжалъ все же дѣйствовать въ прежнемъ

Библиотека "Руниверс"

направленіи и главнымъ образомъ содѣйствовать скорѣйшему осуществленію проекта Павла I-го о созывѣ конференціи. Петербургское правительство все болѣе втягивалось въ итальянскія дѣла, но оно было какъ бы озадачено новой дипломатической оріентировкой, при которой старые корни габсбургскаго господства въ Италіи подрубались рукой некого другого, какъ ея союзника, императора Павла. „Какъ же мы все это устроимъ, чтобы можно было вырвать изъ рукъ Австріи всѣ ея итальянскія владѣнія?"—растерянно спрашивалъ у Галло графъ Растопчинъ, тогдашній министръ иностранныхъ дѣлъ.—„Нѣтъ ничего легче—отвѣчалъ ему неаполитанскій дипломатъ.—Строго придерживаясь своего принципа, никого не раздражая, не дѣлая ничего неожиданнаго,—русское правительство можетъ увеличить свои войска въ Италіи. За остальное же я вамъ ручаюсь, тѣмъ болѣе, что одной частью римскаго государства мы уже владѣемъ, и скоро въ нашихъ рукахъ будетъ также и Анкона." Дипломатическій языкъ лакониченъ, но каждое слово дипломатіи имѣетъ всегда глубокое содержаніе. Какъ видно изъ приведеннаго только что разговора, вѣнскому правительству было отчего безпокоиться. Галло дѣйствительно повелъ дѣло въ Петербургѣ такъ, что если бы предполагаемой конференціи можно было навязать проектъ Павла объ устройствѣ итальянскихъ государствъ, то на развалинахъ австрійскаго владычества возродилось бы сильное русской поддержкой и самостоятельное Неаполитанское королевство, увеличенное территоріально и возвеличенное морально. Вопросъ вступалъ уже на почву политическаго соперничества Неаполя и Австріи, соперничества, предрѣшавшаго зарю итальянскаго объединенія подъ эгидой русско-неаполитанскаго союза. Въ этотъ моментъ, когда миссія Галло достигла успѣха, когда ему удалось при содѣйствіи царя раздвинуть рамки политическихъ стремленій второй коалиціи и вопросъ объ изгнаніи французовъ связать съ проблемой политической независимости отъ Австріи италіанскихъ городовъ, въ этотъ моментъ Неаполь бралъ на себя ту роль, которую много лѣтъ спустя игралъ Пьемонтъ въ объединеніи Италіи. А союзъ неаполитанскаго королевства съ Россіей долженъ былъ носить тотъ же характеръ, который въ 1859 г. имѣлъ союзъ Сардинскаго королевства съ Франціей. Но на этотъ разъ австрійская дипломатія одержала побѣду, и мы сейчасъ увидимъ, какимъ образомъ рушился этотъ замѣчательный планъ освобожденія Италіи отъ австрійской опеки, планъ, основанный на безкорыстномъ участіи Россіи во второй коалиціи и на „благородныхъ порывахъ" Павла I.

Вѣнское правительство, получивъ извѣщеніе отъ царя о предполагаемомъ созывѣ въ Петербургѣ конференціи по италіанскимъ

Библиотека "Руниверс"

дѣламъ, медлило своимъ отвѣтомъ. Придираясь къ тому, что при передачѣ въ Вѣнѣ этого извѣщенія русскимъ представителемъ Колычевымъ, не были выполнены надлежащія формальности (у Колычева не было ввѣрительныхъ грамотъ), Францъ II думалъ подъ этимъ благовиднымъ предлогомъ выиграть необходимое ему время, чтобы отправить новыя письма въ Палермо для болѣе рѣшительнаго воздѣйствія на неаполитанское правительство. Но не успѣла еще австрійская дипломатія предпринять новые шаги, чтобы разстроить планъ Павла I, какъ царь, раздраженный явнымъ уклоненіемъ отъ отвѣта на вопросъ о созывѣ конференціи, послалъ немедленно въ Вѣну нѣчто въ родѣ ультиматума. На этотъ разъ Императоръ Павелъ требовалъ, чтобы австрійское правительство заявило, какого оно мнѣнія о возстановленіи въ своихъ правахъ Сардинскаго короля и относительно проекта политической и государственной реорганизаніи Италіи. Кромѣ того, царь заявилъ самымъ категорическимъ образомъ, что онъ отказывается отъ сепаратнаго соглашенія съ Австріей по дѣламъ Италіи, неоднократно ему предложеннаго вѣнскимъ правительствомъ, и что онъ по-прежнему настаиваетъ на созывѣ конференціи.

Въ теченіе того времени, когда инцидентъ съ уклоненіемъ отъ отвѣта австрійскаго правительства долженъ былъ такъ или иначе разрѣшиться, по оплошности Растопчина, въ Палермо, гдѣ все еще продолжалъ пребывать неаполитанскій дворъ, произошло дипломатическое замѣшательство, сразу разрушивъ весь планъ Павла, подготовленный большими усиліями Галло и очень удачно поведенной имъ дипломатической игрой. Случилось это такимъ образомъ. Держа постоянно русскаго посла въ Лондонѣ, графа Воронцова, въ курсѣ тѣхъ переговоровъ, которые велись въ Петербургѣ маркизомъ де-Галло, такъ какъ это было существенно въ цѣляхъ подготовки англійскаго правительства къ новымъ политическимъ перемѣнамъ въ Италіи, Растопчинъ сообщилъ послѣ одной изъ своихъ бесѣдъ съ Галло, шутя, что послѣдній пріѣхалъ въ Россію „съ идеями Цезаря: раздѣлить весь міръ“. Какимъ-то образомъ эта не то шутка, не то злая иронія стала извѣстна неаполитанскому послу въ Лондонѣ, который, придавъ ей чрезвычайно важное дипломатическое значеніе, немедленно сообщилъ объ этомъ своему правительству. Въ Палермо, гдѣ неаполитанскій дворъ находился подъ угрозами Австріи: разорвать съ нимъ сношенія и даже объявить войну, чрезвычайно встревожились.

Неаполитанское правительство рѣшило, что смѣлые замыслы Галло въ дѣйствительности увлекаютъ его въ какую-то дипломатическую трясину, изъ которой ему не удастся выйти безъ тяже-

Библиотека "Руниверс"

лыхъ потерь и непріятностей. Не будь оно столь трусливо, имѣй оно смѣлость дѣйствовать не только за кулисами международныхъ отношеній, но, въ случаѣ необходимости, и открыто,—оно, конечно, иначе оцѣнило бы крылатую фразу Растопчина, тѣмъ болѣе, что истиннымъ вершителемъ политическихъ судебъ Италіи въ это время являлся уже Императоръ Павелъ, намѣревавшійся, какъ показываютъ опубликованные Carlo di Somma документы, съузить до ничтожныхъ предѣловъ вліяніе Австріи на Аппенинскомъ полуостровѣ. Но вмѣсто того, чтобы продолжать поддерживать идею Павла о созывѣ конференціи по италіанскимъ дѣламъ, неаполитанскій король Фердинандъ рѣшилъ сразу оборвать нить налаженнаго съ такимъ трудомъ дѣла. Онъ послалъ царю письмо, въ которомъ писалъ, что его взгляды на политическія судьбы Италіи совершенно противоположны проектамъ Галло, который, къ тому же, не получилъ на эту миссію спеціальныхъ полномочій отъ него. А между тѣмъ изъ содержанія письма ясно видно, что ни Фердинандъ, ни его министръ Актонъ не поняли истиннаго положенія вещей и той благопріятной политической конъюнктуры, которая сложилась для Неаполя благодаря поѣздкѣ Галло въ Петербургъ. Ибо, въ сущности король Фердинандъ хотѣлъ того же самаго, что и Галло, т. е. возстановленія въ своихъ законныхъ правахъ бывшихъ до французскаго нашествія италіанскихъ правителей и устраненія посторонняго вліянія, подразумѣвая подъ этимъ, прежде всего, вліяніе Австріи. Пунктомъ же дѣйствительныхъ разногласій явился какъ будто-бы вопросъ о территоріальной компенсанціи державъ, участвующихъ въ войнѣ за освобожденіе Италіи отъ французовъ. Но и тутъ оказалось полное непониманіе неаполитанскимъ правительствомъ элементарнѣйшихъ вопросовъ внѣшней политики и установившейся практики международнаго права. Понимая отлично, что война второй коалиціи должна будетъ закончиться тѣмъ, что участвующія въ ней державы потребуютъ для себя той или иной компенсаціи, Галло стремился устроить такимъ образомъ, чтобы такой исходъ войны противъ французовъ не отразился на политической независимости Италіи. Вѣдь опасеніе, что Австрія и теперь пожелаетъ распространить свое господство на всю Италію, основывалось на томъ, что Англія за свое участіе во второй коалиціи требовала присоединенія къ себѣ нѣкоторыхъ территорій въ южной Африкѣ и въ Америкѣ, а Россія за то же участіе—примиренія австрійской дипломатіи съ вторымъ раздѣломъ Польши, который, какъ извѣстно, былъ совершенъ въ пользу русскаго и прусскаго государствъ. Отсюда вытекало какъ бы естественное заключеніе, что Италія явится объектомъ компенсаціи для Австріи. И вотъ почему проектъ Павла билъ по самому больному

Библиотека "Руниверс"

мѣсту австрійской дипломатіи, такъ какъ, беря на себя иниціативу устроителя италіанскихъ государствъ, царь этимъ самымъ становился помѣхой для Австріи, жаждавшей полной свободы дѣйствія въ Италіи. Но какъ бы тамъ ни было, а вопросъ о компенсаціяхъ былъ понятъ Фердинандомъ IV совершенно въ превратномъ смыслѣ. Ему казалось, что Галло примѣнилъ этотъ дипломатическій терминъ въ смыслѣ возможности раздѣла сферъ политическаго вліянія въ Италіи между тремя державами: Россіей, Англіей и Австріей.

Послѣ полученія письма отъ неаполитанскаго короля, въ которомъ Галло было выказано полное недовѣріе, Императору Павлу ничего другого не оставалось дѣлать, какъ пріостановить свои подготовительныя работы для созыва конференціи по италіанскимъ дѣламъ. Какъ разъ къ этому времени образовавшаяся при русскомъ дворѣ, какъ Галло говоритъ, національная партія стала выказывать свое неудовольство тѣмъ, что Павелъ запутался въ италіанскихъ дѣлахъ, совершенно чуждыхъ русской политикѣ. Она требовала отозванія съ театра военныхъ дѣйствій Суворова и выступленія Россіи изъ второй коалиціи. Павелъ долго не соглашался съ взглядами противниковъ русскаго вмѣшательства въ италіанскія дѣла и благодаря только вышеописанному недоразумѣнію съ дипломатической миссіей Галло, онъ, со свойственными ему рѣзкостью и поспѣшностью, перемѣнилъ направленіе своей внѣшней политики и выступилъ въ октябрѣ 1799 г. изъ коалиціи. Какъ извѣстно, царь написалъ императору Францу письмо, гдѣ упрекалъ Австрію въ томъ, что свои чисто эгоистическіе интересы она ставитъ превыше всего, превыше даже того общаго дѣла, ради котораго составилась вторая коалиція. Но неудача миссіи Галло только подвинула впередъ успѣхъ закулисныхъ интригъ австрійской дипломатіи. Австрія успѣла снова стать твердой пятой въ Италіи и на этотъ разъ надолго, до второй половины XIX ст. Уѣзжая изъ Петербурга, Галло продолжалъ твердить: „Этотъ дворъ (австрійскій) приведетъ къ европейскому разгрому“. Въ этихъ словахъ заключалось много правды. Если Австрія не привела своимъ поведеніемъ къ разгрому Европы въ буквальномъ смыслѣ этого слова, то во всякомъ случаѣ она является истинной виновницей многихъ неудачныхъ событій, повліявшихъ на судьбы европейскихъ государствъ въ послѣдующія эпохи.

Самая важная въ историческомъ смыслѣ сторона дипломатической миссіи Галло заключалась въ его попыткѣ поставить Италію послѣ изгнанія французовъ на собственныя ноги, открыть ей дорогу къ независимости. Участіе же въ этомъ дѣлѣ Императора Павла рисуетъ его внѣшнюю политику только съ выгодной стороны. Если

Библиотека "Руниверс"

же затѣя эта не удалась, то въ этомъ виновата больше всего династія неаполитанскихъ Бурбоновъ, запутавшаяся въ интригахъ, трусливая и неспособная къ творческой дѣятельности. Въ 1799 г. для нея представлялся случай возвыситься, но въ послѣднюю минуту, испугавшись австрійскихъ угрозъ, она отступила отъ всѣхъ своихъ позицій. Спустя много лѣтъ эту роль, роль избавительницы Италіи отъ австрійскаго ига, взяло на себя Сардинское королевство. Пьемонтъ не только освободилъ Италію, но пошелъ еще дальше, онъ объединилъ ее.

Н. Борецкій-Бергфельдъ.

Библиотека "Руниверс"

Къ закрытію масонскихъ ложъ въ Россіи.

Въ послѣдніе годы жизни своей Императоръ Александръ I перемѣнился. По замѣчанію князя Петра Андреевича Вяземскаго [1]), онъ сдѣлался недовѣрчивымъ и крайне подозрительнымъ.

Постоянно задумчивый и раздражительный, Государь сталъ неузнаваемъ.

Послѣ годичнаго почти отсутствія изъ Россіи, проведеннаго за границей, — 24 мая 1821 года онъ возвратился въ Царское Село. Предсѣдатель Государственнаго Совѣта, генералъ-адъютантъ князь Васильчиковъ, съ нетерпѣніемъ ждалъ этого возвращенія; у него накопилось не малое количество дѣлъ, которыя не могли быть разсмотрѣны и получить движеніе безъ личнаго доклада ихъ Императору.

Между ними, особенно важнымъ, какъ для докладчика, такъ и для Государя, были свѣдѣнія о тайныхъ обществахъ и доносъ о лицахъ, въ нихъ замѣшанныхъ, полученные въ отсутствіе Императора. Сообщить усталому и разстроенному Государю объ этомъ было очень непріятно и больно Илларіону Васильевичу.

Изложивъ и передавъ на усмотрѣніе Его Величества накопившіеся въ его отсутствіе дѣла и вопросы, Васильчиковъ рѣшился наконецъ сообщить полученныя и собранныя имъ свѣдѣнія о тай-

---

[1]) Вяземскій Петръ Андреевичъ, извѣстный поэтъ и критикъ, былъ товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, членъ Государственнаго Совѣта. Родился 12 іюля 1792 года, скончался 10 ноября 1878 года.

Библиотека "Руниверс"

ныхъ обществахъ, незамѣтно разроставшихся въ государствѣ и угрожавшихъ его спокойствію.

Государь молча выслушалъ этотъ тревожный докладъ и глубоко задумался, Потомъ печально сказалъ по-французски:

— Mon cher Vasillczykow! Vous savez que j'ai partagé et encouragé ses illusions et ses erreurs.—(Дорогой Васильчиковъ, вы, который находитесь на моей службѣ съ начала моего царствованія, вы знаете, что я раздѣлялъ и поощрялъ эти иллюзіи и заблужденія). Потомъ послѣ нѣкотораго молчанія прибавилъ: Ce n'est pas à moi á sevir. „Не мнѣ подобаетъ карать".

И онъ не приказалъ и не принялъ какихъ-нибудь мѣръ противъ того, чему самъ поклонялся и раздѣлялъ такіе же взгляды по своемъ вступленіи на престолъ. Взгляды, осуществленія которыхъ когда-то самъ желалъ.

Въ это же время Государю представлена была извѣстная записка начальника штаба гвардейскаго корпуса, генералъ-адъютанта графа Александра Христофоровича Бенкендорфа, въ которой съ необыкновенной вѣрностью и точностью описаны были всѣ тайныя общества въ Россіи и даже поименованы главнѣйшія лица, въ нихъ участвовавшія, и ихъ характеристика. Впослѣдствіи, уже по вступленіи на престолъ Императора Николая I, эта записка, оставшаяся нетронутой и найденная въ столѣ, между бумагъ покойнаго Государя Александра I, въ кабинетѣ его въ Царскомъ Селѣ, послужила къ раскрытію заговора и ареста лицъ, въ немъ участвовавшихъ, а также и къ открытію организованныхъ ими тайныхъ обществъ. Благодаря этой запискѣ Бенкендорфъ поставленъ былъ во главѣ III-го отдѣленія Собственной Его Величества канцеляріи и назначенъ шефомъ жандармовъ.

Записка эта начиналась такъ:

„Въ 1814 году, когда русскія войска вступили въ Парижъ, множество офицеровъ принято было въ масоны и свели связи съ приверженцами разныхъ тайныхъ обществъ. Послѣдствіемъ сего было, что они напитались гибельнымъ духомъ партій, привыкли болтать то, чего не понимаютъ, и, изъ слѣпого подражанія, получили не наклонность, но лучше сказать, страсть заводить подобныя общества у себя. Нѣкоторые изъ оныхъ не имѣли въ виду никакой опредѣленной цѣли, другіе, напротивъ того, мечтали лишь о политикѣ и о томъ, какъ возымѣть вліяніе на правительство. Явная цѣль сихъ мнимыхъ свободномыслящихъ, точнѣе, своевольномыслящихъ, было введеніе конституціи или собственно такого образа правленія, подъ которымъ своеволіе ничѣмъ не было бы удерживаемо, а пылкимъ страстямъ, неограниченному честолюбію, желанію блистать предоставлена была бы полная воля..." и т. д.

Библиотека "Руниверс"

Государь не могъ согласиться съ изложенными взглядами, и хотя реакціонное направленіе правительства онъ находилъ необходимымъ, но оно не по душѣ ему было, и записка Бенкендорфа осталась на столѣ его безъ движенія.

Отвлеченный необыкновенными внѣшними событіями, во всей Европѣ совершавшимися, въ которыя силою необходимости вовлечена была и Россія, вынужденная играть въ нихъ главенствующую роль, Императоръ какъ бы откладывалъ годъ за годомъ заботы о внутреннемъ устроеніи государства, полагаясь на близкихъ и преданныхъ ему лицъ. Но къ несчастію лица эти совсѣмъ не понимали ни идей, ни плановъ и желаній, какіе царили въ намѣреніяхъ великаго Государя. Они преслѣдовали узкія, меркантильныя цѣли, стояли на сторонѣ грубой и безпощадной реакціи, не вникая въ нарождавшіяся стремленія лучшихъ людей своего времени и вели государственную жизнь къ полному разложенію и косности, вызывая насильственное -сопротивленіе. Такіе дѣятели, какъ Магницкій, Аракчеевъ или Шишковъ, пользуясь полнымъ довѣріемъ Государя, въ невѣдѣніи и невѣжествѣ своемъ еще способствовали увеличенію смуты и разлада правительства съ обществомъ. Народъ былъ ни при чемъ, народъ стоялъ въ сторонѣ въ темной, безпросвѣтной мглѣ невѣжества и порабощенія.

Шильдеръ говоритъ: (Алекс. I т. IV гл. VII стр. 216):

„Случалось, что иной разъ Императоръ Александръ еще высказывалъ убѣжденіе, что слѣдуетъ подумать о внутреннемъ управленіи Россіи, что необходимо принять мѣры, для уврачеванія зла...“ и пр.

И эта забота о горячо любимомъ имъ народѣ и о государственномъ благѣ не давала ему покоя и толкала въ отчаяніе.

Осматривая въ 1824 году, въ Пензѣ, 2-й пѣхотный корпусъ, Государь, хотя и остался особенно доволенъ маневрами, но былъ печаленъ и имѣлъ очень усталый и грустный видъ. Губернаторъ Ѳ. П. Лубяновскій [1]), пораженный видомъ Государя, не въ силахъ былъ удержаться и высказалъ это.

— Имперія сѣтуетъ о Вашемъ Величествѣ и скорбитъ, что не изволите беречь себя!..

— Хочешь сказать, что я усталъ? возразилъ Государь... Славы для Россіи довольно, больше не нужно; ошибется, кто больше пожелаетъ. Но когда подумаю, какъ мало еще сдѣлано внутри государства, то эта мысль ложится мнѣ на сердце, какъ десятипудовая

---

[1]) Лубяновскій Ѳедоръ Петровичъ, потомъ сенаторъ и дѣйств. тайный совѣтникъ, род. 9 авг. 1777 г., умеръ 3 февр. 1869 г.

Библиотека "Руниверс"

гиря. Отъ этого устаю... (Воспом. Лубяновскаго. Мос. 1872 г. стр. 297).

Не находя поддержки въ окружающихъ и потерявъ твердую почву въ устроеніи внутренней жизни государства, при требованіи дѣйствій совершенно противныхъ всѣмъ благимъ стремленіямъ, взглядамъ и убѣжденіямъ Государя, онъ вдался въ мистицизмъ и религіозность и въ нихъ искалъ разрѣшенія тѣхъ вопросовъ, которые, какъ онъ и выразился — лежали десятипудовой гирей на душѣ его.

Еще въ 1818 году онъ говорилъ Софьѣ Ивановнѣ Соллогубъ [1]):

— Возносясь духомъ къ Богу, я отрѣшаюсь отъ всѣхъ земныхъ наслажденій, призывая къ себѣ на помощь религію, я пріобрѣлъ это спокойствіе, этотъ миръ душевный, которые не промѣняю ни на какія блаженства здѣшняго міра (Рус. Арх. 1867, стр. 1037—1043, изъ семейнаго архива).

Религіозное настроеніе Императора Александра I значительно усилилось въ послѣдніе годы жизни его.

И вотъ на этой-то почвѣ, то чего не достигли доклады Васильчикова и записка Бенкендорфа, совершилъ, въ одно посѣщеніе Государя, архимандритъ Фотій.

Эта страстно преданная религіи личность, преданная до фанатизма, обаятельно дѣйствовала на окружающихъ. С.-Петербургскій митрополитъ Серафимъ былъ поклонникомъ и приверженцемъ Фотія, министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія Александръ Николаевичъ Голицынъ также увлекался Фотіемъ, представлялъ его Великой Княгинѣ Александрѣ Ѳедоровнѣ... Человѣкъ очень умный, Фотій какъ бы провидѣлъ всѣ тѣ несчастія и бѣды, какія причинятъ Россіи всякія масонскія ложи и тайныя общества. Онъ чувствовалъ пагубный растлѣвающій вредъ ихъ, незамѣтно подрывавшій духъ православія въ средѣ интеллигенціи, внѣдрявшій индифферентизмъ и открывавшій широкій просторъ сектантству и отступничеству.

Въ масонствѣ примѣшались іезуиты, нѣсколько русскихъ изъ знатныхъ родовъ, приняли католичество.

Во всякомъ случаѣ Фотій является личностью не дюжинной; обладая настойчивостью и твердостію взглядовъ, онъ весь поглощенъ былъ религіознымъ духомъ и только религіи отводилъ мѣсто

---

[1]) Графиня С. Ив. Соллогубъ, род. 1792 г., ум. 1854 г., женщина умная и образованная, урожденная Васильчикова, она была замужемъ за графомъ Александромъ Ивановичемъ Соллогубъ, отцомъ извѣстнаго писателя

Библиотека "Руниверс"

въ жизни человѣка, отрицая все остальное. Онъ глубоко скорбѣлъ объ упадкѣ религіозности въ Россіи и объ обширномъ распространеніи анти-православныхъ обществъ, какъ Библейскаго, и сильномъ развитіи масонства и учрежденіи масонскихъ ложъ, которымъ покровительствовали сами администраторы и лица высокопоставленныя.

Фотія обыкновенно порицаютъ, величая и неучемъ, и бездарнымъ фанатикомъ, но при нѣсколько болѣе безпристрастномъ отношеніи къ нему увидимъ въ немъ поборника православія, обличителя и борца противъ разроставшагося индифферентизма, невѣрія и масонства, подрывавшихъ основы русской государственности и православія.

Извѣстность о немъ, какъ проповѣдникѣ и строгомъ ревнителѣ вѣры, распространилась быстро и дошла до царской фамиліи и самого Государя, который пожелалъ его видѣть.

Очень естественно, что такая восторженная и экзальтированная личность, какъ Фотій, произвела на Императора страшное впечатлѣніе и потрясла его болѣзненную и измученную душу.

Аудіенцію у Императора устроилъ министръ Александръ Николаевичъ Голицынъ и онъ же, а равно и митрополитъ Санктъ-Петербургскій Серафимъ, передъ поѣздкой Фотія во дворецъ, долго бесѣдовали съ нимъ и давали указанія, что говорить и какъ вести себя съ Государемъ.

Но Фотій, по собственному разсказу объ этомъ свиданіи съ Императоромъ Александромъ I, преслѣдовалъ свои, давно намѣченныя цѣли, имѣя въ виду достигнуть задуманнаго имъ ниспроверженія масонства въ Россіи.

Іюня 5-го 1822 года, онъ въ экипажѣ Анны Алексѣевны Орловой-Чесменской прибылъ въ Зимній дворецъ, гдѣ его ожидалъ Государь. Разсказъ о свиданіи, хотя и краткій, чрезвычайно интересенъ и характеренъ, какъ для изображенія самого Фотія, такъ и того состоянія душевнаго, въ какомъ находился тогда Александръ I и какъ онъ былъ увлеченъ и потрясенъ бесѣдою съ архимандритомъ.

Умалчивая о многомъ, Фотій передаетъ только суть своей бесѣды: „Я говорилъ о Святой церкви, вѣрѣ, о спасеніи души, зря въ лицо Царю прямо“.... О тайныхъ обществахъ и масонахъ онъ прибавляетъ только кратко: „Противу тайныхъ враговъ, тайно и нечаянно дѣйствуя, вдругъ надобно открыто запретить и поступать!“ — Очевидно, что онъ много, горячо и убѣдительно говорилъ Государю объ этомъ предметѣ, но опасался передать болѣе подробно свои представленія въ разсказѣ. Это можно заключить и изъ того, что Государь такъ былъ удрученъ бесѣдою, что когда Фотій поднялся, чтобы уходить, „Царь палъ на колѣна и просилъ

Библиотека "Руниверс"

возложить на главу его руки, простить и разрѣшить... И по семъ знаменовавъ главу Цареву и лице, руки мои отнялъ, Царь же поклонился мнѣ въ ноги, сталъ на колѣнахъ; всталъ отъ земли, принялъ благословеніе, цѣловалъ десницу мою, просилъ въ молитвѣ поминать, не забывать, благословеніе посылать и проводилъ самъ меня изъ дверей". (См. въ жур. „Вѣс. Евр." 1878 г. № 11 и 12, статья Миропольскаго: „Фотій Спасскій, архимандритъ Юрьевскій").

Результатъ свиданія Фотія съ Императоромъ Александромъ I не заставилъ себя ждать. Почти вслѣдъ за симъ, августа 1-го 1822 года, послѣдовалъ на имя министра внутреннихъ дѣлъ Виктора Павловича Кочубей Высочайшій рескриптъ, которымъ повелѣвалось запретить всѣ тайныя общества, подъ какими бы наименованіями они ни существовали, какъ-то масонскія ложи или другія закрыть и т. д.

Что Государь обѣщалъ Фотію уничтожить масонство—можно видѣть изъ того, что въ этотъ же день, 1-го августа, когда въ Петропавловскомъ соборѣ совершалось торжественное богослуженіе, и митрополитъ Серафимъ возлагалъ на Фотія даръ Императора,—наперсный алмазный крестъ, Государь прислалъ нарочнаго поздравить Фотія и передать ему: *„что указъ о запрещеніи масонскихъ ложъ и тайныхъ обществъ нынѣ же имъ изданъ"*.

„Фотій радовался вельми, не о наградѣ—крестомъ себя, но о томъ, что сіи всѣ вредныя заведенія, опасныя для церкви и государства, послѣ запрещенія вскорѣ ослабѣютъ въ своихъ дѣйствіяхъ и замыслахъ и путь ихъ съ шумомъ погибнетъ, яко нечестивыхъ (ibid., 44)".

Удивляются, что повелѣніе Государя не имѣло видимаго результата (Шильдеръ, т. IV), что они продолжали существовать и разразились грозой 14 декабря 1825 года. Но вѣдь это и указываетъ, что Фотій представлялъ вредъ ихъ Александру I только со стороны религіозной, не касаясь политики и заговоровъ, грозящихъ спокойствію Имперіи. Поэтому-то повелѣніе Государя не сопровождается никакими репрессаліями, никакими карами и отвѣтственностью за участіе въ такихъ обществахъ и ограничивалось оно только воспрещеніемъ ихъ существованія и обязательствомъ лицъ, къ такимъ обществамъ принадлежащихъ, оставить ихъ, отречься отъ участія въ нихъ и обѣщать впредь въ таковыя не вступать и не участвовать.

Закрытіе совершилось и огорчило многихъ, видѣвшихъ въ нихъ невинное препровожденіе времени, нѣчто вродѣ клубовъ. Въ рукописныхъ запискахъ Михайловскаго-Данилевскаго, выдержки изъ которыхъ приводитъ Шильдеръ въ исторіи Императора Александра I

Библиотека "Руниверс"

(т. IV гл. IX, стр. 252), приведенъ интересный взглядъ тогдашнихъ представителей высшаго общества на сущность масонства.

„Масонство въ Россіи (говоритъ онъ) не имѣло, сколько мнѣ извѣстно, другой цѣли, кромѣ благотворенія и пріятнаго препровожденія времени. Съ закрытіемъ ложъ мы лишаемся единственныхъ мѣстъ, гдѣ собирались не для карточной игры. Мы еще такъ не свѣдущи въ предметахъ, касающихся до политики, что правительству нельзя опасаться, чтобы бесѣды и разговоры объ нихъ могли сдѣлаться цѣлью масонскихъ ложъ. Знатные люди у насъ рѣдко были масонами; по крайней мѣрѣ ни одинъ изъ нихъ не посѣщалъ масонскихъ ложъ, обыкновенно наполненныхъ людьми средняго состоянія, офицерами, гражданскими чиновниками, художниками, весьма рѣдко купцами, а болѣе всѣхъ литераторами. Въ ложѣ „Избраннаго Михаила“ я находилъ отличнѣйшихъ людей, напримѣръ *Ѳедора Глинку*, извѣстнаго столькими прекрасными своими сочиненіями, сколько и добродѣтелями; *Греча*, остроумнаго издателя перваго въ Россіи журнала по части изящныхъ искусствъ; *графа Толстого*, прославившагося лѣпными работами; *Доброхотова*, лучшаго рѣзчика на камнѣ; *Рикорда*, одного изъ превосходныхъ нашихъ мореплавателей, и другихъ почтенныхъ людей“...

„Не отвѣчаю однако же, чтобы между масонскими ложами не происходило злоупотребленій, но никакое человѣческое учрежденіе не существуетъ безъ недостатковъ. Сказываютъ, что въ нѣкоторыхъ ложахъ увлекаются умствованіями о мистикѣ и т. д.“...

Позднѣйшія событія доказали, насколько ошибался Михайловскій-Данилевскій въ своихъ заключеніяхъ, прибавляетъ Шильдеръ.

Для полноты этого изложенія приводимъ содержаніе рескрипта на имя министра внутреннихъ дѣлъ Кочубея.

Высочайше повелѣвалось запретить всѣ тайныя общества, подъ какими бы наименованіями они ни существовали, какъ-то масонскія ложи или другія закрыть и учрежденіе ихъ впредь не дозволять; всѣхъ членовъ сихъ обществъ обязать, что они впредь никакихъ масонскихъ и другихъ тайныхъ обществъ составлять не будутъ и потребовавъ отъ воинскихъ и гражданскихъ чиновъ объявленія, не принадлежатъ ли они къ такимъ обществамъ, взять съ нихъ подписки, что они впредь принадлежать уже къ нимъ не будутъ; если же кто таковаго обязательства дать не пожелаетъ, тотъ не долженъ остаться на службѣ...

Получивши Высочайшій рескриптъ, Викторъ Павловичъ Кочубей тотчасъ же сдѣлалъ распоряженіе о приведеніи его въ исполненіе. По всѣмъ учрежденіямъ столицъ и имперіи разосланы были копіи рескрипта съ предложеніемъ отобрать, по приложеннымъ тремъ

Библиотека "Руниверс"

образцамъ, подписки отъ служащихъ чиновъ и иныхъ особъ и списки лицъ, составленные по этимъ подпискамъ, представить въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ для доклада Его Величеству.

Какъ образецъ канцелярскаго приведенія въ исполненіе Высочайшей воли излагаемъ переписку министра съ гофъ-интендантской конторой.

Августа 5-го 1822 года за № 497, Кочубей писалъ гофмаршалу, управляющему конторой и кавалеру барону Альбедилю:

„Милостивый Государь мой Баронъ
Петръ Романовичъ!

„Рескриптомъ, на имя мое въ 1-й день сего августа даннымъ, Его Императорскому Величеству угодно было повелѣть привести въ дѣйствіе мѣры, принятыя касательно воспрещенія ложъ масонскихъ и другихъ тайныхъ обществъ въ имперіи, и въ слѣдствіе коихъ по ст. 3 и 4 во всѣхъ министерствахъ и другихъ гражданскихъ начальствахъ чиновники, въ оныхъ служащіе въ обѣихъ столицахъ, обязаны дать подписки, что они ни къ какимъ ложамъ масонскимъ или другимъ тайнымъ обществамъ не принадлежатъ, или что они, принадлежа къ онымъ, впредь ни къ какимъ обществамъ сего рода принадлежать ни внутри, ни внѣ государства не будутъ".

„На основаніи распоряженія сего, я, по Высочайшему повелѣнію, честь имѣю препроводить у сего къ Вамъ, Милостивый Государь мой—формы упомянутыхъ подписокъ съ тѣмъ, чтобъ онѣ взяты были отъ всѣхъ чиновниковъ, подъ начальствомъ Вашего Превосходительства служащихъ".

„Его Величеству угодно было при томъ повелѣть: 1) чтобъ подписки сіи хранились въ томъ вѣдомствѣ, отъ коего чиновники зависятъ, 2) чтобъ по отобраніи оныхъ составленъ былъ изъ нихъ списокъ чиновниковъ съ раздѣленіемъ тѣхъ, кои принадлежали къ тайнымъ обществамъ и тѣхъ, кои въ оныя не поступали, и чтобы списки сіи доставлены были въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, для совокупнаго представленія оныхъ Его Величеству, 3) чтобы впредь, когда будутъ принимаемы въ службу или опредѣляемы къ должностямъ чиновники, обязаны они были подпиской № 3-й у сего приложенною и чтобы таковая подписка хранилась при прошеніяхъ ими поданныхъ или при послужныхъ спискахъ. О таковой Высочайшей волѣ, я по повелѣнію Государя Императора честь имѣю Вашему Превосходительству сообщить".

„Съ совершеннымъ почтеніемъ, честь имѣю быть Вашего Превосходительства покорнѣйшій слуга Графъ Кочубей".

Библиотека "Руниверс"

Подписка № 1. Я нижеподписавшійся объявляю, что я принадлежалъ къ ложѣ братьевъ масоновъ, именуемой NN, состоящей въ N (имя города) или такому-то другому тайному обществу и что на основаніи послѣдовавшаго нынѣ Высочайшаго повелѣнія, обязываюсь я отнынѣ впредь ни сей ложѣ, ни къ какимъ другимъ ложамъ или тайнымъ обществамъ, какъ въ имперіи, такъ и внѣ ея находиться могущимъ не принадлежать и никакихъ сношеній съ ними не имѣть.

Подписка № 2. Мы нижеподписавшіеся объявляемъ, что мы не принадлежимъ ни къ какимъ ложамъ масонскимъ или инымъ тайнымъ обществамъ, внутри имперіи или внѣ ея существовать могущимъ и что мы и впредь принадлежать къ онымъ не будемъ.

Подписка № 3. Я нижеподписавшійся симъ объявляю, что я ни къ какой масонской ложѣ и ни къ какому тайному обществу ни внутри имперіи, ни внѣ оной не принадлежу. (Общ. Арх. М-ва Двора, оп. 145, дѣло 180).

Получивши 6 августа это сообщеніе, гофъ-маршалъ Альбедиль торопился его исполнить и уже 8 августа писалъ въ подвѣдомственныя ему учрежденія за № 213 объ отобраніи подписокъ и доставленіи къ нему списковъ чиновниковъ. (Общ. Арх. М-ва Двора, оп. 74, карт. 4121, дѣло 94).

Между прочимъ и гофъ-интендантская контора, получивъ предложеніе своего начальника, повѣстками отъ 24 августа пригласила всѣхъ своихъ служащихъ въ контору, для отобраніи отъ нихъ требуемыхъ Высочайшимъ рескриптомъ обязательствъ.

„Ниже писаннымъ Г.г. Смотрителямъ, Комисарамъ, Архитекторамъ и прочимъ чиновникамъ, а также Гофъ-Фурьерамъ и Садовымъ мастерамъ, симъ повѣщается быть непремѣнно завтрашнаго числа въ Контору и о бытіи на семъ росписаться (ibid., стр. 6-я)".

На слѣдующій день всѣ служащіе въ числѣ 75 человѣкъ явились и подписались подъ росписку по формѣ № 1. Управляющій конторою баронъ Альбедиль прислалъ отъ себя такую же подписку на особомъ листѣ. На общей же росписались два члена конторы: дѣйствительный статскій совѣтникъ и кавалеръ Клементій Расихинъ и полковникъ и кавалеръ Эйхенъ.

Затѣмъ дали подписки три совѣтника, въ числѣ ихъ сынъ извѣстнаго партизана 1812 г. Александра Сеславина, умершаго въ 1858 г. Ѳедоръ Сеславинъ, два секретаря и разные чины въ числѣ шестидесяти одного. Медикъ-хирургъ Богданъ Ганъ и три архитектора, въ числѣ ихъ Луизъ Шарлемань, и наконецъ пять придворнослужителей.

Изъ всѣхъ служащихъ въ гофъ-интендантской конторѣ только

Библиотека "Руниверс"

одно лицо оказалось причастнымъ масонству и то давно уже оставившимъ его. Титулярный совѣтникъ Иванъ Любимовъ сынъ Коліандеръ написалъ: „Я ниже подписавшійся объявляю, что я принадлежалъ къ ложѣ братьевъ Масоновъ именуемой Елизаветы и Добродѣтели, состоящей въ Санктъ-Петербургѣ и назадъ тому десять лѣтъ отъ участія отказался"... и т. д. (ibid., стр. 10).

Подлинныя подписки эти оставлены при дѣлахъ гофъ-интендантской конторы, а составленные по нимъ списки, 12 октября 1822 г. за № 4758, представлены барону Альбедилю (ibid., стр. 17).

Какъ видно было выше, министръ внутреннихъ дѣлъ долженъ былъ представить Его Величеству, при докладѣ объ исполненіи воли Его, списки чиновъ и служащихъ по отношеніямъ ихъ къ масонскимъ обществамъ и другимъ тайнымъ обществамъ. Очевидно, что Государь интересовался докладомъ и внимательно отнесся къ нему; тщательно разсмотрѣвъ представленныя ему подписки, онъ остался недоволенъ формою за № 3 и приказалъ измѣнить ее, дополнивъ, для вновь поступающихъ на службу чиновъ обязательствомъ: „и впредь не принадлежать ни къ какимъ ложамъ и тайнымъ обществамъ".

По этому поводу, уже годъ спустя, министръ баронъ Кампенгаузенъ 14 августа 1823 года за № 577 писалъ гофъ-маршалу Альбедилю:

„Милостивый Государь мой
Баронъ Петръ Романовичъ!

Государь Императоръ, найдя, что подписки, отбираемыя отъ чиновниковъ, въ службу вступающихъ о неучаствованіи въ масонскихъ ложахъ и тайныхъ обществахъ, не согласны съ силою Высочайшаго о предметѣ семъ повелѣнія, указать соизволилъ, чтобы въ формѣ подписокъ, подъ № 3-мъ опредѣленной, брать отъ чиновниковъ вступающихъ въ службу, включено было равномѣрно обязательство и впредь не принадлежать ни къ какимъ ложамъ и тайнымъ обществамъ, какъ то именно повелѣно въ 5-мъ пунктѣ Высочайшаго о предметѣ семъ Рескрипта, въ 1-й день августа прошлаго года на имя графа Кочубея послѣдовавшаго.

„Сообщая о сей Его Императорскаго Величества волѣ Вашему Превосходительству, къ должному со стороны Вашей исполненію, я считаю долгомъ препроводить у сего новую форму подписокъ, кои слѣдуетъ брать отъ вступающихъ въ службу чиновниковъ. Съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю быть Вашего Превосходительства покорнѣйшій слуга Баронъ Кампенгаузенъ". (Общ. Арх. М-ва Двора, оп. 145/569 дѣло 180).

Библиотека "Руниверс"

Между тѣмъ событія шли ускореннымъ темпомъ къ трагической развязкѣ. Императоръ Александръ I скончался 19 ноября 1825 года. При восшествіи на престолъ Николая I произошло нѣкоторое замѣшательство относительно престолонаслѣдія. Императоръ Николай Павловичъ присягнулъ на вѣрность цесаревичу Константину Павловичу въ Петербургѣ, а цесаревичъ Константинъ, въ это же время, присягнулъ Николаю Павловичу въ Варшавѣ. Этимъ-то замѣшательствомъ и воспользовались общества Сѣверное и Южное, о замыслахъ которыхъ Иванъ Васильевичъ Шервудъ [1]) лично донесъ Императору Александру I іюля 17 1825 года въ Каменноостровскомъ дворцѣ, куда привезенъ былъ генераломъ Клейнмихелемъ [2]).

И вотъ, совсѣмъ неожиданно [3]) декабря 14-го 1825 г. разразилась въ Петербургѣ страшная катастрофа, которую правительство, смущенное и растерявшееся двойной присягой двухъ братьевъ Государей, не успѣло и не сумѣло ни предотвратить, ни предупредить, хотя держало въ рукахъ, благодаря доносу Шервуда, почти всѣ нити заговора.

Какъ извѣстно, Императоръ Николай I-й при этомъ чуть чуть не поплатился жизнію за свою безотвѣтную отвагу; Одинъ офицеръ, изъ числа союзниковъ, рѣшилъ убить Государя и съ этой, цѣлію положивъ въ карманы по заряженному пистолету, помѣстился на Адмиралтейскомъ бульварѣ; Государь проходилъ мимо него нѣсколько разъ, даже обращался за какой-то справкой, но у офицера этого не хватило духа поднять руку на своего Монарха и измѣнически совершить цареубійство [4]),

---

[1]) *Шервудъ* Иванъ Васильевичъ, англичанинъ, родился въ Кентѣ въ 1798 г. Отецъ его былъ приглашенъ въ Россію механикомъ въ 1800 г. Въ 1819 г. Шервудъ поступилъ рядовымъ въ 3-й Украинскій уланскій полкъ и случайно открылъ заговоръ.

[2]) *Клейнмихель* графъ Петръ Андреевичъ, начальникъ Главнаго Штаба, а потомъ въ царствованіе Николая I министръ путей сообщенія до 1856 г. Род. 1793 г., ум. 3 февраля 1869 г.

[3]) Сами участники говорили, что 14 декабря не было бы, если бы Петербургской администраціей приняты были мѣры или манифестъ о престолонаслѣдіи былъ бы объявленъ заблаговременно. Обвиняютъ въ этомъ и генералъ-губернатора Милорадовича.

[4]) См. Соч. барона Корфа; „Восшествіе на престолъ Императора Николая I". Составлено оно было по желанію Государя Александра II, когда онъ былъ еще наслѣдникомъ, и хранилось у него въ рукописи, потомъ напечатано въ очень ограниченномъ количествѣ, только для лицъ приближенныхъ. Уже по восшествіи на престолъ Александра II разрѣшено было ее обнародовать.

Библиотека "Руниверс"

Молодой Государь такъ потрясенъ былъ смутой, омрачившей первые дни его царствованія, что рѣшился на крайнія и небывалыя мѣры во все продолжительное время управленія государствомъ, брата его Александра I-го. Пять человѣкъ казнены позорной смертью, черезъ повѣшеніе, а болѣе ста человѣкъ поплатились каторгой и ссылкой (привлечено было слѣдственной комиссіей 121 человѣкъ). Все дѣло велъ Высочайше учрежденный комитетъ, для изысканія злоумышленныхъ обществъ, а судъ и приговоры къ наказаніямъ вынесъ верховный судъ.

Помимо дѣйствій этого комитета, къ занятіямъ котораго Государь относился очень ревниво, и кромѣ всѣхъ жестокихъ мѣръ, принятыхъ правительствомъ противу мятежныхъ лицъ, Николай I-й нашелъ необходимымъ повторить еще разъ обязательства подпиской всѣхъ служащихъ чиновъ въ Имперіи, отречься отъ тайныхъ обществъ, отречься отъ сношенія съ ними и удостовѣрить правительство въ своей благонадежности.

Министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ въ это время членъ государственнаго совѣта престарѣлый Василій Сергѣевичъ Ланской [1]). Апрѣля 21-го 1826 года и воспослѣдовалъ на имя его Высочайшій рескриптъ слѣдующаго содержанія:

„Василій Сергѣевичъ! Изъ дѣлъ комитета, учрежденнаго для изысканія о злоумышленномъ обществѣ, усматривается между прочимъ, что небольшое число злоумышленниковъ противъ спокойствія государства, составивъ тайныя подъ разными наименованіями общества, старались привлечь въ оныя людей благомыслящихъ, обольщая ихъ ложными видами благонамѣренности своихъ обществъ, имѣвшихъ будто-бы единственною цѣлію распространеніе просвѣщенія, правилъ нравственности, человѣколюбія и проч., дабы впослѣдствіи уже, удостовѣрившись въ образѣ мыслей сихъ новыхъ членовъ, открыть истинное намѣреніе свое тѣмъ изъ нихъ, коихъ злоумышленники сочтутъ способными принять участіе въ пагубномъ ихъ предпріятіи. Хотя изысканіе комитета обнаруживаетъ, что изъ сихъ завлеченныхъ врагами общаго спокойствія людей многіе, при самомъ принятіи ихъ въ общества, оставили оныя, а другіе остались еще чле-

---

[1]) На мѣсто Кочубея, удалившагося въ отпускъ, назначенъ былъ 28 іюня 1823 года, другъ Аракчеева, государственный контролеръ Бальтазаръ Бальтазаровичъ Кампенгаузенъ. Онъ былъ очень любимъ Государемъ, но спустя два мѣсяца сильно расшибся отъ опрокинувшейся кареты; слабый, худощавый, онъ вскорѣ и скончался отъ ушибовъ. На мѣсто его и назначенъ 29 августа дѣйствительный тайный совѣтникъ, членъ государственнаго совѣта Ланской, род. 1762 г., ум. 1831 г.

Библиотека "Руниверс"

нами, не постигая тайныхъ цѣлей обществъ, но когда вслѣдствіе состоявшагося 21 августа 1822 года Высочайшаго рескрипта на имя управлявшаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ графа Кочубея, о закрытіи всѣхъ тайныхъ обществъ въ государствѣ, требуемы были обязательства отъ воинскихъ и гражданскихъ чиновъ, что они ни къ какимъ тайнымъ обществамъ болѣе принадлежать не будутъ, съ измѣненіемъ въ тѣхъ обязательствахъ, къ какой именно масонской ложѣ или къ какому другому тайному обществу кто изъ нихъ принадлежалъ; *тогда ни одинъ изъ членовъ, состоявшихъ прежде въ вышеписанныхъ обстоятельствахъ, не объявилъ о томъ, въ выданномъ отъ него обязательствѣ* и многіе вѣроятно тогда заключали, что они уже отстали отъ обществъ или принадлежали онымъ безъ особенныхъ клятвъ, по одному обѣщанію.

Таковое неисполненіе Высочайшей блаженной памяти Государя Императора воли, имѣя видъ умышленнаго сокрытія обществъ, должно бы подвергнуть строгому взысканію, но желая употребить мѣры строгости, въ самыхъ только необходимыхъ случаяхъ, и уменьшить число преступниковъ, сколько священная обязанность попеченія объ общемъ благѣ сіе позволитъ, я повелѣваю вамъ истребовать по всему государству вновь обязательства отъ всѣхъ, находящихся въ службѣ и отставныхъ чиновниковъ и не служащихъ дворянъ, въ томъ, что они ни къ какимъ тайнымъ обществамъ, подъ какимъ бы они названіемъ ни существовали, впредь принадлежать не будутъ, и если кто прежде къ какому-либо изъ нихъ когда бы то ни было принадлежалъ, то съ подробнымъ объясненіемъ въ обязательствѣ его подъ какимъ названіемъ оно существовало, какая была цѣль его, и какія мѣры предполагаемо было употреблять, для достиженія той цѣли.

„При требованіи сихъ обязательствъ, объявить всѣмъ, что не только члены тайныхъ обществъ, принятые въ оныя въ учрежденныхъ ложахъ, думахъ, управахъ и проч. по обязательствамъ черезъ клятву или честное слово и посѣщавшіе общества или знавшіе объ нихъ, но и всѣ безъ изъятія, тѣ, кои сдѣлались соучастниками оныхъ тайныхъ обществъ; безъ всякихъ формъ, клятвъ и обязательствъ, чрезъ разговоры при встрѣчѣ внѣ ложъ, думъ, управъ или знали о сихъ обществахъ, объяснить о томъ при дачѣ подписокъ чистосердечно, со всею откровенностію, и что сокрытіе того, послѣ сего оказаннаго мною снисхожденія подвергнетъ ихъ строжайшему наказанію, какъ государственныхъ преступниковъ“.

„О исполненіи сей воли моей вы не оставите сдѣлать надлежащихъ распоряженій. На подлинномъ написано собственной Его

Библиотека "Руниверс"

Императорскаго Величества рукою Николай. С.-Петербургъ 1826 г. Апрѣля 21 дня (Общ. Арх. М-ва Двора оп. 74/81 д. 114).

Переписка и процедура отобранія обязательствъ прошла по всей Имперіи съ формальностями по образцу, который изложенъ былъ выше, при исполненіи Высочайшаго рескрипта отъ 1 августа 1822 г. съ тою только разницею, что теперь обязательства не оставлялись при дѣлахъ учрежденія, а въ подлинникахъ доставлялись министру Ланскому, для доклада Государю.

Въ виду туманности обѣщаемаго милосердія и вмѣстѣ съ тѣмъ угрозы въ страшной уголовной отвѣтственности за умолчаніе не только о причастности къ какому нибудь-обществу, но даже въ знаніи о нихъ изъ частныхъ разговоровъ, отвѣтственности, какъ за государственное преступленіе заставило многихъ и многихъ содрогнуться и волей неволей раскрыть свои тайники и указать на связи съ масонствомъ.

Въ остальномъ, точно такъ же министръ внутреннихъ дѣлъ С. Ланской писалъ 25 апрѣля 1826 года за № 866-мъ гофмаршалу Альбедилю (и конечно по тому же самому шаблону и всѣмъ другимъ главноначальствующимъ, какъ видно изъ цитируемаго дѣла Общ. Арх. Мин. Двора по оп. 74/81 д. № 114).

Управляющему Гофъ-Интендантской Конторой, о приведеніи въ исполненіе Высочайшаго рескрипта. Точно такъ же отъ барона Альбедиля получено предложеніе объ отобраніи обязательствъ и также 10 мая 1826 г. служащіе чиновники Конторы собрались и дали подписку:

„Выслушавъ Имянной Высочайшій рескриптъ, послѣдовавшій на имя Г. Управляющаго Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ 21 апрѣля сего года, по долгу чести и присяги дали слѣдующую подписку:

„Обязываюсь въ томъ, что ни къ какимъ тайнымъ обществамъ подъ какимъ бы названіемъ они ни существовали, впредь принадлежать не буду и прежде сего не принадлежалъ, въ противномъ случаѣ за несправедливое показаніе и обязательство подвергаюсь отвѣтственности по законамъ (ibid., стр. 8-я)".

Обязательство это подписали членъ присутствія конторы дѣйств. статскій совѣтникъ князь Сергѣй Голицынъ, три совѣтника, два бухгалтера, два секретаря, пятьдесятъ одинъ чиновникъ, главный архитекторъ Людвикъ Шарлемань и два архитектора: Плазовъ и Висконти. Но три лица оказались причастными обществамъ; одинъ изъ нихъ, поименованный въ 1822 году, казначей титулярный совѣтникъ и кавалеръ Иванъ Любимовичъ Коліандеръ, изложившій теперь свое обязательство такъ:

„Обязуюсь въ томъ, что ни къ какимъ тайнымъ обществамъ,

Библиотека "Руниверс"

подъ какимъ бы названіемъ они ни существовали, впредь принадлежать не буду. Въ 1811-мъ же году былъ я приглашенъ въ общество масонской ложи подъ названіемъ „*Елизаветы и Добродѣтели*“, въ коей состоялъ до 1814 года, и въ семъ году добровольно вовсе оставилъ оную ложу и болѣе ни въ какихъ обществахъ никогда не участвовалъ. Касательно же до цѣли масоновъ сей ложи, то признаюсь чистосердечно, что совершенныхъ понятій о томъ не имѣю, а полагаю по Аллегорическимъ Гирофлигамъ (гіероглифамъ) и символамъ, изображающимъ систему, нравственность должна быть цѣлію Добродѣтели, мѣра же, посредствомъ коей достигали оной, были деньги, которыя въ каждое собраніе собирались, въ нарочито сдѣланную кружку и всякой членъ жертвовалъ по состоянію, сіи же деньги были раздаваемы по строгому разсмотрѣнію всѣхъ членовъ бѣднымъ. Впрочемъ не участвовавъ въ высшихъ степеняхъ, я болѣе ничего не знаю. Въ удостовѣреніе чего за несправедливое показаніе и обязательство подвергаюсь отвѣтственности по законамъ“.

Потомъ присутствующій въ конторѣ баронъ Ѳедоръ Ренне уклончиво писалъ.

...„Въ 1817 году же былъ я принятъ въ общество масонской ложи, каковое названіе оная ложа имѣла, въ которую принятъ былъ не помню. Цѣль моя была образованіе и улучиваніе сердца и души, что и дѣйствительно нашелъ, потому что при каждомъ собраніи шла рѣчь о чистой моравій, (морали) одобрѣнія сердца и человѣколюбіе и добрость для бѣдныхъ, въ прочемъ я уже прежде сего отказался отъ вышесказаннаго общества въ предь принадлежать, въ чемъ обязываюсь и подвергаюсь строгому взысканію“.

И наконецъ „медико-хирургъ“ докторъ Богданъ Ганъ, не указавшій въ подпискѣ 1822 года своего участія въ масонствѣ, теперь сообщилъ что:

„Въ 1819 году былъ я принятъ въ Кронштатѣ въ мазонской ложе, какъ ее называли не упомню, всякой въ городѣ зналъ дни собраній и большую часть общества, цѣль моя была образованіе и улучиваніе сердца и души—и дѣйствительно я не ошибся, потому что при каждіи собраніи шла рѣчь о чистой морали, одобрѣніе сердца, о человѣколюбіи и о щедрости для бѣдныхъ. Въ 1820 году, я изъ Кронштата сюда въ С.-П.-бургъ переѣхалъ жить и съ того времени я не былъ въ ложѣ и не имѣлъ ни какую переписку съ масонами, что касалось до масонства, а про другихъ тайныхъ обществахъ я никогда ни чего не видалъ и не слыхалъ (ibid. стр. 13 и 14)“.

Библиотека "Руниверс"

Конечно, никто поднять на себя руку не хотѣлъ, а поэтому несмотря на боязнь, внушаемую страшнымъ рескриптомъ, чиновниковъ, причастныхъ къ тайнымъ обществамъ, оказалось не много, но все-таки нашлись такіе, какъ медико-хирургъ Ганъ, умолчавшіе въ 1822 году и теперь признававшіе свое участіе въ масонствѣ. И благодаря такимъ своимъ требованіямъ правительство получило отъ подчиненныхъ ему лицъ клятвенное обѣщаніе ни въ какихъ тайныхъ обществахъ не участвовать и сношеній съ ними не имѣть.

А-ндръ Ал-чъ Лебедевъ.

Библиотека "Руниверс"

Самодержавіе Царевны Софьи Алексѣевны, по неизданнымъ документамъ.

(Изъ переписки, возбужденной графомъ Панинымъ [1]).

(Окончаніе).

Л. 116. Выписано изъ книги статейнаго списка Посольскихъ польскихъ дѣлъ № 134.

7194/1686 года апрѣля 27 д. по указу великихъ государей царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцевъ были у ихъ великихъ государей (по полученіи публичной отпускной аудіенціи) приватнымъ обычаемъ безъ чиновъ въ вечерни въ хоромехъ каменныхъ полскіе великіе и полномочные послы Крыштофъ Гримултовскій, воевода Познанскій съ товарищи, и великіе государи жаловали ихъ пословъ къ своей государской рукѣ и потчивали ихъ великіе государи изъ своихъ рукъ кубками съ питьемъ, потомъ, пожаловавъ ихъ къ рукѣ, изволили приказывать къ королю поздравленіе; а послы, бывъ у руки, уступили ис комнаты въ Крестовую, великіе же государи изволили итти въ свои государскіе хоромы.

А въ ту комнату изволила притти великая государыня благовѣрная царевна и великая княжна Софія Алексѣевна и сѣсть въ креслахъ въ шубѣ собольей осиновой да въ треухѣ.

И звалъ изъ крестовой къ великой государынѣ пословъ ближней бояринъ и оберегатель князь Василей Васильевичъ Голицынъ.

А какъ послы пришли:

И великая государыня пожаловала пословъ къ рукѣ и приказала думному дьяку Емельяну Игнатьевичу Украинцеву спросить о здоровьѣ.

---

[1]) См. „Русская Старина“ февраль 1912 г.

Библиотека "Руниверс"

А потомъ изволила говорить, что они великіе государи постановленной вѣчной миръ изволятъ содержать крѣпко безъ нарушенія, также бы и государь ихъ его королевское величество держалъ по тому жъ безъ нарушенія и при ихъ царскаго величества послехъ тотъ вѣчной миръ подтвердилъ.

Да изволила пословъ жаловать питьемъ, подавала кубки.

И послы были у великой государыни у руки в другорядъ и отпущены.

А королевскихъ дворянъ подчивалъ въ крестовой и въ передней думной дворянинъ Кирило Аристарховичъ Яковлевъ и дворцовые дьяки.

Да во время жъ Посолскаго бытія были съ послы передъ великими государи и у руки ихъ государской и благовѣрной государыни царевны дворянъ 5 человѣкъ.

Л. 118. Выписано изъ книги статейнаго списка Посольскихъ польскихъ дѣлъ № 134.

Въ 7194/1686 мъ году апрѣля въ 28 день великой государынѣ благовѣрной царевнѣ и великой княжнѣ Софіи Алексѣевнѣ всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи челомъ ударилъ полской великой и полномочной посолъ Мырцыянъ Александръ князь Огинской, канцлеръ великой Великаго княжства Литовскаго, корѣту съ шестью возники и съ шоры.

И та корѣта отослана изъ государственнаго посольскаго приказу въ Конюшенной приказъ.

И въ Конюшенномъ приказѣ та корѣта и возники приняты, описаны и цѣнены.

А по описи та корѣта съ лица рѣзная, золоченая, по золоту писаны люди и травы разными красками въ ней подбито небо и стороны и двери бархатомъ червьчетымъ, травчетымъ по золотой землѣ, мѣста въ той корѣте здѣланы того жъ бархату, въ окнахъ и въ дверяхъ и впереди стекла хрустальные, станъ и колеса окованы желѣзомъ.

Возники 6 лошадей буланыхъ.

Шестерыхъ шоръ съ муштуками телятинные черные, на кровляхъ плащи мѣдные, рѣзные золоченные съ кольцами, въ тѣхъ плащахъ въ срединахъ прибиваны плащи серебряные, на кровлехъ же и по всѣмъ шорамъ набиваны плащи мѣдные болшіе золоченные и биты гвозди двухъ статей, одни продолговаты, а другіе репейчетые золоченые, у муштуковъ вочелкахъ по морху да по двѣ кисти шелковыхъ з золотомъ, возжи телятинные черные, седлишко немецкое.

А по оцѣнкѣ коретныхъ и рѣзного дѣла мастеровъ и золотарей

Библиотека "Руниверс"

и кутазниковъ и обойщиковъ и оковщиковъ и шлейныхъ мастеровъ и ветошного и стеколного рядовъ торговыхъ людей и Московской конской площадки барышниковъ цѣна той корѣтѣ 550 рублевъ.

Возникамъ 250 рублевъ.

Шорамъ съ муштуками 200 рублевъ.

Всего 1000 рублевъ.

Л. 120. Выписано изъ книги Статейнаго списка Посольскихъ французскихъ дѣлъ № 6.

7193/1685 декабря въ 27 день великіе государи цари и великіе князи Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ, всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцы и сестра ихъ великая государыня благовѣрная царевна и великая княжна Софія Алексѣевна указали со обвѣщеніемъ своего великихъ государей государствованія и для иныхъ дѣлъ послать ко французскому королю въ посланникахъ столника Семена Ерофѣева сына Алмазова да дьяка Семена Иполитова, великихъ государей указъ о томъ записать приказалъ бояринъ князь Василей Васильевичъ Голицынъ.

Л. 121. Выписано изъ книги о намѣстничествахъ № 19.

7193/1685 генваря въ 26 день великіе государи цари и великіе князи Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ, всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцы и сестра ихъ великая государыня благовѣрная царевна и великая княжна Софія Алексѣевна указали по имянному своему великихъ государей указу во всякихъ Посольскихъ и отвѣтныхъ письмахъ и въ пересыльныхъ листахъ и въ грамотахъ и въ отпискахъ изъ городовъ и въ указѣхъ и во всякихъ дѣлехъ боярина князя Василья Васильевича писать по сему: царственные болшіе печати и государственныхъ великихъ Посольскихъ дѣлъ оберегатель, ближней бояринъ и намѣстникъ Новгородцкой князь Василей Васильевичъ Голицынъ.

Л. 12/2 Копія съ жалованной на вотчины грамоты. № 134.

Выписана изъ книги статейнаго списка Посольскихъ польскихъ дѣлъ № 134.

Бога въ трехъ присносіятельныхъ ипостасѣхъ единосущнаго, пребезначалного, благъ всѣхъ виновнаго Свѣтодавца, имъ же вся быша, человѣческому роду миръ дарующаго милостью, и сіе благодѣяніе повсюду извѣствуя, мы пресвѣтлѣйшіе и державнѣйшіе великіе государи цари и великіе князи Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ и великая государыня благовѣрная царевна и великая княжна Софія Алексѣевна всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцы, Московскіе, Кіевскіе, Владимерскіе, Новгородскіе, цари Казанскіе, цари Астраханскіе, цари Сибирскіе, государи Псковскіе и великіе князи Смоленскіе, Тверскіе,

Библиотека "Руниверс"

Югорскіе, Пермскіе, Вятцкіе, Болгарскіе и иныхъ, государи и великіе князи, Новгорода Низовскіе земли, Черниговскіе, Резанскіе, Ростовскіе, Ярославскіе, Бѣлоозерскіе, Удорскіе, Обдорскіе, Кондинскіе и всеа Сѣверныя страны повелители и государи Иверскіе земли Карталинскихъ и Грузинскихъ царей и Кабардинскіе земли Черкаскихъ и Горскихъ князей и иныхъ многихъ государствъ и земель Восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчичи и дѣдичи и наслѣдники и государи и облаадатели, по своему царскому милосердому призрѣнію и осмотрѣнію пожаловали и пр. и пр.

На подлинной обрасцовой таковой грамотѣ помѣта думного дьяка Емельяна Украинцова такова:

194-го іюля въ 21 день великіе государи и великая государыня благовѣрная царевна, сей обрасцовой жалованной грамоты слушавъ въ своемъ государскомъ походѣ въ селѣ Коломенскомъ, указали и бояре приговорили такову грамоту напечатать и пр.

Л. 123. Выписано изъ книги статейнаго списка посолскихъ полскихъ дѣлъ № 132.

7193/1685 года августа въ день въ 18 данномъ наказѣ столнику Ѳедору Алексѣевичу Головину, посыланному въ Глуховъ къ Малороссійскому гетману Ивану Самойловичу между протчимъ написано:

Да какъ гетманъ, принявъ великихъ государей грамоту, спроситъ про ихъ великихъ государей царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцевъ и благовѣрные государыни царевны и великіе княжны Софіи Алексѣевны здоровье, и столнику Ѳедору Алексѣевичу говорить: какъ онъ посланъ отъ великихъ государей царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцевъ, и великіе государи цари и великіе князи Іоаннъ Алексѣевичъ и Петръ Алексѣевичъ, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцы, ихъ царское величество и сестра ихъ государева, великая государыня, благовѣрная царевна и великая княжна Софія Алексѣевна на своихъ государскихъ великихъ и преславныхъ престолехъ Россійскаго царствія милостію Всемогущаго Бога пребываютъ въ добромъ здоровье.

Л. 124. Выписка изъ книги Статейнаго списка посольскихъ Французскихъ и Испанскихъ дѣлъ № 9.

7195/1687-го года генваря въ 30 день въ наказѣ данномъ отправленнымъ во Францію и въ Гишпанію Россійскимъ посломъ князю Якову Федоровичу Долгорукову съ товарыщи написано:

Буде королевскіе думные люди учнутъ ихъ великихъословъ спрашивать о лѣтехъ и о возрастехъ великихъ государей царей и

Библиотека "Руниверс"

Точный рисунокъ червоннаго съ изображеніемъ Государей Царей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича и Царевны Софіи Алексѣевны. 1686—1690.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцевъ:

И великимъ и полномочнымъ посламъ говорить:

Великіе государи наши цари и великіе князи Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцы, ихъ царское величество великій государь нашъ царь и великій князь Іоаннъ Алексѣевичъ всея великіе и малыя и бѣлыя Россіи самодержцевъ въ двадцать лѣтъ, и великій государь нашъ царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ въ пятнатцать лѣтъ, а дородствомъ и разумомъ и красотою и милосердымъ нравомъ и всѣми благими годностми Всемогущій Богъ украсилъ великихъ государей нашихъ, ихъ Царское величество хваламъ достойныхъ паче всѣхъ людей и ко всѣмъ людямъ подданнымъ своимъ и къ иноземцомъ ихъ царское величество милостивы, всѣхъ своею государскою милостію призираютъ и по своему государскому разсмотрѣнію чести даруютъ, комуждо по достоинству, и всѣхъ изобилствуютъ и никтоже, видя ихъ царское лице, печаленъ отходитъ, и за помощію Всемогущаго Бога великіе государи наши, ихъ царское величество по тому своему государскому бодро-опасному разуму содержатъ въ своемъ государскомъ правленіи и оборонѣ многіе свои государства и земли, а съ ними, великими государи *соцарствуетъ* сестра ихъ великая государыня, благовѣрная царевна и великая княжна Софія Алексѣевна, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцы.

Точной рисунокъ червоннаго съ изображеніемъ государей царей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича и царевны Софіи Алексѣевны между 1686 и 1690 годами.

Л. 125. Выписано изъ книгъ статейнаго списка Посольскихъ польскихъ дѣлъ № 142.

198-го (1689) сентября въ 19 день по указу великихъ государей царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцевъ былъ въ государственномъ посольскомъ приказѣ у думного дьяка у Емельяна Игнатьевича Украинцова съ товарыщи королевского величества польской резидентъ Юрья Домникъ Довмонтъ на розговорѣ.

И вшедъ въ приказъ, витався и поздравя говорилъ: вѣдомо-де ему, что нѣкоторые люди умышляли великихъ государей, ихъ царского величества надъ здравіемъ измѣною своею злое дѣло, и милостію Божіею та ихъ измѣна, какъ онъ слышитъ, обличена, а ихъ царского величества здравіе та-жъ Божія милость охранила, и за такое милосердіе Божіе воздаетъ онъ хвалу Ему, сотворшему дивное такое дѣло, а великимъ государемъ, ихъ царскому величеству

Библиотека "Руниверс"

именемъ государя своего, его королевского величества поздравляетъ и желаетъ имъ государемъ многолѣтного здравія и счастливаго со учиненнымъ новымъ дѣломъ правленія, притомъ проситъ, дабы ихъ царского величества милость къ нему его королевскаго величества резиденту была неотмѣнна.

А онъ бы ихъ царского величества думной дьякъ въ дѣлахъ обоихъ великихъ государей былъ къ нему резиденту пріятенъ.

И думной дьякъ резиденту говорилъ, какимъ милосердіемъ Божіимъ, ихъ царского величества здравіе охранилось, и какъ сила его святая враговъ и измѣнниковъ обличила и какимъ поведеніемъ то дѣло совершилось, и измѣнники къ тому дѣлу приличные по злымъ своимъ дѣломъ казнь воспріяли, и то не тайно есть никому, за которое милосердіе Божіе всего государства всякихъ чиновъ люди хвалу воздаютъ, что такое великое дѣло обличилось, и измѣнники сыскалися безо всякаго кроворозлитія, а великихъ государей милость къ нему резиденту въ отмѣнности не будетъ; также и онъ думной дьякъ по ихъ царского величества указу о дѣлахъ государскихъ говорити съ нимъ, когда что прилучится, будетъ.

Л. 126. Выписано изъ копіи въ Канцелярію Правительствующаго Сената изъ Канцеляріи Сенатскаго Правленія, посланнаго изъ Москвы въ С. Петербургъ сего текущаго 1716 апрѣля 9 дня.

Во 198-мъ (1689) году сентября въ 9 день великіе государи цари и великіе князи Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ, всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцы указали у князь Василья и у сына ево князь Алексѣя Голицыныхъ честь ихъ боярство отнять за то, какъ они великіе государи изволили содержать прародительскій престолъ, а сестра ихъ великихъ государей великая государыня благовѣрная царевна и великая княжна Софія Алексіевна безъ великихъ государей совѣту во всякое самодержавіе вступала, а они князь Василей и князь Алексѣй угождая и доброхотствуя сестрѣ ихъ великихъ государей, о всякихъ дѣлехъ мимо ихъ великихъ государей докладывали, а имъ великимъ государемъ о тѣхъ дѣлехъ было неизвѣстно и во всякихъ дѣлехъ сестру ихъ великихъ государей писали обще съ ними великими государи, и послали они князь Василей и князь Алексѣй въ Малороссійскіе городы ихъ великихъ государей грамоты и въ книгахъ имя сестры ихъ великихъ государей великіе государыни, благовѣрные царевны и великіе княжны Софіи Алексіевны велѣли печатать обще съ ними великими государи безъ ихъ великихъ государей указу, также и въ приказехъ во всякихъ-дѣлехъ велѣли писать сестру ихъ великихъ государей обще-жъ съ ними великими государи и о томъ изъ посольского приказу въ розрядъ прислали память.

Библиотека "Руниверс"

Подлинныя грамоты, приложенныя М. Г. Собакинымъ.

Нашего Царского Величества подданному низового войска запорожскаго кошевому атоману Ѳедору Ивановичу и всему будучему при тебѣ поспольству.

Божіею милостію отъ пресветлѣйшихъ и державнѣйшихъ великихъ Государей Царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича Петра Алексѣевича и великіе Государыни благовѣрные царевны и великіе княжны Софіи Алексѣевны всея великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержцевъ и многихъ Государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчичей и дѣдичей и наслѣдниковъ и Государей и облаадателей Нашего Царского величества подданному низового войска запорожского кошевому атаману Ѳедору Ивановичю и всему при тебѣ будучему поспольству наше Царского Величества милостивое слово.

Въ нынешнемъ во РЧЄ году октября въ 3 день къ намъ великимъ Государемъ къ нашему Царскому Величеству писалъ подданной нашъ войска запорожского обоихъ сторонъ Днепра Гетманъ Иванъ Самойловичъ. И прислалъ съ посланцы вашими съ казакомъ съ Матвѣемъ стоварыщи съ шестью человѣки двухъ человѣкъ турчанъ взятыхъ подъ городкомъ турскимъ Казыкерменемъ, которыхъ прислали къ нему подданному нашему вы кошевой атаманъ и все войско низовое, съ нимъ же Матвѣемъ стоварыщи. А что тѣ взятые турчаня въ роспросе сказали, и намъ великимъ Государемъ нашему Царскому величеству о томъ извѣстно, и мы великіе Государи наше Царское Величество тебя кошевого атамана и все войско низовое запорожское за вашу службу и за присланіе тѣхъ взятыхъ турчанъ, жалуемъ милостиво похваляемъ, и вамъ бы кошевому атаману и всему посольству и впредь совѣтуя з генераломъ нашимъ и воеводою з Григорьемъ Ивановичемъ Касаговымъ чинити надъ непріятели воинской промыслъ сколько всемилосердый Господь Богъ помощи подастъ по прежнему нашему великихъ Государей нашего Царскаго величества указу а гонцовъ нашихъ подъячего Микиту Алексѣева, и Ивана Лисицу со всѣми при нихъ будучими неволниками, по писму казыкерменскаго бѣя вамъ кошевому и всему поспольству принять и совѣтуя съ вышепомянутымъ генераломъ нашимъ и воеводою доправадить до Батурина со всѣмижъ при нихъ будучими невольниками и пожитки в цѣлости и о томъ бы вамъ кошевому атаману и всему поспольству порадѣть чтобъ однолично тѣхъ нашихъ гонцовъ и невольниковъ при нихъ обрѣтающихся принять исъ турскихъ городковъ, безъ замедлѣнія, а что у васъ

Библиотека "Руниверс"

впредь о воинскомъ промыслу учнетца дѣлать и вамъ бы о томъ къ намъ великимъ Государемъ къ нашему Царскому величеству, и къ подданному нашему къ гетману Ивану Самойловичю писать, а посланцовъ вашихъ Матвѣя Пущаненка съ товарыщи, пожаловавъ нашимъ великихъ Государей нашего Царского Величества жалованьемъ указали къ вамъ отпустить. Данъ Государствия Нашего во дворѣ въ царствующемъ велицемъ граде Москвѣ, лѣта отъ созданія мира ЗРЧЄ-го мѣсяца октября КГ дня Государствованія нашего Є году № 25.

Подлинная челобитная митрополита Гедеона.

Божіею милостію пресвѣтлымъ благочестивымъ Государемъ Царемъ и великимъ княземъ Іоанну Алексѣевичу Петру Алексѣевичу и пресвѣтлой благочестивой соцарствующей купно Государынѣ Царевнѣ и великой княжнѣ Софіи Алексѣевнѣ всея великія и малыя и бѣлыя Росіи Самодержцемъ и инныхъ многихъ Государствъ и земель восточныхъ западныхъ и сѣверныхъ... наслѣдникомъ Государемъ и обладателемъ.

Вашему Царскому... величеству Божіею милостью пресвѣтлымъ благочестивымъ Государемъ Царемъ и великимъ княземъ Іоану Алексѣевичу Петру Алексѣевичу и пресвѣтлой благочестивой соцарствующей купно Государынѣ Царевнѣ и великой княжны Софіи Алексѣевны всея великія малыя и бѣлыя Россіи Самодержцемъ и инныхъ многихъ Государствъ и земель восточныхъ западныхъ и севѣрныхъ отчичемъ и дѣдичемъ Государемъ Наслѣдникомъ и обладателемъ Вашему Царскому пресвѣтлому Величеству всегдашный богомолецъ и нижайшій... великія и малыя Россіи. Смиренный митрополитъ Гедеонъ къ поднозію престола вашего Царского пресвѣтлого... припадающе челомъ біетъ.

Пребогатымъ вашего Царского пресвѣтлаго величества на моей худости благодѣяніямъ... достойно благодарити не имамъ толико силы ибо суть сія безчисленныя. Яко же стремленіе въ одное рѣкъ быстро движущихся послѣдствующее по себѣ влечетъ теченіе, тако премилостивое благодѣяніе вашего Царского пресвѣтлого величества а мое окаянство едино нераздѣльно изливается. Въ прошломъ году отъ воплощенія Бога Слова ЅХПС между иными множайшими добродѣйствы вы великіе Государѣ... Софѣйскихъ жаловали жита четвертей сто изъ житницъ своихъ Государскихъ Кіевскихъ, соли пудовъ двѣсть братіи черцомъ... недостойнымъ богомольцемъ на рясы сто рублевъ к сему на расходы домовніе вмѣсто

Библиотека "Руниверс"

ста пудъ меду пятдесятъ рублевъ велѣли давати изъ государскихъ своихъ приходовъ казни Кіевскія. Тіемъ всѣмъ благодарно... Софѣйскихъ питаючыся доселѣ, усердно молитъ всѣхъ Богодателя Бога да по премногимъ щедротамъ своимъ хлѣбной ради милосты... питъ царствующія вашего Царского пресвѣтлого величества... врагомъ Креста Христова одолѣти великодержавное... Царского пресвѣтлого величества возмогло бы скипетро. Ради медовныя милости... Вашего Царского пресвѣтлого величества Государство великимъ свышше подаемымъ благополучіемъ въ премногое да наслаждается долгоденствіе, паче же долговременномъ въ мирѣ семъ Царствованіи сладчайшаго зрѣнія лица Господня да насыщается сота. Дерзаю паки къ милостивому вашего Царского пресвѣтлого величества благодѣянію прибѣгше смиренно молити о таковое жалованье на нынѣшный годъ SXIIS. Яко оддоенное отроча... тако и азъ поздѣ иноя не... надежды самъ... себѣ... и монастыря Свято Софѣйскаго препитанія. Токмо на всещед... Царского пресвѣтлого величества милость... святыя Софіи Ме... Кіевской въ лѣто отъ воплощенія Бога Слова SXIIД мѣсяца дня.

Смиренный... мѣтрополитъ Кіевской...

Сообщила Е. Лермонтова.

Библиотека "Руниверс"

16 мая 1858 года, Н. К—ну [1]).

1.

Мы скоро съ тобою напьемся
И впредь ужъ не пить намъ съ тобой...
И, можетъ, потомъ мы сойдемся,
Но ты уже будешь иной...

2.

Но нѣтъ, я не вѣрю: ты вѣчно
Останешься съ бодрой душой,
И, встрѣтясь мы снова сердечно
На брудершафтъ выпьемъ съ тобой!..

3.

Не тронетъ насъ время лихое,
А если невзгоды найдутъ,—
Мы выпьемъ тогда *за былое*,
За нѣсколько свѣтлыхъ минутъ.

Сообщилъ В.

[1]) Вѣроятно—Николаю Степановичу Курочкину (1830—1884 г.), извѣстному беллетристу, публицисту и поэту.

Библиотека "Руниверс"

Матеріалы для біографіи и характеристики И. А. Гончарова.

XIII. И. А. Гончаровъ—сотрудникъ газетъ [1]).

Въ своихъ воспоминаніяхъ объ И. А. Гончаровѣ Викторъ Русаковъ указалъ, между прочимъ, на присутствіе въ газетѣ „Голосъ“ за семидесятые годы анонимныхъ статей И. А. Гончарова [2]). Эти воспоминанія вызвали тогда у Гончарова досаду, о которой и свидѣтельствуетъ одно не дошедшее до насъ письмо къ Н. С. Лѣскову. Письмо это, по свидѣтельству Н. С. Лѣскова, противорѣчитъ сообщеніямъ Виктора Русакова: 1) о нѣкоторой близости Ивана Александровича къ одной книгопродавческой фирмѣ; 2) о составленіи имъ библіографическихъ статеекъ и замѣтокъ для одной извѣстной газеты; 3) объ интимныхъ бесѣдахъ его съ однимъ извѣстнымъ литераторомъ. „Иванъ Александровичъ, разсказываетъ Н. С. Лѣсковъ, былъ возмущенъ этимъ и называлъ воспоминаніе „выдумкою“ и хотѣлъ его опровергать, но потомъ отдумалъ это, „чтобы никому не досаждать“, при чемъ разыгралась еще и другая черта характера покойника—его мнительность... Онъ сталъ думать: „А что, если они еще заведутъ со мною споръ?! Пожалуй еще подберутъ какихъ-нибудь свидѣтелей, которые станутъ утверждать на ихъ сторону!... Извольте тогда съ ними вѣдаться!“ [3]).

---

[1]) См. „Русск. Стар.“, 1911, кн. 10, стр. 34—62 и кн. 12, стр. 491—499.

[2]) „Новь“, 1888, т. XX кн. 7, стр. 138, статья Виктора Русакова.

[3]) „Сѣверный Вѣстникъ“, 1892, кн. 6, стр. 155 — 157, статья Н. С. Лѣскова.

Библиотека "Руниверс"

Къ счастью Иванъ Александровичъ не рѣшился на попытку опроверженія. Дѣло было бы нелегкое, по крайней мѣрѣ что касается указанія Русакова на „библіографическія статейки и замѣтки для одной извѣстной газеты". Всякій споръ о существованіи таковыхъ принадлежащихъ перу И. А. Гончарова прекращается признаніемъ самого автора, заключающимся въ восемнадцати нижеприведенныхъ письмахъ или отрывкахъ писемъ къ А. А. Краевскому [1]). Благодаря этимъ письмамъ, не только habemus reum confitentem, но мы можемъ еще составить въ точности списокъ статей, которыя были помѣщены Гончаровымъ въ „Голосѣ", хотя, конечно, нельзя ручаться, что этотъ списокъ полонъ, ибо А. А. Краевскій могъ, несмотря на свою аккуратность, не хранить нѣкоторыхъ изъ писемъ, которыми препровождались статьи Гончарова, или же Гончаровъ могъ самъ лично передать свои рукописи въ собственныя руки А. А. Краевскому.

Литературныя достоинства этихъ статей, по правдѣ сказать, весьма незначительны и, въ большинствѣ случаевъ, даже совсѣмъ ничтожны. Поэтому считаемъ лишнимъ приводить ихъ всѣ цѣликомъ или хотя бы длинныя цитаты изъ нихъ. Достаточно указать лишь на главныя темы затронутыя авторомъ и выдѣлить изъ его замѣтокъ нѣкоторыя наиболѣе характерныя фразы или даже слова, чтобы доставить читателю цѣнныя психологическія данныя для характеристики Гончарова. Тотъ Гончаровъ, котораго мы видимъ здѣсь скрыто выступающимъ въ качествѣ газетнаго сотрудника—это будничный Гончаровъ съ нѣкоторыми его будничными интересами и заботами. Онъ возмущается всякимъ нарушеніемъ порядка и, такъ сказать, комфорта улицъ, проклинаетъ извозчиковъ, мчащихся какъ вихрь по улицамъ столицы, и преслѣдуетъ письмами въ редакцію бродячихъ собакъ, кусающихъ прохожихъ. Онъ, здѣсь, убѣжденный гражданинъ Петербурга, типичный бюргеръ, постоянно озабоченный всяческими матеріальными невзгодами городской жизни, неослабленно, хотя съ ироническимъ видомъ и будто шутя, отзывающійся на нихъ и, въ то же время, съ упорнымъ безразличіемъ относящійся ко всему тому, что выходитъ изъ круга его мелкихъ интересовъ.

„Большинства читателей, пишетъ онъ въ одномъ мѣстѣ [2]), не коснется близко ни итальянская конвенція, ни посланіе папы, ни

---

[1]) Эти письма входятъ въ собраніе писемъ А. А. Краевскаго, пожертвованное въ Императорскую Публичную Библіотеку В. А. Бильбасовымъ.

[2]) „Голосъ", 1-го января 1865 г., № 1, стр. 3.

Библиотека "Руниверс"

поползновенія Пруссіи на Шлезвигъ-Голштейнъ: это займетъ любознательность скромнаго меньшинства, заставитъ потолковать о событіяхъ, но покойно и равнодушно — тогда какъ рѣдкій читатель въ вседневной жизни не встрѣтитъ такого явленія въ „петербургскихъ отмѣткахъ“ [1]), которое лично его порадуетъ или опечалитъ, или, наконецъ, наведетъ на полезную, практическую мысль объ удобствѣ, улучшеніи его житья-бытья, объ устраненіи безпорядка и т. п.“.

Нельзя не узнать въ авторѣ этихъ строкъ путешественника, „плававшаго по казенной надобности“ [2]), который, по жестокому выраженію одного изъ критиковъ пятидесятыхъ годовъ, „объѣхавъ вокругъ свѣта, не вышелъ ни на минуту изъ той атмосферы, которую носилъ съ собой Гоголевъ Петрушка“ [3]).

26-го октября [1861].

Мнѣ и на будущій годъ хочется получать „С[анктъ-]П[етербургскія] Вѣдомости“, которыя однѣ только и читаю, но хочу получать не даромъ. Погодите, я опять изберу себѣ одинъ постоянный предметъ и буду его преслѣдовать энергически, пока достигну цѣли. Такъ фельетонами достигнута цѣль объ ограниченіи собакъ, достигну, можетъ быть, и того, что будутъ посыпать тротуары пескомъ [4]).

А тамъ опять изберу другую достойную цѣль: надо съ пользой тратить жизнь.

Я былъ у Васъ, но Васъ не было дома: Вы, кажется, какъ я слышалъ, сидѣли въ Алексѣевскомъ равелинѣ. Выпустили ли Васъ наконецъ? Очень жаль, если нѣтъ: пожалуй, пропадетъ фельетонъ *Возвращеніе домой* [5]). Онъ преглупый, но цѣль, съ которою писалъ, какъ Вы увидите, полезная.

Обсудите, пожалуй, хорошенько, можно ли его печатать. Дѣло, происходящее въ немъ, случилось 11-го сентября, а мы печатаемъ теперь.

Не поздно ли, и послужитъ ли онъ къ чему-нибудь теперь! А печатать его такъ, не стоитъ, ибо онъ ни общей идеи, ни фельe-

---

[1]) Обычное названіе одного изъ отдѣловъ газеты „Голоса“.

[2]) „Да я и не путешествовалъ, а плавалъ *по казенной надобности*“, признался Гончаровъ въ статьѣ „Черезъ двадцать лѣтъ“. См. „Полное собраніе сочиненій“, изд. Маркса, Спб., 1899, т. VII, стр. 255.

[3]) „The Bell. Колоколъ“, № 6, december 1, 1857, стр. 49.

[4]) Гончаровъ намекаетъ очевидно здѣсь на прежніе оставшіеся намъ неизвѣстными фельетоны его же пера „объ ограниченіи собакъ“ и о необходимости „посыпать тротуары пескомъ“.

[5]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

Библиотека "Руниверс"

тоннаго и никакого изящества не совмѣщаетъ въ себѣ. Поэтому, пробѣжавъ, потрудитесь бросить подъ столъ, а напечатайте въ такомъ случаѣ, когда сочтете очень нужнымъ и важнымъ, такъ чтобъ увидя его напечатаннымъ, я могъ бы сейчасъ возгордиться.

До свиданія. Вашъ И. Гончаровъ.

Фельетонъ „Возвращеніе домой“, подписанный псевдонимомъ „Ро“, былъ напечатанъ въ номерѣ 242 „Санктъ-Петербургскихъ Вѣдомостей“ отъ 1-го ноября 1861 г., стр. 2—3, подъ заимствованнымъ у Грибоѣдова эпиграфомъ: „И дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ“. Онъ представляетъ собой только довольно милую болтовню о возвращеніи автора изъ-за границы въ Россію черезъ Вержболово. Нельзя не поразиться чувствомъ слегка наивнаго оптимизма, которымъ онъ весь проникнутъ.

„Рядъ наслажденій, доставляемыхъ путешествіемъ, пишетъ между прочимъ авторъ, замыкается однимъ изъ нихъ, чуть ли не лучшимъ: это наслажденіемъ воротиться домой. Кому не милы первая встрѣча и обмѣнъ мыслей и словъ съ дружескими лицами. Домашнія стѣны глядятъ на васъ привѣтливѣе, кресла и постель мягче—„Ну, пошелъ же, погоняй!“ Такъ думалъ я, а со мной, конечно, и всѣ мои спутники, ѣхавшіе, 10-го сентября, изъ Берлина въ Петербургъ и спѣшившіе, какъ перелетныя птицы, на зиму въ тепло, изъ сырыхъ, нетопленныхъ заграничныхъ комнатъ въ топленныя. Меня даже не очень пугалъ трехдневный безостановочный переѣздъ до Петербурга. Приближаясь къ дому, человѣкъ становится мягокъ, уступчивъ, способенъ на пожертвованія. Скупой перестаетъ торговаться, желчный хладнокровно вынесетъ придирчивость чиновника и невѣжливость кондуктора. Всѣ полны одной мысли—о близости дома. И я уже равнодушно отмахивалъ отъ себя дымъ нѣмецкихъ сигаръ въ вагонахъ, даже снисходительно выслушалъ, всю ночь, плачъ ребенка въ одномъ изъ нихъ, и мужественно выносилъ жосткую ветчину и соленое масло на нѣмецкихъ станціяхъ...“

До чего доходитъ оптимизмъ возвращающагося домой путешественника, видно, между прочимъ, по его слѣдующимъ строкамъ:

„Здѣсь [т. е. въ Вержболовѣ] ждала насъ русская желѣзная дорога и русская таможня. Послѣдняя сдѣлала быстро и прекрасно свое дѣло. Чиновники здѣсь (да, кажется, теперь, какъ слышно, и въ другихъ русскихъ таможняхъ) понимаютъ, что они не только органы правительства, но и друзья публики. Служа интересамъ казны, они способствуютъ и удобствамъ общества. Они исполнительны въ своемъ дѣлѣ, безъ придирокъ, и притомъ уже не позволяютъ себѣ диктаторскаго тона въ обращеніи съ публикой, какъ бывало...“

Библиотека "Руниверс"

8-го февраля [1862].

Вотъ и еще подарокъ: благоволите, почтеннѣйшій Андрей Александровичъ, тиснуть фельетончикъ въ „С.-П[етербургскихъ] Вѣдомостяхъ“, объ этихъ изданіяхъ [1]) — и если можно, не откладывая далеко. Вѣдь *Обломовъ* [2]) нѣкоторымъ образомъ и Ваше чадо: Вы его вывели въ свѣтъ, погладьте по головкѣ и теперь, чтобы его всѣ старались залучить къ себѣ, а папенькѣ-то его какая бы радость!.. Не забудьте ужъ и *Исторію* [2]) мою: если не за что другое, то отрекомендуйте публикѣ хоть за красоту: посмотрите, какіе оба нарядные!

Надѣюсь на Вашу добродѣтель вообще и на любезность ко мнѣ въ особенности [3]), остаюсь всегда

Вашъ И. Гончаровъ.

14-го января 1864 г.

Ну, дотащилъ я возъ; дѣлайте, что хотите съ прилагаемымъ листомъ. То ли дѣло объ извощикахъ писать? Возвращаю прибавленіе къ Инвалиду и телеграмму: зачѣмъ ее помѣщать? Я о ней только упомянулъ: всѣ такія телеграммы одинаковы. Если бы у Васъ по близости случился бы А. Д. Галаховъ [4]), онъ бы, можетъ быть, что-нибудь прибавилъ или измѣнилъ отчеркнутое у меня мѣсто синимъ карандашемъ о значеніи университетскаго образованія. Онъ истый и коренной москвичъ и сказалъ бы что-нибудь чювствительнѣе [5]) и во всякомъ случаѣ умнѣе меня о москов[скомъ] университетѣ.

Ну, будетъ—надоѣло. До свиданія.

Вашъ И. Гончаровъ.

Если Вы найдете, что написанное не годится по тону или содержанію или по чему иному, то измѣняйте, прибавляйте и убавляйте или совсѣмъ уничтожьте ad libitum, мнѣ это—ничего.

---

[1]) Гончаровъ присылаетъ А. А. Краевскому, какъ подарокъ, третье изданіе „Обыкновенной Исторіи“ и второе изданіе „Обломова“, которыя появились въ 1862 г. (типогр. Морского Министерства).

[2]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

[3]) Согласно желанію, выраженному Гончаровымъ, въ литературномъ фельетонѣ Санктъ-Петербургскихъ Вѣдомостей 2-го марта 1862 г. (№ 46, стр. 1), безъ подписи автора, было посвящено нѣсколько десятковъ строкъ „Обыкновенной Исторіи“ и „Обломову“.

[4]) Алексѣй Дмитріевичъ Галаховъ, занимавшій тогда каѳедру русской словесности въ Академіи Генеральнаго Штаба.

[5]) Такъ въ подлинникѣ: *чювствительнѣе*.

Библиотека "Руниверс"

14 янв[аря] 1864.

Сейчасъ мнѣ знакомый, не бывшій на обѣдѣ, сказалъ, что объ этомъ будетъ моя статья въ газетахъ. Мнѣ это не совсѣмъ пріятно: ждутъ статьи, а напишешь вздоръ; только смѣхъ одинъ. Нельзя ли не печатать этихъ пустяковъ. Вы лучше меня напишите; или если уже мои строки (надѣюсь, приведенныя въ должный порядокъ) будутъ напечатаны, *то пожалуйста безъ всякихъ подписей и начальныхъ буквъ* [1]). Лучше бы показать Галахову: вѣдь онъ профессоръ и москвичъ, онъ выправилъ бы какъ слѣдуетъ, или написалъ бы свое [2]).

Вашъ И. Гончаровъ.

Это второе письмо отъ 14 января 1864 г. было написано, повидимому, нѣсколько часовъ спустя послѣ перваго. Въ немъ обнаруживаются постоянная боязнь Гончарова слишкомъ обратить на себя вниманіе и до болѣзненности развитое авторское самолюбіе. Статья подъ заглавіемъ „Обѣдъ бывшихъ студентовъ московскаго университета“ и безъ подписи автора была напечатана въ газетѣ „Голосъ“, № 15 (15-го января 1864 г.), стр. 3. Она представляетъ собою отчетъ о впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ Гончаровымъ съ этого обѣда, и несмотря на нѣкоторую шаблонность формы полныхъ искренней теплоты и сердечности. Читатель найдетъ въ ней подтвержденіе тѣхъ чувствъ любви и благодарности къ университету, которыя такъ и высказываются на каждой страницѣ его университетскихъ воспоминаній, опубликованныхъ впослѣдствіи въ „Вѣстникѣ Европы“ (1887, кн. 4).

„Не скромное ли, писалъ, между прочимъ, авторъ статьи, если можно такъ выразиться, но справедливое чувство гордости, что университеты вообще и московскій, по старшинству и многочисленности питомцевъ, въ особенности, честно и достойно исполняютъ свое высокое и благородное назначеніе? Честь быть обязану образованіемъ университету—вотъ какая мысль, какое сознаніе стоитъ выше воспоминаній молодости и студенческихъ годовъ, и эта-то мысль и это воспоминаніе, независимо отъ воспоминаній товарищества, разглаживаютъ морщины стариковъ и кладутъ

[1]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

[2]) Бывшіе студенты Московскаго университета собрались, 12-го января 1864 г., праздновать день его учрежденія въ отелѣ Демута. И. А. Гончаровъ при своемъ письмѣ къ А. А. Краевскому препроводилъ статью объ этомъ празднованіи. См. предыдущее письмо отъ того же дня, т. е. отъ 14-го января 1864 г.

Библиотека "Руниверс"

глубокую важную черту на лица юношей въ этихъ собраніяхъ. Не надо быть пророкомъ, чтобы предсказать прекрасную будущность университетамъ; но надо быть очень неблагодарнымъ, чтобы забыть прошедшее и не признать заслуги ихъ передъ Россіей. Общество знаетъ и цѣнитъ эти заслуги, и память объ университетахъ не умерла бы никогда на Руси, если бы у нихъ не было даже ничего впереди. Откуда же эта симпатія въ обществѣ къ университетамъ и къ питомцамъ ихъ, какъ не отъ того благороднаго сознанія, что университетское образованіе было прочнѣйшимъ основаніемъ и цементомъ въ зданіи русской мысли, науки, литературы, общественной жизни? Скептики, можетъ быть, съ улыбкой укажутъ на уклоненія, колебанія, недоразумѣнія въ исторіи университетовъ и университетскаго юношества; назовутъ темныя минуты, случаи... Но въ какой исторіи ихъ нѣтъ? Да, это минуты и случаи, заслуживающіе только улыбки! Но вѣдь университеты наши юны, какъ и все наше государство, какъ и все общество; они зрѣютъ и укрѣпляются наравнѣ съ прочими элементами и силами русской жизни. Пусть же не указываютъ лукаво на трудныя минуты и печальные случаи, забывая многіе и многіе ясные и плодотворные годы!..“

17 февр[аля 1864].

Посылаю Вамъ еще импровизацію о собакахъ, вылившуюся у меня вчера при чтеніи фельетона „Голоса“ [1]: не найдете ли Вы возможнымъ напечатать ее въ числѣ *Петерб[ургскихъ] замѣтокъ* [2] завтра или послѣ завтра. А если не угодно, то бросьте подъ столъ. Я вѣдь пишу не изъ славы, а изъ ревности къ общему благу—и потому еще, что боюсь собакъ. А такъ какъ Дума приглашаетъ къ разсмотрѣнію своихъ проектовъ, то вотъ и мое мнѣніе [3].

---

[1]) Фельетонъ „Голоса“ 16-го февраля 1864 г., на который намекаетъ Гончаровъ, носитъ общее заглавіе „Вседневная жизнь“ и, между многими другими, подзаглавіе „Кое-что о собакахъ новорожденныхъ“. Авторъ обсуждаетъ въ немъ, между прочимъ, вопросъ о необходимости налога на собакъ.

[2]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

[3]) Статья Гончарова появилась въ „Голосѣ“ 19-го февраля 1864 года, № 50, стр. 3. Приводимъ ее здѣсь цѣликомъ, какъ характеризующую Гончарова въ качествѣ обывателя и при томъ обывателя-петербуржца, раздражительнаго, брюзгливаго, страдающаго постоянно отъ разныхъ мелкихъ непріятностей столичной жизни.

„Милостивый государь! къ напечатанному Вами разбору проектовъ петербургской городской думы о собакахъ, позвольте мнѣ сказать только заключеніе объ этихъ проектахъ вообще. Проекты эти такъ сложны, такъ

Библиотека "Руниверс"

Это, полагаю, послѣднее мое мнѣніе о собакахъ. Затѣмъ надѣюсь перейти къ общественнымъ нуждамъ: такъ какъ у меня и у нѣкоторыхъ моихъ сверстниковъ (можетъ быть, и у Васъ тоже) къ старости моча одолѣваетъ и часто приходится всенародно, на улицахъ, обнаруживать человѣческую немочь.

Вашъ И. Гончаровъ.

подробны, что почти заранѣе можно имъ предсказать неуспѣхъ. Чего тутъ нѣтъ: и бюро, и особые чиновники, и книги, и даже упомянуто о способѣ освѣщенія собачьихъ бюро; словомъ, есть все, чтобы запутать дѣло и загромоздить его неудобоисполнимыми формальностями. Прежде сложной и мелочной системы, отъ которой, по нашему характеру, скоро устали бы и блюстители ея, и сама публика, можно бы попробовать употребить два, три простые пріема — сначала къ уменьшенію числа собакъ, потомъ уже къ предупрежденію опасностей отъ тѣхъ изъ нихъ, которыя останутся.

„Въ публикѣ жалуются, и весьма основательно, на множество уличныхъ собакъ, живущихъ по дворамъ, у кучеровъ, дворниковъ, а также около рынковъ и т. п. мѣстъ, и никому, такъ сказать, непринадлежащихъ, потому что, если у нихъ и есть хозяева—дворники, кучера, водовозы и т. п. личности, то, за недосугомъ, они за собаками не смотрятъ. Эти собаки бѣгаютъ свободно по улицамъ, площадямъ, собираются кучами, безпокоятъ прохожихъ, особенно ночью; отъ нихъ вся и бѣда, и испугъ женщинъ и дѣтей, и опасности въ случаѣ бѣшенства. У породистой собаки непремѣнно есть хозяинъ, который за ней смотритъ, одну не пускаетъ и, слѣдовательно, отъ нея рѣдко можно ожидать опасности. Поэтому, на уличныхъ и дворовыхъ собакъ, кажется, прежде всего и слѣдовало бы обратить вниманіе, т. е. сократить или перевести ихъ, и затѣмъ уже не дозволять никому держать собакъ на дворѣ не на привязи, а выбѣгающихъ на улицу, или бѣгающихъ по волѣ, безъ хозяина, немедленно ловить.

„Потомъ всѣхъ хозяевъ породистыхъ собакъ обязать водить ихъ съ собою по улицѣ не иначе, какъ на сворѣ.

„Какъ достигнуть этого, налогомъ ли на собакъ, или какимъ-нибу полицейскимъ распоряженіемъ—не знаемъ, но смѣемъ увѣрить, что настойчивымъ исполненіемъ этихъ простыхъ мѣръ прекратились бы разомъ всѣ жалобы, относящіяся, повторяемъ, единственно къ простымъ уличнымъ и дворовымъ собакамъ, которыя во множествѣ бѣгаютъ по улицамъ и на глазахъ полицейскихъ служителей часто собираются кучами, лаютъ и бросаются на прохожихъ.

„Что касается до намордниковъ, то эта мѣра, конечно, хорошая, но едва ли еще она возможна у насъ. Предписать ее, разумѣется, можно, и даже завести чиновниковъ-наблюдателей можно, и даже штрафныя книги, даже бюро съ освѣщеніемъ, но на дѣлѣ эта мѣра окажется неудобоисполнимою. Сколько жалобъ, ропота, ссоръ возникнетъ на каждомъ шагу! Прежде всего всѣ владѣтели и владѣтельницы мелкихъ, комнатныхъ собакъ возопіютъ, и справедливо, противъ намордниковъ, которые, правду сказать, по росту этихъ собаченокъ, почти и невозможно будетъ надѣвать на нихъ.

„Далѣе, если хозяева большихъ породистыхъ собакъ и будутъ водить ихъ въ намордникѣ по улицамъ, то трудно, даже просто нельзя обязать ихъ дѣлать то же и по дворамъ; а на дворахъ въ Петербургѣ всегда тол-

Библиотека "Руниверс"

19-го февраля 1864 г.

Вчера одинъ близкій пріятель здѣшнихъ англичанъ сказалъ мнѣ, что они готовятъ торжество въ годовщину Шекспира (кажется, 23 апрѣля), и что оно будетъ имѣть даже оффиціальный характеръ, потому что за это горячо взялся лордъ Непиръ [1]). Отъ меня онъ поѣхалъ къ Тургеневу и Боткину: не знаю, выйдетъ ли что-нибудь изъ этого. Во всякомъ случаѣ странно будетъ русскимъ пройти этотъ день молчаніемъ, особенно театру. Такъ какъ Вы болѣе или менѣе прикосновенны къ театру, то не возбудите ли тамъ этотъ вопросъ, а между тѣмъ не хотите ли напечатать гдѣ-нибудь въ мелкихъ извѣстіяхъ entrefilets прилагаемую замѣтку и выпустить бы ее въ пятницу или не далѣе субботы?

До свиданія.

Вашъ Гончаровъ.

Отъ собакъ-то да къ Шекспиру!

Прилагаемая къ письму Гончарова замѣтка была напечатана въ „Голосѣ“, 21-го февраля 1864 г., № 52, стр. 2. Она гласитъ слѣдующее: „Въ Англіи, какъ извѣстно, готовятся большія торжества для ознаменованія *трехсотой годовщины дня рожденія Шекспира*. День этотъ—11-е (23-е) апрѣля нынѣшняго года.

„Носится слухъ, что живущіе въ Петербургѣ англичане также намѣрены почтить (не знаемъ еще, какимъ образомъ) память своего великаго соотечественника. Но это торжество, по преимуществу, конечно, составляющее обязанность англійскаго народа, должно быть также торжествомъ всего образованнаго міра. Русское общество, не смотря на позднее свое развитіе, не смотря на молодость своей литературы и театра, успѣло, однако же, заявить въ замѣчательной

питься много народу, слѣдовательно, опасность отъ укушенія все-таки не отвратится.

„Не лучше ли, поэтому, какъ сказано выше, удовольствоваться пока требованіемъ, чтобы ни одна собака, ни большая, ни маленькая, ни дворная, ни породистая, не появлялась на улицѣ одна, безъ хозяина, и не на сворѣ? Каждый хозяинъ, конечно, знаетъ свою собаку, и если она кусается, то онъ, разумѣется, на привязи всегда удержитъ ее отъ этого.

„Если бы это правило соблюдать настойчиво и строго, и затѣмъ особенно еще настойчивѣе и строже забирать всѣхъ вольныхъ, т. е. свободно, безъ хозяина, бѣгающихъ собакъ, то публика была бы удовлетворена въ значительной степени, и жалобы на безпокойство и опасности отъ собакъ поступили бы въ число исключеній“.

[1]) Lord Francis Napier, тогдашній англійскій посланникъ въ Петербургѣ.

Библиотека "Руниверс"

степени вѣрное пониманіе Шекспира и глубокое, живое сочувствіе къ его генію, и даже опередило въ этомъ, напримѣръ, хоть французовъ, отличавшихся постояннымъ равнодушіемъ, чтобъ не сказать больше, къ великому драматургу.

„Напоминая о предстоящей годовщинѣ дня рожденія Шекспира, прибавимъ, что день этотъ не за горами, и что-бъ если наши театры и литература вознамѣрились ознаменовать этотъ день какимъ-нибудь торжествомъ, то времени для приготовленія остается немного.

„Говорятъ, что здѣшніе англичане рѣшились день торжества перенести на нашъ стиль (т. е. на 23-е апрѣля, на четвергъ святой недѣли), такъ какъ, по ихъ стилю, онъ бы пришелся въ субботу на 6-й недѣлѣ великаго поста".

[1864 г.].

Такъ какъ я поступаю, кажется, въ число постоянныхъ Вашихъ сотрудниковъ, то не худо, если бъ Вы, Андрей Александровичъ, положили мнѣ какое-либо жалованье: и какое разнообразіе: извощики, собаки, музыка, вотъ будутъ въ слѣдующій разъ общественные ..... наконецъ Шекспиръ! Это отъ того такое разнообразіе, что „ничто человѣческое мнѣ не чуждо".

Вотъ еще замѣтка въ entrefilets. Тургеневъ привезъ и издалъ здѣсь написанную госпожею Віардо музыку на русскія слова Пушкина, Фета и самого Тургенева, всего 12 романсовъ, которые конечно произведутъ шумъ, какъ потому, что музыка, говорятъ, восхитительная, такъ и потому, что она писана Віардо-ю.

Нельзя ли помѣстить это завтра, а то такъ ужъ во вторникъ.

Сверхъ того Тургеневъ проситъ, нельзя ли дать ихъ подробно разобрать Вашему музыкальному критику, какому-то Л. П. На сей конецъ онъ Вамъ сегодня же хотѣлъ прислать экземпляръ всѣхъ этихъ романсовъ [1]).

До свиданія!

Вашъ И. Гончаровъ.

---

[1]) Извѣстно по другимъ источникамъ, насколько Тургеневъ заботился объ успѣхѣ романсовъ г-жи Полины Віардо. См. напримѣръ письма къ П. П. Борисову отъ 24-го сентября 1867 г. („Щукинскій Сборникъ", вып. 8, Москва, 1909, стр. 384—385) и къ П. В. Анненкову отъ 19-го января 1869 г. („Русское Обозрѣніе", 1894 года, кн. 3, стр. 20—21). Любезное отношеніе Гончарова къ нему въ такомъ дѣлѣ должно было несомнѣнно способствовать къ примиренію обоихъ бывшихъ друзей, о которомъ свидѣтельствуетъ письмо Тургенева къ Гончарову, помѣченное 14-мъ (26-мъ) марта 1864 г., Paris, rue de Rivoli, 210 (письмо опубликованное А. Н. Гончаровымъ въ „Русской Старинѣ" 1892 г., т. LXXV,

Библиотека "Руниверс"

Замѣтка Гончарова появилась въ „Голосѣ“ 23-го февраля—6 марта 1864 года № 54 стр. 2. Она гласитъ слѣдующее:

Музыка госпожи Віардо на русскія стихотворенія.

„Для любителей пѣнія сообщаемъ интересную новость.—Въ музыкальныхъ магазинахъ только что поступили въ продажу двѣнадцать русскихъ стихотвореній, положенныхъ на музыку госпожею Віардо. Слышавшіе исполненіе этой музыки увѣряютъ, что талантъ нѣкогда любимой пѣвицы блистательно возрождается въ композиціи. Мы надѣемся отдать подробный отчетъ объ этихъ романсахъ, а теперь только скажемъ, что стихотворенія принадлежатъ Пушкину, Фету и Тургеневу: къ нотамъ приложенъ также и нѣмецкій переводъ романсовъ, принадлежащій извѣстному современному поэту, Ф. Боденштету.

Комнатное пѣніе—это особый мірокъ, имѣющій въ общественной жизни огромное значеніе, независимо отъ общаго большаго музыкальнаго міра. Музыкальные дилетанты съ робостью посягаютъ на исполненіе арій изъ большихъ оперъ, боясь на каждомъ шагу невыгоднаго сравненія съ пѣвцами итальянской труппы, романсъ большею частію легче, доступнѣе для исполненія, и по этому, если онъ удаченъ, долго удерживается въ музыкальномъ репертуарѣ гостиныхъ. Еще и теперь поются нѣкоторые романсы Глинки, Варламова, Титова и другихъ; въ послѣднее время, за исключеніемъ какихъ-нибудь двухъ, и то не важныхъ романсовъ, нѣтъ почти ничего, что могло бы удовлетворить въ этомъ отношеніи даже невзыскательнаго любителя пѣнія.

Поэтому, если справедливы слухи о достоинствѣ композиціи госпожи Віардо, она дѣлаетъ неожиданный и богатый подарокъ русскому обществу: вдругъ двѣнадцать романсовъ, которые найдутъ, конечно, почетное мѣсто на всѣхъ фортепьяно, и притомъ надолго“.

21-го февраля 1864 г.

Что касается до Шекспира, то мысль о праздникѣ ему производитъ свое дѣйствіе; кажется, въ литературномъ фондѣ будетъ чрезвычайное засѣданіе комитета, чтобы рѣшить, что дѣлать. А будетъ ли что-нибудь въ театрѣ? Я бы предложилъ англичанамъ

стр. 532, и перепечатанное въ статьѣ М. Ѳ. Супераискаго въ „Вѣстникѣ Европы“ 1908 г., кн. 12, стр. 460): „Благодарю Васъ за помѣщеніе статеечки въ „Голосѣ“, писалъ Тургеневъ Гончарову; будьте такъ добры, не забудьте и „Сѣверной Почты“; а если это сдѣлано, примите мое спасибо“.

Библиотека "Руниверс"

выписать Ольриджа [1]) на этотъ день и дать спектакль любителей съ нимъ, благо онъ гдѣ-то въ Твери или Калугѣ.

4-го мая 1864 г.

Нельзя ли напечатать прилагаемое возраженіе о собакахъ, вѣроятно послѣднее вообще и передъ моимъ отъѣздомъ за границу въ особенности [2])?

---

[1]) Ольриджъ или Ольдриджъ (Ira Frederik Aldridge), родившійся въ Сѣверной Америкѣ негръ, былъ въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія всемірно извѣстнымъ трагикомъ, игравшимъ то въ Лондонѣ, то въ Берлинѣ, то въ Стокгольмѣ, то въ Петербургѣ главныя роли драмъ Шекспира. О характеристикѣ его таланта и о его громадномъ успѣхѣ на петербургской сценѣ, см. напримѣръ восторженные отзывы французскаго писателя Тэофиля Готье въ его воспоминаніяхъ о Россіи (Voyage en Russie, par Théophile Gauthier, Paris, 1867, изд. Charpentier, т. I, гл. XII).

[2]) Возраженіе Гончарова „на проектъ о мѣрахъ противъ бродящихъ по улицамъ собакъ, помѣщенный въ „фельетонѣ“ „Голоса“ № 121, было напечатано въ „Голосѣ“ 6-го мая 1864, № 124, стр. 3.

„Въ воскресномъ нумерѣ „Голоса“ въ фельетонѣ опять жалобы на бродящихъ по улицамъ собакъ—и справедливыя жалобы, и опять толки о средствахъ противъ этого, если не зла, конечно, къ счастію рѣдко случающагося, при укушеніи, то безпокойства и безпокойства безпрестаннаго отъ страха женщинъ, дѣтей, отъ отвратительныхъ сценъ, происходящихъ среди многолюдныхъ улицъ, и проч., и проч., о чемъ много разъ говорено въ газетахъ. А между тѣмъ стаи собакъ бѣгаютъ однѣ по улицамъ, собираются у рынковъ, на площадяхъ, часто лаютъ и бросаются на прохожихъ; дворники, кучера сидятъ въ обществѣ двухъ-трехъ собакъ у воротъ—и мѣръ никакихъ не принимается, вѣроятно потому, что мѣры эти трудны, неудобоисполнимы. Но вотъ кто-то, въ приведенномъ № „Голоса“, нашелъ средство устроить дѣло скоро и просто и предлагаетъ — шесть пунктовъ. Первое—процессъ собиранія налога, второе—наблюденіе, чтобъ ни одна собака безъ намордника не бѣгала на дворѣ и на улицѣ, третье—забираніе, избіеніе собакъ и штрафъ, четвертое, пятое и шестое — завѣдываніе сборами съ собакъ, рѣшеніе особою комиссіею споровъ между сборщиками и хозяевами собакъ и, наконецъ, внушеніе дворникамъ о вредѣ укушенія бѣшеными собаками!

„Будто это просто? Вѣдь это потребовало бы ни болѣе, ни менѣе, какъ организаціи особаго вѣдомства, да наряженіе цѣлаго отряда людей для наблюденія, не выбѣжала ли какая-нибудь собака безъ намордника, не только на улицу, даже на дворъ и т. д. и т. д.?

„Не проще ли, по крайней мѣрѣ на первый разъ, возложить на полицейскихъ же служителей неуклонно забирать попадающихся имъ на каждомъ шагу и бѣгающихъ безъ хозяевъ собакъ по улицамъ, площадямъ и рынкамъ, собакъ, повидимому, никому не принадлежащихъ, кучами иногда лежащихъ у церковныхъ оградъ, у стѣнъ зданій, около скверовъ, рынковъ и т. п.? Если построже употребить эту мѣру, то, кажется, бродящія собаки быстро исчезнутъ съ лица петербургскихъ улицъ, и, пожалуй, за выпускъ

Библиотека "Руниверс"

Хотѣлъ бы я еще похвалить одну помаду, которая препятствуетъ мнѣ быть такимъ сѣдымъ, какъ Вы, и такимъ плѣшивымъ, какъ Водовозовъ [1]), если Вы его знаете, или какъ Барклай де Толли, но этотъ подвигъ я полагаю свершить, вернувшись изъ-за границы, гдѣ обдумаю его основательно.

До свиданія!

Вашъ И. Гончаровъ.

30 декабря [1866 г.].

Чтобы не даромъ получать „*Голосъ*“ [2]) и въ будущемъ году (а я хочу получать его, ибо съ удовольствіемъ только его и читаю), препровождаю къ Вамъ сейчасъ начертанный мной идеалъ Петербурга (для „*Петербургскихъ Отмѣтокъ*“ [2]): если не годится, Вы бросьте его, а „*Голосъ*“ [2]) все-таки присылайте, ибо нужно же цѣнить и доброе намѣреніе, нужды нѣтъ, что исполненіе не удачно. Писалъ я въ торопяхъ и посылаю черновую; обдѣлать некогда, да и боль въ вискахъ (тикъ) не даетъ покоя. Но вѣдь у Васъ есть мастера: дополните и исправьте сами, если есть время.

собаки, одной, безъ присмотра, если на нее кто-нибудь изъявитъ требованіе, кромѣ отобранія самой собаки, наложить еще штрафъ, положимъ, въ рубль серебромъ, какъ наложенъ теперь за куреніе сигаръ на улицѣ? Главное зло, т. е. множество бродящихъ по улицамъ собакъ, сейчасъ же устранится, ибо всякій, кто дорожитъ своей собакой, зная, что если она выбѣжитъ одна, то ее заберутъ, какъ, бывало, дѣлывала полиція, лѣтъ 10, 15 назадъ, конечно, посмотритъ за ней и не пуститъ безъ себя или безъ надежнаго человѣка.

„Проектъ, предложенный въ шести пунктахъ, конечно, не дуренъ, еслибъ онъ могъ быть приведенъ буквально въ исполненіе: но мы боимся, что онъ встрѣтитъ множество затрудненій, споровъ, непріятныхъ столкновеній по поводу хоть бы забиранія и избіенія породистыхъ собакъ, при трудности наблюденія за собакой, чтобы она на минуту не выскочила на дворъ безъ намордника. Да и самые намордники, въ глазахъ многихъ хозяевъ, будутъ равняться запрещенію имѣть собакъ, особенно маленькихъ комнатныхъ Жужу, Ами и прочихъ баловней „прекраснаго пола“, безвредныхъ, и потому не имѣющихъ надобности ни въ какомъ намордникѣ. Если ужъ непремѣнно нужно простереть мѣры предосторожности и на породистыхъ, особенно комнатныхъ мелкихъ собакъ, то довольно было бы, кажется, обязать хозяевъ и хозяекъ ихъ не выводить этихъ собакъ на улицу безъ снурка, подъ опасеніемъ наложенія рублеваго штрафа“.

[1]) Василій Ивановичъ Водовозовъ, преподаватель словесности въ 1-ой Петербургской гимназіи, авторъ „Новой русской литературы“ (Спб., 1866), „Словесности въ образцахъ и разборахъ“ (Спб., 1868) и особенно „Очерковъ изъ русской исторіи XVIII вѣка, съ приложеніемъ очерковъ изъ древнерусской жизни и изъ исторіи до-петровскаго переходнаго времени“ (Спб., 1882). О немъ см. „В. И. Водовозовъ“ В. И. Семевскаго (Спб., 1888).

[2]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

Библиотека "Руниверс"

Кажется, если эта статья обдѣлается какъ слѣдуетъ, ее бы кстати было помѣстить въ самый Новый Годъ, въ видѣ введенія, такъ сказать, въ отдѣлъ „*Петербургскихъ Отмѣтокъ*“ [1]) на 1865-й годъ. Впрочемъ какъ пожелаете, такъ и сдѣлайте, и повторяю, если не годится, то бросьте.

Желаю Вамъ счастливаго Новаго Года и остаюсь всегда

Вашъ И. Гончаровъ.

Статья Гончарова была помѣщена въ первомъ номерѣ „Голоса“ за 1865 (1-го января 1865 г.), № 1, стр. 3, съ слѣдующей запиской редакціи: „Мы получили, на новый годъ, отъ „одного изъ нашихъ читателей“ статейку, съ требованіемъ помѣстить ее непремѣнно въ первомъ номерѣ газеты на 1865 годъ, какъ введеніе къ будущимъ „Петербургскимъ отмѣткамъ“. Исполняемъ его желаніе“. Статья гласитъ слѣдующее:

„Я, нижеподписавшійся читатель, очень доволенъ вашими „Петербургскими Отмѣтками“, какъ, вѣроятно, довольна и большая часть читателей, за исключеніемъ, можетъ быть, тѣхъ, на кого въ „Отмѣткахъ“ падаютъ упреки въ нерадѣніи къ общественной пользѣ. Этотъ отдѣлъ въ газетѣ, постоянно, изо дня въ день, слѣдящій за движеніемъ и, большею частью, за неправильностями и ошибками внѣшней, публичной, почти, такъ сказать уличной жизни со всѣми ея мелкими отправленіями, оказываетъ обществу не маловажную, въ своемъ родѣ услугу. Это не faits divers, выхватывающія только необыкновенныя явленія: въ цѣломъ годѣ подобныхъ замѣтокъ почти каждый читатель найдетъ свой собственный интересъ, который онъ раздѣляетъ и которому долженъ содѣйствовать. Большинства читателей не коснется близко ни итальянская конвенція, ни посланіе папы, ни поползновенія Пруссіи на Шлезвигъ-Голштейнъ: это займетъ любознательность скромнаго меньшинства, заставитъ потолковать о событіяхъ, но покойно и равнодушно—тогда какъ рѣдкій читатель во вседневной жизни не встрѣтитъ такого явленія въ „Петербургскихъ Отмѣткахъ“, которое лично его обрадуетъ или опечалитъ, или, наконецъ, наведетъ на полезную, практическую мысль объ удобствѣ, улучшеніи его житья-бытья, объ устраненіи безпорядка и т. п. Словомъ „Отмѣтки“—отдѣлъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, поучительный. Я, читатель, отнюдь не принимаю этихъ многочисленныхъ практическихъ замѣтокъ обо всемъ (полагаю, что и другіе тоже) только за намѣреніе доводить до свѣдѣнія тѣхъ, кому вѣдать надлежитъ, о разныхъ нарушеніяхъ полицей-

[1]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

Библиотека "Руниверс"

скаго порядка, о совершающихся на улицахъ и въ разныхъ публичныхъ мѣстахъ безобразіяхъ и проч.; это, кажется мнѣ, только одна изъ цѣлей „Отмѣтокъ“, и притомъ не главная. Городскія власти получаютъ донесенія своимъ путемъ и рѣдко нуждаются въ пособіи печатнаго органа. Нѣтъ, цѣль „Отмѣтокъ“, какъ и вообще цѣль гласности—доводить о явленіяхъ, нуждахъ, интересахъ общественной жизни до всеобщаго свѣдѣнія, съ цѣлью будить общее стремленіе къ лучшему порядку. Не знаю, какъ дѣлается у васъ въ газетѣ, но мнѣ кажется, что въ отдѣлѣ городскихъ отмѣтокъ не должно быть одного особаго сотрудника, составителя замѣтокъ: всѣ, въ свою очередь, обязаны быть авторами вкладчиками этого отдѣла; всякій конечно найдетъ чему поучить и чему поучиться въ дѣлѣ общественнаго порядка; редакція газеты обязана только заниматься сортировкою сообщаемыхъ извѣстій. И годъ, два такихъ общихъ наблюденій надъ событіями, годъ, два заявленій общественныхъ нуждъ, указаній на улучшенія разъяснятъ и обработаютъ не мало вопросовъ городской жизни и могутъ, конечно, служить важнымъ пособіемъ для тѣхъ „кому о томъ вѣдать надлежитъ“.

„На это, можетъ быть, возразятъ, что вотъ годъ прошелъ, въ отдѣлѣ „Отмѣтокъ“ внесено много указаній на безпорядки, заявлено много желаній объ удобствахъ публики, а между тѣмъ все идетъ по-прежнему, никто и ухомъ не ведетъ. Рысаки все еще мчатся и иногда давятъ прохожихъ; извощики безобразничаютъ; пьяные бранью и крикомъ наполняютъ улицы и приводятъ въ ужасъ женщинъ; собаки стаями носятся по улицамъ и площадямъ; воры продолжаютъ прокрадываться въ дома, а воришки въ карманы честныхъ людей; городовые съ тою же апатіей, не слушаясь и не суетясь, созерцаютъ эти городскія треволненія—и слѣдовательно, немногое измѣнилось противъ прежняго.

„На это можно возразить, во-первыхъ, что годъ или два невелика сумма времени, и едва-ли даже ея достаточно не только чтобъ расшевелить заботливость шестисот-тысячнаго населенія о его собственной пользѣ, но даже мало этого времени и для того, чтобъ разрозненныя понятія объ этой пользѣ привести въ одно общее сознаніе; во-вторыхъ, если вода долбитъ камень, то не надо отчаяваться въ безнадежности дворниковъ, городовыхъ, извощиковъ, не говоря уже о домохозяевахъ и другихъ, менѣе каменныхъ натурахъ, для которыхъ слово не все будетъ падать на каменистую почву.

„Не будемъ щадить словъ, наблюденій, замѣчаній, какъ бы мелки и неважны ни казались поводы къ тому; не устанемъ по-

Библиотека "Руниверс"

вторять даже одно и то же по нѣскольку разъ, и я увѣренъ, кончится тѣмъ, что мы пробьемъ камень и пройдетъ лѣтъ пятокъ, много десятокъ—мы и не узнаемъ нашего Петербурга и будемъ гордиться имъ, какъ французы Парижемъ, англичане Лондономъ.

„Какая переспектива въ будущемъ! Позволю себѣ помечтать, на сколько это возможно въ отдѣлѣ „Петербургскихъ Отмѣтокъ".

„Петербургъ—идеально чистый, идеально тихій (не въ смыслѣ сонный—тихій), блещущій изяществомъ и манящій къ себѣ иностранцевъ удобствами.

„Мостовая, напримѣръ, представляетъ не какое-то дырявое рѣшето съ провалами, горбами, грудами валяющихся другъ на другѣ камней, а вся изъ плитъ, какая давно къ лицу Петербургу. На площадяхъ лѣтомъ нѣтъ кучъ пыли, которая при малѣйшемъ вѣтрѣ носится облаками. Въ домахъ дворникъ, какъ парижскій portier, безсмѣнно присутствуетъ на своемъ постѣ у воротъ, и при томъ, безъ двухъ, трехъ собакъ около себя, и не даетъ блуждать посѣтителямъ, а съ ними вмѣстѣ и ворамъ, по пустыннымъ и неосвѣщеннымъ лѣстницамъ, а въ кварталъ съ паспортами, и за водой, и въ лавочку будетъ отлучаться не онъ, а другой и, такимъ образомъ, домъ не будетъ предаваться изволенію судьбы. Точно также другая личность, или даже многія личности, можетъ быть и не принадлежащія къ тому или другому дому, а зависящія отъ городской думы или подобнаго учрежденія, будутъ мести улицы, скрести тротуары и зимой (непремѣнно) посыпать ихъ пескомъ. Пьяные лишатся навсегда привилегіи выносить безнаказанно свое безобразіе на улицу и показывать его всенародно, оскорбляя дикими, неистовыми воплями и отвратительною бранью зрѣніе и слухъ трезваго общества; состраданіе къ пьянымъ—этотъ откупной сентиментализмъ,—уже старая добродѣтель—не будетъ имѣть мѣста, и появленіе пьянаго на улицѣ, а тѣмъ болѣе съ нарушеніемъ приличія, будетъ чрезвычайно рѣдкимъ исключеніемъ. Извощики съ порожними дрожками и санями не будутъ сонно ползать взадъ и впередъ по улицамъ, мѣшая быстро-ѣдущимъ экипажамъ, и тѣмъ затрудняя циркуляцію ѣзды, а иногда подавая поводъ къ несчастнымъ случаямъ; не будутъ также они бросаться, каждый съ своего мѣста, крутя возжей надъ головою, когда ихъ кликнетъ сѣдокъ, и скакать къ нему, сломя голову, не замѣчая прохожихъ, какой-нибудь старухи, ребенка—а будутъ стоять въ извѣстныхъ указанныхъ мѣстахъ и ждать терпѣливо сѣдоковъ. Думаешь, что и число извощиковъ поуменьшится, что такъ называемыхъ пролетокъ и гитаръ не будетъ вовсе, а замѣнятъ ихъ общественныя кареты и коляски. Собаки не только не будутъ сно-

Библиотека "Руниверс"

вать взадъ и впередъ стаями по улицамъ, толпиться кучами у воротъ, на дворахъ, но ни одна собака не появится на улицѣ безъ своры и безъ хозяина, и лишнія собаки всѣ изчезнутъ, а если и выбѣжитъ на улицу одна изъ нихъ, то ее сейчасъ же уберутъ, а съ хозяина взыщутъ штрафъ. И все это непремѣнно и не упустительно, ибо только при непремѣнности и неупустительности исполненія установленій и возможенъ тотъ идеалъ наружнаго городскаго порядка, который мы чертимъ смѣлой и увѣренной рукой.

„Сколькими мелкими, пріятными удобствами оживится и улучшится наружный видъ нашихъ улицъ! Не будетъ, напримѣръ, на каждомъ шагу, грязныхъ угловъ и уголковъ у воротъ и стѣнъ домовъ: такіе уголки скроются отъ глазъ маленькими павиліонами — будками, какъ въ Парижѣ и Лондонѣ... Черезъ каналы (какъ недавно кто-то основательно подалъ голосъ въ „Петербургскихъ Отмѣткахъ“, спасибо ему!) во многихъ мѣстахъ перекинутся красивые пѣшеходные мостики. Не будетъ также надобности (такъ какъ пьяныхъ станутъ убирать съ улицъ) загораживать входы въ магазины желѣзными рѣшетками, значительно уменьшающими во многихъ мѣстахъ тротуары. Будутъ чистить зимой снѣгъ со ступеней не только Аничкова, но и Харламова даже Кокушкина мостовъ, такъ что пѣшеходы въ состояніи будутъ ходить по самымъ этимъ ступенямъ, а не посрединѣ моста: тутъ же кстати будутъ очищать сходы и съѣзды на каналы, и поправятъ сдвинутыя еще наводненіемъ 1824 года съ своихъ мѣстъ тротуарныя плиты на каналахъ. Нечего и говорить, что казенные дома и общественныя зданія, отличающіяся теперь замѣчательною небрежностью, будутъ подавать примѣръ чистоты, тщательнаго порядка какъ въ наружномъ, такъ и во внутреннемъ содержаніи и т. д., и т. д. Самый юный и самый пылкій юноша, даже только что вставшій со школьной скамьи, обладающій первыми рысаками въ городѣ, проникнутый сознаніемъ общественной безопасности, посовѣстится, какъ какъ бы ни была обольстительна женщина, за которою онъ погонится не только по Невскому Проспекту, но и по другимъ, малопроѣзжимъ улицамъ, скакать сломя голову и давить прохожихъ. Онъ даже, не краснѣя, не допуститъ и мысли, что блюститель порядка — только унтеръ-офицеръ, и потому остановить его не посмѣетъ!“.

„Можно было бы продолжать заявленіе этихъ желаній—но если нѣтъ предѣла имъ, то есть предѣлы статьѣ, и потому мы здѣсь кончимъ, желая, чтобъ съ новымъ годомъ, или въ новомъ году осуществилась хоть не большая доля ихъ. Вѣдь это не мечты же въ самомъ дѣлѣ, а наши вопіющія нужды, удовлетворенія

Библиотека "Руниверс"

которыхъ мы должны ожидать другъ отъ друга, отъ самихъ себя!

„Власти въ этихъ дѣлахъ посредники, помощники, и отнюдь не начинатели; во всемъ этомъ иниціатива предоставлена публикѣ. Если она нуждается въ лучшемъ порядкѣ, она же должна сама проникнуться любовью къ нему, первый шагъ къ этому—сознаніе въ ошибкахъ и недостаткахъ, второй—въ строгомъ исполненіи нѣкоторыхъ условій порядка. Прежде всего виноваты мы сами, т. е. публика же, что выпускаемъ пьяныхъ на улицы, не бережемъ входы въ дома, допускаемъ нечистоту и проч., и проч.

„Сдѣлаемъ же что-нибудь сами, посмотримъ за собой, а потомъ уже будемъ желать, чтобъ блюстителей порядка было побольше, чтобъ власть ихъ была дѣйствительнѣе и сильнѣе, чтобъ знакъ или слово съ ихъ стороны, по примѣру англійскихъ полисменовъ [1]), оказывали магическую силу на провинившагося и чтобъ ихъ поддерживало съ своей стороны и само общество".

Одинъ изъ читателей.

2-го марта 1865 г.

Конечно я долженъ, наравнѣ съ другими изъ пишущей братіи, участвовать въ праздникѣ Ломоносову [1]) и потому готовъ быть и на обсужденіи программы и на обѣдѣ—и если не буду, только въ случаѣ болѣзни, о чемъ и имѣю честь Вамъ доложить.

Я въ одно изъ воскресеній былъ у Васъ, но швейцаръ меня и въ двери не пустилъ, сказавши, что Вы даже не можете *сидѣть* [2]).

До свиданія.

Вашъ И. Гончаровъ.

9 марта 1865 г.

Вотъ не хотите ли, Андрей Александровичъ, помѣстить прилагаемую *Петерб[ургскую] отмѣтку* [3]) (опять о собакахъ, опять о пти-

[1]) Ср. то, что пишетъ Гончаровъ въ „Фрегатѣ Паллада" о своихъ наблюденіяхъ надъ англійскими порядками: „Съ любопытствомъ смотрю, какъ столкнутся двѣ кухарки, съ корзинами на плечахъ, какъ несется нескончаемая двойная, тройная цѣпь экипажей, подобно рѣкѣ, какъ изъ нея съ неподражаемою ловкостью вывернется одинъ экипажъ и сольется съ другою нитью, или какъ вся эта цѣпь мгновенно онѣмѣетъ, лишь только *полисменъ* съ тротуара подниметъ руку" (Полное собраніе сочиненій И. А. Гончарова, изд. Маркса, Спб., 1899, т. V, стр. 49, „Фрегатъ Паллада", т. I, гл. I).

[2]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.—Рѣчь идетъ въ этомъ письмѣ о столѣтнемъ юбилеѣ со дня смерти М. В. Ломоносова (4-ое апрѣля 1765 г.).

[3]) „Петербургская отмѣтка" Гончарова о собакахъ, о птицахъ и о грязи была напечатана въ № 70 „Голоса" за 1865 г. (11-го марта), стр. 3. „Те-

Библиотека "Руниверс"

цахъ и еще о грязи)? Если Вамъ покажется, что Вы уже довольно говорили объ этомъ обо всемъ, или почему-нибудь другому не будетъ годиться, то разорвите и бросьте. А если захотите помѣстить, то

перь о собакахъ. Онѣ продолжаютъ наполнять улицы, дворы, площади и часто безпокоятъ прохожихъ и проѣзжихъ, пугаютъ женщинъ, дѣтей (это мы не устанемъ повторять на зло критиканамъ). Иногда, впереди экипажа несется бульдогъ и пугаетъ встрѣчныхъ; въ другой разъ, водовоза, ѣдущаго съ бочкой, сопровождаетъ одна, двѣ собаки, которыя рыщутъ взадъ и впередъ по тротуарамъ, по улицѣ, лаютъ на прохожихъ, стараются хватать за морды лошадей, а хозяинъ ихъ еще наускиваетъ, свиститъ. Вотъ надъ чѣмъ надо шутить: этого нигдѣ нѣтъ; никто не станетъ терпѣть безпокойство отъ того, что другому вздумается поохотиться съ собаками по улицамъ большаго города. А вотъ это уже заслуживаетъ не шутки, когда, на дняхъ, двѣ дѣвочки, лѣтъ четырехъ и пяти, въ виду всей улицы, съ отчаяннымъ крикомъ и слезами, едва-едва успѣли убѣжать отъ гнавшейся за ними съ лаемъ собаки и скрыться на паперти церкви. Народъ, т. е. нѣсколько мужиковъ и солдатъ, смѣялись и тоже шутили надъ дѣвочками, и дѣвочкамъ этимъ можетъ-быть не поздоровилось отъ испуга и криковъ. Скоро ли, хотя одно вѣрное средство изъ многихъ, давно обѣщанныхъ, положитъ конецъ этому нетерпимому ни въ какомъ благоустроенномъ городѣ размноженію собакъ и всѣмъ безобразнымъ безпокойнымъ явленіямъ, отъ нихъ происходящимъ?

„Самымъ дѣйствительнымъ способомъ была бы, кажется, пошлина. Съ наложеніемъ ея, сразу исчезли бы съ улицъ и дворовъ всѣ лишнія, т. е. бездомныя, никому не принадлежащія собаки, или принадлежащія хозяевамъ, которымъ, по образу жизни ихъ, трудно наблюдать, чтобъ онѣ не бѣгали вездѣ однѣ, напримѣръ, дворникамъ, кучерамъ и проч. Въ намордники что-то не вѣрится: непремѣнно стали бы поддѣлывать такіе, которые имѣли бы установленную форму, а между тѣмъ не стѣсняли бы собаку и не мѣшали бы ей лаять и кусаться.

„Жалобы на безпокойство отъ собакъ настойчиво повторяются со всѣхъ сторонъ, и „Петербургскія отмѣтки“ служатъ только настойчивымъ выраженіемъ этихъ жалобъ.

— Съ наступленіемъ (можетъ-быть, судя по морозамъ на дворѣ, еще отдаленнымъ), весны, напомнимъ публикѣ, что скоро появятся обычные спекуляторы, промышляющіе свободою птицъ. По улицамъ и по дворамъ пойдутъ ходить мужики съ клѣтками, въ которыхъ натискано множество маленькихъ крошекъ, съ связанными крыльями, еле-живыхъ, которыхъ продавцы жалобнымъ голосомъ предлагаютъ выпустить на волю. Это варварская спекуляція, по большей части птицы уже заморены, не въ состояніи летать и достаются въ жертву кошкамъ или околѣваютъ гдѣ-нибудь въ кустахъ. Хоть бы продавцы, при выпускѣ птицъ, не забывали, по крайней мѣрѣ, развязывать имъ крылья. Напоминая объ этомъ жестокомъ обращеніи съ маленькими, невинными тварями, мы, правду сказать, не имѣемъ въ виду никакого практическаго средства помѣшать злу. Образумить продавцевъ, убѣдить не только не ловить для продажи на волю птицъ, но хоть бы даже не набивать ихъ биткомъ въ клѣтку, не связывать имъ крылья — надежды нѣтъ; рекомендовать не покупать ихъ спекулян-

Библиотека "Руниверс"

напечатайте не въ видѣ письма отъ читателя, какъ Вы это дѣлали прежде, а прямо отъ самой редакціи, тѣмъ болѣе что тутъ защищается *Голосъ* [1]) противъ новой газеты.

Еще вотъ что: не забудьте въ торжество Ломоносову включить *Павла Никитича Меншикова* [2]), изъявившаго желаніе участвовать, и въ свое время дать ему знать о времени и мѣстѣ и проч.

Да вотъ онъ что говоритъ: что на Святой недѣлѣ панихидъ не служатъ, развѣ только случится настоящій покойникъ, котораго по неволѣ приходится хоронить, а что *во вторникъ на Ѳоминой недѣлѣ* [1]) происходитъ общее по всей Россіи поминовеніе усопшихъ: такъ не будетъ ли отнесено празднество на этотъ день?

А гдѣ будутъ праздновать, всего бы приличнѣе въ залахъ Академіи: давали же тамъ юбилей князю Вяземскому; а если не тамъ, то нельзя ли въ залахъ Публичной Библіотеки? Это мнѣ такъ на умъ взбрело и я передаю Вамъ, на всякій случай, къ свѣдѣнію.

Вашъ
И. Гончаровъ.

А. А. Мазонъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

товъ—тоже безполезно; слѣдовательно, остается, по заявленію, передъ общественнымъ вниманіемъ, самого факта, ждать, что сама публика взглянетъ пристальнѣе на это мелкое явленіе, замѣтитъ безполезное варварство продавцевъ и перестанетъ поощрять ихъ промыселъ.

„Не можемъ не выразить надежду, что, съ предстоящей въ скоромъ времени распутицей, съ непроходимой грязью и лужами, сдѣлано будетъ что-нибудь въ пользу пѣшеходовъ, т. е. по главнымъ улицамъ будутъ прочищены тропинки, которыя позволяли бы пѣшимъ кое-какъ пробираться съ одной стороны улицы на другую, не теряя галошъ и не уходя по колѣни въ грязь. Желать этого—значитъ желать не прихоти, а необходимаго удобства".

[1]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

[2]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.—О Павлѣ Никитичѣ Меншиковѣ см. „Записки и дневникъ" А. В. Никитенки, т. II. Спб., 1905, стр. 354 (6-го января 1868 г.): „Обѣдалъ у Павла Никитича Меншикова. Раза два въ годъ онъ даетъ своимъ пріятелямъ лукулловскіе обѣды. Для меня это, какъ говорится, кормъ не въ коня, но я не могъ уклониться отъ безгранично ласковаго, радушнаго приглашенія".

Библиотека "Руниверс"

Николай Михайловичъ Пржевальскій [1]).

Третье путешествіе въ Центральной Азіи.

Въ двадцатыхъ числахъ мая 1878 года Н. М. Пржевальскій прибылъ уже въ Петербургъ. Всѣ доктора, къ которымъ онъ обращался, находили, что болѣзнь его происходила, главнымъ образомъ, отъ нервнаго разстройства, вызваннаго общимъ утомленіемъ организма. Наилучшее лекарство, говорили они, купанье и жизнь въ деревнѣ, „чему я очень радъ, прибавилъ Николай Михайловичъ. Изъ Питера проѣду прямо въ Отрадное, не останавливаясь въ Смоленскѣ“...

Отдыхая въ деревнѣ, онъ былъ порадованъ вниманіемъ Запада: Парижское Географическое общество прислало Николаю Михайловичу золотую медаль, назначенную за прошлую экспедицію, а изъ Германіи извѣщали его о присужденіи ему Берлинскимъ Географическимъ обществомъ большой золотой медали имени Гумбольдта. Медаль эта была учреждена обществомъ по случаю его пятидесятилѣтняго юбилея, и первый, кто удостоился ее получить, былъ Н. М. Пржевальскій за совокупность его ученыхъ изслѣдованій въ Центральной Азіи. Впослѣдствіи, предсѣдатель общества, Н. Г. Нахтигаль, въ письмѣ къ нашему путешественнику, между прочимъ, писалъ:... „Вы отправились на совершеніе новыхъ подвиговъ и во время продолжительнаго и опаснаго путешествія собрали свѣжіе лавры, раньше чѣмъ мы успѣли вплести скромный нашъ листокъ въ вашъ славный вѣнецъ“...

[1]) См. „Русск. Стар.“ февраль 1912 г.

Библиотека "Руниверс"

„Моя брошюра о Лобъ-норѣ, сообщалъ Николай Михайловичъ Пыльцову, встрѣчена чрезвычайно сочувственно за границею. Уже переведена на нѣмецкій и англійскій языки, со всевозможными меня восхваленіями. Первый томъ моей Монголіи, переведенный на англійскій языкъ, продается въ Питерѣ за 24 рубля. Расходы по изданію въ Лондонѣ всѣ окупились, и мнѣ прислали еще изъ Лондона 190 рублей—половину чистой прибыли, до сихъ поръ полученной.—У насъ же второго тома раскуплено только сорокъ экземпляровъ".

Деревенское приволье значительно возстановило силы Николая Михайловича, но къ сожалѣнію лѣто того года было холоднымъ и дождливымъ. Несмотря на то онъ ежедневно купался или обливался холодною водою, охотился и, какъ говорилъ, безусловно ничѣмъ не занимался — думалъ одну только думу, о путешествіи, и составлялъ проектъ экспедиціи въ Тибетъ.

Къ удовольствію Н. М. Пржевальскаго попытки англичанъ проникнуть въ Тибетъ изъ Индіи не увѣнчались успѣхомъ. Остъ-индское геодезическое бюро посылало лишь пундитовъ — обученныхъ географіи и съемкѣ индусовъ, чтобы получить общія свѣдѣнія объ этой недоступной странѣ. Тибетъ держался совершенно обособленно и зависимость его отъ китайскаго правительства выражалась одними подарками, посылаемыми изъ Лхасы въ Пекинъ.

„Между тѣмъ, писалъ Пржевальскій, духовное владычество Далай-ламы, не уступая по силѣ средневѣковой власти папъ, широко раскидывается по всей внутренней, восточной и южной Азіи. На поклоненіе своему духовному владыкѣ, даже болѣе—воплощенному божеству, ежегодно стекаются въ Лхасу многія тысячи пилигримовъ изъ холодныхъ пустынь Монголіи и изъ жаркихъ странъ Индо-Китая. У далай-ламскаго престола сталкиваются люди чуждые другъ другу по происхожденію и языку, по нравамъ и образу жизни. Общее для нихъ только одно—религія; но эта пружина, какъ учитъ исторія, достаточно сильна бываетъ для того, чтобы двинуть массы даже на историческій подвигъ. Правда, кроткій буддизмъ едва ли способенъ сдѣлать то, что сдѣлало магометанство, но все-таки въ опытныхъ и талантливыхъ рукахъ духовная власть, располагающая 250-ю милліонами послѣдователей, составляетъ силу страшную. Въ сближеніи съ этою силою Россія можетъ найти для себя немаловажныя выгоды. Обстоятельства намъ вполнѣ благопріятствуютъ: изолированный Тибетъ пока еще не имѣетъ друзей; русское имя въ самой глубинѣ Азіи пользуется симпатіею; наконецъ, вблизи

Библиотека "Руниверс"

нашей границы и подъ большимъ нашимъ вліяніемъ находится городъ Урга, священный для буддистовъ и въ особенности для монголовъ. Эти послѣдніе душою ненавидятъ китайцевъ и подобное настроеніе трехъ милліоновъ номадовъ, при случаѣ, можетъ также пригодиться въ нашу пользу".

Тибетъ вообще представлялъ громадный научный интересъ, такъ какъ былъ совершенно неизвѣстенъ въ географическомъ, естественномъ и этнографическомъ отношеніяхъ. Вотъ почему Н. М. Пржевальскій сосредоточилъ все свое вниманіе на Тибетѣ, и осенью того же года представилъ въ Географическое общество проектъ тибетской экспедиціи съ наличнымъ персоналомъ въ двѣнадцать человѣкъ и съ расходомъ на два года,—двадцать восемь тысячъ рублей. Въ эту цифру не включались: прогоны, содержаніе по службѣ и такъ называемые непредвидѣнные расходы. „Считаю также долгомъ оговорить, писалъ Пржевальскій, что въ общій разсчетъ включены только обыкновенные подарки, какъ-то: часы, ружья, револьверы, зеркала и т. п. Если же правительство желаетъ послать Далай-ламѣ, его сподручнику Бань-чэн-эрдени, равно и китайскому резиденту въ Лхасѣ, какія либо цѣнныя вещи, то ихъ покупка должна быть произведена изъ особыхъ средствъ"...

Окончательное утвержденіе экспедиціи зависѣло отъ возвращенія Государя изъ Крыма, но въ принципѣ она была уже предрѣшена. „Нельзя не признать, писалъ при этомъ предсѣдатель географическаго общества Великій Князь, что однимъ изъ главныхъ дѣятелей нашего времени на поприщѣ изученія Центральной Азіи является полковникъ Пржевальскій. Его научныя заслуги высоко оцѣнены всѣми русскими учеными учрежденіями, увѣнчаны рядомъ самыхъ почетныхъ наградъ на Западѣ и, безъ сомнѣнія, заслуживаютъ всякаго поощренія и поддержки со стороны правительства".

Собираясь въ новое путешествіе, Николай Михайловичъ старался пріискать себѣ второго сотрудника, что было очень не легко. Спутникъ долженъ быть истиннымъ помощникомъ, близкимъ другомъ, и если человѣкъ не соединяетъ въ себѣ такихъ качествъ, то, конечно, не годится для экспедиціи, гдѣ „каждый лишній человѣкъ, говоритъ Пржевальскій, становится обузою, въ особенности, если онъ не удовлетворяетъ вполнѣ требованіямъ экспедиціи. Въ длинномъ ряду этихъ требованій, далеко не на послѣднемъ мѣстѣ стоятъ нравственныя, или вѣрнѣе, сердечныя качества. Сварливый, злой человѣкъ будетъ неминуемо великимъ несчастіемъ въ экспедиціонномъ отрядѣ, гдѣ должны царить дружба и братство, рядомъ съ безусловнымъ подчиненіемъ руководителю дѣла".

Библиотека "Руниверс"

Долго Пржевальскій колебался, кого взять—желающихъ являлось много, военныхъ и статскихъ, и, наконецъ, остановился на товарищѣ Эклона по гимназіи, прапорщикѣ Новочеркасскаго полка Всеволодѣ Ивановичѣ Роборовскомъ. При первомъ же знакомствѣ, послѣ нѣсколькихъ словъ, Николай Михайловичъ нашелъ въ немъ спутника вполнѣ подходящаго. „Человѣкъ весьма толковый, писалъ онъ одному изъ своихъ друзей, порядочно рисуетъ и знаетъ съемку, характера хорошаго, здоровья отличнаго". Пржевальскій тотчасъ же донесъ о своемъ избраніи главному штабу, и 14 декабря (1878 г.) послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе на командированіе полковника Пржевальскаго, прапорщиковъ Эклона и Роборовскаго, четырехъ казаковъ и трехъ солдатъ, въ Тибетъ на два года.

Отправляясь въ Тибетъ, Николай Михайловичъ сознавалъ всю трудность и сложность предпринимаемой задачи. Тибетъ—это страна, ревниво оберегаемая китайцами отъ всякаго вторженія иностранцевъ, а въ особенности европейцевъ, и китайское правительство не охотно допускаетъ въ него путешественниковъ. Въ предыдущей статьѣ мы упоминали о препятствіяхъ, чинимыхъ китайскими министрами при первомъ извѣстіи о приближеніи Пржевальскаго къ Тибету, теперь же въ рукахъ его были новыя свѣдѣнія, свидѣтельствовавшія, что и въ предстоявшемъ путешествіи будетъ не легче. „Населеніе Тибета, говорили китайскіе министры, издавна и постоянно не желаетъ видѣть въ своей странѣ чужеземцевъ и держится этой мысли твердо, не поддаваясь никакимъ убѣжденіямъ".

Полагаясь только на свое счастіе, Николай Михайловичъ, двадцатаго января 1879 года, выѣхалъ изъ Петербурга, а двадцать седьмого февраля уже прибылъ въ Зайсанъ. „Особыхъ приключеній дорогой не было, писалъ онъ, только донимали насъ сильные морозы. Въ Оренбургѣ, Омскѣ и Семипалатинскѣ останавливались по нѣсколько дней.—Въ Зайсанѣ я засталъ Коломейцева [1]), которому Н. А. Сѣверцовъ до сихъ поръ не высылалъ ни копейки денегъ. Бѣдный Коломейцевъ былъ кругомъ въ долгу. Я взялъ его съ собою въ экспедицію...

„Глубокій снѣгъ, выпавшій въ нынѣшнемъ году, въ Зайсанской степи не растаялъ еще до сихъ поръ, и это обстоятельство затормозило наше выступленіе въ путь. Впрочемъ, въ настоящее время снѣгу не много, такъ что, дня черезъ три или четыре, мы, вѣроятно, уйдемъ изъ Зайсана.

---

[1]) Отставной унтеръ-офицеръ л.-гв. Преображенскаго полка, сопутствовавшій Н. А. Сѣверцова по Туркестану и Г. Н. Потанина по сѣверо-западной Монголіи.

Библиотека "Руниверс"

„Теперь птицы дѣлаются двумя препараторами, Эклономъ и Коломейцовымъ. Въ Зайсанѣ сдѣлали около тридцати пяти штукъ—все мелочь. Хорошихъ экземпляровъ достать здѣсь негдѣ по близости, а ѣхать въ даль, въ горы, мѣшаетъ снѣгъ".

Персоналъ экспедиціи, включая сюда и проводника, опредѣлился въ четырнадцать человѣкъ. На случай представленія китайскимъ властямъ, везлись мундиры для офицеровъ, а нижнимъ чинамъ были сшиты изъ плиса русскіе костюмы. Каждый изъ членовъ экспедиціи имѣлъ винтовку за плечами и два револьвера у сѣдла... „Умѣнье хорошо стрѣлять, говоритъ Н. М. Пржевальскій, стояло вопросомъ первостепенной важности—это была гарантія нашей безопасности, въ глубинѣ азіатскихъ пустынь, наилучшій изъ всѣхъ китайскихъ паспортовъ. Не будь мы отлично вооружены, мы никогда не проникли бы ни во внутрь Тибета, ни на верховье Желтой рѣки. Мы не могли бы идти на проломъ, не спрашивая позволенія или, лучше сказать, не слушая китайскихъ стращаній и запрещеній. И если бы наша маленькая кучка не уподоблялась ощетинившемуся ежу, который можетъ наколоть лапы и большому звѣрю, то китайцы нашли бы тысячи случаевъ затормозить намъ путь, или, быть можетъ, даже истребить насъ подкупленными разбойниками. Изъ опыта многолѣтнихъ путешествій въ Центральной Азіи мною вынесено то практическое убѣжденіе, что путешественнику въ этихъ дикихъ странахъ, среди здѣшняго дикаго населенія, равно необходимо для успѣха дѣла: деньги въ карманѣ и оружіе въ рукахъ, съ умѣлымъ приложеніемъ къ тому и другому повелительнаго обращенія съ туземцами".

Съ разгорѣвшейся весенней зарей, 21-го марта 1879 года, караванъ былъ готовъ къ выступленію. Длинною вереницею вытянулись верблюды, привязанные другъ къ другу и раздѣленные на три эшелона. Впереди и поодаль слѣдовалъ верхомъ Пржевальскій съ однимъ казакомъ и проводникомъ... Въ арьергардѣ ѣхалъ полный молодыхъ силъ прапорщикъ Роборовскій. Выйдя изъ города и вытянувшись по дорогѣ, караванъ остановился. Николай Михайловичъ внимательно объѣхалъ его и приказалъ двигаться—путешествіе началось.

Китайская граница проходитъ невдалекѣ, а тамъ и бассейнъ Урунгу, по долинѣ которой во многихъ мѣстахъ вблизи воды тѣснились привѣтливыя рощи, прикрывавшія бивуакъ экспедиціи. Рыбы въ Урунгу было такое обиліе, что представлялась возможность имѣть ее ежедневно въ видѣ отличной ухи, а иногда и жаркого. „Впрочемъ, прибавляетъ Н. М. Пржевальскій, подобная постная

Библиотека "Руниверс"

пища мало пригодна для волчьяго аппетита, какимъ всѣ мы обладали во время путешествія. Баранина, обыкновенно вареная, составляетъ здѣсь незамѣнимую пищу, которая при томъ имѣетъ то великое достоинство, что никогда не надоѣдаетъ, подобно, напримѣръ, разной дичи или мясу рогатаго скота.

„Путешествіе наше идетъ весьма благополучно и всѣ мы здоровы. Даже зудъ, которымъ я страдалъ, почти совсѣмъ прошелъ, чему я очень и очень радъ. Было бы здоровье, да счастье, тогда дѣло будетъ сдѣлано... Нужды пока еще не терпимъ никакой—изъ Зайсана взяли много запасовъ. Иногда въ торжественные дни, послѣ хорошей охоты, на Святой и т. п., услаждаемся вареньемъ изъ Отраднаго и наливкою изъ Смоленска. За караваномъ гонимъ небольшое стадо барановъ и въ три дня съѣдаемъ двухъ. Теперь же ѣдимъ кабанятину. .... Я ничего не знаю, что дѣлается въ Европѣ, и вѣроятно не буду знать до возвращенія изъ путешествія. Ко мнѣ можно теперь писать только черезъ Ургу, на имя Я. П. Шишмарева, да и то письмо получится не ранѣе какъ черезъ годъ...“

Распрощавшись съ долиною Урунгу, путешественники направились поперекъ Джунгарской пустыни, стараясь ее осилить какъ можно скорѣе... Дни проходили главнымъ образомъ въ движеніи каравана. Пржевальскій зорко слѣдилъ въ пути за всякаго рода явленіями, производя въ то же время маршрутно-глазомѣрную съемку и занося наблюденія въ карманную книжку... Потомъ, на мѣстѣ, все переводилось и записывалось куда слѣдуетъ. Изъ походнаго порядка въ бивуачный, караванъ, обыкновенно, переходилъ очень быстро, такъ какъ всѣ участники экспедиціи, не исключая и офицеровъ, принимали энергичное участіе въ этомъ дѣлѣ, за которымъ, потомъ, слѣдовала трапеза.

— Едва ли, говоритъ Николай Михайловичъ, какой-либо гастрономъ ѣстъ съ такимъ аппетитомъ разныя тонкости европейской кухни, съ какимъ мы теперь принимаемся за питье кирпичнаго чая и за ѣду дзамбы, съ масломъ, а за неимѣніемъ его—съ бараньимъ саломъ. Правда, послѣднее, будучи растоплено, издаетъ противный запахъ сальныхъ свѣчей, но путешественнику въ азіатскихъ пустыняхъ необходимо оставить дома всякую брезгливость, иначе лучше не путешествовать. Цивилизованный комфортъ, даже при большихъ матеріальныхъ средствахъ, здѣсь не возможенъ; никакія деньги не перемѣнятъ соленой воды на прѣсную, не уберегутъ отъ жаровъ, морозовъ и пыльныхъ бурь. Въ самомъ себѣ долженъ искать путешественникъ силъ для борьбы со всѣми этими невзгодами, а не стараться избавиться отъ нихъ разными палліативными мѣрами...“

Библиотека "Руниверс"

Подкрѣпившись и отдохнувъ въ то же время, каждый принимается за свое дѣло. Члены экспедиціи, являясь главными исполнителями научной части задачи, объединяются взглядомъ и руководствомъ начальника; за ними слѣдуютъ препараторы—собиратели коллекцій и переводчики. На долю низшихъ чиновъ взваливается тяжелое бремя—регулированіе вьюковъ и несеніе сложной повседневной службы до ночныхъ дежурствъ включительно... Время бѣжитъ очень быстро; едва потухнетъ вечерняя заря, — на землю спускается ночь. Я, какъ сейчасъ, живо представляю себѣ пустыню—сѣроватую, монотонную, однообразную,—и возлѣ небольшого ключа или колодца бивуакъ экспедиціи. Двѣ палатки стоятъ невдалекѣ другъ отъ друга; между ними помѣщается вьючный багажъ, возлѣ котораго спятъ казаки. Впереди уложены верблюды и привязана кучка барановъ; нѣсколько въ сторонѣ наарканены верховыя лошади. Утомившись днемъ, всѣ отдыхаютъ. Только изрѣдка всхрапнетъ лошадь, тяжело вздохнетъ верблюдъ, или забредитъ сонный человѣкъ... Въ сухой прозрачной атмосферѣ ярко, словно алмазы, мерцаютъ безчисленныя звѣзды, созвѣздія ярко бросаются въ глаза; млечный путь отливаетъ фосфористымъ свѣтомъ; тамъ и сямъ промелькнетъ по небу падучая звѣзда и исчезнетъ безслѣдно... А кругомъ дикая, необъятная пустыня. Ни одинъ звукъ не нарушаетъ тамъ ночной тишины. Словно въ этихъ сыпучихъ пескахъ и въ этихъ безграничныхъ равнинахъ нѣтъ ни одного живого существа...

Оазисъ Хами—стратегическій пунктъ, узелъ дорогъ, которыя ведутъ въ Джунгарію и Восточный Туркестанъ съ одной стороны и въ Собственный Китай—съ другой. Китайцы оцѣнили его должнымъ образомъ и всегда, послѣ разгромовъ, возстановляли не только цитадель, но и общую часть города; земледѣльцы же широко расплываются по окраинамъ оазиса. Въ торговомъ отношеніи Хами играетъ также не маловажную роль.

Придя въ этотъ оазисъ, Пржевальскій разбилъ свой бивуакъ въ полутора верстахъ отъ города, на небольшой лужайкѣ, по которой протекалъ горный ручеекъ. Вступленіе экспедиціи въ Хами отмѣчено было китайскими офицерами, привѣтствовавшими русскихъ путешественниковъ отъ имени командующаго войсками и военнаго губернатора—цинъ-цай'я. Вечеромъ Николай Михайловичъ отправился верхомъ въ городъ, съ визитомъ къ цинъ-цай'ю. На дворѣ губернаторскаго дома были выстроены солдаты со знаменами; губернаторъ встрѣтилъ путешественника на открытомъ воздухѣ и проводилъ его въ пріемную-гостиную, гдѣ былъ предложенъ чай и

Библиотека "Руниверс"

сласти. Хозяинъ разспрашивалъ гостя о здоровьи, благополучіи въ пути, пунктѣ дальнѣйшаго слѣдованія и о количественномъ составѣ экспедиціи; затѣмъ цинъ-цай предложилъ нѣсколько вопросовъ о Европѣ, въ чемъ обнаруживалъ свое полное невѣжество...

На слѣдующій день губернаторъ отдалъ визитъ и пригласилъ офицеровъ экспедиціи обѣдать на свою загородную дачу. „На парадный обѣдъ, пишетъ Николай Михайловичъ, приглашены также были высшіе мѣстные офицеры и чиновники, такъ что набралось всего человѣкъ тридцать. Офицеры младшихъ чиновъ прислуживали и подавали кушанья. Обѣдъ состоялъ изъ шестидесяти блюдъ, все во вкусѣ китайскомъ. Баранина и свинина, а также чеснокъ и кунжутное масло играли важную роль; кромѣ того подавались и различныя тонкости китайской кухни, какъ-то: морская капуста, трепанги, гнѣзда ласточки-саланганы, плавники акулы, креветы и т. п. Обѣдъ начался сластями, окончился варенымъ рисомъ. Каждое кушанье необходимо было хотя отвѣдать, да и этого было достаточно, чтобы произвести такой винегретъ, отъ котораго даже наши, ко всему привычные желудки были разстроены во весь слѣдующій день.

Неумѣнье русскихъ ѣсть палочками смѣшило китайцевъ, которые больше и больше привыкали къ своимъ гостямъ и впослѣдствіи часто навѣщали ихъ лагерь. Иногда они позволяли себѣ и неприличіе, подговариваясь къ той или другой вещи, чтобы ее подарили русскіе. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи, показалъ полную безтактность и самъ губернаторъ, возвративъ обратно посланный ему Николаемъ Михайловичемъ въ подарокъ револьверъ, прося замѣнить его двухствольнымъ ружьемъ. Разгнѣванный Пржевальскій отправилъ прежній револьверъ, присовокупивъ къ нему несессеръ съ серебрянымъ приборомъ, послѣ чего дружба снова возстановилась. Цинъ-цай устроилъ другой обѣдъ, попроще—блюдъ въ сорокъ и просилъ показать ему стрѣльбу экспедиціоннаго отряда. „Въ самый короткій срокъ, говоритъ Николай Михайловичъ, было нами выпущено около двухсотъ пуль, мишенями для которыхъ служили глиняные бугорки въ степи. Въ виду отличнаго результата стрѣльбы, цинъ-цай съ улыбкою сказалъ: „какъ намъ съ русскими воевать; эти двѣнадцать человѣкъ разгонятъ тысячу нашихъ солдатъ“. Въ отвѣтъ на такой комплиментъ я возразилъ, что намъ воевать не-изъ-за-чего, и что Россія еще никогда не вела войны съ Китаемъ. Но чтобы довершить впечатлѣніе, я взялъ дробовикъ и началъ стрѣлять въ летъ стрижей и воробьевъ. Похваламъ и просьбамъ пострѣлять еще не было конца. Когда же напуганныя птички улетѣли, пришлось, уступая общему желанію, разбивать

Библиотека "Руниверс"

подброшенныя куриныя яйца, по одному и по два разомъ, двойнымъ выстрѣломъ. Жаль было попусту тратить заряды, которыхъ здѣсь нигдѣ уже нельзя достать; но репутація хорошаго стрѣлка весьма много мнѣ помогала во всѣ прежнія путешествія. Это искусство производитъ на азіатцевъ чарующее впечатлѣніе".

Познакомившись, на сколько было возможно, съ городомъ, войсками, экспедиція оставила Хами и продолжала двигаться къ югу, глубже и глубже внѣдряясь въ пустыню, которая на третій-четвертый день явилась во всемъ своемъ ужасающемъ величіи: ни растительности, ни животныхъ, ни даже ящерицъ и насѣкомыхъ... По дорогѣ безпрестанно валялись кости лошадей, муловъ, верблюдовъ. Надъ раскаленною днемъ почвою висѣла мутная, словно дымомъ наполненная, атмосфера; вѣтерокъ не колыхалъ воздуха, не давалъ прохлады. Только часто пробѣгали горячіе вихри и далеко уносили крутящіеся столбы соленой пыли. Впереди и по сторонамъ путника игралъ обманчивый миражъ. Если же его не было, то и тогда сильно нагрѣтый нижній слой воздуха волновался и дрожалъ, безпрестанно измѣняя очертаніе отдаленныхъ предметовъ. Жара днемъ стояла невыносимая — почва накалялась до 62,5° С. Солнце жгло отъ восхода до заката; переходы приходилось дѣлать или ночью или самымъ раннимъ утромъ.

Съ полнымъ душевнымъ удовлетвореніемъ путешественники наконецъ вступили съ караваномъ въ оазисъ Са-чжоу, но только мѣстные китайцы оказались не столь любезными и предупредительными, какъ хамійскіе: въ Са-чжоу отказали дать проводника въ Тибетъ, отговариваясь неимѣніемъ людей, знающихъ путь, и что къ югу отъ Са-чжоу, сообщалось изъ Пекина, нѣтъ „*человѣческихъ слѣдовъ и некуда вести*".—Если, добавляли китайскіе министры Бюцову, послѣ заявленія объ этомъ путешественнику, полковнику Пржевальскому, онъ все-таки пожелаетъ отправиться впередъ, то власти не могутъ быть привлечены къ какой-либо отвѣтственности.

Н. М. Пржевальскій пошелъ и безъ проводниковъ изучилъ прилежащій къ Са-чжоу средній Нань-Шань, превосходно проживъ первыя двѣ недѣли при ключѣ „Благодатномъ" и почти столько же въ альпійской горной области, одного изъ лежащихъ къ югу горныхъ хребтовъ. Съ той и другой стоянки экспедиціей былъ предпринятъ рядъ экскурсій въ окрестности. Въ Нань-Шанѣ Пржевальскій открылъ два могучихъ альпійскихъ хребта, названныхъ имъ именами великихъ географовъ — Гумбольдта и Риттера. Стоя на

Библиотека "Руниверс"

одномъ изъ многочисленныхъ ледниковъ хребта Гумбольдта, Пржевальскій восторженно говоритъ: „Никогда еще до сихъ поръ я не поднимался такъ высоко—17.100 футовъ надъ моремъ, никогда въ жизни не оглядывалъ такого обширнаго горизонта. Дивная панорама горъ, освѣщенныхъ солнцемъ, разстилалась подъ ногами. Весь поглощаешься созерцаніемъ величественной картины. Легко, свободно сердцу на этой выси, на этихъ ступеняхъ, ведущихъ къ небу, лицомъ къ лицу съ грандіозною природою, вдали отъ всей суеты и скверны житейской. Хоть на минуты становишься дѣйствительно духовнымъ существомъ, отрываешься отъ обыденныхъ, мелочныхъ помысловъ и стремленій“...

Такимъ образомъ лучшую часть лѣта путешественники съ успѣхомъ провели въ тѣхъ самыхъ горахъ, которыя протянулись къ востоку до Желтой рѣки, а къ западу—мимо Лобъ-нора къ Хатану и Памиру, образуя собою гигантскую ограду всего тибетскаго нагорья съ сѣверной стороны. Лишь на пути къ Курлыкъ-Цайдаму, въ южныхъ отпрыскахъ Нань-Шаня, въ урочищѣ Сыртынъ, случилось очень памятное событіе, едва не окончившееся гибелью одного изъ участниковъ экспедиціи — унтеръ-офицера Егорова. Во время преслѣдованія на охотѣ дикаго яка, Егоровъ заблудился въ горахъ и пропалъ безслѣдно. Всѣ попытки отыскать его въ теченіе пяти дней оставались напрасными. Посланные въ разныя стороны казаки, объѣздивъ верстъ по сотнѣ въ окружности, вернулись ни съ чѣмъ.— „Участь несчастнаго, пишетъ Н. М. Пржевальскій, теперь, повидимому, была разъяснена: его погибель казалась несомнѣнною, тѣмъ болѣе, что прошло уже пять сутокъ съ тѣхъ поръ, какъ Егоровъ потерялся. Тяжелымъ камнемъ легло на сердце каждаго изъ насъ столь неожиданное горе. И еще сильнѣе чувствовалось оно при мысли, что погибъ совершенно безцѣльно и безвинно одинъ изъ членовъ той дружной семьи, каковою могъ назваться нашъ экспедиціонный отрядъ.

„На завтра, пятаго августа, мы покинули роковое мѣсто и направились къ западу по высокой долинѣ, которая залегла между главнымъ и окрайнимъ хребтами. Пройдя верстъ двадцать пять, встрѣтили ключъ, отдохнули на немъ часа два, а затѣмъ пошли опять, съ цѣлью уйти въ этотъ день какъ можно дальше. Караванъ шелъ въ обычномъ порядкѣ, всѣ ѣхали молча въ самомъ мрачномъ настроеніи духа. Спустя около часа послѣ того, какъ мы вышли съ привала, казакъ Иринчиновъ, по обыкновенію ѣхавшій въ главѣ перваго эшелона, замѣтилъ своими зоркими глазами, что вдали, вправо отъ насъ, кто-то спускается съ горъ по направленію

Библиотека "Руниверс"

нашего каравана. Сначала мы подумали, что это какой-нибудь звѣрь, но вслѣдъ затѣмъ я разсмотрѣлъ въ бинокль, что то былъ человѣкъ и никто иной, какъ нашъ, считавшійся уже въ мертвыхъ, Егоровъ. Мигомъ г. Эклонъ и одинъ изъ казаковъ поскакали къ нему, и черезъ полчаса Егоровъ былъ возлѣ нашей кучки, въ которой въ эту минуту почти всѣ плакали отъ волненія и радости..."

Егоровъ стоялъ на колѣняхъ и молча молилъ о прощеніи.....

„Страшно перемѣнился за эти дни нашъ несчастный товарищъ, едва державшійся на ногахъ. Лицо у него было исхудалое и почти черное, глаза воспаленные, губы и носъ распухшіе, покрытые болячками, волоса всклокоченные, взглядъ какой-то дикій. Съ подобною наружностью гармонировалъ и костюмъ, или, вѣрнѣе сказать, остатки того костюма, въ которомъ Егоровъ отправился на охоту. Одна злосчастная рубашка прикрывала теперь наготу; фуражки и панталонъ не имѣлось; ноги же были обернуты въ изорванныя тряпки.

„Тотчасъ мы дали Егорову немного водки для возбужденія силъ, наскоро одѣли, обули въ войлочные сапоги и, посадивъ на верблюда, пошли далѣе. Черезъ три версты встрѣтился ключъ, на которомъ мы разбили свой бивакъ. Здѣсь напоили Егорова чаемъ и покормили немного бараньимъ супомъ. Затѣмъ обмыли теплою водою израненыя ноги и приложили на нихъ корпію, намоченную въ растворѣ арники, изъ нашей походной аптеки; наконецъ больному дано было пять гранъ хины и онъ уложенъ спать. Немного отдохнувъ, Егоровъ вкратцѣ разсказалъ намъ о своей пропажѣ слѣдующее.

„Когда, тридцатаго іюля, онъ разошелся въ горахъ съ казакомъ Калмынинымъ и пошелъ по слѣду раненаго яка, то вскорѣ отыскалъ этого звѣря, выстрѣлилъ по немъ и ранилъ еще. Якъ пустился на уходъ... Егоровъ за нимъ и слѣдилъ звѣря до самой темноты; затѣмъ повернулъ домой, но ошибся и пошелъ въ иную сторону. Между тѣмъ наступила холодная и вѣтреная ночь. Всю ее, напролетъ, шелъ Егоровъ и когда настало утро, то очутился далеко отъ горъ въ Сыртынской равнинѣ. Видя, что зашелъ не туда, Егоровъ повернулъ обратно къ горамъ, но, придя въ нихъ, никакъ не могъ обознать мѣстность; тѣмъ болѣе, что, какъ на зло, цѣлыхъ трое сутокъ въ воздухѣ стояла густая пыль. Егоровъ рѣшился идти на угадъ и направился къ западу (вмѣсто сѣвера, какъ слѣдовало бы) поперекъ южныхъ отроговъ окрайняго хребта. Здѣсь блуждалъ онъ трое сутокъ и все это время ничего не ѣлъ, только жевалъ кислые листья ревеня и часто пилъ воду. „Ѣсть нисколько не хотѣлось", говорилъ Егоровъ, „бѣгалъ по горамъ легко, какъ звѣрь, и даже мало уставалъ".

Библиотека "Руниверс"

„Между тѣмъ плохіе самодѣльные чирки износились въ двое сутокъ; Егоровъ остался босымъ. Тогда онъ разорвалъ свои парусинные панталоны, обвернулъ ими ноги и обвязалъ изрѣзаннымъ на тонкія пластинки пояснымъ ремнемъ. Но подобная обувь, конечно, весьма мало защищала отъ острыхъ камней, и вскорѣ обѣ пятки Егорова покрылись ранами. А между тѣмъ ходить и ходить было необходимо — въ этомъ только и заключалась возможность спасенія. Застрѣливши изъ винтовки зайца, Егоровъ содралъ съ него шкуру и подложилъ эту шкуру, вмѣстѣ съ клочками случайно найденной бараньей шерсти, подъ свои израненныя, обернутыя въ тряпки, ноги. Болѣли онѣ сильно, въ особенности по утрамъ, послѣ ночи. Невозможно даже было тогда встать, такъ что Егоровъ выбиралъ себѣ ночное логовище на скатѣ горы для того, чтобы утромъ ползти сначала на четверенькахъ „размять свои ноги“, какъ онъ наивно выражался. Не менѣе муки приносили и ночные морозы, доходившіе въ горахъ по крайней мѣрѣ до десяти градусовъ, да еще иногда и съ вѣтромъ. Забравшись гдѣ-нибудь подъ большой камень, Егоровъ съ вечера разводилъ огонь, добывая его посредствомъ выстрѣла холостымъ патрономъ, въ который вкладывалъ, вмѣсто ваты или трута, оторванный кусокъ фуражки. При выстрѣлѣ этотъ кусокъ загорался, потомъ тлѣлъ, и Егоровъ раздувалъ огонь, собирая для него пометъ дикихъ яковъ. Но поддерживать огонь всю ночь было не возможно—одолѣвали усталость и дремота. Вотъ тутъ-то и начинались, вдобавокъ къ страданіямъ израненныхъ ногъ, новыя муки отъ холода. Чтобы не замерзнуть совершенно, Егоровъ ухитрялся туго набивать себѣ за пазуху и вокругъ спины сухого помета дикихъ яковъ и, свернувшись клубкомъ, тревожно, страдальчески засыпалъ... Въ это время пропотѣвшая днемъ рубашка обыкновенно примерзала къ наложенному помету; за то по крайней мѣрѣ не касалась своею ледяною корою голаго тѣла.

„На четвертыя сутки своего блужданія Егоровъ почувствовалъ сильную усталость и голодъ. Послѣдній былъ еще зломъ наименьшимъ, такъ какъ въ горахъ водились зайцы и уллары. По экземпляру того и другого застрѣлилъ Егоровъ и съѣлъ сырою часть уллара; зайца же, также сырого, носилъ съ собою и ѣлъ по маленькому кусочку, когда сильно пересыхало горло.

„Въ это время Егоровъ блуждалъ возлѣ тропинки, которая ведетъ изъ Сыртына въ Са-чжоу. Нѣсколько разъ пускался онъ въ безводную степь, но мучимый жаждою, снова возвращался въ горы. Здѣсь, на пятыя сутки своего блужданія, Егоровъ встрѣтилъ небольшое стадо коровъ, принадлежавшихъ несомнѣнно кочевавшимъ гдѣ-либо по близости монголамъ; но пастуховъ при коровахъ не

Библиотека "Руниверс"

оказалось. Вѣроятно, они издали замѣтили незнакомаго, страннаго человѣка и спрятались въ горахъ. Конечно, Егорову слѣдовало застрѣлить одну изъ коровъ, добыть такимъ образомъ себѣ мяса, а кожею обвернуть израненныя ноги. Однако онъ не рѣшился на это; хотѣлъ только взять отъ коровъ молока, но и тутъ неудача—коровы оказались недойными.

„Оставивъ въ покоѣ этихъ соблазнительныхъ коровъ, Егоровъ побрелъ опять по горамъ и переночевалъ здѣсь шестую по счету ночь. Между тѣмъ силы замѣтно убывали... Еще день—другой такихъ страданій, и несчастный погибъ бы отъ истощенія. Онъ самъ уже чувствовалъ это, но рѣшилъ ходить до послѣдней возможности; затѣмъ собирался вымыть гдѣ-нибудь въ ключѣ свою рубашку и въ ней умереть. Но судьба судила иначе... Егоровъ случайно встрѣтилъ нашъ караванъ и былъ спасенъ.

„И какъ не говорить мнѣ о своемъ удивительномъ счастьи! Опоздай мы днемъ выхода съ роковой стоянки, или выступи днемъ позже, наконецъ пройди часомъ ранѣе или позднѣе по той долинѣ, гдѣ встрѣтили Егорова—несчастный, конечно, погибъ бы навѣрное. Положимъ, каждый изъ насъ въ томъ былъ бы неповиненъ, но все-таки о подобной безцѣльной жертвѣ мы никогда не могли бы вспомнить безъ содраганія, и случай этотъ навсегда остался бы темнымъ пятномъ въ исторіи нашихъ путешествій“...

При заботливомъ уходѣ Егоровъ сталъ быстро поправляться; къ общей радости у него не сдѣлалось ни горячки, ни лихорадки; только сильно болѣли ноги, на которыя по-прежнему прикладывалась корпія, намоченная въ растворъ арники. Черезъ два дня Егоровъ уже могъ, хотя съ трудомъ, сидѣть на верблюдѣ, и экспедиція направилась въ дальнѣйшій путь—къ югу, поперекъ Цайдамской равнины, въ ставку монгольскаго князька Цзунъ-цзасака, каковой благополучно и достигла въ первыхъ числахъ сентября...

Съ приходомъ въ Южный Цайдамъ, Николай Михайловичъ вступилъ на большую тибетскую дорогу, ведущую изъ Пекина и Урги въ Лхасу... Въ Цайдамѣ всѣ караваны отдыхаютъ, запасаются продовольствіемъ и только потомъ слѣдуютъ дальше. Цзунъ-цзасакъ, старый знакомый Пржевальскаго, встрѣтилъ экспедицію не особенно радушно и съ первыхъ же дней сталъ кривить душою. Ясно было, что и сюда проникло предписаніе китайскихъ властей не содѣйствовать проходу экспедиціи въ Тибетъ, наоборотъ—всѣми силами

Библиотека "Руниверс"

тормозить, чтобы принудить ее къ возврату. Лишь категорическое и настойчивое требованіе Пржевальскимъ проводника и заявленіе, если его не будетъ, то самъ князь поведетъ экспедицію въ Тибетъ, сдѣлало свое дѣло...

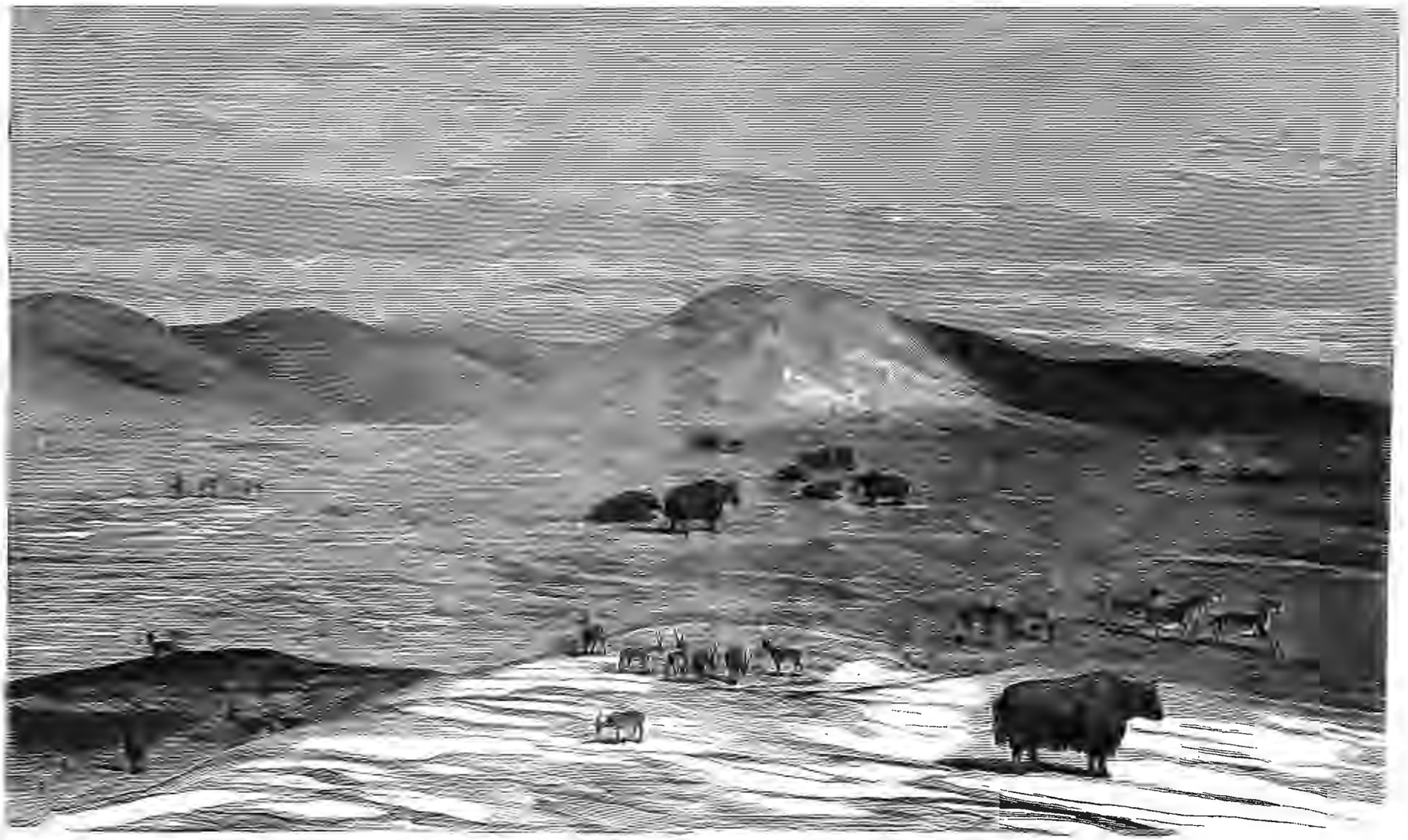
„И дѣйствительно исполню свою угрозу, прибавлялъ Николай Михайловичъ въ письмѣ къ Кояндеру. Я такъ взволнованъ подобнымъ отказомъ, что трудно вамъ передать... Мѣра моего терпѣнія уже кончилась. Нужно при томъ сказать, что этотъ самый князекъ былъ нашимъ пріятелемъ въ 1873 году. ...Ради Бога, нельзя ли понудить пекинскія власти къ болѣе откровенному образу дѣйствій. Пусть онѣ или окончательно запретятъ мнѣ путешествовать въ ихъ владѣніяхъ, или кончатъ свои происки. Въ особенности важно устранить недоразумѣніе въ Лхасѣ, иначе Тибетъ не будетъ нами изслѣдованъ. О, если бы удалось изслѣдовать хотя часть Тибета!“...

Съ восходомъ солнца, двѣнадцатаго сентября, экспедиція радостно снялась лагеремъ и направилась въ завѣтный Тибетъ...

Теперь начался второй періодъ путешествія болѣе интересный, какъ по своему характеру впереди лежавшихъ мѣстностей, такъ и по ихъ совершенной неизвѣстности. „Грандіозная природа Азіи проявляющаяся то въ видѣ безконечныхъ лѣсовъ и тундръ Сибири, то безводныхъ пустынь Гоби, то громадныхъ горныхъ хребтовъ внутри материка и тысячеверстныхъ рѣкъ, стекающихъ отсюда во всѣ стороны,—ознаменовала себя тѣмъ же духомъ подавляющей массивности и въ обширномъ нагорьѣ, наполняющемъ южную половину центральной части этого континента и извѣстномъ подъ именемъ *Тибета*. Рѣзко ограниченная со всѣхъ сторонъ первостепенными горными хребтами, названная страна представляетъ собою, въ формѣ неправильной трапеціи, грандіозную, нигдѣ болѣе на земномъ шарѣ въ такихъ размѣрахъ неповторяющуюся, столовидную массу, поднятую надъ уровнемъ моря, за исключеніемъ лишь немногихъ окраинъ, на страшную высоту отъ 13—15.000 футовъ. И на этомъ гигантскомъ пьедесталѣ громоздятся, сверхъ того, обширные горные хребты, правда относительно невысокіе внутри страны, но за то на ея окраинахъ развивающіеся самыми могучими формами дикихъ альповъ. Словно стерегутъ здѣсь эти великаны трудно доступный міръ заоблачныхъ нагорій, непривѣтливыхъ для человѣка по своей природѣ и климату и въ большей части еще совершенно невѣдомыхъ для науки“...

Вдоль многочисленныхъ рѣкъ и долинъ Тибета процвѣтаютъ богатѣйшія пастбища, по которымъ привольно пасутся дикія млекопитающія.

Библиотека "Руниверс"



Животная жизнь въ Сѣверномъ Тибетѣ.

Библиотека "Руниверс"

„Встрѣчая по пути, иногда въ продолженіе цѣлаго дня, пишетъ Н. М. Пржевальскій, сотенныя стада яковъ, хулановъ и множество антилопъ, какъ-то не вѣрится, чтобы то могли быть дикія животныя, которыя при томъ обыкновенно довѣрчиво подпускаютъ къ себѣ человѣка, еще не зная въ немъ самаго злого врага своего. Невольно переносишься мыслію въ далекія первобытныя времена, когда подобную картину можно было встрѣтить и въ другихъ странахъ земного шара. А теперь только дикія пустыни Тибета, да немногія иныя мѣстности нашей планеты пока еще уберегли неповинныхъ животныхъ отъ безпощаднаго уничтоженія ихъ человѣкомъ... Да, его вѣяніе страшнѣе и истребительнѣе всяческихъ невзгодъ природы. Ни холода и бури, ни скудный кормъ, ни разрѣженный воздухъ, ни сравнительное обиліе хищниковъ на плоскогорьѣ сѣв. Тибета— ничто это, конечно, далеко не можетъ сравниться съ тою роковою гибелью, которую несутъ для дикихъ созданій прогрессивно выростающая культура и такъ называемая цивилизація рода человѣческаго. Равновѣсіе природы нарушается, искусство замѣняетъ творчество и со временемъ, какъ говоритъ Уэллесъ, быть можетъ только одинъ океанъ въ своихъ недоступныхъ нѣдрахъ останется дѣвственнымъ и непокорнымъ человѣку“...

Изъ всѣхъ звѣрей, водящихся на нагорьи Тибета, больше другихъ вниманіе путешественниковъ сосредоточивалось на огромныхъ дикихъ якахъ, бродившихъ въ одиночку или по нѣсколько штукъ вмѣстѣ. „Вотъ за этими-то старыми яками, иногда послѣ раны бросающимися на стрѣлка, пишетъ Пржевальскій, мы и охотились съ постояннымъ увлеченіемъ. Интересъ борьбы и до извѣстной степени опасность невольно разжигали охотничью страсть и манили прибавить еще нѣсколько сильныхъ ощущеній къ тѣмъ многоразличнымъ впечатлѣніямъ, которыми такъ богата жизнь каждаго путешественника вообще, а странствователя по пустынямъ Центральной Азіи въ особенности. Помимо охотъ въ одиночку, съ подхода, практиковавшихся на дневкахъ, или по приходѣ на мѣсто бивуака, во время самаго пути съ караваномъ мы частенько охотились за яками, обыкновенно съ помощью двухъ нашихъ собакъ, тѣхъ самыхъ, которыя отправились съ нами изъ Зайсана и до сихъ поръ путешествовали благополучно. Несмотря на свою непородистость, собаки эти отлично напрактиковались для охоты за звѣрьми. Тонкость пониманія дѣла у нашихъ псовъ доходила даже до того, что они умѣли различать по звуку выстрѣлъ дробового ружья по птицѣ и винтовки по звѣрю. Въ первомъ случаѣ собаки, всегда слѣдовавшія въ хвостѣ

Библиотека "Руниверс"

каравана, настораживали уши и спокойно шли далѣе. Но лишь только раздавался отрывистый, словно щелкнувшій орѣхъ. выстрѣлъ берданки или начиналась учащенная пальба изъ тѣхъ же берданокъ, псы въ одно мгновеніе выносились впередъ и во весь духъ пускались за убѣгавшими звѣрями, изъ которыхъ нерѣдко ловили раненыхъ, въ особенности антилопъ. Хулановъ преслѣдовать далеко не любили, такъ какъ по опыту знали, что звѣрь этотъ весьма выносливъ на рану и если только не убитъ на повалъ, то уходитъ далеко. За то, когда встрѣчались старые самцы яки, собаки усердствовали, сколько было силъ и умѣнья. Замѣтивъ звѣря часто еще издали, наши псы выбѣгали немного въ сторону отъ каравана и ждали или выстрѣла, или сигнала къ нападенію. Въ томъ и другомъ случаѣ пускались во весь махъ и быстро догоняли тяжелаго яка, хватали его за хвость и за боковыя лохмы волосъ, или съ лаемъ забѣгали впередъ, вообще всѣми силами старались остановить звѣря. Такъ обыкновенно и случалось. Испуганный и пустившійся на уходъ, но теперь разсвирѣпѣвшій, якъ останавливается. Съ поднятымъ кверху хвостомъ и наклоненными рогами, онъ бросается то на одну, то на другую изъ надоѣдливыхъ собакъ, которыя, конечно, легко увертываются отъ ударовъ грузнаго звѣря. Тѣмъ временемъ охотникъ спѣшитъ къ добычѣ. Еще издалека раздаются нѣсколько нетерпѣливыхъ выстрѣловъ, заставляющихъ яка броситься снова на уходъ, но собаки скоро опять его останавливаютъ. Тогда запыхавшійся охотникъ подбѣгаетъ къ звѣрю въ мѣру близкаго выстрѣла. Дрожащими отъ усталости и ажитаціи руками, онъ ставитъ, или какъ въ Сибири говорятъ, „бросаетъ“ на сошки свою винтовку, самъ припадаетъ къ ней и начинаетъ палить въ яка. Послѣдній обыкновенно выноситъ десятокъ и болѣе пуль, прежде чѣмъ будетъ убитъ. Однако иногда, получивъ два—три удара, разъярившійся якъ бросается уже не отъ охотника, а прямо къ нему, но всегда дѣйствуетъ нерѣшительно, что, конечно, губитъ звѣря и спасаетъ стрѣлка. Ринувшись съ мѣста въ сторону охотника, дикій якъ самъ какъ будто пугается своей смѣлости, пробѣгаетъ двадцать—тридцать, много полсотни, шаговъ и останавливается въ нерѣшимости. Стрѣлокъ не дремлетъ и пускаетъ въ звѣря пулю за пулею изъ своей скорострѣлки. Словно въ мишень бьютъ мелкія малокалиберныя пули, но все-таки еще не могутъ одолѣть могучаго яка. Послѣдній, какъ ни въ чемъ не бывало, постоявъ нѣсколько секундъ въ своей любимой боевой позѣ, т. е. съ опущенною головою и поднятымъ вертикально хвостомъ, снова бросается къ охотнику, но, пробѣжавъ немного, или опять останавливается, или займется собаками, неперестающими теребить звѣря. Между тѣмъ

Библиотека "Руниверс"

стрѣлокъ начинаетъ расходовать уже другой десятокъ патроновъ, а якъ видимо слабѣетъ отъ полученныхъ ранъ. Движенія звѣря становятся менѣе порывистыми, гордая поза дѣлается смиренною, поднятый къ верху хвостъ опускается, голова никнетъ, туловище вздрагиваетъ... Еще нѣсколько мгновеній предсмертной агоніи—и могучее животное падаетъ на землю. Собаки, пока ихъ не отгонятъ, все еще продолжаютъ теребить уже мертваго яка... Отъ убитаго звѣря мы брали, обыкновенно, лохматый его хвостъ, иногда кусокъ мяса или шкуры; остальное бросали въ добычу волкамъ, воронамъ и грифамъ. Хищники эти въ Тибетѣ такъ наповажены, что всегда зорко слѣдятъ за охотникомъ и обыкновенно пользуются результатами его охоты.

„Преслѣдуемый безъ собакъ, раненый якъ лишь изрѣдка бросается на охотника и опять-таки дѣйствуетъ крайне глупо, нерѣшительно. Въ нынѣшнее путешествіе по Тибету мнѣ только однажды случилось испытать серьезное нападеніе этого звѣря. Дѣло происходило въ горахъ Думбуре, на обратномъ пути нашемъ изъ Тибета во время дневки, устроенной наканунѣ новаго 1880 года Какъ обыкновенно на дневкахъ, утромъ мы отправились, въ числѣ нѣсколькихъ человѣкъ, въ сосѣднія бивуаку горы поохотиться за звѣрями, главнымъ образомъ за бѣлогрудыми аргали. Не давалось также спуску волкамъ, кярсамъ и старымъ якамъ; но хуланы, равно какъ антилопы, оронго и ада, въ то время намъ уже такъ надоѣли, что на нихъ почти не обращалось вниманія. Долго бродилъ я по горамъ, но нигдѣ не встрѣтилъ ни аргали, ни кярсы или волка, шкуры которыхъ нужны были для коллекціи. Всюду попадались только хуланы и антилопы, да изрѣдка на мото-ширикахъ [1]), паслись дикіе яки. Такъ прошло время до полудня, и я забрался верстъ за десять отъ своего стойбища. Отдохнувъ немного, я повернулъ назадъ другою окраиною горъ и здѣсь, въ одной изъ долинъ, встрѣтилъ нѣсколько старыхъ яковъ. Звѣри подпустили къ себѣ шаговъ на двѣсти и, выпустивъ съ десятокъ пуль по одному изъ нихъ, я, наконецъ, его убилъ. Затѣмъ, обойдя поспѣшно вокругъ горы, черезъ которую направились остальные яки, я опять встрѣтилъ ихъ и началъ палить. Не помню уже, за которымъ выстрѣломъ одинъ изъ этихъ яковъ сначала пріостановился, потомъ упалъ и покатился внизъ по крутому снѣжному скату горы. Такъ звѣрь катился шаговъ сто, или даже болѣе; затѣмъ остался лежать почти недвижимымъ. Но лишь только я началъ подходить, якъ вскочилъ и быстро побѣжалъ по долинѣ. Я послалъ ему въ догонку пулю, но

[1]) Мото-ширикъ—тибетская осока (Kobresia thibetica .

Библиотека "Руниверс"

напрасно. Тогда я вернулся къ ранѣе убитому яку, осмотрѣлъ его, и такъ какъ до бивуака было далеко, да при томъ шкура звѣря мѣстами оказалась попорченною во время дракъ въ періодъ течки, то я отрѣзалъ только хвостъ и заткнулъ его себѣ сзади за поясной ремень. Затѣмъ направился къ бивуаку, какъ разъ по той долинѣ, по которой убѣжалъ сильно раненый якъ. Послѣдній не могъ уйти далеко и залегъ на равнинѣ. Подпустивъ меня шаговъ на сто двадцать, звѣрь всталъ и сначала шагомъ, а потомъ рысью бросился прямо ко мнѣ. Въ это время у меня осталось только два патрона. Первымъ изъ нихъ я ударилъ яка шаговъ на семьдесятъ; вторымъ—шаговъ на пятьдесятъ. Однако, звѣрь не повалился отъ этихъ новыхъ пуль, но, пробѣжавъ еще шаговъ десять или двадцать, остановился противъ меня, съ наклоненными рогами и поднятымъ кверху хвостомъ, которымъ безпрестанно помахивалъ. Ружье мое въ это время было пусто, а разсвирѣпѣвшій якъ стоялъ такъ близко, что можно было различить не только небольшіе его глаза, но даже видѣть, какъ краснѣли раны на груди и капала кровь изъ морды. Сильно испугался я въ ту минуту... Дѣйствительно, будь якъ поумнѣе и рѣшительнѣе—онъ убилъ бы меня навѣрняка, такъ какъ на ровной степной долинѣ спрятаться было негдѣ, да и некогда. На крайній случай я поспѣшно вынулъ изъ-за спины заткнутый туда яковый хвостъ и повернулъ свою берданку ложею впередъ, разсчитывая, при окончательномъ нападеніи звѣря, бросить ему въ глаза мохнатый хвостъ, а затѣмъ ударить со всего размаха винтовкою по головѣ—но что могъ сдѣлать подобный ударъ гигантскому черепу, который не пробиваетъ наискось попавшая штуцерная пуля! Минуту или двѣ, мы оба, т. е. якъ и я, оставались неподвижны, звѣрь только помахивалъ хвостомъ, но не измѣнялъ своей позы и не подвигался впередъ; затѣмъ опустилъ хвостъ и приподнялъ голову—знакъ, что раздраженное состояніе начало успокаиваться. Тогда я рѣшилъ отступать и, пригнувшись къ землѣ, поползъ прочь, не спуская глазъ съ звѣря. Шаговъ черезъ шестьдесятъ я выпрямился и пошелъ быстрѣе; якъ же продолжалъ стоять на прежнемъ мѣстѣ и только поворачивалъ головою по мѣрѣ того, какъ я дѣлалъ круговой обходъ по узкой долинѣ. Лишь удалившись шаговъ на двѣсти отъ звѣря, я вздохнулъ свободнѣе и быстро направился къ своему бивуаку, давши мысленно клятву всегда брать съ собою на звѣриную охоту въ Тибетѣ запасную пачку патроновъ. Мѣдныя гильзы послѣднихъ, въ достаточномъ количествѣ разбросанныя нами по горамъ и долинамъ сѣв. Тибета, много лѣтъ еще будутъ напоминать туземцамъ, случайною находкою, о томъ, что здѣсь нѣкогда путешествовали и охотились европейцы".

Библиотека "Руниверс"

По мѣрѣ проникновенія экспедиціи въ глубь „завѣтной“ страны и по мѣрѣ приближенія зимы, тибетское нагорье давало себя чувствовать, въ особенности разрѣженный воздухъ, въ конецъ обезсиливающій организмъ. Въ ночь на третье октября выпалъ снѣгъ на пол-фута, а на слѣдующій день еще на столько же. Снѣгъ въ Тибетѣ имѣетъ ту особенность, что при ясномъ солнцѣ блеститъ нестерпимо и почти не даетъ возможности смотрѣть вдаль. Караванныя животныя не могли отыскать себѣ корма, и голодныя они съѣли другъ на другѣ нѣсколько вьючныхъ сѣделъ, набитыхъ соломою. Первая снѣжная вьюга причинила смертельный холодъ. Такимъ образомъ начало пути по Тибету обѣщало мало хорошаго; къ тому же проводникъ не зналъ дороги и съ большимъ трудомъ оріентировался. „Трудно будетъ—говорилъ начальникъ экспедиціи,—но все-таки пойдемъ впередъ до послѣдней возможности. Если снѣгъ пролежитъ еще недѣлю и продлятся сильные морозы, то и наши верблюды начнутъ дохнуть. Впрочемъ, вѣроятно, эти холода случайные и впереди будетъ тепло... Вчера на проталинахъ было много ящерицъ, при томъ медвѣди еще не залегли въ зимнюю спячку. Ни того, ни другого не было бы, если бы теперь наступила зима настоящая“.

Караванъ двинулся въ путь. Отъ невыносимаго блеска снѣга скоро заболѣли глаза не только у всѣхъ членовъ экспедиціи, но и у животныхъ, не исключая барановъ, которыхъ гнали за собою какъ продовольствіе.... „Одинъ изъ этихъ барановъ,—пишетъ Николай Михайловичъ,—вскорѣ совершенно ослѣпъ, такъ что мы принуждены были его зарѣзать безъ нужды въ мясѣ. Воспаленные глаза верблюдовъ пришлось промывать крѣпкимъ настоемъ чая и спринцовать свинцовою примочкою. Тѣ же лекарства служили и для насъ. Синія очки, которыя я надѣлъ, мало помогали, такъ какъ отраженный снѣгомъ свѣтъ попадалъ въ глаза съ боковъ; необходимы были очки съ боковыми сѣтками, но ихъ не оказалось“. Въ довершеніе всѣхъ невзгодъ, проводникъ сознался, что заблудился, и требовалъ вернуться на вчерашнюю стоянку. Разсерженный Пржевальскій прогналъ проводника, а самъ остался одинъ со своими спутниками въ пустынѣ сѣвернаго Тибета... На сотни верстъ вокругъ не было ни одного жилья, не было ни одной души человѣческой, стоялъ только караванъ небольшой горсти русскихъ смѣльчаковъ, окруженныхъ дикою суровою природою...

Какъ и въ Нань-Шанѣ, такъ и теперь, отыскивать дорогу приходилось собственными разъѣздами. Всюду валялись людскіе черепа и кости караванныхъ животныхъ, напоминавшихъ о трудной борьбѣ человѣка съ грандіозною природою. На переходахъ, даже неболь-

Библиотека "Руниверс"

шихъ, участники экспедиціи сильно уставали, такъ какъ помимо вьюченія и развьюченія верблюдовъ, дорогою имѣли на себѣ ружья, патронташи и проч., всего чуть не по полупуду тяжести. При томъ, часто приходилось идти пѣшкомъ, въ особенности при холодѣ и бурѣ, когда верхомъ на лошади или верблюдѣ просидѣть долго невозможно... Въ такихъ случахъ для пьющихъ великую услугу оказывала бы рюмка водки, но путешественники на этотъ счетъ имѣли въ наличности всего лишь четыре бутылки коньяку, который берегли на всякій случай.

Едва-едва на восьмыя сутки бивуакъ былъ разбитъ близъ перевала Танъ-ла, на абсолютной высотѣ 16.700 футовъ. Справа и слѣва поднимались снѣговыя цѣпи горъ, командующія вершины которыхъ достигаютъ 19—20.000 футовъ надъ моремъ. На перевалѣ Пржевальскій и его спутники произвели залпъ изъ берданокъ и трижды прокричали ура! Природа была побѣждена силою общей идеи, взлелѣянной еще на родинѣ...

День перехода экспедиціи черезъ вершину Танъ-ла, седьмого ноября 1879 года, былъ ознаменованъ нападеніемъ тибетцевъ-еграевъ. Въ ожиданіи хорошей добычи разбойники давно слѣдили за караваномъ и, наконецъ, подъ предлогомъ продажи масла, партіей въ пятнадцать человѣкъ, проникли въ лагерь и завязали ссору. Одинъ еграй обнажилъ саблю, другой кинулся съ копьемъ на переводчика Абдула, а нѣсколько другихъ—на казаковъ. Все это было дѣломъ одной минуты, и Пржевальскій не хотѣлъ вѣрить во что-либо серьезное, пока не послѣдовали выстрѣлы съ противной стороны и не полетѣли, мѣтко бросаемые изъ пращей, камни... Тамъ и сямъ изъ-за сосѣднихъ скалъ раздавались выстрѣлы еграевъ. Пржевальскій съ отрядомъ открылъ огонь, и послѣ перваго залпа разбойники бросились на уходъ, потерявъ четырехъ человѣкъ убитыми и нѣсколькихъ ранеными.

Въ ожиданіи вторичнаго нападенія, бивуакъ экспедиціи былъ перенесенъ на болѣе открытое мѣсто и къ ночи принялъ видъ маленькаго укрѣпленія. На часахъ стояли двое казаковъ, а всѣ прочіе спали не раздѣваясь въ объятіяхъ съ ружьемъ. Въ теченіе всей ночи слышались крики въ ближайшихъ аулахъ: повидимому, путешественникамъ готовилось мщеніе.

Раннимъ утромъ караванъ готовъ къ выступленію; три эшелона были поставлены рядомъ другъ съ другомъ. „Впереди ихъ,—пишетъ Николай Михайловичъ,—собрались всѣ мы кучею, съ винтовками въ рукахъ, съ револьверами у пояса; въ сумкѣ у каждаго

Библиотека "Руниверс"

находилось по сто патроновъ; около четырехъ тысячъ тѣхъ же патроновъ везлись на вьюкахъ. Въ такомъ боевомъ порядкѣ двинулись мы впередъ къ ущелью, которое лежало по пути недалеко впереди насъ. Еграи заняли это ущелье конною партіею, стоявшею при входѣ, и нѣсколькими стрѣлками, усѣвшимися съ фитильными ружьями на скалахъ; другая конная партія расположилась на скатѣ горы прямо противъ нашей ночевки: наконецъ, третья собралась немного сзади, вѣроятно для того, чтобы атаковать насъ съ тыла, или можетъ быть задержать наше отступленіе".

Едва караванъ тронулся съ мѣста, еграи заволновались, пришли въ движеніе и огласили воздухъ дикими криками... Средняя кучка разбойниковъ двигалась параллельно каравану и когда приблизилась къ нему на разстояніе семисотъ шаговъ, Пржевальскій открылъ огонь. „Сократить еще разстояніе,—говоритъ онъ—не было разсчета, такъ какъ еграи, на своихъ отличныхъ коняхъ, въ нѣсколько мгновеній могли прискакать къ намъ и нашъ главный шансъ—дальнобойныя, скорострѣльныя ружья не могли быть пущены въ дѣло какъ слѣдуетъ". Нѣсколько залповъ по ближней партіи, а затѣмъ и по отдаленной, сдѣлали свое дѣло—еграи очистили дорогу и разбѣжались въ стороны. Караванъ благополучно миновалъ ущелье, вышелъ на равнину и пріютился лагеремъ въ долинѣ рѣчки Санъ-чю.

Между тѣмъ исторія на Танъ-ла быстро облетѣла окрестности, и впереди лежащіе населенные пункты пришли въ смятеніе. Русскіе идутъ сюда затѣмъ, кричали защитники Далай-ламы, чтобы уничтожить нашу вѣру; мы ихъ ни за что не пустимъ; пусть они сначала перебьютъ всѣхъ насъ, а затѣмъ войдутъ въ нашъ городъ. Тибетцы выставили посты отъ деревни Напчу до Танъ-ла и запретили мѣстнымъ жителямъ, подъ страхомъ казни, вступать съ русскими въ какія бы то ни было сношенія и даже продавать имъ продукты.

На содѣйствіе китайскаго резидента въ Лхасѣ разсчитывать было нечего, потому что и пекинскіе министры дѣйствовали недоброжелательно и въ душѣ были очень рады, если бы Пржевальскому не удалось проникнуть въ столицу Тибета. Китайскіе министры препроводили нашему повѣренному въ дѣлахъ, Кояндеру, копію съ донесенія высшихъ сы-чуаньскихъ властей, которыя писали, что несмотря на горячее ихъ желаніе оказать содѣйствіе венгерскому графу Зечени, въ его путешествіи въ Тибетѣ, онѣ не могутъ этого сдѣлать, такъ какъ тибетскіе тангуты выставили своихъ солдатъ

Библиотека "Руниверс"

для удержанія путешественника. Защитники тибетскаго духовнаго престола говорили, что они рѣшились ни въ какомъ случаѣ не впускать къ себѣ иностранцевъ, и если графъ Зечени рѣшился вступить въ предѣлы Тибета, то доставленіе головы его будетъ сочтено подвигомъ, въ поощреніе котораго обѣщанъ былъ цѣнный призъ. Опасаясь, чтобы того же не произошло и съ Н. М. Пржевальскимъ, китайскіе министры торопились предварить о томъ нашего повѣреннаго въ Пекинѣ и сложить съ себя всякую отвѣтственность.

— Всѣ эти соображенія, отвѣчалъ Кояндеръ китайскимъ министрамъ, а также и извѣстная осторожность и энергія нашего путешественника полковника Пржевальскаго не оставляютъ во мнѣ сомнѣнія въ томъ, что онъ благополучно прослѣдовалъ черезъ пустыни сѣвернаго Тибета и достигъ мѣстностей, гдѣ начинается осѣдлое населеніе, и гдѣ властямъ почтеннаго государства не можетъ представиться затруднительнымъ оказывать ему должную защиту и покровительство. Я увѣренъ, что власти невѣрно поняли переданный имъ слухъ, который, если бы онъ оказался справедливымъ, конечно, побудилъ бы ихъ немедленно же принять надлежащія мѣры противъ бунтовщиковъ. Иначе можно было бы подумать, что Тибетъ страна совершенно независимая, и тогда характеръ отношеній къ ней, ея сосѣдей, несомнѣнно измѣнился бы.

Не желая признать Тибета независимымъ, министры увѣряли, что они получили коллективное письмо отъ ламъ, просившихъ не разрѣшать иностранцамъ входъ въ Тибетъ. Ничего не подозрѣвая о перепискѣ и пререканіяхъ вообще по поводу русской экспедиціи, Пржевальскій шелъ смѣло впередъ...

Съ приближеніемъ каравана къ деревнѣ Напчу, навстрѣчу были высланы двое тибетскихъ чиновниковъ, съ конвоемъ, съ цѣлью разузнать, кто такіе путешественники и зачѣмъ идутъ? Чиновники держали себя очень вѣжливо и вошли въ юрту только по приглашенію. „Я объяснилъ, — говоритъ Николай Михайловичъ,—что всѣ мы русскіе, и идемъ въ Тибетъ за тѣмъ, чтобы посмотрѣть эту неизвѣстную для насъ страну, узнать, какіе живутъ въ ней люди, какіе водятся звѣри, птицы, какая здѣсь растительность и т. д.; словомъ, цѣль наша исключительно научная. На это тибетцы отвѣтили, что русскіе еще никогда не были въ Лхасѣ, что сюда съ сѣвера приходятъ только монголы, тангуты, да сининскіе торговцы, и что правительство тибетское рѣшило не пускать насъ далѣе. Я показалъ свой пекинскій паспортъ и заявилъ, что самовольно мы никогда бы не пошли въ Тибетъ, если бы не имѣли на то дозволенія китайскаго государя, что, слѣдова-

Библиотека "Руниверс"

тельно, не пускать насъ далѣе не имѣютъ никакого права и что мы низачто не вернемся безъ окончательнаго разъясненія этого дѣла". Отвѣтъ могъ быть полученъ только изъ Лхасы, и чиновники просили начальника экспедиціи обождать недѣли двѣ, прежде нежели желаніе его будетъ исполнено. Обстоятельства заставили согласиться Пржевальскаго, и онъ отдалъ распоряженіе перенести бивуакъ къ ручью Ніеръ-чунгу, вытекающему изъ подошвы горы Бумза.

Подобная невольная остановка, послѣ тридцати-дневныхъ переходовъ безъ дневокъ, необходима была и для отдыха. Пользуясь ею, всѣ члены экспедиціи вымылись, выбрились и стали немного походить на европейцевъ. Одежда и обувь, равно походныя принадлежности поизносились, поистрепались, требовалось во всемъ этомъ обстоятельное ремонтированіе. „Трудное теперь переживаемъ мы время, говоритъ Николай Михайловичъ. Тягостная неизвѣстность впереди на счетъ посѣщенія Лхасы, огромная—16.000 футовъ—абсолютная высота, холода, бури, ночное одинадцати-часовое лежаніе на грязныхъ войлокахъ и часто безъ сна—все это вмѣстѣ донимаетъ насъ. Хорошо еще, что у меня есть работа—писаніе о Тибетѣ, иначе не зналъ бы что дѣлать отъ скуки. На охоту ходить некуда—звѣрей нѣтъ, птицы же все однѣ и тѣ же".

Прошло шестнадцать сутокъ, прежде чѣмъ былъ полученъ отвѣтъ, и все это время Пржевальскій былъ въ тревожномъ состояніи. Онъ сознавалъ, что караванъ его запертъ: спереди—въ деревнѣ Напчу, было собрано до тысячи солдатъ и милиціи, а сзади—на Танъ-ла, несомнѣнно егран поджидали возвращенія. Отвѣтъ же гласилъ слѣдующее: *по постановленію важныхъ сановниковъ Тибета, рѣшено не пропускать русскихъ въ Лхасу*. На слѣдующій день вслѣдъ за письменнымъ отвѣтомъ явился тибетскій посланникъ, который остановился въ одной изъ двухъ палатокъ, поставленныхъ недалеко отъ русскаго бивуака для него и для свиты. Переодѣвшись въ богатую соболью шубу, посланникъ пришелъ на бивуакъ въ сопровожденіи намѣстниковъ трехъ большихъ монастырей и представителей тринадцати аймаковъ собственно далай-ламскихъ владѣній. Послѣ обычныхъ привѣтствій, посланникъ спросилъ: съ кѣмъ онъ имѣетъ честь видѣться—съ русскими или англичанами? Получивъ надлежащій отвѣтъ, онъ началъ говорить, что русскіе никогда не были въ Лхасѣ, что они иной вѣры, и что правители Тибета и Далай-лама не желаютъ пустить ихъ къ себѣ.

„На это я отвѣчалъ, говоритъ Пржевальскій, что хотя мы и разной вѣры, но Богъ одинъ для всѣхъ людей; что по закону

Библиотека "Руниверс"

божескому, странниковъ, кто бы они ни были, слѣдуетъ радушно принимать, а не прогонять; что мы идемъ безъ всякихъ дурныхъ намѣреній, собственно посмотрѣть Тибетъ и изучить его научно; что, наконецъ, насъ всего тринадцать человѣкъ, слѣдовательно, мы никоимъ образомъ не можемъ быть опасны". Посланникъ, повторивъ свои доводы, самымъ унизительнымъ образомъ умолялъ не ходить далѣе и обѣщалъ уплатить всѣ расходы по путешествію, если только русскіе согласятся повернуть назадъ. Отвергнувъ вопросъ объ уплатѣ денежныхъ издержекъ, какъ недостойный русской чести, Пржевальскій объявилъ, что онъ возвратится, но просилъ выдать ему бумагу съ объясненіемъ причинъ, почему его не пустили въ столицу Далай-Ламы. Послѣ совѣщаній между собою посольство заявило, что, не будучи уполномочено, не можетъ дать такой бумаги.—Завтра утромъ мы выступаемъ, сказалъ тогда Пржевальскій; если будетъ доставлена требуемая бумага, то пойдемъ назадъ, если же нѣтъ, то двинемся къ Лхасѣ.

Послѣ новыхъ совѣщаній посланникъ заявилъ, что онъ готовъ дать такую бумагу, но для составленія ея ему необходимо вернуться къ своему стану, расположенному верстахъ въ десяти отъ русскаго бивуака.—Тамъ, добавилъ посланникъ, *мы* будемъ вмѣстѣ редактировать объясненія на счетъ отказа въ пропускѣ васъ въ Лхасу, и если за это впослѣдствіи будутъ рубить намъ головы, то пусть уже рубятъ всѣмъ.

— Я путешествую много лѣтъ, отвѣчалъ Николай Михайловичъ, но нигдѣ еще не встрѣчалъ такихъ дурныхъ и негостепріимныхъ людей, каковы тибетцы; рано или поздно къ нимъ все-таки придутъ европейцы и заставятъ пустить себя силою... Отвѣта на это *пророческое* нравоученіе не послѣдовало, а на слѣдующій день была доставлена требуемая бумага, въ которой приводились тѣ же причины, которыя объяснялъ посланникъ при первомъ свиданіи.

Итакъ, не дойдя всего двухсотъ пятидесяти верстъ до столицы Тибета, Пржевальскій долженъ былъ повернуть назадъ. „Трудно описать, говоритъ онъ въ письмѣ къ Кояндеру, съ какимъ грустнымъ чувствомъ повернулъ я въ обратный путь! Но видно такая моя судьба! Пусть другой, болѣе счастливый путешественникъ, докончитъ не докончennое мною въ Азіи. Съ моей же стороны сдѣлано все, что возможно было сдѣлать"...

Пржевальскій самъ разсчитывалъ на лучшее будущее, а теперь рѣшилъ йдти въ Цайдамъ и посвятить весну и лѣто изслѣдованію Желтой рѣки, гдѣ, какъ извѣстно, не бывали еще европейцы. Пока вьючили караванъ, тибетскіе чиновники съ особеннымъ вниманіемъ

Библиотека "Руниверс"

разсматривали оружіе; потомъ любезно распрощались съ русскими и какъ бы не вѣря, что они пойдутъ назадъ, стоя группою, слѣдили за караваномъ до тѣхъ поръ, пока онъ ни скрылся за ближайшими горами.

Обратное слѣдованіе было сопряжено съ еще большими трудностями, нежели передній путь, такъ какъ наступала глубокая зима. „Необходимо было спѣшить, пишетъ Николай Михайловичъ, ибо наши верблюды слабѣли съ каждымъ днемъ, а запасы провизіи истощались, за исключеніемъ одного мяса, котораго можно было добыть охотою сколько угодно. Въ рождественскій сочельникъ выяснилось, что у насъ дзамбы только сто семь фунтовъ; между тѣмъ впереди путь еще далекій. Поэтому съ завтрашняго дня казакамъ будетъ выдаваться только по полфунта въ день на каждаго. Соли тоже мало. Казаки ѣдятъ какъ фараоновы коровы. Вообще они звѣри, а не люди, но съ такими только и возможно путешествіе въ здѣшнихъ странахъ. Нужно, чтобы казакъ былъ звѣрь, но на уздѣ. Солдаты—тѣ гораздо лучше, нравственнѣе и вообще благороднѣе. Съ ними и обращаться можно по-человѣчески; съ казаками же должна быть строгость неумолимая...

„Сегодня день Рождества. Достали и ѣли презервированную рыбу (треску) и земляничное варенье. Казакамъ было дано немного сахару и по три сигары изъ подарочныхъ“.

Новый 1880-й годъ Пржевальскій встрѣтилъ, какъ то было замѣчено выше, въ горахъ Думбуре, въ царствѣ дикой природы Тибета, среди звѣрей: яковъ, хулановъ, антилопъ „и вдали-дальней отъ всего цивилизованнаго міра. Притомъ, записалъ онъ въ дневникѣ, сегодня ровно половина (по времени) нашего путешествія: десять мѣсяцевъ тому назадъ, мы пріѣхали въ Зайсанъ; десять же мѣсяцевъ остается, по вѣроятному разсчету, до возвращенія нашего въ Кяхту. Дай Богъ, чтобы и наступающая вторая половина путешествія прошла такъ же благополучно и продуктивно для науки, какъ первая. Тогда со спокойною совѣстью, какъ и теперь, я оглянусь назадъ, зная, что еще одинъ годъ своей жизни прожилъ не даромъ... Ради новаго года казакамъ дано было по полуимперіалу. Сами мы ѣли варенье и фрукты въ сахарѣ, которые предназначались для Далай-ламы, но, по счастью, не попали къ этому.....“

Отпраздновавъ новый годъ, путешественники черезъ хребетъ Гурбунайджи спустились на рѣку Найджинъ-голъ. Здѣсь роздана была казакамъ послѣдняя порція дзамбы; рису, съ которымъ варился супъ, осталось также лишь нѣсколько горстей. „Назадъ на

Библиотека "Руниверс"

Тибетъ, говоритъ Пржевальскій, страшно было даже посмотрѣть: тамъ постоянно стояли теперь тучи и, вѣроятно, бушевала непогода. Мы сами хотя счастливо вынесли эти трудности, но чувствовали себя истомленными и не добромъ поминали тибетскія пустыни. Здѣсь же, на Найджинъ-голѣ, было довольно тепло, хотя изрѣдка моросилъ снѣгъ—остатокъ тибетскихъ бурановъ. Этотъ снѣгъ покрывалъ окрестныя горы бѣлою пеленою; но на долинѣ рѣки быстро растаивалъ. Теперь оказалось возможнымъ снять и лишнее теплое одѣяніе, безъ котораго ходить и ѣздить верхомъ было несравненно удобнѣе, въ особенности при безпрестанныхъ слѣзаніяхъ съ коня, для дѣланія засѣчекъ буссолью".

Тридцать перваго января караванъ прибылъ въ Цайдамъ, гдѣ оказалось еще теплѣе, но гдѣ Пржевальскій съ неудовольствіемъ узналъ, что оставленный имъ пакетъ не былъ отправленъ въ Пекинъ, какъ онъ просилъ, а возвращенъ ему. Привыкшее получать періодически отъ Николая Михайловича извѣстіе о его путешествіи, Пекинское посольство, на этотъ разъ, въ теченіе полугода не имѣло о немъ никакихъ свѣдѣній и считало его погибшимъ въ пустыняхъ Тибета. „Участь экспедиціи полковника Пржевальскаго, писалъ нашъ повѣренный въ дѣлахъ министерству, внушаетъ мнѣ серьезное безпокойство. Третьяго дня англійскій посланникъ передалъ мнѣ, что по полученнымъ имъ изъ Сы-чуани извѣстіямъ, тамъ ходятъ слухи, будто партія иностранцевъ, направившаяся въ Лхасу съ сѣвера, встрѣчаетъ такія же затрудненія, какъ графъ Зечени на востокѣ. Въ тотъ же день министры сообщили мнѣ донесенія имъ синиискаго губернатора и сы-чуаньскихъ властей, извѣщающихъ, что о Пржевальскомъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній, и что, въ виду пустынности проходимыхъ мѣстъ, китайскія власти не могутъ быть отвѣтственными за случайности. Что означаютъ эти донесенія? простую ли предосторожность, принимаемую властями на всякій случай, или же желаніе приготовить меня къ болѣе тревожнымъ и непріятнымъ вѣстямъ,—опредѣлить трудно".

Эти извѣстія произвели тогда въ Петербургѣ тяжелое впечатлѣніе: всѣ единогласно утверждали о гибели Николая Михайловича, какъ о фактѣ совершившемся, нѣкоторые кружки молились въ Казанскомъ соборѣ за упокой душъ путешественниковъ и крайне сожалѣли, въ особенности о начальникѣ экспедиціи, какъ о безвременно погибшемъ... „Недавно, сказано было въ „Историческомъ Вѣстникѣ", черезъ иностранную, конечно, печать мы съ прискорбіемъ узнали, что въ австрійскихъ газетахъ, черезъ посредство путешествующаго по внутреннему Китаю мадьярскаго графа Зечени,

Библиотека "Руниверс"

стали говорить, будто нашъ соотечественникъ ограбленъ, убитъ. Утѣшаетъ лишь то, что наша пекинская миссія ничего о гибели Пржевальскаго не знаетъ... Ливингстона искали, Пайера искали, Норденшельда искали, а Пржевальскаго никто искать и не думаетъ. Стоило бы однако позаботиться о его судьбѣ, въ особенности въ тотъ моментъ, когда Китай становится прямо въ враждебныя отношенія къ Россіи...“

Наконецъ, въ февралѣ было получено успокоительное свѣдѣніе о томъ, что не только Пржевальскій, но и всѣ остальные члены экспедиціи живы и здоровы. Скоро пришло извѣстіе и отъ самого Николая Михайловича, съ предположеніемъ о дальнѣйшемъ путешествіи къ истокамъ Желтой рѣки.

Въ сравнительно короткій срокъ, обновленный караванъ перенесъ экспедицію въ западное сосѣдство города Донгэра, откуда, на-легкѣ, Пржевальскій отправился въ Синингъ для свиданія съ мѣстнымъ губернаторомъ. Свиданіе было очень парадное и происходило въ ямынѣ—присутственномъ мѣстѣ, въ воротахъ котораго были выстроены солдаты со знаменами. „Несмотря на довольно холодный день, говоритъ Пржевальскій, всѣ присутствующіе помѣщались въ открытой фанзѣ; на дворѣ ея набилось народу видимо-невидимо. Когда всѣ власти собрались и пріѣхалъ самъ губернаторъ, мнѣ дали знать, что насъ ожидаютъ. Я поѣхалъ верхомъ, въ сопровожденіи прапорщика Роборовскаго, переводчика и двухъ казаковъ; на улицахъ впереди, сзади и по бокамъ насъ, тѣснилась огромная толпа народа, вплоть до самыхъ воротъ ямыня, гдѣ мы слѣзли съ лошадей и вошли во дворъ. Пройдя черезъ этотъ дворъ, мы очутились во второмъ отдѣленіи внутренней ограды и здѣсь встрѣтились съ цинъ-цай'емъ. Послѣдній вѣжливо, но весьма холодно, раскланялся съ нами и пригласилъ насъ въ фанзу, назначенную для пріема. Здѣсь губернаторъ усѣлся посрединѣ, прямо противъ входа, и пригласилъ меня сѣсть рядомъ съ собою; прочія же власти, и вмѣстѣ съ ними г. Роборовскій размѣстились возлѣ боковыхъ стѣнъ той же фанзы; переводчикъ Абдулъ стоялъ возлѣ насъ; казаки остались на заднемъ дворѣ“.

Прежде всего цинъ-цай спросилъ, куда Пржевальскій намѣренъ идти далѣе?

— Нынѣшнею весною, отвѣчалъ начальникъ экспедиціи, мы пойдемъ на верховье Желтой рѣки и пробудемъ тамъ мѣсяца три или четыре, смотря по тому, какъ много найдется научной работы.

— Не пущу туда, живо возразилъ цинъ-цай, я имѣю предписаніе изъ Пекина какъ можно скорѣе выпроводить васъ отсюда и

Библиотека "Руниверс"

предлагаю вамъ идти въ Алашà. При этомъ амбань пристально смотрѣлъ на Николая Михайловича, какъ бы желая видѣть, какое впечатлѣніе произведетъ на него такой категорическій отвѣтъ.

— На Желтую рѣку, отвѣчалъ съ улыбкою Пржевальскій, мы пойдемъ и безъ позволенія.

— Знаете ли, началъ цинъ-цай послѣ нѣкотораго молчанія и какъ бы желая испугать собесѣдника, на верховьи Желтой рѣки живутъ разбойники—тангуты, которые, какъ мнѣ хорошо извѣстно, собираются умертвить всѣхъ васъ, въ отмщеніе за побитіе егораевъ въ Тибетѣ. Тангуты народъ храбрый, можно даже сказать отчаянный. Я самъ никакъ не могу съ ними справиться, несмотря на то, что у меня много солдатъ, и всѣ они воины отличные. Если не вѣрите мнѣ, спросите у другихъ здѣшнихъ чиновниковъ. Присутствовавшіе при аудіенціи китайцы стали почтительно кивать головами и бормотать, а одинъ изъ нихъ всталъ и доложилъ цинъ-цай'ю, что на Хуанъ-хэ живутъ даже людоѣды.

— Намъ необходимо идти на Хуанъ-хэ, говорилъ Пржевальскій, и мы пойдемъ туда даже безъ проводника, какъ то не разъ уже дѣлали. Тогда цинъ-цай сталъ упрашивать, чтобы экспедиція ограничила свое пребываніе на Желтой рѣкѣ пятью—шестью днями; чтобы Николай Михайловичъ далъ ему расписку въ томъ, что предполагаемое путешествіе беретъ на свой рискъ.—Дать требуемую расписку я охотно согласился, пишетъ Пржевальскій, тѣмъ болѣе, что этимъ мы избавлялись отъ китайскаго конвоя, который былъ бы великою обузою, а при дѣйствительной опасности ни отъ чего бы не защитилъ; наоборотъ, всего вѣроятнѣе, самъ бы сталъ подъ нашу защиту...

Черезъ три дня Николай Михайловичъ оставилъ Сининъ, закупивъ продовольствіе и муловъ, необходимыхъ для слѣдованія въ лѣсныя горы, а также устроивъ свои коллекціи, чтобы не тащить ихъ съ собою на Желтую рѣку... Весеннее теплое солнышко и голубое небо манили въ объятія горной природы... По возвращеніи Пржевальскаго въ лагерь, экспедиція вскорѣ снялась караваномъ и радостно двинулась въ дальнѣйшій путь, пересѣкая холмы, съ южнаго склона которыхъ увидѣла давно желанную Хуанъ-хэ, „широкою лентою извивавшуюся въ темной каймѣ кустарныхъ зарослей и обставленную гигантскими обрывами на противоположномъ берегу“. Еще нѣсколько часовъ, и Пржевальскій съ своими спутниками любовался высокими пѣнистыми волнами этой могучей рѣки, грозно катившей свои студеныя воды съ высокаго нагорья Тибета. Вверхъ и внизъ по долинѣ темнѣли корридоры отвѣсныхъ береговъ, изрѣзывающихъ

Библиотека "Руниверс"

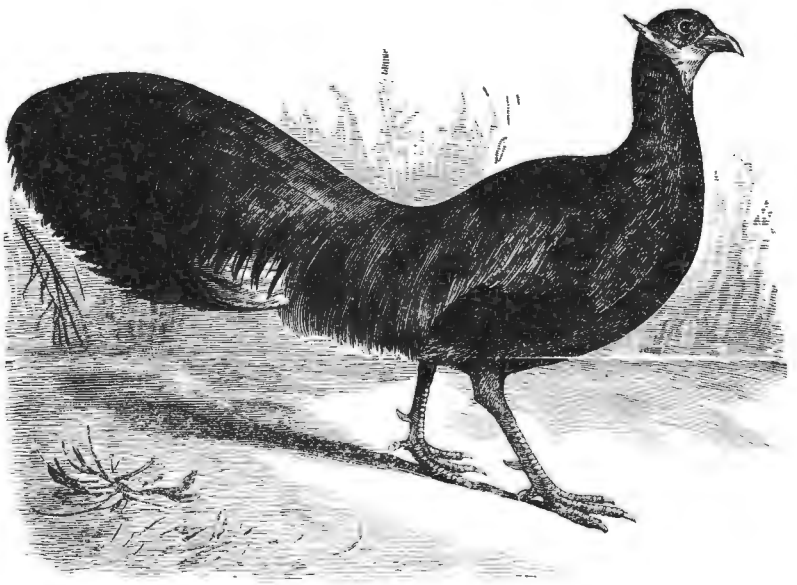
всю мѣстность и скрывающихъ самую рѣку отъ непривычнаго человѣка.

„Идешь по луговому плато, говоритъ Николай Михайловичъ, совершенно гладкому, какъ вдругъ подъ самыми ногами раскрывается страшная пропасть, по дну которой обыкновенно течетъ рѣчка, обросшая лиственными деревьями; густые кустарники зачастую покрываютъ болѣе пологія мѣста боковыхъ обрывовъ. Въ подобныя пропасти ведутъ тропинки, проложенныя сифанями. Помучились мы, въ особенности наши животныя, не мало, переходя одно за другимъ такія изрѣзанныя ущелья. Къ неудобствамъ движенія присоединялось еще и враждебное настроеніе мѣстныхъ жителей...“

Въ глубокомъ, тепломъ ущельи Бага-горги путешественники успѣшно поохотились за ушастыми фазанами—Crossoptilon auritum, изящныя хвостовыя перья которыхъ, какъ извѣстно, идутъ на украшеніе форменныхъ шляпъ китайскихъ чиновниковъ. „Въ особенности сильно запечатлѣлась въ моей памяти, пишетъ Николай Михайловичъ, одна изъ подобныхъ охотъ на той же Бага-горги. Мы отправились передъ вечеромъ вчетверомъ, верхомъ, версты за четыре отъ своего стойбища, взяли съ собою войлоки и одѣяла для ночевки, чайникъ для варки чая и кусокъ баранины на жаркое, словомъ, снарядились съ извѣстнымъ комфортомъ. Передъ закатомъ солнца добрались до мѣста охоты и, оставивъ лошадей съ казакомъ Телешевымъ на полянкѣ, невдалекѣ отъ ручья, пошли въ ближайшіе кустарники караулить ушастыхъ фазановъ на ихъ ночевкахъ. Выбрали для этого большія, въ разсыпную стоящія, ели, подъ которыми имѣлись несомнѣнные признаки частаго здѣсь пребыванія описываемыхъ птицъ. Усѣлись и ждемъ. Солнце опустилось за горы и мало-по-малу птицы начали думать о ночлегѣ. Стая голубыхъ сорокъ прилетѣла къ ключику близъ нашихъ елей, покопошилась нѣсколько минутъ на землѣ и, съ своимъ обычнымъ трещаньемъ, отправилась въ густой кустарникъ. Большіе дрозды—Merula Kesslerі одинъ за другимъ начали прилетать съ разныхъ сторонъ на тѣ же ели, гонялись здѣсь другъ за другомъ, съ чоканіемъ и трещаніемъ перелетали съ одного дерева на другое, или лазили по густымъ вѣткамъ; между тѣмъ одинъ изъ тѣхъ же дроздовъ громко пѣлъ на вершинѣ дерева. Голосъ этого дрозда много походитъ на голосъ дрозда пѣвчаго. Невольно вспомнились мнѣ теперь наши весенніе вечера, въ которые, бывало, на родинѣ, я слушалъ пѣніе птицъ, стоя на тягѣ вальдшнеповъ въ лѣсу. И мысль моя далеко унеслась по пространству и по времени... Чѣмъ болѣе

Библиотека "Руниверс"

надвигались сумерки, тѣмъ неугомоннѣе становились дрозды, наконецъ стихли всѣ разомъ; смолкли и мелкія пташки; стало все тихо кругомъ, словно въ лѣсу не было ни одного живого существа... Луна поднялась на востокѣ горизонта; вечерняя заря догорала на западѣ—и мы, не дождавшись фазановъ, спустились къ своему бивуаку. Здѣсь горѣлъ огонь, казакъ сварилъ чай и зажарилъ на вертелѣ баранину. Мы поужинали съ прекраснымъ аппетитомъ; затѣмъ, на мшистой почвѣ разостлали войлоки, сѣдла положили въ изголовья и



Ушастый фазанъ (Crossoptilon auritum).

легли спать. Но не спалось мнѣ! Великолѣпно хороша была тихая весенняя ночь. Луна свѣтила такъ ярко, что можно было читать; вокругъ чернѣлъ лѣсъ; впереди и позади насъ, словно гигантскія стѣны, высились отвѣсные обрывы ущелья, по дну котораго съ шумомъ бѣжалъ ручей. Рѣдко выпадали намъ, во время путешествія, подобныя ночовки—и тѣмъ сильнѣе чувствовалось наслажденіе въ данную минуту. То была радость тихая, успокоивающая, какую можно встрѣтить только среди матери-природы...

„Наконецъ дремота одолѣла, и я заснулъ, но въ теченіе ночи просыпался нѣсколько разъ. Все также было тихо и спокойно кругомъ, лишь журчалъ внизу ручей, да изрѣдка фыркали привязанныя лошади. Взглянешь на луну—та стоитъ еще высоко, слѣдо-

Библиотека "Руниверс"

вательно, до утра еще не близко; перевернешься на другой бокъ, плотнѣе закутаешься въ мѣховое одѣяло и опять забудешься сладкимъ сномъ. Къ утру похолодѣло; луна ушла за горы и, наконецъ, чуть замѣтная полоска свѣта забѣлѣла на востокѣ. Пора вставать и идти въ засадки. Казакъ всталъ еще раньше и опять вскипятилъ чай. Быстро сброшены были теплыя одѣяла, надѣто охотничье платье и замерзшіе, но у огня теперь отогрѣтые, сапоги. Затѣмъ мы проглотили по чашкѣ горячаго чая и отправились въ засадки, боясь не упустить дорогое время. Но оно еще не наступило, все еще спало въ лѣсу—и мы не опоздали занять свои мѣста. Вотъ хрипло прозвучала сифаньская куропатка, и послышалось трещанье голубыхъ сорокъ. Вслѣдъ за тѣмъ раздался громкій крикъ ушастаго фазана, въ отвѣтъ которому закричали другія пары изъ разныхъ уголковъ лѣсныхъ ущелій... Радостно забилось сердце охотника... Надежда на желанную добычу замѣнила всѣ другіе помыслы и мечты; только минуты ожиданія казались теперь слишкомъ долгими.

„Между тѣмъ уже порядочно разсвѣло, и голоса проснувшихся птицъ быстро огласили лѣсъ: слышался громкій свистъ хый-ла-по, чоканіе дроздовъ, писк синицъ и завирушекъ; но ушастые фазаны кричали лишь изрѣдка, тихо подвигаясь изъ лѣса на поляны. Наконецъ, вдали отъ меня мелькнула эта птица—то два самца дрались между собою. Затѣмъ прокричала и выбѣжала на дальній обрывъ новая пара—опять таки внѣ моего выстрѣла. Досада и чуть не отчаяніе начали овладѣвать мною; тѣмъ болѣе, что со стороны товарищей уже раздался выстрѣлъ, конечно по ушастому фазану. Нѣсколько разъ меня подзадоривало встать изъ засадки и идти искать фазановъ на удачу по лѣсу; но я рѣшился выдержать искушеніе до конца, несмотря на то, что достаточно продрогъ на утреннемъ морозѣ. Настойчивость эта была, наконецъ, вознаграждена. Послѣ того, какъ уже взошло солнце, пара ушастыхъ фазановъ показалась изъ кустовъ шагахъ въ сорока отъ моей засадки. Красивыя птицы шли мѣрнымъ шагомъ, не подозрѣвая вовсе опасности. Первымъ выстрѣломъ я убилъ самца, вторымъ ранилъ самку, которая однако успѣла убѣжать и скрыться въ ближайшемъ лѣсу. Затѣмъ съ своею добычею я отправился къ мѣсту ночлега, гдѣ товарищи, убившіе также одного фазана, уже дожидались меня съ осѣдланными лошадьми“...

...Съ первыхъ лѣтъ знакомства и дружбы съ Н. М. Пржевальскимъ, я уже проникся сознаніемъ, что человѣкъ въ тѣсномъ общеніи съ природой дѣлается лучшимъ. Своимъ обаяніемъ природа захватываетъ человѣка и дольше сохраняетъ въ немъ чистоту, цѣль-

Библиотека "Руниверс"

ность и чуткость души. Среди природы человѣкъ легче дышетъ, шире мыслитъ, глубже чувствуетъ, чище любитъ... Пржевальскій особенно любилъ и особенно понималъ душу природы и ея волшебную красоту... Въ городахъ онъ бывалъ нервный, раздражительный, среди же природы—нѣжный, обаятельный. Только Николай Михайловичъ умѣлъ говорить языкомъ природы, только съ его устъ слетали такія слова: „Чарующее впечатлѣніе производитъ эта красивая птичка, Grandala coelicolor, сидящая словно цвѣтокъ на лугу, или порхающая по скаламъ. Иногда даже жалко стрѣлять въ милое, довѣрчивое созданіе. И всякій разъ, убивши голубого чеккана, сначала нѣсколько минутъ полюбуешься имъ, а потомъ уже спрячешь въ свою сумку... Не мало оригинальности придаетъ подобной охотѣ сама мѣстность [1]). Приходится лазить или сидѣть на высотѣ въ 13—14.000 футовъ, нерѣдко въ облакахъ, иногда даже выше ихъ. Во всѣ стороны раскрывается далекій, необъятный горизонтъ; смотришь вдаль и не насмотришься вдоволь“...

Тѣмъ временемъ намѣченный для изслѣдованія районъ въ амдоской альпійской области былъ посѣщенъ экспедиціей, и Н. М. Пржевальскій повернулъ къ родному сѣверу, держа путь черезъ Кукуноръ и Гань-су, въ Алаша... „Шестого іюня, записалъ онъ въ своемъ дневникѣ, распрощались мы съ Куку-норомъ вѣроятно уже навсегда. Передъ отходомъ я нѣсколько минутъ пристально глядѣлъ на красивое озеро, стараясь живѣе запечатлѣть въ памяти его панораму. Да, навѣрное въ будущемъ не одинъ разъ вспомню я о счастливыхъ годахъ своей странической жизни. Много въ ней перенесено было невзгодъ, но много испытано и наслажденій, много пережито такихъ минутъ, которыя не забудутся до гроба“...

Еще болѣе трогательно прощается Николай Михайловичъ съ горами Гань-су, среди которыхъ темной змѣей извивается и сердито клокочетъ пѣнистыми брызгами его любимецъ—гордый красавецъ Тэтунгъ... „На самомъ перевалѣ, говоритъ онъ, въ ожиданіи прихода отставшаго немного каравана, я нѣсколько минутъ пристально смотрѣлъ на великолѣпную панораму горъ. Оба хребта—на южной и на сѣверной сторонѣ Тэтунга—раскидывались передо мною и убѣгали вдаль къ западу, теряясь въ легкомъ синеватомъ туманѣ, наполнявшемъ воздухъ.

---

[1]) Охота на голубыхъ чеккановъ (Grandala coelicolor) производилась въ горахъ Джахаръ—все въ той же альпійской области, которая прилегала къ Желтой рѣкѣ.

Библиотека "Руниверс"

„Справа, невдалекѣ, стояла скалистая вершина Гаджура, не окутанная противъ обыкновенія облаками. Внизу, подъ самыми моими ногами темнѣло глубокое ущелье и множество другихъ ущелій большихъ и малыхъ, близкихъ и далекихъ бороздили горы и извивались въ различныхъ направленіяхъ. Насколько хваталъ глазъ, все было перепутано, изломано, исковеркано. На общемъ зеленомъ фонѣ горъ, тамъ и сямъ выдѣлялись болѣе темныя площади лѣсовъ и кустарниковъ или голыя желтовато-сѣрыя скалы.

„Любовался глазъ, радовалось сердце. Но въ то же время грустное чувство охватывало душу, при мысли, что скоро придется разстаться со всѣми этими прелестями.

„Сколько разъ я былъ счастливъ, сидя одинокимъ на высокихъ горныхъ вершинахъ! Сколько разъ завидывалъ пролетавшему въ это время мимо меня грифу, который можетъ подняться еще выше и созерцать панорамы еще болѣе величественныя...

„Лучшимъ дѣлается человѣкъ въ такія минуты. Словно, поднявшись въ высь, онъ отрѣшается отъ своихъ мелкихъ помысловъ и страстей. Могу сказать, кто не бывалъ въ высокихъ горахъ, тотъ не знаетъ грандіозныхъ красотъ природы!..“

Спустились въ долину, и обстановка рѣзко измѣнилась: взамѣнъ пріятной прохлады горъ, экспедиція встрѣтила сильную жару и чрезвычайную сухость атмосферы. Раскаленная днемъ почва горячо дышала до слѣдующаго утра, а тамъ опять багровымъ дискомъ показывалось дневное свѣтило и быстро накаляло все, что хотя немного успѣвало остынуть въ теченіе ночи. Въ первый день, пришедшая съ запада сильная буря, наполнившая воздухъ тучами удушливой пыли, была словно привѣтомъ пустыни...

Побуждаемые внутреннимъ чувствомъ путешественники не испытывали теперь особенной усталости и, смѣнивъ въ Алашà своихъ вьючныхъ муловъ на верблюдовъ, ходко изо-дня въ-день, подвигались къ Ургѣ; къ тому же близилась осень,— самое лучшее время года для прохожденія пустыни Гоби. И она была, дѣйствительно, скоро и благополучно пройдена. Только послѣдній переходъ къ Ургѣ тянулся невыносимо долго, и нетерпѣніе скорѣе придти на мѣсто съ каждымъ часомъ усиливалось: „Наконецъ, пишетъ Николай Михайловичъ, съ послѣдняго перевала, передъ нами раскрылась широкая долина рѣки Толы, а въ глубинѣ этой долины, на бѣломъ фонѣ недавно выпавшаго снѣга, чернѣлся грязною безобразною кучею священный монгольскій городъ Урга. Еще два часа черепашьей ходьбы—и вдали замелькало красивое зданіе нашего кон-

Библиотека "Руниверс"

сульства. Тутъ же и быстрая Тола струила свою свѣтлую, еще не замерзшую воду; справа на горѣ Ханъ-ула чернѣлъ густой нетронутый лѣсъ. Обстановка пустыни круто измѣнилась. Попадали мы словно въ иной міръ. Близился конецъ девятнадцати-мѣсячнымъ трудамъ и многоразличнымъ невзгодамъ. Родное, европейское, чувствовалось уже недалеко. Грязные монголы, встрѣчавшіеся по пути, казались теперь еще противнѣе... Нетерпѣніе наше росло съ каждымъ шагомъ; ежеминутно подгонялись усталыя лошади и верблюды... Но вотъ мы, наконецъ, и въ воротахъ знакомаго дома, видимъ родныя лица, слышимъ родную рѣчь... Радушная встрѣча соотечественниковъ, обоюдные разспросы, письма отъ друзей и родныхъ, теплая комната, взамѣнъ грязной холодной юрты, разнообразныя яства, чистое бѣлье и платье—все это сразу на столько обновило насъ, что прошлое, даже весьма недавнее, казалось грезами обманчиваго сна...

„Бури грозны миновали,
Выплылъ на берегъ пловецъ,
Но ему вѣдь не сказали,
Что всѣмъ бурямъ ужъ конецъ“...

Теперь Н. М. Пржевальскій всею душою стремился въ Петербургъ, котораго, однако, достигъ только седьмого января (1881 года), такъ какъ ѣзда на почтовыхъ до Оренбурга и остановки въ главныхъ городахъ для встрѣчъ и лекцій заняли не мало времени. Петербургъ, въ свою очередь, также жаждалъ видѣть Пржевальскаго... Вечеромъ четырнадцатаго января состоялось чрезвычайное торжественное собраніе Императорскаго русскаго географическаго общества, назначенное для привѣтствованія путешественника и происходившее въ концертной залѣ дворца великой княгини Екатерины Михаиловны. Публика допускалась избранная и исключительно по билетамъ.

Въ восемь часовъ двадцать минутъ, на эстраду, гдѣ за особымъ столомъ находились члены совѣта географическаго общества, взошелъ великій князь Константинъ Николаевичъ, въ сопровожденіи П. П. Семенова и Н. М. Пржевальскаго. Когда послѣдній подошелъ къ столу, зала огласилась взрывомъ рукоплесканій. На каѳедру вошелъ П. П. Семеновъ и въ краткой рѣчи оцѣнилъ заслуги Пржевальскаго.

— Въ послѣднемъ своемъ собраніи, сказалъ онъ по окончаніи рѣчи и обращаясь къ Николаю Михайловичу, русское географиче-

Библиотека "Руниверс"

ское общество избрало Н. М. Пржевальскаго въ свои почетные члены, и я имѣю честь передать вамъ дипломъ на это почетное званіе. Горячія рукоплесканія и крики „браво, браво, Пржевальскій“ прекратились только тогда, когда гласный думы М. И. Семевскій—основатель и первый редакторъ журнала „Русской Старины“—сообщилъ, что сегодня же, четырнадцатаго января, дума избрала Пржевальскаго въ почетные граждане города С.-Петербурга и постановила помѣстить портретъ его въ одной изъ залъ думы.

Послѣ этого, при новыхъ аплодисментахъ, на каѳедрѣ появился самъ виновникъ торжества и въ сжатомъ, но чрезвычайно интересномъ очеркѣ познакомилъ присутствующихъ съ своимъ двухлѣтнимъ странствованіемъ въ азіатскихъ пустыняхъ. Особенное впечатлѣніе произвелъ разсказъ объ унтеръ-офицерѣ Егоровѣ, пропадавшемъ въ теченіе нѣсколькихъ дней и случайно найденномъ. Зала огласилась громомъ рукоплесканій, когда Пржевальскій ввелъ на каѳедру самого Егорова. „Съ такими молодцами, сказалъ Николай Михайловичъ, мнѣ не казалась трудна моя задача. Противъ насъ была сила физическая,—у насъ была сила нравственная, и мы побѣдили“...

П. Козловъ.

Библиотека "Руниверс"

Императоръ Александръ II и Франція въ 1870 г.

Въ вышедшемъ недавно XV томѣ „Исторіи либеральной Имперіи“—Эмиля Оливье, бывшаго главы французскаго кабинета въ эпоху франко-прусской войны, нѣсколько страницъ посвящено вопросу о положеніи, занятомъ въ ту пору по отношеніи къ Франціи Императоромъ Александромъ II, и выясненію тѣхъ послѣдствій, какія это имѣло для обѣихъ воюющихъ державъ.

Зная антагонизмъ, существовавшій между южно-германскими государствами и Пруссіей, Наполеонъ III разсчитывалъ не только на нейтралитетъ, но даже на союзъ этихъ государствъ; но онъ жестоко въ этомъ ошибся.

„Что сдѣлалось съ этими тупоголовыми нѣмцами, что это они вздумали связаться съ прусской сволочью?“, воскликнулъ французскій посланникъ въ Карлсруэ, графъ Мосбургъ, при извѣстіи о томъ, что Баварія объявила Франціи войну.

„Императоръ Наполеонъ искренне желалъ добра баварскому королю и намѣревался расширить его владѣнія“ [1]).

Въ этихъ словахъ отразилось впечатлѣніе, которое произвело на Французскій кабинетъ неожиданное рѣшеніе южной Германіи.

Убѣдясь, что война, подъ вліяніемъ сложившихся обстоятельствъ, быстро пріобрѣла въ Германіи характеръ національной борьбы и

[1]) Политическая исторія новѣйшаго времени. Проф. В. Мюллера, СПБ. 1872, стр. 246.

Библиотека "Руниверс"

объединила подъ знаменами Пруссіи всю Германію, французское правительство увидѣло себя вынужденнымъ искать союзниковъ.

Оно обратило свои взоры къ тремъ державамъ: къ Австріи, гдѣ въ высшихъ сферахъ еще не улеглось чувство горечи за пораженіе, нанесенное Пруссіей въ 1866, къ Италіи, монарха которой, казалось, можно было склонить на все уступкою Церковной области, и наконецъ къ маленькой Даніи, не переставшей сожалѣть о потерѣ Шлезвигъ-Голштейна.

Вначалѣ Италія и Австрія подали нѣкоторую надежду, и графъ Бейстъ началъ даже дѣйствовать въ интересахъ Франціи, съ цѣлью возможно скораго возстановленія мира, съ сохраненіемъ цѣлости французской и прусской территоріи, но его доброжелательныя намѣренія встрѣтили рѣшительное противодѣйствіе со стороны Россіи и были ею парализованы.

Изо всѣхъ европейскихъ правительствъ только одно русское правительство искренно не желало вредить Германіи и съ самаго начала войны объявило, что „оно будетъ соблюдать строгій нейтралитетъ до тѣхъ поръ, пока его соблюдаютъ другія державы, но въ случаѣ, если бы которая-нибудь изъ нихъ приняла сторону Франціи, она—Россія, тотчасъ же сдѣлается союзницей Пруссіи“.

Рѣшеніе это было результатомъ личныхъ чувствъ и настроеній самого императора, такъ какъ общественное мнѣніе Россіи относилось къ Пруссіи не особенно симпатично, смотрѣло непріязненно на ея значеніе, и это настроеніе опредѣлялось все яснѣе по мѣрѣ того, какъ развертывались событія; государь же помимо родственныхъ узъ и личной дружбы, связывавшихъ его съ королемъ Вильгельмомъ, не забылъ образа дѣйствій Франціи и Пруссіи въ 1863 году; это опредѣлило его отношеніе къ обѣимъ державамъ въ 1870 г., и никакія старанія французскаго посла въ Петербургѣ, генерала Флери, лично пользовавшагося расположеніемъ Императора Александра II, не могли повліять на политику русскаго кабинета въ смыслѣ благопріятнаго для Франціи вмѣшательства въ конфликтъ.

„Какъ только произошелъ окончательный разрывъ между Франціей и Пруссіей, король прусскій поручилъ состоявшему при немъ русскому офицеру отвезти царю конфиденціальное письмо, въ которомъ, взывая къ его дружескимъ чувствамъ, просилъ его защитить его и не допустить вмѣшательства Австріи. „Царь, говоритъ Оливье, полный уваженія къ памяти отца, болѣе повиновался чувству, нежели руководствовался соображеніями политики, и не поддавался никакимъ вліяніямъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ повиновался велѣ-

Библиотека "Руниверс"

ніямъ своего сердца. Такъ было и въ данномъ случаѣ. Онъ безъ всякаго колебанія и съ полной готовностью обѣщалъ королю свое содѣйствіе. Вильгельмъ, въ письмѣ отъ 19 іюля 1870 г., сообщилъ королевѣ радостную вѣсть, что „Россія объявила не только доброжелательный нейтралитетъ, но дала возможность предусматривать и большее".

„Это обязательство Царя по отношенію къ своему дядѣ не вытекало изъ какого-нибудь договора, заключеннаго между ними, но было скрѣплено единственно словомъ Государя, и вслѣдствіе этого было еще болѣе обязательнымъ".

Это признавалъ самъ Бисмаркъ. „Нѣмцы много говорятъ о благодарности къ Россіи, писалъ онъ въ своихъ запискахъ, а между тѣмъ они знаютъ, что если бы Россія руководствовалась въ 1870 г. чувствами всего русскаго народа, то войска русскаго царя выступили бы противъ Германіи и только личныя симпатіи русскаго царя заставили взять верхъ противоположной политики. Германія всегда пользовалась дружескимъ расположеніемъ Александра II, а не русскаго народа, который со времени войны Пруссіи со Шлезвигомъ не раздѣлялъ въ этомъ случаѣ взгляда своего Императора. Во время войны 1870 г., въ газетахъ, бывшихъ выразительницами взглядовъ русскаго народа, говорилось, что противоестественный союзъ съ Пруссіей будетъ не продолжителенъ".

Императоръ не скрывалъ своего рѣшенія и особенно поспѣшилъ довести о немъ до свѣдѣнія заинтересованныхъ державъ, Франціи и Австріи.

Въ объявленіи о нейтралитетѣ, опубликованномъ въ „Правительственномъ Вѣстникѣ", говорилось, что „Императоръ твердо рѣшилъ соблюдать строгій нейтралитетъ по отношенію къ обѣимъ воюющимъ державамъ до тѣхъ поръ, пока интересы Россіи не будутъ затронуты случайностями войны" и что „императорскій кабинетъ готовъ оказать самое искреннее содѣйствіе всякой попыткѣ, которая будетъ сдѣлана съ цѣлью ограничить предѣлы военныхъ операцій, сократить ихъ продолжительность и возвратить Европѣ блага міра".

„Французскому посланнику Флери Императоръ сказалъ, что онъ ничего не возразитъ противъ союза Франціи съ Италіей, находя вполнѣ естественнымъ, чтобы итальянская армія взяла тотъ же путь черезъ Альпы, чтобы придти на помощь Франціи, какой взяли французскія войска, идя на помощь Италіи".

Это ни къ чему не обязывало, такъ какъ Царь подтвердилъ въ то же время, что онъ воспротивится, съ оружіемъ въ рукахъ, про-

Библиотека "Руниверс"

тивъ союза Австріи съ Франціей, а ему было хорошо извѣстно, что Италія обусловила свою помощь содѣйствіемъ Австріи.

Повѣренный въ дѣлахъ Россіи въ Парижѣ, Окуневъ, сообщилъ французскому министру иностранныхъ дѣлъ, герцогу Грамону о резолюціи Царя.

„Если Австрія сдѣлаетъ приготовленія, сказалъ Царь, Россія начнетъ свои. Въ Петербургѣ будутъ дѣлать то, что въ Вѣнѣ. Если австро-венгерская кавалерія будетъ на военной ногѣ, то же самое будетъ съ русской кавалеріей, если артиллерія будетъ готова къ военнымъ дѣйствіямъ, русская также. Словомъ, если Австрія станетъ на путь вооруженнаго нейтралитета, Россія сдѣлаетъ то же, и наконецъ если Австрія, какъ союзница Франціи, начнетъ кампанію противъ Пруссіи, то Россія начнетъ кампанію, какъ союзница Пруссіи, противъ Австріи. Французскому правительству выгоднѣе не только отказаться отъ всякаго участія Австріи, но использовать свое вліяніе въ Вѣнѣ въ томъ смыслѣ, чтобы прекратить вооруженія и военныя приготовленія. Взамѣнъ этого Россія обѣщаетъ хранить строгій нейтралитетъ“.

Предупредивъ такимъ образомъ Францію, Царь поспѣшилъ предостеречь и Австрію. Онъ призвалъ къ себѣ австрійскаго посланника Хотека и сказалъ ему: „Я желаю остаться совершенно непричастнымъ начинающейся войнѣ, я намѣренъ соблюдать строгій *невооруженный* нейтралитетъ. Я останусь въ такомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока не будутъ затронуты прямые интересы Россіи. Прямымъ интересомъ Россіи я называю польскій вопросъ, съ которымъ я не могу мириться. Съ момента, когда вы примете вооруженную и угрожающую позицію, она подымется, и я, поневолѣ, долженъ буду перейти къ вооруженному нейтралитету и направить мои вооруженныя силы противъ вашей границы. Это положеніе можетъ стать самой опасной наклонной плоскостью. Несмотря на увѣренія генерала Флери, что Франція не коснется польскаго вопроса, я получилъ свѣдѣнія, которыя свидѣтельствуютъ о томъ, что въ этихъ провинціяхъ встрепенулись. Я думаю, что эти французскія заявленія еще неизвѣстны и, хотя я принялъ ихъ съ благодарностью, но я не вполнѣ имъ довѣряю. Я просилъ васъ зайти ко мнѣ, чтобы вы могли слышать все это отъ меня лично и передать императору мою убѣдительную просьбу, съ которой я къ нему обращаюсь при вашемъ посредничествѣ, поступать аналогично со мною. Еще разъ благодарю императора за добрыя увѣренія, которыя были доставлены мнѣ въ Варшавѣ и которыя не изгладились изъ моей памяти. Скажите вашему августѣйшему монарху, что настоящій моментъ и настоящія обстоятельства еще живѣе

Библиотека "Руниверс"

заставляютъ меня желать, чтобы мы были добрыми сосѣдями и откровенными друзьями, такъ какъ мы одинаково безкорыстно готовы воздержаться отъ войны, одинаково желаемъ скорѣйшаго возстановленія мира и одинаково желаемъ по возможности ограничить продолжительность этой войны и уменьшить ея напряженность. Предостерегаю васъ противъ подстрекательствъ Франціи, которая захочетъ вовлечь васъ въ эту войну; у меня есть причины думать это. Правда, вы находитесь лицомъ къ лицу съ Пруссіей, которой вы хотите если не отомстить, то противъ которой вы питаете, во всякомъ случаѣ, злобу, чувство, совершенно естественное. Однако, по моему мнѣнію, Австріи въ настоящій моментъ было бы неполитично поддаться чувству мести".

Хотекъ замѣтилъ, что при томъ въ высокой степени національномъ характерѣ, какой война принимаетъ въ Германіи, можно опасаться, что въ случаѣ пораженія французовъ, Пруссія сдѣлается опасной притягательной силой для всѣхъ странъ, нѣмецкое населеніе коихъ будетъ тяготѣть отнынѣ къ Берлину. Императоръ Александръ понялъ, повидимому, эту опасность, угрожавшую ему самому въ прибалтійскихъ губерніяхъ.

Возвысивъ голосъ, онъ сказалъ съ горячностью:

„Вотъ сторона вопроса, о которой я радъ поговорить съ вами непосредственно. Скажите вашему монарху, что моимъ словомъ честнаго человѣка, отъ имени короля прусскаго я гарантирую безопасность австрійской монархіи. Надѣюсь, моему слову будетъ придана цѣна, которой оно, кажется, заслуживаетъ. Рѣшивъ поговорить съ вами въ томъ смыслѣ, какъ вы только что слышали, я написалъ королю прусскому, что я объявлю это вамъ отъ своего и отъ его имени. Я не ожидалъ опроверженія съ его стороны. Что касается меня, вы имѣете мое слово до тѣхъ поръ, пока вашъ нейтралитетъ останется невооруженнымъ, и пока вы не будете сконцентрировывать своихъ войскъ. Надѣюсь, что ваша подозрительность по отношенію Пруссіи будетъ разсѣяна моимъ заявленіемъ и тѣми гарантіями, какія онѣ вамъ даютъ. Постараемся сами сохранить миръ и вернуть его Европѣ при нашихъ совмѣстныхъ стараніяхъ. Если вамъ понадобится для чего бы то ни было видѣть меня, я приму васъ съ удовольствіемъ во всякое время, ибо мы переживаемъ серьезную эпоху и каждому дню довлѣетъ злоба его. Что касается меня, я не увеличу свои войска ни однимъ солдатомъ, ни одной лошадью, увѣряю васъ. Обычное сосредоточеніе войскъ въ Варшавѣ, кое-какія незначительныя мѣры внутренней безопасности, вотъ и все, что будетъ сдѣлано. Попросите императора отъ моего имени сдѣлать то же".

Библиотека "Руниверс"

Затѣмъ, въ разговорѣ о южной Германіи, Государь высказалъ мысль (которую посланникъ нашелъ парадоксальной), что такъ какъ эти страны приняли сторону сѣверной Германіи, то даже въ случаѣ успѣха Пруссіи онѣ могутъ достигнуть болѣе сноснаго существованія, чѣмъ до войны, и присовокупилъ:

„Если императоръ австрійскій и я, дѣйствуя въ согласіи, заявили бы громко (какъ я намѣренъ сдѣлать это со своей стороны) наше мнѣніе объ этомъ вопросѣ, то мы всегда нашли бы средство заставить выслушать себя, даже побѣдоносную Пруссіею. Что касается меня, я стоялъ бы за то, чтобы предоставить протекторатъ надъ южной Германіей Австріи, и я для этой комбинаціи имѣю въ рукахъ согласіе императора Наполеона. Повторите все сказаное мнѣ вамъ въ Вѣнѣ, у меня нѣтъ отъ васъ секретовъ, сдѣлайте это скорѣе“.

Помимо оффиціальныхъ извѣщеній о намѣреніяхъ Россіи, которыя французскій кабинетъ получалъ отъ своихъ посланниковъ въ Петербургѣ и Вѣнѣ, Наполеонъ III былъ освѣдомленъ о намѣреніяхъ Царя другимъ, довольно оригинальнымъ путемъ. Эмиль Оливье разсказываетъ объ этомъ эпизодѣ слѣдующее:

„Въ Мецъ, дня за два до пріѣзда туда Императора, пріѣхала пожилая дама, которая выразила желаніе быть принятой фельдмаршаломъ Базеномъ; она передала ему визитную карточку, на которой было написано: „Графиня Вороничъ де Паэнца“.

Принятая адъютантомъ фельдмаршала, поручикомъ Базеномъ, она разсказала ему слѣдующее:

„Возвращаясь изъ Россіи, куда она ѣздила просить Императора Александра о помилованіи ея зятя, высланнаго въ Пермь, она остановилась проѣздомъ на станціи Гиссенъ. Въ тотъ моментъ, когда она пріотворила дверь, чтобы выйти изъ станціоннаго зала, она увидала русскаго Императора и короля Пруссіи, бесѣдовавшихъ, прогуливаясь подъ руку по аллеѣ передъ станціей.

Монархи разговаривали громко, и она услыхала, какъ русскій Императоръ говорилъ:

„Я особенно хотѣлъ бы, чтобы никто не вмѣшивался въ вашу ссору. Я велѣлъ сказать, чтобы Австрія держала себя спокойно, и что ежели она мобилизуетъ хотя бы одного человѣка, моя польская армія вступитъ въ Галицію. Вообще же, она не тронется съ мѣста. Венгрія не присоединится къ Австріи для отомщенія; никто не вмѣшается, вы уладите ваше дѣло между собою.

„Я увѣренъ въ вашей побѣдѣ; пора этому случайному монарху (ce Souverain d'aventure) получить урокъ“.

Король разсыпался въ благодарности:

Библиотека "Руниверс"

„Я меньшаго и не ждалъ отъ твоего расположенія... я полагаюсь на мою армію... положеніе было невыносимое“ и т. д.

Черезъ день поручикъ Базенъ былъ принятъ императоромъ Наполеономъ III, разсказалъ ему подробно объ этомъ свиданіи, извиняясь за рѣзкость выраженія, которое ему приходилось употребить.

„Это не важно“, сказалъ императоръ.

Онъ выслушалъ внимательно Базена, поблагодарилъ его и сказалъ:

„Это возможно... но мало вѣроятно... интересы Австріи такъ очевидны... чтобы вступить въ Галицію и захватить чужую территорію, нужны иныя причины. Между ними нѣтъ союза“.

Немедленно послѣ этого разговора, поручикъ Базенъ телеграфировалъ префекту полиціи города Парижа, спрашивая его, можно ли довѣрять г-жѣ Вороничъ де Поэнца, проживающей на улицѣ Фонтэнъ. Въ тотъ же вечеръ, часовъ около одиннадцати, изъ полицейской префектуры былъ полученъ отвѣтъ, что означенная особа—личность весьма почтенная, находится въ путешествіи и пользуется большимъ уваженіемъ.

Итакъ, говоритъ Оливье, не можетъ быть никакого сомнѣнія относительно желанія Царя. „Когда наша страсть къ Польшѣ смѣнилась страстью къ Россіи, и мысль о союзѣ съ нею сдѣлалась популярной во Франціи, мы были готовы забыть объ этой измѣнѣ любви, которая въ то время еще не народилась, и когда Нигра, въ своемъ дипломатическомъ этюдѣ, вспомнилъ о томъ, какъ Россія предупредила Вѣну и Парижъ, что если Австрія обнажитъ мечъ въ пользу Франціи, то Россія станетъ на сторону Пруссіи, его упрекали за то, что онъ хотѣлъ по злобѣ разстроить франко-русскій союзъ, и ни одинъ изъ наиболѣе извѣстныхъ ежемѣсячныхъ журналовъ не согласился напечатать его статью.

„Этотъ дипломатическій этюдъ, какъ писалъ Нигра Оливье, былъ предварительно представленъ для прочтенія Гирсу, въ то время министру иностранныхъ дѣлъ въ Россіи, которому онъ объявилъ, что готовъ отказаться отъ обнародованія его, если министръ найдетъ, что это можетъ быть непріятно русскому правительству, или не соотвѣтствуетъ его видамъ.

И этотъ государственный человѣкъ, возвращая мнѣ рукопись, которая была имъ представлена на усмотрѣніе Императора, писалъ мнѣ, что онъ не видитъ къ обнародованію этой статьи никакого неудобства съ точки зрѣнія русской политики. Факты, относящіеся къ войнѣ 1870 г., принадлежатъ исторіи и положеніе, занятое въ то время императорскимъ правительствомъ, настолько оправдывалось тогдашними обстоятельствами, что оно не могло быть ложно истолковано“.

Библиотека "Руниверс"

Министръ иностранныхъ дѣлъ, кн. Горчаковъ былъ настроенъ къ Франціи, вообще говоря, благожелательнѣе, нежели Императоръ Александръ, но этотъ разъ, по словамъ Эмиля Оливье, онъ относился къ ней враждебнѣе.

Въ бытность свою въ Вильдбадѣ, въ іюлѣ мѣсяцѣ 1870 г., онъ не соблюдалъ нейтралитета, предписаннаго ему монархомъ и, по словамъ королевы Ольги Николаевны, старался сдѣлать Франціи какъ можно больше зла. Онъ склонялъ Варнбюлера присоединить вюртембергскія войска къ прусскимъ, а во время пребыванія въ Штутгардтѣ, 26 іюля, убѣждалъ итальянскаго министра Грѐппи отговорить свое правительство заключить союзъ съ Франціей.

„Онъ (Горчаковъ) не скрывалъ отъ меня, говоритъ графъ Греппи [1]), своего раздраженія по поводу образа дѣйствій Франціи. Онъ хотѣлъ, чтобы нейтральныя державы поспѣшили поблагодарить Пруссію за усилія, сдѣланныя ею, съ цѣлью избѣжать войны. Онъ надѣялся также, что война не будетъ продолжительна, хотя считалъ, что миръ можетъ быть заключенъ не прежде, чѣмъ одна изъ сторонъ одержитъ блестящую побѣду. Онъ радовался тому, что Италія объявила себя нейтральной, но онъ предпочелъ бы, чтобы она не вооружалась противъ Австріи. Онъ говорилъ, что для Италіи настало снова время доказать, что она причисляетъ себя къ числу великихъ державъ, не поддаваясь просьбамъ Франціи, которая хочетъ привлечь ее на свою сторону".

Что касается Бейста, то онъ находилъ втайнѣ желательнымъ угрожающее положеніе, занятое Россіей, такъ какъ это давало ему возможность скрыть свое собственное бездѣйствіе.

Меттернихъ находилъ, что Грамонъ отнесся ко всему случившемуся слишкомъ спокойно и полагалъ, что онъ поддался иллюзіямъ, подъ впечатлѣніемъ оптимистическихъ донесеній генерала Флери, котораго, по его мнѣнію, въ Петербургѣ „провели, какъ новичка".

Въ сущности, Флери нисколько не заблуждался относительно истиннаго положенія дѣлъ и прекрасно чувствовалъ, что Императоръ Александръ былъ настроенъ къ Франціи враждебно; онъ боялся даже, что если представится случай, то это недоброжелательное отношеніе могло побудить Царя къ активному выступленію противъ Франціи, и настаивалъ на томъ, чтобы герцогъ Грамонъ отказался отъ всякой попытки совмѣстныхъ выступленій съ Австріей.

„Австрія, при ея стѣсненномъ денежномъ положеніи и неоконченномъ вооруженіи, вынужденная вести борьбу съ внутренними

[1]) Une coulisse du théâtre de la guerre 1870, стр. 9.

Библиотека "Руниверс"

осложненіями, не въ состояніи справиться съ какимъ-нибудь непредвидѣннымъ потрясеніемъ, писалъ онъ своему шефу 1 августа 1870 г., исходъ войны неизбѣжно будетъ для нея роковымъ: война расчленитъ ее, а наши интересы требуютъ, чтобы она существовала; нейтралитетъ же спасетъ ее".

Грамонъ, не придавая значенія этому совѣту, продолжалъ домогаться союза съ Австріей. Тогда между тѣмъ, что говорилъ французскій посланникъ въ Петербургѣ, и словами французскаго министра иностранныхъ дѣлъ появилось разногласіе. встревожившее русскій кабинетъ. Весманъ, замѣщавшій временно князя Горчакова въ конфиденціальной депешѣ, напомнилъ еще разъ самымъ рѣшительнымъ образомъ твердую волю царя.

„Герцогъ Грамонъ высказывается гораздо яснѣе, нежели французскій посланникъ, писалъ онъ. Онъ хочетъ встрѣтить поддержку со стороны Австріи въ военной демонстраціи, которая сосредоточила бы на границѣ Богеміи стотысячный корпусъ, что стѣснило бы дѣйствія Пруссіи. Итакъ, мы далеки отъ полнаго, невооруженнаго нейтралитета, каковой проповѣдуетъ намъ генералъ Флери... Становясь на эту почву, герцогъ Грамонъ очевидно сдѣлаетъ невозможнымъ наше полное невмѣшательство въ эту войну, которое мы хотѣли бы соблюдать и которое французское правительство видимо само хотѣло бы, чтобы мы соблюдали. Поэтому, м. г., по повелѣнію императора я долженъ настаивать на соображеніяхъ, высказанныхъ мною въ моемъ предъидущемъ письмѣ. Полный нейтралитетъ Австріи *является непремѣннымъ условіемъ нашего собственнаго нейтралитета* и остается въ нашихъ глазахъ единственнымъ средствомъ устранить случайности, которыя помѣшали бы осуществленію нашихъ предположеній. Это единственное средство локализировать войну, помѣшать, чтобы она привела на поле сраженія новыхъ сражающихся, *избавила бы насъ отъ обязанности принять въ ней участіе и особенно не дала бы намъ очутиться, для самообороны въ рядахъ противниковъ Франціи и ея союзниковъ*. Самое энергичное воздѣйствіе Тюильрійскаго кабинета кажется намъ необходимымъ, чтобы утвердить Вѣнскій дворъ въ рѣшимости воздержаться отъ всякаго участія въ войнѣ, къ чему графъ Бейстъ повидимому можетъ соблазниться. Мы продолжаемъ настаивать на его содѣйствіи въ этихъ видахъ общаго блага и льстимъ себя надеждою, что герцогъ Грамонъ увидитъ въ этомъ обстоятельствѣ, какую цѣну мы придаемъ поддержанію добрыхъ отношеній съ Франціей, которымъ размѣры настоящаго кризиса придаютъ повидимому болѣе цѣнности, чѣмъ когда-либо„.

Это было писано 24 іюля, а 29 числа Бейтстъ сообщилъ Гра-

Библиотека "Руниверс"

мону черезъ Меттерниха докладъ, препровожденный ему Хотекомъ, въ коемъ такъ ясно была выражена воля Царя. Несмотря на это герцогъ Грамонъ продолжалъ добиваться союза съ Австріей.

„Содѣйствіе Россіи, говорилъ онъ, было бы слабо, нерѣшительно и убыточно; ея притязанія на Востокѣ и ея явная враждебность къ намъ стоили бы намъ помощи турецкой арміи и симпатій Англіи, которая становится на сторожѣ всякій разъ, какъ дѣлается посягательство на неприкосновенность турецкой имперіи". Онъ предписалъ Флери занять царя просьбою доставить Франціи въ свою очередь нейтралитетъ южно-германскихъ государствъ; Грамонъ не придавалъ этому предложенію серьезнаго значенія и видѣлъ въ немъ лишь средство дать Австріи время окончить безпрепятственно свои вооруженія.

Въ то время, какъ шли оффиціальные переговоры, и кабинеты обмѣнивались депешами, была сдѣлана таинственная попытка повліять на Россію, о которой разсказываетъ Эмиль Оливье. Хотя она не имѣла сколько-нибудь значительныхъ послѣдствій, но она настолько курьезна, что разсказать объ ней съ его словъ будетъ небезъинтересно.

Нѣкто Юлій Клячко, чиновникъ австрійской службы, по происхожденію полякъ, долгое время жившій во Франціи, пріобрѣлъ тамъ извѣстность своими литературными работами и одно время сотрудничалъ въ редакціи Revue des deux Mondes, гдѣ съ нимъ познакомился Бейстъ и предложилъ ему мѣсто въ своемъ министерствѣ, полагая найти въ немъ искуснаго редактора и блестящаго сотрудника. Клячко принялъ предложеніе вступить въ святая святыхъ австрійской бюрократіи, сразу занялъ въ ней одно изъ первыхъ мѣстъ, работалъ непосредственно съ самимъ министромъ и былъ однимъ изъ его ближайшихъ совѣтниковъ.

31 іюля 1870 г. Меттернихъ, по его желанію, представилъ его императрицѣ Евгеніи. Во время этой аудіенціи, Клячко особенно старался поставить на видъ, что его поѣздка въ Парижъ не имѣла политическаго характера: что у него была своя собственная цѣль, что онъ былъ поглощенъ одной мыслью, и что то другое было его личнымъ дѣломъ.

„Конечно, присовокупилъ Клячко, оно и не можетъ быть иначе, ибо то, что я сообщу вашему величеству, не есть какой-либо проектъ, или предложеніе, это не болѣе какъ *мечта*, но эта мечта преслѣдуетъ меня; иной разъ мнѣ кажется, что я вижу ея осуществленіе въ велѣніяхъ судьбы. Нынѣшнее положеніе австро-венгерской монархіи есть фикція. Дуализмъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существуетъ, есть переходное состояніе—даже его творцы не вѣрятъ въ

Библиотека "Руниверс"

его прочность. Австрійская монархія, естественно, должна эволюціонировать до тѣхъ поръ, пока она не придетъ къ тому, что составляющія ее народности займутъ пропорціональное, если не одинаковое мѣсто въ монархіи. Начало положено въ Венгріи, такъ какъ венгерцы были лучше другихъ готовы къ сопротивленію. Имъ дали даже слишкомъ много, но не могутъ же нѣмцы и венгерцы раздѣлить между собою монархію, и стать во главѣ прочихъ народовъ монархіи, которые, вмѣстѣ взятые, сильнѣе ихъ. Начинающаяся нынѣ война повлечетъ за собою естественно измѣненіе территоріальныхъ условій; представится благопріятный случай утвердить австрійскую монархію на прочной базѣ.

„Самое естественное для нея государственное устройство—была бы конфедерація государствъ, которыя сохранили бы каждое свои нравы и обычаи и были бы связаны взаимно узами тѣмъ болѣе прочными, что они дали бы этимъ странамъ неоцѣнимыя преимущества, не заставляя ихъ поступаться своей національностью. Само провидѣніе какъ бы уготовило пути для осуществленія этого великаго дѣла. Предположимъ, что одинъ изъ этихъ герцоговъ будетъ вице-королемъ Венгріи, другой будетъ въ Мюнхенѣ, третій въ Львовѣ вице-королемъ Галиціи; палатинатъ и смежныя съ нимъ провинціи отойдутъ къ Франціи, Познань отойдетъ къ Россіи и съ той и съ другой стороны между Вѣной и Петербургомъ установится прочное и полное согласіе по польскому вопросу.

„Можно себѣ представить ближайшія послѣдствія этой перемѣны. Во-первыхъ прекратится взаимное недовѣріе между Россіей и Австріей, поддерживаемое теперешнимъ положеніемъ польскихъ провинцій. Обѣ державы не будутъ долѣе соперницами, а сдѣлаются союзницами и примкнутъ къ великимъ реформамъ, починъ которымъ дастъ Франція. Война прекратится въ самомъ началѣ, ибо что можетъ сдѣлать Пруссія противъ Франціи, Россіи, Австріи и Италіи? Австрійская монархія, упрочившись, сдѣлается неизмѣнной союзницей Франціи, и это будетъ гарантіей мира. Если все это мечта, то мечта столь прекрасная, что я поспѣшилъ изложить ее вашему величеству. Какъ вы видите, все зависитъ отъ согласія и содѣйствія русскаго императора. Это самое главное и самое трудное. Кто могъ бы открыть передъ нимъ эти новые горизонты? Кто могъ бы разъяснить ему серьезныя выгоды, какія Россія извлекла бы изъ аннексіи, осуществленной при этихъ условіяхъ и въ этомъ духѣ? Этого не могъ бы сдѣлать никто въ Вѣнѣ, или по крайней мѣрѣ никто прибывшій изъ Вѣны“.

Императрица, увѣренная въ томъ, что Клячко былъ подосланъ Бейстомъ съ порученіемъ вывѣдать намѣренія Наполеона и его

Библиотека "Руниверс"

правительства, не связывая себя никакими обѣщаніями, передала Грамону все слышанное, прося его не говорить объ этомъ никому, даже членамъ кабинета и передать Клячко черезъ Меттерниха, чтобы онъ явился на слѣдующій день въ министерство иностранныхъ дѣлъ. Онъ явился къ назначенному часу и хотя былъ сдержаннѣе и осторожнѣе, нежели въ Сенъ-Клу, тѣмъ не менѣе онъ придалъ своимъ мечтаніямъ болѣе реальную форму.

Грамонъ счелъ долгомъ довести все слышанное до свѣдѣнія Эмиля Оливье.

„Я отвѣчалъ ему, пишетъ Оливье, что мнѣ надоѣли эти происки, происходящіе у меня за спиною, и что при первомъ же подобномъ случаѣ, я подаю въ отставку. Тогда Грамомъ испросилъ у императрицы Евгеніи позволеніе явиться къ ней со мною, и мы отправились вмѣстѣ въ Сенъ-Клу. Императрица передала мнѣ все подробно и предложила возложить на графа Бреда частное порученіе, въ родѣ того, какое было возложено на Клячко. Гр. Бреда, служилъ нѣкогда по дипломатической части и въ то время былъ уже въ отставкѣ; онъ былъ лично извѣстенъ великой княгинѣ Александрѣ Іосифовнѣ. Императрица полагала, что всего удобнѣе было бы получить доступъ къ царю, не возбуждая его опасеній черезъ великаго князя Константина Николаевича, „тѣмъ болѣе, сказала она, что при немъ можно произнести слово Польша, не пугая его“.

Предполагалось, что гр. Бреда поѣдетъ въ Россію какъ частное лицо, безъ оффиціальнаго порученія, безъ полномочій и писемъ.

„Онъ долженъ былъ повидать генерала Флери, словесно передать ему подробности таинственнаго предложенія и просить его не вмѣшиваться въ дѣло до полученія дальнѣйшихъ приказаній. Позднѣе Флери долженъ былъ найти случай повѣдать „мечты“ великому князю и дѣйствовать въ зависимости отъ того, какъ будетъ принятъ его разсказъ и какое онъ произведетъ впечатлѣніе.

„Если бы оказалось, что онъ встрѣтитъ благосклонный пріемъ, то Бреда долженъ былъ испросить у Императора аудіенцію. Надлежало ли ему придать своей миссіи оффиціальный характеръ—это ему предоставлялось рѣшить на мѣстѣ, въ Петербургѣ.

„Прежде нежели принять окончательное рѣшеніе, Императрица Евгенія сочла однако благоразумнымъ узнать о шагѣ, сдѣланномъ Клячко, мнѣніе Бейста. Австрійскій министръ отвѣтилъ, чта на Клячко не было возложено никакой миссіи, что онъ говорилъ лично отъ себя. Бейстъ „любитъ и цѣнитъ Клячко, но онъ немного фантазеръ и его планы бываютъ часто неособенно практичны[1])“.

---

[1]) Письмо къ Грамону Ла-Туръ д'Оверня отъ 5 августа 1870 г.

Библиотека "Руниверс"

Тѣмъ дѣло и кончилось.

Когда всѣ старанія привлечь на свою сторону Россію и Австрію окончились неудачею, французское правительство сдѣлало попытку заручиться содѣйствіемъ маленькой Даніи, куда былъ посланъ для переговоровъ герцогъ Кадоръ. Но и тутъ преданность Царя своему дядѣ помѣшала Франціи заключить союзъ.

Данія, въ силу своего географическаго положенія, не могла рѣшиться дѣйствовать одна, не бывъ обезпечена въ томъ, что въ случаѣ нападенія своей могущественной сосѣдки—Пруссіи, она встрѣтитъ въ комъ-либо поддержку.

Датскій народъ въ то время еще не забылъ о потерѣ Шлезвигъ-Голштейна и былъ на сторонѣ Франціи, полагая, что въ случаѣ ея побѣды Данія получитъ обратно провинціи, отнятыя у нея Пруссіей въ 1864 г., и не смотря на это датскій король Христіанъ былъ сторонникъ Пруссіи.

Еще въ сентябрѣ 1862 г., въ то время, когда король былъ еще наслѣднымъ принцемъ, французскій посланникъ въ Даніи Дотезакъ писалъ объ немъ:

„Какъ это ни покажется странно и изумительно, но въ случаѣ войны Франціи съ Пруссіей, принцъ Христіанъ навѣрно будетъ на сторонѣ Пруссіи“.

Предсказаніе сбылось.

Какъ только король узналъ, что Франція намѣревалась послать свои суда въ Балтійское море, и для подготовки соглашенія съ Даніей послала въ Копенгагенъ чрезвычайнымъ посломъ герцога Кадора, онъ повѣрилъ свои опасенія и тревоги русскому посланнику въ Копенгагенѣ Моренгейму съ просьбою просить у Царя и Горчакова ихъ покровительства противъ попытокъ Франціи.

Моренгеймъ телеграфировалъ тотчасъ въ Петербургъ.

Царь отвѣчалъ:

„Помѣшайте, во что бы то ни стало, заключенію этого союза, потому что если Данія не сохранитъ нейтралитета, то это послужитъ прецедентомъ для другихъ странъ Европы, а надобно во что бы то ни стало, чтобы эти страны остались нейтральны“.

Царь жаловался Флери на настоянія Франціи вовлечь Данію въ войну и приказалъ Горчакову телеграфировать въ Копенгагенъ, что Россія будетъ покровительствовать Даніи противъ гнета Франціи. Одновременно Императоръ телеграфировалъ королевѣ Викторіи, прося ее дѣйствовать въ согласіи съ нимъ. Грэнвиль съ разрѣшенія своего кабинета велѣлъ сказать русскому посланнику Бруннову, что онъ готовъ обсудить вмѣстѣ съ нимъ вопросъ, сдѣлать представленіе Франціи и помѣшать ей толкнуть Данію

Библиотека "Руниверс"

въ политику, столь противную ея интересамъ. Но одного сообщенія Горчакова оказалось достаточно, и Грэнвилю не пришлось совѣщаться съ Брунновымъ. Ободренный этой поддержкой, король Христіанъ, не взирая на возбужденіе своихъ подданныхъ, объявилъ о нейтралитетѣ Даніи и отказался принять французскаго посланника, которому пришлось ни съ чѣмъ возвратиться въ Парижъ. Моренгеймъ въ награду за оказанную имъ услугу получилъ орденъ Слона, который жалуется однимъ принцамъ.

Такимъ образомъ, благодаря ясно и твердо выраженной волѣ русскаго Царя предоставить свое оружіе къ услугамъ Пруссіи, если только которая-либо изъ державъ нарушитъ нейтралитетъ, Франція осталась въ 1870 г. совершенно изолированной.

Король Вильгельмъ, на другой день послѣ побѣды, подтвердилъ этотъ историческій фактъ въ извѣстной телеграммѣ отъ 26 февраля 1871 г., посланной изъ Версаля.

Онъ писалъ Императору Александру:

„Никогда Пруссія не забудетъ, что она *Вамъ* обязана тѣмъ, что война не приняла чудовищныхъ размѣровъ. Да благословитъ Васъ Господь! Вашъ другъ признательный до гроба

Вильгельмъ“.

Царь отвѣчалъ:

„Я счастливъ, что могъ доказать Вамъ своимъ участіемъ, что Вы имѣете во мнѣ преданнаго друга. Да обезпечитъ связующая насъ дружба счастье и славу обѣихъ странъ

Александръ“.

Этотъ обмѣнъ дружественныхъ чувствъ несомнѣнно свидѣтельствуетъ о томъ, что бездѣйствіе Австріи, а слѣдовательно и Италіи въ 1870 г. было обусловлено тѣмъ положеніемъ, которое было занято Россіей по отношенію къ Франціи во время франко-прусской войны.

В. Тимощукъ.

Библиотека "Руниверс"

Два политическихъ письма Екатерины II.

Екатерина II писала много, легко и охотно,—но въ то время, когда слагались ея политическіе взгляды, пассивное положеніе ея, какъ наслѣдницы престола и затѣмъ супруги Петра III, исключало законную возможность веденія какой бы то ни было политики и явной политической переписки. Если она тѣмъ не менѣе пыталась проводить свои государственные планы, то во всякомъ случаѣ она рѣдко рисковала говорить о нихъ въ письмахъ. На страницахъ „Русской Старины“ (ноябрь—декабрь 1910 г.) оцѣнено было надлежащимъ образомъ историческое значеніе недавно появившейся переписки Великой Княгини съ Чарльзомъ Вилліамсомъ (1756—7 г.). Задолго до появленія статьи С. Горяинова обнародованы въ VII томѣ Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества „Бумаги Императрицы Екатерины II“; Германъ отыскалъ въ Дрезденскомъ главномъ государственномъ архивѣ и издалъ въ Preussische Jahrbücher, т. XLVII, нѣсколько интересныхъ записокъ Великой Княгини, относящихся къ 1757 г. Щепкинъ въ „Русско-Австрійскомъ союзѣ во время семилѣтней войны. 1746—58“, приводитъ извлеченіе изъ одного письма Екатерины къ Стан. Авг. Понятовскому (августъ 1759 г.) и нѣсколько писемъ ея къ датскому посланнику Остену. Этотъ отрывокъ письма къ Понятовскому является почти единственнымъ слѣдомъ ихъ переписки, объ оживленности которой можно судить по донесенію посредника, датскаго же резидента Куура отъ 7/18 октября 1759 г.: „Le numéro 50 faisant réponse au numéro 44 et 45 du correspondent de Pétersbourg

Библиотека "Руниверс"

(въ теченіе одного года) a passé par avant—hier" (Копенгагенскій Riksarkivet).

Въ виду сравнительной скудости источниковъ, раскрывающихъ намъ процессъ развитія политическихъ взглядовъ Императрицы до переворота 28 іюня 1762 г., намъ кажется небезполезнымъ перепечатать ниже записку Екатерины, отправленную къ канцлеру А. П. Бестужеву въ февралѣ 1756 г. и впервые напечатанную въ приложеніяхъ къ первому тому нашего труда о „Польшѣ въ эпоху семилѣтней войны[1])" вмѣстѣ съ отвѣтомъ адрессата, а также напечатать въ первый разъ характерное письмо Императрицы къ Остену, писанное наканунѣ низверженія Петра III.

Первый изъ этихъ документовъ нуждается въ краткомъ предисловіи. Извѣстное дѣло о расхищеніи группой польскихъ магнатовъ острожской Ординаціи послужило поводомъ къ разрыву между королемъ Августомъ III и его любимцемъ-министромъ Брюлемъ съ одной стороны, и „фамиліей" Чарторыйскихъ съ другой. „Фамилія" долго не могла примириться съ своимъ опальнымъ положеніемъ и надѣялась съ помощью русскаго и англійскаго дворовъ занять обратно первенствующее при дворѣ Августа мѣсто. Представители этихъ дворовъ Гроссъ и Вилліамсъ поддерживали разсчеты честолюбивыхъ князей. Зимою и весной 1755 г. оба дипломата нѣсколько разъ пытались убѣдить саксонскаго премьеръ-министра, что онъ напрасно разошелся съ единственными надежными друзьями веттинской династіи, Россіи и Англіи; 20 марта послѣдовала въ Дрезденѣ довольно бурная сцена, сущность которой сводилась къ утвержденію Гросса, что Императрица Елисавета Петровна не можетъ равнодушно смотрѣть на угнетенье въ Польшѣ ея сторонниковъ—и къ утвержденію Брюля, что „le Roi ne pleura pas devant eux".

Историки, описавшіе подробно это столкновеніе, Соловьевъ и Щебальскій, повидимому, не знали или не желали распространяться о странной развязкѣ спора: Бестужевъ, подкупленный саксонскимъ правительствомъ, минуя коллегію иностранныхъ дѣлъ, увѣдомилъ Брюля черезъ его резидента Функа, что Императрица считаетъ острожское дѣло домашнимъ польскимъ вопросомъ и не намѣрена диктовать королю законовъ. Имѣя въ рукахъ такое сообщеніе, премьеръ-министръ могъ преспокойно выслушать слѣдующую атаку Гросса и Вилліамса (въ концѣ апрѣля) и заставить обоихъ замол-

[1]) Polska w dobie Wojni Siedmioletniej, crisi I, 1755—1758... Monografie w zakresie drijes nowozytnyche wydawca Szymon Askenasy, tom VII—VIII, Warshawa, 1909.

Библиотека "Руниверс"

чать, давая имъ понять, что по послѣднимъ извѣстіямъ Императрица отлично можетъ смотрѣть равнодушно на все, что творится въ Польшѣ по поводу ординаціи.

Чарторыйскимъ пришлось просить извиненія у Августа III и заключить съ Брюлемъ временный компромиссъ. Они возложили новыя надежды на назначеннаго къ русскому двору Вилліамса и его товарища, Станислава Понятовскаго, но обманулись во второй разъ, ибо едва англичанинъ прибылъ въ Петербургъ, Бестужевъ объявилъ ему, что будетъ въ томъ только случаѣ поддерживать „негоціацію“ о субсидномъ договорѣ съ Англіей, если Вилліамсъ обяжется не хлопотать о польскихъ дѣлахъ. Посланникъ обязался и внѣшнимъ образомъ сдержалъ свое слово. Тутъ, видя, что на покровительство Бестужева невозможно полагаться, союзникъ Чарторыйскихъ въ острожскомъ дѣлѣ, коронный канцлеръ Малаховскій при посредствѣ резидента Вричевскаго вошелъ въ сношеніе съ враждебною Бестужеву партіей придворныхъ „фаворитовъ“, т. е. съ Шуваловыми, вице-канцлеромъ Воронцовымъ, оберъ-церемоній-мейстеромъ Олсуфьевымъ, гофъ-маршаломъ М. П. Бестужевымъ и проч. Фавориты стали напрягать всѣ свои усилія къ тому, чтобы выжить Алексѣя Петровича изъ министерства, Функа изъ Петербурга, а Гросса изъ Варшавы. Въ этотъ моментъ, въ февралѣ мѣсяцѣ 1756 г. вмѣшивается въ интригу двадцати-шестилѣтняя Великая Княгиня и подъ видомъ искренней дружбы шлетъ старику канцлеру слѣдующее предостереженіе:

„N'ayant pas pû m'expliquer suffisamment hier à V. E., je prends le parti de Lui écrire aujourd'hui; j'ai crû de la dernière importance de vous avertir, qu'il m'est revenu de part sûre qu'un projet était formé, et prêt à s'exécuter d'agir vigoureusement dans les affaires de Pologne contre le comte de Brühl: on veut envoyer en Pologne le comte, votre frère, comme ambassadeur, avec ordre de foudroyer ceux qui sont près à y détruire le parti russe; vos ennemis vont jusqu'à vous imputer de négliger les intérêts de la Russie dans un royaume aussi voisin et où il nous est si important de conserver notre parti. Votre Exc. s'opposerait vainement à ce projet, ils vous menacent, il y a du danger pour vous, si vous, agissez même froidement. Mon amitié pour V. E. en est allarmée, il ne s'agit pas moins que d'un changement dans le ministère. Ces bruits vous sônt injurieux; vous pourrez et conserver Mr. Gross, qui vous est agréable, et parer les coups, qu'on veut vous porter, en vous déclarant tout le premier pour le projet de soutenir le parti affaibli de la Russie en Pologne et en apportant des ordres tout dressés pour Mr Gross

Библиотека "Руниверс"

d'intimider de la façon la plus efficace ceux qui cherchent à y perdre les amis de la Russie. Votre zèle et votre promptitude peuvent seuls leur ôter cette occasion de vous nuire, dont ils se croyent sûrs. V. E. peut croire qu'il ne faut pas moins que le danger pressant, dans lequel l'on vous met, pour me pousser à vous hazarder des conseils que mon âge par le peu d'expérience en comparaison de la votre pourrait faire croire téméraires, si l'amitié la plus sincère, jointe à la reconnaissance, que je vous dois ne me les inspiraient. Je vous supplie instamment d'y avoir égard et je suis d'autant plus fâchée de la façon dont V. E. a reçu ce que je voulais Lui dire hier uniquement pour son bien que je viens d'apprendre que l'ambassade du comte votre frère est résolue par S. M.; je crois donc qu'il ne vous reste plus qu'à faire ce que mon amitié, et certainement pas ceux que vous croyez, vous conseille. J'ai oublié encore hier de dire à V. E. qu'ils prétendent savoir que le comte de Brühl se vante d'être sûr de V. E. et qu'en recevant je ne sais quel écrit très fort d'ici il y a un an, il doit avoir dit: tout cela n'est encore rien, j'ai des assurances du contraire dans ma poche, qu'il les a même montré et que c'est sur cela qu'il a opprimé nos amis en Pologne encore plus, au lieu d'avoir égards à la recommandation de la Russie. C'est avec peine que je répète des contes aussi injurieux à V. E.; mais ce me serait un crime de les savoir, sans les épancher dans vos mains; puisse le Ciel confondre vos ennemis et vous montrer la sincérité de la considération que j'ai pous V. E.".

Не имѣвъ возможности высказать Вашему Превосходительству всего вчера, рѣшаюсь сегодня писать Вамъ: я считаю важнымъ предупредить Васъ, что я узнала изъ вѣрнаго источника о существованіи плана, который долженъ вскорѣ быть приведенъ въ исполненіе, дѣйствовать въ дѣлахъ Польши рѣшительно противъ графа Брюля: въ Польшу хотятъ назначить посланникомъ графа, Вашего брата, которому будетъ приказано разстроить козни тѣхъ лицъ, кои стараются уничтожить тамъ русскую партію; Ваши враги дошли до обвиненія Васъ въ томъ, что Вы пренебрегаете интересами Россіи въ сосѣднемъ съ нами королевствѣ, гдѣ намъ такъ важно сохранить нашу партію. Ваше Превосходительство напрасно стали бы противиться этому плану; они угрожаютъ Вамъ, и Вамъ грозитъ опасность даже въ томъ случаѣ, если Вы будете дѣйствовать хладнокровно. Мое дружеское расположеніе къ Вамъ заставляетъ меня волноваться за Васъ; дѣло идетъ ни болѣе, ни менѣе какъ о перемѣнѣ министерства. Эти слухи оскорбительны для Васъ; Вы

Библиотека "Руниверс"

могли бы сохранить г. Гросса, который Вамъ пріятенъ, и отразить ударъ, который Вамъ хотятъ нанести, если бы Вы первый заявили о своемъ намѣреніи поддержать въ Польшѣ ослабленную русскую партію и привезли бы г. Гроссу совершенно опредѣленное приказаніе застращать тѣхъ, кто старается погубить тамъ друзей Россіи. Только усердіе и быстрота, съ какими Вы будете дѣйствовать, могутъ лишить ихъ этого случая повредить Вамъ, на что они разсчитываютъ навѣрняка. Ваше Превосходительство повѣрите, что только крайняя опасность, въ которую Васъ хотятъ повергнуть, побуждаетъ меня дать Вамъ совѣты, которые въ моемъ возрастѣ, при ничтожной сравнительно съ Вами опытности, могли бы показаться слишкомъ смѣлыми, если бы они не были внушены самой искренней пріязнью и признательностью къ Вамъ. Умоляю Васъ принять это во вниманіе; мнѣ особенно прискорбно, что Ваше Превосходительство приняли такимъ образомъ то, что я хотѣла сказать Вамъ вчера, единственно ради Вашего блага, такъ какъ я узнала сейчасъ о томъ, что назначеніе посломъ графа, Вашего брата, рѣшено Ея Величествомъ; поэтому я полагаю, что Вамъ остается только сдѣлать то, что я совѣтую Вамъ изъ дружескаго расположенія, а отнюдь не то, что совѣтуютъ лица, коимъ Вы довѣряете. Я позабыла еще вчера сказать В. Пр., что они утверждаютъ, будто графъ Брюль похваляется тѣмъ, что онъ увѣренъ въ В. Пр. и что получивъ, годъ тому назадъ, какое-то очень рѣзкое письмо отсюда, онъ будто бы сказалъ: все это еще не бѣда, у меня въ карманѣ удостовѣренія въ противномъ; и будто бы онъ даже показалъ ихъ и на этомъ основаніи еще больше сталъ притѣснять нашихъ друзей въ Польшѣ, вмѣсто того, чтобы принять во вниманіе просьбу Россіи. Мнѣ прискорбно повторять столь обидныя для В. Пр—ва росказни, но зная ихъ, съ моей стороны было бы преступно не сообщить ихъ Вамъ; да смутитъ Господь Вашихъ враговъ и докажетъ искренность моего уваженія къ В. Пр".

Но канцлеръ, какъ видно изъ нижеприведеннаго его отвѣта, отлично угадалъ и происхожденіе и характеръ письма Великой Княгини:

„Les avis que V. A. I. a daigné me faire parvenir me sont tels que considérant simplement les gracieuses intentions et motifs, auxquelles Elle a bien voulu les attribuer Elle même, je ne puis, qu'en être pénétré de la plus vive reconnaissance et jusqu'au fond de l'âme. Je ne trouve pas des termes qui répondissent à mon gré aux plus humbles et respectueux remerciments,

Библиотека "Руниверс"

que je Lui en dois et que je Lui conserverai toute ma vie, aussi supplie je V. A. I. d'être bien persuadée que loin de manquer aux justes égardes que méritent des conseils si respectables, je continuerai à porter toute mon attention contre les embuches, que mes ennemis persistent à dresser contre moi. Qu'il me soit cependant gracieusement permis, Madame, de Vous assurer, 1°, que ce n'est pas d'aujourd'hui, mais déjà depuis plusieurs ans, et au delà, et nommément depuis l'époque où le vice-chancelier et le maître de cérémonies ont commencé une correspondance secrète avec mon frère, que j'ai été foncièrement instruit de ces mêmes accusations, et noires calomnies, que l'on veut me mettre à dos; 2°, que j'ai l'honneur de vous protester sur mon honneur et ma conscience, que bien loin d'avoir à me reprocher la moindre chose par rapport aux affaires de Pologne, soit en négligeant nos amis, soit autrement, j'ai plutôt la consolation de pouvoir démontrer le contraire par des preuves réelles, claires et nettes. 3°, que quand aux indignes calomnies et contrevérités que l'on forge pour donner de la couleur aux accusations, en y mêlant le comte de Brühl et ses prétendus discours, accoutumé, comme je ne le suis déjà que trop, à me voir en butte à ces sortes d'artifices, je me mettrai au dessus, tant que je suis intérieurement certain de leur fausseté et tant que je puis me flatter que S. M., trop juste et trop magnanime, ne voudra me condamner sans m'entendre. Enfin ma conscience nette et la fermeté seront, comme elles ont été, les seules armes, que je leur opposerai. Je n'ignore pas, Madame, que le vice-chancelier avec le maître de cerémonies ont été après, depuis 3 mois à dresser dans le collège une représentation sur les affaires de Pologne, sans avoir songé encore au principal objet de pareille représentation, savoir, un plan et un système fixe, de ce qui conviendrait aux intérêts de la Russie dans la dissension générale qui règne en Pologne, et sans savoir encore et connaître assez à fond les vrais amis de la Russie ou ceux qui se donnent seulement pour tels, afin d'obtenir par là leurs vues particulières et la famille (?) dans ce royaume. Cette représentation enfin n'a pour pivôt que le dessein de procurer l'ambassade pour ce pays à mon frère. J'ignore toutefois, et j'oserais même douter que S. M. eût effectivement résolue cette ambassade, malgré ce que la clique de ceux qui la souhaitent, peuvent croire ou débiter d'avance là-dessus, uniquement puisqu [1]) ils ne voyent plus d'autre jour à se délivrer

[1]) Такъ расшифровано это мѣсто въ Дрезденѣ.

Библиотека "Руниверс"

des importunités de mon frère, qui par là même leur pèse sur les bras, et par ce que ces gens se sentent présentement soutenus et appuyés du chambellan Schuwaloff le Grand, ils croient déjà l'avoir emporté; si S. M. le sent, Elle est assurément la Souveraine Maîtresse, et il est de mon devoir alors de me régler là-dessus avec obéissance, selon le proverbe hollandais: volg ordre en doe quaad; mais il ne sera pas moins indispensablement de mon devoir et de ma charge dans ce cas là d'en faire sentir, dès que S. M. m'en parle, avec vérité et fermeté les inconvénients, les difficultés, le peu de profit, et le danger de prendre de fausses mesures, pour que je n'aie rien à me reprocher par suite. Ce n'est pas la conservation de Gross à Dresde, ni l'effet de quelque autre passion d'inimitié, de haine, ou d'animosité, qui me fait envisager la mission projetée de mon frère en Pologne de la façon que je fais; non, je puis en vérité assurer V. A. I. du contraire. Si je ne voulais y voir que mon intérêt, je devrais en être plutôt extrémement satisfait, vu qu'elle éloignerait un frère qui, oubliant les liens naturels du sang, agit, comme le plus déterminé de mes ennemis contre moi; je le répète, se sont des raisons plus solides et valables qui doivent même faire appréhender, que mon frère sera plus propre à nous brouiller tout à la fois avec la République, avec laquelle, soit dit par parenthèse, nous ne sommes pas encore convenus ni du titre Impérial, ni du cérémoniel, ni de la réciprocité d'une ambassade,— et la cour de Saxe, tout comme il a manqué de nous brouiller avec celle de Vienne [1]). Si après tout j'oserais encore demander une grâce à V. A. I. qui mettrait le comble à tant d'autres autérieures, et qui surtout me servirait infiniment à parer les coups, médités contre moi, ce serait, qu'Elle voulût daigner me f. connaître les canaux, par où ces insinuations peuvent avoir découlé jusqu'à V. A.; peut-être ont elles été faites exprès pour l'allarmer, et cela sur certains soupçons de ce que je pourrais avoir le bonheur de n'être pas mal dans son esprit, et dans la supposition, que si par Vos gracieusens bontés il en revînt quelque chose à moi, cela seul suffirait à me faire changer d'avis, au point de faire tout ce que ces gens-là souhaitent, d'autant plus qu'il y a des bruits sourds que l'on tâche d'établir, de fortifier et d'empoisonner (?) selon que je le sais de très bonne part sur l'accueil gracieux dont V. A. I. a honoré l'ambas-

[1]) Въ 1752 году.

Библиотека "Руниверс"

sadeur d'Angleterre, ce qui n'a pas laissé de donner occasion à glosser aux courtisans spéculatifs et à faire débiter sous main, comme si je me servais de cet ambassadeur auprès de V. A. I. pour Lui faire parvenir toute sorte d'impressions. J'ai d'alleurs lieu de supposer par quelques traits assez marqués des insinuations, faites à V. A. I., qu'outre que le maître de cérémonies, le vice-chancelier, mon frère et leur appui, le chambellan Schuwalow, constituent la véritable source, le chavalier Williams et son ami et cavalier d'ambassade Polonais y peuvent avoir bonne part par des discours trop hazardés et legers sur les affaires de Pologne". (Дрезденскій Главн. Госуд. Архивъ. loc. 3033).

„Свѣдѣнія, которыя в. и. в. благоволили сообщить мнѣ, таковы, что, принимая во вниманіе только одни милостивыя намѣренія и побужденія, коими в. в. благоугодно было самимъ объяснить ихъ, я не могу не быть, до глубины души, проникнутымъ за это самой живѣйшей благодарностью къ в. в. Я не нахожу словъ высказать, какъ мнѣ того бы хотѣлось, мою покорную и почтительнѣйшую признательность за это в. в., которая не изсякнетъ до конца моей жизни, поэтому я молю в. и. в. вѣрить тому, что я не только отношусь съ должнымъ уваженіемъ къ столь почтеннымъ совѣтамъ, но я отнесусь и со всевозможнымъ вниманіемъ и къ тѣмъ кознямъ, которыя мои враги такъ упорно строятъ противъ меня. Я прошу однако милостиваго позволенія в. в. высказать вамъ: 1) что я давно уже подробно освѣдомленъ объ этихъ обвиненіяхъ и о гнусной клеветѣ, которую хотятъ взвести на меня, я узналъ объ этомъ не теперь, а нѣсколько лѣтъ назадъ, а именно въ то время, когда вице-канцлеръ и церемоніймейстеръ завели тайную переписку съ моимъ братомъ; 2) что я могу завѣрить васъ, что мнѣ не только не въ чемъ упрекнуть себя въ отношеніи дѣлъ польскихъ, какъ-то въ нерадѣніи о нашихъ друзьяхъ, въ чемъ-либо иномъ, но я скорѣе могу, въ утѣшеніе свое, подтвердить противное самыми ясными, вѣскими и опредѣленными доказательствами; 3) что касается гнусной клеветы и неправды, которыя измышляютъ съ цѣлью придать обвиненіямъ извѣстную окраску, замѣшавъ въ нихъ графа Брюля и его мнимыя рѣчи, то, привыкнувъ уже въ достаточной степени къ коварнымъ происканъ, я буду стоять выше ихъ, поскольку я убѣжденъ въ ихъ лживости и насколько я льщу себя надеждою, что в. в. слишкомъ справедливы и слишкомъ великодушны, чтобы вы захотѣли осудить меня, не выслушавъ меня. Наконецъ, чистая совѣсть и твердость по-прежнему будутъ единственнымъ орудіемъ, которое я имъ противупоставлю.

Библиотека "Руниверс"

Мнѣ небезъизвѣстно, в. в., что вице-канцлеръ и церемоніймейстеръ были заняты послѣдніе 3 мѣсяца составленіемъ въ коллегіи доклада о дѣлахъ польскихъ, не обсудивъ предварительно главнаго предмета доклада, т. е. извѣстнаго плана и опредѣленной системы дѣйствій, которыя соотвѣтствовали бы интересамъ Россіи при царствующей въ Польшѣ усобицѣ и не зная еще и не выяснивъ обстоятельно, кто именно истинный другъ Россіи и кто только выдаетъ себя за такового съ цѣлью достигнуть этимъ своихъ личныхъ или фамильныхъ видовъ въ этомъ королевствѣ. Докладъ этотъ явно кмѣетъ цѣлью лишь доставить моему брату посольство въ эту страну. Впрочемъ, я не знаю еще, рѣшенъ ли е. в. въ самомъ дѣлѣ вопросъ объ этомъ назначеніи; смѣю даже сомнѣваться въ этомъ, что̀ бы ни думала и ни разглагольствовала объ томъ заблаговременно клика, желающая этого назначенія только потому, что эти лица не видятъ иного средства отдѣлаться отъ докучливыхъ приставаній моего брата, который связалъ ихъ по рукамъ и потому, что, чувствуя поддержку и опору въ камергерѣ Шуваловѣ старшемъ, они полагаютъ, что они уже взяли верхъ; ежели в. в. это чувствуете, то вы конечно вольны приказывать; и мой долгъ, въ такомъ случаѣ, покорно сообразовать съ этимъ свои поступки по голландской пэсловицѣ: volg ordre en doe quaad; тѣмъ не менѣе, долгъ и служебное положеніе повелѣваютъ мнѣ въ данномъ случаѣ, какъ только е. в. заговоритъ со мною, объ этомъ дать почувствовать ей твердо и правдиво, какія неудобства, трудности, невзгоды и опасности могутъ произойти отъ ошибочно принятыхъ мѣръ, дабы мнѣ не въ чемъ было упрекать себя впослѣдствіи. Честью могу завѣрить в. в., что не оставленіе Гросса въ Дрезденѣ, и не вліяніе какой-либо другой страсти: злобы, вражды или ненависти заставляютъ меня смотрѣть на предполагаемое назначеніе моего брата въ Польшу съ той точки зрѣнія, какъ я смотрю на это. Если бы я руководствовался въ данномъ случаѣ исключительно своими интересами, мнѣ слѣдовало бы, скорѣе, быть этимъ весьма довольнымъ, ибо такимъ образомъ былъ бы удаленъ братъ, который, позабывъ естественныя узы кровнаго родства, дѣйствуетъ противъ меня какъ самый отъявленный мой врагъ; повторяю, есть болѣе вѣскія и законныя причины, которыя заставляютъ меня опасаться, что мой братъ способенъ скорѣе поссорить насъ одновременно съ республикой, съ которой, кстати сказать, мы еще не пришли къ соглашенію ни относительно императорскаго титула, ни относительно церемоніала, ни относительно обмѣны посольствами—и съ Саксонскимъ дворомъ, точно также, какъ онъ едва не поссорилъ насъ съ Вѣнскимъ дворомъ (въ 1752 г.). Послѣ всего сказаннаго, я осмѣлюсь еще просить у в. высо-

Библиотека "Руниверс"

чества одной милости, которая довершила бы всѣ предъидущія, и которая, въ особенности, дала бы мнѣ возможность отпарировать направленные противъ меня удары, а именно, чтобы в. в. соблаговолили открыть мнѣ, откуда и какими путями, эти инсинуаціи могли дойти до в. в.; быть можетъ, это сдѣлано умышленно, съ цѣлью поселить въ васъ тревогу, въ предположеніи, что я быть можетъ имѣю счастье пользоваться вашимъ благоволеніемъ, и въ надеждѣ, что если, благодаря вашему милостивому отношенію, кое-что изъ этихъ намековъ дойдетъ до меня, то этого будетъ достаточно, чтобы заставить меня измѣнить мнѣніе до такой степени, что я сдѣлаю все, что хотятъ эти люди, тѣмъ болѣе, что ходятъ тайные слухи, которые, какъ мнѣ извѣстно изъ очень важнаго источника, нѣкоторые стараются упрочить и извратить, о милостивомъ пріемѣ, коимъ в. и. в. удостоили англійскаго посланника, что дало наблюдательнымъ царедворцамъ поводъ злословить и передавать по секрету, будто бы я стараюсь при посредствѣ этого посланника сообщить вамъ самыя разнообразныя впечатлѣнія. При томъ я имѣю поводъ предполагать, основываясь на довольно ясныхъ намекахъ, сдѣланныхъ в. и. в., что не только церемоніймейстеръ, вицеканцлеръ, мой братъ и камергеръ Шуваловъ, на котораго они опираются, являются истиннымъ источникомъ этихъ слуховъ, но что въ нихъ немалую долю участія имѣютъ и кавалеръ Уиліамсъ и его другъ, кавалеръ польскаго посольства, своими слишкомъ рискованными и легкомысленными рѣчами относительно польскихъ дѣлъ (Дрезденскій Главн. Госуд. Архивъ loc. 3033)".

Преемникъ Функа, секретарь посольства Прассе, замѣчаетъ въ депешѣ 22 марта (н. ст.) по поводу этой переписки „Williams mag sich vorgestellet haben, den Grosskanzler durch die von der Grossfürstin an diesen zu geschehende insinutiones von grosser Gefahr für seine Person so gleich auf einmal intimidiren und seine Abrichten durchzusetzen", (А. Д. loc. 3034).

„Вильямсъ, кажется, вообразилъ себѣ, что ему удастся одновременно запутать канцлера намеками, которые могли быть переданы ему великой княгиней о грозящей ему лично большой опасности, и проникнуть его намѣренія", (тамъ же loc. 3034),—но потерпѣлъ полную неудачу. Какъ ни глубоко понимала Екатерина необходимость постояннаго русскаго вмѣшательства въ дѣла Польши, но въ придворной интригѣ она не могла еще одолѣть опытнаго партнера, какимъ былъ Бестужевъ.

Библиотека "Руниверс"

Брюль еще разъ, на нѣсколько мѣсяцевъ, освободился отъ русскаго заступничества за Чарторыйскихъ, но бѣдный, скромный Функъ, безцѣнный органъ связи между нимъ и Бестужевымъ, знавшій „всю подноготную“ въ Петербургѣ, получилъ по происками фаворитовъ *consilium abeundi*. Русскій канцлеръ въ награду за разныя услуги удостоился въ октябрѣ 1756 г. со стороны Августа III подарка, 10.000 червонцевъ,

Февральская записка Екатерины Алексѣевны, какъ правильно указалъ В. А. Бильбасовъ (изд. Штура, т. I, стр. 321) является первымъ по счету политическимъ письмомъ Великой Княгини. Но почтенный историкъ Екатерины имѣлъ довольно смутное понятіе объ этомъ документѣ. Во-первыхъ, онъ перепечаталъ изъ Politische Correspondenz Friedrichs des Grossen, XII, 305, не „копію“, а только краткое резюмэ письма. Во-вторыхъ, не зная подробно тогдашнихъ польскихъ дѣлъ, не понялъ смысла обращенія Екатерины къ Бестужеву и даже не подозрѣвалъ существованія отвѣта. Въ-третьихъ, не зналъ Бильбасовъ и того, что если резюмэ попало изъ Берлинскаго тайнаго архива въ Politische Correspondenz, то это объясняется вовсе не передачей секретнаго „билета“ Брюлемъ пруссаку Мальцану, немыслимой при тогдашнихъ саксонско-прусскихъ отношеніяхъ, а систематической кражей документовъ, производившейся въ Дрезденскомъ кабинетѣ секретаремъ Менцелемъ, подкупленнымъ, какъ извѣстно, Фридрихомъ Великимъ при посредствѣ Мальцана. Точно такъ же поясненіе, будто „въ это время Брюль дѣйствовалъ заодно съ французскимъ посланникомъ (!) Дюраномъ и секретаремъ прусскаго посольства Бенуа, то есть противъ русскихъ интересовъ и могъ, конечно, только похвалиться, что „Бестужевъ въ его рукахъ“,—не выдерживаетъ критики [1]).

* * *

Письмо Императрицы къ барону Остену, переѣхавшему въ маѣ 1761 г. изъ Петербурга на постъ посланника при Варшавскомъ дворѣ, приложено въ копіи при депешѣ послѣдняго отъ 9 іюня (н. ст.) 1762 г. Уже изъ этого обстоятельства можно заключить, что оно написано не позже послѣднихъ чиселъ мая. Такъ какъ оно упоминаетъ о войнѣ съ Австріей какъ о дѣлѣ рѣшенномъ—о которомъ Мерси Аржанто узналъ отъ канцлера Воронцова 15/26 мая—

[1]) Относительно подробностей см. *Polska w dobie Wojny Siedmioletniej*, глава I и III.

Библиотека "Руниверс"

то моментъ возникновенія письма можно фиксировать съ достаточной точностью, для того чтобы судить по его содержанію о подготовкѣ авторши къ событіямъ 28/9 іюня. Заключая въ себѣ обозрѣніе важнѣйшихъ фактовъ съ половины апрѣля, оно ясно само по себѣ и послѣ труда Бильбасова не требуетъ никакихъ разъясненій.

„Je vous mande que ma situation était telle que le seul soupçon d'une correspondance illicite me perdrait. On a tramé des choses horribles contre moi. Le père et l'oncle de Mademoiselle de Woronzow avaient projeté de m'enfermer et de la mettre à ma place, l'Empereur lui-même s'y opposa, disant qu'il avait oublié le passé, qu'il ne pouvait se plaindre du présent et qu'il verrait comment je me conduirais. Le vrai est que l'amour extrême de la nation pour moi, et qui est monté à un degré qui m'étonne moi-même, les fait trembler. On n'ose rien entreprendre contre moi, et assurément, qui que ce soit ne le ferait pas impunément. Il ne tiendrait qu'à moi de faire bien des choses, mais vous savez les raisons qui me font répugner les moyens violents. Il n'y a de propositions qu'on ne m'ait faites. Le mécontentement est grand et s'accroit journellement, aussi les folies augmentent et sont à présent publiques. On a vraiment de l'aigreur contre lui: il est insupportable à ceux même qu'il comble de bienfaits. Puis, imaginez vous qu'il dit à tout le monde que le Roi de Prusse est son maître et qu'il n'a qu'à lui ordonner pour qu'il obéisse et fasse tout ce qu'il voudra! C'est le discours qu'il tient à toute heure ajoutant qu'il aime mieux sa charge de lieutenant-général que celle d'empereur. Il ne quitte plus le cordon jaune et ne porte jamais celui de Saint André ne fait pas un signe de prix à l'Église, offense tous les prêtres, la réligion et la nation. Enfin, personne ne se donna jamais plus de peine pour être hais et il y réussit au de là de l'expression. Il n'y a que le mépris pour lui qui surpasse cette haine. Je n'amplifie rien, ce sont des gémissements publics, on parle sur ce ton tout haut. Vous verrez que cela aura des suites, je ne ménage rien, la fermentation s'accroit. Il veut faire en personne la guerre aux Danois, nous la croyons sûre ici. Je lui demandai, quelle raison il avait pour faire la guerre à l'Impératrice-Reine? Il m'a répondu que la raison était son traité avec le Roi de Prusse. Mr de Keith me nuit tant qu'il peut et tient de moi les discours les moins respectueux. J'ai fait demander au Roi de la Grande Bretagne, si c'est par son ordre; si non, qu'il lui impose silence. Cet homme me guérit de ma prédilection pour sa nation:

Библиотека "Руниверс"

je n'ai pas mérité un pareit traitement de lui. Le Roi de Prusse me caresse beaucoup et parle de moi avec beaucoup de considération: enfin, il prend ses précautions. On dit que malgré les folies de l'Empereur pour lui il s'en moque et l'appelle son chevalier errant. Mademoiselle de Woronzow chancelle, nous lui trouvons tous les jours de nouvelles rivales. L'Empereur dit Souvent du chancelier qu'il est vendu à Vienne et à (Versailles) [1]), jugez, s'il a grand crédit; sa femme fait la maquerelle de sa fille et de sa nièce les autres vieilles l'enhaïssent à cause du cordon (de Sainte Catherine). Tout cela n'est que mieux pour nous; enfin de tout le bien qui se fait, je me réjouis, puisque j'aime le bien public, et tout le mal qu'on fait, je tourne à mon avantage. Ma situation est donc malheureuse. Mon oncle est honnet homme et peu de chose et tout neuf dans ce pays-ci; ma tante prude et dévote, mène son mari qui la craint, elle en est jalouse, quoique en vérité, il n'est pas d'une figure qui inspire tendresse. Munich, tout guetré en habit à crochet et perruque bouclée à l'age de 80 ans, n'a eu du crédit que trois jours, malgré son éminent mérite; par malheur, il a parlé raison, il ne radote point, il est fraix et gaillard, il a vraiment une grande âme. Malgré ce que j'ai dit et représenté en faveur de Biron, on vient de luì faire de nouveau la seconde disgrace: il a été obligé de renoncer au Duché et quoique ce soit en faveur de mon oncle, je ne trouve pas l'action moins injuste. Biron a de l'esprit, la conversation agréable, mais un mauvais coeur et beaucoup de farouche dans les yeux. Le Hetman est fort bien avec l'Empereur, mais il n'a pas sa confiance; le chambellan Schouwalow, Glebow, Melgounow ont tout le crédit".

„Сообщаю Вамъ, что мое положеніе таково, что одно подозрѣніе въ тайной перепискѣ можетъ погубить меня. Противъ меня замышляютъ ужасныя вещи. Отецъ и дядя г-жи Воронцовой замышляли заточить меня и посадить ее на мое мѣсто. Императоръ самъ воспротивился этому, сказавъ, что онъ забылъ прошлое, что онъ не можетъ пожаловаться на настоящее, и что онъ посмотритъ, какъ я буду вести себя. Дѣло въ томъ, что горячая любовь ко мнѣ народа, доходящая до такой степени, что это удивляетъ меня самое, заставляетъ ихъ трепетать. Противъ меня ничего не смѣютъ предпринять, и несомнѣнно, что это не прошло бы никому безна-

[1]) Вмѣсто этого слова въ копіи Копенгагенскаго архива пробѣлъ.

Библиотека "Руниверс"

казанно. Отъ меня зависитъ сдѣлать многое, но вамъ извѣстны причины, по которымъ мнѣ было бы противно прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ. Мнѣ дѣлали самыя разнообразныя предложенія. Недовольство велико и растетъ съ каждымъ днемъ, да и сумасбродства растутъ и дѣлаются нынѣ публично. Противъ него дѣйствительно озлоблены: онъ не сносенъ даже тѣмъ, коихъ онъ осыпаетъ благодѣяніями. Затѣмъ, представьте себѣ, онъ говоритъ всѣмъ, что король прусскій его глава, что стоитъ ему приказать, онъ повинуется и сдѣлаетъ все, что онъ захочетъ! Тому подобныя рѣчи онъ держитъ ежечасно, присовокупляя, что онъ предпочитаетъ свои генералъ-лейтенантскія обязанности императорскимъ. Онъ не снимаетъ съ себя желтой ленты и никогда не носитъ Андреевской, не крестится въ церкви, оскорбляетъ священниковъ, религію и народъ. Словомъ, никто не дѣлалъ столько, чтобы возбудить къ себѣ ненависть, и это ему удается сверхъ мѣры. Эту ненависть превосходитъ только презрѣніе, съ какимъ къ нему относятся. Я ничего не преувеличиваю, всѣ громко стонутъ и говорятъ въ этомъ духѣ во всеуслышаніе; увидите, какія это будетъ имѣть послѣдствія, я никого не щажу, броженіе усиливается. Онъ хочетъ самолично вести войну съ Даніей; мы увѣрены здѣсь въ томъ, что война будетъ. Я спросила его, какой поводъ онъ имѣетъ воевать съ императрицей-королевой? Онъ отвѣчалъ, что поводомъ къ тому служитъ трактатъ, заключенный имъ съ королемъ прусскимъ. Г. Кэйтъ вредитъ мнѣ, насколько можетъ, и отзывается обо мнѣ самымъ непочтительнымъ образомъ. Я приказала спросить короля Великобританскаго, дѣлается ли по его приказанію, и если нѣтъ, то чтобы онъ велѣлъ ему замолчать. Этотъ человѣкъ излечитъ меня отъ моего пристрастія къ его націи: я не заслужила съ его стороны подобнаго отношенія. Король прусскій очень льститъ мнѣ и отзывается обо мнѣ съ большимъ почтеніемъ: словомъ, онъ принимаетъ предосторожности. Говорятъ, будто, не взирая на всѣ сумасбродства Императора по отношенію къ нему, онъ смѣется надъ нимъ и называетъ его своимъ странствующимъ рыцаремъ. Положеніе г-жи Воронцовой колеблется, мы находимъ ей каждый день новыхъ соперницъ. Императоръ часто говоритъ о канцлерѣ, что онъ продался Вѣнѣ и (Версалю); судите поэтому, велико ли его значеніе, его жена сводничаетъ для своей дочери и племянницы; прочія старухи ненавидятъ ее за ленту (орденъ св. Екатерины). Все это какъ нельзя лучше для насъ; все добро, которое дѣлается, меня радуетъ, такъ какъ я дорожу благомъ общества, а все зло, какое дѣлаютъ, я стараюсь обратить въ свою пользу. Итакъ мое положеніе самое прискорбное. Мой дядя человѣкъ честный, но безъ вліянія и еще со-

Библиотека "Руниверс"

всѣмъ новичекъ здѣсь; моя тетушка жеманница и ханжа, вертитъ мужемъ, который боится ее; она ревнуетъ его, хотя, по правдѣ сказать, его наружность не можетъ внушить любви. Минихъ всегда въ кафтанѣ, щиблетахъ и завитомъ парикѣ, несмотря на свои 80 лѣтъ; не взирая на его выдающіяся достоинства, онъ пользовался вліяніемъ не болѣе трехъ дней. Къ несчастію, онъ говорилъ разумно, не болталъ вздора, онъ добръ и веселъ, у него въ самомъ дѣлѣ великая душа. Несмотря на все то, что я говорила и доказывала въ пользу Бирона, онъ еще разъ подвергся опалѣ: ему пришлось отказаться отъ герцогства и хотя это сдѣлано въ пользу моего дяди, но я нахожу, тѣмъ не менѣе, этотъ актъ несправедливымъ. Биронъ уменъ, его рѣчь увлекательна, но у него недоброе сердце и суровый взглядъ! Гетманъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ Императоромъ, но не пользуется его довѣріемъ; полнымъ довѣріемъ пользуются камергеръ Шуваловъ, Глѣбовъ и Мельгуновъ".

Владиславъ Конопчинскій.

Библиотека "Руниверс"

Къ 50-ти лѣтію освобожденія крестьянъ [1]).

(*Окончаніе*).

II.

Предварительныя мысли объ устройствѣ отношеній между помѣщиками и ихъ крестьянами.

Съ первыхъ лѣтъ текущаго столѣтія, правительство старается установить, на болѣе правильныхъ началахъ, отношенія между помѣщиками и ихъ крестьянами. Не разъ уже заявлено было, что сіи отношенія, оставаясь въ неопредѣленномъ видѣ, почти *внѣ дѣйствій закона и правительственной власти*,—невыгодны для успѣховъ народнаго хозяйства, вредны для упроченія общественной нравственности и несовмѣстны съ благоустройствомъ государственнымъ. Но не распространяясь объ этомъ, достаточно сказать, что нынѣшній порядокъ вещей представляетъ постоянную опасность для спокойствія Имперіи.

Въ настоящее время замѣчается усиленное броженіе въ умахъ по поводу этого вопроса. Съ одной стороны, въ крестьянахъ проявляется стремленіе выдти изъ зависимости отъ владѣльцевъ, что доказывается частыми ихъ волненіями то въ томъ, то въ другомъ имѣніи,—недавнимъ движеніемъ значительной массы народа въ Крымъ, вслѣдствіе самыхъ нелѣпыхъ слуховъ,—и особенно опасеніями, возбужденными въ послѣднее время во многихъ губерніяхъ. Съ другой стороны, дворяне тоже сильнѣе и сильнѣе чувствуютъ

[1]) Си. „Русская Старина“ февраль 1912 г.

Библиотека "Руниверс"

непрочность своихъ правъ, одинаково опасаясь и народныхъ смутъ и внезапнаго, неподготовленнаго распоряженія правительства, а многіе изъ нихъ, убѣждаясь въ необходимости положить конецъ теперешнему напряженному положенію, не знаютъ, какъ изъ него выдти. Вслѣдствіе такого расположенія умовъ, появились многіе частные о семъ проекты, которые ходятъ по рукамъ не только въ столицахъ, но и во всей Россіи, и съ большимъ вниманіемъ и интересомъ читаются и обсуживаются въ публикѣ.

Все это не представляетъ ли ясныхъ указаній для будущаго? Если правительство не овладѣетъ вопросомъ, чтобы повести его, сколь можно осторожнѣе, къ постепенному разрѣшенію, то, быть можетъ, событія опередятъ самыя законодательныя и административныя мѣры. Не слѣдуетъ ли въ такомъ случаѣ опасаться, что въ народѣ возникнетъ гибельная мысль, будто бы правительство не хочетъ заботиться о крестьянахъ, и спасительное упованіе ихъ мало-по-малу исчезнетъ; а благія намѣренія просвѣщеннѣйшихъ помѣщиковъ истощатся въ безплодныхъ толкахъ?

Многіе найдутъ, быть можетъ, эти опасенія преувеличенными и сошлются на то, что война и перемѣна царствованія всегда производили броженіе въ умахъ, которое, при благоразумныхъ полицейскихъ и военныхъ мѣрахъ, мало-по-малу утихало. Вопросъ объ отношеніяхъ владѣльцевъ къ крестьянамъ, — какъ нѣкоторые думаютъ,—еще не созрѣлъ для рѣшенія, и подымать его теперь значило бы разжигать въ народныхъ массахъ несбыточныя надежды и опасныя страсти.

Эти и подобныя имъ разсужденія едва-ли справедливы и согласны съ фактами, совершающимися у насъ подъ глазами. Волненія между крѣпостными крестьянами, очевидно, возрастаютъ, и толки ихъ о мнимой свободѣ постоянно усиливаются. Не доказываетъ ли это, что однѣ охранительныя и строгія мѣры не вполнѣ достигаютъ цѣли? Теперь,—какъ всѣ сознаются,—броженіе въ народѣ чувствуется сильнѣе.

Если правительство противупоставитъ ему навсегда твердую преграду, то быть можетъ оно и исчезнетъ на время, но будетъ ли это прочно? Сдавленныя потребности, не имѣя законнаго удовлетворенія,—какъ научаетъ примѣръ другихъ народовъ и наша собственная историческая опытность,—обыкновенно сосредоточиваются въ глубинѣ народнаго сознанія, дозрѣваютъ въ тишинѣ и мракѣ и тамъ перерождаются въ темныя страсти, неразумныя и необузданныя. И тогда, неожиданный случай,—или общее бѣдствіе, голодъ, пожары, повальная болѣзнь, или напряженіе, вызываемое войною, или даже вздорный слухъ и преступное сумасбродство какого-нибудь бродяги,—могутъ

Библиотека "Руниверс"

вызвать народныя страсти, которыя нельзя будетъ ни сдержать, ни направить мирными средствами. Останется одна борьба съ ними вооруженною силою, потрясающая надолго всѣ основы общества, каковъ бы ни былъ ея исходъ. Одному неисповѣдимому Промыслу извѣстно, гдѣ лежитъ предѣлъ между возможностью предотвратить такую опасность и ея неизбѣжностію. Потому-то не будетъ ли осторожнѣе отклонить заблаговременно самую причину зла, тихо и незамѣтно, мѣрами законодательными и административными? Страхъ дать пищу народнымъ надеждамъ, который смущаетъ нѣкоторыхъ, не есть ли обманчивый призракъ? Опасностью грозитъ не надежда, а положеніе безнадежное. До сихъ поръ крѣпостное населеніе ожидаетъ отъ Царской воли перемѣны своего быта, и каждый вѣрноподданный не долженъ ли страшиться одной мысли, чтобы это кроткое и мирное упованіе не ослабѣло въ народныхъ массахъ?

Глубоко сознавая всю политическую важность вопроса о крѣпостныхъ отношеніяхъ, блаженныя памяти Императоры Александръ I и Николай I старались исподоволь подготовить отмѣну ихъ. Въ этихъ видахъ изданы были, независимо отъ разныхъ узаконеній, клонившихся къ ограниченію владѣльческаго произвола, два коренныхъ постановленія: *однимъ* (1803 г.) дозволено увольнять крѣпостныхъ съ землею, въ такъ называемые свободные хлѣбопашцы, а *другимъ* (1842 г.) предоставлено помѣщикамъ заключать условія, по коимъ земля оставалась ихъ собственностію, а крестьяне, получая личныя права, обязывались нести опредѣленныя работы и повинности [1]).

Изъ этихъ двухъ мѣръ первая имѣла однако весьма незначительный успѣхъ, послѣдняя—почти никакого. Въ свободные хлѣбопашцы уволено доселѣ, т. е. въ теченіе полстолѣтія, не болѣе 140 т. ревизскихъ душъ, а въ обязанные поселяне въ 14 лѣтъ не болѣе 16 т. душъ.

Столь недостаточныя послѣдствія могутъ быть объяснены, между прочимъ, слѣдующимъ:

Во-*первыхъ*, изданныя правила, въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, были не полны или стѣснительны. Такъ, въ свободные хлѣбопашцы запрещено увольнять по завѣщанію, тогда какъ, въ силу обычаевъ, вкоренившихся у насъ изстари, владѣльцы охотнѣе увольняютъ крѣпостныхъ передъ своею кончиной, когда вообще человѣкъ рас-

[1]) Св. Зак. о Сост.. т. IX, ст. 760—795 и 903—913. Свободные хлѣбопашцы нынѣ именуются оффиціально (съ 15 іюля 1848 г.), „государственными крестьянами, водворенными на собственныхъ земляхъ“; но какъ въ общемъ употребленіи сохранилось прежнее названіе, то оно и здѣсь употреб. для большей ясности изложенія.

Библиотека "Руниверс"

положенъ болѣе къ милосердію, да и самые матеріальные интересы уже теряютъ для него свою заманчивость. Относительно имѣній, населенныхъ обязанными крестьянами, постановлены, между прочимъ, разныя ограниченія для полученія ссудъ изъ кредитныхъ установленій, а извѣстно, что наши помѣщики въ такихъ ссудахъ нерѣдко нуждаются, и лишаясь возможности пользоваться ими на выгодныхъ условіяхъ, теряютъ охоту и даже возможность обращать своихъ крестьянъ въ обязанные. Кромѣ того, въ изданныхъ положеніяхъ есть и другія требованія, не всегда удобныя на практикѣ, а между тѣмъ недостаетъ самыхъ существенныхъ указаній, безъ которыхъ отношенія между владѣльцами и крестьянами никогда не будутъ покойны и прочны. Наконецъ, оба указанные способы увольненія сопряжены съ продолжительными формальностями, отчего многіе проекты условій между владѣльцами и крестьянами иногда остаются безъ утвержденія по несоблюденію лишь незначительныхъ канцелярскихъ обрядовъ,

Во-*вторыхъ* дѣйствіе изданныхъ законовъ (особенно о обязанныхъ крестьянахъ) было нѣкоторымъ образомъ ослабляемо послѣдующими мѣрами и предписаніями. Это произошло очевидно изъ желанія предупредить ложные слухи и народныя волненія. Къ сожалѣнію, такія распоряженія, при всей ихъ благонамѣренности, рождали еще большія затрудненія. Слухи распространялись попрежнему; ожиданія народа росли; изглаживалось только нравственное вліяніе законовъ, а оттого и дѣйствіе ихъ было неполное. Приглашеніе владѣльцевъ, въ законодательномъ порядкѣ, добровольно начать постепенное измѣненіе крѣпостныхъ отношеній должно было—независимо отъ прямыхъ практическихъ послѣдствій,—направить дворянство къ этой цѣли и мало-по-малу, такъ сказать, воспитать общественное мнѣніе въ предположенномъ направленіи. Но частныя распоряженія, несогласныя съ общею мыслію, естественно отнимали у нея необходимую нравственную поддержку, что ободряло противниковъ закона и давало имъ достаточный поводъ перетолковывать, по своему, намѣренія правительства. Подъ вліяніемъ этихъ обстоятельствъ, рвеніе помѣщиковъ, наиболѣе расположенныхъ къ устройству быта своихъ крестьянъ, не разъ охладѣвало, тѣмъ болѣе, что разрозненныя попытки такого рода, безъ явнаго покровительства со стороны правительства, сопряжены съ слишкомъ большими и, можно сказать, безплодными жертвами.

Колебанія въ столь важномъ вопросѣ породили другое существенное неудобство: противорѣчія въ законахъ. Такимъ образомъ, во то время, когда правительство уже помышляло о постепенномъ преобразованіи крѣпостныхъ отношеній, права владѣльцевъ надъ

Библиотека "Руниверс"

крестьянами были нѣсколько расширены; напримѣръ: имъ дано право отсылать крѣпостныхъ въ исправительныя заведенія, не объясняя побудительныхъ причинъ, право заводить сельскія тюрьмы и заключать въ нихъ крѣпостныхъ на время до двухъ мѣсяцевъ; право ссылать въ Сибирь на поселеніе стариковъ (имѣющихъ болѣе 50-ти лѣтъ) и несовершеннолѣтнихъ (отъ 8-ми до 17-ти), что до того времени не дозволялось. При семъ нельзя не замѣтить, что право ссылать крѣпостныхъ въ Сибирь было въ 1811-мъ году формально отмѣнено, но вскорѣ потомъ опять возстановлено. Равнымъ образомъ, дарованное въ 1846 году крестьянамъ право выкупаться на публичныхъ торгахъ впослѣдствіи негласно отмѣнено. Такія противорѣчія въ правительственныхъ дѣйствіяхъ едва-ли не вреднѣе, чѣмъ самыя крупныя мѣры, ибо подрываютъ довѣріе къ закону и, колебля существующій порядокъ вещей, не создаютъ новаго, раздражая лишь разнородные интересы.

Изложенныя обстоятельства содержатъ, какъ кажется, указанія, полезныя для будущаго.

Устройство отношеній между владѣльцами земель и ихъ крестьянами, какъ всякое коренное преобразованіе, требуетъ конечно времени и настойчивыхъ усилій. Но едва-ли найдется другое преобразованіе, которое вызывало бы болѣе постоянства. Колебанія въ этомъ случаѣ пугаютъ самихъ владѣльцевъ, по крайней мѣрѣ тѣхъ, которыхъ заботитъ не одно настоящее, но и будущность, своя и дѣтей. Посему многіе ожидаютъ съ трепетомъ, чтобы правительство рѣшилось на одно изъ двухъ: или силою охранять въ полной ненарушимости существующій порядокъ вещей, или же совершить преобразованіе постепенно, но неуклонно и безостановочно. Дѣйствительно, остановиться на полпути значило бы обречь государство на продолжительное тревожное состояніе. Въ такомъ случаѣ,—какъ многіе справедливо замѣчаютъ,—лучше отказаться вовсе отъ возбужденнаго вопроса и закрывъ глаза на будущее предоставить рѣшеніе его судьбѣ и исторіи, чѣмъ, коснувшись однажды, не вести до конца.

Вопросъ о крѣпостномъ правѣ давно уже не новой. Онъ окончательно рѣшенъ во всѣхъ государствахъ Западной Европы. Способы, для сего избранные, были различны, смотря по цѣли, которая имѣлась въ виду. Въ однихъ государствахъ дарована крѣпостнымъ только личная свобода; въ другихъ имъ предоставлено, вмѣстѣ съ личными гражданскими правами, опредѣленное количество земли, за что помѣщики получили справедливое вознагражденіе.

Послѣдній способъ, т. е. выкупъ у владѣльцевъ какъ крестьянъ, такъ и части бывшей въ ихъ пользованіи земли, во всѣхъ отно-

Библиотека "Руниверс"

шеніяхъ заслуживаетъ предпочтенія. Опытъ показалъ, что вездѣ, гдѣ поселяне остались безъ поземельной собственности, возникла для нихъ крайне стѣснительная зависимость отъ владѣльцевъ, и вслѣдствіе того посреди сельскаго населенія образовался многочисленный классъ бобылей и бездомниковъ (сельскихъ пролетаріевъ), всегда находящійся въ броженіи и готовый стать орудіемъ политическихъ смутъ и переворотовъ; напротивъ, тамъ, гдѣ поселяне получили землю, они живутъ въ довольствѣ, не находятся во враждебныхъ отношеніяхъ съ прочими землевладѣльцами и представляютъ собою мирныхъ, спокойныхъ гражданъ, далекихъ отъ революціонныхъ движеній. Вѣроятно по этимъ соображеніямъ сопредѣльная намъ Пруссія и отчасти соплеменная Австрія, отмѣнившія у себя крѣпостное право въ новѣйшія времена, узаконили выкупъ не только работъ и повинностей, но и опредѣленнаго количества владѣльческой земли. Имѣя эти примѣры и опыты подъ глазами, правительству нашему предстоитъ, какъ кажется, рано или поздно, произвести повсемѣстный въ Имперіи *выкупъ* изъ частнаго владѣнія *крестьянскихъ общинъ* съ большимъ или меньшимъ, смотря по мѣстности и промысламъ, *количествомъ земли*. Самая операція выкупа могла бы совершиться лишь при посредствѣ кредита, постепенною выплатою выкупной суммы крестьянами. Но приведеніе этой мысли въ исполненіе, состоя въ тѣсной связи съ финансовымъ устройствомъ и кредитною частію и требуя органическаго преобразованія въ нашихъ банковыхъ учрежденіяхъ, затрогиваетъ весьма сложные вопросы, разрѣшеніе которыхъ должно составить предметъ особливаго, подробнаго соображенія. Во всякомъ случаѣ, едва-ли можно приступить къ этому рѣшительному средству прежде чѣмъ будутъ собраны точныя данныя, необходимыя для оцѣнки имѣній и для расчетовъ по выкупной операціи, и пока къ ней не будетъ подготовлено общественное мнѣніе.

Въ этихъ видахъ, необходимо, какъ кажется, принять *предварительно* нѣкоторыя *переходныя мѣры*, которыя облегчили бы впослѣдствіи окончательное рѣшеніе вопроса. Мѣры эти могутъ быть трехъ родовъ:

I. *Новое приглашеніе дворянства къ добровольнымъ сдѣлкамъ съ крестьянами.* Это средство было до сихъ поръ положено въ основаніе благодѣтельныхъ предначертаній Императоровъ Александра I и въ особенности блаженныя памяти Николая I. Два раза, какъ объяснено выше, дѣлались попытки въ этомъ смыслѣ. Но нельзя сказать, чтобы этотъ способъ былъ окончательно исчерпанъ, и что отъ него ничего болѣе ожидать не слѣдуетъ. Первые опыты, даже неудачные, принесли уже ту пользу, что показали, въ чемъ

Библиотека "Руниверс"

именно встрѣтились затрудненія и препятствія къ исполненію правительственнаго вызова. Съ устраненіемъ ихъ можно ожидать лучшаго успѣха, тѣмъ болѣе, что въ самомъ дворянствѣ болѣе окрѣпло и усвоилось убѣжденіе въ неизбѣжности предлагаемаго преобразованія. Затѣмъ оставалось бы только облегчить и поправить дѣйствія тѣхъ владѣльцевъ, которые готовы устроить судьбу своихъ крестьянъ. Предѣлы этой записки не дозволяютъ развить и объяснить во всей подробности тѣ мѣры, которыя могли бы быть приняты съ этою цѣлію, но можно указать, хотя вкратцѣ, на нѣкоторыя изъ нихъ:

Во 1-хъ) Полезно бы дозволить увольненіе крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы посредствомъ духовныхъ завѣщаній, хотя бы по имѣніямъ благопріобрѣтеннымъ, что нисколько не нарушило бы законовъ нашихъ о наслѣдствѣ.

Во 2-хъ) Въ настоящее время многіе помѣщики охотно уступили бы крестьянамъ часть своей земли и дозволили бы имъ перейти въ свободные хлѣбопашцы, но крестьяне рѣдко имѣютъ необходимыя денежныя средства для немедленнаго выкупа; владѣльцы же неохотно разлагаютъ выплату на продолжительный срокъ, опасаясь затрудненій въ расчетахъ. Посему весьма желательно: или предоставить крестьянамъ нѣкоторое, хотя бы ограниченное право пользоваться, собственно на случай выкупа, ссудами изъ особаго, для сего назначеннаго капитала,—или допускать, со всѣми необходимыми предосторожностями, ручательство правительства въ постепенной уплатѣ крестьянами выкупной суммы. Послѣднее не представляетъ повидимому никакой опасности, ибо и нынѣ, до утвержденія договора, правительство удостовѣряется въ томъ, что возлагаемый на крестьянъ выкупъ не превышаетъ ихъ средствъ, и слѣдовательно принимаетъ уже на себя въ этомъ отношеніи нѣкоторое нравственное ручательство [1]).

Въ 3-хъ) Законъ объ обязанныхъ поселянахъ имѣлъ цѣлью открыть новый родъ сдѣлокъ, по которымъ крестьяне, оставаясь въ зависимости отъ помѣщиковъ, получали бы, съ ихъ согласія, болѣе опредѣленныя права и обязанности. Такая переходная ступень отъ полной крѣпостной зависимости къ полнымъ гражданскимъ правамъ могла бы обезпечить постепенное и мирное разрѣшеніе вопроса, и потому, въ интересѣ самихъ помѣщиковъ, желательно облегчить имъ способы къ заключенію подобныхъ договоровъ. Съ этою цѣлью, устранивъ всѣ правила и обряды, которые нынѣ признаются стѣснительными и не ко всѣмъ случаямъ могутъ

[1]) Зак. о Сост., Т. IX, по XVIII Прод., ст. 764—769.

Библиотека "Руниверс"

быть одинаково примѣняемы, достаточно бы постановить лишь нѣсколько основныхъ и общихъ условій, предоставивъ все остальное доброй волѣ самихъ владѣльцевъ. Такими непремѣнными условіями, необходимыми для огражденія крестьянъ, были бы слѣдующія: а) чтобы каждому крестьянскому обществу отведено было, въ постоянное пользованіе, опредѣленное количество земли, смотря по мѣстности; б) чтобы повинности крестьянъ въ пользу владѣльцевъ опредѣлялись преимущественно оброкомъ (т. е. деньгами или продуктами), такъ какъ личныя работы даютъ обыкновенно поводъ къ пререканіямъ и взаимнымъ претензіямъ; во всякомъ случаѣ, крестьянскіе оброки или повинности необходимо перенести съ лицъ на землю и обращать на все крестьянское общество въ совокупности, а не на каждое семейство отдѣльно, что представляетъ большее обезпеченіе для владѣльца и удобство для крестьянъ, ибо даетъ имъ возможность раскладывать уравнительнѣе общую тягость, в) чтобы, вслѣдствіе сего, учреждено было мірское или общинное управленіе для крестьянъ, которые, посредствомъ своихъ выборныхъ и подъ однимъ лишь общимъ надзоромъ владѣльца, распоряжались бы дѣлами своего общественнаго хозяйства, и г) чтобы договоры помѣщиковъ съ крестьянами не были вѣчные, по неудобству и невозможности такихъ обязательствъ, а заключались бы на опредѣленный срокъ, напримѣръ на 6, 12, 18 и до 24-хъ лѣтъ (примѣняясь къ ст. 843, 886 и 898 Св. Зак. о Сост., Т. IX). Эти четыре условія, какъ кажется, оградили бы достаточно положеніе крестьянъ, безъ стѣсненія для владѣльцевъ. При окончательной обработкѣ изложенныхъ предположеній, конечно нужно будетъ развить съ большею точностью требованія правительства, но для пользы самаго дѣла желательно дать наиболѣе простора частнымъ интересамъ и мѣстнымъ особенностямъ каждаго края. Въ этихъ видахъ, не входя преждевременно ни въ какія подробности, должно сказать однако же, что, при пересмотрѣ нынѣшнихъ постановленій о договорахъ съ крестьянами, необходимо обратить особенное вниманіе на порядокъ утвержденія ихъ и на разборъ могущихъ возникать споровъ и взаимныхъ жалобъ. Съ одной стороны желательно сколь можно сократить существующія нынѣ формальности, а съ другой,—устранить, надзоромъ правительственной власти, всякія притѣсненія владѣльцевъ и неисправности крестьянскихъ общинъ. Задача эта, безъ сомнѣнія, представляетъ немаловажныя затрудненія; но какъ, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, система договоровъ не можетъ получить быстраго и повсемѣстнаго примѣненія, то на первый разъ не потребуется вѣроятно никакихъ спеціальныхъ учрежденій по этой части, и существующіе прави-

Библиотека "Руниверс"

тельственные органы будутъ совершенно достаточны для предстоящаго дѣла.

Затѣмъ, должно надѣяться, что въ самомъ дворянствѣ найдутся опытныя и благонамѣренныя лица, которыя окажутъ въ этомъ случаѣ живое и самое полезное содѣйствіе (о чемъ будетъ говориться ниже). А дабы пріохотить вообще помѣщиковъ къ предлагаемой мѣрѣ, справедливость требуетъ даровать имъ нѣкоторыя облегченія. Такъ, напримѣръ, надлежало бы, какъ кажется, измѣнить дѣйствующія нынѣ крайне стѣснительныя правила о залогѣ имѣній, населенныхъ обязанными поселянами, распространивъ на сіи имѣнія дѣйствіе общихъ законовъ. Это снисхожденіе не можетъ быть опасно для кредитныхъ установленій, и лучшимъ тому доказательствомъ служатъ, между прочимъ, губерніи Кіевская, Волынская и Подольская, гдѣ уже семь лѣтъ тому назадъ введены инвентарныя правила, и хотя донынѣ тамошнія имѣнія принимаются въ кредитныхъ мѣстахъ на общемъ основаніи, но не только никакихъ по нимъ неисправностей не замѣчено, а даже, напротивъ, означенныя три губерніи считаются самыми исправными въ платежѣ долга.

II. *Частныя мѣры къ ограниченію крѣпостного владѣнія.* Въ этихъ видахъ желательно пересмотрѣть дѣйствующія нынѣ постановленія по этой части, дабы, приведя ихъ къ единству по духу и направленію, принять нѣкоторыя новыя мѣры, кои, не касаясь существа владѣльческихъ правъ, содѣйствовали бы косвеннымъ образомъ ограниченію крѣпостного состоянія. Съ этою цѣлью можно указать на слѣдующія предположенія:

Во 1-хъ) Возстановить прежнія распоряженія о постепенномъ пріобрѣтеніи въ казну населенныхъ имѣній, особенно мелкономѣстныхъ (заключающихъ въ себѣ, напримѣръ, менѣе 50-ти душъ), ибо чрезъ это уменьшилось бы число крѣпостныхъ и упрочился бы хозяйственный бытъ тѣхъ изъ нихъ, которые, по бѣдности самихъ владѣльцевъ, не могутъ ожидать никакихъ улучшеній въ будущемъ.

Во 2-хъ) Ускорить, согласно существующему уже закону (примѣч. къ ст. 745 Зак. о Сост. Т. IX), окончательный выкупъ однодворческихъ крестьянъ, коихъ по 9-й ревизіи числилось не болѣе $6^1/_2$ тысячъ душъ.

Въ 3-хъ) Уничтожить, посредствомъ выкупа, владѣніе крѣпостными, приписанными къ домамъ (ст. 989, Т. IX).

Въ 4-хъ) Воспретить продажу крѣпостныхъ подъ разными предлогами, безъ земли, съ одною лишь номинальною приписку къ населеннымъ имѣніямъ, потому что такія продажи даютъ поводъ къ вопіющимъ злоупотребленіямъ. Покупку же цѣлыхъ селеній на свозъ, а также переводъ собственныхъ крестьянъ на новыя мѣста,

Библиотека "Руниверс"

дозволять владѣльцамъ, но не иначе, какъ подъ условіемъ заключенія договоровъ съ переселяемыми крестьянами на изложенныхъ выше основаніяхъ.

Въ 5-хъ) Прекратить дробленіе селеній продажами и другими сдѣлками или по наслѣдству, о чемъ, сколько извѣстно, уже представленъ проектъ въ Государственный Совѣтъ.

Въ 6-хъ) Какъ законами нашими (ст. 886 и послѣд., Т. IX) уже дозволяется купцамъ селить на своихъ земляхъ свободныхъ людей на правахъ обязанныхъ крестьянъ, то тѣмъ болѣе причины распространить это правило на крѣпостныхъ, для которыхъ подобный переходъ въ высшее состояніе гораздо полезнѣе. Съ этою цѣлью разрѣшить купцамъ, а равно почетнымъ гражданамъ, пріобрѣтать населенныя земли, съ обязанностью увольненія живущихъ на нихъ крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы или заключенія съ ними договоровъ на предположенныхъ основаніяхъ.

За симъ, предстояло бы войти въ соображеніе о мѣрахъ къ возможному охраненію помѣщичьихъ крестьянъ отъ явныхъ стѣсненій и несправедливостей. Такъ, напримѣръ: во 1-хъ, нерѣдко случается, что крѣпостные, долго занимаясь торговлею, мастерствами и другими городскими промыслами и получивъ уже въ городѣ осѣдлость, просятъ уволить ихъ изъ крѣпостной зависимости и предлагаютъ даже значительный выкупъ; но подвергаются непомѣрнымъ требованіямъ со стороны владѣльцевъ, что не только препятствуетъ ихъ личному благосостоянію, но косвенно отражается на развитіи городской промышленности; въ подобныхъ случаяхъ справедливо было бы, кажется, предоставить крѣпостнымъ право выкупаться, опредѣливъ закономъ хотя бы довольно высокую выкупную сумму; во 2-хъ, по смыслу нашихъ законовъ (ст. 967 и 968, Т. IX), помѣщики могутъ „отдавать своихъ крестьянъ постороннимъ лицамъ *въ услуженіе, для обученія ремеслу или на воспитаніе*“, и то съ разными ограниченіями; отдача же въ работы дозволяется, на особыхъ правилахъ, по однимъ западнымъ губерніямъ; между тѣмъ изъ практики извѣстно, что крестьяне разныхъ губерній отдаются по контрактамъ на *фабрики*, *заводы* и вообще на *работы всякаго рода*, и хотя въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ подобныя сдѣлки, по Высочайшимъ повелѣніямъ, были отмѣняемы, но злоупотребленіе это продолжается подъ разными предлогами, и между прочимъ подъ видомъ обученія; такой порядокъ вещей тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что создаетъ въ городахъ, особенно столичныхъ, многочисленный классъ людей, оторванныхъ отъ всякой осѣдлости, непривязанныхъ къ труду никакими личными выгодами,—людей въ высшей степени несчастныхъ, бѣдныхъ и нерѣдко безнравствен-

Библиотека "Руниверс"

ныхъ; а потому ограниченіе подобнаго зла, несогласнаго впрочемъ съ самыми законами о крѣпостномъ правѣ, было бы столь же благодѣтельно для сельскаго, какъ и для городского населенія; въ 3-хъ, замѣчено, что оброчныя имѣнія, гдѣ зависимость отъ владѣльцевъ сравнительно легче, постепенно обращаются въ издѣльныя, т. е. денежный оброкъ замѣняется болѣе тяжелыми личными работами и службами; многіе же владѣльцы, для большаго еще извлеченія прибыли изъ крестьянъ, лишаютъ ихъ земель и поставляя въ положеніе дворовыхъ, получающихъ мѣсячину, употребляютъ въ работу ежедневно; это также несогласно съ кореннымъ закономъ о трехъ-дневной работѣ (ст. 964, Т. IX), а потому, для огражденія крестьянъ отъ столь тяжкаго и несправедливаго произвола, желательно бы затруднить переводъ ихъ съ оброка на барщину, а обращеніе въ поденщиковъ, работающихъ постоянно изъ одного насущнаго пропитанія, совершенно воспретить по прошествіи извѣстнаго, опредѣленнаго для сего срока; въ 4-хъ, имѣя въ виду, что произвольныя распоряженія помѣщиковъ особенно обременительны бываютъ для крестьянъ при назначеніи рекрутъ, войти въ разсмотрѣніе мѣръ, которыя, не постановляя общаго, однообразнаго для всѣхъ имѣній порядка (какъ затруднительнаго на практикѣ), ограничили бы нѣсколько произволъ при отправленіи сей государственной повинности; въ 5-хъ, пересмотрѣть и ограничить законы, дозволяющіе помѣщикамъ ссылать безотчетно своихъ крѣпостныхъ въ Сибирь, отдавать въ исправительныя заведенія и заключать въ сельскія тюрьмы. Если предположенія эти удостоятся одобренія, то дальнѣйшее ихъ развитіе и объясненіе можетъ составить предметъ особой, подробнѣйшей записки.

III. Независимо отъ всѣхъ изложенныхъ законодательныхъ и административныхъ мѣръ, необходимо *содѣйствіе самаго дворянства* въ дѣлѣ, столь близко до него касающемся. Къ сожалѣнію, понятія о настоящемъ вопросѣ большею частію еще неясны, разнорѣчивы и сбивчивы. Самые просвѣщенные изъ помѣщиковъ, убѣжденные въ необходимости мирнаго его разрѣшенія, не знаютъ, какъ приступить къ устройству своихъ имѣній, не довѣряя собственному личному взгляду. Другіе,—и конечно къ нимъ принадлежитъ значительнѣйшее большинство,—вовсе не уяснили себѣ вопроса и питаютъ, часто по одному невѣдѣнію, тайное или явное нерасположеніе ко всѣмъ мѣрамъ, которыя были имъ предлагаемы. Между тѣмъ, не подлежитъ, кажется, сомнѣнію, что столь важное преобразованіе можетъ совершиться не иначе, какъ подъ условіемъ дружнаго взаимнаго дѣйствія правительства и помѣщиковъ. Первому предстоитъ конечно открывать дорогу, устранять препятствія,

Библиотека "Руниверс"

дѣлать полезныя указанія; на долю же дворянства приходится вся собственно практическая сторона дѣла: изысканіе способовъ къ примѣненію указаній и выполненію требованій правительства; выясненіе встрѣчающихся на этомъ пути затрудненій и препятствій и способовъ къ ихъ отклоненію; выработка матеріаловъ и данныхъ, на которыхъ правительство могло бы безошибочно основывать свои дальнѣйшія законодательныя и административныя мѣры. Для разъясненія вопроса, было бы, кажется, необходимо:

Во 1-хъ, въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ извѣстные и опытные помѣщики пожелали бы войти въ соглашеніе между собою собственно объ образѣ исполненія тѣхъ мѣръ, которыя будутъ указаны Верховною властью, дозволить имъ образовать для сего особливые дворянскіе комитеты съ тѣмъ, чтобы совѣщанія ихъ ограничивались исключительно означеннымъ предметомъ и чтобы направленіе и ближайшее руководство сихъ совѣщаній ввѣрено было лицамъ, облеченнымъ особымъ довѣріемъ правительства.

Во 2-хъ, для разъясненія экономическихъ вопросовъ, возбуждаемыхъ нынѣшнимъ устройствомъ населенныхъ имѣній (какъ, напримѣръ, о выгодахъ и невыгодахъ труда крѣпостного и наемнаго, о вліяніи того и другого на народное хозяйство и проч.), разрѣшить печатное обсужденіе сего предмета, подъ непосредственнымъ надзоромъ правительства, въ спеціальныхъ изданіяхъ (какъ-то: въ журналахъ Министерствъ Внутреннихъ Дѣлъ, Государственныхъ Имуществъ и Народнаго Просвѣщенія, въ запискахъ и трудахъ Экономическихъ обществъ и т. под.). Разсужденія подобнаго рода, не касаясь щекотливой, нравственной и политической стороны крѣпостного права и при томъ будучи излагаемы въ видѣ ученыхъ статей, а не въ формѣ всѣмъ доступныхъ легкихъ литературныхъ произведеній, не представили бы, какъ кажется, никакой опасности; а между тѣмъ принесли бы, кромѣ непосредственной, и ту еще неисчислимую пользу, что въ самое короткое время въ нашемъ обществѣ сложились бы здравыя и ясныя экономическія и финансовыя понятія, отсутствіе которыхъ нынѣ такъ еще ощутительно и такъ невыгодно отзывается на рѣшеніи настоящаго дѣла.

Въ 3-хъ, какъ въ самихъ правительственныхъ учрежденіяхъ, несмотря на чрезмѣрное обиліе статистическихъ свѣдѣній и матеріаловъ, ощущается, сколько извѣстно, совершенный недостатокъ въ необходимѣйшихъ по этому предмету данныхъ, то желательно бы обратить на это особенное вниманіе. Для сего надлежало бы собрать исподволь и со всею нужною осторожностью хотя общія свѣдѣнія по части внутренняго хозяйственнаго управленія населенныхъ имѣній, какъ-то: о числѣ помѣстій и душъ, состоящихъ на

Библиотека "Руниверс"

оброкѣ или на барщинѣ; о порядкѣ вотчиннаго управленія въ различныхъ помѣстьяхъ, о повинностяхъ въ пользу владѣльцевъ, соразмѣрно съ отведенною землею, объ урочныхъ положеніяхъ и обычаяхъ, опредѣляющихъ крестьянскія работы, объ обыкновенномъ среднемъ надѣлѣ землею крестьянъ, объ оцѣнкѣ ревизскихъ душъ и земли и т. д. Данныя такого рода, уясняя дѣло, указали бы безъ сомнѣнія и ближайшіе способы къ его разрѣшенію.

Таковы, въ общихъ чертахъ, переходныя мѣры, которыя привели бы къ постепенному разрѣшенію важный вопросъ о крѣпостномъ сельскомъ населеніи. Краткость изложенія не дозволила вполнѣ развить набросанныя мысли; но настоящая записка имѣетъ цѣлью представить лишь предварительное соображеніе по этому многосложному дѣлу, и если бы въ главныхъ началахъ оно удостоилось одобренія, то дальнѣйшее развитіе предлагаемыхъ мѣръ и объясненіе способовъ ихъ исполненія составило бы, по первому приказанію, предметъ особаго труда.

Во всякомъ случаѣ должно повторить, что предлагаемыя мѣры суть только переходныя или пріуготовительныя. Успѣхъ ихъ болѣе всего будетъ зависѣть отъ *совокупнаго* и *своевременнаго* ихъ дѣйствія.

Впрочемъ, развивая и направляя общественное мнѣніе, призывая дворянство къ дѣятельному участію въ важномъ государственномъ вопросѣ, въ которомъ оно матеріально заинтересовано, подготовляя всѣ необходимыя средства къ постепенному измѣненію крѣпостныхъ отношеній,—мѣры сіи ободрили бы просвѣщенныхъ владѣльцевъ, придавъ нравственный авторитетъ ихъ благонамѣреннымъ стремленіямъ; успокоили бы умы относительно предстоящихъ распоряженій правительства по столь жгучему вопросу, и постепенно привели бы оный къ заключительной мѣрѣ, т. е. къ *выкупу помѣщичьихъ имѣній, самому дѣйствительному, для всѣхъ безобидному и окончательному способу прекращенія нынѣшнихъ отношеній между владѣльцами и крестьянами* [1]).

Октябрь 1856 года.

II.

Извлеченіе изъ „Устройства“ Карловскаго имѣнія Великой Княгини Елены Павловны.

Карловское имѣніе Великой Княгини Елены Павловны въ Константиноградскомъ уѣздѣ Полтавской губ. [1]) состояло изъ 4 селеній

[1]) Курсивъ нашъ.—*Д. К.*

[2]) Это имѣніе носитъ названіе „Карловка“ потому, что оно принадле-

Библиотека "Руниверс"

и 10 деревень и заключало въ себѣ 90.904 дес. земли (мы беремъ въ круглыхъ цифрахъ, откидывая сажени). Изъ этого количества было 53.941 дес. господской земли, 32.649 дес. крестьянской и около 4½ тысячъ десятинъ неудобной. Крестьянская земля распредѣлялась такъ: усадебной 989 дес., выгонной 3.546, пахотной и сѣнокосной 28.113; лѣсу совсѣмъ не было. По десятой ревизіи 1858 г. въ Карловскомъ имѣніи числилось всего 15.017 человѣкъ, при чемъ лицъ мужского пола (7.392) было нѣсколько меньше, чѣмъ лицъ женскаго пола. Изъ этого количества рабочихъ было 3.425, а работницъ 3.440; всего 6.865; самостоятельныхъ хозяевъ 2.839. На ревизскую, мужескаго пола душу, приходилось *всей* земли около 4-хъ десятинъ; на работника мужескаго пола 8 дес. 500 саж., а на хозяина около 11½ дес. Пахотная и сѣнокосная земля была раздѣлена между крестьянами сообразно ихъ собственному желанію и количеству рабочаго скота, отъ 3½ до 14 дес. включительно.

Повинности отбывались барщиной, и каждый работникъ, при трехъ рабочихъ дняхъ въ недѣлю, работалъ на господъ въ теченіе года по 156 тяглыхъ или пѣшихъ дня, а работница, при двухъ рабочихъ дняхъ въ недѣлю, отрабатывала въ годъ 104 пѣшихъ дня. Въ сложности, повинности всѣхъ крестьянъ въ Карловскомъ имѣніи составляли ежегодно 881.660 рабочихъ дней.

При обсужденіи новаго устройства Карловскаго имѣнія надо было рѣшить три вопроса: 1) объ усадебной осѣдлости, 2) о надѣлѣ крестьянъ пашенной, сѣнокосной и пастбищной землей и 3) о размѣрѣ ихъ повинностей денежныхъ и натуральныхъ.

Вотъ какіе отвѣты находимъ мы въ „Положеніи“ о Карловскомъ имѣніи на эти три вопроса.

1) Постройки Карловскихъ крестьянъ были чрезвычайно скучены и являлась необходимость въ увеличеніи количества усадебной земли, а потому къ 989 десятинамъ прежней усадебной земли было предположено прирѣзать отъ выгонной земли столько десятинъ, чтобы на каждую усадьбу приходилось въ сложности не менѣе $^3/_4$ дес. Согласно въ Высочайшими указаніями, земля эта предоставлялась въ частную собственность крестьянскихъ семействъ, посредствомъ выкупа, а до уплаты опредѣленной за нее суммы оставалась въ

жало въ первой половинѣ XVIII в. генералу Карлу Бирону, брату столь извѣстнаго герцога Курляндскаго и всесильнаго временщика царствованія Анны Іоанновны — Эрнеста Іоганна Бирона. Впослѣдствіи, при Елизаветѣ Петровнѣ, Карловка принадлежала гр. К. Г. Разумовскому, и у потомковъ его была пріобрѣтена Великой Княгиней Еленой Павловной какъ личная ея собственность, внѣ удѣльныхъ имѣній. Рус. Арх. 1899 г тетр. 10, с. 311 прим. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

постоянномъ ихъ пользованіи, безъ взноса особой оброчной платы, такъ какъ таковой раньше не требовалось. Усадебную землю рѣшено было оцѣнить наравнѣ со всей другой землей, по 25 руб. за десятину, не возвышая платы за лучшую ея обработку, такъ какъ нѣкоторые крестьяне собственными средствами, безъ посторонней помощи, развели сады и тѣмъ возвысили цѣнность своихъ усадебъ. Крестьянскія строенія тоже не входили въ оцѣнку, будучи возведены самими крестьянами, хотя бы и съ пособіемъ со стороны владѣльцевъ, онѣ представляли собственность крестьянъ, учесть же нѣкоторые матеріалы, данные помѣщиками, было бы не только затруднительно, но даже и невозможно.

2) Земельный надѣлъ крестьянъ было рѣшено оставить безъ перемѣны, такъ какъ по собраннымъ достовѣрнымъ свѣдѣніямъ существовавшій въ Карловскомъ имѣніи надѣлъ около 4 дес. на душу совершенно достаточенъ. Выгонная земля (2.500 д.), остающаяся отъ пополненія усадебъ, поступаетъ въ *общинное* пользованіе крестьянъ за ежегодную плату денежнаго оброка. Распредѣленіе земель, отведенныхъ въ общинное пользованіе, предоставляется усмотрѣнію крестьянскихъ обществъ, согласно съ существующими мѣстными обычаями. Для уничтоженія чрезполосности допускается обмѣнъ какъ усадебной, такъ и пахотной и сѣнокосной земли, на другія земли одинаковыхъ категорій, но съ условіемъ, чтобы земли назначались по добровольному соглашенію съ крестьянами, а если не послѣдуетъ соглашенія, то съ разрѣшенія того присутственнаго мѣста, которое будетъ уполномочено Высшимъ Правительствомъ. Обмѣнъ не долженъ превышать 7% всего количества земель; прежнія усадьбы переносятся, или новые дома устраиваются на счетъ вотчиннаго управленія.

Что касается повинностей, то было составлено два положенія: *барщинное* и *оброчное*. Содержаніе обоихъ положеній было объяснено Карловскимъ крестьянамъ, и они изъявили желаніе немедленно перейти къ *оброчному* положенію, что оказалось выгоднѣе и для владѣльческаго хозяйства, такъ какъ обязательный трудъ, какъ извѣстно, менѣе производителенъ, чѣмъ трудъ вольнонаемный.

Принимая въ соображеніе, что вольные съемщики платятъ до 2 р. за десятину, предположено обложить Карловскихъ крестьянъ на 12 лѣтній срокъ оброкомъ по 1 р. 50 к. съ каждой отведенной имъ десятины. По прошествіи 12-ти лѣтъ, оброчная подесятинная плата будетъ измѣняться соразмѣрно съ цѣнностью того количества хлѣба, которое по среднимъ цѣнамъ истекшаго двѣнадцатилѣтія соотвѣтствуетъ оброку въ 1 р. 50 к. съ десятины. Взносъ

Библиотека "Руниверс"

выкупной суммы за усадьбы рѣшено разсрочить на нѣсколько лѣтъ, по соглашенію съ крестьянами.

Отвѣтственность за исправный платежъ оброка лежитъ на крестьянскихъ обществахъ. Оброкъ уплачивается крестьянами соразмѣрно количеству десятинъ, составляющему ихъ участки, и вносится въ вотчинную контору, за полгода впередъ, 1 января и 1 іюля Вмѣсто нѣкоторой части оброка крестьянскому обществу дозволяется, по соглашенію съ вотчиннымъ управленіемъ, выставить въ началѣ года, въ счетъ оброчной платы, годовыхъ работниковъ. Раздѣляются работники на разряды: къ первому разряду относятся тѣ, которые въ состояніи работать плугомъ; имъ зачитается 30 р. въ годъ, ко второму рабочіе конные, но безъ плуговой пашни; таковые получаютъ по 20 р., къ третьему всѣ прочіе, употребляемые для пѣшихъ работъ, съ платой 10 р. Кромѣ того каждому рабочему выдается пища и одежда отъ экономіи, или, если пожелаетъ, деньгами: на харчи 18 р. и на одежду 12 р. въ годъ. Въ случаѣ, если 1 іюля окажется недоимка, то общество обязывается выставить, по требованію экономіи, неисправныхъ работниковъ; пѣшимъ работникамъ назначается поденная плата по 30 к. съ 1 іюля по 15 августа и по 16 к. въ остальное время года. Если экономія пожелаетъ, то могутъ быть выставлены и полугодовые работники по вышеприведенному разсчету годовой платы.

Крестьянскимъ обществамъ предоставляется право откупаться отъ оброка и пріобрѣтать всю обрабатываемую землю, или часть оной, въ полную собственность, при чемъ выкупная сумма исчисляется посредствомъ капитализаціи оброка изъ 6%. Условія уплаты опредѣляются по уговору съ обществами, или на основаніи общаго распоряженія правительства.

Всѣ селенія и деревни, составляющія Карловское имѣніе, могутъ быть раздѣлены, въ административномъ и полицейскомъ отношеніи, на 4 волостныя общества. Что касается хозяйственныхъ дѣлъ, то каждое селеніе, владѣя отдѣльнымъ участкомъ земли, имѣетъ особое общественное управленіе, состоящее изъ старосты, нѣсколькихъ помѣщиковъ и сборщиковъ, которые избираются на три года.

Эти должностныя лица и мірскіе сходы (или громады) завѣдуютъ хозяйственными дѣлами селенія подъ начальствомъ и наблюденіемъ вотчиннаго управленія.

Облегченія, которыя предоставляются крестьянамъ Карловскаго имѣнія по настоящему „Положенію“, не лишаютъ ихъ, конечно, тѣхъ правъ и преимуществъ, какія по Высочайшей волѣ будутъ предоставлены всѣмъ помѣщичьимъ крестьянамъ. До тѣхъ поръ Великая Княгиня Елена Павловна, какъ сказано въ 15 п. „Новаго положе-

Библиотека "Руниверс"

нія“—„будетъ исполнять всѣ возлагаемыя существующими законами обязанности, по огражденію крестьянъ, охраненію общественнаго порядка и благочинія, обезпеченію продовольствія, призрѣнію неимущихъ и немощныхъ и пр. При этомъ предполагается принять особыя мѣры къ распространенію и лучшему устройству сельскихъ училищъ и необходимыхъ вспомогательныхъ учрежденій“.

Для устройства, на новыхъ основаніяхъ, барщинной повинности слѣдовало опредѣлить, какое количество рабочихъ дней придется потребовать за десятину отведенной земли, принимая въ соображеніе наемную плату за землю. Раньше крестьяне давали съ десятины по 29 рабочихъ дней, что по самой умѣренной оцѣнкѣ составляетъ 2 р. 90 к. Но такъ какъ наемная плата за десятину составляетъ 1 р. 50 к., что̀ соотвѣтствуетъ 15 рабочимъ днямъ, то признано справедливымъ принять за норму это количество.

Между тѣмъ вотчинное управленіе заявило, что даже при сокращеніи на четвертую часть экономической запашки, необходимо получать отъ крестьянъ не менѣе 20 рабочихъ дней съ десятины; этотъ излишекъ (5 рабочихъ дней съ десятины) предположено отчислять на выкупъ усадебъ. Въ теченіе четырехъ лѣтъ сумма излишнихъ дней составляла бы приблизительно ту самую цифру, въ какую оцѣнена усадебная земля.

Была составлена точная таблица постоянной (годовой) и дополнительной (лѣтней) повинности, различая при томъ *тяглые* и *пѣшіе* дни. Въ Малороссіи у крестьянъ не существовало тягловаго устройства, а потому не было раздѣленія сельскаго населенія на *тягла*, какъ въ Великороссіи; вслѣдствіе этого слово *тяглый* употребляется лишь примѣнительно къ великорусскимъ понятіямъ. Вотчинное управленіе составляетъ ежегодно точный разсчетъ, сколько работниковъ должно выставить каждое селеніе, и выдаетъ всѣмъ хозяевамъ отдѣльныя таблички, съ подробнымъ обозначеніемъ количества причитающихся съ нихъ рабочихъ дней разнаго рода. Сельскій сходъ опредѣляетъ очередь, по которой хозяева должны отправлять въ теченіе года повинности, сообразно со своимъ земельнымъ надѣломъ.

По составленному проекту барщинное положеніе было облегчено сравнительно съ прежнимъ: крестьянинъ, при надѣлѣ въ 6 десятинъ, работаетъ постоянно только 1 день въ недѣлю; при надѣлѣ въ 9 десятинъ, который можно считать нормальнымъ—1½ дня въ недѣлю, а если приложить къ этому дополнительную лѣтнюю повинность, то въ самую рабочую пору, т. е. въ теченіе восьми недѣль, выйдетъ прежняя трехдневная барщина; но за то въ теченіе 33-хъ недѣль дополнительной повинности вовсе нѣтъ.

Библиотека "Руниверс"

Несмотря на то, что число рабочихъ дней уменьшено, въ общей сложности на 30%, и что повинности распредѣлены соразмѣрно съ надѣломъ каждаго хозяина, тогда какъ прежде количество земли, которымъ пользовался крестьянинъ, не принималось въ соображеніе,—Карловскіе крестьяне предпочли, какъ мы видѣли выше, перейти на оброкъ. Главнымъ неудобствомъ барщиннаго положенія для крестьянъ являлась необходимость отрабатывать дополнительные дни въ лѣтнюю пору, когда ихъ собственное хозяйство требуетъ бо̀льшей работы. Для успѣшнаго же хода владѣльческаго хозяйства надо было ввести въ сельскихъ обществахъ круговую поруку, что доставило бы множество хлопотъ, такъ какъ взысканіе неотработаннаго дня и его раскладка возбудили бы споры и пререканія.

Таково въ общихъ чертахъ новое устройство Карловскихъ крестьянъ.

Текстъ, приведенный нами въ извлеченіи, сопровождается особыми приложеніями, заключающими въ себѣ подробныя данныя. Приложенія эти суть слѣдующія: 1) Первоначальный проектъ барщиннаго положенія для Карловскаго имѣнія. 2) Объясненіе началъ, принятыхъ для оцѣнки работъ по Карловскому имѣнію. 3) Изложеніе порядка пользованія общественной землей въ Карловскомъ имѣніи. 4) Подробное распредѣленіе по недѣлямъ работъ постоянныхъ и дополнительныхъ Карловскихъ крестьянъ.

Въ заключеніе слѣдуетъ обратить вниманіе на очень важную подробность новаго устройства Карловскаго имѣнія. Это новое устройство вводитъ въ Малороссіи великорусскіе крестьянскіе распорядки. Уже выше было замѣчено, что *тягло* чуждо малороссамъ и что терминъ „тяглый“ употребляется лишь примѣнительно къ великорусскимъ понятіямъ; но кромѣ того среди Карловскихъ крестьянъ вводится великорусское *общинное* землепользованіе и раздѣленіе на волостное и сельское управленіе также по примѣру Великороссіи.

Проектъ новаго устройства Карловскаго имѣнія былъ переданъ Императоромъ Александромъ II на разсмотрѣніе въ Главный Комитетъ по крестьянскому дѣлу, который утвердилъ всѣ находившіяся въ этомъ проектѣ предположенія. Приводимъ подлинный текстъ Положенія Комитета, напечатанный въ брошюрѣ „Устройство Карловскаго имѣнія“ на стр. 22—23.

„Главный Комитетъ по крестьянскому дѣлу и учрежденная при ономъ Комиссія, разсмотрѣвъ, по Высочайшему повелѣнію, изложенныя предположенія, нашли, „что онъ, не содержа въ себѣ

Библиотека "Руниверс"

ничего противнаго существующимъ законамъ, соотвѣтствуютъ тѣмъ началамъ, которыя Государь Императоръ, въ благодѣтельной заботливости объ улучшеніи и упроченіи положенія помѣщичьихъ крестьянъ, изволилъ указать для устройства ихъ хозяйственнаго быта. Августѣйшая Владѣтельница имѣнія, освобождая крестьянъ своихъ отъ обязательнаго труда и замѣняя оный оброкомъ, соразмѣрнымъ со стоимостію данной имъ въ пользованіе земли, даруетъ имъ существенное облегченіе и открываетъ возможность, свободнымъ трудомъ ихъ, пріобрѣсти средства, дабы воспользоваться предоставленнымъ имъ нынѣ же правомъ выкупить не только свои усадьбы, но и полевыя угодья, и ставъ, такимъ образомъ, собственниками оныхъ, твердо упрочить свое благосостояніе. Посему Главный Комитетъ призналъ возможнымъ привести означенныя предположенія въ дѣйствіе".

„Сіе положеніе Комитета удостоено утвержденія Его Императорскаго Величества 1 февраля 1859 года".

Сообщилъ профессоръ Д. А. Корсаковъ.

Библиотека "Руниверс"

Яковъ Іоганъ Урсинусъ.

Профессоръ-депутатъ Екатерининской комиссіи для сочиненія проекта новаго Уложенія.

„Законодательство—не раба древностей; но препоручила намъ Ея Императорское Величество справедливые законы проектовать, которыми бы всякія несправедливости древнихъ законовъ и привычекъ отмѣнены были".

(Изъ рѣчи Урсинуса въ засѣданіи комиссіи 29 сентября 1768 г.—Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, томъ XXXVI стр. 63).

Всѣмъ знакомымъ съ исторіею Екатерининской комиссіи для сочиненія проекта новаго Уложенія — этого, можно сказать, непосредственнаго предшественника нынѣшней Государственной Думы—извѣстно, что, какъ составъ ея, такъ и дѣятельность ея членовъ носили характеръ сословный или классовый. Говоря вообще, депутаты комиссіи отстаивали интересы тѣхъ группъ населенія, которыми были избраны. Нельзя не отмѣтить, что нѣкоторые депутаты понимали эти интересы болѣе широко, другіе болѣе узко. Были представители, напр., дворянскихъ интересовъ, которые старались показать связь защищаемыхъ ими положеній съ интересомъ цѣлаго государства, или отстаивали вмѣстѣ съ правами своего сословія права крестьянъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ выгоды обоихъ сословій совпадали или, по крайней мѣрѣ, другъ другу не противорѣчили. Представители городовъ поддержи-

Библиотека "Руниверс"

вали во многихъ случаяхъ интересы другихъ низшихъ сословій, противорѣчившіе исключительно вожделѣніямъ дворянства, но не затрогивавшіе вовсе того, что было предметомъ стремленій городскихъ обывателей. Были между депутатами люди высокообразованные, которые высказывались и прямо противъ интересовъ своего сословія, если видѣли, что защищающіе ихъ, преслѣдуя исключительно выгоды одного сословія, готовы на явную несправедливость по отношенію къ остальной части населенія. Такъ напр., когда депутатъ Кашинскаго дворянства (Кожинъ) предложилъ обложить брачущихся всѣхъ сословій налогомъ съ цѣлію получить средства къ открытію училищъ, назначаемыхъ исключительно для дѣтей дворянъ, депутатъ С—го дворянства (гр. Александръ Строгановъ) тотчасъ же сдѣлалъ возраженіе, указывая между прочимъ на то, что „всякій налогъ на общество долженъ служить въ пользу всего того общества, а не одной его части“ (Сборникъ Русскаго Истор. Общества, т. IV, стр. 173—175). Но, несмотря на то, что безпристрастный изслѣдователь можетъ указать за полутора годовой періодъ дѣятельности комиссіи не мало такихъ и тому подобныхъ случаевъ, общій характеръ работъ собранія остается такимъ, какимъ онъ показанъ въ первыхъ строкахъ предлагаемаго очерка: депутаты являлись выразителями желаній и стремленій тѣхъ или другихъ классовъ, на которые въ то время раздѣлялось населеніе страны. Факты, нѣсколько противорѣчащіе такому опредѣленію, были явленіями спорадическими, отрывочными.

Совершенно особенное положеніе между депутатами по своему направленію, талантамъ и характеру дѣятельности занималъ депутатъ города Дерпта—профессоръ Урсинусъ.

Онъ, какъ увидимъ далѣе, вовсе не былъ выразителемъ интересовъ какого-нибудь сословія или какой-нибудь мѣстности. Онъ былъ представителемъ той группы населенія, которая слагалась послѣ петровской реформы постепенно, медленно образуя то, что теперь называютъ интеллигенціею страны. Онъ систематически выдвигаетъ и защищаетъ интересы цѣлаго общества и государства—разумѣется, въ предѣлахъ своего пониманія этихъ интересовъ, но при этомъ ясно, что его пониманіе дѣла, благодаря его разностороннимъ познаніямъ, превосходило и широтою, и ясностью пониманіе весьма многихъ современниковъ и сочленовъ по комиссіи. Требуя справедливости, онъ желалъ въ то же время, чтобы особыя права и преимущества предоставлялись лишь тѣмъ, кто приноситъ дѣйствительную пользу государству и обществу, и чтобы поле дѣятельности общественной было расчищено для всѣхъ, кто обладаетъ необходимыми для нея качествами и знаніями.

Библиотека "Руниверс"

Изъ историковъ, занимавшихся временемъ Екатерининской комиссіи, особенно цѣнилъ дѣятельность Урсинуса профессоръ Брикнеръ, называвшій его „однимъ изъ лучшихъ ораторовъ комиссіи“, и говорившій, что его „участіе въ преніяхъ по всѣмъ вопросамъ“ было „чрезвычайно дѣятельно и успѣшно“ (Исторія Екатерины II, часть IV, глава IX, стр. 567 и 586).

Авторъ предлагаемаго очерка полагаетъ, что соединеніе и сопоставленіе всего, что можно сказать на основаніи напечатаннаго въ разное время и въ разныхъ изданіяхъ о дѣятельности Урсинуса въ комиссіи—главнымъ образомъ въ тѣхъ книгахъ Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, которыя посвящены историческимъ свѣдѣніямъ о Екатерининской комиссіи (томы VIII, XXXII и XXXVI), можетъ представить значительный интересъ для всѣхъ, кого занимаетъ комиссія съ какой бы то ни было точки зрѣнія.

Урсинусъ—депутатъ города Дерпта—называется постоянно профессоромъ. Является прежде всего вопросъ: гдѣ онъ былъ профессоромъ, и какую науку преподавалъ. Англійскій посолъ въ С.-Петербургѣ—лордъ Каскартъ (Cathcart)—въ письмѣ отъ 19 (30) августа 1768 года (Сб. Р. И. О., т. XII, стр. 359) называетъ Урсинуса профессоромъ изъ Лифляндіи (a professor from Livonia).

Профессоръ Сергѣевичъ въ предисловіи къ первому подъ его редакціей изданному тому Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, посвященному свѣдѣніямъ о Екатерининской комиссіи (т. XXXII), на страницѣ XVII называетъ Урсинуса *профессоромъ Дерптскаго университета*. Профессоромъ Дерптскаго университета Урсинусъ быть не могъ потому, что въ Дерптѣ въ 1767 году—когда онъ вошелъ въ составъ комиссіи—университета не было.

Настоящій Дерптскій (Юрьевскій) университетъ открытъ въ 1802 году (Указъ о его открытіи былъ данъ Императоромъ Павломъ I еще въ 1798 г.). Правда, въ Дерптѣ существовалъ университетъ и ранѣе, но только во времена шведскаго владычества. Онъ былъ основанъ подъ именемъ Academia Gustaviana Густавомъ Адольфомъ. Academia Gustaviana существовала до взятія Дерпта русскими войсками въ 1656 г. По возвращеніи Дерпта Швеціи на основаніи Кардисскаго мира (1661 г.), шведское правительство долго колебалось: возстановить ли университетъ въ Дерптѣ, или открыть новый университетъ въ другомъ городѣ — ближе къ морю и подалѣе отъ восточной границы. Наконецъ Карлъ XI рѣшилъ вопросъ въ пользу Дерпта, и въ 1690 г. Дерптскій универ-

Библиотека "Руниверс"

ситетъ былъ возобновленъ, но просуществовалъ не долго: въ 1699 г. Карлъ XII, въ виду надвигавшейся военной грозы, издалъ указъ о перенесеніи его въ Перновъ. Туда перешли не многіе изъ учащихся. Въ 1704 г. войсками Петра Великаго былъ взятъ Дерптъ, а въ 1710 г. Перновъ. Профессора университета еще до осады Пернова поспѣшили уѣхать въ Швецію, куда перевезли университетскую библіотеку. Съ тѣхъ поръ въ Остзейскомъ краѣ до 1802 года университета не было (см. историческій очеркъ Е. В. Пѣтухова: Императорскій Юрьевскій, бывшій Дерптскій, университетъ за 100 лѣтъ его существованія, т. I, Юрьевъ, 1902 г.).

Прямое подтвержденіе того обстоятельства, что Урсинусъ не только что не былъ связанъ съ г. Дерптомъ какою-нибудь службою, но и не проживалъ никогда въ этомъ городѣ, находимъ въ статьѣ г. Змигродскаго: „Городъ Юрьевъ Лифляндской губерніи и манифестъ 14 декабря 1766 года“, помѣщенной въ XIV томѣ сборника Учено-Литературнаго Общества при Юрьевскомъ университетѣ за 1909 годъ. Статья посвящена описанію дѣятельности Фридриха Конрада Гадебуша (Gadebusch), синдика, впослѣдствіи Justizbürgermeister'а города Дерпта, бывшаго передъ Урсинусомъ депутатомъ этого города въ Екатерининской комиссіи. Въ статьѣ этой между прочимъ сообщается слѣдующій фактъ, свѣдѣнія о которомъ извлечены авторомъ изъ архива города Юрьева. Лифляндскій генералъ-губернаторъ прислалъ въ Дерптскій магистратъ запросъ о мѣстѣ нахожденія профессора Урсинуса, съ котораго государственное казначейство требовало возвращенія золотого депутатскаго знака или уплаты за него 67 р. 89 коп. Магистратъ сообщилъ отъ 26 мая 1804 г., что профессоръ Урсинусъ никогда въ Дерптѣ не жилъ и былъ родомъ изъ Финляндіи. Г. Змигродскій отсюда вывелъ заключеніе, что Урсинусъ вѣроятно былъ профессоромъ Абоскаго университета (это мнѣніе опровергается справками, наведенными профессоромъ Гельсингфорскаго университета барономъ С. А. Корфомъ, который въ письмѣ отъ 3 января 1911 г. мнѣ сообщилъ, что въ Або профессора Урсинуса около середины XVIII вѣка не было).

Ошибка профессора Сергѣевича повторена въ „Азбучномъ указателѣ именъ русскихъ дѣятелей для русскаго біографическаго словаря“, ч. II, М—Ѳ, въ LXII т. Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, гдѣ читаемъ (стр. 373): „Урзинусъ Яковъ, профессоръ Дерптскаго университета, депутатъ въ комиссіи новаго уложенія 1767 г. отъ гражданъ города Дерпта Лифляндской губерніи“.

Я полагаю, что вопросы о томъ, почему Урсинусъ называется профессоромъ, и почему онъ сдѣлался депутатомъ города Дерпта, рѣшаются на основаніи извѣстій, сообщенныхъ въ дневникѣ Гаде-

Библиотека "Руниверс"

буша, выдержки изъ котораго напечатаны въ „Baltische Monatsschrift“ 1862 г., т. V, въ статьѣ: „F. K. Gadebusch in der Reichsversammlung zu Moskau“, подписанной G. B. Авторомъ статьи г. Змигродскій признаетъ Берхгольца—редактора названнаго журнала. Свѣдѣнія, сообщаемыя Гадебушемъ, вообще любопытны, но я возьму изъ нихъ только то, что можетъ выяснить, какъ и при какихъ условіяхъ Урсинусъ вошелъ въ составъ Екатерининской комиссіи.

Извѣстно, что при первоначальныхъ выборахъ депутатовъ въ комиссію въ разныхъ частяхъ Остзейскаго края имѣли мѣсто многія недоразумѣнія. Изъ помѣщеннаго въ I главѣ XXVII тома „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ“ С. М. Соловьева (по изданію Т-ва „Общественная Польза“, книга VI, стр. 314) донесенія Сенату лифляндскаго генералъ-губернатора Броуна видно, что города Пернау и Дерптъ подали просьбу о своихъ изнеможеніяхъ, по которымъ не находятся въ состояніи выбрать депутатовъ изъ своихъ жителей: „городская казна отягощена великими долгами, не изъчего дать на содержаніе депутатовъ и помогать оставшимся ихъ семействамъ“. Жители названныхъ и нѣкоторыхъ другихъ городскихъ поселеній Лифляндской губерніи желали свое полномочіе поручить выбранному отъ рижскаго мѣщанства депутату, каковымъ былъ ратсгеръ Іоганъ Христофъ Шварцъ (В. Н. Латкина „Законодательныя комиссіи въ Россіи въ XVIII столѣтіи“, стр. 213 и 214; Сб. Русскаго Истор. Общества, т. IV, стр. 32). Сенатъ однако рѣшилъ поступить по точной силѣ и разуму манифеста (исторія Соловьева, ibidem). И вотъ, безъ сомнѣнія вслѣдствіе этого рѣшенія, городъ Дерптъ избираетъ и посылаетъ въ Москву своимъ депутатомъ синдика Гадебуша. Гадебушъ, получивъ на поѣздку отъ Дерптскаго мѣщанства 550 рублей (Reisegeld), выѣхалъ изъ Дерпта 12 іюля 1767 года и прибылъ въ Москву 1 августа, получивъ наказъ отъ избирателей уже въ дорогѣ.

Гадебушъ не только не могъ говорить по-русски, но вовсе и не понималъ русской рѣчи, и потому относился совершенно безучастно къ преніямъ, происходившимъ въ большой комиссіи. Онъ могъ въ своемъ дневникѣ отмѣтить только 2 эпизода изъ дѣятельности комиссіи, а именно 2 столкновенія между дворянскими депутатами и представителями низшихъ сословій. Но Гадебушу пришлось работать въ нѣкоторыхъ частныхъ комиссіяхъ. Къ продолженію его депутатской дѣятельности встрѣтилось особое препятствіе: матеріальныя средства его истощились. Кромѣ выданныхъ городомъ 550 р., онъ получалъ изъ казны, наравнѣ съ другими городскими депутатами, 122 р. въ годъ (депутаты отъ дворянства получали въ годъ по 400 р., всѣхъ прочихъ сословій, кромѣ

Библиотека "Руниверс"

городскаго, по 37). Этого оказалось слишкомъ мало, и Гадебушъ просилъ, чтобы городъ, его избравшій, назначилъ ему пособіе, по крайней мѣрѣ, 1200 р. въ годъ. Просьба оказалась безрезультатною (nichts heilsames, nichts zuverlässiges folgete). Поэтому Гадебушъ обратился къ маршалу комиссіи (генералу Бибикову) съ просьбою объ освобожденіи отъ депутатскихъ обязанностей. Слѣдовало съ согласія маршала пріискать достойнаго человѣка, который согласился бы принять эти обязанности на себя, и въ такомъ случаѣ маршалъ испрашивалъ на передачу депутатства согласіе большой комиссіи. Это испрашиваніе имѣло чисто формальное значеніе, такъ какъ изъ массы случаевъ передачи депутатскихъ правъ и обязанностей (на время или навсегда) мы не знаемъ ни одного случая отказа со стороны собранія. Дѣло сводилось въ сущности на согласіе 3-хъ лицъ: стараго депутата, новаго и маршала. Чѣмъ руководствовался маршалъ при дачѣ своего согласія, спрашивалъ ли онъ предварительно чьего-нибудь мнѣнія,—это остается для насъ неизвѣстнымъ. Въ данномъ случаѣ Гадебушъ пріискалъ на свое мѣсто профессора Московскаго университета (den Moskauer Professor) Урсинуса и послѣ формально выраженнаго согласія большой комиссіи (nachdem dieses von der allgemeinen Versammlung genehmigt worden)—въ засѣданіи 6 ноября 1767 года—передалъ Урсинусу депутатскій знакъ (die Deputirten Medaille) и казенное жалованье (von der Krone bezogene Besoldung) и 21 ноября покинулъ Москву (названный журналъ, стр. 150).

Обстоятельный разсказъ Гадебуша, мнѣ кажется, не можетъ вызывать никакихъ сомнѣній относительно соціальнаго положенія его замѣстителя. Полагаю себя въ правѣ перевести слова „Moskauer Professor“ словами „профессоръ Московскаго университета“, такъ какъ не знаю другихъ московскихъ заведеній того времени, въ которыхъ бы могъ профессорствовать Урсинусъ, судя по имени—Яковъ Іоганъ—не принадлежащій къ господствующему вѣроисповѣданію. Къ сожалѣнію, свидѣтельство Гадебуша не можетъ быть подтверждено источниками университетскими. Въ біографическомъ словарѣ профессоровъ Московскаго университета, выпущенномъ по поводу столѣтія университета, имени Урсинуса не встрѣчается. Объяснить это явленіе можно неполнотою архива Московскаго университета, не содержащаго вовсе документовъ о времени, предшествовавшемъ 1813-му году,—всѣ они погибли во время нашествія Наполеона въ 1812 году. Тѣмъ не менѣе разсказъ Гадебуша не допускаетъ сомнѣній. Но только онъ не дастъ никакой возможности рѣшить, какую именно отрасль знанія преподавалъ Урсинусъ. Судя по направленію его мыслей и по тѣмъ познаніямъ, какія об-

Библиотека "Руниверс"

наружены его дѣятельностью въ комиссіи, скорѣе всего предположить, что его спеціальностью было право *публичное* или науки, находящіяся съ публичнымъ правомъ въ ближайшей связи. Обращаю вниманіе на матеріальныя условія, при которыхъ Урсинусъ вступилъ въ составъ комиссіи. Гадебушъ не считалъ возможнымъ обходиться безъ пособія отъ избравшаго его города въ размѣрѣ не меньшемъ 1.200 р. въ годъ. Если Дерптъ отказалъ въ какомъ бы то ни было пособіи своему избраннику, то очевидно никакого пособія отъ него не могъ ждать замѣститель послѣдняго—человѣкъ, ничего общаго съ городомъ не имѣющій. Стало быть матеріальнымъ вознагражденіемъ за дѣятельность въ собраніи Урсинусу оставалось только казенное жалованье городского депутата, какъ выше указано—122 р. въ годъ, т. е. почти $9^1/_4{}^0/_0$ того, что считалъ нужнымъ для себя Гадебушъ (1.200 р. + 122 р.). Разумѣется, мы не знаемъ, не сохранилъ ли Урсинусъ вознагражденіе, которое онъ получалъ по профессорской должности, и какое это было вознагражденіе.

Если Урсинусу было легче содержать себя въ Москвѣ, чѣмъ пріѣзжему изъ Дерпта Гадебушу, то вѣдь черезъ 2 мѣсяца послѣ вступленія Урсинуса комиссія была переведена на новое мѣсто—въ Петербургъ, и этотъ переѣздъ не заставилъ Урсинуса послѣдовать примѣру Гадебуша, т. е. сложить депутатское званіе. Во всякомъ случаѣ не матеріальныя выгоды расположили Урсинуса принять депутатское званіе.

Количественно дѣятельность Урсинуса въ большой комиссіи можетъ быть выражена такъ. По вступленіи Урсинуса, т. е. послѣ 6 ноября 1767 г., большая комиссія имѣла 153 засѣданія—изъ нихъ 20 засѣданій въ Москвѣ и 133 въ Петербургѣ. Изъ этихъ засѣданій въ 2-хъ въ Москвѣ и въ 19 въ Петербургѣ Урсинусъ принималъ активное участіе, представляя свои мнѣнія и замѣчанія или участвуя въ преніяхъ по возбужденнымъ вопросамъ. Всѣхъ рѣчей, имъ произнесенныхъ или прочтенныхъ въ Москвѣ, было 2, а въ Петербургѣ 43. Письменныхъ мнѣній было представлено: въ Москвѣ одно (Сб. Русск. Ист. Общ., т. VIII, стр. 269—273), въ Петербургѣ—5 (Сб. Имп. Русск. Ист. Общ., т. XXXII, I приложеніе, № 40; ibid, т. XXXVI, III приложеніе къ т. XXXII, №№ 9, 14, 25 и 26) [1]).

Обращаюсь къ изложенію того, на что направлялась, и въ чемъ выражалась эта дѣятельность.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) При слѣдующихъ ссылкахъ на томы Сборника Русскаго Историческаго Общества я буду приводить только №№ тома (римскими цифрами) и страницы (арабскими).

Библиотека "Руниверс"

М. И. Драгомировъ, командующій войсками [1]).

(Изъ отрывочныхъ воспоминаній).

Вступивъ въ исправленіе своихъ обязанностей по должности начальника Кіевской мѣстной бригады, генералъ-маіоръ В. А. Воиновъ сразу же началъ объѣздъ всего раіона трехъ губерній, входящихъ въ составъ той бригады.— Приближалось осеннее время, дороги уже должны были начать скоро портиться, надо было торопиться въ подробностяхъ осмотрѣть хоть тѣ уѣзды, по которымъ глубокой осенью проѣздъ уже будетъ невозможенъ. За время съ начала сентября до конца октября, онъ уже набралъ не мало матеріала, который и надо было ему свести въ общій докладъ для представленія командующему войсками.

Генералъ Драгомировъ, хотя и не торопилъ съ докладомъ, но, видимо, очень имъ интересовался; онъ при каждомъ свиданіи съ генераломъ Воиновымъ заводилъ разговоръ объ этомъ предметѣ, касаясь его главнымъ образомъ съ той стороны, чтобы опредѣлить, — не упало ли дѣло въ рукахъ воинскихъ начальниковъ вообще за сравнительно большой промежутокъ времени болѣзни генерала Главацкаго.

— Тѣхъ воинскихъ начальниковъ, которые сильно опустились, представьте мнѣ особо, сказалъ однажды М. И. генералу, мы имъ найдемъ другой родъ дѣятельности, это слишкомъ важная отрасль управленія; въ ней упущеній нельзя терпѣть.

---

[1]) См. „Русская Старина“, февраль 1912 г.

Библиотека "Руниверс"

— Я такъ и приготовился смотрѣть, отвѣтилъ генералъ Воиновъ; у кого дѣло распустилось, примемъ мѣры къ тому, чтобы его подобрать, подтянуть, упущенія сгладимъ, а ужъ если кто-либо, паче ожиданія, окажется совершенно неисправимымъ, того придется подать въ сторону.—Но вотъ о чемъ я собирался представить вашему высокопревосходительству и представляю, пользуясь настоящимъ случаемъ: объѣздъ небольшой части раіона бригады уже показалъ мнѣ, что въ бригадѣ имѣется нѣсколько такихъ воинскихъ начальниковъ, которые въ должности состоятъ давно, въ штабъ-офицерскихъ чинахъ пробыли чуть ли не по четверти столѣтія, дѣло поставили и ведутъ съ такою добросовѣстностью и съ такимъ совершенствомъ, что, просто можно сказать, положеніе у нихъ доходитъ до сверхъестественнаго; при этомъ, несмотря ни на что, они, пока еще, нисколько не устаютъ идти по разъ поднятому ими пути;—что съ ними дѣлать?..

— Да, да, понимаю, сказалъ М. И., закладывая сигару какъ можно удобнѣе въ правый уголъ рта; вы подумываете о поощреніи заслуженныхъ полковниковъ, воинскихъ начальниковъ; дѣло хорошее; представляйте мнѣ и объ самыхъ лучшихъ особо; я вамъ помогу, что-нибудь изобрѣтемъ; — такъ оставлять нельзя, имъ самимъ нудно быть оставленными безъ вниманія, да и другіе,—молодые, видя поощреніе, оказываемое старикамъ, сами лучше станутъ въ дѣло втягиваться; дѣло не послѣднее; этого не надо упускать.

* * *

При одномъ изъ ближайшихъ докладовъ генералъ Воиновъ представилъ подробныя свѣдѣнія, упомянувъ нѣкоторыхъ изъ своихъ подчиненныхъ поименно и въ особенности расхваливалъ постановку всего служебнаго дѣла у полковника С.

— Вотъ, вотъ, сказалъ М. И. Драгомировъ, мнѣ его всегда хвалилъ покойный вашъ предмѣстникъ, онъ не разъ чудеса про него разсказывалъ; возьмемъ его на замѣчаніе и надо постараться его выдвинуть въ первую голову; дайте мнѣ о немъ подробныя справки и свѣдѣнія.—Въ первую же свою поѣздку по округу генералъ Драгомировъ нарочно свернулъ къ полковнику С., нежданно произвелъ ему самый подробный, всесторонній экзаменъ и прямо объявилъ: вы, полковникъ, у меня давно на замѣчаніи; теперь, присмотрѣвшись близко ко всему, что у васъ заведено въ отношеніи порядковъ и образцовыхъ служебныхъ сноровокъ, я представляю ходатайство о назначеніи васъ на должность начальника мѣстной бригады; убѣжденъ, что вы оправдаете довѣріе, оказываемое вашей

Библиотека "Руниверс"

изъ ряду выходящей службѣ.—Дѣлая такое опредѣленное заявленіе, генералъ Драгомировъ имѣлъ въ виду представить къ увольненію отъ должности одного изъ начальниковъ мѣстной бригады въ Кіевскомъ же округѣ съ замѣною его полковникомъ С.

Намѣченный къ увольненію генералъ былъ по возрасту и по годамъ службы старше генерала Драгомирова, а по состоянію своихъ силъ начиналъ, какъ говорилъ М. И., вступать въ ту пору дряхлости, при которой вообще дальнѣйшее оставленіе въ должности не признается возможнымъ.

Зная издавна полезную службу этого генерала и цѣня ее по достоинству, М. И. рѣшилъ разстаться съ нимъ не иначе, какъ, вполнѣ обезпечивъ его въ матеріальномъ отношеніи.

Генералъ скоро узналъ о томъ, что онъ намѣченъ къ увольненію, и что приготовленъ ему преемникъ; поэтому онъ нервничалъ и какъ бы будировалъ. — Ту сторону дѣла, что генералъ Драгомировъ задалъ себѣ задачу прежде всего обставить его съ матеріальной стороны, онъ или не зналъ или знать не хотѣлъ, отдаваясь лишь той мысли, что какое бы то ни было посягательство на увольненіе его отъ службы являлось полнѣйшею и вопіющею несправедливостью.

* * *

Собравшись раннею весной въ Петербургъ, М. И. захватилъ съ собой бумаги для личнаго представленія объ увольненіи генерала и о производствѣ полковника С. въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ на его мѣсто.

Какія мѣры ни принимаются къ тому, чтобы различныя представленія оставались въ секретѣ до окончательнаго разрѣшенія,— никогда въ этомъ успѣха добиться нельзя: всегда, прежде всего изъ представленія, какъ вода, просочится именно то, что должно было бы оставаться скрытымъ. — Поэтому и въ этотъ разъ вышло такъ, что на сколько полковникъ С. горѣлъ нетерпѣніемъ получить повышеніе, на столько же генералъ нервно ожидалъ своей отставки.— Военный министръ, ничего не имѣвшій противъ удовлетворенія обоихъ представленій, затруднялся приведеніемъ въ исполненіе той ихъ части, которою М. И. Драгомировъ ходатайствовалъ о назначеніи аренды представлявшемуся къ увольненію генералу; поэтому онъ предложилъ: уволить его нынѣ же безъ аренды,—тѣмъ самымъ очистить путь для движенія полковника С.—а потомъ, особо возбудить ходатайство объ арендѣ.—М. И. зналъ, что во 1-хъ ходатайство объ арендѣ при данныхъ обстоятельствахъ, трудно было удовлетворить, а во 2-хъ, и безъ этого, хлопоты о назначеніи

Библиотека "Руниверс"

аренды уже уволенному генералу навѣрное канули бы; это вызвало съ его стороны твердую настойчивость, съ которою онъ заявилъ свое условіе,—чтобы увольненіе состоялось лишь тогда, когда удовлетвореніе ходатайства о назначеніи аренды будетъ прочно поставлено и вполнѣ обезпечено.

Что касается назначенія полковника С , то М. И., къ заявленію, сдѣланному имъ, добавилъ свою просьбу,—во вниманіе къ особымъ, выдающимся заслугамъ этого штабъ-офицера, не задерживать его производства и предоставить ему немедленно вакансію хотя бы и въ другомъ округѣ.

Всѣ эти ходатайства получили благопріятное разрѣшеніе: полковникъ С., произведенный въ генералы, получилъ назначеніе на должность начальника мѣстной бригады въ Казанскій военный округъ (кажется, въ Саратовъ), а о назначеніи аренды генералу З.,— по окончаніи необходимой между различными вѣдомствами переписки, рѣшено было представить Государю Императору.

Полковникъ С. нѣкоторое время погрустилъ о томъ, что, при новомъ назначеніи, приходилось ему уходить изъ-подъ начальства М. И. Драгомирова, но затѣмъ собралъ свою семью и, приготовившись къ отправленію на Волгу, остановился на два-три дня въ Кіевѣ, дабы откланяться начальству и сдѣлать кое-какія закупки.

Много толковъ возбудило тогда полное удовлетвореніе ходатайства М. И. относительно генерала З.: мѣсяца черезъ три состоялось его увольненіе, при чемъ, кромѣ пенсіи, ему была высочайше пожалована довольно крупная аренда на двѣнадцать лѣтъ съ обычной, по тогдашнимъ порядкамъ, надеждой на возможность періодическаго возобновленія ея по истеченіи срока; случай этотъ до сихъ поръ остается отмѣченнымъ, какъ небывалый для такой должности.

А. Е. К.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

Отрывочныя воспоминанія изъ прожитой мною жизни на морѣ и на сушѣ [1]).

Во время одного изъ моихъ пребываній съ транспортомъ „Японецъ“ въ Дуэ, мы тамъ застали пароходъ „Америка“, приходившій туда съ адмираломъ Фуругельмомъ. Обходя Дуйскій постъ въ сопровожденіи начальника поста и нѣсколькихъ морскихъ офицеровъ, онъ заходилъ и на маякъ, гдѣ смотритель маяка жаловался на начальника поста, что тотъ ему не даетъ лошади для возки прѣсной воды маячной командѣ.

„Такъ сказать, почему вы не даете лошади смотрителю маяка?“— спросилъ адмиралъ, который имѣлъ привычку въ каждую свою фразу вставлять слова „такъ сказать“.—„Я не обязанъ ему давать лошадь, ваше превосходительство“. — „Такъ сказать, давайте ему лошадь!“ приказалъ Фуругельмъ. Тогда, чтобы точнѣе оформить свою просьбу, смотритель маяка сталъ просить и телѣгу подъ бочку съ водой, т. к. его отношенія къ начальнику поста были очень натянуты, и онъ рисковалъ получить только лошадь, безъ телѣги. Тутъ адмиралъ снова обратился къ начальнику поста со словами: „Такъ сказать, давайте ему и телѣгу!“ — „Ваше превосходительство, у насъ на маякѣ бочки нѣтъ, прикажите также и бочку давать“. На этотъ разъ нашъ адмиралъ уже потерялъ терпѣніе и разсердившись сказалъ: „Такъ сказать, ничего ему не давайте!“. Такимъ образомъ, смотритель маяка остался, какъ въ пушкинской сказкѣ, при старомъ разбитомъ корытѣ.

---

[1]) См. „Русская Старина“ февраль 1912 г.

Библиотека "Руниверс"

Въ южныхъ гаваняхъ былъ однажды такого рода курьезъ: Фуругельмъ, объѣзжая край вмѣстѣ съ генералъ-губернаторомъ Синельниковымъ, предложилъ послѣднему съѣздить въ селеніе Пуцыловку, которое было заселено корейцами. „Да, да, везите меня къ моимъ милымъ корельцамъ“. Будучи не очень высокаго образованія, Синельниковъ повидимому ничѣмъ не отличалъ Кореи отъ Карелiи.

Во время ихъ совмѣстнаго объѣзда края оба ѣхали въ общемъ тарантасѣ, но другъ съ другомъ почти не разговаривали — сидѣли молча, насупившись, точно были между собой въ ссорѣ. Чтобы какъ-нибудь загладить неловкость такого молчанія, Синельниковъ по временамъ ворчалъ на ямщика, а при каждомъ непріятномъ толчкѣ на ухабахъ даже ругалъ его очень непристойными словами. Фуругельмъ, какъ человѣкъ деликатнаго воспитанія, съ трудомъ выдерживалъ такую руготню и однажды, не доѣхавъ $1^1/_2$ версты до какого-то поселка, обратился къ своему попутчику со словами: „Позвольте остановить лошадей, я слѣзу и пойду пѣшкомъ, т. к. вы, ваше превосходительство, такъ сказать, все время ругаетесь, какъ извозчикъ“. Онъ дѣйствительно вылѣзъ изъ экипажа и дальше побрелъ пѣшкомъ.

Въ 1874 году я былъ переведенъ въ Балтійскій флотъ и незадолго передъ отъѣздомъ, какъ-то проѣзжая верхомъ въ окрестностяхъ Посьета, увидѣлъ на дорогѣ много валявшихся труповъ корейцевъ. Надо сказать, что въ то время къ намъ совершалось великое переселеніе корейскаго народа. Это происходило вслѣдствіе голодухи, а также деспотизма корейскихъ правительственныхъ чиновниковъ. Въ группѣ умиравшихъ на дорогѣ съ голоду я замѣтилъ одного четырехлѣтняго мальчика-сироту и, подобравъ его, взялъ съ собой на судно, а потомъ повезъ и въ Россію, чтобы его окрестить въ православную вѣру и воспитать. Позже въ немъ принялъ большое участіе нашъ извѣстный филантропъ и богачъ Пашковъ, который помѣстилъ его въ школу въ своемъ имѣніи. Тамъ у него была масса и другихъ бездомныхъ мальчиковъ, подобранныхъ на улицахъ различныхъ русскихъ городовъ, такъ что мой кореецъ Тутонеми очень скоро выучился говорить по-русски. Мальчикъ по натурѣ своей былъ тупъ и лѣнивъ, а потому въ ученіи не дѣлалъ никакихъ успѣховъ. Черезъ шесть лѣтъ онъ былъ Пашковымъ снова привезенъ въ Петербургъ и отданъ въ выучку къ обойному мастеру Лизере, а затѣмъ вскорѣ окрещенъ священникомъ Петропавловской крѣпости Н. Н. Колоколовымъ, который передалъ мальчику свое имя и фамилію.

Нѣсколько другихъ морскихъ офицеровъ, служившихъ въ Амурской флотиліи, также подобрали по мальчику изъ корейскихъ си-

Библиотека "Руниверс"

ротъ - переселенцевъ и, сколько я помню, всѣ эти подобранныя дѣти оказались дурными и быстро безслѣдно пропадали въ пространствѣ. Изъ нихъ выходили неспособные и вороватые негодяи; это участь всѣхъ азіатовъ желтой расы, сразу не попавшихъ въ очень суровыя руки.

По прибытіи въ Балтику, я плавалъ на корветѣ „Варягъ“, который принадлежалъ къ учебному кадетскому отряду; тамъ я состоялъ въ качествѣ руководителя воспитанниковъ по морскому дѣлу. Къ числу выдающихся молодыхъ людей и впослѣдствіи отличившихся на поприщѣ морской службы, могу указать изъ того выпуска Шеина, Вл. Пароменскаго, Воеводскаго, Дюшена и др.

Послѣ годовой службы здѣсь, я опять попалъ въ Сибирскую флотилію и былъ назначенъ старшимъ адъютантомъ штаба командира Владивостокскаго порта; на эту должность я выѣхалъ на Дальній Востокъ одновременно съ адмираломъ Эрдманомъ. Плаваніе наше до Шанхая было сдѣлано на французскомъ почтовомъ пароходѣ „Messageries Maritimes“, а далѣе, до Владивостока, на ожидавшемъ насъ клиперѣ „Абрекъ“. „Абрекомъ“ командовалъ Ф. С. Шанцъ. Когда мы, слѣдуя во Владивостокъ, уже поравнялись съ Цусимой, задулъ жестокій штормъ отъ N, разведшій огромное крутое волненіе; клиперъ подъ парами едва подвигался впередъ. Это происходило въ декабрѣ, и морозъ доходилъ до—12° R; брызги волнъ моментально замерзали на бортахъ и палубѣ; онѣ нерѣдко попадали и на нижнія реи, такъ что въ случаѣ надобности нельзя было разсчитывать на паруса.

На клиперѣ въ это время находилось и семейство адмирала. Во время шторма на боканцахъ разбило два катера, утлегарь съ кливерами унесло въ море, а проволочный его такелажъ намотался на гребной винтъ. Капитанъ Шанцъ, несмотря на всѣ такія серьезныя обстоятельства, продолжалъ самымъ рѣшительнымъ образомъ держаться противъ вѣтра. Клиперъ уже весь обледенѣлый почти на футъ погрузился ниже и замѣтно сѣлъ на носъ; штуртросъ приходилось безпрестанно поливать горячимъ масломъ; словомъ, по временамъ было очень жутко, и былъ даже моментъ, что адмиралъ пожелалъ повернуть на югъ, но Шанцъ энергично настаивалъ на своемъ рѣшеніи идти впередъ и курса не перемѣнилъ. Когда адмиралъ пригрозилъ ему смѣной за неисполненіе приказанія, то Шанцъ отвѣтилъ, что его могутъ отрѣшить отъ должности во Владивостокѣ, а въ морѣ онъ клипера никому не сдастъ.

Когда мы уже увидѣли на горизонтѣ вершины острова Аскольдъ, то убѣдились, что клиперъ, вопреки расчета, значительно подало впередъ теченіемъ. Подъ берегомъ острова волненіе нѣсколько

Библиотека "Руниверс"

улеглось, и намъ удалось благополучно войти въ бухту Разбойникъ, гдѣ съ корпуса тотчасъ скололи ледъ и по возможности все привели въ порядокъ. Черезъ сутки послѣ этого „Абрекъ“ благополучно добрался и до Владивостока, медленно пробираясь сквозь ледъ, который уже успѣлъ затянуть собой всю бухту. Вмѣстѣ съ этимъ, миролюбиво окончился и конфликтъ между командиромъ и адмираломъ, и все обошлось по хорошему.

По съѣздѣ на берегъ, адмиралъ былъ съ подобающими почестями встрѣченъ мѣстнымъ начальствомъ, въ числѣ котораго находился и отставленный отъ должности психически больной бывшій начальникъ штаба порта кап. 2 ранга Афанасьевъ. Одной изъ странностей его поступковъ было то, что онъ, исправляя временно обязанность командира порта, отдалъ приказъ о ссылкѣ въ каторгу своего помощника адъютанта штаба лейтенанта Мальцова. Когда адмиралъ Эрдманъ уже успѣлъ устроиться въ своей квартирѣ и собирался въ спальнѣ, къ ночи, ложиться спать, къ нему неожиданно вошелъ черезъ кухню Афанасьевъ; остановившись у кровати адмирала, онъ сталъ что-то несвязно лепетать и, напугавъ своимъ появленіемъ всю семью его, снова выбѣжалъ на улицу; при этомъ онъ надѣлъ на себя адмиральскую шинель, вмѣсто своей.

Весной 1876 года меня назначили командиромъ транспорта „Ермакъ“ и отправили въ плаваніе по портамъ Сахалина для доставки провіанта и припасовъ военнаго и гражданскаго вѣдомствъ. Въ началѣ ноября, когда я снова возвратился во Владивостокъ, то получилъ приказаніе отправиться съ транспортомъ въ С.-Франциско, куда передъ этимъ отправились уже семь судовъ эскадры Тихаго океана и Сибирской флотиліи. Эскадрой командовалъ адмиралъ Пузино. Весь переходъ я совершилъ подъ парусами въ 40 сутокъ. Суда наши собрались въ С.-Франциско въ виду предстоявшаго тогда разрыва сношеній съ Англіей. Дипломатія обѣихъ сторонъ однако скоро помирилась, и войны не было, такъ что мы напрасно пробыли въ Калифорніи около 8 мѣсяцевъ.

Въ 1877 году, когда турецкая кампанія была въ полномъ разгарѣ, Владивостокъ долгое время оставался безъ всякой почты—сначала вслѣдствіе обыкновенной осенней распутицы, а потомъ изъза бывшихъ тогда постоянныхъ проливныхъ дождей. Дожди значительно подняли уровень воды въ рѣкахъ и озерахъ, и вся окружная мѣстность очутилась подъ водой; главнымъ образомъ была затоплена вся долина рѣки Мо—отъ Камень-Рыболова до Суйфунскаго водораздѣла.

Какъ-то за обѣдомъ у губернатора (онъ же и командиръ порта)

Библиотека "Руниверс"

я въ присутствіи другихъ приглашенныхъ оффиціальныхъ лицъ позволилъ себѣ высказать неудовольствіе по поводу того, что начальство не принимаетъ никакихъ мѣръ для доставки почты изъ Камень-Рыбалова, гдѣ ея въ то время накопилось уже болѣе 400 пудовъ. Городъ такимъ образомъ болѣе трехъ мѣсяцевъ оставался совершенно отрѣзаннымъ отъ всего міра. Телеграфное сообщеніе Уссурійскаго края было также тогда временно прекращено, вслѣдствіе того, что множество столбовъ отъ разлива рѣкъ повалило на землю, а исправленіе телеграфа было сейчасъ невозможно. Мы рѣшительно не знали, что дѣлалось на театрѣ военныхъ дѣйствій. Казначейство наше также оскудѣло, и служащіе уже два мѣсяца какъ не получали жалованья. Вмѣсто денегъ, офицеры и чиновники временно получали особые размѣнные чеки для покупки предметовъ первой необходимости въ магазинѣ Кунстъ и Альберса.

Разговоръ мой за столомъ вызвалъ неудовольствіе со стороны начальника штаба порта капитана 1 ранга Н., который послѣ обѣда предложилъ адмиралу отправить меня въ Камень-Рыболова за почтой, дабы тѣмъ наказать меня за мою дерзость, выразившуюся въ осужденіи начальства за бездѣйствіе власти; онъ хорошо понималъ, какими лишеніями и неудобствами должно было сопровождаться мое путешествіе въ пору полной распутицы.

На слѣдующій день я получилъ предписаніе отъ адмирала поѣхать за почтой, и съ этой цѣлью мнѣ было предложено набрать изъ моей команды необходимое число людей и въ тотъ же день выступить въ походъ. Выданный мнѣ при этомъ открытый листъ давалъ мнѣ довольно большія полномочія, чтобы самостоятельно распоряжаться въ пути требованіемъ всякихъ необходимыхъ средствъ передвиженія. Въ предписаніи, которое было конечно подписано адмираломъ, я между прочимъ усмотрѣлъ среди текста приписку, сдѣланную рукой начальника штаба: „Въ случаѣ недоставки почты до заморозковъ, всѣ расходы по поѣздкѣ будутъ отнесены на счетъ вашего высокоблагородія“. Само собой разумѣется, что эта приписка, помимо того, что угрожала мнѣ денежнымъ взысканіемъ, еще сильно задѣвала мое самолюбіе; я смотрѣлъ на это, какъ на злостное недоброжелательство ко мнѣ со стороны этого начальника. Выбравъ восемь человѣкъ бравыхъ матросовъ, въ числѣ которыхъ былъ и нашъ боцманъ, я поздно вечеромъ уже тронулся въ путь; кромѣ небольшого количества вина и провизіи, мы захватили съ собой 4 топора, веревокъ и плотничный инструментъ, не забывъ также нагрузить карманы гвоздями различной величины. Не буду вдаваться въ подробности касательно трудности пути и всѣхъ мѣръ, которыя были мною приняты при переправѣ черезъ разлившіяся

Библиотека "Руниверс"

рѣки, а скажу только, что команда моя безукоризненно хорошо выполняла всѣ мои распоряженія, не щадя даже своего здоровья.

Нѣкоторые смотрители почтовыхъ станцій не только не содѣйствовали мнѣ въ достиженіи успѣха, но, напротивъ, всячески тормозили наше дѣло, ссылаясь на свои контракты съ правительственными лицами и утверждая, что они брались перевозить почту и людей только по исправнымъ дорогамъ, а не въ такую ужасную распутицу, когда все рѣшительно покрыто водой и льдомъ. Прибывъ наконецъ въ Камень-Рыболова (въ 250 верстахъ отъ Владивостока), я отправился на почту съ рѣшимостью захватить съ собою только денежную корреспонденцію и въ крайнемъ случаѣ самую послѣднюю почту; это все вмѣстѣ составляетъ 90 пудовъ. При выборкѣ сказанной корреспонденціи, я съ самаго начала встрѣтилъ полное сопротивленіе со стороны почтмейстера, не позволявшаго мнѣ разворачивать баулы. „Берите по нумернику все сплошь, а ворошить я ничего не позволю“, говорилъ онъ мнѣ. При этомъ онъ ссылался на почтовые порядки. Мнѣ же не было никакой возможности брать съ собой всю уйму писемъ, т. к. этого не позволяло состояніе дороги. Предъявивъ ему мой открытый листъ, я его отстранилъ и освободилъ отъ отвѣтственности составленіемъ особаго протокола. На всю выбранную мною корреспонденцію я составилъ подробный списокъ и за моею подписью выдалъ ему отдѣльную копію.

На обратномъ пути во Владивостокъ мы застали всю степь покрытою по верхъ воды тонкимъ слоемъ льда; ледъ этотъ по слабости своей не выдерживалъ тяжести лошадей, и вслѣдствіе этого бѣдныя животныя, безпрестанно проваливаясь, рѣзали себѣ ноги до крови.

На одной станціи смотритель вслѣдствіе распутицы отказался намъ дать поставку и даже запряталъ въ сарай подъ замокъ передки всѣхъ своихъ телѣгъ. Несмотря на мои настоятельныя требованія открыть сарай, онъ упорствовалъ и говорилъ мнѣ грубости, почему я вынужденъ былъ принять противъ него крутыя мѣры. Пришлось его связать и посадить въ отдѣльное помѣщеніе съ угрозой продержать его тамъ, пока не выдастъ передковъ.

Просидѣвъ около двухъ часовъ взаперти, смотритель станціи уступилъ силѣ и согласился открыть сарай, чтобы насъ по-хорошему отпустить въ дальнѣйшій путь.

Наступившіе въ это время морозы и отсутствіе топлива очень давали себя чувствовать на необозримомъ пространствѣ громадной водной степи; люди терпѣли отъ стужи и недостатка теплой пищи, а переходы между тѣмъ были длительные, т. к. почту везли на

Библиотека "Руниверс"

волахъ. Особенное затрудненіе представляли собой переправы черезъ рѣчки.

Добравшись до села Никольскаго, я долженъ былъ спуститься по теченію рѣки Суйфунъ въ Амурскій заливъ и для этой цѣли я у крестьянъ пріобрѣлъ за деньги четыре долбленыхъ *баша*, которые связалъ по-парно, сдѣлавъ поверхъ ихъ досчатую настилку, куда и положилъ почту, тутъ же размѣстившись и съ людьми. На половинѣ пути по заливу меня встрѣтилъ портовый барказъ „Китъ", высланный къ мнѣ на помощь; онъ меня и конвоировалъ до самаго порта.

На городской пристани меня встрѣтила вся мѣстная интеллигенція, среди которой находился и адмиралъ. Когда я вышелъ на берегъ, то изъ присутствовавшихъ отдѣлился Ф. С. Шанцъ, командовавшій тогда клипером „Абрекъ", и подошелъ ко мнѣ, чтобъ меня привѣтствовать и поздравить съ благополучнымъ возвращеніемъ. Онъ меня обнялъ, расцѣловалъ и громко сказалъ, что вполнѣ оцѣниваетъ трудность исполненнаго мною порученія. Предоставляю читателю судить о томъ, какъ сильно былъ разочарованъ въ моемъ успѣхѣ начальникъ штаба, и какъ довольны были тѣ, которымъ выпала радость получить извѣстіе отъ родныхъ и друзей.

Все мое путешествіе до Камень-Рыболова и обратно продолжалось 18 сутокъ.

Сдавъ въ штабѣ всю привезенную почту, я отправился домой и слегъ въ постель, получивъ тифъ; одновременно со мной захворали три человѣка моей команды. Всѣ мы болѣли около мѣсяца, т. к. здоровье наше было сильно расшатано, но тѣмъ не менѣе крѣпкая молодая натура взяла верхъ, и къ Рождеству мы всѣ снова уже были на ногахъ и считались совершенно выздоровѣвшими.

Изъ послѣднихъ газетъ, доставленной мной почты, мы узнали о взятіи нашими войсками Плевны, а также прочли и о другихъ побѣдахъ, вслѣдствіе чего въ городѣ было большое ликованіе; въ церквахъ отслужили молебенъ и адмиралъ произвелъ гарнизону парадъ. За всѣ новости, доставленныя мною, я нѣкоторое время былъ героемъ дня въ городѣ, и многіе непритворно жалѣли меня, пока я хворалъ.

Во время пребыванія транспорта „Японецъ" въ Николаевскѣ, изъ-за нерадивости и упрямства священника госпитальной церкви, произошелъ однажды одинъ весьма непріятный инцидентъ, подробности котораго привожу ниже. Дѣло въ томъ, что командиръ транспорта былъ увѣдомленъ запиской штаба, что на берегу, въ госпиталѣ, скончался одинъ изъ матросовъ его команды, вслѣдствіе чего предлагалось прислать на берегъ земляковъ покойнаго при офицерѣ,

Библиотека "Руниверс"

чтобъ обрядить умершаго и на ночь перенести его въ церковь. Вечеромъ, передъ раздачей коекъ, офицеръ и нѣсколько матросовъ изъ команды транспорта уже были въ госпиталѣ; обрядивъ покойника, нижніе чины понесли его въ гробѣ въ церковь, а офицеръ отправился разыскивать священника, чтобы тотъ открылъ церковь и отслужилъ панихиду. Велико же было его удивленіе, когда священникъ о. Михаилъ сказалъ, что за позднимъ часомъ онъ служить не будетъ и дверей церковныхъ не откроетъ. За позднимъ же часомъ и офицеръ не рѣшился переносить покойника по темнымъ городскимъ улицамъ обратно въ госпиталь и потому рѣшилъ оставить его на церковной паперти на отвѣтственность причта и подъ охрану сторожа; гробъ былъ затѣмъ закрытъ крышкой, и люди удалились для переѣзда на судно.

Утромъ слѣдующаго дня, когда команда снова прибыла къ церкви для погребенія своего товарища, люди съ ужасомъ увидѣли, что крышка гроба была сдвинута въ сторону, а покойникъ лежалъ свѣсившимся за бортъ гроба; одинъ бокъ мертвеца оказался при этомъ выѣденнымъ собаками. Офицеръ сталъ естественно укорять священника за то, что гробъ съ вечера не былъ допущенъ въ церковь и грозилъ довести объ этомъ случаѣ до свѣдѣнія начальства, но о. Михаилъ, испугавшись ожидавшей его за это кары, началъ упрашивать офицера никому не говорить объ этомъ; тотъ въ свою очередь согласился молчать только въ виду того, что и нижніе чины по врожденному русскому человѣку добродушію, упросили его не поднимать изъ-за случившагося никакого дѣла. Такъ это безобразіе, благодаря миролюбивому простодушію нашего простолюдина, осталось безъ непріятной развязки.

Окончивъ уже второе пятилѣтіе моего пребыванія въ Амурской флотиліи, я осенью 1880 года получилъ разрѣшеніе возвратиться въ Петербургъ. Мнѣ было предоставлено слѣдовать домой на лошадяхъ черезъ Сибирь или морскимъ путемъ на иностранномъ почтовомъ пароходѣ. Въ это время на бѣду явились ко мнѣ доброжелатели и совѣтчики, уговорившіе меня отправиться лучше на пароходѣ Добровольнаго флота. Какъ разъ въ это время на Владивостокскомъ рейдѣ разгружался пароходъ „Россія“, и всѣ увѣряли, что на своемъ, русскомъ, родномъ пароходѣ будетъ во всѣхъ отношеніяхъ удобнѣе и пріятнѣе плыть, чѣмъ на иностранномъ. Я по своей душевной простотѣ послушался ихъ и занялъ на „Россіи“ четырехмѣстную каюту; но какъ страшно я послѣ въ этомъ раскаивался! Все плаваніе обратилось въ сплошной рядъ терзаній и лишеній.

„Россіей“ командовалъ кап.-лейт. Алексѣй Орест. Балкъ. Онъ

Библиотека "Руниверс"

по пути заходилъ въ Шанхай за чаемъ, которымъ, въ виду своихъ личныхъ интересовъ, занялъ кромѣ трюмовъ еще цѣлый рядъ каютъ и часть салона 1-го класса. Командиры получали тогда свои грузовые проценты сообразно съ количествомъ перевозимаго груза. Мнѣ съ семействомъ была отведена каюта на лѣвомъ борту, который въ теченіе всего 52 дневнаго плаванія оставался на солнцѣ. Бортъ былъ выкрашенъ въ черный цвѣтъ и вслѣдствіе этого все время накаливался. Несмотря на мои неоднократныя и убѣдительныя просьбы дать мнѣ каюту по правому борту, Балкъ настойчиво отказывалъ, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что чай долженъ находиться въ болѣе прохладномъ помѣщеніи, а что до пассажировъ ему очень мало дѣла. Въ Шанхаѣ я хотѣлъ было пересѣсть на французскій пароходъ, но Балкъ не соглашался возвратить мнѣ проѣздной платы.

Пассажирскія злоключенія состояли изъ слѣдующихъ деталей: весь пароходъ былъ переполненъ огромнымъ количествомъ большихъ крысъ, которыя даже во время общаго обѣда бѣгали подъ столомъ по ногамъ обѣдавшихъ пассажировъ; прѣсную воду для питья давали обыкновенно неостуженной; трубы W. C., примыкавшаго къ столовой, были совершенно испорчены и поэтому издавали сильное зловоніе съ примѣсью запаха карболки, такъ что и вся пища, подававшаяся къ столу, неизбѣжно отдавала карболкой; для умыванія рукъ и лица давали очень мало прѣсной воды, и при томъ она имѣла всегда большую примѣсь минеральнаго масла, чрезъ что противно было умываться. На верхней палубѣ пассажирамъ не разрѣшалось разсаживаться въ креслахъ, т. к. это не гармонировало полувоенной обстановкѣ купеческаго корабля. Клоповъ было во всѣхъ жилыхъ помѣщеніяхъ столько же, сколько на берегахъ морей песку и во всякомъ случаѣ не меньше, чѣмъ ихъ водится на пассажирскихъ пароходахъ Чернаго моря. Каменнаго угля брали въ портахъ обыкновенно съ большимъ запасомъ, такъ что имъ часто заваливалась вся верхняя палуба, и это не давало возможности пассажирамъ свободно двигаться по палубѣ и дышать свободнымъ воздухомъ. Кормили насъ отвратительно, а главное, несвоевременно; послѣднее происходило изъ-за того, что командиръ парохода всегда опаздывалъ къ столу, а безъ него прислуга не смѣла подавать; такія опаздыванія доходили до часа и болѣе. Въ добавокъ ко всему, надо сказать, что Балкъ былъ крайне грубъ въ обращеніи со своими офицерами и съ пассажирами. Вотъ, послѣ этого и разсказывайте другимъ про удобства своего родного парохода. На французскомъ почтовомъ пароходѣ, равно какъ и на всякомъ иностранномъ кораблѣ было бы несравненно больше комфорта, чистоты и порядка. Послѣ

Библиотека "Руниверс"

плаванія на „Россіи“, я закаялся когда-либо впредь пользоваться русскими пассажирскими пароходами, когда можно будетъ плавать на иностранныхъ, и далъ зарокъ всѣмъ совѣтовать дѣлать то же самое.

Добровольный флотъ прежде вообще плохо выполнялъ свои задачи по отношенію къ пассажирамъ. Командиры его пароходовъ играли въ военную дисциплину, самодурствовали и воображали себя царьками, облеченными неограниченною властью, отчего казна терпѣла лишь одни убытки.

Я забылъ сказать, что на послѣднемъ рейсѣ передъ нашимъ плаваніемъ пароходъ „Россія“ доставилъ во Владивостокъ нѣсколько миноносцевъ въ разобранномъ видѣ и довольно значительную воинскую команду и послѣ этого не только не красился, но даже не вымылся; это отчасти и было причиной развода клоповъ и таракановъ.

Б. К. де-Ливронъ.

Библиотека "Руниверс"

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1912 г.

ТОМЪ СТО СОРОКЪ ДЕВЯТЫЙ

ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЪ.

Записки и воспоминанія. СТРАН.

I. Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебнаго дѣятеля. А. Ѳ. Кони . . . . . 3— 30

II. Встрѣча съ И. А. Гончаровымъ. В. Спасской. . . . . 96—104

III. Встрѣчи и столкновенія (Л. Н. Толстой, С. П. Боткинъ, Н. Н. Пыпинъ). Р. И. Сементковскаго. . . . . 105—112

IV. М. И. Драгомировъ, командующій войсками (изъ отрывочныхъ воспоминаній) А. Е. К. . 113—121, 391—400, 659—662

V. Страницы изъ годовъ моей жизни. Анатолія Егорова. . . . . 139—143

VI. Одиннадцать лѣтъ въ театрѣ (изъ воспоминаній артистической жизни Ирины Ивановны Онноре́, бывшей пѣвицы Императорскаго Московскаго театра). И. Онноре́. . . . . 160—172, 316—326

VII. Изъ замѣтокъ стараго ремонтера. Н. А. Попова. . . . . 175—188, 357—364

VIII. Депутатъ отъ Россіи. (Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой). Сообщено Е. С. М. . . . . 206—217

IX. Эпизодъ изъ сербской кооперація. Г. И. Бобрикова. . . . . 296—302

X. Встрѣчи и столкновенія (Е. А. Кожуховъ, М. П. Соловьевъ, М. О. Вольфъ, С. П. Бѣлаевъ). Р. И. Сементковскаго. . . . . 309—315

XI. Отрывочныя воспоминанія изъ прожитой мною жизни на морѣ и на сушѣ. Б. К. де-Ливрона . . . . . 446—454, 663—672

XII. Встрѣчи и столкновенія (В. И. Добровольскій, М. М. Шершевскій, Ф. Ѳ. Павленковъ). Р. И. Сементковскаго . . . . . 491—499

Библиотека "Руниверс"

Изслѣдованія. — Историческіе и біографическіе очерки. — Переписка. — Разсказы. — Матеріалы и замѣтки.

СТРАН.

I. Дневникъ статсъ-секретаря Григорія Ивановича Вилламова. 1807 г. Сообщилъ Н. А. Вилламовъ . . . . . 31— 38
257—269, 455—460

II. Берлинскій Конгрессъ 1878 г. (дневникъ, веденный на мѣстѣ Д. Г. Анучинымъ). Сообщ. А. С. Анучина. . . . . 39— 58
232—255, 461—470

III. Къ исторіи Отечественной войны 1812 г. Послѣдняя попытка Наполеона начать мирные переговоры съ Императоромъ Александромъ во время занятія Москвы французскими войсками. К. Р. . . . . 59— 61

IV. Дневникъ академика В. П. Безобразова. 1886. Сообщила М. В. Безобразова . . . . . 62— 67

V. Письма Г. Р. Державина къ Е. И. Горихвостовой. И. П. Мордвинова . . . . . 68— 72

VI. Изъ дневника русской въ Турціи предъ войной 1877—1878 г. Е. А. Рагозиной. . 73— 86
284—295

VII. Николай Гавриловичъ Чернышевскій (наброски по неизданнымъ матеріаламъ). А. А. Лебедева . . . . . 87— 95, 471—479

VIII. Наполеонъ на островѣ св. Елены. Сообщила В. Тимощукъ. . . . . 122—138, 410—424

IX. Николай Михайловичъ Пржевальскій. П. Козлова. . . . . 144—159
327—350, 569—603

X. Эпизодъ изъ жизни Вел. Кн. Константина Павловича. Сообщ. Д. Атласъ . . . . . 173—174

XI. Письма и рескрипты Императора Павла I фельдмаршалу графу И. П. Салтыкову. Сообщилъ В. П. Федоровъ . . . . . 189—190

XII. Изъ архива князя Л. А. Ухтомскаго. Сообщ. А. В. Жиркевичъ. . . . . 191—205, 365—371

XIII. Народныя пѣсни въ новооткрытыхъ записяхъ Пушкина (къ 75-лѣтію кончины великаго поэта). Н. Лернера. . . . . 218—229

XIV. Монахъ-офицеръ. Сообщ. В. Федоровъ. . 256

XV. Рескриптъ Императора Павла I графу Буксгевдену. Сообщ. В. П. Федоровъ 270

Библиотека "Руниверс"

СТРАН.

XVI. Изъ журнала участника войны 1812 года. Сухонина . . . . . 271—283, 481—490
XVII. Къ 50-ти-лѣтію освобожденія крестьянъ. „Карловское“ имѣніе Вел. Княг. Елены Павловны. Сообщ. профес. Д. А. Карсаковъ. 303—308, 633—651
XVIII. О мѣрахъ по духовному вѣдомству къ сохраненію народнаго спокойствія при обнародованіи въ 1861 г. Положеній о крестьянахъ. Сообщ. Алексѣй Попельницкій . . . 351—356
XIX. Изъ подольской старины. В. Сл. и Ѳ. Ф—ко. . 372—390
XX. Столѣтіе Императорскаго Александровскаго Лицея . . . . . 401—409
XXI. Самодержавіе царевны Софіи Алексѣевны по неизданнымъ документамъ (изъ переписки, возбужденной графомъ Панинымъ). Сообщила Е. Лермонтова . . . . . 425—445, 539—547
XXII. Стихотворенія Крестовскаго. Сообщ. В. А. Алексѣевъ 480
XXIII. Тайный другъ Пушкина. А. С. Слезскинскаго . . . . . 500—508
XXIV. Императоръ Павелъ I и политическая судьба Италіи. Н. Борецкаго-Бергфельдъ. . 509—522
XXV. Къ закрытію масонскихъ ложъ въ Россіи. А. А. Лебедева . . . . . 529—538
XXVI. 16-го мая 1858 г., Н. К—ну. Сообщилъ В. . 548
XXVII. Матеріалы для біографіи и характеристики И. А. Гончарова. А. А. Мазона. . . . . 549—568
XXVIII. Императоръ Александръ II и Франція въ 1870 г. В. Тимощукъ . . . . . 604—617
XXIX. Два политическихъ письма Екатерины II. Владисл. Конопчинскаго . . . . . 618—632
XXX. Яковъ Іоганъ Урсинусъ . . . . . 652—658

Приложенія:

I. Портретъ Н. М. Пржевальскаго (при 1-й книгѣ).
II. Портретъ И. И. Онноре́, въ роли Вани, въ операѣ „Жизнь за Царя“ (тамъ же).
III. Берлинскій конгрессъ 1878 г. (тамъ же).
IV. Вершители судебъ Берлинскаго конгресса: а) кн. Горчаковъ, б) гр. Шуваловъ, в) кн. Бисмаркъ, г) Биконсфильдъ, д) Андраши (при 2-й книгѣ).

Библиотека "Руниверс"

V. Ду-фу-сянъ (выдающійся сановникъ Китая, бывшій въ опалѣ, въ изгнаніи) (тамъ же).

VI. Тильзитское свиданіе (тамъ же).

VII. Лицеисты у Царскосельскаго „грибка“ (тамъ же).

VIII. Портретъ графа Дмитрія Алексѣевича Милютина (при 3-й книгѣ).

IX. Точный рисунокъ червоннаго съ изображеніемъ Государей Царей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича и Царевны Софіи Алексѣевны. 1686—1690 (тамъ же).

X. Ушастый фазанъ (Crossoptilon auritum) (тамъ же).

XI. Животная жизнь въ Сѣверномъ Тибетѣ (тамъ же).

Библіографическій листокъ.

1. „Нашествіе Наполеона“. Отечественная война 1812 г. Вып. I и II (на оберткѣ январьской книги).

2. Библіографическій указатель сочиненій, журнальныхъ статей и замѣтокъ объ А. П. Ермоловѣ, съ приложеніемъ перечня его портретовъ къ 50-лѣтію со дня его кончины. Составилъ Александръ Ермоловъ (тамъ же).

3. И. М. Катаевъ. Къ вопросу о типѣ учебника русской исторіи для средней школы. М. 1911 (тамъ же).

4. „Пиковая дама“ А. С. Пушкина. Редакція Н. О. Лернера. Иллюстраціи Ал. Н. Бенуа. Изд. тов-ва Р. Голике и А. Вильборгъ. Спб. 1911 (тамъ же).

5. Вѣстнихъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества. Вып. I. Харьковъ. 1911 (тамъ же).

6. Общество любителей россійской словесности при Московскомъ университетѣ. 1811—1911. Историческая записка и матеріалы за сто лѣтъ. М. 1911 (тамъ же).

7. Словарь членовъ Общества любителей россійской словесности при Московскомъ университетѣ. 1811—1911. М. 1911 (тамъ же).

8. Н. П. Лихачевъ. Хожденіе Св. Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова. По лицевымъ рукописямъ XV и XVI в.в. Изд. Импер. Общ. любителей древней письменности. Спб. 1911 (тамъ же).

9. М. Н. Смирновъ. Переславль-Залѣсскій. Его прошлое и настоящее. М. 1911 (тамъ же).

10. Вопросы теоріи и психологіи творчества. Т. Ш.—К. Ѳ. Тіандеръ. Очеркъ исторіи театра въ Западной Европѣ и Россіи. Харьковъ. 1911 (тамъ же)

11. Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго общества. Т. 134. Спб. 1911 (на оберткѣ февральской книги).

12. Сочиненія Ю. Ѳ. Самарина. Т. XII. Письма. 1840—1853 г. М. 1911 (тамъ же).

Библиотека "Руниверс"

13. Н. П. Кашинъ. Этюды объ А. Н. Островскомъ. М. 1912 (тамъ же).

14. В. Вальденбергъ. Государственныя идеи Крыжанича. Спб. 1912 (тамъ же).

15. „Русскій Библіофилъ“ 1911 г., № 5. „А. С. Пушкинъ“. (тамъ же).

16. „У Л. Н. Толстого въ послѣдніе годы его жизни“. Дневникъ В. Ѳ. Булгакова. Изд. тов-ва И. Д. Сытина. М. 1911 (тамъ же).

17. Труды слушательницъ Одесскихъ высшихъ женскихъ курсовъ. Т. I, вып. II, подъ ред. проф. И. А. Линниченко. Одесса. 1911 (тамъ же).

18. „Незабвенному В. В. Стасову“. Сборникъ воспоминаній. Спб. (тамъ же).

19. В. О. Ключевскій. Характеристика и воспоминанія. Изд. „Научнаго Слова“. М. 1912 (на оберткѣ мартовской книги).

20. Ѳ. М. Уманецъ. Проконсулъ Кавказа. Историческая монографія. Спб. 1912 (тамъ же).

21. Александръ Бенуа. Путеводитель по картинной галлереѣ Императорскаго Эрмитажа. Спб. Изданіе Общины Св. Евгеніи. Спб. (тамъ же).

22. Г. Т. Сѣверцовъ-Полиновъ. „Царскій духовникъ“ и другіе очерки и разсказы. Рис. С. И. Панова. Изд. тов.-ва „Просвѣщеніе“. Спб. 1912.

23. „Муравейникъ“. Художественно-этнографическій и библіографическій сборникъ. За 1910 г., №№ 1—12, въ двухъ томахъ. Изданіе и редакція А. Е. Бурцева (тамъ же).

24. Левъ Ждановъ. Въ стѣнахъ Варшавы. (Цесаревичъ Константинъ). Историческій романъ-хроника. 1914—1831. Т. I. Издательство „Прометей“ Н. Н. Михайлова. Спб. (тамъ же).

25. А. В. Жиркевичъ. Изъ-за русскаго языка. (Біографія каноника Сенчиковскаго)—„Минская старина“, части I и II. Вильна 1911 (тамъ же).

26. Вас. П. Немировичъ-Данченко. Книга великой любви. Рисунки В. В. Спасскаго. Спб. 1912.—Мужицкая Обитель. Рисунки К. Н. Фридберга. Спб. 1912.—Боевая Голгоѳа. Изданіе 6-ое. Рисунки С. Ф. Плошинскаго. Спб. 1912. Изд. тов-ва „Просвѣщеніе“. (тамъ же).

27. Б. Б. Глинскій. Царскія дѣти и ихъ наставники. Исторические очерки для юношества. Изд. 2-ое. Изд. тов-ва М. О. Вольфъ. Спб. и М. 1911 (тамъ же).

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ.**

Библиотека "Руниверс"

Открыта подписка на 1912 годъ на органъ финансовой и торгово-промышленной жизни.

ФИНАНСОВОЕ ОБОЗРѢНІЕ

(Годъ изданія 3-й). Журналъ выходитъ 2 раза въ мѣсяцъ

при участіи выдающихся авторитетовъ по всѣмъ отраслямъ экономической жизни.

„ФИНАНСОВОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ даетъ въ каждомъ номерѣ рядъ основныхъ статей по различнымъ вопросамъ государственнаго и народнаго хозяйства.

„ФИНАНСОВОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ своевременно даетъ точныя сообщенія о состояніи биржъ и денежныхъ рынковъ главныхъ центровъ Европы и полную картину дѣятельности столичныхъ фондовыхъ и товарныхъ биржъ.

„ФИНАНСОВОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ даетъ подробныя свѣдѣнія о Банковыхъ, Биржевыхъ и Страховыхъ дѣлахъ и Акціонерныхъ Торгово-Промышленныхъ Обществахъ въ Россіи.

„ФИНАНСОВОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ даетъ подробныя свѣдѣнія и отчеты по Нефтяной, Хлопковой, Лѣсной, Сахарной, Горной и Сельско-Хозяйственной промышленностямъ.

„ФИНАНСОВОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ является двухнедѣльнымъ журналомъ, въ которомъ дѣловой міръ найдетъ всѣ необходимыя свѣдѣнія по всѣмъ интересующимъ его вопросамъ.

		На годъ	На 6 мѣс.
Подписная цѣна:	С.-Петербургѣ и въ провинціи . .	8 р.	5 р.
	За границу	10 „	6 „

Контора и редакція: С.-Петербургъ, Невскій, 22.

Объявленія и подписка принимаются въ Редакціи журнала и въ книжныхъ магазинахъ. Подписавшіеся до 1-го января 1912 г. будутъ получать журналъ безплатно въ теченіе настоящаго года.

Редакторъ: *Н. А. Котовичъ.*

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

„Муравейникъ". Художественно-этнографическій и библіографическій сборникъ. За 1910 г, №№ 1—12, въ двухъ томахъ. Изданіе и редакція А. Е. Бурцева.

Въ своемъ сборникѣ, предназначенномъ „для немногихъ", г. Бурцевъ опубликовываетъ всевозможные историческіе, этнографическіе, литературные и художественные матеріалы хранящіеся въ принадлежащемъ издателю богатомъ собраніи. Наибольшую историческую цѣнность представляютъ матеріалы для исторіи русскаго раскола и старообрядчества. Съ художественной стороны интересны прекрасно воспроизведенные рисунки и этюды Арчіони, Рундальцова, Горюшкина-Сорокопудова.

Левъ Ждановъ. Въ стѣнахъ Варшавы. (Цесаревичъ Константинъ). Историческій романъ-хроника. 1814—1831. Томъ I. Издательство „Прометей" Н. Н. Михайлова. Спб.

Авторъ пытается въ беллетристической формѣ изобразить эпоху многолѣтней польской смуты, разрѣшившейся возстаніемъ 1831 г.; на существованіе конституціоннаго польскаго „королевства" онъ справедливо смотритъ какъ на длительную смуту. Романъ еще далеко не конченъ, и полное сужденіе о немъ невозможно, но ясно, что г. Ждановъ напрасно обѣщаетъ „дѣлать открытія" (sic!). Его работа не болѣе, какъ приличная компиляція, составленная по разнымъ историческимъ источникамъ, повѣствующимъ о жизни польскаго общества въ 1814—1831 г.г., о его отношеніяхъ къ Россіи и русской власти и о намѣстникѣ Константинѣ Павловичѣ въ его государственной роли и домашнихъ дѣлахъ. Самъ авторъ заявляетъ, что въ романѣ нѣтъ „общей придуманной интриги". Не видно также самостоятельности во взглядахъ на эпоху и въ обрисовкѣ отдѣльныхъ лицъ, характеры шаблонны, и вообще ни о какихъ „открытіяхъ", историческихъ или психологическихъ, г. Ждановъ мечтать не приходится, но разсказъ его гладокъ, внѣшне-занимателенъ и при всей беллетристической вольности не расходится съ историческою точностью.

А. В. Жиркевичъ. Изъ-за русскаго языка. (Біографія каноника Сенчиковскаго)—„Минская старина", части I и II. Вильна 1911.

Огромный, съ любовью и живымъ сочувствіемъ исполненный трудъ А. В. Жиркевича рисуетъ интересную, полную борьбы жизнь бѣлорусса-народника, ксендза Ф. Е. Сенчиковскаго, ратовавшаго за расположеніе римско-католическаго костела въ родной Бѣлоруссіи и павшаго жертвою и польско-ксендзовской интриги, и равнодушія не сумѣвшихъ поддержать его во-время русскихъ властей, и собственнаго пламеннаго темперамента. Было въ жизни Сенчиковскаго много грѣховъ и ошибокъ, которые онъ искупилъ изгнаніемъ и горькими лишеніями, но право на вниманіе потомства даетъ ему служеніе высокой идеѣ духовнаго освобожденія русскаго народа на окраинѣ отъ чуждыхъ оковъ. Сенчиковскаго при жизни бранили, а больше замалчивали, и г. Жиркевичъ, разсказавъ все, что можно было узнать о немъ, напечатавъ его переписку и множество относящихся къ его дѣятельности документовъ, положительно исторгъ изъ мрака забвенія его имя. Голосъ Сенчиковскаго остался голосомъ вопіющаго въ пустынѣ, но онъ еще не замеръ, и хочется вѣрить, что и враги, и друзья идей, за которыя боролся странный ксендзъ, когда-нибудь поймутъ урокъ, оставленный его дѣятельностью.

Вас. И. Немировичъ-Данченко. Книга великой любви. Рисунки В. В. Спасскаго. Спб. 1912.—**Мужицкая обитель.** Рисунки К. Н. Фридберга. Спб. 1912.—**Боевая Голгоѳа.** Изданіе 6-ое. Рисунки С. Ф. Плошинскаго. Спб. 1912. Изд. тов—ва „Просвѣщеніе".

Авторъ очень хорошо знакомъ всей читающей Россіи, какъ занимательный разсказчикъ, и писательская репутація его установилось давно и прочно. У него всегда примитивны характеры, незамысловата фабула, но онъ умѣетъ рисовать историческія и бытовыя подробности, живо чувствуетъ природу, языкъ его красоченъ. Особенно интересны очерки монашеской жизни на ладожскихъ островахъ („Мужицкая обитель"); они относятся къ концу семидесятыхъ годовъ, но многое въ нихъ еще живо и по сей день, въ томъ числѣ оскорбленія, наносимыя финнами русскимъ монахамъ. „Книга великой любви"—поучительный для юношества сборникъ легендъ и историческихъ разсказовъ. „Боевая Голгоѳа"—рядъ картинъ послѣдней русско-турецкой войны, вышитыхъ по канвѣ простого и несложнаго беллетристическаго замысла. Изданы книги хорошо, стоятъ недорого, но иллюстрированы и скудно и плохо.

Б. Б. Глинскій. Царскія дѣти и ихъ наставники. Историческіе очерки для юношества. Изд. 2-ое. Изд. тов—ва М. О. Вольфъ. Спб. и М. 1912.

Самъ авторъ скромно разсчитывалъ „дать легкое историческое чтеніе нашему юношеству, находящемуся еще на школьной скамьѣ въ средне-учебныхъ заведеніяхъ, какъ пособіе къ тѣмъ курсамъ отечественной исторіи, которые въ этихъ заведеніяхъ проходятся", но на самомъ дѣлѣ значеніе книги гораздо выше, и кругъ ея читателей долженъ быть шире. Хорошимъ языкомъ, безъ лишнихъ подробностей, г. Глинскій разсказываетъ о дѣтскихъ годахъ и воспитаніи русскихъ царскихъ дѣтей отъ Петра Великаго до Александра II, рисуя на фонѣ окружающей бытовой обстановки и семейной жизни ходъ ученія и воспитанія тѣхъ людей, которымъ судьба предназначала оказывать вліяніе на общество съ высоты престола. Въ прекрасно изданной, съ множествомъ портретовъ и иллюстрацій книгѣ г. Глинскаго читатели найдутъ много поучительнаго и полезнаго.

Библиотека "Руниверс"

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1912 г.

СОРОКЪ ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за **12** книгъ, съ исполненными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины", Фонтанка, д. № 18, и въ книжныхъ магазин.: **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. **«Новое Время»**, Невскій, д. 40. **Вольфъ**, Гостиный дворъ, № 18. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

Гг. **иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **«Русская Старина»**, Фонтанка, д. № 18, кв. № 6.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какого-либо № журнала, подписчики должны немедленно же по полученіи слѣдующей книжки присылать въ редакцію заявленіе о неполученіи предыдущей. **По истеченіи же 3-хъ мѣсяцевъ со времени выхода пропавшаго № редакція никакихъ жалобъ не принимаетъ**, т. к. послѣ этого времени почтовому вѣдомству трудно навести справки.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи **„Русскую Старину"** за слѣдующіе годы: 1876, 1877, 1879, 1880 по **8** рублей; 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1911 по **9** рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

„МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ,

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ",

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна 2 р. съ пересылкою.

Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургъ, Б. Подъяческая ул., д. 7.

Редакторъ-издатель **П. Н. Вороновъ.** Тип. т-ва и. ф. „Эл.-тип. Н. Я. Стойковой". Спб. Знаменская, 27.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"